

*ПОСВЯЩАЕТСЯ ВЕТЕРАНАМ
АТОМНОЙ ОТРАСЛИ, РАЗВЕДКИ
И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ОСОБОГО РИСКА МОСКВЫ*

Только струны затронешь –
Словно в юность билет.
Снится остров сокровищ,
Которого нет.

И тогда понимаешь,
Что проходят года,
Что твой верный товарищ
Ушел навсегда.

Где же вы? Где же вы?
Рвусь от боли крича!
Будто ран ножевых
Нахватал сгоряча!

Среди горькой тиши
Не услышать ответ...
На молчаньи лежит
От ушедших след...

Нас надолго не хватит.
Наш маршрут – не длинней.
Будет белая скатерть,
И стаканы на ней.

И рукою уставшей
Пусть хозяин нальет
Всем друзьям опоздавшим,
Всем друзьям опоздавшим,
Всем друзьям опоздавшим
И тем, кто уже не придет...

Отрошенко Э.Л. (1938-2007)

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УНИТАРНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
«ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ» РОСАТОМА**

«Атом будет служить человеку!»
Академик РАН Михайлов В.Н.

Дьяченко А.А.,
доктор исторических наук

**ОПАЛЕННЫЕ
В БОРЬБЕ
ПРИ СОЗДАНИИ
ЯДЕРНОГО ЩИТА
РОДИНЫ**

*Научно-публицистическая
монография*

Под общей редакцией академика РАН Михайлова В.Н.

**МОСКВА
2008**

УДК 621.039
ББК 31.4
Д 93

Книга издана в рамках проекта
«Азбука Чернобыля»
при поддержке РОО Союз «Чернобыль» Москвы
и Комитета общественных связей
Правительства Москвы

Под общей редакцией академика РАН Михайлова В.Н.

Редакционная коллегия:

Турчиняк Ю.В. (зам. председателя редколлегии), **Шевченко А.А.** (зам. председателя редколлегии), **Золотухин Г.Е.** (зам. председателя редколлегии), **Стогов В.В.** (член редколлегии),
Малеев В.Н. (член редколлегии).

Дьяченко А.А.
Д 93 «Опаленные в борьбе при создании ядерного щита Родины» /
Дьяченко А.А., под общ. ред. Михайлова В.Н. – М.: Полиграф-
Сервис, 2008. – 596 с.: цв. илл. – 16 с.

ISBN 978-5-7254-0009-3

Очерки и воспоминания ветеранов атомной отрасли, разведки и подразделений особого риска Москвы. Под общей редакцией академика РАН Михайлова В.Н. В настоящей монографии продолжается публикация результатов научных исследований по созданию атомного оружия в СССР и его испытаниям на полигонах. Конкретизируются и анализируются наиболее ответственные и непредсказуемые этапы в действиях специалистов в сложных и экстремальных условиях. Сделана попытка представить мемуарные воспоминания участников тех знаковых событий, подтвердивших единство и целеустремленность нашего народа при решении крупномасштабных задач в тяжелейших условиях. Монография рассчитана не только на специалистов, научных сотрудников, но и на широкий круг читателей.

УДК 621.039
ББК 31.4

ISBN 978-5-7254-0009-3

© Дьяченко А.А., 2008 год

Более шестидесяти лет отделяет нас от начала работ по созданию ядерного оружия в СССР. Для работ над урановым проектом в ходе второй мировой войны и в послевоенный период потребовалась невиданная для страны дополнительная мобилизация сил и средств. В кратчайшие сроки в стране формировались ОКБ, модернизировались предприятия. Фактически создавалась новая сложнейшая организационно-промышленная система, предназначенная для воплощения в реальность уранового проекта, т.е. для защиты Родины от определенных «миротворцев» Запада. Были направлены необходимые материальные и интеллектуальные ресурсы для решения новой и необычайно сложной проблемы. Сконцентрированы действия разведки на новых задачах. Среди первых были и москвичи.

В монографии представлены фрагменты воспоминаний ветеранов – создателей первой советской атомной бомбы и участников ядерных испытаний.

К сожалению, до настоящего времени комплексная тематика пострадавших от радиации недостаточно освещена в средствах массовой информации. В связи с этим материалы данной монографии послужат определенным вкладом, раскрывающим подвиг советского народа в поддержании национальной безопасности нашей Родины.

Москва, несмотря на все трудности, всегда помнила и помнит о пострадавших от радиации жителях Москвы, проявивших мужество, высокий профессионализм в то, тяжелое для страны, время.

Навсегда останется в наших сердцах память о павших и пострадавших от радиации жителях Москвы. Уверен, что материалы монографии затронут чувства широких слоев общества.

Михайлов В.Н., академик РАН

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателям</i>	8
<i>Введение</i>	9
Глава 1. О СОЗДАНИИ ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ АТОМНОЙ БОМБЫ	15
1.1. Первые практические шаги в развитии атомной энергетики в военных целях. Дьяченко А.А.	15
1.2. Вклад атомной отрасли в создание первой советской атомной бомбы (<i>фрагмент</i>)	18
1.3. Пример И.В.Курчатова. Александров А.П.	19
1.4. Первые годы советского атомного проекта. Первухин М.Г.	22
1.5. Создание научного потенциала атомной промышленности. Круглов А.К.	28
1.6. Ядерное оружие СССР: пришло из Америки или создано самостоятельно? Харитон Ю.Б.	32
1.7. К истории реализации советского атомного проекта. Владимировский С.С.	35
1.8. Генерал-майор ИТС Покровский Г.И. Дьяченко А.А., Седов А.И.	40
1.9. О вкладе разведки в создание первой советской атомной бомбы. Дьяченко А.А.	46
1.10. Совершенно секретная сторона создания первой советской атомной бомбы. Квасников Е.В.	56
1.11. От филиала КБ-11 к Всероссийскому НИИ автоматике. Бриш А.А.	60
1.12. Курчатов «рожал» бомбу, разведка «принимала «роды». Долгополов Н. М.	63
1.13. Еще раз о создателях первой советской атомной бомбы. Дьяченко А.А.	73
1.14. Выдающиеся разведчики нашей страны. (<i>По материалам монографии «Герои атомного проекта»</i>)	78
1.15. Многопрофильный лечебно-оздоровительный Марфинский центральный военно-клинический санаторий. Маев Е.З.	83
Глава 2. КЫШТЫМ	89
2.1. Вместо введения. Авария или катастрофа? Дьяченко А.А.	89

2.2. Создание и становление первого советского ядерного военно-промышленного комплекса «Маяк» (1946-1949) Новиков В.М., Сегершталь Б., Меркин В.И., Попов В.К.	92
2.3. Плутоний для ядерного оружия. Гладышев М.В.	105
2.4. Память. Люди. Жизнь. Гордина В.М.	133
2.5. «Маяк» моей судьбы. Гордина В.М.	144
2.6. Истоки моей судьбы. Громова М.И.	163
2.7. Начало начал. Зотова Е.И.	176
2.8. Как это было... Чумейко А.Г.	180
2.9. Уральский след. Федотов И.С.	181
2.10. Воспоминание инженера-физика. Багин А.И.	186
2.11. Челябинские дни. Яшников А.И.	187
2.12. Мои коллеги «маяковцы». Козлова Е.А.	190
2.13. Участникам ликвидации катастрофы. Степанов В.Я.	204
2.14. Ядерная энергия и цивилизация: грани касания. Малеев В.Н.	208
2.15. Записки иммунолога. Алексеева О.Г.	216
2.16. После 26 апреля 1986 года. Надежина Н.М.	222
2.17. Засекреченный колокол Кыштыма. Прокопенко В.Н.	225
Глава 3. НА СЕМИПАЛАТИНСКОМ ПОЛИГОНЕ	239
3.1. Ядерные испытания СССР. Матущенко А.М.	239
3.2. Воспоминания. Дорофеев Ю.П.	269
3.3. Почти четверть века на полигоне. Зорин Г.Ф.	294
3.4. Тоцкое войсковое учение. Зеленцов С.А.	324
3.5. Семипалатинский полигон. Шмаков М.Л.	329
3.6. Защита от радиации. Развитие и состояние проблемы. Огородников Б.И.	344
3.7. Обнаружение и контроль ядерных взрывов с помощью фильтров Петрянова. Огородников Б.И.	347
3.8. Путевка в жизнь. Казнов В.И.	356
3.9. Оператор заправщика самолетов. Кирьянов Б.Д.	361
3.10. Связист. Тоцкое войсковое учение. Пряхин А.М.	361
3.11. Радист. Ухватов Л.В.	362
3.12. Первые подвижные командные пункты полка и дивизиона. Покровский Л.А.	362
3.13. Медико-биологические исследования на Семипалатинском ядерном полигоне. Василенко И.Я.	370
3.14. Незабываемое. Багаев Ю.П.	384
Глава 4. ЯДЕРНЫЙ ПОЛИГОН В АРКТИКЕ	387
4.1. Вместо предисловия. Михайлов В.Н.	387
4.2. История ядерного оружия флота. Шитиков Е.А.	400
4.3. Почему должен молчать ядерный полигон атомной эры? Михайлов В.Н.	413
4.4. Арктический полигон – колыбель мужественных людей. Золотухин Г.Е.	419
4.5. Арктический полигон. Думик В.П.	441

4.6. От воздушных – к подземным. Золотухин Г.Е.	442
4.7. Участие спецсектора ИХФ АН СССР в создании и проведении испытаний ядерного оружия в период 1946-1963 годов. Адушкин В.В., Гарнов В.В.	443
4.8. Ядерный полигон на Новой Земле. Михайлов В.Н.	452
4.9. Труд испытателей никогда не бывает легким и безопасным. Кауров Г.А.	465
4.10. Воспоминания. Лапинский Игоря Сергеевича.	471
4.11. Валет – вожак новоземельских собак. Ломовцев Е.М.	472
4.12. Штурман-аэрофотосъемщик. Петрухин А.А.	475
Глава 5. АТОМНЫЙ ПОДВОДНЫЙ ФЛОТ СТРАНЫ	477
5.1. У истоков создания атомного подводного флота. Дьяченко А.А.	477
5.2. Создание атомного подводного флота. Букин Д.В.	479
5.3. Первое всплытие АПЛ на Северном полюсе. Дьяченко А.А., Карелов А.В.	483
5.4. Аварии и катастрофы в атомном подводном флоте СССР. Мормуль Н.Г.	491
5.5. Молитва командира. Черкашин Н.	494
5.6. Из истории первого экипажа АПЛ К-19. Богацкий Г.С.	506
5.7. «Хиросим» могло быть сотни. Богацкий Г.С.	518
5.8. «Хиросима» Северного флота. Черкашин Н.	522
5.9. Обращение Генерального директора Мосэнерго. Копсов А.Я. ..	533
5.10. Авария на АПЛ в бухте Чажма. Ситников А.Н.	534
5.11. По следам аварий и катастроф на подводных лодках проекта А-615. Букин Д.В.	535
Глава 6. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВЕТЕРАНОВ АТОМНОЙ ОТРАСЛИ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОСОБОГО РИСКА В РАЗВИТИИ ...	556
6.1. Нас объединила Новая Земля. Михайлов В.Н.	556
6.2. Выступление Председателя СЧМ Грушенкова А.А.	560
6.3. Выступление президента СЧМ Гришина В.Л.	567
6.4. О ходе реализации требований Союза «Чернобыль» России к Правительству и Федеральному Собранию Российской Федерации»	578
Заключение	582
Приложения	583
<i>Приложение 1. Дефиниция терминов, употребляемых в монографии</i>	583
<i>Приложение 2. Список сокращений</i>	587
<i>Приложение 3. Директива Совета национальной безопасности США</i>	590

ВВЕДЕНИЕ

Разработке атомного оружия (АО) и его испытаниям посвящены многие исследования, научные и художественные монографии, статьи, теле- и радиопередачи, кинофильмы и др. Но точку в этой области истории ставить еще рано. Чем дальше от нас уходят первые шаги в неизведанном ранее мировой общественностью направлении, чем больше снимается секретных завес и субъективных ошибок, тем проще исследовать взгляды на те или иные утверждения добросовестных или «зомбированных» ученых, политиков.

В исследованиях по данной проблеме в нашей стране не стихает дискуссия о месте, вкладе атомной отрасли и разведки в создание ядерного оружия (ЯО). Кто из них внес больший вклад? И закономерен ли вообще такой вопрос?

В данной монографии представлен краткий первоначальный анализ, сопоставление вклада этих крупнейших участников разработки ЯО на этапе создания первой советской атомной бомбы (ПСАБ) с комплексных позиций.

Но, по справедливости, в создании атомного оружия участвовала вся страна. Как известно, первым всегда трудней идти по непроторенным дорогам. Пройдут годы, утихнут страстные субъективные защитники вклада отдельных участников этого сложнейшего процесса. Но столь широкомасштабное исследование не входит в рамки настоящей монографии. Это благодатная и ответственная работа принадлежит не одному поколению историков.

Применительно к проблеме создания ядерного оружия (СЯО), да и не только к ней, более точно и правомерно другое рассмотрение и понимание этих сложнейших системных вопросов. Решающее значение при возникновении и анализе таких проблем принадлежит единой суперсистеме, включающей личности и массы, действующей как единое целое, имеющей ярко выраженные цель, задачи, алгоритм их решения, необходимые материальные и людские ресурсы и др.

Таким образом, все задействованные в выполнении атомного проекта – от

руководителей до тружеников отраслей народного хозяйства страны и разведчиков – были «рядовыми» в выполнении обозначенной стратегической цели. И каждый из них выполнял свой долг перед Родиной, свои функциональные обязанности с максимальной эффективностью, что и обеспечило в целом укрощение и освоение атома в заданные сроки и привело к созданию атомного оружия.

Высшее руководство страны еще в начале 40-х годов было уверено в агрессивной сущности союзников по антигитлеровской коалиции.

Развитие политических событий в мире вынудило наше правительство в тяжелое для нашей страны время, в условиях войны, разрухи и голода, принять в 1943 году первые решения об исследовательских, проектных и строительных работах по урановой тематике.

К одному из основных факторов успешного создания ЯО можно отнести своевременное и качественное формирование централизованной структуры в стране на базе многочисленных неподготовленных к решению данной проблемы предприятий народного хозяйства.

Из различных отраслей передаются заводы, конструкторские бюро, НИИ и др. Постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) СССР от 20 августа 1945 года № 9887 сс/оп, подписанного И.В. Сталиным, образованы руководящие органы атомной промышленности: Специальный комитет (СК) при ГКО (председатель – Л.П. Берия); Технический совет при СК (председатель – Б.Л. Ванников); Первое главное управление (ПГУ) при СНК СССР (начальник – Б.Л. Ванников). В 1946 году в СССР был построен первый ядерный реактор в Европе. В апреле 1947 года Совет Министров издает постановление о строительстве в районе г. Семипалатинска ядерного полигона, а уже через два года – 29 августа 1949 года в 4 часа по московскому времени на этом полигоне осуществлен взрыв первой советской атомной бомбы мощностью 22 тыс. тонн (ТНТ). В 1953 году, впервые в мире, в нашей стране испытана термоядерная бомба. А уже в 1954 году запущена в эксплуатацию первая советская АЭС. У истоков создания ЯО находились выдающиеся советские ученые, такие как И.В. Курчатов, Н.А. Доллежал, Ю.Б. Харитон, Г.Н. Флеров, А.Д. Сахаров и др.

Ускоренное экстенсивное развитие ядерной энергетики в дочернобыльский период не могло быть гладким, без аварий и катастроф на объектах атомной промышленности. Осенью 1957 года на комбинате «Маяк» произошла крупная радиационная катастрофа с выбросом радиоактивных веществ в окружающую среду (Жыштымская катастрофа). На АЭС страны возникали пожары и ядерные инциденты. Все аварии на АЭС, в основном, остались вне гласности. Они скрывались и от работников АЭС. Решение сложных технических проблем сопровождалось значительными нарушениями безопасности, особенно на первом этапе. Дозиметрия была несовершенной. Радиационные отходы сбрасывались в открытые водоемы. Персонал предприятий не имел прав связывать заболевания с радиацией и т.п.

К сожалению, последние десятилетия XX века для нашей страны характеризовались замедлением роста производства. Поспешность и недостаточная обоснованность, проявляемые в освоении новых технических достижений, стремление с минимальными затратами получить максимум эффекта (что даже теоретически невозможно) привели к тяжелым авариям и катастрофам техно-

генного характера. В последние годы XX века их число и масштабность неуклонно возрастали. И первое место в этом ряду, конечно, принадлежит катастрофе на Чернобыльской АЭС.

В развитии ядерной энергетики неизбежны чрезвычайные ситуации (ЧС) как природного, так и техногенного характера. Причем они могут носить как эволюционный, так и скачкообразный характер. По масштабности последствий и степени влияния на население и территории Кыштымская и Чернобыльская катастрофы относятся ко второму типу ЧС, т.е. скачкообразному, в объективном процессе ЧС.

Первые и последующие испытания ЯО показали, что XX век принес человечеству не только принципиально новый, фактически неиссякаемый источник энергии, но и поистине разрушительные силы, способные полностью уничтожить цивилизацию. И сегодня определенные «миротворцы» Запада под прикрытием демократических лозунгов ведут кровопролитную войну в Ираке, грозят Ирану военными санкциями, вмешиваются в прогрессивное развитие Беларуси и других стран – «изгоев», не поддерживающих имперские устремления США. Применение агрессорами ЯО или разрушение ими мирных объектов ядерной энергетики таких стран приведет к значительному радиационному загрязнению и территории России.

Однако реально до настоящего времени созданное ЯО послужило основным сдерживающим фактором в развязывании глобальных военных конфликтов. В связи с этим вряд ли процессы развития, модернизации ЯО могут быть приостановлены. Для обеспечения национальной безопасности страны нам необходим не только ядерный щит, но и ядерный паритет между государствами, имеющими ракетно-ядерное оружие. Экономическое развитие России не мыслится без дальнейшего совершенствования ядерной энергетики.

Но этого недостаточно. Ведь СССР перестал существовать не в результате крупномасштабной мировой войны, а из-за внутреннего кризиса и идеологических подрывных действий извне. В качестве примера в приложении 3 настоящей монографии представлена директива Совета безопасности США № 20/1 от 18.8.1948 года – «Цели США в войне против России», раскрывающая оголтелую сущность этого «демократического» государства, с годами усиливающего давление на Россию. Однако военная мощь России, нарастающий авторитет в мировом сообществе не позволят ястребам США осуществить свои варварские планы. Но, чтобы быть справедливым, необходимо отметить определенные успехи США в этом направлении. Как говорили ранее, нашей стране необходимо держать порох сухим, но не поддаваться на провокации.

Одним из факторов сложившейся нестабильности в нашем социалистическом государстве в конце 80-х годов минувшего столетия послужила ядерная энергетика с вышедшим из-под контроля «мирным» атомом. Как известно, Чернобыльская «карта» была умело «разыграна» определенными силами в достижении своих, явно негосударственных интересов. В результате, Чернобыльская катастрофа на весах истории стала одним из немаловажных факторов, приведших к развалу СССР и долговременным страданиям большей части его населения.

Об этом нельзя забывать в настоящее время и в ближайшем будущем развития нашего общества. Надо постоянно помнить, что в случае аварий или катастроф на крупных техногенноопасных предприятиях могут возникнуть

не только значительные социально-экономические, но и долговременные социально-психологические и, что самое опасное, политические последствия, тем более в условиях нарастающей экспансии США.

Катастрофа на ЧАЭС, приведшая к непредсказуемым последствиям для населения и окружающей среды нашей страны, произошла 26 апреля 1986 года. Выброшенные из реактора радиоактивные продукты деления, частицы ядерного топлива воздушными потоками разносились на тысячи километров и нарушили мирную жизнь более 4 млн. человек. По мощности взрыв на 4 энергоблоке ЧАЭС эквивалентен 500-м атомным бомбам, сброшенным в Японии на Нагасаки и Хиросиму в августе 1945 года.

Чернобыльская катастрофа как величайшая техногенная катастрофа XX века наглядно подтвердила разрушительные возможности технического потенциала «мирных» производств. Искореженные конструкции реактора 4 энергоблока, графитовые стержни, мощность доз в радиационных полях в тысячи и десятки тысяч рентген в час, выброс в атмосферу радиоактивности миллионами кюри в сутки, оставшееся ядерное топливо в разрушенном реакторе – эти и другие объективные и субъективные факторы значительно затрудняли работу специалистов, призванных разработать единственно эффективный алгоритм локализации катастрофы и ликвидации ее последствий.

Структурно монография состоит из шести глав.

В первой главе на основе отдельных фактов фрагментарно представлен наиболее трудный период создания ЯО в стране, а именно теоретическая и практическая разработка ПСАБ, начиная с создания научного потенциала, структуры атомной отрасли. В главе также кратко проанализирован вклад разведчиков, отражено их мужество, самоотверженность и бескорыстие при выполнении специальных заданий Родины.

Вторая глава раскрывает вклад ветеранов атомной отрасли, военнослужащих в строительство промышленности на примере комбината «Маяк», обеспечивающих получение необходимых элементов создания ЯО.

В третью главу включены очерки, освещающие беспримерный подвиг военнослужащих, специалистов атомной промышленности в создании Семипалатинского полигона и проведение испытаний ЯО.

Четвертая глава содержит статьи, очерки, показывающие трудности и беспримерный подвиг создателей Арктического полигона и испытателей современного оружия в суровых условиях Новой Земли.

Пятая глава кратко знакомит с «рождением» атомного подводного морского флота, трудностями эксплуатации атомных кораблей с ядерными реакторами, мужеством и беспримерной стойкостью моряков при ликвидации аварий и катастроф на АПЛ.

Шестая глава посвящена общественным организациям ветеранов атомной отрасли и подразделений особого риска. Раскрываются их нужды и перспективы развития.

Основы содержания монографии включают статьи и очерки, подготовленные для данной работы. Вместе с тем, в книгу включены фрагменты выступлений авторов на конференциях, ранее опубликованные материалы и др.

Замысел монографии, ее содержание, подбор авторов, их ориентация, анализ и корректировка (*при необходимости*) и сопровождение разработки материалов выполнены руководителем авторского коллектива.

Автор приносит благодарность:

Обухову В.В. за исполнение на компьютере иллюстраций для монографии;

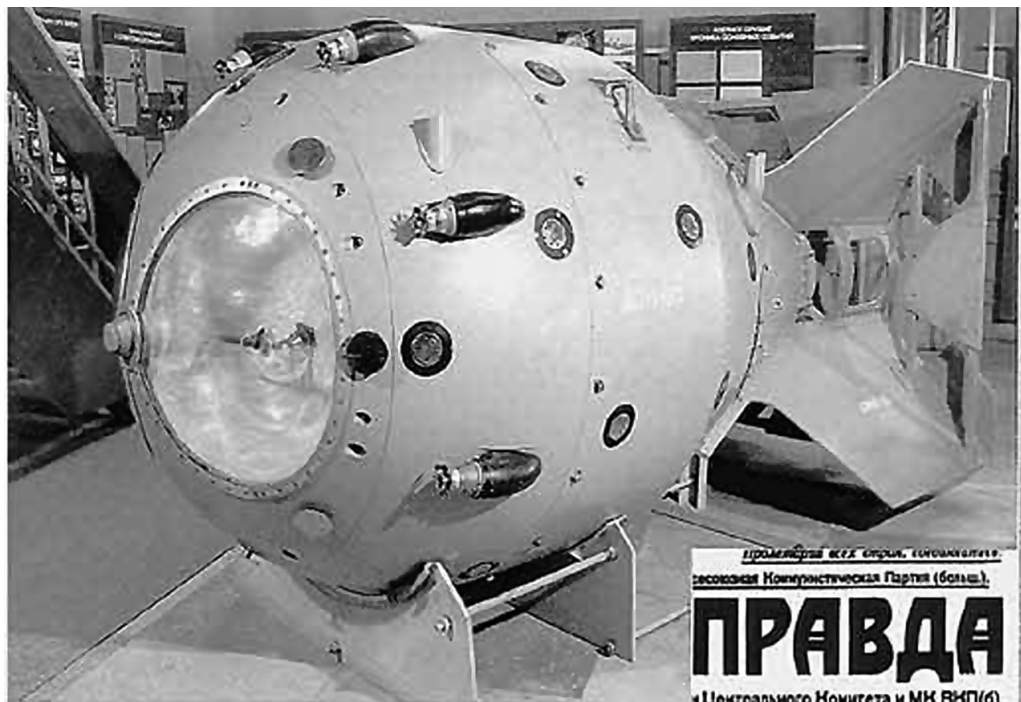
чернобыльцам районной организации «Союза Чернобыль» Выхино-Жулебино за написание отдельных статей, в частности Бондаренко Г.А. (1939-2007 гг.), Бородкину А.М., Дедковскому Н.П., Валиулину Ш.Ф.;

сотруднице ФГУП «ИСС» Пискаревой В.Р. за техническую подготовку рукописи;

руководителю организации ветеранов подразделений особого риска Юго-Восточного округа Москвы Мазину Л.А. – за участие в подготовке рукописи.

Особая благодарность президенту Союза «Чернобыль» Москвы Грушенкову А.А. за помощь в издании монографии.

Низко кланяемся друзьям и коллегам, чьи добрые советы значительно улучшили качество книги, а также коллективам издательства и типографии.

Первая советская атомная бомба РДС-1

Взрыв атомной бомбы РДС-1 на Семивалтинском плато 29 августа 1949 года

ПРОГРАММА ВКЛЮЧАЕТ: **Советская Коммунистическая Партия (больш.)**

ПРАВДА

Центрального Комитета и МК ВКП(б)

23 СЕНТЯБРЬ 1949 г., № 238 (11117)

Сообщение ТАСС

23 сентября 1949 года СССР объявил, что успешно испытала свою первую атомную бомбу. Это событие имеет огромное значение для мировой истории. Советский Союз стал вторым в мире государством, обладающим ядерным оружием. Это достижение является результатом многолетних усилий советских ученых и инженеров. Советское правительство заявляет, что оно не имеет намерения использовать свое ядерное оружие в качестве средства устрашения или агрессии. Советский Союз призывает к прекращению гонимости и дискриминации в отношении стран, обладающих ядерным оружием. Советский Союз готов к переговорам о запрете ядерного оружия, если эти переговоры будут проводиться на справедливой и равноправной основе.

Сообщение ТАСС от 23 сентября 1949 года

STATEMENT BY THE PRESIDENT ON ANNOUNCING THE FIRST ATOMIC EXPLOSION IN THE USSR 23 SEPTEMBER 1949

I believe the American people, to the fullest extent consistent with national security, are entitled to be informed of all developments in the field of atomic energy. That is my reason for making public the following information:

We have evidence that within recent weeks an atomic explosion occurred in the USSR.

Ever since atomic energy was first released by man, the eventual development of this new force by other nations was to be expected. This probability has always been taken into account by us.

Nearly four years ago, I pointed out that "Scientific opinion appears to be practically unanimous that the essential theoretical knowledge upon which the discovery is based

is already widely known. There is also substantial agreement that foreign research can come ahead of our present theoretical knowledge in time." And, in the Three-Nation Declaration of the President of the United States and the Prime Ministers of the United Kingdom and of Canada, dated November 15, 1945, it was emphasized that no single nation could in fact have a monopoly of atomic weapons.

This recent development emphasizes once again, if indeed such emphasis were needed, the necessity for that truly effective and enforceable international control of atomic energy which this Government and the large majority of the members of the United Nations support.

Заявление Президента США от 23 сентября относительно испытания атомной бомбы в СССР

ГЛАВА 1

О СОЗДАНИИ ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ АТОМНОЙ БОМБЫ

□ 1.1. ПЕРВЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ШАГИ В РАЗВИТИИ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В ВОЕННЫХ ЦЕЛЯХ

Дьяченко А.А.

*Доктор исторических наук, полковник в отставке,
член Союза писателей СССР, России,*

*действительный член АВН, участник ликвидации последствий
катастрофы на ЧАЭС в 1986, 1987 годах.*

Более 60-ти лет прошло после подписания руководством страны документов о создании атомной отрасли. За этот период страна стала великой ядерной державой. Не померкнет в веках вклад И.В. Курчатова, Е.П. Славского, А.Ф. Иоффе, Ю.Б. Харитона, Н.Н. Семенова, А.П. Александрова, И.Е. Тамма, Л.А. Ландау, М.В. Келдыша, А.Д. Сахарова, Г.Н. Флерова, Я.Б. Зельдовича, Б.Н. Ласкорина, Н.А. Доллежала и др. в это святое для нашей Родины дело.

Но фактически, значительно ранее создавались и эффективно функционировали НИИ, предприятия, ведомства, участвовавшие в зарождении могущественной отрасли и приступившие к созданию атомного щита Родины.

Краткому исследованию в данном параграфе посвящен именно первый этап, первые шаги специалистов – атомщиков, как их впоследствии назовут. Как известно, первым всегда трудней и опасней, если вспомнить те тяжелые годы развития и укрепления нашего социалистического государства.

В ходе работы в данном направлении были исследованы такие фундаментальные, объективно отражающие процесс создания ядерного щита Родины

труды, как «Атомный проект СССР», книги А.К. Круглова «Как создавалась атомная промышленность в СССР» и «Штаб Атомпрома», «История атомного проекта», «Атомная отрасль России», «Герои атомного проекта», «Создание первой советской ядерной бомбы», «Юлий Борисович Харитон: Путь длиною в век», «Метафизика жизни» и др. Кроме этого, были проанализированы документы и материалы различных организаций, работы и статьи как наших, так и зарубежных авторов.

Однако известны труды, отражающие неточности, ошибки, преувеличение заслуг отдельных участников сложнейшего периода создания щита нашей Родины.

Проделанная работа показала, что многое, особенно на первом этапе создания атомной отрасли, еще недостаточно раскрыто и нуждается в дальнейшем анализе и изучении. Нет сопоставимой, комплексной оценки вклада всех отраслей и ведомств страны, участвовавших в реализации проекта. Пока преобладают, в основном, ведомственный анализ и частичные оценки выполненных работ в СЯО. В исследованиях еще много не сказано и, особенно, о вкладе многомиллионной армии тружеников, участвовавших в этом процессе.

Надеюсь, что дальнейшие работы позволят полнее раскрыть вклад граждан нашей страны в создании ядерного щита нашей Родины. Известно, что «... эти огромные достижения были итогом труда сотен тысяч тружеников отрасли (и не только отрасли – от авт.), отдавших все свои силы, знания, умение и опыт (а порою и жизнь – от авт.) для решения задач, поставленных государством» /1.1. Герои атомного проекта/.

В сентябре 1943 года принимаются первые решения о проектных, строительных и исследовательских работах по урановой тематике. Из различных отраслей передаются заводы, конструкторские бюро, НИИ и др.

Постановлением Государственного Комитета Оборона (ГКО) СССР от 20 августа 1945 года № 9887 сс/оп, подписанного И.В. Сталиным, образованы руководящие органы атомной промышленности: Специальный комитет (СК) при ГКО (председатель – Л.П. Берия); Технический совет при СК (председатель – Б.Л. Ванников); Первое главное управление (ПГУ) при СНК СССР (начальник – Б.Л. Ванников). В 1946 году в СССР был построен первый ядерный реактор в Европе. В апреле 1947 года Совет Министров издает постановление о строительстве в районе г. Семипалатинска ядерного полигона, а уже через два года – 29 августа 1949 года в 7 часов по местному времени на этом полигоне осуществлен взрыв первой советской атомной бомбы мощностью 22 тыс. тонн (ТНТ). В 1953 году впервые в мире в нашей стране испытана термоядерная бомба. А уже в 1954 году запущена в эксплуатацию первая советская АЭС. У истоков создания ядерного оружия находились выдающиеся советские ученые.

Первые и последующие испытания ЯО показали, что XX век принес человечеству не только принципиально новый, фактически неиссякаемый источник энергии, но и поистине разрушительные силы, способные полностью уничтожить цивилизацию. И сегодня определенные «миротворцы» Запада под прикрытием демократических лозунгов ведут кровопролитную войну в Ираке, грозят военными санкциями Ирану, вмешиваются в прогрессивное развитие Беларуси и других стран – «изгоев», не поддерживающих имперские устремления США.

Известно, что в вопросах применения энергии атома урана в военных целях в конце 30-х годов XX столетия значительных успехов добились немец-

кие ученые в Германии. Об этих достижениях стало известно ученым основных капиталистических стран, в том числе и в США. Они понимали опасность появления нового оружия и убедили выдающегося ученого, создателя теории относительности А. Эйнштейна обратиться к Ф. Рузвельту с предложением развития в США исследований в данном направлении.

Такое письмо было направлено *2 августа 1939 года* президенту США Ф. Рузвельту А. Эйнштейном, кстати, пацифистом.

В письме, наряду с другой информацией, отмечалось «...что уран в ближайшем будущем может быть превращен в новый и важный источник энергии. А это будет способствовать созданию... исключительно мощных бомб нового типа...» / Созд. перв. Сов. Ат. Бом./.

«Ф. Рузвельт, отправляя ответ А. Эйнштейну, дал указание о создании Консультативного комитета по урану. Но решение о крупномасштабном развертывании программы создания ЯО было принято только *в октябре 1941 года* (фактически через два года после обращения А. Эйнштейна – от авт.), после получения сведений о работе англичан в этом направлении» /Созд. перв.../.

Практические разработки атомного оружия в США были начаты после объявления войны Германии, Японии и Италии с созданием специального (Манхеттенского) округа инженерных войск в Лос-Аламосе (август 1942 года). Руководитель Манхеттенского проекта – генерал Л. Гровс, научный руководитель – Ю. Оппенгеймер.

22 июня 1941 года фашистская армада в составе 153 сухопутных дивизий, 3712 танков и артиллерийских установок, 4950 самолетов внезапно напала на нашу страну /Очерки/.

30 июня 1941 года был создан Государственный Комитет Оборона СССР (ГКО), в состав которого вошли И.В. Сталин (председатель), В.М. Молотов (зам. председателя), К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков, Л.П. Берия. В 1942 году в ГКО введены Н.А. Вознесенский, Л.М. Каганович и А.И. Микоян. В 1944 году К.Е. Ворошилова сменил Н.А. Булганин. ГКО был упразднен Указом Президиума Верховного Совета СССР 4 сентября 1945 года. За годы войны был принят 9971 директивный документ ГКО. Постановления ГКО имели силу законов военного времени и были обязательны для всех государственных, партийных, хозяйственных органов, общественных организаций. Все постановления и распоряжения были нацелены на конечный результат, давали конкретные задания, порой до мельчайшей детализации, особенно в приложениях.

В июле 1941 года в Москве создана Комиссия по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии – руководитель академик А.Е. Ферсман.

Вероломное нападение фашистской Германии на СССР привело к фактической остановке исследований по урановой тематике в нашей стране, так как все интеллектуальные и материальные силы, в том числе и ведущие специалисты по ядерной физике, были направлены на защиту страны от вероломного нападения врага.

В их числе оказались А.П. Александров, И.В. Курчатов и др. Многие из этих специалистов, находясь в рядах Красной Армии, продолжали следить за новыми работами зарубежных ученых по атомной тематике.

К ним, с полной ответственностью, можно отнести Г.Н. Флерова. Так, он обнаружил, что *с осени 1941 года* основные зарубежные научные источники прекратили публикацию материалов по урановой тематике. В связи с этим он

«забросал» письмами многих видных ученых физиков. Он написал об этом И.В. Курчатову, в Академию наук, в Комитет по высшей школе С.В. Кафтанову, А.Ф. Иоффе и др. Не добившись успеха, в *середине 1942 года* Г.Н. Флеров обратился к И.В. Сталину. Он просил не откладывать решение урановой проблемы до окончания войны. Предложил созвать совещание академиков и разрешить ему выступить на этом совещании.

Вполне естественно, что внимание руководства страны к урановой проблеме было вызвано не только обращением Г.Н. Флерова. Так, в *марте 1942 года* Л.П. Берия подготовил для ГКО письмо, адресованное И.В. Сталину, (а отправил в октябре 1942 года – от авт.). В нем представлены выводы о том, что «Верховное военное командование Англии считает принципиально решенным вопрос практического использования атомной энергии урана-235 для военных целей» /Очерки/. Предлагается проработать вопрос о создании Научно-совещательного органа при ГКО СССР из авторитетных лиц для координирования «...всех ученых, НИИ, занимающихся вопросами ядерной энергии».

И только в *ноябре 1942 года* принимается решение о добыче урановой руды в Таджикистане.

О достижениях и трудностях первого периода решения урановой проблемы представлено ниже в статьях М.Г. Первухина, А.К. Круглова, А.П. Александрова, Ю.Б. Харитона и др.

□ 1.2. ВКЛАД АТОМНОЙ ОТРАСЛИ В СОЗДАНИЕ ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ АТОМНОЙ БОМБЫ (фрагмент)

Как известно, *30 июня 1941 года*, сразу после начала Великой Отечественной Войны, был создан ГКО СССР.

Постановления ГКО имели силу законов военного времени и были обязательными для всех государственных, партийных, хозяйственных органов, общественных организаций. Все постановления и распоряжения были нацелены на конечный результат, давали конкретные задания, порой до мельчайшей детализации, особенно в приложениях.

В *июле* в Москве создана Комиссия по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии – руководитель академик А.Е. Ферсман.

Более 60-ти лет прошло после подписания руководством страны документов о создании атомной отрасли. За этот период страна стала великой ядерной державой. Не померкнет в веках вклад в это святое для нашей Родины дело И.В. Курчатова, Е.П. Славского, А.Ф. Иоффе, Ю.Б. Харитона, Н.Н. Семенова, А.П. Александрова, И.Е. Тамма, Л.А. Ландау, М.В. Келдыша, А.Д. Сахарова, Г.Н. Флерова, Я.Б. Зельдовича, Б.Н. Ласкорина и многих, многих других.

Уже в *сентябре 1943 года* принимаются первые решения о проектных, строительных и исследовательских работах по урановой тематике. Из различных отраслей передаются заводы, конструкторские бюро, НИИ и др. Постановлением ГКО СССР от 20 августа 1945 года № 9887 сс/оп, подписанного И.В. Сталиным, образованы руководящие органы атомной промышленности: Специальный

комитет (СК) при ГКО (председатель – Л.П. Берия); Технический совет при СК (председатель – Б.Л. Ванников); Первое главное управление (ПГУ) при СНК СССР (начальник – Б.Л. Ванников). В 1946 году в СССР был построен первый ядерный реактор в Европе. В апреле 1947 года Совет Министров издает постановление о строительстве в районе г. Семипалатинска ядерного полигона, а уже через два года – 29 августа 1949 года в 4 часа по московскому времени на этом полигоне осуществлен взрыв первой советской атомной бомбы мощностью 22 тыс. тонн (ТНТ). В 1953 году впервые в мире в нашей стране испытана термоядерная бомба. А уже в 1954 году запущена в эксплуатацию первая советская АЭС. У истоков создания ядерного оружия находились выдающиеся советские ученые, такие как И.В. Курчатов, Н.А. Доллежал, Ю.Б. Харитон, Г.Н. Флеров, А.Д. Сахаров и др.

□ 1.3. ПРИМЕР И.В. КУРЧАТОВА

*Александров А.П. (1903-1994).
Академик, Президент АН СССР (1975-1986)*

«**Я**счастлив, что родился в России и посвятил свою жизнь атомной науке великой Страны Советов. Я глубоко верю и твердо знаю, что наш народ, наше правительство только благу человечества отдадут достижения этой науки». Эти слова Игоря Васильевича Курчатова лучше всего выражают смысл и главное содержание его деятельности.

Академик Курчатов прожил замечательную жизнь, он внес огромный вклад в решение грандиозной задачи современности – использования атомной энергии для обороны страны и в интересах мира и созидания.

И.В. Курчатов родился 12 января 1903 года в семье землемера. В 1923 году окончил Крымский университет. С 1925 года начал работать в Ленинградском физико-техническом институте под руководством академика А.Ф. Иоффе.

После открытия нейтрона резко возрос интерес к ядерной физике, и в 1932 году И.В. Курчатов переключает руководимую им лабораторию на исследования в этой области. Игорь Васильевич был одним из пионеров науки об атомном ядре в нашей стране. Хотя многие видные ученые в то время считали, что эти работы не будут иметь практического значения, Курчатов очень энергично занимался новой областью. В 1935 году он открыл весьма важное явление ядерной изометрии. В 1940 году под его руководством Г.Н. Флеров и К.А. Петржак выполнили исследования, которые привели к замечательному открытию самопроизвольного деления ядер урана.

Вспоминая те далекие годы, отчетливо представляешь себе огромную роль, которую сыграл И.В. Курчатов в развитии ядерной физики и как выдающийся ученый, и как необычайно талантливый организатор. Он обладал удивительным и редким даром объединения людей. Игоря Васильевича в шутку называли «генералом», потому что он вокруг каждой важной задачи умел сколотить большой коллектив. Это была отличительная черта его характера. Он был необычайно собран и любое дело, как научное, так и общественное, выполнял в полную мощь, добросовестно и внимательно. Увлеченность, целеустремленность и

организованность, умение найти каждому из коллег дело по плечу, заинтересовать его и в то же время побудить трудиться в полную силу сразу определили место Курчатова в организации исследований по ядерной физике.

После того как осенью 1938 года было открыто деление ядра урана под действием нейтронов, стало очевидным, что в принципе возможно осуществление самоподдерживающейся ядерной цепной реакции с выделением колоссальной энергии. Обрисовались необычайные трудности практического решения задачи.

У советских физиков уже весной 1939 года было ясное понимание значения проблемы, и ряд выполненных теоретических и экспериментальных работ позволил И.В. Курчатову поставить вопрос о возможном военном значении исследований по делению урана и о необходимости их быстрее развития.

Вскоре началась Великая Отечественная война. Значительная часть научных работников была в армии или переключилась на выполнение военных заданий. В частности, И.В. Курчатов сосредоточился на противоминной защите кораблей. В фашистской Германии тем временем развивались исследования по урановой проблеме. Стало также известно, что США в обстановке строжайшей секретности создают атомное оружие.

11 февраля 1943 года И.В. Курчатов был назначен научным руководителем урановой проблемы. Игорь Васильевич в начале 1943 года приступает к организации нового научного учреждения – Лаборатории № 2 АН СССР (ныне Институт атомной энергии имени И.В. Курчатова). Работы сразу же развернулись широким фронтом.

Летом 1945 года поступили сведения об испытаниях в США атомной бомбы, о ее ужасающей разрушительной силе. За этим последовали взрывы в Хиросиме и Нагасаки. Началась «холодная война» против СССР. США, используя свою ядерную монополию, угрожали Советскому Союзу. Стало очевидным, что необходимо уничтожить монополию США на ЯО.

Это сознание было главной движущей силой дальнейшего развития работ. Центральный комитет партии и Советское правительство широко поддерживали их, оказали всю необходимую помощь.

Масштаб же задачи был потрясающий. Геологам нужно было обнаружить месторождения урана, горнякам – наладить его добычу и извлечение из руд, химикам и металлургам – освоить химию урана, получить и исследовать этот металл. Следовало развить производство сверхчистого графита, разработать методы анализа различных веществ, создать производство и технологию разделения изотопов урана, выделения плутония. Наконец, было необходимо познать законы цепной реакции взрыва ядерного оружия. И все предстояло сделать в стране, только что пережившей тяжелейшую в мировой истории войну.

Не существовало более подходящего человека на роль научного руководителя разработки урановой проблемы, чем И.В. Курчатов. Он был не только величайшим авторитетом в науке и талантливым организатором, блестящим экспериментатором, но и удивительно доброжелательным человеком. С ним всем было радостно работать.

25 декабря 1946 года И.В. Курчатов с сотрудниками в Лаборатории № 2 впервые на континенте Европы и Азии осуществили в первом уран-графитовом реакторе управляемую цепную реакцию деления урана.

Значение пуска того первого реактора трудно переоценить. Были разработаны принципы и создано оборудование для контроля цепной реакции. На нем

было получено достаточное количество – несколько десятков микрограммов, плутония. Это дало возможность радиохимикам практически создать химию плутония и спроектировать предприятие для его извлечения. Metallурги выделили металлический плутоний, определили его свойства и развили металлургию плутония.

Так из атомной науки начала рождаться атомная промышленность Страны Советов.

Решение урановой проблемы играло громадную роль, и задачи эти с успехом решались специально созданным правительственным органом, который в разное время возглавляли Б.Л. Ванников, А.П. Завенягин, В.А. Малышев, М.Г. Первухин, Е.П. Славский. Вместе с ними И.В. Курчатов как научный руководитель проблемы определял очередные задачи, и дело огромного масштаба шло невиданными темпами. 29 августа 1949 года под руководством И.В. Курчатова было проведено успешное испытание атомной бомбы.

Все возрастающая мощность атомных бомб, развитие теории взрыва, подробное изучение происходящих при взрыве явлений дали возможность физикам-теоретикам обосновать идею термоядерного оружия. Для создания его нужно было решить ряд сложных технических задач. Накопленный опыт помог сделать это в сравнительно короткий срок. Сложнейшие расчеты были закончены, и 12 августа 1953 года под руководством И.В. Курчатова состоялось первое испытание нового грозного оружия. Задание партии было выполнено – был создан атомный щит нашей Родины. Нападение на нее стало равносильно самоубийству.

Выступая с трибуны сессии Верховного Совета СССР, депутат И.В. Курчатов заявил: «Нужно превратить атомную энергию из орудия разрушения, каким она может стать, в могучий источник энергии, несущий благосостояние и радость всем людям на Земле».

Одним из таких источников стали атомные электростанции. 27 июня 1954 года в Обнинске была пущена первая в мире атомная электростанция, проектирование и строительство которой велись под научным руководством И.В. Курчатова. Тогда многие энергетики смеялись над «игрушкой физиков», даже некоторые участники разработок считали дело бесперспективным. Однако Игорь Васильевич твердо верил в будущее атомной энергетики. Задумывались Нововоронежская АЭС с водяным корпусным реактором и Белоярская АЭС – с каналным уран-графитовым. Реакторы этих двух типов, конечно, значительно усовершенствованные, сегодня составляют основу атомной энергетики нашей страны. В конце 50-х годов в острых дискуссиях с маловерами, считавшими строительство АЭС пустой дорогостоящей затеей, И.В. Курчатов сумел найти веские аргументы, добился права на эксперимент – решения о целесообразности строительства первых крупных АЭС были подтверждены. Вспоминая об этом теперь, нельзя не отдать должное прозорливости Игоря Васильевича.

Еще при жизни И.В. Курчатова был спущен на воду первый в мире атомный ледокол «Ленин», разработку и сооружение которого он горячо поддерживал, предугадав большое будущее атомного флота.

И.В. Курчатов предвидел широкое развитие атомной науки и использование ее достижений во многих областях техники. Именно он выступил инициатором создания научных центров с ускорителями и реакторами во многих республиках нашей страны.

Особенно увлекало Игоря Васильевича в последние годы его жизни осуществление регулируемой термоядерной реакции. Термояд, как окрестил он его, представлялся ему работой, которая создаст для людей неограниченную энергобазу.

И.В. Курчатов решает призвать ученых всего мира снять покров секретности с термоядерных исследований и начать совместную работу на этом важнейшем направлении. Советское правительство поддержало это предложение И.В. Курчатова, и его знаменитый доклад в Харуэлле (Великобритания) о советских исследованиях по управляемым термоядерным реакциям положил начало активному международному сотрудничеству в области «мирного атома».

В то же время И.В. Курчатов писал: «Трудно ждать полной откровенности между учеными разных стран, занятыми исследованиями управляемых термоядерных реакций, пока не запрещено атомное и водородное оружие». Я помню, как глубоко переживал И.В. Курчатов, когда осмыслил результаты первых испытаний термоядерного оружия. Он говорил тогда: «Нельзя допустить, чтобы это оружие начали применять».

И со всей страстностью своей активной натуры решительно выступил за полное запрещение ядерного оружия повсеместно и на вечные времена, за использование атомной энергии только на благо человечества, за мир во всем мире.

Родина высоко отметила титаническую деятельность академика И.В. Курчатова: он был трижды удостоен звания Героя Социалистического Труда, многократно награжден орденами и медалями СССР, был в числе первых лауреатов Ленинской премии.

□ 1.4. ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОГО АТОМНОГО ПРОЕКТА

*Первухин М.Г. (1904-1978)
Заместитель председателя СНК СССР.*

...**М**ое участие в этом деле началось с того, что примерно в *сентябре-октябре 1942 года* первый заместитель Председателя СНК СССР тов. Молотов В.М. поручил мне переговорить с ведущими физиками и выяснить у них, что им известно о заграничных работах по атомной проблеме и какие исследования в этой области ведутся у нас. По роду моей деятельности, заместителя Председателя Совнаркома, ведающего энергетикой, и с февраля 1942 года – наркома химической промышленности, я был связан с научно-исследовательскими институтами. Из физических институтов больше всего знал Ленинградский физико-технический институт Академии наук и был лично знаком с директором института академиком А.Ф. Иоффе. Мне было известно, что в этом институте велись работы в области атомной физики. За несколько лет до войны Абрам Федорович обращался ко мне с просьбой поручить заводу «Электросила» изготовить магнит для циклотрона, спроектированного институтом. Этот электромагнит был изготовлен, и монтаж циклотрона закончен за несколько дней до начала войны.

Академик Иоффе А.Ф. в это время как раз находился в Москве. Посоветовавшись с ним, я решил переговорить с научными сотрудниками Ленинградского института И.В. Курчатовым, А.И. Алихановым и И.К. Кикоиным по данному мне поручению. К сожалению, в Москве их не было, так как с начала Великой Отечественной войны Ленинградский физико-технический институт был частично эвакуирован в тыл страны и многие научные работники вступили в ряды Красной Армии, чтобы с оружием в руках защищать Родину. Другие работали в различных местах, выполняя специальные задания, тоже связанные с обороной. И.В. Курчатов вместе с А.П. Александровым занимался в это время защитой военных кораблей от магнитных мин.

Прошло несколько дней, прежде чем мне удалось встретиться с названными учеными и переговорить по интересующему вопросу. И.В. Курчатов рассказал мне, что над изучением проблем атомного ядра как в Советском Союзе, так и в других странах, велись до войны довольно интенсивные научно-исследовательские экспериментальные работы. Однако, заметил он, нам неизвестны результаты исследований, достигнутых иностранными физиками в последние годы, так как с конца 1939 года прекратились открытые публикации о работах в области ядерной физики. Это обстоятельство сильно беспокоит наших ученых: в руках фашистов может оказаться новое оружие страшной силы.

В связи с этим мы условились, что Курчатов, Алиханов и Кикоин напишут в правительство записку, в которой предложат немедленно организовать возобновление у нас широких научно-исследовательских работ по ядерной физике, по разделению изотопов урана и осуществлению цепной реакции в различных системах с ураном.

Через несколько дней я получил эту записку и передал ее первому заместителю Председателя Совнаркома и при этом добавил, что предложения ученых заслуживают серьезного внимания. Игорь Васильевич свою докладную записку закончил словами: «На пути технического решения вопроса стоят большие трудности, но нет сомнения в том, что они рано или поздно будут преодолены и человечество получит в свое распоряжение новый мощный источник энергии...»

Вскоре мне было поручено вместе с Курчатовым и другими учеными разработать мероприятия по возобновлению научно-исследовательских работ в области ядерной физики для решения вопросов использования внутриатомной энергии в мирных и военных целях.

Поставить эти работы в необходимых масштабах было тогда весьма трудно, ибо страна переживала тяжелый период войны. Все силы народа бали мобилизованы на то, чтобы разгромить фашистские полчища и очистить нашу Родину от гитлеровских оккупантов. И многие научно-исследовательские институты Москвы, Ленинграда, Киева и Харькова, эвакуированные на восток, не имели необходимых условий для продолжения своей деятельности в прежнем объеме.

По нашему предложению было принято специальное решение ГКО: организовать научно-исследовательские работы по использованию атомной энергии. Научное руководство всеми работами было поручено И.В. Курчатову, а на меня вместе с С.В. Кафтановым, который был тогда председателем Комитета по делам высшей школы, была возложена обязанность повседневно следить за этими работами и оказывать всестороннюю помощь. Кроме того, Игорю Васильевичу

было дано задание подготовить докладную записку о возможности и сроках создания атомной бомбы.

Прежде всего, необходимо было создать научно-исследовательский центр для проведения этих работ. Было решено организовать в Москве специальную лабораторию. Ей было присвоено название Лаборатория № 2, начальником ее был назначен Курчатов.

Подыскивая помещение, мы с Игорем Васильевичем осмотрели недостроенные здания Института Экспериментальной медицины в Покровском-Стрешневе. Решили организовать основную Лабораторию по ядерной физике в одном из корпусов, уже подведенном под крышу.

В течение примерно года этот корпус закончили строить и оборудовали необходимой аппаратурой. А вся эта территория бывшего института была закреплена за Лабораторией Курчатова.

После того как были проведены подготовительные работы по организации Лаборатории № 2, мы доложили правительству о дальнейшем плане ее деятельности. Рассмотрев эти вопросы, ГКО принял постановление, в котором был утвержден *план работы Лаборатории № 2 на 1944 год*. В этом постановлении было также дано задание промышленности организовать производство урана для проведения опытов по разделению изотопов урана различными способами. В плане работ Лаборатории № 2 было, по предложению Курчатова, намечено сооружение опытного уран-графитового реактора, необходимого для экспериментальной проверки теоретических расчетов возможности получения цепной ядерной реакции, а также для изучения физических свойств урана-235, урана-238, плутония и других трансурановых элементов.

По предварительным сведениям Игоря Васильевича, для осуществления в реакторе цепной реакции необходимо было иметь примерно 50 тонн природного урана в виде чистого металла или солей. Чтобы разобраться в вопросе о ресурсах урана в нашей стране, мы пригласили в Москву директора Радиевого института Академии наук профессора В.Г. Хлопина. Он рассказал нам, что в Средней Азии есть один рудник, принадлежащий цветной металлургии, на котором добывают урановую руду для изготовления светящихся красок.

Мы доложили правительству о необходимости срочных работ по разведке урановых месторождений и организации добычи урана в больших масштабах. Рассмотрев эти предложения, правительство приняло специальное решение о развитии геолого-разведывательных работ по выявлению новых месторождений урана в нашей стране. А наркомату цветной металлургии поручалось принять меры по добыче в короткий срок на действующем руднике первой партии в количестве примерно 100 тонн.

Следующим веществом, которое было необходимо для сооружения физического атомного реактора, является графит особо высокой чистоты. Для его получения мы обратились к заводам, производящим графитовые электроды. За это дело взялся Московский электродный завод, который разработал с помощью Лаборатории № 2 технологию получения графита сверхвысокой чистоты. На этом заводе был построен цех для изготовления графитовых блоков для реактора. Эта задача была успешно и быстро решена.

Параллельно было намечено также создание опытного реактора с тяжелой водой в качестве замедлителя. Научное руководство этой проблемой было возложено на А.И. Алиханова.

Надо было организовать производство тяжелой воды. К решению этой задачи были привлечены научно-исследовательские институты химической промышленности, народным комиссаром которой я был в то время, а также институты Академии наук.

Первое промышленное производство тяжелой воды высокой концентрации было налажено на одном из заводов азотных удобрений, получающих водород путем электролиза воды. С этой задачей справились в сравнительно короткий срок. Метод получения тяжелой воды электролитическим способом был разработан инженером-химиком Л.М. Якименко, который и руководил на заводе этими работами. Началось накопление необходимого количества концентрированной тяжелой воды.

По предложению Игоря Васильевича группе физиков и химиков было поручено изучение физических и химических свойств урана, а также разработка метода мгновенного получения критической массы урана-235, при которой происходит ядерный взрыв. Эти талантливые ученые и конструкторы, не имея в своем распоряжении ни миллиграмма чистого урана-235 или плутония, начали теоретические и экспериментальные исследования по определению критической массы. Они провели колоссальную предварительную работу, которая позволила через несколько лет, когда мы уже располагали необходимым количеством урана-235 и плутония-239, создать эффективную конструкцию бомбы.

Однако дела, связанные с решением атомной проблемы, по ряду причин, вызванных войной, проходили медленно. Поэтому в *мае 1945 года* мы с Игорем Васильевичем написали в политбюро ЦК тов. Сталину И.В. записку, в которой коротко осветили положение с атомной проблемой и высказали тревогу относительно медленного разворота работ.

Чтобы форсировать научно-исследовательские и конструкторские работы, а также создание предприятий атомной промышленности, необходимо было принять чрезвычайные меры и поставить эти работы в самые благоприятные и преимущественные условия.

К работе по атомной проблеме было привлечено большое количество ученых, и почти все институты Академии наук трудились над разрешением отдельных задач, связанных с атомной проблемой. Привлечены были к делу и многие промышленные институты, например химической промышленности, цветной металлургии, энергетики, авиационной промышленности.

В результате всех этих громадных усилий ученых, инженеров, конструкторов, работавших под руководством И.В. Курчатова, *к зиме 1946 года* на территории Лаборатории № 2 был сооружен наш первый физический атомный уран-графитовый реактор. В течение нескольких месяцев шла напряженная работа по сборке реактора; наконец наступил решающий день: *5 декабря 1946 года* реактор был пущен. В этот день впервые в нашей стране и в Европе была воспроизведена управляемая цепная ядерная реакция. Это был незабываемый момент. И.В. Курчатова как ученый, как советский человек торжествовал. И мы вместе с ним с большой радостью встретили этот первый решающий успех ученых в решении атомной проблемы. Значение пуска физического реактора было велико не только в чисто научном отношении – осуществлена цепная ядерная реакция. Пуск реактора вселил уверенность во всех, кто работал над атомной проблемой. Он подтвердил, что мы стоим на правильном пути. Это было очень важно, ибо среди привлеченных к атомным делам специалистов не все были уверены в по-

ложительных результатах наших усилий. После названного события все работы пошли гораздо успешнее и быстрее.

Проектные институты в короткий срок дали проекты первых атомных предприятий, и созданные для специальных целей строительные организации развернули строительство заводов, которые росли не по дням, а по часам. Были созданы предприятия по добыче урана, организовано изготовление металлических урановых блочков, которые были необходимы для атомных реакторов. В секции по атомным реакторам шли ежедневные жаркие дискуссии по поводу выбора варианта промышленного реактора. После долгих обсуждений предпочтение было отдано вертикальному реактору. Был готов также эскизный проект горизонтального уран-графитового реактора, были взвешены все «за» и «против», и все признали преимущества вертикального реактора. Как показала жизнь, наш выбор был правильным. Все построенные уран-графитовые реакторы, включая первый промышленный, оказались надежными в работе и перекрыли все проектные показатели.

В 1946 году началось строительство первого атомного завода с уран-графитовыми реакторами. В течение двух лет были построены основные сооружения.

Проектируя атомные заводы, мы еще не располагали никакими иностранными сведениями, ибо все работы в этой области были строго засекречены. Наши ученые и конструкторы творили, опираясь на теоретические знания и богатый инженерный опыт из других областей. Все основные конструкции разрабатывались в нескольких вариантах, чтобы выбрать наиболее надежную конструкцию.

В конце лета 1948 года все строительные-монтажные работы по реактору были, наконец, закончены и наступил ответственный момент – все было готово к пуску первого реактора. По команде И.В. Курчатова началась подача охлаждающей воды в реактор, включилась система регулирования. Начался медленный подъем регулирующих стержней. Наконец приборы показали, что цепная реакция началась. Реактор уверенно набирал мощность.

Мы все торжествовали, поздравляли Курчатова и его сотрудников с пуском промышленного реактора. В решении атомной проблемы был сделан второй решающий шаг – мы овладели цепной реакцией деления урана в промышленном агрегате.

Ввод в действие атомного комбината и последующая его бесперебойная работа есть результат правильности теоретических предложений и расчетов ученых, занимающихся атомной проблемой, глубоко продуманных и хорошо разработанных конструкций, правильности технологических схем, высокого качества строительных и монтажных работ, своевременного подбора и обучения инженерно-технических кадров и всего персонала комбината.

К середине 1949 года было накоплено достаточное количество плутония, чтобы сделать атомную бомбу и провести первое испытание. Для проведения испытаний в одном из отдаленных районов страны был создан полигон – построены лаборатории, жилье для персонала, а также объекты для испытания воздействия атомного взрыва: здания, мастерские, железнодорожный мост, окопы и другие сооружения.

В конце августа для проведения испытательного взрыва на полигон прибыла правительственная комиссия, возглавляемая И.В. Курчатовым. Комиссия про-

верила готовность всех сооружений для взрыва. Наконец наступил назначенный день. В ночь с 28 на 29 августа члены комиссии лично проверили готовность всех систем, и на рассвете, примерно в 4-5 часов утра, с командного пункта, где мы находились, автоматическим устройством был включен сигнал замыкания, и произошел взрыв первой советской атомной бомбы.

Взрывная волна потрясла здание командного пункта, выбила стекла у входа, расположенного с противоположной стороны от центра взрыва. Мы все выбежали наружу и увидели пламенное облако, вслед за которым поднимался черный столб земли и пыли, превращаясь в гигантский гриб.

Взрыв удался, мы бросились поздравлять, обнимать и целовать друг друга. Героический труд наших ученых, инженеров и рабочих увенчался грандиозным успехом. Советский Союз создал свою атомную бомбу и тем лишил Соединенные Штаты их монопольного положения, подорвал «новую» дипломатию – так называемую дипломатию с позиции силы.

Проведенный в СССР атомный взрыв явился для Соединенных Штатов неожиданностью. В возможность создания у нас в короткий период времени атомной бомбы там мало кто верил. В 1948 году в известном американском журнале «Лук» были напечатаны две статьи под общим названием «Когда Россия будет иметь атомную бомбу?». Авторы этих статей утверждали, что русские могут создать атомную бомбу не раньше чем через шесть лет, т.е. в 1954 году. И то ценой невероятных усилий, ибо в Советском Союзе, по их мнению, нет промышленности, которая могла бы изготовить сложное, весьма точное оборудование и приборы, необходимые для создания атомной бомбы.

Мы уже тогда знали, насколько грубо ошибались американские авторы, неверно оценивая научный, технический и производственный потенциал нашей страны. Советскому Союзу потребовалось времени для создания первой атомной бомбы не больше, чем Соединенным Штатам. Это подтверждает следующий факт: физический уран-графитовый реактор, созданный под руководством итальянского физика Ферми, был запущен в Чикаго 2 декабря 1942 года. Испытание первой атомной бомбы было проведено в Соединенных Штатах 16 июля 1945 года, т.е. через два с половиной года. В СССР первый атомный реактор был запущен И.В. Курчатовым 25 декабря 1946 года, а испытание первой атомной бомбы проведено в августе 1949, т.е. через такой же промежуток времени, как и в Соединенных Штатах. К решению проблемы использования атомной энергии в СССР приступили позднее, чем в США, только в связи с начавшейся в июне 1941 года Великой Отечественной войной, когда все силы советского народа были направлены на разгром врага, вероломно напавшего на нашу страну.

По данным измерений и подсчетам ученых, сила взрыва нашей первой атомной бомбы была равна силе взрыва атомных бомб, взорванных американцами, или немного превышала ее.

Через несколько дней после доклада нашей комиссии был подписан указ о награждении ученых, конструкторов и других работников за первые результаты в решении атомной проблемы. Было присвоено звание Героя Социалистического Труда И.В. Курчатову, многим ученым, инженерам, конструкторам и руководителям работ. Успешно закончился первый этап решения проблемы использования атомной энергии в нашей стране.

Создавая по заданию Коммунистической партии и Советского правительства атомную бомбу, наши ученые и инженеры одновременно работали над исполь-

зованием атомной энергии в мирных целях. В программе строительства атомных электростанций воплощалась в жизнь мечта И.В. Курчатова, который, работая над решением основной проблемы, много внимания уделял мирному использованию атомной энергии. Им была организована работа по созданию ядерных реакторов на быстрых нейтронах, а также исследования по термоядерному синтезу.

□ 1.5. СОЗДАНИЕ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА АТОМНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Круглов А.К. (1926-1998)

Лауреат Государственной премии (1980), кандидат технических наук.

Научный задел для атомной промышленности был создан еще до Великой Отечественной войны. В то время в лабораториях университетов и вновь созданных институтах АН СССР в Ленинграде, Москве, Харькове, Одессе, Томске и других городах велась работа по изучению физических и химических аспектов радиоактивности. В лабораториях М. Кюри, Э. Резерфорда, Н. Бора и других крупнейших ученых Западной Европы в качестве стажеров работали представители научных центров из СССР. Все крупные открытия этого периода хорошо освещены в монографиях и научно-популярных изданиях.

В них достаточно подробно освещались научные достижения этого периода в Радиовом институте Академии наук (РИАН), Ленинградском и Украинском физико-технических институтах (ЛФТИ и УФТИ).

1932 год был ознаменован открытием нейтрона, позитрона и дейтерия в Лаборатории Резерфорда. Там же 2 мая 1932 года ученые Кокрофт и Уолтон при помощи ускоренных протонов осуществили впервые в мире расщепление ядер лития, бора и алюминия. В том же году в УФТИ было осуществлено расщепление ядра лития (К.Д. Синельников, А.И. Лейпунский, А.К. Вальтер, Г.Д. Латышев). Хотя в УФТИ лишь повторили опыт английских ученых по расщеплению ядер лития, но в этом случае была решена сложная инженерно-техническая задача: создан источник высокого напряжения, представляющий собой специальную вакуумную трубку, позволяющую сформировать пучок ускоренных частиц.

В 1932 году, на заседании Ученого совета РИАН под председательством В.И. Вернадского принимается решение о создании в РИАН циклотрона. Одновременно в ЛФТИ создается группа по исследованию атомного ядра. В том же 1932 году сотрудник РИАН Г.А. Гамов опубликовал монографию «Строение атомного ядра и радиоактивность». В стране это была практически первая попытка осмыслить ядерные процессы.

В 1935 году вышла в свет книга И.В. Курчатова «Расщепление атомного ядра», в которой автор на основании теории Г.А. Гамова о строении поля атомного ядра анализирует результаты опытов по «расщеплению» ядер от меди до урана.

В 1935 году группа ученых из ЛФТИ и РИАН: И.В. Курчатов, Б.В. Курчатов, Л.В. Мысовский и Л.И. Русинов – открыла ядерную изомерию радиоактивного Брома-80. Этому открытию предшествовали открытия изотопов и изобаров.

В 1937 году сотрудником Института химической физики (ИХФ) Ю.Б. Харитоновым была опубликована работа, связанная с идеей разделения газов центрифугированием (метод центрифугирования в настоящее время является наиболее экономичным способом обогащения урана-235).

В 1938-1939 годах в Германии О. Ганом и Ф. Штрассманом было установлено, что при поглощении нейтрона ядро урана распадается с выделением огромного количества энергии. Ряд ученых, в первую очередь Э. Ферми и Ф. Жолио-Кюри, пришел к выводу, что при делении урана образуется 2-3 быстрых нейтрона, которые при определенных условиях могут вновь поглощаться ядрами урана. Поэтому цепная ядерная реакция может сопровождаться взрывом чудовищной силы. В работах Э. Ферми и других ученых было показано, что вероятность захвата нейтронов ядрами урана-235 может быть в сотни раз увеличена при взаимодействии ядер не с быстрыми, а с замедленными нейтронами. Замедление нейтронов происходит при столкновении их с атомами легких элементов (водорода, дейтерия, углерода и т.д.). В 1939 году работы Н.Н. Семенова, Ю.Б. Харитона, Я.Б. Зельдовича обосновали возможность развития цепных (взрывных) ядерных реакций.

Однако расчеты, опубликованные в 1940 году Ю.Б. Харитоновым и Я.Б. Зельдовичем, показали, что в природном уране при использовании обычной воды и графита в качестве замедлителя нейтронов самоподдерживающаяся цепная реакция не может быть осуществлена. Для этого нужно иметь уран, обогащенный изотопом урана-235.

В то время в нашей стране ведущим институтом в области технологии обращения с ураном, выделения из него радия и производства источников радиоактивного излучения был ленинградский РИАН. Под руководством В.И. Вернадского, а с 1939 года – В.Г. Хлопина была создана одна из лучших экспериментальных баз для изучения физики ядра и радиохимии. Здесь на циклотроне, в марте-июне 1937 года получили интенсивные пучки протонов с энергией 3,2 МэВ.

На циклотроне РИАН и других установках прошли научную стажировку крупнейшие ученые страны: И.В. Курчатов, А.И. Алиханов, А.П. Виноградов, М.Г. Мещеряков, С.Н. Вернов. Последнее предвоенное открытие К.А. Петржака и Г.Н. Флерова – спонтанное деление ядер урана (июнь 1940 года) – было сделано под руководством И.В. Курчатова, работавшего с 1935 год по 1940 год по совместительству в РИАН.

Предвоенный период был ознаменован открытием двух трансурановых элементов, впоследствии названных нептунием и плутонием. Было установлено, что плутоний-239 может получаться при облучении урана-238 нейтронами и имеет период полураспада 24400 лет.

По инициативе В.И. Вернадского и В.Г. Хлопина 30 июля 1940 года при президиуме АН СССР была образована Комиссия по проблеме урана, задача которой заключалась в развитии работ по изучению свойств урана и возможности использования его внутриатомной энергии.

Рекомендации и решения комиссии играли решающую роль при создании экспериментальной базы в ЛФТИ, УФТИ, других институтах и, в целом, при проведении работ по цепным ядерным реакциям. Мероприятия, предложенные

тогда академиками В.И. Вернадским, А.Е. Ферсманом и В.Г. Хлопиным, были основополагающими для решения урановой проблемы.

По механизму деления различных ядер тяжелых элементов и возможности осуществления цепной ядерной реакции И.В. Курчатов в начале 1941 года опубликовал работу «Деление тяжелых ядер». На основании известных тогда данных и проведенных расчетов он писал: «Хотя принципиально вопрос об осуществлении цепного ядерного распада и решен в положительном смысле, однако на пути практической реализации в исследованных сейчас системах возникают громадные трудности». В своей публикации И.В. Курчатов отмечал: «Быть может, ближайшие годы принесут нам другие пути решения задачи, но если этого не случится, то только новые, очень эффективные методы разделения изотопов урана или водорода обеспечат существование цепной ядерной реакции».

Эти и целый ряд других работ нашли отражение в программе Урановой комиссии АН СССР. Среди прочих были и работы по поиску месторождений урана. Уже 15 октября 1940 года вышло постановление, предписывающее Академии наук утвердить план работ Урановой комиссии. Этим же постановлением в составе Урановой комиссии была создана подкомиссия под руководством А.Е. Ферсмана по поиску, разведке и эксплуатации урановых месторождений. Планом исследовательских работ предусматривалось также строительство новых ускорителей и других установок. Уже в феврале 1941 года на ленинградском заводе «Электросила» начали проводить испытание магнита (75 тонн) для циклотронной лаборатории ЛФТИ. Комиссия координировала работы по изучению радиоактивных руд, геохимии естественных радиоактивных и радиогенных изотопов. В 1940 году были выполнены экспериментальные и региональные исследования радиоактивности вод и горных пород района Кавказских минеральных источников. Ураноносность природных вод, изученная до войны, позволила в будущем выявить закономерности миграции урана и определить перспективные места добычи.

Война спровоцировала ускорение работ над созданием ядерного оружия сначала в Великобритании, а затем в США и СССР. В апреле 1940 года крупнейший ученый Дж. Томпсон возглавил правительственный комитет Великобритании по использованию атомной энергии в военных целях. Через год, 15 июля 1941 года, Комитет Томпсона представил доклад, в котором говорилось, что до конца войны атомную бомбу создать можно. На основании этого доклада в октябре 1941 года была утверждена программа работ по созданию ЯО в Великобритании.

Эмигрировавшие в США еще до войны крупнейшие ученые (среди них А. Эйнштейн, Л. Сцилард, Э. Ферми) призывали развернуть здесь работы и опередить Германию в создании ЯО. Письмо А. Эйнштейна президенту Рузвельту о необходимости начать работы над новым оружием было послано 11 октября 1939 года. Однако решение о работах над новым оружием было принято в США лишь 6 декабря 1941 года после доклада Дж. Томпсона. Определенную роль в ускорении принятия решения сыграли последствия бомбежки Японией базы США в Перл-Харборе. Так зарождалось ядерное противостояние США – сначала Германии и Японии, а затем и СССР.

В СССР с началом Великой Отечественной войны исследования по использованию энергии деления ядер практически прекратились. Ведущие институты Ленинграда, Москвы и других городов были эвакуированы, а многие ученые пошли сражаться на фронт.

К середине 1942 года, в ГКО стало известно, что в Германии с ее огромным научно-техническим потенциалом при наличии большого запаса природного урана секретно ведутся работы над созданием нового вида мощного оружия – атомной бомбы. В проекте записки наркома внутренних дел Л.П. Берия И.В. Сталину (март 1942) была суммирована полученная из Лондона информация о производстве урановых бомб в Великобритании. В ней предлагалось проработать вопрос о создании научно-совещательного органа при ГКО для координации всех работ в стране по урановой проблеме и ознакомить видных ученых с имеющимися в НКВД материалами по урановой проблеме. Среди ученых были названы П.Л. Капица (ИФП), Д.В. Скобельцын (ФИАН) и А.А. Слудцкий (ХФТИ).

Кроме того, на необходимость возобновления в СССР работ по урановой проблеме энергично указывал тогда молодой ученый, лейтенант Г.Н. Флеров. В Казани, куда были эвакуированы институты АН СССР (РИАН, ЛФТИ, ИХФ и др.), состоялось заседание Малого президиума академии, на котором Г.Н. Флеров докладывал о необходимости возобновления работ по Урановому проекту. Но крупнейшие ученые – физики А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица и др. признали невозможным продолжить работы, так как это требовало отвлечения людских и материальных ресурсов. Однако Г.Н. Флеров не успокоился. Проанализировав доступные ему физические зарубежные журналы, он обнаружил полное прекращение в них публикаций по делению ядер урана и использованию внутриатомной энергии учеными Германии, Великобритании и США, что свидетельствовало о засекречивании исследований в этих странах. Об этом он сообщил в ГКО и И.В. Сталину. По-видимому, это в конечном счете и подтолкнуло к решению о возобновлении работ.

В конце 1942 года ГКО обязал Академию наук начать исследовательские работы по использованию атомной энергии в военных целях и обеспечить их координацию. Решением ГКО от 27 ноября 1942 года Наркомцветмету было поручено приступить к производству урана из отечественного сырья. Постановлением правительства научным руководителем проблемы, после рассмотрения нескольких кандидатур, был назначен И.В. Курчатов.

Ответственность за обеспечение промышленности и Академии наук необходимыми материалами, приборами и т.д., а также контроль выполнения всех проводимых работ в стране были возложены на заместителя Председателя наркома, министра химической промышленности М.Г. Первухина.

□ 1.6. ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ СССР: ПРИШЛО ИЗ АМЕРИКИ ИЛИ СОЗДАНО САМОСТОЯТЕЛЬНО?

Харитон Ю.Б. (1904-1996)

Трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, академик АН СССР.

Бывшие сотрудники советской разведки, чью опасную работу мы высоко ценим и уважаем, в своих выступлениях утверждают, что по первым образцам атомной и водородной бомб наши резиденты получили документацию, по которой якобы прямо можно было делать бомбы. Что касается схемы атомной бомбы, разведчики формально правы. Но относительно водородной бомбы – совершенно не правы.

Сначала немного подробнее об атомной бомбе.

Задолго до получения какой-либо информации от наших разведчиков сотрудниками Института химической физики (ИХФ) Я. Зельдовичем и автором этой статьи в 1939 и 1940 годах был проведен ряд расчетов по разветвленной цепной реакции деления урана в реакторе как регулируемой управляемой системе. В качестве замедлителей нейтронов уже тогда авторами предлагалось использовать тяжелую воду и углерод. В те же предвоенные годы Г. Флеровым и Л. Русиновым экспериментально были получены важные результаты по определению ключевого параметра цепной реакции – числа вторичных нейтронов, возникающих при делении ядер урана нейтронами. В ряду фундаментальных достижений того периода было и открытие Г. Флеровым и К. Петржаком самопроизвольного, без облучения нейтронами, деления урана.

Перечисленные результаты, как и другие важные работы советских физиков, были сразу опубликованы в научных журналах и явились основой решения атомной проблемы в СССР.

Кроме того, Я. Зельдовичем и мной были выяснены условия возникновения ядерного взрыва, получены оценки его огромной разрушительной мощи. Сообщение на эту тему было сделано нами летом 1939 года на семинаре в ЛФТИ. Директор ИХФ академик Н. Семенов в 1940 году направил в свой наркомат письмо о необходимости развития комплекса работ по созданию ЯО. Отклика не последовало. Сотрудник руководимой И.В. Курчатовым Лаборатории ядерной физики ЛФТИ Г. Флеров, находясь в армии, обратился со сходным письмом к Сталину в 1942 году. Правда, обстановка на фронте была уж очень тяжела, и трудно было ожидать положительной реакции на предложения, казавшиеся тогда многим фантастическими.

В США в 1939 году физик Л. Сцилард понял, что только воздействие самого высокого научного авторитета непосредственно на верховную власть может помочь началу работ по ЯО. Сцилард уговорил Эйнштейна, работавшего тогда в США, написать письмо президенту Рузвельту. Письмо подействовало. Вскоре был создан ряд научных и производственных центров по этой проблеме.

В СССР началась война, эвакуация из Ленинграда Института химической физики, Физико-технического института и Радиового института в Казань, а также необходимость подключиться к работам, связанным с оборонной промышленностью, прервали исследования по созданию ЯО.

Началу практических исследований по ЯО способствовали достаточно неожиданные обстоятельства. Молодой немецкий физик-теоретик Клаус Фукс был коммунистом. В начале 30-х годов он выехал из Германии, так как при развивающемся фашизме ему грозила опасность. В 1934 году поселился в Англии и через несколько лет принял английское подданство. В 1941 Фукса пригласил в свою группу другой немецкий иммигрант физик Р. Пайерлс. Его группа работала над вопросами, связанными с созданием ЯО.

Вскоре Фукс узнал, что работа ведется в секрете от СССР, союзника по войне. Он считал это недопустимым и сообщил известную ему информацию представителям наркомата обороны в советском посольстве в Лондоне. В дальнейшем резидентами советской разведки была установлена связь с Фуксом и систематическая передача информации в Москву.

Научно-технический центр по созданию ЯО в СССР был организован правительством в 1943 году. Руководителем центра по рекомендации академика А. Иоффе был назначен И. Курчатov. Это была действительно наилучшая кандидатура – прекрасный физик с исключительным организаторским талантом. Игорь Васильевич был необыкновенно обаятельным человеком, что очень полезно, когда приходится иметь дело с огромным количеством совершенно различных людей.

С 1943 по 1946 год Фукс вместе с группой Р. Пайерлса работал в США, затем вернулся в Англию. Информация, переданная Фуксом и другими агентами, охватывала широкий круг разделов науки и техники, необходимых для создания ЯО. Например, ядерный реактор, в котором под действием мощного потока нейтронов образовывался плутоний, различные расчеты и, наконец, подробная схема первого ядерного заряда США. Конечно, мы не могли безоговорочно доверять этой информации. Она могла содержать элементы дезинформации, ведь мы понятия не имели, как добывались эти сведения, и поэтому они нуждались в тщательной проверке и дополнительных расчетах.

Но о возможности получения плутония нам уже было известно из статей Э. Мак-Миллана, Ф. Абельсона и Л. Тернера, опубликованных ими еще в открытой печати в июньском и июльском номерах журнала «Физикал Ревью» за 1940 год.

Нами были выполнены крупномасштабные экспериментальные работы по измерениям параметров в конструкции под давлением продуктов взрыва массой от одной до двух тонн, а также различные ядерно-физические исследования.

Когда мы получили информацию о том, что бомба, о которой нам было сообщено, успешно испытана в США, стало ясно, что и нам лучше испытывать именно эту схему. Необходим был самый быстрый и самый надежный способ показать, что у нас тоже есть ЯО. Более эффективные конструкции, которые нам виделись, могли подождать. Они и были отработаны в последующие годы.

Как известно, первое испытание атомной бомбы в СССР прошло благополучно 29 августа 1949 года.

За обширную информацию, которую передавал для советских физиков Клаус Фукс, весь советский народ должен быть ему глубоко благодарен. В СССР эта помощь, как и все связанное с деятельностью НКВД, держалась в секрете. После освобождения Фукса в 1959 году я обращался к Д. Устинову с просьбой ходатайствовать о награждении Фукса за помощь, которую он оказал СССР. Дми-

трий Федорович занимал высокие посты в государственном и партийном аппарате и внимательно следил за работой по созданию ЯО. Он согласился с тем, что это следует сделать, и сказал, что попытается. Но положительного результата не получилось.

С первой водородной бомбой дело обстояло следующим образом. В США идея о возможности создания водородной бомбы (или супербомбы, в тысячи раз более мощной, чем атомная) была выдвинута венгерским эмигрантом, очень квалифицированным физиком-теоретиком Эдвардом Теллером в 1942 году. Он с группой помощников энергично занимался конкретно этим проектом и к 1946 году считал, что в основном возможность создания водородной бомбы доказана. Информация об этой разработке была сообщена Фуксом нашим разведчикам.

Пока обсуждали целесообразность разработки водородных зарядов, математик Улам (тоже эмигрант) со своим помощником Эвереттом в 1950 году обстоятельно проверил расчеты Теллера и обнаружил, что предложенная концепция ошибочна. Американским специалистам стало ясно: схема водородной бомбы Теллера неработоспособна, а выбранный путь – тупиковый. Соответственно, все полученные нашими разведчиками данные о работе в США по водородной бомбе оказались бесполезными и для нас.

В начале 1950 года Фукс, вернувшийся в 1946 году из США в Англию и продолживший контакты с советскими разведчиками, был арестован. Американская и английская контрразведки сумели выявить его связи с советской разведкой. Фукс был вынужден признать факт передачи им для СССР материалов, связанных с разработкой ЯО.

Суд состоялся в Лондоне 1 марта 1950 года. Фукс был приговорен к тюремному заключению на 14 лет. Через 9 лет он был освобожден и немедленно переехал в ГДР.

Таким образом, Фукс был изолирован от внешнего мира в начале 1950 года, когда ошибки в расчетах по американской водородной бомбе еще не были выявлены. К тому же информация из США в Великобританию не передавалась. Поэтому некому было сообщить советским разведчикам, что полученная ими информация о водородной бомбе была для нас совершенно бесполезна. Но представители разведки продолжают, к сожалению, упорно повторять, что советские ученые при создании своей первой водородной бомбы ничего сами не придумали.

В последние годы в американской печати появились высказывания о том, что, быть может, советские физики получили полезную информацию о конструкции американских водородных бомб, анализируя продукты взрыва, унесенные ветром. Действительно, аппаратура для сбора продуктов взрыва, размещенная на самолетах, использовалась в США и в СССР, но организация работ у нас была в то время еще на недостаточно высоком уровне, и полезных результатов не было получено.

Из вышесказанного ясно: разработка водородной бомбы была проведена советскими физиками совершенно независимо. Физики-теоретики при этом постоянно сотрудничали с математическим сектором нашего института и специально созданным отделением Математического института АН СССР.

Первый в мире реальный водородный заряд с использованием термоядерных реакций, готовый к применению в виде бомбы, который по мощности примерно в 20 раз превышал бомбу, сброшенную американцами на Хиросиму, был испытан в Со-

ветском Союзе в 1953 году. Автором этого заряда был А. Сахаров. В этом заряде уже использовалось перспективное термоядерное горючее, которое американцы впервые применили в 1954 году. Этот вид термоядерного горючего был предложен еще в 1948 году В. Гинзбургом, сотрудником группы академика И. Темма, в которую входил и А. Сахаров. Эта группа работала тогда в Физическом институте АН СССР.

В 1955 году в СССР был испытан заряд с использованием принципиально новых физических идей, которые применялись и в дальнейшем, при разработке других термоядерных зарядов. Мощность испытанного в 1955 году заряда составила более 1000000 тонн тротила и совпадала с расчетным значением. Как отмечает А. Сахаров в своей книге «Воспоминания», работа над новой перспективной схемой водородного заряда была коллективной. Тем не менее, можно назвать ученых, чей вклад в создание этой новой конструкции водородного заряда был определяющим. Это А. Сахаров, Я. Зельдович и Ю. Трутнев.

Ошибочность результатов первых лет работы по водородной бомбе в США отмечается и в книге «Советники» бывшего директора созданной в 1952 году Ливерморской лаборатории Г. Йорка. С октября 1950 года до января 1951 года Теллер был в отчаянии. Но затем ему совместно с Уламом постепенно удалось найти неожиданное решение. Могу засвидетельствовать: нашим теоретикам тоже пришлось изрядно помучиться, пока правильный путь был найден. Добавлю, что мы обошлись без чрезвычайно сложного опыта, выполненного американцами на атолле Тихого океана в 1952 году.

□ 1.7. К ИСТОРИИ РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО АТОМНОГО ПРОЕКТА

Владимировский С.С.

*Майор в отставке, служба в Армии 30 лет, ветеран
подразделений особого риска.*

На протяжении десятилетий советское руководство не спешило признавать, что первое ядерное устройство, испытанное 29 августа 1949 года на башне Семипалатинского полигона было по указанию тогдашнего руководства страны скопировано с американского, параметры которого были добыты усилиями наших разведорганов, чтобы исключить возможный отказ при испытаниях. Тогда считалось, что тротиловый эквивалент при взрыве нашего устройства примерно совпадал с полученным американцами в июле 1945 года.

Прошли еще годы, и в материалах Международного симпозиума 1996 года в Дубне «Наука и общество. История советского атомного проекта» можно встретить утверждение, что, по свидетельству одного из очевидцев испытаний Я.П. Докучаева, результатами испытания были очень встревожены и научный руководитель И.В. Курчатов и другие ученые. Дело в том, что руководитель американского атомного проекта, генерал Л. Гровс в своей книге «Теперь об этом можно рассказать» подробно описал картину местности после взрыва их устройства: «В окружности 370 метров уничтожена вся растительность, образовался кратер диаметром 37 метров и глубиной 1,8 метра». Эквивалент взрыва составил около 20 тыс. тонн тротила.

Наши теоретики тогда оценили мощность нашего испытания в 10 тыс. тонн. Диаметр воронки составлял 5-6 метров, глубина в центре до 0,5 метра. Это говорит о том, что мощность взрыва была не более 2 тыс. тонн, а КПД изделия не превысил 2%. И все же это была большая победа наших ученых и разработчиков. В кратчайший срок в условиях послевоенных трудностей страна получила новое оружие, была ликвидирована монополия США на обладание этим грозным оружием.

После испытания атомного заряда для первой советской атомной авиабомбы РДС-1 перед нашим руководством встала еще одна проблема государственного масштаба.

К тому времени у американцев уже было накоплено до 300 ядерных зарядов. Достоянием нашего руководства стали американские планы атомного нападения на СССР:

- план «Пинчер» 1946 года с применением 50 ядерных авиабомб;
- план «Сизэл» 1948 года с применением 133 ядерных бомб по 70 городам СССР;
- план «Дробшот» 1949 года с применением 300 ядерных бомб по 200 городам СССР.

Кстати, к 1982 году Пентагоном были разработаны 18 планов ядерной войны.

Вплотную встал практический вопрос, учитывая масштабы нашей страны, о приближении изготовленных на заводах ядерных боеприпасов к местам, откуда их можно было на носителях доставить на театр военных действий.

С этой целью на территории страны в различных районах стали строиться базы для сборки и дальнейшего хранения нового оружия (объекты «С») и ремонтно-технические базы (РТБ), расположенные вблизи крупных аэродромов и военно-морских баз, для окончательной подготовки к использованию этого оружия.

В начальный период разработанные изделия не были достаточно надежны для перевозки по железной дороге или другими видами транспорта. В составе изделий (как тогда было принято называть атомные бомбы) имелись источники повышенной опасности: капсули-детонаторы из азидов свинца для подрыва основного заряда (ОЗ) и постоянно излучающие нейтроны полоний-бериллиевые нейтронные запалы для инициирования цепной реакции при санкционированном срабатывании изделия. Эти источники излучения требовали особой защиты личного состава. Капсули-детонаторы были очень чувствительными, и бывали случаи их непроизвольного срабатывания от статического электричества и других наводок прямо в руках операторов, несмотря на особые меры предосторожности и защиты, что иногда приводило к поражению оператора.

Это обстоятельство, а также и другие соображения, способствовали решению разработчиков перенести окончательную сборку изделий поближе к месту возможного использования.

Для этого были спроектированы и построены капитальные сооружения – сборочные залы и хранилища подземного типа.

За последующие годы мощность разрабатываемых ядерных зарядов возросла в сотни раз, и надежно защитить подобные объекты стало проблематично. По мере дальнейшего развития нового оружия значительно выросли его габариты и его сборку из подземных сооружений перенесли в наземные здания.

Работы с атомным оружием представляют определенный риск. В первую очередь можно говорить о подсознательном стрессе, чувстве особой ответственности за выполняемую работу.

В начале 90-х годов инициативная группа граждан, бывших военнослужащих, непосредственно участвовавших в военно-ядерных мероприятиях, смогла провести через Верховный Совет РСФСР и Правительство решения о социальной защите непосредственных участников создания ядерного щита нашей страны. Были определены критерии участия, меры социальной защиты и медицинской реабилитации. О перипетиях, встретившихся при этом, рассказано в книге «Хождения по кабинетам власти» заместителя Председателя Комитета ветеранов подразделений особого риска РФ, начальника штаба, полковника Новикова Е.И. (второе издание вышло в 2005 году).

В феврале 1994 года мне было вручено «Удостоверение ветерана подразделений особого риска» именно в той части, в которой я с 1956 года в составе сборочной бригады (в группе автоматики) принимал участие в сборке авиационных атомных бомб, начиная от самых первых опытных малосерийных атомных РДС-3 (5, 8), первой серийной атомной РДС-4Т («Татьяна»), водородных РДС-6 (Сахаровской т.н. «слойки»), РДС-27, РДС-37 и последующих, в т.ч. атомных и термоядерных боеголовок для первых ракет. Память сохранила много эпизодов из того времени. К слову сказать, в 2006 году я решил написать книжку своих воспоминаний «Записки очевидца». Многие выдающиеся деятели, крупные руководители промышленности, военачальники поделились впечатлениями о событиях своей жизни, своим вкладе в развитие страны.

Моя задача была, конечно, скромнее – поделиться своим восприятием событий в стране на фоне моей продолжительной службы в армии – в общей сложности 30 лет. После завершения работы на объекте в 1961 году я был переведен в военную приемку в Свердловск на завод-изготовитель военной продукции для нужд ядерного оружейного комплекса. Работе в военных представительствах на заводах и в институте НИИАА посвятил 20 лет жизни.

Из почти 26 тыс. выданных на всю Россию удостоверений ветерана подразделений особого риска сборщиков ядерных зарядов выявлено 625 человек (в удостоверении стоит литера «Г»). Остальные – ветераны-испытатели ядерных боеприпасов на Семипалатинском и Новоземельском полигонах, ликвидаторы последствий ядерных аварий на реакторах атомных подводных и надводных кораблей, испытатели боевых радиоактивных отравляющих веществ на Ладожском озере и в Аральском море, непосредственные участники Тоцких войсковых учений 1954 года с применением реальной атомной бомбы в ходе учений.

Вспоминаются летние месяцы 1955 года, когда после окончания Авиационного радиотехнического училища в г. Даугавпилс, теперь «ближнее зарубежье», я был откомандирован в в/ч 04201 (Первое Главное Управление при Совете Министров СССР, ставшее с 1953 года Министерством среднего машиностроения) и прибыл на 71 полигон ВВС в Багерове в Крыму.

Наша группа примерно из 100 человек прослушала ускоренные двухмесячные курсы по сборке и обслуживанию первых авиационных атомных и водородных бомб РДС-3, РДС-4Т, РДС-6. Учеба завершилась подвеской этих изделий в самолеты Ил-28, Ту-4. Это было очень интересно. В подвешенных бомбах из кабины самолета можно было изменять в баро- или радиодатчике бомбы установку высоты подрыва бомбы. Председателем экзаменационной комиссии был

только что назначенный главным инженером Главного Управления Комплектации, будущего 12 Главного Управления Минобороны, генерал-майор береговой артиллерии Никольский М.К. До назначения в Главк он был главным инженером войсковой части, в которую я получил назначение по окончании курсов.

В составе небольшой группы молодых лейтенантов 1 сентября 1955 года прибыл в войсковую часть. Оказалось, что здесь еще работают тысячи заключенных на завершающей стадии строительства сооружений объекта. Примерно год приходилось принимать от заключенных построенные здания и сооружения. На последнем этапе прибыли военные строители. В 1956 году офицеры спецслужбы приступили непосредственно к сборке первых поступивших РДС-3.

Надо сказать, что на завершающем этапе ввода в строй объекта нас очень часто посещали руководители Министерства обороны и Минсредмаша. В первую очередь это были маршал артиллерии, будущий первый Главком РВСН, М.И. Неделин и Начальник Главпромстроя, заместитель министра среднего машиностроения, генерал армии Н.А. Комаровский. Они не только инспектировали сооружения, но и проводили совещания с нашим участием, вникали в наши нужды, проявляли заботу о молодых офицерах.

Первые изделия поступали по т.н. ВК-1 (ведомость комплектации) россыпью. Каждая гайка, шайбочка, винтик по номиналам на каждое изделие отдельно упакованы в отдельные промасленные пакетики, на которых подписи лиц, производивших упаковку и проверку. Строгости были большие.

Наша задача состояла в расконсервации всего крепежа и комплектующих узлов. Промасленные винты и шайбы помещали в медицинский стерилизатор, наливали бензол и кипятили. Температура кипения бензола 85 градусов, поэтому смазка легко смывалась. При этом пары бензола в условиях отсутствия кондиционирования воздуха в подземных сооружениях тех лет нами вдыхались много и часто. Впоследствии оказалось, что пары бензола весьма токсичны.

Вспоминается такой эпизод 1958 года, когда в присутствии большой группы генералов – более 20 человек – наша сборочная бригада проводила контрольную сборку трех изделий РДС-4Т. Сборку проводили тремя группами со сдвигом по времени на полчаса. Время сборки одного изделия оказалось 15 часов. Был в этом изделии узел – центральный блок разводки (ЦБР) с десятком разъемов, к некоторым из которых было трудно подсоединить жгуты. Вскоре стали использовать специальный ключ. Вообще, в те годы многие узлы изделий были громоздкими, большого веса. Блок фидеров для передачи энергии на подрыв шарового заряда по весу доходил почти до 200 килограммов. Сами фидеры в БФ-1 и БФ-2 были толщиной почти в палец.

Однажды у нас в части был случай, когда с высоты примерно 6 метров при выгрузке из машины люлька с двумя комплектами узлов в своих тарах перевернулась и весь груз упал на бетонный пол, причем сверху упали самые тяжелые узлы – блоки автоматики и блоки фидеров по 200 и более килограммов. Срочно была организована проверка работоспособности, которая показала полную исправность всех приборов и узлов. Пришлось только заменить свинцовые аккумуляторы 12-А-30. Хороший пример абсолютной надежности первых атомных бомб.

К концу 50-х годов были разработаны безопасные капсулы-детонаторы без инициирующих взрывчатых веществ и импульсные нейтронные источники

(трубки СВВ), позволившие заменить весьма опасные нейтронные запалы. Блоки автоматики для формирования импульса подрыва шарового заряда поначалу имели большие габариты и вес (до 250 килограммов), но в процессе миниатюризации габариты и вес ядерных зарядов уменьшились в десятки раз. Трубки СВВ-23 тоже уменьшились в несколько раз при сохранении основных параметров нейтронного импульса. Вообще, в этом приборе реализовано много физических процессов, это практически маленькая водородная бомба, создающая мощный поток нейтронов в нужный момент при максимальном обжатию центральной части ядерного заряда из урана или плутония для осуществления цепной ядерной реакции и повышения КПД ядерного горючего.

Идея устройства разрабатывалась почти одновременно нашими учеными в Арзамасе-16 (теперь институт экспериментальной физики) и американскими учеными в Лос-Аламосской лаборатории. В практическую реализацию большой вклад внесли ученые ВНИИЭФ В.А. Цукерман, Я.Б. Зельдович, А.А. Бриш (будущий главный конструктор НИИАА), а также ученые и специалисты Вакуумного Института (НИВИ) имени академика С.А. Векшинского. Мне по работе приходилось бывать в этом интересном институте, а также участвовать в совместных работах в годы моей службы в военной приемке на производстве этих трубок на заводе-изготовителе (4 года).

По характеру работы в приемке института НИИАА мне приходилось часто выезжать в командировки на серийные предприятия отрасли, где применялись разработки нашего института и в КБ обоих наших ядерных центров. На моих глазах, на протяжении двух-трех десятилетий, произошли буквально революционные изменения в конструкции ядерных зарядов, в первую очередь, по габаритно-весовым характеристикам.

Трудно было даже представить возможности и достижения осуществленной миниатюризации. Ученые и разработчики сделали невозможное. Это при том, что мощности ядерных зарядов выросли в сотни и тысячи раз. Если первые заряды имели тротиловый эквивалент в несколько десятков тысяч тонн, то 30 октября 1961 года на полигоне Новая Земля был испытан боеприпас с половинной мощностью, превысившей 50 млн. тонн тротила в эквиваленте. Этим испытанием советские ученые показали абсурдность дальнейшего увеличения мощности зарядов и вообще самого наличия такого мощного оружия массового поражения. Вскоре после испытания в 1963 году был подписан Международный договор о прекращении испытаний в трех средах, разрешено было проводить испытания только подземные. Уже много лет действует мораторий на проведение любых ядерных испытаний. Ученые доказали, что применение такого оружия в ядерной войне приведет к ядерной зиме, уничтожению условий для проживания человека на Земле.

□ 1.8 ГЕНЕРАЛ–МАЙОР ИТС ПОКРОВСКИЙ Г.И.

Дьяченко А.А.

Доктор исторических наук, полковник в отставке, член Союза писателей СССР, России, действительный член АВН, участник ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в 1986, 1987 годах.

Седов А.И.

Кандидат технических наук, профессор, подполковник в отставке.

Среди блестящей плеяды советских военных ученых, разрабатывавших предложения по развертыванию в СССР работ по созданию атомной бомбы, необходимо отметить генерал-майора ИТС Покровского Георгия Иосифовича.

Покровский Георгий Иосифович (1901-1979) – советский ученый в области физики, генерал-майор-инженер, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1967). Окончил Московский университет народного хозяйства (1923), с 1925 года – на преподавательской работе в Московском высшем техническом училище, с 1929 – в Московском инженерно-строительном институте, с 1932 – профессор Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского. Основные труды по физике взрыва и направленным взрывам, центробежному моделированию в горном деле и строительстве. Один из авторов возведения при помощи направленного взрыва селезащитной плотины на реке Малая Алмаатинка (1966-1967) и ирригационной плотины на реке Вахш (Государственная премия СССР, 1971 год). Награжден четырьмя орденами, а также медалями /1/.

Более 80 лет прошло с создания академии ВВИА имени Н.Е. Жуковского. Вся история академии неразрывно связана с ВВС и героической борьбой ВС страны в целом.

Рождение академии связано с созданием Московского авиатехникума в 1919 году по инициативе Н.Е. Жуковского. Летом 1920 года произошла реорганизация авиатехникума в Институт инженеров Красного Воздушного флота. Ректором Института был назначен Н.Е. Жуковский.

Академия зарождалась, формировалась и развивалась многими поколениями выдающихся ученых и педагогов, беззаветно преданных Родине, бескорыстно отдавших подготовке авиационных специалистов все самое главное, что было в их творческом, нравственном и духовном интеллекте.

В различные годы в академии работали, преподавали многие видные и известные в стране ученые и специалисты. Каждый из них внес свой вклад в подготовку и формирование будущих инженеров ВВС, способных решать сложнейшие задачи по разработке, производству и эксплуатации авиационной и специальной техники.

К плеяде блестящих ученых академии и страны, безусловно, можно отнести

Лауреата Государственной премии СССР, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, доктора технических наук, профессора, генерал-майора ИТС Покровского Георгия Иосифовича.

Г.И. Покровский родился в семье юриста, доцента Киевского университета, впоследствии – профессора Петербургского университета (с 1903 года), а с 1913 года – профессора Московского коммерческого института (после Октябрьской революции – Институт народного хозяйства имени Г.В. Плеханова, МИНХ). В этот же институт в 1918 году поступил на учебу Георгий Иосифович.

Еще будучи студентом, Георгий Иосифович начал преподавать физику на рабфаке. В 1923 году, после окончания института, назначается ассистентом кафедры физики МИНХ, активно занимается научной деятельностью, а в 1925 году переходит на кафедру физики Московского высшего технического училища имени Н.Э. Баумана. В этот период интенсивно работает в области прикладной оптики и светотехники, участвует в работе 3-го Съезда русских физиков. В журнале русского физико-химического общества публикует статьи. В издательстве «Молодая гвардия» выпускает серию книг для учащейся рабочей молодежи, издает научно-популярные пособия.

Его работы в области физической оптики были замечены зарубежными учеными. В 1926 году Георгий Иосифович избирается членом Германского физического общества, а в 1928 году статьи по оптическим методам исследования грунтов публикуются в трудах Государственного института гражданских промышленных и инженерных сооружений.

С 1928 по 1932 год он успешно руководит теоретической группой Всесоюзного электротехнического института (ВЭИ). Работая в ВЭИ, он выполнил ряд теоретических и экспериментальных исследований в области воздействия рентгеновского излучения на атомные ядра. В ВЭИ под его руководством учился в аспирантуре Е.И. Векслер, впоследствии академик АН СССР.

По результатам этих исследований им было опубликовано несколько работ. Для примера, одна из них «Можно ли разрушить ядро атомов» (журнал «Искры науки». 1930 год)

В 1929 году по конкурсу он проходит на должность заведующего кафедрой Московского инженерно-строительного института. Активно включается в научную работу кафедры. Для примера приведем только две статьи, опубликованные в трудах Государственного института сооружений в 1930-1931 годах: «Об осадке сплошных фундаментов» и «О распределении напряжений и деформаций в глинистых грунтах под фундаментом».

В 1932 году направленность его научных исследований привлекла внимание представителей Инженерных войск. Георгий Иосифович приглашается начальником кафедры физики, ему присваивается воинское звание «бригадный инженер». Целеустремленно организует научно-исследовательскую работу на кафедре, обращая особое внимание на исследования прикладного характера по механике грунтов и центробежному моделированию (ЦМ) в горном деле, по физике удара и взрыва. Принимает активное участие в подготовке и издании научных монографий и статей. Так, в монографии по физике грунтов (1937 г.), он раскрывает связующее звено физики дисперсных систем и механики грунтов, впервые применяет статистические методы к решению ряда теоретических вопросов механики грунтов, разрабатывает способ расчета осадки сооружений в зависимости от времени и др. В «Известиях АН СССР» в 1937 году публикуются

статьи «О механизме деформации сжатия песка и других аналогичных материалов», «Физика дисперсных систем и изучение строительных материалов», «О моделировании процессов, подверженных некоторым колебаниям». Значительное количество публикаций издается в сборниках ВИА. В качестве примеров – «О распределении энергии удара в неоднородной среде», 1934 год, «Исследование проникания тел в грунты на моделях», 1935 год, «О пробивании многослойного перекрытия авиабомбой или снарядом», 1936 год. Приказом Народного Комиссара обороны Союза ССР он награждается нагрудным знаком «Отличник РККА». В 1932 году Георгию Иосифовичу было присвоено звание «профессора», а решением ВАК от 29.01.1938 года без защиты диссертации ему присуждается ученая степень доктора технических наук.

В 30-х годах Георгий Иосифович усиленно занимается разработкой ЦМ. Первые ЦМ было предложено совместно с Н.Н. Давиденковым в 1932 году и практически развито с И.С. Федоровым. Метод ЦМ был положен в основу экспериментального исследования грунтов и грунтовых сооружений. В монографии «Центробежное моделирование» (1935 г.) были собраны и обобщены результаты исследований, проведенных в различных организациях.

Для осуществления ЦМ были спроектированы и построены центробежные машины. Конструкция и конкретные примеры их использования приведены в монографии /2/. Впоследствии, совокупность исследований по ЦМ совместно с И.С. Федоровым была издана в монографиях «Центробежное моделирование в строительном деле», 1968 год и «Центробежное моделирование в горном деле», 1969 год. О значительном вкладе Г.И. Покровского в ЦМ указывалось на симпозиуме, проведенном в Москве в 1973 году в связи с Всемирным конгрессом по механике грунтов и фундаментостроению. Профессор Манчестерского и Кембриджского университетов А.Н. Скофильд отметил работы Г.И. Покровского как основополагающие в ЦМ. Подтверждением вклада Георгия Иосифовича также может служить приглашение на Международные семинары по ЦМ в Кембриджский университет (сентябрь 1975 г.) и в Калифорнийский технологический институт (декабрь 1975 года). К сожалению, Георгий Иосифович, по независящим от него причинам, не смог принять участие в вышеотмеченных мероприятиях.

К началу Великой Отечественной войны Г.И. Покровский был уже достаточно известным ученым – специалистом в области взрыва и физики атомного ядра. Поэтому не случайно к нему (в числе других ученых) обратились в 1942 году за консультацией при получении первых сведений о разработке в Германии атомной бомбы. Основное содержание этого процесса представлено в работах /3-6/. Так, в апреле 1942 года старшему помощнику уполномоченного ГКО по науке С.А. Балезину из наркомата обороны передали тетрадь убитого немецкого офицера (как выяснилось, тетрадь принадлежала физика Г. Вандервельде). Тетрадь была заполнена сложными математическими расчетами, формулами и графиками, связанными с выходом ядерной энергии из урана. С.А. Балезин доложил С.В. Кафтанову (уполномоченный ГКО по науке) и перевод записей отправил физика-ядерщику А.М. Лейпунскому и специалисту по взрывам и ВВ Г.И. Покровскому. С.А. Балезин запрашивал их мнение о целесообразности развертывания работ по созданию атомной бомбы в Советском Союзе. Оба ответили, что в условиях тяжелого положения в стране неразумно тратить миллионы на то, что даст результат лишь через 10-15 лет.

В своих воспоминаниях Г.И. Покровский так излагает это событие. В мае 1942 года его вместе с О.Е. Власовым, докторам технических наук, профессором ВИА пригласили в штаб Инженерных войск. Им поставили ряд вопросов, в том числе о возможности создания атомного оружия. Кратко ответы были представлены следующим образом: атомное оружие может быть создано; для этого потребуется несколько лет; вероятно изготовление малого количества ядерных боеприпасов; эти боеприпасы могли быть эффективными для поражения отдельных центров в тылу врага, но недостаточны для поражения рассредоточенных вооруженных сил противника.

В статье А.К. Круглова, руководителя Научно-технического управления Минсредмаша, представлена более подробная информация по данному событию /7/: «На необходимость возобновления в СССР работ по урановой проблеме указывал молодой ученый, лейтенант Г.Н. Флеров. В Казани на заседании малого президиума АН СССР его не поддержали крупнейшие ученые – физики А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица и др. из-за значительных затрат. Однако Г.Н. Флеров не успокоился. Полное отсутствие публикаций в зарубежной печати по ядерной проблематике позволило обратиться в ГКО и лично к И.В. Сталину. По-видимому, это, в конечном счете, и подтолкнуло к решению о возобновлении работ. В конце 1942 года ГКО обязал АН начать исследовательские работы по использованию атомной энергии в военных целях и обеспечить их координацию».

В годы ВОВ Георгий Иосифович активно участвует в разработке новых видов оружия. В 1942 году Военное издательство выпустило его книгу «Направленное действие взрыва», а в 1944 году – «Боевое применение направленного взрыва». В монографии на конкретных примерах показано действие кумулятивных боеприпасов.

По результатам исследований в области взрыва, особенно его направленного действия, Георгием Иосифовичем был опубликован ряд статей в трудах АН СССР. Представим только некоторые из них: «Исследование направленного действия взрыва оптическим методом» (совместно с Ф.А. Королевым, ДАН СССР, том X, л. 1, № 6, 1944 год), «К вопросу о направленном взрыве» (совместно с К.П. Станюковичем, Известия АН СССР, серия физическая, том 8, № 4) и др.

Разработки, относящиеся к области направленного взрыва, получили свое практическое воплощение при строительстве ряда гидротехнических объектов:

- Нурекская плотина на реке Вахш;
- Противоселевая плотина в долине Медео около Алма-Аты и др.

В 1946 году решением СМ СССР Покровский Г.И. был включен академиком в состав Академии Артиллерийских наук при ее организации (расформирована в 1953 году). В этом же году открытым изданием в ВВИА была выпущена брошюра Покровского Г.И. (в 1947 году он был назначен в ВВИА начальником кафедры боеприпасов) «Предпосылки использования энергии атомного ядра в авиабомбах». Профессор Стенфордского университета Д. Холлоуей в монографии /3/ дал высокую оценку этой работы. В частности, он пишет: «Из анализа Покровского Г.И. следовало, что оно (ЯО) более эффективно в стратегическом, а не в тактическом применении, причем в тылу противника, против его целей, а не против вооруженных сил на поле боя».

В 1945-1948 годах в ВВИА им был издан фундаментальный трехтомный труд «Физические основы учения о взрыве и ударе». Во втором томе им представлена развернутая картина развития ядерного взрыва в воздухе.

По инициативе Георгия Иосифовича в 1947 году при кафедре боеприпасов создается КБ и учебно-опытный полигон в районе Нарофоминска. В середине 50-х годов КБ было преобразовано в научно-исследовательскую лабораторию.

Осенью 1953 года в соответствии с постановлением СМ СССР вышел приказ МО СССР «О подготовке Вооруженных Сил к действиям в условиях применения атомного оружия». А уже в январе 1954 года личный состав приступил к изучению атомного оружия и способов боевых действий в условиях его применения. В учебных заведениях МО создаются кафедры, циклы, отделы атомного оружия и соответствующие органы и подразделения в войсках. Начальником кафедры атомного оружия в ВВИА назначается генерал-майор ИТС Покровский Г.И. В 1954 году сотрудники кафедры во главе с Георгием Иосифовичем участвовали в Тоцких учениях.

Георгий Иосифович возглавлял кафедру с 1954 по 1968 год. Его научная деятельность в этот период была направлена на исследование боевых свойств ЯО. Изучалось явление рентгеновского удара как поражающего фактора высотного ядерного взрыва.

Покровскому Г.И. принадлежат также публикации об использовании ядерных взрывов в промышленных целях: «Начало эры атомной энергетики» («Техника молодежи». № 9, 1954 год), «О применении ядерных взрывов для промышленных целей» («Горный журнал». № 1, 1956 год).

Помимо своей научно-педагогической деятельности Георгий Иосифович участвовал в работах многих организаций. Приведем только часть из них, подтвержденных архивными документами:

- Консультант треста «Союзвзрывпром»;
- Член Совета по сейсмологии АН СССР;
- Член Секции подземного хранения газов и нефтепродуктов при ГКНТ СМ СССР;
- Член Научного совета АН СССР по проблеме «Народнохозяйственное использование взрывов» Президиума АН СССР;
- Член Межведомственной комиссии по космонавтике АН СССР и др.

Как отмечает Георгий Иосифович в своей автобиографии, основными его научными направлениями были:

- оптика дисперсных сред;
- физика дисперсных сред, в частности, грунтов;
- моделирование механических процессов, в частности, теория и практика центробежного моделирования;
- физика взрыва.

Кроме этого, он занимался некоторыми вопросами ядерной физики и космонавтики.

В течение всей своей творческой жизни Георгий Иосифович занимался популяризацией научных знаний. Первые популярные брошюры по вопросам физики были им изданы в 1923-1924 годах. С 1934 года принимал систематическое участие в работе журнала «Техника молодежи». Значительное количество брошюр по вопросам механики, физики взрыва и др. издавалось в издательстве «Знание». Научные и научно-популярные работы издавались в зарубежной печати (в США, Герма-

нии, Франции, Англии, Польше, Болгарии, Китае).

Деятельность Г.И. Покровского чрезвычайно многогранна. Столь же значительно и его наследие. Он ведь был еще и известным художником и незаурядным поэтом. Он имел незаконченное художественное образование. Учился во ВХУТЕМАСе и работал в мастерской академика Грабаря И.Е. Участник многих выставок и фестивалей по изобразительному искусству. Лауреат Всесоюзного фестиваля искусств в 1965 году. Сохранился список картин, переданных на выставку в Дом пионеров (всего двадцать картин) 19 октября 1965 года. Среди них: «Вездеход на Луне», «Старт ракеты», «Строительство космического кольца вокруг Земли», «Пейзаж на Венере» и др.

Увлекался поэзией. Ряд стихов опубликован в журналах. В качестве примера приведем одно очень примечательное стихотворение, написанное им в 1976 году:

*Нет, не себе, но русскому народу
На долгий век, а не на малый миг,
И в ясный день и в зимнюю непогоду
Я памятник незыблемый воздвиг...*

*Я не хочу как Пушкин и Державин,
Оставить след бессмертный о себе,
Но я хочу, чтоб в беззакатной славе
Жил наш народ в исканьях и борьбе!*

*В борьбе за мир за счастье всех, кто хочет,
Чтоб на Земле угасло пламя зла,
Чтоб путь побед прямой был и короче,
Чтоб жизнь светлей всемирная была!*

*Нет, не себя, среди других возвысить,
Но в цепь одну включить свое звено
В строю, идя в сияющие выси,
Где небо дум мечтой озарено!*

В заключение хочется отметить, что большая скромность, чуткость и отзывчивость поистине талантливого гражданина нашей Родины привлекали к Георгию Иосифовичу многих учеников и последователей. Представим мнение только одного из учеников Покровского Г.И., а именно экс начальника Департамента проектирования и испытания ядерных боеприпасов МСМ Цырлина Г.А., высказанное в интервью известному журналисту Губареву В.С.: «Я работал в Инженерной академии сухопутных войск, где заведовал кафедрой и лабораторией профессор Покровский Г.И. Это был очень талантливый исследователь в области газодинамики и взрывных дел... и очень интеллигентный и симпатичный человек. Я, к счастью, работал у него после окончания МВТУ. Занимался боеприпасами. Когда начали подбирать специалистов в Арзамас-16, то меня пригласили туда».

В настоящее время кафедра, сформированная и выпестованная Г.И. Покровским, опираясь на прочный научный фундамент, заложенный при ее формиро-

вании, под руководством кандидата технических наук, доцента Корягина Н.Д. уверенно продолжает лучшие традиции, прививает слушателям теоретические знания и практические навыки, позволяющие им эффективно выполнять новые боевые и научно-методические задачи по поддержанию высокой боевой готовности частей и соединений ВВС. После ухода Георгия Иосифовича в запас, (1968 год) на кафедре было выполнено более 130 НИР и издано более 50 учебников и учебных пособий. Коллектив кафедры принимал участие в разработке 15 официальных наставлений и руководств.

Литература к параграфу 1.8.:

1. Большая Советская энциклопедия, изд. 3, т. 20, с. 168, 1975.
2. Г.И. Покровский, И.С. Федоров «Центрбежное моделирование для решения инженерных задач», 1953.
3. Д. Холлоуэй, «Сталин и бомба», пер. с английского, Новосибирск, 1997.
4. С.В. Кафтанов, ст. «По тревоге. Рассказ уполномоченного ГКО по науке», журнал «Химия и жизнь», № 6, 1985.
5. С.А. Балезин, ст. «Рассказ профессора Балезина», журнал «Химия и жизнь», № 6, 1985.
6. В. Лота «ГРУ и атомная бомба», «Олма-Пресс», 2002.
7. А.К. Круглов, ст. «Создание научного потенциала атомной промышленности» в мон. «Чернобыль. Катастрофа. Подвиг, уроки и выводы». с. 25-26, 1996.

□ 1.9 О ВКЛАДЕ РАЗВЕДКИ В СОЗДАНИЕ ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ АТОМНОЙ БОМБЫ

Дьяченко А.А.

Доктор исторических наук, полковник в отставке, член Союза писателей СССР, России, действительный член АВН, участник ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в 1986, 1987 годах.

Ниже представлены фрагменты отдельных статей и документов, частично раскрывающих вклад Российской разведки в преодоление монополии США в создании ядерного оружия.

В истории создания первой советской атомной бомбы нет окончательного мнения о месте, роли и вкладе ядерщиков и разведчиков в вопросе решения этой многогранной проблемы.

Как известно, гитлеровская Германия еще в тридцатые годы XX столетия приступила к масштабным военным акциям. Так, в марте 1938 года была захвачена Австрия, а через год – аннексирована Чехословакия. Фактически мировая война приближалась к нашим границам. Немецкие ученые успешно двигались к раскрытию путей использования атома в военных целях.

Возрастание мировой фашистской угрозы побудило всемирно известного создателя общей теории относительности Альберта Эйнштейна обратиться с пись-

мом к президенту США Ф.Д. Рузвельту (август 1939 года). В письме он предлагает президенту интенсифицировать исследования в области создания ядерной бомбы. Президент с учетом и других рекомендаций создает Консультативный комитет по урану, а с началом войны против Японии, Германии и Италии (после нападения японских ВВС на Перл-Харбор 8 декабря 1941 года) США приступают к практическим разработкам атомной бомбы.

Таким образом, достигнутый уровень работ в Германии, Англии и США позволил, а мировая война настойчиво потребовала перейти к изысканиям по урановой тематике и в нашей стране.

Фактически в ядерную гонку включился и Советский Союз, правда, с некоторым опозданием.

Ниже представлены фрагменты отдельных статей и документов известных авторов и специалистов, раскрывающих вклад российской разведки в преодоление отставания страны и монополии США в создании ЯО.

В частности, это материалы советского писателя В. Карпова, известного разведчика П. Судоплатова и его сына А. Судоплатова, Внешней разведки и др.

Из монографии «Генералиссимус». В. Карпов, 2002

В главе «Как Сталин «расщепил» американский атом» обстоятельно раскрывается вклад руководства страны и разведчиков в создание атомного оружия в СССР: «... идея создания атомной бомбы возникла в годы второй мировой войны в Англии, Германии и США, и в этих же странах были начаты практические работы по созданию бомбы. Дальше всех, быстрее и с настоящим американским размахом успешно продвигались Соединенные Штаты, с которыми позднее объединила свои усилия и Англия. Заботы по созданию атомной бомбы в США были законсперированы под названием «Манхэттенский проект». Начальником проекта был назначен генерал Гровс. Он окончил военную академию Веспойнт и строил военные городки, базы. Он построил и здание Пентагона, причем вдвое быстрее запланированного срока!

Среди подчиненных Гровса были такие первые величины современной физики, как Роберт Оппенгеймер, Нильс Бор, Энрико Ферми и др. За короткий срок Гровс создал в долине реки Теннесси город Ок-Ридж с 80 тыс. рабочих и служащих. Другой, тоже засекреченный город-Хенфорд, в пустыне у реки Колумбия, с 60 тыс. жителей.

Весной 1943 года разрозненные исследовательские центры были объединены в отдаленном и удобном для соблюдения секретности Лос-Аламосе, где работало 150 тыс. человек, из них сотни специалистов высшей квалификации.

Американцы создали сложную и мощную систему секретности против утечки информации и проникновения иностранной разведки. Возглавлял эту систему контрразведки полковник Борис Пош, сын митрополита православной церкви в США.

Первое сообщение в ГРУ поступило из Лондона осенью 1941 года: англичане ведут работы по созданию атомной бомбы, обладающей огромной разрушительной силой.

В декабре 1941 года в разведуправление Красной Армии из Лондона поступил еще один доклад по урановой тематике, в котором было 40 листов.

Шло сражение под Москвой. В январе 1942 года поступил еще один доклад,

содержащий 115 страниц о ходе работ британских физиков. Разведуправление 7 мая 1942 года направило письмо руководителю спецотдела АН СССР М. Евдокимову, который мог дать квалифицированную рекомендацию о том, как использовать информацию по урановой тематике». 10 июня 1942 года начальник ГРУ получил ответ из Академии, в нем сообщалось: «...Академия наук не располагает никакими данными о ходе работ в зарубежных лабораториях... За последний год в научной литературе совершенно не публикуются работы, связанные с решением этой проблемы... Это обстоятельство... дает основание думать, что... они проводятся в секретном порядке, а в институтах АН СССР... работы по этому вопросу временно свернуты...»

Полученные материалы из Лондона, кроме АН СССР, были направлены уполномоченному ГКО С.В. Кафтанову. По его приглашению из Казани прибыл И. Курчатов. Он был ознакомлен с документами из ГРУ для оценки полученных документов. Изучив разведданные, И.В. Курчатов подготовил и отправил 27 ноября 1942 года докладную записку председателю СНК СССР В.М. Молотову. В ней он дал подробную оценку сведениям разведки. Представим отдельные выдержки из докладной: «...советская наука значительно отстала от науки Англии и США и располагает несравненно меньшей материальной базой для производства экспериментальных работ; представляется необходимым широко развернуть в СССР работы по проблеме урана...; учредить при ГКО СССР специальный комитет с представителями науки...для руководства этой сложной и громадной задачей». Это был первый документ И.В. Курчатова, знаменующий собой начало работ в стране по созданию отечественного атомного оружия.

Изучив докладную, В.М. Молотов представил ее И.В. Сталину. По его указанию были собраны ученые-атомщики. Многие из них воевали в действующей армии. На совещание прибыли старики, освобожденные от службы в армии по возрасту, да некоторые – по брони. После совещания И.В. Сталин поручил Л.П. Берии взять под свой контроль подлежащую решению проблему по атомной тематике.

В марте 1943 года И.В. Курчатов был ознакомлен с новыми сведениями от разведчиков. Изучив их, он написал докладную записку заместителю Председателя СНК СССР М.Г. Первухину 7 марта 1943 года. Представим краткие выдержки из этого документа: «...материал имеет громадное... значение для нашего государства и науки... Теперь мы имеем важные ориентиры... они дают нам возможность миновать многие... трудные фазы разработки урановой проблемы... решать все проблемы в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые...»

В монографии В. Карпов подробно освещает вклад разведчиков КГБ Героев РФ: Л. Квасникова, резидента в Нью-Йорке (1943-1945), А. Яцкова, В. Барковского, А. Феклистова, Я. Черняка.

В августе 1945 года вышло постановление ГКО СССР «О Специальном комитете при ГОКО». Приведем только отдельные пункты: «Возложить на Специальный комитет при ГОКО:

- руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана;
- развитие НИР в этой области;
- развертывание сырьевой базы внутри СССР и за его пределами по добыче урана;
- организацию промышленности по переработке урана;

- строительство атомно-энергетических установок, разработку и производство атомной бомбы;

...возложить на тов. Берию руководство... закордонной разведывательной работой всех разведорганов (НКГБ, РУКА и др.) по получению информации об урановой промышленности и атомных бомбах».

Под руководством Б.Л. Ванникова создается атомная промышленность.

Создан Ученый совет, в который вошли по рекомендации И.В.Сталина: Алиханов, Ванников, Иоффе, Завенягин, Капица, Кикоин, Курчатов, Махнев. При этом И.В. Сталин предупредил: «Совет должен быть настоящий – не заниматься говорильней».

В дальнейшем И.В. Сталин постоянно контролировал и помогал работе ученых.

Из монографии «Разведка. Кремль». П. Судоплатов, 1996

В главе монографии «Атомный шпионаж» представлена краткая информация о вкладе разведки в создания советского ЯО.

П. Судоплатов, генерал-лейтенант. До 1942 года – заместитель начальника зарубежной разведки. С 1944 года – начальник отдела «Координация работы объединенных разведорганов – Разведывательных управлений по атомной проблеме Красной Армии и НКВД».

«В 1943 году всемирно известный физик Нильс Бор... был озабочен возможным созданием атомного оружия в гитлеровской Германии. Западные ученые высоко оценивали научный потенциал советских физиков... и они искренне считали, что, предоставив информацию Советскому Союзу об атомных секретах и объединив усилия, можно обогнать немцев в создании атомной бомбы.

Еще в 1940 году советские ученые, узнав о ходивших в Западной Европе слухах о работе над сверхмощным оружием, предприняли первые шаги по выявлению возможности создания атомной бомбы. Однако они считали, что создание такого оружия возможно теоретически, но вряд ли осуществимо на практике в ближайшем будущем. Комиссия Академии наук по изучению проблем атомной энергии под председательством академика Хлопина, специалиста по радиохимии, тем не менее, рекомендовала правительству и научным учреждениям отслеживать научные публикации западных специалистов по этой проблеме. Хотя правительство не выделило средств на атомные исследования, начальник отделения научно-технической разведки НКВД Л.Р. Квасников направил ориентировку резидентурам в Скандинавии, Германии, Англии и США, обязав собирать всю информацию по разработке «сверхоружия» – урановой бомбы.

А уже 16 сентября 1941 года британский военный кабинет рассмотрел специальный доклад о создании в течение двух лет урановой бомбы. На эти работы крупному британскому концерну были ассигнованы громадные средства.

Одновременно нам стало известно из другого источника, что Комитет начальников штабов Великобритании также принял решение о строительстве завода по созданию атомной бомбы.

Разведка в США по урановой тематике активизировалась, когда была получена информация «...что американские власти намерены привлечь выдающихся ученых, в том числе лауреатов Нобелевской премии, к разработке особо секретной проблемы, и на эти цели правительство выделяет 20% от общей суммы

расходов на военно-технические исследования... такое решение убедило нас, что оно имеет жизненно важное значение и может... фактически выполнено».

«Важные события произошли и в нашей стране. В мае 1942 года И.В. Сталин получил письмо от молодого ученого – физика Г.Н. Флерова, обращавшего внимание на подозрительное отсутствие в зарубежной прессе с 1940 года открытых научных публикаций по урановой проблеме... что свидетельствовало о начале работ по созданию атомного оружия в Германии и других странах.

Информация по атомной бомбе, поступившая из США и Англии, совпала.

В марте 1942 года Берия направил Сталину всю информацию, поступившую из США, Англии и Скандинавии (не направил, а подготовил, а отправил в октябре 1942 года – от авт.). В письме он указывал, что в Америке и Англии ведутся научные работы по созданию атомного оружия...

До начала 1943 года у нас никаких практических работ в области создания атомной бомбы не велось... были отклонены предложения... начать работы по созданию сверхмощного взрывного устройства...

В марте (в октябре – от авт.) Берия предложил Сталину создать при ГКО научно-консультативную группу из видных ученых и ответственных работников по исследованию атомной энергии. Он также просил... ознакомить наших видных ученых с развединформацией, полученной агентурным путем, для ее оценки. Сталин дал согласие.

О создании атомной бомбы в ближайшем будущем среди ученых возникли разногласия: Иоффе и Курчатов, ознакомленные с материалами разведки, поддержали предложения, а Капица (его проинформировали устно о работах по атомной бомбе в США, Англии и Германии) считал, «что решение этой проблемы возможно только совместными усилиями наших ученых и ученых США и Англии, где проводятся фундаментальные исследования по атомной энергии».

В конце января 1943 года была получена информация, что в декабре 1942 года в Чикаго Ферми осуществил первую цепную ядерную реакцию.

В то же время из Лондона переданы научные труды западных ученых за 1940-1942 годы по атомной энергии. Таким образом, страна располагала протоколами обсуждения на заседаниях английского военного кабинета перспектив использования атомной энергии для создания сверхмощного оружия.

«И.В. Сталин 11 февраля подписал постановление об организации работ по использованию атомной энергии в военных целях, а Берия приказал мне познакомиться с Иоффе, Курчатова, Кикоина и Алиханова с научными материалами, полученными агентурным путем, без разглашения источников информации» (но ввиду высокой компетенции наших ученых... запрет был снят – от авт.).

В апреле 1943 года в АН СССР создается Лаборатория № 2 по атомной проблеме, руководитель – И.В. Курчатов. В декабре 1943 года по прямому указанию И.В. Сталина И.В. Курчатов был избран действительным членом Академии наук. А в 1944 году было принято решение о координации деятельности разведки (Разведуправлений Красной Армии и НКВД) по атомной проблеме.

«Надо отметить, что ознакомление наших ученых с научными трудами разработчиков американского атомного оружия – Оппенгеймера, Ферми, Сциларда – имело важное значение для развертывания у нас работ по атомной бомбе. ...Хочу подчеркнуть, что эта информация поступала к нам конспиративным путем с их ведома.

Описание конструкции первой атомной бомбы стало известно нам в январе 1945 года. Наша резидентура в США сообщила, что американцам потребуется минимум один год и максимум пять лет для создания существенного арсенала атомного оружия... а взрыв первых двух бомб, возможно, будет произведен через 2-3 месяца.

В апреле 1945 года Курчатов получил от нас очень ценный материал по характеристикам взрывного устройства, методе активации атомной бомбы и электромагнитному методу разделения изотопов урана.

Через 12 дней после сборки первой атомной бомбы в Лос-Аламосе мы получили описание ее устройства из Вашингтона и Нью-Йорка. Первая телеграмма поступила в Центр 13 июня, вторая – 4 июля 1945 года.

Качество и объем полученной информации от источников в США и Англии был весьма важен... Подробные доклады, содержащие данные об эксплуатации первых атомных реакторов, спецификации по производству урановой и плутониевой бомбы сыграли важную роль в ускорении наших работ».

В заключение хочу сказать: советская разведка выступила инициатором развертывания широкомасштабных работ по созданию атомного оружия в СССР и оказала существенную помощь нашим ученым в этом деле. Однако атомное оружие было создано колоссальными усилиями наших ведущих ученых-атомщиков и работников промышленности».

Из монографии «Тайная жизнь генерала Судоплатова».

А. Судоплатов, 1998

В главе «Атомный шпионаж» раскрыты факты, недостаточно освещенные в монографии генерала П. Судоплатова. Их содержание частично изложено ниже.

«...существуют две противоположные точки зрения... первая – участие ученых Запада... в шпионаже в пользу Советского Союза, вторая... это ложь. Но и те и другие обходят молчанием – наличие в советских архивах сотен работ западных ученых, таких как Р. Оппенгеймер, Э. Ферми, Л. Сцилард и др., посвященных атомной проблеме. Ясно, что без помощи специальных служб просто невозможно получить секретные документы. ...Можно смело говорить о том, что при создании атомной бомбы в СССР использовался весь научный потенциал, который был уже накоплен на Западе, тем более что разработка конструкции атомной бомбы была поручена Р. Оппенгеймеру. Вместе с небольшой группой физиков-теоретиков он работал в Калифорнийском университете в Беркли...

В конце 1941 или в начале 1942 года было начато дело «Энормас» – разработка отделения НТР органов госбезопасности СССР. Реализация этого дела имела несколько стадий. На первой – и мы и Запад не очень верили в практическую возможность решения проблемы создания урановой бомбы. Так, начальнику отделения НГББ СССР Л. Квасникову Л. Берия написал: «Не верю я вашему агенту Антону... прошу перепроверить через Вашингтон». Первоначальное заключение наших специалистов по проекту «Энормас» было отрицательным... отрицалась практическая возможность. И лишь в 1944 году... появилась достоверная информация, оцененная Курчатовым... о ведении американцами работ... на стадии инженерного решения.

Наиболее известное дело, касающееся атомного шпионажа, – дело Клауса Фукса, одного из разработчиков «Манхеттенского проекта». В 1941 году он был допущен к работам, связанным с созданием атомного оружия. В декабре 1943 года по приглашению Оппенгеймера Фукс приехал в Нью-Йорк и с августа 1944 по июнь 1946 года работал в Лос-Аламосе. 2 февраля 1950 года он арестован. Фукс передал нам материал о взрывном устройстве атомной бомбы.

После создания Лаборатории № 2 к И.В. Курчатову начали поступать все работы по атомным исследованиям, включая сведения разведки из США и Англии.

3 июля 1943 года ГКО рассмотрел вопрос о состоянии разведывательной работы. Были приняты решения о разделении функций и направлений деятельности ГРУ и Первого управления НКГБ СССР. ...Военная разведка передавала НКГБ всю информацию, а также агентуру по атомному проекту.

Качество и объем полученной информации из США и Англии были весьма важны для организации и развития нашей атомной программы...

Ниже представлены краткие биографические сведения на основных участников создания ЯО.

Бор Нильс Хенрик Давид (1885-1962). Выдающийся датский физик-теоретик, один из создателей современной физики. Член Датского королевского общества (1917), президент с 1939 года. Родился в Копенгагене. Окончил Копенгагенский университет в 1908 году. В 1911-1912 годах работал в Кембридже у Дж.ж. Томпсона, в 1912-1913 годах – в Манчестере у Э. Резерфорда. С 1916 года – профессор Копенгагенского университета и с 1920 – директор созданного им Института теоретической физики (Институт Нильса Бора). Почетный член более 20 академий наук, в том числе, иностранный член АН СССР (1929).

Ландау Лев Давыдович (1908-1968). Советский физик-теоретик, академик (1946). Родился в Баку. Окончил Ленинградский университет. В 1927-1932 годах – аспирант, научный сотрудник Ленинградского физико-технического института. В 1932-1937 годах возглавлял теоретический отдел Харьковского физико-технического института и одновременно заведовал кафедрой теоретической физики Харьковского механико-машиностроительного института.

Оппенгеймер Роберт (1904-1962). Американский физик-теоретик, член Национальной академии наук (1941). Родился в Нью-Йорке. Окончил Гарвардский университет (1925). Совершенствовал знания в Кембриджском университете у Э. Резерфорда (1925-1926) и Геттингенском университете у М. Борна (1927), где защитил докторскую диссертацию. В 1928 году возвратился в США. В 1929-1947 годах работал в Калифорнийском университете и Калифорнийском технологическом институте (с 1936 года – профессор). В 1943-1945 годах возглавлял Лос-Аламосскую научную лабораторию. В 1947-1966 годах – директор и в 1947-1967 – профессор Института перспективных исследований (Принстон). Основатель научной школы в Беркли. Член ряда академий наук и научных обществ. С 1948 года – президент Американского физического общества.

Фитин Павел Михайлович (1907-1871). Сотрудник советских органов безопасности. Генерал-лейтенант (1945). Родился в селе Ожогоно Курганской области. В 1932 году окончил инженерный факультет сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. В 1932-1934 годах – заведующий редакцией Сельхозгиза. В 1934-1935 годах служил в Красной Армии. После демобилизации вновь работал до 1938 года в том же издательстве заместителем главного редактора. В марте 1938 года на-

правлен по партнабору на учебу в Высшую школу НКВД. В ноябре 1938 года направлен стажером в 5 отдел ГУГБ НКВД СССР (внешняя разведка). В конце 1938 года назначен заместителем начальника отдела, с мая 1935 года – начальник 5 отдела ГУГБ НКВД СССР. С февраля по июль 1941 года – начальник Первого управления НКВД СССР, с июля 1941 года – начальник Первого управления НКГБ СССР. С мая 1943 по июнь 1946 года – начальник Первого управления НКГБ-МГБ СССР. С декабря 1946 – заместитель уполномоченного МГБ СССР в Германии. С апреля 1947 года – заместитель начальника Управления госбезопасности по Свердловской области. С сентября 1951 года министр госбезопасности Казахской ССР. С марта 1953 года – начальник УМВД по Свердловской области. В июле 1953 года освобожден от занимаемой должности и 9 октября уволен в запас по служебному несоответствию. Работал директором фотокомбината Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Красного Знамени Тувы, многими медалями.

Эйнштейн Альберт (1879-1955). Выдающийся физик-теоретик, один из создателей современной физики. Родился в Ульме (Германия). Четырнадцать лет переехал в Швейцарию, где окончил Цюрихский политехникум (1900). В 1902-1908 годах работал экспертом в патентном бюро в Берне, в 1909-1913 годах – профессор Цюрихского политехникума (в 1911 году – профессор Немецкого университета в Праге), в 1914-1933 годах – профессор Берлинского университета и директор Института физики. После установления власти фашистов, подвергся преследованиям и был вынужден покинуть Германию. В 1933 году переехал в США, где до конца жизни работал в Принстонском институте перспективных исследований. В 1921 году – лауреат Нобелевской премии. Член многих академий наук и научных обществ, в частности иностранный член АН СССР (1926).

Из «Очерков истории российской внешней разведки». т. 4, 2003

Представлены отдельные факты, относящиеся к созданию ЯО из раздела четвертого тома «Очерков» – «Научно-техническая разведка в годы войны». Обстановка для работы разведки в оккупированных Германией странах Европы чрезвычайно осложнилась, и развертывать там работу по ядерной тематике не представлялось возможным. В связи с этим основными центрами приложения усилий разведки стали Великобритания и США, в которых, вероятнее всего, следовало ожидать существенных подвижек в создании атомного оружия.

В эти резидентуры была послана осенью 1940 года директива – выделять центры поиска способов применения атомной энергии для военных целей и обеспечивать получение достоверных сведений о создании атомного оружия. Инициатором этой директивы был начальник НТР, инженер-химик **Леонид Романович Квасников**, в то время единственный на всю разведку человек, знакомый с основами ядерной физики.

Предписание ГКО от июля 1941 года определило тематику получения технической информации преимущественно военного характера. Резидентурам в Нью-Йорке и Лондоне было предложено сосредоточиться на получении секретной информации, в том числе ведущихся исследованиях использования урана как нового источника энергии, проектирования и эксплуатации урановых реакторов.

Однако в вероятность создания своей атомной бомбы в обозримом будущем тогда еще мало кто верил. Накануне войны лучшие научные силы страны были переориентированы на решение более насущных, как казалось руководству, задач. А. Александрову в 1941 году было поручено решать проблему защиты судов против магнитных мин путем размагничивания корпусов кораблей. Другие физики получили свои задания. Работа Уранового комитета, органа, который был создан как совещательный комитет при АН СССР, сама по себе замерла. Не было единства и среди наших ученых – физиков по вопросу о ближайшем создании такого оружия.

Уже в сентябре 1941 года лондонским резидентом А. Горским были получены первые в истории разведки достоверные сведения о том, что идея создания атомного оружия приобрела в Англии практические очертания. Объединенный комитет начальников штабов требовал создать атомную бомбу в течение двух лет. Была добыта информация о деятельности специального Уранового комитета, о величине критической массы урана-235, разделенной на две полусферы для предотвращения преждевременного взрыва, о скорости их соударения не ниже 2-2,5 тыс. метров в секунду в устройстве пушечного типа, о специальном инициаторе для возбуждения цепной реакции в заряде бомбы, о технологии извлечения этого изотопа из натурального урана методом газовой диффузии. Из Лондона информация была передана в Москву. Ее краткое содержание представлено ниже в справке.

Справка

На №6881/ от 25.9.1941 года из Лондона

16.9.1941года состоялось совещание комитета по урану. Основное содержание: урановая бомба может быть разработана в течение двух лет; запал бомбы может быть сконструирован в течение нескольких месяцев; в ближайшее время намечается проведение опытов по достижению наибольшей эффективности взрыва.

Комитетом начальников штабов на своем совещании, состоявшемся 20.9.1941 года, было вынесено решение о немедленном начале строительства в Англии завода изготовления урановых бомб.

Данные были доложены Л. Берии, который отверг их как дезинформацию, нацеленную на отвлечение людских и материальных ресурсов Советского Союза от военных усилий. Тем не менее, он дал согласие направить сведения лондонской резидентуры об атомном оружии на экспертизу в 4 – спецотдел НКВД. Содержание отзыва было уклончивым – создание атомной бомбы не исключено, но на это потребуется много времени, не все еще ясно.

С целью соблюдения хронологической последовательности представим кратко «мытарства» одного из коллег И.В. Курчатова – Г.Н. Флерова, который в трудных условиях ведения войны, находясь в рядах Красной Армии, обнаружил исчезновение из открытой печати с осени 1941 года публикаций по урановой тематике. В связи с этим он обратился к И.В. Курчатову, в Академию наук, в Комитет по высшей школе к С.В. Кафтанову, А.Ф. Иоффе и др., но никто не откликнулся. Шла ожесточенная война!

В марте 1942 года за подписью Л.П. Берии была подготовлена докладная записка И.В. Сталину о разработке атомного оружия нашими союзниками втайне

от нас. А направил ее лишь 6 октября 1942 года, уже после того, как вопрос о создании отечественного центра для создания атомной бомбы был решен без предложения разведки.

Вместе с тем, еще в феврале 1942 года фронтовые разведчики нашли в портфеле убитого немецкого офицера тетрадь с непонятными расчетами, которая была переслана уполномоченному по науке ГКО С.В. Кафтанову. Было установлено, что немцы искали способы применения атомной энергии для военных целей.

В мае 1942 года на имя Сталина в ГКО поступило второе письмо Флерова с настойчивым призывом немедленно начать работы по созданию отечественного атомного оружия, иначе «Запад может нас опередить», которое тоже поступило к С.В. Кафтанову. Кафтанов решил, что наступило время докладывать эту проблему Сталину, и вместе с академиком А.Ф. Иоффе послал ему докладную записку с предложением об учреждении научного Центра для решения проблем атомного оружия в нашей стране.

Совещание у Сталина по этому вопросу состоялось в сентябре 1942 года. В воспоминаниях С.В. Кафтanova отмечалось: «Сталин в конце совещания сказал: «Надо делать».

В постановлении ГКО «Об организации работ по урану» указывалось: «Обязать АН СССР (акад. Иоффе) возобновить работы по исследованию осуществимости использования атомной энергии путем расщепления ядра атома урана и представить в ГКО к 1 апреля 1943 года доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива». АН СССР обязывалась создать лабораторию (под руководством И.В. Курчатова). В числе начатых исследований значились проблемы разделения изотопов урана, в частности разработка метода газовой диффузии.

К февралю 1943 года появились признаки того, что «решения ГКО по урану выполняются плохо». Принимается постановление в феврале 1943 года об интенсификации работ по урану. Спецлаборатория атомного ядра переводится из Казани в Москву...

И она получает кодовое название: Лаборатория № 2 АН СССР. Работы в ней начались фактически с нуля. В это время разведка доводила добываемую информацию до своих ученых и никогда не противопоставляла себя советским физикам. Вклад разведки высоко оценивается И.В. Курчатовым. Он отмечал, что «...она заставляет нас... пересмотреть свои взгляды и указывает... на пути решения всей проблемы в более короткие сроки и т.д. Этапными... явились сведения о плутонии, так как собственных работ по изучению плутония не проводилось (22 марта 1943 года)».

Академик А. Иоффе считал: «...получаемая информация на много месяцев сокращала объем работ...»

Заслуживает внимания содержание письма И.В. Курчатова от 7.3.1943 года, в котором дан отзыв на вклад разведки.

Заместителю председателя СНК Союза ССР тов. Первухину М.Г.

Произведенное мной рассмотрение материалов показало, что получение его имеет громадное, неопределимое значение для нашего Государства... Он дал возможность миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения... Это позволяет установить три новых для советской физики направления в работе.

1. Выделение изотопа урана-236 диффузией.
2. Осуществление ядерного горения в смеси уран – тяжелая вода.
3. Изучение свойств элемента *Полония*.

В заключение: вся совокупность материала указывает на... возможность решения всей проблемы урана в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, не знакомые с ходом работ по этой проблеме за границей.

Кратко представим содержание еще одного отзыва И.В. Курчатова на материалы разведки от 6 апреля 1945 года:

«Материалы большой ценности. Они содержат данные: по атомным характеристикам ядерного взрывчатого вещества; по деталям взрывного метода приведения атомной бомбы в действие; по электромагнитному методу разделения изотопов урана».

Ниже в докладе раскрывается содержание представленных разведкой материалов.

Еще одно краткое заключение И.В. Курчатова от 5 марта 1945 года:

«Материал представляет большой интерес: в нем, наряду с разрабатываемыми нами методами и схемами, указаны возможности, которые до сих пор у нас не рассматривались. К ним относятся: применение урана-гидрида-235 вместо металлического урана-235 в качестве взрывчатого вещества в атомной бомбе; применение «взрыва во внутрь» для приведения бомбы в действие. Дальнейшие подробности заключения раскрывают содержание изложенного...»

□ 1.10. СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНАЯ СТОРОНА СОЗДАНИЯ ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ АТОМНОЙ БОМБЫ

Квасникова Е.В.

*Заведующая лабораторией радиозкологических проблем
Института глобального климата и экологии Росгидромета и
РАН, доктор географических наук, участник ликвидации
последствий катастрофы на ЧАЭС (1986-1987),
внучка Л.Р. Квасникова.*

В последнее десятилетие в общественной печати неоднократно поднимались вопросы о роли советской разведки в создании атомного оружия и атомной промышленности в СССР. В 1995 году несколько разведчиков-атомщиков были удостоены звания Героев России, среди них был и Леонид Романович Квасников, сыгравший важную роль как в создании первой советской атомной бомбы, так и в организации атомной промышленности в СССР.

Квасников Л.Р. родился 16 июня (по старому стилю – 2 июня) 1905 года в г. Узловая (бывш. станция Узловая) Тульской губернии. В 1935 году после окончания института химического машиностроения (МИХМ) поступил в аспирантуру МИХМ, работал над диссертацией по вопросам усовершенствования условий производства снарядов. В 1938 году получил повестку явиться в НКВД, был шантажирован и поставлен в условия невозможности отказа, получив разъ-

яснение, что будет работать по специальности, «в плане новейших научных работ», что у него подходящая биография, и все родственники уже «взяты на учет».

В 1938 году Квасников Л.Р. был назначен заместителем начальника отдела научно-технической разведки, в 1939 – начальником. Вот, что он пишет о состоянии советской разведки в предвоенные годы: «Перед войной разведка была полностью ликвидирована: было много арестов, разгром полный. После моего оформления в отделе разведки я обнаружил трех человек. Все новички. А во всех странах в начале войны было не более 5-6 человек. Всю ту четверть века, пока я возглавлял советскую научно-техническую разведку, огромное внимание я уделял кадрам. Примером характера, образованности, эрудиции, необходимых для разведчика, мне служили те первые мои товарищи, с которыми я работал еще до войны. Маленькое подразделение, едва набравшее десяток человек, по сей день дает основание для расхожего мнения о мощи советской научно-технической разведки в те годы».

Начало своей работы в НКВД Квасников Л.Р. описывает следующим образом: «Никаких ориентировок в смысле выбора приоритетов научных направлений, по которым должна осуществляться разведка, мне никто не давал. Однако первое задание, направленное мною в наши резидентуры в Германии, Англии и Франции, основывалось на знании работ зарубежных ученых. Я был знаком с трудами Отто Гана, Штрассмана, Лизы Мейтнер, Фредерика Жолио-Кюри и Ирэн Кюри. Поэтому задание о том, чтобы обратить первостепенное внимание на научные разработки в области использования ядерной энергии, как для создания нового вида энергетики, так и для создания нового вида оружия, было разработано не случайно. В 1940 году из Лондона пришли первые материалы на мой запрос от резидента А.В. Горского. В те времена в Англии работала знаменитая «пятерка», которая контролировала все наиболее престижные правительственные органы Англии, непосредственно в них участвуя. Горский был на связи с Кимом Филби. Мотивированное письмо английских ученых Пайерлса, Хальберна и Коварского о необходимости начала развертывания работ в государственном масштабе по созданию атомного оружия практически одновременно легло на стол Черчилля и на мой стол в Москве. К сентябрю 1941 года я имел полный текст доклада этих ученых правительству Англии (около 70 страниц) и целую подшивку телеграмм от Горского о развитии работ по созданию атомной бомбы в Англии. Тогда же я составил реферат этого доклада. Именно с ним были ознакомлены наши ведущие физики: Иоффе и Капица вынесли единодушное мнение о том, что в ближайшие годы атомная проблема не может быть решена нигде. Причем ближайшие годы оценивались десятком лет. Только в 1942 года Берия, наконец, ознакомил Сталина с тем рефератом, составленным мною в сентябре 1941 года, к которому был присокуплен полный английский доклад, телеграммы Горского из Лондона, письмо Г.Н. Флерова, датированное мартом 1942 года, и резолюция С.В. Кафтанова по материалам, найденным украинскими партизанами в кармане убитого немецкого офицера, который, по первому заключению А.И. Лейпунского, занимался поисками урана на завоеванной территории. В нашей стране окончательно решение о развертывании работ по созданию атомного оружия сформировалось в правительстве только к октябрю 1942 года. Тогда было создано Сталиным узкое совещание, на котором, кроме Берии и Молотова, присутствовали наши крупнейшие ученые. Тогда впервые было произнесено имя Курчатова».

В конце декабря 1942 года Квасников Л.Р. был освобожден от должности начальника научно-технической разведки на время зачисления «в действующий состав». В марте 1943 года он с семьей прибыл в Нью-Йорк. Одновременно в Москву начали стягиваться лучшие отечественные научные кадры. По официальной легенде Квасников Л.Р. работал торгпредом в «Амторге», занимаясь тем, что в наше время называется маркетингом: составлял каталоги технической продукции США для возможных закупок. А параллельно налаживал связи с учеными-атомщиками, работавшими тогда в Лос-Аламосе и Чикаго.

Из записок Л.Р. Квасникова: «И вот опять я оказался почти один. Оперативного состава по существу не было. Но я отметил двух толковых молодых людей, работавших в других направлениях разведки. Я связался с Москвой и забрал их себе. Это были Анатолий Яцков и Александр Феклисов. Они и были потом основными работниками, которые встречались с людьми, через которых я получал материалы от физиков, работавших непосредственно в Лос-Аламосе. Яцков вышел на связь с Гарри Голдом, через которого мы получали материалы от Клауса Фукса.

Мы теперь рассказываем так свободно о Фуксе не потому, что от него мы имели все основные сведения, а только потому, что он был провален. Фукс был у нас далеко не один. А других имен я, конечно, не назову.

Данные о полной конструкции атомной бомбы мы получили от другого физика, тоже из Лос-Аламоса. Конструкцию первой бомбы «Урчин» или «Малыш-сорванец» я наизусть помню. Еще в Нью-Йорке, когда я разбирался с этим материалом, я сделал для себя вывод, что сам вполне мог бы по полученным данным ее смонтировать. Важнее для нас было получить данные по наработке плутония.

Нейтронный инициатор представлял собой полоний-бериллиевую систему радиусом 10 миллиметров. Общее количество полония составляло 50 кюри. Делящимся материалом бомбы являлась дельта-фаза плутония с удельным весом 15,8 грамма на кубический сантиметр. Внешний диаметр плутониевого шара составлял 80-90 миллиметров. Плутониевое ядро находилось внутри полого шара из металлического урана с внешним диаметром 230 миллиметров. Наружная граница урана была покрыта слоем бора. Металлический уран размещался внутри алюминиевой оболочки, представлявшей собой полый шар с наружным диаметром 460 миллиметров. За слоем алюминия располагался слой взрывчатого вещества с фокусирующей линзовой системой из 32 блоков специальной формы. Общая масса взрывчатого вещества составляла около двух тонн. Я называл бомбу «Матрешкой». а вышеприведенные цифры 88-летний старец с легкостью перечислял, когда это стало можно после многолетнего «обета» молчания.

Данные по диффузионному заводу давал еще другой человек. В Москву были отправлены синьки полного монтажа завода и его оборудования. Получали данные и по обогащению урана, и по реакторам, и по ТВЭЛам. Часть материалов переправляли с курьерами, чаще через канадскую границу, другие передавали шифровками. Только по нумерации этих материалов в Москве работало целое подразделение.

Иной раз сам удивляюсь, почему люди с нами работали. И делаю вывод, что научно-техническая разведка возможна только в одном случае: когда с обеих сторон срабатываются люди, которые не только в идейном плане разделяют

взгляды друг друга, хотя это и весьма немаловажно, но когда эти люди испытывают взаимные симпатии, когда передающая сторона понимает, что информация попадает заинтересованным специалистам. А ведь из центра я получал лишь самые генеральные ориентировки, первые вопросы по полученным материалам задавал я, а не наши ученые из Москвы. Наши информаторы должны были чувствовать, что имеют дело с грамотным специалистом. Это заставляло влезть в проблему досконально. Ученые, которые передавали информацию, зачастую писали данные от руки, поэтому эти документы порой имели форму писем. А что такое письма: иной раз своим близким-то никак не заставишь себя черкнуть пару строк. А здесь совершенно бескорыстно с огромным риском люди исписывали целые страницы».

Квасников, помимо описанных связей, должен был играть также и роль «фильтра», отбраковывая незначимые сведения, повторы, ибо передача информации в Москву имела огромные сложности и риск. Кроме того, среди нужных сведений попадалась и дезинформация, которая могла повести начинавшиеся в СССР работы по ложному пути, что в то жестокое время могло стоить жизни многим людям. Ошибаться было нельзя, и он не ошибся ни разу.

В 1946 году Квасников Л.Р. вернулся в Москву, познакомился с И.В. Курчатовым, вместе с которым он много работал, особенно первое время по возвращении. С Курчатовым их связывала самая теплая дружба, несмотря на то, что в отношениях с Квасниковым Курчатов должен был придерживаться «жестких режимных правил». После взрыва первой советской атомной бомбы 29 августа 1949 года на Семипалатинском полигоне Квасников Л.Р. был награжден орденом Ленина наряду со многими советскими учеными, принимавшими участие в ее создании.

До 1964 года Квасников Л.Р. возглавлял научно-техническую разведку КГБ, затем был уволен в запас в чине полковника. Умер 15 октября 1993 года в возрасте 88 лет, а в 1995 году он посмертно был удостоен звания Героя России.

Квасников Л.Р. не оставил после себя ни развернутых воспоминаний, ни научных работ (о чем сожалел до конца жизни), кроме нескольких старых аспирантских чертежей да нескольких томов «амторговских» каталогов, составленных в Нью-Йорке. В последние годы жизни он попытался кое-что записать, однако, считая себя профессионалом молчания, он так и не опубликовал своих записок.

Квасников Л.Р. никогда не оспаривал роли ученых в создании бомбы, считая ее продуктом многих тысяч людей, а ее взрыв 29 августа 1949 года – делом чисто политическим и патриотическим. В то же время свою роль в создании атомной промышленности считал важной, ибо многие действия и механизмы начинали «работать» только после того, как они подкреплялись своевременными и грамотными действиями разведчиков.

В конце жизни Леонид Романович, человек, обладавший большим чутьем, говорил об угрозе ядерного терроризма, считал Чернобыльскую аварию продуктом непопозволительной безответственности и нарастающей общественной распушенности, а организацию ликвидации ее последствий – примером проявлений высочайшего профессионализма, позволившего принять взвешенные решения.

При подготовке материала были использованы записки и воспоминания Л.Р. Квасникова, подготовленные Квасниковой Е.В., а также источники:

1. Круглов А.А. Роль различных министерств и ведомств в атомном проекте СССР / ЦНИИАтоминформ. Бюл. ЦОИ по атомной энергии, 1996, № 6.
2. 50 лет мира. К 50-летию испытания первой советской атомной бомбы (1949-1999). – Саров, РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1999.
3. Дамаскин И.А. Сталин и разведка. – М.: Вече, 2004.
4. Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. /Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т.1. 1938-1945: В 2 ч. Часть 1 / М-во РФ по атом. энергии; отв. сост. Л.И. Кудинова. – М.: Наука. Физматлит, – 1998. – 432 с. Часть 2. – М.: Изд-во МФТИ. – 2002. – 800 с. Т. 2
5. История атомного проекта. М.: РНЦ «Курчатовский институт». Вып.2 (1995) – 305 с.; вып. 3 (1995) – 205 с.; вып. 4 (1995) – 291 с.; вып. 5 (1996) – 243 с.; вып. 6 (1996) – 141 с.; вып. 11 (1997) – 229 с.
6. Квасникова Е., Матущенко А. Конструкцию первой атомной бомбы он помнил наизусть, или Л.Р. Квасников – первый разведчик, работавший в интересах советского атомного Проекта. – Бюллетень по атомной энергии. 2005. – № 8. С. 83-86.

□ 1.11. ОТ ФИЛИАЛА КБ-11 К ВСЕРОССИЙСКОМУ НИИ АВТОМАТИКИ

Бриш А.А.

Мы отметили 50-летие Российского Федерального ядерного центра – ВНИИЭФ, создателя первого отечественного ЯО. И в те далекие годы, и после взрыва нашей первой атомной бомбы в 1949 году, трудно, невозможно было представить, как пойдет дальнейшее развитие атомной и ядерно-оружейной отрасли.

Начались «холодная война» и противостояние двух великих ядерных держав. Наличие атомных и мегатонных термоядерных бомб, которые можно было доставлять к цели самолетами, посчитали недостаточным. Потребовались и другие средства доставки. В первую очередь, это межконтинентальные баллистические ракеты морского и сухопутного базирования, а также крылатые ракеты, самолеты, снаряды, торпеды, артснаряды с ядерными зарядами.

Необходимо было расширять работы по ЯО.

В КБ-11 к середине 1952 года были завершены исследовательские работы по созданию новой автоматики подрыва и нейтронного инициирования ядерных зарядов, одного из основных узлов ядерного боеприпаса. В сентябре 1952 года научно-технический совет КБ-11 под председательством И.В. Курчатова одобрил проведенную работу и принял решение испытать в 1954 году новую автоматику в составе авиабомбы РДС-З. Для решения отдельных вопросов по этой автоматике были привлечены различные организации, такие как НИВИ (директор С.А. Векшинский), ОКБ-678МРП, Институт физических проблем.

После длительных поисков и переговоров для разработки чертежей и изготовления опытной партии автоматики подрыва и необходимой контрольной аппаратуры был подключен авиационный завод № 25. Завод, располагавший конструкторским бюро, разрабатывал и изготавливал стрелково-пушечное вооружение и электрооборудование для военных самолетов, был хорошо оснащен производственным оборудованием, владел современными технологическими процессами, располагал кадрами опытных конструкторов, исследователей, технологов и производственных рабочих. Сразу же после выпуска соответствующего распоряжения Совета Министров (февраль 1953 года) на заводе № 25 были развернуты опытно-конструкторские работы. Новой разработкой занялись руководители подразделений Н.В. Пелевин, М.Г. Иншаков, С.В. Саратовский, Н.Л. Капустин, С.М. Грановский, Г.М. Каширцев, Н.И. Рыжков, И.Н. Рыбкин. Активно подключились к совместным работам сотрудники КБ-11 А.И. Белоносов, Е.А. Сбитнев, Д.М. Чистов, С.А. Хромов, Л.К. Желтое, М.С. Тарасов.

Всячески форсируя разработку новой автоматики и привлекая организации других ведомств, главный конструктор Ю.Б. Харитон понимал, что передача основного узла автоматики ядерных боеприпасов, ответственного за инициирование ядерного взрыва, в другое ведомство недопустима. Поэтому перевод завода № 25 из МАПа в МСМ был вполне закономерен. Совсем кратко об этом пишет Ю.Б. Харитон в ответствии коллективу ВНИИА в связи с 40-летием института:

«В моей памяти прочно держится разговор с Председателем СМ СССР Маленковым Г.М. о необходимости передачи в наше министерство из МАПа опытного завода № 25, так как это позволит существенно ускорить совершенствование ЯО. Оборудование завода идеально подходит для разработки и выпуска фундаментально нового метода нейтронного инициирования взрыва ядерного заряда». Предложение о передаче завода № 25 из МАПа в МСМ было принято.

Идея метода была выдвинута В.А. Цукерманом, Я.Б. Зельдовичем и реализована группой физиков, работавшей под руководством А.А. Бриша. Как через ряд лет выяснилось из печати, сходные работы были проведены и в США.

В соответствии с Постановлением СМ СССР от 5 мая 1954 года завод № 25 был переведен в систему МСМ для расширения работ по созданию ЯО. На базе его конструкторских, технологических и производственных подразделений был создан филиал 1 КБ-11, на который были возложены разработки:

- ядерных боеприпасов для различных классов носителей совместно с КБ-11, за которым оставались разработки ядерных зарядов;
- автоматики подрыва и нейтронного инициирования;
- контрольно-измерительной аппаратуры;
- бортовых приборов автоматики.

Руководителем филиала стал заместитель главного конструктора КБ-11, трижды Герой Социалистического Труда, Лауреат Ленинской и Государственных премий, член-корреспондент Академии наук, генерал-лейтенант Николай Леонидович Духов.

Н.Л. Духов после окончания Ленинградского политехнического института в течение 16 лет работал на Кировском заводе г. Ленинграда, а с 1941 года – г. Челябинска, пройдя путь от инженера технического отдела до главного конструктора «Танкограда», став крупнейшим специалистом в стране в области танкостроения. Является создателем тяжелых танков принципиально нового типа серии КВ и ИС, в том числе танка ИС-2, появившегося на

фронте в начале 1944 года и справедливо завоевавшего славу самого мощного танка второй мировой войны.

В 1948 году Н.Л. Духов был привлечен к работе по созданию ЯО в качестве главного конструктора КБ-11, объединив специалистов, разрабатывающих как конструкцию собственно ядерного заряда, так и конструкцию авиабомбы. Он был активным участником испытаний первой плутониевой бомбы, проведенных 29 августа 1949 года на Семипалатинском полигоне.

Работая под руководством и в тесном взаимодействии с И.В. Курчатовым и Ю.Б. Харитоновым, Н.Л. Духов внес значительный вклад в дело ликвидации монополии США на ЯО.

Коллективу филиала 1 под руководством Н.Л. Духова практически все приходилось начинать заново. Если в создании специальной автоматики подрыва и отдельных приборов имелся какой-то, хотя и небольшой опыт работы, то разработка ядерных боеприпасов началась, как говорится, с нуля. Эта работа, помимо тесного взаимодействия с разработчиками носителей различного класса, требовала нового подхода к конструированию, серьезного теоретического анализа параметров движения носителей, учета физических факторов, определяющих работу автоматики. Многое надо было осмыслить, понять, многому надо было научиться. И здесь ярко проявился конструкторский талант Н.Л. Духова, огромный жизненный опыт, инженерная интуиция, его необыкновенная способность вносить ясность в самые запутанные вопросы и находить простые решения сложных и, казалось бы, неразрешимых задач.

Пятидесятые и шестидесятые годы характеризуются созданием новых носителей с различными траекториями и видами базирования. Появились более жесткие, чем для авиабомб, требования по весам и габаритам, траекторным воздействиям и другим эксплуатационным характеристикам.

Формировалась новая отрасль – создание ядерных боеприпасов отдельных видов вооруженных сил. Особое внимание уделялось безопасности ядерных боеприпасов, в том числе при аварийных воздействиях, стойкости к поражающим факторам, а также высокой боеготовности.

Работы по ЯБП велись в тесном контакте с разработчиками новых носителей. Генеральными и Главными конструкторами С.П. Королевым, В.Н. Челомеем, П.Д. Грушиным, Л.В. Люльевым, А.Н. Туполевым, А.И. Микояном, П.О. Сухим, С.А. Лавочкиным, А.Я. Березняком, И.С. Селезневим, Р.В. Исаковым и др.

В мае 1954 года вышло Постановление Совета Министров о разработке первой межконтинентальной ракеты с ядерным боеприпасом.

Филиалу КБ-25 поручалось создание ЯБП большой мощности для этой ракеты. Перед разработчиками ракеты, термоядерного заряда и боеприпаса в целом были поставлены новые сложные задачи, найти решение которых предстояло в короткие сроки.

Коллективу, возглавляемому С.П. Королевым, и привлеченным организациям удалось преодолеть множество трудностей, и уже через три года, в мае 1957 года состоялся первый удачный пуск ракеты.

Опыта разработки зарядов и приборов автоматики, выдерживающих механические нагрузки, в десятки раз превосходящие нагрузки в самолетах и бомбах, у нас не было. Необходимо было искать новые подходы к решению прочностных вопросов по всем конструктивным частям заряда, приборов автоматики и их элементов.

□ 1.12. КУРЧАТОВ «РОЖАЛ» БОМБУ, РАЗВЕДКА ПРИНИМАЛА «РОДЫ»

Долгополов Н.М.

Полковник Службы внешней разведки (СВР), Герой России В.Б. Барковский – один из немногих, кто не только наизусть знает историю создания советской атомной бомбы. Он и его агенты вписали в ее историю несколько славных страниц.

Барковский Владимир Борисович (1913-2003)

Герой России – это звание присвоено полковнику СВР в 1996 году. В разведку пришел в 1939-м. После годичного обучения в специальной школе в 1940 году приступил к работе в Лондоне под дипломатическим прикрытием. По окончании второй мировой войны был командирован в США, где работал по линии научно-технической разведки. Лично завербовал несколько ценных агентов. И в Англии, и в США участвовал в ответственных операциях по добыче атомных секретов. Долгие годы трудился в центральном аппарате СВР. Вел преподавательскую работу. Входил в группу консультантов при директоре СВР по линии научно-технической разведки. Автор опубликованных в открытой печати статей по истории создания советской атомной бомбы. Увлекался планеризмом и многими другими видами спорта, отличный теннисист.

Коллеги величали Барковского легендой разведки. А «легенда» в свои далекие за 80 лет почти каждое утро мчалась от станции метро «Сокол» в неблизкое Ясенево и вкалывала наравне с «юными питомцами чекистского гнезда». Полковнику было поручено написать истинную, без всяких политических прикрас, историю СВР, и он с удовольствием выполнял приказ.

Увы, его книгам никак не суждено превратиться в бестселлеры. На десятки, если не больше, лет многие главы обречены на существование под грифом «Совершенно секретно». Но некоторые любопытные эпизоды, кое-какие важные факты, да и несколько неведомых раньше имен полковник Барковский в долгих беседах со мной обнаруживать согласился. Ведь о первой нашей атомной бомбе ходит сегодня столько небывлиц. Вот короткая запись наших бесконечных разговоров.

Мой собеседник сухоощав, подвижен и на все вопросы реагирует с быстротой необыкновенной. Легко называет даты, мгновенно и безо всяких усилий вспоминает фамилии русские и гораздо более сложные иностранные.

Отыщется ли в мире государство без секретов? В любой нормальной, уважающей себя стране наиболее талантливые и почти всегда самые высокооплачиваемые ученые, конструкторы корпят над разработками, призванными обеспечить приоритет в военной, хотите – оборонной, промышленности. Подходы к таким людям, естественно, затруднены. Общение с иностранцами им если не запрещено, то мгновенно привлекает внимание местных спецслужб. Элита оберегаема, она защищена, подстрахована и изолирована от излишнего назойливого любопытства.

Но почему же тогда чужие тайны все же выдаются и покупаются? У моего собеседника на это особый взгляд. Как-никак больше шестидесяти лет работы в научно-технической разведке:

– Да, мы всегда очень пристально наблюдаем за теми, кого называем «вербовочным контингентом», т.е. за кругом лиц, среди которых разведка может подобрать помощников. Понятно, изучаем подобный контингент среди ученого мира. И вывод тверд. Чем выше место ученого в научной иерархии, тем затруднительнее к нему вербовочный подход. Корифеи науки, а среди них раньше встречалось немало левонастроенных либералов, могли симпатизировать СССР, интересоваться нами и потому вроде бы идти на сближение. Но, как правило, контакты ограничивались праздно болтовней. Великие очень ревностно относятся к собственному положению: не дай Бог чем-то себя запятнать. От уже занимающихся секретными исследованиями и знающих цену своей деятельности никакой отдачи ожидать нельзя. Инстинкт самосохранения у них гораздо сильнее мотивов сотрудничества. Берегут себя даже чисто психологически, а через это не перешагнуть. Поэтому мы старались выявить людей, работавших вместе с ними, около них и близких к нам по духу, идее. Найти таких, на которых реально можно было бы положиться. Может быть, в науке они и не хватали звезд с неба. Однако вся агентура, с которой сотрудничали, была совсем недалеко от высших сфер. Легитимно знала все, что происходит в области ее деятельности. Непосредственно участвовала в исследованиях – теоретических и прикладных, наиболее важных и значительных. Только была немножко, на определенный уровень, ниже светил.

«Пятерка» из Кембриджа добралась до атомных секретов первой

«Кембриджская пятерка» – классический и крупнейший, по крайней мере, из открытых миру триумфов советской внешней разведки. Ким Филби, Гай Берджесс, Дональд Маклин, Энтони Блант, а также недавно официально признанный пятым номером Джон Кэрнкросс. Поговаривают, будто бы, возможно, не исключено... имелся и шестой. Однако если на публичную выдачу Кэрнкроссу почетного (или не очень?) билета в этот разведклуб у Москвы ушло около полувека, то имени номера шесть не назовут уже никогда. Жив ли он? Вряд ли. Всплывают время от времени фамилии каких-то англичан, поселившихся во Франции и якобы сотрудничавших с Филби. Кто-то еще вроде сбежал, но не в Москву – куда подальше от Британских островов... Шестого, если он существовал, не вычислить.

Отдает примитивной арифметикой, однако есть основания утверждать: в Москву первый сигнал о начале работ над атомной бомбой в Великобритании и США поступил где-то в середине осени 1940 года от все той же «пятерки». Джон Кэрнкросс трудился личным секретарем у некоего лорда – руководителя Комитета по науке. И стихийно, без всяких заданий Центра, наверное, не особенно осознавая важность информации, все же передал предупреждение.

Какова была реакция? Узнать не дано. Недаром В.Б. Барковский упорно повторял: архивные материалы не сохранились. Почему? Вопрос как бы в пустоту.

Но приблизительно к ноябрю 1941 года Москва встрепенулась. По всем иностранным резидентурам разослали директиву: добывать любые сведения об атомном оружии! Срочно. И резидент в Лондоне А. Горский дал задание все тем же ребятам из «пятерки». Первым откликнулся Маклин. Притащил протокол заседаний английского Уранового комитета. Выходило, что идея создания атом-

ной бомбы успела получить одобрение Объединенного комитета начальников штабов. Больше того, генералы торопили: дайте ее нам через два года. Маклин добыл вполне конкретные данные о том, какой видели для себя англичане конструкцию атомного оружия. На документах – четкие схемы, формулы, цифры.

– Владимир Борисович, а вы общались с Филби, Маклином?

– Нет, это делал Горский. Я туда не вмешивался. Но принес Горский материалы, а в них – технические термины, выкладки и прочая чертовщина. И он мне говорит: «Ты инженер. Разберись. Подготовь для обзорной телеграммы». А там 60 страниц. Я всю ночь корпел, но обзор составил.

– Я правильно понял: Маклин принес оригинал?

– Именно. Один из экземпляров Уранового комитета. То было наше первое сотрудничество с атомной проблематикой. Должен признаться, я тогда не отдавал себе отчета, с чем мы имеем дело. Для меня это была обычная техническая информация, как, скажем, радиолокация или реактивная авиация. Потом, когда я в проблему влез как следует и уже появились у меня специализированные источники, я стал понимать.

– Владимир Борисович, ну неужели британская контрразведка настолько бездарно проморгала пятерых таких асов? Утечка-то была жуткая! Ведь посты эти пятеро занимали ключевые.

– Эта утечка у них незаметна до тех пор, пока не начнется утечка у нас. А у нас все было очень здорово организовано. Конспирация соблюдалась, как святой завет, чтобы никто не смел догадаться, чем мы занимаемся, что имеем. Могу утверждать: до взрыва нашей атомной бомбы в 1949 году в СССР они не имели ясного представления, что у нас эта работа ведется и где, что у нас делается. Предполагать же могли что угодно. Английские и американские физики отдавали должное нашим Харитону, Флерову, Зельдовичу. Считали их крупными фигурами. Знали, что советская ядерная физика развивается успешно и какие-то намерения в отношении атомного оружия мы тоже имеем. Но они многое списывали на войну: трудности, безденежье, некогда русским этим заниматься. Первый взрыв нашей атомной бомбы 29 августа 1949 года был трагедией для их политиков и, понятно, разведчиков. По всем статьям проморгали.

О первом задании – рассказ от первого лица

– Видите ли, я – кондовый научно-технический разведчик. И вдруг совершенно неожиданно приглашают на Старую площадь и долго-долго мурыжат. Всякие комиссии, разговоры, заполнение анкет, ждите-приходите. А в июне 1939 года приглашают в какое-то укромное место, отвозят в спецшколу и только там сообщают: вы будете разведчиком.

Тогда система подготовки была не такая, как сейчас. Академии и всего прочего не существовало. Маленькие деревянные избушки, разбросанные по всей Московской области. Принималось в спецшколу человек по 15-20. На моем объекте обучались 18 человек, четыре языковые группы – по 4-5 слушателей в каждой. Группки крошечные, и друг друга мы совсем не знали. Да, такая вот конспирация. Она себя здорово оправдывала. Я, например, учился в одно время с Феклисовым и Яцковым (знаменитые разведчики, приложившие руку к похищению секретов немирного атома. – Н.Д.). Но познакомились мы уже после возвращения из своих первых и весьма долгосрочных заграничных командировок. К чему лишние разговоры, лишние встречи?

Вскоре мы поняли, что нас принялись резко подгонять. Целый ряд предметов был снят, и засели мы только за язык. Занимались совершенно зверски. Каждый день по шесть часов английского с преподавателем плюс три-четыре часа на домашние задания.

Не успел я отгулять отпуск, как меня – в английское отделение госбезопасности. Месяц стажировки в МИДе, а в ноябре меня уже откомандировали в Англию. Спешка страшная. Европа воюет, а английской резидентуры как бы и нет. В 1939 году по указанию Берии ее закрыли как гнездо «врагов народа». Отозвали из Лондона всех и агентуру забросили. Только в 1940-м поехал туда резидентом Анатолий Горский. Приказ простой: срочно восстановить связи, отыскать Филби, обеспечить немедленное поступление информации. А на помощь Горскому отправили двух молодых сосунков – меня и еще одного парнишку из таких же недавних выпускников.

В Англию я уехал в ноябре 1940-го. Нас в резидентуре – только трое, а работы... О первом соприкосновении с атомной проблематикой я вам уже рассказывал. Горский решил, теперь понимаю, абсолютно верно, что мне, инженеру по образованию, и заниматься научной разведкой. А ведь еще за год до этого о такой специализации у нас и не думали. Хотя к концу 1940 года в СВР в Москве уже сформировалась маленькая группа из четырех человек во главе с Л. Квасниковым.

Инженер-химик, выпускник Московского института машиностроения, он имел представление о ядерной физике. Следил за событиями в этой области и, конечно, не мог не заметить, что статьи по ядерной проблематике вдруг, как по команде, исчезли из зарубежных научных журналов. Идея создания атомного оружия витала в воздухе. Над ней задумывались и в США, и в Англии, и в Германии, да и у нас тоже. Но там дело поставили на государственные рельсы: им занимались специально созданные правительственные организации. В СССР ограничились учреждением неправительственной Урановой комиссии в системе Академии наук. Ее задачей стало изучение свойств ядерного горючего – и все. С началом войны комиссия прекратила существование. Между ней и разведкой никаких контактов не было.

Квасников не знал, что есть Урановая комиссия, комиссия и не подозревала, что существует новорожденная научно-техническая разведка. Зато он знал о работах наших ученых, о тенденциях в странах Запада. Выстраивалась стройная система: пора браться за атомную разведку. И родилась директива, на которую откликнулся Маклин. Таким было начало. Задания технического профиля резидент Горский передавал уже мне.

Англичане шли в ГПУ добровольно

– Владимир Борисович, а нельзя ли узнать о ваших личных контактах с агентами поконкретнее? Вы вербовали ученых-атомщиков? Как? Кем были эти люди?

– Ну, не все было так примитивно. Обработывая доклад Маклина, я впервые столкнулся с атомной проблематикой, это и заставило меня засесть за учебники. Я принял на связь человека, который пришел к нам сам, безо всякой вербовки, желая помочь и исправить несправедливость.

– Коммунист? Борец за социальные права?

– Коммунист, но в войну было не до этих самых прав! А несправедливость, по его мнению, заключалась в том, что от русских союзников утаивались очень важные работы оборонного значения. На первой встрече он мне начал с таким воодушевлением что-то объяснять, а я лишь имел представление о строении ядерного ядра и, пожалуй, не более.

– Это был Фукс, который потом и выдал все атомные секреты?

– Нет, не Фукс. Совсем другой человек. И спрашивает он меня: «Вижу, из того, что я говорю, вы ничего не понимаете?» Признаюсь: «Ну совершенно ничего». Мне вопрос: «А как вы думаете со мной работать?» И тут мне показалось, что я выдал гениальный по простоте вариант: «Буду передавать вам вопросы наших физиков, вы будете готовить ответы, а я – отправлять их в Москву». И здесь я получил: «Так, мой юный друг, не пойдет, потому что я хочу в вашем лице видеть человека, который понимает хоть что-то из сведений, которые я передаю, и может их со мной обсудить. Идите, – приказывает мне, – в такой-то книжный магазин, купите там американский учебник «Прикладная ядерная физика», мы с вами его пройдем, и вам будет после этого значительно легче иметь со мной дело». Я тоже иного выхода не видел. На мне висели все мои заботы, как кружева, но за учебники я засел. И когда этот человек мне сказал, что со мной можно иметь серьезные дела, я был счастлив.

– Насколько понимаю, информация передавалась бесплатно?

– Абсолютно. Он не только сообщал мне технические данные, но еще и втолковывал смысл, чтобы я уразумел, о чем идет речь. Я составил собственный словарь, который страшно пригодился. Термины все были новые, неслыханные. А люди эти не стоили казне ни фунта – народ инициативный, мужественный, считал помощь Советам моральным и политическим долгом. Касается это, понятно, не одних атомщиков. Когда принимал на связь первого человека, то знал: он радиоинженер. Но как вести себя с ним, как наладить контакт? Однако мы сразу поняли друг друга. Он представления не имел, кто я и о чем собираюсь просить. Рассказал мне: «У нас в Королевском морском флоте создана специальная антимагнитная система для защиты судов от немецких мин. Перед вами встанет такая же проблема, и я принес подробную информацию, как это делается, из каких материалов. А вот схемы, чертежи...» И со всеми людьми, нам помогавшими, отношения были хорошие, чисто человеческие.

– И никто не брал денег?

– Ну, говорю же вам. У меня на связи было... человека (число, по договоренности с собеседником, не называю, но оно совсем немалое. – Н.Д.). Правда, не все сразу, а в общей сложности. Но бывало, что человек 15-18 в одно время.

– Владимир Борисович, а тот человек, который сам пришел к вам и просветил нашу разведку и Курчатова относительно секретов «немирного» атома, он так и останется для нас мистером Икс?

– Даю стопроцентную гарантию. Имен наших агентов не называли и называть не будем. А тех, кто вышел, как мы говорим, на поверхность, пожалуйста. И добавлю, Курчатов был и без мистера Икс ученым исключительно просвещенным.

– А Икс? Он был известным ученым?

– Не очень. Но непосредственно участником важных исследований. Атомную проблему решали крупнейшие университеты – Эдинбург, Ливерпуль... Да, Икс был в курсе.

- А после войны он сотрудничал с вами?
 - С нами. Работал, работал.
 - И так же безвозмездно?
 - Так же.
 - Долго?
 - Ну, еще годика три. Затем перешел на преподавательскую работу и некоторые свои возможности потерял. Поддерживал с нами контакты время от времени, однако отдачи от него уже практически не было.
- Вот такой получился Фукс.

Дело советского атомного шпиона, вернее, агента-помощника, разведчика Клауса Фукса выбивается из общего ряда. Немецкий антифашист и ученый-атомщик передавал ядерные секреты откуда только мог. А судьба забрасывала его, сбежавшего из фашистской Германии, и в американскую атомную колыбель Лос-Аламос, и в британские ядерные центры. Ему не хватало гениальности Оппенгеймера, Бора или Теллера, однако сведения Фукса оказались бесценны. Их ущерб и наш выигрыш в деньгах, а также во времени не измерить никакими миллиардами.

Но, попав в 1950 году в английскую тюрьму, Фукс был оставлен, точнее брошен на произвол судьбы. Отсидев девять лет из щедро «отпущенных» ему британской Фемидой четырнадцати, Фукс был освобожден в июне 1959-го за примерное поведение, тотчас уехал в Германию, совсем не Западную. Англичане предлагали Фуксу остаться работать у них. Он же попросил отвезти его прямо из тюрьмы в аэропорт и рванул в Восточный Берлин. Ему шел 49-й год. Но и в дружественной нам ГДР советские товарищи за все годы ни разу не пытались хоть чем-то отблагодарить героя. Первым это сделал соратник Барковского, тогда уже отставной полковник Феклисов в 1989 году (!). По собственной инициативе и, увы, после смерти ученого. А немец ждал, как рассказала его вдова Маргарита Фукс, до последнего. И еще оправдывал русских друзей, объясняя супруге, а может, и себе, что никого из советских, с кем сотрудничал, в живых, наверное, не осталось... Что же произошло?

Барковский знает. У него своя версия. Я лишь изредка перебивал Владимира Борисовича. Он – профессионал, практик и историк. Я – литератор, старающийся разобраться в запутаннейшем лабиринте советской атомной разведки. Что мое мнение по сравнению с его? И все-таки здесь наши точки зрения не всегда совпадали.

Но слово Барковскому:

– Фукс действительно фигура выдающаяся. Причем, сделайте себе обязательную пометку, не всегда и не во всем понятная. Его судьба, вы правы, трагична. Меня лично, детальнейше анализировавшего это дело, берет досада. Знаком с Фуксом не был, но изучал его по сообщениям моего товарища, долго с ним работавшего, читал донесения, документы, книги. И потому считаю, что в провале Фукса мы сами сыграли какую-то роль, которая привела его к признанию.

Он сын лютеранского священника, защитника страждущих и угнетенных. Приход отца был в рабочем районе. Понятно, Фукс вступил в соцпартию, затем разочаровался и перешел к коммунистам. Активно работал, но засветился и

оказался на грани ареста. Компартия ему приказала: уезжай и учись, становись ученым, ты понадобишься будущей Германии. Там фашизм, концлагеря, а ему – о будущем. Он уехал и сам решил помогать нам, исправлять несправедливость.

– Несколько абстрактно. Кто же, где и как, если говорить конкретно, завербовал Фукса?

– Вербовки в принципе не потребовалось. Фукс, осевший в Англии, посоветовался со своим другом. Был такой антифашист Кучински – юрист и экономист по профессии. В советском посольстве его знали очень хорошо. Активист Общества англо-советской дружбы, приглашался к нам на приемы, общался с дипломатами. Ему не составило труда прийти прямо к послу Майскому и предложить: есть ученый-атомщик, который будет вас информировать. Майский пригласил военного атташе и приказал им заняться. И на встречу с Фуксом послали помощника военного атташе Семена Кремера. Интеллигентный, квалифицированный военный разведчик, выделявшийся среди всех остальных соотечественников из ГРУ. Поддерживал прекрасные отношения со всеми не по долгу службы, а искренне, душевно. Кстати, когда в 1943 году закончилась его командировка, он пошел не в центральный разведывательный аппарат, а попросился на фронт. Закончил войну командиром крупного танкового подразделения, генерал-лейтенантом.

Так Фукс пришел в советскую разведку. Много делал для нас в Англии и в США поехал уже готовым агентом. Сначала он работал в Чикаго, затем в Нью-Йорке и, наконец, добрался до секретнейшей лаборатории в Лос-Аламосе, где творили атомную бомбу.

– Владимир Борисович, а Клаус Фукс – это все-таки не тот таинственный «Персей»?

– Нет, «Персей» – американец. Фукс – немец, работавший под именем Чарльз. После войны он вернулся в английский ядерный центр Хауэлл, сотрудничал с нами еще года четыре вплоть до ареста. В Хауэлле вокруг него сложилась тяжелая психологическая атмосфера. В 1946 году провалился английский ученый Алан Мэй, выданный предателем. И тут многих англичан-атомщиков начали прощупывать. Американцам казалось, что как раз из группы английских исследователей исходит утечка информации. Едва ли не все они попали под подозрение. Понятно, зацепили Фукса, бывшего, как было американцам известно, социалиста. Есть у нас смутные подозрения, будто то ли в Гамбурге, то ли Бремене американцы наткнулись на гестаповские архивы и нашли там дело подпольного коммуниста Фукса. Но эти данные ни в каких судебных материалах не фигурировали. И все равно тучи над ним сгущались. Конкретных данных на Фукса, поводов для глумления не было. Неясные подозрения. Я имею право это сказать совершенно четко. Зато травили, прощупывали его почти в открытую, так что и другие ученые заметили. Коллеги сочувствовали, добросердечно сообщали Клаусу: «Тебя в чем-то подозревают, но мы в тебя верим и будем защищать до последнего». Человека, по существу, приперли к стенке. Не доказательствами – психологически. Сломали и выдавили из Фукса признание: «Я пользуюсь таким доверием со стороны моих английских друзей. Если бы меня разоблачили, в их глазах я выглядел бы предателем. И чтобы остаться верным им и науке, я решил признаться».

Служил ли Нильс Бор советским шпионом?

Что ж, с кем работали и на кого опирались, понятно. Но как тогда быть с набравшей недавно популярность теорией: секреты атомной бомбы выдали Советскому Союзу не середнячки, не простые исполнители, а конгениальные ученые? В книге покойного генерала Судоплатова, имевшего прямое отношение к атомным проектам, названы имена великого Оппенгеймера и Нильса Бора. Ответ – в монологе Барковского:

Нильс Бор (1885-1962)

Выдающийся датский физик. Создал теорию атома. Автор научных работ по теории атомного ядра и ядерных реакций. Нобелевская премия (1922). Участвовал на стороне союзников по антигитлеровской коалиции в создании атомной бомбы. С симпатией относился к Советскому Союзу.

Роберт Оппенгеймер (1904-1967)

Выдающийся американский физик, автор трудов по физике атомного ядра, в 1943-1945 годах фактически руководил работами по созданию атомной бомбы. После второй мировой войны возглавил Институт фундаментальных исследований в Принстоне. В 1953 году выступил с протестом против работ по водородной бомбе. Тогда же обвинен в «нелояльности» и отстранен от секретных работ. К Советскому Союзу и его ученым относился с глубоким уважением.

– Вот здесь и заблуждение Судоплатова. Бред это. Хотя вполне в стиле Судоплатова. Типичная сталинская подоплека о сотрудничестве иностранных знаменитостей с советской властью. Не шли они на такое.

Короче, после того как американцы испытали свою атомную бомбу и отбомбили Хиросиму и Нагасаки, Сталин принял решение перевести все наши атомные работы на гораздо более высокий уровень. При Государственном комитете по обороне создали Специальное управление № 1 под председательством Берии. А при нем – Технический совет, которым руководил министр боеприпасов Ванников. В НКВД организовали отдел «С» – по фамилии Судоплатова. Он вел партизанские дела, но война закончилась, и генерала надо было куда-то пристраивать. В задачу отдела «С» входила обработка всей информации, которую добывала разведка по атомной проблематике, включая и данные от военных из ГРУ. Раньше все эти секреты известны были одному Курчатову. Но даже он только делал себе заметочки, а самих текстов не имел. Теперь же информация пропусклась как бы по второму кругу: переводили, анализировали, доводили до сведения курчатовских помощников. В принципе решение абсолютно верное.

Второе задание отделу «С» сформулировали так: искать в Европе ученых – физиков, радиолокаторщиков, которые бы пошли на контакт с нами. Либо приглашать их в Советский Союз, либо договариваться о сотрудничестве там, на месте. И вот это уже – из области мифологии. Европа была опустошена, обсосана американскими и английскими спецгруппами, которые раньше нас принялись за дело: заманить светлейшие европейские умы к себе, поселить в Штатах, использовать в собственных целях обнищавших светил. А не удастся – так за какие угодно деньги буквально перекупать любую атомную информацию. Из советской зоны оккупации Германии все находившиеся в ней ученые моментально перебравшись на Запад. Ушли даже с нами до того сотрудничавшие. Но Судоплатову надо было как-то оправдывать существование свое и отдела «С».

Требовались акции, почины, громкие имена. Так родилась безумная идея с Нильсом Бором. С высочайшего дозволения и, видимо, по подсказке лично Берии решили отправить к нему целую делегацию работников отдела «С». Узнали, что Бор вернулся в Данию, и поехали.

К собственному удивлению, возглавил группу только-только в отдел призванный доктор наук, физик Терлецкий. Чекистом, как бы о нем ни судачили, не был. Просто работал с развединформацией как профессионал-ученый: сортировал, комплектовал, обобщал.

Но вопросы Нильсу Бору придумал даже не он. Сформулировали их настолько элементарно, были они так просты, что я никак не могу понять, зачем вообще все это затевалось. Преподнести себя повыгоднее Сталину?

Бор, человек деликатный, интеллигентный, к СССР хорошо относившийся, не мог отказать во встрече. Беседы в Копенгагене состоялись. О том, что такими вот randevу рискуют подставить Бора, Судоплатов, конечно, не думал. А Терлецкий стеснялся, нервничал. Он-то понимал, с какой величиной имел дело. Однако этика этикой, а отказать выполнить личное задание Берии не осмелился. Вопросы задал через приставленного к нему судоплатовского переводчика. Английским Терлецкий владел неважно.

Насколько же перекрывался нашей развединформацией этот список вопросов Судоплатова, и говорить нечего. Бор ничего ценного не сказал. Отвечал в общих направлениях. Результат миссии – нулевой. Зато из отдела «С» к Сталину пошло бравурное сообщение об умело выполненной операции. Понятно, что ответы Нильса Бора передали Курчатову. И он, досконально в проблеме разбиравшийся, дал всей этой показушной шумихе очень скромненькую оценку. Поездка получилась пустой.

Никакой помощи от Бора, Оппенгеймера и других столь же великих ни Курчатов, ни разведка никогда не имели. Давайте расстанемся с мифами.

И вновь полковник Абель и «Персей»

– Владимир Борисович, как у вас сложилась жизнь после Англии, где вы проработали в резидентуре в годы войны?

– Нормально. Я же говорил вам, я кондовый научно-технический разведчик. В 1948-1950 годах работал в США.

– Почему так недолго?

– Жена заболела. Пришлось ехать в Союз на операцию. С 1956 года – резидент в США.

– То есть возглавляли всю советскую разведсеть в Штатах?

– Легальную. Шесть лет.

– Ого! Почему все-таки вы не генерал?

– В мое время нам генералов не присваивали.

– И трудились в Штатах по тому же атомному делу?

– И по тому же, и не только по этой проблематике. А атомными вопросами мы и сейчас занимаемся. Ставятся новые опыты в ядерной физике, появляются другие виды боеголовок... Надо знать, что делается.

– В США?

– Да везде.

– Вторая мировая закончилась. Энтузиазм друзей-коммунистов угас.

– Согласен. Работать стало намного труднее.

– Бескорыстные и идейные, наверное, перевелись?

– К сожалению, да. И все же приходится искать, нанимать и оплачивать. Вера угасла, появился страх перед нами и своей контрразведкой.

– Но и мы сами немало сделали, чтобы от себя отвадить.

– Мы много для этого сделали. Сегодня, признаюсь прямо, поиски помощников затруднены. Но бросать из-за этого работать никто не собирается. Жизнь внесла поправки в методы, и существенные.

– Покупаете?

– Приходится.

– Зашел разговор на современную тему, и что-то вы, Владимир Борисович, не слишком многословны.

– А как иначе? Ниточки-то тянутся.

– Хорошо. А в первый заезд в Штаты вы должны были застать полковника Абеля?

– Ему полковника тогда еще не присвоили. Понимаете, я был помощником резидента по линии научно-технической разведки. А нелегальная разведка всегда была и остается табу для всех. Как правило, Центр поддерживает контакт со своими нелегалами самостоятельно. У них собственные каналы связи. Только руководители нелегальной резидентуры знают о том, что есть конкретно такой нелегал. Единственное, что мне было известно: с человеком, которого вы называете Абель, есть запасная связь на тот случай, если основная оборвется. Остальное до поры до времени меня касаться не должно было.

– И то же самое относилось к Коэнам? Тем, что во время войны вывезли из Лос-Аламоса атомные чертежи от агента «Персея»?

– Я знал, чем они занимаются, пока Коэны были в сети легальной разведки. Публика эта мне была великолепно известна, и что она делала, и на что была способна. Настоящие разведчики. Сколько же они для нас всего добыли! Но я напрямую с Коэнами в контакт не вступал, хотя непосредственно руководил деятельностью этой группы через моего сотрудника Соколова. Когда Соколов, известный Коэнам под именем Клод, шел на встречи с ними, он докладывал мне. Мы познакомили Коэнов с Абелем, который принял руководство над всей этой группой. Но к тому времени Коэнам пора было спешно покидать Америку, и сотрудничество их с Абелем было недолгим. Бежать в Мексику им помог непосредственно Клод.

– А как развивалось сотрудничество с Абелем?

– Да, пожалуй, никак. Я работал в Штатах до 1962 года. Арест его произошел при мне. Но к этому времени он на нас уже не замыкался, непосредственно на Центр. Иногда, очень редко, поддерживали с ним связь. Были кое-какие каналы. Передавали деньги, документы – и все. Не виделся я с ним там ни разу. Мне бы не хотелось развивать дальше всю эту тему. Мои представления несколько отличаются от популярных. Я испытываю к Вильяму Фишеру, взявшему при аресте имя Абель, огромное уважение. Боготворю нелегалов-разведчиков. На риск они идут страшный. Любой из них для меня, если хотите, образец.

– Мой интерес к Абелю вам понятен. А тот сотрудник КГБ Абель, фамилией которого назвался Фишер, в Штатах не работал?

– Нет. С ним Вильям Фишер познакомился еще до войны в одной из своих долгосрочных нелегальных командировок.

Награда нашла героев спустя всего полвека

Атомным разведчикам все-таки присвоили звание Героев России. В июне 1996 года вышел президентский указ. Леонид Квасников, Анатолий Яцков, Лео-нтина Коэн удостоены этого звания посмертно. Мой постоянный собеседник Владимир Барковский, без которого, быть может, не было бы и советской атом-ной бомбы, и его коллега Александр Феклисов дожили до неожиданного дня. Еще в 1995 году звание Героя России присвоено Моррису Коэну. Правда, тоже по-смертно. Моррис так и не подержал в руках заветную звездочку. Барковский ушел в 2003 году, Феклисов – в 2007.

□ 1.13. ЕЩЕ РАЗ О СОЗДАТЕЛЯХ ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ АТОМНОЙ БОМБЫ

Дьяченко А.А.

Доктор исторических наук, полковник в отставке, член Союза писателей СССР, России, действительный член АВН, участник ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в 1986, 1987 годах.

Общеизвестен непрекращающийся диалог философов, теоретиков, писа-телей, историков, политологов о роли личности, коллективов в решении как незначительных, так и крупномасштабных проблем, как эволюционных, так и революционных преобразований в развитии народнохозяйственных за-дач, государства и межгосударственных объединений в целом.

Закономерен вопрос: а могут ли по отдельности каждая из обозначенных личностей или группировок решать вышеобозначенные проблемы?

Если прислушаться к дискутирующим, то можно услышать убедительные доводы с яркими примерами из истории или современности, правомерность как одной стороны (личность решает все), так и другой – массы решают все.

Так все-таки: где же истина? Кто же прав? Тот, кто утверждает, что решение проблем достигается за счет отдельных личностей, или те, кто выдвигает на пе-редний план массы?

На наш взгляд, применительно к проблеме СЯО, да и не только к ней, более точно, правомерно другое утверждение: решающее значение при возникнове-нии таких пробле, принадлежит единой суперсистеме, включающей личности и массы, действующей как единое целое, имеющей ярко выраженные цель, зада-чи, алгоритмы их решения, необходимые материальные и интеллектуальные ресурсы и др.

В качестве примера можно привести борьбу политических течений, партий в нашей стране. Малые политические образования погибнут или уйдут на «за-дний» план и «скроются» во тьме ночной, как любят говорить в обществе. И только слияние их в крупные политические течения (суперпартии) гарантирует им выживание.

Ярким подтверждением этому может служить объединение партий в единую партию «Справедливая Россия». Остальные незначительные образования вы-нуждены будут примкнуть к суперпартиям или самоликвидироваться.

Раскроем более подробно эту проблему применительно к СЯО. Известно, что качество любой системы, в том числе и организационно-технической, к которой относится исследуемая система, с заданной структурой, специалистами, оборудованием, руководящим ядром, налаженными материальными и информационными потоками, определяется ее свойствами. Одним из основных свойств такой сложной системы является эффективность (другие свойства, присущие СЯО, в данной статье не рассматриваются).

Так как эффективность сложной системы определяется эффективностью функционирования ее подсистем, а они, в свою очередь, составляющими их элементами (к ним можно отнести руководителей, специалистов, технику и др.), то отсюда вытекает, что эффективность СЯО определяется как личностью, так и массами, входящими в эту систему.

Таким образом, можно утверждать, что в СЯО, один, даже сверхгениальный руководитель или специалист, при всех своих стараниях, не смог бы осуществить задуманное.

С другой стороны, наличие неорганизованной массы специалистов, отраслей, действующих по своему плану, так же «завалило» бы выполнение поставленных задач и целей.

И только единая, целеустремленная и сплоченная суперсистема (стратегическая группировка сил и средств), в которой: руководители всех уровней, задействованные отрасли, ведомства, подчиненные им предприятия, укомплектованные современным оборудованием, новейшими технологиями, профессионалами, смогла выполнить сложнейшие задачи по созданию ядерного щита.

Исходя из вышеизложенного, применительно к СЯО можно утверждать, что все – от руководителей страны, задействованных в выполнении атомного проекта, до специалистов, разведчиков – были РЯДОВЫМИ в выполнении обозначенной стратегической цели. И каждый из них выполнял свой долг перед Родиной, свои функциональные обязанности с максимальной эффективностью, что и обеспечило в целом «укрощение» атома в установленные сроки и привело к созданию ЯО.

Так как же быть нам, взявшим на себя миссию описать, систематизировать, оценить вклад создателей нового грозного оружия? Восхвалять Генерального секретаря ЦК КПСС И.В. Сталина или специалистов атомной отрасли, разведчиков, несправедливо осужденных советских граждан, участвовавших в эпических работах? О ком писать?

На наш взгляд, надо осветить вклад каждого. Пока еще не ушли из памяти ярчайшие страницы героического прошлого нашей Родины!

Пусть наши дети, внуки и правнуки воспитываются на прекрасных душевных порывах и делах их предков, а не на вульгарных фильмах как зарубежных, так и наших, со стрельбой и убийствами, насилиями и другими душераздирающими фактами, не на исполнениях «липовых» певцов под фонограммы, заполнившими радио- и телепередачи и калечащими неокрепшие души подрастающей молодежи. А ведь это наша смена. Не опоздать бы с патриотическим воспитанием юношей и девушек нашей страны!

Создавая такие произведения, необходимо помнить, что основную тяжесть, как на войне, так и в мирное время, вынесли простые граждане, участвовавшие в строительстве атомных объектов, разведчики, добывавшие необходимые све-

дения, специалисты и ученые, разрабатывавшие сложнейшие технологии, сооружавшие реакторы и другие объекты ядерного щита нашей Родины.

Известно, что разработке атомного оружия, его испытаниям посвящены многие исследования, научные и художественные монографии, конференции, статьи... Но точку в этой области ставить еще рано. Чем дальше от нас уходят первые шаги в неизведанном ранее мировой общественностью направлении, чем больше снимается секретных завес и субъективных ошибок исследователей, тем проще анализировать взгляды, утверждения слишком добросовестных или «зомбированных» ученых, политиков.

А теперь перейдем к одной из проблем, не решенной в полном объеме до настоящего времени.

В исторических исследованиях в нашей стране не стихает дискуссия о месте, вкладе атомной отрасли и разведки в создание ЯО. Кто из них внес больший вклад? И закономерен ли вообще такой вопрос?

Но прежде всего необходимо дать краткий экскурс в историю возникновения такой грандиозной работы, начатой в труднейшие военные и послевоенные годы.

Известно, что высшее руководство страны еще в начале 40-х годов было уверено в агрессивной сущности союзников в будущей войне, а незадолго до конца второй мировой войны, а именно 6 августа 1945 года авиацией США была сброшена атомная бомба на японский город Хиросиму. Погибло 100000 мирных жителей, более 37000 – тяжело ранено, а 235000 – получили травмы. Второй варварский удар был нанесен по Нагасаки – 9 августа /1/.

Хотя к этому времени ход и конечный этап мировой войны подтверждали, что ядерный удар по двум городам Японии был уже не нужен. Это несмыслимое грязное пятно агрессивной сущности правящей верхушки, ястребов, управляющих США, при их липовых заверениях о демократической сущности государственного устройства.

Необходимо также напомнить, что до этого многие годы в США велись работы по разработке АО в глубокой тайне от основного союзника в мировой войне – Советского Союза.

К этому можно только добавить, что на Крымской (Ялтинской) конференции глав правительств трех союзных держав США, СССР и Великобритании в феврале 1945 года президент США не поделился с И.В. Сталиным информацией о ходе работ в США по созданию американской атомной бомбы, которая была испытана в июле 1945 года /7/.

Более того, в ходе Берлинской (Потсдамской) конференции (17 июля-2 августа) глав правительств президент США направил директиву о нанесении ударов по двум городам Японии и, естественно, И.В. Сталин также не был извещен об этом.

Вышеприведенные факты, с учетом поступающих сведений от разведки, предопределили действия руководства страны по созданию советского ЯО.

Из всей совокупности решаемых страной проблем выделим одну, возникшую спустя годы. Это оценочный вклад атомной отрасли, разведки и других ведомств в создание первой советской атомной бомбы (САБ). Причем, необходимо подчеркнуть, что в ходе тяжелейшей войны и в послевоенный период никто не поднимал вопрос о вкладе, о роли... Страна решала главное – создавала ЯО!

Однако, исходя из необходимости объективного анализа, приведем известные оценки вклада разведорганов. Так, 27.11.1942 года профессор И.В. Курчатов в докладной Председателю СНК Молотову В.М. сообщал, что «...в исследованиях проблемы урана советская наука значительно отстала от науки Англии и Америки и располагает... несравненно меньшей материальной базой... представляется необходимым широко развернуть в СССР работы по проблеме урана... учредить, специальный комитет при ГКО СССР» /1/.

Позже, 7 марта 1943 года в письме заместителю Председателя СНК СССР Первухину М.Г. Курчатов И.В. докладывал: «Получение данного материала имеет громадное, неопределимое значение для нашего государства и науки... Они дают возможность нам миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки урановой проблемы... на техническую возможность решения всей проблемы в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые» /1/.

Заслуживают внимания высказывания по оценке вклада атомной отрасли и разведки академика РАН Ю.Б. Харитона и известного историка США Д. Холлоуэя, СВР России и др.

В статье Ю.Б. Харитона и Ю.Н. Смирнова «О некоторых мифах и легендах вокруг советского атомного и водородного проектов» отмечается, что «...для конструкции первой советской атомной бомбы были использованы попавшие к нам благодаря Клаусу Фуксу и разведке достаточно подробные схема и описание первой испытанной американской атомной бомбы во второй половине 1945 года» /2/.

В другой статье этой же монографии «Письмо Ю.Б. Харитона в мемориальный комитет Р. Оппенгеймера» сообщается: «...несомненно, поступающая разведывательная информация способствовала ускорению наших работ. Однако в целом эта информация сыграла важную, но вспомогательную роль, поскольку у нас существовал собственный альтернативный проект САБ, успешно реализованный примерно через два года после первого испытания».

В этой же монографии Д. Холлоуэй в статье «Оппенгеймер и Харитон: параллели жизни» отмечал вклад разведчиков СССР в создание АБ: «Советский Союз получал существенную информацию о конструкции атомной бомбы... Это значит, что следует преуменьшить работу, которая была выполнена советскими учеными и инженерами для создания бомбы».

В заявлении СВР от 4 мая 1994 года о создании атомного оружия отмечается: «Атомное оружие... было создано в СССР, в первую очередь, благодаря наличию мощного научно-технического интеллектуального потенциала. Решающий вклад внесла большая группа советских ученых... Что касается вклада разведки в создание САБ, то ее важная, квалифицированная работа в интересах государства играла вспомогательную роль» /3, стр. 444/.

О заслугах внешней разведки в США, Канаде, Англии в вопросах получения научно-технической информации в области атомной энергии, которая «... помогла ускорить решение вопроса по САБ в Советском Союзе» отмечает П.М. Фитин /4/, бывший начальник 5 отдела ГУГБ НКВД СССР.

Из приведенных статей, докладов и заявления можно выделить следующее:

1. Для конструкции первой САБ была использована достаточно подробная схема и описание американской бомбы (вторая половина 1945 года). Ю.Б. Харитон.
2. Разведывательная информация способствовала ускорению наших работ. Однако в целом она сыграла важную, но вспомогательную роль. Ю.Б. Харитон.
3. Советский Союз получил существенную информацию о конструкции АБ.

Харитон двигался по следам Оппенгеймера. Д. Холлоуэй.

4. Служба внешней разведки России (заявление от 4 мая 1994 года) отмечает, что в создании САБ вклад разведки носил вспомогательную роль /3/.

5. И.В. Курчатов (1943 года): «...данные разведки представляют возможность миновать трудоемкие фазы разработки урановой проблемы и решить их в значительно более короткий срок, чем думают наши ученые». Этапными считаются сведения о плутонии (март 1943 года). И.В. Курчатов отмечал, что «...в нашей стране собственных работ по изучению плутония не проводилось».

6. Академик А. Иоффе утверждал, что получаемые данные «...на много месяцев сокращали объем работ и облегчали выбор направлений...» /4/.

Итак, по представленным материалам, разведка в создании первой САБ способствовала ускорению работ, но сыграла вспомогательную роль.

Нет ли в отмеченных обобщающих выводах определенных неточностей? Рассмотрим более подробно.

Во-первых, все утверждения о вкладе разведки в создание САБ – качественные. Так, например, фразы: «ускорение работ», «существенная информация». «важная, но вспомогательная роль», «дает возможность миновать трудоемкие фазы урановой проблемы и решить их в значительно короткий срок» и др.

Это не количественные показатели, а качественные, скажут нам математики. Поэтому они все являются вспомогательными. А ведь для оценки вклада любой отрасли нужны количественные показатели. Например, во что обошлось бы СССР СЯО через два года после США без помощи разведки? Вспомним о планах США о ядерной войне против СССР! Так, одним из планов («Дробшот») в 1949 году предусматривалось нанесение ядерных ударов по СССР 300-ми ядерными бомбами по 200 городам. Что бы осталось от СССР? Возможны и другие количественные оценки.

Во-вторых, о сроках представления разведанных ученым-атомщикам. В монографии П. Судакова /6/ приведены следующие данные: первые сообщения в ГРУ поступило из Лондона осенью 1941 года, второй доклад – в январе 1942 года. Далее – в мае 1942 года ГРУ сообщает в АН СССР о полученной информации по урановой тематике, а все материалы из Лондона были направлены уполномоченному ГКО по обороне С.В. Кафтанову. С полученными материалами на 208 листах был ознакомлен И.В. Курчатов. В конце января из Лондона были получены закрытые научные труды западных ученых по атомной энергии за 1940-1942 годы. В то же время в статье Ю.Б. Харитона и Ю.Н. Смирнова указывается, что «...подробная схема и описание первой испытанной американской атомной бомбы оказались в распоряжении наших ученых во второй половине 1945 года» /2/. Да! Утверждение о полученной информации были достоверными. А какие данные поступали раньше, о чем уже отмечалось, не упоминается.

Таким образом, утверждение (о конструкции АБ) нуждается в уточнении. Вполне возможно, что в ходе дальнейших исследований в этом направлении возникнут и другие дополнения и предложения.

В-третьих, о вспомогательной роли разведки. Это основное поле разногласий ядерщиков и разведчиков. И особенно прискорбно то, что руководство разведки страны согласилось с этими утверждениями /3/.

На наш взгляд, при разработке САБ не было выполняющих вспомогательную роль! Шла тяжелая и бескомпромиссная борьба в решении сложнейшей проблемы XX века – САБ, тем более эту борьбу вела обескровленная, разрушенная и полуголодная страна – наша Великая Родина!

В создании АО участвовала вся страна, как единая Суперсистема. И вклад каждого труженика (ученого, инженера, разведчика), участвовавшего в решении этой проблемы, вне зависимости от ведомства, отрасли не подлежит делению на вспомогательный или решающий, основной. Все труженики в создании АО совершили подвиг!

Как известно, первым всегда трудней идти по непроторенным дорогам. Пройдут годы, утихнут страстные защитники вклада отдельных участников этого сложнейшего процесса и тогда, более объективно проводя сравнительную оценку, можно будет освещать вклад атомной отрасли, других ведомств и конкретных создателей САБ. Но в то же время нельзя забывать, что уходят из жизни ветераны – создатели АО, уничтожаются архивы министерств и ведомств. Поэтому не стоит историкам решение о вкладе создателей АО откладывать в «долгий ящик»...

Литература к разделу 1.13.:

1. В. Карпов. *Генералиссимус*, кн. 2., 2002.
2. Ю.Б. Харитон: *путь длиною в век*, 2005.
3. *Создание первой советской атомной бомбы*, 1995.
4. *Очерки истории российской внешней разведки*, т. 4, 2003.
5. П. Судоплатов. *Разведка. Кремль*, 1996.
6. А. Судоплатов. *Тайная жизнь генерала Судоплатова*, 1998.

□ 1.14. ВЫДАЮЩИЕСЯ РАЗВЕДЧИКИ НАШЕЙ СТРАНЫ (По материалам монографии «Герои атомного проекта»).

Квасников Леонид Романович
(2 июня 1905 года – 15 октября 1993 года)

Квасников Л.Р. родился в семье железнодорожника. Трудовую деятельность начал с 17 лет. Был рабочим, помощником машиниста, машинистом паровоза. В 1934 году, с отличием окончил механический факультет Московского института химического машиностроения. Работал инженером в г. Дзержинске Горьковской области и учился в аспирантуре. Принимал участие в технической организации оборонных производств.

В 1938 году Л. Квасников был направлен на работу в органы НКВД, в отделение научно-технической разведки. Вскоре стал начальником этого отделения.

В конце 1940 года Леонид Романович становится инициатором подготовки специальной директивы, разосланной вскоре в резидентуры США, Англии, Германии и Скандинавских стран. В директиве предлагалось осуществить проникновение в ведущие центры ядерных исследований и получить информацию о работах крупнейших физиков-атомщиков этих государств, особенно в области создания нового оружия. Ориентировка Квасникова оказалась очень точной. Уже в сентябре 1941 года в Москву поступил доклад британского Уранового комитета, подготовленный для премьер-министра У. Черчилля. Документ под-

тверждал, что Великобритания и США начинают работы по созданию атомной бомбы и что центр этой деятельности вскоре переместится в США.

В январе 1943 года Квасников возглавил резидентуру научно-технической разведки в Нью-Йорке. Он проявил высокий профессионализм и глубокое понимание проблем, с которыми пришлось работать сотрудникам разведки. В Центр поступали большие объемы секретных документов и образцы техники в области авиации, радиолокации, химии, медицины. Но главное – была собрана и передана в СССР важнейшая информация по атомной энергии, ее использованию в военных целях. 4 июля 1945 года Л.Р. Квасников сообщил в Центр: «Из нескольких достоверных агентурных источников получены сведения, что в США на июль месяц с. г. назначено проведение первого экспериментального взрыва атомной бомбы». Когда 16 июля 1945 года в пустыне Аламогордо этот заряд был взорван, основные данные, касающиеся устройства атомной бомбы и примененных для ее создания материалов, уже находились в распоряжении советских ученых.

В декабре 1945 года Л. Р. Квасников вернулся на родину и продолжил работу в центральном аппарате внешней разведки. В 1948 году он стал начальником отдела научно-технической разведки и проработал на этом посту пятнадцать лет. В 1966 году полковник Квасников, почетный сотрудник госбезопасности, кавалер высоких правительственных наград, ушел на заслуженный отдых. Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 года ему было присвоено звание Героя России.

Барковский Владимир Борисович
(6 октября 1913 года – июнь 2003 года)

Барковский В.Б. родился в г. Белгороде в семье служащих. После окончания средней школы работал на заводе, вечерами учился. В 1934 году поступил в Московский станкоинструментальный институт, который окончил в 1939 году по специальности «инженер-механик-конструктор». Одновременно завершил обучение в летной школе.

Владимир Борисович так вспоминал то время: «По существу, это были годы промышленной революции. Страна походила на гигантскую стройку, а самоотверженный, напряженный труд стал нормой жизни».

Пройдя подготовку в разведывательной школе, в конце 1940 года В.Б. Барковский был направлен на работу в Англию в качестве сотрудника лондонской резидентуры, где собирал ценную секретную информацию по атомному оружию, радиолокации, реактивным двигателям и другим направлениям развития военной техники. Спустя годы разведчик Барковский рассказывал: «К концу 1941 года резидентура сообщила в Центр о создании работоспособной агентурной сети. Первые месяцы работы в Лондоне заложили хороший фундамент для моего совершенствования как разведчика в последующие годы».

Вернувшись на родину, Владимир Борисович работал на руководящих должностях в центральном аппарате научно-технической разведки, возглавлял американский отдел внешней разведки, выезжал как резидент в США и страны Западной Европы. В последующие годы преподавал в Краснознаменном институте КГБ СССР имени Ю.В. Андропова (ныне Академия внешней разведки).

В 1984 году – почетный сотрудник госбезопасности, кандидат исторических наук полковник В.Б. Барковский вышел в отставку. За выдающиеся достижения в укреплении безопасности страны 15 июня 1996 года Указом Президента Российской Федерации ему было присвоено звание Героя России. Ранее он был награжден многими орденами и медалями СССР.

Феклисов Александр Семенович

(р. 9 марта 1914 года)

Феклисов А. С. родился в Москве в семье железнодорожника. Учился в ФЗУ, на рабфаке, работал на заводе. В 1939 году окончил Московский институт инженеров связи и сразу был призван на службу в органы государственной безопасности.

После обучения в специальной разведывательной школе в январе 1941 года Александр Семенович Феклисов в качестве сотрудника советского генерального консульства был командирован в США, в Нью-Йорк, и стал оперативным работником нью-йоркской резидентуры.

Пять лет А.С. Феклисов проработал в США, занимаясь добыванием важных технических сведений для нашей оборонной науки и техники. Был одним из тех, кто внес определяющий вклад в получение советскими учеными данных об американском атомном проекте. Затем разведчик Феклисов был переведен в Лондон, где в 1947-1950 годах продолжил работу по сбору информации в области ядерных вооружений. В этот период он лично контактировал с Клаусом Фуксом, от которого получил первые сведения о водородной бомбе.

По возвращении в Москву А.С. Феклисов работал на руководящих должностях в центральном аппарате внешней разведки, а в 1956 году возглавил американский отдел этого ведомства. В 1960-1964 годах руководил советской резидентурой в Вашингтоне, в 1962 году принимал участие в разрешении Карибского кризиса.

С 1974 года полковник Феклисов в отставке. Он кавалер многих орденов и медалей. Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 года был удостоен звания Героя России.

Александр Семенович – кандидат исторических наук, долгое время занимался научно-исследовательской работой в области разведки. Опубликовал книгу мемуаров «За океаном и на островах. Записки разведчика» (М.: Терра-Книжный клуб, 2001). Принимал активное участие в воспитании молодого поколения работников внешней разведки.

Черняк Ян Петрович

(6 апреля 1906 года – 19 февраля 1995 года)

Черняк Я.П. (Янкель Пинхусович) родился в Черновцах в Австро-Венгерской провинции Буковина, которая в прошлом веке успела побывать в составе Румынии и СССР, а ныне это Черновицкая область Украины. Отец – мелкий еврейский коммерсант родом из Чехии – и мать – мадьярка – погибли в годы первой мировой войны.

В сиротском приюте Ян Черняк окончил среднюю школу. В 1927 году поступил в Пражское высшее техническое училище, где вскоре стал лучшим учеником.

К двадцати годам он уже знал семь иностранных языков, в том числе немецкий, венгерский, иврит, чешский и румынский.

Окончив училище, Ян Черняк поступил в Берлинский политехнический колледж, здесь он стал членом Коммунистической партии Германии. В 1930 году произошла его встреча с сотрудником военной разведки России. И он становится агентом, а потом резидентом Главного разведывательного управления Генерального штаба (ГРУ ГШ).

Вернувшись в Румынию, Ян Черняк был направлен в армию. Учитывая его образование, его должны были направить на офицерские курсы, но с его национальностью он стал только рядовым. Во время службы ставшие ему известными сведения о численности и дислокации артиллерийских частей, их вооружении, планах на военное и мирное время уходили в Москву.

Окончив через год службу, Черняк навсегда покидает Румынию и уезжает в Германию, где восстанавливает свои связи с антифашистами. Под руководством советской военной разведки он создает собственное резидентурное звено, и в Центр начинает поступать информация о вооруженных силах Германии, ее техническом и боевом обеспечении, политической обстановке в стране и армии, действующих и потенциальных союзниках фашистского руководства.

В 1935 году Черняк был отозван в Москву. Здесь менее чем за год он выучил русский язык и прошел специальную подготовку для нелегальной деятельности за границей. Он обладал феноменальной памятью, с одного прочтения воспроизводил десятистраничный текст, изложенный на любом знакомом ему языке. Перед отъездом в Германию предложил организовать разведывательную работу по Германии во Франции, Нидерландах

и Швейцарии. Черняку было поручено конкретное задание – организовать получение и отправку в Москву документальных сведений о разработках в области танковых и авиационных систем и чертежей новых образцов стрелкового оружия, авиабомб и радиолокационных приборов. За несколько месяцев разведчик сумел создать группу «Крона», куда завербовал около двух десятков человек – носителей ценной информации. Среди них были и руководитель исследовательского центра авиационной фирмы, и секретарь министра, и офицер разведки, и высокопоставленный офицер штаба, и банкир. Дочь известного инженера, который участвовал в разработке новейших образцов немецких танков, передавала Черняку секретные чертежи боевых машин. Их переснимали и отправляли в Москву.

В начале 1942 года руководство военной разведки поставило перед Черняком, который работал уже в Англии, задачу завербовать крупного ученого-физика из Кавендишской лаборатории Кембриджа Алана Мэя, который был участником первой группы исследователей, осуществлявших британскую ядерную программу.

До конца 1942 года от Мэя (псевдоним Алек) было получено 130 страниц уникальной информации об английских разработках по проблеме урана, об условиях по отделению изотопов урана, принципах получения плутония и даже чертежи «уранового котла».

Работу по добыванию сведений по атомному проекту Ян Черняк продолжал и после Великой Отечественной войны.

В период между январем и сентябрем 1945 года в Москву от Черняка поступила информация о «Манхеттенском проекте». Были представлены сведения о научно-исследовательских объектах США и Канады, занимающихся атомной проблемой, доклад Ферми о ходе работ по созданию атомной бомбы, типы изотопов урана, которые использовались в бомбах, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, сведения о ежесуточном производстве урана-235, а также был прислан образец – 162 миллиграмма урана-235 в виде окиси.

В начале сентября 1945 года из Канадской резидентуры военной разведки сбежал, прихватив с собой шифры и радиogramмы, лейтенант Игорь Гузенко. В связи с его предательством Центр принял меры по возвращению Черняка из США в Советский Союз. Вся резидентура военной разведки в Канаде была провалена, арестовано около двух десятков наших агентов.

Большая работа, проведенная Яном Черняком более чем за пятнадцать лет, не была отмечена наградами. Вернувшись в страну, он работал переводчиком ТАСС, жил с женой в однокомнатной квартире. В 70-х годах по особому разрешению руководства ГРУ ГШ и Советской Армии Черняк встречался и беседовал с писателем Юлианом Семеновым. Образ Яна Черняка послужил прототипом при создании образа разведчика Штирлица.

Указом Президента Российской Федерации Яну Черняку было присвоено звание Героя России. Звезда Героя ему была вручена в московской больнице 9 февраля 1995 года, за несколько дней до его кончины.

Кремер Симон Давидович
(10 февраля 1900 года – 1990 год)

Кремер С.Д. родился в Гомеле в семье рабочего. В 1911 году окончил начальное училище, затем работал в швейной мастерской. В 1917 году служил в Красной гвардии, а в 1918-м – в Красной Армии. Участник гражданской войны. Член РКП(б) с 1919 года.

В 1922 году С.Д. Кремер окончил военный факультет Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова, в 1934 – Военную академию имени М.В. Фрунзе. В 1936 году он был направлен на работу в главное разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии, а в 1937 – командирован в Англию секретарем военного атташе.

В 1941 году Кремер стал работать с Клаусом Фуксом. Он был первым, кто начал сотрудничать с ним.

К. Фукс передал ему большой блокнот с материалами об английском проекте «Тьюб эллоуз». Это были копии обзоров, материалы собственных исследований и др. В 1942 году он вынужден был прервать работу и возвратиться в Москву.

По прибытии в Москву Кремер стал добиваться перевода в действующую армию. И с июля 1943 года он на фронте. Воевать начал в качестве командира 8-й гвардейской механизированной бригады (1-й Прибалтийский фронт). Полковник С.Д. Кремер в июле-августе 1944 года умело руководил бригадой при овладении Шауляем и Елгавой. Воевал на Брянском, Центральном, 1-м Украинском, 3-м Белорусском и 1-м Прибалтийском фронтах, вначале командовал танковой бригадой, а потом занимал должность командира механизированного корпуса.

Звание Героя Советского Союза ему было присвоено 23 августа 1944 года.

После войны продолжил службу в армии. С 1956 года был уволен в запас в звании генерал-майора. Награжден двумя орденами Ленина, орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды и многими медалями.

С.Д. Кремер – почетный гражданин городов Молодечно Минской области и Тукумс бывшей Латвийской ССР.

□ 1.15. МНОГОПРОФИЛЬНЫЙ ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ МАРФИНСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОЕННО-КЛИНИЧЕСКИЙ САНАТОРИЙ

Маев Э.З.

Доктор медицинских наук, полковник медицинской службы, академик РАЕН и Нью-Йоркской академии наук.

Марфинский центральный военный клинический санаторий – уникальное лечебно-восстановительное учреждение. Подобных ему нет ни в нашей стране, ни за рубежом. Не случайно подмосковное Марфино ежегодно посещают до двух десятков иностранных делегаций. Санаторий стал научно-методической базой санаторно-курортного дела в Вооруженных силах России: здесь разрабатываются новые прогрессивные методы лечения для тех, кто нуждается в восстановлении и укреплении здоровья, в том числе ветераны подразделений особого риска.

Начальник санатория – полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, академик РАЕН (руководитель ее Отделения санаторно-курортного лечения) и академик Нью-Йоркской академии наук. В армии он прошел всю цепочку продвижений по службе, последовательно занимая должности санитарного инструктора, хирурга медсанбата, командира медицинского батальона, начальника медицинской части госпиталя и начальника госпиталя. Был последним начальником Центрального госпиталя Западной группы войск. Окончил Военно-медицинскую академию, причем при поступлении выдержал огромный конкурс – 54 человека на место. Накопленный за 37 лет безупречной службы солидный научный и практический опыт сегодня позволяет заслуженному врачу России Маеву на высочайшем уровне организовывать работу в одном из ведущих военных санаториев России.

Кстати, кроме того, мы дважды завоевывали звания «Лучший санаторий России» и «Лучший физкультурно-оздоровительный комплекс России».

Марфинский санаторий – мощное многопрофильное лечебное и научное учреждение. Это, так сказать, высший пилотаж санаторно-курортного дела. Потому что человек, приезжающий в санаторий, обычно имеет «букет» заболеваний или недугов. В Марфине мы можем оказывать помощь при заболеваниях сердца и сосудов, легких и верхних дыхательных путей, центральной и периферической нервной системы, желудочно-кишечного тракта, эндокринной системы, женской и мужской половой сферы, почек и пр. Чтобы бороться с такими разнообразными недугами, нужны специалисты узкого профиля, которые могли бы своевременно и грамотно поставить диагноз,

и соответствующее оборудование. Все это у нас есть, и мы в состоянии принять у себя до 600 взрослых и 100 детей. Кстати, наличие штатных детских коек позволяет осуществлять полноценное обследование и лечение взрослых: папы и мамы могут не беспокоиться за своих малышей и отдыхать вместе с ними в свободное от процедур и обследований время.

Мы принимаем в расчет и влияние климатического фактора, и даже такую тонкую материю, как энергетика места, в котором находится санаторий. Она у нас положительная – нет ни провалов, ни возмущений. Не случайно в Марфине есть две церкви VII века, а на Руси издревле храмы ставили только в хороших местах. И наши специалисты по биоэнерготерапии постоянно отслеживают ситуацию.

Мы взаимодействуем и с органами власти Мытищинского района, где расположен санаторий, и области в целом. И хотя наше лечебное учреждение ведомственное, мы не отгораживаемся от районных и областных нужд, осуществляем, как говорится, социальное партнерство. Не так давно мы были удостоены звания «Лучший санаторий Московской области» и получили приз из рук губернатора области Бориса Всеволодовича Громова. Кстати, кроме того, мы дважды завоевывали звания «Лучший санаторий России» и «Лучший физкультурно-оздоровительный комплекс России».

Наше начальство, в лице руководителя Тыла Вооруженных Сил РФ и Главного военно-медицинского управления Министерства обороны РФ, еще в 1995 году разрешило нам пускать часть путевок в свободную продажу, вначале это были скромные 10%, но и они позволили санаторию держаться на плаву, Теперь квота выросла до 30%. Остальные путевки по-прежнему приобретают военнослужащие, ветераны вооруженных сил и подразделений особого риска, а также члены их семей, причем за символическую по нынешним меркам сумму. Однако низкая цена не влияет на объем и качество лечения – оно осуществляется в строгом соответствии с врачебными показаниями.

Полученные доходы мы направляем на обновление нашего номерного фонда. Кроме того, если бы не своевременное финансирование реставрационных работ в усадьбе Марфино, мы бы просто потеряли этот памятник истории – в таком плачевном состоянии он был. Но хочу подчеркнуть: все, что положено санаторию по бюджету, мы всегда получаем в полном объеме.

У нас есть много и современного оборудования, что называется техники XXI века, и приобретенного еще в советское время. Все оно работает, дает отдачу. В целом же на улучшение материальной базы (а это и покупка новой медицинской аппаратуры, и ремонт уже имеющейся) мы тратим около трети своих средств.

Санаторий занимает большую территорию – 68 гектар. И содержать ее в хорошем состоянии тоже стоит немалых сил и средств. К тому же мы почти полностью находимся на автономном обеспечении: тепло, горячую воду производим сами в своей котельной. А в случае аварийных отключений наша дизельная электроустановка осуществляет подачу электроэнергии на жизненно важные участки: в процедурные кабинеты, столовую и т.д. Также у нас есть собственные очистные сооружения: мы бережем ту прекрасную природу, что нас окружает. Сами добываем и воду – питьевую и минеральную. В нашем штате более 1,5 тыс. человек: врачи, медсестры, обслуживающий персонал. Только поваров у нас 72 человека, а официанток – 136.

Санаторно-курортное лечение проводится с учетом характера и стадии заболевания, возраста пациента, оценки его адаптации в соответствии с разработанными стандартами (протоколами). В основе нашей методики – сочетание природных целительных факторов с физиотерапией, лечебной физкультурой и диетическим питанием плюс активный отдых и оптимальный режим.

Наряду с классическим санаторно-курортным лечением мы осуществляем и внекурортное санаторное лечение – это когда курортные факторы не главные. Например, разработанная нами программа «Андрология» позволяет решать различные мужские проблемы, причем более успешно и с большим удобством для больного, чем в больнице или поликлинике. Действует также программа «Наркология», рассчитанная на имеющих наркотическую, никотиновую или алкогольную зависимость.

В рамках программы «Похудание» наши пациенты борются с излишним весом, но не самостоятельно, как это обычно бывает, а с помощью специалистов. Есть у нас и замечательная программа «Эстетическая медицина». Ее мы подсмотрели в Германии, где созданы так называемые фермы красоты – специальные медицинские центры вне города, куда женщины, а теперь нередко и мужчины, обращаются за косметологической помощью.

Вообще, наши программы ориентированы на хронических больных в стадии ремиссии, т.е. вне обострения. И здесь главная цель – закрепить ремиссию, предотвратить обострение застарелых болячек.

Разработали мы и программу, близкую к санаторно-курортной, но, по сути, не являющуюся таковой, она называется «Оздоровление». Бывают ситуации, когда собственно болезни нет, но есть явные симптомы стресса, усталости. В наше время это большая и актуальная проблема.

Еще одна новая программа – «Медицинский туризм». В течение короткого времени – от одного часа до нескольких дней – человек отдыхает в условиях нашего климатического курорта, посещает физкультурно-оздоровительный центр, где предоставляются все мыслимые услуги для укрепления здоровья и улучшения психологического состояния. Не случайно у нас есть отдельный научно-методический центр, занимающийся постановкой санаторно-курортного дела в Вооруженных силах России. Это фактически маленький научно-исследовательский институт.

Вот такая широкая палитра программ позволяет нам оптимизировать использование санаторного фонда коек и объектов. Считается, что оптимальная загрузка койки в учреждениях нашего типа – 85%. У нас ниже 80% и не бывает, а в периоды ажиотажного спроса – 90%. Оно и понятно: прекрасные условия для лечения и отдыха плюс великолепная природа, ухоженный парк, 12 прудов – подобным богатством могут похвастаться немногие. И здесь особенно важно определить механизмы адаптации и их возможности. Это одно из важнейших направлений диагностики.

А провести диагностику в санатории – значит, поставить диагноз, определить стадию заболевания, так называемый уровень здоровья с точки зрения все тех же механизмов адаптации. Перефразируя Архимеда можно сказать: «Дайте мне хороший механизм адаптации, и я сделаю человека здоровым». Для этого нужна, образно говоря, не фотография состояния пациента, а видеозапись, чтобы все параметры наблюдать в развитии. Например, эхолюка-

ция под нагрузкой, которая еще не применяется широко, позволяет на самых ранних стадиях определить проявления ишемической болезни сердца.

Кроме того, мы используем в лечении и переформированные (т.е. созданные искусственно) климатические факторы. Ведь нет такого места, где бы они присутствовали все. Поэтому мы создаем их сами. У нас есть, в частности, соляная пещера и уникальная сильвинитовая пещера, материалы для нее были привезены с Урала. Добавьте сюда лазерную терапию с обратной биологической связью и вибромагнитотермотерапию, а еще радоновые ванны и ванны с солями Мертвого моря, доставленными прямо из Израиля.

Проводят лечение врачи высшей категории. Настоящие фанатики своего дела. И все это – для здоровья наших отдыхающих, наших пациентов.

Санаторий размещается в одном из красивейших уголков Подмосковья, на территории бывшей усадьбы Марфино, в старинном парке, на берегу реки Учи, в 22 километрах к северу от МКАД.

Первое упоминание о Марфине относится к XVI веку. Усадьба не раз меняла хозяев, однако судьба Марфино круто изменилась в 1698 году, когда усадьбу приобрел воспитатель Петра I князь Б.А. Голицын.

Именно он начинает строительство новых хором и разбивает парк «на французский манер». С 1729 года владельцем усадьбы становится Петр Салтыков. Он возводит роскошный двухэтажный каменный дворец с двумя флигелями. В это же время строятся дома для псарей, конный двор и каретный сарай, сооружается каменный мост через реку Учу, возводится зимняя церковь Петра и Павла. Изумительный архитектурный ансамбль, созданный русскими крепостными мастерами, сохранился до наших дней.

В санатории широко применяется бальнеолечение: лекарственные ванны с кармолисом и йодобромные, ванны с использованием газов (радоновые, сухие углекислые, углекислые, жемчужные, кислородные), грязе-минеральные ванны, световые ванны, души (циркулярный, восходящий, душ Шарко), подводный душ-массаж, комплексная гидропатия (лечебная сауна).

Ни одна из лечебных программ не обходится без аппаратной физиотерапии: электролечение, магнитотерапия, светолечение, ингаляционная терапия, теплотечение, гипербарическая оксигенация (лечение в барокамере), озонотерапия.

Применяется пеллоидотерапия (грязевые аппликации с использованием Тамбуканских грязей), лечебная физкультура. В санатории особое внимание уделяется лечебному питанию. Разработаны нормы рационального питания с учетом характера заболевания, наличия сопутствующей патологии и индивидуальных особенностей организма, соблюдение которых после выписки из здравницы закрепляет результаты проведенного лечения. Лечебное питание осуществляется по заказной системе 4-6 раз в день. По следующим диетам: №№ 1, 5, 5п, 8, 9, 10с, 15, 15д. В практике лечения больных используются психотерапия (включая полирецепторную-полисенсорную терапию (альфа-капсула-массаж)), фитотерапия, гомеопатия мануальная терапия, медицинский массаж, рефлексотерапия, гирудотерапия (использование с лечебной целью медицинских пиявок). Проводятся консультации и лечение у следующих специалистов: гинеколога, хирурга, уролога, стоматолога, офтальмолога, отоларинголога, эндокринолога, пульмонолога, невролога, аллерголога-иммунолога, педиатра. Одним из природных лечебных факторов является

слабоминерализованная углекислая гидрокарбонато-кальциево-магниевая вода «Марфинская» с минерализацией 0,7 грамма на литр.

Номера для отдыхающих находятся в основном корпусе санатория и главном здании усадьбы Марфино и оснащены всем необходимым для лечения и отдыха. В основном корпусе гостям предлагаются однокомнатные одно- и двухместные номера, двухкомнатные двухместные номера, однокомнатные одно- и двухместные номера класса «улучшенный», а также двухкомнатные двухместные номера класса «улучшенный». В каждом номере санитарный блок с душевой кабиной, телевизор, холодильник музыкальный центр.

К услугам отдыхающих киноконцертный зал, библиотека, бильярд, телефонная связь (МГТС, междугородная и международная), четыре кафе, магазин товаров повседневного спроса, салон красоты, тренажерный зал, настольный теннис, открытые площадки для волейбола и тенниса, оборудованный пляж (лодки и водные велосипеды), пейнтбольный клуб, конно-спортивная база, площадки для игр в городки и в хоккей, а также физкультурно-оздоровительный комплекс, включающий в себя универсальный спортивный зал, теннисный корт, плавательный бассейн (30х13,5 метра) с элементами аквапарка (противоток и водопад), боулинг, 4 бани (2 финских, финско-турецкая и русская), солярий.

Организуются экскурсии по самым интересным местам Подмосковья и Москвы, в том числе в очень популярный у гостей столицы Алмазный фонд.

***Многопрофильный лечебно-оздоровительный
Марфинский центральный военно-клинический санаторий.***

Представительства в Москве:

АУКиЗ: (095) 206-87-23/03

Курортно-туристический-сервис: (095) 518-22-40, 926-05-94, 923-20-88

НП «Соцздрав»: (095) 688-82-83/27-10/61-01

НО «НАСиП»: (095) 955-29-77/26-08

СКО «ООО «Конгресс-тур-сервис» (095) 688-42-22, 502-08-34

«Здоровье»: (095) 937-34-44

СКЦ «Партнер»: (095) 510-25-85, 775-03-69

Туристическая компания «Русская усадьба»: (095) 363-94-61

Туристическая компания «Скарлетт»: (095) 514-24-05, 101-25-06

Туристическая компания «Эскорт ДК»: (095) 151-18-33/36-61

Адрес:

*141052 Московская обл., Мытищинский район, п/о Марфино
www.marfino-cvks.webzone.ru*

Проезд:

- от станции метро «Алтуфьево» автобусом санатория (8.00 и 17.30) или рейсовым автобусом № 419 (по расписанию);*
- автомобилем до 39-го километра Дмитровского шоссе, далее направо по указателю санаторий «Марфинский»;*
- электропоездом от Савеловского вокзала до станции Катуяр, далее автобусом № 37.*

ГЛАВА 2

КЫШТЫМ

□ 2.1. ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ. АВАРИЯ ИЛИ КАТАСТРОФА?

Дьяченко А.А.

Доктор исторических наук, полковник в отставке, член Союза писателей СССР, России, действительный член АВН, участник ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в 1986, 1987 годах.

Начиная исследование кыштымской трагедии необходимо ответить на простые вопросы: так что же произошло при эксплуатации первого промышленного предприятия по производству плутония в 1957 году под Челябинском? Это была авария или катастрофа?

Известны принципиальные отличия понятий «авария» и «катастрофа». Так, под определением авария (итал. «*avaria*». от араб. «авар» – повреждение, ущерб) понимается выход из строя, повреждение, машины и т.п. за время работы, движения (Советский энциклопедический словарь, М., 1987). В то же время катастрофа (греч. «*katastrophe*» – переворот, уничтожение, гибель) – это внезапное бедствие, событие, влекущее за собой трагические последствия – разрушение, уничтожение, гибель чего-либо, кого-либо (Военный энциклопедический словарь, М., 1986). Из приведенных определений наглядно просматривается их принципиальное отличие, хотя бы из-за гибели людей. Стремление к замалчиванию, уменьшению содеянного – один из пороков авторитарной системы управления государством или какой-то ее подсистемы. С учетом изложенного, в дальнейшем, где употребляется тот или иной термин и с учетом приведенных словарных определений будут рассматриваться происшедшие события в Кыштыме.

Вопрос о категории «трагедия» по-крупному возник после 1957 года, когда

на предприятии «Маяк» взорвалась одна из емкостей с радиоактивными отходами, разбросанными воздушными течениями на территории 23 тыс. квадратных километров с населением около 270 тыс. человек (Челябинская, Свердловская, Тюменская области). Суммарное заражение местности оценивается в 138 млн. Кюри, против 50 млн. Кюри в Чернобыле. Но и сегодня в реке Тече по-прежнему купаются дети, плавают утки, а овощи, выращенные на загрязненных водах, употребляются жителями и продаются на рынках.

При этом, с учетом произошедших катастроф, необходимо четкое их разделение по времени. Немедленная гибель участников при катастрофе или в дальнейшем, в ходе болезненного состояния, из-за нанесенных увечий, травм. В любом случае это необходимо относить к понятию катастрофы. Вполне естественно, что правильное определение такого события необходимо формулировать с участием юристов.

Чтобы полнее ответить на поставленный вопрос, вначале необходимо сделать краткий экскурс в историю создания и становления «Маяка» как крупнейшего ядерного военно-промышленного комплекса, на котором был получен первый плутоний для советской ядерной программы. Информация о «Маяке» широко представлена в печати атомной отрасли: в монографиях, в статьях научных журналов в том числе, она была доложена на международном симпозиуме в Дубне, в 1996 году. В связи с изложенным, в дальнейшем в данном параграфе будут представлены отдельные фрагменты научных выступлений на указанном симпозиуме.

Кроме этого, более подробно о «Маяке» ниже будет представлена дополнительная информация.

Город Озерск, (ранее Челябинск – 65, еще ранее – Челябинск – 40) был создан на Южном Урале, примерно в 80 километрах на север от Челябинска, в регионе с достаточно развитой инфраструктурой, а в 15 километрах от него были заложены последовательно три основных производственных объектов «Маяка»: промышленный реактор (объект «А»), радиохимический (объект «Б») и химико-металлургический (объект «В»).

Можно считать, что юридически 1945 год является годом рождения советской ядерной программы. Так, 20 августа постановлением ГКО создается Специальный Комитет во главе с Л.П. Берия (для общего руководства всеми работами по созданию ядерного оружия в СССР), а уже 30 августа ГКО учреждает Первое Главное Управление – правительственный орган по управлению работами ядерной программы во главе с Б.Л. Ванниковым. Хотя в первой главе уже представлены аргументированные факты и события о более раннем (фактическом) рождении атомного проекта в нашей стране.

Промышленный реактор (объект «А»)

В сентябре 1945 года были начаты работы по рытью котлована под объект «А». К этому времени на строительстве объекта работало около 70 тысяч человек. По данным Д. Холлоуэя (историк США), в советской атомной программе в 1950 году (отчет ЦРУ) общая численность занятых в работах составляла от 330 тыс. до 460 тыс. человек; в строительстве – от 50 тысяч до 60 тысяч человек; в промышленном производстве – от 20 тыс. до 30 тыс. человек; НИОКР – от 5 тысяч до 8 тыс. специалистов.

ОПАЛЕННЫЕ В БОРЬБЕ ПРИ СОЗДАНИИ ЯДЕРНОГО ЩИТА РОДИНЫ

Главным конструктором – разработчиком проекта реактора в январе 1946 года назначается Н.А. Доллежалъ, директор Московского НИИ химического машиностроения.

В это же время был решен вопрос по охлаждению реактора тепловой мощностью 100 Мегаватт. Было принято решение о сбросе слабоактивной воды, без многократного использования, в ближайший водоем – озеро Кызыл-Таш. Решение более сложной технологической схемы в условиях послевоенного времени не представлялось возможным. Последующий опыт показал, что в условиях аварий и катастроф при эксплуатации объектов, ошибках в технических решениях произошло загрязнение озера и оно стало использоваться в качестве «замкнутого» водоема.

К концу 1947 года основное здание реактора было готово, а уже в начале 1948 – начался монтаж оборудования.

8 июня 1948 года И.В. Курчатов произвел физический пуск реактора, а 22 июня 1948 года мощность реактора достигла проектного значения – 100 Мегаватт, что позволило 22 декабря 1948 года первые облученные в реакторе блоки передать на радиохимическую переработку (на объект «Б»).

Радиохимический завод (объект «Б»)

В декабре 1946 года приступили к строительству основного производственного корпуса объекта «Б» (здание 101) и уже к концу августа 1948 года началась обкатка оборудования. Облученные урановые блочки растворялись в азотной кислоте, а далее уран и плутоний разделялись и очищались от продуктов деления.

Первая партия готового продукта была получена 26 февраля 1949 года и отправлена на завод «В», где конечной продукцией были детали из металлического плутония.

Химико-металлургический завод (объект «В»)

Переработка плутониевого концентрата, полученного от радиохимического завода, в металлический плутоний позволила в августе 1949 года впервые изготовить полусферы для атомной бомбы, что обеспечило успешное испытание на Семипалатинском полигоне первой советской атомной бомбы 29 августа 1949 года.

Радиоактивное загрязнение окружающей среды

Проводя анализ создания и становления «Маяка» необходимо кратко рассмотреть вопросы радиационной безопасности персонала, населения и окружающей среды.

На протяжении вышеуказанного периода произошло немало радиационных и ядерных инцидентов. Приведем только незначительную часть их. Так, в 1954 году на радиохимическом производстве разрушена часть здания, повреждено оборудование; в 1958 году три человека погибли, один получил лучевую болезнь; в 1968 году на радиохимическом производстве один человек погиб и один получил тяжелое лучевое поражение, приведшее к ампутации обеих ног и др.

Особо необходимо остановиться на отечественных медленно протекающих радиационных катастрофах. Первая из них – сброс предприятием «Маяк» неочищенных радиоактивных отходов в реку Течу в 1949-1951 годах, а из нее – в речную систему Исеть – Тобол – Северный Ледовитый океан. Радиационному воздействию за 40 лет подверглись 124 тыс. человек, из них 28,1 тыс. человек, проживающих по берегам реки Течи в Челябинской и Курганской областях. Жители ряда сел, находящихся в 20-30 километрах от «Маяка», страдают до сих пор. А на самом «Маяке» за 40 лет деятельности предприятия 10 тыс. человек получили профессиональное заболевание, 4 тыс. человек умерли от острой лучевой болезни. Средняя доза для первых сотрудников челябинской группы атомного проекта составила около 200 бэр.

Вторая радиационная катастрофа, Кыштымская, была обусловлена взрывом в хранилище радиоактивных отходов в 1957 году, о чем отмечалось выше. Было выброшено 20 млн. кюри, из которых 18 млн. осели вокруг хранилища, а 2 млн. кюри образовали Восточно-Уральский след.

Наконец, третья из челябинских радиационных катастроф (1967 год) связана с ветровым переносом радионуклидов с обсохшей береговой полосы озера Карачай. Всего разнесено нуклидов активностью 0,6 млн. кюри. Загрязнению на площади 2700 квадратных километров подверглись 63 населенных пункта. В настоящее время на озере Карачай, где захоронено 120 млн. кюри радионуклидов, развивается тревожная обстановка.

Проведенный краткий анализ Кыштымской трагедии убедительно подтверждает, что она полностью соответствует категории КАТАСТРОФ.

Рассмотренные примеры подтверждают, что одной из центральных проблем из всего жизненного цикла развития отечественного атомного проекта, как и мировой атомной энергетики, является проблема утилизации радиоактивных отходов.

В последующих разделах представлена более подробная информация о «Маяке» в воспоминаниях его сотрудников.

Литература к разделу 2.1.:

- 1. Советский энциклопедический словарь, М., 1987.*
- 2. Военный энциклопедический словарь, М., 1986.*

□ 2.2. СОЗДАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПЕРВОГО СОВЕТСКОГО ЯДЕРНОГО ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА «МАЯК» (1946-1949)

*Новиков В.М., Сегершталь Б.,
Меркин В.И., Попов В.К.*

Рассматриваются события начального периода (1946-1949) создания и становления первого советского промышленного комплекса по производству оружейного плутония, известного ныне как Производственное объединение «Маяк».

Расположение комбината

На Южном Урале, в Челябинской области, примерно в 80 километрах к северу от областного центра, одного из крупнейших городов страны с населением более 1,2 млн. человек, находится город Озерск, несколько лет тому назад более известный как Челябинск-65, а еще ранее – как Челябинск-40. В 15 километрах от Озерска располагается Производственное объединение «Маяк». крупнейший ядерный промышленный комплекс. Именно здесь был получен первый плутоний для советской программы. Согласно терминологии, принятой в России и ранее в СССР, «комбинат» – это крупный промышленный узел, объединяющий ряд технологически связанных производств под единым централизованным управлением. «Маяк» создавался и развивался вокруг трех основных производственных объектов – промышленного реактора, радиохимического и химико-металлургического заводов.

Площадка для строительства комбината была выбрана в одном из живописных уголков Южного Урала в горно-лесистой местности, в окружении озер. Большое значение имело обилие водных ресурсов, необходимых для охлаждения реакторов и технологического использования на других производствах. Кроме того, в этом регионе уже существовала развитая промышленная инфраструктура, что позволяло решить проблему энергообеспечения комбината, имелась железнодорожная сеть и автомагистрали, связавшие эту территорию с крупнейшими промышленными центрами страны. Немаловажным обстоятельством геостратегического характера была и значительная удаленность региона от внешних границ Советского Союза.

Начальный период создания комбината

Предыстория

20 августа 1945 года можно считать датой начала советской ядерной программы. Именно в этот день вышло постановление ГКО о создании Специального Комитета во главе с Л.П. Берия, на который возлагалось общее руководство всеми работами по созданию ЯО в СССР. 30 августа 1945 года было подписано другое постановление ГКО – о создании Первого Главного Управления – правительственного органа для управления работами по ядерной программе. Во главе ПГУ был поставлен Б.Л. Ванников, который до этого возглавлял Народный Комиссариат боеприпасов СССР /2/.

В октябре 1945 года правительственная комиссия произвела обследование ряда территорий на Южном Урале с целью выбора площадки для строительства предприятия по производству плутония. В состав комиссии входили представители Госплана СССР, Лаборатории № 2 АН СССР (в настоящее время – Российский научный центр «Курчатовский институт») и Челябметаллургстроя (Металлургический производственный комплекс в Челябинской области, находившийся в то время в ведении наркомата внутренних дел СССР). В результате этого обследования было признано целесообразным разместить плутониевый комбинат в районе, расположенном к востоку от Кыштымско-Каслинских озер.

В сентябре 1945 года приступили к рытью котлована под первый промышлен-

ный реактор. К этому времени на строительстве работало около 70 тыс. человек. Д. Холлоуэй /1/ приводит следующие оценки численности персонала, взятые из отчета ЦРУ США 1950 года, занятого в советской ядерной программе. Общая численность занятых в работах по проекту – от 330 тыс. до 460 тыс. человек, в строительстве – от 50 тыс. до 60 тыс. человек, промышленном производстве от 20 тыс. до 30 тыс. человек, в НИОКР – от 5 тыс. до 8 тыс. человек.

Первый промышленный реактор (объект «А»)

К концу 1947 года основное здание реактора было готово, и уже в начале 1948 года начинается монтаж металлических конструкций и основного оборудования. Главным конструктором, разработчиком проекта реактора в январе 1946 г. был назначен Н.А. Доллежал, директор Московского научно-исследовательского института химического машиностроения. До этого рассматривались три альтернативные схемы реакторной установки с использованием природного урана: тяжеловодородная, газографитовая и водографитовая. К середине 1945 года предпочтение было отдано водографитовой схеме /3,4/.

В июне 1946 года был одобрен вертикальный вариант компоновки реактора, предложенный Лабораторией № 2 и главным конструктором Н.А. Доллежалем. Окончательное решение в пользу этого варианта было принято Научно-техническим Советом при Первом Главном Управлении 10 июля 1946 года.

Задолго до этого, в январе 1946 года были рассмотрены принципиальные вопросы, связанные с охлаждением промышленного реактора тепловой мощностью 100 Мегаватт. Необходимо было решить, сбрасывать ли большие объемы прошедшей через реактор охлаждающей слабоактивной воды в ближайший водоем – озеро Кызыл-Таш или пропускать эту воду через систему очистки и использовать многократно. В последнем варианте в оборудовании очистного контура должно накапливаться большое количество радионуклидов. Опыта обращения с высокоактивными отходами в то время еще не было. Этим и было обусловлено решение, принятое 12 января 1946 года секцией № 1 Инженерно-технического Совета при Специальном комитете: проектировать проточный вариант охлаждения реактора и создать необходимые системы очистки. Позднее эта схема охлаждения была использована на других промышленных уран-графитовых реакторах, построенных на плутониевом комбинате, получившем тогда кодовое наименование «Комбинат № 817». В условиях послевоенного времени, реализовать более сложные технологические схемы, было невозможно.

Последующий опыт показал, что при нормальной эксплуатации реактора прямоточная схема не приводила бы к радиоактивному загрязнению окружающей среды. Действительно, до 1953 года содержание радионуклидов в воде озера Кызыл-Таш (площадь – 19 квадратных километров, объем воды – 83 млн. кубических метров) не превышало допустимых норм. Впоследствии, однако, в результате аварий, связанных с не всегда удачными техническими решениями при создании и испытании новых экспериментальных реакторных установок, произошло загрязнение озера радиоактивностью, и оно стало использоваться в качестве «замкнутого» водоема, обладающего большой емкостью /4/.

8 июля 1947 года на строительстве комбината побывал Л.П. Берия. После его визита руководителем строительства был назначен генерал М.М. Царевский, имевший до этого большой опыт руководства сооружением крупнейших про-

мышленных предприятий страны. 10 июля 1947 года директором комбината был назначен Е.П. Славский, один из заместителей Б.Л. Ванникова.

К концу 1947 года коробка здания первого промышленного реактора была готова. В это время комбинат вторично посетил Л.П. Берия. Этот визит также сопровождался сменой руководства: 20 ноября 1947 года директором комбината назначается Б.Г. Музруков, до этого работавший директором Уралмаша. Е.П. Славский становится главным инженером комбината.

В январе 1948 года на площадке реактора начинается монтаж металлических конструкций и основного оборудования. Эти работы велись под наблюдением представителя главного конструктора. Под руководством и при самом активном непосредственном участии специалистов Лаборатории № 2 численностью около 70 человек.

Началось комплектование штатов эксплуатационного персонала объекта «А», первым начальником которого был назначен С.М. Пьянков. На объекте создавались необходимые службы, лаборатории. Большая часть руководящего и инженерно-технического персонала объекта «А» прошла подготовку в Лаборатории № 2. Начальник сектора № 6 Лаборатории № 2, главный технолог проекта реактора В.И. Меркин назначается первым главным инженером, а начальник сектора № 1 И.С. Панасюк – первым научным руководителем объекта «А».

В течение всего периода монтажа и пуска реактора на комбинате находились И.В. Курчатов, Б.Л. Ванников, Н.А. Доллежалъ, постоянно посещали комбинат представители Специального комитета и ПГУ А.П. Завенягин, М.Г. Первухин, Б.С. Поздняков.

В марте 1948 года приступили к выкладке активной зоны и отражателя из графитовых блоков. К концу мая 1948 года основной монтаж был закончен. И началось опробование механизмов и системы контроля реактора.

Активная зона реактора диаметром 9,4 метра, в которой имелось 1168 топливных каналов, размещалась ниже нулевой отметки, в бетонной шахте с трехметровыми стенками, окруженными стальными резервуарами, наполненными водой /5/.

8 июня 1948 года в 0 часов 30 минут И.В. Курчатов произвел физический пуск реактора без теплосъема, при извлеченных регулирующих стержнях, доведя его мощность до 10 киловатт. Для пуска реактора с водой пришлось дополнительно загружать урановые блоки.

10 июня в 20 часов реактор с водой достиг критического состояния, и его мощность была доведена до 1 мегаватта. Заключительная стадия пусковых работ началась 19 июня, и 22 июня мощность реактора достигла проектного значения 100 мегаватт. С июля 1948 года началась его планомерная круглосуточная эксплуатация и постоянный учет выработанной энергии и нарабатываемого в реакторе плутония /3/.

Несмотря на все возникавшие трудности, программа наработки плутония неукоснительно выполнялась, и 22 декабря 1948 года первые, облученные в реакторе блоки, были переданы на радиохимическую переработку.

Радиохимический завод (объект «Б»)

Впервые в СССР индикаторные количества плутония были выделены осенью 1944 года в Лаборатории № 2 И.В. Курчатовым из оксидов урана после длитель-

ного облучения их нейтронами от радий-бериллиевого источника. После пуска циклотрона в Лаборатории № 2 в декабре 1944 года и восстановлении циклотрона в Радиевом институте возможности накопления плутония существенно возросли, что позволило на микроколичествах плутония развернуть интенсивные исследования химических свойств этого элемента. В Радиевом институте работали Б.А. Никитин и А.П. Ратнер под руководством В.Г. Хлопина (В.Г. Хлопин (1890-1950 годах) в 1921 году разработал метод выделения радия из урановой руды, в 1948 году был уже тяжело болен). Радиохимический завод представлял собой длинный каньон, разделенный на отдельные секции с бетонными стенами. Облученные урановые блоки поступали на вход в цепочку аппаратов, размещенных в секциях каньона, и после удаления алюминиевой оболочки растворялись в азотной кислоте. Далее осуществлялся процесс разделения урана и плутония и их очистка от продуктов деления (осадительная ацетатная схема) /5/. Ввиду высокой активности перерабатываемых материалов управление технологическим процессом осуществлялось дистанционно.

Одной из самых трудных оказалась для проектировщиков задача удаления радиоактивных отходов радиохимического завода. В конце 1946 года химико-металлургическая секция (секция № 4) НТС ПГУ, на которой рассматривались все основные проектные решения по заводу, одобрила предложенный ГСПИ-11 и Институтом физической химии АН СССР вариант вентиляции завода «Б», предусматривающей сброс газов, образующихся при растворении урановых блоков, в атмосферу через трубу высотой 130 метров (позднее эта цифра была скорректирована, и была построена труба высотой 151 метр с предварительным разбавлением их в трубе воздухом. При этом наиболее опасный радионуклид ¹³¹I должен был задерживаться специальными фильтрами. Практически неразрешимой в то время оказалась проблема полного обезвреживания огромного количества радиоактивных растворов, образующихся после выделения плутония. 26-27 июля 1947 года этот вопрос обсуждался на секции № 4. Были заслушаны доклады Радиевского института (И.Е. Старик) и Института физической химии АН СССР (С.З. Рогинский). Проанализировав доклады, секция пришла к выводу, что уменьшить концентрацию радионуклидов в сбросных растворах ниже 10⁻⁷ кюри на кубический сантиметр не представляется возможным, и сброс их в атмосферу неизбежен /6/.

Осенью 1948 г. были закончены последние приготовления к пуску завода «Б». Первым директором завода был назначен П.И. Точеный, главным инженером – Б.В. Громов. Первая партия урановых блоков, облученных в реакторе «А», 22 декабря 1948 года была загружена в аппарат-растворитель радиохимического завода. Первая партия готового продукта была получена 26 февраля 1949 года и сразу же отправлена на следующий технологический цикл (завод «В»), где конечной продукцией были детали из металлического плутония для атомной бомбы /1/.

Химико-металлургический завод (объект «В»)

3 марта 1948 года приказом по комбинату было создано опытно-промышленное производство, размещавшееся в трех одноэтажных зданиях на промышленной площадке, примыкавшей к территории объектов «А» и «Б» /6/. Эту дату можно считать днем рождения завода «В». Разработкой проекта завода занимались

специалисты проектно-конструкторского бюро (ПКБ) НИИ-9, а затем, созданного на его основе Постановлением Правительства № 200-90 от 2 февраля 1948 года, специального проектного института ГСПИ-12 под руководством Ф.З. Ширяева (вначале этот институт из соображений секретности называли Московской проектной конторой – МПК). Несколько позже, в том же 1948 году по проекту МПК началось строительство новых цехов завода «В».

В проектировании завода и разработке технологических процессов, помимо специалистов НИИ-9 и МПК, принимали участие ученые из Института общей и неорганической химии АН СССР, Института геохимии и аналитической химии АН СССР, КБ-11 (будущий Арзамас-16) и других научных центров страны. Научным руководителем завода был А.А. Бочвар (1902-1984х) с 1952 по 1984 год директор НИИ-9.

Выделение и аффинаж плутония включали в себя следующие операции: восстановительное осаждение сульфатов лантана и плутония, окислительное осаждение двойных сульфатов, осаждение гидроксидов, оксалатов, карбонатов, эфирную очистку. Для очищения промежуточные соединения плутония подвергались хлорированию. Металлический плутоний получали путем восстановления хлоридов.

Началом производственной деятельности объекта «В» можно считать 26 февраля 1949 года, когда на переработку в химическое отделение поступил плутониевый концентрат – конечный продукт завода «Б». Переработка концентрата производилась персоналом цеха № 9 под контролем и при участии ученых и руководителей комбината. Работы велись при отсутствии технологического регламента и потребовали крайнего напряжения сил всех участников (первая Временная технологическая инструкция была утверждена только в мае 1949 года).

В апреле 1949 года был получен диоксид плутония и передан в металлургическое отделение завода, где уже к июню 1949 года было наработано достаточно большое количество металлического плутония, из которого на заводе «В» в августе 1949 года были впервые изготовлены полусферы для атомной бомбы. Это обеспечило успешное испытание на Семипалатинском полигоне первой советской атомной бомбы 29 августа 1949 года.

Так был завершен первый этап создания советской атомной промышленности. Опыт и знания, полученные на этом этапе, легли в основу ее дальнейшего развития.

Радиационные аварии и радиоактивное загрязнение окружающей среды

Существующие до настоящего времени проблемы, связанные с радиоактивным загрязнением окружающей среды на территориях, прилегающих к комбинату «Маяк», и его воздействием на здоровье населения региона, уходят своими корнями в 40-е-50-е годы. В то время здесь создавали новые производства, осваивали новые технологии, наращивали выпуск стратегически важной продукции. Анализируя события тех лет и факторы, которые влияли тогда на положение дел в области радиационной безопасности персонала, населения и окружающей среды, можно выделить пять основных источников сложившейся ситуации.

1. В период становления производства на первых объектах комбината его персоналу приходилось работать в весьма неблагоприятных условиях. Нормы безопасности и правила дозиметрического контроля соблюдались плохо. Хотя руководители и рядовые сотрудники объектов хорошо осознавали существующую угрозу, и им приходилось постоянно рисковать своей безопасностью. Иногда риск был связан с исправлением собственных ошибок и нарушений технологической дисциплины. Чаще всего, однако, он был обусловлен различными отказами и поломками оборудования, приведшими к возникновению аварийных ситуаций. Результатом этого явились высокие дозовые нагрузки большого числа работников комбината и связанные с ними профессиональные заболевания.

2. Сбросы жидких радиоактивных отходов радиохимического производства в реку Течу, которые непрерывно осуществлялись с 1949 по 1956 год (наиболее интенсивно сбросы осуществлялись с марта 1950 по ноябрь 1951 года). Из-за загрязнения реки и прибрежных земель внешнему и внутреннему облучению подверглись 124 тыс. человек, проживавших по берегам водной системы Теча – Исеть – Тобол на территории Челябинской и Курганской областей.

3. Взрыв емкости с высокоактивными жидкими отходами комбината в 1957 году, приведший к выбросу более 20 млн. кюри радиоактивных продуктов. Образовавшееся после взрыва облако накрыло территорию общей площадью более 20 тыс. километров квадратных с населением около 270 тыс. человек, полоса наиболее интенсивного радиоактивного загрязнения (т.н. Восточно-Уральский радиоактивный след) длиной 105 и шириной 8-9 километров расположилась в северо-восточном направлении от комбината.

4. Использование в качестве хранилища жидких радиоактивных отходов радиохимического производства в течение четырех десятилетий бессточного озера Карачай (первоначальная площадь – 0,27 километров квадратных, объем – 0,4 млн. метров кубических, с 1952 года было решено прекратить крупномасштабные сбросы в реку Теча). В 1967 году смерч, пронесшийся вдоль песчаных берегов озера Карачай, привел к дополнительному загрязнению окружающих территорий радиоактивной пылью (высохшие радиоактивные илы озера). В настоящее время в озере Карачай содержится около 120 мегакюри радиоактивных продуктов.

5. Сооружение путем возведения плотин в верхнем течении реки Теча каскада водохранилищ, в донных отложениях которых содержится значительное количество долго живущих радионуклидов (^{137}Cs и ^{90}Sr). По мнению экспертов, эти донные отложения следует относить к категории твердых радиоактивных отходов /6/.

На протяжении долгих лет производственной деятельности комбината «Маяк» здесь, как и на других подобных предприятиях во всем мире, происходило немалое число радиационных и ядерных инцидентов.

В опубликованном недавно отчете Счетной Палаты правительства США отмечается, что «по меньшей мере, 221 ядерная установка, не считая гражданских энергетических ядерных реакторов, действует в настоящее время на территории бывшего Советского Союза. ...Эти установки используются для различных производственных целей: (1) добычу, обогащение и переработку урановых руд; (2) производство обогащенного урана; (3) производство и переработку ядерных материалов и ядерного топлива; (4) сборку ядерных боеприпа-

ОПАЛЕННЫЕ В БОРЬБЕ ПРИ СОЗДАНИИ ЯДЕРНОГО ЩИТА РОДИНЫ

сов; (5) переработку и хранение ядерных отходов». Принимая во внимание конструкцию и возраст этих установок, следует заключить, что их дальнейшая эксплуатация связана с немалым риском для окружающей среды.

Если вернуться к истории комбината «Маяк», можно привести здесь следующий перечень инцидентов:

1954 год – на радиохимическом производстве разрушена часть здания, повреждено оборудование;

1958 год – в результате аварии три человека погибли, один получил лучевую болезнь;

1959 год – в результате аварии повреждено технологическое оборудование;

1962 год – в результате аварии разрушены технологические трубопроводы;

1968 год – авария на радиохимическом производстве – один человек погиб и один получил тяжелое лучевое поражение, приведшее к ампутации обеих ног;

1984 год – взрыв технологического аппарата на радиохимическом производстве;

1987 год – в результате повреждения электрода на установке для остекловывания радиоактивных отходов произошел выброс расплавленной массы на пол производственного помещения; установка выведена из эксплуатации;

1990 год – взрыв технологической емкости на радиохимическом производстве – два человека получили химические ожоги, один погиб;

1993 год – произошел выброс газов, содержащих плутоний, через вентиляционную систему завода РТ-1, пострадавших не было; на насосной станции произошла утечка слаборадиоактивной воды, загрязнено около 100 квадратных метров;

1994 год – на заводе РГ-1 произошло возгорание оболочки тепловыделяющего элемента, сопровождавшееся выбросом небольшого количества радиоактивных газов.

В таблице 1 приведены обобщенные данные, характеризующие последствия воздействия наиболее крупных радиационных аварий на комбинате «Маяк» на здоровье населения и состояние окружающей среды региона.

Таблица 1

Последствия радиационных аварий на комбинате «Маяк»

	Река Теча	Взрыв 1957 г.	Смерч 1967 г.
Выброс активности, Ки	$3 \cdot 10^6$	$2 \cdot 10^7$	600
Среда распространения загрязнения	водная	воздушная	воздушная
Число жителей, подвергшихся облучению	124000	272000	42000
Число жителей, получивших дозу свыше 5 мЗв/год	28100	20000	–
Площадь земель с уровнем загрязнения свыше 0,1 Ки/км ² , км ²	Около 1,0 (земли в пойме рек Теча и Исеть)	23000	2700

ОПАЛЕННЫЕ В БОРЬБЕ ПРИ СОЗДАНИИ ЯДЕРНОГО ЩИТА РОДИНЫ

	Река Теча	Взрыв 1957 г.	Смерч 1967 г.
Площадь земель выведенных из хозяйственного оборота, км ²	8	106	–
Максимальное значение эквивалентной дозы	3,0-4,0	0,9	0,003
Число эвакуированных жителей	7500	11000	–

Экологические последствия развития отечественного атомного проекта

Назаров А.Г.

Атомный проект на всех стадиях своего развития, от горных разработок уранового сырья до испытаний ЯО в различных природных средах, сопровождался радиационным воздействием на экосистемы биосферы и здоровье человека. Экологические последствия наиболее интенсивно выявляются в радиационных катастрофах, имевших место в 1949 -1957 годах.

К настоящему времени к числу острейших экологических проблем развития отечественного атомного проекта относятся проблемы хранения и переработки накопленного ЯО, обращения с радиоактивными отходами и обеспечения безопасности отработавшего подводного атомного флота.

Для объективной оценки экологических последствий отечественного атомного проекта необходимо, прежде всего, располагать полными данными по радиационным воздействиям на биосферу и здоровье человека на каждой из стадий развития проекта: добычи и переработки уранового сырья, его обогащения. Производства оружейного плутония, изготовления ЯО, его испытаний в различных природных средах, хранения, обращения с радиоактивными отходами (РАО). В настоящее время таких полных данных нет, и не только в силу закрытости «атомной проблемы» долгие годы. Но и по причине слабой разработанности самих экологических представлений в период становления и осуществления атомного проекта (1940-е-1950-е годы). В условиях гонки ядерных вооружений и в связи с необходимостью создания отечественного ядерного щита вопросы долговременной экологической безопасности не находили должного разрешения /1/; многие из них не осознавались или откладывались «на потом». Не было постановки фундаментальных научных исследований в области возможных экологических последствий развития атомного проекта, систематизации накопленных экологических данных. В равной степени это относится как к бывшему СССР, так и к США и Великобритании.

В сложившейся ситуации проведение историко-научного анализа рассматриваемой проблемы из-за неполноты и противоречивости фактического материала крайне затруднено. В то же время именно квалифицированный историко-научный подход, с нашей точки зрения, позволит выявить объективные критерии опасных экологических последствий ядерной программы, разработать научный понятийный аппарат и тем самым перейти от преимущественно эмоционального восприятия (бытового неприятия) ядерной энергетики к строго

научному анализу ее сложных накопившихся экологических проблем.

Среди разрабатываемых научных понятий важная роль принадлежит понятию радиационной экологической катастрофы /2/. Катастрофа всегда необратима. Она отрицает старый тип организации, означает необходимость перехода на новые ступени научно-технического прогресса, на новую научную парадигму. В отличие от катастрофы, авария всегда локальна, как бы тяжелы последствия ее не были. Она не выходит за пределы своего точечного или небольшого территориального проявления. После устранения неполадок авария допускает возврат к прежнему способу организации, и в этом смысле она обратима.

Так называемая «запредельная авария» в атомной энергетике, связанная с разрывом ядерного реактора и выбросом больших масс радионуклидов в окружающую среду, не будучи локализованной, мгновенно перерастает в необратимую радиационную катастрофу, охватывая большие пространства биосферы (или всю биосферу Земли) и массы людей. Сравнительно небольшие по масштабам катастрофы традиционно называют авариями.

История атомного проекта с экологической точки зрения может быть представлена историей радиационных аварий и катастроф. Большие и малые радиационные катастрофы выступают предельным выражением экологических воздействий. Они протекают с огромными скоростями, экологические последствия катастроф не могут быть полностью ликвидированы и проявляются спустя десятки, сотни, возможно, тысячи лет (распад радионуклидов плутония, америция, кюрия и др.). Не все радиационные катастрофы, подобные Кыштымской или Чернобыльской, являются мгновенно взрывными, «зримыми». Многие из них протекают внешне незаметно, радиационные, воздействия накапливаются десятилетиями и могут быть «не видны» при жизни одного-двух поколений. Именно такая ситуация складывалась с первой радиационной отечественной катастрофой – сбросом предприятием «Маяк» неочищенных радиоактивных отходов в реку Течу в 1949-1951 годах и из нее – в речную систему Исеть – Тобол – реки Северный Ледовитый океан. Радиационному воздействию за 40 лет подверглись 124 тыс. человек, из них 28,1 тыс. человек, проживавших по берегам реки Течи в Челябинской и Курганской областях, получили наибольшую дозу – 6 (тыс. человек) зивертов по коллективной дозе. Средняя эффективная эквивалентная доза облучения от 3,5 до 170 сантизивертов отмечена у 7,5 тыс. человек, переселенных из 20 населенных пунктов, включая село Метлино с дозой 170 сантизивертов. Жители ряда сел, находящихся в 20-30 километров от производственного объединения «Маяк», страдают до сих пор. Так, в селе Муслимово в 1949 году проживало 4 тыс. человек, теперь около 2,5 тыс., уровень облучения составляет 28 сантизивертов, у детей – превышает 0,5-1,0 сантизивертов/год /3/. Отсутствие опыта, неразработанность вопросов экологической безопасности, недостаток информации о воздействии радиации на человека в сочетании с жесткой целевой установкой создания атомного оружия в сжатые сроки привели к облучению персонала ПО «Маяк». особенно в первые годы осуществления атомного проекта. Всего за 40 лет деятельности предприятия 10 тыс. человек получили профессиональные заболевания, 4 тыс. человек умерли от острой лучевой болезни. Средняя доза для первых участников челябинской группы атомного проекта составила около 200 бэр.

Вторая радиационная катастрофа, Кыштымская, была обусловлена взрывом в хранилище радиоактивных отходов в 1957 году. В том же году в Уиндскейде

(Великобритания) произошла крупная авария на реакторе с выбросом в окружающую среду $7,4$ на 10^{14} беккерелий радиоактивного йода. В Челябинске же было выброшено 20 млн. кюри, из которых 18 млн. кюри осели вокруг хранилища, а 2 млн. кюри образовали Восточно-Уральский радиационный след. В зоне его воздействия (плотность по стронцию – $90-0,1$ кюри на квадратный километр) оказались 217 населенных пунктов с общей численностью населения 272 тыс. человек; $10,5$ тыс. были переселены. Коллективная эффективная эквивалентная доза составила от $1,3$ тыс. человек/зиверт (эвакуированные жители) до $4,5$ тыс. человек/зиверт (оставшиеся проживать в зоне повышенной радиоактивности).

Наконец, третья из челябинских радиационных катастроф (1967 год) связана с ветровым переносом радионуклидов с обсохшей береговой полосы озера Карачай. Всего разнесено нуклидов активностью $0,6$ млн. кюри на площади 2700 квадратных километров, затронуто 63 населенных пункта ($41,5$ тыс. человек). В основном зона воздействия наложилась на Восточно-Уральский след Кыштымской катастрофы, тем самым ее усилив. Суммарная коллективная эффективная эквивалентная доза по трем катастрофам составляет около 12 тыс. человек/зиверт, общее число подвергшихся радиационному облучению составляет – около 500 тыс. человек.

В настоящее время на озере Карачай, где захоронено 120 млн. Ки радионуклидов, развивается тревожная радиационная ситуация. Она вызвана проникновением радиационных веществ объемом около 4 млн. кубических метров до глубины 100 метров в подземный водоносный горизонт и их медленным фильтрационным движением в сторону Челябинского водозабора. Принимаемые меры не смогли еще полностью стабилизировать ситуацию, и через $6-10$ лет возможно ожидать разгрузку радиационных вод в пойме реки Мишеляк и в других местах Междуречья. По нашим наблюдениям и оценкам, равнозначной по экологическим последствиям проблемой является проблема переполненных озер – накопителей жидких РАО, подпруженных в верховьях реки Течи /3/. Вся эта территория может быть отнесена к зоне чрезвычайной экологической ситуации.

Рассмотренные примеры показывают, что одной из центральных экологических проблем всего цикла развития отечественного атомного проекта, как и мировой ядерной энергетики, служит проблема утилизации радиоактивных отходов, в широком смысле – обращения с РАО. За 50 -летний период использования атомной энергии не выработано системы захоронения и обезвреживания РАО. Все эти годы основным способом избавления от накапливающихся объемов РАО был их сброс в моря, океаны, открытые речные системы. Впервые сброс РАО в море осуществили в 1946 году США, в 1949 году к ним присоединилась Великобритания, с 1955 года – Япония, с 1965 года – Нидерланды. Сбрасываемые радиоактивные отходы большей частью были помещены в 200 -литровые металлические барабаны и залиты бетоном. Лондонская конференция 1972 года по предотвращению загрязнения морей и океанов, подписанная бывшим СССР, ограничила, но не предотвратила сброс РАО в моря и океаны. С 1971 по 1983 год отходы военного ядерного комплекса регулярно сбрасывали в море Бельгия, Великобритания, Нидерланды, Франция и Швейцария, эпизодически – Япония, Италия, ФРГ, Южная Корея и Швеция. Особенно велики объемы затопления у Великобритании – $75,5\%$ всех мировых захоронений РАО (без учета бывшего СССР). Более 50 тыс. тонн радиационных материалов, упакованных в 120 тыс. контейнеров /4/. Лишь в 1992 году Конференция ООН по окружающей среде и развитию высказалась за прекращение захоронения РАО в море. Россия подпи-

сала в Хельсинки в 1992 году конвенцию по защите морской среды районов Балтийского моря, а в Бухаресте – Черноморья.

Первые сбросы РАО в море бывшим СССР были связаны с ходовыми испытаниями атомных подводных лодок (АПЛ) и атомного ледокола «Ленин».

В 1959 году, спустя 13-10 лет после начала систематических сбросов РАО США и Великобританией, в Белом море был произведен слив 600 кубических метров низкоактивных отходов (20 МКМ), а в 1960 г. слив 100 кубических метров жидких РАО (200 МКМ) – у острова Готланд в Финском заливе с атомного ледокола «Ленин».

Сброс твердых РАО в СССР начался с 1964 года. Для обеспечения радиационной безопасности при испытаниях ЯО и захоронения РАО были определены непромысловые участки в Баренцевом и Карском морях и в районе Камчатки с точным указанием координат, фиксацией периодичности сброса, качественно и количественного состава РАО. Кроме металлических контейнеров (общим числом около 12 тыс.), для затопления использовались старые баржи, лихтеры, танкеры. И хотя такие способы захоронения РАО в СССР кажутся сейчас «нецивилизованными» сравнительно с США, Великобританией и другими развитыми странами, общий результат для загрязнения экосистем Мирового океана оказывается для всех способов сбросов РАО, цивилизованных и «варварских», практически одним и тем же. Металлические контейнеры выдерживают влияние разъедающей морской среды 10-15 лет, бетонированные – до 30 лет. По мнению специалистов, большая часть сброшенных в море контейнеров с РАО подвергается активному электролитическому разрушению.

Косвенно об этом свидетельствуют наблюдения в районах аварии атомных подводных лодок, советских и американских (1968-1989 годы) – Бискайский залив, Бермудские острова, Норвежское море. Всего, по данным журнала «Таймс», на дне Мирового океана находится шесть затонувших АПЛ, девять атомных реакторов и 50 ядерных боеприпасов. Потерянная ВМФ США в Тихом океане около 30 лет назад водородная бомба, как считают японские исследователи, уже «потекла», находящийся в ней плутоний обнаружен в морской воде. Повышенная радиоактивность обнаружена и в районе аварий АПЛ «Трешер» и «Скорпион».

Чрезвычайная экологическая ситуация сложилась в районе гибели АПЛ «Комсомолец» в Норвежском море 7 апреля 1989 года. Это богатейший рыбопромысловый район, омываемый попеременными течениями к Баренцеву морю и к берегам Норвегии. Титановый корпус подлодки вызывает сильную электрохимическую коррозию. Первые следы радиации обнаружили через 2,5 года после аварии. Полагают, что ядерный реактор АПЛ дает течь, а корпуса торпед с ядерным плутониевым боезарядом съедены коррозией. Переход плутония в морские морепродукты может иметь серьезные последствия для организма человека, жителей прибрежных районов. Подъем лодки с глубины 1680 метров представляет серьезную техническую проблему, но состояние экологической безопасности в районе гибели достигло критического уровня, требующего немедленного решения.

Несмотря на большие объемы сброшенных в Мировой океан в течение 50 лет радиоактивных отходов, нет систематических данных о влиянии РАО на морскую флору и фауну, которые могли бы осветить целостную картину опасности радиоактивного загрязнения для морских организмов, экосистем и человека как конечного звена взаимодействия с Океаном. Предпринятые попытки мате-

матического моделирования радиоэкологических последствий возможных аварий атомных судов при различных вариантах сценариев аварии (глубина, скорость распространения и накопления радионуклидов) показывают довольно низкие уровни облучения морской фауны и жителей прибрежных районов, до 25% от доз естественного фона в морской среде вблизи затонувшего атомного судна. Однако эти данные нельзя распространять на весь объем сброшенных РАО, затонувших ядерных реакторов и боеприпасов.

Одной из острых экологических проблем России остается проблема утилизации атомного подводного флота и обращения с РАО и отработанным ядерным топливом на объектах военно-морского флота. По данным официального доклада Минприроды РФ о состоянии окружающей среды в России за 1994 год /5/, из эксплуатации выведено еще 121 АПЛ (70 – Северный флот, 51 – Тихоокеанский). Всего утилизированы с вырезкой реакторного отсека, подготовлены к длительному хранению или готовятся к утилизации на судоремонтных заводах 30 АПЛ. Остальные 91 АПЛ находятся в местах постоянного базирования в неудовлетворительном состоянии. Общий срок службы достиг 32-35 лет, до 4% из них находится более 10 лет без ремонтного обслуживания. Во многих АПЛ отработанное ядерное топливо (ОЯТ) находится в реакторах 15 и более лет. Поддержание таких АПЛ на плаву чрезвычайно сложно и опасно. Береговые и плавучие хранилища ОЯТ полностью загружены, часть РАО и ОЯТ складированы на открытых площадках. После запрещения сброса РАО в море в 1993 году количество отходов неуклонно растет, особенно на Тихоокеанском флоте, где нет удовлетворительных мощностей по переработке жидких РАО. Затянувшийся процесс переоснащения атомного подводного флота России грозит обернуться труднопредсказуемыми экологическими последствиями.

В результате интенсивной реализации атомного проекта в 40-е50-е годы в ряде регионов и в биосфере в целом создалась серьезная радиационная обстановка. Кроме рассмотренных выше радиационных катастроф на Южном Урале, обращения с РАО и ситуации с АПЛ, экологические последствия связаны со следующими радиационными воздействиями: 714 ядерных взрывов при испытаниях ЯО (467 – в Казахстане, 132 – на северном полигоне Новая Земля), включая взрыв сверхмощной водородной бомбы в 1961 году; 183 испытания в атмосфере, отразившиеся на экосистемах Крайнего Севера и Алтая; загрязнение поймы Енисея радионуклидами на протяжении 900 километров в результате производства оружейного плутония в Красноярске-26, загрязнения подземной среды в результате закачки в нее жидких РАО в Красноярске-26 и Томске-7.

В последующие годы добавились аварии на АЭС с реакторами РМБК и ВВЭР, «унаследованными» от промышленных оружейных каналных и корпусных реакторов; были проведены 115 подземных ядерных взрывов в различных регионах страны; накоплены огромные арсеналы ЯО, подлежащего уничтожению согласно принятым международным обязательствам /6/.

Необходима разработка долговременной поэтапной стратегии смягчения экологических последствий развития атомного проекта.

По экспертным оценкам, очистка ядерных военных комплексов и восстановление нарушенных экосистем биосферы потребует не менее 50-60 лет, возможно больше, с общими затратами 300-400 млрд. долларов. Оздоровление окружающей среды, реабилитация загрязненных территорий и здоровья персонала военных ядерных комплексов и пострадавшего от радиационных

катастроф населения должно стать заключительным этапом развития отечественного атомного проекта. Сверхзадача этого этапа максимально возможного уменьшения экологических последствий – предотвращение возможности новых радиационных воздействий накопленных арсеналов оружия и миллиардов активности РАО.

Создание ядерного щита для России явилось исторически вынужденным актом. И ответственность за его возможные экологические последствия должны разделить те члены международного сообщества, которые явились инициаторами создания ЯО. Только общими усилиями, не в одиночку, можно избавиться от реально существующей опасности возникновения глобальной радиационной экологической катастрофы.

Литература:

1. Порфирьев Б.Н. и др. *Анализ стратегии развития отечественной ядерной энергетики // Чернобыльская катастрофа: причины и последствия Ч.1. Минск, 1993, с. 14-40.*

2. Назаров А.Г. *Радиационные катастрофы: понятие, происхождение, последствия // Материалы Годичной научной конференции института истории естествознания и техники РАН по итогам 1995 г. М., 1996.*

3. Назаров А.Г., Бурлакова Е.Б., Шевченко В.А. и др. *Резонанс. Челябинск, 1991, 54 с.*

4. Глухов В.В., Лисочкина Т.В., Некрасова Т.П. *Экономические основы экологии. Санкт-Петербург, 1995, с. 30-38.*

5. *Доклад Минприроды РФ о состоянии окружающей среды в Российской Федерации за 1994 г. Зеленый мир. №35, 1995.*

6. Дуриков А.П. *Радиоактивное загрязнение и его оценка. М., Энергоатомиздат. 1993, 14 с.*

□ 2.3. ПЛУТОНИЙ ДЛЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Гладышев М.В. (1914-2005)

Лауреат Ленинской премии (1961), лауреат премии СМ СССР (1986).

По окончании Горьковского индустриального института и службы в армии подполковник М.В. Гладышев был направлен прямо из госпиталя в феврале 1946 года в НИИ-9. После пуска в Лаборатории № 2 первого в стране опытного реактора Ф-1 принимал участие в создании опытной установки У-5. Им было предложено использование вместо лавтана более дешевого кальция.

Он был инициатором привлечения Петрянова И.В. (автора разработки ткани, носящей его имя) к работам по совершенствованию технологии очистки от радиоактивности различных продуктов радиохимического производства.

В конце 1948 года М.В. Гладышев принимает участие в пуске радиохимического завода Комбината № 817, Челябинск-40.

С 1957 года в течение 30 лет работал на вновь построенном с более совершенной технологией заводе.

М.В. Гладышев за большие заслуги в получении плутония и совершенствовании радиохимической технологии в 1961 году был удостоен звания Лауреата Ленинской премии, а в 1986 году – премии СМ СССР. Автор вышедшей в 1992 году на Южном Урале книги «Плутоний для атомной бомбы».

(От редакции: информация получена от Гавриленко Елены Вячеславовны – начальника отдела общественной связи музея ПО «Маяк», г. Озерск.)

В феврале 1946 года меня (М.В. Гладышева) выписали из госпиталя, и после увольнения из армии направили работать в институт, который с трудом нашел на юго-западной окраине Москвы. В барачном доме был принят полковником В. Шевченко. Он предложил мне должность заместителя начальника лаборатории. Когда я спросил, чем буду заниматься, он вместо ответа подал мне книгу «Ярче тысячи солнц» Ч. Янга. Мне стало ясно направление деятельности, но с чего начать и как что делать – полная темнота.

До сих пор не могу забыть свой первый глупый вопрос: «А где взять так много радия?» Ответа, естественно, не получил. Поняв свою глупость, я начал заниматься хозяйственными делами по оборудованию лаборатории, выполнял рзовые поручения начальника лаборатории З.В. Ершовой.

Велось строительство здания института, шло формирование коллектива, подбирались научные кадры, создавалась структура управления, приступили к исследовательской работе, в которую втянулся и я. В то время мне поручили изучить процесс растворения урана в азотной кислоте. Пришлось придумать конструкцию аппарата, изготовить его и в нем испытывать растворение урановых блоков. Эта конструкция была изложена в форме задания на изготовление аппарата для опытной установки, а затем, когда начали проектировать завод, то оборудование было создано по образцу опытного аппарата. Так начался мой личный вклад в создание будущего завода.

В.Б.Шевченко – директор вновь созданного Московского научно-исследовательского института (НИИ-9) – конкретно занимался созданием опытной установки для проверки технологии и оборудования этого завода. Он поручил руководителям лабораторий продумать, как это сделать. И началась работа. Трудно переоценить значение опытной установки (У-5), которую мы дружно стали проектировать, строить и монтировать. Все поисковые исследования Радиевого института, НИИ-9, данные «голубой книги» и отдельные разработки конструкций аппаратов проходили на этой установке опробование, испытание и доводку.

Первый начальник У-5 М.В. Угрюмов скомплектовал из нас, сотрудников института, и тех, кто готовился осваивать технологию на заводе – Т.И. Зыряновой, Е.Д. Вандышевой, Е. И. Краснопольской, Б.В. Громова, В.И. Гусевой, Н.Г. Чемарина и др. – сменный персонал для круглосуточной работы. Результаты каждой стадии процесса обсуждались учеными институтов Москвы и Ленинграда – Академик А.П. Виноградов, доктор Б.П. Никольский, член-корреспондент Академии наук Б.А. Никитин, академик Г.В. Акимов, доктора наук К.А. Большаков, З.В. Ершова, В.Д. Никольский, С.М. Карпачева, Н.Е. Брежнева, Б.А. Зайцев, специалисты проектного института ГСПИ-11 Я.И. Зильберман и др. Они не только интересовались полученными данными, но и давали советы, рекомендации, уточнения технологических параметров. Работая в сменах, мы сами искали решения многих постоянно возникающих проблем.

Ацетатная технология, которая была взята из «голубой книги» и проверялась на установке, – это осадительная технология. В ходе ее осаждают уранилтриацетат и отделяют его от жидкой фазы фильтрованием. Для химизма процесса – это верный, более надежный путь.

Но как обслуживать фильтры, «загрязненные» сильно радиоактивными продуктами деления (осколками), никто не знал. Сначала все делали вручную, не обращая внимания на вредное воздействие, а потом догадались отстаивать и удалять жидкую фазу отсосом. В нашей практике это называется «декантация». Такой прием вошел затем в технологию завода.

Начинали работать на установке, используя природный уран, необлученный в реакторе, а затем пришла в институт машина с блоками урана, выгруженного из экспериментального реактора, а это уже почти реальный исходный продукт для нашей установки. Перегрузку делали без приспособлений, беря блоки руками и укладывая их в ящик. На следующий день загрузили порцию облученного урана в реактор У-5 и начали технологию извлечения плутония и очистку его от продуктов деления. Установку смонтировали так, что никакой защиты от излучения практически не было, и обслуживание оборудования велось даже в личной одежде, прикрытой белым халатом.

Наши с маститыми титулами руководители, которым мы верили беспредельно, сами не имели опыта обращения с радиоактивными элементами, поэтому и мы работали на низком уровне культуры радиохимических исследований.

Остался в памяти один случай неумелого обращения с радиоактивными излучателями. Послали меня в Ленинград в Радиевый институт за радием. Я заказал освинцованные ящички, взял с собой сотрудника нашего института Э.М. Центера, и поехали мы с ним по заданию. В лаборатории института положили передо мной коробочку с ампулами радия и ушли из комнаты. Я руками переложил ампулы в свои ящички, и мы отправились с этим грузом в Москву. Доехали в отдельном купе без охраны благополучно, но через несколько дней пальцы моих рук стали болеть, затем кожа на кончиках пальцев стала трескаться и долго не заживала. Я понял свою ошибку, но не говорил о ней никому, стыдился. В те времена не носили «лепестков» (их еще не было), не измеряли фон от альфа- и бета-излучателей. Да и приборов не имели, кроме простейшего счетчика Гейгера.

Не только приборное оборудование, но и лабораторная оснастка находилась на примитивном уровне. Институт только формировался, здание строилось, лаборатории – в начале монтажа, посуда и всякая мелочь – на складе. Большинство того, что требовалось для начала, просто не хватало. Не было и самого главного – людей, которые должны работать в институте и решать такие проблемы, за которые до них еще никто не брался. Некоторые пришли из других институтов. Они все-таки имели какой-то опыт исследовательских работ и оснащения лабораторий. А многие в науку прибыли с фронта после 3-4 лет боевых действий.

Такие оказались совсем не подготовлены, они только хотели работать и по ходу дела – учиться. Да и багаж специальных знаний у них, прямо скажем, находился на уровне учебных программ институтов того времени, и те знания растрагивались на ухабах войны. Один из них, когда лежал в госпитале перед демобилизацией, прочел учебник Глинки «Основы химии», и то поверхностно, чтобы вспомнить, как пишется формула азотной кислоты.

Что-нибудь из радиохимии – несколько. А этим «специалистам» требовалось освоить технологию извлечения продуктов ядерного деления для промышленного применения.

Но были они не одиноки. С самого начала в институте работал доктор химических наук В. Д. Никольский, который по тем временам в радиохимии проявлял себя большим специалистом. Они с З. В. Ершовой, а она когда-то училась у М. Кюри, перевели с французского книгу М. Кюри «Радиоактивность». Это была моя первая настольная книга по новой специальности.

Когда начали работу на У-5 и получили первые концентраты, выделение чистого плутония было поручено старшему научному сотруднику Н. Бродской, которая вела аффинаж методом дробного сульфатного осаждения. Вот тогда я попросил дать мне разрешение проверять этот процесс, уже принятый для производства. З.В. Ершова согласилась, выделила мне двух лаборанток и комнату.

Начали с того, что собирали лабораторное хозяйство: посуду, приборы, инструменты. Вскоре к нам подключили еще двух исследователей. Мы начали изучать фторидную технологию доочистки плутониевого концентрата от осколочных элементов с доводкой его до двуокиси.

В то время не могли мы получить плутоний в чистом виде, так как его было очень мало: его определяли только по радиоактивности. Делали все в лабораторной посуде, вначале без плутония. Немало усилий потратили на поиски материала для фильтрования.

И тут случилось то, что, как мне кажется, повлияло на судьбу одного будущего академика. Мне надо было найти ткань, которая была бы пригодна для изготовления фильтров. Проверял бейтинг, шелк, сукно, стеклоткань, но все они плохо задерживали осадок и разрушались от азотной и плавиковой кислот, в среде которых находился нужный нам осадок. В литературе ничего не подобрал, а может, и искал неумело.

Кто-то мне сказал, что в одном московском институте есть инженер И.В. Петрянов – старший научный сотрудник, у которого есть нужная ткань. Поехал туда, нашел его, посмотрел ткань, попросил ее через режимников и стал проверять. Эта ткань оказалась пригодной для фильтрования и не разрушалась под действием кислот. Написал отчет, он дошел до И.В. Петрянова, и с тех пор Игорь Васильевич вошел в число тех, кто занимался нашей проблемой, кто затем стал заметной фигурой в науке (это мои соображения, но, возможно, я ошибаюсь).

Когда в установке У-5 стали использовать облученный уран, получили много результатов, которые учитывались при проектировании завода и при отработке технологии после его пуска. Изучая конечную стадию, мы смогли извлечь на У-5 концентрат плутония в таком количестве, что аналитики смогли получить его в виде кристалла. Это была первая победа, и В.Б. Шевченко отметил ее с аналитиками бутылкой шампанского.

Началось оформление проектных заданий, записок. Мне поручили подготовить технологическое описание всего процесса с приложением материального баланса.

Тут я впервые встретился с Н.С. Чугреевым, который оказался очень знающим, умелым технологом. Он-то и готовил инструкцию по технологическому процессу. По сравнению с ним я чувствовал себя неопытным новичком. Но вско-

ре он куда-то исчез. И вновь я увидел Чугреева только лишь на объекте «В», где тот уже работал в пусковой бригаде на должности начальника 8-го отделения на конечной стадии извлечения концентрата плутония.

Фторидная технология аффинажа (очистки) плутония в 8-м отделении создавалась в институтах с большими трудностями. Если в аналитике этот процесс сравнительно простой, то на установке, и тем более – в промышленном масштабе, внедрение его в производство затруднялось отсутствием материалов, стойких к кислотной среде с фтором.

Сначала проверяли изделия из эбонита, затем из винидура, винипласта, плексигласа. Убедились, что все эти материалы вполне устойчивы к кислотам с фтором, но не имеют нужной механической прочности, особенно при повышенных температурах. Проверялся специально изготовленный столитровый котел с паровым обогревом, он имел внутреннюю плакировку из эбонита. Эту конструкцию намеревались применять в других целях – для растворения урана. У нынешних технологов такая идея вызовет улыбку, а тогда пытались проверить все, занимались поиском.

В своей лаборатории мне удалось создать модели аппаратов из винидура и плексигласа. Они потом использовались в промышленных установках на объекте «Б» в 8-м отделении. Хорошие аппараты, хороший материал, но через год-другой они старели, становились хрупкими и разрушались. По рекомендации института физической химии (академика Г.В. Акимова) стали делать аппараты для лаборатории, а затем и для заводов из никрома и серебра. Это очень дорого, но зато надежно. Конструкции аппарата для лабораторной установки рисовал, чертил и заказывал я. По ним были разработаны проекты и созданы аппараты для завода.

Забегая вперед, скажу, что все эти материалы сейчас не используются, поскольку технология изменилась, и плавиковая кислота ныне применяется. Однако в то время, когда рождалось новое производство, подобранные нами материалы помогли решить проблеме огромной важности.

Должен сказать, что и другая технология – экстракционная – уже зарождалась в том же институте – НИИ-9 – под руководством член-корреспондента Академии наук Б. А. Никитина.

В те же времена, когда мы изучали фторидные осадки, я решил испытать вместо лантана кальций, который тоже давал осадки фторидов, но лучше растворимые в кислоте. Оказалось, что фторид кальция также хорошо соосаждает плутоний, как и фторид лантана. Кальций доступней, дешевле, от него проще избавляться при дальнейшей очистке плутония от примесей.

Это «открытие» сказалось на моей дальнейшей судьбе. Чтобы об этом рассказать – забегу немного вперед.

Как-то поздно вечером я стоял у щита управления 8-го отделения на объекте «Б», который был в состоянии пуска, а я тогда был членом пусковой комиссии от института. Вижу, идет Е. П. Славский, подходит ко мне и молча смотрит на приборы. Я тоже молчу, не знаю, что ему сказать. Вдруг мелькнула у меня мысль обратиться к нему с просьбой разрешить поменять лантан на кальций для облегчения растворения осадка. Он посмотрел, подумал и ответил: «Нет, не надо. Мы целый завод построили для получения лантана, а ты хочешь его остановить?» Я промолчал, а про себя удивился такому объяснению отказа.

Тогда я еще высказал одну просьбу: дать мне право вести процесс без регламентных норм. Я даже уже не припомню, на что надеялся, пытаюсь по-своему наладить технологию, но был уверен в успехе. А в то время дела шли очень плохо. И, несмотря на это, Славский запретил мне самовольничать. Мудрое решение. Я мог не получить нужного результата и был бы строго наказан, а еще хуже – посадили бы. Тогда это делалось просто. Встреча с Е.П. Славским имела для меня важные последствия. Видимо, он запомнил ее и, когда подбирал главного инженера на объект «Б» (так назывался тогда завод № 25), вызвал к себе и предложил мне эту должность. У меня не было желания бросать работу в институте, тем более я начал заниматься интересными исследованиями – экстракцией плутония. Но отказаться не удалось.

Дело в том, что накануне на общем партийном собрании мы исключили из партии одного специалиста, который отказался ехать в Сибирь на завод. Его потом все равно направили туда, но уже по приказу.

Я пошел к парторгу ЦК (тогда не было в институте секретаря парткома, а присылались парторги из ЦК КПСС), рассказал ему о своих сомнениях, спросил: что делать? Тот ответил мне вопросом на вопрос: «Ты был на недавнем собрании? «За» голосовал? Тогда чего спрашиваешь?» Пришлось мне смириться, покинуть Москву и институт навсегда.

Завод строится

Поздним вечером в середине октября 1948 года группу исследователей, в том числе и меня, посадили в военный самолет «Дуглас», и полетели мы на восток. По пути в аэропорт ехали в легковой машине, и мне запомнился плотный снежный туман. Снежинки, пролетающие мимо машины с вихревой скоростью, до сих пор ясно вижу перед глазами, когда вспоминаю тот вечер. Мы не имели понятия, куда едем. Знали одно – надо выполнять задание. Мы еще были под влиянием военного времени, когда долг был законом совести. Работать, не жалея времени, считалось в порядке вещей, переоценивать которые никто не собирался.

Вспоминаю: когда мне поручили растворить уран в возможно короткие сроки, я оставался в рабочей комнате в институте трое суток и отрывался от дел только на завтрак, обед и ужин в столовой института. На третий день заставили писать отчет. И тут я уронил голову на стол и заснул. Никто тому не удивился, и с другими такое случалось – так тогда работали.

Именно инерция военного времени сохранилась и на последующие годы, когда надо было срочно все восстанавливать, срочно строить заново жизнь. Нам было поручено необыкновенное задание, и мы его делали необыкновенно, с полной отдачей. Но это, так сказать, лирическое отступление. Вернусь к своему рассказу о событиях тех лет.

Когда мы приземлились на аэродроме, а затем приехали в г. Кыштым, тут я вспомнил своего фронтowego товарища – капитана С. П. Солякова. Он мне рассказывал о своей жизни, о родном Урале, приглашал в гости. А родился он как раз в Кыштыме. Я попытался искать его через коменданта, но ничего не добился. Потом, когда я уже окончательно обосновался на Урале, нашел его сестру, узнал у нее, что живет он в Соликамске. Жаль, но с ним мне так и не удалось встретиться. Он, не жалея себя, работал на химическом заводе и вскоре умер.

Из Кыштыма повезли нас, как объявили, в свою «деревню», где поселили в квартирную гостиницу. Поселок, который потом стал называться городом Челябинск-40, представлял собой небольшую улицу Ленина, застроенную от озера до столовой № 1 двухэтажными домами (они и теперь сохранились), улицу Школьную от озера до улицы Ленина. Продолжением Школьной являлась улица Дуговая, застроенная одноэтажными деревянными коттеджами, каждый на две квартиры. Заканчивалась Дуговая у озера, близко к нынешним парку и стадиону «Труд». В то время, осенью и зимой 1948-1949 годов стадиона не было, а на его месте располагался чудесный уголок природы, где жители собирали грибы, а я зимой катался на лыжах с горки в сторону озера. Уже тогда на берегу озера стояли два уютных домика (точно такие, как возле новой больницы). В них жили два друга – Е.П. Славский и И.В. Курчатов. К этим домикам вела дорога через парк, которая сейчас заканчивается военной заставой с гаванью для катеров. Со стороны озера смотрелись домики очень красиво. К сожалению, нет фотографий ни домиков, ни местности тех времен. Фотографировать ведь запрещалось. В те годы всякие запреты доходили до курьезов. Спрашивал я конструкторов-архитекторов проектного института, почему улицы такие кривые? Ответ получил очень неожиданный – чтобы не подражать американцам и не допускать космополитизма. В то время был ярый настрой против так называемого космополитизма, не решались делать так, как в других странах, у капиталистов. Смешно? Но это факт. Правда, этот уродливый настрой не долго продержался, как-то незаметно о нем забыли. Но все же, как говорится, из песни слова не выкинешь.

Все знают клуб имени Ленинского комсомола. Тогда в нем размещался Дом офицеров. Помнится, он и в те времена был такой же, как сейчас, разве что немного перестроили. Это была окраина города, вокруг стоял лес, а на теперешнем проспекте Победы росло много грибов и ягод. Где-то в стороне, если идти по тропинке вглубь леса, скрывался магазин, в котором можно было купить все необходимое. Помню, мы покупали в нем штаны А.П. Ратнеру после того, как он свои здорово «загрязнил» на заводе. Мы много смеялись над этой покупкой, потому что штаны оказались короткими и узкими по сравнению с обычными для тех времен – длинными и широкими. Я часто вспоминаю этот случай, ведь через несколько лет появилась мода на узкие и короткие брюки. Получилось так, что наш доктор наук Ратнер оказался законодателем моды. На месте того небольшого магазинчика потом построили универмаг. На улице Школьной в двухквартирных коттеджах жили руководители производства. Три коттеджа выстроили в два этажа, тоже на две квартиры, но каждая площадью 100 квадратных метров и с большой площадью дополнительной, нежилой. В одном таком коттедже, занимая его полностью, жил Б.Г. Музруков с семьей (на углу Школьной и Сосновой, нынешних Ермолаева и Музрукова). Коттедж был огорожен чугунной решеткой-забором, у ворот стоял часовой. В те времена высокое начальство отгораживалось от людей не только забором и охраной, но и невозможностью общения.

Школьная улица упиралась в озеро, но у берега ее перегородили три коттеджа, тоже с высоким забором. В них сейчас живут горожане, а тогда в крайнем справа располагался уполномоченный Совета Министров Ткаченко, ставленник Берии. Он имел личные купальни и пляжи у озера. И если кто к ним подплывал, то охрана или прогоняла, или задерживала, а непослушных обстреливала.

Ранним октябрьским утром, еще в темноте, ехали мы в автобусе первый раз на свой объект. Когда проезжали мимо завода 156, Угрюмов мне шепнул на ухо: «Это «Аннушка». Я ничего не понял, но промолчал. Потом догадался, что мы ехали мимо объекта «А», первого промышленного реактора. Говорить о нем, тем более о том, где он находится, строго запрещалось.

Вскоре мы подъехали к «своему» объекту – зданию 101, которое было в полном разгаре строительства. Вызывала удивление труба высотой 150 метров, удаль строителей и монтажников, которые еще продолжали достраивать трубу и вести монтаж ее оснастки.

Разумеется, я поспешил посмотреть, как идет монтаж оборудования 8-го отделения, в котором мне предстояло работать, пускать новое производство. Однако побывать всюду не удалось. В конечной части технологического передела устанавливалось оборудование из серебра, золота, платины. Проход был ограничен, обязательно требовалось полное переодевание, проходить можно было лишь донага раздетым.

Руководил монтажными работами главный инженер управления «Урал-промонтаж» Николаевский. Вспоминаю его как изумительно энергичного человека, имеющего богатый опыт монтажных работ, грамотного и умного специалиста. Работал он почти круглые сутки, не выходя с завода. У него были мастера высокого класса – Докашенко, Березовский, Дериш... Они умели монтировать с большой точностью, с высоким качеством. Вообще, я считаю, что отношение к работе в те времена было более ответственное, более добросовестное, чем сейчас, когда длительное отвлечение от работы на различные идеологические мероприятия, семинары, спортивные соревнования и художественную самодетельность дало отрицательные результаты. Сказалась и меньшая требовательность к срокам и объему производства. Мешали и различные производственные совещания, эксперименты, шараханья по разным направлениям хозяйствования. Вот и появилось равнодушие к работе со всеми негативными последствиями.

Есть на улице Школьной коттедж № 32. В этом доме в те времена располагали и нас – представителей науки, членов пусковых бригад. И мы там иногда бывали.

Однажды за завтраком у меня произошла необыкновенная, запомнившаяся встреча. Напротив меня сидел солидный мужчина с седоватыми волосами и лицом, которое мне показалось знакомым. Подумалось, что это Ваня Кирин – мой товарищ по школе, большой озорник. Я вспомнил, что у него одна нога болела, и он прихрамывал. Этим и решил проверить свою догадку. Взглянул на него, когда он встал из-за стола. По походке понял – это он. Осталось только представиться самому. Как оказалось, он сотрудник одного института и тоже приехал пускать завод. Ваня рассказал мне, что в рабочем поселке живет Петя Трякин, тоже наш школьный товарищ, даже дал его адрес. С тех пор я не видел Ваню, а П. И. Трякина в тот же день нашел, и до сих пор встречаемся. Вот такие бывают случаи в жизни.

А ведь всякое общение с другими людьми в условиях режима тех лет вызывало пристальное внимание контрольных органов, и, видимо, поэтому Ваня внезапно исчез, не оставив никакой весточки о себе. О работе, как правило, не разговаривали вне производства, почти не упоминали о том, что делали, чем занимались. Даже в стенах института, где нужно излагать, скажем, полученные

результаты, мы пользовались условными названиями, символами. Если перечитаете отчеты тех лет о ходе исследовательских работ, вы не найдете в них слов «уран» или «плутоний». Все называлось по-другому. Мы остерегались даже в разговорах произносить эти слова, и это так впиталось в наше сознание, что на этой почве происходили смешные истории. Однажды после работы я ехал в трамвае по Москве, и захотелось мне побывать в кино. Все равно, что смотреть, лишь бы отдохнуть. В окно трамвая увидел кинотеатр, «Уран» – прочитал я его название и как-то даже бессознательно проехал мимо.

С. Б. Цфасман, наш главный приборист, рассказал мне о том, что он от частых хождений мимо многих часовых так привык вытаскивать из кармана пропуск, что когда приехал домой, то стал искать пропуск, чтобы показать его своей жене. Я ему поверил. Жаль мне этого человека – какой он был умница! Вскоре после пуска завода его уволили (тогда всех евреев Берия увольнял с нашего завода). Он приехал домой в Москву и долго не мог найти работу. Может, поэтому у него появилась язва желудка, и вскоре он умер. Думаю, эту «язву» нажил еще на нашем заводе.

А завод в то время строился. Тогда он назывался объектом «Б», начальником его был П. И. Точеный – типичный руководитель и хозяйственник того времени. Он бегал, суетился, много кричал, постоянно вытирал платком свою потную бритую голову. Проявлял такую энергию и готовность делать все сразу, что это, порой, мешало самой работе. Будучи малого роста, но с большим ожиревшим животом, он, как колобок, быстро катился по стройплощадке и всюду успевал. Свое дело он делал добросовестно, старательно, и для завершения самой стройки выполнил все, что мог и что надо.

Он постоянно ругался со строителями, требовал испытывать оборудование под давлением и сам старался все проверить. Строители его слушались, побаивались и подшучивали над ним. Как-то в столовой «на березках» во время обеда начальник строительного участка капитан А.К. Грешнов рассказал, что рабочие строители нечаянно забрызгали Точеного мазутом, а потом сильной струей воды отмывали его. И вот капитан предложил тост за то, что живот Точеного выдержал испытание давлением в 10 атмосфер. Такие шутки были обычны, они никого не обижали, и, несмотря на постоянную перебранку с крепкими словами, люди жили дружно и относились друг к другу уважительно.

В этой столовой-ресторане «на березках» специалисты, строители, монтажники, ученые отдыхали после тяжелого труда довольно весело, дружно. Рассказывали разные байки, анекдоты, смешные истории, а однажды главный конструктор большой железобетонной трубы Ротшильд поспорил в ожидании обеда, что простоит на руках на столе пять минут. За это мы – зрители должны его накормить бесплатно. Он был маленький, щупленький, и никто не верил в такие его способности. А когда он все-таки выдержал стойку, то А.К. Грешнов заявил, что наконец-то впервые в жизни Ротшильд заработал своими собственными руками кусок хлеба.

Шутка была безобидна, все смеялись и хоть на короткое время отвлеклись от бесчисленных забот. Уверенно говорю, что жили тогда дружно, доброжелательно, люди понимали и ценили шутки.

Октябрь, ноябрь, декабрь 1948 года для меня остались в памяти как самые трудные месяцы подготовки и пуска завода. Мы изучали теорию на занятиях, практику на монтаже. Так, чтобы, не глядя на схему, знать, где что стоит, где и

как проходят трубы, как расположены ключи и штурвальчики управления на щите. Монтаж еще продолжался, а мы начали водную обкатку, проверку проходимости оборудования, функционирования приборов. Тем более что почти все приборы изобретались заново. В создании средств контроля показал себя талантливый инженером, изобретателем и организатором С. Б. Цфасман. Он сам, своими руками отлаживал поплавковые уровнемеры, контактные сигнализаторы и датчики счетчиков активности. Они, по нынешним временам, были все примитивные, но работали и позволяли постоянно контролировать ход процесса. Как рождались приборы, покажу на примере.

Когда наладили прибор замера гамма-активности и появилась на перфоленте ее запись, мы обратили внимание, что активность меняется в зависимости от времени процесса. Догадались определять завершение процесса количеством гамма-излучения. Это теперь всем кажется, что иных вариантов и быть не может, а тогда мы с Семеном Борисовичем ну просто-таки ухватились за такую возможность и фильтровали осадок, содержащий плутоний и высокоактивные продукты деления. Потом фильтры, после растворения осадка, снимали вручную, наивно полагая, что осадок будет неактивен, «чистый». Аналогичное решение, только в еще худшем варианте, было использовано в другом, 15-м отделении, где фильтровали осадок урана в виде соли уранилтриацетата. Эту соль, после промывки вручную, совками пересыпали в мешки. Так готовился продукт 80, который отправлялся потребителю. От большого гамма- и бета-излучения поражались аппаратчики, которые заболели лучевой болезнью. Сдувочные линии из аппаратов с растворами с огромной радиоактивностью, где проводились осадительные процессы, соединялись с вытяжной вентиляцией. Были случаи выброса продукта с активным осадком в вентиляционные короба. В них свисали сосульки желтого осадка, из вентиляции стекала радиоактивная жидкость на отметку, т.е. на пол, по которому ходили люди и разносили «грязь» (очень опасную «грязь») по всем помещениям. Вентиляционные короба входили в большую трубу, а из нее воздух, загрязненный сдувочными газами, выбрасывался в атмосферу, загрязняя территорию аэрозолями, содержащими продукты деления урана. Все эти ляпсусы при проектировании были допущены, главный инженер, ученик Хлопина – в период эксплуатации наблюдал за технологией не со щита, не только по анализам, а сам лез в каньон, в аппарат – смотрел, щупал, нюхал почти без средств защиты, в одном халате, в личной одежде. Вряд ли я преувеличу, если назову его героем труда и науки. Его самоотдача, которая сопровождалась пренебрежением к трудностям и особым условиям, после посещения опасных мест привела к гибели. Он умер через 3 года после пуска объекта. Главный технолог проекта Я. И. Зильберман был более аккуратным. Но обстановка заставляла и его бывать везде и видеть все. Он умер не сразу, а через 10 лет. Ведущие специалисты стали жертвами незнания поначалу неопознанной науки. А как много было пострадавших из тех, кто вел технологию, кто ремонтировал, переставляя аппараты, вентили, приборы, кто заваривал свищи и убирал пролитый активный раствор. Кто просто беззаветно трудился, полностью доверяя специалистам, инженерам.

Разве думал о последствиях своего беззаветного труда техник-механик Алеша Кузьмин или инженер-механик Александр Ведюшкин, которые сделали свое дело и молча умерли. Можно привести еще много фамилий, имен тех, кто был настоящим героем. Незнание, неопытность и риск привели к тя-

желым последствиям и ведущего специалиста, начальника технического отдела А. А. Каратыгина. Он готовил вручную в бутылках раствор готовой продукции перед отправкой потребителю. Забыв об опасности при изменении геометрии объема, что приводит к цепной реакции, он наклонил бутылку. Произошла реакция с большим потоком нейтронов. Переоблучение было настолько сильным, что, несмотря на современное оказание медицинской помощи, Александр Каратыгин после длительной болезни лишился ног и остался с искалеченными пальцами на руках. Недавно умер А. Ф. Пашенко. И его смерть имеет такое же происхождение. Он много работал в условиях радиационных полей, сильной загрязненности воздуха. Вот такой коварной оказалась радиохимия.

Пуск

Наиболее заметной фигурой в период пуска на объекте «Б» был главный инженер Б. В. Громов. По своей эрудиции, грамотности, по своему умению ориентироваться в науке и технике он являлся выдающимся специалистом. Не случайно, что после увольнения П.И. Точеного уже в 1949 году его назначили начальником объекта. Он умел разговаривать и с руководителями, и с подчиненными, знал многих в лицо и по фамилии, к людям относился хорошо, любил молодых и красивых женщин, и они чувствовали это.

Уже в то время он был женат на четвертой жене, которая родила ему двух сыновей. Он платил алименты двум другим женам, а бюрократы из бухгалтерии высчитывали с него за бездетность, так как он не представил нужную справку. Борис Вениаминович терпеливо переносил все невзгоды от скандалов с женой, а та иногда сильно сердилась на него. Он вел войну с бюрократами и формалистами сверху, которые упрекали его во всех грехах и пытались «проучить» за непостоянство в семье. Но Громов легко доказывал свою правоту цитатами из работ Энгельса о семье и браке.

Он работал с утра до позднего вечера, как, впрочем, и все руководители того времени. Вряд ли я преувеличу, если скажу, что Б.В. Громов вместе с А.П. Ратнером довели производство до нормального функционирования. Это они мучились над тем, как добиться нужной очистки раствора от продуктов деления на переходе его в аффинажный передел.

Тогда по проекту это осуществлялось на узле марганцевой очистки. Аппарат с толстой чугунной защитой, размещенный на верхней отметке, был предметом больших забот и хлопот. Именно в нем отделяли осадок с радиоактивными элементами – цирконием и ниобием. Примеси различных веществ в исходных растворах и реагентах образовывали большое количество труднорастворимых осадков.

А это мешало дальнейшим технологическим операциям. Долго мучились, пока не придумали принципиально новую технологию, т. н. схему ББ. В лабораторных условиях она была проверена группой исследователей во главе с Н.Г. Чемариным и одобрена руководством комбината. Но это уже было позже. А пока вернемся к началу, к декабрю 1948 года.

22 декабря 1948 года дежурный инженер А. И. Неретина загрузила первую порцию блоков урана в аппарат А-201.

Это было поздно вечером, но на щите управления было много народу – руко-

водители разных уровней науки и производства. Всех волновал вопрос: как будет проходить растворение. В первый раз в большом количестве облученный уран подвергался растворению. В числе «любопытных» был и я, но не испытывал особого беспокойства, так как именно мне впервые пришлось растворять урановый блок еще в институте. Я был уверен, что процесс пойдет так же, как и в лаборатории.

Волновало лишь одно – растворение алюминиевой оболочки идет с саморазогревом, и если неправильно дозировать реактивы и не остановить внешний подогрев в начале реакции, то могут быть выбросы раствора. Об этом знали немногие, в том числе Б. П. Никольский, который давал рекомендацию на технологию растворения и был ответственным руководителем этой части радиохимии.

Итак, растворение началось. Оно шло нормально (если не считать досадную ошибку с дозировкой ртути), без бурного кипения. Первая порция уранового раствора была получена и на следующий день передана на ацетатное осаждение. Для надежности растворение продолжалось сутки (так было предусмотрено инструкцией).

Перед радиохимиками стояла задача: из урана выделить плутоний-239, очистить его от продуктов деления и всех примесей, чтобы тех не содержалось в нем и миллионных долей процента. Для этих целей предусматривалось подвергнуть раствор ацетатным переосаждением, отделить плутоний от урана и образовавшихся в ядерном котле элементов. Полученный концентрат плутония следовало дополнительно очистить от примесей, но уже на фторидном переосаждении, т. е. на аффинаже. Здесь для отделения плутония от урана использовали их разную валентность в восстановительной среде. Вначале раствор окисляли бихроматом калия с использованием азотной кислоты. При этом уран и плутоний имели шестивалентное состояние и при ацетатном осаждении выделились в осадке, а в растворе оставались макропримеси и продукты деления. Таким образом, удавалось избавиться от основных примесей вместе с жидкостью. Оставшийся осадок растворяли, потом восстанавливали бисульфитом натрия, и вновь осаждали ацетатом. В итоге этих операций уран сохранял шестивалентную форму и выпадал в осадок, а плутоний переходил в четырехвалентную форму и оставался в растворе.

Разделяя осадок и раствор, получали плутоний и уран отдельно. Таков, кратко, принцип технологии, которая была заложена в самом первом варианте промышленной радиохимии.

Тот же принцип разделения урана и плутония применялся и на повторной очистке, на аффинаже. Но осаждение велось не в ацетатной, а в азотнокислой среде в присутствии фтора.

Сначала раствор окисляют бихроматом, затем добавляют плавиковую кислоту и лантан. Образуется осадок фторидов редких элементов вместе с лантаном. В азотнокислой среде плутоний остается в растворе, а продукты деления вместе с лантаном в виде осадка удаляются. Затем уже раствор плутония с помощью химических реакций переводят в осадок. Такова схема и технология извлечения ядерного горячего и основы атомной бомбы.

Как было бы хорошо, если бы все шло, как описано...

С первых дней нас преследовали неожиданности. Когда проверяли осаждение солей урана с плутонием, то осадка не получили. Долго искали причину, волнова-

лись, разводили руками и не могли ничего сказать высоким начальникам. Когда увидели жидкость желтого цвета, вытекающую из щелей вытяжной вентиляции, сообразили, что весь раствор с осадком «загнали» в «сдувку», а она была соединена с вентиляционным коробом.

После перебранки и новой регулировки постарались смыть осадок, при этом порядочно загрязнили помещение, где ходили люди в своей личной одежде и на обуви (были все в галошах) разносили «грязь» по всем помещениям. Переделали «сдувку» и повторили осаждение уже из новой порции. Процесс прошел вроде бы нормально. Но когда получили первый раствор, то выяснили, что в нем плутония нет или почти нет. Тут опять все забегали, начались повторные анализы, совещания, обсуждения. Когда догадались представить, что это такое – 200 граммов плутония, и в каких объемах и емкостях он находился, то предположили, что он поглотился стенками сосудов. Так и оказалось. Лишь спустя некоторое время его получили. Выдержка победила, продукт появился, и начались очередные операции по его очистке.

Процесс был изучен в институте на установке У-5 и считался сравнительно надежным, нуждался только в уточнении параметров. Однако один производственный узел оказался неудачным как по проектному замыслу, так и на практике. Это узел фильтрации уранилтриацетата. По технологии осадок сливался на фильтр, покрытый бельтинговой тканью.

Затем его промывали, сушили и в сухом виде загружали вручную в мешки. Расчеты на то, что осадок станет чистым, а радиоактивные примеси будут удалены с промывными водами, не оправдались. Сохранилось немало продуктов деления – циркония, ниобия, цезия, стронция и других бета- и гамма-излучателей, которые создали в каньоне, где работали аппаратчики, высокий фон и облучали людей. В первое время на это мало обращали внимания, так как не имелось кассет, измеряющих облученность персонала, дозиметрическая служба только зарождалась, а медицина не вела контроль. Расфасовка осадка (продукта 80) в мешки, замена фильтрующей ткани – вот самая тяжелая и опасная работа, от которой потеряли здоровье рабочие, инженеры, техники и научные работники. В дальнейшем этот узел не раз подвергался переделке. Первое, что сделали, – защитный экран с отверстиями для рук и окном со свинцовым стеклом. Рабочие, да и авторы проекта, вскоре забраковали эту конструкцию. Затем, уже через год, смонтировали подвесную центрифугу, которая отделяла осадок, но от ручной расфасовки в мешки не избавила. Да и работала центрифуга весьма опасно – сильно вибрировала. Однажды главный механик объекта М.Е. Сопельняк взял в руки вагу – бревно толщиной 10-12 сантиметров – и пытался ею прижать вал и снизить вибрацию. Михаил Ефимович переоценил свои возможности и попал в опасную ситуацию – бревно выбило у него из рук и с силой отбросило в сторону. К счастью, никто не пострадал.

М.Е. Сопельняк был физически сильным, плотно сложенным, крепким человеком. Отдавая себя производству, многое сделал для завода. Был впоследствии награжден орденом Ленина.

Узел фильтрации пульпы и расфасовки осадка (восьми-десяти) оставался самым трудным и опасным циклом производства долгие годы, пока не спроектировали, изготовили и смонтировали новую центрифугу под названием «Афон-1200». Практическое применение и полное освоение этой машины было осуществлено уже на новом заводе – объекте «ДБ».

На переделе ацетатных переосаждений были и другие помехи и сложности, но они исправлялись в ходе освоения технологии и не остались в памяти. Можно отметить общий недостаток в компоновке оборудования и арматуры. Некоторые узлы размещались на верхних этажах, и если были проливы активных растворов (а они случались), то продукция попадала на нижние этажи (отметки), и тем самым загрязнялись многие до этого чистые помещения. Особенно неудачно размещались вентили в вертикальных нишах. Они закрывались тяжелыми чугунными плитами. Если вентиль требовалось заменить, приходилось снимать плиты, при этом оголенные трубы с активным раствором создавали фон, опасный для здоровья, и наши слесари переоблучались.

Неожиданными являлись источники загрязнения помещений конденсатом влажного вытяжного воздуха. Он образовывался в большой трубе и оседал на ее дно. Отсюда просачивался на отметки. Такое явление обнаружили и исправили только в 1950 году, т. е. через восемнадцать месяцев после пуска. Для этого слив конденсата вывели в специальные сборники.

Много других усовершенствований приходилось применять в период отладки и освоения нового производства.

Период освоения был наиболее трудным на конечной стадии – в 8-м отделении, где использовалась фторидная технология. Опасения за ее надежность высказывались еще при лабораторной проверке на отчете у В.Г. Хлопина. Извлечение плутония вообще сопровождалось скоплением большого количества примесей редкоземельных элементов, железа, хрома, никеля. В 8-м отделении, где оборудование изготовлено из хромоникелевой стали, примесей прибавлялось. Здесь мы ничего не могли придумать, чтобы повысить чистоту продукта. Пригласили на консультацию доктора наук Н.В. Тананаева, известного химика-аналитика. Он предложил поменять материал, из которого изготовлено оборудование. Легко сказать – поменять материал! Это значит сломать все отделение и смонтировать заново. Однако консилиум ученых, среди которых были такие корифеи того времени, как академик А.П. Виноградов, член-корреспондент АН Б.А. Никитин, доктор наук В.П. Никольский, А.П. Ратнер и др., вынужден был признать необходимость замены аппаратов.

Еще в Москве, в институте мы проверяли материалы винидур, винипласт, плексиглас, и все они оказались весьма пригодными для среды, где проводилось фторидное осаждение. Пугало одно – слабая их механическая прочность и быстрое старение. Совсем неизвестно было влияние облучения на стойкость материала.

Маленькие аппараты из винидура и плексигласа для Московского института мы заказывали на владимирском заводе. Решили просить их сделать и большие аппараты для 8-го отделения. Молодцы владимирцы, изготовили все для нас за 2-3 месяца. Начался демонтаж старого и монтаж нового оборудования в условиях большой загрязненности. Везде хромоникелевую сталь меняли на винидур, а серебро – на плексиглас.

Сейчас трудно вообразить, как смогли тогда спроектировать, изготовить и смонтировать целое отделение с оборудованием из другого материала всего за один год. Аппарат высотой 2 метра, в диаметре около метра – из плексигласа! Однако все было сделано. И на этом оборудовании начали вновь работать, выполняли план. Первую порцию готового продукта в виде пасты мы соскоблили ложкой с нутч-фильтра в специальном каньоне вдвоем с Чугреевым еще в фев-

рале 1949 года. Как ни трудно было извлечь плутоний из обилия примесей, нам удалось это сделать неоднократной щелочной разваркой, растворением, промывкой. Выдача первой порции проводилась из «подвального» помещения (которое мы почему-то называли каньоном) в присутствии представителей и администрации. Заложили «пасту» в эбонитовую коробку и передали ее представителю завода-потребителя. Сколько плутония там было, мы и не знали, да и знать нам не рекомендовалось. Даже потом, когда я уже был главным инженером объекта, количество плутония, заложенное в плане, было известно только начальнику объекта, а вся документация готовилась только в одном экземпляре.

Весьма сложным и опасным техническим узлом был каньон, где размещался фильтр с тканью Петрянова для фильтрации осадков урана и примесей при окислительном фторидном осаждении. Для удаления осадка с фильтра его вытягивали вместе с тканью в специальную кассету из чугуна с тяжелой задвижкой. Эту кассету тельфером грузили на машину, увозили в здание 145. Там сбрасывали ткань с осадком в специально изготовленную яму из бетона, а кассету возвращали. Новую ткань на фильтр укладывали вручную, заходя в каньон через тяжелую дверь. Через некоторое время весь каньон и все кассеты стали очень грязными, появился высокий фон излучений, аппаратчики оказались в опасной зоне. Но никто не знал, какое облучение приняли рабочие и инженеры завода.

Первым начальником 8-го отделения был Н. С. Чугреев, а технологом назначили меня. Оба мы работали с небольшими перерывами на обед и ужин. Часто на заводе оставались на всю ночь. Несколько часов сна проводили на длинных столах в одном из помещений объекта. Позже нам была выделена комната в домике, где сейчас находится РСЦ-12.

С Чугреевым мы встретились еще в Московском институте, там он был ведущим технологом. Его умение излагать свои мысли с юмором, личное обаяние привлекали меня, и потому впоследствии мы стали друзьями. Производство было главным делом его жизни, а увлечением – шахматы. На склоне лет Николай Самойлович начал строить дачный домик, тогда и появилось у него еще одно хобби. Работа так его увлекала, что он забывал об осторожности и нарушал правила техники безопасности – облучался. И, тем не менее, отличался отменным здоровьем, редко жаловался на недомогания. Уверен, что Николай Самойлович просто игнорировал воздействие радиоактивности, внушил себе то, что это его не касается, что особой вредности нет. В моем представлении, это и помогло ему сохранить здоровье.

Замечу также, что я сам подвергался большому радиоактивному излучению, только в 1952 году «набрал» более 125 бэр. Но живу уже восьмой десяток и не собираюсь в мир иной. А ведь признаюсь, что, уезжая из Московского института, видел – сотрудники смотрели на меня как на обреченного. Именно тогда я спросил З. В. Ершову: что надо делать, чтобы сохранить здоровье? Она ответила: «Занимайтесь физкультурой». Я всегда следовал ее совету. А еще замечу, что много значит психологический настрой. Поэтому все старались работать с шуткой, весело.

Году в 1950-м, когда в здании 101 велись ремонтные работы с привлечением монтажных организаций, один молодой специалист-монтажник спросил у меня, почему он испытывает страх и непонятное волнение, когда проходит по

нулевой отметке мимо 16-й оси. В духе того времени я ему ответил, что волнение его легко объяснить, ведь рядом в помещении работают лаборантки, обаятельные девушки. Он немного растерялся, а потом признался: страх, мол, прошел, а вот волнение – усилилось.

Сейчас средства массовой информации стараются внушить страх, преувеличивают опасность радиоактивного заражения, и все случаи заболеваний, рождения калек и отклонений здоровья от норм приписывают радиоактивности. Такое давление на психологию населения действительно может привести к заболеваниям и именно по причине внушения. Может, со мной и не согласятся, но я считаю, что в этой кампании развития страха у населения преследуются и корыстные цели – урвать у государства побольше льгот, лучших условий жизни. Мои рассуждения могут вызвать бурю негодования, но я имею право так говорить, потому что всю трудовую жизнь провел в условиях куда более вредных, чем, к примеру, существуют в окрестностях Чернобыля.

Но я отвлекся, вернемся к тем памятным пятидесятым годам.

Хозяйственные вопросы и технические изменения определялись, как правило, на совещаниях, которые вел Б. Г. Музруков, начальник базы 10 – так назывался химкомбинат «Маяк» в те далекие годы. Борис Глебович по четвергам приезжал на объект и принимал решения без проволочек сразу же после совета с учеными и производственниками. Его указания и приказы исполнялись быстро, в течение недели, до очередной встречи. К сожалению, такой стиль руководства был впоследствии утрачен...

Производство совершенствовалось и работать технологам стало легче. Но не покидало нас беспокойство о стойкости наших аппаратов. И вот однажды произошла авария. Взорвался аппарат из плексигласа, в котором был осадок вместе с плутонием. Каньон был закрыт, и люди не пострадали. Аппарат разорвался так, что остались только мелкие его осколки. Стали искать причину, изучать, как велась технология, были ли отклонения по температуре и давлению, как выполнялись регламентные нормы. Выяснилось, что нарушений не было. Ученый совет определил причину взрыва: плексиглас стареет, особенно в условиях радиоактивного облучения, а при изменениях давления в аппарате возможны разрушения. С тех пор аппараты из плексигласа в радиохимии (промышленной) не применялись. За этот случай меня хотели посадить в тюрьму, но, слава Богу, все обошлось благополучно. Моим ангелом хранителем стала О. С. Рыбакова, которая потом рассказывала мне, что по этому случаю ее расспрашивали в органах НКВД, очень интересовались моей персоной. Она доказывала мою невиновность, и это помогло. Но не всем удавалось миновать кары «железной» руки. Работница 6-го отделения Ф. Д. Кузнецова допустила нарушение, которое привело к разливу раствора. За это ее судили и направили в исправительный лагерь. Вернулась она тяжело психически травмированная, но силы свои молодые сохранила и вновь стала работать на нашем заводе. А вот оператор 12-го отделения П. П. Петренко в начале 1950 года однажды не пришел на работу, и мы его больше не увидели. Из органов НКВД за подписью начальника Соловьева пришло коротенькое письмо, в котором нам предписывалось исключить Петренко из списка наших работников. Что было с ним, почему исключить – в письме ни слова. В те времена немного разговаривали с нами, даже с руководителями объекта. Исключить – и все. Вскоре и Соловьева куда-то «исключили».

Как видите, работа наша сопровождалась двойным риском – потерять здоровье и лишиться свободы. Тяжела была доля тех, кто делал атомную бомбу.

На новом этапе

Фторидный процесс получения плутония мы освоили и выдавали продукцию. А для внедрения экстракционной технологии в конце сороковых годов строилось здание 102.

В апреле 1949 года наша пусковая бригада вернулась в институт. Здесь мне поручили изучить новый процесс в лабораторных условиях.

После прикидочных проверок в пробирках мы начали подбирать режим отделения урана этиловым эфиром. Начал с того, что стал подбирать «аппаратуру», точнее лабораторную модель экстрактора. Она представляла собой одноступенчатый смеситель-отстойник, в котором эфир пропускали через стеклянный фильтр, на который заливался кислый водный раствор уранилтрата. Мелкие капли эфира, образовавшиеся при проходе через фильтр, вступали в контакт с этим раствором, вместе с плутонием уран входил в эфир, а большая часть продуктов деления оставалась в водном растворе.

На повторной экстракции при добавке восстановителя уже плутоний оставался в водном растворе. После выпаривания раствора концентрация нужного продукта повышалась и достигала граммовых величин, что нас вполне устраивало.

Разумеется, такого результата мы не могли достичь в лабораторных условиях, более того, технология изучалась сначала совсем без плутония. Дело в том, что плутония еще не было, и все наши исследования велись на основе литературных, весьма скудных данных и, главным образом, теоретически.

Ведущим руководителем этой темы был член-корреспондент АН СССР Б. А. Никитин, ученик В.Г. Хлопина. Изученная нами технология и даже принципы конструкции аппарата-экстрактора были заложены в проект 12-го отделения.

В институте я задался целью создать колонну непрерывного действия с многоступенчатым массообменом. Думал над конструкцией и на работе, и дома, и по пути домой. Совместными усилиями удалось изготовить из стекла сборную колонну сетчатого типа и провести на ней проверку наших идей. Результат был удачный. Директор института В.Б. Шевченко после знакомства с ним привел профессора Фольмера и предложил ему дать оценку перспективности наших достижений.

Профессор Фольмер, немецкий ученый, работал над созданием радиохимического производства в стенах нашего института и был весьма авторитетным специалистом. Он предложил институту свою технологическую схему с использованием центрифуг и убеждал, что вся его схема разместится в одном кабинете директора. Но, к сожалению, надежных центрифуг нам в то время сделать не удалось.

Профессор Фольмер жил на территории института в двухэтажном доме, в маленькой квартире. Он любил туристические походы по Москве и ее окраинам. Но нередко встречал подозрительные взгляды жителей, поэтому и был недоволен условиями жизни. Он уехал в ГДР, где возглавил Академию наук. Что конкретно он сделал для создания нашего производства, мне не извест-

но. И так, совместными усилиями отработанная технология стала основой здания 102, которое построили в стороне от уже действующего производства, т. к. новый экстракционный процесс из-за использования эфира был взрыво- и пожароопасен.

Первым начальником отделения был Ю. Н. Лаврентьев, умный инженер, умелый руководитель. Его вскоре назначили начальником смены завода. Сейчас он на пенсии, перед которой работал директором завода 45.

С самого начала экстракционная технология с использованием аппаратов почти лабораторного типа в производственных условиях давалась нелегко. Сам экстрактор представлял собой фильтр большого размера (15 сантиметров в диаметре) с корпусом из стекла. Это применили для того, чтобы видеть, как идет процесс. К такому стеклянному аппарату было очень сложно подвести трубы и закрепить их. Всякие перенатяжки были опасны, стекло могло лопнуть, а слабая затяжка приводила к вытеканию и проливу растворов.

Как ни осторожничали, в каньонах, где были установлены экстракторы, появилась большая загрязненность. Протекающие растворы содержали продукты деления или, как их называли в те времена, осколки. В этих же растворах было повышенное содержание плутония. При испарении создавалась загрязненность воздуха, а его вдыхание приводило к тяжелым болезненным последствиям. В числе пострадавших оказались Б. А. Никитин и Ю. Н. Лаврентьев.

Чтобы обеспечить работу экстрактора без частого ремонта, решили сделать его из нержавеющей стали. Сначала работа вслепую, когда не видно, как идет экстракция, пугала, вызывала недоверие, но затем, после отладки, технология наладилась, и отделение стало регулярно выполнять план с выдачей продукции лучшего качества, чем из отделения с фторидной технологией.

Первоначально не могли полностью обезопасить обслуживающий персонал, к примеру, для расфасовки готового продукта надо было его слить в бутылку, отмерить нужное количество, перелить в транспортную емкость, взвесить, опечатать и сдать приемщику. На все уходило немало времени, и тот, кто занимался этим, переоблучался. Начальник отделения Г. Н. Зырянова сама занималась подготовкой продукции к сдаче. Бывали случаи, когда за день работы в каньоне она получала до 25 бэр. В дальнейшем из-за переоблучения вынуждены были перевести Галину Николаевну на другую работу.

Начальником отделения затем назначила Н. П. Вакуленко, который работал на этом посту до остановки отделения. Видимо, и ему не удалось сохранить себя от радиоактивного воздействия и он, несмотря на то, что долгие годы затем был на других должностях, вдали от источников облучения, рано умер, так как повредил свое здоровье у нас на заводе.

Среди дежурных инженеров, которым пришлось осваивать новое производство, вспоминаю Валентину Кискину, ставшую потом женой Вакуленко. Валентине удалось сохранить свое здоровье, и она живет в нашем городе.

Взрыв

Недостаточная очистка плутония от продуктов деления давала готовую продукцию с повышенным гамма- и бета-фоном, а условия работы со взрыво- и пожароопасным экстрагентом-эфиром усугубляли сложность работы в от-

делении. Поэтому продолжались поиски других вариантов очистки, и они были найдены Б.В. Громовым, А.П. Ратнером и Н.Г. Чемариным в новой схеме под названием «ББ».

Н. Г. Чемарин, возглавлявший исследовательскую группу, был фронтови-ком, закончил службу в звании подполковника. Важнее всего, что он являлся знающим специалистом и обладал умной головой. Все задумки технологов оце-нивал грамотно и проверял в условиях лаборатории. По результатам проверки принимались решения: что внедрять, а от чего отказаться. Работал он со своей группой с «живым» продуктом со всем «букетом» излучений и вредной загазо-ванностью. Поэтому вскоре, как многие другие, сменил работу, перешел в ЦЗЛ. Интересна его дальнейшая деятельность. Он был избран по конкурсу на работу в лабораторию Никитского ботанического сада, что в Крыму, возле Ялты. Там он вел изучение миграции радиоактивных веществ в растениях. Тема многих заинтересовала. Николай Григорьевич стал уважаемым ученым и жил неплохо. Но работа на нашем заводе сильно отразилась на его здоровье. Он приобрел бо-лезнь, которая в Крыму не излечивается. Через некоторое время Н.Г. Чемарин вернулся к своему сыну в наш город, и немного прожив, умер от рака желудка. Его сын занимался теми же работами в лаборатории завода, в которой отец оста-вил свое здоровье, недолго пережил отца и умер от ракового заболевания. Это тоже жертвы освоения промышленной радиохимии. Трагедия этой семьи усугубилась тем, что и мать, будучи тяжелобольной, умерла накануне смерти отца и сына. В нашем городе всякое бывает. Жертвы освоения нового производства были и есть немалые. И пора бы подсчитать их и дать оценку нашей деятельно-сти не только по тому, какую атомную бомбу мы изготовили, но и потому, чего это нам стоило.

Когда читаешь о чернобыльской трагедии, то невольно задумываешься: от-чего так много говорят о ней и почему такая тишина там, где зарождалась ядер-ная энергетика. Приведу в пример себя. За время учета облучения в рабочих условиях официально записано, что я получил 333,5 бэра. А следует иметь в виду и начальный период работы, когда такого учета совсем не было.

Считаю, что официальную величину следует увеличить в 2-3 раза. У многих моих коллег возникает вопрос: почему так тщательно и с таким вниманием из-учаются последствия чернобыльской аварии и почему существует другая оцен-ка воздействия на организм тех, кто непосредственно, порой всю свою трудовую жизнь, работал в тесном контакте с радиоактивными излучениями? Возможно, наша родная медицина откроет в этом новое явление, вроде адаптации организ-ма?

Вернусь же к тому, как дальше развивалось наше радиохимическое произ-водство. Ремонт конечных отделений на новую схему «ББ» производился уже без моего активного участия, поэтому подробностей не знаю. Известно, что было смонтировано 26-е отделение на месте 8-го. В новом отделении использо-валась новая технология.

Наш первенец – объект «Б» – обрастал вспомогательными производствами в виде зданий 171, 170, в которых использованные реагенты подвергались очист-ке, выпариванию и регенерации для повторного использования. Освоение этих новых участков шло также с большими трудностями, так как «сырье» для этой технологии было насыщено радиоактивными элементами, а они создавали фон гамма- и бета-полей очень большой энергии.

Попытки что-то сделать в компоновке оборудования и трубопроводов лучше, чем в здании 101, оказались малоэффективными, и условия труда в этих зданиях оказались столь же тяжелыми, как и в 101-м.

Эти производства хорошо знают руководители Н.А. Соколов, который сейчас на пенсии и живет в городе, и Р.Ф. Кулаков – главный технолог ныне действующего завода 235.

Здание 170, в котором проводилось щелочное концентрирование растворов, содержащих основную массу осколочных элементов, сохранило свое назначение до наших дней. В аппаратах проверялось немало других вариантов концентрации радиоактивных элементов, и это здание поныне является местом испытания разных технологических приемов.

В здании 171 была смонтирована система выпарных установок для выделения уксусной кислоты из ацетатных растворов после их использования в технологии здания 101. Уксусная кислота снова возвращалась в химический процесс, и тем самым уменьшалось количество сбрасываемых растворов.

До пуска зданий 171 и 170, т. е. до 1952 года, растворы от ацетатных осадков в здании 101 направлялись в банки комплекса «С» на «вечное» хранение. Эти банки стояли в каньонах с бетонными стенками, покрытыми гудроном. Часть растворов от марганцевых осадков и другие отходы сбрасывались в озеро-болото, которое называется Карачай. Сейчас это болото является самым опасным хранилищем радиоактивных отходов с системой контроля уровня радиоактивности, протеканности и испарений.

Еще в 1949 году проложили к этому болоту трубопровод для слива отходов, смонтировали на пути этой линии огромный резервуар из нержавеющей стали и все засыпали землей. В последующие, пятидесятые годы небрежная эксплуатация внешних сетей и емкостей привела к катастрофе, которую вполне можно сравнить с чернобыльской.

На комплексе «С» в 3-й и 4-й банках длительное время хранился раствор, содержащий нитраты аммониевых и других солей. В банках жидкость испарилась, от скопления большого количества радиоактивных элементов повысилась температура, при этом осадок остался без влаги, высох. Достаточно было искры от неисправных приборов, как произошел взрыв нитратных солей такой мощности, что верх перекрытия банки сорвало, а сама масса радиоактивных солей поднялась в воздух на большую высоту. За счет радиоактивности появилось свечение облака пара и пыли, что создало иллюзию северного сияния. Это случилось 29 сентября 1957 года в 17 часов по местному времени. Я слышал этот взрыв, когда находился на стадионе во время футбольного матча. Прибежал в ЦЗЛ по вызову Н.А. Семенова, переоделся в защитную одежду.

В то время я являлся начальником этого объекта. Он находился в разгаре строительства, а некоторые здания были построены. Приехал я на свой завод уже в темноте и увидел в небе необычное свечение. Тогда я предположил, что это отблески зашедшего солнца. На другой день, кажется в газете «Известия», напечатали короткое сообщение о необычном явлении на Среднем Урале, похожем на северное сияние.

Вечер и всю ночь я замерял загрязненность территории своего завода и определил границу, где она была выше 5 микрорентген в секунду. На другой день вместе с инженером – дозиметристом А.Ф. Лызловым определили степень радиоактивного излучения не только на территории, но и на крышах зданий и

сооружений. Результаты нанесли на картограмму, отметили величины загрязненности более 10 тыс. микрорентген в секунду (крыша здания 816) и сотни микрорентген в секунду на строящихся зданиях 802, 803, 807 и стройплощадках.

На картограмме я записал, что надо сделать, чтобы обеспечить условия для продолжения строительства. Однако для этого надо много людей, нужно организовать их переодевание и отмывку. Сделать это было непросто, так как санпропускник только еще строился.

Вскоре на объект приехал главный инженер строительства подполковник А.К. Грешнов, а затем министр Е.П. Славский. Он стал расспрашивать, что по нашему мнению нужно делать, интересовался, не лучше ли необходимые нам сооружения строить заново на другом месте. Строители молчали, и мне пришлось отвечать на эти вопросы.

Трудно еще было сделать выбор: что надежней, что быстрее и проще. Загрязнение объекта большое, продукты деления разные, но более всего стронция-90 и цезия-137. Изотопы долгоживущие, период полураспада около 30 лет, защита от цезия непростая: он – гамма-излучатель. Опыта отмывки поверхностей, особенно стен, перекрытий и крыш, не имелось. Техники – практически никакой, кроме пожарных машин, бульдозеров, лопат и отбойных молотков.

И все же я предложил вести работы по отмывке и подчеркнул, что все нужно начинать с организации пункта переодевания, т. е. необходимо срочно достроить санпропускник. Е. П. Славский был в большом возбуждении, сильно нервничал и начал с того, что отругал нас самыми крепкими словами из своего богатого лексикона. Затем, выслушав строителей, приказал полковнику Яковлеву – начальнику строительного участка, возглавить отряд, а меня назначил его заместителем по дезактивации территории, зданий и сооружений.

Тогда мы организовали убогий уголок для переодевания и вывели людей на работу. Но тут столкнулись с тем, что и должно было произойти. Рабочие-солдаты не хотели идти к месту уборки и очистки. Стояли и молчали, командам не подчинялись, тем более их командиры и не старались добиваться исполнения своих приказаний, сами боялись. Видя такую ситуацию, мы с А.Ф. Лызловым, проходя мимо группы солдат-рабочих, небрежно сказали: «Пошли, ребята». Но и это не помогло. Тогда мы вышли на опасную площадку возле здания 810, закурили и начали разговаривать спокойными голосами, не обращая внимания на солдат. Это помогло. Они начали подходить к нам и приступили к работе.

Трудно первый раз преодолеть себя, но затем все становится просто. Начали чистить дорогу от «грязи» и мусора, затем водой из шланга помыли ее, пустили пожарную машину, которая стала мыть крыши и стены здания 816 – наиболее «грязного». Загрязненные стены после смыва водой счищали щетками, а штукатурку просто сбивали. «Грязный» мусор складывали в самосвал и увозили в яму-могильник. Затем бульдозеры сняли слой «грязной» земли, собрали его в кучи. Собранную землю экскаватором загружали в машины и так же отвозили в могильник. Появились плуги, оставшуюся землю перепахали, что позволило сделать территорию проходимой до наступления морозов. Всю зиму чистили стены и крыши, перекрытия снаружи и внутри зданий и через год приступили к нормальным монтажным работам. Так переживал катастрофу объект «ДБ» – сосед объекта «Б», на котором произошел взрыв банки.

А что было на месте взрыва? Там были сосредоточены основные силы по ликвидации последствий аварии, и возглавлял работу сам Е.П. Славский.

Проектировщики срочно представили эскизные чертежи на первоочередные работы с целью предотвращения взрыва соседней банки, в которой хранились такие же растворы и куда теперь нельзя было подать воду из-за повреждений трубопроводов. Начали сверлить отверстие для подводки воды. Через несколько дней подача воды была восстановлена и опасность взрыва снизилась.

Уже в ближайшее время после ЧП стало ясно, что радиоактивные частицы, поднятые при взрыве высоко в небо, стало сносить ветром в северо-восточном направлении. В зоне радиоактивного факела оказались другие объекты комбината и, что еще хуже, населенные пункты – деревни, поселки, реки, водоемы, земли. Жителей необходимо было всех переодеть, отмыть, подобрать и построить им жилье, перевезти на новое место жительства. Огромная организационная работа! Огромные затраты! А сколько нужно было сказать умных, убедительных слов населению, подавляющее большинство которого составляли башкиры. Я в этой работе не участвовал, но из рассказов А.Н. Зайиера, а именно он возглавлял всю работу по эвакуации и расселению жителей, понял, как это было трудно делать.

И вот что удивительно: все переселение прошло без эксцессов и шума, мирно и спокойно, в сравнительно короткий срок. Довольно скоро все стали привыкать к новым условиям жизни. Правда, я могу подробностей не знать, так как этим не занимался, но знаю одно: была деловитая работа, с пониманием ситуации, без лишней истерии. Ликвидация последствий на территории комбината проводилась силами заводов и строителей и, в основном, закончилась в течение года.

Несмотря на тяжелые последствия аварии, и то, что она произошла по вине персонала технологов старого завода, ведущий технолог Г.В. Митрофанов, главный инженер М.И. Ермолаев и начальник объекта А.Ф. Пащенко отделались, как говорится, легким испугом.

Все беды принял на свои плечи директор комбината М.А. Демьянович, которого сняли с работы и послали главным инженером на аналогичный комбинат в Сибирь. Вскоре главным инженером комбината стал А.Ф. Пащенко, а Г.В. Митрофанов – директором завода № 25.

Дублер «Б»

Новое сооружение строилось с активным участием эксплуатационников. В состав группы специалистов завода входили А.Ф. Пащенко, А.В. Кузьмичева, В.П. Балановский, Г.И. Чечетин, В.А. Гребениченко, С.Л. Свищев и др. Они накопили достаточный опыт работы и активно включились в создание нового производства, лучшего в эксплуатации, с лучшими условиями труда. Именно тогда появились более совершенные конструкции реакторов, вентиляей, приборов, механизмов для обслуживания и ремонта оборудования.

Проектом предусматривалось строительство двух цепочек зданий с двумя технологическими нитками в каждой. Всю работу планировали закончить в 1957 году, но катастрофа на соседнем объекте разрушила наши планы, и первая очередь дублера «Б», т. е. т. северной нитки, была подготовлена к пуску в сентябре 1959 года.

К тому времени сформировали коллектив завода из коллектива старого объ-

екта и молодых рабочих. Начальником объекта назначили меня, а главным инженером – В.П. Балановского. Вошли в состав руководителей производства Е.И. Микерин, Г.Д. Торопов, Р.Ф. Кулаков, А.И. Иванов, В.Д. Мельников, В. М. Константинов. Строительство и монтаж оборудования дублера «Б» шли в условиях повышенной радиационной опасности, которую устраняли после взрыва банки комплекса «С». Это осложняло организацию работ, но все равно дело шло сравнительно быстро.

Много энтузиазма проявил главный инженер объекта В.П. Балановский, который добивался высокого качества монтажа. Большую работу проводили технологи во главе с Е.И. Микериным.

Как и на старом заводе, управление оборудованием осуществлялось с пульта дистанционно, но уже с элементами автоматики. Много забот потребовали новые механизмы, ранее не применяемые, заново созданные. Это самоходный сварочный агрегат в трубных коридорах, специальный кран для замены вентиляей, манипуляторы для отбора проб и их транспортное устройство, другие приспособления, которые были созданы заново.

Технологи начали производство плутония по регламенту, но вскоре, после первых успехов, начали повышать нагрузку. Комплекс технологических усовершенствований позволил уже через два года повысить производительность нитки в 1,5-1,7 раза. Такой рывок повлиял на принятие решения о строительстве второй очереди. Ряд зданий пришлось законсервировать.

На первой стадии развития производства на дублере «Б» главное внимание уделялось увеличению производительности, созданию, устойчивости технологии и ритмичности работы. Однако качество продуктов, образующихся на переделах, было не лучше, чем на старом заводе, и сдерживалось самой технологией. Некоторое снижение потерь все же удалось достигнуть, но качество очистки плутония улучшалось медленно, и необходимо было что-то придумать новое. Мы стали внимательно изучать предложение В.И. Парамоновой – доктора химических наук Радиевого института – и Б.Н. Ласкорина – члена-корреспондента АН СССР, которые предлагали внедрять сорбционную очистку растворов от макропримесей и продуктов деления. В. И. Парамонова очень энергично взялась за внедрение сорбции из растворов, а мы стали изобретать оборудование. Тогда Валентина Ивановна с обеспокоенностью говорила об обеспечении ядерной безопасности, я же ей подсказал полшутя-полусерьезно принять за основу конструкции аппарата форму самовара. Я до сих пор верю, что эта идея стала быстро воплощаться за счет ее простоты и именно после разговора с Парамоновой. Вскоре конструкторы разработали колонну кольцевого сечения достаточной производительности. А еще раньше у кого-то появилась мысль изготовить контейнеры вместо мешков, в которые мы упаковывали конечный продукт. Контейнеры были изготовлены и затем использовались много лет. Вообще, радиохимия в промышленности требовала много новых решений, и специалисты завода находили их. Союз науки и производства позволил добиться резкого улучшения качества готового продукта и сокращения его потерь. Заводу-потребителю уже не надо было проводить дополнительную очистку, продукт стал в сотни раз чище, и остаточная «загрязненность» в нем определялась, в основном, фоном самого плутония.

Главный инженер завода В.К. Балановский покинул нас вскоре после пуска завода. Он был инициатором внедрения «почина»-бесцеховой структуры. Мы

немало потрудились, чтобы ее создать, но вскоре появилось много трудностей в управлении. Тогда В.П. Балановский, движимый своей неумной энергией, стал настаивать на возврате к цеховой структуре. Я это не поддерживал. У нас возникла напряженность в отношениях, и мой главный инженер уехал в другой город. С такими неугомонными людьми трудно работать, но когда мы пускали дублера «Б», я старался использовать его характер для повышения требовательности при приеме качества монтажных работ.

Балановского заменил Е.И. Микерин. Он отличался от своего предшественника. Спокойный, уверенный, сделал многое для обновления производства. Мы с ним работали дружно, хотя и не всегда совпадали наши оценки в путях развития технологии. Евгений Ильич был переведен затем на должность главного инженера другого комбината, где вскоре стал директором. Позже он вырос до начальника главка.

На нашем заводе собрались отличные кадры специалистов. Весьма заметной фигурой среди них является В. Д. Мельников. По своему новаторскому духу он похож на Балановского, и не случайно они были большими друзьями. Владимир Дмитриевич возглавлял службу КИП и проявил себя не только умным специалистом, но и хорошим организатором. Он обладает даром убеждать, отличается глубоким знанием профессии.

Мельников не только обеспечивал бесперебойную работу приборов, но и развил у своих подчиненных творческую деятельность, а это помогло разработать новые приемы контроля, более совершенные приборы. Организаторские способности В.Д. Мельникова особенно полезно проявились в период большой реконструкции завода.

Есть на заводе еще один интересный человек – А.И. Иванов. Прошел школу партийного работника – был секретарем парткома, а до этого — сотрудником ЦЗЛ, исследователем, научным работником. Когда перешел на должность начальника технического отдела завода, стал подлинным знатоком всей технологии. Его можно уверенно назвать «ходячей энциклопедией» всей промышленной радиохимии.

Львиную долю труда в отлаживании и улучшении производства внес научный руководитель завода Г.Д. Торопов-доктор технических наук, мастер научных изысканий, специалист с удивительным чутьем при выяснении причин сбоев в производстве. Он, бывший работник ЦЗЛ, так изучил свое дело, что трудно вспомнить, когда бы он не сумел вернуть процесс в нормальное русло.

С особым уважением вспоминаю А.Н. Сапогова. Саша, так его звали многие, руководил рабочими, аппаратчиками при всех переделках схемы, капитальных ремонтах и на опытных установках. Физически развитый, с обаятельной внешностью, с уравновешенным характером, он вызывал не только уважение, а какую-то особую симпатию к себе. Это образец бескорыстного трудового человека.

Или возьмите нашего Героя Социалистического Труда Г.С. Лутовина. Юношей он пришел на завод в 1956 году. Работал слесарем. Своим отношением к делу, к товарищам завоевал большое уважение, стал бригадиром. Постоянно занимался спортом, был отличным лыжником. Работал в трудных местах с большим старанием. По заслугам удостоен звания Героя Труда, избирался делегатом XXVII съезда КПСС. И вот такого замечательного чело-

века потеряли в этом году. Не выдержало его сердце непростых нагрузок.

Мы можем гордиться и мастером своего дела, сварщиком высшей квалификации В. П. Мишиным. Крепкого телосложения, невысокого роста и с гибкой фигурой. Заваривая швы, он нередко делал чудеса, находясь в самой неудобной позе, порой вниз головой. А ведь ремонтировать технику, трубы и аппараты не всегда возможно в обычных условиях, а чаще – в условиях повышенной радиации, где время отпущено минимальное, а ответственность – максимальная. Василий Петрович обладает не только сварочным мастерством, но и организаторскими способностями. Недаром его выбрали председателем заводского комитета профсоюза.

Вот такие люди работали и продолжают трудиться на заводе.

В поиске

Ацетатная технология, которая использовалась на старом объекте «Б» и на объекте «ДБ» до перехода на экстракционную технологию, была весьма дорогой. Требовались вспомогательные производства для очистки растворов от радиоактивных солей и для регенерации кислот.

Для этих целей построили для объекта «ДБ» здание 951. Оно оснащалось дополнительным оборудованием – кристаллизаторами для выделения соли нитратов, которую предполагалось использовать в виде удобрения. Эту идею не удалось осуществить, так как чистые соли получить не смогли. Приготовление их было связано с использованием машин древней конструкции – барабанных кристаллизаторов. Они и на цементных заводах не являются новой техникой, а у нас эксплуатация их оказалась вообще очень трудной, практически невозможной.

Специалисты цеха 4 решили заменить старые кристаллизаторы на вакуумные. В этом нам очень помогли свердловчане, изготовившие нужное оборудование. Такую замену мы выполняли без согласования с главком, даже вопреки его мнению. И только полученные очень хорошие результаты избавили меня от очередного наказания за самовольство. Должен заметить, не все новшества мы внедряли при одобрении «сверху», и были конфликты с руководством. Так, например, внедрение сорбционной технологии главный инженер комбината А. Ф. Пащенко в своем выступлении на партактиве назвал «техническим авантюризмом», несмотря на полученные нами весьма хорошие результаты.

Надо отдать должное А. Ф. Пащенко, он все-таки не мешал внедрять новое, прогрессивное. Тогда мы чувствовали себя свободней и уверенней, чем последнее время. Существовала такая обстановка, когда многие решения внедрялись самим заводом, нам удавалось избавляться от бесчисленных согласований, которые вскоре стали законом под названием «стандарт».

То, что сейчас упаковано в рамки стандартов, по существу стало мощным тормозом для технического прогресса и называется «порядок». Завод вынужден посылать в главк регламент на утверждение, а там просматривают его и оценивают специалисты другого профиля, уже давно порвавшие связь с производством. Они «на всякий случай» задерживают документы, принуждая приезжать в Москву и выпрашивать с протянутой рукой то, что создано нами. Не случайно сейчас технический прогресс замедлился и будет вновь набирать силу только в том случае, когда специалисты завода вновь обретут самостоятельность и смо-

гут без лишней волокиты подбирать более эффективные технологические приемы, более надежные конструкции оборудования.

Итак, ацетатная технология исчерпала свои возможности, а опыт работы отделения с сорбционными смолами дал, с одной стороны, хорошие результаты, но в то же время доказал, что нужны особые меры предосторожности. Дело в том, что в среде с повышенной кислотностью смолы постепенно разлагаются с выделением газов, и если не предусмотреть их своевременное удаление, то может создаться такое давление, которое разорвет корпус колонны. Так у нас и произошло в 1965 году. Колонна не только разрушилась, но и выбила перекрытие каньона и вылетела за кровлю здания.

Этот случай нас научил многому. Наступила пора поисков новых технологических приемов, которые бы позволяли работать безопасно, надежно и эффективно. К тому времени обострилась необходимость не иметь (или хотя бы уменьшить количество) солей, выводимых с растворами. Начались новые поиски.

Первоначально выход виделся во внедрении экстракционного процесса. Оценить его достоинства было нетрудно, ведь мне приходилось исследовать его еще в 1949 году, когда я работал в институте. Тогда проверялась технология экстракции урана и плутония этиловым эфиром. Напомню, что она опасна в эксплуатации из-за легкой воспламеняемости эфира.

Велись поиски заменителей эфира другими экстрагентами. Лучшим из них оказался трибутилфосфат. Однако в чистом виде его использовать было трудно из-за высокой вязкости, требовалось найти для него разбавитель. И вот тут у исследователей возникли разногласия. В.Б. Шевченко, хорошо изучивший зарубежный опыт, считал, что лучше использовать синтин (керосин). М.Ф. Пушленков предложил четыреххлористый углерод. Нам надо было сделать выбор. Вскоре мы убедились, что четыреххлористый углерод обеспечивает получение достаточно чистого продукта, но пары его летучи, они загрязняют атмосферу.

Поступило еще одно предложение - от Б.Н. Ласкарина (в то время доктора технических наук). Он рекомендовал разбавитель гексахлорбутадиен - более технологичный для нашего производства. Для изучения параметра процесса на заводе создали специальную установку, назвав ее 35-71. Кстати, она работает по сей день и за время своей работы испытала много вариантов технологии на разных разбавителях. Забегая вперед, скажу, что использование синтина (легкого разбавителя) оказалось неудачным.

Мы выбирали технологию, подбирали аппаратуру, но не видели возможности как их внедрять. Завод работал, выполнял план, имел неплохие экономические показатели, и, когда я обратился довольно робко со своими предложениями о реконструкции к тогдашнему директору комбината Н.А. Семенову, он ответил: «Работаете нормально, что вам еще нужно?»

Для поисков путей внедрения новой технологии я собрал всех ведущих специалистов и предложил создать инициативную группу и «на общественных началах» придумать, как осуществить задуманное. Первым после этого разговора пришел В.Д. Симаков — он был тогда начальником технического отдела. Затем стали приходить другие, и среди них В.Д. Мельников — самый нужный специалист. Именно ему поручили возглавить инициативную группу, и он взялся за дело. Это уже была удача.

Начали с того, что искали место для размещения оборудования. Решили разместить его в каньонах после уплотненного расположения аппаратов действующей

щего производства. И нам удалось создать схему оборудования новой технологии, не останавливая действующее производство, выполняя план. Со своими предложениями и схемами поехали докладывать министру. Существовало два доклада: от комбината – мой, а от института – Я.И. Зильбермана. Наш вариант был намного дешевле, но министр принял решение продолжать разработку обоих вариантов. Нам дали на реконструкцию два года. Таким решением мы остались довольны и с большим усердием стали дорабатывать схему.

На первом этапе перевода технологии на экстракцию мы не меняли узел производства солей урана (а они тоже являлись нашей конечной продукцией). Этот, сравнительно нехитрый передел требовал крупногабаритные экстракторы большей производительности. Разместить такое оборудование в здании трудно, да и эксплуатировать большие объемы растворов было нелегко. Поэтому этот передел сохранили с использованием ацетатной технологии. Такое решение оправдало себя еще и тем, что за время реконструкции заводские исследователи вместе с ЦЗЛ подобрали технологию производства солей урана с применением сорбции.

Исследования проводились под руководством заместителя главного инженера, научного руководителя Е.Г. Дзекупи.

Он же с группой внедрения новой техники, которую возглавлял Г.А. Лелюк, разработал задание на проект, а конструкторы под руководством И.В. Готлиба создали чертежи, по которым и были изготовлены, а затем смонтированы аппараты-колонны.

Решение оказалось удачным, и эта технология сохранилась до конца существования всего производства.

Внедрение экстракционной технологии проходило менее гладко, в острой борьбе мнений. Специалисты института НИИ-9 предлагали синтин и отрицали наш выбор, а сторонники тяжелого разбавителя (т. е. специалисты нашего завода) доказывали непригодность синтина, как пожароопасного материала.

Споры шли в стенах завода, ЦЗЛ, институтов и главка. В конце концов решили оставить то, что выбрали наши заводчане. Спор разгорелся с новой силой, когда наши экстракторы стали давать трещины и, не проработав года, были остановлены. Противники ликовали и во весь голос заявляли о том, что во всем виноват предложенный нами разбавитель, он, мол, дает коррозию, вызывающую трещины.

На докладе у начальника главка А.Д. Зверева собрались, специалисты институтов, был и представитель восточного завода А.И. Карелин, который вдохновлял всех наших оппонентов. Спор был жаркий, мой оппонент был более искусным докладчиком, но и наши доказательства не пропали бесследно. Начальник главка решил дать нам право вести реконструкцию, как считаем нужным, а товарищам с востока – как они хотят. Началось необъявленное соревнование. В него включились конструкторы проектных институтов, ученые исследователи и руководители разных направлений.

Наши конструкторы внесли изменения в чертежи аппаратов, повысили прочность и после ремонта вновь пустили их в работу. Экстракторы стали работать нормально.

В течение всего периода реконструкции завода 35 шла борьба за выбор разбавителя, экстрагента, конструкцию оборудования. Она принуждала искать лучшие приемы, методы, конструкцию. Такая ситуация ускоряла исследова-

ния, поиски и находки. Но вот когда начали рассматривать организацию производства ТВЭЛ, то встретились с большим противодействием. Дело дошло до обсуждения предложений на научно-техническом совете министерства, на который были приглашены представители институтов, в том числе и проектного. Мой доклад на совете не вызвал споров, а только выявил много вопросов. Совет решил провести проверку нашей схемы на растворах, полученных от переработки ТВЭЛ. Однако это решение под давлением руководства «головного» института – НИИ-9 к выполнению не было допущено и в дальнейшем отклонялось под разными предлогами.

Я уже писал о том, что в начале реконструкции была создана инициативная группа, которую сначала возглавлял директор завода, а затем В.Д. Мельников. В эту группу вошли специалисты не только завода, но и ЦЗЛ, десятого института - В.Г. Фоменков и А.К. Нардова, Радиевого института - Б.Я. Зильберман и даже из девятого института В.В. Ревякин. Они вели исследовательские работы в лаборатории, на установке 35-71, в ЦЗЛ и институтах.

Дружная совместная работа переросла в человеческую дружбу, и это послужило успеху. Три специалиста из этой инициативной группы – Г.А. Лелюк, В.В. Ревякин и В.Г. Фоменков – стали лауреатами Государственной премии.

Реконструкция завода и постоянное обновление его технологии проводились в тесном контакте с учеными. Координацию научных изысканий выполняли ученые центральной заводской лаборатории, среди которых я лично отмечаю доктора химических наук Л.П. Сохину.

Она активно участвовала в оценках химических процессов и при выборе нужных вариантов. С самого начала нам удалось заинтересовать ученых во внедрении их разработок, и мы, как правило, не отвергали их предложения, проверяли на опытной установке.

Создалось своеобразное состязание на лучшую технологию, лучший образец оборудования, на наиболее удачную внедряемость. Да, да, такой термин был популярным, и мы его часто применяли. Дело в том, что ученые институтов нередко отвлекались от реальных условий эксплуатации и судили о своих предложениях по параметрам процесса, изучаемого в лабораторных условиях. Обсуждения результатов велось в дискуссиях, спорах, порой с эмоциями, но и сохранением взаимной уважительности. Сказывалось и то, что специалисты завода, имея большой опыт на производстве, стали глубоко разбираться в результатах научных исследований и могли лучше определить «внедряемость» того или иного предложения. А предложения часто были не только хорошие, но и трудноисполнимые.

Нам очень помогал научно-исследовательский проектный институт г. Свердловска.

Им руководил ученый В.Г. Шацилло, доктор технических наук. В этом институте работали и наши специалисты, прошедшие суровую школу освоения радиохимического производства, и среди них Г.И. Чечетин, бывший главный механик нашего завода.

Все конструкторские и проектные разработки, которые исполнялись заводским КБ, проходили экспертизу в Ленинградском проектно-институте ВНИИ-ПИЭТ, где в то время был главным инженером В.А. Курносков, доктор технических наук, теперь директор этого института,

Успехи реконструкции, которая дала экономический эффект свыше 3,5 млн.

рублей в год, обеспечены совместными усилиями производителей и ученых институтов – исследовательских и проектных. Они вместе создали новый радиохимический завод с высоким уровнем автоматизации, с безопасными условиями труда, с высокой культурой производства.

□ 2.4. ПАМЯТЬ. ЛЮДИ. ЖИЗНЬ

Гордина В.М.

Кандидат технических наук, старший научный сотрудник, ветеран атомной отрасли.

Гордина Вера Михайловна – инженер-физик, окончила Уральское отделение МИФИ, работала в организациях Минсредмаша с 1948 по 1992 годы, в том числе с 1948 по 1957 – на Комбинате «Маяк». Кандидат технических наук, старший научный сотрудник. Автор и соавтор более 60 научных работ, отчетов, статей, организатор выпуска и составитель более 40 книг по научным направлениям атомной промышленности и энергетики, участник ЛПА на ЧАЭС. Ветеран ВОВ, ветеран атомной энергетики РФ, в настоящее время – пенсионер, инвалид 2-й группы.

«Я счастлив, что родился в России и посвятил свою жизнь атомной науке в великой Стране Советов»

И. Курчатов

Шел 1945 год. Наша страна только закончила страшную по тяжким испытаниям войну, отстояла свою свободу и независимость. Победа далась нелегко, потеряно было 28 млн. человеческих жизней, разрушены тысячи городов и сел. Предстояло восстанавливать разрушенную промышленность.

Но уже было изготовлено и испытано на мирном населении японских островов страшное оружие массового уничтожения. Для сохранения мира на Земле надо было самим создавать аналогичное оружие.

Америка располагала многочисленной армией ученых, эмигрировавших во время войны из Европы, она не переносила такой страшной войны, как наша страна. Нам предстояло все это сделать с немногими уцелевшими в войну и перенесшим тяжкие лишения учеными и специалистами.

При активном участии И.В. Курчатова были мобилизованы научные силы всех институтов, способных решать атомные проблемы. Были созданы новые НИИ, которых не было до войны, а также новые учебные институты и средние технические учебные заведения по подготовке специалистов для решения атомной проблемы. Одновременно велась мобилизация специалистов по всей

стране для работы в атомной промышленности. По решению райкомов, горкомов, обкомов партии направлялись лучшие рабочие, инженеры, конструкторы в новые строящиеся «атомные» города, заводы, институты. Проводились разведки в стране залежей урана и тория. Перестраивалось приборостроение для проведения исследований атомного ядра, регистрации ионизирующих излучений и управления новыми технологическими процессами.

И.В. Курчатов являлся организатором науки большого, невиданного масштаба. Он всегда был полон неистощимой энергии. Беспощаден к карьеристам, заботлив к честным людям-труженикам. Каждая встреча с ним вносила ясность, направляла на главное. Он всегда был там, где трудно, где решались главные вопросы.

О нем можно говорить бесконечно и все будет мало, диапазон его действий охватить было невозможно. Он сам не был теоретиком, но вносил ясность в каждый этап работы, извлекая из теории ее физическую суть, указывая на возможные эффекты и их взаимосвязь. В созданной им Лаборатории № 2 молодые ученые уже вели огромную работу по решению вопроса создания атомного котла. Он всегда был окружен молодыми учеными-физиками, инженерами. И.С. Панасюк вел опыты по оптимальным условиям размножения нейтронов, испытывая порции графита и урана; Б.Г. Дубовский, М.И. Певзнер, Б.С. Фурсов были заняты расчетами надкритических систем на тепловых нейтронах, расчетами накопления продуктов урана и плутония; Е.Н. Бабулевич проектировал и строил систему регулирующих стержней для управления цепной реакцией; Я.Б. Зельдович развил теорию замедления нейтронов в бесконечной среде, и т.д. 24 декабря 1946 года впервые в Европе была осуществлена цепная реакция деления в Советском Союзе на уран-графитовом реакторе. Еще задолго до пуска в СССР первого уранового котла (Ф-1) началась разработка проектов завода по производству плутония. Сразу после пуска Ф-1 И.В. Курчатов исследовал на нем интенсивность излучения, чтобы разработать надежные средства защиты от облучения и сделать промышленные котлы безопасными, он точно измерял дозиметром величину и спад излучения с расстоянием. Были изучены важнейшие свойства уран-графитовой системы и только после этого подписаны проекты промышленных атомных котлов. На основе всех разработок и исследований в Радиевом институте под руководством академика В.Г. Хлопина была разработана технология, положенная в основу промышленного выделения плутония из урана.

Летом 1945 года на Урале, в районе Кыштымско-Коклинских озер изыскатели провели обследование местности для строительства первого атомного реактора. В октябре 1945 года Правительственная комиссия в составе представителей Госплана СССР, Лаборатории № 2 АН СССР (руководитель И.В. Курчатов) и Челябинского металлургического завода СССР, провела обследование ряда районов Южного Урала, в результате чего было признано целесообразным размещение первого промышленного реактора на берегу озера Кызыл-Таш.

Ниже приведена хронология дальнейшего развития событий, начиная с мая 1945 года и до 1988-1991 годов, строительства и становления крупнейшего в СССР и в мире атомного центра. Обзор не претендует на полноту, в нем почти полностью отсутствуют сведения о строительстве вспомогательных служб как

технологических, так и хозяйственных значений, без чего не может жить народ.

Уральская земля встречала первых строителей неприветливо. Наступали холода, не было жилья. Для размещения людей переоборудовали животноводческую ферму, землянки, что остались с военных времен. В январе 1946 года прибыл первый батальон солдат-строителей, началось строительство барачных, лежневых дорог, электрических подстанций, а в сентябре приступили к земляным работам на месте расположения первого промышленного уран-графитового реактора для наработки оружейного плутония. «Базу 10» курировал сам Л.П. Берия, установивший на всем, что было связано с разработкой и изготовлением атомного оружия, режим жесточайшей секретности. Директором «Базы-10» 17.04.46 года был назначен П.Т. Быстров, а с 10.07.47 года был назначен Е.П. Славский. С 01.12.47 года директором базы становится Б.Г. Мизруков, главным инженером – Е.П. Славский. Забегая вперед: в 1953 году директором комбината становится А.И. Чурин, в 1955 – М.А. Демьянович, в 1957 – Г.В. Мишенков, в 1960 – Н.А. Семенов, в 1971 – Б.В. Брохович, с 1989 – В.И. Фетисов.

А осенью 1947 года впервые на Урал приехали И.В. Курчатова и Б.Л. Ванников.

Работы по сооружению реактора шли очень успешно, здание еще было не закончено, когда приступили к выкладке активной зоны из графитовых блоков. В еще не полностью закрытом здании над реакторной зоной был образован воздушный шлюз, не допускающий проникновения холодного воздуха, пыли и грязи. Это позволило провести монтаж активной зоны реактора в сжатые сроки. Физическая группа И.С. Панасюка обеспечила надежный контроль чистоты графитовой кладки на всем протяжении работ на высоком уровне. К концу мая был закончен монтаж. Началось опробование механизмов и систем, громадная работа по наладке многочисленных приборов, контроля и сигнализации, проверка и отладка устройств регулирования и управления. В первых числах июня была проведена завершающая работа по пуску охлаждающей воды по всем водоводам. Началась круглосуточная загрузка урановых блочков в технологические каналы. Эту трудоемкую операцию, требующую большой аккуратности и терпения, с большим энтузиазмом лично провели И.В. Курчатова и Б.Л. Ванников, возглавившие первую бригаду по загрузке урана, в которую входили и руководители завода.

19 июня 1948 года первый в Европе промышленный уран-графитовый реактор был запущен. Это была победа, однако впереди были еще большие трудности. Мы шли нехоженными путями, а первопроходцам всегда нелегко – аналогов не было, часто возникали непредвиденные ситуации. По мере работы реактора возникали неожиданные явления коррозии, радиационного распухания урана, что в худшем случае могло привести к т. н. «козлам» (спеканиям урана с графитом). Множественная коррозия технологических каналов приводила к снижению реактивности, возникновению перекосов мощности. Так как еще не было накоплено достаточного количества плутония, реактор останавливать было нельзя, приходилось заменять наиболее разрушенные коррозией каналы с перегрузкой уже облученных блочков на новые, что было связано с повышенным облучением персонала. Ситуация была чрезвычайно сложной: в первый реактор был загружен весь имеющийся в то время в стране металлический уран. И вся ответственность лежала на И.В. Кур-

чатове. От него зависело, получит ли страна плутоний в намеченный срок.

Курчатов не принимает скоропалительных решений, но работает быстро, не затягивая ни одного дела. Советуясь со специалистами, ведет обсуждение до тех пор, пока не достигнет ясного понимания, и принимает решения, никогда не прячась за авторитеты. И это была его постоянная точка зрения – выслушивать мнения других, быстро схватывать самое важное и направлять «озадаченных» людей работать, поддерживая и воодушевляя их. И возникающие неполадки преодолевались самоотверженным трудом людей. Реактор накапливал плутоний, который в свое время был передан на завод «Б».

А «Аннушка», так ласково называли реактор, была остановлена на 100 дней, во время которых была выполнена замена всех технологических каналов на новые, с перегрузкой части блочков, проведена реконструкция некоторых узлов, и это все в условиях повышенного радиационного фона. И отдавая дань прошедшему, в этот, уже ставший историей отрезок времени нельзя не вспомнить хотя бы некоторых, кто отличился, это: Н.Н. Архипов, Л.А. Юровский, Н.А. Семенов, Ф.Я. Овчинников, С.А. Аникин, В.С. Фурсов, В.И. Меркин, И.М. Розман, Е.Н. Бабулевич и многие-многие другие.

22 декабря 1948 года эстафету для дальнейшей работы с облученным ураном принял радиохимический завод «Б». Пуском промышленного реактора процесс, как отмечалось, только начинался, дальнейшая переработка урановых блочков и выделение из них плутония в промышленных масштабах оказались задачей не только сверхтрудной и уникальной по технологичности (плутония в сравнении с общей массой урана образуется мизерное количество), но и опасной, так как в урановых блочках, облученных мощным нейтронным потоком, кроме плутония, накапливаются продукты деления ядер, т. е. «осколки», обладающие огромной радиоактивностью и чрезвычайно вредные для здоровья людей. Разработанная технология предполагала растворение блочков в кислоте, затем с помощью осаждений происходило разделение, при этом в осадке оставались плутоний и уран, а основная масса радионуклидов (высокоактивные отходы) переводится в раствор и перекачивается на «вечное» хранение в специальные хранилища (комплекс «С»). На дальнейших переделах происходит отделение плутония от урана и микро-макро примесей, после чего полуфабрикат продукта передается на завод «Б» для окончательной доработки. Эта разработанная отраслевыми институтами технология была во многом неизведанной, не имеющей аналогов, некоторые же ключевые проблемы к моменту строительства еще только решались наукой и проектантами.

Сроки строительства были утверждены сверхжесткими, и почти одновременно с началом земляных работ на месте расположения реактора «А» приступили к работам на строительной площадке завода № 25.

Основное здание завода представляло собой огромную бетонную глыбу, внутри здания непрерывно шла работа строителей, кончалась их работа – начинали свою работу монтажники-механики, им на смену шли монтажники-электрики, за ними – отделочники. Одновременно с этим производился монтаж аппаратов, прокладка магистралей. Будущие эксплуатационники неустанно, по-хозяйски, проверяли работы – как укладываются коммуникации, крепится аппаратура, герметичность швов аппаратов. Их кураторская

работа совмещалась с учебой – академик Летавет, кандидат технических наук Э.М. Центер и кандидат технических наук С.Б. Цфасман читали лекции по технологии, технике безопасности, автоматике.

В конце августа 1948 года начали вести обкатку аппаратов на кислоте и учились управлять их работой дистанционно. В то время не было ни автоматики, ни дистанционного управления. Опыт в управлении давался нелегко. Надо было навсегда запомнить устройство аппаратов, расположение магистралей и вентиляей, счет которых велся на десятки сотен. Несколько операций провели на необлученном уране. Цель этих операций – хорошо освоить технологический процесс и поведение аппаратов. Тут трудностей было много: некоторые процессы в больших объемах стали протекать не так, как на опытной установке, сильное пенообразование в аппарате отделения № 6 резко меняло качество кристаллов соли металла в зависимости от рН, предопределяли большие колебания в скорости разделения ее от маточника методом фильтрации. Все это было неожиданным, сильно усложнившим отработку технологии. Наконец, пуск состоялся. Технологическим процессом руководили Б.В. Громов и А.П. Ратнер. Вела процесс начальник смены З.А. Зверькова. Технологом отделения № 8 был М.В. Гладышев, будущий директор завода.

Но с первых дней начались неожиданности. Когда провели осаждение, осадка не получилось. Как оказалось, весь раствор загнали в «сдувку», которая была врезана в вентиляционный короб. В период водной обкатки неправильно была отрегулирована подача барботажного воздуха, и когда его подали при осаждении в большом избытке, то он вынес всю пульпу в сдувочную камеру. После новой регулировки смыли осадок как смогли, при этом порядочно загрязнили помещение радионуклидами, где ходили люди в своей личной одежде и обувь разносили «грязь» по всем помещениям. Переделали «сдувку» и повторили осаждение уже из новой партии. Процесс пошел вроде нормально. Но когда получили первый плутониевый раствор после ацетатных переосаждений, то выяснили, что в растворе плутония почти нет. Опять начались повторные анализы. Когда догадались оценить, что собой представляет 200 граммов плутония и в каких объемах и емкостях он проходил, появилась надежда, что он просто сорбировался на стенках сосудов. Так оно и оказалось. Только после «закладки» плутония в аппаратуре (насыщения плутонием поверхностного слоя аппаратов и трубопроводов), он показался в растворах и на конечных пределах.

«Первый период освоения всего производства был наиболее трудным на конечной стадии в отделении, где заработала фторидная технология, опасения за ее надежность высказывались еще при лабораторной проверке на отчете у В.Г. Хлопина. Извлечение плутония сопровождалось накоплением макропримесей в виде редкоземельных элементов, а также железа, хрома, никеля. Но как ни трудно было извлечь плутоний из обилия примесей, удалось это сделать неоднократной щелочной разваркой, растворением, промывкой» (М.В. Гладышев).

Вопросов возникало так много, что научные руководители А.П. Ратнер, Б. А. Никитин, главный инженер Б.В. Громов, главный механик М.Е. Сопельняк, начальники отделений А.Ф. Пащенко (позднее главный инженер комбината), Н.С. Чугреев и другие ответственные руководители сутками не уходили с завода. Большую техническую и организационную работу вел главный приборист С.Б. Цфасман. И все же основная нагрузка лежала на операторах и аппаратчиках, дежурных инженерах: тяжелый труд в сочетании с огромной психологической напряженностью изматывал людей, люди не щадили себя.

И еще один важный момент – все это происходило в условиях ионизирующих излучений. Первопроходцы приняли на себя сразу после пуска сильнейший радиационный удар. Кроме того, следует отметить: невосприимчивость органами чувств – радиация невидима, не имеет ни цвета, ни запаха, человек, ранее не сталкивавшийся с такого рода воздействием, психологически не был подготовлен к восприятию опасности от нее. Весьма осложняло действие отсутствие надежного дозиметрического контроля – не было приборов, фиксирующих разные виды излучений, они еще только создавались, а если и были, то в небольших количествах в экспериментальном исполнении. Завод, спроектированный по представлениям общей химической технологии, по своим компоновочным и техническим решениям не отвечал требованиям техники безопасности. Не только проектанты, но и научные руководители, авторы технологии из-за своего «пробирочного» мышления не представляли себе всей опасности радиационных воздействий на человека при организации получения плутония в промышленных масштабах.

К наиболее существенным недочетам следует отнести многоэтажность здания – при движении растворов из аппарата в аппарат с нижних этажей на верхние использовался сжатый воздух, что увеличивало вероятность «загнания» раствора не по назначению (что и случалось неоднократно). В случае аварийных ситуаций радиоактивный раствор, «попавший не по назначению», протекая через многоэтажные перекрытия, мог появиться в самых непредвиденных местах (что также случалось неоднократно), подвергая персонал сильному облучению. Хватало и других недоработок. Но все эти недоработки при проектировании были допущены не за счет халатности, а из-за незнания, отсутствия опыта эксплуатации, из-за лабораторного мышления. Ученые-радиохимики познали беду, когда начали работать, ведущие специалисты, доктора наук, академики постоянно были на объекте, но и они недооценили все коварство радиохимической технологии. Б.А. Никитин – руководитель всей пусковой бригады, автор технологии с применением экстракционных процессов, сам оказался жертвой незнания всех подробностей радиохимии и умер вскоре после пуска объекта. А.П. Ратнер, доктор химических наук, ученик Хлопина, во время пуска и в первый период эксплуатации наблюдал за технологией не со щита и не по анализам, а сам лез в каньон, щупал, нюхал и всегда в одном халате, в личной одежде, без защиты. Он умер через три года после пуска объекта. Главный технолог проекта Я.И. Зильберман был более аккуратным, но обстановка и его заставляла бывать везде и видеть все. Он умер не сразу, а через 10 лет. Но это жертвы незнания, непознанной науки. А как много было пострадавших из тех, кто вел технологию своими руками, головой, кто ремонтировал, переставлял аппараты, вентили приборов, кто заваривал свищи и убирал пролитый активный раствор. Разве думал о последствиях своего беззаветного труда техник-механик Алексей Кузьмин или инженер-механик Александр Ведюшкин, которые сделали свое дело молча и умерли. Неопытность и риск привели к тяжелым последствиям и ведущего специалиста, начальника технического отдела А.А. Каратыгина. Он готовил вручную в бутылках раствор готовой продукции перед отправкой потребителю. Забыв опасность изменения геометрии объема, он наклонил бутылку, что привело к цепной реакции, а она сопровождается большим потоком нейтронов. Переоблучение было настолько сильным, что несмотря на своевременное оказание медицинской помощи, А.А. Каратыгин лишился ног и остался

с искалеченными пальцами рук. Вместе с ним тяжело пострадали женщины-лаборанты.

Но несмотря на многочисленные трудности, самоотверженный труд большого коллектива увенчался успехом. В конце февраля 1949 года был получен первый готовый продукт, который сразу же был отправлен на дальнейшую переработку на объект «В».

Как уже рассматривалось выше, на радиохимическом заводе предполагалось из общей массы облученного урана выделить крупницы плутония, очищенного от радионуклидов. Однако технология радиохимического завода не предусматривала получения полностью очищенного конечного продукта, согласно техническим условиям те частицы имели в своем составе примеси, с которыми состояли в сложном химическом взаимодействии. Предстоял сложный процесс аффинажа, целью которого должна была стать очистка соединений плутония до спектрально чистого состояния, получение его в металлическом виде.

Чтобы выполнить такую задачу, предстояло разработать технологические процессы и построить химико-металлургическое производство. И уже в декабре 1946 года проектно-конструкторское бюро НИИ-9 приступило к разработке проектного задания на строительство завода по производству металлического плутония. В апреле 1947 года А.П. Завенягиным была утверждена площадка, где уже имелись несколько кирпичных зданий, сеть грунтовых автодорог и ветка железной дороги. В сентябре 1947 года проектное задание было представлено на утверждение, но проектирование шло трудно: надо было разрабатывать оборудование, делать его компоновку, определять строительные конструкции в это же время, когда еще не были сформированы технологические принципы. Разработка шла ускоренными темпами, но проблем было больше, чем достижений. По словам В.С. Емельянова, в то время председателя одного из комитетов ПГУ, который отвечал за решение научно-исследовательских проблем, когда атомные исследования получили значительное развитие, в Москве было получено небольшое количество плутония. Коллектив ученых готовился к тому, чтобы начать исследовать его свойства. И.В. Курчатова сказал, что скоро сможет дать небольшое количество плутония, это будет шарик диаметром в полмиллиметра, и что надо будет поставить работу по изучению свойств плутония, и что надо привлечь кого-то, кто имеет опыт работы с малыми количествами вещества. Он посоветовал привлечь к работе академика И.И. Черняева, крупнейшего специалиста в области платиновой группы металлов, директора института общей и неорганической химии АН СССР, ныне уже покойного. После раздумий, обдумывая сложность работ, покоренный обаянием И.В. Курчатова, его уверенностью, что все получится, И.И. Черняев соглашается. Так в ИОНХ АН СССР под руководством академика И.И. Черняева приступили к разработке технологических принципов получения спектрально чистого плутония с последующей лабораторной проверкой в НИИ-9, в лаборатории В.Д. Никольского, известного ученика В.Г. Хлопина. Разработка и проверка сложнейшей технологии на неосязаемых количествах реального продукта проходила непросто – по мере накопления информации перед проектантами ставились новые задачи: менялись технологические схемы, способы получения продукта необходимой чистоты. Соответственно затягивались проектирование и строительство, становилось ясным, что цех не пустить к назначенному сроку. И тогда в марте 1948 года (когда на «Аннушке» уже приступили к кладке графита, а на радиохимическом заводе полным ходом шли монтажно-строительные работы)

было принято решение об организации опытно-промышленного производства в здании 9, используемого до этого как склад боеприпасов. При реконструкции здания обращают на себя внимание очень высокие требования к качеству отделочных работ. На т. н. «площадку» прибыл весь цвет отечественной науки, ученые мирового уровня – А.А. Бочвар, И.И. Черняев, доктора наук А.С. Займовский, А.И. Вольский, Л.И. Русинов, В.Д. Никольский, А.Д. Гельман, В.Г. Кузнецов. Никогда еще такие сложенные дорогостоящие заводы не проектировались на ничтожных количествах реального продукта, поэтому ученые несли полную ответственность за выбранные направления. Отремонтированное здание было оборудовано как обычная химлаборатория: деревянные вытяжные шкафы, простые лабораторные столы. Зато переносное «оборудование» состояло из пластиковых «стаканов», золотых воронок, платиновых фильтров. Все операции выполнялись вручную, никакой механизации.

Первый продукт – концентрат плутония, предварительно очищенный от основной массы урана и продуктов деления, поступил на переработку в здание 9 26 февраля 1949 года в 12 часов ночи. Первую партию принимали начальник цеха А.Я. Филиппев, начальник химотделения И.П. Мартынов, в присутствии Б.Г. Музрукова, Г.В. Мишенкова, академика И.И. Черняева. Задачи перед коллективом здания 9 стояли сложные: в результате исследований, проведенных в Москве на миллиграммовых количествах реального продукта, были разработаны два варианта – один из них обеспечивал довольно высокую чистоту, но давал низкий выход, другому при относительно высоком выходе не хватало чистоты. Коллективу цеха предстояло совместно с учеными провести промышленно-исследовательскую работу уже на граммовых количествах плутония и выбрать окончательный вариант. Сначала выбор пал на вариант, который давал более высокое качество конечного продукта. Позднее Е.П. Славский была организована исследовательская группа под руководством А.Д. Гельмана, в состав ее вошли П.Е. Быкова, Л.П. Сохина, Е.А. Смирнова и др., которая проверила и второй вариант, разрешила спор в пользу первого варианта и разработала рекомендации по повышению выхода плутония. Освоение процесса шло трудно. Дело осложнялось тем, что с завода часто приходил некондиционный продукт, с большим количеством примесей, что осложняло отработку аффинажного процесса. Подгоняли сжатые сроки. Были организованы смены, так как характер процессов предполагал круглосуточную работу. Как вспоминает Л.П. Сохина (в будущем начальник ЦЛЗ), можно было определенно сказать, что если реакторное производство и металлургию плутония освоили и подняли мужчины, женщин физиков и металлургов было мало, то химическую технологию выделения плутония из облученных урановых блоков и очистку плутония до спектрально чистого состояния вынесли на своих плечах в основном женщины, молодые девушки. На химиках лежала самая «грязная» и вредная работа: справедливости ради отметим, что в химотделении на первых технологических операциях аффинажа, где приходилось работать с гамма-активными растворами, трудились и мужчины: М.А. Баженов (начальник лаборатории завода 20, заместитель главного инженера по научной работе завода 20), Ю.И. Степанов, Э.Г. Астафьев и др., но неожиданностей на первоначальный период было много: то остатки пироксида разлагались с выбросом раствора из стакана, то оксалат плутония не хотел осаждаться. С наступлением тепла от ветра поднималась пыль, в плутонии появлялись приме-

си – бар, литий. Чтобы исключить их появление, до трех раз в день вокруг здания поливали водой из шлангов, даже запретили курить. К сожалению, не обошлось и без аварий: Л.П. Сохина и Л.Е. Драбкина под руководством И.И. Черняева разрабатывали технологию извлечения плутония из шлаков. Шлаки измельчали, обрабатывали водой, чистый осадок отфильтровывали, затем должны были растворять в соляной кислоте. Было замечено, что по мере высыхания при перемешивании он начинал искрить. И.И. Черняев рекомендовал влажный осадок осторожно переносить в кварцевую колбу, прокалывать в токе углекислого газа и только после этого с ним работать. Так как работа шла медленно, Я.А. Филиппов предложил технологу А.В. Елкиной, предварительно растерев комочки осадка, загружать в колбу большими порциями. И вот в момент растирания произошел взрыв. Вытяжной шкаф загорелся. Раскаленные частицы вещества разлетелись по помещению, стены, потолки были покрыты зеленым осадком, на головы присутствующих, как крупа, сыпались частички продукта. Я.А. Филиппову осадок попал в глаз, А.В. Елкина получила ожог рук. Мгновенно доложили А.А. Бочвару. Он приказал всем женщинам немедленно покинуть комнату, а сам вместе с И.П. Мартыновым стал облачаться в специальные костюмы. Надев противогазы, А.А. Бочвар и И.П. Мартынов самым тщательным образом с помощью фильтрованной бумаги убрали весь плутониевый раствор со стен, потолка, остатков вытяжного шкафа. Несколько бачков фильтрованной бумаги, содержащей плутоний, пришлось сжигать и уже из золы извлекать продукты.

Полтора месяца напряженного труда дали результат – технология аффинажа была доработана и позволила получить спектрально чистую двуокись плутония, из которой в металлургическом отделении под руководством А.А. Бочвара и А.Н. Вольского при участии В.А. Карлова, И.Я. Ермолова, В.С. Носова и др. был получен металлический плутоний.

Но рассматривая самоотверженную работу первопроходцев, надо помнить о том, что она проходила в условиях сильнейшего радиационного воздействия, учитывая и то, что в самый первый период этим вопросам не придавалось большого значения, опыта работы никто не имел, руководствовались лишь представлениями из практики лабораторных проработок. Считали, что вредные воздействия на организм оказывает в основном гамма-излучение. На альфа-активность тогда вообще не обращали внимания, считая, что от нее можно защититься листом бумаги. Также визуально определили и крупность кристаллов осадков, для этого технологи засовывали головы в вытяжной шкаф и заглядывали во внутрь стакана. Инженеры Л.Е. Быкова и Л.П. Сахина под руководством И.И. Черняева отрабатывали карбонатную технологию разделения урана и плутония. Для этого И.И. Черняев регулярно привозил растворы с завода № 25, которые не подвергались очистке на конечном переделе и имели активность много выше, чем растворы, поступающие на аффинаж. Растворы эти И.И. Черняев привозил в стеклянных колбах, помещенных в обычные хозяйственные ведра без всякой защиты. И работа с этими растворами проводилась в обычном вытяжном шкафу без защиты.

Можно с уверенностью сказать о том, что в большинстве случаев люди, сознавая реальную опасность, тем не менее шли на риск. И теперешнее поколение даже не представляет степени того риска, когда, руководствуясь интересами производства, мужественно делали свое дело, порой в самом пекле. И это отно-

сится ко всем первопроходцам. И это вовсе не означало, что они не любили жизнь, как теперешняя молодежь. Любили май молодой, растущий город. И все же при всем этом они осознавали свою особую миссию, понимали, что рискуя жизнью, они заслоняют свою страну. Многих, очень многих нет среди нас, но до последней минуты они ни о чем не жалели. Мужественно уходя из жизни, считали, что выполнили свой долг перед Родиной.

Послесловие

Мой обзор закончился. Я уверена, их написано немало, но это написано для людей, которые не были там вместе с нами и не представляют, что было в годы их собственной жизни, какие подвиги совершали их соотечественники. Я – физик, мне выпало счастье знать этих великих ученых, работать с ними, много известно о создании, пусках, удачах и неудачах при работе на ядерных установках, меньше мне было известно о производствах радиохимического типа, в этом мне помогали воспоминания моего мужа Гардина Н.И., инженера-механика 8 отделения завода «Б», и брата Меркулова Н.М., инженера этого же отделения. Их давно уже нет.

Много взято из воспоминаний моих друзей по институту и работе Р.Е. Секледовой и Н.И. Голышкиной, о них я писала в своем повествовании «Маяк» моей судьбы», а также книг и статей М.И. Громовой (Жильцовой).

Особенно ценной была для меня книга Г.А. Полухина, подготовленная им к 45-летию «Маяка». И я очень благодарна ему за это. Почти каждый из людей, показанный в его книге, мне знаком, я просто помню их, встречалась с ними, за что всегда говорю своей судьбе спасибо. Спасибо за то, что мне повезло в жизни (несмотря на огромные личные потери), что работала с ними, училась у них, была вместе с ними. Многих уже нет, остались единицы. Низко кланяемся им, помним их. И прощу я свою Родину, свою Россию:

*Помяним их, Россия, в июньский тот вечер,
Вместе с нами садись за торжественный стол.
Вспомним тех мы, кто, себя не жалея,
И берег тебя вечно, и в вечность ушел.
Помяни их, сраженных врагом невидимым,
Но сумевшим запрячь их в скальную твердь,
Запиши их в историю горьких событий,
И рубцом материнское сердце отметь.
Мы всегда были верными, полны любовью
К жизни, к людям, к Отчизне, любимым своим.
Сохрани о нас память ты, наша Россия,
Помяни добрым словом нашу честь, Россия...*

Литература:

1. Г.А. Полухин «Первые шаги». 1993
2. И.И. Головин «И.В. Курчатов». 1967
3. М.И. Громова «Истоки моей судьбы» (настоящая книга)
4. В.М. Гордина «Пока живу» Книга 3 «Воспоминания чернобыльцов»
5. В.М. Гордина «Маяк» моей судьбы» (настоящая книга)

6. Пресса «Озерский вестник». 1993

7. «Обнинск». 2006

8. «Контакт». 2006

Хроника важнейших событий

1945 год

Май И.В. Курчатов одобрил концепцию проектирования Первого реактора на природном уране для выработки оружейного плутония. В октябре Правительственной комиссией обнародован район размещения будущего ядерного промышленного комплекса, который назвали «Базой-10», впоследствии госхимзавод имени Менделеева, химкомбинат «Маяк».

1946 год

Январь. Приступили к земельным работам под здание первого атомного котла. Под руководством Н.А. Доллежала начато проектирование промышленного реактора с вертикальным расположением каналов. Закончена работа и утвержден проект уран-графитового реактора (объект «А»). Прибыли первые специалисты для наладки, пуска и эксплуатации строящейся ядерной установки.

Декабрь. Начато строительство радиохимического завода по отделению плутония от урана (объект «Б»).

1947 год

Март. Прибыла первая большая группа молодых рабочих (около 300 человек) из городов Арзамаса, Куйбышева, Сызрани, Тутаева и группа инженерно-технических работников из Москвы, Кинешмы, Куйбышева по путевкам обкомов ВКП(б) и РКСМ для эксплуатации объектов. Началось строительство здания под первый реактор.

1948 год

Февраль. Прибыла группа ученых во главе с И.В. Курчатовым для подготовки к пуску первого промышленного реактора, пуск охлаждающей воды по водопроводам, опробование механизмов и систем управления.

Июнь – при участии И.В. Курчатова осуществлена загрузка блоков в технологические каналы реактора.

7 июня – физический пуск реактора, осуществленный И.В. Курчатовым, показал его готовность к работе.

10 июня – первый мощный запуск реактора с доведением до проектной мощности в течение нескольких дней.

19 июня – в 1 час 45 минут начался разгон реактора с нуля.

22 июня – его мощность достигла проектной. Началась планомерная эксплуатация атомного котла по наработке плутония-239.

Декабрь – загрузка первой партии облученного урана с реактора на радиохимическом заводе.

1949 год

Январь. Реактор остановлен (100 дней) на перегрузку. Закончены работы по подготовке радиометаллургического производства на заводе 20.

11 марта – на заводе 20 получена первая пробная продукция.

16 апреля – первая готовая продукция: оружейный плутоний-239 выдан для изготовления специзделия.

Июль – Государственной Комиссией принято в эксплуатацию здание первого цеха.

2 августа – выпущена продукция в здании первого цеха.

1950 год

15 марта пущен в эксплуатацию второй в СССР промышленный ядерный реактор.

1951 год.

13 апреля – вступил в строй третий ядерный реактор.

17 октября – пущен в эксплуатацию четвертый ядерный реактор.

22 декабря – введен в эксплуатацию пятый реактор.

1952 год

«База 10» получила статус госхимзавода имени Менделеева.

Пуск и наладка велись под руководством академика И.В. Курчатова.

В марте создан информационно-вычислительный центр ГХЗ.

15 сентября – введена в эксплуатацию шестая ядерная установка.

В декабре для подготовки инженерно-технических кадров комбината организован филиал М МИФИ.

1953 год

В мае на базе МСО-71 организован филиал института биофизики АМН СССР.

1954 год

Начато строительство дублера завода.

17 марта – рабочему поселку присвоен статус города с названием Озерск (Челябинск-40).

1955 год

Принято решение о создании специального опытно-промышленного цеха для получения радиоизотопной продукции для народного потребления.

1956 год

Упразднение политотдела, создание городского комитета КПСС.

1957 год

29 сентября – в результате выхода из строя системы охлаждения бетонной емкости с нитратно-ацетатными высокоактивными отходами произошел тепловой взрыв отходов, приведший к выбросу их в атмосферу и рассеянию на территории 200 квадратных километров. Образовался Восточно-Уральский радиоактивный след.

□ 2.5. «МАЯК» МОЕЙ СУДЬБЫ

Гордина В.М.

(Из воспоминаний. 1948-1957)

«Прошлое – это родина души человека...»

Г. Гейне

Трудно начать повествование о тех, теперь уже таких далеких годах, ведь для этого надо «вернуться» в свою молодость, а это и прекрасно, и нелегко... Начну с того, что я – выпускница 1941 года, 21 июня у нас состоялся выпуск-

ной бал, а наутро, 22 июня, когда мы собрались у школы, нам объявили, что началась война. Ребята сразу от школы пошли в военкомат, а мы, девушки, столпились стайкой и растерянно обсуждали, что же делать нам: никаких военных специальностей мы не имели, кроме разве значков «Готов к труду и обороне», «ПВХО» и каких-то еще других.

Мне только что исполнилось семнадцать и ни о каких мобилизациях не могло быть и речи. Я подала документы в Горьковский политехнический институт. Учиться, правда, не пришлось. В середине сентября 1941 года нас отправили строить оборонительные рубежи под г. Горьким. В институт я уже не вернулась. В марте, вместо обещанной радиошколы, мы с группой девушек по повестке райкома комсомола попали в военизированную пожарную охрану г. Горького. Горький бомбили. Как град, сыпались осколки заградительного огня, а мы должны были бегать по особо важным объектам и сообщать по телефону об их готовности. Я пробыла там полтора года, а в 1943 году вышел Указ правительства о разрешении отпускать молодежь из военизированных охран для учебы в строительных учебных заведениях. Война уже катилась на запад, и мне было разрешено пойти учиться в Горьковский инженерно-строительный институт, где и проучилась три года. В 1946 году я поехала на каникулы к мужу в Вену, затем его перевели в Будапешт, и вернуться в институт мне не довелось. Муж вскоре демобилизовался, и мы вернулись в Россию осенью 1947 года, в Горьком родился наш старший сын Борис. Муж стал работать заместителем начальника цеха на заводе имени Маленкова. Однажды мы услышали по радиоприемнику: «Русские строят на юге Урала завод атомных бомб». Услышанному мы как-то не придали значения. Через несколько дней муж, придя с работы, сообщил, что его вызывают в обком партии, а спустя несколько дней объявил о его направлении на юг Урала. Вещей и своей квартиры у нас еще не было, нажить не успели, жили в большой семье моего отца, который вернулся с Курской дуги инвалидом, и, взяв два чемодана и маленького ребенка, в начале мая 1948 года мы уехали на Урал. Так начался незабвенный челябинский период жизни моей семьи.

Молодость есть молодость! Нас не устроили ни дальняя дорога, ни 2-3-ярусные кровати в огромном общежитии. С маленьким семимесячным сыном мы ехали, не боясь и не задумываясь о том, что там может быть очень нелегко. Война кончилась, исчезла боязнь за кусок хлеба, за кружку молока для малыша, мы были в своей стране. Впереди было много тяжелого, но мы знали, что хуже, чем в пережитую войну, уже не будет. А ждало нас что-то пусть трудное, но очень интересное новое. Правда, мало кто представлял себе это «новое». Мы узнали обо всем позже, когда работа захватила так, что мы с трудом ожидали конца отпуска, чтобы идти (нет, бежать!) на работу, вновь и вновь искать то «новое и неизвестное», чем мы тогда занимались. В общежитии мы прожили всего 3-4 дня, потом нам дали комнату в двухкомнатной квартире по улице Ленина. Муж, Гордин Н.И., сразу начал работать инженером-механиком на радиохимическом производстве. Спустя месяц туда же приехал работать и мой брат – Меркулов Н.М. Городок только строился, но несколько домов, коттеджей, барачков уже было. А кругом – зона, где работали заключенные. Вместе с нами в соседнем доме поселились приехавшие в то же время специалисты: Докучаев Я.П. с женой и маленькой Катей, Каратыгин А.А. с женой Галей и сынишкой Игорем. Приехали Готлибы с сыном, Пащенко с женой и дочкой и много других, с которыми мы крепко подружились. Интересно было и то, что все наши дети были

одного возраста, а мы – совсем молодые матери. Осенью приехала моя свекровь, и я тоже пошла на работу в стройконтору УКСа, поскольку у меня было 3 курса Строительного института. Коллектив был слаженный, дружный, добродушный. А рабочие – все заключенные, с зоны. Надо сказать, что к нам, женщинам, они относились очень хорошо, не позволяли себе ни шуток, ни каких-либо нападков. Особенно тепло относились ко мне, так как я ждала второго ребенка. И люди-то они были просто прекрасные: бывший управляющий строительством дорог Крыма, осужденный знаменитой «тройкой» и осуждаемый периодически на новый срок; Саша-инженер, осужденный за то, что отправил лом куда-то не по назначению и ставший за это «врагом народа», и др. После возвращения из декретного отпуска, я уже их не встречала. В 1949 году родился второй сын Саша, хотя ждали девочку. Родился слабым – в 1948 году было пущено радио-химическое производство, и он родился практически от большого уже отца. Я долго ничего не знала, радовалась маленькому, а мужу сообщили, что, вероятно, мальчик родился слепым... Помню, я никак не могла понять взволнованности мужа (хотя он это старался не показывать), шутила, смеялась, а по городу уже ползли слухи. Ничего мне не сказали и при выписке, только подержали подольше в больнице. Сказала мне об этом Г. Каратыгина, то есть спросила, как чувствует себя мой мальчик, как это можно понять сейчас, что он не видит? Она тоже ждала малыша. Моему отчаянию не было границ! Но я не верила, никогда не верила, что это так. И, пожалуй, первая поняла, что сын видит, что врачи ошиблись (ведь специалистов там в то время не было), и это стало моим самым большим счастьем! С работы я на год ушла, и вернулась уже в 1951 году. Сначала лаборантом во вновь открывшийся филиал МИФИ, куда поступила учиться сразу на 3-й курс, затем в Центральную заводскую лабораторию (ЦЗЛ), в теоретическую группу к Ю.И. Корчемкину.

Сейчас, когда прошло уже очень много времени, я вспоминаю: а что мы могли тогда сделать? Не было совсем приборов дозиметрического контроля, неизвестно, как ослаблялись смертоносные лучи через имеющуюся очень слабую защиту, в своей обуви можно было ходить и на работе, и дома. Выдавались маленькие пенальчики с пленочками, но если пленка была потемневшей, людей лишали премии, как будто бы они сами клали в «грязные» места эту злополучную пленку! Поэтому, когда люди шли в особо «злачные» места, этот медальон оставляли где-нибудь в «чистом» месте, и об этом все знали и молчали, иначе же – ни здоровья, ни денег... А как часто, например (сужу по мужу), работали по двое и больше суток там, где и нескольких минут нельзя было находиться!

Правда, несмотря ни на что, работы по изучению и исследованию радиоактивных излучений велись, работал Н.Г. Гусев (мерил все сам, лично), выпустивший потом свой знаменитый, востребованный по сей день, справочник по дозиметрии; мы пользовались его первичным материалом при расчете защиты, и огромное ему спасибо за это! Работали также медики, биофизики.

А домой было «принесено» столько, что и жить-то, вероятно, было нельзя. Когда мы уезжали в 1957 г в Красноярск-26 и попросили «посмотреть», что и как у нас с вещами, то пришлось выбросить всю детскую и взрослую обувь, новые дорожки и массу других вещей. И опять же, их совершенно спокойно взяли другие люди – все же новое! Это у нас в стране почти не изменилось, информация скрывалась вплоть до «аварии века» в Чернобыле, да и сейчас высказывается часто неполно и очень ограниченно.

Впервые я услышала фамилию Курчатова в июне 1948 года. «Эту фамилию, – сказал мне тогда мой брат, – нельзя называть вслух, это – великий ученый, но имя его пока «закрыто». Я была бесконечно удивлена и рада, когда Е.Д. Воробьев, принимая меня на работу в 5-ю физическую лабораторию, вдруг встал, когда в кабинет стремительно вошел высокий человек, с черными, пронзительными, как мне показалось тогда, глазами, с черной бородой, и сказал: «Вот Игорь Васильевич, хочу принять лаборанта к Ю.И. Корчемкину». Игорь Васильевич светло улыбнулся, глаза ласково засветились, протянул руку, взял мою в теплую свою ладонь и задержал. Решение было принято в минуту, и через неделю я была переведена из филиала МИФИ в расчетно-теоретическую группу к Ю.И. Корчемкину.

Об Игоре Васильевиче я уже слышала очень много. И муж, и брат просто болтали про него. Муж рассказывал, как после пуска радиохимического производства было много недоделок, лился высокоактивный продукт, «не стояли» вентили, да что говорить – все впервые, новое, сложное. Игорь Васильевич всегда старался все посмотреть и знать, волновался. И в самые плохие точки тоже шел сам. «Игорь Васильевич, нельзя Вам туда», – предупреждал его муж – он был механиком самого, пожалуй, «грязного» отделения. «Пошли, Гордин, – говорил Игорь Васильевич, – ну кого мы с тобой пошлем?!» И шли вдвоем, с трудом пролезая через коммуникации и сквозь решетки из них. И вот я неожиданно стала работать в его лаборатории. Даже свой кабинет в ЦЗЛ, а потом в управлении он отдал нам. К тому времени Курчатова И.В. уже стал бывать в Челябинске наездами, но каждый раз, неизменно, сразу приходил к нам. А мы ждали его приезда, как самого большого праздника. Он всегда приносил с собой свежую струю – с ним обсуждались все вопросы, а их было великое множество – все впервой, неизвестное: пробовали, проверяли, ошибались, иногда возвращались к какому-то варианту и снова искали истину. Ю.И. Корчемкин был очень хорошим теоретиком, правда, довольно часто его «заносило» так, что трудно было потом выйти из его «умственных дебрей», да и много было тех «мыслителей», которые, не стесняясь, пользовались его умом. С женщинами он работать не любил, а не любил потому, что был, как говорится, «заядлым» холостяком, а почти каждая женщина, приходившая к нему работать, старалась его «пристроить». И работа ее с ним, обычно, заканчивалась, он старался избавиться от такой «свахи», и это ему удавалось. Я же сразу полюбила работу с ним, очень дорожила ею. Да и не до этого было: я и работала, и училась в институте. Утром, затолкав подростков уже сыновей в детский садик, мчалась на работу, вечером так же, затащив их домой, бежала в институт, приходила поздно. Надо было сделать много дел: подготовить детей в садик, приготовить элементарную еду. Юрий Ильич полюбил приходить к нам домой, особенно в выходные дни, играл, вернее, пытался играть с мальчишками в какие-то игры, часто оставался обедать или ужинать.

На работе, слушая, как женщины рассказывают о своих детях, обычно долго молчал, а потом говорил: «А у Веры Михайловны не так!» И начинал рассказывать. А когда к нам приезжал Игорь Васильевич, обязательно рассказывал обо всех проказах моих мальчишек и ему. Игорь Васильевич искренне хохотал, и, входя к нам, неизменно спрашивал: «Ну, и как Боря и Саша, ничего еще не изобрели?» «Изобрели, – говорю, – Игорь Васильевич, два гвоздя одновременно в розетку сунули, лбами стукнулись, и швейную машинку так разобрали, что мастер смотрел-смотрел и сказал: «Выбрасывайте, сделать ничего нельзя».

Мне очень хорошо было работать с Ю.И. Корчемкиным. Я многого не понимала, не хватало знаний по математике, физике, теоретическим основам математики, математической физике, специальным предметам, но много занималась, старалась взять от учителя как можно больше. Да, он был странным, своеобразным. Он мог, например, позвонить ночью и сказать: «А знаете, Вера Михайловна, мы такие-то уравнения сегодня решили неверно. Я иду к Вам». Я не удивлялась: одевала теплый халат, а на ноги валенки, были у меня когда-то такие, и мы в кухне (в 2-х комнатах, которые были у нас, спали дети, бабушка, муж) решали эти уравнения до утра.

Кто только не пользовался его умом! Надо отдать ему должное – он был настоящим кладом для комбината. А награды высокие за его труд получили другие. К нам часто в это время заходил Б.Г. Дубовский, известный физик, один из тех, кто пускал первый атомный реактор в ИАЭ имени И.В. Курчатова. В общем-то, он уже собирался уезжать из Челябинска насовсем, это было связано с его семейным положением (что «блукось» в городе строжайше). Мы хорошо относились друг к другу, тем более что он тяжело переживал тогда свой отъезд и разрыв с женщиной, с которой его просто «заставили» расстаться. Увидела его вновь через много лет, на 25-летию атомной энергетики, хотя изредка звонила ему по каким-либо непонятным мне научным вопросам. Доклад-воспоминание тогда делал А.П. Александров. Перечисляя первопроходцев, он, посмотрев в зал, воскликнул: «Борис, встань, покажись!» Маленький старичонка, которого я видела в вестибюле, встал. В перерыв я подошла к нему: «Борис Григорьевич, вы меня помните?» – и назвала себя. Встреча была очень теплой, но, конечно, узнать друг друга нам было трудно. Со времени последней встречи тогда уже прошло более 30 лет.

Юрий Ильич не ограничивал меня расчетами по одному какому-то направлению, выполняли мы работы и по расчетам новых установок, и накоплению трансурановых элементов, и по защите. Кстати, одна единственная работа, где я числюсь как исполнитель, была совместно с Игорем Васильевичем – это по накоплению трансурановых элементов. Как научный руководитель, он был в каждой нашей работе. Так, по предложению Е.Д. Воробьева, мы стали заниматься еще и расчетами маленьких систем, положенных потом в основу реактора на промежуточных нейтронах СМ-2. Эта установка полностью была сконструирована сотрудниками других институтов, в основном в ИАЭ имени И.В. Курчатова, в то время в «ЛИПАНе». А мы с Е.Д. Воробьевым и Ю.И. Корчемкиным рассчитывали эти системы и проверяли потом на установке Ф-5, которая была смонтирована под реактором АВ-2. У нас, физиков, сложился очень хороший коллектив. Проблемами графита занимался В.И. Клименков, ТВЭЛами – А. Ланин и т.д. Начальником же Ф-5 был В. Музруков. В группу к нему входили В. Грязев, В. Климентов, Б. Прядехин и несколько человек дипломников-«мифистов». в том числе Л. Комиссаров. Есть книги, созданные физиками-обнинцами: «Физики шутят» и «Физики продолжают шутить». Но их коллективу до нашей группы было далеко. То было собранное от «великих», а здесь царил молодость, умная, искрометная, талантливая, и их анекдоты и шутки нельзя было даже сравнить с шутками прославленных физиков. Я помню волнение при пуске установки и интереснейшие пусковые эксперименты. Все опыты, как правило, почему-то начинались вечером и шли далеко за полночь. Начальство днем отдыхало, а мы должны были быть на работе, таков был порядок.

Ребята молодые, когда приходили в столовую, то неизменно обедали «по ступени трех вторых», т.е. три вторых блюда уничтожались запросто. А Б. Прядехин напевал еще мне при этом: «Если б был я Быковский Иван, то бы взял тебя в жены» (Иван был другом В. Музрукова по институту). Выдумкам и шуткам не было границ. Раздевались мы все в одной большой комнате. Прихожу однажды с установки (а время уже было ехать домой), смотрю – я сижу посредине комнаты на стуле! Я не я – но пальто, шапка, шарф – все мое. Из-под пальто видны мои сапоги, словом, сидит женщина, на меня, как две капли воды, похожая. Один раз обхожу, другой... Оказывается, все, что было из белья, все засунуто в мое пальто, получилась очень симпатичная женщина! Ну, думаю, это проделки Б. Прядехина, подожди теперь у меня!.. Подговорила кого-то (сейчас не помню) подвесить прядехинские сапоги к потолку. Подвесили, сидим. Приходит Борис, нет сапог, и домой ехать не в чем. Ходил-ходил, пропали сапоги. А наверх посмотреть не догадался. Достали ему ребята на складе какую-то обувь, поехал он в ней домой. А утром открыл дверь и невольно посмотрел на потолок – висят голубчики! Ребята прямо-таки катались от хохота. А Борис со мной больше не шутил. Ночами, садясь в автобус, мы, как дети, лезли все на заднее сиденье – «на подогрев»...

Прошло так много времени, столько разного пришлось повидать, но те годы навечно остались в памяти. Казалось бы, все с нуля, с самого начала, но не забыть, как ни странно, сложившегося там порядка, которого впоследствии я не встречала на других предприятиях. И уважение – к этой работе, к людям. Вспоминается, с какой теплотой относились все к смене. Если при входе на объект объявлялось: «Идет смена!» – люди отходили в сторону, пропуская ее, так велико было уважение к сменам. Или постановка диспетчерской службы – упаси Бог пожаловаться главному диспетчеру комбината Ларионову, что не пришел или опоздал автобус, особенно вечерами или ночами, ведь приходилось работать при выполнении длительных исследований.

Я не политик, история рассудила и еще не раз рассудит и поставит все на свои места. Не хотелось бы, например, говорить о Л.П. Берии, но его заслуги в создании атомной промышленности огромны, хотя, может быть, и были оплачены большой ценой, а уж в создании прекрасного города его заслуг не оценить и забыть нельзя. Его всегда ждали, решали с ним все вопросы, его именем называли главный проспект города. Он не терпел беспорядка, лжи, был человеком «слова», и люди ценили это. Там, в нашем закрытом городе, любой мог подойти к нему и попросить помочь в чем-то, в просьбах он не отказывал. И были порядок и чистота на улицах, была дисциплина во всем. Помню, как мы были поражены тем, что нам пришлось услышать и узнать потом об этом человеке...

Но это отступление, продолжаю дальше.

Были, конечно, у нас и неприятные случаи. Как-то лаборант нечаянно уронил отвертку внутрь реактора. Недолго думая, он решил вытянуть из установки мешающий ему центральный регулирующий стержень. Что тут было! На всем объекте, а ведь установка была в самом низу, под большим реактором, завывли все дозприборы, дошло до паники, ведь не сразу сообразили, что это от Ф-5. Слава Богу, лаборант сообразил это первым, да и из ребят кто-то рядом был в это время. Но потом нам попало, как говорится, по «первое число». В местном театре имени Ленинского Комсомола была вывешена газета, где был гимн со слова-

ми «Гей, гей, я лечу на луну» и карикатура, на которой был изображен наш коллектив. Была там, кажется, и женщина чуть ли не на помеле, но я упорно отрицала, что это была моя персона.

Иногда после, а это бывало и за полночь, мы все заезжали к нам домой. Муж никогда не пил, но любил, когда в доме было хорошее вино, коньяк, чтобы угостить друзей рюмкой хорошего вина. Несмотря на «сухой закон», в ящике в коридоре всегда был запас, которым часто с устатку и пользовались ребята.

Наш дом был приветливым, муж любил молодежь, особенно девушек, называя их ласково разными, придуманными им, именами. Еще чаще стали собираться, когда приехал мой брат Николай Меркулов. Красивый, молодой, скромный, работающий, он нравился многим девушкам, но как-то так получилось, не связал ни с одной из них свою жизнь, а выбрал совсем незнакомую девушку, чем обидел своих подружек. Жизнь у него потом не сложилась. Он умер в 6-й клинике в марте 1977 года. Женщин-физиков как-то было мало, и моими друзьями стали подруги, сотрудницы и товарищи брата. Я помню их довольно-таки хорошо: З. Комиссарова, Л. и В. Сладковы, Н. Ломаев, Ф. Кнутов, А. Чернышев, Н. Малетина, Н. Зеренкова, Л. Ненартович и многие другие, фамилии которых не могу сейчас вспомнить, а помню лишь имена. А тогда встречались часто, пеклись пироги, что-то жарилось, дарились самовары – потому что в самовар можно было налить под видом чая что-нибудь покрепче и «пить чай», не боясь зоркого глаза блюстителей порядка. А какое веселье было! Тогда люди встречались и пели песни, не то, что сейчас, каждый сидит в своей норе и, кроме телевизора, ничего уже не видит.

К сожалению, нет в живых В. Музрукова, В. Климентова, В. Грязева, Л. Комиссарова, Б. Прядехина, не верится, что так коротка была их жизнь. Нет Б. Долишнюка, который в свое время «бегал с топором на атом». Он часто бывал с нами и являлся неиссякаемым источником анекдотов. «С топором на атом» – не просто слова. Однажды на одном из реакторов «завис» канал, т.е. его нельзя было разгрузить, как положено вниз. Его пытались поднять «наверх», в центральный зал, и разгрузить там. Но канал не шел ни туда, ни сюда, «завис». Тогда и придумали «план» освобождения канала. Каждый сотрудник брал кувалду, бежал к каналу, бил по нему и сразу же бежал назад, освобождая место следующему. У всех у них, кто бежал «с топором на атом», с одной стороны головы выпали волосы. Правда, потом они выросли.

Как-то по заданию директора «Маяка» М.А. Демьяновича мы с Юрием Ильичем исследовали теоретически состояние банок с радиоактивными отходами на радиохимическом производстве. Результаты были плачевными, банки были на пределе, на взрыв. «Вы, физики, всегда боитесь, это неправда, они не могут взорваться, я вам не верю!» – бушевал М.А. Демьянович. Банки взорвались, причинив такую беду, которую и по сей день разгрести невозможно. Не знаю, сохранился ли тот расчет, спрогнозировавший ту катастрофу? Или затеряли его, чтобы отвести от кого-нибудь подозрение об утере бдительности? Этого я не знаю, и никто никогда не вспоминал об этом расчете. М.А. Демьянович за аварию был снят с работы и «сослан» на исправление в Томск-7. Человек он был волевой, умный, хороший специалист и организатор. В Томске-7 он возглавил радиохимическое производство, а затем по его просьбе был переведен в Мелекесс, НИИАР имени Ленина, где продолжительное время руководил материаловедческим отделом института,

очень сложным, с большим количеством «горячих» камер и огромной тематикой. Умер он в 2002 году и похоронен в г. Лыткарино Московской области, где он проживал после ухода на пенсию.

Но вернусь снова к своей лаборатории. И.В. Курчатov всегда приезжал не один, с ним были А.Л. Бочвар, Д. Блохицев, А. Алиханов, С.М. Фейнберг, А.П. Александров и много-много других, проводились совещания и семинары. А нам очень хотелось быть на семинарах. К тому времени нас с Ю.И. Корчемкиным влили в группу Г.Б. Померанцева, присоединив туда А. Круглова, А. Корсукову и Р. Секлецову. Глеб Борисович завел свои порядки, заняв кабинет Игоря Васильевича с Кругловым и Корчемкиным, а мы стали работать в «предбаннике». Я и Римма учились в МИФИ и уже готовились к дипломному проектированию. Г.Б. Померанцев никогда не разрешал нам быть на семинарах, считая, видимо, нас совсем не доросшими до этих больших дел. Увидев как-то наши грустные физиономии, Игорь Васильевич спросил, в чем дело, и, узнав, скомандовал: «Пошли». Он всегда ходил быстрым шагом, а мы бегом, иначе не успеть, неслись за ним... А вскоре Игорем Васильевичем был организован постоянный семинар для руководства, где читали лекции все известные ученые, что приезжали к нам. К счастью, были включены и мы – я и Р. Секлецова, хотя были всего лишь «младшими рядовыми». В его состав входили начальники больших объектов и известные специалисты-физики, в том числе А.Н. Архипов, Н.А. Николаев, Б.В. Брохович, Ф.Я. Овчинников, Г.Б. Померанцев, Ю.И. Корчемкин и др.

Я продолжала работать с Ю.И. Корчемкиным. В нашу задачу входили расчеты по выравниванию мощности реакторов, исследованию реактивности и факторов, влияющих на нейтронный баланс реакторов, методам управления реактивностью, влиянию на реактивность различных эффектов и т.д.

А. Круглов с Р. Секлецовой занимались расчетами по накоплению трансурановых элементов в различных типах реакторов, расчетами активности блоков, выгружаемых из аппаратов, в зависимости от концентрации и времени выдержки.

Ася Корсукова работала, в основном, с Глебом Борисовичем. А Г.Б. Померанцев, кроме общего руководства группой, много занимался вопросами экономики. Странные отношения сложились у нас с ним, да и не только у меня, но и у всех девушек нашей группы. Я ни в коей мере не виню его в этом, он был умный, знающий себе цену человек, очень работающий, до самозабвения. Но его личная судьба не была завидной. Инвалид с детства, он был женат на женщине старше его более чем на 20 лет. Жена его, которую он звал Киса, никогда не работала, по примеру многих жен руководства. Как ни странно, эти жены презирали нас, работающих, унижали наших мужей, что якобы они своей работой не могут обеспечить нас и вынуждают быть «рабочим быдлом». А мы искренно жалели Глеба. С одной рукой он вынужден был готовить себе еду, прилично одеваться, в то время не было прачечных, домработниц. А Киса по полгода пропадала в институтах красоты и по курортам. И еще любила распространять невероятные сплетни о нас, работающих в столь важном аппарате. Да, мы были молодые, красивые, неглупые и, может быть, увлекались друг другом. Но никто из нас не разбил ни одной семьи, не сделал больно детям. Мы дружили, и дружба эта сохранилась до сих пор. Если можно так назвать, то мы – родственники, друзья, ставшие родными. Какое-то горе в семье одного было горем для всех нас, мы так же переживаем до сих пор

неудачи своих и не своих детей. Этого Кисе понять было не дано. И уж совсем некрасивая история с Кисой окончательно свела на нет даже элементарное уважение к ней. У нее был сын почти одного возраста с Глебом. Глеб очень любил детей, и так как жена была уже в возрасте, он уговорил ее взять из детдома девочку. Нина была прелестная, рыженькая девочка. Глеб ее очень полюбил. Но Киса, видимо, «просчитав», что если вдруг Глеб умрет, то Нине достанется все его наследство, а ее сыну ничего, ведь он не был усыновлен, увезла девочку в Ленинград. Что уж она там придумала – не знаю, но девочку признали душевнобольной и поместили в спецучреждение. Весь наш городок гудел, все знали, девочка была здоровой, жизнерадостной, жизнелюбивой. Жители обратились к директору Комбината Н.А. Семенову, тот вызвал Глеба и приказал вернуть ребенка в город, что было и сделано. Но жить с Кисой Глеб уже, естественно, не мог. Она подавала петиции во все организации – партком, горком и т.д., которые в то время имели огромную силу «заставить» жить. Его сняли с работы, тогда Глеб и уехал с дочкой в г. Шевченко, пожертвовав карьерой, любимой работой, обещав, что будет без всякого суда выплачивать своей бывшей супруге «алименты», по тому времени очень немалые, что и делал до конца своей жизни. Мы были за него искренне рады, тем более что позднее судьба подарила ему в награду отличную женщину (познакомился в Шевченко) и, главное, детей, о которых он всегда мечтал и которыми впоследствии необычайно гордился.

Но вернусь к более раннему времени. Уже в 1951 году муж был «выведен» с объекта по состоянию здоровья. В таком положении он не был один, работы для всех не хватало, и его отправили сначала на водный объект, затем на монтаж колбасного цеха, а после его пуска – в отдел оборудования. Не стало уже его пышной шевелюры, изменилась походка, стали болеть ноги, он с трудом ходил. Поняв, что это значит, он сказал: «Вся надежда на тебя, Вера, тебе придется работать одной, учись». И я работала и училась. У меня, к счастью, характер был не из робких. Работая с такими людьми, как Игорь Васильевич, Г.В. Мищенко, Н.А. Семенов, Е.Д. Воробьев, встречаясь с Ф.Я. Овчинниковым, Н.А. Архиповым, Е.Е. Логиновским, В.И. Рябовым, я не боялась никого и ничего, и умела работать. К тому же я не стеснялась спрашивать о том, чего не знала.

Болея постоянно младший сын. По очереди брали отпуска и возили его на юг. Помню, однажды мальчику стало совсем плохо, и на другой день его нужно было отправлять в больницу... А надо сказать, в нашей институтской группе я была все годы бессменным старостой. Институт уже к этому времени был закончен, оставалась только защита Нины Гольшиной, задержанной из-за рождения ребенка. Наконец защита состоялась, и мы должны были в последний раз собраться все вместе. Я же не могла пойти, сын с трудом дышал перекохшим ротиком... И вдруг он попросил: «Мама, пожалуйста, искупей меня!» Купать его было нельзя – воспаление легких, да еще и с затемнением, и температура под 40 градусов! Но он так просил, что я рискнула. Помыла, завернула в простыню, положила, и он... уснул. Муж сказал: «Иди, сходи на часок, ребята-то ждут». Я пошла. Через час, когда я пришла домой и измерила сыну температуру, она была 37,3! С этого дня он пошел на поправку. А не это ли самое большое счастье для матери! Забегая вперед, я с огромной грустью и, может быть, с отчаянием скажу, что дочка Н.И. Гольшиной Людмила умерла от рака в 2002 году, она была моложе моего младшего сына всего года на три, но они имели одну и ту же судьбу.

Вернусь опять к своему повествованию. Пришел день, когда к нам приехал Игорь Васильевич, и Е.Д. Воробьев, замдиректора по науке, сказал об этом Игорю Васильевичу. Тот же ничего не ответил, ничего менять не стал, только сказал мне, чтобы я присутствовала на всех совещаниях, на которых в то самое время обсуждались все эти нерешенные вопросы. А съехались все – физики, металловеды, водники, люди с мировыми в то время именами. И вместе с Н.А. Семеновым, в то время заместителем главного инженера комбината, я тихо сидела где-нибудь в уголке и слушала – как приказал мне слушать Игорь Васильевич. В то же время была защита и Ю.И. Корчемкина, где председателем ученого совета был Игорь Васильевич. Опять мы бежали за ним стайкой на защиту, волновались за Юрия Ильича. Но все прошло хорошо, да и не могло быть иначе.

Как потом оказалось, это была моя последняя встреча с Игорем Васильевичем – вот так запросто. Позже я видела его только на экране телевизора, когда он выступал на съезде или в каких-либо передачах о науке. А на одном из снимков, о которых пишут «публикуется впервые», я узнала сосны, которые росли у дома Курчатова в Челябинске-40.

Эти обсуждения, доходившие иногда до ссор и крика, очень помогли мне понять не только мою задачу, но и ее решение, пусть в первом приближении, ибо решены эти проблемы были много позднее. На этих совещаниях я узнала, какой характер и напористость были у А.И. Чурина, в то время он был директором комбината. Первое знакомство с ним было совсем смешным. На каком-то из объектов я бежала в центральный зал, мне обещали дать какие-то очередные данные по остановке реактора на ППР. Недолго думая, я села на перила лестницы и полетела вниз, как это делают мальчишки. А он в это время поднимался вверх из центрального зала. И я угодила головой ему в живот! Конечно, ничем другим, как позором для меня это не назовешь. Но он, никогда не забывая нашего «знакомства», при встречах со мной всегда по-доброму смеялся. А мне почему-то запомнилось, какой у него был живот мягкий.

Приезжал к нам и Е.П. Славский. На двери комнатки-приемной, где мы сидели втроем – Римма, Ася и я – висела табличка «Вход воспрещен». Запрет все соблюдали, войти к нам никто не смел. Но как-то раз вдруг прямо-таки влезает огромный человек. Римма встала «стеной»: «Сюда нельзя, кто вы такой?» «Славский пока», – ответил он сурово, протискиваясь дальше, к кабинету Игоря Васильевича. Потом он часто заходил к нам.

Не без огромной помощи Ю.И. Корчемкина работа была сделана. Я понимала, что она не была блестящей, как того ждал Г.Б. Померанцев. Но она точно была на голову выше дипломной. Помню, как непонятно, почти по-детски вел себя Померанцев. Не знаю, как сейчас, но тогда было принято дипломную работу писать от руки. Как только я приносила работу Померанцеву, как руководителю, для окончательного просмотра, начинались всякие придирки, он всегда находил какой-нибудь изъян, причем незначительный, запятую, например, или не понравившуюся ему букву, и тут же подчеркивал ее жирным красным карандашом. Переписывала работу по меньшей мере раз пять, а ведь я была грамотным человеком, и он это знал прекрасно.

Диплом так измотал меня, что мне уже было все равно, что будет дальше. Нервы были на пределе. И во время защиты случилось непредвиденное. Я забыла, начисто забыла и не могла вспомнить известную формулу, перевернувшую весь мир, – формулу распада урана. Я глядела на свои графики, как будто

видела их впервые. Все-таки Г.Б. Померанцев «добил» меня, я, видимо, оказалась слабее...

Диплом я защитила, но осадок остался на всю жизнь – тяжким воспоминанием. На другой день после защиты мне позвонил Е.Д. Воробьев и попросил зайти. Увидев мое состояние, он начал успокаивать, а я хотела только одного – уничтожить работу, чтобы ею не воспользовались. Евгений Дмитриевич тогда сказал так: диплом защищен, работа хорошая, а то, что была плохая защита, это не должно меня волновать, они с Ю.И. Корчемкиным постараются сделать все возможное. И Ю.И. Корчемкин рассказал все Курчатову И.В. Игорь Васильевич распорядился быстро: тему Г.Б. Померанцеву заменить, мне же было приказано доработать свою работу до кандидатской, что я и сделала впоследствии. Г.Б. Померанцев защитился несколько лет спустя по совсем другой теме. Не сложились у меня отношения и с А.К. Кругловым. Надменный, самовлюбленный, он упивался своим положением старшего научного сотрудника, иногда покрикивая и обижая Ю.И. Корчемкина, а ведь – надо сказать правду – особо квалифицированным и знающим его назвать было нельзя. Он сиял как бы отраженным светом Корчемкина и Померанцева. Я все-таки думаю, что не обладая умом Корчемкина, Воробьева, Померанцева, наблюдая за нашей работоспособностью и желанием знать и сделать как можно больше, он просто ревновал ко всему этому. Он забыл, что мы были женщинами и еще не освободились, несмотря на наше «новое» положение в обществе, от старой привычки «быть в тени мужчины», и не претендовали на первенство. Да, женщине было трудно, очень трудно выбиться и подняться хотя бы на маленькую ступень. Но тогда мы особо и не боролись против «умственного превосходства» мужчин. Мы просто работали, работали, как говорится, взахлеб, и жили тем, что имели, не претендуя на высокие должности и ступени.

Г.Б. Померанцев безусловно ошибался в этом человеке, и вскоре убедился в этом. Когда стали переформировывать 5-ю физическую лабораторию, руководство ею было предложено Г.Б. Померанцеву, но он отказался. Причин я не знаю, видимо, у него были другие планы. Он порекомендовал на эту должность А.К. Круглова. А.К. Круглов после того, как утвердился в этой должности, почувствовал себя великим человеком и когда ему доложили, что Глеб Борисович остался без рабочего места, он заявил: «Я не знаю кто такой Померанцев!» А я так и не смогла за всю свою жизнь забыть и простить Круглову смерть четверых моих товарищей, ведь именно он был прямым виновником их смерти, как и длительной смертельной болезни Аси Корсуковой. Жаль, что ничто и никто не помешал ему защитить кандидатскую диссертацию на гибели тех, кого он силой послал на этот неподготовленный эксперимент. Михайленко, Лоскутов, Бородин и Корсукова на его совести. А самым удивительным было то, что он впоследствии долгое время работал начальником Главного научно-технического управления министерства. Кто мог поднять его туда? И что можно сказать доброго о его работе? Ему ли было занимать эту должность? В министерстве все-таки это поняли, хотя и поздно, но поняли.

Мне хочется рассказать немного об Асе Корсуковой, об ее трагической судьбе. Молодая, симпатичная, с покладистым безотказным характером, она работала, как автомат, быстро и четко. Жили они с мужем на Татыше, были счастливы, не считая одного горя – у них не было детей. Решили взять малыша из

детдома. Поехали и привезли 2-х недельного Витю, как две капли воды похожего на приемных родителей. Естественно, родственникам о том, что малыш приемный, они не сказали. Сообщили лишь, что родился сын. В отпуск к ним они не ездили больше года. Радости не было границ! Но ребенок оказался больным, видимо, биологическая его мать не хотела, чтобы он жил и не кормила его. И в результате он теперь погибал. День и ночь Ася ходила, держа его на руках, помочь ему врачи отказались. Мы посоветовали Асе лететь к матерям в Волгоград. По своему опыту мы знали, что родные бабушки сделают все, чтобы поднять внука, такая у нас у всех была великая вера в наших матерей. Ася срочно вылетела самолетом в Волгоград, и, какое счастье, Витя выжил. Бабушки обсудили внука: «Надо же, похож на Асю, а глаза Лешкины». Его фотографию я храню и сейчас.

Об аварии с ребятами в Красноярск-26, куда мы уехали в сентябре 1957 года, сообщили буквально на другой день. В.И. Рябов, замдиректора по научной работе, с горечью передал мне эту весть, и когда я заплакала, он мог только сказать: «Скажи спасибо судьбе, что отвела тебя, уж ты бы точно была с ними». Как я узнала потом, после моего отъезда в Красноярск, нашу группу расформировали. Римма ушла, кажется, в группу В. Перегудова, а Асю передали в экспериментальную группу А. Бородина. Я очень долго не видела Асю, Римма писала мне, что произошло, как не хотели ребята делать этот эксперимент (они работали с критмассой) и говорили Круглову, что опыт не подготовлен. И как произошел взрыв, где и как они стояли, как Саша скомандовал: «Скорей в санпропускник», и как облучились от них ребята – солдаты, вытаскивающие их из санпропускника. Саша сразу определил: «Ребята, это все!» А Ася стояла одетая, левой стороной к установке, немного за колонной... Однажды мне позвонила Римма, мы обе жили в Москве, и сказала, что звонили из 6-й клиники, заказали пропуска, – привезли Асю. Мы поехали. Прошли в палату, встреча была такой, что я не могу без слез рассказать о ней. Ася лежала на правом боку, без одежды под простынею. Увидев нас, заплакала и сказала: «Девчонки, какие вы красивые, а я...», и откинула простынь. Вся левая сторона была коричневой, какой-то плотной, как будто кожа приросла к костям, во многих струпьях, левая сторона головы без волос. Левый глаз у нее не видел, правый видел тоже плохо, чтобы нас увидеть врачи что-то ввели ей. Тогда-то она подробно рассказала, как металась она, спрашивая о ребятах, почему они не навещают ее, а их уже не было в живых, ей это сказали много времени спустя. И рассказали, как мучительно они умирали, один за другим: как стояли, кто за кем, так и умерли. А Ася жила еще несколько лет. Но мы ее больше не видели. Муж Алексей демобилизовался, увез ее в Волгоград, где она и умерла. Ее трагедия не кончилась этой бедою, судьба приготовила ей еще одну, которую пережить она уже не смогла. Витя вырос, поступил в медицинский техникум, чтобы «лечить маму». И однажды не вернулся из техникума. Искали долго, но не нашли. Это было зимой, а весной, месяца через три, его труп был обнаружен в овраге, мимо которого он ходил на занятия...

Это был далеко не первый случай тяжелых последствий аварий на комбинате. Несколькоими годами раньше на радиохимическом производстве при работе с продуктом остался без обеих ног А. Каратыгин и пострадали девушки-

лаборантки. Без обеих кистей рук остался Б. Попов, собирая рассыпавшиеся радиоактивные блочки на одном из реакторов, он был братом нашего сокурсника В. Попова. Очень тяжело болел и умер А. Кузмин, сотрудник моего мужа, много потерь было в химцехе. Быстро пополнялось кладбище – «кладбище молодых». Сколько потерь было потом, может сказать сам комбинат, а сколько было их в течение многих лет, вряд ли мы когда-либо узнаем.

С Р.Е. Секлецовой мы встречаемся довольно часто. Она на пенсии, счастливая бабушка и прабабушка. Мы также крепко дружим и также дружили мои и ее дети.

Мне хочется еще сказать о нашем очень близком человеке Н.И. Гольшиной. В группе в институте нас было 4 женщины: я, Римма, Нина и Маша Красикова. Машу мы потеряли сразу же, когда она уехала в Москву, куда перевели ее мужа Ю. Фролова (как говорила всегда Маша: «Я Красикова, но я жена Фролова»). При прощании она обещала: «Когда Юра будет министром, я вас не забуду». Юра не стал министром, мало того, за какие-то аморальные поступки его сняли с работы и убрали из министерства. И с Машей они расстались. Судьба их мне неизвестна. Один раз я приехала на защиту нашего сотрудника в одно закрытое Московское НИИ. И вдруг в коридоре кто-то налетел на меня с радостью и со слезами. Оказывается Маша работала в этом НИИ, о чем она тщательно скрывала. Первое, что она сказала мне в упрек, что мы ее бросили. Мы ее не бросали, не хочется ворошить все это личное прошлое, но виноваты в том были они – сама Маша и ее мама, приложившая руки к нашему отчуждению.

А Нина – это другое, прекрасной души человек, без посторонней помощи вырастившая троих детей (муж умер в 1957 году). Трудолюбивая, безотказная, работающая дни и ночи, мотающаяся по самым вредным местам, она внедряла методы и средства, т.н. «индивидуального» контроля. Когда мы приехали с Риммой на 45-летие комбината, Нина и слушать не хотела, чтобы мы жили в гостинице. И мы были втроем, как и прежде. Она очень болела, а после нашего отъезда ей сделали еще и операцию. Вспомнил ли кто о ней в дни 45-летия? Нет! Ей даже не прислали приглашительного билета на встречу ветеранов в ЦЗЛ. А разве мало таких забытых? И кому об этом скажешь? А ведь «Маяк» нельзя и сравнить с Чернобылем, стоит только посмотреть на необъятное кладбище – «кладбище молодых».

Но с защитой дипломного проекта не закончилась моя история с материалами. Исследование каждого эффекта было оформлено маленькими отчетами. Вместе с В.И. Рябовым и Н. Пахомовым уже в Красноярске-26 (в Красноярске-26 мы работали с 1957 по 1962 год, о чем я писала в 3-й книге «Воспоминаний о Чернобыле») была выполнена большая работа по применению обогащенного урана. Сдала кандидатский минимум и стала готовить диссертацию «Исследование реактивности уран-графитовых реакторов и пути повышения их мощности». В нее вошли и ранние работы по исследованию реактивности уран-графитовых реакторов, выравниванию мощности аппаратов, влиянию на реактивность различных эффектов, выполненные с Ю.И. Корчемкиным, и работы Мелекесского периода. И опять возникла проблема: пересылать материалы, выполненные на комбинате, министерство отказалось, так как по существовавшему режиму это было не положено. К моему большому счастью, в Адлере, в санатории «Южное Взморье», куда я приехала на недельку навестить мужа и чуть-чуть отдохнуть самой, мы встретились с Г.В. Мишенковым. Случайно

зашел разговор и о моих заботах. Григорий Васильевич прекрасно помнил мою историю с дипломом. И предложил вариант: переслать все материалы в ИАЭ имени Курчатова, где я могла бы написать работу, что и сделал, вернувшись на комбинат. Писала я, конечно, урывками, всеми правдами-неправдами выпрашивая командировки и используя свои отпуска. Когда работа «вчерне» была написана, ее переслали в Мелекес, и уже там я ее доделала в более спокойной обстановке. Защита была назначена Министерством среднего машиностроения в ученом совете Томского политехнического института. Оппоненты – А.П. Рудик, доктор, профессор из ИТЭФ, и один из работников Томского Комбината (Томск-7), оппонировавшее предприятие – НИКИЭТ. Запасным оппонентом был доктор технических наук Н.Н. Николаев. Было получено 7-8 отзывов, очень хороший отзыв прислал академик Кикоин из ИАЭ имени И.В. Курчатова, С.Т. Конобеевский – НИХТИ, НИКИЭТ, Ф.Е. Логиновский, Е.П. Кунегин и др. И отрицательный отзыв, как и следовало ожидать, – из Челябинска-65, подписанный Г.Б. Померанцевым и А.К. Кругловым. Они писали, что работ по исследованию эффектов они «не видели», а символы «пси» и «кси» автор пишет почти одинаково. В связи с этим, считают, что работа не соответствует и т.д. В первый момент я растерялась, а потом сообщила об этом Н.А. Семенову, который в то время уже был директором комбината, и попросила совета – защищаться ли мне? Николай Анатольевич нашел меня в Томске-7, куда я приехала на защиту, и сказал: «Защищаться! Я сам поеду в ВАК, они воспользовались моим отсутствием!» Вероятнее всего, Н.А. Семенов вызвал к себе Г.Б. Померанцева и А.К. Круглова, этого я не знаю. В довершение ко всему, в один прекрасный день (еще до защиты диссертации) меня вызвали в Москву, в УКГБ министерства. В 1965 году этот факт был еще очень важным и, кроме неприятностей, ничего не сулил. Конечно, настроение упало сразу. Провожала меня вся семья: муж, который уже был на полной инвалидности и не работал, и оба подростка-сына. И все мы думали – вернуться ли? Муж уговаривал, просил: «Да брось ты эту диссертацию! Сколько можно так переживать и бороться, проживем!» Но было жалко своего колоссального труда, хотя, честно говоря, по тем временам было и страшно. Приехала, пришла в министерство, не помню фамилию человека, принявшего меня. Не скрывая ничего, тот сказал: «Пришло письмо из «Маяка» о том, что в написанной Вами диссертации Вы занизили гриф секретности». И зачитал: «Если взять страницу (назывался номер) из Глестона, страницу такую-то из Гудмена и т.д., да сопоставить со страницей диссертации, то раскроются все мощности реакторов комбината. Правильно это?» – «Да, правильно, – ответила я, – диссертация с двумя буквами «СС» что значит «совершенно секретно». Но, знаете, если я приложу руку к сливной трубе из реактора, то, учитывая, что рука выдерживает 60 градусов, я с точностью до 15% скажу вам мощность аппарата». И рассказала, как это можно вычислить. Он посмотрел на меня как-то удивленно и тепло, встал, пожал руку и сказал: «Идите и защищайтесь!» Кто подписал то письмо, я не спросила, и не хочу сейчас об этом думать, хотя и догадываюсь...

На этот раз защита была блестящей. Я собралась в комок, удивительно, я помнила даже то, что давно было забыто; с кем-то спорила, что-то доказывала. И еще: в ВАК уже был направлен очень хороший отзыв – характеристика всех работ, в которых я участвовала, Ю.И. Корчемкиным. Утвердили меня быстро, через 1,5-2 месяца, как раз перед Новым годом. На банкет по этому поводу я собра-

ла только женщин, не могла уже видеть, да простят они меня, мужчин, так много сделавших мне зла. А.П. Рудик после моей защиты сразу же из Томска полетел в командировку в Челябинск-65 на комбинат «Маяк» и пришел к Г.Б. Померанцеву. Он сообщил ему, что я защитилась, что защита была блестящей и что на банкете, после защиты, Вера Михайловна подняла первый бокал за «моего учителя Г.Б. Померанцева, который научил меня работать». Как рассказал мне потом А.П. Рудик, Глеб растерянно и медленно поднялся со стула и... сел.

Потом Глеб Борисович приезжал к нам в Мелекесс и, как мне передавали, волновался о встрече со мной, говорил, что был не прав, что она не простит. А я все забыла. Он действительно много мне дал, научил работать, как работал сам, и бороться, что так помогало мне в дальнейшем. В последний раз мы встречались с ним на поминках Е.П. Кунегина, нашего хорошего друга, также рано ушедшего из жизни. А больше встретиться и не пришлось, его не стало. Душа человека сложна. Прошли годы, и в ней не осталось ни обиды, ни каких-то воспоминаний о давней несправедливости – такова жизнь...

Не забывали меня и друзья. Когда уже в Красноярске-26 мужу стало совсем плохо, отказали ноги и работать он не мог, я написала письмо Д.С. Юрченко, который был в то время директором НИИАР имени Ленина в г. Мелекессе и с которым раньше работал на радиохимическом предприятии муж. Я сообщила о его состоянии и прямо сказала, что работать буду одна. В ответ получила телеграмму: «Приезжайте». И мы уехали в Мелекесс. При прощании директор Красноярского комбината С.И. Зайцев, которого я очень уважала за его человеческий характер, с которым работала с удовольствием, сказал: «Будет плохо – возвращайтесь!» Но плохо не было. Д.С. Юрченко помог с квартирой, работой, сначала я работала старшим инженером расчетно-математической группы, потом – начальником расчетно-математической лаборатории, переросшей из группы, а затем – начальником лаборатории по расчетам реакторов, одновременно выполняя обязанности ученого секретаря Ученого совета НИИАР. И опять судьба свела меня с замечательными людьми: с В.И. Субботиным, К.А. Петржаком, С.Т. Конобеевским, И.Я. Емельяновым и др., которые были у нас членами ученого совета. Нельзя здесь не вспомнить и смешные случаи. Когда создавался ученый совет и надо было получить последнюю визу ученого секретаря ВАКа Волкова, к которому я пробилась с большим трудом, так как он был страшно занят, он, увидев состав совета, прямо-таки закричал: «Всех развалин собрала, они до вашего Мелекесса и не доберутся! Вот Петржак – он-то куда полез?» и т.д. Настал день первого заседания совета, я заехала на машине, которую дал директор, в гостиницу за Петржаком, там и познакомились. Константин Антонович – высокий, стройный, загорелый (только что вернулся из путешествия по Камчатке)... Не выдерживаю, смеюсь, рассказываю ему о Волкове. «Вот старый хрыч, – хохотал он, – заеду к нему, задам жару». Оказывается, он был его одноклассником и самым большим другом. И ученые шутят! А С.Т. Конобеевский, когда я приезжала в Москву и звонила ему, говорил: «У меня сейчас большое совещание, но мой возраст позволяет пригласить вас на ужин и решить все наши вопросы». И назначал встречу где-нибудь около метро. Мы спустились и ехали обычно в Лужники. Дорогой в вагоне ему обязательно уступали место, а он сильно огорчался и говорил: «Два года назад мне еще никто места не уступал»...

Случилось так, что мне снова пришлось съездить в Челябинск-40 (65). Муж

по полгода лежал в больницах, в основном, в клинике № 6. Вторую же половину – или в санатории, или дома. 6-я клиника дала ему заключение: «2-я группа инвалидности по профзаболеванию» а Челябинск-40 этого не подтверждал, не высылая заключения о местах его работы, и неизменно отвечал, что Гордин Н.И. может работать в цехах 3-й группы. Поехать в Челябинск я не могла, нужно было разрешение министерства. К счастью, Д.С. Юрченко как директору, необходимо было собрать материал для его диссертации, а на письменные его запросы Челябинск также не давал ответа. Я убедила Дмитрия Сергеевича, что я лучше и тщательнее просмотрю все отчеты и на объекте № 37 (реактор на тяжелой воде), где он был руководителем, и на объекте № 25 (радиохимический объект). Он был согласен, получил разрешение министерства на мою командировку, и я поехала. Собрать материал труда мне не составило, я нашла все, что было надо, позднее материал был выслан также уже испытанным путем, в ИТЭФ, там и был написан Дмитрием Сергеевичем автореферат, там же, в ИТЭФе он защитился по комплексу работ. А тогда я пошла к начальнику медсанчасти (кажется, его фамилия была Кузнецов) и рассказала о своей проблеме. «Как же, – заявил он, – я прекрасно помню вашего мужа, он такой юморист, и знаю, очень болен, я не мог подписать ему заключение, о котором вы говорите, это что-то перепутал отдел кадров». Иду в отдел кадров, девушки, сотрудницы отдела кадров, были возмущены, достали переписку и за подписью уважаемого начальника медсанчасти показали заключение, что при работе на радиохимическом предприятии у него не было никаких доз и что он здоров, а где он получил облучение – пусть разбирается сам. Я вновь позвонила Кузнецову и спокойно объяснила ему, какое письмо им подписано, и сказала, что я буду с ним судиться, так как это сугубо их вина: либо это нежелание дать объективную характеристику облучения, либо – потеря данных. И положила трубку. Несколько часов спустя, он нашел меня по телефону у моих друзей и сказал: «Не надо судиться, мы все вышлем!» Попросив А.Ф. Пащенко (главного инженера комбината) проследить за этим и помочь, если понадобится, я уехала. Вскоре документы были высланы.

...Не помню, когда я начала писать стихи, помню лишь, что в сознательном возрасте. Порою, они меня находят сами... К своему восьмидесятилетию удалось (не без помощи друзей, конечно) собрать лучшие из стихов в сборник. Одно из стихотворений, посвященное мужу, хочется вспомнить.

Я будто очнулась от тяжкого сна –
Любовь твоя счастьем, спасеньем была!
Когда ты губами ко мне прикасался,
Мне в сердце струилась лавина тепла...

Но нет, не смогли бы сказать ворожеи,
Как долго теплом буду этим согрета?
А видишь, чем дальше – тепло горячее...
Его мне хватило на многие лета!

В 1969 году я получила приглашение на 1-ю Научно-техническую конференцию, посвященную памяти И.В. Курчатова, где вновь встретилась со своими

друзьями, их круг страшно поредел, многих не стало. Не было и Ю.И. Корчемкина. Я увидела А.И. Чурина, который сразу же нашел мне какую-то работу «по старой памяти». Был и Г.Б. Померанцев, он показался мне помолодевшим, даже красивым, в эти дни, из-за скандала с Кисой, он уходил с работы и уезжал в Шевченко. Честно говоря, я искренно порадовалась за него, он заслуживал лучшего.

В том же 1969 году я переехала в Подмосковье, замучившись мотаться между 6-й клиникой, где по полгода лежал муж, и Мелекессом. Поработав 4 года на небольшом предприятии нашего же министерства, я ушла во Всесоюзный научно-исследовательский институт по эксплуатации атомных электростанций, где и работала до ухода на пенсию – двадцать с лишним лет. И был Чернобыль, и были новые потери друзей, и снова – такая интересная и захватывающая работа, боль и чувство вины за все, что было недоработано нами до конца и привело к страшному. Я потеряла брата, его жену, своего мужа и позднее обоих сыновей.

В 1993 году я вновь поехала в Челябинск, теперь уже на 45-летие комбината. Из нашей большой лаборатории я увидела лишь В. Перегудова, Я. Докучаева и Березнюка. Больше никого уже не было. Мы съездили на могилу Ю.И. Корчемкина. Ребята поправили памятник, сменили вылинявшую фотографию, положили цветы. Были встречи с руководством комбината, заходила я и в отдел социальной защиты. По просьбе своих друзей, у которых также родились и выросли дети в те злополучные годы пусков объектов, я спросила, будут ли какие-то льготы для них, это же сплошь почти большое поколение. Да, сказали, обещают. Но прошло еще несколько лет, все снова заглохло. «Вы можете написать нам, и мы поможем положить вашего сына на обследование в клинику», – сказал руководитель отдела, когда я попросила его о помощи. Написала. Ответа не получила. А в 1998 году получила письмо из филиала № 1 ГНЦ РФ института биофизики, где спрашивали о здоровье моих детей и предлагали свою помощь в их обследовании и необходимом лечении. И указали адреса, куда следовало обратиться и какие документы представить. Я поверила!.. Собрала документы мужа, его справки, заключения медиков и справки о здоровье младшего сына. Написала по их совету в 6-ю клинику – отказ. Написала в 4-е Главное управление. Замначальника федерального управления медико-биологических и экстремальных проблем при МЗ РФ г-н А.В. Сорокин прислал отказ с советом: «Обращаться в районную поликлинику». На этом все и закончилось.

Мой старший сын, участник ЛПА на ЧАЭС, умер в 2000 году от «сердечной недостаточности» младший сын умер в декабре 2005 года от рака легких.

Задала вопрос и о помощи семьям, потерявшим кормильца. «У нас идет спор с юристами, – ответили мне, – кого в вашей семье считать кормильцем – мужа или жену?» «Конечно, меня, – смеясь, ответила я. – Вы ведь «вывели» моего мужа еще в 1953-54 годах, а с 1961 года он инвалид 1-й группы без права на работу – и всего-то с потерей 10% здоровья при этом. А я работала, кормила его и детей. Конечно же – я глава семьи, и это бесспорно!» Это была шутка, но шутка с изрядной долей горечи. Хотелось бы напомнить и о пресловутой 10% потере здоровья теми, кто работал на «Маяке», о чем вспоминают на каждом совещании и конференции. Этот вопрос затрагивался и на 45-летию комбината «Маяк». Бывший замдиректора по науке Гладышев (в тот год и сам он, как говорится, одной ногой был уже на том свете) приводил примеры не о ком-то вообще, а кон-

кретно, о наших же больных товарищах. Но академики А. Гуськова и Л. Ильин остались при своих убеждениях, считая воздействие радиации на организм весьма проблематичным. Выдержки из последней статьи А.К. Гуськовой и И.А. Гусева «Медицинские последствия аварии» гласят: «В некоторых последствиях (астенизация, вегетативно-сосудистая дисфункция) очевидно влияние сложившейся в стране в целом поставарийной длительной кризисной ситуации и дефектов законодательства о льготах для участников ликвидации последствий аварии» (имеется в виду авария на ЧАЭС), а какая разница с аварией на «Маяке»?! Получается, можно ввозить всю гадость и грязь со всего света, со всех радиоактивных объектов к нам, в Россию – на Татыш, Енисей, вреда от этого нет, есть лишь радиофобия. И там же в статье: «Радиация прочно вошла и будет присутствовать в жизни людей XXI века как важный компонент энергетических программ, как инструмент познания и технического совершенствования. Это диктует необходимость систематического продуманного образования всего общества вне связи с конкретной аварией». А так ли это? При анализе материалов по Чернобыльской аварии стала понятна роль Минздрава, который обязан был информировать население каждого района об опасностях, которые подстерегали людей. Однако 27 июня 1986 года 3-е Главное Управление Минздрава СССР вменило в обязанность своим службам «засекретить сведения об аварии», «засекретить сведения о результатах лечения», равно как и «сведения о степени поражения персонала, участвовавшего в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС». А в сентябре 1988 г. в институте Биофизики АМН СССР была разработана «Концепция безопасного проживания в условиях радиационного загрязнения», по которой народ ставился в условия проживания и жизнедеятельности, которые в 10-20 раз хуже, чем это предусматривается для труда специалистов на АЭС. Как говорил академик Л.А. Ильин: «Мое твердое убеждение – люди, проживающие вблизи атомных станций, должны быть хорошо информированы обо всех возможных последствиях, обучены действиям при аварийных ситуациях» и «... Людей надо готовить к возможным неприятностям, даже если их вероятность – один случай за миллион лет».

Одно непонятно – почему столько противоречий? Академик Л.А. Ильин «твердо убежден», что люди должны быть информированы о возможных последствиях и одновременно «засекретить» сведения о степени поражения участников ЛПА? А ведь это было сравнительно недавно. А что же тогда можно сказать о тех наших днях, о работавших на «Маяке»? О 10% потере здоровья?..

Я с удовольствием встретила со своими бывшими коллегами – В. Клименковым и П. Аверьяновым, с которыми работала сначала на «Маяке», а потом и в Мелекесе, с женщинами-химиками, со своим товарищем Кононовым. Очень теплая встреча была у женщин с Б.В. Броховичем. Когда стихли общие восклицания и первый восторг от встреч, подошла к нему и я: – «Борис Васильевич, а меня вы помните?», Поворот головы – и град объятий с поцелуями. Обнимая, шепчет: «А ты все такая же, такая!», А я в ответ, тоже тихо: «И ты тоже такой!», – «Правда?» – и в глазах радостный блеск, как когда-то в молодости, когда мы были совсем другими. Но сейчас с нами не было ни И.В. Курчатова, ни А.Н. Бочвара, а также – Е.П. Славского, А.И. Чурина, А.П. Александра, Г.В. Митенкова, Н.А. Семенова, Ю.И. Корчемкина, М.А. Демьяновича, Б.Г. Музрукова, А. Пащенко, Н.А. Николаева, Ф.Я. Овчинникова, Н.А. Архи-

пова, Е.Е. Логиновского, В.И. Рябова, Е.Д. Воробьева, Г.Б. Померанцева, А.Г. Мешкова, В.И. Клименкова, В. Музрукова, В. Грязева, В. Климентова, Б. Долишнюка и стольких многих других, что перечислить их просто невозможно. Нет и А.К. Круглова. Атом – господин жестокий. Мстит или сразу, или постепенно, разрушая все, растягивая период мучений, и человек иногда уже этому и не рад. Бессилие борьбы убивает. Борьбаться с недугом еще можно, – конечно, с помощью медицины, врачей, своей воли. Но борьба с «власть имущими» обессиливает вконец. Где найти силы, как доказать несправедливость отношения к людям, пытавшимся укротить этого «господина», заставить работать на благо людей, а при этом жестоко пострадавшим от его пламени?

Время, время... Я пыталась в этих записках написать о своих современниках, искала оставшихся в живых с тем, чтобы и они сами написали о себе. Увы! «Умер». «Его нет». «Ушел из жизни» – многие уже несколько лет назад.

В 2007 году будет отмечаться 60-летие «Маяка». Естественно, всем ветеранам «Маяка» сейчас уже за 80. Но очень хотелось бы, чтобы наши преемники имели ту же закалку, ту же волю к самоутверждению, как у людей нашего поколения. Чтобы не повторили судеб некоторых из нас – не считали бы пенсионные гроши, не думали, как достать нужное лекарство, куда обратиться за медицинской помощью, и чтобы, прежде чем попасть в больницу на стационар, первым делом их не спрашивали: «А каковы ваши финансовые возможности?» – как встречают сплошь и рядом сейчас нас.

Перечитывая написанное, я подумала, а надо ли было ворошить прошлое, особенно то, что было иногда не совсем приглядным? Но ведь в то время все это казалось очень важным, хотя сегодня, возможно, видится совсем с другой стороны. Так как – «простить и забыть? Но это уже получилось – само собой. Во мне не осталось ни одной обиды, ни упрека за прошлые переживания: это была школа, школа для всей дальнейшей жизни, которую, как я считаю, прожила безрезультатно, насыщено и интересно. С легкой грустью вспоминаю обо всем и всех, и ни о чем не жалею...

Годы жизни не проходят бесследно, они неизбежно оставляют свои следы не только на внешности людей, но и в их душах. То, что было – невозможно ни забыть, ни исправить. Отдавая дань памяти, я написала о тех далеких днях (пусть лишь малую толику!), которые считаю, несмотря на все потери, самыми светлыми днями в своей жизни. Писала о людях, с кем вместе шла по большому пути, о ком сказано было либо очень мало, либо порой не слишком правдиво, о людях «среднего» звена, имя которым легион, но которые самозабвенно работали во славу науки.

Хочется верить, что в день 60-летия «Маяка» о физиках, внесших немалый вклад в становление сложнейших производств, будет сказано немало добрых, достойных слов. Я бесконечно благодарна судьбе, подарившей счастье работать с лучшими людьми нашего времени. Вечная память ушедшим, доброго здоровья – живым...

□ 2.6. ИСТОКИ МОЕЙ СУДЬБЫ

Громова М.И.

Ветеран атомной промышленности.

В настоящее время – на пенсии

Хочу поделиться некоторыми воспоминаниями о жизни и работе на химкомбинате «Маяк» первого поколения сотрудников радиохимического производства и жителей города с 1946 года.

Помню, как в 1946 году после окончания Казанского химико-технологического техникума и распределения на работу по специальности на свой завод (тоже оборонного значения) нас троиخ: А. Кудрявцеву, А. Кутузову и меня – М. Громову, еще не отгулявших каникулы, вызвали в Москву, в наркомат внутренних дел и по приказу распределили по объектам. Мне, как окончившей техникум с отличием, дали выбор из пяти городов. Я сделала свой выбор. Когда вышла из кабинета наркома, меня окружили наши девочки и очень расстроились, узнав, что я выбрала не то, куда в обязательном порядке направляли их – в Кыштым Челябинской области. Аля Кудрявцева (ныне Патугина) сумела уговорить меня поехать с ними. Я вернулась в кабинет майора и попросила тоже направление в Кыштым. Он возражать не стал: «Для Вас – любой город – Кыштым, так Кыштым».

И вот, спустя месяц, в сентябре 1946 года мы выехали из Казани на механический завод в г. Кыштым. В отделе кадров, посмотрев наши направления, отругали нас за опоздание и повели к директору. Директор, повертев в руках наши бумаги, сказал: «Девочки, а ведь вы не к нам». «А куда же?» – недоуменно спросили мы. «Не знаю, может быть, туда – и предложил нам пройти к вокзальной площади, где останавливаются автобусы (крытая полторка) «на базу». Мы изрядно перетрухнули, тем более что надвигались сумерки. Но делать нечего, день короток, нужно скорее искать свое место. К нашему счастью, машина действительно стояла и ждала своих пассажиров.

Проверив наши направления, нам разрешили подняться на борт и повезли нас в лес – действительно на базу. Было немного жутковато. Пассажиры (а это были, в основном, строители) над нами подшучивали, пугали, правда, сразу же и успокаивали. Так мы прибыли в свой новый «родной» город, не имевший ни улиц, ни названия – одним словом, «база 10».

Привезли прямо к директору базы П.Т. Быстрову, который принял нас очень радушно. Провел с нами «пятиминутку» (в течение получаса), пригласил коменданта Гену (так звали молодого человека, который размещал всех прибывающих заводчан по общежитиям), попросил его отвезти нас и устроить во втором домике пионерского лагеря кыштымского механического завода на живописном берегу озера Иртяш. Видимо, директор завода знал, кому передан лагерь, потому и направил нас «туда».

Нас привели в комнату, наполовину занятую шоферами нашего объекта и предложили занять переднюю часть комнаты, отгородившись простынями. Комендант пообещал на днях переселить шоферов в бараки, которые должны скоро достроить. Опять неувязка!

В этот вечер (а уже стемнело) нам все казалось страшноватым: и темнота леса, и

темнота в комнате (горела небольшая керосиновая лампа). Мы даже не увидели всей прелести природы, которая окружала этот домик. Вижу, мои девочки сильно расстроились. Я говорю: «Сейчас разберемся. Гена, вези меня обратно к директору!» Узнав о создавшейся ситуации, директор поручил Гене привезти нас вместе с кроватями в заводоуправление. Это длинный барак, в котором работал и жил сам директор базы. Здесь нас и поселили в одной из комнат.

На следующий день в нашу комнату явилась удивленная гвардия заводчан во главе с табельщицей В.И. Кузнецовой. Они здесь работали уже 2-3 дня («старики!»), а устроились в первом домике пионерского лагеря. Нас записали в список, который состоял всего из 17 человек вместе с руководящим составом – директором Быстровым и главным инженером Лукьяновым.

В числе первых в списке был записан Громов Н.Б. Ему доложили, что приехала его однофамилица. Он посмотрел в список и говорит: «Нет, это моя дочь Маргарита». Оказалось, что у него действительно есть дочь Рита, правда, еще маленькая (позднее он привез свою семью).

Меня с первых дней Быстров взял на работу к себе в дирекцию помогать корректировать отчеты и переписывать их на чистовик. Печатных машинок тогда еще не было, и приходилось писать от руки. В таком рукописном виде отчеты отправлялись в Москву.

Через несколько дней наши ряды снова пополнились. В группу Н.Б. Громова поступила Татьяна Коровина, приехавшая с челябинского завода по направлению обкома партии. У нас в комнате женских мест уже не было. Николай Борисович попросил меня как-нибудь устроить его сотрудницу. Я уступила ей свою кровать, а сама легла с Алей Кудрявцевой, которая давно мечтала об этом, потому что плохо спала. Через пару дней мы с Таней подружились и стали спать вместе. Наша дружба продолжается и поныне.

В конце октября наш домик в пионерском лагере отремонтировали и нас «торжественно» переселили туда. В соседней комнате жили мужчины. Среди них были Б.В. Брохович, Н.Н. Архипов, И.П. Мухин и др.

Наступили холода. Домик отапливался печью. Нам дали истопницу-немку – очень добросовестную исполнительную женщину. Она следила, чтобы мы жили в тепле и чистоте, а также помогала нам в питании (в частности, обменивала на рынке излишки хлеба на молоко). Питались мы дома, готовили на электроплитке по очереди. В основном, подогревали мясные консервы или готовили что-нибудь молочное. Продуктами нас снабжали прямо со склада. Начальник УРСа, он же и завскладом, Г.Н. Воронин приходил к нам в лагерь и приглашал к себе на склад посмотреть, что он нам привез. После однообразного питания голодных военных лет мы не могли скрыть свой восторг от увиденного. Там были американская тушенка, балык, копченая колбаса, ветчина и другие яства – и все это было нам доступно. Воронин тоже радовался нашим восторгам. Он будто бы кормил своих детей. А «дети его» были все очень дружные, сплоченные и в то же время очень скромные и даже совсем не требовательные. Рассчитывались мы просто: талоны СП-1 и хлебная карточка обменивались на желаемый продукт. И этого нам (особенно девочкам) хватало. Никто не жаловался. Настроение у всех было хорошее и боевое.

Наступила зима, выпал первый снег. В заводоуправлении появилась первая печатная машинка. Отчеты стали печатать машинистки. Прибыл на базу главный механик Д.Д. Артамонов. Образовался отдел главного механика. Я была

зачислена в отдел конструктором. Работы снова подвалило.

К концу ноября снега выпало столько, что можно было кататься на лыжах. На базе были лыжи. Но из женского персонала лыжи взяла только я. Оказывается, никто больше этим видом спорта не занимался. Компанию на лыжах мне составил Н.Б. Громов. Каждое воскресенье утром он заходил за мной, и мы уезжали на лыжах каждый раз в новом направлении. Таким образом, мы изучили всю окружающую нас местность и любовались зимними пейзажами уральской тайги, нескончаемых снежных полей и скалистых гор над озерами.

Помню, однажды нам объявили, что в связи с сильными морозами (больше 40°С) мы освобождаемся от поездки на работу, и все остались дома. Но утром забежал Николай Борисович и позвал пробежаться на лыжах. Я быстро вскочила, мигом собралась, и мы умчались в лес. Я заметила, что, несмотря на сильный мороз, в лесу дышится легко, и даже щеки не замерзают. При таком морозе у себя в средней полосе я бы сразу отморозила нос и щеки, что случалось неоднократно в Казани, когда я еще училась в 6 классе.

Приехав из леса, после хорошей пробежки я азартно, озорно расталкивала, будила девчат, приглашая их позавтракать. Но тщетно. В комнате было очень холодно, за ночь сильно остыло, а истопнице тоже дали выходной. Из-под теплого одеяла высовываться было страшно. Я быстро затопила печь дровами, предусмотрительно заготовленными истопницей, прогрела комнату и поочередно растормошила всех девчат. Потом мы вместе резвились на снегу, одновременно им умываясь.

Хорошо запомнился день, когда недалеко от нашего лагеря в небольшом здании на берегу озера построили первую столовую. Открытие намечалось на 1 декабря 1946 года. К нам привезли повара Варвару Васильевну – без помощников, но с набором необходимых продуктов для первого раза. Для составления сметы и расхода продуктов нужен был калькулятор. Стали подбирать на эту должность кого-нибудь из заводчан. Артамонов с Быстровым, не стовариваясь, предложили меня. Однако из ничего не смыслила в этом деле. Варвара Васильевна охотно стала объяснять мне, что такое калькуляция. За одну ночь научила меня справляться с этой премудростью. Одна проблема: составлять смету всегда приходилось поздно вечером, вернее, уже ночью, а рано утром бежать в столовую, помогать Варваре Васильевне складывать продукты. Когда же в столовую приходили наши сотрудники, то я была уже буфетчицей и официанткой одновременно, пока не прибыла мне замена.

Однажды утром в воскресенье Лукьянов, Глазков и Брохович принесли в столовую пакет живых раков и передали мне, чтобы я их сварила. Я чуть в обморок не упала, увидев этих раков. Надо мной стали смеяться, пугать раками, совать их в руки. Моим спасением была кухня. Посторонним вход на кухню был запрещен, и я была там в недосыгаемости. Как меня ни уговаривали, я варить раков отказывалась. Выручила меня приехавшая Варвара Васильевна. Она сварила этих злополучных раков и сама подала их на стол. После этого инцидента Б.В. Брохович стал нас учить, как не бояться раков. Он приносил их к нам в комнату и показывал, как надо с ними обращаться. Благодаря этому на следующий улов я уже сама ходила на озеро, смотрела, как вытаскивают «морды», забирала раков, варила их и даже научилась их есть.

Однако, работая в столовой, свою работу в КБ я не бросала, так как работников в отделе было мало, а работы – непочатый край. Крутиться приходилось: Фигаро здесь, Фигаро там! Мне кажется, что я тогда не уставала. То ли моло-

дость, то ли спортивная закалка, а возможно, интерес к любой работе.

Так прошел наш первый этап работы 1946 года. Наступил 1947 год. В январе Быстров вызвал нас всех к себе и объявил, что требуется группа людей всех специальностей для поездки в Москву на стажировку для работы на химическом объекте. В группу вместе с технологами Зыряновой, Рыбаковой, Коровиной вошла и я как механик по обслуживанию химического оборудования. Артамонов очень не хотел отпускать меня, отговаривал от этой поездки. Но мне очень хотелось побывать в Москве и поработать по своей специальности.

В феврале месяце мы выехали в столицу. Практику мы прошли в НИИ-9 на установке № 5 у М.В. Угрюмова. Мы изучали и отрабатывали технологию будущего радиохимического производства, проверяли работоспособность оборудования, учились его эксплуатировать. Здесь мне посчастливилось познакомиться с первым «киповцем» – С.Б. Цфасманом – талантливым ученым и удивительным человеком.

На установке мы работали посменно. Я одновременно с технологами изучала технологию, была механиком по обслуживанию технологического оборудования и даже иногда заменяла отсутствующих электриков. Правда, при этом работала под присмотром Цфасмана.

Нас познакомили с первыми материалами по медицинской радиологии. Мы узнали, что такое радиация и каково ее влияние на здоровье людей. Каково же было мое удивление после этого увидеть, как слесарь Витя Жигало голыми руками, с незащищенными органами дыхания, вручную пилил блочки урана. Когда я сказала ему об опасности, он сказал, что дневная смена механиков всегда так пилила. Я дала ему хотя бы перчатки, а вот респираторов тогда не было. Через какое-то время у Вити начали болеть руки. Но к тому времени мы уезжали домой, и о его дальнейшей судьбе я ничего не знаю.

В Москве мы пробыли почти целый год. Отпраздновали 800-летие Москвы. Это был незабываемый праздник. Я до сих пор помню все почти до мелочей. В этот день мы были в Москве с 10 часов утра и до глубокой ночи. С Красной площади ушли после салюта, пешком прошли всю улицу Горького и по Ленинградскому проспекту до «Сокола» с музыкой, песнями, хохотом. Станции метро в центре были перекрыты, а жили мы недалеко от Серебряного бора на берегу Москвы-реки в гостинице «Голубой пароход». Это был барак, покрашенный в голубой цвет. С нами в этой гостинице проживали и сотрудники (командированные) из Свердловска-45, с которыми мы подружились. Излюбленным местом отдыха нашей компании были Измайловский парк, театры и кинотеатры столицы. Колхозный рынок был на последнем месте, там мы бывали только по необходимости, например, купили мне приличное осеннее пальто (после войны туалет наш был скуден!).

В конце 1947 года нас срочно отозвали домой. Была реформа – обмен денег. Наш главный бухгалтер А.И. Савельев встретил нас как своих детей. Мудро сумел оформить расчет по командировкам и выплатил нам командировочные и зарплату сразу новыми деньгами.

Дома нас радушно встретили друзья и знакомые, как будто мы все были родственниками. Дружба всего коллектива комбината, независимо от занимаемой должности, доброта людей нашего (того, послевоенного) времени была безгранична. Как хочется, чтобы это все возродилось и в нашем будущем, в будущем наших детей и внуков!

Второе, что нас поразило по возвращении – это размер строительства. Было

такое ощущение, что мы лет пять отсутствовали. Нашего пионерлагеря мы больше не видели. Городок стал неузнаваем. Появились улицы, новые дома, набережная в конце проспекта Ленина. И все это лишь за год!

Нас поселили в одном из домов – в общежитии на проспекте Ленина, рядом с новым заводоуправлением (теперь оно уже стало старым).

В отделе кадров нас приняли уже как специалистов. Направили на объект «Б» (завод 25) к П.И. Точеному.

Первая поездка на объект была впечатляющая! Нашему взору открылась необычная природа – березовый, чисто березовый лес. А зимой на белом снегу эти белые стволы казались такими строгими, стройными и божественными! Показали нам и озера, которые не везде были покрыты льдом.

На объекте нам выдали зимнюю спецодежду: белые овчинные полушубки, шапки-ушанки и валенки. В такой одежде мы выглядели гораздо солиднее, чем были. Мы красовались, шутили и подсмеивались друг над другом. Мы шутили (молодость!), хотя знали, что впереди у нас будут серьезные, большие испытания.

Так началась трудовая жизнь на строящемся объекте «Б» (или объекте Точеного), как третий этап нашей жизни и трудовой деятельности.

К этому времени, т.е. к началу 1948 года, в котловане уже строились нижние отметки помещения будущего здания № 101. Наша задача, как будущих эксплуатационников, состояла в том, чтобы изучить проект строительства и монтажа цехов (отделений) с тем, чтобы по-хозяйски проверить качество строительства, правильность укладки коммуникаций, надежность крепления всей арматуры и дальнейшего монтажа химических аппаратов-реакторов.

Сложность такой задачи заключалась в том, что все эти схемы коммуникаций, да и весь проект были с грифом «совершенно секретно». Поэтому никаких записей и рисунков не разрешалось. Необходимо было запоминать, укладывать в голове все по порядку, а затем по заученной схеме проверять знания на местах.

Начальником строительства нашего объекта был Д.С. Захаров. Он довольно деликатно, по-отечески относился к нам – молодым специалистам, относился как к хозяевам, для которых он строит этот объект. Он предупреждал нас об осторожности при посещении стройки, так как контингент строителей большей частью состоял из заключенных. Это мы потом поняли и сами.

Однажды, когда мы спускались в нижние каньоны проверить соответствие чертежам всех отверстий, предусмотренных в бетоне для прокладки труб, и хорошо ли забетонированы сами каньоны, меня остановил старший из «зэков». Он предупредил, что я могу ходить свободно, никто меня и пальцем не тронет (не знаю, чем я заслужила такое доверие или снисхождение с их стороны), а за остальных он не ручается: «Вот ту девицу, например (фамилии не называю), уже проиграли в карты». Естественно ей было запрещено посещение стройки.

Хорошо запомнились мне первые оперативки, проводимые Е.П. Славским, у начальника стройки в присутствии заводчан. После наших докладов о состоянии дел, с нашей точки зрения, Ефим Павлович переходил к слушанию руководителей стройки и такой давал им разгон (хотя, как нам казалось, все шло хорошо и с предельной скоростью) с применением крепких выражений, что для наших ушей это было неприемлемо. В первый раз мы, женщины, так опешили, что Славский разрешил нам покинуть совещание. На следующих оперативках

он учел это и заранее предупреждал нас, когда начнет ругаться, и мы – 20-25-летние девчонки вставали и уходили.

Стройка шла очень быстро. Мы даже не заметили, как начался монтаж оборудования на нижних этажах, тогда как верхние этажи еще достраивались. Начальник строительства М.М. Царевский, главный инженер В.А. Сапрыкин, начальник стройки объекта Д.С. Захаров, весь инженерно-технический персонал строителей, а также тысячи рабочих-строителей всех специальностей работали круглосуточно и без выходных.

Мы работали тоже усердно, попевая за строителями, но, в отличие от них, только днем и даже могли позволить себе перерывы для отдыха и обеда. Столовой для нас еще не построили, поэтому обедали мы своими припасами за своими рабочими столами. Этот час я с приятелем часто использовала для прогулки по березовой роще, расположенной вблизи от нашего административного корпуса. Мы наслаждались красотой белых на белом снегу стройных красавиц-берез. Здесь я впервые увидела, как прямо на снегу растут уральские подснежники. Это было в яркий солнечный день, когда только начинал в некоторых местах оседать снег: на ярко-белом снегу стояли три больших колокольчика на коротких ножках, как будто кто-то их нарочно воткнул в снег. Когда мы принесли этот божий дар в корпус, все были потрясены, увидев такую красоту. На следующий день мы пошли в лес большой компанией, но ни я, ни кто другой не нашли больше такого чуда.

А между тем, строительство форсировалось. Все выше и выше выросло над котлованом здание нашего объекта. Начальник объекта П.И. Точеный распределил основной эксплуатационный персонал по отделениям. Были назначены начальники отделений, и они уже тщательно следили каждый за своим отделением. Они же контактировали со строителями и принимали от них свои объекты.

Заканчивалось и строительство большой трубы. Над зданием с каждым днем все больше выростали этажи ее надстройки. Эта труба, предназначенная для выброса воздуха из вытяжной системы здания, а также для сброса газов из аппаратов при химическом растворении продуктов, была рассчитана на высоту – 150 метров (предельную по тому времени). При такой высоте вытяжной трубы вредные примеси не должны выбрасываться в атмосферу, их пары будут конденсироваться внутри трубы. Это очень сложное сооружение, подобного которому у нас еще не было. Руководило строительством управление всесоюзного спецтрубостроя. Когда высота трубы достигла примерно 120 метров, произошел казус. Во время бетонирования очередного кольца в несущей конструкции (опорных стойках) было допущено отклонение от проекта. Если, начиная с основания трубы, количество стоек по расчету было 16, то для ускорения строительства решили 4 стойки выбросить. Посчитали, что диаметр трубы на этой высоте значительно меньше, и она будет держаться на 12 опорных стойках. В результате несущая конструкция была ослаблена, при сильном ветре не выдержала и вместе с тепляком (юбкой) накренилась в сторону чуть ли не на 90 градусов. Это было ЧП, осложнившееся трагедией – одному из строителей зажало руку стальной конструкцией. Встал вопрос: что делать? Как на такой высоте убрать согнувшуюся, державшуюся на весу 10-метровую конструкцию?

Среди заключенных вызвалась группа добровольцев для работы на опасной

высоте. Пройдя медицинский осмотр, они с большой осторожностью прошли до конца висячей части. Отпиливая по небольшим отсекам, постепенно сбросили вниз всю согнувшуюся часть опоры. Авария была ликвидирована, но время потеряно. Ужесточился срок достройки трубы. В дальнейшем конструкция устанавливалась строго по проекту. Строители сделали все возможное и невозможное, и намеченный первичный срок по графику бетонирования трубы был выполнен. Обошлось без наказаний.

На объекте наступили напряженные дни. Начался монтаж технологического оборудования. Проверкой качества полученного оборудования и агрегатов занимался сам главный механик М.Е. Сопельняк.

Меня П.И. Точеный оставил при себе. Познакомились мы с ним еще в Москве во время стажировки на установке У-5. Однажды, встретив меня в одном из отделений, он поинтересовался, какие аппараты здесь уже смонтированы и каких еще нет. Я повела его по отделению, рассказала о каждом аппарате, называя их по номерам. Затем мы пошли в другие отделения, и там я тоже по номерам назвала все аппараты как смонтированные, так и еще отсутствующие, указывая причины их отсутствия. Петр Иванович пригласил меня к себе в кабинет, и мы все занесли в его рабочую тетрадь.

С этого времени, с согласия главного механика, я стала работать у Точеного в качестве ученого секретаря (на время строительства). Мы каждый день ходили по стройке. Петр Иванович умел по-хозяйски подгонять строителей. Вместе с ними сам проверял оборудование при испытании на давление. Строители его уважали и прислушивались к его мнению.

Монтаж оборудования продвигался довольно быстро. Очень хорошо запомнился начальник монтажных работ Г.М. Кауфман. Он связывал воедино все действия строителей и монтажников во всех подразделениях. Это был умный расторопный человек, обладавший хорошей эрудицией и памятью. Он все всегда знал, что где делается и какие где неполадки. Мы с Петром Ивановичем работали в тесном контакте с ним. Кауфман всегда прислушивался к нашим просьбам и замечаниям и помогал нам в возникающих проблемах.

Спокойно и беззаботно для нас прошло строительство и монтаж 1 отделения, находящегося в другом здании. Его мы посещали довольно редко. Оно было уже почти готово к приему химических реактивов для распределения их во все отделения объекта. Принимала строительство и монтаж начальник отделения В.С. Скалозубова. Она вместе с подругой Л.П. Назаренко (Сокольской) целиком увлеклись своим отделением и со знанием дела, ответственно отнеслась к приемке и даже сама участвовала в монтаже оборудования и косметической отделке отделения.

П.И. Точеный был достаточно умным опытным инженером, энергичным руководителем и хорошим хозяйственником. Ранее он был директором химикометаллургического завода. Ему было немногим более 50 лет, но он очень страдал отсутствием памяти на цифры и лица людей. Он никак не мог запомнить номера телефонов отделений, фамилии и имена сотрудников отделений и, тем более, номера большого количества оборудования в отделениях. Так как изменения в строительстве и монтаже происходили каждый день, то мы каждый раз после обхода быстро набрасывали в рабочую тетрадь все изменения и, таким образом, знали, что сделано на сегодняшний день.

Органы КГБ, интересовавшиеся работой Точеного, зная о его проблемах с па-

мятью, все время пытались найти у него записную книжку, наличие которой было недопустимо в связи с повышенной секретностью (заодно проверяли и меня). Петр Иванович очень боялся их и не скрывал этого. Я сумела доказать, что никаких записок у нас не существует, что все эти «записи» находятся у меня в голове. Меня даже прозвали ходячим справочником. Как ни странно, но представители органов относились ко мне довольно хорошо и, как даже мне казалось, доброжелательно и с уважением. Пожалуй, бдительность органов по охране секретности даже спасала нас от серьезных неприятностей.

Впоследствии я, одна из первых, с согласия режимного отдела Ткаченко, получила разрешение на выезд на «большую землю» навестить родителей. Эта первая поездка на родину мне очень врезалась в память. Дело в том, что мне дали пропуск для вылета из Свердловска самолетом. Это был мой первый полет. Вылетели мы на грузовом самолете «Дуглас». Кроме 4 человек экипажа, было человек 7 пассажиров, видимо, таких же, как я, и еще какой-то груз. Из женщин я была одна. Когда командир экипажа вышел в салон справиться о нашем самочувствии, я попросилась в кабину посмотреть, как управляют самолетом. Командир пригласил меня в кабину. Он показал мне все приборы, которыми они управляют и по которым ориентируются в воздухе. Затем указал место около столика, на котором лежала открытая карта-схема нашей страны. Я нашла там нашу местность возле Свердловска, обозначенную белым квадратиком. Оказалось, это обозначает, куда самолеты не имеют права залетать.

Потом я стала любоваться видом за окном самолета. Мы летели на высоте 1200 метров, под нами белое поле снежных плотных облаков с сугробами. Я даже представила себе, что мы летим над Северным полюсом. Вдруг я заметила, что один двигатель самолета стал замедляться, и сообщила об этом. Второй пилот, ведущий самолет, усмехнулся и сказал, что скорость вращения пропеллера такова, что его совсем не видно. «Да, – сказала я, – но вся беда в том, что я его вижу и, мне кажется, он останавливается!» Тут все обратили внимание, что двигатель и впрямь останавливается. Командир дал указание механику проверить поступление масла в двигатель. Проверка изнутри ничего не дала. Необходимо было проверить снаружи самолета, что на лету сделать невозможно. Решили лететь на одном моторе. Командир – летчик высшего класса – сел за второй штурвал, и пилоты вдвоем пытались удерживать машину. Но самолет не слушался, его тянуло к земле. Радист запросил у Свердловска разрешение на снижение. Разрешили спуститься до 900 метров. Снизились, попали в сплошную облачность, как будто плывем под водой. Видно только, как воду рассекают крылья самолета. Видимости никакой, а самолет еще больше тянет вниз. Сделали еще запрос. Спустились на 600 метров. Стало гораздо приятнее. Видна земля и железнодорожное полотно, над которым проходила трасса нашего полета. Второй пилот вспомнил о каком-то заброшенном аэродроме. Решили дотянуть до него. Для этого пришлось облегчить самолет. Отклонились от трассы и над лесом скинули груз. Но дотянуть до аэродрома все равно не смогли. Пилоты решили выбрать наилучшую площадку между оврагами и садиться, не выпуская шасси.

Тут командир обратил внимание на меня, молча сидевшую за столиком, попросил сесть на свое место, крепко держаться за скамейку (самолет-то грузовой!) и никому не говорить о случившемся. Я быстро выполнила его просьбу и, крепко держась, стала наблюдать в иллюминатор, как мы стремительно приближаемся к земле. Увидела домик среди колхозного поля и мальчишек, бе-

жавших к приближающемуся самолету и махавших руками. Затем толчок (кто-то слетел со скамьи), еще толчок – и все замерло. Пассажиры удивленно стали задавать вопросы. Я сказала: «Прилетели: станция «Зай» – кто хочет, вылезай!» Все расхохотались. Но кому-то было не до смеха. Открылась дверь кабины, вышел командир, успел спросить, все ли в порядке, и от сильного нервного напряжения пошатнулся. Его поддержали. Наступило минутное тревожное молчание. Затем первый пилот сообщил о вынужденной посадке и пригласил осмотреть самолет. Мы вышли. Площадка, на которую мы сели, была маленькая, примерно в две-три длины самолета. Мы стали обходить самолет вокруг. Каково же было наше потрясение, когда мы увидели, что прямо перед самолетом находится довольно глубокий овраг. Еще один толчок – и мы оказались бы в овраге! Какие классные у нас оказались пилоты, и какую классную они совершили посадку! Нам еще и повезло: несколько дней лили дожди, и земля стала мягкая, отдача была слабее. Даже антенна под брюхом самолета не повреди-лась.

Связались со Свердловском. Сообщили, что сели среди колхозного поля, изрытого оврагами, откуда взлететь невозможно.

Нас на лошади подбросили в правление колхоза, откуда на грузовой машине отправили на железнодорожную станцию Чад (а ведь чуть было не попали в ад!). Вскоре нас рассадили по вагонам в поезде Свердловск – Москва. На другой день в 10 часов утра мы прибыли в Казань. Каким же было мое удивление, когда мой друг, знавший, что я лечу самолетом, пришел встретить этот поезд! Оказывается, он целый день ждал меня в аэропорту и решил, что я передумала лететь и выехала поездом.

Анализируя произошедшее, я вдруг поняла, что в момент угрозы жизни я не испытала того ужаса, который пережили летчики. Видимо, внешнее спокойствие, с которым действовали пилоты, передалось мне. Показалось, что все произошло настолько быстро, что я просто не успела испугаться, а может быть, не представляла, что нам грозило. А скорее всего, я была уверена в профессионализме пилотов (и, к счастью, не видела площадку, которую выбрали для посадки). В общем, наивная молодость!

Обратно, из Казани я, не колеблясь, полетела самолетом (несмотря на беспокойство и уговоры матери); ведь это дало мне возможность лишний день побыть с родными.

Самое памятное событие в моей жизни – это то, что благодаря П.И. Точеному, весной 1948 года мне посчастливилось встретиться и близко познакомиться с И.В. Курчатовым. Встречи эти проходили в столовой «Березка», где иногда во время обеда И.В. Курчатов проводил пятиминутки с начальниками объектов. На эти планерки Петр Иванович, с разрешения «органов», брал с собой и меня.

Это были незабываемые впечатления о человеке большого ума, грандиозного дела, человека, умевшего слушать каждого и затем делать свои выводы. При этом он сам никогда не отдавал распоряжений исполняющему персоналу, через голову непосредственного начальства. Он строго соблюдал субординацию сам и научил всех нас подчиняться административной дисциплине. Мы все брали пример с этого незаурядного человека. Строгая дисциплина сохранялась и в дальнейшем среди всего персонала, от руководителей производства до эксплуатационников. Отсюда росли и уважение друг к другу, и большая дружба, объединившая всех в одну большую семью и сохранившаяся до сих пор, спустя многие годы.

Последний раз я встретила с И.В. Курчатовым в декабре 1951 года, когда он вручал мне награду – орден «Знак почета».

Монтаж оборудования основных отделений подходил к концу. Для обкатки смонтированного оборудования был организован сменный персонал в отделениях. Одновременно был назначен и сменный состав дежурных по объекту во главе с начальниками смен, т.н. главными дежурными технологами или просто диспетчерами и их помощниками. В помощь к ним были назначены сменные механики объекта, энергетики, дозиметристы и киповцы.

Была проведена имитация технологического процесса всех отделений на воде, а затем промывка кислотой. В ходе обкатки проверялось качество свободного перехода всей жидкости от одного аппарата к другому и отсутствие течи. Проводили нагрев аппаратов, отладку контрольных приборов, устраняли неполадки механической части аппаратов, находящихся в отдельных каньонах, к которым был пока свободный подход.

В длинных коммуникациях было немало вентилях, которые управлялись дистанционно. Они должны быть тщательно подогнаны, посажены без перекосов и неплотностей (прокладки исключались), так как в реальной работе доступ к ним из-за активности практически будет невозможен. Проверялись фланцевые соединения коммуникаций, находящихся пока в открытых нишах, после чего их наглухо закрывали защитными чугунными плитами. В процессе обкатки вновь и вновь проверялись знания технологии производства каждого отделения. Начальники отделений прямо-таки вылизывали свои помещения до блеска. В общем, завод тщательно готовился к приему продукции от предшественника – завода «А». Мы работали в тесном контакте, под общим руководством диспетчеров. Надо сказать, что наши диспетчеры оказались не только знающими технологами, но и умелыми руководителями, и чуткими людьми. Среди них были: Н.А. Соколов, А.В. Кузьмичева, Н.Г. Черевань, В.В. Крюков, П.Ф. Сахаров, И.А. Мокин, Н.Г. Чемарин, Г.Н. Ивашов и др. Сменными механиками были: Д.С. Юрченко, В.С. Сладков, Л.П. Захарова, М.И. Громова, С.Л. Мельникова и др. При главном механике объекта, возглавляемого М.Е. Сопельняком, была организована дневная служба: механики отделений (Саша Ведюшкин, Леша Кузьмин и др.) и ремонтный персонал, который проводил все сложные ремонтные работы, возникающие в ходе технологического процесса.

Работать по своей специальности мне было легко и очень интересно, так как я хорошо знала смонтированное оборудование всех отделений, всю его механическую часть. Знала, откуда и куда будет поступать продукция, и довольно хорошо представляла технологию самого производства. А под началом таких ученых все это и вовсе казалось несложным.

Все мы с трепетом ждали того дня, когда нам на переработку поставят облученную продукцию. Этот день наступил в конце декабря 1948 года. В ночную смену в диспетчерскую поступил сигнал о выезде контейнера с объекта «А». Мы выскочили на улицу, распахнули большие ворота, и в здание торжественно въехал мотовоз с контейнером. Началась дистанционная перегрузка облученных блочков урана в аппараты 2 отделения. У пульта управления собрался весь ответственный персонал смены, научные руководители А.П. Ратнер, Б.А. Никитин, В.Д. Никольский, Б.В. Громов и др. Все ждали: как-то пойдет растворение сначала алюминиевой оболочки урановых блочков,

в затем и самого урана. У пульта управления (штурвалов с дистанционным управлением) стояли инженеры отделения и ученые.

Растворение прошло нормально, строго по технологии, практически без отклонений. А в третьем отделении у Т.Ф. Коровиной уже все было готово к приему растворенного урана, чтобы продолжить технологию процесса по осаждению урана и отделению его от продуктов деления и примесей. Затем этот уран передавался в следующие отделения для дальнейшей очистки и выделения из него плутония-239. С этой, довольно сложной технологией эксплуатационный персонал сумел достойно справиться.

Насколько важен в то время был наш объект, говорит тот факт, что за рубежом очень следили за нашими шагами. И на новый 1949 год (не помню, кто нам тогда сказал) по зарубежному радио было передано поздравление с пуском объекта «Б». Для нас это была совершенно неожиданная сенсация.

Очень трудно и сложно шли процессы на последнем этапе отделения и очистки от примесей самого плутония в восьмом отделении. Этот конечный продукт, содержащийся в мизерных количествах в растворе, сопровождался избытком сопутствующих примесей. Но самоотверженным и упорным трудом руководителей Б.В. Громова, начальника отделения Н.С. Чугреева и технолога М.В. Гладышева удалось извлечь плутоний. Пуск восьмого отделения также состоялся, и в конце февраля 1949 года, через 2 месяца после начала пуска нашего объекта, готовый продукт был передан на объект «В».

Так прошел первый период освоения радиохимического плутониевого завода. Начались как бы обычные будни. Но будни эти были тревожными.

Помню, как однажды, в ночную смену, после пятиминутки в диспетчерской я пошла в отделения. Спускаясь вниз по лестнице мимо третьего отделения в довольно хорошо освещенный, широкий и длинный коридор, ведущий в другие отделения, я вдруг почувствовала какой-то страх. Пройдя по пустому коридору метров пять, ощутила, что страх вроде бы прошел. Я стояла немного в недоумении: странно, ведь я никогда ничего не боялась! Этот коридор многие из нас проходили, когда шли на смену во второе, третье отделения и в диспетчерскую. Я решила вернуться и еще раз пройти до лестницы. Не доходя до поворота к лестнице 1-2 метра, меня снова охватил еще более сильный страх. Отошла назад – отпустило. Тогда я подошла к телефону и попросила дежурного дозиметриста срочно спуститься с прибором ко мне. По сигналу на телефонном пульте он знал, где я нахожусь. Он спустился с противоположной стороны, настроил прибор, и мы вместе пошли к той стене, где в нише проходили технологические трубы с вентилями (дистанционного управления) из третьего отделения. Не доходя нескольких метров до стены, прибор начал реагировать на излучение. Около стены, в которой с обратной стороны была ниша, прибор зашкалил. Стало ясно, что случилось – «активная жидкость вышла из берегов!». Когда мы отошли на безопасное расстояние, дозиметрист спросил меня, как я узнала, что здесь высокая активность. Я в шутку ответила, что измерила своим организмом.

Такая высокая активность не давала подойти к стене. Надо было найти причину и устранить ее. Но как? Я доложила диспетчеру, рассказала, какие хочу предпринять действия как ответственный механик. Начальник смены П.Ф. Сахаров и его помощник И.А. Мокин одобрили. Тогда я дала задание слесарям доставить листы свинца. Объяснила им задачу, которую мы сможем выполнить в

нашу смену с тем, чтобы другая смена и дневной персонал могли пройти на рабочие места, не получив облучения. Посоветовалась с ними, как лучше выполнить работу. Пока ребята готовились, я поднялась в диспетчерскую, стала советоваться с И.А. Мокиным, как быстрее справиться с аварией, кого взять в помощники, так как находиться вблизи источника излучения можно не более 2-3 минут. В это время на пульте раздался зуммер прямого провода из Москвы. Звонил Е.П. Славский, которому уже успели доложить о ЧП. Мокин передал трубку мне. Я не успела еще рта раскрыть, как услышала красочную подборку крепких словечек. Тогда я просто отключила зуммер. Мокин пришел в ужас: «Что ты наделала, ты знаешь, кто звонил! Что теперь будет!» Снова загорелся сигнал московского тумблера. Иван Алексеевич робко отозвался. «Это Славский. Дайте трубку дежурному механику. Почему Вы отключились?» Я объяснила Ефиму Павловичу, что у нас здесь производство, обслуживаемое интеллигентным персоналом, а не строительная оперативка. Славский усмехнулся (видимо, тоже припомнил те оперативки) и уже спокойным тоном расспросил, что произошло и что предпринимаем. Велел срочно вскрыть нишу и ликвидировать аварию. Я отказалась, сказав, что отвечаю за безопасность своего персонала и находиться в опасной зоне больше положенного времени не разрешу. В свою смену мы сможем только закрыть часть стены свинцом. Для вскрытия тяжелых плит ниши нужны такелажники и соответствующие механизмы, а для проведения ремонтных работ необходима свинцовая защита. Срочно вызванный Славским главный механик М.Е. Сопельняк одобрил мои действия. Инцидент был исчерпан, и авария днем была устранена.

Когда я в следующий раз в другом, совершенно неожиданном месте также почувствовала организмом активность, меня прозвали «ходячим дозиметром». Проявившаяся реакция организма на внешнее облучение была не случайна – в этот год я заболела. Меня поставили на учет по выводу с завода. Директор объекта отпустить меня не хотел и предложил сдать экзамены на начальника смены, чтобы работать в «чистых» условиях в помещении диспетчерской, руководить по телефону с пульта управления, не посещая отделения.

Работая помощником начальника смены П.Ф. Сахарова, я снова нарывалась на выговор, так как кассеты часто оказывались засвеченными. Я не могла убедить дозиметристов, что в течение смены не выходила из диспетчерской. А раз так, то я решила посещать отделения, и кассета стала относительно «нормальной». Пришлось заставить дозиметристов проверить рабочее место в диспетчерской. Оказалось, что возле коммутатора, за которым мы частенько сидели, был довольно высокий, колеблющийся в течение смены, радиоактивный фон. Исследования показали, что в трубопроводах, расположенных на отдельном этаже под диспетчерской, при перекачке активного раствора создавался высокий фон, который и проникал в помещение диспетчерской. Во время перекачки продукта из одного отделения в другое радифон становился максимальным, после окончания передачи раствора и продувки трубопроводов активность снижалась. Таким образом, мы, хорошо защищенные со всех сторон от шума и других воздействий внешней среды, на самом деле сидели на «пороховой бочке»!

Несмотря на ухудшающееся состояние здоровья, я продолжала работать и выискивать неполадки. Однажды, идя утром на смену, я обратила внимание на подтеки на внешней стороне большой вытяжной трубы на высоте 50 метров от крыши здания. Я забеспокоилась, ведь хорошо изучив все оборудование внутри

трубы, я знала, что на такой высоте ничего не должно случиться, и вдруг – подтеки! Я доложила начальнику смены и пошла в трубу проверить, что могло произойти. Как я и предполагала, на этой высоте был монтажный пояс кольца трубы. Воздух, выброшенный из вытяжной вентиляции, конденсировался и частично собирался на этом поясе. Жидкость постепенно просачивалась через бетонную стену наружу. Трубе грозила катастрофа. Вернувшись в диспетчерскую, я доложила обо всем начальнику объекта (тогда уже Б.В. Громову), начинавшему рабочий день с ознакомления с работой всех смен за сутки и поджидавшему меня («разведка доложила»...). Мы с ним снова пошли осматривать трубу. Он тоже убедился, что протечка чревата последствиями. Через день уже начался ремонт трубы. Все работы у нас были срочные, не допускались никакие казусы и просчеты.

Работая помощниками начальников смен, мы практически несли ту же ответственность, что и начальники смен объекта. За все неполадки и нарушения в технологическом процессе отвечали не только непосредственные виновники в отделениях, но и мы – диспетчеры. И от того, насколько мы быстро и правильно найдем решение, как выйти из аварийной ситуации, зависел выход конечного продукта. И, когда нам удавалось удачно «разрулить» то или иное ЧП, радовалась вся смена, и не страшны были никакие наказания. Эта работа меня очень увлекала. Я почти всегда, зная технологию, интуитивно чувствовала, что нужно сделать, чтобы свойства конечного продукта не были нарушены.

Инженерная работа привела меня к необходимости исполнения своей давней мечты – поступлению в институт. Нас подобралось несколько человек, окончивших ранее техникум и решивших продолжить образование. Но наше желание, к сожалению, не совпало с нашими возможностями. Разрешения на выезд для сдачи экзаменов на заочное отделение института мы не получили. Однако нас заверили, что мы будем учиться, и вскоре в нашем городе открыли филиал № 1 Московского инженерно-физического института, а через год (в 1952 году) построили для него новое здание. Мы стали его первыми студентами. (Правда, оканчивать институт мне с моим мужем В.А. Жильцовым пришлось уже в филиале № 5 из-за перевода на другое предприятие. Так мы стали сочетать работу с учебой. Было очень нелегко. Трудность усугублялась тем, что к этому времени мы почти все стали больными. Но мы не сдавались, да и медики нас очень поддерживали. Надо сказать, что личная гигиена, ядерная дисциплина и культура производства многих сберегли от трагических последствий).

Только сейчас, по прошествии многих лет, мы стали четко представлять все сложности радиохимического производства, как мы шагали к неизведанному, с какой подготовкой, с каким внутренним чувством. Под руководством И.В. Курчатова мы стали первопроходцами новой эры, мы оказались в первых рядах бойцов за овладение атомной энергией.

Да, нелегко было работать нашим операторам, аппаратчикам, инженерам, начальникам смен, механикам, прибористам, электрикам – одним словом, всему персоналу завода. Но нас постоянно морально поддерживало не только руководство объекта и комбината (Б.В. Громов, Г.В. Мищенко и др.), но и великие ученые: И.В. Курчатов, Е.П. Славский, А.П. Ратнер, А.П. Александров, А.А. Бочвар и др. Можно представить, насколько психологически трудно было и им. Ведь они отвечали за всю нашу работу с начала пуска и до получения чистого конечного продукта. Им же отвечать перед правительством. Постоянное

их присутствие на наших рабочих местах, их внешнее спокойствие передавалось и нам – обслуживающему персоналу. Обстановка была очень напряженная, но одновременно и спокойная. Неполадки, которые неизбежно возникали в процессе пуска завода, происходили у них на глазах, поэтому ругать было некого и не за что.

Работа по своему объему, уникальности, политической и технической значимости была ни с чем не сравнима. Мы тогда сделали все возможное и невозможное, и надежность пуска и работы завода были обеспечены.

Во многом успех нашего общего дела зависел от кадров, подобранных для комбината «Маяк» с высокой ответственностью. Мы можем с гордостью сказать, что на комбинате также ковались сильные кадры для всей атомной промышленности и энергетики. В министерствах, главках, на многих атомных станциях руководящим составом были и есть выходцы с «Маяка». Вспомним некоторых из них: бывший главный инженер Курской атомной станции Николаев Том Петрович, бывший начальник лаборатории ВНИИАЭС Жильцов Валентин Александрович – член правительственной комиссии по расследованию причин аварии на ЧАЭС и многие другие. Они стояли у истоков рождения атомной энергетики и связали всю свою жизнь с этим выдающимся открытием XX века. Это люди, отдавшие себя полностью служению «мирному» атому и рано ушедшие из жизни.

□ 2.7. НАЧАЛО НАЧАЛ

Зотова Е. И.

Воспоминания (1947-1962).

Зотова (Завольская) Евгения Ивановна.

Окончила в 1947 году РУ в г. Дзержинске Горьковской области по специальности лаборант-химик. В Челябинске-40 работала до 1962 года Лаборант-химик, лаборант-дозиметрист, фотолаборант.

Ветеран атомной промышленности РФ, в настоящее время на пенсии.

Шел 1947 год. Нас, молодых девушек и ребят, закончивших РУ и ФЗУ, направили на новостройку в Челябинскую область. Перед отъездом нам всем было предложено заполнить анкеты. Прибыли 2-го августа на место, нас разместили в бараки, оформили на работу и поставили на комсомольский учет. Время еще было очень трудное – выдали нам хлебные карточки (800 граммов на день) и небольшой аванс. Питались в небольшой столовой, где на обед обычно давалась т.н. уха – прокрученная на мясорубке мелкая рыбешка, залитая водой безо всяких добавок. Немного выручал местный рынок, где продавали кислое молоко и брюкву. Отличная еда, если употреблять все это по отдельности, но не вместе, шутили мы.

Работа наша пока заключалась в разборке приборов и химической посуды в находившемся неподалеку от нашего барака складе. Мы должны были распаковать поступающие на склад в большом количестве ящики.

Природа вокруг была изумительная – озеро, речка Теча, где можно было на-

ловить раков голыми руками. Речка была настолько чистой, что раков было видно невооруженным глазом, мы брали их и выбрасывали на берег. В небольшом поселке жило несколько немецких семей, которых позднее депортировали в другое место. Кроме нескольких бараков и небольших домиков, было одно двухэтажное здание заводоуправления.

Тем не менее, стройка шла полным ходом. Раскорчевывали лес. Подвозили стройматериалы. Закладывали город. На будущих объектах стройка тоже шла полным ходом. Всю тяжелую работу делали заключенные – рыли котлованы, подводили коммуникации, трубы и т.д. Мы не знали о предназначении этой стройки, нам не только ничего не объясняли, но и запрещали говорить об этом. Неожиданно пришел приказ – отправить нас по домам, в отпуск, на месяц. Сказано – сделано. Выдали сухой паек – хлеб, подсолнечное масло, сахарный песок. Посадили в телячьи вагоны, где были сено и солома, и отправили отдыхать. Добирались мы около 10 дней. Было нам по 17-19 лет, и нам было весело, что и сейчас вспоминается тепло и с удовольствием. Каких только выдумок не было! Среди нас был Игорь Померанцев, он устраивал концерты: сеансы гипноза. Я впервые увидела, как человек мгновенно засыпал и был игрушкой в руках Игоря. Одна девушка очень поддавалась гипнозу и чаще всего была его «жертвой». Она удила рыбу, чистила ее и потом жарила и ела. Мы смеялись до слез. Или еще номер: девушка подходила к парню, обнимала его, гладила по голове и потом просыпалась. Мы все смеялись, а она ничего не понимала. Так незаметно мы и доехали. После отдыха нас направили в Москву, поселили в деревне Щукино. Это был сентябрь месяц. Выдали хлеб, карточки, еще какие-то талоны на вещи. Отоваривать все это нужно было на Малой Грузинской улице. Нам сказали, что скоро на нас должен прийти допуск и мы будем проходить практику по своей специальности. Прошло около месяца, допуск так и не пришел. Деньги тоже задержали, мы были всем должны: за квартиру, за еду. Но еще получилась так, что, когда пришли деньги, в этот же день произошел обмен денег, т. е. старые деньги, что мы получили, обесценились. Пострадали все, и мы, и те люди, которые давали нам в долг. Отменили карточки. Появились коммерческие кафе и магазины. А прежде, чем уехать нам в Челябинск-40, мы успели два раза побывать в Большом театре и послушать оперу «Евгений Онегин» с Козловским, он исполнял партию Ленского. Мы погуляли по Красной площади и посетили Мавзолей В.И. Ленина.

И снова мы на Урале, в молодом городе, где уже появилась улица Ленина. Нас снова посетили в общежитие. На этот раз в комнате нас было 10-12 человек, удобств мало. Купили уют, электроплитку, обедали в столовой завода. Практика была в химлаборатории завода. По окончании практики мне присвоили 6-ой разряд. С благодарностью вспоминаю коллектив завода, который тепло принял и учил нас, как надо работать, особенно завлаборатории, старшего лаборанта, сотрудников. Когда вернулись в «свой» уже город, нас поселили опять на новое место в общежитие «Мечта», как мы шутя назвали его: в комнате было 40 человек, и она была проходной, рядом тоже была такая же комната. Они входили через нашу комнату, а мы через них в умывальник и туалет. Но ведь мы были молоды, веселы, и знали, что это трудности временные.

Наконец, нас распределили по объектам. Была зима, на работу нас возили на «коломбине» – это крытая грузовая машина. Но нам, молодым, было все нипочем: мороз 35°С, а нам весело. Работа на объекте пока сводилась к знакомству с

новым местом и обустройству. Через некоторое время меня временно пристроили в раздевалку принимать верхнюю одежду и выдавать халаты. Однажды на наш объект приехал И.В. Курчатов, его всегда сопровождал телохранитель – или Иванов, или Андреев. В этот раз с ним был Андреев. Мы были с ним знакомы, познакомились на танцах. В нашем молодом городе вечерами прямо на улице около общежития организовывали танцы под патефонную музыку. Так как Игорь Васильевич остановился в обозримом поле, Андреев поздоровался со мной и стал рассматривать мою книгу. Мы стали ее обсуждать, и Андреев не заметил, как Курчатов исчез. И бедный Андреев, оборвав себя на полуслове, вприпрыжку бросился искать своего шефа.

Примерно в мае 1948 года мне довелось работать в т.н. «домике», недалеко от нашего объекта. Там работала «наука». Нас с подружкой Машей Лушиной посадили за приборы, как я думаю теперь, для проверки реактора.

Реактор готовили к пуску ударными темпами. В этом же домике был кабинет И.В. Курчатова. При входе в домик стояла переносная вешалка и вмонтированное в стенку зеркало. Когда Игорь Васильевич приходил, он оставлял на вешалке плащ, шляпу и галоши и уходил в кабинет. Мы с подружкой, как почти и все, благоговели перед Игорем Васильевичем, нам нравилось все, что было с ним связано. Ровное благожелательное его отношение ко всем. Всегда хорошее настроение. Внешний вид и манера одеваться. Его вещи тоже нам казались особенными. Теперь смешно об этом вспоминать, как мы с трепетом брали украдкой его шляпу и галоши и примеряли их на себя перед зеркалом, считая, что вдруг и мы поумнеем от примерки вещей этого великого человека. В этом домике часто бывали Б. Дубовский, Е. Бабулевич и другие научные руководители. Всех их отличало от других отношение к людям, в каком ранге они бы не были, будь лаборант, уборщица или инженер. В период подготовки и пуска реактора к нам часто приезжали из самых высших эшелонов власти – министр Б.Л. Ванников. Он был небольшого роста, лысоватый, тоже всегда в хорошем расположении духа. Работа же была сверхсерьезной. И все было впервые, невозможно было предугадать, как пойдет дело.

Были «козлы». Нужно было извлекать эти спеченные блочки из недр реактора, и тут появились «козлодеры». Этим занималась бригада инженера Зверева. Не всегда все делалось по инструкции. Люди облучались, но это было необходимо, все только учились работать. Однажды, когда также предстояла какая-то серьезная важная работа этой знаменитой бригады в центральном зале, приехал Е.П. Славский, он еще не был министром, но занимал значительный пост. Славский подошел к дежурному по залу Косте Антонову с ребятами. Костя только что вышел на работу после болезни. Они о чем-то оживленно разговаривали и увидели меня. Славский помахал мне рукой, чтобы я подошла. У меня сердце ушло в пятки, что-то сделала не так?! Когда я подошла, Ефим Павлович вдруг рявкает: «Ты что это, Антонова-то иссушила?» Он что-то еще говорил, я не помню, вылетела я из зала, как пробка. Хотя мне и было 19 лет, я была еще дикая и стеснительная. А Славский Е.П. был грубоватым и очень любил мат. Мат был очень распространен среди технических работников, в отличие от работников науки. В середине августа 1949 года к нам приехал Л.П. Берия. Нас, весь персонал, предупредили, чтобы мы не показывались на глаза этому небожителю без надобности, но любопытство взяло верх, я взяла графин и отправилась за водой. Для этого нужно было выйти из здания. При выходе я увидела Берию, он стоял

с охранником и кого-то ждал. Был он в макинтоше, шляпе, очках, точно такой, каким мы привыкли видеть его на фото. Больше его я не видела.

В то время я работала лаборантом-дозиметристом в отделе дозиметрии, начальником отдела был И.Д. Розман, начальником лаборатории В.И. Шевченко. В.И. Шевченко был милейшим человеком, из уважения к нему все старались выполнять все работы. Я работала в транспортной галерее на сортировке блочков, т.е. разбирали блочки на рабочие и холостые. Но в отделе появилась «нужда» сэкономить на зарплате. И с меня неожиданно сняли 6-й разряд, заменив его на 5-й, не поставив в известность и не объяснив причины. Сделал это И.Д. Розман, с чем я была, конечно, не согласна и обиделась. Это была его месть за что-то. Вскоре мне предложили работу на новом строящемся реакторе в качестве фотометриста. И я, конечно, согласилась и ушла с этой очень опасной «грязной» работы.

Началась снова напряженная работа по подготовке реактора к пуску. Работали по 12 часов. После месячной работы начались будни, размеренная работа в фотолаборатории. В 1951 году я вышла замуж.

Муж – Зотов А.Г. работал на том же производстве инженером-электриком. Позднее он закончил вечернее отделение МИФИ и перешел на управление реакторами, в этом качестве работал и в дальнейшем на Нововоронежской АЭС.

В 1952 году родился сын, в 1954 – дочь.

С И.Д. Розманом пришлось встретиться снова, он был переведен к нам начальником отдела дозиметрии и за неимением своего кабинета он обосновался в нашей лаборатории, оставив для работы только темную комнату. Через некоторое время он был переведен по каким-то неизвестным причинам в Сухуми, а у нас появился новый молодой начальник Могильнер, самый демократичный прекрасный человек. Я училась в то время в вечерней школе, и он очень много помогал мне. Я с особенной благодарностью вспоминаю его. К сожалению, он вскоре был куда-то переведен. Вместо него появился Бурдаков, он организовал себе отдельный кабинет и мы, фотолаборанты, с ним тесно не соприкасались. Тихо и мирно мы проработали с ним до 1959 года. В 1957 году мы пережили взрыв и работали, как и все работники объекта, на ликвидации аварии. На радиохимическом производстве взорвалась емкость с радиоактивными отходами. Городу повезло, направление ветра было в другую сторону. Но этот взрыв причинил огромный вред, накрыв большое пространство, деревни и города. Нам, дозиметристам, пришлось не только замерять загрязненность на объекте, но и самим принимать участие в ликвидации радиационной «грязи». Тепло вспоминаю сотрудников, работающих со мной, в том числе инженера Л. Доменука, который сконструировал маленький переносной дозиметр «Сукин сын», так любовно был он им назван. С этим дозиметром я довольно долго работала, проверяя радиоактивность.

А в 1959 году я перешла по приглашению Петрова в химический цех в смену радиометристом. Начальником смены был замечательный молодой человек Василий Александрович (фамилию забыла!). Смена была дружной, почти одной семьей. Когда была возможность, в выходные мы ездили в Дом отдыха, катались на лыжах, ходили к Сугамаку (гора на Урале), любовались прекрасной уральской природой, ее невысказанной красотой, чистым воздухом, так необходимым для нас (см. фото).

Надо сказать, что мне очень везло на хороших людей. Добрым словом вспоминаю всех их.

В 1962 году я уехала к мужу, по месту его работы на Нововоронежскую АЭС.

Сугомак, Дальняя дача. Химический цех. Наша смена на отдыхе.

□ 2.8. КАК ЭТО БЫЛО...

Чумейко А.Г.

Ветеран атомной отрасли.

Воспоминания (1957)

Чумейко Анатолий Гаврилович, 1937 года рождения, окончил в 1957 году Сталинский металлургический техникум и по распределению был направлен в п/я № 21 г. Челябинск-40 (позднее «Маяк»). С 1957 года работал на радиохимических заводах 25, 35 вначале на приемке оборудования, после 1959 года – мастером и старшим мастером. Ветеран труда. Ветеран атомной энергетики и промышленности РФ. Имеет юбилейную медаль «За доблестный труд». В настоящее время пенсионер (от редакции).

В сентябре 1957 года завод 35 еще строился. 29 сентября, в воскресенье, нас, работников завода, человек 35, повезли в совхоз Ворошиловский – перебирать картофель. Стояла отличная солнечная погода. И вот где-то примерно в 16 часов в районе промплощадки раздался взрыв. Мы все выскочили из хранилища и стали смотреть в сторону заводов. Мы увидели столб то ли пыли, то ли еще чего-то непонятного, которое поднялось на приличную высоту.

Где-то в районе 19 часов нас посадили в автобус и повезли в город.

Бетонной дороги от города до Ворошиловска еще не было, ехали по лежневке. Несколько раз нас останавливали вооруженные солдаты, чего не было, когда утром ехали в совхоз.

Приехав в город и придя в общежитие (оно было напротив заводууправления),

там (в общежитии) тоже никто ничего не знал. И только на следующий день, приехав на работу, на завод 35 (к нам на завод ходил автобус), мы узнали о случившемся. Нас, всех работников ОГМ, собрал начальник отдела Чечетин Г.И., проинформировал, дал инструктаж, определил первоочередные и срочные работы. С этого дня стали налаживать санпропускник, где я и принял самое непосредственное участие, так как принимал оборудование от монтажников.

Через некоторое время (примерно через две недели) меня вместе с другими молодыми тружениками завода зачислили в срочно созданную группу дозиметрии, чего на заводе 35 до этого еще не было. Возглавил ее С.Л. Свищев. Через некоторое время его сменил другой, действительно специалист в «Д» (фамилию его я не помню). Мы изучили рентгенометры (переносные приборы для измерения уровня радиации поверхностей).

Начались работы по дезактивации зданий, сооружений и территории завода 35.

Вся территория была разбита на квадраты. Я был закреплен за засыпкой (дезактивацией) и контролем территории между зданиями механического цеха, насосной станции, железной дорогой на завод 37 и железной дорогой на завод 35. Эту площадку засыпали привозным грунтом. Грунт возили 5-6 самосвалов, а планировали, разравнивали 2-3 бульдозера. Кабины у них были прикрыты свинцовыми листами. Работали на самосвалах и бульдозерах, в основном, солдаты.

Я постоянно в течение дня контролировал и указывал места засыпки территорий, оформлял допуски, выдавал каждому на смену перед началом работ каскету, а по окончании работы все забирал и сдавал в лабораторию. Каждый участник работ, и я в том числе, был под тройным контролем. Доза облучения в смену была разрешена не более 2 рентген. Кто набирал 25 рентген, его выводили из бригады – и солдат, и работников завода.

Обычно в смену каждый работник получал 1, иногда 1,5 рентгена. Таким образом, через один месяц персонал полностью менялся.

Я проработал один месяц, получив в 20 лет «свои» 25 рентген, и был выведен на свое основное рабочее место в отдел главного механика завода 35.

□ 2.9. УРАЛЬСКИЙ СЛЕД

Федотов И.С.

Кандидат биологических наук.

Федотов Игорь Степанович родился в 1936 году в Москве. В 1964 окончил МГУ имени М.В. Ломоносова и работал в лаборатории радиобиологии биолого-почвенного факультета (1962-1986 гг.) младшим, старшим научным сотрудником, начальником Уральской экспедиции. Кандидат биологических наук.

В 1986 году в составе экспедиции АН СССР работал в зоне аварии на ЧАЭС. С 1987 по 1994 год работал в НПО «Припять» г. Чернобыле начальником лаборатории, начальником отдела. С 1994 года работает в Институте общей генетики РАН по изучению последствий радиационного облучения на природные популяции. Автор около ста научных работ по радиобиологии, радиационной генетике, лесной радиоэкологии (от редакции).

В 2007 году исполнилось 50 лет со дня крупнейшей аварии (до Чернобыля)

атомного производства. Естественно, что аварии являются негативным явлением. На ошибках учатся и плохо, когда на своих. Эта авария потребовала огромных материальных затрат и моральных жертв. Эвакуированы были десятки деревень, людей сняли с родных привычных мест и перенесли на новые, может быть, лучше, но не родных. Загрязненные территории стали опасными для здоровья землями, требовалась охрана этих мест, большая разъяснительная работа, выплата компенсаций.

Но как в любом явлении, даже негативном, есть моменты, когда человечество может приобрести опыт для последующей жизни. Науке такие катаклизмы позволяют делать прогноз на будущее, а техническое производство приобретает новый виток развития.

Московский университет (МГУ). На биолого-почвенном факультете, где я в это время учился, существовал первый (секретный) отдел, который курировал несколько закрытых лабораторий. Одна из лабораторий – радиобиологии занималась исследованиями, проводившимися на Урале около комбината «Маяк» в поселке Метлино. Эти работы касались вопросов поведения стронция-90 в системе почва – растения. Сотрудники лаборатории вносили в почву растворимые формы стронция-90 и исследовали миграцию его в почве и поглощение его различными видами растений.

В августе 1957 года произошла авария на территории комбината «Маяк», образовался Восточно-Уральский радиоактивный след (ВУРС), и территория на десятки километров была загрязнена стронцием-90. Естественно, отпала необходимость вносить для экспериментов стронций-90, так как его было достаточно много в различных концентрациях в зоне ВУРСа.

Сотрудники лаборатории «радиобиологии» Биофака МГУ продолжали работать в зоне ВУРСа.

На Урале недалеко от радиоактивной зоны была образована Опытная научно-исследовательская станция (ОНИС), которая возглавляла научные работы на следе. В Министерстве среднего машиностроения одну из секций, курирующую работы в зоне ВУРСа, возглавлял академик В.М. Ключковский, (завкафедрой агрохимии Тимирязевской академии), а позже Р.М. Алексахин (в настоящее время директор Института сельскохозяйственной радиологии). На этой секции обсуждались вопросы радиоэкологии, радиационной генетики, агрохимии, отходов атомного производства, привлечения научных учреждений к данным проблемам. Таким образом, была организована работа на радиоактивном следе.

Несколько слов о В.М. Ключковском. Это был человек энциклопедического ума, разносторонне образованный, хорошо разбирающийся во многих областях науки; и в атомной физике (поправка Ключковского, касающаяся спиновых чисел атомного ядра) и в радиационной генетике. Однажды мы завтракали за одним столом (на семинаре по радиационной генетике в Мозженке, который организовал В.А. Шевченко – заведующий лабораторией радиационной генетике Института общей генетики имени Н.И. Вавилова) – В.М. Ключковский, М.И. Шальнов, сотрудник института медицинской биологии и я. Михаил Иванович задерживался. Когда он подошел, Ключковский спросил, где он был, и услышав ответ, сказал: «Михаил Иванович, какой вы замечательный человек, прошли по лесу пять километров, увидели много интересного, нашли маленькое чудо из корня березы, а мы здесь сидим и ждем завтрака».

Еще один эпизод о Клечковском из жизни экспедиции Московского университета. Было лето, июнь, сотрудники разъехались после посевной. В.М. Клечковский с экспедиционной проверкой объезжал поля в радиоактивной зоне. Нас предупредили, быть на участках. Клечковский подъехал и спросил, где сотрудники. Я ответил, что в Москве. Он взглядом осмотрел посеvy, затем сказал с сожалением: «Московская экспедиция Московского университета».

Среди организаций биологического направления были привлечены к работам на ВУРСе: МГУ, Институт общей генетики, Институт экологии и морфологии животных, Лаборатория лесоведения АН и другие научные учреждения Москвы и Ленинграда.

Как я попал на Урал. На биолого-почвенном факультете, где я учился, ко мне подошел заведующий лабораторией радиобиологии С.Г. Рыдкий и спросил, не хочу ли я поехать в экспедицию на Урал. Слово «экспедиция» тогда имело окраску романтики и предвкушения чего-то неизведанного. – «Куда, зачем? – Это я скажу позже. Мне нужно ваше согласие. – Но я не могу дать согласие, не зная подробностей. – Что бы Вам рассказать о подробностях, Вы должны заполнить анкету в первом отделе, а когда придет допуск, мы с Вами побеседуем подробнее». Так интрига стала двигателем, началась моя работа, связанная с Уралом, с ВУРСом, которая продолжалась 25 лет.

Летом 1962 года мы выехали в Челябинск на скором поезде № 14. От вокзала в Челябинске мы шли пешком, пересекли привокзальную площадь, далее мимо каких-то деревянных зданий, заборов и подошли к длинному одноэтажному барaku, где находился секретный отдел г. Челябинска-40 в областном Челябинске. Предъявили документы. Через час нам дали талоны на посадку в автобус, и вскоре мы поехали в направлении Свердловска. Все происходило в молчании, хотя люди знали друг друга. Мелькали русские и татарские названия населенных пунктов. Озера чередовались с березовыми колками, мы ехали по зоне лесостепей. Затем мы пересекли реку Течу. Впоследствии она стала известна в научных кругах, так как атомный комбинат Челябинска-40, позже «Маяк», сбрасывал в нее радиоактивные отходы. Через пару десятков километров мы повернули в направлении деревни Куяш, откуда потом звонили в Москву и ловили раков в расположенном рядом озере. Вскоре приехали в поселок со странным названием Ворошиловск. Этот поселок стал для нас и местом проживания, и исследовательской базой в течение десятков лет. Он находился примерно в 30 километрах от Челябинска-40 – в настоящее время г. Озерск. В Ворошиловске мы работали в «зоне»; колючая проволока, вышки, пахатный проезд между колючками, но заключенных там не было. В бараках размещались наша лаборатория, виварий, сушилки и другие подсобные помещения.

Работа двигалась быстро, так как опыт работы с радионуклидами уже был и в этом помогали сотрудники ОНИС.

Первый выезд в зону. Опытная станция (ОНИС), которая находилась в Ворошиловске, представляла собой двухэтажное здание, в котором размещалось несколько лабораторий. Позже было построено большое здание с экспериментальной базой. Возглавлял ОНИС А.Н. Корнеев, научным руководителем был Е.А. Федоров. Это были бывшие растениеводы, агрохимики, почвоведы, прошедшие школу радиационной биологии, и ставшие грамотными радиоэкологами в вопросах воздействия и поведения радионуклидов в организмах и во внешней среде. Сотрудники

привлеченных организаций, как нас называли на ОНИСе, постоянно находили понимание и поддержку у руководства и всего коллектива ОНИС. В один из летних дней 1962 года мы выехали в загрязненную зону, которая находилась в двух километрах от поселка. Проехали 0, 1, 2 участки, которые отличались по уровню загрязнения стронция-90. На 2-м участке, где мы работали, активность составляла 50 кюри на квадратный километр, он был расположен около озера Урускуль. У озера Бердиниш, где проходила ось следа, активность доходила до 300-400 кюри на квадратный километр, начало следа находилось примерно в 5-6 километрах от этих мест, активность там была очень высокой – около 5 тыс. кюри на квадратный километр. Это в два раза выше, чем самые загрязненные территории около ЧАЭС. На участке сотрудники нашей лаборатории проводили исследования по выносу стронция-90 различными сельскохозяйственными и декоративными культурами. Было проанализировано несколько десятков культур, представляющих различные семейства, изучались сортовые особенности, распределение стронция по органам (корни, стебли, листья, плоды, семена) и др. Разрабатывали пути и методы снижения стронция-90 в растительной продукции при помощи внесения удобрений и методов обработки почвы. Нашей группой были разработаны методы индивидуального отбора растений у одного вида за счет гетерогенности популяции по содержанию стронция-90; была дана сравнительная оценка его эффективности, проведены эксперименты, касающиеся мутагенной способности стронция и химических мутагенов, в частности по индукции явления гетерозиса у томатов. Урожайность у гетерозисных кустов была в 2-3 раза выше, чем в контроле. Была проведена большая работа по оценке усвоения растениями урана-238 в связи с его присутствием в фосфорных соединениях. Принимали активное участие в экспериментах «Экос» по облучению естественных участков леса и исследованию его последствия. Все было ново и интересно. Вспоминается случай, который сейчас бы показался странным, а тогда энтузиазм научного стремления заглушал радиационные страхи. Я работал над вопросом эффективности внешнего и внутреннего (инкорпорированного) облучения. Для этого требовались растворы стронция-90 различной концентрации. Поручив лаборантам подготовить место и защитные экраны для проведения опыта, поехал за изотопом. Привез контейнер с ампулой, спросил о подготовке к эксперименту и, получив положительный ответ, попросил всех удалиться, чтобы одному вскрыть ампулу и сделать растворы определенной концентрации. Эксперимент по подготовке растворов планировалось провести в пределах 30-35 минут. Максимальная мощность дозы по ту сторону экрана должна была быть 1500-1700 рад в час.

Через 15- 20 минут после начала работы увидел, что органическое стекло часов превратилось в паутину трещин. Почувствовал, что-то не так, и провел окончание опыта по сокращенной схеме. Стали разбираться, и оказалось, что 2 экрана из 4-х, с которыми я работал, были не свинцовыми и легко пропускали бета-частицы иттрия-90, дочернего изотопа стронция-90. Самочувствие через 2 дня ухудшилось, и я вылетел в Москву. Сделал анализы крови. Они были неутешительные. Через пару дней я вылетел в Крым и пробыл там один месяц. Море, хорошее питание, отдых сделали свое дело, и через месяц снова анализы. Они были ближе к норме. Никто, кроме меня и лаборантов, об этом не знал, а то было бы шума много, пользы мало.

Можно привести несколько примеров, показывающих, что научные разработки опережали события практической жизни. Как уже излагалось выше, еще

до аварии на «Маяке» в 1957 году, сотрудники лаборатории радиобиологии МГУ изучали вопросы по выносу стронция-90, которые после аварии являлись самыми актуальными и необходимыми. Вторым примером может быть программа «Экос» с облучением мощной цезиевой установкой сосново-березовых участков леса в 1974-75 гадах. Знание доз поражения и гибели сосны и березы, приобретенное в этих экспериментах, помогало оценить воздействие радиации на леса при аварии на ЧАЭС.

Следует отметить, что работа под руководством ОНИС была поставлена грамотно и организовано и в этом определенную роль играла ЦЗЛ «Маяка». И если сравнивать организацию работы сельскохозяйственного и лесного направлений на ВУРСе, где я проработал 25 лет, с 1962 по 1986 год, с работой в Чернобыле, где я работал 8 лет, 1986-1994 годы, на ПО «Комбинат», позже НПО «Припять», то следует заметить, что работы на ВУРСе проводились на более высоком организационном и методическом уровне. Следует рассказать об атмосфере взаимопомощи сотрудников различных организаций как в работе, так и в проведении отдыха.

Вспоминаю удивительные поездки на озера Увильды, Аргазы, Касли и, конечно, на красавец Иртяш. Ловля рыбы и раков, купание в озерах, парилки в банях на берегу Иртяша на базах отдыха заводов «Маяка». Все это память ярко сохранила до настоящих дней. Особенной радостью являлись дальние поездки за образцами минералов Урала. Поездки в Вишневогорск, в Ильменьский заповедник, где в то время работал Тимофеев-Ресовский, в северные области Казахстана. И сейчас всматриваешься в образцы, собранные в те годы, и вспоминаются склоны Иртяша с гранатными вкраплениями, и гигантская чаша Сырбайского месторождения железной руды. Интересно, как мы попали на Сырбай. Кто-то сказал, что где-то под Кустанаем или под Курганом есть месторождение железной руды, где встречаются друзья аметистов. Куда ехать? Поехали в Курган – он ближе. Выехали человек двенадцать на грузовой машине после работы. Около 12 ночи приехали в Курган. Подъехали к ГАИ города, спрашиваем о Сырбае. «А вы, ребята, не туда приехали, это под Кустанаем. Сейчас дежурный вам покажет место, где можно развести костер и переночевать, а утром в путь». Выехали рано мрачные и расстроенные. Еще ехать и ехать по казахстанской степи. Днем жара, около 30 градусов. И вдруг впереди озеро. Конечно, искупаемся. Шофер молча улыбается, но молчит. Проехали еще километров пять, а озера все нет. А вон еще одно? И того озера нет. Так мы познакомились с таким явлением, как мираж, которое многих из нас преследовало в жизни, только не в прямом, а в переносном смысле. А степь – это прекрасно! Это приятное зрелище, когда можно видеть далеко-далеко в любом направлении. Мы все были жителями лесного пояса и не познакомиться со степью было бы неразумно.

Но Сырбай потряс нас. Гигантская чаша размером три на четыре километра и глубиной 250 метров. Стонный Белаз казался спичечным коробком, затерявшимся в отвалах пород. И все это сделано человеком! Грандиозно! Меня всегда потрясают дела человеческого ума и его рук.

Двадцать пять лет работы было посвящено исследованиям на радиоактивном следе на Урале. И оглядываясь, вспоминаешь прошлые события, интересные ситуации, но прежде всего людей.

А их было много, способных, интересных, жизнерадостных. И хочется поблагодарить их за все хорошее, что они сделали для окружающих и, в частности, для меня.

□ 2.10. ВОСПОМИНАНИЯ ИНЖЕНЕРА-ФИЗИКА

Багин А.И.

Ветеран подразделений особого риска

После окончания МИФИ я получил распределение с правом выбора: Арзамас, Сухуми, Челябинск. Колебаний особых не было, так как город Челябинск – это моя родина, где прошло мое детство. Район ЧТЗ, соседские дети, испанские переселенцы – все до сих пор в моей памяти, особенно ленинградские эвакуированные.

После теплых встреч в городе с близкими знакомыми моих родителей надо было ехать дальше на север области.

Городок, в котором мне предстояло стажироваться и работать, находился в заповедном озерном краю и официально назывался – почтовый ящик № 21. Много позднее он получил название – город Озерск. Два главных проспекта города носили имена вождей тех времен: Сталина и Берии.

В 1956 году горожанам пришлось привыкать к новым названиям этих проспектов – Ленина и Победы и отвыкнуть от сурового режимного порядка, установленного главным государственным куратором первого советского атомного проекта.

Все заводы производственного объединения работали на полную мощность, заложенную проектами, а центральная заводская лаборатория, где мне пришлось делать диплом, занималась оптимизацией технологии и внедрением новых методов техники безопасности. Я попал в группу молодых московских физиков, занимавшихся испытаниями китайского ядерного реактора. Моей темой были измерения нейтронных полей на стенде прототипа. Вспоминаю защиту диплома в бывшем кабинете И.В. Курчатова, который в то время пустовал, но сотрудники ЦЗЛ бережно сохраняли его в прежнем виде. А отмечали диплом в другом известном месте – коттедже Музрукова, первого генерального директора комбината, где проживал со своей семьей сын Музрукова Владимир (ныне покойный), который был консультантом по моему диплому и старшим однокашником по МИФИ.

Хорошие отношения между СССР и КНР в начале пятидесятых годов обещали прекрасное будущее этому проекту.

У нас на стенде часто бывали Е. Воробьев и профессор Файнберг. Все изменилось после XX съезда КПС. С отношениями с КНР пошло на спад, работы с проектом реактора были прекращены. С грустью вспоминаю своих коллег – товарищей, которые слишком рано ушли из жизни. Особенно запомнилась гибель Саши Бородин и его товарищей. Он повторил судьбу американского физика Слотина, случайно получив цепную ядерную вспышку во время работы с реакторами солей урана.

На заводах и лабораториях комбината работало много бывших фронтовиков, которые находились в расцвете своих организаторских возможностей и своей работоспособностью вдохновляли молодежь.

В этой связи вспоминаю известных физиков – Драбкина, Нефедова и др., а также квалифицированного рабочего Ждановича. Именно они формировали у нас истинные представления о прошедшей войне, передавали свой опыт в работе, свое отношение к столь важному делу, в котором мы все участвовали.

В конце пятидесятых годов страна получила новое руководство, наметившее новые рубежи социализма, не меняя по существу ничего в структуре власти. Генеральный секретарь Н.С. Хрущев на XX съезде КПСС обрушился с резкой критикой на Сталина и его соратников и на многое, что было сделано в послевоенные годы. Мы, молодые специалисты, внимательно изучали и обсуждали все материалы съезда. На досуге, после работы, молодым холостым физикам в голову приходили десятки революционных идей, которые, как считали мы, нужны были народу на новом этапе развития.

Тем временем на ядерных реакторах заводов накапливались проблемы. Стара графитовая кладка, попытки пломбировать ячейки каналов давали временный эффект.

На ВВР (водо-водяные реакторы) увеличилась утечка тяжелой воды, а это удорожало эксплуатационные затраты.

Кассетные сборки ТВЭЛов еще не были внедрены и выгрузка канала с застрявшими блочками приводила к переоблучению персонала. И, наконец, 29 сентября 1957 года в мою смену на соседнем объекте произошла та самая авария, которую никто не ждал и которая вошла в историю развития ядерной промышленности как самая значительная.

Помню, звонили все телефоны, диспетчерские и внутренние, которые включены были на контроль. Было установлено место аварии – специальное хранилище радиоактивных отходов. Шлейф от взрыва захватил территорию нашего завода. Я задержался, сдавал смену, и не успел на автобус. Пришлось добираться пешком до центральной проходной. Помню, погода была прохладная и солнечная и никаких следов аварии по пути. Вот только по дороге встретились полуголые солдатики, которые снимали свою одежду и по ней проходили в автобус, где их облачали в новую форму. Это было второе крещение радиацией для меня, но далеко не последнее. Первое случилось, как я узнал много позднее, в день моего рождения, 29 августа 1949 года, когда мы, школьники города Рубцовска, как и все жители города, попали под след от испытаний первых образцов ядерного оружия. Полигон испытаний находился примерно в 150 километров, под Семипалатинском и жители Рубцовска и мои одноклассники сейчас имеют небольшую компенсацию по возмещению вреда здоровью.

□ 2.11. ЧЕЛЯБИНСКИЕ ДНИ

Яшников А.И.

Ветеран атомной отрасли

В моем возрасте можно бы писать воспоминания обо всем на свете. Прожил уже больше двадцати пяти тысяч (!) суток, из каждых что-то запомнил, две-три фразы об этом что-то, и уже энциклопедия. Другое дело, что не интересно читать, да и на абсолютную точность не претендую. Я всегда считал, что воспоминания имеет право писать только тот, кто вел дневник. *И даже выразил свое отношение в следующих строчках:*

*Хотел бы написать воспоминанья,
Да мучает единственный вопрос,
А ну, коли на все мои старанья,
Наложит лапу старческий склероз?
И перевру я даты и детали,
Фамилии коллег, места работ,
И на страницах пламенных скрижалей
Развесистая клюква расцветет.*

Однако если не претендовать на точность в деталях и не заниматься хроникой, а, как говорится, делиться впечатлениями, то... могу написать и о космосе, в котором не летал, и о загранице, в которой никогда не был, и о войне, и о музыке, и о... А на «Маяке» я даже работал. В командировках. Было это в первой половине семидесятых годов прошлого века (фраза-то какая!). Я только что закончил институт. У меня уже были и опыт работы в интересных местах с интересными людьми, и несколько специальностей, все-таки, за тридцать, но физиком стать только предстояло.

На «Маяке», на самом-самом реакторе, «Иване», у нашего почтового ящика была экспериментальная установка. И вот там случилась радиационная авария. Дело было летом, время отпусков, тех, кого надо было бы послать, не было, а единственный оставшийся в Москве специалист, Ю.Э. Хандамиров, заболел. Он успел сделать две вещи: рекомендовать меня Б.Б. Батурову, который тогда был заместителем директора, и снабдить меня двумя нужными книжками. Батуров, выслушав мои сомнения, сказал только: «Вы физик, разберетесь», подписал командировку, и в тот же день, запасшись еще литературой и получив строгий инструктаж в режимном отделе, я уехал. Я никогда ни раньше, ни позже, ничего не читал с таким запоем. Даже в автобусе с занавешенными окнами, в котором вели с вокзала в город, у которого тогда и названия еще не было, и в автобусе, в котором ехал из города на завод. Словом, когда ознакомился с обстановкой на установке, сразу сел писать протокол. Почтенная комиссия, собравшаяся через два дня из разных институтов, полтора часа слушала мой доклад, на этом ее работа закончилась. Разобрался! Эта работа придавала мне уверенность в своих силах и, как оказалось, на много лет определила технические интересы. С тех пор я ездил туда много раз, и в составе группы, и в одиночку, но никогда там одиночества не ощущал. Это не в том смысле, что завел там компанию, нашел новых друзей, у меня их много, но как здорово приехать с какой-то задачей в командировку, а тебя встречают словами: «Вот тут мы для Вас провели кое-какие измерения...» И оказывается, что местные сотрудники уже проделали немалую работу, считая, что результаты мне будут нужны. Впоследствии и на других объектах бывало такое, но именно на «Маяке» я встретил это впервые.

Из других впечатлений запомнилось, что сотрудница химлаборатории завода, родом из подмосковных Мытищ (лицо помню, имя и фамилию, увы, нет) подарила мне потрепанный термос, хорошо сохранявший тепло. Новые можно было купить, но почему-то они быстро остывали, а у нас дома дочка – младшеклассница оставалась, когда мы с женой на работу уходили.

Или вот еще. Я имел дурацкую привычку таскать бумажник в заднем кармане. И именно в этом городе бумажник выпал. А там деньги, документы и, самое страшное, справка о форме допуска к секретам. За утерю справки начисто отстраняли от работы. Мы с коллегами, Володей Белоусом, Инной Морозовой и Толей Рогачевым, предприняли поиски. Так вот самое сильное впечатление не в том, что на следующий день мне в гостиницу все принес водитель автобуса, в котором бумажник выпал, а в другом. Разыскивали этот автобус мы по цепочке, переходя от одного человека к другому по приметам. И вот представьте: трое сравнительно молодых людей, зайдя в служебный автобус, внимательно оглядывают немногочисленных пассажиров, и вдруг резко направляются к одному из них, пожилому. Его сразу побледневшее лицо я вижу всю жизнь. Он, видимо, хорошо помнил сороковые. Когда мы объяснили ему, в чем дело, он долго молчал, вытирая платком лицо. А ответ начал словами: «Никого так не пугайте...»

С этим связано и мое самое первое и, пожалуй, единственное там неприятное впечатление. Утром с одной из площадей города отправлялись на заводы автобусы разных маршрутов. А я, по неопытности, не догадался заранее узнать номер маршрута. В первое утро стал спрашивать на площади, и был неприятно поражен мрачной неприветливостью бдительной молчаливой толпы. Наконец, кто-то меня позвал уже из заполненного автобуса, а когда я стал читать техническую книгу, даже место уступили. Кстати, на работу и обратно книгу пришлось пронести за пазухой. И оставлять в раздевалке. Иначе на оформление выноса не хватило бы срока командировки, а книга чужая и тогда уже уникальная.

Еще одна деталь, связанная с «Маяком». В городе, у магазина с коврами, расположился цыганский табор. Цыгане настоящие, не киношные. Откуда они взялись, я так тогда и не смог узнать. Конечно, уже семидесятые годы, уже работники завода могут на родину в отпуск съездить, но, все равно, насквозь все секретно. Много лет спустя я разговорился с другом моего тестя, ученого военного химика. Оказалось, что дядя Петя много лет возглавлял охрану города и зоны вокруг него. Вот от него я и узнал, что цыганам даже в самые засекреченные времена, когда сотрудники города не имели право писать домой, разрешалось мигрировать по историческим маршрутам.

Еще одна история. В командировках приходилось выписывать спирт – ректификат. Для отмывки аппаратуры и инструментария отбора различных проб. Я непьющий и процедуру получения спирта не любил. Заявку приходилось визировать в нескольких инстанциях и на каждой долго объяснять, зачем науке спирт нужен, хотя оплату (в несколько рублей!) гарантировал институт. А на «Маяке» никаких вопросов не задавали, как-то странно смотрели на меня, и молча подписывали. Мне это понравилось. Вот, думаю, здесь люди! Кладовщик тоже долго рассматривал то заявку, то меня, и, наконец, произнес: «У меня столько нет». А за его спиной вижу почти полную 22-х литровую бутылку. Я удивился, а он показывает мне, что я выписал 400 килограммов. Пришлось мне снова пройти по инстанциям и, как всегда, долго объясняться меньше, чем за пол-литра.

□ 2.12. МОИ КОЛЛЕГИ «МАЯКОВЦЫ»

Козлова Е.А.

*кандидат технических наук, член Союза писателей России,
лауреат Международной премии имени М.А. Шолохова*

Строительство первенца атомной промышленности химического комбината «Маяк» в г. Челябинске-40 проводилось в послевоенные годы, когда создание ядерного оружия в стране являлось исторической необходимостью, навязанной нам извне. Но история «приручения» атомной энергии содержит немало драматических моментов. Тогда еще многого не знали и отсутствие необходимого опыта и знаний привели к трагедии и страданиям многих людей.

29 сентября 1957 года в Челябинске-40 был воскресный, солнечный день и очень теплый. Примерно в половине пятого раздался взрыв в районе промплощадки. После взрыва поднялся столб дыма и пыли высотой до километра, который мерцал оранжево-красным светом. Произошла одна из серьезнейших аварий на химкомбинате «Маяк», почти за 30 лет до Чернобыля. В течение долгого времени об этой аварии в нашей стране ничего не публиковалось. Все содержалось в большой тайне. Факт этого взрыва в СССР впервые подтвердили в 1989 году, т.е. после того, когда страна узнала о Чернобыле.

Даже для нас, сотрудников Научно-исследовательского и конструкторского института монтажной технологии (НИКИМТа, входящего в состав Минсредмаша), участвовавших в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, оказалось неожиданным, что вместе с нами многие годы проработали и продолжали работать люди, которые принимали участие в ликвидации последствий аварии на ПО «Маяк» в 1957-1961 годах. Подготавливая книгу о чернобыльцах к 20-летию со дня аварии, я обнаружила, что шесть человек из них были участниками ликвидации аварии и в Челябинске-40 (В.А. Быстров, В.А. Елин, В.А. Кулагин, Ю.Б. Пацинский, А.Д. Спиридонов, Ю.Ф. Юрченко).

Каково же было мое удивление, когда, расспрашивая об этом периоде, я узнала, что для ликвидации аварии в Челябинск-40 выезжало от нашего института несколько десятков сотрудников. Со многими я проработала бок о бок многие годы, но они никогда не рассказывали об этом. Да и сейчас расспрашивая тех, кого я смогла отыскать, не так уж и многое они рассказали, потому что привыкли считать эту работу обыкновенной командировкой, но проходившей в условиях повышенной радиации. Наш институт был организован в конце пятидесятых годов и состав сотрудников был молодой. Поэтому когда изучаешь возраст специалистов, направленных в Челябинск для выполнения работ при ликвидации аварии, то, как правило, это молодые специалисты в возрасте 25-30 лет.

Я хочу рассказать о некоторых из 64 сотрудников нашего института, участвовавших в ликвидации последствий аварии на ПО «Маяк».

Одним из первых в Челябинск-40 был направлен **Юрий Федорович Юрченко (1931-1993)** – Генеральный директор НИКИМТа с 1973 по 1993 год, в то время молодой специалист, инженер сварочной лаборатории, только что в 1956 году окончивший МВТУ имени Баумана. В течение пяти месяцев с сентября 1957 по январь 1958 года Юрий Федорович участвовал в ликвидации последствий аварии на ПО «Маяк»,

выполняя в качестве инженера-сварщика монтажные работы по сварке технологических трубопроводов на территории строящихся заводов.

В этот период Правительством было принято решение о строительстве трех радиохимических заводов нового поколения на Челябинском, Томском и Красноярском комбинатах. При их монтаже необходимо было сварить тысячи тонн облицовочных конструкций из тонколистовой коррозионностойкой стали, сотни тысяч сварных соединений на трубопроводах из нержавеющей стали диаметром от 10 до 600 миллиметров и многое другое, где требовались специалисты высочайшей квалификации. Для выполнения этих задач были сформированы три монтажно-сварочных подразделения и на Томской площадке, руководителем был назначен Ю.Ф. Юрченко.

В дальнейшем Ю. Ф. Юрченко – известный специалист по сварке и обеспечению высокой коррозионной стойкости сварных соединений нержавеющей стали, талантливый ученый и организатор, заместитель директора по науке (1961-1973), а затем Генеральный директор НИКИМТа (1973-1993), кандидат технических наук, дважды лауреат Государственной премии (1971 и 1989 годы).

Проработав 20 лет первым руководителем института, Ю.Ф. Юрченко именно на этом посту наиболее ярко проявил свой организаторский талант и высокую научную квалификацию. Под его руководством институт по многим научно-техническим направлениям стал одним из ведущих в отрасли. Ю.Ф. Юрченко – автор более 80 научных трудов и изобретений. Его деятельность охватывает широкий круг проблем, связанных с техническим и организационным совершенствованием монтажного и сварочного производства, созданием уникального, в том числе сварочного оборудования, строительством и ремонтом энергетических атомных объектов, организацией изготовления экспериментальной и серийной продукции для сварки, диагностики, контроля и автоматизации. Им создан коллектив специалистов, способный эффективно решать самые сложные научно-технические и народно-хозяйственные задачи. В Министерстве атомной промышленности он был председателем сварочной комиссии.

Когда случилась авария на ЧАЭС в 1986 году, институт уже располагал не только практическим опытом ликвидации различных аварийных ситуаций на ядерных реакторах, но и большим научно-производственным потенциалом, имея в своем составе сильные подразделения технологов-монтажников, сварщиков, конструкторов, химиков, специалистов промышленного телевидения и автоматизации и т.д. Персонал института был наиболее подготовленный к выполнению задач при ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. В этом огромная заслуга Ю.Ф. Юрченко. В июле 1986 года руководство Минсредмаша назначает Юрия Федоровича от своего ведомства членом Правительственной комиссии, и он проводит в Чернобыле несколько месяцев. Командировки в Чернобыль были разными по продолжительности от нескольких дней до нескольких месяцев, начиная с 21 мая 1986 года и кончая 14 октября 1988 года. Вместе с ним в ликвидации аварии на ЧАЭС принимало участие 268 сотрудников института. Они постоянно находились в самых «горячих» точках: на крышах, где проводилась очистка кровель, в помещениях зданий станции, где происходила дезактивация оборудования, на дорогах, где осуществлялось пылеподавление, т.е. везде, где требовались специалисты высокого класса, какими были сотрудники НИКИМТа вместе со своим директором Ю.Ф. Юрченко. В 1992 году здоровье Юрия Федоровича резко ухудшилось и 13 января 1993 года его не стало.

Вся трудовая деятельность Юрия Федоровича практически сложилась с момента аварии на ПО «Маяк» в 1957 году, где он принимал участие в ликвидации последствий аварии, и закончилась, когда им был подготовлен проект на конкурс «Безопасный саркофаг». Жизнь между двумя авариями – Челябинской и Чернобыльской. Не они ли укоротили его жизнь? В 62 года его не стало.

Заслуги Ю. Ф. Юрченко отмечены тремя орденами «Трудового Красного Знамени», орденами «Знак Почета» и «Дружбы народов» и медалями. Ю. Ф. Юрченко всегда отличала высокая нравственность и большая скромность. Сотрудники и коллеги искренне любили и высоко ценили Юрия Федоровича как замечательного человека, талантливого ученого и специалиста.

Несколько месяцев в 1958 и в 1959 годах провел в Челябинске-40 **Иван Федорович Гаврин (1915-1997)**. Участник Великой Отечественной войны, воевал в партизанском отряде. Будучи начальником монтажно-сварочного района нашего предприятия, он являлся основным организатором сварочной службы. Им был создан мобильный коллектив сварщиков, который выполнял работы по оказанию помощи по сварке предприятиям, разработке технологических процессов сварки, внедрению сварочного оборудования. Иван Федорович был командирован на ПО «Маяк» в июне 1958 года для организации, выполнения и контроля работ монтажного управления № 3 при ликвидации последствий аварии и строительства радиохимического завода. С 1962 года руководил одним из монтажных управлений в г. Москве. Принимал участие в строительстве многих объектов атомной промышленности. Награжден тремя орденами Ленина и другими правительственными наградами

После смерти Ю.Ф. Юрченко институт возглавил лауреат Государственной премии СССР (1977), известный специалист в области сварки **Игорь Александрович Бачелис (1933 г.р.)**. В 1957 году Игорь Александрович окончил МВТУ имени Баумана по специальности «Оборудование и технология сварочного производства» и был направлен в НИКИМТ, где работал инженером, начальником лаборатории, заместителем главного инженера, заместителем директора по научной работе. С 1993 года И.А. Бачелис был назначен Генеральным директором НПО НИКИМТ и проработал на этой должности до 1999 года. Затем до 2004 года советником Генерального директора НИКИМТа. В августе 2004 года И.А. Бачелис вышел на пенсию.

В феврале 1959 года Игорь Александрович был направлен в г. Челябинск-40 для участия в ликвидации последствий аварии на ПО «Маяк». Работая инженером в монтажном участке № 3, в течение двух месяцев занимался автоматической сваркой технологических трубопроводов на территории заводов № 35 и 156. Отвечая на вопросы, связанные со своей биографией, Игорь Александрович рассказал и о том, почему сотрудники института оказались в Челябинске-40:

«Завод «Б» – первый в стране радиохимический завод, пущен в эксплуатацию в 1948 году. Несмотря на неоднократное совершенствование технологических процессов, модернизацию и замену оборудования, тем не менее, оставался неремонтоспособным тяжелым в эксплуатации, следствием чего, в частности, было переоблучение персонала и загрязнение окружающей среды. В конце 1952 года было принято решение о строительстве дублера завода «Б» – завода «ДБ» (№ 35), на котором был бы учтен опыт работы завода «Б» и устранены

основные недостатки. Однако после аварии 29 сентября 1957 года, когда работы по строительству завода шли полным ходом, они были приостановлены (строящийся завод был загрязнен) и возобновились только весной 1958 года. Напряженный график вынудил руководство Минсредмаша принять решение о привлечении НИКИМТа к этим работам, и не только на Челябинской площадке, но и на Томской и Красноярской, где также шло сооружение радиохимических заводов. На всех этих площадках создаются монтажные участки, куда командированы в первую очередь специалисты-сварщики. Такое решение было обоснованным, так как сварка нержавеющей трубопроводов на строящихся радиохимических заводах была самой ответственной технологической операцией в процессе монтажа, а НИКИМТ к этому времени – единственное предприятие министерства, имевшее в своем составе высококвалифицированных специалистов по сварке, которые к тому же уже были хорошо знакомы с аргоно-дуговой сваркой – новым и только начинавшим свою жизнь в производстве видом сварки, позволяющим обеспечить наилучшее качество и долговечность сварных соединений. Монтажный участок на Челябинской площадке возглавил Юрий Моисеевич Эйдис (1916-1990).

Отличительной особенностью явилось то обстоятельство, что на промплощадке в «грязной» зоне работали не только те, кто непосредственно занимался ликвидацией последствий аварии, но и многотысячный коллектив эксплуатационников, строителей, монтажников, работников заводских столовых, медсанчастей, персонала служб охраны и т.д. Не случайно все они государством отнесены к категории «ликвидаторов». Вот эта особенность исключительно характерна для НИКИМТа. В то время как все никимтовские чернобыльцы принимали непосредственное участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, никимтовские маяковцы не были в буквальном смысле ликвидаторами – просто им пришлось выполнять монтажные работы на объектах промплощадки в условиях повышенной загрязненности в результате аварии.

К началу 1959 года на монтажном участке № 3 в Челябинске-40 монтажники успевали собрать больше стыков нержавеющей трубопроводов, чем наши сварщики могли сварить. Поэтому в феврале 1959 года бригада специалистов НИКИМТа во главе с его начальником В.А. Крайко выехала на Челябинскую площадку, чтобы разобраться и помочь. В составе этой бригады в том числе были А.А. Куркумели и я.

Я бы сказал, что это была обыкновенная производственная командировка. Более того, я не помню, чтобы при нашем практически постоянном присутствии на промплощадке по отношению к нам применялись бы жесткие меры дозконтроля и кем-нибудь велся бы учет полученных нами доз. Да и мы по молодости и неопытности не придавали этому особого значения, тем более что информация об аварии и ее последствиях была тогда нам недоступна. Поскольку моя производственная биография сложилась так, что в последующем (с 1969 по 1978 год) я провел в командировках в «сороковку» в общей сложности около трех лет, то за это время об аварии я узнал гораздо больше, чем в 1959 году».

И.А. Бачелис – автор ряда публикаций и изобретений. При его участии создан ряд оригинальных устройств и установок для сварки с управлением магнитными полями. При его непосредственном участии коллективом НИКИМТа были созданы дистанционно-управляемые комплексы режущего и сварочного оборудования для выполнения работ в экстремальных условиях.

За эту работу И.А.Бачелис был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР. На протяжении всей 50-летней истории НИКИМТа Игорь Александрович являлся одним из создателей его научно-технического потенциала, основным организатором наиболее эффективных форм научной деятельности института и ее оптимального сочетания и взаимодействия с производственной сферой. Научная, инженерная и государственная деятельность И.А. Бачелиса отмечена государственными наградами. Он награжден орденом «Трудового Красного Знамени», медалями: «За трудовую доблесть в честь 100-летия В.И. Ленина», «В память 850-летия Москвы», «300 лет Российскому флоту», «Ветеран труда». Игорь Александрович Ветеран труда НИКИМТа и отрасли.

В феврале 1959 года в Челябинск-40 был направлен **Алексей Андреевич Куркумели (1930-2006)**, проработавший в НИКИМТе с 1957 по 2006 год.

Известный специалист и ученый в области сварки, первый заместитель генерального директора НИКИМТа (с 1974 по 1996 год), Заслуженный машиностроитель РФ, кандидат технических наук Алексей Андреевич Куркумели родился 7 июля 1930 года в г. Таганроге Ростовской области. После окончания МВТУ имени Баумана в 1958 году по специальности «Оборудование и технология сварочного производства» он был направлен на работу в НИКИМТ.

А.А. Куркумели прошел трудовой путь от инженера до первого заместителя генерального директора института по НИР и ОКР, что включает и работу на стройках атомной промышленности – главным инженером монтажно-сварочного района, главным сварщиком крупного монтажного треста. Он принимал участие при строительстве первой в мире АЭС, атомного ледокола «Ленин», многих промышленных и исследовательских реакторов, при создании ракетно-ядерного щита страны. Будучи научным руководителем основных направлений деятельности института, Алексей Андреевич сформировал значительный научно-технический потенциал института, создавший сотни оригинальных разработок в области теории и практики сварки. При личном участии А.А. Куркумели решены многие проблемы монтажа атомных станций, разработано уникальное оборудование для сварки тепловыделяющих элементов, радиоизотопных капсул, создано свыше 1000 типов сварочного оборудования. По инициативе Алексея Андреевича организовано несколько заводов, выпускающих сварочное оборудование для электроннолучевой сварки и сварки пластмасс, сварочные полуавтоматы, плазменные и дугоконтактные установки, источники питания, переносные и стационарные трубосварочные автоматы, включая и автоматы для сварки металлополимерных труб, оборудование для контроля и диагностики.

В 1959 году в течение двух месяцев Алексей Андреевич участвовал в ликвидации последствий аварии на ПО «Маяк». Работая инженером в монтажном управлении № 3, выполнял работы по автоматической сварке технологических трубопроводов на территории заводов № 35 и 156.

А.А. Куркумели – специалист в области монтажно-сварочного производства, сварки разнородных металлов и сварочного оборудования, участник строительства основных объектов атомной промышленности: горно-химического комбината, реакторов РБМК, БН-350, радиохимических заводов и заводов большой химии. Имеет 85 научных трудов, в том числе 22 изобретения. В 1986 году А.А. Куркумели, как первый заместитель директора

института, руководил разработкой оборудования и технологических процессов для ликвидации последствий аварии и строительства «Укрытия» на Чернобыльской АЭС.

Алексей Андреевич проводил большую научную работу в области технологий и оборудования для сварки и СВЧ. Являлся руководителем работ по созданию робототехнических комплексов для вывода АЭС из эксплуатации и ликвидации последствий аварий, был членом Межгосударственного научного и координационного совета по сварке стран СНГ. С 1996 он выполнял обязанности советника генерального директора института. Деятельность А.А. Куркумели в области производства, науки и техники отмечена орденами и медалями. Он награжден орденами «Трудового Красного знамени», «Дружбы народов», «Знаком Почета» и шестью медалями. Ему присвоено звание «Заслуженный машиностроитель РФ». А.А. Куркумели Ветеран труда НИКИМТа и атомной промышленности и энергетики. Последней его работой в НИКИМТе – был выпуск 8-томного издания «Труды НИКИМТа». Восьмой том, посвященный 50-летию института, вышел, буквально в последние дни его жизни.

В Приказе № 16 от 4 марта 1958 года об организации монтажно-сварочного отделения при монтажном участке химзащиты в Челябинске-40, подписанного и.о. руководителя нашей организации в этот период Н. Анагровым, есть такой параграф: «2. Для руководства сварочными работами назначить главным инженером монтажного участка Гриненко Владимира Ивановича с 25 февраля 1958 года с месячным окладом 1600 рублей».

Владимир Иванович Гриненко (1931 г.р.), работал на ликвидации аварии на ПО «Маяк» главным инженером МУ № 3 с февраля 1958 по март 1959 года. Выпускник МВТУ имени Баумана, в дальнейшем кандидат технических наук, известный специалист в области технологии и оборудования дуговой сварки трубопроводов, лауреат Премии Совета Министров СССР 1991 года, он и в настоящее время продолжает работать в НИКИМТе. Вот что он рассказал о том времени: «В начале 1958 года, работая в должности инженера, я был командирован на 2 месяца в Челябинск-40 для руководства сварочными работами, и мне была поставлена задача наладить работы по автоматической аргонодуговой сварке трубных соединений на заготовительном участке, где с целью сокращения работ непосредственно на монтаже укрупнялись трубные сборки и изготавливались узлы трубопроводов. Однако не успел я освоиться с порученной работой, как был получен приказ об организации монтажно-сварочного участка № 3 и о назначении меня главным инженером этого участка, где мне пришлось проработать 13 месяцев. Надо честно сказать, что работал я там с удовольствием, считая, что занимаюсь полезным и нужным стране делом. Так мы были воспитаны. Решение инженерных задач и, в частности, вопросов сварки не было для меня сложным – этому нас все-таки хорошо научили в МВТУ. Но я абсолютно не был подготовлен к руководству большим коллективом (до 250 человек). Учился на ходу и на ошибках. И, конечно, дополнительной сложностью была более чем высокая радиационная обстановка.

Надо отметить, что усилиями НИКИМТа в «сороковке» в 1958-59 годах впервые в Союзе (и в мире тоже) была промышленно внедрена автоматическая аргонодуговая сварка неповоротных стыков труб из коррозионностойкой стали. Было сварено более 10 тыс. стыков. Автоматами сваривалось практически 100% трубных соединений. Условия работы монтажно-сварочного участка № 3 в

Челябинске-40 существенно отличались от работ остальных аналогичных участков. Все работы в Челябинске-40 в это время усложнялись радиоактивным загрязнением практически всех мест, где выполнялись работы. Следует отметить, что радиационная обстановка была крайне сложной. Организация службы технической и радиационной безопасности была не на высоте. Дозиметристами заниматься мы были вынуждены сами. Санпропускник для нас, командированных, заказчик организовал только к осени 1958 года. Переодевались мы сами в своих помещениях. Пользоваться душем тоже не имели возможности.

Мастерами участка № 3 были назначены командированные из Москвы техники-сварщики В.И. Бармин, А.Л. Михалев, С.Г. Федоров. Для работы на участке были командированы и сварщики В.В.Хорьков, и В.И.Козлов. Контроль сварных соединений выполнялся собственной лабораторией гамма-контроля. Ее организацией занимался командированный из Москвы начальник лаборатории п/я 1036 Э.А. Суворовский. Особо хочется отметить прекрасную работу дефектоскопистов, возглавляемых А.П. Спиридоновым. Приобретенный постепенно опыт, хорошая технологическая дисциплина сварщиков и высокая ответственность гамма-дефектоскопистов обусловили положение, при котором за десятки лет эксплуатации завода № 35 не выявлено случаев выхода из строя соединений труб, выполненных монтажно-сварочным участком № 3 с использованием автоматов АТВ.

Очень сложной оказалась работа по сварке стыков труб непроходного канала к могильникам, расположенным вблизи аварийной емкости. Работа проводилась зимой на открытом воздухе, на ветру, при температуре до -20 градусов С и высоком уровне радиационного облучения. Работой сварщиков участка на непроходном канале успешно руководил мастер А.Л. Михалев.

Сжатые директивные сроки строительства потребовали в феврале 1959 года увеличения темпов монтажа и сварки, и для форсирования сварочных работ предприятие п/я 1036 выслало на участок № 3 крупный десант специалистов сварщиков во главе с начальником предприятия В.А. Крайко. Вместе с ним в Челябинск-40 приехали инженеры-сварщики В.С. Попенко, А.А. Куркумели, И.А. Бачелис, а также сварщики-автоматчики и ручники В.И. Архипов, Ю.И. Базлов, К.А. Комлев, И.А. Колпаков, В.С. Пичугин, В.А. Кулагин и две девушки-сварщицы И.В. Бармина и Н.А. Фролова. Их помощь была использована в основном на заготовительном участке укрупнения трубопроводов.

Очень существенной частью работ участка была сварка стыков магистральных трубопроводов большого диаметра. Соединения трубопроводов выполнялись контактно-стыковой сваркой агрегатом КТСА-1, который представлял собой тракторный поезд, включающий собственно контактно-сварочную установку, свою дизельную электростанцию и трубоукладчик. Работа осложнялась тем, что трассы в большинстве случаев пролегли по местам, сильно загрязненным радиоактивными аэрозолями, поднимаемыми в воздух гусеницами тракторов. Бригада, обслуживающая агрегат КТСА-1, состояла из инженеров В.Ф. Косырева, А.В. Волкова и А.Г. Ивлева, сварщика-дизелиста И.М. Блюмкина и дизелиста Ю.А. Ковалкина. Этой бригаде пришлось работать в наихудших условиях. Трактора, а особенно их гусеницы, иногда приходилось чуть ли не ежедневно отмывать от приставших к ним радиоактивных загрязнений.

Второй основной задачей (кроме сварки) монтажно-сварочного участка № 3 были работы по спецпокрытиям (в основном сварке пластиковой облицовки по-

мещений) и по теплоизоляции как внутренних, так и наружных трубопроводов. Эти работы возглавлял на первом этапе начальник участка М.Т. Иваненко, а затем В.Г. Шигорин с группой командированных из Москвы инженеров: А.В. Елизаровым, С.А. Лукиным, З.М. Алтуниной, Е.С. Заваровым, И.И. Шигориной. Рабочие набирались из состава военно-строительной части».

Сварка технологических трубопроводов завода 35 была самой крупной задачей специализированного участка, но были и другие работы, требующие высокой квалификации инженеров сварщиков. К таким работам относилась полуавтоматическая сварка алюминиевых вентиляционных коробов, а также лотков, емкостей и облицовки из тонкостенной коррозионностойкой стали. Эти работы возглавил, а зачастую и лично выполнял командированный в июле 1958 года из Москвы **Владислав Васильевич Роцин (1930 г.р.)**, в то время молодой специалист, выпускник МВТУ имени Баумана, а сейчас известный ученый в области сварочного производства, технологии сварки разнородных металлов и высоколегированных сталей и сплавов, лауреат Государственной премии СССР 1977 года.

«Только приехав в командировку в Челябинск-40, – рассказывает *Владислав Васильевич*, – я узнал следующее: 29 сентября 1957 года в воскресный день около 16 часов 30 минут раздался мощный взрыв в районе промплощадки ПО «Маяк». Причины и масштабы этого взрыва были засекречены, поэтому у населения и работающего персонала никакой достоверной информации не было. Основная доля радиоактивного загрязнения приходилась на промплощадку, где шло строительство нового радиохимического завода. После взрыва строительные работы были приостановлены и возобновились только весной 1958 года. Впоследствии была опубликована более полная информация об этом взрыве, которая сводится к следующему: взорвалась емкость с высокотемпературной радиоактивной смесью в результате полного испарения раствора вследствие прекращения принудительного охлаждения из-за выхода из строя системы охлаждения и контроля. Взрыв полностью разрушил емкость из нержавеющей стали и привел к загрязнению вновь строящегося завода и территории промплощадки комбината, а также большой территории Челябинской, Свердловской и Курганской областей. Радиоактивное облако покрыло многие объекты химкомбината «Маяк», реакторные заводы, старый и новый строящийся радиохимический завод, пожарную часть, полк военных строителей, полк охраны и лагерь заключенных. Радиационная обстановка была сложной, загрязнение объекта и промплощадки было чрезвычайно большим.

Сразу после аварии 30.09.57 года из Москвы прибыла комиссия во главе с Е.П. Славским, который только недавно был назначен министром МСМ. Е.П. Славский незамедлительно издал приказ о мерах по ликвидации последствий аварии. В середине июля 1958 года я вылетел в командировку в Челябинск-40, не предполагая даже, что буду работать в условиях повышенной радиационной обстановки. По приезде в Челябинск, мне было поручено Н.К. Смазновым организовать на промплощадке сварку обечаек и секций алюминиевой вентиляции. Я стал искать оборудование и оснастку для выполнения этих работ. На складах нашелся трактор АДСП-401 и полуавтомат ПШП-10х конструкции НИАТ. По моим эскизам быстро изготовили стенд для сварки листов и продольных швов обечаек длиной до 1,2 метра. Организовали подготовку и травление алюминиевой проволоки, привезли сварочный генератор ПС-500 и мощный

компрессор для поджима изделия шлангом поддуваемым воздухом. Выделили одного толкового подсобного рабочего солдата-строителя. Он быстро освоил автоматическую сварку. После отработки режимов сварки мы начали сваривать продольные швы обечаек. Все пошло хорошо. Контроль показал герметичность и высокое качество сварки. Бригада сварщиков-газовиков не успевала сваривать кольцевые швы и секционные кольца, а слесари – собирать обечайки для продольной сварки. Изо дня в день шла очень напряженная работа. Меня стали привлекать и на другие работы. На промбазе и в коридорах завода 35 необходимо было налаживать ручную и полуавтоматическую сварку труб и коробов из алюминия, обучать сварщиков работе на полуавтоматах, помогать экипажу сваривать агрегатом КТСА-1 водоводы из труб углеродистой стали Ду500. Руководителем этого экипажа был А.В. Волков. Состав экипажа: инженеры и техники – В.Ф. Косырев, А.Г. Ивлев, И.М. Блюмкин.

Радиационная обстановка была всегда очень неопределенной. «Грязь» разносилась обувью, одеждой, транспортом. На загрязненность радиоактивными элементами проверяли каждого в столовых и административных помещениях. В городе и на объектах наряду с основными работами постоянно велись работы по ликвидации последствий аварии. Улицы постоянно подвергались промывке. Коллективам заводов, строителям, монтажникам, сварщикам пришлось приложить много труда и здоровья, чтобы нормализовать обстановку в городе и на комбинате, в зданиях и на промплощадке, в местах где выполнялись работы.

На объекте работали в спецодежде с дозиметрами. Дозиметрический контроль был везде: при входе в столовую, при выходе и входе на объекты. При выезде в город, входе в гостиницу. Скоро одежда своя стала «звенеть» и отстирать ее было невозможно. Место, где мы проводили работы, было в эпицентре этого взрыва.

Но командировка моя заканчивалась, а Н.К. Смазнов меня не отпускал, ссылаясь на то, что на смену мне должен кто-то приехать и я ему должен все передать: оборудование, работу. После этого он меня отпустит. В общем, я пробыл в «сороковке» до середины октября – 3 месяца вместо 15 дней. Стало холодно, а я без теплой одежды. Дали телогрейку, что-то пришлось подкупить. Наконец И. И. Герасимов, в то время главный инженер 12 ГУ, который курировал работу п/я 305, увидев меня, сказал: «Ладно, езжай домой, отдохнешь и обратно сюда». Я обещал вернуться. Уезжающих здесь всегда провожали, как говорится «на большую землю», с песнями, иногда под гитару. Потом я много раз приезжал в «сороковку» для внедрения сварки нержавеющей сталей, высоконикелевых сплавов, специзделий, алюминия, двухслойных сталей, а в 1967 году делал доклад на конференции по сварке разнородных металлов перед защитой кандидатской диссертации.

А город был прекрасным, «коммунистическим», как его называли. Отличное снабжение, бесплатное питание по талонам в городских столовых и на объекте. Много спортплощадок, кинотеатров. Драматический театр с приличными актерами. Дворец культуры. Кругом парки, на берегу озера пляжи с лодочной станцией, рыбалка. Народ молодой и веселый. Все было привлекательно, и город и жизнь в нем были заманчивыми».

Среди немногих женщин, участвовавших в ликвидации последствий аварии на ПО «Маяк» от нашего института была **Маргарита Александровна Авсеевич (1931 г.р.)**, которая является причастной к становлению НИКИМТа с первых

дней его образования. Она проработала с 1950 по 1988 годы на различных должностях от нормировщика до старшего инженера-металловеда и возглавляла химическую лабораторию отдела физико-химических методов исследования. Неоднократно выезжала в монтажные командировки для организации лабораторий по контролю при монтажных трестах и оказанию технической помощи на различных объектах Министерства. Так с 1957 года маршруты командировок пролегли в Красноярск-26, Томск-7, Челябинск-40, где участвовала в организации лабораторий по контролю сварных соединений и их материалов – гамма-дефектоскопия, механические испытания, коррозионные испытания, металлографические исследования, химический анализ. Приходилось оказывать техническую помощь в Кирово-Чепецке, Новосибирске, Дубне.

«В феврале 1959 года меня командировали в г. Челябинск-40, – вспоминает *Маргарита Александровна*, – на два месяца для участия в работах по ликвидации последствий аварии на ПО «Маяк». Занималась организацией лаборатории по контролю сварки на территории промбазы п/я305 и контролем выполнения работ по сварке технологических трубопроводов на заводе № 35, а также проведением дезактивационных работ на заводе № 235 в здании 5101. Так как эту аварию засекретили, то толком не знала, что являюсь ликвидатором. Просто мне давали задания, которые надо выполнять в установленные сроки. В 1960 году организовав лабораторию по контролю сварных соединений и их материалов при монтажном тресте «Уралпроммонтаж» в Челябинске-40, являлась куратором коллектива до 1976 года, пока она не перешла в состав треста В 1990 году получила инвалидность II группы. Но это случилось до того, как ликвидаторов на химкомбинате «Маяк» причислили к чернобыльцам. Однако по состоянию здоровья я не смогла собрать все документы для повторного ВТЭЖа, чтобы инвалидность связать с ликвидацией последствий аварии в Челябинске-40».

За время всей своей деятельности в НИКИМТе Маргарита Александровна неоднократно поощрялась руководством института и главка. Награждена медалью «За доблестный труд». Печаталась в периодических журналах. Соавтор вместе с Ю.Ф. Юрченко, Г.И. Агаповым книги «Коррозия сварных соединений в окислительных средах». В 1986 году М.А. Авсеевич присвоено звание «Ветеран труда», а в 2001 году – «Ветеран отрасли»

Одна из самых знаменитых монтажниц в нашем институте – это, конечно, **Зинаида Михайловна Алтунина (1936-1999)**. Она пришла в НИКИМТ в возрасте 22 лет в 1958 году после окончания Лобненского индустриального техникума и отработав три года в городе Славинске. И уже в 1959 году была командирована на ПО «Маяк», где работала прорабом и руководила работами по антикоррозионной лакокрасочной защите трубопроводов и оборудования. Семь месяцев провела в командировке на этом объекте Зинаида Михайловна. И все эти работы ей приходилось проводить в условиях повышенной радиации и загрязненности территорий и помещений. В дальнейшем, будучи высококлассным специалистом в области антикоррозионной и теплоизоляционной защиты трубопроводов и оборудования, она проводила в командировках очень много времени, проработав на строительстве важных промышленных объектов в таких городах, как Томск, Ангарск, Учкудук, Снечкус, Сосновый Бор и многих других. Несколько последних лет Зинаида Михайловна работала мастером в гальваническом цеху опытного завода НИКИМТа. Ветеран института и отрасли, почти 30 лет Зинаида Михайловна отдала атомной промышленно-

сти, работая на самых ответственных объектах. Сын Константин невероятно похож на свою маму всем: внешностью, голосом, статью. Надеюсь, его дети – сын и дочь так же унаследовали замечательные черты их бабушки, которой они по праву должны гордиться, потому что на таких людях, всецело отдающих себя работе, и держался наш Средмаш.

Почти 40 лет с 1957 по 1994 год проработала в институте в отделении сварки **Илиада Васильевна Бармина (1937г.р.)**, которая имела такую неженскую профессию электросварщика. И именно как сварщица в возрасте 22 лет была направлена в Челябинск-40 для ликвидации последствий аварии на ПО «Маяк» в феврале-марте 1959 года, где выполняла работы по ручной и автоматической сварке технологических трубопроводов. Впоследствии она выезжала в длительные командировки вместе с мужем В.И. Барминым, в том числе в Красноярск-26, на стройку Сибирского химического комбината, где также работала электросварщиком.

Илиада Васильевна принимала участие в разработке технологических процессов сварки для реакторов БН-350, РБМ-К и ВВЭР и других объектов ядерной энергетики. Имеет несколько изобретений и опубликованных работ в области сварки, соавтор справочника «Ведущие ученые и специалисты СНГ в области сварки». За высокое мастерство в сварке и большую общественную работу (в течение 10 лет избиралась депутатом Кировского районного исполнительного Совета Москвы) отмечалась Почетными грамотами и награждена государственными наградами. В настоящее время Илиада Васильевна находится на заслуженном отдыхе, занимается пчеловодством и воспитанием двоих внуков-школьников, которые, конечно, гордятся своей бабушкой, блестяще освоившей такую неженскую профессию, как электросварщик.

Встречаясь с нашими женщинами-маяковцами я не переставала удивляться их мужеству. **Надежда Засимовна Гриненко (1933 г.р.)**, будучи в положении на третьем месяце, в июле 1958 года отправилась в командировку в Челябинск-40, где уже работал ее муж В.И. Гриненко. В НИКИМТ она пришла в 1957 году после окончания Инженерно-экономического института и работала инженером в проектно-строительном отделе. Вот что она рассказала о том периоде: «Работа была интересная, требовала нестандартных решений и самостоятельности, так как объекты были на Урале. Приходилось много выезжать в командировки. В начале 1958 года мужа отправили в командировку на объект в Челябинск-40 для участия в работах по ликвидации последствий аварии на ПО «Маяк». Приехав в Москву на несколько дней в мае, он сказал, что командировка его затянется, может быть, на год или больше, и просил меня к нему приехать.

В Челябинск-40 я приехала в начале августа 1958 года с трехмесячной беременностью. Городок мне очень понравился: зеленый, домики 1-3-этажные и все окрашены в разные цвета, очень мягкие и нежные. На улицах много детей. Больше всего поразило, что белье, которое сушится во дворах, можно оставлять на ночь. Я никак не могла привыкнуть к тому, что в магазине можно оставлять сумку на столе и по мере покупки продуктов загружать ее. Никто не украдет.

Я работала в техотделе с чертежами и документацией. Занималась привязкой по месту проектов организации работ по сварке и монтажу на заводе №35. Сотрудники ко мне относились с пониманием. В особо «грязные» места на замеры конструкций посылали редко – делали это сами. Беременность протекала

ла нормально. Перед новым 1959 годом муж отвез меня в Москву. В январе родилась дочка Оксана. Муж познакомился с ней почти через полгода. Я вышла на работу через 6 месяцев после родов, оставив ребенка со своей мамой. В 1963 году родилась вторая дочь – Наташа. Дети от рождения наблюдались в ведомственной детской поликлинике. В 1966 году я перешла на работу в «Энерготехпром», так как дети и муж, пишущий диссертацию, требовали больше свободного времени, а на режимном предприятии с этим было сложно. Мы всей семьей по-прежнему ходим на лыжах, на байдарках. Дети выросли. Получили образование. Старшая, Оксана, стала инженером-строителем, младшая, Наташа, выбрала профессию театрального художника-бутафора». В 1988 году Надежда Засимовна вышла на пенсию, чтобы помогать дочерям растить трех внуков. Теперь внуки уже выросли и стали самостоятельными.

Вместе со своим мужем **Попенко Василием Стефановичем (1929-2004)**, направленным в Челябинск-40 главным инженером сварочного участка, где он руководил работами по сварке при строительстве радиохимического завода № 35 и участвовал в ликвидации последствий аварии, произошедшей на ПО «Маяк», была направлена в качестве инженера-конструктора и его жена **Конкордия Васильевна Попенко (1933-2003)**. Работая инженером-конструктором, занималась проектированием с привязкой по месту трубных блоков для укрупнительной сборки технологических трубопроводов завода № 35. Разве это было место для молодой женщины, только что окончившей институт и имеющей на руках трехлетнюю дочь? Работая в дальнейшем в НИКИМТе до 1993 года как ведущий конструктор она принимала участие в разработке различных сварочных установок. Ветеран труда НИКИМТа. Награждена медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия В.И. Ленина». У них двое детей Дочь Елена стала врачом, а сын Александр овладел профессией сварщика и работает главным сварщиком на одном из предприятий г. Москвы.

Когда начались работы на ПО «Маяк» по ликвидации последствий аварии 1957 года, туда направлялись на выполнение различных работ не только инженеры, конструкторы и мастера по сварке и монтажу оборудования. Для выполнения чертежей им требовались наряду с конструкторами и чертежники, которые воплощали бы их проекты на бумаге. Как правило, на этих работах были заняты молодые девушки. И поэтому когда стали формироваться бригады для поездки на ПО «Маяк», то предложили поехать в эту командировку и **Евгении Алексеевне Лешковой (1939 г.р.)**, которой в то время не было еще и двадцати лет. Вместе с ней была командирована и **Цветкова Валентина Петровна (1934 г.р.)**. Шел второй год ликвидации последствий аварии, но опасность находиться и работать там была по-прежнему очень высокой, и молодым девушкам, конечно, там было не место. Но судьба распорядилась иначе, и Евгения Алексеевна и Валентина Петровна март – сентябрь 1959 года провели в Челябинске-40, где на должности техников-конструкторов занимались проектированием (с привязкой по месту) трубных блоков для укрупнительной сборки технологических трубопроводов на территории завода № 35 и проектно-изыскательскими работами.

«Работая там, – вспоминает *Евгения Алексеевна*, – мы многого не понимали, не понимали, что находимся в опасной зоне. Нас проинструктировали, чтобы были осторожны, не гуляли по городу, а в свободное время находились бы только в гостинице. Но мы были молоды, не боялись опасности и, конеч-

но, ходили гулять по улицам и в парк. Респираторы одевали, если только шли в цех, а так работали без них. Вот из-за этих нарушений мы, конечно, и здоровье себе повредили. После этой командировки я всю жизнь болею. Но льгот у нас никаких не было, и только в 1994 году я получила удостоверение ликвидатора, которое давало право на досрочный выход на пенсию. Но мне уже было 55 лет, и я с таким трудом дорабатывала этот последний год, так как перенесла очередную операцию, и мне было трудно ходить на работу. В 1994 году я уволилась из института и нигде не работаю. Единственный сын Александр, который тоже много лет проработал в институте, скончался в 2004 году от сердечной недостаточности. Я живу вместе с сестрой, которой требуется моя помощь. С марта 2005 года мне стали приплачивать немного пенсии – 800 рублей. Все-таки какие-то деньги». Евгения Алексеевна отработала в НИКИМТе 36 лет. Ветеран труда НИКИМТа. Занесена в Книгу Почета института и в Книгу Почета Министерства.

Нина Алексеевна Фролова (1936 г.р.) – инженер по разработке и технологии сварки, в 1958 году была направлена в НИКИМТ после окончания машиностроительного техникума. Уже в феврале 1959 года была командирована в Челябинск-40 для участия в работах по ликвидации последствий аварии на ПО «Маяк». Работая сварщицей в МУ № 3, выполняла ручную и автоматическую сварку технологических трубопроводов на заводах № 35 и 156. В этой командировке она провела два месяца. Работая в НИКИМТе сначала сварщицей, затем техником и позже инженером до 1997 года, т.е. почти 40 лет, она продолжала выезжать в командировки на объекты атомной промышленности в города Сибири и Средней Азии.

Нина Алексеевна – Ветеран труда НИКИМТа и Ветеран атомной промышленности и энергетики. В настоящее время Н.А. Фролова на пенсии. Она вырастила двоих сыновей и уже подрастает внучка. Живет в основном на даче, где с удовольствием занимается огородом.

Больше всех я была знакома и дружна с **Ирмой Ивановной Шигориной (1932-1989)** – Ветераном труда НИКИМТа, с которой мне пришлось работать в одном отделении специальных покрытий, где она начала трудиться в 1958 году вместе с мужем В.Г. Шигориным через два года, после окончания МХТИ имени Д.И. Менделеева. Мы вместе проводили много времени, но никогда она ничего не рассказывала об участии в таком невероятно тяжелом деле, как ликвидация последствий аварии на ПО «Маяк».

В январе 1958 года Ирма Ивановна Шигорина, будучи еще молодым специалистом, была командирована в г. Челябинск-40 для участия в работах по ликвидации последствий аварии на ПО «Маяк». Работала прорабом в монтажном управлении № 3 и руководила выполнением теплоизоляционных работ на заводах № 22, 25, 35, 156. Всего Ирма Ивановна Шигорина провела в этой командировке четырнадцать месяцев, при этом работы велись в условиях повышенной радиационной опасности. Следует отметить, что если работа в Чернобыле после аварии расценивалась как подвиг, то работа в Челябинске-40 на зараженной после аварии 1957 года территории считалась рядовым делом, которое наравне со всеми добросовестно выполняла и Ирма Ивановна.

Ирма Ивановна была ведущим специалистом в стране в области фторлоновых покрытий, главным образом она специализировалась на решении практических задач в области покрытий для оборудования радиационно-защитной

техники. Работая в НИКИМТе с 1958 по 1989 год, она впервые в стране создала целый ряд оригинальных фторлоновых лакокрасочных покрытий, предназначенных для защиты от коррозии и улучшения радиационной обстановки на объектах. Обширный теоретический, экспериментальный и практический материал позволил ей блестяще защитить в 1979 году в МХТИ имени Менделеева диссертацию на соискание степени кандидата технических наук, вскоре ей было присуждено и ученое звание старшего научного сотрудника. Ею опубликовано 40 научных трудов и получено 10 авторских свидетельств. Ирма Ивановна заслужила любовь и уважение у специалистов многих институтов и учреждений страны, с которыми ей пришлось общаться в процессе своей полнокровной научной деятельности.

В связи с тяжелыми и опасными условиями работ руководители участка и командированные специалисты периодически менялись. В их числе были Б.И. Буссе, Е.С. Заваров, Д.А. Измайлов, Л.В. Корначев, В.И. Коробков, Г.Г. Кочедыков, К.И. Красиков, Л.Я. Лумер, В.А. Малюков, А.И. Маслов, П.И. Павлов, М.Ц. Пази, А.П. Просви́рин, Н.В. Сдобнов, А.И. Сорокин, В.И. Васильев, И.В. Варламов, Ю.В. Воеводин, Г.Н. Гусаков. В середине 1959 года, когда основные объемы по монтажу завода № 35 заканчивались и работы были хорошо отлажены, необходимость в специализированном участке отпала, и он был ликвидирован. Оставшиеся местные специалисты перешли в состав монтажного управления п/я 305.

Большой объем работ при ликвидации последствий аварии лег на плечи военнослужащих, которые проходили срочную службу в этом городе. Среди них находился **Василий Иванович Терехин (1934-2000)**, который занимался демонтажом загрязненного оборудования, дезактивацией помещений. Так как он был солдатом, то его считали временно находящимся на объекте и посылали в самые «грязные» места. После демобилизации в октябре 1958 года Василий Иванович поступил на работу в НИКИМТ, где прошел путь от инженера до начальника проектно-конструкторской бригады. Работал в институте с 1959 до 2000 года, Ветеран труда НИКИМТа и отрасли.

Пришлось принимать участие в работах по ликвидации аварии и участнику Великой Отечественной войны **Борису Федоровичу Тарасову (1922 г.р.)**, который 13 лет с 1948 по 1961 год был начальником штаба полка управления военно-строительной части в.ч.25763, которая выполняла строительные-монтажные работы на всех объектах г. Челябинска-40. Вспоминая о том периоде своей службы, Борис Федорович сказал, что иногда было труднее, чем на фронте. В 1974 году вышел в отставку, поступил на работу в НИКИМТ, где работал до 1999 года в отделе кадров. Награжден многими правительственными наградами.

В период ликвидации последствий этой аварии с 1957 по 1959 год примерно 30 тыс. работников комбината, строительно-монтажных организаций, военно-строительных частей получили дозу радиационного воздействия более 25 бэр. Проведенными после аварии исследованиями было установлено, что на загрязненных территориях получили облучение свыше допустимых готовых уровней около 260 тыс. человек. Последствия аварии на ПО «Маяк» были значительными, и в 1993 году вышел закон о приравнивании участников ликвидации аварии на ПО «Маяк» в 1957 году к ликвидаторам Чернобыльской катастрофы. Получили такие удостоверения и 64 сотрудника НИКИМТа, участвовавших в ликвидации последствий этой аварии.

Об этих людях, участвовавших в ликвидации последствий аварии на ПО «Маяк», так долго молчали, а они и не имели права рассказывать о своем участии в таком опасном для жизни деле, что все собранное по крохам о них надо обязательно опубликовать. Многие прожили жизнь, но так и не получили какой-либо помощи от государства, в то время как они в ней особенно нуждались. Ни заботы, ни благодарности. Их сейчас причислили к ликвидаторам, но что им это дало. Многие имеют инвалидность, по которой им не платят компенсацию за утрату здоровья при работах в условиях повышенной радиации. Они не имели возможности выйти на пенсию досрочно, потому что когда вышел закон в 1993 году о приравнивании их к чернобыльцам, то как правило они уже все были пенсионного возраста. Так давайте, по крайней мере, хотя бы сейчас скажем им и их семьям слова благодарности за то, что они ликвидировали последствия такой страшной аварии, произошедшей в 1957 году в Челябинске-40 и смогли в условиях повышенной радиационной опасности восстановить и построить необходимые объекты на производственном объединении «Маяк». Они заслуживают большего. И я надеюсь, что будущие поколения по достоинству оценят их вклад в дело становления атомной отрасли в нашей стране.

Литература:

1. Труды НИКИМТа. Том 8. Под ред. М.В. Григорьева, ред. составитель А.А. Куркумели. М.: Издат, 2006.

2. Козлова Е.А. *Неизвестные герои советской эпохи*. М.: Советский писатель, 2006.

3. Круглов А.К. *Как создавалась атомная промышленность в СССР*. М.: ЦНИИАтоминформ, 1994.

4. Ларин В. *Комбинат «Маяк». Проблемы века*. М.: Эко-Пресс-Центр, 2001.

5. Новоселов В.Н., Толстиков В.С. *Тайны «сороковки»*. Екатеринбург. ИПП «Уральский рабочий», 1995.

6. *Радиационные аварии. Крупные радиационные аварии: последствия и защитные меры*. Под ред. Ильина Л.А. и Губанова В.Л. М.: Издат, 2001.

7. *Ядерная индустрия России*. М.: Энергоатомиздат, 1999.

□ 2.13. УЧАСТНИКАМ ЛИКВИДАЦИИ КАТАСТРОФЫ.

Степанов В.Я.

Член Союза писателей, профессор, полковник запаса

В осень ту, много весен далеких назад,
Про челябинский выброс мы мало что знали.
Что весь мир оказался у адовых врат –
Строк правдивых в газетах тогда не писали.

Зрел на Тече невидимый взору нарыв,
Что сургучною тайной надежно скрывали.
Пробудил мир от спячки чернобыльский взрыв,
И на помощь стране в трудный час нас призвали.

Возгораясь вполнеба, светящийся след
Проходил, ослепляя, чрез души и сердце
И на нас, в том ни капли сомнения нет,
Лишь планета надежно могла опереться.

Атом взял с нас позднее расчеты сполна,
И в гостях побывать обещался на тризне.
И была за прогресс высочайшей цена
Самых лучших, достойных – здоровье и жизни.

Верю – в летопись впишут святые слова
Об усопших героях и ныне живущих.
Будет правдою светлою память жива
О днях прошлых для будущих дней грядущих.

САРКОФАГ

Мы страстно, наивно мечтали
Построить для всех рай земной.
При этом всерьез полагали:
Нас беды пройдут стороной...

«Чудес» сотворили мы много,
Вселенский не слушая глас.
Тем, видно, прогневали Бога,
И кары послал Он на нас.

Уральская тихая Теча
Знаменьем была нам дана.
Чернобыльских смерчей предтечу
Тогда показала сполна.

И больше не будет хат с краю,
Где глыбой застыл саркофаг.
Над Припятью тишь такая,
Что сердце частит здесь не в такт.

На «до» и на «после» – так просто –
Теперь пласт времен поделен
Чернобыльской тишью погоста,
Где стонет зеленых трав фон.

СЕЛО

Святые смотрят вдаль с иконы
В подслеповатое окно.
Огромный сад под крышу дома,
А в доме нету никого.

Плодов неубранная тяжесть
Склоняет яблони к земле.
Такое раньше было в радость,
А нынче аж не по себе.

Не встретит лаем собачонка,
Лениво кот не проурчит,
И по утру задорно, звонко
Петух зарю не прокричит.

Куда ни глянь – все в запустенье,
Как будто здесь прошла война.
Ни ветерка, ни дуновенья,
И режет уши тишина.

В БЕГУЩИХ КАДРАХ КИНОЛЕНТ...

Жизнь – столь стремительный момент,
В котором все давно не ново...
Мельканье кадров кинолент
Ведет в апрель далекий снова.

Для нас Чернобыль – суть война...
Мы не жалели сил и жизни,
И все, что мы могли, сполна
В те годы отдали Отчизне.

Нас породнила та весна
Полынь-звездой, упавшей с сини,
А не рубли и ордена,
В служенье Богу и России!

Сооруженный саркофаг,
Что глыбой встал в дали пустынной,
Как и поверженный рейхстаг,
Собой явил победы символ,

Что мир от атома хранит.
Бетон особого в нем рода.
По сути – это монолит
Всех качеств русского народа,

И всем героям монумент,
От радиации спасавшим...
В бегущих кадрах кинолент
Спешит победа днем вчерашним...

30.11.2006

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ГОЛГОФА

С небес кометой Галилея
Неслась Полынная звезда.
Сжимала землю, тяжелея,
Трагедий скорбных череда.

И ночью третий ангел взрывом
Об Откровенье возвестил.
Узревши ад, мир пред обрывом
На шаг от бездны отступил.

В обломках атомный реактор
Ионы лавой извергал,
И излученья мощный фактор
Пристанционный бор сжигал.

Громадой стыла катастрофа
В сооружениях АЭС.
И крест-сосна – Полынь-Голгофа –
Вдруг вмиг простерлась до небес!

Слепило солнце круглобоко
В полынной горькой красоте,
И радиация жестоко
Нас распинала на Кресте...

БОЛЬ

Сколь зим и весен пролетело...
Не смолк чернобыльский набат.
Болит душа... Но в ней ли дело,
Что все весомей боль утрат?

Мы шар земной тогда спасали.
Пусть высочайшею ценой –
Чернобыль болью отстояли
Всемирном – той большой страной.

В одном строю тогда стояли
Ученый, практик и солдат.
Мы помним! Сколь не разделяли
Нас боли черных скорбных дат.

Мы шли сквозь атомов зарницы,
Превозмогая боль и страх...
Святым чернобыльским страницам
Не превратиться в тлен и прах.

ТРЕТИЙ АНГЕЛ

Блок четвертый, рванувший далекой весной,
Раз в году, как бы вскользь, каждый год вспоминаем.
Мы за тех, кто до срока ушел в мир иной,
В этот день за столом третий тост поднимаем.

Вновь апрель отшумел легкой талой водой,
Навсегда растворившись в тумане белесом.
Мир смирился и свыкся с Полынной бедой,
С обезлюдившей зоной, исчезнувшим лесом.

Бездуховностью души прогресс загубил,
Через край жизнь наполнив насильем и порно.
Третий ангел над миром в ночи протрубил...
Не слышали люди тревожный глас горна...

АИСТЫ

Где лучи добра и зла сомкнулись –
Грозной глыбой стынет саркофаг.
Аисты на родину вернулись –
Это свыше добрый, светлый знак.

В душах об апреле память свята
И светла без лишних громких слов.
Верю, вместо черного набата,
Скоро грянет звон колоколов.

Аисты вернулись... Есть надежда,
Светлый день Чернобыля грядет,
Будет жизнь счастливее, чем прежде,
Благовест над зоной поплывет...

□ 2.14. ЯДЕРНАЯ ЭНЕРГИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ГРАНИ КАСАНИЯ

Малеев В.Н.

Кандидат военных наук, профессор Академии военных наук.

Влияние радиации, одного из признаков ядерной энергии, человек испытал на себе очень давно. Настолько давно, сколько он сам существует в этом мире. Из далекого, доисторического прошлого дошли сведения о том, что на нашей планете всегда имелись места, при нахождении в которых человек слабел, терял волосы и зубы, болел и умирал. Не имея объяснений явлениям, происходящим в таких местах, люди называли их «дьявольскими» и обходил стороной.

Физическое явление радиоактивности в науке было открыто лишь в 1896 году французским ученым Антуаном Анри Беккерелем. Физик изучал явление флуоресцентного свечения некоторых веществ после освещения их светом. При этом он обнаружил, что соли урана не нуждаются в предварительном освещении, они постоянно самопроизвольно испускают лучи неизвестной природы.

Французские ученые Мария Склодовская-Кюри и Фредерик Жолио-Кюри установили, что излучения солей урана имеют корпускулярную и квантовую природу. Эти излучения представляли собой поток ядер атомов, электронов и гамма-квантов электромагнитного происхождения. Эти излучения были названы соответственно: альфа-, бета- и гамма-излучения. Все три вида излучений были объединены одним общим названием: радиация.

Открытие радиации было воспринято учеными мира с большим оптимизмом и надеждой на дальнейшее развитие науки. Им казалось, что ядерная физика позволит осуществить скачок в развитии человечества и обеспечит ему большие возможности в овладении тайными силами природы.

«Мы подходим к великому перевороту в истории человечества, с которым не может сравниться все им ранее пережитое. Недалеко то время, когда оно (человечество – от авт.) получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить жизнь, как он захочет»/3/.

В 1932 году в лаборатории английского ученого Э. Резерфорда были открыты нейтрон, позитрон, дейтрий. В 1939 году Отто Ганн и Фридерик Штрассман открыли явление цепной реакции деления ядер радиоактивных веществ. Это позволило еще ближе приблизиться к разгадке тайн радиации. Было установлено, что после облучения радиоактивного материала потоком нейтронов их самопроизвольное радиоактивное излучение стремительно увеличивалось. Прохождение реакции сопровождалось бурным выделением световой и тепловой энергий. Вскоре были найдены вещества, замедляющие лавинообразное течение цепной реакции. Следующим этапом было создание установки, в которой деление радиоактивных веществ можно было регулировать введением в нее веществ-замедлителей, поглощающих нейтроны.

30-40-е годы XX столетия ознаменовались явными и тайными стремлениями некоторых развитых стран к мировому господству. Явным лидером в желании подчинить себе весь мир была фашистская Германия. Но была еще одна страна, которая в основу своей политики ставила задачи подчинения себе под различными предлогами менее развитых стран. Борьба за мировое господство шла всегда, но в 30-40-е годы XX столетия она была наиболее обостренной. В таких условиях выглядело естественным использовать открытия в науке в военных целях. Изучение процесса цепной реакции и побочных явлений привело ученых к пониманию возможности создания оружия, обладающего огромной разрушительной силой. Над созданием оружия нового поколения работали ученые-физики многих стран мира, в том числе и фашистская Германия. Наибольших успехов в создании оружия нового типа на физических принципах цепной реакции деления ядер радиоактивных веществ достигли американские ученые, собравшие в своих лабораториях выдающихся ученых мира. Работы велись в больших масштабах под руководством физика Энрико Ферми. Соединенные штаты Америки не жалели средств на создание нового оружия, чтобы воспользоваться им для завоевания мира.

Об успешном ходе ядерных исследований в военных целях в США свидетель-

ствуют факты: 2 декабря 1942 года в обстановке секретности был запущен первый ядерный реактор мощностью полватта. 16 июля 1945 года в пустынном районе штата Нью-Мексико был произведен первый в мире взрыв атомного устройства. У США появилась атомное оружие.

С целью демонстрации своего владения атомной бомбой и, естественно, для устрашения мира, через три недели после испытаний, атомные бомбы были сброшены на японские города Хиросима (6 августа) и Нагасаки (9 августа). Японские города были испепелены в атомном пожаре. Несколько сотен тысяч японцев погибли в радиационном пекле. Так США провели демонстрацию своей силы всему миру, и прежде всего СССР. Огромные жертвы мирных жителей Японии мировую общественность не встревожили. Этот факт ставит под сомнение: существует ли вообще в мире такая общность людей, как мировая общность?

После победы Советского Союза над фашистской Германией во второй мировой войне военное первенство находилось на его стороне. Но после применения атомных бомб по Японии военное первенство перешло к США. Американцы приступили к осуществлению политики атомного шантажа СССР и других стран социалистического содружества, спекулируя на монополии обладания оружием массового поражения. Мир всегда был устроен так: кто обладает силой, тот и владеет миром. США беззастенчиво диктуют всем условия переустройства мира и установления своего господства.

Советский Союз приступил к разработкам атомного оружия в 1942 году с созданием секретного научного подразделения «Лаборатория № 2» в 42-м году. В 1946 году в Челябинской области начали строительство Производственного объединения «Маяк». На этом предприятии был построен первый ядерный реактор по обогащению радиоактивных руд для получения оружейного плутония.

Еще в ходе второй мировой войны, когда фашисты потерпели сокрушительное поражение в битве на Волге, после победы Советской армии в Курской битве, американцы поняли, что в будущем СССР может стать серьезной помехой в реализации замыслов своей политики, и стали разрабатывать план войны против СССР.

4 сентября 1945 года (на следующий день после окончания второй мировой войны) Объединенный разведывательный комитет (ОРК) США разработал план нападения на СССР. С 1945 по 1949 год этот план претерпел двенадцать изменений, но суть его оставалась неизменной: предусматривалось нанесение атомных ударов по крупным городам СССР, пунктам военного управления и узлам стратегических коммуникаций. Деморализовав страну, разрушив ее управление, янки планировали разделить территорию страны на отдельные части и сделать их своими митрополиями. Американские аналитики подсчитали, что СССР, разрушенный и истощенный войной, не сможет быстро восстановить экономику и приступить к созданию атомного оружия. По их расчетам «советы» могли построить атомную бомбу лет через пятнадцать, т.е. только к 1960 году. США не торопились реализовать свой чудовищный план уничтожения нашей страны и поджидали более подходящий момент. Иностранцам всегда было трудно понять специфику русского образа жизни и характер русского человека, поэтому они всегда ошибались в своих прогнозах. Просчитались американцы и в сроках создания русскими атомной бомбы.

22 июня 1948 года на ПО «Маяк» был пущен первый реактор для получения оружейного плутония. 29 августа 1949 года был произведен первый в СССР взрыв атомного устройства РДС-1 (Россия делает сама). В этот день рухнули планы США на мировое господство и было установлено стратегическое равновесие в видах вооружений, ставшее гарантом мира на планете с той поры и до наших дней.

Альфред Нобель, изобретатель динамита, считал, что равновесие в мире должно держаться на страхе слабой страны перед сильной. Чтобы не оказаться слабее, Соединенные штаты Америки после окончания второй мировой войны начали стремительно вооружаться. Англия, Франция, Советский Союз не желали отстать в своеобразной гонке вооружений. Такова была обстановка в мире. Быть слабым никто не хотел. Не имел права. В мире образовался «ядерный клуб», в который вошли страны: США, Россия, Великобритания, Франция и Китай, успевшие закончить испытания ядерного оружия до 1 января 1967 года. По международному законодательству эти страны стали ядерными державами. Исследования в области ядерной энергетики после второй мировой войны были направлены по пути совершенствования атомного оружия, которое стали называть ядерным.

22 ноября 1955 года Советский Союз произвел подрыв двухступенчатого термоядерного устройства, которое представляло собой заряд большой мощности – водородную бомбу мощностью 1,6 мегатонны.

К концу 50-х годов в СССР было закончено формирование инфраструктуры, необходимой для массового производства расщепляющихся материалов и ядерных боезарядов. В США же в 1957 году ядерный потенциал насчитывал 5543 боезаряда с совокупным мегатоннажем 17500 мегатонн. Этот потенциал был достаточен для создания на территории СССР сплошной зоны разрушений общей площадью до 1,5 млн. квадратных километров и сплошной зоны пожаров общей площадью более 2 млн. квадратных километров. Площадь радиоактивного заражения с уровнем радиации более 300 рентген в час спустя сутки после взрывов могла превышать 10 млн. квадратных километров. Это означало, что после применения США всех имеющихся у них ядерных боеприпасов по СССР, его территория могла превратиться в радиоактивную пустыню (если бы им это позволили сделать).

Такой информацией можно было только шантажировать и пугать. Военные специалисты знают, что ядерное оружие применяется по конкретным целям на территории противника и его союзников. Именно так Советский Союз планировал применять свое ядерное оружие, которого хоть и было чуть ли не в десять раз меньше, чем у американцев, но явно достаточно для того, чтобы уничтожить США как государство. Кроме того, СССР превосходил США по некоторым средствам доставки ядерного оружия. В конце пятидесятых годов СССР оснастил ядерными боеприпасами военно-морской флот. На подводных лодках ВМФ СССР появились ракеты стратегического назначения с ядерными боеголовками и крылатые ракеты, оснащенные ядерными боеголовками. Все эти меры сдерживали США от развязывания ядерной войны против СССР.

С момента открытия явления радиоактивности, исследования ядерной энергии пошли по пути использования ее в военных целях, т.е. для уничтожения человека, биосферы Земли и всего живого на планете. «...Сумеет ли человек воспользоваться этой силой (ядерной энергией – *от авт.*), направить ее на добро, а не на самоуничтожение?..» /4/. Почему так произошло? Существует ли на

нашей планете коллективный разум, который постоянно контролирует ход развития цивилизации и сдерживает мир от явных роковых ошибок? Нет. Не существует. Судьбой цивилизации правит тот, кто первым получает доступ к оружию нового поколения. Обладателя такого оружия не интересуют размышления всего остального человечества о мире, о войне.

Вместе с тем, в 1948 году по предложению И.В. Курчатова, несмотря на скептическое отношение к этому видных ученых-физиков, в СССР начались исследования по мирному использованию ядерной энергии. Начались работы по практическому применению атомной энергии в мирных целях. Деятельность «курчатовцев» увенчалась успехом: 26 июня 1954 года в г. Обнинске Калужской области был осуществлен энергетический пуск первой в мире атомной электростанции мощностью 1566 киловатт. В 1955 году там же была введена в строй первая в мире атомная электростанция мощностью 100 мегаватт.

Началась эра использования атомной энергии в мирных целях, новая эра в истории энергетики, ставшая началом научно-технической революции в области энергоснабжения и энергоресурсов, необходимых человечеству для его дальнейшего развития. Прогрессивные страны мира с радостью и надеждой приветствовали сообщение о возможности использования атомной энергии в мирных целях. В Великобритании, Франции, США, в странах скандинавского полуострова, позже в Японии, началось стремительное развитие ядерной энергетики.

Компактность атомных электростанций (АЭС), быстрая окупаемость затрат, дешевизна получаемого на них электричества делали атомную энергетику экономически выгодной и перспективной. Но эксплуатация АЭС показала их конструктивное несовершенство. Интеллектуальная и психологическая неготовность человека по управлению новым видом энергии и неумение обеспечить безопасное функционирование атомных станций часто приводили к авариям и катастрофам на них. Большое количество радиоактивных отходов, образующихся в процессе атомного производства делали существование ядерной энергии проблемной год от года. Большое количество скапливающихся отходов переполняли полигоны для их захоронения. С начала эксплуатации ядерных установок на них практически постоянно происходят аварии и катастрофы.

Первая такая авария произошла в Великобритании в г. Уиндскейле (сейчас Селлафилд) на исследовательском ядерном реакторе.

Самая серьезная авария на зарубежных атомных электростанциях произошла в 1976 году на атомной электростанции «Три-Майл-Айленд» (Пенсильвания, США), при которой произошло расплавление активной зоны реактора и выброс радиоактивных веществ в окружающее пространство. Масштабы аварии неизвестны. Неизвестно и количество выброшенных в атмосферу радиоактивных веществ.

Взрыв атомного реактора на четвертом блоке Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года стал сильнейшей радиационной катастрофой в мировой истории. В результате взрыва произошло разрушение и последующее расплавление активной зоны реактора. В течение нескольких дней после взрыва в атмосферу было выброшено большое количество радиоактивных веществ. В результате катастрофы погибли люди.

Выбросы радиоактивных веществ в атмосферу и распространение их далеко за пределы Советского Союза, бесконтрольное «расползание» радиации по

западно-европейской части страны (увы, это нельзя не признать) нанесли большой ущерб экологии планеты. По заключению экспертов ЮНЕСКО «... после взрыва на Чернобыльской АЭС планета уже никогда не будет такой, как прежде...»/5/.

Не вдаваясь в причины чернобыльской катастрофы, не обвиняя и не оправдывая действия участников этого события, необходимо отметить общую тенденцию недопонимания и недооценки опасности технологического процесса получения электроэнергии на АЭС. Чернобыльская катастрофа и последующие выводы, сделанные из нее странами мира, позволили существенно повысить уровень радиационной безопасности атомных производственных процессов.

Следует предположить, что катастрофа, подобная чернобыльской, в мире должна была произойти, чтобы «встряхнуть», «всколыхнуть» спокойное отношение человечества к ядерной энергетике и продемонстрировать ему страшную пропасть опасности, которая может разверзнуться, если он не изменит свое отношения к ней.

Атомная бомбардировка японских городов, многочисленные жертвы человечество просто «не заметило». Чернобыльская катастрофа была «замечена» только потому, что она произошла в СССР, и вместе с ней появился еще один шанс «уколоть» нашу страну.

От открытия радиоактивности и до атомной бомбардировки японских городов прошло пятьдесят лет. Для цивилизации это слишком малый срок, чтобы она смогла интеллектуально, нравственно и психологически осознать то, к чему прикоснулась. Только недооценкой глобальной опасности, таящейся в ядерной энергии, можно объяснить атомную бомбардировку и бесчисленные аварии на ядерных объектах, которые произошли в мире.

С начала семидесятых годов и до настоящего времени в мире ежегодно происходят десятки радиационных аварий и катастроф, которые наносят необратимый ущерб экологии планеты и ведут к мутационным видоизменениям всех живых организмов. Но проблема достижения абсолютной ядерной безопасности на ядерных объектах пока остается не решенной.

Большой ущерб экологии планеты нанесли аварии на ядерных установках военного и мирного предназначения. Не все известно о катастрофах на атомных субмаринах. Нет информации о загрязнениях окружающей природной среды радиацией при осуществлении «исследовательских взрывов» взрывов ядерных устройств, осуществляемых в мирных целях. Нет информации, но загрязнение есть, и от незнания этого вопроса экологическая ситуация в мире не улучшается.

Вместе с тем, к сожалению, мы должны согласиться с предположением того, что «... энергетика, построенная на углеводородах, исторически себя исчерпала и в течение ближайших десяти лет рост энергетики данного типа будет закончен. Новых месторождений будет открываться все меньше и меньше. При этом в ближайшие 30-50 лет замена углеводородной энергетике на любые виды альтернативной неядерной энергетике невозможна. Если не произойдет резкого ускорения развития ядерной энергетике, то уже через десятилетия мир окажется в ситуации катастрофической энергетической недостаточности человечества»/6/. До испытания ядерных устройств на земле, под землей, в атмосфере аварии и катастрофы на АЭС и ядерных установках стали вторым источником угрожающего радиоактивного загрязнения Земли и ее биосферы. Непредсказуемость рисков

аварийных ситуаций на ядерных объектах будет неизбежно вести к всевозрастающей радиоактивной загрязненности планеты, которая к тому же накладывается на загрязнения, образованные от объектов, работавших на углеводородном топливе. Человечество вынуждено будет мириться с экологическим кризисом и закрывать глаза на рост всеобщей загрязненности планеты и повышение радиационного фона окружающей среды, но идти на развитие ядерной энергетики, альтернативой которой является только беспросветное будущее.

Одновременно надвигающиеся на цивилизацию людей экологический кризис и мировая энергонедостаточность выводят XXI век на грань гибели или выживания. Рост населения планеты (к 2050 году численность населения возрастет почти вдвое) и увеличение мощностей потребителей электричества приведут к его дефициту. Если учесть, что приток населения планеты идет, в основном, за счет беднейших стран Азии, Африки и Центральной Америки, то можно предположить, что жизненный уровень в этих странах будет продолжать неуклонно снижаться. Это приведет к обострению международных отношений в этих регионах и возникновению войн и конфликтов.

Существует еще один вид радиации. Это бытовая радиоактивность, образующаяся при работе электронной бытовой и телевизионной техники, СВЧ, мобильных телефонов и других электронных устройств.

Изобретая для улучшения жизненных условий и комфорта телевизионную, компьютерную и бытовую технику? человек очень мало думает о том, чтобы она была безопасна для его здоровья и не загрязняла окружающую среду. Напомним, что радиоактивность – это жесткие излучения всех известных видов диапазонов.

Все, без исключения, виды современной техники являются источниками бытовой радиоактивности со всеми вытекающими последствиями. Теперь перед человеком стоит задача не только научиться пользоваться достижениями цивилизации, но и уметь защищаться от экологически и биологически неблагоприятных факторов, образующихся при их функционировании. С одной стороны, ядерная радиация, с другой – бытовая.

Таким образом, цивилизация людей оказалась загнанной в тупиковую ситуацию выживания в условиях повышенной радиоактивности среды своего обитания. Влияние радиоактивности на живые организмы приводит к их мутациям и вырождению отдельных особей. Выживет ли человечество в известных для нас, современников, условиях?

Ликвидация последствий аварии на ПО «Маяк» и катастрофы на Чернобыльской АЭС и опыт последующей жизни их ликвидаторов приводит к выводу, что при определенных условиях человек, получивший предельные дозы облучения, может выжить. Имеются примеры продолжительной жизни участников ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф. Но необходимо отметить, что выживают далеко не все. Очень много, если не все, зависит от генетической наследственности человека. Бывали случаи, когда человек получал предельно малые дозы облучения и умирал от развивающихся в нем онкологических заболеваний. В то же время тот, кто имел дозы облучения намного выше, продолжал жить. Это приводит к предположению, что радиация осуществляет естественный отбор людей, способных переносить радиацию. Может быть. Пример маяковцев и чернобыльцев тому подтверждение. Возможно, имевшие место в истории нашей цивилизации

радиационные аварии были ниспосланы людям для того, чтобы подготовить человечество к грядущим переменам в условиях жизни на планете.

Впрочем, как ни странно, до сих пор влияние радиации на живой мир до сих пор еще до конца не изучено. К тому же «... спор ученых о зарождении жизни на Земле не прекращается. Но при этом они сходятся в одном: чтобы из неживой материи могли возникнуть сложные органические соединения, а затем простейшие организмы, нужна была энергия в достаточных количествах. Кто был ее поставщиком? Солнце? Нет. Ученые считают, что вдохнуть в неживую материю жизнь могли лишь... ядерные реакторы.

В результате совместных исследований югославские и мексиканские ученые пришли к выводу, что два-три миллиарда лет назад на Земле протекали ядерные реакции. Подобные тем, что сегодня происходят в реакторах атомных станций. В частности один из таких природных «реакторов» находился в Африке на территории нынешнего Габона. Изучив соотношение изотопов урана-235 и урана-238 в породах, ученые установили, что первого здесь значительно меньше, чем положено. Это свидетельствует о том, что он вполне мог «сгореть» в ходе цепной реакции. Видимо, природный реактор работал достаточно долго. Но постепенно перестал действовать. Три миллиарда лет назад он (реактор – *от авт.*) был весьма активен. Жесткое гамма-излучение и тепло вполне могли подтолкнуть эволюцию. Ведь известно, что радиация вызывает направленные мутации» /7/.

Следуя этой концепции нам, жителям современной цивилизации, не следует впадать в уныние и делать мрачные прогнозы на будущее. Может быть, мы просто не в состоянии понять: каково должно быть будущее нашей цивилизации и к чему приведут последствия ее многочисленных соприкосновений с радиацией, действие которой на человека не ограничивается временем открытия явления ядерной радиоактивности.

Термины, определения. Литература:

1. *Уровень общественного развития, материальной и духовной культуры (определяемый уровнем развития производительных сил), достигнутый данной общественно-экономической формацией.*

2. *Радиация – все виды ионизирующих излучений (потoki заряженных и нейтральных частиц, гамма-квантов), а также электромагнитные излучения широкого спектра диапазонов.*

3. *В.И. Вернадский. Из выступления на открытии радиологического института в г. Петрограде, 1922 г.*

4. *В.И. Вернадский. Из публичных выступлений.*

5. *Материалы расследований причин аварии на чернобыльской АЭС.*

6. *Юрий Круглов. «Ядерная доктрина России» Проект. 1-й вариант. Подготовлен 24.10. 2004 г.*

7. *Реактор рождает жизнь? Тайны XX века. Москва. СП «Вся Москва», 1990 г.*

□ 2.15. ЗАПИСКИ ИММУНОЛОГА

Алексеева О. Г.

Доктор медицинских наук, профессор.

Алексеева Ольга Георгиевна родилась в 1924 году в Гандже. Студентка и аспирантка Московского медицинского института МЗ РСФСР (1942-1949), эпидемиолог в Челябинске-40 (1949-1952 гг.), научный сотрудник Института биофизики МЗ СССР (1952-1961 гг.), заведующая лабораторией иммунологии и аллергологии в Институте гигиены труда и профзаболеваний АМН СССР (1961-1989), консультант НИО «ЭКТОКС» (1990-1992). Ветеран труда. Кандидат медицинских наук – 1954 год, доктор медицинских наук – 1961 год, профессор – 1963 год (от редакции)

Впервые в Челябинск-40 я приехала в мае 1949 года по заверению замминистра МЗ СССР А.И. Бурназяна на 3 месяца в помощь эпидслужбе в связи с тяжелой эпидемиологической обстановкой. Однако, прибыв в МСО, узнала, что я буду единственным эпидемиологом на комбинате, причем эпидемиологов не было ни у строителей, ни в охранных воинских частях. Учитывая отсутствие у меня практического опыта, меня охватил ужас. Но благодаря поддержке начальника МСО П.И. Моисейцева (не могу не помянуть его с благодарностью – этого большой души человека, специалиста высокого ранга и прирожденного организатора), а также оптимизму молодости и привычке делать все на совесть, я начала вспоминать, чему учили на кафедрах микробиологии, инфекционных болезней и эпидемиологии. Каких-либо нормативных документов в МСО не было. Я могла рассчитывать только на себя. Некогда было переживать, что впереди не 3 обещанных месяца, а больший отрезок времени, может, навсегда, и прощай моя еще со школы мечта о науке. Позже я узнала, что не одну меня сорвали с аспирантуры, а многих. А одного аспиранта послали за 4 дня до защиты диссертации, продержали месяц в «отстойнике» Кыштыма и только через год дали командировку на защиту! Такой была практика главка МЗ СССР, курирующего медицину в атомной промышленности. Было легче лаской или таской отослать молодого врача, чем уговаривать изменить жизнь опытного специалиста. Одно похвально, что отбирали врачей с «красным» дипломом.

Постепенно удалось создать эпидемиологическую службу с регистрацией всех инфекционных больных, выяснением источника заражения, обеззараживания его, с надзором за инфекционным отделением, яслями, детскими садами и т.д. В конце концов подобралась дружная группа фельдшеров, дезинфекторов, медстатистиков, получили транспорт для выезда бригады в очаг инфекции. Кое-кого из младшего персонала подбросили строители, через 2 года прислали молодого врача, окончившего санитарный факультет. Наладили 100% госпитализацию инфекционных больных, а через полгода меня вызвал главный прокурор комбината по поводу жалобы начальника милиции,

которому я не разрешила оставить дома дочь-школьницу, заболевшую скарлатиной. Такое решение было продиктовано благодаря максимализму молодости и твердой вере, что для эпидемиолога все равны перед законом.

Несмотря на все наши усилия, инфекционных больных становилось все больше, более того, детскими инфекциями заболевали взрослые и все чаще. Особенно тяжелым временем был период тяжелой эпидемии дизентерии и появления случаев полиомиелита. В это время рабочий день начинался у меня в 8 часов утра, а заканчивался на совещании специально созданной комиссии под председательством самого начальника комбината у него в кабинете в 12 часов ночи. Что только не предпринимали, даже улицы мыли хлоркой! У меня тогда закралось сомнение: не упускаем ли мы главную причину падения иммунитета у рабочих комбината и жителей, в том числе и у детей. Основанием для таких мыслей были результаты проведенных в аспирантуре опытов на облученных животных по испытанию эффективности вакцинации против дифтерии. Клеточный иммунитет страдал даже при несмертельных дозах облучения. Но о своих предположениях делиться с руководством я не считала возможным. Ведь в то время никто не знал, что контакт с ионизирующей радиацией приводит к поломке иммунной системы, которая играет одну из главных причин утяжеления лучевой болезни. Более того в то время в Челябинске-40 как бы и не было лучевой болезни. Клиницисты МСО, в том числе и будущее светило клинической радиологии А.К. Гуськова, буквально ошущью постигали клинику лучевых поражений. Вот пример неведения: первый больной острой лучевой болезнью на комбинате прошел под диагнозом брюшного тифа. Бывший в то время в Челябинске-40 академик-гигиенист уверял, что, мол, лаборанточка ошиблась на порядок при подсчете лейкоцитов. А микробиологи пришли ко мне с просьбой навести порядок в инфекционном отделении, в боксе которого лежал больной, так как сестры отделения не умеют стерильно брать кровь на посев тифозной палочки, и вместо нее высевается банальная флора. Ох, позже, вернувшись в науку, я поняла, что не сестры были виноваты, а у больного тяжелой формой острой лучевой болезни был типичный для нее сепсис вследствие проникновения в кровь флоры ротовой полости и дыхательных путей. И улицы-то надо было не мыть, а дезактивировать. Врачей МСО винить нечего; в 2001 году А.К. Гуськова писала про «исключительное многообразие клинических проявлений при воздействии ионизирующих излучений, воспроизводящих практически все органные и синдромно-системные проявления у человека различной этиологии». Вот врачи МСО и лечили лишь симптомы, подгоняя их под подходящий диагноз из общей клиники. К этому следует прибавить отсутствие контакта с другими врачами, сталкивающимися с лучевыми поражениями, и в первую очередь с клиникой лучевой болезни Института биофизики МЗ СССР, открытой в 1951 году. Страшно подумать, сколько людей поплатились здоровьем, а то жизнью, «благодаря» такой системе секретности.

Но работа работой со всеми ее трудностями, а мы все были молоды и не могли жить одной работой. А в городе не было даже кино, и помпезное здание театра пустовало, хорошо, если раз в год в нем устраивали нечто вроде концерта. Но зато для отдыха на открытом воздухе условия были выше всех похвал. Город в те годы был лишь в зачаточном состоянии – 2-3 улицы с одно-

и двухэтажными домами среди леса. Уже в день приезда меня поразили буквально впритык к домам лесные деревья. Участки леса прикрывали и барачного типа общежития для холостяков и зоны с заключенными, строившими город. Главная улица (конечно, по тем временам имени Сталина) едва не доходила до чудесных больших озер, за которыми были видны сопки, покрытые лесом. Особенно красива картина была осенью: синева озера, темная зелень сосен и пожар золотых берез! А летом все побережье превращалось в пляж, благо уральский загар очень стоек. Уже в апреле можно было загорать на скалах среди кустов, защищавших от еще холодного ветра. Гуляли и купались много, и не только в выходные дни. Во время эпидемии, когда я возвращалась в дом медиков, меня всегда на крылечке встречала веселая компания, и мы шли гулять. Только в 25 лет можно было при таком длинном и напряженном рабочем дне урвать от сна 2-3 часа. А как интересно было смотреть на исток реки Течи, где сохранились развалины демидовского завода.

В МСО жили дружно и весело. Жили по-холостяцки, завтракали чем Бог пошлет, обедали обычно бутербродами с чаем, а вот ужинало большинство врачей в т. н. генеральской столовой. Надо сказать, что врачи во всех закрытых городах были привилегированы и не питались в рабочих столовых. Интересно, что как название «генеральская столовая», так и здание по типу коттеджа были распространены во всех закрытых точках, где я бывала – в Москве-300 (Арзамас-16, теперь Саровск), на космодроме времен первых полетов космонавтов.

Через 3 года я все же добилась перевода в науку через самого министра здравоохранения (спасибо однокашникам, устроившим прием у него). Главк, вернее А.И. Бурназян, промурыжил меня еще полгода в Челябинске-40, а затем направил в Москву в Институт биофизики МЗ СССР младшим научным сотрудником в микробиологическую лабораторию, в которой не было заведующего, а одни неостепененные младшие научные сотрудники. Только через год появилась профессор Н.Н. Клемпарская. До этого я продолжала начатые в аспирантуре опыты по влиянию облучения на клеточный иммунитет при дифтерии. Ознакомившись с моими материалами, Н.Н. Клемпарская посоветовала писать кандидатскую диссертацию, которую я защитила в 1954 году. Уже в первый год работы в институте меня привлек к обследованию больных лучевой болезнью заведующий клиникой института профессор Н.А. Куршаков. Спасибо ему за то, что я стала пионером в клинической иммунологии при лучевых поражениях.

В 1953 году в план НИР института была включена тема по изучению состояния окружающей среды и здоровья населения в районе радиоактивного загрязнения реки Течи. Была сформирована экспедиционная бригада под общим руководством доктора медицинских наук А.Н. Марья. Она состояла из двух групп – санитарно-гигиенической, куда входили гигиенисты, химики и физики, и клинической, включающей терапевтов, невропатологов, отоларинголога, гематолога и иммунолога с лаборантами, а также физика для определения содержания радиоизотопов в экскрементах и моче обследуемых. Необходимую аппаратуру, лабораторную посуду, реактивы, микробиологические питательные среды, микроскопы везли из института. Комбинат обеспечивал транспортом, продуктами питания, чистой водой, а для клинической группы еще санитаркой, поварихой и рабочим местом в своей лаборатории для физика. Четырехмесячные экспедиции в летнее время продолжались в течение 4 лет.

Длительность маршрута увеличивалась с каждым годом, и в 1956 году закончилась на реке Тобол в 4 километрах после впадения в нее реки Исеть.

Приезжали мы в Челябинск-40, получали все необходимое, что представлял комбинат, уточняли маршруты каждой группы, складывались и отправлялись в путь. Меня поразил Челябинск-40 во второй приезд. Он стал уже похож, пусть на небольшой, но все же город. Новая гостиница, в которой мы размещались в период подготовки к экспедиции, была комфортабельнее той, в которой я прожила несколько месяцев в 1949 году и при ней была неплохая столовая. Однако комфорт все же был относителен, в номерах отсутствовал душ.

Клиническая группа первую остановку делала в поселке на берегу озера Карачай. Кстати, его название я узнала лишь в последние годы из прессы и телевизионных репортажей, а в те годы он был безымянным. К 1953 году этот поселок потерял значение подсобного хозяйства комбината, долгие годы снабжавшего город овощами и молоком. Озеро уже было окружено колючей проволокой и висели плакаты о том, что вода отравлена и использование ее для приготовления пищи, хозяйственных нужд, водопоя домашней скотины и купания запрещено. Воду в поселок привозили в цистернах из города. Но что русскому человеку колючая проволока, под нее можно пролезть. Тогда, кроме ограждения, по периметру выставили посты солдат. Однако на вопрос врача при обследовании (пользуются ли водой из озера?) простодушные хозяйки нередко отвечали: «Нет, готовим на привозной воде, а вот огород разве ею польешь, ношу из озера». Врач с изумлением: «Но там же солдаты!» – «Так они только с 6 часов утра, а встанешь в 4-5 часов и свободно натаскаешь».

И далее по рекам Теча и Исеть, которые, естественно, не были огорожены колючей проволокой, но около всех населенных пунктов, мостов висели плакаты, подобные карачаевским, мы неоднократно наблюдали пьющих из реки лошадей, плавающих стада гусей (а в этой глухомани их разводили не на продажу, а к своему столу). И вообще домашний скот пасся на заливных лугах. А ведь все жители были предупреждены через сельсоветы об отравлении воды!

Последние годы много писали и пишут чуть ли не о геноциде со стороны комбината «Маяк». Безусловно вина его велика, надо было бы еще при проектировании его заводов предусмотреть охрану окружающей среды, хотя, говоря честно, кто думал о таких вещах в период «холодной войны». Но и вина самих жителей очевидна, они себя не жалели. Или по советской привычке привыкли не доверять любому начальству?

Останавливались мы в школах, где один класс отводился под спальню (у одной стены тюфяки с постельными принадлежностями для женщин, у другой – для мужчин), второй – под кухню, а в остальных размещались клиникисты, разворачивались гематологическая и иммунологическая лаборатории. Жителей для осмотра (от детей школьного возраста до стариков) приглашали через сельсовет. В некоторых поселках народ шел дружно, даже выстраивалась очередь, в других, как например в Муслимово, приходилось даже терапевту (с него начинался осмотр) идти по домам и уговаривать. Осматриваемый двигался из класса в класс и в конце получал от санитарки склянки под экскременты и мочу, которые возвращал на следующий день. Из каждого поселка шофер отвозил их в Челябинск-40 нашему физику. Осмотр начинали в 9 часов утра и заканчивали в 3-9 часов вечера с двухчасовым перерывом днем на обед и отдых. Труднее всего было нам с гематологами, мы с трудом поспевали за клиницистами, нередко

для обработки материала прихватывали часть дневного отдыха или работали по вечерам. Приспособились работать с микроскопами при керосиновых лампах, так как электричество было только в поселке на берегу озера Карачай. Некоторые школы были так малы, что мы с трудом размещались.

Привозной воды хватало лишь на приготовление пищи, а умываться и мыться приходилось в реках. Конечно, мы все получили свою долю изотопов, что подтвердили анализы, посланные в последний год под псевдонимами вместе с материалом жителей. По молодости серьезных нарушений здоровья не наблюдалось, и только мне, уже имевшей признаки лучевого воздействия еще в бытность эпидемиологом комбината, пришлось в Москве подлечиваться в здравпункте, а затем и отлежать месяц в стационаре. Кроме того, нашим терапевтам оказались не под силу физическая и психологическая нагрузки, и их пришлось менять каждый год. Двое по возвращении в Москву пытались покончить с собой, третья сразу же уволилась и пошла в участковые врачи. Остальной состав был постоянен. Физическая нагрузка была связана не только с длительным рабочим днем, но и редкими выходными (1-2 раза за месяц). Наш бригадир в шутку говорил: «А разве день переезда из одного пункта в другой это не отдых?» Ох, уж этот переезд! Надо было свернуть лаборатории, затем неподъемные контейнеры с лабораторным имуществом погрузить в машину. Еще кухня со своей утварью, запасами продуктов, воды, керосина. А одно вращающееся кресло отоларинголога чего стоило! Личных вещей было мало, обходились минимумом. Сверх всего стелили наши тюфяки, и на них под самым тентом нашей коломбины лежа располагались путешественники. На проселочных дорогах машина поднимала тучи пыли, так что при приезде в новый пункт прежде всего надо было отряхиваться и чиститься. А далее разгрузка, подготовка рабочих мест, так как на следующий день с утра снова прием жителей. Вот после такого дня с удовольствием вымоешься и в реке Тече! Только в самом последнем пункте всласть накупались в реке Тобол.

По вечерам после работы сил не было куда-либо двинуться и при свете керосиновой лампы собирались в своей спальне. Пели (наши нестойкие терапевты обладали прекрасными голосами и слухом), играли в шарады, просто беседовали. И лишь один раз за все 4 года мы вечером попали в кино. Небольшая деревня на реке Исеть, клуб, больше похожий на старый сарай с щелястым полом, колченогими лавками, перед которыми на полу расположилась ребятня. В начале, как и положено было в СССР, хроника, затем научно-популярный фильм и наконец художественный, да какой: «Возраст любви» с незабвенной Лолитой Торес! Это был такой подарок судьбы, мы ведь и не слыхали о ней.

Ну а результаты нашего труда? Комплексное исследование показало, что максимальное загрязнение радиоизотопами окружающей среды и самое большое число лиц с признаками лучевого поражения определялось в поселке на берегу озера Карачай. Более того, только среди жителей этого поселка регистрировались случаи лучевой болезни. По мере разбавления концентрации радиоизотопов в воде рек, особенно реки Исети, уменьшалось загрязнение окружающей среды и доля лиц с признаками лучевого воздействия, нарушения иммунитета, да и выраженность их уменьшалась. И только в поселке на реке Тобол состояние здо-

ровья и реактивности организма жителей практически не отличалось от контрольных данных, полученных в каждом регионе при обследовании населения поселков около озер, не связанных с системой загрязненных рек.

По возвращении в Москву каждая группа ежегодно оформляла многостраничный отчет, а также совместно докладывала результаты экспедиции руководству Минсредмаша СССР. Наши отчеты и доклады в министерстве послужили основанием для решения правительства о переселении жителей наиболее опасных поселений. Раньше всех переселили поселок на берегу озера Карачай, к сожалению, не очень удачно. Их пришлось переселять во второй раз после аварии на комбинате в 1957 году. Кроме переселения, для наблюдения и лечения жителей оставшихся на берегах загрязненных рек в областном городе Челябинске был открыт Филиал 4 Института биофизики МЗ СССР. Врачи филиала прошли стажировку в институте, были привлечены также педиатры, поскольку серьезное внимание было уделено детям, родившимся после загрязнения радиоизотопами.

В 1953 году я работала только в поселке на берегу озера Карачай, так как еще не была закончена апробация тестов для массового изучения состояния иммунной системы в условиях экспедиции. Пользуясь меньшей нагрузкой, чем в последующие годы, а также прихватив еще месяц после отъезда группы в Москву, я смогла поработать в архивах инфекционного отделения МСО и районных загсов Челябинской области в районе реки Течи и отдаленном от нее районе. Анализ этих материалов в Москве выявил у рабочих комбината и жителей Челябинска-40 увеличение тяжести и длительности течения, учащение развития общей интоксикации и частоты перехода острой формы дизентерии в хроническую по мере увеличения контакта с ионизирующей радиацией. Еще более демонстративны были результаты изучения смертности от заболеваний, обусловленных состоянием иммунной системы, включая новообразования всех типов, инфекционные болезни и заболевания инфекционно-воспалительного генеза (пневмонии, холециститы и т.п.). В 1947-1948 годах смертность от этих болезней в обоих районах была одинаковой, а с 1949 года наблюдалось все нарастающее увеличение в районе реки Течи.

Через пару лет я начала оформление докторской диссертации, в которую включила и эти ретроспективные материалы. Они составляли лишь малую часть рукописи. Основой диссертации явились клинические данные, полученные при обследовании в клинике института больных острой и хронической лучевой болезнью, выявившие нарушения функции иммунной системы вплоть до развития сепсиса, приводящего к летальному исходу при тяжелых формах лучевых поражений. Значительную часть составили и экспедиционные материалы. Основной материал не вызвал никаких нареканий, а вот ретроспективные материалы по архивам вызвали недовольство главка МЗ СССР, курирующего медицину в атомной промышленности. Более того, А.И. Бурназян пригрозил мне, что если я не исключу эти материалы диссертации, то мне не дадут защититься. Но хотя институт материально зависил от главка, его директор, академик А.В. Лебединский в научном плане позволял себе иметь независимое мнение, и неудобные материалы не были исключены, и в 1961 году я защитила док-

торскую диссертацию, а затем перешла в открытую систему. Связь с Челябинском-40 прекратилась навсегда.

□ 2.16. ПОСЛЕ 26 АПРЕЛЯ 1986 ГОДА

Надежина Н.М.

Кандидат мед. наук, заслуженный работник здравоохранения, зав. отделением последствий острой лучевой болезни и лучевых ожогов (ГНЦ-институт биофизики, клиническая больница № 6), во время аварии на ЧАЭС – один из организаторов оказания медицинской помощи пострадавшим

Прошло более 20 лет. Много это или мало? Мало, чтобы забыть это тяжелое событие, и достаточно, чтобы осмыслить с позиции прожитых лет и оценить каждому участнику произошедших событий, а нам, медикам, – качество и организацию специализированной медицинской помощи пострадавшим.

Как это было...

26 апреля 1986 года от руководителя клиники профессора А.К. Гуськовой по телефону рано утром я узнала об аварии и через 45 минут была на рабочем месте. Было принято решение готовить клинику к приему пострадавших в Клиническую больницу № 6 и послать в район аварии аварийную бригаду врачей в помощь врачам МСЧ № 126 для проведения сортировки с целью выделения потоков эвакуации пострадавших.

Через 1 час все участники дежурившей в этот месяц бригады собрались в клинике и готовы были выехать на место аварии. Возглавлял бригаду доктор, кандидат медицинских наук Г.Д. Селидовкин. Надо сразу отметить, что, на мой взгляд, медицинская сортировка пострадавших, основанная на клинических критериях диагностики ОЛБ, разработанных врачами клиники на базе многолетнего опыта оказания помощи пострадавшим в радиационных авариях, была проведена идеально. Подтверждением этому послужило то, что в первые двое суток после аварии в клинику были направлены почти все пострадавшие, у которых в дальнейшем был подтвержден диагноз ОЛБ.

При подготовке к приему пострадавших, а было уже известно, что их более сотни, возникло одновременно много проблем. Прежде всего, возникла необходимость одномоментной госпитализации большого количества пострадавших. С целью увеличения пропускной способности специализированный приемный покой был развернут на базе физиотерапевтического отделения. Все больные из отделений КБ № 6 были выписаны или переведены в другие лечебные учреждения. Для оказания медицинской помощи пострадавшим были усилены посты медицинского среднего, младшего персонала и лабораторной службы за счет сотрудников других МСЧ и МСО Главного 3-го управления при МЗ СССР и других медицинских учреждений г. Москвы. Специалисты по радиационной медицине – сотрудники клинического отдела Института биофизики – возглавили каждое из этих подразделений. Кроме того, был перекрыт один вход, а на другом и на каждой лестничной площадке при входе в отделения были установлены дозиметрические посты (по принципу санпропускника). Для дезактивации помеще-

ний, территории больницы и вывоза загрязненной одежды, перевязочного материала был придан взвод военных химической защиты. Уничтожение и дезактивация белья проводились в ИАЭ. Большую помощь оказали военные врачи, которые дежурили в круглосуточных бригадах в спецприемном покое и других отделениях.

Так как быстрое изменение ситуации по состоянию пострадавших требовало срочных решений и действий, смена и прием дежурств проводились дважды в сутки – утром и вечером. Хотя и были случаи отказа от работы с пострадавшими среди персонала, но они были редкими и нехарактерными. Все работали столько, сколько требовалось. Первые 3-4 недели меня привозили на 4-5 часов домой поспать, так как очень много надо было сделать, кроме непосредственного обеспечения лечебной работы (медикаменты, оборудование, персонал), по розыску и приему в клинике родственников пострадавших и доноров для тех, кому предполагалась пересадка костного мозга, а также по размещению, обследованию этих родственников и беседам с ними. Было много сложной работы с прибывающими «самотеком» лицами с загрязненных территорий, для которых требовалось не только экспресс-обследование, консультации, но и обеспечение чистой одеждой после дезактивации, устройство в гостиницы, да и всего не перечислишь.

Многие посторонние люди старались помочь, кто чем мог: кто присылал для пострадавших бочонок меда, кто сыр, кто предлагал различные средства народной или нетрадиционной медицины, многие предлагали свою помощь по уходу за пострадавшими.

Очень трогательны были письма от наших пациентов, перенесших много лет назад ОЛБ. Они предлагали приехать и оказывать своим примером психологическую поддержку пострадавшим.

Несмотря на специализированную многолетнюю подготовку в области радиационной медицины сотрудников клиники, очень тяжелым психологическим испытанием было общение с пострадавшими, прибывшими в клинику в первые дни после аварии: почти все они были молодыми, не оценивали адекватно тяжесть ситуации, некоторые шутили, а мы уже знали, что у многих из них неблагоприятный прогноз и они погибнут.

Ежегодно 26 апреля на Митинское кладбище и на вечерах памяти наряду с родственниками пострадавших приходят и медики, чтобы вспомнить и сказать: «Простите, что мы не в силах были помочь».

20 лет назад были применены все передовые методы лечения ОЛБ и лучевых ожогов. Высоко оценена наша работа по лечению пострадавших ведущими специалистами Америки и Европы (А. Жамэ, Р. Гейл, Ф. Меттлер, Р. Рикс и др.). Это подтверждается присвоением нашим врачам международных сертификатов по радиационной медицине и приездом врачей на учебу в нашу клинику из многих стран (Болгария, Китай, Иран, Грузия, Корея, Белоруссия и т.д.).

Всего в связи с аварией на ЧАЭС ОЛБ была верифицирована у 134 человек. В остром периоде умерло 28 человек (1 из них в Киеве, в клинике УНЦРМ, 27 – в клинике ГНЦ-ИБФ). В дальнейшем до 1990 года все больные продолжали находиться в клиническом отделе ГНЦ-ИБФ наряду с другими пациентами, перенесшими острые лучевые поражения в предшествующих радиационных авариях. Наше отделение и создавалось для оказания пожизненной медицинской помощи людям, подвергшимся острому радиационному воздействию.

Ежегодное обследование в условиях стационара позволило установить, что у пострадавших в аварии на ЧАЭС основным инвалидизирующим фактором являлись последствия тяжелых лучевых ожогов, требовавшие повторных хирургических вмешательств по поводу поздних лучевых язв, развивающихся на фоне прогрессирования лучевого фиброза.

Проблема инвалидизации по поводу потери зрения из-за лучевой катаракты в настоящее время решена. При значительном снижении остроты зрения у пациентов была проведена операция замены хрусталика на искусственный с полным восстановлением зрения в постоперационном периоде.

Очень умеренные, периодически выявляемые у больных изменения показателей периферической крови не влияют на общее состояние здоровья и специальных терапевтических мероприятий не требовали.

Разработка мер профилактики и лечения последствий острых лучевых поражений, а также других интеркуррентных заболеваний, является первой задачей в периоде отдаленных последствий.

Хотя согласно сложившимся в радиобиологии представлениям облучение лишь на несколько процентов повышает онкологическую заболеваемость в отношении обычной онкологической заболеваемости среди населения, но в индивидуальном плане каждый больной заинтересован в своевременной диагностике и адекватном лечении опухолевого заболевания. Для этого необходимым является динамическое стационарное обследование перенесших ОЛБ и ликвидаторов.

Совершенствование диагностики, лечения и прогноза развития последствий острых лучевых поражений на основе изучения условий аварийных ситуаций, клиники острого периода, исходов и отдаленных последствий острых лучевых поражений является также очень важной научной задачей нашего клинического отделения. Ее решение будет иметь большое значение в улучшении качества жизни пострадавших.

Наука, в том числе и медицинская, не стоит на месте, например, за последние два десятилетия микрохирургическая техника при аутопластике лучевых ожогов позволяет сохранять конечности и большие сегменты тела, которые ранее подверглись бы ампутации.

Очень важно не только вылечить пострадавшего при радиационной аварии в остром периоде, но и сохранить его жизнь и здоровье и улучшить качество жизни в послеаварийном периоде путем профилактики и минимизации отдаленных последствий ОЛБ и лучевых ожогов и своевременного лечения других болезней.

Наблюдение в одном лечебном учреждении больных, подвергшихся облучению как в больших (острая лучевая болезнь, местные лучевые поражения), так и в малых (ликвидаторы последствий аварии на ЧАЭС) дозах позволяет оценить вклад облучения в изменение состояния здоровья пострадавших в радиационных авариях при различных дозах облучения.

Все сотрудники отделения из года в год изо дня в день стараются как можно лучше и точнее выполнять свою работу. Все мы прилагаем максимум усилий, чтобы в стенах больницы, в нашем отделении больные чувствовали себя уютно, были окружены доброжелательным, теплым отношением и были уверены в готовности персонала всегда помочь им в борьбе с различными недугами. В меру наших возможностей стараемся помочь родственникам и детям пациентов, не-

редко обращаемся к нам за советом, и не только медицинским.

Очень отраднo, что и сейчас рядом со мной те сотрудники, которые участвовали в лечении пострадавших на ЧАЭС той страшной весной 1986 года: ведущие специалисты по радиационной медицине – член-корреспондент РАМН Гуськова А.К., профессор Баранов А.Е., хирург Пушкин Л.Н., медицинские сестры Рикунова Г.С., Чапурина Л.Н., Чередниченко Н.С., сестра – хозяйка отделения Курдюкова Т.В. и др. , а также врачи, позднее принявшие эстафету в лечении пострадавших на ЧАЭС: Галстян И.А., Увачева И.В., Филин С.В.

Очень жаль, что молодые кадры, окончив ординатуру и аспирантуру, уходят из клиники по финансовым соображениям, а специалистов по радиационной медицине, кроме нас, в нашей стране нигде не готовят. И, наверное, целесообразно было бы оказывать материальную поддержку клинике ИБФ, т. е. контингенту уникальных специалистов по радиационной медицине, что необходимо не только для продолжения развития этой науки, но и для сохранения здоровья во благо профилактики и защиты от радиационных поражений в наше трудное время агрессий и терроризма.

Очень надеюсь, что молодые врачи и медицинские сестры придут к нам перенять опыт, научиться лечить острые лучевые поражения и их последствия. Наш коллектив в настоящее время нуждается в срочной адекватной поддержке со стороны Министерства здравоохранения и социального развития, поддержке более срочной, чем это планируется правительством, поскольку возможность радиационной аварии не может быть исключена накопленный опыт должен быть передан молодежи, чтобы, с учетом прошлых ошибок, она могла успешно оказать помощь пациентам с острыми лучевыми поражениями.

□ 2.17. ЗАСЕКРЕЧЕННЫЙ КОЛОКОЛ КЫШТЫМА

Прокопенко В.Н.

Полковник, заслуженный работник МВД, лауреат премии МВД России, профессор ВИПК МВД РФ, секретарь Президиума Ассоциации «МВД – щит Чернобыля».

1945 год. Усилиями Советской Армии, ценою жизни миллионов лучших сынов и дочерей России отправлен в преисподнюю «тысячелетний рейх». Но серые люди в Белом доме уже всю работу над тем, как «разминкой мускулов» запугать, поставить на колени страну Сергея Радонежского и Серафима Саровского, Александра Невского и Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова, страну Сталина, Жукова, Василевского. Нашу с вами Родину – святую Русь, как бы ни именовали ее в разные периоды.

Первую попытку атомного шантажа решили осуществить на Потсдамской конференции. Свидетельствует военный историк Анатолий Кошкин:

«Прибыв в Потсдам, Трумэн с нетерпением ждал результатов запланированного к началу конференции испытания атомной бомбы. Краткая телеграмма об успешном взрыве была вручена президенту вечером 16 июля. В ней сообщалось, что результаты испытания «удовлетворительны и даже превосходили ожидания»

– 21 июля из США поступил подробный письменный отчет об испытательном взрыве близ авиабазы Аламагордо в пустынном районе штата Нью-Мексико.

Встал вопрос о том, в какой форме сообщить о новом оружии Сталину. По согласованию с Черчиллем Трумэн после заседания 24 июля как бы в неофициальном порядке проинформировал главу советской делегации о том, что в США разработано оружие огромной разрушительной силы. При этом слова «атомная бомба» произнесены не были. Вопреки ожиданиям Сталин внешне не проявил интереса к полученной информации и в ходе последующих заседаний к этому вопросу не возвращался. У Черчилля сложилось впечатление, что советский лидер «не понял значения» сделанного ему сообщения.

Однако дело обстояло как раз наоборот. Сталин отреагировал таким обескураживающим союзников образом именно потому, что все прекрасно понял. Советское правительство давно уже располагало данными о том, что в США ведутся работы по созданию атомного оружия, и в качестве ответной меры также вело работы такого рода.

Маршал Советского Союза П.К. Жуков так рассказывал о реакции Сталина на сообщение Трумэна:

«Вернувшись с заседания, И.В. Сталин в моем присутствии рассказал В.М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном.

В.М. Молотов тут же сказал: «Цену себе набивают».

Сталин рассмеялся: «Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы».

Я понял, что речь шла о создании атомной бомбы. Тогда уже было ясно, что правительство США намерено использовать атомное оружие для достижения своих империалистических целей с позиции силы. 6 и 9 августа 1945 года это подтвердилось на практике: американцы без всякой к тому военной необходимости сбросили две атомные бомбы на мирные густонаселенные японские города Нагасаки и Хиросиму». Как видно из этого отрывка, в Потсдаме в отличие от Ялты уже начинали дуть ветры «холодной войны».

Именно тогда, в качестве безальтернативного ответа на неприкрытый атомный шантаж США и было принято решение в рамках «Атомного проекта» для создания стратегического оружия защиты СССР построить на Урале в Челябинской области сложнейшее научно-производственное объединение «Маяк» для выработки плутония. На многие годы строительство и деятельность этого уникального научно-промышленного комплекса оказались неразрывно связаны со службами НКВД-МВД СССР. Правопорядок в закрытом г. Челябинске-40 обеспечивала спецмилиция, пожарную безопасность – специальные пожарные подразделения МВД, охрану объектов и лагерей заключенных – внутренние и конвойные войска МВД СССР. Руководил строительством (теперь мы знаем, что и всем атомным проектом) Л.П. Берия, долгие годы возглавлявший МВД страны. Такие крупные ученые, как И.В. Курчатов и Е.П. Славский и после ареста и расстрела Берии отмечали его безусловный позитивный вклад в создание атомного щита Родины. Именно здесь, в Кыштыме, офицерам и солдатам внутренних войск, пожарной охраны и милиции пришлось в сентябре 1957 года стать живым щитом, защищая Россию от взбесившегося атомного зверя...

29 сентября 1997 года в одном из торжественных залов МВД России на улице Огарева, 6 (ныне Газетный переулок) Президент черныбыльской Ассоциации МВЛ генерал-лейтенант Н.И. Демидов вручает памятные подарки и на-

грады группе убеленных сединами ветеранов военной и милицейской службы. Самым старшим из них – Б.Л. Молчанову, Н.С. Нифонтову, М.С. Лосеву около 75 лет. Эти трое не скрывают скупых мужских слез – слез боли, горечи и страдания с радостью и удивлением пополам. «Никогда не думал, что доживу до этого дня, когда можно вслух, открыто поделиться правдой о трагедии и подвиге, в круговорот которых попали мы сорок лет назад и которые изменили нашу жизнь», – говорит генерал-майор в отставке Б.Л. Молчанов, командовавший дивизией внутренних войск, дислоцировавшейся в Челябинске. Сорок долгих лет молчания о первой в СССР широкомасштабной радиационной катастрофе в Кыштыме кончились для этих людей, давших в октябре 1957 года подписку об абсолютном неразглашении малейших деталей того странного события, участниками которого оказались все они на уральском сверхсекретном объекте, именовавшемся в официальных документах «ПО «Маяк». «Спасибо Вам, Николай Иванович, низкий поклон всем руководителям чернобыльской Ассоциации МВД за то, что впервые вы собрали нас, получивших свою дозу радиации в Кыштыме, здесь и вместе, – говорит полковник в отставке Н.С. Нифонтов. – Ведь, соблюдая подписку об абсолютном неразглашении тайны Кыштыма, мы даже врачам не могли сказать о первопричине наших недугов – атомной радиации, в семье не могли обмолвиться о пережитом кошмаре. А ведь если бы страна знала о Кыштымской трагедии, многого, случившегося в Чернобыле, можно было бы избежать». С Нифонтовым соглашаются и другие участники ликвидации последствий катастрофы в Кыштыме – А.С. Руднев, В.М. Кукушин, Г.В. Гриваненков, А.Г. Иванов, В.Л. Соколов, В.Н. Божемолов, В.Я. Котов, В.В. Попов. «Разве только медикам не могли мы сказать о Кыштыме? – с болью вспоминает В.Л. Соколов, генерал-майор внутренней службы, в момент встречи – начальник Контрольно-ревизионного управления МВД, а на ПО «Маяк» проходивший службу рядовым внутренних войск. – Ведь происшедшее в Кыштыме было за семью печатями даже для членов ЦК партии!» Все присутствующие обратились к Н.И. Демидову и руководству Ассоциации с просьбой инициировать глубокое изучение проблем управления силами и средствами внутренних войск и органов внутренних дел в период ликвидации последствий Кыштымской катастрофы. «Мы невольно чувствовали себя виноватыми за случившееся в Чернобыле, – от имени всех кыштымцев писал руководителю Ассоциации подполковник милиции в отставке А.Г. Иванов, 30 лет отдавший патрульно-постовой службе. Ведь в Чернобыле наши боевые друзья споткнулись о те же грабли, что и мы в Кыштыме, – отсутствие респираторов, незнание элементарных норм личной безопасности при работе в радиоактивной зоне, в организации питания личного состава, вплоть до разрешения употреблять в пищу грибы! Те же огрехи в работе по дезактивации автотранспорта и техники, в сооружении скотомогильников. Говорят, что умные учатся на чужих ошибках, мы же не делаем простейших выводов из своих собственных...»

Боль ветеранов-кыштымцев за неуслышанный колокол Челябинска-40 понятна, но вины их в том нет. Исследования, проведенные Ассоциацией «МВД – щит Чернобыля», статьи Н.И. Демидова, И.К. Яковлева, В.Т. Кишкурно, В.М. Кукушина по кыштымской тематике неопровержимо доказывают, что саркофаг суперсекретности, сооруженный трусливой и предательской хрущевской партноменклатурой вокруг Кыштымской трагедии, преследовал одну при-

оритетную цель: увести ее от ответственности перед народом, перед законом за грубейшие просчеты в организации функционирования высокорисковых объектов, в первую очередь радиационно- и химически опасных, скрыть собственную неспособность обеспечить цивилизованное управление государством и экологическую безопасность населения.

Сегодня, после проведенных Ассоциацией исследований, мы можем дать научно аргументированный ответ на вопрос: можно ли было избежать Чернобыльской катастрофы планетарного масштаба? Во всяком случае, ее вероятность можно и должно было максимально минимизировать, если бы вовремя были извлечены уроки из первой техногенной катастрофы ПО «Маяк», происшедшей в сентябре 1957 года. К такому убеждению приходит генерал-лейтенант милиции Н.И. Демидов в книге «МВД в Чернобыле и Кыштыме: уроки и выводы» (ЗАО «Газета «Правда». 2000 год). Однако тогдашнее «реформаторское» руководство партии и страны во главе с Н.С. Хрущевым предпочло замолчать и максимально засекретить случившееся на Урале, чтобы не подорвать дутый авторитет лжевождя, пытавшегося приписать себе заслуги И.В. Сталина в создании ракетно-ядерного щита Родины. Цена этого умолчания оказалась предельно высокой. В книге Н.И. Демидова приводятся неопровержимые документальные подтверждения этого печального вывода. Неуслышанный колокол Кыштыма — еще одно обвинение в адрес номенклатурных перерожденцев, предавших безопасность народа ради своих шкурных интересов.

Итак, что же произошло в Кыштыме?

Вспоминает Е.П. Славский, трижды Герой Социалистического Труда, кавалер 10 орденов Ленина, более 30 лет возглавлявший Минсредмаш – государство в государстве, империю атомной индустрии:

«Вечером 29 сентября 1957 года позвонил взбешенный Н.С. Хрущев и в грубых выражениях стал осыпать меня оскорблениями за «кыштымскую подставу», угрожал всех «урить» за случившееся. Я сказал: «Никита Сергеевич, мне пока не звонили с «Маяка-40» о деталях аварии, разберусь и Вам доложу. Хрущев распалился еще более, так, что черная трубка «вертушки». казалось, раскалилась добела: «Вы что, в простачка играете? Через месяц 40-летие Октября, приедут гости со всего мира, а Вы мне такой сюрприз приготовили. Вылетайте на место и сразу доложите мне о ликвидации аварии или что там у вас... Никаких отговорок! Видимо, июньский пленум Вас ничему не научил!» Выругавшись и вновь пообещав «урить». импульсивный Н.С. Хрущев бросил трубку».

Спустя час на стол министра легла шифротелеграмма: «29 сентября 1957 года в 16 часов 25 минут на Производственном объединении «Маяк» в подземном могильнике по хранению радиационных твердых отходов плутониевого производства компонентов ядерного оружия произошел тепловой взрыв с выбросом в атмосферу из емкости 10-15 миллионов кюри радиоактивности. В результате взрыва с емкости подземного хранилища могильника сорвана 160-тонная бетонная плита. Образовался столб дыма и пыли высотой до километра. Имеются разрушения и повреждение зданий, сооружений, техники и транспорта в радиусе трех километров. В ликвидации аварии и охране объекта, кроме персонала ПО «Маяк», задействованы усиленные наряды внутренних войск и спецуправления пожарной охраны МВД СССР».

«Прочитав это сообщение, я понял, что в Кыштыме произошла радиацион-

ная катастрофа, на устранение последствий которой потребуется несколько лет», — вспоминал Е.П. Славский. Выдающийся организатор атомной промышленности ошибался: и сегодня, полвека спустя, губительные последствия техногенной катастрофы в Кыштыме по-прежнему носят глобальный характер, угрожая всему живому в регионе.

Только значительно позже было установлено, что во взорвавшейся емкости находилось 20 млн. кюри активности. Выброшенные из нее 18 млн. кюри осели на промплощадке, а около 2 млн. были подняты в воздух и подхвачены ветром. Радиоактивное облако накрыло территорию около 15 тыс. квадратных километров. В промышленной зоне радиоактивному загрязнению подверглись пожарная и воинская части, полк военных строителей и лагерь заключенных.

Несколькими днями раньше в воинскую часть прибыло молодое пополнение – новобранцы из Москвы. С ними проводились обычные занятия, когда примерно около 16 часов 30 минут раздался сильный взрыв. В казармах, обращенных к фронту ударной волны, выбило все стекла, на КПП были сорваны металлические ворота. Многие выбежали на улицу, некоторые побежали в оружейный парк за оружием. Часовой, который стоял у въездных ворот, прыгнул в канализационный колодец и занял там оборонительную позицию. Первое, о чем он поинтересовался у подошедшего к нему офицера, – не началась ли война? Ему было приказано надеть противогаз и продолжать нести службу в проходной, пока не последуют дальнейшие указания.

Как позже выяснилось, радиоактивное облако накрыло многие объекты химкомбината «Маяк», реакторные заводы, новый строящийся радиохимический завод...

Но все же провидение дало шанс Челябинску-40. Направление ветра в середине дня 29 сентября изменилось, и благодаря этому радиоактивный выброс в 2 млн. кюри миновал город и разнесся по лесам, озерам, болотам, полям Челябинской, Свердловской и Тюменской областей.

Как и в Чернобыле тридцать лет спустя, героические действия пожарных в Кыштыме преградили путь атомному джину.

По просьбе Ассоциации «МВД – щит Чернобыля» свои воспоминания о трагедии в Кыштыме прислали два ветерана противопожарной службы.

Митронов Н.Г.:

«Воскресный день 29 сентября 1957 года был солнечным и теплым, дул слабый ветер.

По прибытии в пожарную часть мы с начальником 2-го караула Тарховым провели развод караулов, своему караулу я поставил боевую задачу по охране объектов, провел опрос личного состава по знанию своих обязанностей, согласно табелю боевого расчета. Проинструктировал помощников инструкторов профилактики, постовых и дозорных 1-й смены.

После смены караулов начались занятия, хозяйственные работы и другие мероприятия по распорядку дня. Личный состав двух свободных от службы караулов отдыхал: играли в волейбол, городки, смотрели телепередачи. Несколько солдат занимались на учебной башне пожарно-прикладным спортом.

Примерно после 15 часов дня я поднялся на 2-й этаж в Ленинскую комнату посмотреть телевизор, но вскоре раздался сильный взрыв. В момент взрыва межэтажное перекрытие пожарного депо как бы прогнулось, а затем вернулось в исходное положение, двери в комнатах пооткрывались, а стекла в окнах почти все

вылетели. Я спустился и увидел со стороны завода 25 облако грибовидной формы высотой 150-200 метров. Я подумал, что на стройке 35-го завода ведутся взрывные работы, так как в этот период строились промышленные здания для будущего завода. Я зашел на пункт связи части (ПСЧ), чтобы связаться с центральным пунктом пожарной связи (ЦППС), который располагался в это время во 2-й пожарной части, около 22-й площадки. Диспетчер ЦППС ответил, что о взрыве ему ничего неизвестно. Я сказал ему, что взрыв, по всей вероятности, произошел в районе 25-го завода.

Выйдя из ПСЧ на фасад здания, увидел, что облако движется в сторону 37-го завода и пожарного депо. Тогда я собрал весь личный состав части и потребовал, чтобы они не выходили на улицу, собрали внутри помещений разбитые стекла и промыли полы водой из внутренних пожарных кранов. Через несколько минут позвонил заместитель начальника УПО подполковник Воскресенский В.В. и сказал, чтобы из части никуда не отлучался и что он скоро придет. Минут через 20 он появился и сообщил мне, что на заводе 25 произошел взрыв одной из банок на комплексе «С». Воскресенский В.В. взял все руководство пожарными подразделениями на себя, как старший начальник гарнизона (начальник УПО в это время находился в отпуске за пределами города).

Весь свободный от дежурства личный состав был собран по тревоге, боевыми расчетами были укомплектованы все резервные пожарные машины. А боевые пожарные расчеты дежурных караулов гарнизона в это время уже работали по ликвидации последствий аварии на заводах. Мы отмывали проезжие части дорог и тротуаров водой и пеной из стволов от пожарных машин на заводах 24 и 37, а также за 3-й пожарной частью, где располагались части МВД и МО, а также лагерь заключенных. Отмывка дорог и тротуаров на объектах велась почти всю ночь. Когда дороги были отмыты (конечно, относительно), в 3 часа ночи 30 сентября командование войсковой части и лагеря начало эвакуацию людей в сторону города, а личный состав 3-й части оставался в зоне загрязнения. Только в 11 часов 30 сентября было принято решение эвакуировать весь личный состав с автотехникой во 2-ю пожарную часть, расположенную около 22-й площадки. При эвакуации начальник части принял решение для охраны пожарного депо и связи с 1-ЦППС оставить двух солдат и радиотелефониста, потом они в течение 2-х месяцев посменно несли службу в здании пожарного депо. А личный состав всех пожарных частей несколько месяцев отмывал от «грязи» дороги и кровли зданий, тушил пожары в зоне загрязнения, потому что оставшиеся бесхозные здания никто не охранял, а посторонние люди в корыстных целях что-то в этих зданиях искали, а потом поджигали. Приходилось тушить такие здания, чтобы не дать «грязи» распространиться с ветром по городу и другим объектам.

По возвращении в часть личный состав караулов отмывал водой и керосиновым контактом пожарные машины и техническое вооружение от «грязи».

Личный состав подразделений, участвовавших в ликвидации последствий аварии в 1957-1958 годах, подвергся большому воздействию радиации, так как дозиметрический контроль практически отсутствовал, все это отразилось на здоровье людей, и многие, оставшиеся в живых, в настоящее время болеют».

О судьбе несчастной радиотелефонистки и солдат – скорбная исповедь Н.П. Иванова.

Иванов Н.П.:

«Только теперь, спустя 43 года, стало возможным рассказать об аварии, происшедшей около 17 часов 29.09.57 года на комплексе «С» (завод 25), хотя пожаром она и не сопровождалась, было значительно худшее.

В тот воскресный вечер и всю ночь с 29 по 30 сентября пожарные подразделения самыми первыми приняли участие в ликвидации последствий аварии. По распоряжению зам.начальника ОПО-1 подполковника Воскресенского (начальник Швецов был в отпуске) пять пожарных автомашин с боевыми расчетами из ВПЧ-1, 2, 3, 4 промывали пеной и водой бетонные дороги на промплощадке к заводам 24, 25, 35, 37 от выпавшей радиоактивной пыли после взрыва.

Кроме этого, дежурный караул 3-й части во главе с лейтенантом Митроновым промывал водой «грязную» дорогу для вывода личного состава двух воинских частей и контингента заключенных из зданий, попавших под облако взрыва.

Здание ВПЧ-3, расположенное вблизи завода 37, тоже было сильно загрязнено. От взрывной волны стекла из всех окон вылетели, ворота глубоко вдавились внутрь здания. В таком же виде находилось и здание отдельного поста ВПЧ-2 на территории строящегося завода 35. По требованию дозиметрической службы предприятия в зданиях находиться запрещалось.

Утром 30 сентября 1957 года весь личный состав, дежурный и свободный (солдаты-пожарные жили при части), техника и имущество 3-й и поста 2-й частей были эвакуированы, т. е. выехали последними из зараженной зоны, обеспечив выход и проход другим.

Однако в телефонной комнате с коммутатором связи и пожарной сигнализацией в 3-й пожарной части оставили посменно дежурить трех женщин-телефонисток в течение 2 месяцев. Само здание охранялось тоже посменно тремя солдатами-пожарными, которые ходили вокруг здания по загрязненной территории. Конечно, все они изрядно облучились. Сколько бэр получили – только Богу известно. Пальто телефонистки Секисовой Р.Е. служба «Д» после замера дозиметрическим прибором изъяла и не возвратила из-за большой загрязненности радиоактивными веществами. Ее сменщицами были телефонистки Купкина и Коваль.

Секисова вскоре уволилась и устроилась работать аппаратчицей на завод 20. Там ее настигла еще одна беда. В камере на рабочем месте из-за неисправности установки она сильно переоблучилась. Дней через 10-15 после этого Секисова Р.Е. скончалась.

Следует отметить, что при ликвидации последствий аварии дозиметрического контроля за облучением личного состава с применением кассет не велось, а следовательно, и учета доз, полученных людьми, не было. Контроль осуществлялся своими доморощенными дозиметристами путем замера приборами степени заражения поверхности рук, головы, одежды, обуви, автотехники и техвооружения. Иногда это делала и дозиметрическая служба предприятия.

В покинутых «грязных» воинских частях и лагере заключенных шастали своего рода мародеры (воры, грабители). Искали что-то дельное, хотя и «грязное», уходя, поджигали сухостойную траву и здания. А тушить все равно надо было, и пожарили тушили.

В ходе указанных выше работ было много загрязнено пожарной автотехники, техвооружения и особенно пожарных рукавов.

В первые дни после аварии во всех зданиях пождепо были сделаны сан-

пропускники с грязными и чистыми зонами. Приобретены дозиметрические приборы. В ЦЗЛ была подготовлена из начсостава большая группа дозиметристов. Контроль за работой был возложен на меня. Химкомбинат нашим ликвидаторам выдавал и менял спецодежду, обувь, лепестки-респираторы, чепчики и рукавицы. Хозуправление МВД разрешило выдавать второй комплект обмундирования для несения службы и работы в загрязненной зоне. Профилактическому составу по промплощадке и ликвидаторам выдавали талоны спецпитания.

В целом, личным составом пожарных частей 1, 2, 3, 4 (начальниками соответственно были Шмиголь, Попов, Крашенинников, Мокрушин) проделана огромная дезактивационная работа под руководством начальника ОПО Швецова и его заместителя Воскресенского.

Весь октябрь 1957 года и в течение 1958 (кроме зимы) личный состав пожарной охраны водяными струями под давлением отмывал «грязные» поверхности бетонных дорог, площадей, стен и крыш зданий заводов 24, 25, 35, 37. Старались отмыть и здание 3-й части, но не удалось, а вернее, не поддалось. Пришлось его оставить навсегда. С 1959 по 1961 год периодически мыли водой дороги на промплощадке «Озеро».

В дезактивационных работах ради общего дела безотказно участвовали 679 сотрудников пожарной охраны МВД. В большинстве своем это были солдаты срочной службы. По окончании 3-го годовичного срока они разъехались по домам. 150 ликвидаторов-пенсионеров живут в нашем городе.

К написанным воспоминаниям по ликвидации последствий аварии в 1957 году на ПО «Маяк» Митроновым и мною считаю необходимым добавить следующее:

1. В октябре 1957 года и летом 1958 года по отмывке дорог и зданий заводов химкомбината применялись четыре пожарные автомашины в день с расчетом 4 человека на каждой. Одна из них была укомплектована освобожденными от службы спортсменами по пожарно-прикладному спорту (Бережной, Горянский Н., Спиридонов, Олейников, Саладин, Кулагин, Вилькицкий), которые три часа занимались тренировками и три часа мыли водой бетонные дороги на промплощадке «Озеро» в течение весны и лета.

2. Начальниками караулов в это время были: Акулов, Путров, Панов – ВПЧ-1; Москвин, Санин, Сыровежко – ВПЧ-2; Митронов, Тархов, Пичугин – ВПЧ-3; Мокрушин, Воронов, Елисеев – ВПЧ-4. Командирами отделений выезжали на дезактивацию: Мартынов, Спиридонов, Пинченко, Андросов, Бенюк, Рындин, Олейников, Саладин, Лупенко, Кондратьев, Батура и др.

3. В июне 1958 года на курсах в ЦЗЛ были подготовлены дозиметристами все начальники караулов и оперативный инспекторский состав отдела. Они получили на руки форменные удостоверения по специальности физика-лаборанта предприятия п/я 1590 (химкомбинат), получив право работать по данной специальности дозиметристом.

4. Дня через 3-4 после взрыва из спецотдела ГУПО МВД прибыл на десять дней Лосев М.С. для оказания помощи в организации работы в это особое время по обеспечению противопожарной охраны и пожаротушения при ликвидации последствий аварии.

В каждой пожарной части были построены эстакады для мойки машин высоким давлением воды и пескоструйка в ВПЧ-3 для полного сдирания краски с

них. Краску удаляли и химрастворами, и металлическими щетками вручную в целях уменьшения загрязненности. Здесь много поработали под руководством инспектора по автотехнике Львова К.С. старшие шоферы и шоферы Паниковский, Якимов, Агалаков, Агеев, Жидков, Саков, Полушин, Рыбин, Харченко, Горянский и др.

Работники отдела и частей на территории промплощадки в местах расположения заводов проводили следующие виды работ:

1. Дезактивацию (водой и пеной) зданий, сооружений, дорог, оборудования, техники и рабочих мест;

2. Обеспечивали противопожарную охрану промобъектов;

3. Тушили загорания и пожары в зараженной радиацией зоне;

Приказом МВД №833 от 15 ноября 1957 года группа работников пожарной охраны за активную работу по ликвидации аварии награждена знаком «Лучший работник пожарной охраны», а начальнику ОПО-1 Швецову Л.Т. было присвоено звание полковник внутренней службы и выдано три денежных ордена.

Пожарные-солдаты, принимавшие участие в ликвидации последствий аварии в 1957 году на ПО «Маяк», после окончания срочной службы частично остались в городе (150 человек), но большая часть уехала домой к месту призыва.

Многие уже ушли из жизни преждевременно. Мучительно больно за бездумье и бездумно убитых людей.

Потери среди пожарных были неоправданно велики. Не лучше дело обстояло и в подразделениях спецвойск ГВУД МВД СССР. Немного истории. Спецвойска отвечали за охрану и режим особо важных государственных объектов. Вот интересное свидетельство Н.С. Нифонтова о Кыштыме, написанное по просьбе Ассоциации «МВД – щит Чернобыля» (публикую с некоторыми сокращениями):

В 1951 году был создан 3-й отдел внутренней охраны МВД СССР. В него входили два отряда и два отдельных дивизиона по охране объектов ПО «Маяк» и частей, которые дислоцировались в других городах Челябинской области.

В последующем Управление 10-го отдельного дивизиона было расформировано, а подразделения с теми же служебными задачами переданы в другие части.

Почтовый адрес города, где находился ПО «Маяк», вначале был Челябинск-40, затем Челябинск-65, а сейчас это г. Озерск.

В июне 1948 года город был полностью огорожен. По периметру для охраны города были выставлены заставы, караулы и КПП. С этого времени для въезда и выезда установили пропускной режим. В целях сохранения секретности рабочим комбината, строительным организациям и нам, офицерам, на протяжении пяти лет предоставляли отпуска без выезда.

За нарушение пропускного режима подвергали наказанию и судили. Так например, штаб полка размещался на производственной зоне «Озеро». Въезд и выезд осуществлялся через КПП-1. Однажды дежурному коменданту КПП, лейтенанту В. Орликову позвонил заместитель командира 364-го стрелкового полка и дал устное распоряжение, пропустить в город по служебным делам солдата срочной службы без оформления разового пропуска. Орликов распоряжение выполнил, за что и был осужден военным трибуналом и отправлен на два года в колонию. А заместитель командира полка не стал делить ответственность и от

своего распоряжения отказался. Так была испорчена жизнь молодого лейтенанта, выпускника пограничного военного училища.

Вот еще пример. Летом 1953 года я временно исполнял обязанности начальника штаба 10-го отдельного дивизиона. Подразделения дивизиона несли службу по охране объектов в городе, дачи И. В. Курчатова и участка периметра городской зоны, имея два КПП (№ 2 и № 3). Я получил распоряжение от командира соединения генерал-майора А. П. Лысенко выехать на КПП-2, куда должен был приехать первый секретарь Челябинского обкома партии Арестов, и согласовать пропуск в зону с уполномоченным Совета Министров генерал-лейтенантом Ткаченко. Когда Арестов подъехал к КПП, я встретил его, представился и спросил разрешения позвонить Ткаченко. Доложил Ткаченко, а он сказал: «Передайте Арестову, откуда приехал, туда пусть и едет». Я Арестову сказал, что Ткаченко визы на въезд в город не дает. О проделанной работе я доложил командиру соединения, который подробно расспрашивал меня, кто что сказал и что отвечал я. Генерал-майор Лысенко моей дипломатической работой остался доволен. Так первый секретарь обкома партии в город, находящийся на территории области, не был допущен. Нам было известно, что Ткаченко подчинялся непосредственно Берии, который курировал объекты атомной промышленности и несколько раз бывал на объектах ПО «Маяк».

Как встретили страшную катастрофу спецвойска ГУВВ МВД СССР, вспоминает полковник внутренней службы, профессор Академии управления МВД России В. М. Кукушин, в сентябре 1957 года он командовал ротой 42 полка (в/ч 3445) внутренних войск МВД СССР:

«Взрывом выбило почти все окна в казармах, рядом с нами в ленкомнате упал со стойки телевизор. Когда облако поднялось, захватывая снизу тучи пыли, наклонилось и пошло на нас с расстояния трех-четырех километров, мы стали буквально «загонять» любопытствующих и мало напугавшихся солдат в казармы. Никаких команд и сигналов не поступало, и мы по телефону дозвонились до 43-го полка (это их объект), узнали от дежурного капитана Ивлиева Ю. А., что жертв нет, караулы целы, упали забор, 2-3 вышки, один солдат ушибся, а что именно взорвалось, он не знает. «Слава Богу, что не склад готовой продукции», – сказал он. Облако стало оседать на городок полка, посыпались хлопья пепла и частицы пыли.

Мы четко понимали, что это сильная радиация, и стали звонить на наш 37-й объект, а дежурный – в штаб дивизии.

Следует пояснить, что произносить слово «радиация» было строжайше запрещено, как и говорить что-либо о характере производства, поэтому мы по принятой лексике говорили, что это может быть (!) «техническая загрязненность», и не рекомендовали личному составу без нужды выходить из казарм и приказали закрыть окна фанерой, одеялами и т. д.

Все руководство завода, города и дивизии (как мы потом узнали) было на стадионе, где проходил футбольный матч «Динамо» – команда дивизии и «Красная звезда» – строительный полк. Никаких команд из дивизии не было, прибыли со смены караулы в районе 19 часов, до этого половина личного состава (2,5 роты) успели поужинать, остальные недоумевали, почему их не ведут на ужин. Мы высказали сомнение в безопасности приема пищи, возникла пауза, время уходило безвозвратно в ожидании приказа. Все это действовало успокаивающе («начальство молчит, значит, оснований для тревоги нет»). А мы с лейтенантом

Качановым еще дорисовывали карту, наносили обстановку к завтрашним учениям, закрыв окна фанерой.

И только после 20 часов поступило распоряжение приготовиться к эвакуации, а затем и приказ: «Тревога! Оружие, вещмешки, срочно весь личный состав (100%) в машины и передислоцировать в городок 43-го полка».

Вот когда поступил приказ – все пришло в движение. Эвакуация уже приобрела смысл, стало ясно, что дело действительно серьезное. Мы рассаживали солдат на автотранспорт, следили, чтобы никто не остался, старшины – сержанты срочной службы закрывали казармы, дежурный закрыл и опечатал штаб.

Когда около двух часов ночи я подошел от остановки автобуса к своему дому, то увидел уникальное явление, незабываемую картину, которая почему-то не упомянута ни в одном из известных научно-литературных источников. Это было голубовато-сиреневое зарево, которое широкой полосой простиралось от места, где находились объекты в районе взрыва, и уходило от промплощадки далеко за границу нашего закрытого города.

Только позднее стало ясно, что это было свечение нижнего слоя атмосферы, ионизированной над полосой следа радиоактивного облака. Так я своими глазами увидел радиацию. Фотография этой картины была бы уникальным научным документом».

Один характерный штрих: все кыштымцы, с которыми я беседовал в процессе подготовки этой статьи, отмечают странное поведение животных, видимо, на генетическом уровне ощущающих смертельную подоплеку радиационной интервенции. Как вспоминает капитан И.Ф. Серов, «через несколько минут после того, как солдаты полка охраны ушли в помещения, густое черно-серо-бурое облако нависло над казармами. Наступила темнота после яркого солнечного дня. Состояние людей было ужасным. Служебные собаки вели себя очень беспокойно, все время выли, птиц нигде не было видно». То же самое было и в Чернобыле.

В этой связи – трогательно-печальное свидетельство В.М. Кукушина: «В расположении части на промплощадке находились служебные собаки, лошади, свиньи – все они были тоже очень «грязные», и пришлось их уничтожить. Но один солдат-конюх не уничтожил свою лошадь и увел ее в другой городок, держал там в сарае. Конь по кличке Грим продолжал работать – возить дрова, пищу. Шерсть на спине Грима облезла, на спине были язвы. Гамма-поле от коня было очень высокое. Конь стал источником радиации. Пришлось с ним расстаться...»

Среди многих откликов, которые вызвала книга Ассоциации «Подвиг МВД в Чернобыле», было и письмо из города Бийска Алтайского края от одного из бывших военнослужащих внутренних войск, жизнь которого исковеркал Кыштым. Вот фрагменты этого письма, от которых кровь стынет в жилах:

«Пытаюсь кое-что вспомнить о тех событиях, хотя прошло много времени, записей и документов у меня не имеется (какие там записи, когда мы давали подписку – рта не разевать о тех событиях), а память многое не сохранила.

Я даже не помню числа, когда произошел взрыв, помню, что в сентябре месяце, в субботу вечером. Личный состав ужинал, когда солдаты услышали взрыв, одновременно повывлетали стекла в столовой, радиационная пыль вместе с мелкими камушками посыпалась на столы. Солдаты продолжали кушать, выбрасывая камешки из мисок (ведь камешки разжевать нельзя, а что в миску попала радиационная пыль – солдаты не знали).

Дежурный по части лейтенант Кукушин В.М. доложил командиру части полковнику Гаврикову о случившемся, но личный состав был уложен спать.

Утром гражданские дозиметристы приехали в расположение части, приборы зашкалили. Они быстро повернули назад, советуя как можно быстрее вывести личный состав с территории части. Но пока шли переговоры с Москвой (а в Москве на 2 часа встают позже, да еще был выходной – воскресенье – начальство было на дачах), пока все согласовывалось, решение о выводе части «родилось» только к обеду. Таким образом, личный состав был эвакуирован с зараженной местности спустя 16-17 часов после взрыва.

Но беспокойства, недовольства, волнений личного состава не было, и мне кажется, что тут сыграла роль не только воинская дисциплина, но и то, что никто не знал, сколько нахватался рентген, как это скажется впоследствии на здоровье. Подтверждение моих слов в анекдотическом случае: одного солдата пропускали через санпропускник три раза – звенит прибор, когда подносят датчик к мужскому достоинству. Спрашивают: почему? Солдат отвечает, что он проверял его работоспособность (слышал, что ослабевает половая потенция после облучения – вот он и проверял). Таковы были наши знания об облучении.

Такую же безграмотность проявило население, окружающее Челябинск-40. Когда начали эвакуировать жителей совхоза имени Ворошилова, мы не могли им объяснить правдивую причину эвакуации, говорили, что у них «грязно». и все. Тогда жители давай мыть и скоблить в своих домах – наводить чистоту. Не хотелось им уезжать в неизвестное, бросая свое хозяйство и могилы предков (после, через 3-4 недели, мне пришлось участвовать в уничтожении зараженного имущества части).

Но, прежде всего, запомнилось мое эмоциональное восприятие окружающего при въезде в городок части. Встретила нас абсолютная тишина (почему-то даже не стало бродячих собак, которые жили на территории части – куда-то ушли). Заходил в казармы – стоят одни запроваленные койки и непривычная пустота. Еле дунет ветерок из разбитого окна или скрипнет дверка открытой пирамиды (оружие уже было вывезено), и опять тихо. Проходим в клуб, магазин, столовую, штаб. Ощущение такое, как будто попал в мертвое царство. В магазине на полках товар, в витрине – часы, в том числе золотые, и никого нет. Немного жутковато...

Но надо браться за работу – уничтожить то, что мы видим. И тут опять то же незнание или головотяпство. Приказано сжигать имущество. Сжигаем, но вместе с дымом и пеплом по ветру разносится и радиационная пыль! Через 2-е или 3-е суток получаем команду – закапывать. Пригнали бульдозер, вырыли траншею – и принимай, матушка-земля, наши безобразия, мягко говоря.

И здесь, при работах по уничтожению имущества части никаких отказов от выполняемой работы со стороны солдат и офицеров не было. Солдат только приходилось удерживать от лишнего хождения по зараженной местности, от снятия противогаза или защитного костюма. И не было никакого страха. Все это нас даже немного забавляло, была бравада, мы были молоды, беспечны, первый раз находились в такой обстановке. Сколько мы «нахватали» рентген – мы не знали (нам давали «карандаши» – слепые индикаторы, которые дают показания при вставлении в прибор). Наверно, были какие-то суммарные данные, нам их не доводили, потом их уничтожили. И мне, например, в бумагах написали: «...В соответствии с утвержденными методиками установлена доза облучения тов. Долговни Т.И. за период выполнения им работ в военном городке, которая

составляет 14,9 рентгена. Это по методике, а сколько на самом деле? А сколько я «схватил» всего за 6 лет службы в Челябинске-40? А сколько после, в Златоусте-20, Новосибирске, Красноярске-26? (простите, это так, к слову пришлось).

Расплата пришла позже. Из тех сослуживцев, которые со мной были в ликвидации последствий аварии 1957 года и Челябинске-40, мне после, в дальнейшей службе, пришлось встретиться с майором Ивановым В.Я. и полковником Качановым Ю.А.. Так вот, Качанов Ю.А. умер в г. Новосибирске 38 лет от роду, будучи без зубов и волос. Иванов В.Я. живет в г. Сланцы Ленинградской области. Сильно болеет.

Командование Челябинской дивизии пыталось участников ликвидации последствий аварии Челябинск-40 наградить правительственными наградами. Было послано представление на орден и медали. Но нам прислали скромные награды: Кукушину В.М. — медаль «За охрану общественного порядка», мне — благодарность министра!

Ну, а сейчас (не знаю, как другие) я остался один на один со своими болезнями. Согласно письму Совмина местные органы в таких льготах, как бесплатное медицинское обеспечение и др., мне отказали. УВД Алтайского края мне написало: «...производить оплату расходов за пользование телефоном и приобретенные лекарств не представляется возможным».

Извините, что закончил свое повествование на такой печальной ноте.

С уважением, Долговых Т.И. 15.05.1998 г.»

Что и говорить, свидетельство страшное, хуже любого фильма ужасов. Кстати, благодаря введенной в научный оборот Н.И. Демидовым докладной записки Министра внутренних дел Н. Дудорова и Министра среднего машиностроения Е. Славского на имя председателя Совета Министров СССР Н. Булганина (вскоре после Къштыма Хрущев выбросит его в Ставропольский совнархоз, прибавив к должности вождя партии и портфель премьера) страна впервые узнала о том, что радиационное облучение в Къштыме получили не 1007 военнослужащих внутренних войск, а на 60% больше — 1638. Никакой врачебной помощи, хоть в минимальной степени компенсирующей лучевую травму, эти люди не получали десятилетиями. Думаю, на Страшном суде два горе-реформатора — и Н.С. Хрущев, и М.С. Горбачев, что называется, «сочтутся славою» за страшные трагедии Къштыма и Чернобыля, за личную трусость, за подлое поведение в дни этих катастроф.

Есть непостижимая мистика истории в том, что обе радиационные катастрофы произошли именно во время понтификатов этих горе-реформаторов. Сама природа как бы предостерегла нас от разрушительной, предательской политики перерожденцев, Къштым и Чернобыль высветили две грани катастроф: беззаветный подвиг патриотов и предательское, трусливое поведение первых лиц партии и государства, не удосужившихся даже лично посетить регионы невиданных трагедий. Сегодня уже можно с полным правом утверждать, что Н.С. Хрущев и его ближайшее окружение несут личную ответственность за то, что были положены под сукно смелые и мужественные предложения генерала Г.И. Алейникова, фронтовика, шесть лет командовавшего легендарной дивизией внутренних войск имени Ф.Э. Дзержинского, по урокам и выводам из Къштымской катастрофы.

История, как известно, не знает сослагательного наклонения. Но можно немудовольно доказать, что принятие предложений Г.И. Алейникова сократило бы число жертв Чернобыля на порядки.

Что же предлагал генерал ГУ ВВ МВД СССР Г.И. Алейников? В нескольких рапортах и докладных записках он настоятельно требовал:

- установить на весь период ликвидации последствий аварии (**особенно после дождей**) систематическое наблюдение за состоянием районов несения службы и подступов к ним с целью своевременного выявления изменений в уровне радиации местности и воздуха;

- в целях улучшения в частях внутренних войск, несущих охрану аналогичных Челябинску-40 объектов, защиты личного состава от возможного воздействия радиоактивных веществ, а также других факторов (ударная волна, световое излучение) организовать в этих подразделениях службу безопасности в составе руководителя химической службы, отделения химической разведки и пунктов специальной обработки;

- ввести в штаты и таблицы частей необходимое имущество для отделений химической защиты, с учетом норм, установленных для соответствующих подразделений Советской Армии (дозиметры всех назначений, спецмашины, защитная одежда и т.д.);

- обязать главк военного снабжения МВД СССР содержать на складах соединений внутренних войск, выполняющих задачи по охране высокорисковых радиационных объектов, второй комплект обмундирования и обуви с правом использования при авариях, влекущих загрязнение и необходимость дезактивации;

- для обучения личного состава спецчастей действиям в условиях подобных аварий описать действия Н-ского соединения внутренних войск в Челябинске-40 в период 29 сентября–10 октября и разработать задачу на аналогичную тему;

- изучить это описание и проиграть задачу на очередных сборах командирам частей и соединений спецчастей;

- издать приказ МВД СССР о поощрении личного состава войск, милиции, пожарной охраны, охраны лагерей во время аварии на ПО «Маяк».

Вместо принятия этих, в полном смысле слова выстраданных на крови, предложений «партайгеноссе» со Старой площади приказали засекретить любые данные о Кыштымской трагедии даже... от заместителей Министра внутренних дел СССР.

И уж совсем крамольными в кабинетах окружения вождя из Калиновки, десять лет безнаказанно куролесившего в стране, были восприняты предложения об обобщении опыта Кыштыма и доведении его до всех подразделений, выполняющих задачи по охране высокорисковых радиационных объектов, **«на случай других подобных аварий»**. Ведь реализация этих предложений объективно посягала на незыблемость принципа сверхсекретности случившегося в Кыштыме.

ГЛАВА 3

НА СЕМИПАЛАТИНСКОМ ПОЛИГОНЕ

□ 3.1. ЯДЕРНЫЕ ИСПЫТАНИЯ СССР

Матущенко А.М.

*Доктор технических наук, профессор, лауреат премии
Правительства РФ, участник подразделений особого риска на
Семипалатинском и Новоземельском полигонах, участник
ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, 1986 года.*

*Посвящается 60-летию Семипалатинского
ядерного полигона, доблестным испытателям,
их родным и близким, разделявшим все тяготы
и лишения суровой службы.*

6августа 1945 года на крейсере «Аугуста» с Потсдамской конференции возвращается американская делегация во главе с Президентом США. Командир крейсера докладывает о радиограмме от военного министра Стимсона. Президент нетерпеливо ее выхватывает и все громче и громче читает: «Большая бомба сброшена. Первые сообщения свидетельствуют об огромном успехе. Эффект даже больший, чем при испытаниях». Сияющий Президент с бокалом шампанского провозглашает: «Джентльмены, произошло величайшее событие в истории. Несколько часов назад наши доблестные летчики сбросили на Японию бомбу, которую называют атомной. Она обладает огромной разрушительной силой, большей, чем 2 тыс. самых мощных английских бомб «Грэнд Слэм». Отныне в наших руках самое могучее оружие в мире. Поднимем бокалы за эту удивительную бомбу в руках самой великой страны». Такой тост произнес под брызги шампанского американский Президент, подняв, как пророчески произнес японский детский писатель Такаэси Ито, «меч

новой гонки ядерных вооружений». Президент же никогда не раскаивался в том, что принял решение, обрекшее на смерть полмиллиона мирных жителей: «Окончательное решение о том, где и как следует применить атомную бомбу, было возложено на меня. Пусть не будет никаких ошибок в этом вопросе. Считаю атомную бомбу военным оружием и никогда не имел сомнений в том, что она должна быть применена».

Но еще ранее великий физик Лео Сциллард вспоминал: «Весь 1943 и отчасти 1944 год нас преследовал страх, что немцам удастся сделать атомную бомбу раньше, чем мы высадимся в Европе. И когда нас в 1945 году избавили от этого страха, мы с ужасом думали, какие же еще опасные планы строит американское правительство, планы, направленные против стран».

Властвующей же элите США в 1945-1949 годах почему-то стало казаться возможным покончить с Советским Союзом, уничтожив атомной бомбардировкой около 100 его городов и промышленных центров. Подтверждение этому – доклад 329 «Стратегическая уязвимость России для ограниченной воздушной атаки» (ноябрь 1945 года), планы «Narrow – Борона» (май 1948 года), «Dropshot – Удар наповал» (1949 год). Далее были и другие подобные планы, общим числом 15.

За все это в 1965 году попытался извиниться бывший священник ВВС США Д. Забелко, благословивший на боевой вылет с атомной бомбой в Японию экипажи самолетов «Энола Гей» и «Бокс Кар». Не зная, что 6 и 9 августа 1945 года земля дважды превратится в ад, а вспышки «ярче тысячи солнц» и вой «божественного ветра – Камикадзе» оповестят весь мир о том, что атомная бомба – кошмарная реальность. *«Двадцать лет выматывающих душу угрызений совести заставили меня осознать греховность войны и начать проповедовать среди прихожан полную аморальность ядерного оружия» – Д. Забелко (06.08.1965, Хиросима).*

Тогда же Курчатов И.В., характеризуя эту ситуацию как вандализм и чудовищный акт, сделал прямой вывод: «Думаю, что это атомный кулак перед нашим лицом».

И ответ не заставил себя ждать: Россия дала сдачи...

Нашей стране оставалось только одно: принять активные меры по созданию надежного отечественного ядерного щита. Работы по решению правительства возглавил И.В. Курчатов. С ним стали самоотверженно трудиться известные физики А.П. Александров, А.И. Алиханов, Л.А. Арцимович, Я.Б. Зельдович, И.К. Кикоин, И.Я. Померанчук, А.Д. Сахаров, Ю.Б. Харитон, Г.Н. Флеров и многие, многие другие...

9 апреля 1946 года. Совет Министров СССР постановлением № 805-327сс/оп назначил профессора Харитона Ю.Б. главным конструктором КБ-11 по конструированию и изготовлению *опытных реактивных двигателей*. Также было принято предложение комиссии (Ванников, Яковлев, Завенягин, Горемыкин, Мешик и Харитон) о размещении КБ-11 на базе завода № 350 Министерства сельскохозяйственного машиностроения и прилегающей к нему территории.

21 июня 1946 года. СМ СССР постановлением № 1286-525сс/оп обязал КБ-11 (Харитона, Зернова) создать под научным руководством Лаборатории № 2 АН СССР (академика Курчатова) «Реактивный двигатель С» (РДС) в двух вариантах: с применением тяжелого топлива (вариант С-1) и легкого топлива (С-2)...

Амбициозные восторги в правящих кругах США и примкнувшей Великобритании испарились, когда в начале сентября 1949 года в атмосфере появились искусственные радиоактивные частицы, которые были уловлены летающей лабораторией-бомбардировщиком В-29 ВВС США. Для обеспокоенного президента Г. Трумэна вывод был однозначным:

29 августа 1949 года эти «азиаты-русские» произвели испытание собственной А-бомбы... Это было «изделие РДС-1» (официально – Ракетный Двигатель Специальный – 1; «Россия Делает Сама», «Россия Дала Сдачи» – так это расшифровывали по-русски; «Джо-1» – так называли ее американцы, используя имя Иосифа Сталина на свой лад).

Произойти это испытание на Семипалатинском полигоне, располагавшемся на территории Семипалатинской (54%), Павлодарской (39%) и частично Карагандинской (7%) областей Казахской ССР, занимая площадь около 18,5 тыс. вадратных километров.

Справка: Семипалатинский полигон был построен всего за два года силами 15 тыс. военных строителей и обошелся нашей стране, разоренной и голодной после кровопролитной Великой Отечественной войны, в громадную по тем временам сумму – около 80 млн. рублей, не считая затрат на всю остальную подготовку к испытанию А-бомбы.

В период с 29.08.1949 года по 24.12.1962 год на Семипалатинском полигоне производились наземные и воздушные ядерные испытания – 116 плюс два подземных (26% от всех ЯИ на этом полигоне); с 15.03.1964 года по 19.10.1989 год – только подземные ЯИ (74%). Всего – 456 ЯИ (т.е. 64% от всех 715 ЯИ в СССР).

«Молчуны-атомщики» заговорили...

Начиная с 1991 года, по истории испытаний ядерного оружия (ЯО) СССР опубликовано значительное количество интереснейших сборников, книг, монографий, мемуарных трудов, статей и докладов...

Обратим внимание в этой связи на пионерные труды 1992-1993 годов в серии «*Ядерные взрывы в СССР*», посвященные самому Северному испытательному полигону (острова Новая Земля), ныне действующему в статусе Центрального полигона Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 27.02.1992 № 194, текст приведен ниже):

1. «Северный испытательный полигон: ядерные взрывы, радиология, радиационная безопасность. Справочная информация» (выпуск 1. – М., 1992, – 195 с./ под рук. и общ. ред. Михайлова В.Н., Матущенко А.М., Золотухина Г.Е., научные ред. Дубасов Ю.В., Кривохатский А.С., Баженов В.Н., Харитонов К.В.);

2. «Северный испытательный полигон: материалы экспертов Российской Федерации на конференциях, встречах, симпозиумах и слушаниях» (выпуск 2. – Санкт-Петербург, 1993, – 405 с./ сост. Богдан В.В., Дубасов Ю.В., Золотухин Г.Е., Кривохатский А.С., Матущенко А.М., Михайлов В.Н., Харитонов К.В., Г.А. Цырков Г.А./ под общ. ред. Михайлова В.Н., Золотухина Г.А., Матущенко А.М.).

Вышли они в свет всего лишь в 200 и 230 экземплярах, практически в ксероком по тем временам исполнению, благодаря помощи сотрудников НПО «Радиевый институт имени В.Г. Хлопина» и огромной поддержке такого начинания со стороны легендарного Г.А. Цыркова, начальника 5 главного управле-

ния Министерства Российской Федерации по атомной энергии (Минатома России). При этом издание выпуска 1 было оперативно приурочено к сроку проведения в г. Архангельске международной конференции «Экологические проблемы Арктики и перспективы ядерного разоружения» (см. 14-18 октября 1992 года), куда авторы успели доставить лишь первые его 20 экземпляров. На этой конференции «заинтересованными лицами», как теперь принято выражаться, готовилась серьезная «разборка» дел на Новоземельском полигоне, вплоть до настоятельных требований по его закрытию (инициаторы А.Ф. Емельяненко и В.Н. Якимец – лидеры общественного экологического движения «К новой Земле»). И пример тому уже был – закрытие для проведения ядерных испытаний Семипалатинского полигона, что произошло по инициативе международного антиядерного движения «Невада – Семипалатинск» (лидеры – О.О. Сулейменов и В.Н. Якимец) и по указу президента Казахской ССР Н.А. Назарбаева от 29.08.1991 года № 409.

Таким образом, упомянутые сборники пионерной серии как востребованный продукт были возвращены на вновь вспаханном информационном поле, по которому мы и попробуем провести наших молодых читателей. Но им они сегодня, по существу, просто недоступны, поскольку являются раритетами. И, как шутили физики Л. Ландау и Е. Лифшиц, «...предыдущее издание давно разошлось и, по-видимому, среди читателей ощущается потребность в этой книге» («Физики смеются. Но смеются не только физики» – М.: изд. Совпадение, 2006, тир. 3000 экз.). Тем приятнее отметить, что в 1999 году при поддержке МАГАТЭ было выполнено переиздание выпуска 1, причем на русском и английском языках и тиражом 1500 экземпляров. Но тогда в 1992 году по приказу министра Минатома России В.Н. Михайлова от 15.09.1992 № 322 его следовало разослать буквально по 1-2 экземпляра в строго определенные организации различных министерств и ведомств, в библиотеки, в редакции журналов «Энергия» и «Атомная энергия», а также персонам высокого ранга, где он и затерялся, но... только не у специалистов атомной отрасли и ее ядерного оружейного комплекса. Такая же судьба сложилась и у выпуска 2.

В этом аспекте интересно проиллюстрировать степень открытости материалов, достигнутую в упомянутых выпусках. Предоставим нашему читателю в порядке полезной информации их содержание. Оно позаимствовано у Виталия Халтурина, Татьяны Раутиан, Пола Г. Ричардса и Уильяма С. Лейта, авторов статьи «Обзор советских ядерных испытаний на Новой Земле в 1955-1990 годах». В обзоре ими представлены содержания этих выпусков («Наука и всеобщая безопасность. Технические предпосылки для инициатив по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению». том 13, № 2, окт. 2005).

Итак, что вошло в Выпуск 1.

Введение (*написал его в июле 1992 года В.Н. Михайлов, только что, в марте, возглавивший Минатом России и руководивший им ровно шесть лет, – до марта 1998*).

Нормативы радиационной безопасности и радиационные нагрузки от источников ионизирующего излучения. *А.М. Матущенко.*

1. Северный полигон: основные сведения о ядерных испытаниях (1955-

1990). *К.Н. Андрианов, В.В. Выскребенцев, Ю.В. Дубасов, В.П. Думик, Г.Е. Золотухин, В.М. Иванов, В.М. Каримов, Г.А. Кауров, Г.А. Красилов, В.П. Козлов, Г.Г. Кудрявцев, В.И. Куликов, А.М. Матущенко, В.Н. Михайлов, П.В. Рамзаев, В.Г. Сафронов, В.Г. Струков, В.И. Филипповский, К.В. Харитонов, Г.А. Цыркков, А.К. Чернышев, В.В. Чугунов.*

1.1. Количество ядерных взрывов (Северный полигон по состоянию на 01.01.92).

1.2. Характеристика ядерных испытаний.

1.3. Основные исходные параметры для оценок радиационных последствий ядерных взрывов.

1.4. Современная радиологическая обстановка на Крайнем Севере...

1.5. О критериях радиационной и сейсмической безопасности испытательных подземных ядерных взрывов...

1.6. О научном обеспечении современных радиологических исследований в связи с деятельностью Северного полигона.

1.7. Информационная работа по Северному полигону.

1.8. «Новая Земля – Невада». *В.П. Думик, Н.П. Филонов, К.В. Харитонов, Ю.Е. Шипко.*

2. Северный полигон: хроника и радиационная феноменология подземных ядерных испытаний. *В.П. Баженов, В.П. Думик, Г.А. Кауров, Г.А. Красилов, А.М. Матущенко, В.Г. Сафронов, В.И. Филипповский.*

2.1. Хроника подземных ядерных взрывов на Северном полигоне (1964-1990).

2.2. Радиационная феноменология подземных ядерных испытаний на Северном полигоне.

3. Экспертные доклады.

3.1. Северный полигон: хроника и феноменология ядерных испытаний на полигоне Новой Земли. *А.М. Матущенко, В.П. Думик, В.Н. Михайлов, В.Г. Сафронов, Г.А. Цыркков.*

3.2. Локализация радиоактивных продуктов при подземных ядерных взрывах в геологических формациях Новой Земли. *А.М. Матущенко, В.В. Чугунов, Г.А. Красилов, А.Л. Мальцев, А.В. Пичугин, В.Г. Сафронов.*

3.3. Вокруг Заполярного полигона. *П.В. Рамзаев.*

3.4. Заполярный полигон: аспекты экологического мониторинга. *Я.Е. Доскоц.*

3.5. Ядерные испытания: радиационный контроль и безопасность. *Ю.В. Дубасов, А.С. Кривохатский, А.М. Матущенко, В.И. Филипповский.*

3.6. Подземные ядерные взрывы в Заполярье в мирных целях. *К.В. Мясников, В.В. Касаткин, К.В. Харитонов.*

4. Северный полигон: основная библиография и другие источники информации. *А.М. Матущенко.*

4.1. Библиография (*указано 192 источника*).

4.2. Другие источники информации (*указано 19 источников*).

Состав Выпуска 2.

Введение (*краткая характеристика докладов и материалов*).

1. Советско-финляндская встреча экспертов, 28 февраля 1991 года.

«Экологическая безопасность подземных ядерных испытаний» (г. Москва).

2. Всесоюзная конференция советского комитета международного движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны». 4-6 апреля 1991 года. «Медицинские и экологические последствия производства и испытаний ядерного оружия» (г. Курган).

Международный симпозиум в Канаде, 21-26 апреля 1991 г. «Подземные испытания ядерного оружия: возможные воздействия на окружающую среду и их ограничения» (г. Оттава).

3. Международная конференция Ядерного общества СССР, 25-28 июня 1991 года. «Радиоактивные отходы: проблемы и решения» (г. Москва).

4. Первая учредительная конференция общественного экологического движения «К новой Земле». 17-18 ноября 1991 года (г. Архангельск).

5. Международная конференция в Норвегии, 22-23 ноября 1991 года «Проблемы радиологической и радиационной защиты в Северном регионе» (г. Тромсе).

6. Международная конференция «Демократизация общества и военная безопасность». 1-2 июня 1992 года (г. Москва).

7. Парламентские слушания на заседании Комитета по вопросам экологии и рационального использования природных ресурсов и Комитета по вопросам обороны и безопасности Верховного Совета Российской Федерации о целесообразности функционирования Новоземельского полигона, 16 июня 1992 года (г. Москва).

8. Международная конференция «Экологические проблемы Арктики и перспективы ядерного разоружения». 14-18 октября 1992 года (г. Архангельск).

За время подготовки указанных сборников Россия не производила ядерные испытания. Однако продолжавшиеся радиационные, санитарно-гигиенические, медицинские исследования, геологические обследования территорий, затронутых проведенными ранее испытаниями, дали возможность обобщить или скорректировать более ранние представления, причем сделать это не только в научно-техническом аспекте, но и в социально-политическом.

Общая концепция подготовки этих сборников (Выпуски 1-4)

(Выпуск 3 – по Семипалатинскому полигону и Выпуск 4 – по мирным ядерным взрывам)

По докладом профессора А.М. Матущенко концепция была одобрена Межведомственной экспертной комиссией по оценке радиационной и сейсмической безопасности подземных ядерных испытаний (МВЭК-ПЯВ, сопредседатели Г.А. Красилов, А.М. Матущенко, В.И. Филипповский) и Национальной комиссией по радиационной защите (НКРЗ, председатель Л.А. Ильин). Концепция признана соответствующей Целевой комплексной программе исследований радиационной и санитарно-экологической обстановки Семипалатинского и Новоземельского полигонов и прилегающих территорий (ЦКПИ «Регион»).

Итак, через пять месяцев после своего назначения на пост министра Российской Федерации по атомной энергии В.Н. Михайлов во введении к выпуску № 1 отметил (июль 1992) следующее:

«Главной политической целью нашей военной доктрины является сегодня устранение войны из жизни человечества, упрочение международной стабильности и безопасности. Мир стремительно меняется. Крупномасштабные акции нашей страны и

США по сокращению ядерных арсеналов – яркий пример этих изменений.

Единственной альтернативой ядерному равновесию, стратегии сдерживания является режим полного доверия, открытости, всеобщего и полного уничтожения ядерного оружия и запрещение его разработок. Это наша цель. На этом пути особое место занимают испытания ядерного оружия.

К концу 1991 года было зафиксировано 2053 ядерных испытания. Их производили пять стран: США (с 1945 года), СССР (с 1949), Англия (с 1952), Франция (с 1960) и Китай (с 1964). В ходе этих испытаний отрабатывались конструкции ядерных боеприпасов, исследовались явления, сопровождающие взрывы, и действие поражающих факторов на вооружение, военную технику, различные объекты и окружающую среду, испытывались средства и способы противоатомной защиты, а также средства обнаружения и засечки взрывов, способы сокрытия ядерных испытаний.

Вместе с тем, со времени появления ядерного оружия наша страна неуклонно борется за его полное запрещение, начиная с соответствующего предложения в ООН уже в 1946 году».

И далее: «Механизм контроля за количеством ядерных испытаний может быть реализован, что очень важно, на широкой международной основе путем включения национальных средств контроля в международную сеть и проведения инспекций на месте взрыва.

Сегодня прекращение всех ядерных испытаний имеет принципиальное значение для того, чтобы предотвратить создание ядерного оружия третьего поколения, не выпустить его из стадии научных поисков в стадию полномасштабных разработок. Оружие третьего поколения – это оружие с новыми качествами по эффективности, надежности и по глобальным последствиям его применения. Оно, с одной стороны, может дать глобальное радиоактивное загрязнение в сто – тысячу раз меньшее, чем существующее оружие, а, с другой стороны, – способно поражать стратегические цели и в космосе, и на земле. Именно это вызывает тревогу, так как может возникнуть соблазн его применения при любом локальном конфликте. Не допустить создания этого оружия – ответственная задача всего человечества...»

Да сравнит пусть внимательный и заинтересованный читатель эти слова с реалиями наших дней, чтобы грамотно оценивать их ядерные вызовы и необходимость адекватного реагирования на внешние угрозы, учитывая геополитическое положение России с ее богатыми природными ресурсами на обширной территории.

Напомним, что последнее подземное ядерное испытание в СССР было произведено 24.10.1990 на Новоземельском полигоне. Российская Федерация более их не возобновляла, подписав 24.09.1996 Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), который законодательно ратифицировала (Федеральный закон № 72-ФЗ, 27 мая 2000). Но это до сих пор не выполнили США, оговорив свое «политповедение» массой условий о «гарантиях». Напомним также нашему читателю, что 29.08.1991 Президент Казахской ССР Н.А. Назарбаев своим Указом № 409 закрыл Семипалатинский испытательный полигон, а с 26.10.1991 распоряжением № 67-рп (см. ниже) Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина был объявлен очередной односторонний мораторий на проведение ядерных испытаний на Новоземельском полигоне сроком на один год. Мораторий затем, естественно, был продлен его же Указами от 19.11.1992

№ 1267 и от 05.07.1993 № 1008 «...до тех пор, пока такой мораторий, объявленный другими государствами, обладающими ядерным оружием, будет де-юре или де-факто соблюдаться ими». Также было предписано: «Поручить Министерству иностранных дел Российской Федерации провести консультации представителями других государств, обладающих ядерным оружием, в целях начала многосторонних переговоров по выработке договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний».

Этот процесс завершился многосторонним подписанием договора 24 сентября 1996 года и последующей ратификацией его государствами, приверженными принципам, которые выше отмечал В.Н. Михайлов. И в этом уже мирном, а не ядерном марафоне, Россия – несомненный лидер. Добавим к этому, что к настоящему времени ДВЗЯИ подписали более 170 государств и ратифицировали более 100. Однако из 44 стран, ратификация Договора которыми необходима для вступления его в силу, этот акт еще не подписали три страны – Индия, Пакистан и КНДР; не ратифицировали около 10, в том числе и ... США!

Не потому ли, осуществляя сейчас свою минорную музыкальную серию «субкритических» опытов («Гобой», «Волынка» и др.) на Невадском полигоне, США намерены сменить ее грохотом полномасштабных испытаний ядерного оружия нового поколения? Тогда вопрос: «быть или не быть Новоземельскому полигону?»

Однако вернемся... на наше «информационное поле» и отметим следующее.

Важным было то, что выпускам 1 и 2 предшествовала достаточно напряженная и ответственная работа по раскрытию материалов о ядерных испытаниях и их последствиях. Эта работа выполнялась в соответствии с постановлениями Верховного Совета СССР от 27.11.1989 № 882 «О неотложных мерах экологического оздоровления страны» и Совета Министров СССР от 11.02.1990 № 189 «Об обеспечении выполнения постановления ВС СССР от 27.11.1989 № 882». Учитывалось и решение Комиссии под руководством заместителя Председателя СМ СССР И.С. Белоусова «О подготовке публикаций в средствах массовой информации о радиационной обстановке на Северном полигоне и вокруг него в сопоставлении с другими районами страны и Северными странами с передачей ее редакциям центральных, республиканских и областных газет» (протокол № БИ-2259 от 30.05.1990).

Так это начиналось впервые. Процесс усложнялся функционированием Новоземельского полигона, еще действовавшего в режиме обеспечения полномасштабных подземных испытаний ядерного оружия. Эти факторы и наступление затем длительного моратория наглядно иллюстрируется нижеследующими фрагментами из хроники событий того времени.

12 декабря 1989 года – Второй съезд народных депутатов СССР. Прошел бурный обмен мнениями по вопросам Новоземельского полигона, в ходе которого депутатам и представителям СМИ были предоставлены подробные сведения о функционировании столь режимного объекта, о радиационной обстановке на Новой Земле и прилегающих территориях, о планах будущих испытаний. Доклады и сообщения выполнили специалисты Минатомэнергопрома СССР совместно с Минобороны СССР, Госгидрометом и Минздравом СССР.

Р.С. В 1989 году ядерные державы произвели 28 подземных ядерных испытаний: СССР – 7 (на Семипалатинском полигоне, Новоземельский – молчал), США – 11, Франция – 9, Великобритания – 1, Китай – полигон у озера Лобнор также молчал.

24-25 мая 1990 года. Сыктывкар. Сообщения о ядерных испытаниях на Новоземельском полигоне были представлены экспертами Минобороны СССР (А.М. Матущенко – от 12 ГУ МО РФ, В.С. Терещенко – от 6 Управления ВМФ) и Госкомгидромета СССР (Г.А. Красилов) на майской сессии Верховного Совета Коми АССР. Впервые состоялась телепередача о полигоне за «круглым столом» в автономной республике, которую, надо отдать должное, руководитель группы телевидения А.В. Пошумянский провел с большим тактом, без наскоков на ядерных «ястребов» и их обструкции. Противоположная картина наблюдалась на самой сессии, где почему-то полунебритые депутаты рьяно рвались к микрофонам с уничижительными репликами и ерническими обличительными вопросами.

29-30 мая 1990 года. Новая Земля, поселок Белушья. На Северном полигоне работает правительственная комиссия под руководством заместителя Председателя Совета Министров СССР И.С. Белоусова, в состав которой входили министр МАЭП СССР В.Ф. Коновалов и командующий Краснознаменным Северным флотом адмирал Ф.Н. Громов, десант народных депутатов ВС СССР и РСФСР – А.Н. Буторин (Северодвинск), А.И. Выучейский (Салехард), А.Ф. Емельяненко (Москва, заместитель главного редактора еженедельника «Собеседник»), А.А. Золотков (Северодвинск), народный депутат ВС Коми АССР И.Л. Шпектор (Воркута), а также председатель Архангельского облисполкома П.Н. Балакшин, председатель Ненецкого окружного исполнительного комитета Е.Г. Алексеев, секретарь окружного комитета КПСС Ю.С. Романов (Архангельск) и корреспондент газеты «Правда Севера» И.В. Бенца (Нарьян-Мар). Доклады об истории полигона, режимах его деятельности, радиоэкологических и сейсмомеханических последствиях испытаний были представлены начальником полигона контр-адмиралом В.А. Горевым, специалистами полигона контр-адмиралом В.В. Выскребенцевым, профессором В.В. Чугуновым и кандидатом технических наук В.Г. Сафроновым, от Службы специального контроля Минобороны СССР профессором А.М. Матущенко, от МАЭП СССР кандидатом технических наук Г.А. Кауровым и Е.П. Козловым, от Госкомгидромета СССР кандидатом технических наук Ю.С. Цатуровым и от Минздрава СССР В.П. Девятовым. Народным депутатам была предоставлена возможность ознакомиться с различными объектами полигона и условиями жизни и службы военнослужащих и их семей.

15 июля 1990 год. а Представлен научно-аналитический доклад для народных депутатов СССР и РСФСР, СМИ Архангельской области, Коми АССР, Ненецкого и Ямало-Ненецкого автономных округов «О современном состоянии радиационно-экологической обстановки на архипелаге Новая Земля и прилегающих территориях Крайнего Севера» (в соответствии с решением комиссии И.С. Белоусова от 30.05.1990 № БИ-2259). В доклад вошли результаты научно-исследовательских работ по подпрограмме «Регион-2». Научные руководители подпрограммы – доктор химических наук Ю.В. Дубасов (Минатомэнергопром, НПО «Радиевый институт имени В.Г. Хлопина»), профессор А.М. Матущенко (Минобороны СССР, НИЦ ССК МО), профессор П.В. Рамзаев (Минздрав СССР, ЛИРГ), К.Н. Андрианов (Минздрав СССР, Институт биофизики) и кандидат физико-математических наук Г.А. Красилов (Госкомгидромет, Институт прикладной геофизики).

19 июля 1990 года. «Комсомольская правда» публикует статью заместителя министра МАЭП СССР В.Н. Михайлова под грозным названием «Бомба третьего поколения». Автор в статье расставляет точки над «i» в сложной проблеме о роли ядерного оружия в политике различных государств и о неизбежности его

совершенствования... Он же продолжает эту тему 28 августа в газете «Рабочая трибуна» в рассуждениях «О проблеме ядерных испытаний».

20 августа 1990 года. В Женеве состоялась Международная конференция по рассмотрению ДНЯО, который вступил в действие в 1970 году... Заместитель министра иностранных дел СССР В.Ф. Покровский, глава советской делегации акцентирует: «Одной из главных целей остается скорейшее прекращение ядерных испытаний... Не так давно в течение полутора лет – с августа 1985 по февраль 1987 – Москва соблюдала односторонний мораторий. И вновь с ноября 1989 года наши ядерные полигоны бездействуют. Сократили свои испытания и Соединенные Штаты.

Вашингтон и Париж подчеркивают, что такие испытания необходимы для проверки эффективности запасов и их боеготовности, а также для совершенствования технологии. Поэтому все наши соответствующие инициативы Запад отвергает. В таких условиях решение проблемы запрещения ядерных испытаний на данный момент едва ли возможно. Но вполне реально продвижение вперед в области ограничения мощностей ядерных взрывов, сокращение их числа». И на такой отмашке вдруг произошло ЧП...

Р.С. 8 октября 1990 года. Чрезвычайное положение. Произошел наглый набег представителей организации «Гринпис» на территорию Новоземельского полигона в районе пролива Маточкин Шар, в зону проведения подземных ядерных испытаний. Они были хорошо информированы о том, что здесь на днях должно состояться подземное ядерное испытание (осуществлено 24.10.90 и было последним в СССР). Можно себе представить, как эта акция ударила по нервам тех, кто нес колоссальную ответственность за проведение такого сложного испытания... Вместе с тем, в набеге в тесном контакте с «гринписовцами» приняли участие знакомые нам... народные депутаты А.Ф. Емельяненко и А.А. Золотков (см. *29-30 мая 1990*), естественно, прикрытые своей депутатской «неприкосновенностью».

24 октября 1990 года. Сообщение ТАСС: «В 18 часов 00 минут по московскому времени в Советском Союзе на полигоне острова Новая Земля произведен подземный ядерный взрыв мощностью от 20 до 150 килотонн с целью подтверждения надежности и повышения безопасности ядерного оружия. Радиационная обстановка в районе испытания нормальная».

В этом реально смогли убедиться впервые приглашенные через несколько дней к устью штольни А-13Н представители СМИ (естественно, за исключением запятнавшего себя А.Ф. Емельяненко) – корреспонденты В.И. Бенца («Правда Севера»), А.П. Расторгуев («Молодежь Севера»), А.Н. Покровский («Правда»), от науки Севера – директор Института биологии Коми научного центра Уральского отделения АН СССР кандидат биологических наук А.И. Таскаев, от депутатского корпуса – народный депутат Архангельского облсовета Н.С. Плотников, помощник народного депутата РСФСР М.А. Данилов и народный депутат Коми АССР И.Л. Шпектор. Их выступления в СМИ были весьма объективными.

29 октября 1990 года. Неожиданно последовало заявление Президиума ВС РСФСР и СМ РСФСР «О проведении испытаний ядерного оружия на полигоне Новая Земля». Вот его «взволнованный» текст:

«24 октября с.г. в нарушение Декларации о Государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики был произведен подземный ядерный взрыв в районе островов Новая Земля. Это очеред-

ное испытание ядерного оружия не было согласовано с ВС РСФСР, СМ РСФСР и местными органами власти.

Верховный Совет и Правительство РСФСР считают подобное положение недопустимым, выражают решительный протест и требуют впредь безусловного соблюдения Декларации о Государственном суверенитете РСФСР во всех ее аспектах.

Президиум ВС РСФСР и СМ РСФСР обращаются к Президенту СССР, ВС СССР с предложением безотлагательно определить условия и порядок взаимодействия в подготовке, реализации и контроле выполнения решений в сфере обороны и безопасности страны.

Президиум Верховного Совета РСФСР Совет Министров РСФСР 29.10.1990».

В итоге пошел «великий шум» с требованиями «судить» тех, кто подстроил такое, – от начальника полигона и до руководства Минобороны и Минатомэнергопрома. Но вот извечный вопрос: «а судьи кто?» (перипетии этой истории из цикла «бей своих, чтобы чужие боялись» подробно описаны в книгах «Ядерный архипелаг» (1995) и «Ядерные испытания в Арктике» (2006), к которым мы и отсылаем тех, кто заинтересуется таким сюжетом).

P.S. В 1990 году ядерные державы осуществили 17 ядерных испытаний: СССР – 1 (24.10.90 – на Новой Земле и, как оказалось, последнее), США – 8, Франция – 6, Великобритания и Китай – по одному.

28 февраля 1991 года Москва. Советско-финляндская встреча по вопросу «Экологическая безопасность подземных ядерных испытаний», на которой заместитель министра МАЭП В.Н. Михайлов и эксперты А.Б. Иванов, Е.П. Козлов, В.И. Куликов, А.М. Матущенко и П.В. Рамзаев сделали сообщение по теме «Новая Земля: экологическая безопасность подземных ядерных испытаний». Так было положено начало «раскрытию» полигона на международном уровне и далее это происходило на различных международных конференциях, а также в рамках проекта НАТО-SCOPE «РАДТЕСТ» (RADTEST – радиация от полигонов).

4-6 апреля 1991 года Курган. Всесоюзная конференция международного движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» – «Медицинские и экологические последствия производства и испытания ядерного оружия». Доклад экспертов Минобороны СССР (А.М. Матущенко, В.М. Каримов), Минздрава СССР (В.А. Логачев) и МАЭП (Н.Н. Филонов, К.В. Харитонов) – «Северный и Семипалатинский полигоны: диагноз радиационной и санитарно-экологической обстановки полигона и прилегающих территорий и комплексная программа исследований».

P.S. О, сколько же на ней было выплеснуто желчи врачом Владимиром Лупандиным на полигонную испытательную работу по созданию нашего ядерного щита. Кстати, свой доклад он нарочито представил на английском языке, но заявил перед этим на русском о том, что, пока в зале присутствует полковник А. Матущенко, этот доклад не состоится. Такой вот был пассаж, на что участники конференции прореагировали весьма негативно. Сам же возбудитель этой ситуации потом в кулуарах пытался как-то неловко принести свои извинения, поняв, что нами безоговорочно разделяются все принципы работы указанного международного движения, руководители которого именно нас и пригласили для участия в конференции. Где-то сейчас г-н Лупандин? И перед кем продолжает оглашать свои «радиационно-провокационные» измышления? Или же более не является востребованным?

22-25 апреля 1991 года. Оттава (Канада). Международный симпозиум под эгидой Канадского Центра по контролю за вооружениями. Тема – «Подземные испытания ядерного оружия: возможные воздействия на окружающую среду и их ограничение». С целевым анализом нештатных радиационных ситуаций, имевших место при подземных ядерных испытаниях на Новой Земле в штольнях А-9 (14.10.1969) и А-37А (02.08.1987), и по вопросам обеспечения их контроля и воздействия на испытателей выступили специалисты МАЭП СССР (В.Н. Михайлов, А.К. Чернышев), Минобороны (А.М. Матущенко), Минздрава (П.В. Рамзаев) и Минприроды (В.Е. Зиберов). Это был пример большой открытости перед представителями северных стран, упорно отстаивавшими право на «безъядерный Север».

Май 1991 года. Из доклада на НТС-2 МАЭП вице-адмирала Г.Е. Золотухина, начальника 6 Управления ВМФ, курирующего Новоземельский полигон: «В течение двух лет вопрос о проведении испытаний на Новой Земле находится в стадии решения и развертывания работ... За это время был нарушен порядок централизованных капитальных вложений и поставок материально-технических ресурсов, и более того, испытательные полигоны из перечня Минатомэнергопрома и Госплана исключены и выделение государственных централизованных капвложений не предусмотрено. Минобороны, как и обычно, выделяло капвложения только на жизнеобеспечение. Более того, МАЭП в этом году снял с ВМФ практически все материально-технические ресурсы, которые им были выделены для подготовки испытаний в 1991 году. Все это создало крайне напряженную обстановку на Новоземельском полигоне... Несмотря на это, ВМФ в соответствии с указанием правительства продолжает работу по подготовке объектов к испытаниям в 1991 году на северной площадке, хотя и не теми темпами». Такой вот был «крик души» государева человека. Короче говоря, процесс «полураспада» полигона пошел... А через полгода его еще более усугубило распоряжение Президента РСФСР Б.Н. Ельцина от 26.10.1991 № 67-рп (см. ниже)...

12-13 июля 1991 года. На полигоне вновь делегация народных депутатов – от Ямало-Ненецкого округа во главе с Ахрамеевым Алексеем Александровичем, председателем Комиссии по экологии и природопользованию Ямало-Ненецкого окружного совета. Но настрой этой делегации в отношении полигона совсем другой – в нем больше позитивного. В ее состав вошли:

А. Бондарь – начальник штаба гражданской обороны округа (его объективный гражданский отклик о реальном состоянии радиационной обстановки на полигоне был опубликован в газете «Красный Север», № 50, ноябрь 1991, под названием «Новая Земля: полигон смерти?». И дан образный ответ, что это совершенно не так);

Ю. Морозов – корреспондент газеты «Рабочий Надыма» (в сентябре-октябре он опубликовал серию репортажей под названием «Новая Земля – слухи и факты», в которых достаточно полно и грамотно описал ситуацию, сложившуюся вокруг полигона, и развенчал различные домыслы и откровенную ложь о нем);

А. Кузин – заместитель председателя окружного совета. В. Обценко – заведующий радиологическим отделением окружной СЭС. Народный депутат из поселка Аксарка Н. Павленко (это он вскоре порадовал нас, неожиданно прислав в 5 ГУ МАЭП посылку с изумительно вкусной рыбой местного улова и с заключением, что в ней напрочь отсутствуют радионуклиды от новоземельских ядерных

испытаний, чего и следовало ожидать. Мы же ее дружно употребили, обладая большим опытом экспедиционных застолий вблизи объектов испытаний).

Сопровождали эту делегацию вице-адмирал Г.Е. Золотухин, генерал-майор В.Н. Косоруков, начальник полигона контр-адмирал В.А. Горев с экспертами Минобороны СССР (капитан 1 ранга В.П. Думик, полковник А.М. Матущенко), МАЭП России (Ю.Е. Шипко) и Минздрава СССР (директор ЛИРГа, член-корреспондент РАМН П.В. Рамзаев), которые дали детальные пояснения непосредственно на технологических площадках полигона, в том числе в эпицентре единственного на Новой Земле наземного ядерного взрыва (07.09.1957), где уровень радиации не превышал 1 миллизиверта в час.

Делегацию как всегда весьма радушно встретили в Белушке, а за гостеприимным обедом и ужином тема «радиофобии» была обсуждена с присущим ново-земельцам юмором и со словами известной песни, в которой «истопник нам раскрыл глаза» на то, что «водка хороша от стронция».

7 октября 1991 года. Президент СССР М.С. Горбачев выступил с заявлением по инициативе Президента США Дж. Буша: «Уважаемые соотечественники, неделю назад Дж. Буш выступил с важной инициативой по ядерному оружию... Предложения Дж. Буша достойно продолжают дело, начатое в Рейкьявике. Такова моя принципиальная оценка. Мне известно, что такого же мнения придерживается Б.Н. Ельцин, руководители других республик. В этом своем выступлении я намерен объявить о наших ответных шагах и встречных предложениях... Заявляю о введении с сегодняшнего дня одностороннего моратория на проведение ядерных испытаний сроком на один год... Тем самым будет открыт путь к скорейшему и полному прекращению ядерных испытаний». И вдогон ему...

26 октября 1991 года состоялось совершенно неожиданное распоряжение Президента РСФСР № 67-рп «О прекращении испытаний ядерного оружия на полигоне Новой Земли»:

«Поддерживая инициативы Президента США Дж. Буша, Президента СССР М.С. Горбачева, исходя из нашего стремления к полному прекращению ядерных испытаний и учитывая многочисленные обращения местных органов власти, а также граждан Российской Федерации, постановляю:

Ввести мораторий на проведение ядерных испытаний в Российской Федерации сроком на один год.

Прекратить использование полигона архипелага Новая Земля для ядерных испытаний.

Совету Министров РСФСР представить к 1 декабря 1991 года предложения о мерах по использованию научно-технического потенциала полигона на Новой Земле и занятых на нем специалистов в гражданских целях.

Совету Министров РСФСР обеспечить меры по социальной защите военнослужащих, высвобождающихся в связи с прекращением функционирования полигона.

Президент РСФСР

Б. Ельцин

*26 октября 1991 года
№ 67-рп»*

Вышло это распоряжение почему-то с грифом «не для печати», что, конечно, было совершенно проигнорировано демократическими СМИ, в том числе и не безызвестным нам депутатом-журналистом А.Ф. Емельяненко, объяснив-

шим народу в одной из телепередач В. Познера, что если нет закона о гостайне, то и секреты можно выдавать, не опасаясь за последствия. Популизм и безграмотность такого заявления были просто шокирующими!

Р.С. Хотя и в этом у него все было не так просто. Стремясь, по словам самого А.Ф. Емельяненко, выполнять установку – «ведущих экспертов следует вышибать из седла», он не гнушался подставлять их в ситуациях, которые не соответствовали реальному состоянию дела. Так, ссылаясь на одного заслуженного ветерана, он лукавил в том, что при испытаниях на Новой Земле радиоактивные продукты, как правило, распространялись в сторону Москвы, т.е. на Большую Землю. Тогда как такое было исключено, а испытания по установленному порядку всегда проводились при направлении ветра на север, северо-восток, в крайнем случае – на юго-восток. Сфальшивил же Александр Федорович на том, что метеорологи оперируют понятием «откуда ветер дует», а испытатели – «в какую сторону». Т.е., ветеран говорил правду, а Александр Федорович, переводя его слова опять же по правде метеорологов, лепил неправду. Сумел он также сказать неправду и о том, что на одной из встреч с общественностью представитель Минобороны якобы выдал важную «конфиденциальную» информацию о совместных договоренностях между СССР и США. Вот как он сам об этом живописует в опусе «Борис и Билл сильно удивятся, прочитав эту заметку» («Комсомольская правда», 19.03.1993): «Заявление эксперта Минобороны доктора технических наук Анатолия Матущенко прозвучало как сухой винтовочный выстрел: «7 июля на Невадском полигоне опускают в скважину для подрыва очередное «изделие». В аудитории, где это было сказано, на несколько мгновений воцарилась тишина. А потом посыпались уточняющие вопросы. Откуда вдруг такая осведомленность? Разведка донесла или американской стороной сознательно организована утечка информации?» (Кстати, для тех, кто не сведущ. Борис – это президент России Б.Н. Ельцин, а Билл – Президент США Б. Клинтон. Такое у Александра Федоровича проявилось «демократическое» панибратство).

Но весь этот пафосный пассаж – чуть и инсинуация, а мягче говоря, вероятно, сплошная отсечка и заказная «подстава»... Тем не менее, МИДу России пришлось расхлебывать эту «кашку», а американской стороне потом извиняться «за утечку» своей информации, но только через других подставных лиц. Был ли при этом подставлен сам Александр Федорович? – вопрос к нему. Справедливости ради, отметим, что Александр Федорович принес таки Анатолию Матущенко свои извинения. Однако забавнее другое: он через семь лет, возможно по забывчивости, повторил все это уже в своей книжке под «солженицынским» названием «Архипелаг Средмаш» (М.: 2000, тираж 2000 экз., с.157). Издание на русском и английском языках при поддержке Российского и Шведского национальных филиалов /SLMK/ международного движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны». С отметками – «Все права защищены» и отпечатано с готовых диапозитивных пленок в типографии Российской академии сельскохозяйственных наук». Да, знали бы о такой непорядочности шведские врачи мира. Теперь же пусть узнают и не только они. Ведь сейчас многих великих атомщиков Александр Федорович уже прекраснорудно обволакивает своим вниманием, почуяв, наверное, что «вектор ветра» изменился...

В 1991 году ядерные державы произвели 14 ядерных испытаний: СССР – не производил, США – 7, Франция – 6, Великобритания – 1, Китай – не производил.

29 января 1992 года. Образовано Министерство Российской Федерации по атомной энергии (Минатом России). 2 марта его министром назначен Михайлов В.Н..

27 февраля 1992 года. Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин, отменяя практически свое прежнее распоряжение от 26.10.1991 № 67-рп, подписал Указ № 194 «О полигоне на Новой Земле»:

«Учитывая настоятельную необходимость качественного совершенствования ядерного оружия, повышения его безопасности, а также проверки ядерного боезапаса, постановляю:

Преобразовать Государственный центральный полигон Министерства обороны СССР в Центральный полигон Российской Федерации с отнесением этого полигона в федеральную собственность Российской Федерации. Временно, до принятия постановления Правительства Российской Федерации в соответствии с п. 4 настоящего Указа, сохранить ранее действующие по этому полигону нормативно-правовые документы и предоставить право пользования землей и имуществом полигона Главному командованию Объединенных Вооруженных Сил Содружества Независимых Государств (ВМФ).

Министерству Российской Федерации по атомной энергии и Главному Командованию Объединенных Вооруженных Сил Содружества Независимых Государств (ВМФ) продолжить в 1992 году необходимые работы (горнопроходческие, строительные и монтажные) по подготовке штолен и скважин с целью обеспечения проведения подземных ядерных испытаний на Центральном полигоне Российской Федерации в количестве двух-четырёх взрывов в год, в случае окончания объявленного моратория».

Данный нормативный правовой акт оперативно-распорядительного характера в пределах полномочий Президента РФ не противоречил действующему законодательству. Он же предусматривал подготовку соответствующих предложений для переговоров – двусторонних или многосторонних в области ядерных испытаний – с участием общественных движений и организаций.

28 февраля 1992 года. Принято решение о выполнении государственной экспертизы радиационно-экологической обстановки на архипелаге Новая Земля и прилегающих территориях (приказ по Минэкологии России от 28.02.92 № 131 о создании комиссии под председательством профессора Ю.В. Сивинцева).

7 марта 1992 года министр Минатома России В.Н. Михайлов приказом № 271 объявил решение о написании «Истории атомной промышленности бывшего СССР и Российской Федерации». В этих материалах должны быть отражены испытания ядерного оружия СССР на Семипалатинском (1949-1989) и Северном (1955-1990) полигонах, а также проведение мирных ядерных взрывов (1965-1988).

Апрель 1992 года. В.Н. Михайлов снова акцентирует внимание на следующем (Инф. бюл. ЦНИИАтоминформа, № 4): «Учитывая необходимость поддержания оборонной достаточности страны, на Северном полигоне предполагается проводить до 2-4 подземных испытаний ядерного оружия в последующие годы. ...Таким образом, речь идет о сокращении испытательной программы в 4 раза, т. е. с 15 в среднем в год на двух полигонах страны до 4 испытаний. Такое их сокращение с учетом повышенных требований к безопасности потребует разработки новых подходов, как к проведению самих испытаний, так и к повышению эффективности диагностики физических процессов, протекающих при подземном испытании...»

P.S. Через два с половиной года это предвидение полностью подтвердилось проведением в декабре 1995 года специалистами ВНИИТФ испытаний нового

уровня – «гидродинамических» (или по американской терминологии – «субкритических, подкритических») неядерно-взрывных экспериментов. Это важное достижение обеспечило для российской стороны возможность подписания в сентябре 1996 года Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (см. 24.09.1996 г.).

25 мая 1992 года. Начальник НИИ-55 МО РФ Щербаков П.Н. направил Председателю Комитета ВС РФ по вопросам экологии и рационального использования природных ресурсов В.Д. Варфоломееву, Председателю Комитета ВС РФ по вопросам обороны и безопасности С.В. Степашину, командирам в/ч 31100 Г.Е. Золотухину и в/ч 31600 С.А. Зеленцову, начальнику 5 ГУ Минатома России Г.А. Цыркуву «Справочные материалы по вопросу проведения государственной экологической экспертизы архипелага Новая Земля и прилегающих к нему территорий» для использования их при подготовке к парламентским слушаниям по ЦП РФ. Эти материалы были разработаны по результатам КНИР «Регион» под руководством профессора А.М. Матущенко (НИИ-55 МО РФ) экспертами Межведомственной экспертной комиссии по оценке радиационной и сейсмической безопасности подземных ядерных испытаний (МВЭК-ПЯВ) – К.Н. Андриановым (ИБФ МЗ РФ), В.Н. Баженовым (5 ГУ Минатома России), В.В. Гориным, В.Ф. Евсеевым и А.Л. Мальцевым (НИИ-55 МО РФ), Г.А. Красиловым (ИГКЭ Росгидромета и РАН), В.Г. Сафроновым (ЦП РФ) и А.К. Чернышевым (ВНИИЭФ).

По полноте исходных данных и результативности их анализа они стали базовыми для всех остальных публикаций о режиме ядерных испытаний на Новой Земле, их радиационному вкладу по воздействию на территорию полигона и прилегающие районы. Это был «прорыв» и в отношении раскрытия режимных ограничений на такие данные. И каких-либо претензий к этой работе не предъявлялось, а попытки перепроверки данных неизбежно приводили к их подтверждению. Поэтому все потуги некоторых «зеленых» подвергнуть нашу информацию сомнению оказались несостоятельными, да и будучи раскрытой, она уже стала им неинтересна, поскольку был выбит провокационный козырь пресловутой секретности, причем установленным порядком, как это и полагалось выполнять.

Так во многом была снята создававшаяся напряженность по этому вопросу, нагнетаемая в амбициозном запале и зачастую сугубо популистскими методами. Парламентские же слушания, к которым мстительно призывал А.В. Яблоков и иже с ним, успешно состоялись 16.06.1992. И лишь только команды А. Булатова и депутатов А. Емельяненко, Евдокии Гайер и О. Сулейменова распространились на тему о радиации с требованиями «Полигонам – нет, деньгам на «зоны радиоэкологического бедствия» – да». Все это порождало ощущение «радиационной прокаженности» у жителей Казахстана, Алтайского края, Якутии, НАО, ЯНАО, Архангельской и Мурманской областей, соединяло с «чернобыльской зоной» и клеймило Россию как страну «радиоактивную». А между тем, в статье И.И. Белова «Радиационная экология: техногенная радиация в жизни и в быту» («Энергия», № 7, июль 1992) утверждалось: «В настоящее время средняя величина эффективной эквивалентной дозы, обусловленная продуктами ядерных взрывов, составляет около 15 микрозивертов в год, что равно примерно 1% от величины дозы, обусловленной естественным радиационным фоном». Увы, с тех пор минуло более 10 лет, но не до всех «зеленых» еще дошло это объективное мнение. Однако, судя по всему, процесс пошел.

10 июля 1992 года. В Женеве подписан Меморандум о понимании между Правительством РФ и Правительством США об испытательных полигонах. В статье 1 указано: «Полигонами для Сторон являются: Северный испытательный полигон (Новая Земля) – для Российской Федерации; и Невадский испытательный полигон – для США».

16-17 сентября 1992 года. На Новой Земле работает комиссия, возглавляемая министром обороны РФ П.С. Грачевым и министром РФ по атомной энергии В.Н. Михайловым. Заслушаны мнения представителей науки, командования полигона...

«За это время мы потеряли многие квалифицированные кадры, поставили под удар научные программы, – считал начальник научно-испытательной части полигона капитан 1 ранга В.И. Лепский, – а наверстывать упущенное очень не просто». Подполковник В. Китаевский: «За все время существования полигона тут не было ни одного случая заболевания лучевой болезнью. А проживает здесь почти 9 тыс. человек, и каждый год справляются свадьбы, рождаются дети. В 1991 году на Новой Земле родилось 29 малышей, среднюю школу окончили 60 выпускников, большая часть их поступила в институты, военные училища, техникумы...» П. Грачев: «К сожалению, к мораторию, кроме французов, так никто и не присоединился. Будучи в США, я задал вопрос министру обороны г-ну Чейни. Мы с французами установили мораторий, а вы взрываете. Для каких целей? Совершенствуется ядерное оружие?» «Нет, – ответил он – Взрывы продолжаются для того, чтобы персонал не терял навыки, чтобы проверить надежность хранения ядерных боезапасов» (О. Фаличев. «Новоземельский полигон: два года тишины. А в Неваде?» – «Красная звезда», 22.09.92). В. Михайлов: «Почему же американцы с таким упорством цепляются за ядерные испытания? Причин тут несколько. Во-первых, американцы выполняют многолетнюю программу ядерных испытаний, которая решает не только военные, но и экономические задачи в интересах всего общества. Во-вторых, они менее подвержены влиянию общественного мнения, когда речь идет о национальных интересах» («Инспекция на Новую Землю», «Известия», 24.09.92).

Оба министра многие проблемы решали на месте: в частности, кадровые, вопросы обеспечения автотракторной и авиационной техникой.

Сентябрь 1992 года. В Бюллетене ЦОИ по атомной энергии № 9 опубликована статья «Подземные ядерные испытания: условия проведения по Критерию Московского договора 1963 года» (авт. А.М. Матущенко, Г.А. Красилов, А.Л. Мальцев, В.Н. Баженов, В.П. Думик), в которой была дана следующая значимая информация по Новоземельскому полигону:

«В период с 1964 по 1990 год на Новоземельском полигоне было произведено 42 подземных ядерных взрыва. По радиационным ситуациям они распределяются следующим образом:

- 15 (36%) – взрывы полного внутреннего действия, т. е. без истечения радиоактивных инертных газов (РИГ) в атмосферу;
- 26 (60%) – взрывы не полного камуфлета с просачиванием РИГ в атмосферу без остаточного загрязнения;
- 2 (4%) – взрывы с напорным попаданием газообразных и парообразных продуктов в атмосферу, что характеризует их для непосредственных участников испытания как нештатные радиационные ситуации (14.10.1969 и 02.08.1987).

Вместе с тем, ни при одном из этих испытаний не произошло выпадений радиоактивных осадков (radioactive fallout) за пределами территории полигона».

Публикация эта состоялась в преддверии международной конференции «Экологические проблемы Арктики и перспективы ядерного разоружения», запланированной по инициативе экологического движения «К новой Земле» на октябрь 1992 года в г. Архангельске (да, именно так – «новой», в философском понимании ситуации председателем движения А.Ф. Емельяненковым и его сподвижниками), и являлась одним из фрагментов информации, представленной в упомянутом сборнике 1, уже подписанном к печати (24.07.1992).

18-26 сентября 1992 года. На Новой Земле работает Государственная экологическая экспертиза под руководством доктора технических наук, профессора Ю.В. Сивинцева (см. 28.02.1992).

Р.С. Результаты ее работы 7 октября были рассмотрены на пленарном заседании экспертной комиссии Главного управления государственной экологической экспертизы Минэкологии России. В 21.00 в программе «Вести» впервые прозвучало сообщение о том, что в районе Новой Земли уровень радиации в пределах фоновых значений (8-12 микрорентген в час) и что данные обследования соответствуют и подтверждают ранее опубликованную информацию. Полностью Сводное заключение по экологической экспертизе архипелага Новая Земля от 13.10.1992 были опубликованы в еженедельнике «Евразия» (17.01.1993).

Это был важный очередной шаг на пути к открытию информации о полигоне для широкой общественности, весьма обеспокоенной нашим радиационным наследием. Но были сделаны и другие...

14-18 октября 1992 года. В г. Архангельске начала работу международная конференция «Экологические проблемы Арктики и перспективы ядерного разоружения». Представители экологического движения «К новой Земле», ратующие за закрытие теперь уже Новоземельского полигона и недовольные Указом Президента России от 27.02.1992 № 194, очевидно, планируют взять реванш и отыграться за игнорирование государством их позиции «антиядерных голубей». Однако и «ядерные ястребы» не дремлют. Генерал-лейтенант в отставке Кудрявцев Г.Г., начальник Новоземельского полигона с апреля 1959 по июнь 1963 года, обеспечивший проведение 56 ядерных испытаний в атмосфере в их заключительных перед запрещением сериях, в том числе и испытание 50-ти мегатонной «царь-бомбы» (31.10.1961), так отразил свою позицию: «Я никогда не считал себя «ядерным ястребом» и сторонником ядерного оружия и интенсивных испытаний его, каким, например, являлся американский генерал Гровс. Но я честно, как и все военные испытатели, относился к выполнению своих обязанностей, своего долга присяге на верность Родине... Я за объявленный мораторий, но против одностороннего разоружения». Он же указал на факты нашей открытости – не только участие в работе конференции, но и на прием в эти же дни на Новоземельском полигоне представителей различных стран (см. ниже). Для многих «зеленых» в зале это сообщение было сюрпризом... как и последующие откровенные доклады, представленные де-сантом под руководством Л.Д. Рябева из специалистов Минобороны России, в том числе и непосредственно с полигона, Минатома, Минздрава, Минприроды, Госкомгидромета:

«Новоземельский полигон: вклад в ядерные испытания» (А. Матущенко, Г. Золотухин, В. Думик и др.);

«Я верю – Россия обязательно возродится...» (Е. Негин, С. Воронин, С. Брезкун);

«Вклад испытаний на Северном полигоне в радиоактивное загрязнение окружающей среды» (А. Мирошниченко, П. Попов, В. Сафронов, О. Фролов – все с ЦП РФ);

«Подземный ядерный взрыв: фиксация радиоактивных продуктов в расплавах горных пород» (Ю. Дубасов, А. Кривохатский и др.);

«Некоторые вопросы радиационного контроля в районах, прилегающих к Северному полигону» (Г. Кауров, Г. Красилов и др.);

«О некоторых аспектах создания ядерно-взрывных технологий для уничтожения токсичных и опасных материалов и отходов» (И. Андрияшин, Ю. Трутнев, А. Чернышев);

«Опыт оценки внешнего гамма-, бета-облучения участников ядерного испытания в штольне А-9 14.10.69 в отсутствие данных индивидуального дозиметрического контроля» (Н. Надежина, А. Гуськова);

«О ретроспективной оценке доз облучения участников испытаний ядерного оружия на Северном полигоне» (В. Логачев);

«Фауна Новой Земли сегодня» (С. Успенский, Г. Хахин);

«Наша служба и сурова и трудна: о союзе новоземельцев» (В. Цабулин) и ряд других.

Состоялось также представление упомянутого сборника «Северный испытательный полигон: ядерные взрывы, радиология, радиационная безопасность. Справочная информация. Выпуск 1» и показ без грифа «секретно» документального кинофильма «Испытание ядерной бомбы мощностью 50 Мт (31.10.61 г.)».

14-15 октября 1992 года. На полигоне находятся представители СМИ, аккредитованные в Москве, из США, Великобритании, Франции и различных неядерных стран, что было, в принципе, беспрецедентно, но их первое посещение ядерного полигона, тем не менее, было организовано синхронно с проведения данной конференции. Их имена для истории: Кэррол Богерт (вице-президент ассоциации, журнал «Ньюсуик», США), Дэвид Льювггрен (международное агентство «Рейтер»), Джон Кэмптфнер («Дейли телеграф», Великобритания), Малькольм Дикселиус и Берко Йонсен (ТВ-1, Швеция), Стэфен Грам (ТВ, Дания), Исикава Итие (ТВ ИНК, Япония), Мишель Шевалье и Иван Скопан (ТВ-1, Франция), Брюс Конновер (продюсер Си-Эн-Эн, США), Ян Крузе (Телерадио, Норвегия), Шеппард Шербел (журнал «Шпигель», ФРГ), Фредерик Хайятт («Вашингтон Пост», США), Одорис Гонсалес Сильвия Елена (Информационное агентство ЭФЭ, Италия). Вместе с иностранными корреспондентами на полигон были делегированы представители российских СМИ: подполковник В.А. Бекетов и капитан 3 ранга Бикетов – из пресс-службы Минобороны, В.Д. Гондусов – военный обозреватель ИТАР-ТАСС, Л.Г. Зотенко – кинооператор «Союз-телефильма», Н.Е. Малышев – фотокорреспондент ИТАР-ТАСС, С.Л. Наберухин – корреспондент телепрограммы «Военное ревю», В.А. Тарасенко – кинорежиссер «Союз-телефильма», Н.А. Терешко – корреспондент еженедельника «Зеленый мир». В своих репортажах о посещении Центрального полигона ядерной державы под названием «Российская Федерация» они не дали негативных и отрицательных оценок. Лишь Джон Кэмптфнер позволил себе поворчать в «Независимой газете» на, как ему показалось, «rokaзukha» (03.11.1992, «На Новой Земле продолжает жить Советский Союз»).

Руководил организацией и исполнением этой весьма непростой акции на-

чальник Управления по связям с общественностью Минатома России Г.А. Кауров, бывший новоземелец – начальник отдела радиационных исследований (10.05.1935 – 06.05.2007).

Р.С. В 1992 году ядерные державы произвели 8 ядерных испытаний: США – 6 и Китай – 2, полигоны России, Великобритании и Франции – молчали.

5 июля 1993 года. Вышел Указ Президента РФ № 1008 «О моратории на ядерные испытания»:

«Исходя из стремления Российской Федерации к полному прекращению ядерных испытаний всеми государствами и желая способствовать поддержанию благоприятных условий для начала в ближайшее время переговоров на многосторонней основе с целью разработки договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, постановляю:

1. Продлить срок действия моратория на ядерные испытания Российской Федерации, объявленного распоряжением Президента Российской Федерации от 26 октября 1991 № 67-рп и продленного распоряжением Президента Российской Федерации от 19 ноября 1992 № 1267, до тех пор, пока такой мораторий, объявленный другими государствами, обладающими ядерным оружием, будет де-юре или де-факто соблюдаться ими.

2. Поручить Министерству иностранных дел Российской Федерации провести консультации с представителями других государств, обладающих ядерным оружием, в целях начала многосторонних переговоров по выработке договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний...»

11-14 октября 1993 года. В Антверпене (Бельгия) прошел симпозиум по радиэкологии под эгидой Комиссии Европейского Сотрудничества (КЕС), который предшествовал началу проекта SKOPE/RADTEST (RAD – радиация, TEST – исследование, полигон). Российские ученые академик Ю.А. Израэль, профессор А.М. Матущенко и кандидат технических наук Ю.С. Цатуров согласовывают уровень участия российских экспертов в данном проекте, имея в виду взаимный обмен между ядерными державами адекватной информацией об испытаниях, произведенных на полигонах пяти ядерных государств.

Книги, книги, книги мы писали...

1 ноября 1993 года. Подписана в печать рукопись книги министра РФ по атомной энергии Михайлова В.Н. «Я – «ястреб». Ядерному полигону на Новой Земле в ней посвящены гордые и добрые слова. Отражены и его суровые будни, и опасности ядерных испытаний, даже если они проводятся под землей. Впервые опубликована фотография радиоактивного облака – прорыв продуктов взрыва в парообразном состоянии в атмосферу во время одного из подземных ядерных испытаний с нештатной радиационной ситуацией (02.08.1987). Эта книга вышла тиражом 5 тыс. экземпляров, но быстро стала библиографической редкостью. Интерес к ней проявили и зарубежные издатели: в 1995 году она была издана в Китае, в 1996 – в Англии, а также вторым, дополнительным изданием в России. В ней есть такие яркие слова: «Велика история России, и не каждому дано приумножать ее, но я убежден, что каждое поколение должно стремиться к этому во имя нашего будущего. Сегодня Россия переживает, может быть, самый сложный период в истории нашего поколения. Так давайте помнить, что все мы и каждый из нас несем груз ответственности. И поможем тем, кому этот груз не под силу. Мир прекрасен, и каждому дано познать счастье просто жить у мирного очага на родной земле».

Декабрь 1993 года. Проводится командой энтузиастов работа по созданию се-

рии фундаментальных книг «Ядерные испытания СССР», задуманной в шести томах:

-том 1 – «Цели. Общие характеристики. Организация ядерных испытаний СССР. Первые ядерные испытания» (опубликован в 1997 году). Этот же том вышел также в виде книги в красной обложке («ИздАТ». 1997), что было весьма символично в отношении прекратившихся ядерных испытаний, т. е. они были занесены в Красную книгу;

-том 2 – «Технология ядерных испытаний СССР. Воздействие на окружающую среду. Меры по обеспечению безопасности. Ядерные полигоны и площадки» (опубликован в 1998 году);

-том 3 – «Ядерное оружие. Военно-политические аспекты» (опубликован в 2000 году);

-том 4 – «Технологии ядерных взрывов в мирных целях» (опубликован в 2000 году);

-том 5 – «Ядерные испытания и экология»;

-том 6 – «Люди атомной эры» еще подготавливается к печати, задержка обусловлена объективными причинами, о чем ниже...

Руководит этой работой академик РАН В.Н. Михайлов. Большой объем работ по созданию серии лежит на редакционной группе во главе с доктором физико-математических наук А.К. Чернышевым (РФЯЦ-ВНИИЭФ) и членах МВЭК-НЭ.

16 апреля 1994 года. Наконец-то подписана в печать пионерная рукопись книги «Мирное использование ядерных взрывов. Справочная информация. Выпуск 4» (вышла в свет в июле под научной редакцией профессоров О.Л. Кедровского и А.С. Кривохатского). P.S. Выпуск 3. Справочная информация об испытаниях на Семипалатинском полигоне ждет своей очереди или участи... Этот полигон со всем его ядерным наследием остался в неядерной стране, что в условиях его доступности для «несанкционированных» посещений, отнюдь не стимулирует процесс преждевременного раскрытия излишней информации по запросам во благо «гласности» или же «экологической целесообразности». Короче говоря, здесь «поспешать надо медленно», что понимают и наши казахстанские друзья, также озабоченные проблемами нераспространения и терроризма. Но и этот сборник, «затерявшийся» в архивах рукописей А.М. Матущенко и Ю.В. Дубасова, конечно же, прорастет на хорошо вспаханном информационном поле, когда для этого будут созданы необходимые условия.

В 1993 году ядерное испытание произвел только Китай – 1 (5 октября, мощностью от 20 до 150 килотонн).

В 1994 году – также только Китай – 3 (10 и 16 июня, 7 октября).

P.S. До подписания ДВЗЯИ остается еще два года, но Китай настаивает на своем «моральном праве» продолжать ядерные испытания в силу значительно отставания в данной области от США и России.

В 1995 году ядерные испытания продолжал Китай – 2 (15 и 17 мая). Возобновила испытания Франция – 5 (5 сентября, 1 и 27 октября, 21 ноября и 27 декабря).

Таким образом, число таких испытаний составило 36 с начала действия моратория на российском Новоземельском полигоне, которого Россия строго придерживалась.

Однако в декабре 1995 года, в преддверии подписания ДВЗЯИ, на Центральном полигоне Российской Федерации были впервые произведены в редакции РФЯЦ-ВНИИТФ два неядерно-взрывных газодинамических эксперимента

(НВЭ) с целью отработки методов оценки безопасности ядерных боеприпасов.

9 апреля 1996 года. Президент РФ Б.Н. Ельцин преподнес Президенту США Биллу Клинтону книгу, на обложке которой был нарисован белый медведь на фоне заснеженных гор: «В мире всего два экземпляра этой книги, – сказал наш президент. – Один у меня, а второй – у вас. Я хотел бы, чтобы пока та информация, которая содержится в книге, оставалась конфиденциальной. Об этом знаем только мы вдвоем». Разговор этот случился накануне приезда в Москву глав «семерки».

Книга называлась «Испытания ядерного оружия и ядерные взрывы в мирных целях СССР. 1949-1990» (РФЯЦ-ВНИИЭФ, Саров, 1996. – 66 с. - ISBN 5-85165-062-1 /под руководством профессора В.Н. Михайлова/ Авторы И.А. Андрушин, В.В. Богдан, С.А. Ващинкин, С.А. Зеленцов, Г.Е. Золотухин, В.М. Каримов, В.В. Кириченко, А.М. Магущенко, Ю.А. Силкин, В.Г. Струков, К.В. Харитонов, А.К. Чернышев, Г.А. Цырков, П.М. Шумаев).

Из сообщения об этом Владимира Губарева («Портрет ядерного дьявола. Минамом России раскрывает еще одну тайну», газета «Век». №391, 04.10.1996, с. 10): «Американский президент сдержал свое слово: ни в средства массовой информации, ни в среде физиков (за небольшим исключением) книга, переданная ему Ельциным, не попала. Ну а тот интерес, что был проявлен всевозможными секретными службами США, понятен и объясним – ведь многие годы в этих ведомствах ломали головы над тайной тех или иных испытаний. Что греха таить, разведчики в США не поверили поначалу, что мы сообщили правду! Но тщательное изучение «подарка Ельцина» (таков был шифр книги) подтвердило искренность правительства России...»

Предисловие к книге написал министр РФ по атомной энергии В.Н. Михайлов: «Настоящая книга содержит официальные фактические данные по общим характеристикам всех ядерных взрывов в мирных целях, проведенных СССР. Представленная работа является итогом длительной работы специалистов Минатома России и Минобороны России по анализу первичных данных, содержащихся в многочисленных закрытых документах.

По своему типу данная книга аналогична открытой публикации Министерства энергетики США «United States Nuclear Tests. July 1945 through September 1992». DOE/NV –209 (Rev/ 14), Desember 1994. Наличие этих двух симметричных материалов позволяет провести достаточно конкретное и содержательное сравнение программ ядерных испытаний, реализованных СССР и США...

В период проведения подземных испытаний ядерного оружия в СССР была отработана технология групповых ядерных взрывов, которая использовалась как в военных, так и в мирных целях. Эта технология является существенно более сложной по сравнению с подрывом одиночных зарядов, однако ее использование позволило существенно сократить экономические затраты, интенсифицировать проведение ядерных испытаний.

Полное количество ядерных испытаний и ядерных взрывов в мирных целях, проведенных СССР, составляет 715, а полное количество взорванных ядерных зарядов и ядерных взрывных устройств – 969.

Из сравнения программ ядерных испытаний СССР и США, в частности, следует:

- СССР провел существенно меньшее количество ядерных испытаний по сравнению с США (715 – СССР, 1032 – США, 24 – США совместно с Великобританией)

- Количество взорванных ядерных зарядов и ядерных взрывных устройств составляет: СССР – 969, США – 1127, США совместно с Великобританией – 24;
- Количество проведенных СССР ядерных взрывов в мирных целях (124 взрыва) существенно превышает количество ядерных взрывов в мирных целях США (27 взрывов).

Следует подчеркнуть, что в реализации программ ядерных испытаний СССР практически всегда приходилось догонять США. Благодаря эффективности научно-технических решений и героической работе специалистов, СССР удалось в существенной степени ликвидировать отставание в реализации программ разработки и испытаний ядерного оружия, несмотря на меньшие экономические возможности и более суровые ограничения, определяемые спецификой полигонов. В то же время объявление мораториев и введение новых договорных ограничений на ядерные испытания, как правило, серьезно сказывалось на испытательных возможностях СССР и приходилось снова предпринимать экстраординарные усилия в условиях, определяемых этими ограничениями.

Испытания ядерного оружия явились одной из главных основ создания ядерного щита СССР и их значение в этом трудно переоценить, так как они часто компенсировали наши ограниченные возможности в других элементах технологии создания ядерного оружия. Значение проведенных ядерных испытаний для обороноспособности России сохранится на долгие годы, а их результаты являются одним из элементов военно-технического фундамента нашей национальной безопасности».

В. Губарев: «Нельзя не согласиться с этим выводом авторов книги. В двух ведомствах – Минатоме России и Министерстве обороны работали и работают те люди, которые в невероятно трудных условиях создавали ядерную мощь страны. Им суждено было принять вызов Америки, и они с честью выдержали все испытания, выпавшие на их долю. И, поверьте, праздников у них было гораздо меньше, чем суровых будней!..»

В октябре 1996 года российскими учеными был представлен в Минобороны США установленным порядком аналитический доклад об истории испытаний советского ядерного оружия. Информация об этом появилась в «Вашингтон пост» с разъяснениями А.К. Чернышева, что сутью данной работы является именно история испытаний, а не современный ядерный арсенал России, и что до передачи в Пентагон весь текст был тщательно просмотрен в Минатоме и Минобороны России. Министр В.Н. Михайлов, который является также научным руководителем ВНИИЭФ, одобрил передачу доклада.

Но какова же на это была реакция наших «оппонентов»?

30 октября 1996 года («Известия». № 205): «Академик Александр Балдин из Объединенного института ядерных исследований в Дубне считает, что секреты в России не держатся... С ума в Арзамасе сошли. Все утекает и не только у них». Интересной была и реакция авторитетного российского ядерщика вице-президента РАН Евгения Велихова: «Чернышев? Знаю, это тот, кто всерьез предлагал в случае продвижения НАТО на Восток создать малое ядерное оружие. Речь о нейтронной бомбе. И оружейный плутоний он предлагал вопреки международным соглашениям не уничтожать. Дикие идеи. Не удивлюсь, если он что-нибудь странное и с обзором для Пентагона выдумал».

Что же, отреагировать на это можно на американский манер: «Ноу ком-

ментс». Хотя вся последующая информация, пожалуй, и есть конкретный комментарий на эти высказывания. В частности, те же «Известия» для баланса мнений писали: «Первый заместитель директора РНЦ «Курчатовский институт» академик Н. Пономарев-Степной был уверен, что министр Михайлов в силу своего характера и отношения к делу не мог допустить утечки секретной информации на Запад. В принципе, считает ученый, совместная работа с американцами над историей создания атомного оружия может быть полезна обеим сторонам».

В 1996 году ядерные испытания продолжали Франция – 1 (27 января) и Китай – 1 (29 июля).

Россия произвела 2 НВЭ (15 января и 7 июля). И уверенно, после проведения четырех НВЭ, вышла на старт для подписания ДВЗЯИ.

24 сентября 1996 года Нью-Йорк. Все пять ядерных держав подписали ДВЗЯИ. В дальнейшем к ним присоединились более 140 государств.

Но мало кому известно, что одним из основополагающих условий для подписания такого акта Россией явились положительные результаты четырех НВЭ, произведенных на ЦП РФ в 1995-1996 годах. По сообщениям из США известно, что там аналогичные опыты называются «подкритическими» или «субкритическими». Но суть их одна и та же – отсутствие ядерного энерговыделения. Об этом сделал сообщение 24.09.1996 в Московском фонде Карнеги первый заместитель министра РФ по атомной энергии Л.Д. Рябев.

В 1997 году ядерные испытания не производились.

Но в СМИ появляется информация о подготовке к ним Индии и Пакистана. Вот уж воистину – «свято место пусто не бывает». И еще: что политиками задумано, то обязательно сбудется, а демократия, как оказывается, здесь ни при чем.

В 1998 году информация подтвердилась: подземные ядерные испытания произвели Индия – 2 (полигон Покаран, 11 и 13 мая) и Пакистан – 2 (полигон Чагаи, 28 и 30 мая)! «Ядерный клуб» расширился до 8 участников? Кто следующий? Северная Корея?

1999-2005 годы – без ядерных испытаний. Но с «безъядерными» экспериментами на ЦП РФ и Невадском полигоне в рамках ДВЗЯИ.

9 октября 2006 года: Северная Корея произвела подземное испытание, которое охарактеризовала как ядерное (?).

Вот оно – попадание в «девятку»: и вопреки антиполигонной формуле О.О. Сулейменова «5-1» количество ядерных полигонов стало «4 + 2 + 1»: США, Россия, Франция и Китай, Индия и Пакистан, Северная Корея.

На вспаханном информационном поле в его радиоэкологическом квадрате, опираясь на вышеуказанные фундаментальные труды (том 1-4, РФЯЦ-ВНИИЭФ), были возвращены следующие оригинальные научно-публицистические монографии, предвещающие издание упомянутого 5-го фундаментального тома «Ядерные испытания и экология»:

1. Семипалатинский полигон. Обеспечение общей и радиационной безопасности ядерных испытаний (авт. коллектив под руководством профессора Логачева В.А. – М.: ФУ «Медбиоэкстрем». 1997, 319 с, тир. 3000 экз.) с предисловием министра здравоохранения РФ профессор Дмитриевой Т.Б., которая отметила:

«В заключение хотелось бы высказать пожелание, чтобы у министров здра-

воохранения не только России, но и других стран никогда не возникало необходимости участвовать в ядерных испытаниях и руководить мерами по снижению воздействия радиоактивного загрязнения».

2. Ядерные испытания в СССР. Гидроядерные эксперименты. Инвентаризация затрат плутония (авт. коллектив под руководством академика РАН Михайлова В.Н. – Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1998).

Представлены дополнительные данные по высотам взрывов ядерных зарядов для подавляющей части произведенных в 1949-1962 годах ядерных испытаний. Приводится каталог 89 гидроядерных экспериментов (ГЯЭ) СССР, из них 4 на Новоземельском полигоне, в том числе: 2 – воздушных на СИП со сбросом взрывного устройства с самолета, 15 – подземных на СИП в штольнях горного массива Дегелен и 72 – наземных. При этом в одном ГЯЭ диспергировался уран, а в других – плутоний. Впервые опубликованы данные по инвентаризации оружейного плутония для проведения испытаний ядерного оружия и ГЯЭ в 1949-1963 годах. При испытаниях ядерных зарядов (1949-1962) было израсходовано 520 килограммов плутония и при ГЯЭ (1958-1963) – 11 килограммов, из них на СИП – 290 килограммов (в наземных – 97), на СИПНЗ – 206 килограммов (в наземном 4, 07.09.1957), вне полигонов – 35 килограммов (в наземном 1). Всего – 531 килограммов.

3. Новоземельский полигон. Обеспечение общей и радиационной безопасности ядерных испытаний. Факты, свидетельства, воспоминания (авт. коллектив под руководством профессора Логачева В.А. – М.: ИздАТ, 2000. – 487 с, ил., тир. 1500 экз.). В предисловии директор Института стратегической стабильности, научный руководитель РФЯЦ-ВНИИЭФ академик РАН В.Н. Михайлов высказал добрые пожелания авторам книги и дал ей высокую оценку. «Хотелось бы пожелать, чтобы настоящая книга, частица жизни профессионалов ее написавших, нашла признательность читателей, поскольку она об испытателях ядерного оружия, о тех, кто первым шел на познание энергии колоссальной силы и кто не имел никаких привилегий, кроме одной – быть впереди неизвестного доселе и высокопрофессионально, самоотверженно исполнять свой долг. И чтобы воплотился в жизнь замысел авторов о подготовке третьей книги, посвященной проблеме обеспечения общей и радиационной безопасности проведения мирных ядерных взрывов... Успехов Вам!»

4. Мирные ядерные взрывы. Обеспечение общей и радиационной безопасности при их проведении. Факты, свидетельства, воспоминания. (авт. коллектив под руководством профессора Логачева В.А. – М.: ИздАТ, 2001. – 519 с., ил., тир. 1500 экз.).

В предисловии заместитель министра здравоохранения РФ профессор Г.М. Петров отмечал: «При проведении промышленных подземных ядерных взрывов вполне обоснованно считалось, что уровень безопасности, необходимый для защиты человека, является достаточным для защиты других живых существ и растений, а также окружающей среды от радиоактивного загрязнения... В монографии показано, и это следует признать, что в последние годы на здоровье населения России оказывает влияние целый комплекс негативных факторов, среди которых ухудшение социально-экономических условий и состояние окружающей среды, увеличение стрессовых ситуаций и многие другие. Поэтому важно понимать, что каждый человек должен внимательно относиться к своему здоровью и стараться побеждать болезнь в самом ее начале, для чего необходимо своевременно обращаться к врачу, который может оказать квалифицированную помощь или дать необходимые рекомендации». А замести-

тель министра РФ по атомной энергии профессор В.А. Лебедев акцентировал внимание на следующем: «Потребностей в МЯВ можно назвать много, но и проблем также не счесть. Поэтому мировое сообщество столь осторожно и весьма корректно зафиксировало в ДВЗЯИ ряд положений. Например, в соответствии со статьей VIII предусматривается проведение каждые 10 лет конференций по рассмотрению действия ДВЗЯИ, на которых по просьбе любого участника может быть принята рекомендация о внесении поправки к Договору, которая разрешила бы проведение МЯВ, но при исключении получения военных выгод от такого взрыва. Согласно статье VII поправка к Договору принимается консенсусом... Так что дело здесь состоит в подготовке надлежащих предложений для Конференции государств-участников ДВЗЯИ... В заключение хотелось бы пожелать, чтобы эта книга о МЯВ нашла признательность у читателей, причем не только у тех, кто разделяет мнение о полезности и перспективности использования мирных ядерных взрывов, но и у тех, кому это мнение чуждо по разным причинам. Поэтому, возвращаясь к словам патриарха ядерных дел Ю.Б. Харитона, хочется согласиться с оптимизмом и его, и компетентных авторов книги, основанном на вере в то, что могучая и управляемая умными людьми энергия ядерных взрывов будет востребована и полезна всем как элемент высоких технологий... Пусть будет атом рабочим, а не солдатом... Отрадно отметить, что «Озеро Чаган», созданное в Казахстане ядерным взрывом, вошло в историю как музейный объект техносферной деятельности в области ЯВТ, включенный в реестр памятников атомной науки и техники» (см. «Памятники науки и техники отечественной атомной отрасли. – М.: Мемориальный гуманитарный фонд, «Знание». 1999).

5. Современное радиологическое состояние полигонов (Семипалатинского, Новоземельского, Тоцкого, Капустин Яр). Факты, свидетельства, воспоминания (авт. коллектив под руководством профессора Логачева В.А. – М.: ИздАТ, 2002. – 639 с., ил., тир. 1500 экз.) с предисловием заместителя министра здравоохранения РФ, профессора, заслуженного врача России В.Б. Корбута. Он отметил: «Практически на все вопросы, связанные с оценкой последствий ядерных испытаний и степени их влияния на здоровье населения страны, отвечает данная монография, которая является четвертой в серии книг, посвященных проблемам обеспечения радиационной безопасности при использовании ядерно-взрывных технологий».

6. Семипалатинский полигон. Создание, деятельность, конверсия (авт. коллектив под руководством профессора В.С. Школьника, ред. группа М.А. Ахметов, С.А. Березин, Р.Т. Ибраев, В.А. Логачев, Л.А. Логачева, А.М. Матущенко, Л.Д. Птицкая, С.Р. Рыскулова, Ш.Т. Тухватулин, О.Г. Тюпкина, Ю.С. Черепнин. – Алматы, ISBN 9965-00-614-8, 2003, -344 с., ил.). Книга издана и на английском языке: *The Semipalatinsk Test Site: Creation, Operation, and Conversion (SAND 2002-3612P, 2003 – 396 с.)*.

Во введении В.С. Школьник отмечает: «Дать объективную оценку результатов деятельности Семипалатинского полигона невозможно без освещения исторических этапов его создания, проведения ядерных испытаний и конверсии. В рамках данной монографии приведены наиболее важные факты, повлиявшие как на деятельность полигона, так и на последствия этой деятельности... Часто некомпетентность авторов в таких вопросах, как ядерная опасность и ядерная безопасность, а также их тенденциозные позиции вызывают удивление, причем

не только у профессионалов... Один из участников ядерной эпопеи в своих воспоминаниях писал, что научный руководитель советской атомной программы Игорь Васильевич Курчатов, именем которого был назван административный и научный центр Семипалатинского полигона, в последние пять лет своей жизни часто повторял: «Нужно начинать писать. Настало время рассказать о наших делах... Нужно обязательно написать обо всем, что было и как было, ничего не прибавляя и не выдумывая. Если теперь этого не сделаем, то потом все переверт, запутают и растащат – себя не узнаем».

7. Радиоактивное загрязнение окружающей среды и здоровье населения (под ред. академика РАЕН И.Я. Василенко и академика РАМН Л.А. Булдакова, р.1. Радиационные последствия ядерных испытаний на полигонах бывшего СССР – авт. В.А. Логачев, Л.А. Логачева, А.М. Матущенко, Ю.С. Степанов, Ю.В. Дубасов, Л.Ф. Беловодский, Б.О.Шагин, Г.Ф. Ходалев, В.К. Гаевой. – М.: «Медицина», 2004. – с.15-33, тир. 1500 экз.).

Во Введении книги указывается: «Многоплановые исследования проведены в рамках Проекта МНТЦ № 519 «Радиоактивное загрязнение окружающей среды и здоровье населения». К выполнению Проекта привлечены ведущие ученые и инженеры, принимавшие участие в подготовке и проведении полигонных испытаний ядерного оружия на Семипалатинском и Новоземельском ядерных полигонах, изучении радиоактивного загрязнения в регионах выпадения радионуклидов, изучении поражающего действия продуктов ядерного деления и биологически значимых радионуклидов в полигонных и лабораторных условиях, радиационно-гигиенических и эпидемиологических исследованиях в районах радиоактивного загрязнения. Исполнители Проекта принимали непосредственное участие в ликвидации последствий облучения при аварии на ЧАЭС. Такой состав исполнителей имеет принципиальное значение в исследованиях по такой сложной и многогранной проблеме».

8. Современная радиоэкологическая обстановка на местах проведения мирных ядерных взрывов на территории Российской Федерации. Факты и свидетельства (авт. коллектив В.А. Логачев, Л.А. Логачева, А.М. Матущенко, В.В. Уйба, О.И. Шамов. – М.: ИздАТ, 2005. – 256 с., тир. 500 экз.).

Издание монографии было приурочено к 40-летию осуществления первого мирного ядерного взрыва в бывшем Советском Союзе, произведенного на восточной границе Семипалатинского полигона в Казахской ССР 15.01.1965 с целью создания опытно-промышленного водохранилища в засушливой степи... Предисловия к книге написали Г.Г. Онищенко, Главный государственный санитарный врач РФ, руководитель Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, академик РАМН, лауреат Государственной премии СССР, и А.П. Васильев, директор Международного центра по экологической безопасности Минатома России. Они отметили: «Предлагаемая вниманию читателей монография является итогом многолетнего труда коллектива квалифицированных сотрудников ведущих научно-исследовательских организаций: ГНЦ-Институт биофизики, ВНИИПромтехнологии Росатома и других специализированных учреждений... Авторы проделали трудоемкую работу по сбору, анализу и обобщению обширного материала, представленного региональными Центрами госсанэпиднадзора, а также данных, которые содержатся в различного рода литературных источниках...» Отмечается, что на территориях подавляющего большинства объектов, созданных с использованием ядерно-взрывных технологий, радиацион-

ная обстановка определяется естественным радиационным фоном. На территории тех объектов, где параметры радиационной обстановки превышают фоновые значения, проводятся необходимые мероприятия по реабилитации этих территорий, а также по защите персонала, обслуживающего эти объекты.

«Важно отметить, что в будущем опасность для окружающей среды может представлять, казалось бы, безобидная откачка воды из глубинного горизонта или, наоборот, закачка воды при добыче нефти на месте проведения МЯВ... Немаловажное значение в этой связи имеет решение вопроса о статусе объектов проведения МЯВ с разработкой правоустанавливающих документов, а также определение собственников скважин и объектов. Все эти вопросы являются прерогативой правительства Российской Федерации...»

И продолжаем писать...

Сейчас же информационная работа в этом направлении продолжается: завершается подготовка к типографскому изданию рукописи еще одной монографии «Мирные ядерные взрывы. История и современное состояние» (авт. коллектив под рук. директора Международного Центра по экологической безопасности Минатома России кандидата физико-математических наук А.П. Васильева), в которой будет содержаться обширнейшая информация о всех 124 МЯВ СССР, произведенных за период с 15.01.1965 по 06.09.1988. В этом отношении...

30 января 2007 года на заседании рабочей группы экспертов межведомственной комиссии (МВЭК-НЭ) было отмечено: «Подготовленная рукопись является высоко квалифицированно отработанным проектом монографии, суммирующей современные представления о результативности программы МЯВ СССР и их радиологических последствиях, как на дневной поверхности, так и по глубине в зоне взрыва, что представляется впервые... Рекомендуется совершенствовать интегральную базу данных МЯВ (ИБД МЯВ МЦЭБ-ICES) с представлением в ней геологической временной модели среды с характеристиками пород в зоне взрыва и горного отвода с целью его предоставления в полном объеме компьютерной программы заинтересованным структурам Российской Федерации...»

В свою очередь, коллектив авторов под руководством профессора В.А. Логачева активно трудится над монографией на тему радиационного воздействия на население вследствие ядерных испытаний, произведенных на полигонах всех ядерных держав.

Нами не случайно уделено столько внимания информационному обмену в области ядерного оружия, его испытаний и их последствий. Несомненно, что общество должно знать об этом из уст специалистов, а не дилетантов, конъюнктурщиков или популистов.

В заключение...

Хотелось бы привести ответы на ряд вопросов, особо актуальных в наше время, весьма сложное в геополитическом отношении. Вот эти вопросы (Наталья Вершинина) и ответы на них Волошина Н.П., бывшего начальника Пятого главного управления Минсредмаша (точнее – Департамента разработки и испытаний ядерных боеприпасов Минатома России; ныне это, с марта 2004 года одноименное Управление Федерального агентства по атомной энергии), представленные в публикации «Пятое главное...» («Экономические стратегии», 2003, № 01).

Кор.: «Сравните, пожалуйста, наших ученых с иностранными.

Н.В.: До конца 1980-х годов со специалистами из США мы общались через Комитет по использованию атомной энергии. Оружейники были «за занавесом» – наших специалистов приглашали только на консультации, но никто непосредственно не контактировал с иностранцами.

Впервые я познакомился с американскими учеными в 1988 году, когда они приехали на Семипалатинский полигон. Позднее, когда мне довелось работать на полигоне в Неваде, я отметил одну характерную деталь: очень узкую специализацию всех работников. Каждый глубоко знает свой предмет, а все, что за его пределами, ему знать не обязательно, даже не нужно. У нас такого нет. Наших специалистов отличает широта знаний, другой подход к делу. Я прошел путь от рядового инженера до доктора наук и освоил весь диапазон процессов и связей. Второе отличие – это не исчезающее чувство ответственности. Даже выйдя на пенсию, атомщик живет своей работой, к нему всегда можно обратиться за советом. Наш человек до конца своей жизни будет заботиться о своем детище, как родной отец...

Кор.: **Трудно было решиться на этот шаг – открыться американцам и вместе начать делать то, что всегда было под завесой тайны?**

Н.В.: Трудно. Но наша активность была следствием политических решений, в высших эшелонах власти. Многие воспринимали контакты с иностранцами как явное нарушение всех устоев. Помню, как начальник одной из лабораторий моего отдела в ответ на предложение поехать в командировку за рубеж, резко ответил: «Никуда не поеду! Ты езжай, а я не буду в этом участвовать». И он не единственный, кто так думал...

Кор.: **Как бы Вы оценили сотрудничество ядерной пятерки и стратегическое партнерство с мировыми ядерными державами?**

Н.В.: В 1996 году, подписывая новый Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), мы были уверены, что делаем это во благо человечества, что ядерным державам удалось достигнуть взаимопонимания и согласовать позиции. Однако в 2000 году Англия, Франция и Россия ратифицировали договор, а США отказались: республиканцы, сменившие демократов у власти, полагают, что его ратификация противоречит национальным интересам. Теперь Китай колеблется, ожидая, как поведут себя США. В настоящее время обсуждение судьбы ДВЗЯИ продолжается, но три государства из ядерной пятерки оказались, мягко говоря, в ситуации недоуменного изумления.

Кор.: **А может, элементарная провокация: «На счет раз, два, три, прыгаем!» Все прыгнули, я остался?**

Н.В.: Не исключено. Нам известно, что в США по этому вопросу идет внутренняя борьба. Сейчас Национальная Академия Наук Соединенных Штатов выпустила доклад, в котором прямо говорится: несмотря ни на что, США ратификация выгодна. Ведь ядерные державы уже все умеют. Если надо сделать новый ядерный боеприпас со старым испытанным зарядом, то это можно сделать и без испытаний. А если ДВЗЯИ вступит в силу, то ни одна страна – ядерная или неядерная – новый ядерный заряд без испытаний не сделает. Поэтому этот договор выгоден всему мировому сообществу...

Кор.: **Какие задачи государственной важности стоят сегодня перед Департаментом разработок и испытаний ядерных боеприпасов?**

Н.В.: Главное – это обеспечение национальной безопасности в условиях изменяющейся геополитической ситуации. Американцы вышли из Дого-

вора по ПРО, теперь мы думаем, как парировать этот выход. США создают Национальную систему противоракетной обороны, которая будет обладать глобальными возможностями. Уже опубликована схема расположения радиолокационных станций – ими предполагается опоясать все северное полушарие. Они смогут не только защитить территорию США от единичных ракет, но и быстро нарастить возможности системы для борьбы с более опасными угрозами. Мы модернизируем старые боеприпасы, выходим на новый уровень, на новые носители и системы управления, проводим на Новой Земле неядерные взрывные эксперименты, не ограничиваемые ДВЗЯИ. Это подтверждает безопасность старых зарядов. Американцы об этом знают – и они проводят такие эксперименты. Судя по публикациям, за последние годы США осуществили около 20 подобных экспериментов, мы – около 30.

Кор.: А полномасштабные эксперименты проводятся?

Н.В.: Сейчас нет...

Кор.: Какое открытие в ядерной физике XX века Вы считаете гениальным?

Н.В.: Я оружейник, поэтому скажу так. Сначала американцы в первой половине 1940-х годов, а потом и мы научились высвободить ядерную энергию и использовать ее, в том числе и в мирных целях. Я имею в виду, прежде всего, ядерно-взрывную технологию, которая предполагает наличие заряда, дающего меньше осколков деления, меньше остаточного трития. Ее разработали именно оружейники. Думаю, эти два открытия – ядерное оружие и ядерно-взрывные технологии можно считать гениальными. Мы произвели 124 мирных взрыва в разных местах. Шесть из них – с неудовлетворительным результатом, что «подмочило» нашу репутацию... А остальные 95% мирных взрывов прошли удачно и принесли большую пользу.

Я, например, был участником тушения пожара на газовой скважине в Узбекистане. Фонтан горящего газа бил больше года, и его никак не могли затушить. Под эту скважину мы провели другую, наклонную и в нее заложили ядерный заряд, взрыв которого пережал фонтан. Очень много взрывов было проведено для сейсморазведки полезных ископаемых. Взрывами дробили руду на апатитовом месторождении в Кировской области. Американцы осуществили всего 27 мирных взрывов. Они свернули эту программу в 1973 году в связи с протестами экологов. Мы прекратили мирные взрывы в 1988 году.

Кор.: Ваше любимое выражение?

Н.В.: Согласен с Абуталибом: «Не стреляй в прошлое из пистолета, потому что будущее выстрелит в тебя из пушки»...

P.S. В 2001 и 2003 годах Н.П. Волошин опубликовал две книги «Вам, коллеги-1» и «Вам, коллеги-2» под замечательным девизом: «Деяниям ушедших, дерзаниям живых посвящается», на страницах которых он с чувством большой теплоты и доброты рассказал о многих интересных событиях и людях, связанных с историей и современностью ядерного оружейного комплекса России. Завершил он книгу таким четверостишием:

*Всем нужен мир – мы свято в это верим,
Но порох должен быть всегда сухим.
Щит ядерный Отчизной нам доверен,
И мы его лелеем и храним!*

На этом и мы закончим свое повествование о создании нашего ядерного щита, 60-летие которого предстоит широко отметить в августе 2009 года в рамках государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы», которая утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 11 июля 2005 № 422.

Настоящие строки также служат этой благородной цели!

21 апреля 1947 года. СМ СССР принял постановление о начале строительства Семипалатинского полигона для испытания ядерного оружия, в том числе и первой советской атомной бомбы. Начальником полигона был назначен генерал-лейтенант П.М. Рожанович, научным руководителем – М.А. Садовский (АОР /З.1./, с. 58). Была определена территория полигона № 2 МО. Площадь его составила 18540 квадратных километров /1.5/.

Ниже представлены воспоминания участников создания ядерного оружия и атомных испытаний – этих выдающихся событий в жизни нашей страны.

□ 3.2. ВОСПОМИНАНИЯ

Дорофеев Ю.П.

*Доктор военных наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ.*

Дорофеев Юрий Павлович, в 1952 году – капитан, выпускник командного факультета Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева, военный инженер-фортификатор, ныне, академик академии военных наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор, почетный профессор Военно-инженерной академии, доктор военных наук, генерал-майор в отставке (От редакции).

«Да, были люди в наше время ...»

М. Лермонтов

Окончилась Великая Отечественная война. Как вся армия, так и ее инженерные войска, торжественно отпраздновали Победу и, помянув погибших на поле брани, стали переходить на мирные рельсы. Многие, связавшие свою судьбу с военной службой, поступили учиться в Военно-инженерную академию имени В. В. Куйбышева. Полученные в ней знания направлялись на развитие и укрепление инженерных войск в интересах повышения обороноспособности государства. Хотя годы были мирными, но началась «холодная война» и вместе с ней гонка вооружений. Ядерное оружие стало средством массового поражения. Вновь потребовались военные инженеры, их знания для создания ракетно-ядерного щита Родины. Возникла потребность в исследованиях последствий применения ядерного оружия.

Как и во время войны, инженерные войска во главе с маршалом инженерных войск Воробьевым М.П. оказались на острие событий. Значительный отряд участников Великой Отечественной войны, окончивших академию в довоенные и послевоенные годы, был направлен на решение ставших перед страной новых задач. Высококвалифицированные специалисты, прошедшие горнило войны, встали в ряды испытателей ядерного оружия с тем, чтобы, познав суть его воздействия на различные объекты, предложить войскам пути обеспечения их защиты и сохранения ими боеспособности.

В разных условиях на Семипалатинском и Тоцком полигонах, на Новой Земле инженеры-испытатели познавали работу конструкций фортификационных сооружений под воздействием ядерных взрывов, состояние средств маскировки и инженерных заграждений, а также средств инженерного вооружения. Одновременно с этим устанавливали особенности выполнения задач инженерного обеспечения после применения ядерных боеприпасов, учились прогнозировать возможные последствия ядерных взрывов, чтобы предвидеть объемы инженерных задач и находить решения эффективного обеспечения действий войск. Значительное внимание уделялось боевой подготовке инженерных войск, изданию новых «Руководств...» и «Наставлений...», созданию средств для быстрой оценки изменений в районах боев и их влияния на ход вооруженной борьбы.

Мне хочется назвать имена тех, кто окончил нашу академию и столь же важно, как на фронте, проявляя мужество, осваивал новое направление в деятельности инженерных войск.

Многие инженеры-испытатели продолжают трудиться в настоящее время на благо Родины, но большинства из них уже нет в живых. Наша благородная задача помнить о них, быть достойными продолжателями их поистине великих дел знать эти имена и передавать их из поколения в поколение.

* * *

Ядерные взрывы в Хиросиме и Нагасаки стали не только последним аккордом второй мировой войны, но и началом эры ядерного оружия. Вновь столкнулись средства поражения и средства защиты. Теперь на новом, более высоком уровне. Встал вопрос: смогут ли войска обеспечить себе должную защиту фортификационным оборудованием местности в бою от нового по качеству оружия. Великая Отечественная война показала, что фортификационные сооружения различных типов, даже при высокой плотности огневого воздействия по позициям, обеспечивают в полной мере защиту личного состава, вооружения и военной техники и создают условия для более эффективного противодействия противнику. Как они поведут себя при воздействии ядерного взрыва, смогут ли снизить возможные массовые потери войск?

Уже в 1949 году началось испытание фортификационных сооружений при натуральных ядерных взрывах и поиск их новых конструктивных решений, способных создать защиту от всех поражающих факторов ядерного взрыва, т.е. комплексную защиту. Параллельно с экспериментальной проверкой устойчивости и защитных свойств фортификационных сооружений разрабатывались методы их расчета на различные воздействия ядерного взрыва, велась проектно-конструкторские проработки новых сооружений, что позволило уже к середине пятидесятых годов и, тем более, к началу шестидесятых подготовить и издать целый ряд пособий и руководств, обеспечивающих процесс обучения войск фор-

тификационному оборудованию позиций, позиционных районов, районов сосредоточения, рубежей, исходных районов для наступления, районов развертывания пунктов управления и тылов.

Поскольку шло непрерывное усовершенствование вооружения войск, внедрения его новых образцов, создавались новые типы сооружений, предлагались и испытывались новые формы фортификационного оборудования местности.

Основными направлениями совершенствования сооружений стали: создание конструкций замкнутого контура, определение защитной толщи, обеспечивающей снижение доз проникающей радиации до безопасных величин, создание герметичных входных устройств, установление рациональных внутренних объемов закрытых фортификационных сооружений, способствующих при затекании в сооружение ударной волны, не выводящих из строя личного состава, определение рациональной глубины открытых фортификационных сооружений и высоты бруствера, обеспечивающих их необходимую устойчивость и защитные свойства в различных грунтовых условиях.

* * *

Май 1952 года. Академия окончена. Диплом вручен. Празднества позади. Отпуск. Еду с Табаровским В.К. в Сочи. Время в Сочи пролетело быстро и увлекательно. Вернулись в Москву. Доложили начальнику курса. О назначении приказа нет. Договорились, что буду находиться в Ногинске у родителей и каждый понедельник являться в академию к начальнику курса. Недели через три, в июле, прибыл в академию и получил распоряжение отправиться в управление начальника химических войск. Возникли первые вопросы. Во время личной беседы перед выпуском начальник инженерных войск, маршал инженерных войск М.П. Воробьев заверил, что буду служить в штабе инженерных войск центральной группы войск. Поэтому была заполнена целая пачка всевозможных анкет. Теперь же, если ехать в ЦГВ, почему через начальника химических войск? Начальник курса мог только сказать, что В.К. Тарабаровский и В.П. Тарутин такие же предписания получили и убыли к месту службы.

Поехал. Прибыл. Связался по внутреннему телефону с полковником Шульженко (так было указано). Он вышел, поздравил меня с назначением и, буквально шепотом, назвал маршрут моего следования на следующий день: рано утром Ярославский вокзал, поезд до Загорска. В Загорске автобус такой-то, до остановки такой-то. Там обратиться в бюро пропусков, сдать направление и действовать, как будет сказано. Снова вопросы: почему в ЦГВ через Загорск? Почему у полковника Шульженко эмблемы химических войск? Какая-то чертовщина. Но приказ надо выполнять, тем более что маршал инженерных войск М.П. Воробьев заверил, что буду служить в ЦГВ.

Странности продолжались. Утром сел в поезд и отправился в Загорск, в войсковую часть 51105. В третьем вагоне (там рекомендовалось ехать) с большим удовлетворением увидел знакомого – полковника Помяловского В.В. Он в нашем учебном отделении вел практические занятия по подземному строительству, и мы знали друг друга по имени и отчеству. Подошел к нему и поздоровался. И вдруг слышу: «Товарищ капитан, я вас не знаю». Я буквально опешил и подумал про себя: до чего же похож на нашего преподавателя. Попросил прощения, отошел, сел на скамейку у окна и размышляю: вот бывает же такое в жизни, какое сходство, как я обмишулился.

Приехали в Загорск. Вышел на привокзальную площадь. Нашел нужный автобус, вошел, поехали. Смотрю, а «дублер» В.В. Помяловского тоже в этом автобусе. Доехали до нужной остановки, вышел я, вышел он. Он прошел через проходную, а я в бюро пропусков. Представил свои документы. Жду.

Через некоторое время окончивший академию в 1951 году В.А. Федосеев направляется ко мне. Поздоровались. Он мне говорит, что наших здесь достаточно, на прошлой неделе прибыли В.К. Табаровский и В.П. Тарутин, много выпускников академии и в управлении в Москве. Его же начальник отдела направил встретить меня. Сейчас оформят пропуск, и он проводит меня в отдел, куда я назначен. Забегая вперед, скажу, что это инженерный отдел и вопросы, которыми я буду заниматься по профилю нашей специальности, связаны с фортификацией.

Позвали из окошечка и вручили пропуск. Пошли через проходную. Следует сказать, что это был в свое время мужской монастырь, соответственно окруженный высокой кирпичной стеной. Последние годы, до 1950 года, это был лагерь Военной академии имени М.В. Фрунзе, т.е. военный объект. В нем-то и располагалась войсковая часть 51105, в которой мне пришлось служить целых 12 лет. Но все по порядку.

Вошли во двор. Слева торец корпуса старинного монастырского здания. Прямо перед нами часовня (через несколько лет ювелирно подорванная под руководством С.П. Кудимова, разобранная до основания; на ее месте образовалась хорошо асфальтированная площадка). За часовней справа, несколько в глубине, двухэтажное здание с деревянным верхом – управление (штаб) части. Дальше, к дальней стене монастыря, слева – старые постройки, а правее – новый строящийся корпус. Это все бросилось в глаза и как бы с ходу сфотографировалось на долгие годы в памяти.

А чудеса продолжались. Мы идем, а нам навстречу «дублер» В.В. Помяловского. Бросается чуть ли не в объятия и говорит: «Дорогой Юрий Павлович, извини, что не признал тебя в поезде. Нельзя. Будем служить теперь вместе. Узнаешь, что объект очень секретный. Ты стал бы спрашивать меня, куда я еду, где служу, а это говорить нельзя. Извини. Ведь меня с кафедры направили сюда. Возглавляю здесь отдел».

Что же. Пришлось простить.

В.А. Федосеев повел меня в наш отдел. Его возглавлял полковник, тоже выходец из академии, но механик. К тому же начальником он был незначительное время и я, к сожалению, его фамилию не запомнил. Его заменил Ю.А. Жуков. Но все по порядку.

Начальник отдела сразу же определил комнату («под сводами» – все-таки здание старой монастырской постройки), в которой для меня был уже подготовлен стол. Рабочее место определено. Моими товарищами по комнате стали Г.А. Лопухов, мой друг В.К. Табаровский (его в тот день в части не было) и К.В. Стручков (в то время старший техник отдела, а затем – инженер, кандидат наук, полковник). На вопросы: какие мои обязанности, что я должен делать, последовал ответ – взять четырехтомник «Ядерной физики» Лейпунского, в деталях изучить и быть готовым в октябре сдать зачет; если будет необходимость, то помочь Г.А. Лопухову в оформлении отчета, который он готовил. После этого начальник отдела удалился (его в дальнейшем, пока он служил в части, я видел три или четыре раза).

Я познакомился с теми, кто будет на многие годы моими добрыми товарищами. Коротко рассказал о себе. Они представились тоже. Г.А. Лопухов окончил строительный факультет нашей академии (вернее – Высшее инженерно-строительное училище, которое влилось как факультет в академию) в 1948 году. Он, как и я, был курсантом Московского военно-инженерного училища. Когда в 1943 году сформировалось ВИСУ, он пошел в него учиться. Я же отказался, так как стремился на фронт, куда и был отправлен в 1944 году. К.В. Стручков – сапер, окончил МВИУ вместе со мной, но другую роту, был на фронте, а в 1950 году прибыл в часть с должности командира роты.

На следующий день приехал В.К. Табаровский.

Копировальные работы вместе с нами исполняли П.Д. Серова и Л.В. Курицина, являющиеся техниками нашего отдела. С другими офицерами отдела знакомство состоялось позже.

В тот же день (день прибытия) познакомился с заместителем начальника отдела полковником Павлом Семеновичем Новиковым, очень милым человеком, проявляющим заботу о каждом члене коллектива, стремившимся пополнить знания сотрудников в вопросах, решаемых отделом. По образованию строитель, начавший войну в Литве, где он, как и многие другие, возводил долговременные фортификационные сооружения в укрепленном районе на новой государственной границе, пережил все тяготы отступления, воевавший затем в инженерных войсках и, по окончании войны, оказался в науке.

О первом дне говорю более подробно потому, что он врезался в память на всю жизнь – перемена направленности в службе, вместо войск – научное поприще, много новых лиц и впечатлений.

Прошло, наверное, не более часа, как начальник отдела пригласил меня к начальнику сектора. Пришли к нему в кабинет. Навстречу вышел из-за стола молодежавый полковник и представился – Бабарин В.И. До этого, войдя в кабинет, я назвал себя. Он уже изучил мое личное дело и начал с того, что новая поросль фортификаторов очень нужна, и он надеется, что я буду трудиться так же творчески, как в кружке военно-научного общества слушателей при кафедре полевой фортификации во время обучения в академии. Я промолчал, так как от начальника отдела, кроме необходимости изучить ядерную физику, ничего не слышал.

Виталий Иванович пригласил сесть и минут 20 говорил о задачах, которые мне придется решать по фортификации. Так как в академии на последнем курсе нас ввели в курс дел о том, что возрастет необходимость защиты войск от ядерного оружия, и познакомили с расчетом фортификационных сооружений на действие ударной волны ядерного взрыва, я воспринял слова Виталия Ивановича как предложение заняться разработкой новых сооружений, устойчивых к такому воздействию. В своем ответе я сказал, что это очень интересно, но я командир и хотел бы быть в войсках, тем более что маршал инженерных войск М.П. Воробьев обещал это, но в ответ последовало: «Вас направили служить сюда, здесь и будете служить». На этом представление закончилось.

В.И. Бабарин позвонил куда-то по телефону и сказал, что заместитель командира части ожидает нас. Втроем мы пошли в другое здание – деревянное двухэтажное, названное Виталием Ивановичем штабом части. Поднялись на второй этаж и вошли в кабинет заместителя. Виталий Иванович, вошедший первым, представил меня: «Капитан Дорофеев Ю.П.» Поднявшийся навстречу

полковник назвал себя – Ястребов В.Н. (К слову, в конце службы в институте я узнал, что В.И. Бабарин родом из Ногинска, и даже с моей родной Рогожской улицы.)

Третий полковник, и снова с эмблемами инженерных войск. Я уже стал подумывать, что часть инженерная и буду служить в своих войсках. Тем более что Василий Николаевич так же увлечено, как и Виталий Иванович, рассказал об инженерном деле, которое ожидает меня.

Как и Виталий Иванович, Василий Николаевич позвонил, что-то выслушал и сказал, что командир части готов нас принять. Кабинет командира располагался на этом же этаже. Нас встретил высокий худощавый генерал-майор Полянский А.Е. Малиновые лампасы и кант показывали его принадлежность к техническому войскам. Значит, и он инженер. А.Е. Полянский предложил садиться за стол, примыкающий к его столу. По одну сторону стола сели начальники отдела и сектора, заместитель командира, по другую – я. Беседа шла об учебе, о направлениях дальнейшей службы, о желаниях. Одновременно командир перелистывал мое личное дело. Наконец, он спросил, почему у меня единственная тройка в ведомости оценок и по химии. Я с ходу ответил, что не люблю ее с детства. И тут же под столом получил сильный удар по ноге. Это Виталий Иванович просигналил мне о неуместном моем высказывании. Хорошо, что тогда постоянно носили сапоги, которые и смягчили удар.

Беседа окончена. Командир пожелал успехов по службе. Не успели мы выйти в коридор, как Виталий Иванович и Василий Николаевич обрушились на меня за мой легкомысленный ответ. Оказалось, что командир химик. Верно говорит пословица: «Язык мой – враг мой!». В дальнейшем, когда возникал какой-нибудь вопрос, касающийся меня, от командира звучало: «Это тот, который не любит химию?». Продолжалось это до увольнения с воинской службы А.Е. Полянского и вступления в должность командира полковника Воскобойникова М.И.

На другой день мы с В.К. Табаровским договорились, что время в поезде будем использовать для чтения книг. Ведь каждый день на дорогу в электричке в оба конца затрачивалось 3,5 часа. Духа у нас хватило на первые два месяца, затем, примерно месяц, мы читали, возвращаясь в Москву, а из Москвы утром – дремали. С ноября дремали уже в ту и другую стороны. Все-таки дорога изматывала. Чтобы утром после поезда взбодриться мы стали со станции до части ходить пешком. Это помогало вдвойне: своеобразная зарядка, которой хватало на весь рабочий день, и изучение горда Загорска, не только центра, но отдаленных от него кварталов.

Изучение литературы по ядерной физике шло своим чередом, и в ноябре мы (я, В.К. Табаровский, В.П. Тарутин) сдали зачет. На меня возложили обязанность проводить занятия (в классе и в поле) по тактике и инженерному обеспечению действий подразделений с группой младших офицеров нашего сектора. В.К. Табаровскому поручили проводить занятия по черчению и шрифтам с техническим персоналом сектора, В.П. Тарутину поручалось редактировать отдельные документы и проверять правильность выполнения чертежей. Словом все было при деле и трудились с полной отдачей. В моем личном деле появилась вторая запись о том, что я имею склонность к педагогической работе (первая запись относится к 1946 году, когда после войны мы стали переходить на мирные рельсы и в своей бригаде создавали учебную базу для подготовки прибывающе-

го пополнения). Все же полного удовлетворения я не получал и, уже не устно, а рапортом, просил направить меня в войска. В.И. Бабарин пригласил меня и сказал, что дальше рапорт направлять не будет. Мне же надо служить там, куда меня направили. И добавил, что, если я говорю постоянно о заграждениях и взрывах, надо подождать, будет и то, и другое. Сейчас же в деталях должен разобраться во всех фортификационных сооружениях, фортификационных, т.е. невзрывных заграждениях и средствах маскировки, а также и минах. Надо было изучить: из каких материалов все это изготавливается, как работают их конструкции, их особенности. Словом, знать все в деталях. В академии по всем этим инженерным средствам нам дали глубокие знания. Более того, я активно работал в кружках военно-научного общества слушателей по кафедрам полевой фортификации и заграждений и подрывного дела. Но я усердно взялся за всестороннее их изучение – особенностей изготовления, сборки, устройства, сочленения различных конструкций, работы при взрывах обычных химических веществ и т.п. Все это в дальнейшем пригодилось.

Питались мы (обедали) в столовой, расположенной в том же здании, что и отдел. Только вход в нее был с обратной стороны. Вдоль стены монастыря в торце этого здания располагалось другое, где размещались все тыловые службы и мастерские, с которыми многие годы пришлось взаимодействовать. В нашем же здании, так же с обратной стороны, но до столовой, размещалась фотолаборатория, по тому времени оборудованная по последнему слову техники. С ее работниками также пришлось много трудиться, особенно в период подготовки отчетов. Там, где были тылы, находились редакция и типография, оказывающие нам значительную помощь при подготовке различных изданий. Над отделом, на втором этаже, находилась хорошая библиотека (открытый фонд), имевшая не только специальную, но и художественную литературу. После постройки на территории части новых зданий, в конце 1953 года, наш отдел и библиотека в них переехали.

Для полноты воспоминаний следует сказать, что сразу за проходной направо размещался корпус, в котором находились различного назначения химические и медицинские отделы, а также значительный виварий (каждое утро встречавший нас лаем). За штабом находилось здание физического сектора, а в глубине велись земляные работы, отрывался котлован под новое здание.

В конце ноября мне и Е.П. Шубину отвели места в общежитии. Стало возможно оставаться в Загорске и навещаться в Москву только по выходным дням и в те дни, когда по какому-либо вопросу надо было быть в Москве для работы в 6 Управлении МО.

Так шло до марта 1953 года. 5 марта скончался И.В. Сталин. Я находился у родителей в Ногинске. Надо было срочно явиться в часть. Попасть в Загорск через Москву было невозможно – поезда не ходили. Пришлось добираться до части окружным путем, пересеживаться с машины на машину по первому кольцу ПВО Москвы, а затем по Ярославскому шоссе. С опозданием на час все же прибыл, как раз к митингу по поводу кончины вождя. Многие плакали. В целом на душе остался тяжелый осадок.

Через пару недель предупредили, что в апреле предстоит выезд в длительную командировку, к которой надо подготовиться, объявили о ее жестких условиях. В апреле в 6 управлении выдали предписание и указали маршрут на восток до Жаны-Семей. Там на станции я, В.П. Тарутин, Е.П. Шубин, К.А. Малевинский и Н.С. Лебедев из 6 отдела штаба инженерных войск обратились к коменданту,

который указал, где собираются прибывшие для дальнейшего следования в войсковую часть 52605. Через несколько часов, на грузовой машине, приспособленной для перевозки людей, отправились в путь.

Ехали часа три. В памяти осталась лишь разбитая пыльная дорога, идущая по степи, а затем вдоль Иртыша. Солнце грело во всю, пыль проникала всюду. Когда остановились у КПД для проверки документов, то бросился в глаза уходящий налево и направо вдаль высокий в несколько рядов колючей проволоки забор. Возле ворот сбоку лежал значительных размеров камень, а вокруг него груды осколков стекла. Оказалось это остатки незаконно привезенных с собой бутылок водки. Мы подъехали к зоне, где действовал сухой закон. Как выяснилось в дальнейшем, водку в зону из Семипалатинска привозили и по потребности употребляли. Была она первоклассной сивухой, но ценилась, так как это был контрабандный продукт. Поехали дальше, и вскоре в небольшом хорошо озелененном городке нас высадили и указали, как пройти в штаб. Там дежурный направил каждого по назначению. Мы с Е.П. Шубиным были представлены начальнику сектора И.Н. Гурееву (или начальнику оперативно-научной части – уже точно не помню), а затем начальнику фортификационного отдела полковнику Коршунову Е.И. Вечером, буквально на коротке, нас представили (вернее показали) начальнику полигона генерал-майору А.В. Енько. В беседах, которые велись во время представлений, речь в основном шла о необходимости детального изучения фортификационных сооружений, возведенных ранее (ими оказались сооружения 1949-1951 годов возведения), возведении новых сооружений, некоторые из которых надо было разработать, проявив свое умение, также о средствах маскировки и невзрывных заграждениях. Здесь я впервые познакомился с П.И. Русановым, прикомандированным от штаба инженерных войск, с которым дружба в дальнейшем связала меня на долгие годы.

Работа началась с ознакомления с местом, куда мы прибыли. Нас разместили в гостинице в номерах на двух человек. Моим напарником оказался сослуживец по Загорску капитан Виталий Киврига, приехавший раньше. С ним и пришлось прожить до октября месяца.

Здание штаба, дома сотрудников полигона и строителей, гостиницы, столовые, чуть поодаль казармы и тылы – все располагалось довольно плотно, вдоль Иртыша. В голой степи был построен уже приличный городок, превращенный в оазис, столь много было посажено различных растений, разбит парк. Это сделала вода, которую подавали непрерывно. За городком и на другом берегу Иртыша тянулась степь. За ней интересно было наблюдать. Когда мы приехали, она была зеленой и на ней пятнами цвели красные тюльпаны. Но уже скоро зной превратил степь в желтое пространство, на котором выделялись коричневые пятна – это созревали дикие шампиньоны. Прошло еще некоторое время, и степь запылила, ветер гнал песок. Если утром надевал гимнастерку с чистым подворотничком, то к обеду он был уже желто-бурым, и такого цвета была пыль. Наконец появлялись перекасти-поле, которые занимали большие пространства и, задерживаясь на проволочных заграждениях, создавали своеобразные заборы. Если их поджигали, то огонь распространялся со скоростью детонации, и в степи оставались лишь полосы пепла.

Городок носил условное наименование «Москва» или сокращенно «М» (ныне это г. Курчатов). Через некоторое время пришлось познакомиться с промежу-

точным городком испытателей, на т. н. «половинке», носящим индекс «Ш», и испытательной площадкой с условным названием «Поле» и индексом «П». Шутники это расшифровывали так: «М» – можно жить; «Ш» – шалишь, братцы; «П» – п...ец. По существу, это было действительно так. На «Ш» размещались скопом в дощатых бараках, на «П» ездили только на работу. Она же заключалась в детальном осмотре всех фортификационных сооружений, средств маскировки и заграждений, описании их и изготовлении чертежей со всеми выявленными дефектами, описании причин их появления, подготовке новых чертежей сооружений подачей заявок на их изготовление и возведение. Эти работы сопровождался контролем, так как подразделения строителей иногда неумышленно, а по халатности, допускали досадные ошибки, которые приходилось устранять с потерей драгоценного времени.

Здесь уместно рассказать о таком случае. Когда нас отправляли в командировку, то ответственный за это в 6 Управлении МО полковник Г.И. Венецкий строго предупредил, чтобы мы имели с собой лишь удостоверения, а другие документы и записные книжки с собой не брали. Записи производить запрещается, а адреса иметь лишь самые необходимые. Как люди законопослушные, мы так и сделали. И получился со мной конфуз. Когда устроились на полигоне, я написал домой родителям в Ногинск свой адрес: Москва-400, в/ч 52605 с индексом. Через некоторое время получаю письмо от родителей, почему я не пишу ничего о Феде Маркове, моем добром товарище по фронту, который служит по этому же адресу, который я, конечно, в памяти не держал. С ним же мы непрерывно переписывались. В письмах он рассказывал о прелестях Казахстана, о людях, с которыми встречался и т.п. Номер части тот же только индекс иной. Я бросился его разыскивать, оказалось, он служит в строительной части, обеспечивает возведение сооружений на экспериментальной площадке, только возводил их в другом секторе. Он был капитаном, командиром роты – мой Ф.М. Марков. Жил он не так далеко от гостиницы со своей семьей: женой и дочкой. Можно представить, сколь радостной была наша встреча, ведь мы не виделись с 1946 года. Он, к сожалению, резко изменился и из веселого балагура превратился в замкнутого человека. За время командировки мы встречались практически ежемесячно (работы как у меня, так и у него было много, и чаще наши встречи не получались). Я познакомился с его маленькой дочкой. Жenu же он мне так и не показал. В следующий мой приезд на полигон в 1955 году его там уже не было, а переписка прервалась в 1954 году. Отвечать на письма он перестал.

В отделе же произошел следующий казус. Однажды полковник Коршунов Е.И. дал мне задание: разработать специальное сооружение типа блиндажа, подготовить всю необходимую документацию для его изготовления и, в последующем, возведение на поле. Все было сделано в рабочей тетради и предъявлено для утверждения. Евгений Иванович сделал ряд замечаний (учет местных условий) и со словами: «Чему вас там, в академии учат?» вернул мне тетрадь на доработку. После исправлений документ был утвержден. Конструкции изготовлены и сооружение возведено. Прошел примерно месяц, потребовалось разработать конструкцию еще одного сооружения. Сделав это, я подготовил документацию с учетом возможных претензий Коршунова Е.И., явился к нему на утверждение. Вдруг вижу, что Евгений Иванович вновь вносит поправки в документы, которые были мной подготовлены первый раз до замечаний, и слышу: «Вы, ка-

питан, видно не желаете учиться на ошибках». Не говоря ни слова, я открываю рабочую тетрадь и показываю ему первую разработку, говоря: «Товарищ полковник, видите, меня в академии учили тому, что нужно, местные же условия полностью учтены». Коршунов Е.И. молча зачеркнул свои замечания и утвердил разработку. Но товарищеских отношений между нами в этом году и в следующий приезд в 1955 году не возникло. Общение было только чисто в рамках службы и то по острой необходимости. В 1957 году я, по временным штатам (на период командировки), был назначен начальником отдела фортификации. Функции были иными, чем в 1953 и 1955 годах, и я даже не помню, взаимодействовал ли с Е.И. Коршуновым.

Площадка (сектор поля), где были возведены фортификационные сооружения, находились на удалении 60 километров от «М», а «Ш» – на удалении 30 километров. Ездить туда приходилось очень часто, а то и длительное время жить на «Ш». Однако вода здесь была привозной, часто компот делали на воде, добываемой из скважины – солененькой «минералке». Вкус был запоминающийся надолго – сладко-солено-фруктовый. Только по этому можно представить все прелести жизни на «Ш» в период подготовки и проведения испытаний.

Однажды, пожалуй в конце июля – начале августа, я, присев на дне траншеи, отработывал крепление датчиков давления. Где-то в стороне раздался и замолк звук мотора, потом послышались шаги, и голос сверху спросил: «Здравствуйте. Чем занимаетесь, капитан?» Не поднимая головы, я поздоровался и ответил, что, по-видимому, муд...й. Снова голос, по интонации доброжелательный, спросил: «Что так сурово?» Я закончил крепеж датчика и поднялся на ноги. На бруствере окопа, присев на корточки, расположился интересный мужчина с седой бородкой и в светлом льняном костюме. Кто это, я не знал, он же не представился (только через пару-тройку недель я узнал, что это был И.В. Курчатов). Я ответил, что готовился стать командиром, а приходится заниматься вещами, цель которых мне не известна, все скрывается. Завязалась непродолжительная (минут 30-40) беседа. Я рассказал, что окончил Военно-инженерную академию имени В.В. Куйбышева, что я фортификатор, но больше склонен к подрывному делу, устройству и преодолению заграждений. Собеседник же сказал, что как фортификатор нахожусь на месте, а коль подрывник, так скоро будет взрыв, который меня должен заинтересовать. Соединяя то и другое, я разберусь, как фортификационные сооружения обеспечивают защиту людей. Без датчиков это установить трудно. Пожалуй впервые за год после окончания академии мне в доходчивой форме объяснили (а может и окружающая обстановка способствовала этому) суть моей работы. Слова собеседника запали мне в душу.

Когда произошел взрыв, а за ним и другие, я увлекся вопросами живучести войск! Считаю, что моим крестным отцом в науке является И.В. Курчатов.

Беседа закончилась. «Бородач» поднялся, попрощался и отправился к машине, сел в нее, и она покатила к вышке. Я же с некоторым удовлетворением занялся датчиками. Отмечал на карточках, заготовленных на каждое сооружение, места их установки – по глубине и в плане, точно также – в закрытых сооружениях.

Через несколько дней после этого медицинская служба подвезла в сектор фортификационных сооружений животных (овец и собак), которые должны были имитировать расположенный в сооружениях личный состав войск. Пришлось помогать медикам в расстановке этих биообъектов. Расстановка живот-

ных также скрупулезно отмечалась на карточках и схемах. Животные устанавливались, как контроль, на поверхности и в сооружениях, открытых и закрытых. А положение их, т.е. расположение по отношению к вышке, тщательно фиксировалось.

Забегая вперед, приведу два случая поведения животных в этих экстремальных условиях. Одну собаку разместили в дальней зоне на поверхности земли (на цепи, закрепленной к анкеру). Медик – Буренин П.И. из нашей части, также командированный на полигон, предупредил меня (это был один из последующих, а не первый для меня взрыв), что собака уже была под взрывом, сохранилась, и теперь интересно проследить за ее поведением. Взрыв был малой мощности, собака в результате была лишь облучена проникающей радиацией, другие факторы ее не поразили. Но ее поведение было примечательным. Перед взрывом, судя по цепочке, собака хотела ее перегрызть (видны были следы зубов). Не удалось. Тогда она лапами вырыла что-то похожее на окопчик (ямку) и улеглась мордой на взрыв. А нос прикрыла лапами тем самым продемонстрировав свое умение защищаться. От ударной волны она убереглась, световое излучение чуть попало на ее шерстку, а от проникающей радиации тяжело заболела и, в конце концов, умерла. Но стремление сохраниться в этом безысходном положении, в котором она была, она наглядно показала. Уже в академии, при чтении лекций о поражающем действии ядерного взрыва, я приводил этот пример, убеждая слушателей, что защита возможна, добавляя: «Собака, а понимает, надо понимать и людям!»

Другой случай связан с бараном (это был мой первый взрыв). Животных привозили на грузовой машине и в ходе тренировок размещали их в нужной точке, а затем, после тренировки, снова грузили и отвозили в виварий.

Так, упомянутый баран весом килограммов под 60 никак не хотел разгружаться, а потом залезать в машину. Все приходилось делать силой, а мне – в определенной степени помогать медикам.

То же самое было и перед взрывом. Привезли его с другими животными, еле-еле сгрузили и затащили в блиндаж, дверь в который была на глубине двух метров от поверхности земли. В блиндаже для барана была и вода, и еда. После взрыва (как требовала чистота опытов) в первую очередь необходимо было снять и отправить с поля биообъекты, а затем уж заниматься датчиками и устанавливать состояние сооружений и т. п.

Я подъехал к блиндажу, в котором находился баран, раньше медиков. Крутости траншеи и верхняя часть входа в блиндаж (ступенчатый спуск из рам) были разрушены. Я в противогазе (сумка сбоку мешает, шланг цепляется, но по технике безопасности иначе нельзя) частично разобрал завал и освободил вход, можно было протиснуться к двери в блиндаж. Стал спускаться задом, по-другому не получилось. Добрался до двери, пошарил рукой, дверь цела, нашел запор, открыл дверь. И вдруг какая то сила выносит меня в траншею и на обвалившийся бруствер. Что же произошло? Оказалось, что баран оказался жив, но воздействие на него было столь мощным, что он стремился убраться отсюда подальше. Я вскочил на ноги, озираюсь и вижу, баран уже в кузове машины, вскочил туда без помощи и кричит на все поле: «Мэ-э-э» – «Увозите меня быстрее». Словом, когда я открыл дверь в блиндаж, баран подцепил меня под зад своим лбом и выбросил из лаза.

Можно отметить, что и в первом, и во втором случае в поведении животных наблюдалось что-то человеческое. Я вспомнил, как однажды на фронте моему

взводу пришлось делать проходы в минных полях перед нашим передним краем. Уже закончили дело и собрались в траншее, как немцы накрыли нас артиллерийским налетом, при этом стрельба велась издалека снарядами большого калибра. Молниеносно все попрыгались, в основном на дно траншеи. Несколько же человек увлекли меня в укрытие связистов на НП командира стрелкового батальона. Обстрел окончился, мы потерь не понесли. Каково же было наше удивление, когда из укрытия, открытого под сосной, где еле умещалось два связиста с их аппаратурой, вылезло одиннадцать человек. Инстинкт самосохранения заставил всех набиться в эту поистине нору, а не добротное укрытие.

Тренировки и подготовка испытания подошли к концу, метеорологические условия стали отвечать требованиям безопасности во всем, наступил день моего первого ядерного взрыва (взрыв наземный – на вышке, приблизительно 10 метров от поверхности земли; мощность взрыва около 400 тыс. тонн – наше первое водородное устройство).

Наступило 12.08.53, рано утром нас вывели за пределы городка «М» и приказали лечь на землю ногами в сторону ожидаемого взрыва. Машины в готовности стояли поблизости. В зданиях городка все окна и двери были открыты, чтобы избежать их разрушения под воздействием ударной волны. Все жители, чтобы не было травм, были также выведены из домов, служба безопасности трудилась в поте лица. Хотя взрыв должен был произойти на удалении 60 километров, но ожидалась его большая мощность (около 400 тыс. тонн), поэтому предосторожность была необходима.

Лежим на травке, несколько человек остались стоять, прислонившись к забору. По громкой связи идет отсчет времени. Наконец произносят: «Ноль!» Несмотря на то, что наступил рассвет, поразила мощнейшая вспышка, даже темные очки не полностью ослабили свет. Вспышка длилась доли секунды. Повернулся в сторону взрыва. Очки позволили следить, как огромный огненный шар стремительно поднимался вверх и увеличивался в диаметре. Можно было снять очки и наблюдать за огненным шаром в открытую. Его цвет был каким-то малиново-золотистым. Над ним образовывалось белое плоское кольцо (примерно такое же, как обычно рисуют у Сатурна). Но вот яркость стала уменьшаться, а затем, как будто набирая новую силу, вновь увеличиваться. Прошло несколько мгновений, и огненный шар стал затихать, превращаясь в темное облако, изпод которого свисала светлая юбочка. Одновременно от земли к облаку поднимался черный столб, расширяющийся в основании. Наконец он достиг облака и, расширяясь, принял вид гриба. Расстояние 60 километров, а казалось, что черная стена надвигается на нас. Через некоторое время гриб потерял свою форму, как-то осел и стал от нас удаляться.

До этого же мы успели ощутить легкий шлепок снизу по животу – прошла сейсмическая волна. Раздался голос «Внимание!». По степи заколыхалась трава, было видно волновое движение. Это приближалась ударная волна. Нас чуть-чуть прижало к земле, оказалось большое расстояние от центра взрыва, давление было не более 0,08 кгс/кв.см. Но тем, кто стоял у забора, можно сказать, не повезло. Их припечатало к забору, а одно его звено упало на землю. У «героев» долгое время на спине были синяки и ссадины. В городке же видимых повреждений не было.

Прозвучала команда: «По машинам!» Мы быстро заняли свои места, и машины тронулись в район взрыва. По установленному ранее положению мы долж-

ны были быстро осмотреть свои объекты, а руководству, уже через 3 часа после взрыва, сообщить предварительные результаты в Москву.

Машин было много: с исследователями, с руководителями и атомщиками, медицинские грузовики с прицепами для животных. Легковые автомобили быстро ушли вперед, а остальные, поднимая пыль, неслись в сторону взрыва. Шум, пыль, но достаточно быстро продвигаемся к месту назначения. Прошли КПП, охрана уже была на месте, и достигли своего сектора. После взрыва прошло около одного-полутора часов.

Пешим порядком, иногда помогая медикам забирать животных, стал продвигаться от дальних сооружений к ближним от центра взрыва, с одновременным фиксированием состояния сооружений и животных. На это ушло приблизительно до часа времени. Доложил об увиденном начальнику отдела и приступил к подробному описанию состояния сооружений. Прибывшие фотографы стали делать снимки с тех же точек, с которых сооружения были сфотографированы до взрыва. Это позволило наглядно показать, что случилось с сооружениями. При этом шло снятие различных по назначению датчиков и передача их соответствующим службам.

На следующий день показания датчиков уже были получены и привязаны (по номерам и назначению) к соответствующим сооружениям. Изучение же сооружений стало вестись детальное. Были взяты также отдельные образцы средств, например, материалы, вплетенные в маскети и покрытия. Эти образцы сопоставлялись с теми, которые были взяты до взрыва. По ним можно было определить характер воздействия светового излучения и даже проникающей радиации.

Снятие подобных данных, их камеральная обработка заняли около 20 дней. Следует добавить, что в то же время пришлось обрабатывать данные, полученные при ядерных взрывах средней и малой мощности, последовавшие 23 августа, 3, 8 и 10 сентября. От них впечатлений не прибавилось, так как по сравнению с «водородкой» в 400 тыс. тонн, они выглядели как рядовые взрывы, да и наблюдали их с высоты в районе «Ш», что уже само собой показывало на их незначительность. Они были воздушными, гриб практически не формировался. Лишь мощный поток проникающей радиации подействовал на подопытных животных. Когда приезжали в эпицентр взрыва, то наблюдали их в шоковом состоянии, а некоторые из них уже погибли. Сооружения и иные инженерные средства практически не пострадали. Только в самих эпицентрах (в радиусе до 500 метров) можно было обнаружить слабые повреждения. Но все равно интерес к деятельности испытателя у меня значительно вырос, и я уже благодарил судьбу за то, что меня распределили в Загорск.

Затем приступили к написанию отчетов, подбору иллюстраций и т.п. После редактирования материалы были отпечатаны под названием «Ядерный взрыв», переплетены и подготовлены к отправке. Мне с Тарутиным В.П. и Шубиным Е.П. пришлось сопровождать не только наши, но и другие отчеты до Москвы, сначала на автомобиле, а затем в специально прицепленном к поезду вагоне.

В Москве к поезду подошла легковая машина с охраной. Все быстро перегрузили. Машина ушла в управление. Мы поехали по домам. Был конец октября.

Пишется не быстро. Делается еще дольше. На второй день после взрыва «водородки» (прошло около 30 часов) меня и Е.П. Шубина пригласили в штаб. Полковник Малютов Б.М., впоследствии генерал-лейтенант, замести-

тель генерал-полковника Болятко В.А., поставил перед нами задачу – обеспечить выемку приборов, установленных в специальном сооружении – шахте, глубиной 4 метра и сечением 1,5 x 1,5 метра. На глубине 3-х метров была оборудована камера, в которой и находились приборы. По проекту камера перекрывалась шандорами (железобетонными брусками сечением 0,2 на 0,2 метра), на которых до верха шахты укладывались земленосные матерчатые мешки, заполненные прокаленным песком. Шахта находилась на удалении примерно 200 метров от центра взрыва, давление во фронте воздушной ударной волны здесь достигало 20 кгс/кв.см. Так как вместо песка в мешки был засыпан (то ли по халатности, то ли из-за спешки) местный грунт, его так спрессовало, что образовался сформированный мешками монолит. Лопаты прорезать мешки не могли, а ломы делали лишь дырки в мешках. Раздробить грунт не удавалось, поэтому было принято решение вдоль стенки шахты заложить другую шахту, дойти до уровня камеры пробить отверстие в бетонной стенке и вынуть приборы. Для этого было выделено 10 солдат и компрессор с двумя компрессорщиками. Руководить посменно этими работами и поручалось нам.

Нас на полигоне курировал полковник Русанов П.И., начальник 6 отдела штаба инженерных войск. Когда он узнал о нашей задаче, то возмутился, опротестовал решение руководства полигона и, поскольку с ним не согласились, уехал в Москву. Мы же приступили к выполнению задачи. Компрессор был доставлен к сооружению, установлен и прикрыт со стороны центра взрыва (воронки) стенкой, выложенной из свинцовых кирпичей, позволявшей снять до 30-40% гамма-излучений (прямых лучей, но не рассеянных). Работы надо было вести в районе взрыва, где поверхность была покрыта слоем шлака толщиной до 20 сантиметров. Это был спекшийся грунт, так как на этом расстоянии действовала плазма огненного шара. Уровень радиации (мощность дозы) к моменту начала работ (т.е. через 30 часов после взрыва) был очень приличным, но прибора, чтобы его замерить, мы не имели. Выжидать спада уровня радиации было нельзя, боялись, что информация, записанная на пленки, могла исчезнуть.

Работать пришлось «вахтовым» способом. Е.П. Шубин, 5 солдат и компрессорщик, затем с такой же командой и я. Смена через 1 час, удаление места ожидания от центра взрыва приблизительно 2 километра. На каждого пришлось по 4 часа работы, закончили и извлекли приборы через 8 часов. Передали приборы по назначению и занялись своей основной работой по описанию последствий взрыва.

Е.П. Шубин размечтался: какими же государственными наградами нас отменят? Но обошлось без них, и даже без благодарностей. Солдаты же были сразу демобилизованы и отправлены по домам.

В 1963 году я был в командировке в Ленинграде, уже в звании подполковника. И там случайно в гостинице «Астория» встретился с генералом Малютовым Б.М. В один из вечеров за чаем я напомнил ему этот семипалатинский эпизод. В ответ услышал странную вещь. «Ты уже был награжден орденом Ленина (на фронте), а мы ничего еще не имели, поэтому и не наградили!» – «А как же Е.П. Шубин? Он же орденов не имел» – «Так ты бы, при его награждении, потребовал того же». Как говорится, комментарии излишни. Можно добавить, что через 40 лет в 1997 году справедливость частично восторжествовала. Я как ветеран подразделений особого риска был награжден орденом «Мужества». А вот Е.П. Шубину не повезло. Он не смог собрать необходимые документы, чтобы

получить удостоверение «Ветерана подразделений особого риска». Соответственно остался и без награды.

А тогда, на Семипалатинском полигоне, через несколько дней после спасения приборов, почувствовал зуд в глазах, как будто в них попал песок. Резко возрос аппетит. Недели три, при хорошем питании, ощущал постоянный голод. Однажды на проволочном заборе, испытываемом противопехотном заграждении, поранил руку и, к своему удивлению, не мог сразу остановить кровь (была пониженная свертываемость крови). И, наконец, уже в поезде, когда возвращались в Москву, обнаружил на трусах следы крови (в дальнейшем геморрой). По всем признакам – легкая лучевая болезнь все-таки была. О полученной дозе тогда не говорили. Расчет показывает около 120-130 рентген. В 1988 году решил оформить инвалидность по облучению (с учетом пребывания в 1986 году на ЧАЭС), стал собирать необходимые документы. От имени начальника академии командованию 12 ГУ МО было отправлено соответствующее письмо. В ответном письме сообщалось, что по Семипалатинскому полигону все данные в в/ч 51105, а по Тозкому учению все в архиве в Подольске. Через некоторое время и из в/ч 51105 пришло письмо, в котором говорилось, что данных обо мне у них нет. Я поделился своими сомнениями с В.С. Удальцовым, который был в свое время заместителем командира в/ч 51105. Он, будучи в институте, поинтересовался об этом и привез мне справку, что в 1953 году я получил приблизительно 46 рентген. Об остальных взрывах молчок. Вероятно, чиновничий зуд определял отношение к человеку.

В начале сентября 1953 года при взрыве боеприпаса сверхмалой мощности, когда подъезжали к эпицентру взрыва, мне пришлось снять противогаз, чтобы протереть стекла. Они запотели, и было плохо видно (утром не смазал их мыльным карандашом). Снял, протер стекла и снова надел противогаз. В то время я, чтобы противогаз плотно прилегал к голове, брил ее наголо. Закончив работу, отправился к месту жительства. При радиационном контроле на КПП, когда датчик поднесли к темечку и под нос, прибор зашкалило. Пришлось долго мыться. И все же, когда закончил мыться, прибор показывал критическую величину загрязнения. Через пару дней на темечке появились волдыри – признак ожога. Но все скоро восстановилось, и я забыл об этом инциденте. Вспомнил в 1955 году, когда стали редеть волосы на голове.

В ходе испытаний фортификационного оборудования я отметил, что котлованные укрытия для автотранспорта имеют плохие защитные свойства (степень повреждения автомашин в укрытиях практически соответствовала степени повреждения их при установке на поверхности земли; без учета их отброса скоростным напором ударной волны). Было предположено, что крутости укрытий под воздействием сейсмических волн оползают до подхода ударной волны. Она же после обрушения крутостей свободно затекает в укрытия, повреждая автомашины. В этом году проверить предположение не удалось (была серия взрывов боеприпасов малой мощности и сверхмалой мощности). Отложили на будущее.

Дело делом, но было время и для отдыха, верно редко, но отдохнуть можно было очень хорошо. Когда трудились на «П» или «Ш», то там была только работа. На «М» была хорошая библиотека, молодой парк на берегу Иртыша, кинозал под открытым небом. Это все для души.

Вдоль Иртыша тянулся пляж, где можно было после купания загорать, играть в мяч. Несколько в стороне, вниз по течению, на Иртыше были заводы,

острова – места для ловли рыбы. К этому я и пристрастился, главное – было что ловить. Впервые в жизни я видел в реке косяки стерляди. Ловить ее можно было с лодки. Поставишь в протоке лодку на «якорь» (свинцовый кирпич – брусок на веревке), она развернется по течению. Вода прозрачная, глубина 2-3 метра, дно песчаное хорошо видно. Ляжешь на корму и видишь, как вверх по течению идет косяк стерляди до 30 и более рыб. Удочка – простая нитка, на конце ее червяк, привязанный поперек живота, сантиметров в 10 от него грузило (кусочек свинца). Высматриваешь понравившуюся стерлядку и подводишь червяка к ее носу. Стерлядка, разинув свой огромный рот, заглатывает его. В результате, она на нитке держится крепко. Быстро поднимаешь ее в лодку, нажимаешь на голову возле жабр, и стерлядь отпускает наживку. На одного червяка можно поймать 5-6 стерлядей. Уха из стерляди замечательная. Так как делали ее не только двойной, но и четверной (рыбы много), то юшка получалась столь наваристой, что, несмотря на высокую температуру воздуха (до 28-30°C), она быстро превращалась в студень, который можно было резать ножом.

На полигоне я познакомился с выпускником нашей академии, только строительного факультета, Валентином Мельниковым, заядлым охотником и рыбаком. Вот с ним я был раза три-четыре на настоящей рыбалке. Теперь же есть что вспомнить. Когда он возвращался с охоты, то обязательно приглашал на жареных чирков. Вкус отменный. Когда ели птицу, Валентин всегда предупреждал, чтобы случайно не глотали дробинки. Для их сбора на стол всегда ставилось блюдечко.

Когда командировка 1953 года кончилась, и мы возвращались в Москву, то, проезжая на машине вдоль Иртыша, заглянули на бахчу и набрали с собой арбузов. Бахчевник сам выбирал наиболее спелые. Когда загрузились в вагон нашего поезда, то весь пол нашего купе был закрыт арбузами. Хватило их до Москвы и домой.

В ноябре 1953 года вернулись в институт. Я уже с другим взглядом углубил в свою исследовательскую работу. Она мне уже нравилась.

Летом, пока я был в командировке, в коллектив сектора влились выпускники командного факультета нашей академии: М.А. Тарасов, А.В. Баранов, А. Н. Пишулин, А.А. Андронов, знакомые еще по годам учебы.

В 1956 году в отдел в мою группу прибыл выпускник ВИА имени В.В. Куйбышева капитан Исупов М.Т. Светлый ум, инициативный исполнитель, спешивший все сделать полностью и еще что-либо новое и интересное, добавить от себя. Его приходилось не только хвалить и поощрять, но и немного сдерживать. Он проявил себя и в командировках, особенно при решении вопросов живучести шахтных комплексов РВСН (в Шалье), а также при отработке новых полимерных материалов и сооружений из них в филиале Академии архитектуры в Ленинграде, в лаборатории Б.Я. Цыганова. В этой работе большое место занимал майор Шердаков П.М., прекрасный приборист и электрик. При его активном участии было разработано два изобретения.

М.Т. Исупов затем преподавал фортификацию в Калининградском инженерном училище. Стал полковником. После училища служил, а ныне работает в 26 ЦНИИ в г. Балашихе.

Особое место в моей жизни занимал Г.А. Лопухов. Мы с ним одного года и одного месяца рождения. Вместе были зачислены (в разные роты) в Московское

военно-инженерное училище. Когда в 1943 году формировалось Высшее военно-инженерное строительное училище, он согласился пойти учиться туда, я же остался в МВИУ и после его окончания воевал на фронте. Он в 1948 году, после окончания ВИУ, был направлен на Семипалатинский полигон, сначала как строитель, а затем в научное подразделение. С 1951 года – он в в/ч 51105. Он на год обогнал меня с защитой диссертации, по выявлению защитных свойств закрытых сооружений. Его данные и предложения по конструктивному усовершенствованию сооружений (как и мои по открытым сооружениям) вошли в «Руководство по войсковым фортификационным сооружениям». Это был Интеллигент с большой буквы, болеющий за свою честь и не идущий на компромиссы. Им много сделано для поднятия авторитета инженерного отдела. В дальнейшем (с 1965 года) он преподавал в академии имени Ф.Э. Дзержинского на кафедре защиты и инженерного обеспечения РВСН. Защитил докторскую диссертацию. После демобилизации работал в научном отделе института «Цветных металлов и золота».

В ноябре 1954 года мне была вручена путевка в светлогорский санаторий (Калининградская область). Там я встретил полковника Морозова А.И., офицера 6 управления. С ним еще в Москве пришлось решать ряд вопросов по работе. Он был хорошим специалистом и просто порядочным человеком. Отдыхать было приятно вдвойне: во-первых, с близким знакомым, во-вторых, в период удивительно теплой погоды, когда можно было гулять в костюме. Верно купаться было нельзя, вода оказалась холодной. Природа прибалтийская прекрасна, песчаные дюны, сосны, шепот моря от набегающих волн (палата располагалась в мансарде дома на берегу с окнами в сторону моря). Окна круглые сутки оставались открытыми. Из них были видны птицы, которые щебетали рядом на соснах, чайки, скользящие над волной.

Глядя на них, вспоминал Казахские степи, над которыми высоко в небе медленно плыли орлы, зорко высматривая добычу на земле. Размеренный взмах крыльев, планирование, в какое-то мгновение падение камнем вниз и вновь взмывание в небо, но уже с мышью или другим мелким животным. Лишь однажды видел, как орел уносил в лапах пойманную им лису. Утром орлов можно было видеть вдоль основной дороги, сидящими практически на верхушке каждого столба электропередачи, идущей на «Ш». В небе уже раздавались голоса жаворонков, на земле суетились воробьи и другие мелкие птички. Это до взрыва.

А после?! Ведь всю живность в степи никто не предупреждал о взрывах, и она продолжала заниматься своим повседневным делом, невольно становясь дополнительными биообъектами. Было больно смотреть, что с ними становилось после воздействия поражающих факторов. Помнится орел, сидящий на земле, ослепленный световым излучением. Он чувствует, что рядом с ним люди, но не видит их, только щелкает клювом. А был этот орел истинным царем неба. Размах крыльев около 3 метров, тело – до одного метра. Было это примерно в 30 километрах от центра взрыва. Ударная волна и проникающая радиация не тронули птицу, а световое излучение сделало свое дело. Забрали медики орла в свой биосектор, но вернуть зрение не смогли.

Тогда же в траншеях впервые увидел бегающих по их дну воробьев и жаворонков. Бегающих. Но не способных взлететь. Пух и перья сгорели от светового излучения, вместо крыльев – косточки. Упали они на землю, свалились в траншею, а выбраться не могут. Жили они не более суток, а затем погибали.

На более близких расстояниях от центра взрыва встречали в открытых сооружениях трупы птиц, мышей, землероек и других животных. Это были жертвы проникающей радиации. Их мы предавали земле.

Когда вернулся из отпуска, то познакомился с новым начальником отдела полковником Ю.А. Жуковым, с которым связала нас в дальнейшем многолетняя дружба.

Задачи отдела усложнились. Стали заниматься не только отдельными фортификационными сооружениями, но и позициями в целом. Появились работы по живучести войск на позициях. Наша рабочая группа на ближайшие четыре года (до 1958) состояла из М.А. Тарасова, В.К. Табаровского и меня. Стали заниматься тактикой и оперативными вопросами, подготавливать предложения в «Наставления ...» и «Руководства ...», а затем отстаивать их в различных комиссиях, подготавливающих новые документы к изданию.

Наступил 1954 год. В начале апреля вызов в 6 Управление и получение командировочного предписания для убытия на Тощкий артиллерийский полигон, Южно-Уральского ВО. Там должны были состояться войсковые учения с применением атомного оружия. Командировка вновь заняла период с апреля до конца октября.

Нашей группе была поставлена задача оказать войскам техническую помощь в оборудовании батальонного района обороны («Бани»). Я отвечал за вторую роту, Е.П. Шубин – за первую. Главное же заключалось в тщательном изучении состояния инженерного оборудования при атомном взрыве в условиях реальной среднепересеченной местности, покрытой лесом. Это было первое и, как оказалось в дальнейшем, единственное испытание ядерного оружия, позволившее установить характер действия поражающих факторов на местности, близкой по условиям Западному ТВД. Уникальность этого испытания заключалась так же в том, что на него привлекалось значительное количество войск. В ходе подготовки учения нас предупредили, что учением будет руководить Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Это накладывало на всех повышенную ответственность.

Нам пришлось принять участие в разбивке и посадке сооружений в батальонном районе обороны. Это был тот участок местности, над которым должен был произойти ядерный взрыв. Выбор места, на котором велось оборудование района обороны батальона, оказалось удачным. Одна рота находилась на открытом участке местности, вторая – на скате, поросшем кустарником, а третья – в лесу. Это позволило более полно исследовать маскирующие и защитные свойства местности.

Постепенно прибывали войска, сосредотачивалась группировка для участия в учениях. Подразделениям войск были определены позиции, оборудованием которых они и занимались.

Быстро рос объем и нашей работы. В процессе оборудования района обороны надо было проследить за правильностью возведения сооружений, устройством проволочных заграждений, качеством маскировки и других инженерных работ.

Сложность нашей работы заключалась в том, что в пределах этого батальонного района обороны необходимо было дополнительно возвести ряд сооружений экспериментального назначения, подготовить места для установки вооружения техники, т. е. создать необходимую мишенную обстановку (в основном, с целью изучения защитных свойств местности).

Испытатели скрупулезно описывали все сооружения, их особенности, так как они возводились не профессионалами и имели некоторые отклонения от стандарта (нам предписывалось, оказывая техническую помощь, вмешиваться в ход работ только тогда, когда отклонения были значительными, на мелочи внимания не обращать, но фиксировать в описаниях). Предполагалось испытать инженерное оборудование, выполненное среднеобученными инженерному делу войсками, т.е. приблизиться к возможному реальному положению дел на позициях войск. Был такой случай. Один командир взвода руководил возведением блиндажа и, при установке стандартной защитной двери, уменьшил до нужных размеров дверной проем закреплением к рамам остова блиндажа большими гвоздями (приблизительно 25 сантиметров) брусков. На замечание, что такая защита не допустима, ответил: у них в деревне так делают входы в погреба, и они стоят десятилетиями. При воздействии ударной волны вместе с брусками оказалась внутри блиндажа и убила барана. При показе командирам разных рангов результатов взрыва этот блиндаж был эффективным экспонатом и вызывал необходимую реакцию.

Повторное описание испытываемых объектов после взрыва и сопоставление его с начальным позволило выявить их устойчивость, защитные свойства, возможности и способы восстановления, условия маскировки, задерживающий эффект проволочных заграждений, проходимость путей.

Если учесть, что наша работа осуществлялась под знаком секретности, строго контролировалась, то можно представить ее сложность. Кроме того, в те времена мы были «рядовыми» исследователями – младшими офицерами, что накладывало свой отпечаток особенно во взаимодействии со старшими по званию командирами участвовавших в учениях подразделений и частей войск.

Стало прибывать руководство, что было заметно и по посещению «Бани», и косвенно, по улучшению питания в столовой, и, наконец, по усиленному режиму. В любом направлении уже проехать было нельзя.

Для осуществления научных консультаций руководством учениями и помощи испытателям на учения прибыли военные ученые: член-корреспондент Академии наук М.А. Садовский, доктора технических наук Г.И. Покровский, Б.А. Олисов и С.С. Давыдов.

Помня имеющийся прошлогодний опыт, я решил проверить догадку о причине ожога у некоторых животных, размещаемых в закрытых сооружениях (ожог только морды и не обширный, а отдельными полосками). Выбрав убежище безврубочной конструкции, я закрылся в нем (без работы фильтровентиляционной установки). Через 2-3 часа стал покрываться холодным липким потом, кислорода в воздухе явно не хватало. Чтобы отдышаться, стал передвигаться, подсвечивая иногда себе фонариком, по направлению поступления откуда-то очень слабого потока воздуха, оказался у двери и обнаружил щелочку, через которую в убежище проходил свежий воздух. Двери, при всем желании, не были установлены абсолютно плотно, полной герметизации сооружения не было. Поскольку биообъекты в сооружения устанавливались с вечера, животные, чувствуя потребность в воздухе, прижимались мордой к тем местам входа, где были щелки. Раскаленная ударная волна проникла через них внутрь и обжигала морды животных. После взрыва догадка полностью подтвердилась.

Наш прямой начальник – генерал-полковник В.А. Болятко требовал четкости в работе, в налаживании взаимодействия всех служб, обеспечивающих ис-

пытания (служба безопасности, медики-биологи, служба обработки данных, снятых с приборов, технические службы по видам вооружения, техники, инженерным сооружениям, имуществу тыла и т.п.).

Фортификационные сооружения, кроме нас, проверяли представители инженерных войск. На учениях из 6 отдела инженерных войск П.И. Русанов прибыл и активно трудился М.П. Харченко, Н.Д. Шуваев, И.Г. Крупнов, В.И. Левыкин и др. От научно-исследовательского инженерного института – Л.М. Гуров, И.Д. Поверин и др.

Прибыл начальник инженерных войск, маршал инженерных войск А.И. Прошляков. При докладе ему о характере и объемах выполненного инженерного оборудования местности, мы от него узнали, что качеством инженерного оборудования и условиями испытаний интересуется руководитель учения Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, который вот-вот должен прибыть в район учения. Пришлось еще раз за разом проверить состояние всех объектов на отведенных участках работы. Рассчитали время движения от района ожидания – Святого источника до батальонного района обороны – «Бани» (расстояние около 10 километров), оно составляло примерно 15 минут (испытателям предписывалось выдвигаться в эпицентр взрыва после прохода ударной волны по сигналу).

Ядерный взрыв предусматривался воздушным. Бомбу мощностью около 40 тыс. тонн должны были сбросить с самолета (уже прошло две тренировки). Для нанесения точного удара в центре «Бани» был обсыпан известью крест и установлены уголкового отражатели. Контрольные сбросы макета бомбы показали, что взрыв может произойти практически над намеченной точкой прицеливания.

Перед учениями по предложению С.С. Давыдова мною была разработана методика оценки последствий ядерного взрыва по состоянию растительности (были взяты три вида деревьев: дуб, сосна и осина – сначала пришлось промерить кроны, стволы деревьев, их расположение с учетом рельефа и глубины лесных массивов по отношению к точке прицеливания). Зная параметры ударной волны на различных удалениях от эпицентра взрыва, рассчитал ожидаемую нагрузку на те или иные деревья, конечно усредненные. На основе этого получил данные об ожидаемых последствиях. После взрыва изучил, что произошло, и сравнил с расчетными данными. Оказалось, что с учетом смещения эпицентра взрыва от точки прицеливания, ветра в приземном слое, совпадение расчетных данных с реальными достигло 75-80%. Это в последующем могло позволить устанавливать величину давления в определенной точке местности по характеру разрушения леса. Последнее необходимо для определения характера разрушения фортификационных сооружений, заграждений и выхода из строя вооружения, техники и личного состава. В 1977 году при оформлении в музее ВИА стенда, посвященного подразделению особого риска, приятно было видеть исполненную своими руками схему роты, за которую отвечал, обнаруженную в архиве В.И. Левыкина.

День накануне испытаний прошел в напряженной работе. Велась окончательная расстановка вооружения, техники и имущества на отведенные места на поверхности земли и в сооружениях, все повторно фиксировалось. Были натянуты маскети и установлены маскировочные покрытия. К вечеру подвезли и установили животных. Двери блиндажей и убежищ закрыты. Убываем в расположение и докладываем о сделанном.

Ясное раннее утро. Погода теплая, тихая. Выезд в районы выжидания. Все они вне пределов воздействия поражающих факторов ядерного взрыва. Располагаемся лежа на обратных скатах высот, окружающих район «Бани». Войскам приказано занять защитные сооружения и покинуть их только по команде. Все в ожидании. Руководство располагалось на специально оборудованном наблюдательном пункте.

Вот вдали появился бомбардировщик с сопровождающими его двумя истребителями. Видно, как отделилась бомба и полетела вниз. Самолеты сразу же форсировали скорость, чтобы уйти от взрыва на безопасное расстояние. Над бомбой появился парашют. Надеваем темные очки. И вдруг ослепительная вспышка, невольно жмуришься. Кожа лица ощущает жар. Прижимаемся к земле. Через несколько секунд проходит, как легкое дуновение ветра, фронт ударной волны. Еще несколько мгновений и следует команда выдвигаться в районы выполнения задач. На ГАЗ-69 с двумя солдатами спешу к эпицентру взрыва. Привычная обстановка изменилась. Лесная дорога примерно на расстоянии 4-5 километров от эпицентра взрыва скрывается в дыму, который стелется на высоте 1-2 метра от земли. Горит подстилающий слой, это результат воздействия светового излучения. Пришлось снизить скорость, и мы стали двигаться почти на ощупь. Приблизились к участку поваленного леса. Завалы, но незначительные, их можно объехать, что и делаем. Местность все же не узнаваема. Уничтожены ориентиры. Ближе к эпицентру – перевернутые вверх гусеницами танки, выброшенные из окопов и разбитые орудия, горящие автомобили. Некоторые участки траншеи исчезли – крутости их сомкнулись, грунт вспучен, а наверху, как забор, стоит одежда крутостей. Много погибших животных, часть из них обгорела, отброшена ударной волной (даже поводки, на которых они фиксировались, оборваны). В сооружениях, особенно закрытых, животные сохранились. Вот и эпицентр. Взрыв, мощностью примерно 40 тыс. тонн, произошел на высоте около 350 метров, на удалении в 200 метров от точки прицеливания над рощицей. Эпицентр ясно обозначен. Стоят обгоревшие стволы деревьев, в центре – высокие без сучьев, а дальше – обломанные с частично сохранившимися сучьями. Ударная волна, падая вертикально вниз, очистила стволы от сучьев (ветвей), а чуть в стороне, распространяясь под углом, уже ломала и стволы. Еще дальше лес не сохранился, ударная волна, двигаясь вдоль земли на определенном расстоянии от эпицентра взрыва, его выкорчевала и изломала (до $R_{\text{ф}} = 0,3$ кг/см). Далее в лесу завалы, потом отдельно сломанные деревья и, наконец, лес сохранившийся. Классическая картина. Замеряем уровень радиации (примерно в 300 метрах от эпицентра взрыва), прибор показывает 4 рентгена в час. Это в основном за счет наведенной радиации, заражения радиоактивными веществами нет. Грунт и пыль в облако взрыва вовлечены не были, в нем лишь продукты, образовавшиеся в результате деления заряда, да испарившаяся конструкция бомбы. Эти вещества унесены ветром и могут выпасть на некотором отдалении от района взрыва, а также если они будут захвачены дождевым облаком. Мы все же, выполняя требования службы безопасности, в противогозах. Не успели оглядеться, подъезжает машина, из нее выходит генерал-полковник В.А. Болятко и устраивает разнос. Требуется немедленно снять противогозазы и не сеять панику. С удовлетворением их снимаем, все же они очень мешают работать. Достается начальнику службы безопасности, прибывшему с генералом В.А. Болятко.

Через эпицентр взрыва должны были идти танки, для них был определен маршрут следования. Шум моторов был слышен, но танки не появились. Генерал В.А. Болятко приказал выяснить, где они. На это ушло немного времени. Движение танков в обход эпицентра установили примерно в 1,5 километрах. Доложил об этом. Генерал В.А. Болятко снова вспомнил наши противогазы.

Через два дня, когда командирам, участвовавшим в учениях войск, показывали результаты взрыва, командир танкового полка сетовал на недостаточную информацию о последствиях взрыва, иначе они не пошли бы в обход.

В течение четырех дней мы описывали результаты взрыва, анализировали их и готовили предварительный отчет руководству.

Эффективность фортификационного оборудования в защите войск, выявленная при ядерном взрыве, была бы недостаточно точной, если бы мы ограничились только этим взрывом. Для полноты картины были подобным же образом оборудованы еще два батальонных района обороны на высотах «Огурец» и «Безымянная», по которым наносились соответственно удары авиацией и артиллерией. По высоте «Огурец» – бомбовый удар, один вылет полка; по высоте «Безымянной» – артиллерийский обстрел – 40 минут, полк 152-миллиметровых гаубиц. Оценочная живучесть батальона при ядерном ударе – 20%, при бомбовом – 50%, при артобстреле – 80%. Значение фортификационного оборудования было доказано полностью. Одновременно было показано могущество ядерного оружия.

Среди блиндажей и убежищ еще рекомендовались сооружения времен Великой Отечественной войны с незамкнутым контуром (земляной пол). На Тоцких учениях установили, что под воздействием отраженной волны (от подстилающего на глубине около 300 метров плотного грунта – маренных глин) происходит заполнение внутреннего объема песком на его высоты. В сооружениях с замкнутым контуром (сплошной рамной конструкции, безврубочной конструкции, из волнистой стали и железобетонных элементов) этого не наблюдалось. Такие сооружения и рекомендовались войскам. Открытые сооружения, с одеждой крутостей, под воздействием отраженной волны разрушались – крутости смыкались, а одежда при вспучивании песчаного грунта вытеснялась, получался своеобразный плетень. Рекомендовалось анкерные кольца выносить за пределы возможной призмы оползания грунта (если обычно до двух глубин окопа, укрытия, то теперь не менее трех). Одновременно для укрытий была предложена (и принята) уменьшенная глубина с повышенным каплевидным бруствером при сохранении общей глубины закрытия. Все это было отражено в «Альбоме...», которым пользовались в ходе боевой подготовки войск.

За два года испытаний накопилось достаточно данных для заведения отчетов по разрабатываемой теме. Я же увлекся живучестью позиций артиллерии и параллельно с официальной тематикой стал вести исследования по этому направлению с мыслью подготовить диссертацию на соискание степени кандидата технических наук. Появилась вера в свои силы в науке, и я в войска больше не присился. На исследования ушло пять лет, а диссертацию успешно защитил в 1959 году.

В марте 1954 года я, вместе с Тарасовыми (Михаил Алексеевич, Галина Павловна, Игорь) получил жилье. Нам была выделена на втором этаже нового трехэтажного дома квартира. Михаилу Алексеевичу две комнаты, а мне

– одна, изолированная, 14 м. Родители помогли мне ее обставить (кровать, диван, журнальный столик и письменный стол, три стула, тумбочка под приемник, маленький шкафчик с гарнитуром и другими столовыми принадлежностями, в нем же место для одежды). Словом, все, что нужно для нормальной жизни. Для приготовления пищи была электроплитка, был и электрочайник. В подвале каждому отвели место (сарайчик), где можно было хранить дрова (так как в ванной был установлен дровяной титан), картофель, разные овощи (даже подвешивал кочаны капусты и имел свежую капусту до весны), бочку с квашеной капустой. Когда зажили домом, то имели возможность собираться у меня для игры в преферанс (я, М.А. Тарасов, В.К. Табаровский, приезжал А.П. Хитров, приходили другие желающие). Играли для удовольствия и не очень часто (все были «мастера», я же – «третьеразрядник»). Под нами на первом этаже в такой же квартире поселились Упиты Прасковья Дмитриевна, Юлий Эмильевич и Таня. Часто встречались по разным причинам. Словом, жили дружно. Отдохнуть после напряженного труда было вполне возможно. В Доме офицеров часто шли фильмы, приезжали артисты, была хорошая библиотека. Городок расстраивался, особенно после прибытия начальником политотдела генерал-лейтенанта Лисицына Ф.Я. Имея связи в Москве, он добился выделения, в интересах нашей части, отдельного отряда строителей. Строились не только служебные здания, но и дома для сотрудников, магазины, столовые, спортивные сооружения и т.д. Городок стал закрытым. На реке Торгоше была возведена (но это в 60-х годах) плотина (при активном участии Апанасова В.М.), образовалось хорошее водохранилище, были сделаны пляж и лодочная станция. Зимой функционировала школа фигурного катания, заливался каток. Была проложена частично освещенная лыжня. Летом же можно было отдыхать в лесу (ягоды, грибы, орехи).

В берегах реки Торгоши били родники (серебряная вода), считавшиеся святыми. На Пасху к ним выстраивались тысячные очереди верующих. В этих очередях были и здоровые и больные. Поскольку первые годы городок был открытым, то через магазины, идя на источники, заглядывали и больные. Весной 1955 года в части заболело желтухой восемь человек, в том числе и я. Боле 40 дней пролежал в госпитале «Бурденко». После чего приблизительно два года сидел на молочно-травяной диете (даже уезжая на полигон, старался и там все соблюдать). О спиртном и речи быть не могло. Установил для себя жесткий «сухой» закон. Нарушил его лишь один раз на свадьбе своей в 1956 году.

Интересна была и общественная жизнь в части. Чтобы благоустроить свой быт, устраивали субботники по посадке деревьев и очистке прилегающей к монастырю территории. Благодаря этому, дорожка, ведущая от проходной в городок через парк, преобразилась, стала красивой аллеей. Да и парк от этого только выиграл. В городке же возле домов посадили не только деревья, но кустарник и цветы. Зелени было очень много. Воздух чистый, да и красиво. Отдыхали душа и тело.

Подобные субботники устраивали и на территории части, и в служебных помещениях. Когда глаз радуется красоте, то и работа спорится. В рабочих кабинетах старались обеспечить возможный комфорт, устроить все так, чтобы не была пустой трата времени, а в свободную минуту можно было отдохнуть (повесили полки для книг, календари, цветы, установили столы для «пинг-понга»).

Именно тогда я установил на рабочий стол полку, позволяющую иметь все необходимое под рукой. Не надо было подниматься и искать что-то на общих полках, хотя и там соблюдался полный порядок.

Зима с 1954 на 1955 год ушла на выполнение исследований по теме. Участие в комиссии по отработке первого «Наставления по противорадиационной защите» и чертежей в «Альбом...». Последнее способствовало войскам в возведении сооружений, обеспечивающих требуемую защиту от ядерных взрывов.

1955 год начался с подготовки материалов для войск по фортификационному оборудованию позиций и районов расположения, которые, после согласования со штабом инженерных войск (6 отделом полковника Русанова П.И.), были размножены и для практической реализации направлены по военным округам. На это ушла первая половина года.

В июне меня предупредили: снова предстоит командировка на Семипалатинский полигон. В конце июня мы с К.В. Стручковым выехали на полигон. В начале июля начали подготовку сооружений к испытаниям. Все по отработанной программе. Нам приказали основное внимание обратить на защитные свойства блиндажей и убежищ от проникающей радиации (предполагались взрывы малой мощности и, следовательно, более мощный поток нейтронов). В сооружениях было размещено чуть ли не вдвое больше животных (овец и собак). Пришлось участвовать в испытаниях при трех взрывах, один из которых совпал с моим днем рождения. Действительно, потоки нейтронов были очень велики, а ударная волна столь маломощной, что ни одного поврежденного закрытого сооружения не было. Животные, расположенные на поверхности земли и в окопах, под воздействием шоковых доз погибли.

Обработали результаты испытаний, составили отчет и, уже в середине сентября, были в Загорске.

На Семипалатинском же полигоне состоялось более близкое знакомство (из-за животных) с начальником медицинского сектора полигона полковником Правецким В.Н. Он оказался очень живым и веселым человеком, без напускной чванливости и высокомерием (надо все же учесть, что я был капитаном, а он полковником – руководителем всей медицины на полигоне). Как раз именно он посоветовал нам, как лучше зафиксировать животных, чтобы они не были стеснены в своих движениях, с одной стороны, а с другой – полностью обеспечили получение необходимых данных по эксперименту. Он же без всяких околичностей спросил, знаю ли я шутку, которая ходит о нем по всему полигону? Я ответил, что нет, хотя на полигоне уже второй раз. Тогда он посоветовал послушать, что раздается на опытном поле после установки животных. Я прислушался и сказал, что ничего особенного отметить не могу. Он же сказал: «Прислушайся еще раз и услышишь, как овцы со всех точек установки зовут меня. Они кричат: «Правецкий!» Прислушался и услышал. Что-то похожее на это. Можно сказать, что эта часть эксперимента прошла для меня более полно, чем раньше.

В этом же году произошло знаменательное для меня событие. Как-то осенью 1955 года я был в Москве и встретился со своим другом по академии Левиным Н.И. Он со своей женой – Асей Семеновной предложил мне в ближайшую субботу пойти на улицу Горького в кафе-мороженое (Ася была сластеной и очень любила мороженое). У кафе мы встретились. С Левиными была подруга Аси, еще по детству, Оксана Арбузова. С ней меня познакомили. Время пролетело незаметно. Я проводил Оксану домой на Селезневку (откуда до Сретенки, где я

жил у моей тети Вари, ходу пешком было не более 20 минут). Начались наши встречи и переписка, когда был в командировках, и вот 13 сентября 1956 года состоялась свадьба. Мы стали мужем и женой.

Конец зимы и весна 1957 года прошли в напряженной работе. Готовились материалы к новым изданиям пособий по защите войск. Надо было одновременно помочь Оксане в подготовке (оформлении) к защите кандидатской диссертации. Свою же работу над диссертацией пришлось временно отложить. В мае пришло распоряжение о подготовке к командировке на Семипалатинский полигон. На мою просьбу временно задержаться в Москве, поскольку у Оксаны приближались роды, полковник Бенецкий Г.И. (он готовил выезд на полигон) ответил, что рожать не мне и надо ехать.

Меня волновало то, что уже кончался июль, а о родах не было никакого сообщения. В начале августа, только благодаря настойчивости Ю.А. Жукова, мне сообщили, что 9 июня у меня родилась дочь Марина. Я обратился к командованию, и мне разрешили на неделю убыть в Москву рейсом ведомственного самолета (позже я узнал, что информация о рождении дочери была, но, как оправдывались чинуши, меня не хотели волновать, так как приближались учения, а получилось же все наоборот). Я уже на следующий день был в Кашире, там у матери были Оксана с Мариной. Неделя в знакомстве с дочерью и прогулках с ней пролетели мгновенно, и я вернулся на полигон. В конце августа и сентябре было произведено три взрыва. Все необходимые данные для отчета отработаны, отчет написан, и в конце октября я уже был в Москве.

В проведении опытов по установлению причин снижения защитных свойств окопов и котлованных укрытий для техники мне очень помог знакомый по прошлым годам майор Валентин Мельников. Он работал в отделе автоматике. При его содействии и участии были изготовлены специальные щиты с датчиками, прикрывавшие крутости котлованов (в начале оползания или обрушения крутостей щиты падали и датчики срабатывали). От датчиков к осциллографам, установленным в приборных сооружениях, были протянуты специальные линии. По прибытии в институт быстро восстановил картину разрушений окопов (укрытий), а с получением отчетов – и данные измерений. Это вошло в разрабатываемую мной диссертацию.

В 1961 году командировка на Семипалатинский полигон была короткой. Вылетел туда в конце июля, август ушел на подготовку сооружений к испытаниям. Взрывы были произведены в течение двух первых недель сентября, всего восемь (четыре малой и четыре сверхмалой мощности). В основном внимание было обращено на защитные сооружения от проникающей радиации (главное – от нейтронного потока). Изучались сооружения как закрытого, так и открытого типа. После обработки экспериментальных данных и составления отчета состоялся отлет в Москву. Уже в конце октября прибыл в Загорск и снова за свою работу, посвященную не только обработке вопросов сохранения живучести войск, но и оценке последствий ядерного взрыва на местности в инженерном отношении.

□ 3.3. ПОЧТИ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НА ПОЛИГОНЕ

Зорин Г.Ф.

Кандидат технических наук, полковник в отставке.

Зорин Герман Федорович (02.02.1928-14.02.2007). Полковник в отставке. Родился г. Благовещенск Амурской области. В 1948 году окончил Ставропольский строительный техникум, в 1954 году – Военно-инженерную академию имени В.В. Куйбышева. С 1954 по 1972 год служил на 5-м секторе Семипалатинского полигона. С 1972 по 1977 год – в 6-м Управлении 12 ГУ МО СССР, с 1977 по 1986 год – в 42 ВНИИ МО СССР. После увольнения из Вооруженных Сил с 1986 по 1998 год работал служащим Советской Армии, на должности старшего научного сотрудника, в том же институте. Кандидат технических наук (1965). Лауреат Государственной премии 1987 года (от редакции).

* * *

Мне посчастливилось служить на 5 секторе (опытно-научной части, научно-исследовательских подразделений) Семипалатинского ядерного полигона с июля 1954 года по декабрь 1972 года.

Из 38 лет моей службы в Советской Армии, с 1948 по 1986 год, 23 года, почти четверть века, были отданы полигону.

О полигоне, о службе на нем, написано уже довольно много, но в то же время за годы его работы произошло столько значительных событий и сделано так много важных дел, что можно писать и писать дальше.

* * *

Около 45 лет, с 1948 по 1993 год, прожил Семипалатинский ядерный полигон (Войсковая часть 52605, Учебный полигон № 2 МО СССР, 2-й Центральный научно-исследовательский и испытательный ордена Ленина полигон МО СССР). 35 лет из них на полигоне проводились испытания ядерных зарядов.

В деятельности полигона можно выделить следующие этапные моменты:

1. Первый в Советском Союзе взрыв ядерного заряда 29 августа 1949 года;
2. Первый в Советском Союзе взрыв термоядерного заряда 12 августа 1953 года;
3. Первые в мире взрывы сверхмощных термоядерных бомб, сброшенных с серийного бомбардировщика 6 и 22 ноября 1955 года;
4. Первый в Советском Союзе подземный ядерный взрыв в штольне В-1, 11 октября 1961 года;
5. Первый в Советском Союзе подземный термоядерный взрыв в мирных народно-хозяйственных целях 15 января 1965 года;
6. Подземный ядерный взрыв в скважине 19 октября 1989 года.

Первые три этапа изменили статус нашего государства в мире. Советский Союз и до 1999 года был великой державой, имеющей большую численность населения, огромную территорию с богатейшими недрами, большой научный и

промышленный потенциал, мощные вооруженные силы. Но он стал великой ядерной державой, обладающей достаточным для своей защиты арсеналом современного ядерного оружия.

Четвертый этап положил начало совершенствованию разработанных методик измерения основных параметров развития взрыва, оценки его мощности в штольнях, аппаратуры и приборов, подвижных аппаратурных комплексов. Это привело к оптимизации работ по подготовке и проведению подземных взрывов, определению глубин заложения ядерных зарядов, исключая выход в атмосферу первичных радиоактивных продуктов, исследованиям местного и сейсмического действия этих взрывов на различных расстояниях от их места в целях обеспечения безопасности населения, зданий и сооружений населенных пунктов вокруг полигона и объектов на территории самого полигона.

Пятый этап был началом выполнения большой программы использования энергии ядерных взрывов в мирных народнохозяйственных целях.

Шестой этап явился следствием целого комплекса факторов и событий, произошедших в нашей стране во второй половине 80-х и в начале 90-х годов.

* * *

В 1953 году руководством страны было принято решение о значительном увеличении штатов полигона. Это было связано с рядом следующих причин:

1. Возрастала интенсивность испытаний. Если в 1949 году был произведен один взрыв, в 1951 – два, в 1953 – пять, то к 1954 году промышленностью было подготовлено к испытаниям уже порядка 10 ядерных зарядов;

2. Практическая невозможность дальнейшего привлечения большого числа специалистов НИУ АН СССР и других ведомств к длительной работе;

3. Необходимость в тщательном изучении всех поражающих факторов ядерных взрывов, а также результатов проведенных испытаний полевых и долговременных фортификационных сооружений.

Инициаторами этого были заместитель директора ИХФ АН СССР, научный руководитель полигона член-корреспондент АН СССР Садовский М.А. и начальник 6-го Управления МО генерал-майор Болятко В.А. Они еще на стадии проектирования оборудования Опытного поля и основной базы полигона на берегу Иртыша и их строительства доказывали руководству, что надо создавать не временную, как думало руководство, а постоянную базу для испытаний ядерных зарядов.

По прибытии на полигон первым нас принял временно исполняющий обязанности начальника полигона, начальник 5-го сектора полковник Гуреев И.Н. Он сказал, что мы будем работать на 5-м секторе и заниматься испытанием ядерного оружия.

Начальник инженерно-физического отдела 5-ого сектора подполковник Мартынов Н.Д., в отдел которого были назначены И.А. Бучило, А.Н. Дубинкин, Н.Е. Кортиков, В.А. Лаушкин, Ю.В. Папаев и я в беседе с нами был сверхкратким. Он сказал, что отдел занимается измерением параметров ударной волны взрывов, и все мы будем работать приборами.

Перспектива заниматься только измерениями нас особенно не устраивала, так как совершенно не соответствовала нашей специальности инженеров-строителей. Но возмущаться, что нас обманули кадровики в Москве, было уже абсолютно бесполезно, да и к тому же привлекала новизна нашей работы по испытанию ядер

ного оружия. К нашему счастью, о чем мы узнали в процессе работы в отделе уже в этом году, Николай Дмитриевич ошибался, так как он жил непродолжительным, но прошлым опытом своей работы с 1949 по 1953 год. В эти годы подготовкой приборов для измерения параметров ударной волны при взрывах занималась группа из 4-х человек, которую он возглавлял. Значительную часть измерений проводили испытатели боевой техники, сооружений и других объектов, которых группа обеспечивала приборами. А обработкой материалов измерений, их анализом и написанием отчетов занимались сотрудники ИХФ АН СССР и 6-го Управления.

По новому штатному расписанию, введенному в конце 1953 года, численность отдела составляла 24 человека. Отдел начал комплектоваться в первом квартале 1954 года. С нашим прибытием на полигон он был укомплектован полностью.

В состав отдела входили: заместитель начальника отдела подполковник Асташин В.Я., начальники лабораторий подполковники Кузнецов Н.А., Оносовский В.П., Шевчук М.Н., старший научный сотрудник Фефелов П.П., младшие научные сотрудники капитан Демехин В.М., старшие лейтенанты Бучило И.А., Дубинкин А.Н., Зорин Г.Ф., Кортиков Н.Е., Лаушкин В.А., Папаев Ю.В., старшие техники старшие лейтенанты Горемыкин В.М. и Усачев В.Н., лейтенанты Канисев Н.С., Проскурин П.М., Родин И.А., Сак М.Н., Сержпинский Э.В., Стахмич В.Н., Усков Н.А. и Шкляев Б.С.

Наши однокурсники Бондаренко А.С., Иванов И.А., Марков Ф.М., Нарыков И.И., Садовников Н.А. и Цибизов А.Т. попали в инженерно-технический отдел. Всего же из нашей академии на полигон в этом году было направлено 100 человек. 14 наших однокурсников – к строителям.

До середины сентября мы жили в палатках между 1 и 2 площадками Опытного поля, а потом на пункте «Ш» в казарме и очень редко выезжали на Берег (пункт «М»).

Готовили к испытаниям площадки П-2, П-3 и П-7. Работа заключалась в подготовке мест для установки приборов, прокладке измерительных кабелей, монтаже кабелей в приборных сооружениях. Одновременно готовилась модельная площадка для взрыва ВВ весом 380 тонн. На этой площадке должен был испытываться фрагмент городской застройки в соответствующем масштабе; каналы из металлических труб различного начертания в плане; металлические трубы, с отверстиями различного диаметра, для изучения затекания ударной волны в замкнутые объемы и масса различных защитных устройств фортификационных сооружений. Руководил установкой всех этих объектов на площадке старший лейтенант Кортиков Н.Е., а аппаратуру для измерений параметров ударной волны устанавливали сотрудники ИХФ АН СССР и офицеры нашего и инженерно-технического отделов. Укладкой полусферического тротилового заряда и его подготовкой к взрыву занимался наш начальник лаборатории подполковник Шевчук М.К. Взрыв этого заряда был произведен в первой половине сентября. На конец сентября был назначен первый ядерный взрыв. При всех взрывах измерения параметров ударной волны проводились по трем радиусам от центра (эпицентра) взрыва и у опытных объектов. Кроме того, часть офицеров занималась установкой новых приборов для измерения параметров ударной волны и волны сжатия в грунте, генерируемой воздушной ударной волной. Эта работа проводилась вместе со специалистами

ИХФ АН СССР, разработчиками этой аппаратуры. Начальники всех рангов нашего отдела только контролировали работу офицеров отдела, на каждого из которых приходилось до 8-12 пунктов измерений.

За несколько дней до взрыва, каждому офицеру выделялась грузовая машина, солдаты из подразделения, обслуживающего 5-й сектор батальона. Загрузив машину приборами, аккумуляторами, кабелями все разъезжались для их установки в пунктах измерения. Установка простейших приборов сложности не представляла. Эти приборы крепились на болтах, монолитно укрепленных на небольших бетонных площадках. А на расстояниях, где ожидалось давление ударной волны менее 1 килограмма на сантиметр, в подготовленных приемках. Установка и особенно снятие приборов СД-725 требовали достаточно много времени, так как запись производилась на бумаге, закопченной горящим куском плексигласа. Эту работу надо было проводить только на месте установки прибора. Сам прибор подвешивался на амортизаторах в цилиндрическом металлическом барабане с перфорированными стенками.

В день взрыва, облачившись в черный комбинезон, резиновые сапоги и белый колпак на голову, получив респиратор «лепесток», прибор ДП-1 и дозиметры, на грузовой машине вместе с солдатом выехали в выжидательный район за пунктом «Ш». Появилось чувство какого-то напряженного состояния и легкого волнения. Ведь большинство из офицеров отдела, да и всех других отделов сектора, впервые участвовали в испытаниях. Эти чувства усилились, когда после того как из динамика, установленного на командном пункте, услышали, что до взрыва осталось 20 минут, потом 10 минут. Особенное напряжение началось при обратном отсчете времени: до взрыва осталось 10 секунд, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1, ноль.

Все смотрели в сторону площадки П-3 через темную фото пленку. После короткой яркой вспышки я убрал пленку и увидел, как светящийся шар стал быстро затухать, поднимаясь вверх, образовав белое клубящееся облако, превращавшееся в шляпку гриба с красивой ножкой в виде трубки, расширяющейся в нижней части. Через 45-50 секунд подошла ударная волна. Звук был достаточно сильным, но ее воздействие не ощущалось телом. Взрыв был малой мощности. Через 39-40 минут после взрыва была дана команда на выезд на Опытное поле.

Аналогичных взрывов в октябре было проведено еще 8. После последнего взрыва серии испытаний 1954 года все начальники и научные сотрудники возвратились в городок, а техники остались приводить в порядок аппаратуру и готовить ее к перевозке на 5-й сектор.

В отделе шла интенсивная работа по систематизации и анализу материалов всей серии испытаний ядерных зарядов и модельного взрыва. Занимались этой работой сотрудники ИХФ АН СССР профессор Беляев А.Ф., Родионов В.Н., Романов А.Н., Сухотин А.П. и еще несколько прибористов, а также офицеры 6-го Управления МО СССР майоры Ю.В. Кондратьев и А.Н. Сысков. Здесь же был и научный руководитель полигона и один из его основателей член-корреспондент АН СССР М.А. Садовский.

Имя Садовского знали все офицеры инженерных войск. В наставлении по взрывному делу была приведена формула для расчета давления ударной волны, которая так и называлась «Формула Садовского», а также формулы для расчета размеров воронки взрывов зарядов ВВ. Михаил Александрович большую часть

времени проводил в нашем отделе, осуществляя руководство работой по анализу материалов измерений и подготовкой отчетов. Работа с ним и его сотрудниками была интересной, так как некоторые результаты измерений параметров ударной волны на площадке П-3 выявили новые, ранее не известные аномальные явления. На расстояниях от эпицентра взрыва, равных примерно высоте взрыва, в зоне протяженностью несколько сот метров ударная волна не имела ударного фронта, давление в ней было значительно меньше рассчитанного по формуле Садовского. В то же время в этой зоне танки получили гораздо большие повреждения, чем танки установленные на меньших расстояниях от эпицентра взрыва. В этой зоне отбрасывало танки на десятки метров и срывало башни. Этому явлению надо было найти объяснения. Новые данные по затеканию ударной волны в замкнутые объемы и при ее распространении в каналах, а также в городской застройке были получены и при модельном взрыве.

Мы уже в этом году осознали, что нас все же ожидает впереди интересная работа, а не только участь прибористов. В процессе работы мы познали и основные задачи отдела.

Главной и основной задачей отдела было определение мощности испытанных ядерных зарядов. Для этого использовалась методика М.А. Садовского, включенная в 1949 году в перечень официальных методик, используемых при проведении испытаний ядерных зарядов. Михаил Александрович в своих воспоминаниях (История атомного проекта, выпуск 11/97) писал: «С большим удовлетворением и сейчас через сорок с лишним лет, вспоминаю, что метод импульсов ударной волны при определении величины тротилового эквивалента оказался вполне надежным, ни разу не отказал и не требовал длительной обработки».

В самом конце 1954 года уехали в Москву сотрудники ИХФ и 6-го Управления. Перед отъездом М.А. Садовский сказал при мне начальнику отдела Н.Д. Мартынову, чтобы он в начале 1955 года отправил меня в командировку к нему, в Спецсектор ИХФ. А в январе 1955 года весь личный состав отдела был отправлен в отпуск за 1954 год.

По возвращении из отпуска научные сотрудники отдела занялись уже детальным изучением отчетов по проведенным испытаниям, научной и технической литературой по специальности. В марте я был направлен в командировку в Спецсектор ИХФ. Михаил Александрович поручил опеку надо мной Владимиру Родионову и Александру Ромашову. Они сделали все, чтобы я ознакомился с результатами исследований сотрудников, занимающихся проблемами ударной волны, обеспечили мне возможность изучить отчеты и научную литературу. Я до сих пор хорошо помню уникальные, ювелирно выполненные, признанным в ИХФ методом проведения микровзрывов во взрывной камере ИХФ А.И. Коротковым опыты. Особенно опыт по столкновению ударных волн, обтекающих преграду, где можно было увидеть не только качественную картинку взаимодействия этих волн за преградой, но и дать примерную количественную оценку давления в образовавшейся, при их столкновении, за преградой V-зоне. Я часто вспоминал эту первую мою командировку в Москву с чувством глубокой благодарности М.А. Садовскому и его сотрудникам за то доброжелательное отношение и их помощь мне в освоении новой специальности.

В июле 1955 года все офицеры отдела были направлены на подготовку очередных площадок к новой серии взрывов. Большая часть офицеров готовила к

испытаниям площадку П-5, на которой должны были испытываться подземные сооружения, состоящие из центральной шахты, от которой под углом 120 градусов друг от друга отходили выработки. Первая на глубине 25 метров, вторая – на 50 метров, третья – на 75 метров. Каждая выработка состояла из трех участков, имеющих отделку из монолитного железобетона, железобетонных и чугунных тубингов. Мне была поручена установка вибрографов ВВП и ВИБ-У в лотке, на боковых стенах и потолке каждого участка выработки. А в приборном сооружении автоматики вести разводку кабелей от кабельного ввода в него до осциллографов.

Требования к монтажу были строгие: скобки из жести одинаковой ширины, шаг скобок выдерживать до миллиметров. В тесном железобетонном каземате, если работало 3-4 человека, то и работать и дышать было трудно. Но уже через год, наконец, дошло, что при увеличении интенсивности испытаний и изменении схем и мест установки приборов не будет времени на демонтаж старых кабелей и монтаж новых. Сделали из досок аккуратные лотки, закрепили их к стенам приборных сооружений и от кабельного ввода до осциллографов или пультов кабели просто укладывались в эти лотки.

Еще надо сказать о том, что до 1957 года дозиметры выдавались нам только в день проведения взрыва. Всегда выдавался «карандаш» с пределом измерений до 5 рентген и пластмассовая кассета с фото пленкой для оценки более высоких доз. А доза радиации, полученная каждым из нас при выездах после взрыва на Опытное поле, являлась для нас тайной за семью печатями. В то время допустимая одноразовая доза для испытателей составляла 5 рентген, а годовая – 100 рентген. О полученной дозе иногда удавалось узнать у офицеров службы радиационной безопасности. Был небольшой период в 1955 году, когда нам выдавали прямо показывающие дозиметры, в которых высвечивались цифры дозы с пределом измерений до 5 рентген, но после этого мы их больше не видели. Командование полигона нарушало приказ Министра обороны СССР о том, что каждый офицер должен был иметь вкладыш к удостоверению личности с указанием в нем дат и полученных доз облучения.

* * *

В сентябре 1955 года Н.Д. Мартынов сказал, что с завтрашнего дня я поступаю в распоряжение академика Христиановича С.А.. На следующий день я прибыл к нему. Сергей Алексеевич познакомил меня со своими сотрудниками К.Е. Губкиным и П.Ф. Коротковым. Он рассказал, что при взрыве на Тоцких учениях в северо-восточном и восточном направлениях от места взрыва ядерного заряда стекла в зданиях населенных пунктов были выбиты ударной волной до 60-65 километров, а в противоположном только до 10-11 километров. Ему было поручено разобраться с причинами такого явления и разработать методику, позволяющую прогнозировать давление ударной волны при испытании двух сверхмощных термоядерных бомб в этом году.

Условиями, при которых происходит ослабление давления ударной волны, по сравнению с давлением, рассчитанным по формуле Садовского, занимался Губкин, а при которых происходит увеличение ее давления – Коротков. Они и познакомили меня со своими методиками детально.

Методики были достаточно простыми. Они основывались на лучевой картине распространения ударной волны взрыва под влиянием изменения с высотой

суммарной скорости ветра и скорости звука, зависящей от температуры воздуха. Если эта суммарная скорость уменьшается с высотой, то давление ударной волны с увеличением расстояния от места взрыва будет уменьшаться по сравнению с давлением волны, рассчитанным по формуле Садовского. Если же до некоторой высоты (обычно от 1 до 3 километров) суммарная скорость увеличивается с высотой, то лучи возвратятся к земле под некоторым углом и, за счет отражения от нее, давление в волне будет удваиваться.

В мою задачу входило изучение собранных группой С.А. Христиановича материалов, методик. Проведение расчетов по этим методикам по метеорологическим данным и построение лучевой картины распространения волны.

В это время в гостинице № 1, рядом со штабом полигона, где жил Сергей Алексеевич, уже находились Председатель государственной комиссии по проведению испытаний академик Курчатов И.В. и ее члены академики Харитон Ю.Б., Зельдович Я.Б. и Сахаров А.Д.

В состав этой комиссии также входили академик Федоров Е.К., член-корреспондент АН СССР Садовский М.А., генерал-полковник Неделин М.И., генерал-лейтенант Болятко Б.А., генерал-лейтенант Бурназян А.И., генерал-лейтенант Павлов Н.И., полковник Бенецкий Г.И., генерал-майор Енько А.В., полковник Гуреев И.Н. и два представителя 3-го Главного Управления Минздрава СССР.

В конце октября И.В. Курчатов провел установочное совещание Государственной Комиссии, на которое были приглашены начальники подразделений штаба и 5-го сектора, а также академики Христианович, Дородницын, Семендяев и несколько гражданских и военных ученых, привлеченных к этим испытаниям. Христианович взял на это совещание и меня, хотя я этому активно сопротивлялся, так как не по рангу было мое присутствие на нем.

На этом совещании И.В. Курчатов дал оценку общего состояния подготовки к испытаниям, призвал всех с максимальной ответственностью отнестись к ним и закончил свое выступление следующими словами: «Все мы коммунисты, и обязаны выполнить задание партии и правительства по проведению этих испытаний, но при полном обеспечении безопасности населения». После этого совещания заседания комиссии проходили два раза в день, утром и вечером.

Прогноз метеорологической обстановки, на планируемое на следующий день время взрыва, разрабатывался группой метеорологов из Главной авиационной метеостанции ВВС во главе с полковником Тарабриным Н.П. Он докладывал эти прогнозы на Госкомиссии.

Прогноз радиационной обстановки разрабатывался специалистами института прикладной геофизики, который давал Израэль Ю.А.

Прогноз по ударной волне рассчитывал я под наблюдением С.А. Христиановича, а докладывал он.

В течение недели, то по радиационной обстановке, то по ударной волне взрыв не мог быть произведен.

На вечернем заседании Госкомиссии 5 ноября всеми специалистами было доложено, что 6 ноября будут хорошие условия для проведения взрыва. Курчатов назначил время «Ч» и время утреннего заседания Госкомиссии.

Ожидавшие в холле гостиницы результатов заседания начальники отделов 5-го сектора по команде И.Н. Гуреева сразу же уехали на «Ш».

Рано утром 6 ноября, все подтвердили вечерний прогноз. Госкомиссия заслу-

шала дополнительно доклад начальника штаба полигона полковника Михайлова. Он доложил, что в опасной зоне на территории полигона людей нет, и служба безопасности населения подготовлена к работе. Подразделения штаба полигона готовы к выполнению своих задач. Начальник 5-го сектора доложил, что личный состав сектора готов к работе. Опытное поле полностью подготовлено к взрыву. Начальник полигона генерал-майор Енько доложил, что полигон к проведению испытаний готов. Завершил все доклады Ю.Б. Харитон, сказавший, что все подготовлено к испытаниям в полном объеме. И.В. Курчатов подтвердил время «Ч» и назначил время прибытия членов Госкомиссии на командный пункт.

КП был оборудован на втором этаже лабораторного здания 5-го сектора, окна которого были обращены в сторону Опытного поля. Здесь же находился и командный пункт руководителя полетом самолета-носителя.

Все докладывающие привезли на КП отпечатанные доклады. Все прогнозы представлялись в виде докладов-прогнозов, подписанных их разработчиками. Доклад-прогноз по ударной волне подписали С.А. Христианович и я. Все эти доклады были приложены к решению Государственной Комиссии, которое подписывалось на КП всеми ее членами.

В этот день 6 ноября 1955 года была сплошная низкая и многослойная облачность. Вспышки взрыва с КП руководства испытаниями не было видно. Звук взрыва, с подошедшей к городку воздушной ударной волной, был очень слабым. У всех сложилось впечатление, что термоядерный заряд не сработал на полную мощность. Но через некоторое время по телефону на КП, доложили, что повреждения зданий на пункте «Ш» аналогичны таковым при взрыве в августе 1953 года.

С.А. Христианович был доволен тем, что его прогноз о значительном ослаблении давления ударной волны подтвердился.

Даже в жилом городке полигона, самом близком к Опытному полю населенном пункте, ударной волной не выбило ни одного стекла. После обработки результатов измерений на Опытном поле было окончательно установлено, что энергосодержание при взрыве соответствовало расчетному – 250 тыс. тонн. Но при этом взрыве наблюдалось битье ударной волной, отраженной от верхних слоев атмосферы на высоте 30-50 километров, отдельных стекол в г. Усть-Каменогорске (340 километров от места взрыва). И в поселках Горняк и Локоть (320 километров) Алтайского края. С.А. Христианович на заседании Госкомиссии, заслушивающей методики прогнозирования, еще в октябре, докладывал, что существуют зоны аномальной слышимости звука волн взрывов на больших расстояниях от их места, в то время как на меньших расстояниях этого не наблюдалось. Было также известно, что расстояние от места взрыва до зоны аномальности слышимости меняется с течением времени из-за сезонных изменений скорости и направления ветра в атмосфере на высотах 30-50 километров. Но никто не мог даже предположить, что на таких расстояниях от места взрыва может быть повреждено остекление зданий. Поэтому перед взрывом в города Павлодар (250 километров), Семипалатинск (170 километров) и Усть-Каменогорск (340 километров) были направлены представители полигона. Полковник Коршунов Е.И. доложил по прибытии из Усть-Каменогорска, что звук ударной волны там был достаточно сильным и резким, что и привело к битью стекол. Представители, бывшие в других городах, звука ударной волны в них не слышали.

8 ноября весь личный состав 5-го сектора работал. На Опытном поле устанав-

ливали аппаратуру и приборы к следующему более мощному взрыву на площадке П-5. Госкомиссия заседала, как всегда, 2 раза в день. Но приемлемых метеорологических условий для проведения взрыва не было. После одного из заседаний И.В. Курчатов сказал, что его тревожит вопрос воздействия ударной волны такого мощного взрыва на бомбардировщик-носитель, и предложил всем пойти в его кабинет и послушать его разговор с А.Н. Туполевым. Игорь Васильевич обменялся с ним несколькими фразами общего характера, а потом назвал время и расстояние догона (достижения) ударной волной самолета и величину давления в ней. После окончания разговора по телефону, он сказал, что, по рекомендации Туполева, самолет должен уходить от места взрыва по прямой, и тогда догнавшая его ударная волна не повредит самолет. После этого самолет может менять курс. Абсолютно исключается полет самолета навстречу ударной волне, так как в этом случае могут быть повреждены его крылья.

Памятуя о битве стекол ударной волной в Усть-Каменогорске, встал вопрос о предупреждении населения города Семипалатинска о времени взрыва, чтобы исключить поражение населения осколками стекла. Начальник штаба полигона заявил, что оповещение населения города о его выходе из зданий и сооружений во время взрыва будет являться нарушением установленного режимными органами порядка проведения испытаний. На это заявление самый активный член Госкомиссии Я.Б. Зельдович ответил: «Все население города знает, что когда начинаются испытания, то закрывается аэропорт, он обносится тремя рядами колючей проволоки, и по периметру ограждения выставляется охрана. Наиболее любознательные, а их очень много, знают, что когда с аэродрома поднимается бомбардировщик в сопровождении истребителей, то через полтора часа будет взрыв. И все лезут на крыши высоких домов, чтобы на него посмотреть». Этого аргумента оказалось достаточно для принятия решения об оповещении населения Семипалатинска.

До этого население Семипалатинска никогда не предупреждалось о взрывах. Взрывы не проводились, если по прогнозу радиоактивное облако не только наземных, но и воздушных взрывов могло пройти над этим городом. Это условие обеспечивало полную безопасность населения в случае, если бы планируемый воздушный взрыв по какой-либо причине произошел на малой высоте или на земле и радиоактивное облако накрыло город. Эвакуировать население города в такой обстановке не удалось бы. Правильность соблюдения таких условий по Семипалатинску подтвердилась при испытаниях 7 августа 1962 года, когда ядерный заряд, мощностью 10 тыс. тонн, установленный на тактической ракете «Луна», взорвался на земле, а не на высоте 300 метров.

Радиоактивное облако этого взрыва прошло над пунктом «Ш» и вдоль дороги от него, через 40 минут накрыло наш жилой городок. Командование полигона смогло только предупредить его население по радио, чтобы оно не выходило из помещений и плотно закрыло все окна. Но это не спасло население городка от достаточно сильного переоблучения. А об организации эвакуации из городка из-за недостатка времени не могло быть и речи. В других же населенных пунктах, в потенциально опасной зоне вокруг полигона, с небольшой численностью населения полигонная служба безопасности населения и местные органы власти всегда были готовы эвакуировать население.

Время проходило, но, то по условиям по Семипалатинску, то по ударной волне, не позволяли провести испытания. По прогнозам метеорологов улучшения

условий в этот период года не предвиделось. Тогда И.В. Курчатов предложил пойти на некоторое разрушение остекления в городке полигона и в ближайших населенных пунктах. Члены комиссии согласились с ним. На полигон было доставлено несколько вагонов стекла и сформированы бригады для быстрого восстановления остекления.

Метеоусловия позволяли произвести взрыв 19 ноября. Все было подготовлено к проведению испытаний, но летчики самолета-носителя доложили, что отказали прицелы, а цель они не видят из-за сплошной облачности. Госкомиссии надо было срочно принимать решение. И.В. Курчатов обратился к Харитону, Зельдовичу и Сахарову с вопросом: можно ли посадить самолет с бомбой в Семипалатинске. Все они сказали, что это совершенно безопасно и самопроизвольного взрыва не произойдет, даже в случае падения самолета на землю. И.В. Курчатов дал команду на посадку самолета-носителя в Семипалатинске и пригласил всех пройти к нему в кабинет. Он позвонил на аэродром и приказал докладывать ему информацию о полете, а сам, не отрывая трубку телефона от уха, повторял для всех, находящихся в его кабинете, то, что ему докладывали из Семипалатинска. Когда доложили, что самолет заходит на посадку, напряженное состояние у всех возросло. Потом самолет приземлился, идет по полосе, затормозил, вышел на рулежную дорожку, подошел к ангару, остановился у ангара. И когда И.В. Курчатов положил трубку, все облегченно вздохнули.

Взрыв был произведен только в середине дня 22 ноября.

Члены Государственной комиссии были на командном пункте руководства на 5-м секторе. Наблюдали за взрывом с трибуны с навесом, построенной для этого между корпусом 29 и высоким ограждением территории сектора. Картина развития взрыва потрясла всех, уже повидавших не один мощный ядерный взрыв. Огненный шар огромных размеров светился около минуты. Тепло от его излучения достаточно сильно чувствовалось кожей лица и рук. Стремительно поднимающийся, светящийся шар увлек за собой огромное количество пыли, образовав над Опытным полем черное облако, закрывшее солнце. Размеры этого облака были такими, что заметно потемнело. М.А. Садовский предложил всем быстро сойти с трибуны. Ударная волна подошла к городку через 3 с лишним минуты после взрыва. Последовало 2 мощных удара, а через некоторое время еще один, но более слабый. Ударная волна повалила деревянное ограждение сектора, разломала трибуну, в здании с треском вылетели стекла вместе с фрамугами, разбило в щепки входные двери. Через несколько минут, когда все члены Госкомиссии пришли в себя от увиденной картины развития взрыва и воздействия ударной волны, они стали поздравлять академика А.Д. Сахарова с успешным испытанием его детища. Термоядерные бомбы, испытанные на полигоне 12 августа 1953 года, 6 и 22 ноября 1955 все называли «Сахаровскими».

Вечером того же дня на 5-м секторе по результатам измерений ударной волны на Опытном поле и по другим методикам была оценена мощность этого взрыва. Она составила 1,8 млн тонн ТЭ.

В это время Н.С. Хрущев и Н.А. Булганин были с визитом в Индии. Выступая в ее парламенте, Н.С. Хрущев сказал, что в Советском Союзе успешно проведены испытания водородной бомбы мощностью несколько миллионов тонн, и что взрыв произведен на большой высоте. Только после его выступления там, в нашей печати появилось сообщение об этих испытаниях. Несколько позже нам рассказали, что в США не могли поверить в нашу техническую возможность

проведения такого мощного взрыва на большой высоте и создали специальную экспертную комиссию для оценки этих возможностей. По одной из версий этой комиссии, СССР, возможно, создал специальный самолет-носитель. Анализ результатов измерений параметров ударной волны и докладов представителей полигона, а затем и детальное обследование состояния зданий и сооружений населенных пунктов за границами полигона показали следующее:

1. Давление ударной волны в пункте «Ш» (17 километров от места взрыва) было в 1,5 раза выше рассчитанного для однородной атмосферы по формуле М. А. Садовского, в выжидательном районе (41 километр) – в 3,2 раза, в жилом городке полигона (67 километров) – в 4,6 раза;

2. В северо-восточном секторе слабые разрушения зданий наблюдались до расстояний 80-90 километров, а битье отдельных стекол в населенных пунктах на расстояниях до 120-140 километров;

3. Измеренное в жилом городке давление ударной волны более чем в 2 раза превышало давление в ней, прогнозируемое по методике П.Ф. Короткова;

4. Наблюдалось разрушение остекления зданий ударной волной, отраженной от верхних слоев атмосферы в Жала-Семей (район г. Семипалатинска, на левом берегу Иртыша) (радиус – 170 километров);

5. Разрушение остекления ударной волной ядерных взрывов начинается при значительно меньшем ее давлении, чем при взрывах зарядов ВВ, на которые ориентировались при принятии решения на проведение этого взрыва мегатонного класса;

6. Измерение давления ударной волны взрывов 6 и 22 ноября 1955 года на «Ш», 41-м километре и в жилом городке полигона показало, что в зависимости от метеорологических условий она может изменяться в несколько раз по сравнению с давлением волны, рассчитанным по формуле М.А. Садовского. С увеличением расстояния от места взрыва эта разница увеличивается.

Две недели я еще работал у С.А. Христиановича над оформлением отчета. В один из дней Сергей Александрович пригласил к себе в комнату А.Д. Сахарова. Он спросил у него, какой же максимальной мощности термоядерную бомбу тот может сделать. А.Д. Сахаров ответил, что создание бомбы мощностью несколько сотен миллионов тонн реально, но абсолютно бессмысленно, как с точки зрения механики взрыва, так и здравого смысла. Вы сами увидели, сказал он, результаты воздействия последнего взрыва, которым можно уничтожить любой самый большой город мира вместе с его пригородами. После этих испытаний А.Д. Сахаров больше не был на нашем полигоне.

Я возвратился в отдел, где также надо было готовить отчет. А С.А. Христианович со своими помощниками вскоре уехал в Москву, облачившись в солдатский бушлат и шапку, так как он приехал на полигон еще в августе и без теплой одежды.

Как-то начальник отдела Н.Д. Мартынов сказал, что его и меня вызывает начальник полигона. В кабинете А.В. Енько, кроме него, были М.И. Неделин, В.А. Болятко, Г.И. Бенецкий и И.Н. Гуреев. Неделин сказал: «Проводить испытания зарядов большой мощности вслепую мы больше не можем. Нельзя допустить такого огромного, исчисляемого миллионами рублей, ущерба населенным пунктам. Я дам задание ученым Академии наук, но вы сами постарайтесь разобраться с влиянием метеоусловий, чтобы к испытаниям в следующем году были надежные методы расчетов. Готовьте программу исследований. Аппаратурой вас обеспечат, а я выделю людей и технику из войск».

После этой встречи с М.И. Неделиным Н.Д. Мартынов освободил меня от всех других обязанностей по службе, сказав, что моя задача работать только над методикой. Достаточно быстро мне удалось разработать теоретическую гипотезу, сопоставить результаты расчетов по ней с измерениями давления ударной волны на пункте «Ш», 41-м километре и в городке и на основании этих измерений получить эмпирический коэффициент к теоретической формуле. Кстати сказать, что после статистической обработки всех результатов измерений параметров ударной волны при воздушных и наземных взрывах, вплоть до их запрещения, этот эмпирический коэффициент, равный 1,4, не изменился. Это свидетельствует о том, что теоретическая гипотеза была выбрана правильно.

Давление ударной волны под действием метеорологических условий увеличивается не за счет отражения ее от поверхности земли, а совершенно по другим причинам. Я сразу же показал свои расчеты М.А. Садовскому. Он их одобрил, и все материалы были помещены в отчет по испытаниям 1955 года. Уже в этом году все научные сотрудники отдела принимали активное участие в анализе результатов измерений и написании отчетов.

В январе 1956 года мы всем отделом были отправлены в отпуск за 1955 год.

В апреле 1956 года я был вызван в Москву в 6-е Управление. Ю.Б. Кондратьев и А.Н. Сысков обеспечили мне возможность побывать на заседании научно-технического совета Центральной аэрологической обсерватории в Долгопрудном, где удалось ознакомиться с результатами ракетного зондирования атмосферы, в институте климатологии и обзавестись научной литературой по новому направлению работы. В 6-м Управлении МО СССР мы с Ю.В. Кондратьевым обсудили программу измерений параметров слабых ударных волн на 1956 год, которая была включена в общую программу испытаний.

В этой программе впервые был введен термин «слабые ударные волны». К ним мы отнесли волны с давлением менее 0,1 килограмма на сантиметр. При таком давлении человек на открытом месте не получает никаких поражений. При давлении немногим более 0,1 килограмма на сантиметр у человека ударной волной разрывает барабанные перепонки ушей. Но здания при давлении 0,1 килограмма на сантиметр, а это динамическая нагрузка на элементы зданий в 1 тонну на метр, получают слабые разрушения. Человек, находящийся в здании, может быть поражен, разлетающимися с большой скоростью осколками стекол, оконных рам, дверей и деревянных перегородок.

В июне поступило указание 6-го Управления о создании, за счет штатов 5-го сектора, временного отдела по исследованию слабых ударных волн. Одновременно с этим полигон получил микробарографы, тарировочные установки к ним и осциллографы МПО-2. Отдел возглавил полковник Кузнецов Н. А., его заместителем был назначен я, старшим научным сотрудником капитан Цибилов А.Г., ответственным за подготовку измерительной аппаратуры старший лейтенант Малахов А.И. Остальные должности были укомплектованы за счет вновь прибывших и назначенных в отделы 5-го сектора офицеров. Научным руководителем отдела стал подполковник Кондратьев Ю.В.

В августе началась новая серия испытаний ядерных зарядов. Председателем Государственной Комиссии был назначен уже ставший маршалом артиллерии М.И. Неделин.

М.А. Садовский сказал мне, что Госкомиссия на одном из первых заседаний будет заслушивать методики прогнозирования, и мне надо доложить свою мето-

дику. После доклада и ответов на вопросы членов Госкомиссии Я.Б. Зельдович сказал: «Зерно есть, других методик нет. Примем эту методику и проверим ее в работе». А Ю.Б. Харитон пригласил меня к себе, где внимательно рассмотрел все графики, формулы и пленки с записями ударной волны взрыва 22 ноября 1955 года.

На всех последующих заседаниях Госкомиссия заслушивала мои прогнозы, независимо от мощности взрыва, и результаты измерений давления ударной волны этих взрывов.

Измерения проводились по профилю от пункта «Ш» до городка и на расстояниях 80, 100 и 120 километров на правом берегу Иртыша, а также постами на расстояниях 150, 160, 170 (Семипалатинск) 180, 190, 200 и 340 (Усть-Каменогорск) километров от места взрыва. В городах Павлодар, Ермак, Семипалатинск и Усть-Каменогорск по указанию М.И. Неделина были установлены для регистрации волн войсковые станции С43-6 (звукоулавливатели).

Кроме утреннего и вечернего заседаний Госкомиссии, несколько раз приходилось докладывать маршалу и ночью. Долгое ожидание привело к тому, что некоторые члены Госкомиссии, ссылаясь на то, что взрыв будет произведен на большой высоте и на следе от радиоактивного облака, если он попадет на Семипалатинск, в городе будет только небольшое повышение радиационного фона, предлагали провести испытания. Это предложение было категорически отвергнуто начальником полигона и представителями 3-го Главного Управления Минздрава СССР, которых поддерживали М.И. Неделин и В.А. Болятко.

Хорошие условия сложились только 17 ноября. Прогноз по ударной волне оправдался. Битья стекол не было. После взрыва М.И. Неделин поздравил меня к себе и сказал: «Спасибо тебе, капитан. Хорошо рассчитал. Я думаю, что мы с тобой поработали отлично и завтра заслуженно можем отдохнуть, а они (показав руками на окружающих) пусть поработают. Ты Рыбак?» После моего утвердительного ответа маршал сказал, чтобы я к 7.00 был у коттеджа. Кроме меня, на рыбалку поехали порученец маршала и старшина сверхсрочной службы Георгий Рубанников, который утром наловил живцов и вез их в бачке. Рыбачили у Малых Актар в большой заводи уже покрытой льдом. Жора прорубил пешней маршалу несколько лунок. И тот, размотав жерлицы, насадив на тройники живцов, стоя наблюдал за сигнальными флажками. Мы с Жорой ловили на блесны окуней. Вдруг крик: «Багор! Багор давай!» Порученец маршала схватил багор и побежал к нему. Маршал забагрил и вытащил из лунки нельму килограммов на 6-7. Радости его не было предела. Он сокрушался, что нет фотоаппарата. «Приеду в Москву, угощу друзей пирогами с нельмой, а ты капитан, завтра на Комиссии подтвердишь, что я сам поймал такую большую красавицу», – сказал он.

* * *

На полигоне также был создан отдел метеорологических исследований, который возглавил подполковник Воропаев П.Т., до этого приезжавший на испытания с группой метеорологов из ВВС.

В штаты полигона был введен аэростатный отряд, возглавляемый капитаном Владимиром Александровым.

22 марта 1958 года был проведен последний, как мы считали, воздушный взрыв на нашем полигоне, так как с 31 марта вступал в силу мораторий на проведение ядерных взрывов в атмосфере.

В начале апреля было проведено собрание офицеров 5-го сектора, на котором выступил генерал-полковник В.А. Болятко. В своем выступлении он сказал, что мораторий не должен привести к расслаблению рабочего ритма коллектива сектора. Надо использовать это время для детального анализа всех полученных отделами результатов измерений, поработать над совершенствованием методик измерений и аппаратуры. В заключение (цитирую практически дословно) он сказал: «Политики запада не дадут спокойно жить нашей стране. Мораторий – только передышка в испытаниях. Ядерное оружие будет совершенствоваться, а без испытаний его новые образцы не проверишь. Так что работайте так же, как работали все прошлые годы. Хватит работы по испытанию ядерного оружия вам, вашим детям и внукам». И В.А. Болятко был прав. Полигон еще долгие годы выполнял свои функции.

* * *

В марте 1958 года была разработана программа исследования слабых ударных волн на 1958-1959 годы модельных (тротильных) взрывов.

Задачами исследований были:

- выявление основных факторов, приводящих к трансформации формы прямой ударной волны, распространяющейся вдоль поверхности земли, в звуковую;
- определение положения зон прихода и зоны максимальных давлений в них, относительно места взрыва в течение года.

Программа была утверждена В.А. Болятко.

Модельные взрывы зарядов ВВ весом 0,5 тонны проводились еженедельно, с перерывами в апреле и мае 1959 года. Кроме того, была проведена серия взрывов зарядов ВВ весом в 2,5 килограммов, при которых, с помощью аэростатного отряда, удалось провести через 30 секунд после наземных взрывов воздушные взрывы и измерения параметров ударной волны на различных высотах от поверхности земли. В летний период года при регистрации отраженной волны офицеры и солдаты размещались в базовых палаточных лагерях, развернутых в районе Каркаракаменска, Баян-Аула, Караганды и Павлодара. В базовых лагерях стояли радиостанции РАФ -5, дизельные электрогенераторы, полевые кухни. В дни проведения взрывов офицеры с радистами выезжали из этих лагерей по своим постам наблюдений для регистрации волн этих взрывов. В юго-западном направлении измерения проводились на расстояниях от 150 до 250 километров, в западном – от 150 до 350 километров, в северо-западном от 150 до 250 километров.

В зимний период года при измерении параметров отраженной ударной волны базировались в войсковых частях Семипалатинска, Белокаменки и Усть-Каменогрска. Эта схема размещения постов наблюдения использовалась с 1957 года при ядерных взрывах.

Все офицеры были вооружены пистолетами ТТ, а экипажи радиостанций карабинами. За весь период исследований не было ни одного ЧП, только жены многих офицеров бунтовали из-за того, что их мужья так долго бывали в командировках. А некоторые из них уезжали с детьми на лето в эти базовые лагеря.

Летом 1958 года из 6-го Управления поступила команда о срочном проведении взрыва зарядов ВВ весом 3, 30 и 300 тонн с регистрацией отраженной волны на расстояниях 500, 750 и 100 километров от Опытного поля полигона. Самый дальний пост был в г. Петропавловске Северо-Казахстанской области (1015 ки-

лометров). Взрывы были проведены с интервалом между ними в 15 минут. Волны всех этих взрывов были четко зарегистрированы на всех постах. Пленки с записями были срочно доставлены в Москву. Оказалось, что эти пленки были необходимы М.А. Садовскому, так как он с группой других специалистов выезжал в Женеву на международную конференцию по оценке возможностей контроля национальными средствами каждой страны-участницы этой конференции, за проведением ядерных взрывов. Кроме наших пленок, у М.А. Садовского были пленки записей волны ядерных взрывов, зарегистрированных специалистами ЛИПАН (ныне РИЦ «Курчатовский институт») в Москве.

Еще на этой конференции специалисты пришли к заключению, что современные технические средства позволяют по целому ряду факторов надежно определить факт и место проведения ядерного взрыва в атмосфере и выявить нарушителя моратория. Однако политики и до настоящего времени не признают это заключение специалистов, и более поздние, когда методы засечки ядерных взрывов в любых средах доведены до совершенства, и требуют нахождения на нашей территории контролеров с соответствующей аппаратурой.

Осенью 1958 года я был вызван в Москву, где вместе с Ю.В. Кондратьевым подготовил рукопись по результатам последствий распространения ударной волны ядерных взрывов в атмосфере в очередной «Бюллетень», издаваемый 6-м Управлением. Однажды распахнулась дверь в комнату, где мы работали, и раздался голос В.Я. Болятко: «Для вас приказ Министра обороны не указ? Почему после 19.00 вы еще работаете?» Увидев меня, поинтересовался, чем мы занимаемся и уже миролюбиво сказал, чтобы мы заканчивали на сегодня работу. Это было через 10 дней после выхода Приказа Министра об упорядочении рабочего времени офицеров.

Я за свою службу в Советской Армии пережил несколько таких приказов, которые всеми начальниками забывались через несколько месяцев после их объявления в войсках, а в условиях службы на 5-м секторе полигона такой приказ вообще нельзя было выполнить.

В январе 1960 года отдел был расформирован. Начальник отдела Н.А. Кузнецов перевелся в Москву. Большинство офицеров назначили во вновь созданный учебный центр, некоторые возвратились в свои отделы. Начальник 5-го сектора генерал-майор Виноградов Н.Н. предложил мне перейти на должность старшего научного сотрудника в инженерно-технический отдел, но я отказался, сказав, что меня не смущает понижение в должности и я не хочу менять свою специальность, и вернуться в отдел И.Д. Мартынова на должность младшего научного сотрудника. Он одобрил мое решение, сказав, что сохранит мне должностной оклад старшего научного сотрудника.

Инженерно-технический отдел в период моратория проводил модельные работы с различными задачами. Шла и подготовка к первому подземному ядерному взрыву на полигоне. Мне было поручено заниматься исследованиями местного действия подземных взрывов в группе полковника Асташина В.Я., в которую входили и химики подполковники Кузнецов Е.С. и Шевченко Г.Н. Они при различных приведенных глубинных заложениях заряда фиксировали время выхода радиоактивного фактора из полости взрыва на поверхность с целью оценки глубины заложения ядерного заряда, исключающей выход первичных радиоактивных продуктов этого взрыва в атмосферу.

В июне 1961 года из 6-го Управления поступила команда о подготовке к 1

сентября Опытного поля для проведения ядерных зарядов в атмосфере. В присланной общей программе испытаний предусматривалось измерение параметров прямой волны в северо-восточном направлении от пункта «Ш» до 150 километров и отраженной волны на расстояниях от 150 до 250 километров, но только по одному направлению от места взрыва летом и зимой. Для организации этих измерений был создан временный отдел. На меня была возложена обязанность возглавить этот отдел, который был сформирован из офицеров 5-го сектора. Из старого 1-го отдела выделили только майоров Цибизова А.Г. и Ускова Н.А. Надо было организовывать систему радиосвязи, обучать офицеров работать с аппаратурой.

Испытания на опытном поле начались 1 сентября 1961 года и продолжались до декабря 1962 года с перерывом с ноября 1961 года по июль 1962. Интенсивность этих испытаний была очень большой. В месяц испытывалось 12-16 ядерных зарядов. А в нескольких случаях испытывалось по два заряда в день.

Несмотря на такой темп испытаний, все задачи, поставленные перед 5-м сектором, были выполнены. Только в декабре 1961 года не смогли испытать из-за метеорологических условий один ядерный заряд средней мощности.

Временный отдел в январе 1962 года был расформирован, Цибизов, Усков и я вернулись в свой инженерно-физический отдел.

* * *

Летом 1961 года началась подготовка к проведению первого подземного взрыва.

В отдел еще с самого начала года стали поступать аппаратура и приборы для измерения параметров волны сжатия и сейсмических волн. Научные сотрудники отдела стали изучать материалы по проведению подземных взрывов в США.

К первому подземному взрыву на полигон приехали сотрудники ИФЗ АН СССР и 12 ЦНИИ МО СССР с разработанными ими приборами. Они обучали офицеров отдела работе со всеми этими приборами.

О подготовке и проведении подземных взрывов в штольнях и скважинах рассказано достаточно подробно в ранее изданных сборниках и воспоминаниях участников этих работ. Здесь же я хочу остановиться только на отдельных моментах этого периода испытаний.

Это прежде всего условия работы прибористов всех отделов сектора при подземных взрывах в штольнях, где температура воздуха земли зимой и летом была 8-10 градусов. Поэтому устанавливать приборы было легче, чем на Опытном поле при жаре летом и холоде зимой.

Для нашего и инженерно-технического отделов, в задачи которых входило измерение параметров сейсмических волн на различных расстояниях от места взрыва. Условия были такие же, как на Опытном поле, за исключением того, что не было радиации. Система измерений сейсмических волн, при первых двух взрывах, еще не сложилась, но, памятуя о безопасности населения, при последующих, более мощных взрывах, нам необходимо было проводить измерения в нашем городке, поселке Комсомольском (жилом городке дивизии дальней авиации). В Семипалатинске измерения проводились сотрудниками ИФЗ АН СССР на их, постоянно действующей сейсмостанции. Инженерно-технический отдел проводил измерения на различных объектах на территории полигона.

Первый подземный взрыв в штольне В-1, 11.10.1961 года прошел нормаль-

но. Но при втором взрыве в штольне А-1 02.02.1962 года произошел выход радиоактивных газов из полости взрыва в штольню. При взрыве заклинило дверь в приборный бокс, сделанный в боковой выработке. А когда удалось пройти в этот бокс, то после проявления пленок осциллографов оказалось, что они все засвечены. Не помогла восстановить запись показаний приборов даже криминалистическая лаборатория МВД в Москве.

Все дело в том, что проектировщики взяли за основу опыт проведения штольневых взрывов в США, и по их образцу и подобию запроектировали и эти наши штольни с приборными боксами в них.

При последующих подземных взрывах в штольнях регистрирующую аппаратуру стали устанавливать в построенных на поверхности земли, недалеко от их устьев, каркасных домиках, обшитых досками. А потом перешли на установку этой аппаратуры на автомашины с кунгами из ПРТБА и специальные фургоны.

С 1 января 1963 года был снова объявлен мораторий на проведение испытаний ядерных зарядов в атмосфере. Готовились штольни к испытаниям в 1964 году.

В 1963 году отдел принимал участие в комплексной НИР «Научно-методологические основы испытаний ядерного оружия». Ю.В. Папаев, А.Н. Удов и я готовили раздел этой темы «Проведение испытаний на подготовленных площадках». В этом разделе был обоснован минимальный, но достаточный комплект приборов для оценки мощности испытываемых ядерных зарядов по импульсу регистрируемой ударной волны, а также методика выбора места для этих испытаний. Материалы были направлены научному руководителю этой комплексной работы, начальнику морского филиала 12 ЦНИИ МО СССР контр-адмиралу Яковлеву Ю.С. в Ленинград. Через три недели я вылетел туда в командировку. Наш материал был принят без замечаний, и мне не пришлось дорабатывать его там.

Испытания ядерных зарядов в штольнях продолжались с марта 1964 года

При переходе только к подземным испытаниям изменилась и организация их проведения. Государственная комиссия не создавалась, а совместным приказом МСМ и МО СССР назначался их руководитель. Руководителями назначались уже заместители главных конструкторов предприятий МСМ и довольно часто начальник 5-го сектора.

При взрывах на выброс и когда прогнозировался выход радиоактивных газов в атмосферу, создавалась служба безопасности населения в поселках и аулах, расположенных в секторе ожидаемого прохождения радиоактивного облака. Руководитель испытаниями, командование полигона перед взрывом заслушивали прогнозы метеорологов, химиков и сейсмологов. Жители немногочисленных населенных пунктов и г. Семипалатинска всегда предупреждались о времени проведения взрыва через местные органы власти. Воздействие сейсмических волн при взрывах порядка 100 тыс. тонн на здания и сооружения Семипалатинска и других населенных пунктов не могло привести к каким-либо их повреждениям, так как не превышало 4-х баллов. Но психологическое воздействие на людей, находящихся в зданиях, было очень сильное из-за скрипа стропил, кровли, деревянных полов, раскачивания висящих предметов, дрожания мебели, дребезжания окон и посуды. Это воздействие приводило к тому, что люди выбегали из домов. Люде же, находящиеся на открытой местности, колебаний почвы не ощущали.

Такое психологическое воздействие на людей систематических взрывов привело к тому, что в октябре 1964 года руководство Семипалатинской области обратилось к первому секретарю Казахстана Д.А. Кунаеву с жалобой на повреждение в городе многих зданий и коммунальных сетей от сейсмического воздействия подземных взрывов на полигоне. Тот позвонил Л.И. Брежневу. В итоге была создана межведомственная комиссия, в состав которой вошли: директор института геофизики и инженерной сейсмологии АН Армянской ССР академик Назаров А.Г., его заместитель по научной работе Карапетян Б.К., заместитель директора по научной работе КазпромНИИпроекта Жунусов Т.Ж., начальник отдела ПромНИИпроекта МСМ Мясников К.В., заведующий лабораторией ИФЗ АН СССР Шамин В.М., заведующий отделом строительства Семипалатинского обкома КП Казахстана, от 12 ГУ МО СССР подполковник Кондратьев Ю.В., от Главного управления строительства специального строительства полковник (фамилию не помню) и от полигона я.

Комиссия работала в Семипалатинском обкоме. Ей был представлен большой список поврежденных зданий. Комиссия наметила оптимальную последовательность их осмотра. И сразу же поехала в поселок цементного завода. Поселок состоял из однотипных двухэтажных домов из силикатного кирпича. Как только подошли к первому из них, опытные специалисты по инженерной сейсмологии Жунусов и Карапетян авторитетно заявили, что трещины на фронтоне дома и трещины, идущие под углом примерно в 45° от перемычек окон вверх, а также на углах дома вызваны воздействием сейсмических волн взрывов. Наш полковник из Гуса, осмотрев трещины в нижней части здания, спросил, когда были покрашены стены зданий, и попросил принести лестницу. Он осмотрел трещины в верхней части дома. Выяснилось, что дома были покрашены 4 года назад, когда полигон не произвел еще ни одного подземного взрыва, а трещины в стенах уже были, и на всю глубину были покрыты краской. Некоторые члены комиссии тоже осмотрели трещины и согласились с мнением нашего военного строителя, что причина появления этих трещин – основание из пучащихся глин и недостаточная толщина песчаной подушки под фундаментами домов. Аналогичная картина наблюдалась и при осмотре других зданий города. В здании профтехучилища, в стенах которого были трещины от земли до карниза шириной до 10-15 сантиметров в верхней части, было установлено, что они появились вследствие нарушения строительных норм и правил. При такой длине здания из силикатного кирпича должно было быть два осадочных шва в его наружных и внутренних стенах. А их не было совсем. А с водопроводными и напорными канализационными сетями разобрались очень быстро, затребовав журналы учета аварий на этих сетях за последние 5 лет. И оказалось, что число этих аварий в 1964 году было меньше, чем в предыдущие годы.

После трех дней работы вся комиссия вертолетом была доставлена на полигон. После изучения результатов измерений параметров сейсмических волн в Семипалатинске, комиссия составила доклад о результатах своей работы. Она пришла к выводу, что основной причиной повреждений стен зданий в Семипалатинске является нарушение строительных норм и правил при проектировании и строительстве и плохое качество строительных работ. Независимые эксперты из Армении и ИФЗ АН СССР сразу же согласились с этими выводами, а представители Казахстана попросили добавить к выводам комиссии, что сейс-

мическое воздействие более мощных подземных ядерных взрывов может привести к расширению трещин в стенах зданий. Все члены комиссии подписали доклад. Представляю, что пришлось пережить заведующему отделом строительства обкома партии после его возвращения в город.

Выводы комиссии подтвердил один случай, когда жилой трехэтажный дом, построенный в Семипалатинске из силикатного кирпича местного производства, перед самой сдачей его в эксплуатацию развалился сам собой.

Во время работы комиссии на полигоне для сопоставления данных по параметрам сейсмических волн в г. Семипалатинске и на различных площадках полигона, где их параметры (смещение грунта, скорость этого смещения) были гораздо больше, чем в Семипалатинске, результаты детального анализа состояния зданий и сооружений после воздействия сейсмических волн, проведенного сотрудниками инженерно-технического отдела 5-го сектора и доложенного майором Щипуновым В.А., заинтересовали некоторых членов комиссии. Такого количества экспериментальных данных они никогда не видели. Поэтому Т.Ж. Жунусов, А.Г. Назаров и Б.К. Карапетян сразу же согласились с предложением Ю.В. Кондратьева поработать совместно с работниками полигона. К этому времени уже работали постоянные экспедиции ИФЗ АН СССР и ПромНИИпроекта МСМ.

Была разработана общая программа измерений и исследований и частные программы для каждой организации при взрыве в скважине 1004 на площадке «Балопан» мощностью более 100 килотонн, первым в СССР ядерным взрывом в мирных целях, и при последующих взрывах 1965 года.

В декабре 1964 года на секторе нам показали фильм, подаренный американцами, о проведенном в 1962 году на полигоне в штате Невада подземном термоядерном взрыве по программе мирного использования атомных взрывов «Плаушер». Взрыв, мощностью 100 тыс. тонн, был проведен в скважине, на глубине 200 метров, с целью оценки возможностей использования его энергии для экскавации грунта. Американских специалистов интересовал вопрос об объеме воронки, экономической целесообразности использования таких ядерных взрывов по сравнению с обычными методами создания выработок такого объема и радиационных последствий взрыва.

В отличие от американского эксперимента наши ученые решили осуществить реальный проект мирного использования ядерного взрыва, позволяющий решить проблему обеспечения пресной водой полупустынных и безводных районов Казахстана и Среднеазиатских республик.

Скважина для термоядерного заряда была пробурена на глубину 200 м в долине речки Чаган, несколько ниже впадения в нее речки Ашису. Обе они полноводны весной от таяния снега на большой площади водосбора, но практически полностью пересыхают летом.

В соответствии с программой, перед взрывом в скважине 1004 была развернута большая сеть постов сейсмических наблюдений в Семипалатинске (12 постов), в поселке комсомольском (жилом городке дивизии дальней авиации), на аэродроме этой дивизии, в нашем городке и в некоторых населенных пунктах вблизи площадки «Балопан», а также по профилю от этой площадки до нашего городка. Организация и управление этой сетью были поручены мне, имеющему опыт такой работы при исследовании слабых ударных волн воздушных и наземных взрывов.

К 12 января все было подготовлено к проведению испытаний. На командном

пункте в 10 километров от скважины 1004 была установлена радиостанция, обеспечивающая связь со всеми постами. В подготовительный период мы жили в землянках с нарами в два яруса. Спать приходилось в полушубках и в валенках. К утру полушубок порой примерзал к стенке землянки. И только за три дня до взрыва тыловая служба установила утепленные сборные юрты и обеспечила меховыми спальными мешками.

Взрыв из-за ожидания нужного направления ветра, исключающего прохождение радиоактивного облака над населенными пунктами, был произведен 15 января.

Руководителем испытаний был начальник 5-го сектора генерал-майор Виноградов К.Н.

При этом взрыве присутствовал министр Среднего Машиностроения Славский Е.П. и приглашенные на полигон первый секретарь семипалатинского обкома партии Карпенко и председатель семипалатинского облисполкома М. Даиров.

Внешняя картинка взрыва была потрясающей. Над скважиной стал расти купол, увеличивающийся в размерах и превращающийся в цилиндр. Во время подъема грунта в нескольких местах с небольшими интервалами времени между ними прорвались раскаленные газы из полости взрыва. Через несколько секунд, под действием раскаленных газов, над скважиной поднялось темное облако, которое достигло высоты 3 километров. В результате взрыва образовалась воронка глубиной 90 метров и диаметром 400-450 метров по дневной поверхности до взрыва. Из грунта, выброшенного из воронки, образовался кольцевой навал шириной 400-450 метров. Высота гребня навала составила 27-43 метра при его диаметре более 500 метров. Навал полностью перекрыл долину речки, образовав плотину.

Примерно через месяц были начаты работы по проделыванию в навале воронки канала для заполнения ее водой. После таяния снега образовалось два водоема: внутренний – в воронке от взрыва и внешний – в долинах речек, длиной порядка 5-6 километров. Объем воды во внутреннем водоеме составил более 6 млн. метров кубических пресной воды, а во внешнем 10-12 млн. метров кубических. После заполнения воронки водой был сделан обводной канал и железобетонная плотина для сброса, в весенний период, излишней воды из внешнего водоема.

В результате последующих исследований состояния откосов воронки, радиационной обстановки в навале грунта и за ее пределами было установлено, что создание таких водохранилищ экономически целесообразно и самое главное – безопасно для населения.

После этого было разработано еще более 10 проектов создания таких водохранилищ в республиках Средней Азии и Казахстана. Все эти проекты были согласованы с руководством этих республик, но реализовать их не удалось.

* * *

В июне 1967 года исполнилось 20 лет полигону. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о создании Учебного Полигона № 2 в районе Семипалатинска было подписано 27 августа 1947 года. На юбилей на полигон было приглашено много гостей из МСМ, МО СССР, АН СССР и руководителей подведомственных им НИИ, работавших совместно с полигоном.

На 5-м секторе было проведено торжественное собрание, а вечером в Доме офицеров был организован банкет.

Перед окончанием банкета начальник полигона генерал-лейтенант Виногра-

дов Н.Н. поручил мне на следующий день свозить на площадку «Балапан» начальника 6-го Управления ВМФ и одного из руководителей полигона на Новой Земле, а также начальников 6 Управлений других Видов Вооруженных сил. Показать и рассказать им последовательность бурения скважин и подготовки их к взрыву, так как на Новой Земле должны были перейти к испытаниям в скважинах. Кроме того, показать им созданное с использованием ядерного взрыва озеро, но ни в коем случае не разрешать им в нем купаться.

Утром на четырех «Волга» мы быстро доехали до «Балапана». Я показал им, как ударно-канатным способом проходится кондукторная, верхняя часть скважины в мягких грунтах, затем над ней устанавливается буровая установка БУ-75, и бурение производится с помощью шарошек. Свезил к работающей БУ-75 и к скважине, которая была полностью подготовлена к опусканию в нее ядерного заряда.

Но после банкета, который закончился далеко за полночь, они не проявили особой любознательности и попросили быстрее показать им «атомное» озеро. Осмотрев с гребня навала озеро в воронке от взрыва и внешнее водохранилище в долине речки Чаган, они даже задали массу вопросов о деталях подготовки и проведения взрыва и дальнейших работ по его созданию. Я предложил всем ехать на обед, но адмиралы и генералы, увидев, что в верхнем водохранилище солдаты ловят бреднем рыбу, захотели не только посмотреть на рыбаков, но и искупаться. Подъехали к рыбакам и увидели, что около прапорщика стоит два ведра с линиями. У всех появилось желание отведать жареных линий. Пришлось отправить прапорщика с линиями в столовую, а заодно и передать, чтобы его начальник побеспокоился о спиртном. А все мои подопечные стали купаться. Все получили огромное удовольствие от купания в чистой относительно прохладной воде.

Встретивший нас у столовой капитан из тыловой службы сказал мне, что в ближайшем поселке Сарапан, кроме «сучка», ничего из спиртного не было. Но адмиралы и генералы, да и я с ними, с превеликим удовольствием выпили после вчерашнего банкета «сучок» (самую дешевую водку «Арак» Семипалатинского производства с сильным сивушным запахом) и закусили жареными линиями. К вечеру все довольные поездкой возвратились в городок. Я доложил Н.Н. Виноградову, что его указание выполнено и все гости в коттедже.

Одним из почетных гостей на полигоне был президент Сибирского отделения АН СССР академик Лаврентьев М.А. Он остался после торжеств на 2-3 дня на полигоне, чтобы ознакомиться с работой отделов 5-го сектора. Сопровождал его М.А. Садовский. В нашем отделе Михаил Алексеевич спросил меня, какие проблемы у нас возникают при исследовании механического воздействия и что надо сделать для решения этих проблем. Выслушав меня, он сказал, что надо налаживать взаимоотношения с учеными СО АН СССР. Он провел подобные беседы и с другими начальниками отделов 5-го сектора и его начальником Б.А. Крыжовым.

Через некоторое время на полигон пришло приглашение от М.А. Лаврентьева для участия наших специалистов в симпозиуме по проблемам механики взрыва. На симпозиуме Б.А. Крыжовым в Новосибирск были направлены М.Л. Шмаков, Е.Г. Вopilin, А.Г. Цибизов и я. Мне было поручено возглавить эту группу. На симпозиуме, который проходил в течение трех дней, я ничего нового не узнал, так как работы выступавших там с докладами сотрудников Спец-

сектора ИФЗ АН СССР В.И. Родионова, Н.Н. Романова, В.А. Адушкина, В.М. Шомина и сотрудников ПромНИИпроекта МСМ, мне были хорошо известны.

Только доклад представителя «Арзамаса-16» Альтшуллера представлял интерес, и мы с ним договорились о проведении некоторых экспериментов у них в Арзамасе. Но реализовать эти работы не удалось. Вскоре на полигон из СО АН СССР приехали Шемякин и Кузнецов, которые предложили нам использовать на полигоне разработанную в СО АН телеметрическую систему «Тайга-С» для регистрации сейсмических волн с записью сейсмограмм на магнитную ленту, с некоторой доработкой ее для условий полигона. Для измерений в ближней зоне ядерного взрыва в районе концевой бокса, о чем мы договаривались в Новосибирске, они ничего предложить не могли.

Я еще три раза был в Академгородке для приемки промежуточных этапов доработки этой системы, но в конечном итоге, после испытаний на полигоне, мы отказались от нее. На этом взаимодействие полигона и СО АН СССР закончилось, за исключением того, что стали отправлять друг другу диссертации на отзыв.

* * *

С конца 60-х годов в Советском Союзе стала реализовываться программа использования ядерных взрывов в мирных целях. Диапазон их использования очень широк. Так, подземные камуфлетные ядерные взрывы, при которых не нарушается дневная поверхность в их эпицентре, были использованы для создания подземных хранилищ газа, газового конденсата и нефтепродуктов в массивах каменной соли, гашения аварийных газовых фонтанов, интенсификации добычи нефти и газа на угасающих месторождениях. Получение изотопов трансурановых, трансплутониевых и других химических элементов можно было быстро осуществить только при ядерных взрывах.

Ядерные взрывы с выбросом грунта использовались для создания водохранилищ, дробления рудных пород для последующей их добычи. Они могли быть использованы для проведения вскрышных работ, строительства каналов, набросных плотин гидроэлектростанций и других работ, при которых требуется выполнить большой объем земляных работ.

В средствах массовой информации о программе и уже реализованных проектах использования ядерных взрывов в мирных целях, к сожалению, ничего не сообщалось. Население страны было в полном неведении об этих работах, а слухи и домыслы расползались по стране из тех районов, где были проведены эти взрывы. Казалось бы, что в стране, в которой была построена первая в мире атомная электростанция и спущен на воду первый в мире атомный ледокол, населению надо было бы разъяснить преимущество и целесообразность использования ядерных взрывов в народнохозяйственных целях для решения многих задач и особенно о радиационной обстановке в районах проведения этих взрывов. Но руководство страны продолжало проводить политику замалчивания этих работ. Правда в 1965 году «Атомиздатом» была выпущена книга «Подземные ядерные взрывы», в которой анализируются литературные источники США по проблеме промышленного использования ядерных взрывов. А в 1970 году тот же «Атомиздат» выпустил сборник статей «Атомные взрывы в мирных целях», в которых изложены технические аспекты использования этих взрывов в интересах народного хозяйства, результаты уже проведенных взрывов, а также результаты теоретических и

экспериментальных работ по радиационным аспектам некоторых взрывов. Но эти книги были выпущены таким малым тиражом, что их не хватило даже специалистам различных НИИ, занимающихся этими или смежными проблемами.

О вопиющей неосведомленности не только населения, но и высших начальников, о проведенных в народнохозяйственных целях ядерных взрывах я узнал, когда по рекомендации начальника подотдела 1-го отдела Госплана СССР Н. Ф. Гусева в первой половине 80-х годов был приглашен в Госкомрезерв СССР. С Н.Ф. Гусевым я был хорошо знаком по совместной работе в двух Госкомиссиях, где он представлял НТК Ракетных войск стратегического назначения, а я – 12 ГУ МО СССР, и по работе в 42 ВНИИ МО СССР, где он присутствовал на моей лекции об использовании ядерных взрывов в мирных целях.

Начальник отдела резерва нефтепродуктов Госкомрезерва СССР, к которому я пришел, рассказал мне о тех проблемах, с которыми они сталкиваются при хранении нефтепродуктов в бочках и цистернах, установленных в старых соляных выработках, о проблемах создания полостей в соляных массивах путем размыва каменной соли, подаваемой в забой скважины водой. Такие полости для хранения нефтепродуктов можно создавать только вблизи рек или очень больших озер, но возникают еще проблемы со сбросом рассола в эти реки.

Когда я ему рассказал о том, что Госкомрезервом РСФСР уже создано с помощью ядерных взрывов 11 полостей в двух регионах республики, а в три из них на то время уже закачен газоконденсат, он удивился. А меня удивила его неосведомленность и несогласованность в работе этих двух важных ведомств страны. Я дал ему телефон начальника отдела ПромНИИ-проекта МСМ К.В. Мясникова, у которого он может узнать все пути решения этого вопроса.

В то же время разработанная в США программа мирного использования ядерных взрывов в промышленных и научных целях «Плаушер» была опубликована в открытой печати. Перед реализацией каждого проекта этой программы в средствах массовой информации, особенно в районах их реализации, велась разъяснительная работа с населением, и оно было подготовлено к этому мероприятию.

Наш инженерно-физический отдел участвовал во всех проведенных на полигоне подземных взрывах, которые являлись моделью для разрабатываемых ПромНИИпроектом МСМ крупных проектов мирного использования ядерных взрывов. Кроме того, отдел принимал участие и при реализации двух проектов за пределами полигона.

В ноябре 1971 года в районе поселка Азгир Гурьевской области был проведен уже второй, более мощный, чем первый, взрыв в соляном массиве. Мощность этого взрыва была 60 тыс. тонн, с несколькими задачами, одной из которых была оценка устойчивости полости взрыва с течением времени. Результаты этого взрыва и явились обоснованием создания подземных хранилищ нефтепродуктов.

Второй выезд был в Туркмению, в апреле 1972 года, где с помощью ядерного взрыва был погашен горящий газовый фонтан, в котором за сутки выгорело примерно 1,5 млн. метров кубических газа, а погасить его обычными методами не представлялось возможным. Надо сказать, что до этого было погашено два аналогичных горящих газовых факела под Бухарой.

Офицеры отдела выполнили все поставленные перед ними задачи.

Наиболее сложной, по масштабам измерений, была задача, поставленная перед полигоном при выезде в начале ноября 1969 года на Мангышлак.

В этой экспедиции, выехавшей к месту работы на собственном железнодорожном составе, участвовали офицеры отдела автоматики, инженерно-технического отдела, половина личного состава нашего инженерно-физического отдела, а также офицеры службы радиационной безопасности, тыла полка и более 30 сержантов и солдат.

Эшелон стоял на станции Сай-Утес, а все руководство, во главе с заместителем министра Среднего Машиностроения А.Д. Захаренковым, разместилось в городе Шевченко. На Сай-Утес вскоре прибыла рота радиосвязи из Среднеазиатского военного округа.

Главной задачей этой работы было определение возможностей проведения мощных подземных взрывов в этой пустынной местности. На нашем полигоне можно было испытывать ядерные заряды мощностью не более 150 тыс. тонн, а на Новой Земле заряды мегатонного класса, но стоили эти испытания на ней примерно в три раза дороже, чем на материке.

Программа измерений параметров сейсмических волн разрабатывалась в октябре в Москве с моим участием. На полигон было возложено проведение измерений в Астрахани (600 километров от места взрыва), Гурьеве (430 километров), Шевченко (300 километров), Узени (190 километров), Аккудуке (120 километров), Муйнаке (310 километров), Кунграде (330 километров), Нукусе (380 км) и в Прорве (250 километров). На ИФЗ АН СССР – 10 пунктов измерений по профилю от места взрыва до г. Шевченко, на ПромНИИпроект МСМ – 10 пунктов от г. Шевченко до Бейсу и в г. Узень.

Для решения организационных вопросов я выехал из Сай-Утеса в Шевченко. Здесь я получил радиочастоты, кодовые таблицы для всех участников измерений, и с руководителем измерений от ПромНИИпроекта К.В. Мясниковым и от ИФЗ АН СССР Д.Д. Султановым уточнил порядок нашей работы. В пункты измерений наши офицеры из Сай-Утеса разъезжались по железной дороге, а в Муйнак, Нукус и Кунград – самолетом АН-2 ГВФ. С каждым офицером выезжал солдат из подразделения полка, обслуживающего 5-й сектор, солдат-радист с большим грузом (3 сейсмограф, осциллограф, аккумулятор, войсковой радиоприемник и сухой паек). В городах транспортом и помещениями для жилья обеспечивали городские отделы КГБ.

Взрыв был произведен в середине декабря 1969 года. По результатам анализов показателей по всем параметрам взрыва было принято, что местом проведения мощных взрывов так и осталась Новая Земля.

* * *

К началу 1967 года произошли изменения в составе нашего инженерно-физического отдела. По возрасту уволился из ВС начальник отдела полковник Н.Д. Мартынов. На его должность назначили меня. В 1968 году уволился по возрасту заместитель начальника отдела полковник В.Я. Асташин. Костяк отдела – старшие научные сотрудники подполковники Папаев Ю.В., Балтабаев А., Горин И.Ф., Рыжков Н.Е., майор Удов А.Н. и старшие инженеры подполковники Букин А.Ф. и Шкляев Б.С. – сохранился. Постепенно обновился к этому времени состав младших научных сотрудников и инженеров. Но это не скалось на работе отдела, хотя объем работ по испытаниям ядерных зарядов в

штольнях и скважинах значительно увеличился. Кроме того, с 1967 года начались инженерные модельные испытания по отработке методов нагружения фортификационных сооружений высокой степени защиты ударной волной и генерируемой ею волной сжатия в грунте. Использовались скважинные направленные и камерные взрывы зарядов ВВ. При некоторых взрывах испытывались модели шахтных сооружений ракетных комплексов и других фортификационных сооружений, а также различные защитные устройства. В отделе и на площадках в летний, иногда и в зимний период года, когда проводились эти модельные взрывы, работали офицеры 12 ЦНИИ, ЦНИИ и 26 НИИ МО СССР. Мне было поручено руководство этими работами, а научным руководителем был начальник 2 Управления 12 ЦНИИ полковник Кудимов С.П. Эти работы проводились в течение нескольких лет. Кроме основной работы, я был назначен еще и председателем Комиссии по изобретательству и рационализации 5-го сектора, где тоже было много работы. С 1967 года стал заместителем председателя секции № 2 Научно-Технического Совета по должности, а в состав этого совета я был включен И.Н. Гуреевым со дня его основания в 1957 году.

В напряженной работе стремительно пролетали годы. Весной 1972 года начальник 2 отдела 6-го Управления полковник Павлов А.И., будучи на полигоне, сказал мне, что Г.И. Бенецкий предлагает мне должность заместителя А.И. Павлова (я думаю, что это была идея самого Алексея Ивановича). Летом при встрече в Москве, Г.И. Бенецкий подтвердил это предложение, сказав, что Алексей Иванович должен вскоре увольняться по возрасту. Я к этому времени должен быть подготовлен к тому, чтобы его сменить, и что мне не так уж трудно будет освоить новые обязанности, так как меня знает руководство МСМ, главные конструкторы и их заместители «Арзамаса-16» и «Челябинска-70», с которыми мне надо будет решать вопросы по организации испытаний ядерных зарядов на полигоне. Я дал согласие. Но в конце октября Г.И. Бенецкий сказал, что возникли трудности организации операции «Аргон-3», и предложил мне должность заместителя начальника отдела, созданного в 6-м Управлении в 1970 году специально для организации работ по проведению испытаний боевой техники, вооружения и фортсооружений высокой степени защиты. Начальником этого отдела был полковник Кондратьев Ю.В., которого я хорошо знал с 1954 года.

Я еще с лета был настроен на перевод в Москву и дал согласие на это предложение. В декабре 1972 года я не без сожаления уехал с полигона.

Так закончилась моя 18-летняя служба на полигоне. На должность начальника инженерно-физического отдела, по моей рекомендации, был назначен подполковник Шидловский Г.Г.

* * *

Надо коротко остановиться и на социально-бытовых условиях жизни офицеров полигона. Должностные оклады всех категорий испытателей 5-го сектора соответствовали должностным окладам офицеров и служащих НИИ МО СССР 1-й категории. Должностные оклады офицеров штаба, частей и подразделений полигона были такими же, как и в обычных воинских частях Советской Армии. С 1948 по 1953 год офицеры и служащие полигона получали 100% надбавку к должностному окладу, с 1953 по 1955 год – 50%. С конца 1955 года эта надбавка была отменена. Только в 1957 году была введена 20% надбавка к должностному окладу, но не более 36 рублей в месяц, которая выплачивалась во всех режимных войсковых ча-

стях и НИИ МО СССР, независимо от места их дислокации. Казалось бы, что резкое увеличение интенсивности испытаний ядерных зарядов на полигоне должно было привести к получению испытателями больших льгот, но все было сделано наоборот. Надо учесть, что техники, а с 1957 года инженеры отделов 5-го сектора проводили на испытательных площадках по 8-9 месяцев в году, научные сотрудники – по 4-5, но командировочные еще не выплачивали, так как считалось, что мы работаем в пределах одного воинского гарнизона. Материальное положение семей, особенно младших офицеров было трудным. Только в 60-х годах нам стали платить командировочные, но вначале как в сельской местности по 1 рублю 30 копеек в сутки, а много позже по 2 рубля 60 копеек.

Работающие с нами сотрудники МСМ и АН СССР получали командировочные в гораздо большем размере, чем мы. Кроме того, при работе на опытном поле они получали еще и талоны на дополнительное питание, которые нам ввели в 60-х годах, но на меньшую сумму денег в день. Жилищные условия в 1955 году все мы считали отличными, так как подавляющая часть офицеров до службы на полигоне скиталась с семьями по маленьким комнатухам частных квартир, платя за них большие по тем временам деньги. Каждая семья младших офицеров имела комнату 18 метров в общежитиях, построенных из шлакоблоков в конце 1954 года. Постепенно, с вводом новых домов, положение с жильем улучшалось. Я, к примеру, после двух лет жизни в общежитии, в 1957 году получил большую комнату в 3-комнатной квартире в новом 36 квартирном 3-этажном доме, потом две смежные комнаты в 3-комнатной квартире, а в 1961 году отдельную двухкомнатную квартиру.

Обеспечение продуктами питания порой было нормальным, за исключением молочных продуктов в 50-х годах. Но в начале 60-х ухудшилось, так как полигон перевели на местное областное снабжение. А с 1973 года были введены талоны на мясо, масло, сахар и некоторые виды промышленных товаров, которые сохранились вплоть до ликвидации полигона.

Социальная инфраструктура городка обеспечивала нормальную жизнедеятельность его жителей. Сам городок в 50-70-х годах был чистым, хорошо озелененным. Каждый из нас в 50-е годы посадил у домов и внутри кварталов десятки деревьев и сотни кустарников. Климат в этом регионе резко континентальный. Зимой температура воздуха была 30-35 мороза, летом 30-35 жары. Весной и осенью ночью часто бывали заморозки, а днем порой температура воздуха достигала 15-20 тепла. Жара и холод переносились сравнительно легко из-за низкой влажности воздуха.

С 1.11.1973 года на полигоне всем офицерам, рабочим и служащим стали выплачивать т. н. поясную 15% надбавку к должностному окладу, за работу в этих климатических условиях, которую получали все работающие жители этого региона.

* * *

Последний подземный ядерный взрыв на Семипалатинском полигоне был произведен 19 октября 1989 года. По решению Верховного Совета Казахской ССР в 1989 году на нем были прекращены эти испытания. Этому решению о запрещении испытаний предшествовало несколько крупных событий в стране. Во-первых, это чернобыльская авария, породившая отрицательные психологические последствия у населения, усиливающиеся слухами и средствами массо-

вой информации. В итоге – тотальная радиофобия, поразившая не только население страны, но и ее руководство. Во-вторых, новый курс руководства государством на перестройку, плюрализм и гласность, позволивший СМИ использовать чаще непроверенные слухи и вымыслы, чем реальные факты и мнение специалистов. В это время появился и термин «жареные факты», который отражал истинное положение в СМИ. Но они формировали общественное мнение, которое стало в то время уже достаточно реальной силой, оказывавшей влияние на многие стороны жизни нашего общества, в том числе и на то, что связано с использованием атомной энергии.

Под действием этой силы в конце 80-х и в начале 90-х годов, при полном сопротивлении власти, которая в действительности оказалась очень слабой, было законсервировано 60 площадок строительства атомных, тепловых и гидроэлектростанций. В Армянской ССР была остановлена и законсервирована АЭС, что рассматривалось в то время как победа демократических сил в защите интересов населения республики. К чему это приведет, никто особенно почему-то и не задумывался. Но в обозримом будущем другой альтернативы атомной энергетике нет. И только в последние годы наступило прозрение, и развернулись работы по вводу в строй новых блоков АЭС. А Армения обратилась к России с просьбой о пуске своей АЭС.

На таком общем фоне в стране в Казахской ССР развивались и события вокруг Семипалатинского полигона. Основным организатором и вдохновителем борьбы с Семипалатинским полигоном как основным источником бед Казахского народа стал писатель Олжас Сулейменов и созданное им общественное движение «Невада – Семипалатинск». Он стал организатором митингов и манифестаций сначала в Семипалатинске и в области, в поселке вокруг полигона, а потом и в Караганде, Павлодаре и других городах Казахстана. В те годы было легко возбудить народ против полигона, так как условия жизни в поселках и аулах этих трех областей были просто ужасны. Аулы и небольшие поселки вокруг полигона в Карагандинской, Павлодарской областях и на Мангышлаке, где я сам побывал, отличались от аулов XVII-XIX веков только линиями электропередачи, тракторами, мотоциклами или грузовыми машинами у отдельных хижин, сделанных из самана. Шахтерам Караганды на митингах О. Сулейменов внушал мысли о том, что уголь этого бассейна стал радиоактивным за счет грунтовых вод, идущих от мест проведения подземных взрывов ядерных боеприпасов на полигоне. Поэтому шахтеры в свои забастовочные требования включали пункт о закрытии полигона и выплате денежных компенсаций за нанесенный радиацией ущерб их здоровью. Шахтеров, с помощью «Невады», поддержали и машиностроители Павлодара. Действия «Невады» и обращения властей Казахстана к правительству СССР по поводу бедственного положения с состоянием здоровья населения, пострадавшего от испытаний ядерных зарядов на полигоне, привело к созданию Верховным Советом СССР в 1989 году Межведомственной Комиссии. В комиссию вошли 50 ученых из ведущих научных учреждений страны и 150 ученых и специалистов из Казахской ССР под руководством директора Научно-исследовательского института медицинской радиологии члена-корреспондента АМН СССР А.Ф. Цыбы. Итоги работы Комиссии в Семипалатинской области были опубликованы в «Правде» 12.02.1990 года в статье «Семипалатинский полигон. Мифы, домыслы и реальность». Комиссия пришла к основному выводу, что в целом в Семипалатинской области медицин-

ская обстановка не отличается от обстановки в других областях Казахстана, и по некоторым показателям, в частности по онкологическим заболеваниям, даже лучше. По мнению Комиссии, на состояние здоровья населения Семипалатинска и области большее влияние оказало загрязнение воздуха окислами углерода, двуокисями азота и загрязнение воды. Радиационная обстановка на территории всех трех областей нормальная, на уровне естественного фона.

Комиссия А.Ф. Цыбы, чтобы успокоить население, рекомендовала опубликовать основные результаты ее работы в республиканских, областных и местных газетах.

Но власти этого не сделали, так как выводы Комиссии не совпадали с мнением и целями руководителей республики и «Невады», хотя все протоколы этой Комиссии подписывались представителями республики и «Невады». Последние принимали участие на всех этапах работы Комиссии.

О своей цели О. Сулейменов, уже ставший на этой инициированной им волне протеста населением депутатом Верховного Совета СССР от Семипалатинской области, сказал так: «Я добился закрытия Семипалатинского полигона. А когда я добьюсь прекращения испытаний во всем мире, то сам пойду за Нобелевской премией».

А целью руководства Казахстана и Семипалатинской области было получение дополнительных денег из союзного бюджета. Целевым назначением Правительство СССР выделило деньги для Семипалатинской области. На следующий год Комиссия Верховного Совета СССР выехала на полигон и в Семипалатинскую область и установила, что все деньги куда-то исчезли, а медицинское обслуживание населения осталось прежним. Верховный Совет Казахской ССР принял решение о выплате денежной компенсации жителям Семипалатинской, Павлодарской и Карагандинской областей, родившимся до дня последнего взрыва на полигоне. А также о ежемесячных выплатах им. И опять из союзного бюджета была выделена часть денег.

При передаче, после развала СССР, полигона Казахстану, его представителям были представлены карты с радиоактивными следами воздушных и наземных взрывов и уровнями радиации на них сразу же после их формирования на местности.

Когда они увидели, что все следы только в секторе от 45 до 150, а Карагандинская и Павлодарская области никогда не подвергались радиоактивному загрязнению от этих взрывов, они спросили, как же им теперь быть и как объяснить народу, что он введен в заблуждение. На это заместитель начальника Семипалатинского полигона по НИР генерал-майор Сафонов Ф.Ф. ответил примерно так: «Вы эту кашу с выплатами заварили, а теперь сами оправдывайтесь или платите».

После статьи А.Ф. Цыбы сразу же появилась серия статей в «Правде», и особенно много в «Известиях», с опровержением результатов и выводов его комиссии.

Если обобщить статьи, телевизионные и радиопередачи, направленные против полигона, то обвинения и требования сводились к следующему:

1. Воздушные и наземные взрывы нанесли серьезный ущерб здоровью населения Семипалатинской, Карагандинской, Павлодарской областей. («Известия» № 70, 1990г., «Правда» от 6 апреля 1990 года и от 25 апреля 1991 года);
2. Полигон проводил испытания только тогда, когда ветер дул в сторону гражданских поселков. («Знамя», № 5, 1990год);
3. Население не предупреждалось о проведении испытаний. (Выступление

Председателя Совета защиты мира Казахстана О. Алимжанова по первой программе всесоюзного радио в мае 1990 года);

4. Вследствие проведения взрывов повреждаются здания, водопроводные и канализационные сети. («Правда» от 6 апреля 1990 года, «Известия» № 70, 1990года);

5. Атомные, водородные устройства взрывались в воздухе и на земле в 30 километров от сел. («Известия» № 70, 1990 год);

6. Население республики, особенно крупных промышленных центров, было удивлено и возмущено материалами по Семипалатинскому полигону, помещенному в номере от 12 февраля с участием члена-корреспондента А.Ф. Цыба («Правда» от 6 апреля 1990 года);

7. Если печать и дальше будет пропагандировать другие подходы (как статья А.Ф. Цыба) ситуация в регионе может обостриться и принять непредсказуемый характер. («Правда» от 6 апреля 1990 года);

8. Полигон сдерживает экономическое развитие региона. («Известия» № 88, 1991год);

9. Жители города Курчатова (жилого военного городка полигона) имеют спецснабжение, а в магазинах поселков вокруг полигона, в медпунктах от всех болезней только аспирин. («Известия» № 107, 1990 год);

10. В Лебяжинском, Майском и Егеньдыбулакском районах каждый третий ребенок рождается или мертвым, или калекой. («Известия» № 274, 1990 год).

Я описал условия, при которых Государственной комиссией принималось решение на проведение взрывов и тем мерам, которые предпринимал полигон совместно с местными органами власти в населенных пунктах вокруг полигона, для обеспечения безопасности их жителей. Комиссия А.Ф. Цыба дала заключение о медицинской обстановке в районе полигона и причинах, которые привели к ухудшению состояния здоровья населения Семипалатинской области. Но А.Ф. Цыба не назвал основные причины этого. Но это было сделано в рамках Международного Чернобыльского проекта, в котором приняли участие более 200 ученых-экспертов разных стран мира, поработавших во многих населенных пунктах Белоруссии, Украины и России, подвергшихся загрязнению. Они пришли к выводу, что отмечены значительные, необусловленные радиацией нарушения здоровья у жителей как обследованных загрязненных, так и обследованных контрольных населенных пунктов, которые связаны с социально-экономическими переменами в СССР. Но можно и не ссылаться на выводы международных экспертов. Сама наша жизнь показала, что за прошедшие 10 лет резко сократилась продолжительность жизни жителей России. Из 10 родившихся детей, только один, два практически здоровы, увеличилась детская смертность. Даже в Центральном, более или менее благополучном, федеральном округе смертность населения превышает рождаемость в три раза. Большинство мужчин в сельской местности, из-за пьянства умирает в трудоспособном возрасте. А это все последствия ухудшения социальных условий жизни населения в России.

Я не утверждаю и не собираюсь утверждать, что радиационное облучение безопасно для здоровья человека. Все зависит от полученной им дозы и времени, в течение которого он облучался. Ведь даже самые качественные и очень вкусные продукты питания и спиртные напитки при злоупотреблении ими приводят к болезни, а иногда и к смерти. Но до настоящего времени нет однозначного ответа от ученых о безопасных для здоровья дозах радиации.

Мнения ученых, особенно после Чернобыля, разошлись. Все зависит от того, чьи интересы они поддерживают и отстаивают.

Такая обстановка в стране привела к тому, что Президент Республики Казахстан своим Указом № 409 от 29 августа 1991 года объявил, что Семипалатинский полигон закрыт для проведения испытания ядерного оружия.

Приказом Министра обороны Российской Федерации 6 января 1993 года войсковая часть 52605 была расформирована и исключена из списка частей МО РФ. Так закончилась славная история 2-го Центрального научно-исследовательского и испытательного, ордена Ленина полигона Министерства обороны СССР.

Россия потеряла полигон, который был научно-исследовательским центром с высококвалифицированным коллективом специалистов, с хорошо оснащенной современной аппаратурой и приборами лабораториями по всем направлениям измерений и исследований параметров развития воздушных, наземных и подземных ядерных взрывов и их поражающих факторов, системой стационарных и подвижных приборных сооружений и командных пунктов автоматики и телеуправления.

На полигоне в составе медико-биологического отдела был виварий с большим количеством подопытных животных. Там наблюдались целые поколения животных, предки которых подвергались комбинированному поражению еще во время воздушных и наземных испытаний ядерных зарядов на опытном поле. Животные облучались различными дозами радиации на специальной установке ЭГО-20 на территории 5-го сектора, с целью изучения отдаленных последствий воздействия радиации. Все эти животные погибли зимой 1992 года от голода и холода.

На полигоне работали Атомный реактор и современные установки и стенды. Все это стало собственностью Казахстана безвозмездно.

Сейчас там на базе полигона создан научный центр. Работает атомный реактор, позволяющий Казахстану зарабатывать валюту. Планируется использовать штольни в горах Дегелен для захоронения ядерных отходов. Но жилой городок находится в крайне запущенном состоянии.

Казахстану бесплатно достались еще три полигона на его территории, военные городки Среднеазиатского военного округа, дивизии дальней авиации под Семипалатинском и отличные военные аэродромы. А за использование Россией «Байконура» Казахстан берет огромную арендную плату. Вот такой дикий раздел имущества произошел при распаде Советского Союза на суверенные государства.

* * *

Оценивая свою пятидесятилетнюю службу и работу в Советской Армии, я считаю, что ее самым лучшим периодом была 23-летняя служба в системе 12 ГУ МО СССР: 18 лет – непосредственно на Семипалатинском полигоне и 5 лет в 6-м Управлении 12 ГУ. Я этой службой, хотя она была очень трудной, был в полной мере доволен. Мне в этой службе повезло в том, что я работал в замечательном коллективе 5-го сектора (научно-исследовательских подразделениях полигона), самом работоспособном коллективе. Из тех многих, в которых я служил и знал, коллективе, где каждый понимал степень важности выполняемой им работы и высокой ответственности за нее, где творческое отношение к работе и инициатива поддерживались командованием. Повезло и в том, что долгие годы работал под руководством прекрасного человека – академика Садовского М. А. и с его сотрудниками самому удалось разобраться с возникшей при испытаниях мощных ядерных зарядов проблемой.

Если уж академик Садовский сказал, что он удовлетворен тем, что разработанная им методика по оценке мощности взрыва по импульсу воздушной ударной волны использовалась при испытании ядерных зарядов, то я, простой смертный, тем более удовлетворен тем, что и моя методика была признана великими учеными-атомщиками страны и использовалась для выбора метеорологических условий, обеспечивающих полную безопасность населения при проведении испытаний ядерных зарядов.

Коллектив 5-го сектора выполнял небольшую по объему, но очень важную часть работы по созданию и совершенствованию ядерного оружия. Самая главная задача испытателей 5-го сектора – проверка выполнения промышленностью Тактико-технических требований Министерства Обороны СССР к ядерным боеприпасам по основному их показателю – мощности взрыва.

По результатам испытаний определялась возможность принятия их на вооружение Советской Армии и Военно-Морского флота. Руководитель Минатома академик Румянцев А. Ю., выступая в мае 2001 года по телевидению, сказал, что Минатом разрабатывает новые образцы ядерного оружия, но они остаются у них, так как военные не принимают их на вооружение без испытаний.

Испытатели Семипалатинского полигона успешно выполняли свою часть работы по созданию ядерного арсенала Советского Союза.

Наличие ядерных боеприпасов и средств их доставки в российской армии является, по существу, единственным фактором, в связи с которым в мире еще считаются с нашим «реформируемым» государством.

3. 4. Тоцкое войсковое учение

Зеленцов С.А.

*Генерал-лейтенант в отставке, кандидат технических наук,
член-корреспондент АВН, почетный член РАЕН,
ветеран подразделений особого риска.*

Проведенное в 1954 году Тоцкое войсковое учение с исследованиями боевых свойств ядерного оружия в реальных среднеевропейских условиях позволило получить экспериментальные данные для корректировки и уточнения ранее разработанных руководящих документов по действиям войск и населения страны в условиях войны с применением ядерного оружия. Эти исследования также явились начальной основой для совершенствования ядерного боевого оснащения видов вооруженных сил и родов войск, повышения эффективности их действий в вооруженной борьбе с любым вероятным противником.

* * *

Сообщение ТАСС:

«В соответствии с планом научно-исследовательских и экспериментальных работ в последние дни в Советском Союзе было проведено испытание одного из видов атомного оружия, целью испытания было изучение действия атомного взрыва. При испытании получены ценные результаты, которые помогут советским ученым и инженерам успешно решить задачи по защите от атомного нападения».

Газета «Правда», 17 сентября 1954 года.

Краткая характеристика

Инициатором подготовки предложений о проведении учения с применением ядерного оружия выступило Министерство обороны СССР (в то время Министерство Вооруженных Сил) по согласованию с министерствами атомной энергии (в то время Первым главным управлением при Совете Министров СССР), здравоохранения, химической и радиотехнической промышленности СССР. Непосредственным разработчиком первых предложений был специальный отдел Генерального штаба Вооруженных Сил СССР (В.А. Болятко, А.А. Осин, Е.Ф. Лозовой). Руководил разработкой предложений заместитель министра обороны по вооружению маршал артиллерии Н.Д. Яковлев.

Практическая проверка новых взглядов на ведение войны началась с войсковых Тоцких учений с применением реальной атомной бомбы, созданной учеными и конструкторами КБ-11 (Арзамас-16).

В этих условиях было крайне необходимо в интересах совершенствования противоатомной защиты войск, проверки расчетных нормативов по поражению атомным оружием техники и вооружения провести учение с максимальным приближением к боевой обстановке.

В общей сложности на учение привлекалось около 45 тыс. человек личного состава, 600 танков и самоходно-артиллерийских установок, 500 орудий и минометов, 600 бронетранспортеров, 320 самолетов, 6 тыс. тягачей и автомобилей.

В учении приняли участие руководство всех родов войск и сил флота, командование всех групп войск, военных округов, округов противовоздушной обороны, флотов и флотилий. Были приглашены все министры обороны стран, дружественных Советскому Союзу в то время.

Местом проведения учения был выбран полигон, расположенный в глубине страны в Оренбургской области севернее поселка Тоцкое в малонаселенной местности, характерной по рельефу и растительности не только для Южного Урала, а и для ряда районов Европейской части СССР и других стран Европы.

Войсковое учение на тему «Прорыв подготовленной тактической обороны противника с применением атомного оружия» было назначено на осень 1954 года. На учениях применялась атомная бомба мощностью 40 килотонн, испытанная на Семипалатинском испытательном полигоне в 1951 году. Руководство учением было возложено на маршала Советского Союза Г.К. Жукова (в то время заместителя Министра обороны). В подготовке и в ходе учения приняли активное участие руководство Министерства среднего машиностроения СССР во главе с В.А. Малышевым, а также ведущие ученые – создатели ядерного оружия И.В. Курчатов, К.И. Щелкин, Ю.Б. Харитон.

Для наступающей стороны была поставлена тема: «Прорыв стрелковым корпусом подготовленной тактической обороны противника с применением атомного оружия», для обороняющейся стороны – «Организация и ведение обороны в условиях применения атомного оружия».

Общие цели учения были следующие:

Исследовать воздействие взрыва атомной бомбы среднего калибра по участку заранее подготовленной обороны, а также на вооружение, военную технику, животных. Установить степень защитных свойств различных инженерных соо-

ружений, рельефа местности и растительного покрова от воздействия атомного взрыва.

Изучить и практически проверить в условиях применения атомной бомбы: особенности организации наступательных и оборонительных действий частей и соединений;

действия наступающих войск при прорыве оборонительных полос вслед за атомными ударами;

действия обороняющихся войск в условиях применения атомного оружия наступающей стороной, проведение контратаки вслед за атомным ударом по наступающим войскам противника;

организацию противоатомной защиты войск в обороне и наступлении;

методы управления войсками в наступлении и обороне;

материально-техническое обеспечение войск в условиях ведения боя.

Изучить и показать один из возможных вариантов подготовки и ведения наступления из положения непосредственного соприкосновения с противником, без отвода своих войск с первой позиции на время атомного удара.

Надо было научить личный состав армии – рядовых и командиров, – как практически действовать в наступлении и обороне во фронтовой полосе при применении атомного оружия своими войсками или противником. Дать войскам почувствовать «дыхание и всю картину атомного взрыва».

Учение планировалось провести в два этапа:

первый этап – прорыв полосы обороны дивизии (главной полосы обороны);

второй этап – овладение с хода полосой корпусных резервов (второй полосы обороны) и отражение контратаки механизированной дивизии.

В связи с тем, что на учении проводилась реальная атомная, артиллерийская и авиационная подготовка прорыва отдельных участков полосы обороны, войска обороняющихся, занимавшие эту полосу, заблаговременно выводились на безопасное удаление. В дальнейшем эти войска использовались для удержания тыловой позиции и участков полосы корпусных резервов.

Спротивление частей обороняющихся при прорыве наступающими первых двух позиций полосы обороны дивизии разыгрывалось специально назначенными для этой цели в воинских частях представителями штаба руководства.

О том, как готовились войска к предстоящему учению, можно судить по материалам отчетных документов. Только в исходных районах размещения войск было открыто более 380 километров траншей, построено более 500 блиндажей и других укрытий.

Надо было извлечь наибольшую пользу для вооруженных сил. И прежде всего в вопросах боевого применения родов войск, обеспечения противоатомной защиты личного состава, дополнительной оценки и демонстрации личному составу воздействия поражающих факторов атомного взрыва на технику, вооружение и инженерные сооружения. С этой целью в районе взрыва были выставлены образцы военной техники и вооружения, построены фортификационные сооружения. В научных целях для изучения действия ударной волны, светового излучения, проникающей радиации и радиоактивного заражения на живые организмы и оценки защитных свойств инженерных сооружений (траншей с перекрытием, усиленных блиндажей, защищенных огневых точек, укрытий для танков и артиллерийских орудий и др.) использовались различные животные.

Для проведения исследований была создана специальная группа в составе 6

генералов, 207 офицеров, 28 служащих, 23 солдат и сержантов. В ней были представители 6 Управления Министерства обороны, Семипалатинского полигона, 12 Центрального научно-исследовательского института, а также представители Централных управлений Министерства обороны, 71 полигона ВВС, Министерства среднего машиностроения, Министерства культуры СССР.

Обеспечение безопасности войск

Самое серьезное внимание уделялось отработке действий личного состава, как в момент взрыва, так и при преодолении условно зараженных радиоактивными веществами участков местности. Во всех районах, где предполагалось воздействие поражающих факторов атомного взрыва, предусматривалась подача специальных сигналов оповещения, по которым личный состав войск осуществлял защитные действия непосредственно перед взрывом и в течение всего времени возможной опасности. Основные мероприятия по обеспечению безопасности разрабатывались, исходя из ожидаемых последствий воздушного взрыва атомной бомбы.

Все мероприятия были рассмотрены и одобрены специальной комиссией, возглавлявшейся академиком И.В. Курчатовым. В состав комиссии входили академик Н.Н. Семенов, член-корреспондент Академии наук СССР М.А. Садовский, генералы В.А. Болятко и Б.М. Малютов. От Министерства среднего машиностроения в комиссии были В.И. Алферов и Ю.В. Гаврилов. Мероприятия представлены заместителем Министра обороны маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым и Министром среднего машиностроения В.А. Малышевым в ЦК КПСС и утверждены решением № П80/1 от 26.08.1954 года.

Группировка войск

Наступающая сторона («восточные») на учении была представлена 128-м стрелковым корпусом в составе 12-й гвардейской механизированной дивизии, 50-й гвардейской механизированной дивизии (неполного состава) и корпусных частей.

Наступление корпуса обеспечивалось 140-й бомбардировочной, 10-й гвардейской штурмовой и 119-й истребительной авиационными дивизиями и 511-м отдельным разведывательным авиационным полком.

Подготовка и проведение учения

На учении был организован и фактически осуществлен новый вид боевого обеспечения – противоатомная защита войск. Основное внимание уделялось инженерному оборудованию местности, рассредоточению и маскировке войск, наблюдению и оповещению и радиационной разведке. В результате рассредоточенного расположения войск и искусной маскировки район учения после занятия войсками исходного положения выглядел пустынным. Свыше 45 тыс. личного состава, сотни орудий, танков, тысячи автомобилей были укрыты в инженерных сооружениях и замаскированы.

Основу инженерного оборудования исходного района для наступления и района обороны составляла система траншей, ходов сообщения и укрытий различных типов, оборудованных в противоатомном отношении и расположенных в различных условиях: на открытой местности, на обратных скатах высот, в лощинах, оврагах и в лесу. Траншеи открывались на глубину 150-180 см, отдельные участки траншей были перекрыты. В качестве одежды крутости траншей в слабых и средних грунтах использовались доски, жерди и хворост. Для защиты от возгорания одежда крутостей траншей обмазывалась раствором глины. В

одежде крутостей созданы противопожарные разрывы. Создавались подбрустверные блиндажи различных конструкций с защитной грунтовой толщей 50-60 сантиметров и убежища легкого типа на 8-10 человек, возведенные из различных материалов.

Убежища оборудовались герметическими щелевидными дверями и фильтровентиляционными установками.

Для бронетранспортеров и автомобилей создавались укрытия котлованного типа. Для наблюдения командирам подразделений оборудовались сооружения различных конструкций и убежища легкого типа.

Танки и самоходно-артиллерийские установки находились на открытой местности, в укрытиях и в лесу. Артиллерия различных калибров устанавливалась на площадках и в укрытиях. Бронетранспортеры и автомобили располагались в укрытиях и вне их на открытой местности, на скатах высот и в лесу. Самолеты различных типов размещались группами на расстояниях от 500 до 5000 метров от цели. Кроме того, были размещены подопытные животные: на открытой местности, на скатах высот, в лесу и в оборонительных сооружениях.

Ход учения

Учение проводилось по строго намеченному плану

В 9 часов 34 минуты самолет-носитель с высоты 8000 метров сбросил атомную бомбу, взрыв которой последовал через 48 секунд на высоте 350 метров от поверхности земли с отклонением от цели на 280 метров в северо-западном направлении.

Через 5 минут началась артиллерийская подготовка, а затем удары бомбардировочной авиации.

Около 12 часов передовой отряд механизированной дивизии, двигаясь впереди боевых порядков первого эшелона дивизии и преодолевая очаги пожаров и завалов, вышел в район атомного взрыва. Через 10-15 минут за передовым отрядом в тот же район севернее эпицентра взрыва выдвинулись подразделения стрелкового полка, а южнее – подразделения механизированного полка. Войска двигались колоннами по дорогам.

По плану учений самолет-носитель Ту-4 в полете должны были сопровождать два самолета-фотографа Ил-28, один из них для фотографирования процесса развития радиоактивного облака, а другой – для фотографирования выхода атомной бомбы из бомбоотсека самолета.

Самолет-носитель в полете охранялся двумя истребителями МиГ-17.

Для прицельного визуального бомбометания центр цели обозначался квадратом, ограниченным белой каймой, со сторонами длиной 150 метров. В середине квадрата был нанесен белый крест, а по боевому курсу полета углы из белых полос. Внутри квадрата устанавливались три угловых отражателя для обеспечения радиолокационного прицеливания.

За несколько дней до учения в авиагруппу прибыл И.В. Курчатов для ознакомления с ходом подготовки к учениям.

Обеспечение безопасности

Разработка мероприятий по обеспечению всех видов безопасности началась задолго до учения.

По всем этим вопросам руководством учения и штабом была разработана система документов, включающая планы, инструкции, памятки, которая неукоснительно выполнялась на учениях.

□ 3.5. СЕМИПАЛАТИНСКИЙ ПОЛИГОН

(Записки испытателя)

Шмаков М.Л.

Генерал-майор, начальник Семипалатинского полигона.

Предисловие

Мало кому известно официальное наименование первого Советского полигона для испытаний ядерного оружия. Сначала он назывался «Учебный полигон № 2 Министерства обороны», а позднее – «Второй Государственный центральный Научно-исследовательский полигон Минобороны».

Эти наименования не записывались в личные дела и послужные списки личного состава, проходившего службу на полигоне. Для этого полигону было присвоено условное наименование войсковая часть 52605.

В служебных и личных разговорах в организациях и учреждениях Москвы и других промышленных центров, связанных с полигоном, он именовался «двойкой» или «Семипалатинский полигон». Последнее наименование и вынесено в заголовок записок.

На Семипалатинском полигоне проведено более трех четвертей всех испытательных ядерных взрывов, осуществленных в Советском Союзе. Одна эта цифра является убедительной демонстрацией вклада полигона в создание Российского ядерного щита.

Автор непосредственно участвовал в проводимых на полигоне испытательных работах в течение 28 лет. В моих записках имеет место восстановленное по памяти описание лишь небольшой доли проведенной тружениками полигона гигантской работы на примере одного из направлений исследований. Названы имена коллег-испытателей.

Не претендуя на попытку охвата всех событий и хранящихся где-то материалов, автор надеется, что его записки помогут читателям, интересующимся историей создания ядерного оружия в России, найти для себя сведения о жизни и труде еще одного коллектива, обеспечивающего решение этой сложной оборонной проблемы. Сведения эти объективны и достоверны, их мог бы привести любой ветеран коллектива нашего славного Семипалатинского полигона.

Первое знакомство с полигоном и его историей

Условия жизни и работы.

Этот раздел предлагаемых записок посвящен в основном событиям, связанным с назначением автора для прохождения службы на Семипалатинский испытательный полигон, впечатлениям от знакомства с ветеранами полигона и рассказанной ими истории этого уникального учреждения. Показаны также некоторые характерные особенности жизни населения городка, связанные с его режимными условиями. О физических процессах при ядерных взрывах, осуществляемых в разных средах, проводимых полигонных измерениях характеристик взрывов рассказывается в последующих разделах.

В апреле 1957 года группа выпускников электротехнического факультета Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева ждала назначение в войсковые части. Большинству были уже объявлены места и характер будущей службы. Подавляющая часть молодых специалистов «оседала» в пределах Московской области, некоторые из них оставались работать в частях и учреждениях, расположенных непосредственно в Москве. Это в основном те, кто имел здесь жилую площадь и был прописан.

Сравнительно небольшая группа офицеров (человек 15-20, включая выпускников других факультетов академии), среди которых был и я, не только не знали места дальнейшей своей службы, но даже не имели намека на свою дальнейшую судьбу. Примерно месяц тому назад с нами побеседовал, персонально с каждым, незнакомый полковник, попросил оформить анкеты, предупредил о необходимости оставить в тайне сам факт нашей беседы. От него мы практически ничего не узнали о предстоящем назначении. Он сказал, что представляет отдел кадров одного из управлений Министерства обороны, ничего не знает о том, где и что мы будем делать, если нас возьмут в это управление и возьмут ли, в чем он тоже не обнадежил. К середине апреля практически все получили назначение и разъехались, мы же были пока в неведении. Поскольку жаловаться было некому, да и не знали, как это делать, то оставалось одно – ждать.

Только 3 мая нас пригласили в отдел кадров управления Минобороны. Это было 6 Управление. Правда, номер управления ничего о себе не прояснял, так как никто в академии (с кем мы имели возможность общаться) не знал, какими вопросами занимается это управление.

В отделе кадров, уже другой полковник (фамилия первого полковника была Фадин, а второго – Аверкин) задал несколько незначительных вопросов и сказал, что мы будем служить в Казахстане (он не назвал конкретного места и не спросил нашего желания служить там). Пояснил, что место, куда нам следует прибыть, будет указано в проездных документах, а характер службы и должности, на которые назначаемся, скажут непосредственно в войсковой части. После чего нам выдали проездные документы и командировочные средства. Проездные были выписаны до станции Чарская, находящейся в 130 километрах южнее Семипалатинска. Устно же предупредили, что из поезда нужно выйти в г. Семипалатинске (станция Жана-Семей) и дали адрес, куда следует обратиться. Ехали одни, семьи остались дома (у кого он был), у меня же «дома» не было, поэтому оставил семью (жену и двоих детей) у родственников в Тюмени, в их более чем скромной квартире. Было обещано, что в самое ближайшее время (через 1-2 месяца) разрешат привезти семьи к месту службы.

Выполнив все устные инструкции, данные в отделе кадров управления, и побродив по кривым улочкам пригорода Семипалатинска, мы с попутчиком прибыли по названному адресу. Кстати говоря, зря блудили, так как на станции всех приезжающих по этому адресу ждал автобус, но он не имел опознавательных знаков, а мы были настолько заинструктированы, что не стали спрашивать, откуда и куда идут стоящие автобусы. Подобно нам и многие другие прибывающие офицеры ходили в поисках нужного адреса.

Пунктом прибытия оказалось общежитие, состоящее из нескольких двухэтажных кирпичных домов на 8-10 комнат каждый, в одном из них размещался штаб части (как потом выяснилось – эскадрилья, входящей в состав полигона). Нас встретил дежурный по общежитию – старшина сверхсрочной службы, проверил документы, за-

регистировал в журнале приезжающих и определил места в одной из комнат общежития. Он передал распоряжение командира ждать okazji на «Берег». Ответить на вопрос, где находится «Берег» отказался, а ждать отправки с okazji нужно будет 2-3 дня. За эти дни нас, ждущих отправки, набралось в общежитии человек 6-7. Мы поняли, что место службы не станция Чарская, как было указано в проездных документах, и не г. Семипалатинск, как было устно сказано, а какой-то таинственный «Берег», находящийся, видимо, не очень далеко, но пока не ясно где. Мы начали догадываться, что объектом, месторасположение которого так тщательно скрывается и где нам предстоит служить, может быть войсковая часть (учреждение), занимающаяся ядерными или ракетными делами. Надо отдать должное работникам режимной службы 6 Управления. Конспирация была организована настолько хорошо, что даже наиболее проворные из нас, пройдя несколько инстанций и находясь вблизи объекта, у официальных лиц не могли узнать о его предназначении.

Однако не были учтены «знания» местного населения Семипалатинска. За два дня пребывания в общежитии мы познакомились с местными офицерами из дивизии, жилые дома которых были расположены в районе аэродрома (рядом с нашим общежитием). Они сообщили нам, что «Берег», или другое название «Лимония», расположен в 130-150 километрах от г. Семипалатинска вниз по Иртышу и занимаются там испытаниями атомного оружия. По их словам, они сами видели атомные взрывы. В последующем я наблюдал не один десяток таких взрывов в воздухе с расстояния 13-60 километров, но с уверенностью не могу утверждать, можно ли видеть их с расстояния 150 километров.

После таких рассказов местных жителей, обменявшись мнениями с товарищами по ожиданию отправки на «Берег», мы пришли к единому выводу, что едем служить на советский атомный полигон, но эта была хоть и «гениальная», но все-таки догадка. Оставалось ждать ее официального подтверждения.

Через два дня, а это было 12 мая 1957 года в Семипалатинск с «Берега» пришла колонна грузовых автомобилей на семипалатинскую перевалочную базу за каким-то грузом. Всех ожидавших «оказии» рассадили по кабинам грузовиков и повезли на ожидавший нас «Берег», с которым каждый из нас связывал свою дальнейшую судьбу на разное время: кто на годы, а кто на десятилетия.

Часов через пять после выезда из Семипалатинска колонна наших машин прибыла на «Берег» (кроме того, городок имел еще ряд названий – «Лимония», пристань «Надежда», г. Курчатова, станция Конечная). Это оказался городок тысяч на 15-20 жителей, включая солдат срочной службы, живущих в казармах. Все постройки в городке были кирпичными или шлакоблочными, высотой 2-3 этажа, со штабом и научно-технической площадкой.

Еще в пути на вопрос водителю, скоро ли мы приедем в пункт назначения, он ответил – вот проедем Иван-гору, а там уже рукой подать. Иван-гора оказалась холмом высотой метров 15-20 и диаметром 40-50 метров, но на равнинной местности этот холм виден был километров с 10-12. Сколько бы в последующие десятилетия не приходилось мне ездить по этой дороге на машинах или на поезде (в 1962 году на полигон была проложена железная дорога), холм Иван-гора воспринимался как признак близкого очага.

Этот холм, прозванный кем-то Иван-горой, в то время знали все жители полигона. А может, он и сейчас так называется?

По приезде на полигон прошли те же, что и в Семипалатинске, режимные

процедуры: проверка документов, регистрация у дежурного, размещение в общежитии и получение указания ждать вызова.

В общежитии нас разместили в комнате на 4 человека, вместе со мной в комнате поселились Л.Н. Сахаров, С.М. Локштанов и Г.В. Фомин. Все мы окончили академию по одной специальности, учились в одной группе, друг друга знали хорошо.

В первый же вечер, еще до представления руководству, мы стали свидетелями собачьего «концерта», свидетельствующего по численному составу «исполнителей» о масштабности проводимых исследований. В виварии технической зоны (площадка «0»), расположенного в километре от нашего общежития, были размещены подопытные животные и среди них несколько сот собак, которые вечерами от нечего делать или другой собачьей прихоти поднимали громкий лай на разных звуковых частотах. Со временем мы привыкли к таким «концертам», как будто их не стало слышно, в первый же вечер он вызвал у нас неприятные эмоции.

В более позднее время вновь прибывающих офицеров – выпускников военно-учебных заведений – собирали всех вместе, с ними беседовал начальник полигона, начальник политического отдела, другие руководители полигона и разных его служб. Но в 1957 году действовал хотя и ослабленный, однако еще очень жесткий режим, установленный КГБ во главе с Л.П. Берией, который лично посещал полигон. Поэтому нас на подобный форум не собирали. На другой день после прибытия с нас взяли подписки о неразглашении каких-либо сведений, полученных в период работы на полигоне. При этом отдельным пунктом было выделено запрещение фотографирования не только на технических испытательных площадках, но и в жилом городке. Для пущей убедительности все привезенные нами фотоаппараты были изъяты и хранились в режимном органе. Выезд за пределы жилой зоны мог осуществляться только по специальным пропускам. После объявлений всех этих правил и подписания стандартных листов об ознакомлении с ними, всех нас отправили по подразделениям: кого в опытно-научную часть, кого в энергетическую службу, кого в штаб полигона.

Самая многочисленная группа, человек 10-15 выпускников Военно-инженерной академии, академии Связи и других технических вузов, вошла в состав подразделений, которые занимались непосредственно обеспечением испытаний и проведением измерений параметров ядерных взрывов. Эти подразделения были объединены в опытно-научную часть, которую в открытых разговорах называли 5 сектором. Название 5 сектор настолько прочно вошло в обиход, что все жители городка называли опытно-научную часть полигона сектором, даже после того как она была преобразована в научно-исследовательское подразделения (НИП) и слова «5 сектор» исчезли из официального лексикона. По-моему они используются в разговорах до сих пор.

До февраля 1957 года опытно-научную часть полигона возглавлял И.Н. Гуреев. К моменту нашего прибытия он был назначен начальником Семипалатинского полигона. Это был первый и последний случай, когда начальником ядерного испытательного полигона был назначен офицер в звании полковника и командовал полигоном в таком воинском звании 5 или 6 месяцев.

Об этом выдающемся человеке, как и о других своих полигонных учителях и коллегах предполагается написать в следующем разделе записок. Весной 1957

года начальником опытно-научной части был назначен Н.Н. Виноградов, также человек незаурядный. Он один среди всех офицеров и генералов окончил перед прибытием Академию Генерального штаба.

Опытно-научная часть не имела своих административных органов снабжения и управления, ее начальник, являясь практически первым заместителем начальника полигона, мог влиять на полигонные оперативные и снабженческие подразделения, обеспечивающие жизнедеятельность всего полигона, включая и опытно-научную часть. В составе ОНЧ было 4 научно-испытательных направления: физическое, инженерно-техническое, радиационное и медико-биологическое. В составе последнего было клиническое отделение с виварием для подопытных животных, пациенты которого встретили нас в первый вечер нашего прибытия на полигон дружным лаем.

Направления делились на более мелкие структурные подразделения – отделы, которые состояли из лабораторий и рабочих групп. Надо отдать должное структуре 5 сектора, в ней практически отсутствовал административно-управленческий аппарат. Начальники лабораторий, отделов, направлений, да и сам руководитель ОНЧ были специалистами, непосредственно занимавшимися не только организацией измерений, но и их проведением.

Обо всем этом мы узнали чуть позже, а пока после режимных процедур всех нас, направленных служить в 5 сектор, развели по отделам, где и должно было состояться наше знакомство с работами полигона в части нас касающейся (это тоже существенное режимное требование).

Не знаю, случайно или нет, но наша четверка по комнате в общежитии попала в один отдел. Наш оптический отдел входил в физическое направление. Нас приняли начальник отдела А.К. Гаврилко, его заместитель Н.В. Козин и старший научный сотрудник К.М. Евдаков, являвшийся штатным научным руководителем отдела и душой всего коллектива.

Названные руководители объявили должности, на которые мы были назначены еще в апреле, приказом по 6 Управлению. При этом вышла некоторая неловкость. Мои одноклассники Локштанов С.М., Сахаров Л.Н. и Фомин Г.В., имевшие звания лейтенантов, получили должности младших научных сотрудников, а я, к тому времени уже капитан и окончивший академию с отличием, был назначен инженером отдела, на должность менее престижную и нижеоплачиваемую. Я не подал вида, что обижен, а начальство, видя эту неувязку, обещало уладить этот вопрос в ближайшие месяцы.

А.К. Гаврилко и К.М. Евдаков как ветераны полигона и отдела кратко ознакомили нас со структурой опытно-научной части, историей полигона и ОНЧ, структурой и оснащением отдела и задачами, которые он призван выполнять.

Я не зря назвал Анатолия Константиновича и Кирилла Михайловича ветеранами. Даже к тому далекому 1957 году они прослужили на полигоне уже по 10 лет.

Еще в 1947 году под Москвой была сформирована строго законспирированная группа специалистов по разным отраслям знаний. Сразу же началось ее обучение основам испытательной и исследовательской деятельности, освоение измерительной и регистрирующей аппаратуры. Занятия проводили крупные ученые, академики Н.Н. Семенов, М.А. Садовский, М.А. Ельшевич, другие известные в отрасли доктора и кандидаты наук.

В число слушателей названной группы входили В.И. Крылов, Г.И. Крылов,

А.К. Гаврилко, К.М. Евдаков, Н.Д. Мартынов, Н.С. Просянкин, В.В. Звонов, В.П. Кривохижа, В.Д. Горлов, А.Н. Подгорный и многие другие специалисты, будущие руководители научных подразделений и рабочих групп ОНЧ полигона. Эти специалисты и стали нашими учителями в постижении практической науки полигонного испытателя.

Здесь надо подчеркнуть продуманную комплексность в решении проблемы создания в России ядерного оружия. Одновременно с разработкой ядерных зарядных устройств, полным ходом шло строительство испытательных площадок, технических территорий и жилых городков полигона, а также осуществлялась подготовка кадров будущих испытателей.

Первая группа испытателей после обучения их под Москвой в 1948 году прибыла на полигон. Их поселили в землянках на берегу Иртыша, жилой городок и техническая площадка были еще в стадии строительства. Первые возведенные на технической площадке (расположение 5 сектора) лабораторные корпуса были оборудованы под столовую и женское общежитие, где впоследствии многие холостые испытатели нашли себе подруг на всю жизнь.

К концу 1948 года были построены штаб и несколько жилых зданий. Начали поступать лабораторное оборудование, регистрирующая и измерительная аппаратура.

На испытательной площадке – называлась она Опытное поле или площадка «П», расположенной в 60 километров от жилого и лабораторного городков, возводились подземные и наземные сооружения для размещения в них регистрирующей аппаратуры. Наземные сооружения располагались по двум радиусам от центра площадки: северо-восточному и юго-западному на расстоянии от него 800, 1200, 3000, 5000, 9000 метров. В этих сооружениях должна была размещаться аппаратура для регистрации развития светящейся области, параметров светового излучения, ударной волны, доз проникающей радиации и других физических характеристик ядерного взрыва. В районе центра площадки до расстояний 400-500 метров были построены подземные сооружения для регистрации характеристик быстро протекающих процессов взрыва: мгновенного гамма-нейтронного излучений, формы гамма-импульса и др. Одновременно готовились прочные металлические передвижные сооружения типа КРВ (каземат разборный возимый) для размещения оптической и другой аппаратуры. Они предназначались для установки на дополнительных радиусах наблюдений. Примерно в 14-15 километрах от центра площадки был оборудован командный пункт, это было полузаглубленное, обвалованное железобетонное сооружение. Здесь размещали программный аппарат для подрыва изделия и синхронного запуска регистрирующей аппаратуры всего Опытного поля.

Жилой городок для испытателей, непосредственно занятых подготовкой испытаний (площадка «Ш»), был выстроен в 20 километрах от центра Опытного поля (в 45 километрах от жилого городка полигона).

Опытное поле было обнесено проволочным ограждением в радиусе 12-15 километров. Его охрана осуществлялась специальной ротой из батальона охраны полигона. По периметру поля, совпадающего с ограждением, были оборудованы два КПП и три или четыре заставы, имевшие названия, два из которых я запомнил – «Иртыш» и «Енисей».

Подготовка сооружений Опытного поля, жилых и лабораторных городков полигона, поставка регистрирующей аппаратуры и лабораторного оборудования были закончены к середине 1949 года. Началась непосредственная подготовка испытаний первого в Советском Союзе ядерного устройства. Эту подготов-

ку вели группа специалистов, прибывших из КБ промышленности и академии наук, и полигонные испытатели.

Научное руководство всеми работами на полигоне в этот период осуществлял И.В. Курчатов, о котором ходили легенды, о его таланте и человечности. Об этом рассказывали нам ветераны полигона в 1957 году, задолго до того как имя Игоря Васильевича стало известно в стране и в мире. Правда, фамилия Курчатов не произносилась, больше называли его «Бородой». Об этом периоде ветераны вспоминали еще и как о засилье режима. Практически все офицеры, рабочие и служащие жили на казарменном положении. Выезд за границы полигона был запрещен, не представлялись даже очередные отпуска, вместо них выплачивалась денежная компенсация. Письма и посылки проверялись военной цензурой, что было узаконено. Денежные сбережения населения хранились на счетах полевого отделения госбанка, сберкассы и гражданской почты не было. Почтовые нужды обеспечивали военные связисты, адрес полигона был зашифрован номером полевой почты.

В таких условиях было подготовлено первое в стране ядерное испытание, проведенное, как известно, 29 август 1949 года.

Это был триумф российской ядерной науки и техники, феномен, который удивил весь мир. Сейчас трудно себе представить, как всего через 4 года после самой разрушительной для нашей страны войны, в условиях всеобщего дефицита, можно было создать ядерное оружие и провести его испытание. Каких же титанических усилий и великих лишений для всего народа это стоило.

Я не могу перечислить имена тех ученых и специалистов, которые внесли свой вклад в разработку и испытание первых образцов ядерных зарядов. Ведение личных записей и дневников было запрещено, за нарушение можно было поплатиться. К документальным записям доступ ограничен – полигон сейчас оказался за границей России. Память же – вещь не очень надежная. Однако известно, что воспоминания о первых разработчиках ядерного оружия (автор В.И. Жучихин) готовится к печати. Но там будут указаны имена ученых и специалистов от промышленности, мне же хотелось добавить к ним и полигонных испытателей.

Среди них первый начальник полигона генерал-лейтенант Рожанович П.Н., сменивший его (после трагической гибели) генерал-майор Колесников С.Г., первый начальник ОНЧ, начальник направлений, отделов Крылов В.И., Крылов Г.Н., Просянных Н.С., Гаврилко А.К., Евдаков К.М., Звонов В.В., Мартынов Н.Д., Барсуков В.М., Барсуков В.Н. Специалисты руководители групп – испытателей Горлов В.Д., Подгорный А.Н., Кривохижа В.П., Галишников И.М., Зубрилин С.М. и многие, многие другие испытатели первого поколения. Значительная их часть осталась служить на полигоне еще на долгие годы, стала нашими наставниками и коллегами по совместной испытательной работе.

Хотя мои записи посвящены испытателям полигона, но нельзя не отметить заслуги в подготовке первых и всех последующих испытаний военных строителей. Эта категория людей первой пришла на территорию полигона в 1947 году в совершенно не обжитую казахстанскую степь. Она является самым многочисленным отрядом рядовых строителей и офицеров, находившихся на полигоне. Их силами возведены сооружения на испытательных площадках и в жилых городках. После испытаний они участвовали в восстановлении площадок и сооружений, перемещение КРВ по опытному полю и их установку на новых местах.

Возводя жилые дома и казармы для размещения полигонных солдат срочной службы с приличными коммунальными условиями, сами строители жили длительное время (до конца 60-х годов) во временках, оставшихся после переселения специалистов и солдат полигона. Военные строители Семипалатинского полигона достойны того, чтобы о них было написано отдельно.

Итак, после ознакомления с историей полигона, которая кратко изложена выше, нам рассказали о предназначении и задачах оптического отдела, его научно-методическом, техническом оснащении. Отдел являлся многопрофильным исследовательским подразделением. В него входили две самостоятельные (штатные) лаборатории: топогеодезическое (возглавлял Б.Н. Карелин) для осуществления топографической привязки испытываемых объектов и определения координат центров воздушных ядерных взрывов и лаборатория фотообработки материалов (фотопленок, фотобумаги) всех групп, участвовавших в испытаниях. Собственно отдел делился на штатные рабочие группы:

скоростной фотосъемки процесса развития светящейся области (огненного шара) ядерного взрыва (возглавлял Ю.Н. Аникин);

измерений и исследований импульсов светового излучения и его поражающего действия (возглавлял С.А. Заварин);

измерений развития светящейся области ядерного взрыва и определение его полной энергии (мощности) методом «Огненного шара»;

измерений и исследований спектрального состава излучения и температуры поверхности светящейся области, изменение светового излучения во времени (возглавлял Н.Н. Виноградов – полный тезка начальника ОНЧ).

По этим группам нас, вновь прибывших специалистов, и распределили. Я попал в последнюю из перечисленных групп.

Надо заметить, что наше направление и в частности оптический отдел были одними из самых привилегированных и авторитетных испытательных подразделений полигона. Это объясняется тем, что в нем были сосредоточены экспериментальные материалы о физических процессах, происходящих при ядерных взрывах. Поэтому нашими материалами интересовались ученые, конструкторы и испытатели разработанных изделий от промышленности. В оптическом отделе, например, частыми «гостями» были Ю.Б. Харитон, Е.И. Забабахин, Я.Б. Зельдович, Е.А. Негин, А.Д. Захаренков, Г.А. Цырков, В.Н. Михайлов, Б.В. Литвинов, Ю.А. Трутнев, Е.Н. Аврорин, Ю.А. Романов, другие крупные ученые и конструкторы. Ветераны рассказывали, что при первых испытаниях в отдел часто заходил И.В. Курчатова, а однажды был Л.П. Берия. Экспериментальные исследования взрывов с базированием на оптический отдел проводили ученые Академии наук и отраслевых институтов, среди них были С.Г. Гренишин, Г.Л. Штирман, А.С. Дубовик, П.В. Кевлишвили, В.В. Адушкин, В.Н. Родионов и др. Наряду с руководством отдела организацией оптических исследований ядерных взрывов занимался постоянный представитель 6 Управления Минобороны на полигоне С.А. Зеленцов.

В отделе были сосредоточены материалы скоростной фотосъемки и результаты измерений процесса развития ядерного взрыва на всех стадиях (от начальной фазы до рассеивания облака). Эти материалы являлись тогда и являются до настоящего времени уникальным экспериментальным материалом, по которому ученые имеют возможность корректировать свои расчеты и выдвигать новые научные идеи и гипотезы.

Этим можно объяснить и работу непосредственно в оптическом отделе полигона М.А. Ильяшевича, А.С. Компанейца и Ю.Г. Райзера при написании их труда «Огненный шар атомного взрыва». Этот труд являлся настоящей настольной книгой для испытателей полигона, желающих глубже разобраться в исследуемых ими физических процессах. Монография была издана в нескольких экземплярах и имела собственный гриф секретности. (В 1966 году вышла книга Я.Б. Зельдовича и Ю.П. Райзера «Физика ударных волн и высокотемпературных гидродинамических процессов», в которую вошла часть материалов из «Огненного шара».)

По тем временам техническое оснащение отдела регистрирующей и измерительной аппаратуры было довольно богатым. Помимо киносъемочных камер общего назначения в отделе использовалась скоростная фотосъемочная аппаратура: ЦЛ-ГДР с частотой съемки до 100000 кадров в секунду, ВЧК-1, ВЧК-2 до 200000 кадров в секунду, ЦЛ-1 до 500000 кадров в секунду. Первая фаза взрыва фиксировалась скоростными камерами СК-3, СК-3 с частотой съемки до 3000 кадров в секунду. Эта фаза фиксировалась особенно тщательно, по скорости ее развития определялась полная энергия, выделившаяся при взрыве.

Общая картина развития ядерного взрыва, включая образование и движение облака и пылевого столба, снимались кинокамерами АКС-1, АКС-2, АКС-4, а также широкоформатной аппаратурой АФА, установленной в наземных пунктах регистрации.

Для обработки фотопленок использовались автоматические проявочные машины (в том числе и для широкой 32-сантиметровой пленки). Определение качества пленки и снятых на нее характеристик осуществлялось на автоматических скоростных сенсиметрах.

Измерение геометрических размеров изображений на пленках осуществлялось на измерительных микроскопах, а энергетических характеристик излучательной способности светящейся области (яркостной температуры) – на микрофотометрах МФ-1, МФ-2, МФ-3.

Следует пояснить, что большинство из перечисленных типов аппаратуры являлось уникальным, она была разработана специально для семипалатинского полигона и выпущена в малых сериях (несколько экземпляров).

В группе, куда меня определили, несколько человек занимались спектральными исследованиями светового излучения. На первых порах и мне поручили участвовать в проведении этих измерений. Наш приезд совпал с подготовкой проведения наземного ядерного взрыва. Ядерное устройство размещалось на металлической вышке высотой порядка 30 метров. К началу июня испытание было полностью подготовлено. Расставлена измерительная и регистрирующая аппаратура на всем опытном поле, установлено зарядное устройство. Проведены комплексные и генеральная репетиции по запуску регистрирующей аппаратуры. На места в окрестные населенные пункты выехали представители военного командования для обеспечения безопасности населения. Опыт должен был состояться в июне. Ждали требуемых погодных условий. В один из дней объявили даже время (час) взрыва. Испытательные группы выехали на поле для проведения заключительных операций по подготовке аппаратуры. Однако с середины пути группы были возвращены. Продолжилось ожидание. Через несколько дней после этого поступила команда на демонтаж аппаратуры в сооружениях и перевозку ее в лаборатории. Было убрано с вышки зарядное устройство.

Примерно через 1,5-2 месяца демонтировали и саму вышку. В последующем она была приспособлена для устройства телевышки вблизи гарнизонного Дома офицеров, где была устроена небольшая любительская телестудия. Принималась и транслировалась для населения городская программа семипалатинского телевидения.

Пример с подготовкой данного испытания приведен для показа атмосферы, в которой оказались прибывшие на полигон молодые специалисты. Они буквально на второй день после знакомства приступили к практическим делам по подготовке испытания, каждый на отведенном ему участке работы. Так, я со своими новыми коллегами готовил в лаборатории и устанавливал на опытном поле в 300-400 метрах от ранее проведенных наземных ядерных взрывов спектрографы для регистрации спектра излучения огненного шара. Использовались обычные спектрографы со стеклянной и кварцевой оптикой, типа ИСП-57, ИСП-58, ИСП-48, спектрограф фирмы «Хильгер» и др. К ним для развертки спектра во времени были пристроены кассеты с пленкой, движущейся со скоростью до 5 метров в секунду. Это позволяло исследовать не только спектральный состав оптического излучения светящейся области в широкой спектральной области – от ультрафиолетовой до инфракрасной, но и изменение его во времени.

К числу мероприятий периода знакомства с полигоном и освоения своих функциональных обязанностей относятся инструктажи по технике безопасности при работах с аппаратурой в приборных сооружениях, а также радиационной безопасности.

Инструктаж по правилам радиационной безопасности при работах на опытном поле до и после ядерного взрыва проводил специалист службы радиационной безопасности полигона, который лично сам после каждого ядерного взрыва первым выезжал в район эпицентра взрыва для проведения радиационной разведки, поэтому он имел не только должностное, но и моральное право учить других.

По окончании инструктажа и изучения специальных инструкций нам предстояло сдать зачет, после чего вновь прибывшие допускались к работе на опытном поле.

Если кратко изложить правила радиационной безопасности, существовавшие на полигоне не на бумаге (там могли быть и другие цифры), а которыми испытатели неформально руководствовались в работе, то они сводятся к следующему (цифры приводятся по гамма-облучению):

можно работать без ограничения по времени в зоне при уровнях радиации до 17 миллирентген в час (при таких уровнях не полагался даже талон на дополнительное питание);

дневная допустимая доза облучения при работе на опытном поле после взрыва 0,5 рентгена;

крайне нежелательно получение одноразовой дозы облучения в 30-50 рентген, хотя при таких дозах лучевая болезнь не развивается;

категорически недопустимо получение одноразовых доз облучения в 100 и более рентген, так как:

доза в 100 рентген вызывает лучевую болезнь, хотя и в легкой степени;

доза в 200-300 рентген вызывает лучевую болезнь средней степени тяжести;

доза в 400-500 рентген вызывает тяжелую степень лучевой болезни, но без смертельного исхода;

доза до 1000 рентген вызывает тяжелую степень лучевой болезни с определенной вероятностью смертельного исхода;

более высокие дозы облучения (свыше 1000 рентген) вызывают лучевую болезнь со смертельным исходом.

Конечно, эти цифры ориентировочные, они получены были при облучении подопытных животных (собак, овец, лошадей, свиней) и пересчитаны на человека (появившиеся в печати сообщения «очевидцев» об облучении при ядерных взрывах подопытных людей являются плодом большой фантазии).

Никто так не мешал работе испытателей, жестко ограничивая их работу на опытном поле, как служба радиационной безопасности. При этом обо всех нарушениях докладывали напрямую начальнику полигона со всеми вытекающими последствиями для нарушителей. Одно из основных правил гласило, что при нахождении на опытном полигоне, особенно на местах где были проведены наземные ядерные взрывы, необходимо надевать респиратор. Попадание в организм человека большого количества продуктов взрыва, особенно с остатками плутония, очень опасно. Как водится, это правило часто нарушали, прежде всего, заядлые курильщики.

Из впечатлений от первых знакомств с полигоном хотелось бы отметить полное отсутствие паники и боязни радиации. Люди спокойно относились к испытательной деятельности в области исследования ядерных взрывов, в том числе и их радиационных эффектов, как к своей обычной работе. Это спокойствие и деловитость передавались и нам – новым сотрудникам полигона.

Отвлекаясь от периода знакомства с полигоном расскажу, как в своей последующей деятельности, уже будучи одним из его руководителей, использовал данные мне на первых порах уроки для чисто психологического воздействия на испытателей от промышленности, впервые участвующих в испытаниях. После взрыва я всегда первым вслед за радиационной разведкой выезжал в зоны, где была установлена аппаратура и где радиационная обстановка могла быть неблагоприятной. Потом солидные люди из промышленности (не из Минсредмаша) говорили, что если так быстро не поехал я, то не поехали бы и они, несмотря на все инструктажи и уверения в полной безопасности.

Осваивая аппаратуру, методики измерений и исследований, формальные и неформальные правила безопасности мы становились в строй полигонных испытателей.

В июле-августе 1957 года началась подготовка ядерного взрыва в воздухе. Наша группа в соответствии со своим предназначением готовилась к проведению спектральных измерений. В сентябре это испытание было проведено. Оно запомнилось мне как первое «боевое» крещение. Много после этого пришлось видеть воздушных, наземных и подземных ядерных взрывов и проводить измерения их параметров. Но особенно запомнилось первое испытание ядерного заряда, оно было, видимо, испытанием и нас, впервые выступающими его исследователями. Ожидалась (и получилось фактически) приличная мощность взрыва. Поэтому испытателей и обслуживающие подразделения, задействованные непосредственно на опытном поле после взрыва, разместили в выжидательном районе (ВР) удаленном на 30 километров от эпицентра взрыва. Все мы получили по кусочку черной пленки (корда) для защиты глаз от первой вспышки. По инструкции все мы должны были лечь на землю головой в сторону, противоположную от взрыва, и в первый момент

не смотреть в сторону центра. Однако инструкция часто нарушалась, поэтому для страховки выдали еще и корд для защиты глаз. А тем, кто должен был ехать в район эпицентра после взрыва для снятия информации, выдали еще и по йодированной таблетке для защиты щитовидной железы.

В нескольких местах были установлены громкоговорители, по которым с командного пункта передавались сигналы оповещения:

осталось 30 минут;

осталось 10 минут;

осталась одна минута;

осталось 10 секунд, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1, 0.

Не знаю, как другие, но я в первый и последующие, в том числе и в последний раз своего участия в ядерных испытаниях, в момент отсчета от 10 секунд до «0» сильно волновался. В первый раз, видимо, потому, что ждал необычное в своей жизни явление, в последующие разы переживал и волновался за срабатывание своей аппаратуры, которую готовил к опыту, а когда стал руководителем, то и за срабатывание ядерного изделия и аппаратуры всего Опытного поля. Так или иначе, за 28 лет своего участия в ядерных испытаниях (а их насчитывалось за это время сотни), я так и не смог избавиться от волнения при отсчете последних секунд до взрыва.

Что же осталось в памяти от наблюдения первого ядерного взрыва.

Видимо, я был недисциплинированным человеком, не выполнил инструкцию и не отвернулся в сторону, противоположную взрыву, а смотрел через темную пленку в сторону ожидаемого центра взрыва, а после первой вспышки вообще отбросил пленку и смотрел на его развитие незащищенными глазами.

Фазы развития ядерного взрыва, изученные по снимкам скоростных фотокамер, можно будет изложить в техническом очерке. Здесь же целесообразно ограничиться личными впечатлениями от непосредственного зрительного восприятия.

После первой вспышки, светящаяся область (огненный шар) 3-4 секунды увеличивалась в размерах и как бы висела в центре взрыва (высота его была около километра). Затем начала быстро подниматься вверх, обрастая водяным паром и образуя тороидальную фигуру (облако). Через считанные секунды облако поднялось на высоту в десятки километров. Пылевой столб, образовавшийся в эпицентре под действием светового излучения, поднялся на высоту нескольких километров, но с облаком взрыва (где сосредоточены радиоактивные продукты) он не соединился. Все это (облако и столб) в течение нескольких минут растягивалось в пространстве над Опытным полем. Пылевой столб (практически чистый от радиоактивных продуктов взрыва) распространялся по ветру, а облако взрыва растягивалось, подчиняясь гравитационным законам. Основная его часть («головка») была выше атмосферного и даже стратосферного слоев.

Облако и нижерасположенные слои атмосферы имели зловещую коричневую окраску, за счет образовавшихся при взрыве окислов азота. Эта окраска придавала атмосфере в районе Опытного поля неприятный вид. Второе (хотя и первое по времени), что произвело сильное впечатление, было световое излучение. Неприятно, когда смотришь на объект (в данном случае огненный шар) с расстояния 30 километров и он тебя греет, при этом сильно жжет лицо. После «прогрева» я начал ждать ударную волну, рассудив, что после такого мощного светового излучения должна пойти (по расчетам через полторы минуты) силь-

ная ударная волна. Фронт ее движения был виден за несколько километров по пригибанию травы.

Если бы не стоящие рядом «бывалые» люди, перед которыми неудобно было показаться трусливым, я для встречи ударной волны лег бы на землю, как предписывала инструкция по безопасности. Но поскольку они стояли, то я тоже встретил ее стоя. Каково же было мое удивление, когда она показалась мне слабой. Но это опять же чисто психологический момент. На расстоянии 30 километров ударная волна от взрыва такой мощности выбивает стекла и может сорвать даже крыши домов.

Через 30-40 минут после взрыва Опытное поле практически очистилось от пыли и колонна наших машин, вслед за радиационной и инженерной разведкой, двинулась к приборным сооружениям на Опытное поле для снятия информации. Шла обычная работа, технология которой была отработана ранее, наша задача была ее освоить и выполнять.

После первого увиденного испытания, снятия и обработки пленки, проведения под руководством опытных специалистов измерений параметров развития взрыва, я почувствовал, что становлюсь в ряды испытателей ядерных устройств. Эта профессия начала мне нравиться.

В июне месяце моей семье разрешили приезд на территорию полигона. Сначала нам выделили комнату в общежитии, в том, где мы жили со своими курсниками. Через 2 месяца получили две комнаты в трехкомнатной квартире, в доме, который ветераны полигона помнят как «секторский». Надо сказать, что для моей семьи, ютившейся до этого вчетвером в комнате площадью 6 квадратных метров без коммунальных удобств, предоставленное нам жилье показалось райским.

Несколько слов о социально-бытовых условиях испытателей.

Ко времени нашего приезда жилищно-казарменный комплекс полигона сохранял еще некоторые черты обычного военного городка. Он включал в себя казарменную зону для военнослужащих срочной службы, жилой городок, в котором проживали испытатели полигона и военные строители с семьями, сеть общежитий и гостиниц для приезжающих на полигон специалистов, а также офицеров холостяков и временного проживания молодых специалистов, до приезда их семей. Жилой городок насчитывал 8 трехэтажных и полтора – два десятка двухэтажных жилых домов со всеми коммунальными удобствами, кроме газа и горячей воды. Дом офицеров со зрительным залом на 400 человек, два магазина военторга, столовую, детский сад и новую 4-этажную школу-десятилетку.

Продолжал действовать достаточно жесткий режим.

Как было указано, территория городка была обнесена колючей проволокой. Выезд «за проволоку» для всех работников на полигоне и членов их семей производили строго по пропускам, при этом выдача пропусков без особых на то надобностей ограничивалась. До и долгие годы после 1957 года в гарнизоне существовал «сухой» закон. Спиртные напитки как их любители, так и нормальные люди доставали в г. Семипалатинске и окрестных селах через рыбаков, охотников и командировочных. При проезде через КПП спиртное надежно прятали, в случае обнаружения бутылки с вином и водкой изымались и тут же, на глазах хозяев, разбивались.

Весной и осенью перед праздниками коллективу каждого отдела выделялась

грузовая машина для поездки в села Семипалатинской и Павлодарской областей за овощами (Военторг был не в состоянии обеспечить овощами всех жителей городка). Как правило, эти поездки организовывались перед праздниками (1 Мая и 7 ноября), и под мешками с картофелем и капустой провозили ящики с вином и водкой. Поэтому праздники проходили весело. Начальство, наверное, знало об этом, но смотрело сквозь пальцы.

Хлебом и мясными продуктами население снабжалось очень хорошо, но свежего молока практически не было совсем. Дети, не посещающие детский сад, вырастали без свежего молока, выручала «сгущенка» с сахаром. Недоставало и яиц. Это, видимо, были издержки режима.

Здесь уместно заметить об отношении к нам населения казахской национальности. За все годы жизни в Казахстане (в общей сложности около десятилетий) я не заметил и тени неприязненного отношения к русским, тем более к тем, кто занимался беспокойным для них делом. Это касается общения с людьми, занимавшими различное общественное положение, начиная от крестьян, к которым ездили покупать продукты, до первых руководителей Семипалатинской и Павлодарской областей.

Хочу сказать несколько слов о немцах, проживавших по соседству с полигоном. Все, кто с ними встречался и взаимодействовал, считают, что это очень спокойный, дисциплинированный и работающий народ. Об успехах немецкого колхоза (вблизи Павлодара), которым руководил Я.Г. Геринг, ходили легенды. И не только мне, видимо, будет очень жаль, если проживающие у нас немцы покинут Россию.

Каков же был материальный достаток испытателей? Это можно показать на своем примере. В 1957-1959 годах мой суммарный оклад составлял 2700 рублей в месяц (в старом масштабе). В названную сумму входила и надбавка в 20% за режим, или, как называли ее в народе, «за проволоку». Такую сумму денежного содержания можно считать средней для офицеров полигона и строителей. В нашей семье я был единственным кормилец. Жена не работала по двум причинам: во-первых, негде, а во-вторых, нужно было опекать двоих детей – сына первоклассника и пятилетнюю дочь. Получаемые мной средства позволяли нашей семье жить не очень хорошо, но довольно сносно.

Запомнилось, как мы проводили свободное время. Кроме чтения технической и художественной литературы (в Доме офицеров была приличная библиотека), еженедельно по воскресеньям ходили в кино. Но поскольку зрительный зал был маленький, а «крутили» всегда по два сеанса, то приходилось с утра занимать очередь за билетами. В этой очереди происходили дружеские общения (все друг друга знали), обсуждались все текущие семейные, да и служебные дела. Вторым местом для общения были очереди за товарами длительного спроса: холодильники, пылесосы, стиральные машины, мебель и т.п. Даже не сами очереди за товарами, а еженедельная отметка на эти товары.

При Доме офицеров была организована неплохая художественная самодеятельность, поэтому иногда мы смотрели спектакли с участием В.П. Кривохижи и концерты с участием звезд местной эстрады Людмилы Ференец и Эммы Матвеевой.

Характерным для жителей городка было отсутствие потребностей закрывать на замок квартиры и убирать от дома велосипеды (основной вид внутригородского транспорта). Даже самые бдительные дверь на замок закрывали, но ключи оставляли в дверях или клали под коврик. (В 60-70 годах, когда городок вы-

рос, появилось много учреждений, увеличилось население, от этой привычки пришлось освободиться).

Второй особенностью в поведении жителей была любовь к посадке деревьев и уходу за ними. Деревья высаживали в парках, у домов и просто в степи, где нам была отведена земля (5 соток) под огороды, в общем, там, где была вода. Благодаря стараниям жителей городка он был похож на город-парк южного типа.

Весной и осенью проводились воскресники по уборке территории городка, на которые выходили все жители от мала до велика.

На стадионе, а также у каждого из жилых домов, было устроено по несколько волейбольных площадок. Играли в волейбол все желающие, как «мастера», так и начинающие.

Тяготы гарнизонной жизни «за проволокой» помогала переносить река Иртыш. Значительная часть населения проводила на реке большую часть свободного времени. Летом купались, а весной, осенью и зимой рыбачили. До 1960 года Иртыш в месте, где располагался жилой городок полигона, был очень богат рыбой. Это несмотря на то, что выше и ниже по течению реки рыбачили профессиональные рыболовецкие бригады. Рыбные запасы резко снизились после пуска в верховьях Иртыша Бухтарминской ГЭС. Это лишний раз свидетельствует, что рыбные запасы на реках исчезают не по вине рыбаков-любителей и профессионалов.

Большинство из прибывших вместе со мной офицеров не были избалованы жизненными привилегиями, особенно те, кто в период обучения в академии снимал жилье на частных квартирах, имея на руках малолетних детей. Они быстро адаптировались к сложным условиям жизни на полигоне, жесткому пропускному режиму, недостаточному ассортименту продуктов питания, некоторым квартирным неудобствам (жили в квартирах с подселением). Но были и такие, кто с первых же дней поставил перед собой задачу любой ценой перевестись служить в европейскую часть Союза. Это, прежде всего, те, кто имел жилую площадь в Москве и других крупных городах. Правда, их страшили не столько полигонные трудности, сколько перспектива потерять право на жительство в городах с ограниченной пропиской. Исключением был С.М. Локштанов, коренной москвич, имеющий там квартиру. Он так увлекся службой на полигоне, что прослужил на полигоне более 25 лет, временно отказавшись от московской квартиры.

Всего же из 25-30 человек выпускников военных академий, прибывших на полигон в 1957 году, остались служить на полигоне и стали его ветеранами 6 человек.

Лично у меня, по крайней мере первые два десятилетия, не появлялось желания оставить службу на Семипалатинском полигоне. Прожив там с семьей ровно 22 года (выехал к новому месту службы 12 мая 1979 года) и пройдя практически всю иерархическую лестницу научно-технических должностей полигона, я не сомневался тогда и не сомневаюсь теперь в правильности выбранного пути.

Литература к разделу 3.5.:

1. Gonzalez A. J. Occupational radiation protection. IAEA functions and politics / Proceedings of International Conference. Geneva, 26-30 August 2002. IAEA, – Vienna, 2002, p. 33-49.

2. Gonzalez A. J., Gentner N. E. UNSCEAR's contribution to occupational radiation protection. / *Proceedings of International Conference. Geneva, 26-30 August 2002. IAEA, – Vienna, 2002, p. 69-86.*

□ 3.6. ЗАЩИТА ОТ РАДИАЦИИ. РАЗВИТИЕ И СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Огородников Б.И.

доктор химических наук, профессор, Лауреат Ленинской премии.

В конце августа 2002 года в Женеве состоялась Международная конференция «Защита рабочих от воздействия ионизирующего излучения». Участвовали более 300 специалистов из 72 стран и 12 международных организаций. Состоялось пленарное заседание «Научные и организационные основы радиационной защиты профессионалов» и брифинг. Главные проблемы были рассмотрены на девяти тематических сессиях и пяти «круглых столах». Первая сессия была посвящена радиационным рискам на рабочих местах, вторая – инфраструктурному развитию, третья – внедрению стандартов безопасности, четвертая – мониторингу облучения профессионалов. На сессиях 5-8 рассмотрены радиационная защита в медицине, на рабочих местах, в том числе от природных источников, на промышленных и исследовательских установках, на ядерных аппаратах. На девятой сессии обсуждался вред здоровью вследствие облучения.

Труды конференции были изданы МАГАТЭ в 2003 году. Почти на 600 страницах представлены тексты докладов на пленарном заседании и председателей тематических сессий. Обзорный доклад о функциях и политике МАГАТЭ по радиационной защите профессионалов сделал А. Гонзалес /1/. Затем он и Н. Гантнер /2/ охарактеризовали деятельность в этой области Научного комитета ООН по действию атомной радиации (UNSCAER). Тексты этих докладов легли в основу обзора, предлагаемого читателям. Несомненную ценность представляет также перечень изданий МАГАТЭ (с 1962 года) по проблеме защиты от облучения.

МАГАТЭ, объединяющее 134 страны, – единственное подразделение ООН, со специальным статутом в области профессиональной защиты от радиационного облучения. Его функции заключаются в разработке стандартов безопасности для защиты здоровья, в том числе в производственных условиях, и оказании помощи по внедрению этих стандартов по просьбе любой страны. Уже более 40 лет МАГАТЭ выполняет международные функции по радиационной защите профессионалов в следующих направлениях: международные конвенции, международные стандарты, международные наблюдения за применением этих стандартов.

По первому направлению основное внимание уделяется четырем конвенциям: о раннем оповещении о ядерных авариях, о помощи при ядерной аварии, о ядерной безопасности, а также по безопасному обращению с отработанным ядерным топливом и радиоактивными отходами.

Система международных стандартов помимо конвенции о радиационной защите профессионалов содержит положения, требования, руководства, созданные за многие годы. Исходным считается 1956 год, когда в статуте МАГАТЭ было одо-

брено положение об установлении международных «стандартов безопасности для защиты здоровья... включая такие стандарты для рабочих условий». Через 6 лет был издан первый стандарт, а в 1967 году совместно с Международной рабочей организацией (ILO) – его вторая редакция. В 1962 году вышли руководство по безопасному обращению с радионуклидами и первый стандарт по индивидуальному дозиметрическому контролю с помощью пленочных дозиметров.

В 1965 году МАГАТЭ ввело стандарты, которые известны как основные требования по профессиональному мониторингу. Во второй половине 60-х годов были изданы рекомендации по технике контроля загрязненности воздуха при обслуживании ядерных установок и по безопасному обращению с радиоизотопами в гидрологии. Вслед за этим появился стандарт «Респираторы и защитная одежда». В 1968 году совместно с ILO и Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) выпущены рекомендации по медицинскому контролю рабочих-атомщиков. Затем внимание было сосредоточено на защите горняков и рабочих, добывающих и перерабатывающих урановое и ториевое минеральное сырье. В 1974 году МАГАТЭ издало первое руководство по безопасной переработке плутония, а годом раньше – по обращению с нейтронными генераторами. В 1978 году появилось пособие по первой медицинской помощи при радиационном поражении.

Выработка единой позиции несколькими международными организациями позволила в 1982 году выпустить в свет объединенные стандарты радиационной безопасности. В них была включена новая система предельных доз, к которой к тому времени пришла Международная комиссия по радиологической защите (ICRP). Вскоре последовали рекомендации по применению этой системы в горнодобывающей урановой промышленности, инструкция по медицинской помощи при радиационных авариях, сформулированы основные принципы профессионального мониторинга. В начале 90-х годов появились новые документы по защите профессионалов на АЭС, на установках по облучению, по безопасному использованию ионизирующих источников в промышленности, медицине, науке и образовании.

Через рекомендации и инструкций по различным аспектам радиационной защиты завершилась изданием в 1990 году обобщающего документа «Оперативная радиационная защита. Руководство по оптимизации». Он базируется на рекомендациях ICRP, изложенных в Публикациях 37 и 55.

Конец 90-х годов ознаменовался созданием в МАГАТЭ новой серии под названием «Стандарты безопасности» и выпуском трех документов: «Профессиональная радиационная защита», «Оценка профессионального облучения от внешних источников» и «Оценка профессионального облучения от радионуклидов, поступивших внутрь организма». К этому времени сложилась следующая кооперация международных организаций: UNSCEAR сосредоточил внимание на выяснении биологических эффектов облучения, ICRP разрабатывала рекомендации по радиационной защите, ILO гармонизировала интересы рабочих, работодателей и правительств, МАГАТЭ устанавливало стандарты. Такое взаимодействие способствовало скорейшему одобрению стандартов в большинстве стран.

При внедрении стандартов МАГАТЭ совместно с ВОЗ осуществляют техническую поддержку, налаживают обмен информацией, содействуют обучению и тренировкам, координируют исследования и рационализации в области радиационной защиты персонала.

В соответствии с современным стандартом предельная доза за год равняется

20 миллизивертам. По специальному решению она может быть увеличена до 50 миллизивертов и только в исключительных условиях, которые оговорены в международных стандартах, – до 100 миллизивертов.

Наблюдением за профессиональным радиационным облучением путем сбора и обобщения данных из стран-членов ООН занимается UNSCEAR. Поступающая информация содержит сведения о радиационных источниках в ядерном топливном цикле, источниках, используемых в медицинских и промышленных целях, природных источниках, а также источниках, относящихся к военной деятельности и космическому пространству, в частности к облучению экипажей самолетов космическими лучами.

В отчете UNSCEAR за 2000 год обобщены данные 1975-1994 годов. Как видно из рис. 1, наблюдается устойчивая тенденция снижения среднегодовой эффективной дозы. При этом число профессионалов, занятых во всех видах работ с использованием источников ионизирующего излучения, непрерывно возрастает (рис. 2).

До недавнего времени защита при медицинском облучении не входила в международные стандарты. Но ныне эта область также контролируется. В ней наиболее динамично растет количество обслуживающего персонала, подлежащего дозиметрическому наблюдению и защите от облучения. Обобщение данных, представленных на рис. 1 и 2, показывает, что, несмотря на рост числа профессионалов, среднегодовая коллективная эффективная доза имеет тенденцию к снижению (рис. 3).

Количество профессионалов, обслуживавших в 1990-1994 годах антропогенные радиационные источники, составляло около 4,6 млн. человек. Для них, как следует из отчета UNSCEAR за 2000 год, среднегодовая доза равна 0,6 миллизиверта. Однако для тех, кто был занят в ядерном топливном цикле, эта доза оказалась втрое выше (табл.). Отчетливая тенденция улучшения профессиональной радиационной защиты следует из сравнения с данными 1975 – 1979 гг. Тогда обслуживанием антропогенных источников было занято 2,7 млн. человек, и среднегодовая индивидуальная эффективная доза составляла 1,9 мЗв.

Большое количество профессионалов (шахтеры угольных и полиметаллических рудников, экипажи самолетов и др.) подвержено воздействию природных источников ионизирующего излучения. В соответствии с таблицей из когорты 6,5 млн. человек 60% приходится на шахтеров, добывающих уголь. Для них среднегодовая доза составляет 0,7 миллизиверта. Однако за счет рабочих, занятых в других отраслях промышленности, где облучение выше, среднегодовая доза когорты профессионалов достигает 1,8 миллизиверта. Здесь уместно отметить, что в развитых странах при медицинских процедурах пациент в среднем за год получает дозу 1,1 миллизиверта.

Позиция ООН при разработке стандартов радиационной защиты профессионалов сводится к тому, что превышение предельной дозы будет приводить к увеличению вероятности дилетериозного эффекта (Deleterious effects) в размере 0,005% на 1 миллизиверт, (рис. 4). Для некоторых раковых заболеваний дилетериозный эффект значителен (около 25%) и превышает 20%, установленные для предельной радиационной дозы (средней 2,4; типичной 10 и повышенной 100 миллизивертов в год). Дискуссия относительно связей между дозами ниже предельной и возникающими при этом эффектами интересна с академической точки зрения, но не имеет отношения к разработке стандартов радиационной защиты.

При идентификации радиационных эффектов, вызванных профессиональным облучением, радиационная эпидемиология имеет серьезные проблемы. При малых дозах дополнительный риск, обусловленный радиационным воздействием, настолько мал, что трудно выделить (рис. 5) твердый рак, связанный именно с облучением. Исключением является рак щитовидной железы. При обычных условиях он встречается очень редко, и даже небольшое увеличение числа заболеваний может быть детектировано. Поэтому неудивительно, что среди людей, облученных в результате чернобыльской аварии, рак щитовидной железы был зарегистрирован во многих случаях, а другие виды твердого рака нет. Для последних дозы были не столь значительны.

Чтобы при последующих эпидемиологических исследованиях связать средние дозы при профессиональном облучении с заболеваниями твердым раком, необходимы наблюдения за 1 млрд. рабочих. Однако некоторые эпидемиологические исследования возможны в меньших по количеству группах профессионалов, но получивших высокие дозы. Естественно, там, где статистика сегодня бессильна, предстоит искать иные пути исследований, в том числе на клеточном и молекулярном уровнях. В этом плане UNSCEAR имеет амбициозную программу работ.

В заключение следует отметить, что в упомянутом выше отчете UNSCEAR за 2000 год, состоящем из двух томов, есть специальное дополнение, касающееся аварии 1986 года на Чернобыльской АЭС.

□ 3.7. ОБНАРУЖЕНИЕ И КОНТРОЛЬ ЯДЕРНЫХ ВЗРЫВОВ С ПОМОЩЬЮ ФИЛЬТРОВ ПЕТРЯНОВА

Огородников Б.И.

доктор химических наук, профессор, Лауреат Ленинской премии.

Проблема отбора и анализа продуктов ядерных взрывов возникла одновременно с началом разработки атомного оружия. В первую очередь их исследование необходимо для национальной безопасности и защиты населения в случае атомной агрессии в любой точке земного шара, поскольку радиоактивные облака служат источником глобального загрязнения воздушного бассейна. Вторая, не менее важная проблема, – получение достоверной информации о природе атомных и термоядерных бомб, находящихся на вооружении зарубежных государств, а также о времени, месте испытаний, эффективности ядерной реакции и коэффициенте использования атомного горючего. Ответы на часть этих вопросов необходимо было получить и в ходе отечественных испытаний ядерных устройств. В-третьих, изучение «жизни», распространения, выпадения продуктов ядерных взрывов представляет большой интерес для ядерной метеорологии, в частности раскрытия закономерностей перемещения атмосферного воздуха в локальных и региональных масштабах.

Практически единственным путем решения большинства этих вопросов оказалось создание надежного метода анализа состава радиоактивных аэрозолей, образующихся в облаке ядерного взрыва.

Эта задача в момент ее постановки академиком И.В. Курчатовым перед лабораторией аэрозолей НИФХИ имени Л.Я. Карпова в 1947-1948 годах представлялась чрезвычайно сложной. Необходимо было разработать такой метод отбора и анализа аэродисперсной фазы из огромных объемов радиоактивного облака на любых высотах, чтобы не нарушалось соотношение между концентрациями опорных изотопов, образовавшихся при взрыве ядерного заряда и распылении конструкционных материалов. Проба аэрозолей должна была без изменений и загрязнений доставляться на анализ, а пробоотборное устройство не должно было искажать дисперсного состава радиоактивных аэрозолей.

В таком контексте задача была сформулирована академиками Н.Н. Семеновым и М.А. Садовским, стоявшими во главе научной подготовки и обслуживания отечественных испытаний. А несколько позднее и академиками И.В. Курчатовым и И.К. Кикоиным, возглавившими разработку методов изучения зарубежных испытаний и контроля загрязненности атмосферы радиоактивными аэрозолями.

Единственным путем, позволявшим решить проблему, оказался метод фильтрации аэрозолей. Однако, существовавшие в то время на вооружении фильтрующие картонные для боевых противогазов имели слишком большое сопротивление (15-20 миллиметров вод. ст. при скорости 1 сантиметр в секунду), а добавка асбеста к целлюлозе мешала проведению анализов. Хотя в конце 1930-х годов в лаборатории аэрозолей НИФХИ имени Л.Я. Карпова уже был разработан для противогазов новый фильтрующий материал из ацетилцеллюлозы с сопротивлением примерно в пять раз меньше, но все же оно было велико и затрудняло прокачку больших объемов воздуха. Комплексное решение проблемы потребовало проведения обширных исследований фильтрации аэрозолей волокнистыми материалами с различными диаметрами волокон, сопротивлениями, при различных скоростях потоков. В итоге были созданы новые специальные материалы.

Подготовка технических средств для реализации аэрозольного метода началась в 1948 году. Первые гондолы, в которых размещали фильтр для улавливания аэрозолей, были созданы в ЦАГИ имени профессора Н.Е. Жуковского и размещены на крыльях истребителя Як-9в. Их опробование проходило летом 1949 года на Семипалатинском полигоне. К середине августа подготовили пять управляемых по радио самолетов-заборников Як-9в. Как выяснилось, «узким» местом стало приземление самолетов: ломались шасси, машины «клевали» при посадке. Все самолеты накануне испытания атомного устройства получили те или иные повреждения. И.В. Курчатов был вынужден отменить полеты.

В книге «Первая атомная» В.И. Жучихин так вспоминает о попытке 29 августа 1949 года забрать радиоактивные вещества из облака взрыва на Семипалатинском полигоне: «Предполагалось, что после взрыва через его облако должны пройти три управляемых по радио беспилотных самолета Пе-2 с целью забора радиоактивных проб». (Автор ошибся – не Пе-2, а Як-9в – прим. Б.О.).

Однако густая и низкая облачность препятствовала осуществлению этого намерения. Руководство испытаниями сначала приняло решение перенести взрыв с 8:00 на 7:00 в надежде на улучшение погоды. Но синоптики никакого улучшения погоды не обещали. Поэтому окончательно было решено: взрыв назначить на 7:00, запуск самолетов отменить». Аэрозольный метод пришлось реализовать иным путем.

А.К. Круглов в книге «К истории атомной науки и промышленности» приво-

дит такие сведения. «Для оценки интенсивности радиации через ~10 мин после взрыва два специально защищенных танка КВ, оснащенных дозиметрической аппаратурой, направились в эпицентр к основанию ножки радиоактивного гриба. Как пишет заместитель министра здравоохранения А.И. Бурназян, находившийся в одном из танков, его танк на максимальной скорости через десяток минут после взрыва был в эпицентре. Собрав нужную информацию и отобрав пробы оплавленной земли, экипаж возвратился для доклада результатов руководителю Государственной комиссии и И.В. Курчатову...

Представительные пробы отбирали из эпицентра на различных расстояниях по радиусу. Количество разделившихся ядер плутония измеряли по излучению и активности основных осколочных элементов ^{95}Zr , ^{95}Nb , ^{137}Cs , ^{144}Ce и др. Анализ всех этих измерений позволял судить о количестве выделившейся энергии и КПД.

В отборе проб из эпицентра через сутки после взрыва 30 августа участвовали Н.А. Власов, Г.Н. Горшков и Я.П. Докучаев. У старшего группы (Н.А. Власова) был стрелочный дозиметр. Их снаряжение состояло из комбинезона, противогаза, резиновых перчаток, металлического совка, брезентового мешочка для отбора проб, солдатских ботинок. На «козлик» быстро достигли эпицентра и сразу же заполнили мешочки пробами (покрупнее и помельче). Работу по отбору проб выполнили за 5-7 минут.

Определение количества выделившейся энергии и КПД изделия на основании анализа проб, отобранных на полигоне, возглавляли Б.А. Никитин, А.П. Виноградов, И.Е. Старик, П.И. Толмачев и др. Радиометрические измерения и активности выполнили сотрудники РИАНа Б.С. Джелепов, Н.А. Власов, Г.Н. Горшков и др. Активность, характеризующую количество непрореагировавшего плутония, измерял Я.П. Докучаев».

Спустя почти месяц (25 сентября) газета «Правда» опубликовала сообщение ТАСС: «23 сентября Президент Трумэн объявил, что по данным Правительства США в одну из последних недель СССР произвел атомный взрыв. Одновременно аналогичное заявление было сделано английскими и канадскими правительствами. Вслед за опубликованием этих заявлений в американской, английской и канадской печати, а также в печати других стран появились многочисленные высказывания, сеющие тревогу в широких общественных кругах. В связи с этим ТАСС уполномочен заявить...»

Как же иностранцам удалось установить факт взрыва первой советской атомной бомбы? Вот что пишет по этому поводу С.В. Пестов в книге «Бомба. Тайны и страсти атомной преисподней»:

«Ряд астрономических лабораторий мира засекли изменения в верхних слоях атмосферы, которые весьма характерны для ядерного взрыва или извержения вулкана.

К тому времени у США не было рабочей системы слежения за ядерными испытаниями в СССР – она была отвергнута по настоянию Гровса. Самоуверенный генерал считал, что пройдет еще много лет, прежде чем «эта варварская страна» доберется до тонкостей ядерных устройств и потому, мол, затраты на дорогостоящую систему – очевидная напраслина.

В начале сентября Майкл Перрин – один из руководителей британской ядерной программы – был неожиданно приглашен в американское посольство для переговоров с Вашингтоном по спецсвязи из отдельной комнаты, где еще ни

разу не бывал ни один иностранец. Вашингтон просил проверить подозрения американских ученых в отношении радиоактивности верхних слоев атмосферы, которая возникла вследствие возможного взрыва советской атомной бомбы. Английский бомбардировщик с нужным оборудованием поднялся в воздух и подтвердил подозрения американцев, о чем Перрин доложил британскому премьеру Эттли.

– Нужно провести тщательный анализ проб воздуха, – сказал Перрин премьеру. Наилучший специалист в этом вопросе Клаус Фукс, работающий в Харуэлле. Но мы подозреваем его самого в ненадежности.

– Тогда проверьте Фукса, – ответил Эттли.

Анализ под большим секретом сделал другой сотрудник Харуэлла. Да, в СССР была взорвана бомба, причем плутониевая. Определилось и место взрыва – где-то в северном Казахстане».

П.И. Басманов – главный специалист НИФХИ имени Л.Я. Карпова, в 1947 году начал трудовую деятельность в лаборатории аэрозолей. Он вспоминает, что через год из Института химической физики поступила просьба передать образцы волокнистых материалов БФ (боевой фильтр), предназначенных для противогазов, на испытания в специфических условиях. Получивший тогда эти материалы В.Л. Тальрозе подтвердил в разговоре со мной в июле 1994 года, что он был причастен к разработке устройств для отбора радиоактивных аэрозолей, образующихся при ядерных взрывах. К сожалению, по причинам, указанным выше, 29 августа 1949 года самолетный вариант аэрозольного метода контроля ядерных взрывов не сработал.

Следующих два отечественных ядерных испытания были проведены на Семипалатинском полигоне осенью 1951 года. К этому времени пробоотборными гондолами были оборудованы самолеты ЛИ-2. Испытание заряда РДС-2 состоялось на башне 24 сентября. Полный тротиловый эквивалент был определен двумя независимыми методами: по количеству распавшегося при взрыве плутония, что было установлено радиохимическим анализом продуктов взрыва, и по объему и температуре огненного полушара, образовавшегося на начальной стадии взрыва.

18 октября 1951 года третья отечественная атомная бомба РДС-3 была сброшена с бомбардировщика Ту-4 на высоте 10 километров и в 9 часов 53 минуты 33 секунды взорвалась на высоте около 400 метров. Через 1 час 20 минут после этого к точке, над которой произошел взрыв, отправился танк. Дозиметрическая разведка показала, что мощность излучения в эпицентральной зоне значительно ниже той, которая была при наземных взрывах. Радиоактивный гриб поднялся до тропопаузы (12 километров). В 10 часов 20 минут к облаку взрыва приблизился самолет ЛИ-2. Он был поднят в воздух заранее, чтобы пройти через нижнюю часть облака и взять на фильтр Петрянова пробу аэрозолей для радиохимического анализа. Руководил пробоотбором радиохимик Д.А. Шустов, находившийся в кабине пилотов на месте штурмана. Впервые в мире самолет с людьми вошел в ядерную преисподнюю. В ножке гриба было темно.

«Сначала мы пролетели на высоте 3000 метров, вспоминает Д.А. Шустов. Приборы показали, что радиоактивных веществ здесь не очень много. Тогда я приказал подняться на 5000 метров. Стрелки дозиметрических приборов вскоре ушли за границы шкал. Это означало, что на фильтре уже находилось более 1 кюри радиоактивных веществ. После приземления фильтрующий материал

поступил в радиохимическую лабораторию, где определили коэффициент полезного использования плутония. Мощность взрыва равнялась 41,2 килотонны. И.В. Курчатов был доволен и всех поблагодарил за работу».

Таким образом, мощность взрыва РДС-3 была определена уже по трем методам: радиохимическому анализу, размерам и температуре огненного шара, ударной волне.

Д.А. Шустов более 10 лет выполнял работы по контролю ядерных испытаний с помощью аэрозольного метода на Семипалатинском и Новоземельском полигонах. Он родился в 1902 году. Закончил МХТИ имени Д.И. Менделеева. Участник Великой Отечественной войны. Ровно на половине своего жизненного пути Д.А. Шустов первым поднялся в ядерное облако и доставил аэрозольные пробы. Ядерный «Икар» скончался в возрасте 98 лет.

Итак, с 1951 года аэрозольный метод контроля ядерных взрывов в полной мере заработал применительно к отечественным испытаниям.

К первому термоядерному взрыву США советские средства отбора и анализа радиоактивных аэрозолей были существенно усовершенствованы. Пробоотборными устройствами были оборудованы самолеты-разведчики конструкторского бюро А.С. Яковлева. По мнению Ю.Б. Харитона и Ю.Н. Смирнова (см. их публикацию «О некоторых мифах и легендах вокруг советских атомного и водородного проектов»), радиохимический анализ проб из воздуха после американского термоядерного взрыва 1 ноября 1952 года действительно мог дать некоторую информацию о материалах, использованных в «изделии».

События, связанные с разработкой и испытаниями первых самолетных гондол, предназначенных для фильтрации радиоактивных аэрозолей из облаков ядерных взрывов, запомнились И.В. Петрянову во всех деталях. Как-то, находясь у него в кабинете, мы услышали следующее. «Первый полет с гондолами для отбора радиоактивных веществ после ядерного взрыва назначили на подмосковном аэродроме в Жуковском. Проектировали гондолу и ее внутреннюю начинку по эскизам, разработанным в НИФХИ имени Л.Я. Карпова в нашей лаборатории. Гондолы были установлены на крыльях самолета-истребителя. Снарядили в них наши фильтры. Пришел летчик: важный такой дядька, большой ростом, говорит сквозь зубы. Объясняю ему задание: попробовать механическую прочность фильтров на нескольких режимах пикирования. Сначала – малые нагрузки, затем побольше и под конец – максимальные. Всего около 10 пикирований. Летчик кивает головой – все понятно и уходит. Он – в самолет. Все остальные, в том числе начальник аэродрома, представитель Первого главного управления и спецкомитета – на вышку. Самолет улетел. Мы ждем. Прошли уже все сроки. Его нет. Люди начали спускаться с вышки и расходиться. Я остался один. «Разбился», – думаю про себя. И вдруг – «вжик!». Самолет прилетел. Оказалось, что летчик сделал всего одно пикирование, но с самой большой нагрузкой. Фильтры, гондолы – все уцелело. Надобность в других пикированиях отпала. Оставшееся время наш ас потратил на то, чтобы слетать в сторону Урала и помахать крылышками над домом возлюбленной».

Еще один интересный случай, запомнившийся И.В. Петрянову, можно найти в книге Л.Н. Шапкина «Монологи засекреченного ученого» (Баку, 1992 год).

«...Вспомнил о Курчатове.

– А Вы знаете, Игорь Васильевич однажды меня защитил? – сделался серьезным академик.

– Защитил от кого? Как?

– Прошли испытания... Мои фильтры должны были принести результаты, а принесли по ведру воды...

Академик на меня посмотрел и увидел, что я ничего не понимаю. Я, впрочем, и не скрывал своего недоумения – сидел, приоткрыв рот, и не шевелился. Мне показалось, что он тут же пожалел меня, потому и стал объяснять.

– Нужно было исследовать облако после взрыва, погладил он, как всегда, свою бороду, – поэтому и пригласили меня с моими фильтрами. Я установил фильтры на самолете и уехал с полигона.

– Прошло какое-то время, и вдруг сообщают, что меня срочно требуют в штаб испытаний. Причем, сообщают это как-то недовольно и даже с каким-то раздражением, нервно. «Натворил ты там, дескать, что-то... Срочно отправляйся в штаб...» Поехал, а на душе беспокойно, тем более знаю, что на испытаниях присутствует сам Курчатов.

Академик поправил свои очки, словно захотел мне что-то прочесть, однако не тронул ни одной книжки, ни одного листочка бумаги, которые перед ним лежали.

– Так вот... Приезжаю в штаб, спрашиваю: куда идти?

– В кабинет Игоря Васильевича, – отвечают.

– Ну, думаю, совсем плохо, пропал. Сам Игорь Васильевич вызывает... Значит, дело серьезное.

Прохожу и вижу, что за столом Курчатова сидит один из его заместителей, который меня тут же начал отчитывать. «Вы, – говорит, подвели нас! Мы Вам верили, надеялись на Вас, а Вы со своими приборами оказались несостоятельным!» Да, так, я вам скажу, грубо все это говорит. Ну, чуть ногами не топает. Я ничего не понимаю, прошу объяснить, а он не успокаивается, даже наказанием стал грозить... Тогда я тоже не выдержал и тоже повысил голос. «Объясните толком, – говорю, – что случилось!» Он успокоился и сказал, что мои фильтры вместо ожидаемых результатов взрыва, которые должны были привезти, привезли по ведру воды.

– Как воды?

– А так...

И мой собеседник снова начал меня распекавать. И тут я смекнул.

– При каких условиях проводились испытания? – спрашиваю. Не было ли это время дождя? Позвоните на полигон, уточните...

Он позвонил и ему ответили, что дождь в это время, действительно, был.

– Вот видишь, – услышал я и обернулся. За спиной стоял Курчатов. Я даже не заметил, как он вошел в кабинет.

– Видишь, – повторил Игорь Васильевич, а ты кричишь... Наказывать собираешься... Конечно... Вы послали самолет в водяное облако, он и привез вам воду...

Академик снова поправил очки и закончил:

– Вот так меня один раз защитил Курчатов».

Летчики, направлявшиеся в облако продуктов ядерного взрыва, подвергались огромной опасности. Штурман Б.А. Муратов, служивший с 1955 года на Новой Земле в 10-й авиационной группе специального назначения, вспоминает в книге «Ядерный архипелаг»:

«Все экипажи испытательного полка во время испытания «изделия» акаде-

мика Сахарова на мысе Выходном так называемой «чистой» бомбы, при заборе радиоактивных проб получили предельно допустимые дозы облучения. Мы с командиром 10 АГ СН подполковником Б.Н. Трушновым также совершили полет для забора проб, сделав четыре захода в радиоактивное облако.

Скажу прямо, полной информации о проводимых работах мы не имели. Нам ставили конкретные задачи, и мы выполняли их в нужное время. Работа летного состава испытательного авиаполка была всегда связана с опасностью. В то время мы не знали и не понимали влияния радиации и светового излучения на организм. А ситуации бывали всякие. Так, 7 сентября 1957 года на восточном берегу губы Черная был проведен наземный взрыв ядерного устройства. Экипаж старшего лейтенанта Горшкова на самолете Ил-28 после выполнения заходов в радиоактивное облако для забора проб полностью потерял ориентировку и вместо курса 320-340 градусов взял около 90 градусов и полетел в Карское море. Дежурный штурман старший лейтенант Пярксон на экране наземного радиолокатора заметил это и развернул своими командами самолет на Рогачево, где он нормально произвел посадку. Каждый член экипажа получил дозу по 20 ретген.»

П.И. Басманов сохранил рабочую тетрадь с записями 1954-1956 годов. Это – время создания полигона на Новой Земле и проведения первого в СССР подводного ядерного взрыва. Было ясно, что выделение огромного количества энергии при взрыве приведет к вскипанию и диспергированию большой массы воды. Чтобы обеспечить отбор радиоактивных аэрозолей, требовалось исследовать гидродинамику и механическую стойкость фильтрующих материалов, а также улавливание ими водных туманов. Для выполнения первой задачи была собрана установка, в которой сжатый воздух из баллона с высокой скоростью проходил через конусообразный фильтр, а его расход измеряли анемометром. В тетради указана дата: эксперименты начались 15 ноября 1954 года. Месяцем раньше была собрана другая установка. В ней имелась банка с пульверизатором, выходное сопло которого было повернуто к стенке. Крупные капли ударялись о нее и стекали на дно, а мелкий туман подхватывался воздушным потоком и поступал на фильтр. Так была определена гидроемкость, т.е. количество тумана, задержанного фильтрующими материалами ФПА-15, ФПП-15 и ФПП-25, которое приводило к двукратному увеличению их сопротивления.

По результатам этих экспериментов были выданы рекомендации по снаряжению фильтровальных гондол самолетов-разведчиков. О пользе проведенных исследований красноречиво свидетельствуют воспоминания радиохимика Д.А. Шустова, опубликованные в книге «Россия делает сама».

«Осенью 1955 года на Новой Земле провели первый подводный взрыв атомной бомбы. Цель – определение воздействия такого взрыва на военно-морскую технику. В программу испытаний входило определение коэффициента полезного использования ядерной взрывчатки (КПИ). Поэтому на Северном полигоне создали радиохимическую лабораторию из прикомандированных радиохимиков. Большинство из них участвовали в атомных испытаниях на Семипалатинском полигоне. Пробу для определения КПИ отбирали самолетом Ил-28, оборудованным гондолой с фильтром, на который и собирали аэрозоли. Самолет управлялся пилотом и пронизывал «шляпку» радиоактивного облака гриба. При отборе пробы произошел непредвиденный случай. Когда самолет вышел из облака, летчик обнаружил, что лобовое стекло покрыто каким-то веществом, да

так плотно, что видимости почти не осталось. Самолет с трудом был посажен на аэродром. При осмотре лобового стекла установили, что оно покрылось морской солью. Следовательно, радиоактивные аэрозоли, образующиеся при подводных взрывах, являются не твердыми, а жидкими».

На протяжении многих лет научное, конструкторское и технологическое совершенствование аэрозольного метода обнаружения и контроля ядерных взрывов было непрерывным творческим процессом, потребовавшим кооперации усилий специалистов различных профилей.

В 1962 году с помощью самолета Ан-8, оборудованного двумя фильтровальными гондолами, были определены эффективности улавливания аэрозолей, образовавшихся в результате наиболее мощной серии воздушных ядерных взрывов. Было выполнено пять полетов над европейской частью территории СССР и Сибирью на высотах 4000-8000 метров. Гондолы снаряжали тремя слоями материала ФПА-15-0,7. Это соответствовала условиям фильтрации воздуха через материал ФПА-15-2,0, использовавшийся для штатных пробоотборов. После полета каждый слой подвергался детальному радиометрическому и радиохимическому анализу. Было установлено, что независимо от высоты полета 86% суммарной активности задерживается на первом слое, 10% – на втором и 4% – на третьем. Примерно таким же оказалось распределение по слоям отдельных радионуклидов: ^{89}Sr , ^{91}Y , ^{95}Zr , ^{140}Ba , ^{141}Ce , ^{144}Ce и ^{237}U . Было констатировано, что созданный для аналитических целей материал ФПА-15-2,0 достаточно эффективен, обладает малым сопротивлением воздушному потоку и позволяет за короткое время отфильтровывать большие объемы воздуха, удобен при снаряжении, установке и снятии с гондол, пригоден для выполнения радиометрических измерений и радиохимических анализов. В то же время было показано, что материал может быть усовершенствован.

Вскоре в итоге теоретических, экспериментальных и летных исследований, проведенных в НИФХИ имени Л.Я. Карпова, удалось разработать и внедрить в промышленность новый не ворсистый фильтрующий материал ФПА-15-1,0. Он имел высокую эффективность улавливания аэрозольных продуктов ядерных взрывов и пониженную зольность, а также обладал высокими механическими качествами благодаря склейке волокон. Этот материал был создан для новой унифицированной фильтровальной гондолы, разработка которой была завершена в 1964 году в конструкторском бюро А.С. Яковлева. Материал выдерживал скорости полета до 1000 километров в час при эксплуатации на самолетах Як-25 и Як-28.

В унифицированной фильтровальной гондоле размещались соосно две конусообразные металлические сетки, на которые накладывали фильтрующий материал: на одну – около 1 квадратного метра и на вторую – 2 квадратных метра. Для пробоотбора со сверхзвуковых самолетов, разработанных в конструкторских бюро Микояна, Сухого и Туполева, в унифицированной гондоле была модифицирована входная часть. Одновременно в НИФХИ имени Л.Я. Карпова были созданы новые термостойкие малозольные фильтрующие материалы ФПАР-АТ-1 и ФПАР-15-1,5. Они выдерживали температуры до 280градусов. Унифицированные гондолы и термостойкие фильтрующие материалы прошли испытания и эксплуатировались на самолетах Як-25, Як-28, Ан-24, Ан-30, МиГ-25 и др.

Несмотря на мобильность и сравнительную простоту отбора продуктов ядерных взрывов с помощью самолетных установок, они не всегда могли удовлетворить нужды служб контроля. Например, при космических взрывах или воз-

душных взрывах мощных термоядерных устройств требовалось отобрать пробы с максимально возможных высот. Это могли выполнить автоматические установки или ракетные пробоотборники.

Весной 1961 года были начаты работы по созданию аэростатной аппаратуры для отбора не только радиоактивных аэрозолей, но и газообразных компонентов, которые содержали тритий и ^{14}C (пары воды, углекислый газ). Уже через год были проведены опытные полеты аэростата АРР-1, и с высот до 25 километров доставлены пробы аэрозолей.

В 1965 году под руководством И.В. Петрянова в НИФХИ имени Л.Я. Карпова и Долгопрудненском конструкторском бюро автоматики началась разработка нового варианта аэростата (АРР-2) и аппаратуры «Снежинка», предназначенных для отбора радиоактивных веществ из стратосферы с высот до 32 километров. В «Снежинке» для обеспечения чистоты и высокой эффективности отбора воды и углекислого газа использовалось их вымораживание в теплообменнике, охлаждаемом жидким азотом. В 1967-1969 годах с помощью АРР-2 было доставлено около 20 уникальных проб, в том числе 21 октября 1969 года с высоты около 25 км – «свежие» продукты девятого ядерного взрыва КНР. Одновременно в ходе этих работ были получены уникальные сведения о влажности стратосферы. Было показано, что выше 15-20 километров удельная влажность воздуха возрастает. Кроме того, наблюдаются сезонные колебания влажности.

После заключения в 1963 году Договора о прекращении ядерных испытаний в атмосфере, под водой и в космосе рамки использования аэрозольного метода несколько сузились, хотя Франция и КНР продолжали свои воздушные взрывы. В это время США и СССР продолжили свои испытания под землей. При этом пристальное внимание стали уделять выходу на дневную поверхность газообразных компонентов, в частности радиоактивного йода. Для его обнаружения на базе волокнистых материалов ФП в НИФХИ имени Л.Я. Карпова были разработаны сорбционно-фильтрующие материалы. Их производство было налажено в Сарове. Пробоотборные устройства стали снаряжать слоистыми композициями:

первый слой – материал ФПА-15-2,0 (или ФПП-15-1,5), второй – сорбционно-фильтрующий. Еще один важный параметр радиоактивных аэрозолей стали получать, когда материал ФПА-15-2,0 заменили на трехслойную композицию: первый слой – ФПП-70-0,1, второй – ФПП-70-0,2 и третий – ФПП-15-1,5. Это позволило помимо радионуклидного состава и концентраций определять еще и дисперсность аэрозолей.

Созданные для аналитических целей волокнистые полимерные материалы ФП, а также наземные, корабельные, самолетные, аэростатные фильтровальные установки позволяют отбирать и анализировать радиоактивные продукты ядерных взрывов в различных точках нашей планеты, в том числе в стратосфере.

Итак, аэрозольный метод контроля и обнаружения ядерных взрывов стал неотъемлемой частью советского Атомного проекта. Начиная с 1949 года разработанные фильтрующие материалы и средства пробоотбора применялись:

во всех без исключения ядерных испытаниях, проведенных Советским Союзом. При этом была получена обширная и важная информация об эффективности использования ядерных зарядов, что способствовало научному и техническому прогрессу при создании новых образцов ядерного оружия;

для обнаружения и изучения радионуклидного состава облаков ядерных

взрывов зарубежных государств с целью датировки и выявления места взрыва, определения типа взорванного устройства и получения информации о его эффективности;

для постоянного наблюдения за состоянием воздушного бассейна СССР, контроля загрязненности атмосферы радиоактивными аэрозолями и наблюдения за прохождением радиоактивных облаков над территорией страны;

для контроля воздушного бассейна над предприятиями атомной промышленности, в частности над Чернобыльской АЭС после взрыва реактора 4-го энергоблока в 1986 году.

Аэрозольный метод продолжает оставаться важным инструментом контроля соблюдения Договора о всеобъемлющем прекращении ядерных испытаний.

□ 3.8. ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

Казнов В.И.

Ветеран подразделений особого риска.

Предложение вспомнить некоторые этапы моей трудовой деятельности застало меня врасплох. Во-первых, предложенный мне период определялся достаточно молодыми годами моей жизни, во-вторых, описывать их мне приходится впервые. Воспоминания должны были касаться моего участия в испытаниях ядерного оружия и его компонентов на полигонах Семипалатинска и Новой Земли. Сразу надо отметить, что это участие являлось работой обычного молодого специалиста в рядах многочисленных сотрудников и коллег гораздо старшего поколения. Период моих воспоминаний будет относиться к 70-м годам прошлого столетия. Но прежде чем приступить непосредственно к теме повествования, необходимо сказать несколько слов о том, как меня угораздило оказаться в оборонных отраслях промышленности, ибо по сути и образу моей жизни я совсем не милитарист.

Просто так уже сложились жизненные обстоятельства или, как говорится, судьба. Родился и жил я с ранней молодости в Дзержинске, том, что в Горьковской области. К началу пятидесятых годов это был довольно приличный город, конечно, не такой большой, как сейчас. Но количество находившихся в нем тогда химических заводов, разумеется, действующих, не уступает и настоящему.

Высших учебных заведений в нем тогда не было, из средних было только два техникума: химический и химико-механический.

После окончания семилетки поступил в химический техникум имени Красной Армии, он казался ближе к дому. На кого предстояло учиться, четкого представления не было. Только на старших курсах и особенно на последнем, четвертом, когда стали читать такие же предметы, как на спецкурсе 1 и спецкурсе 2, и зачем-то спецкурс А – стало что-то проясняться.

Появились секретные тетради для записи лекций, которые в основном оставались пустыми. Мы и на открытых лекциях не очень много записывали. А тем более на закрытых, в конце которых тетради еще и сдавали.

После окончания техникума меня сразу распредели на завод имени Свердлова. Завод был очень большой, к примеру, имел 2 проходные, которые находились чуть

ли не в разных концах города. Зарплата на нем была приличная, правда, работал шесть часов с 7 до 13, за вредность получали «молоко» и спецпитание. Кормили отлично, как мы тогда говорили «на убой». За смену снаряжал тротилом 350 артиллерийских зенитных снаряда 100-миллиметрового калибра, которые вообще-то правильно называть гранатами. Снарядами они становятся тогда, когда их комплектуют на военных базах гильзами с пороховыми зарядами. Куда могла деваться эта уйма снаряженных мною и моими коллегами боеприпасов, приходилось только догадываться. Отработав год, начал собираться на службу в Советскую Армию, где прослужил по своей специальности на военной базе три с половиной года. В армии стал подумывать о поступлении в институт, даже в целях подготовки за год окончил десятый класс и вдобавок к диплому о среднетехническом образовании получил аттестат зрелости. Институт выбирал по справочнику, искал в нем приписку и размер стипендии повышенный, ведь жить предстояло на одну стипендию. Так оказался в Москве в Инженерно-физическом институте, где опять же, как бы случайно попал на кафедру № 26 (руководитель Степанов Б.М.).

По окончании института стало маячить распределение на работу в НИИ и снова по специальности – разработка боеприпасов, но уже ядерных. Так оно и получилось.

Уже по второму в моей жизни обязательному распределению, после окончания МИФИ в 1969 году, был направлен на работу в Научно-исследовательский институт импульсной техники. Директором там был сначала Веретенников А.И., а затем и будущий министр Минатома Михайлов В.Н. С начала образования института Архангельский И.А. был главным конструктором этого НИИ. Институт специализировался в двух основных направлениях. Первое – создание принципиально новых электронных приборов и специальной аппаратуры для проведения научных исследований в области испытаний ядерного оружия. Второе – создание методик и проведение разного рода измерений, необходимых для совершенствования разработки ядерных зарядов.

Когда сегодня часто приходится слышать о наносекундных технологиях, следует не забывать, что новое направление в этой области зарождалось уже в те времена.

Не буду судить о сложности ядерных изделий, здесь моей компетенции явно недостаточно. Но могу удостоверить, что необходимость техники для измерения в реальном режиме времени уже тогда требовала регистрирующей аппаратуры наносекундного диапазона. Такие регистрирующие приборы в институте были созданы и используются до настоящего времени, причем в самых разнообразных областях, где требуется регистрация быстропротекающих процессов.

Вскоре после прибытия в НИИ, я как молодой специалист попал в отдел, который занимался разработками и внедрением многочисленных методик физических измерений, а также созданием мобильных (передвижных) аппаратурных комплексов. Здесь и началось мое участие в испытаниях ядерных зарядов на полигонах Семипалатинска и Новой Земли.

Испытания под Семипалатинском

Полигон для ядерных испытаний № 2, т. н. «двойка», находился в Казахских степях на берегу Иртыша, в километрах 120 от Семипалатинска. Именно на нем проходили испытания, тогда еще воздушные, первой советской атомной бомбы в 1949 году. После запрещения испытания ядерных зарядов в атмосфере,

на нем стали проводиться подземные испытания, благо что в том районе имеется достаточно крупный горный массив.

Чтобы добраться из Москвы до полигона, надо было пять часов лететь на самолете до Семипалатинска, а затем с местной станции Жана-Семей, почти столько же на поезде, который шел как бы в никуда, но называлось это никуда у нас на своем жаргоне «Берегом». Это был очень приличный военный городок с замечательным продовольственным и промышленным снабжением. Семипалатинский мясокомбинат был одним из крупнейших в стране, и его продукция в изобилии имелась на прилавках магазинов воинской части. Дефицитные в то время мясные консервы, тушенка, языки и колбасы находились в свободной продаже. И редко кто уезжал из командировки без батона сырокопченой колбасы «Углическая». Чайные и столовые сервизы, привезенные оттуда, служат мне до сих пор. Так что участие в экспедициях, так у нас назывались командировки на полигон, подкреплялись и материальной заинтересованностью, хотя об этом мы в молодые годы мало задумывались.

Климат в Казахской степи, на наш взгляд, был несколько странный. Летом жара свыше 30, зимой мороз ниже 40, да еще пронизывающий ветер-поземка. Быт в военном городке для командированных был тоже очень прилично устроенным. В нашем расположении было несколько гостиниц, для начальства, разумеется, получше, но и для рядовых сослуживцев очень не плохо. В центре города был даже так называемый «домик Берии», в котором останавливался сам Лаврентий Павлович, но мы его домик наблюдали только издалека. Дисциплина на полигоне хотя и была достаточно строгой, но особого давления на образ нашей командировочной жизни мы не ощущали, да и ЧП практически никогда не происходили. «Сухой» закон подразумевался, но горячительные напитки, особенно почему-то модный в то время портвейн, во время вечерних и ночных преферансов на столе всегда стоял. Т. е. все было в меру. Время, проводимое в военном городке, было временем отдыха, так как сама работа осуществлялась на площадках, которые находятся на разных сторонах степи, вблизи горных массивов. Расстояние до них преодолевалось на автобусах ПАЗ и составляло еще порядка сотни километров. Здесь условия проживания были уже совсем другими, несравнимыми с условиями военного городка. Даже, т. н. столовая, содержащая в своем штате лишь одного солдата, который был и кочегаром, и кассиром, и даже поваром в одном лице (отсюда и качество приготовления пищи, если все то, что он предлагал и далеко не бесплатно, можно было назвать таковой), нас совсем не устраивала. Поэтому ребята группировались в кучки и заранее обеспечивали себя кастрюлями, сковородками и другой кухонной утварью, переходили на самообслуживание в общежитии.

На площадках начиналась работа по подготовке испытаний, которые по установившемуся жаргону называли опытами. Здесь следует заметить, что подземные испытания по способу их проведения подразделялись на испытания в скважинах и штольнях.

Скважинный вариант действительно является подземным, так как для закладки заряда подготавливается скважина определенной глубины.

Для проведения испытаний в штольне шахтеры в основании горы прорубали горизонтальный туннель определенной длины, заканчивающийся концевым боксом. Здесь все как в строящемся метро, ездят вагонетки, ходить разрешается только в касках, так как везде нависают глыбы горной породы. Сам заряд

устанавливается в концевом боксе, имеющем форму круглой сферы, от которой начинается канал вывода излучений. Штольня периодически перегораживается забивками для того, чтобы не было выбросов радиации в атмосферу. Датчики физических измерений устанавливаются в зависимости от методик, как непосредственно в штольне, так и на выходе из нее, т. н. устье.

От общежития до штольни мы добираемся на ПАЗиках сначала по степи, временами на сложных горных участках, водитель на всякий случай открывал двери автобуса. В общем, скучать не приходилось. Увидеть первое испытание в горах мне довелось летом, 70 или 71 года, точно не помню. Была отличная ясная летняя погода. Мы колонной военных автомобилей двигались в выжидательный район, находящийся в 4-5 километрах от штольни и в 20-30 км от площадки.

Пожарные машины, машины скорой помощи, штабные машины, наш ПАЗик и другая техника располагались в выжидательном районе. Из камней установили футбольные ворота, бросили футбольный мяч и, бегая, стали ждать наступления времени «Ч». Из репродукторов доносилась различная информация о подготовке испытаний, но вдруг начался обратный отсчет времени в секундах. Десять, девять, восемь... над вершиной горы, которая хорошо была видна на горизонте, закружил небольшой самолет. Затем при счете «ноль!» вершина горы стала подниматься вверх, появились клубы пыли, послышался сильный грохот. Под землей стали ощущаться толчки, словно кто-то бил из-под нее кувалдой. Электрические столбы запрыгали по всему горизонту. Зрелище, безусловно, впечатляющее, если бы эту энергию да использовать в мирных целях. Кстати, во всей мировой истории в боевых целях эта энергия использовалась только дважды в 1945 году, и вы знаете кем. Именно наличие атомного оружия в нашей стране во многом определяет невозможность его использования до настоящего времени. Все находящиеся во время испытаний на других площадках или даже на берегу, явственно ощущают подземные толчки, даже лежа на кроватях.

Хорошо на полигоне летом, на выходные мы всегда с площадок возвращались в военный городок, помыться, привести себя в порядок, в общем, отдохнуть. Очень часто купались в одном из притоков реки Иртыш.

Зимой, напротив, погода не скажешь, что хорошая. Во-первых, бывают сильные, особенно ночью, холода, во-вторых – пронизывающая поземка и ветер, заносащий немногочисленные дороги. Однажды мы и попали в очень сложную ситуацию, едва не закончившуюся трагедией. Дело было в праздник, точно не помню, 5 декабря (день конституции) или 23 февраля (день Советской Армии), скорее всего все-таки 5 декабря.

Как всегда, перед праздником, все еще днем уехали с площадки на «Берег», а я и мой приятель по каким-то служебным причинам остались. Зачем-то задержался на площадке и главный конструктор Архангельский И.А. Уже к вечеру, когда стало заметно темнеть и поднялась та самая поземка, ко мне в комнату зашел Валерий и сказал, что надо собираться ехать на «Берег» вместе с Игорем Алексеевичем. Но так как я расположился в тепле и понимал, что все ребята на «Берегу» давно отдыхают, а мы если и приедем, то уже к праздничному столу, то «послал его подальше».

...Валерий выслушал меня и ушел. Однако через некоторое время он вернулся и сообщил, что это приказ главного конструктора. Машина у него была небольшая, как тогда называли «козлик». и рабочая сила в случае непредвиденных обстоятельств не помешает. Мне же приходилось только подчиняться.

В это же время с площадки на «Берег» отправлялись колонны мощных машин с родственного нам предприятия ВНИИЭФ. Мы пристроились со своим «козликом» в хвосте и, несмотря на надвигающуюся темень, двинулись. В машине был водитель-солдат, главный конструктор, сзади расположились мы и какой-то штабной капитан. Проехав несколько десятков километров, колонна вдруг остановилась, мы же лихо обогнав стоящую колонну, проследовали далее. Как потом оказалось, колонна остановилась не случайно, ее руководители определялись с дальнейшим маршрутом. Дело было в том, что в этом месте дорога раздваивалась, и до военного городка можно было добраться двумя путями, один через площадку «Ш», другой через площадку «Д-10». Погода же резко осложнилась, весьма ухудшилась видимость и началась сильная поземка.

Оставив колонну позади, мы продолжали свой путь. Однако, спустя некоторое время стали замечать возникающие впереди заносы на дороге. От местных офицеров часто приходилось слышать о трудностях передвижения по степным дорогам в плохую погоду. Отмечались и случаи замерзания людей. Вскоре наша немногочисленная команда все это прочувствовала на собственной шкуре. Машина влетела в какой-то сугроб и, когда мы выходили из машины, уже валил сильный сырой снег с пронизывающим ветром. Вытолкнув машину, мы, уже порядком промокшие и замерзшие, сели в нее и снова продолжали путь, но ненадолго. Опять сугроб и опять все сначала. Не доверяя солдату-водителю, сам главный конструктор сел за руль, это еще более усугубило наше положение. Скоро мы вообще потеряли столбы и дорогу, а в очередной раз выталкивая машину, убедились, что еще более закапываем ее. А дело шло к ночи, ночью температура опускалась в степи ниже 30 градусов. Собрав остатки юмора, приятель говорит мне: «Пошли писать письма домой». И.А. Архангельский духом не падал и сказал, что нас обязательно найдут. Да кто о нас знает и кому мы в предпраздничную ночь нужны, ведь мобильных телефонов в то время, к сожалению, не было.

Но судьба есть судьба. И хотя бы к одному из нас она оказалась благосклонной. Вдруг где-то в стороне появились фары тяжело передвигающегося автомобиля, как оказалось, от дороги «козлик» отъехал не так далеко и, избежав навстречу машине, мы сумели обратить на себя внимание. Это была еще одна, случайно отставшая от колонны машина, которая поехала по этой дороге. Вся колонна по распоряжению ее руководителя направлялась через другую площадку, и если бы не эта случайность, помощи нам ждать было неоткуда. Взяв нас на буксир эта мощная военная машина с передними и задними ведущими осями, тащила нас почти до самого военного городка, где мы, отогревшись и отмывшись, отпраздновали двойной для нас праздник на полную катушку.

□ 3.9. ОПЕРАТОР ЗАПРАВЩИКА САМОЛЕТОВ

Кириянов Б.Д.

Ветеран подразделений особого риска.

В ряды Советской Армии я был призван в 1950 году. Служба проходила в различных войсковых частях. На последнем году службы, в 1954 году, был переведен на аэродром, недалеко от Одессы, в местечке Арциз, на керосинозаправщик самолетов. Вскоре был командирован вместе с группой военнослужащих: техников-компрессорщиков, шоферов, пожарников и других специалистов вместе с техникой в другую войсковую часть. Пункт назначения нам не был сообщен. По железной дороге мы прибыли на станцию Тоцкая. Разместили нас в землянках, в блиндажах и палатках. Вдалеке слышалось значительное перемещение техники.

Недели через две утром мы ощутили сильное колебание почвы. Наш авиаполк пошел в воздух. Вернувшиеся на аэродром самолеты выглядели не столь блестящими, какими были вначале, перед вылетом. Впоследствии нам было предложено не очень распространяться о том, что мы видели.

После возвращения в Арциз я был зачислен в пожарную команду. А вскоре, к огромной моей радости, я был демобилизован.

□ 3.10. СВЯЗИСТ. ТОЦКОЕ ВОЙСКОВОЕ УЧЕНИЕ

Пряхин А.М.

Ветеран подразделений особого риска.

Пряхин Анатолий Максимович – родился 2 сентября 1934 года в селе Чурилово Ухоновского района Рязанской области. В 1953 году был призван на службу в армии и попал в полковую школу связи в/ч 59802 в г. Калинин (ныне Тверь). 7 июля 1954 года в составе группы был направлен на учения в Тоцкий гарнизон Оренбургской области. Там мы прошли подготовку по обеспечению связью посредников во время боевых учений.

14 сентября 1954 года начались военные учения с применением атомного взрыва. Во время взрыва наш взвод находился в блиндаже на расстоянии около 8 километров от центра взрыва. Атомный взрыв был произведен в районе 9-10 часов утра. После сигнала «отбой» мы вышли из блиндажа и смотрели на черный гриб, который поднялся после взрыва. Потом нас стали развозить по пунктам наблюдения или управления для обеспечения связью посредников. Мы оказались в опасной зоне взрыва. Через определенное время войска пошли в наступление. Потом через 2-3 дня нас привезли в центр взрыва посмотреть на разрушительную силу атомного взрыва, где мы пробыли около 2-х часов. Каких-либо средств защиты у нас не было. То, что мы увидели, можно назвать кошмаром. На большом расстоянии было много изуродованной техники и погибших животных. Потом мы занимались сборкой своей военной техники, чисткой ее от пыли, нанесенной на нее в результате взрыва, и подготовкой ее для отправки в свою часть. 6 октября 1954 года взвод прибыл с учений в в/ч 59802 в г. Калинин.

□ 3.11. РАДИСТ

Ухватов Л.В.

Ветеран подразделений особого риска.

Ухватов Леонид Васильевич родился 16 апреля 1937 года. На Семипалатинском полигоне служил с 1956 по 1959 год на основании Закона о воинской обязанности.

Полигон был совершенно закрытым от своего населения. В то же время Запад знал о нем очень многое. Почтовый адрес был: Москва-400. Военный городок находился в степи на берегу Иртыша. Мы были молоды и ничего не понимали. Во время испытаний бомбы, когда приближалось радиоактивное облако к расположению части, в целях безопасности выдавалось предупреждение о необходимости находиться в казарме. Но это указание почти не выполнялось. Дозиметров было мало и им не уделялось особого внимания. В батальоне связи особого назначения, где я проходил службу в должности начальника передвижной радиостанции РАФ-КВ5, смонтированной на шасси ГАЗ-63, отвечал за оповещение населения в зоне полигона в радиусе 100 километров.

Осталась в памяти сила взрывов бомб, когда на расстоянии 50 километров от эпицентра сносило крыши домов, выбивало рамы окон и косяки дверей.

В ясную погоду яркость свечения взрывов днем превосходила яркость солнца. Даже при закрытых глазах просматривался свет.

После демобилизации, через некоторое время, был направлен в институт Склифосовского с острым приступом. В дальнейшем был поставлен диагноз – язвенная болезнь 12-перстной кишки. Эта болезнь преследует меня всю жизнь. Причину этого заболевания я не имел право раскрыть, так как давал подписку о неразглашении сведений о службе на полигоне.

На пенсию вышел в 1997 году. Получил удостоверение Ветерана труда, Ветерана подразделений особого риска и пенсию, которая составила чуть больше 20% от средней заработной платы и является оскорбительной для гражданина, отдавшего стране 42 года трудового стажа и потерявшего здоровье на атомном полигоне. И никакого света в конце тоннеля.

□ 3.12. ПЕРВЫЕ ПОДВИЖНЫЕ КОМАНДНЫЕ ПУНКТЫ ПОЛКА И ДИВИЗИОНА

Покровский Л.А.

Кандидат технических наук.

В отечественной литературе и периодике имеется много информации о ракетной технике, но мне не приходилось встречать какое-либо упоминание о подвижных командных пунктах ПБРК. Только в юбилейном труде Сухина Г.А., Ивкина В.И., Резника А.В. «Стратегические ракетчики России» (М.: «Голос-пресс», 2004) на 64 странице упоминается о подвижном пункте управления.

По воле судьбы мне пришлось быть главным конструктором первых подвиж-

ных командных пунктов. В этом кратком очерке постараюсь восполнить пробел в истории создания подвижных командных пунктов (далее ПКП).

В конце 1969 года меня срочно вызвали в главк нашего министерства. Я в то время работал главным инженером КБ Красноярского завода телевизоров. Начальник главка И.Н. Чернышов предложил мне немедленно прибыть в ГУРВО к полковнику Сапожникову А.Н., пропуск уже заказан. Ранней электричкой приезжаю на платформу Перхушково. По рассказам нахожу остановку необходимых автобусов, сажусь в автобус и через несколько минут подъезжаю к КПП. Получив пропуск, звоню Сапожникову, выясняю, где его найти. Пройдя несколько КПП, попадаю в его кабинет. Александр Николаевич объяснил причину нашей встречи: вышло Постановление ЦК КПСС и СМ СССР о разработке подвижного грунтового боевого ракетного комплекса, вооруженного МБР. Главным министерством назначено МОП, головной организацией-разработчиком был назначен Московский институт теплотехники (МИТ), возглавляемый А.Д. Надирадзе. В многочисленный коллектив соисполнителей попало и наше КБ. Для уточнения информации о степени участия КБ в этой работе я с А.Н. Сапожниковым поехал в МИТ. Нас принял Лагутин Б.Н. – первый заместитель директора-главного конструктора. На совещании были приглашены основные сотрудники МИТ, связанные с будущей нашей работой: Виноградов А.К., Романовский В.Г., Ряполов В.А. и еще несколько человек, фамилии которых уже стерлись из моей памяти. Я рассказал о КБ и заводе. КБ было организовано в 1955 году и должно было решать следующие задачи:

- разработка подвижных объектов связи на различной транспортной базе (УАЗ-469, УРАЛ-375, БТР);
- сопровождение серийного производства радиопередающих устройств ДВ и КВ диапазонов мощностью от 1 до 15 киловатт;
- сопровождение серийного производства мощных СВЧ передающих устройств для стратегических тропосферных линий связи, размещенных в районах Крайнего Севера;
- сопровождение серийного производства бортовой и наземной аппаратуры систем управления ракетами.

Участвуя в сопровождении серийного производства изделий, разработанных другими организациями, мы одновременно учились у них и стали эффективными помощниками в доработке конструкторской документации для серийного производства.

Перечень перечисленных работ говорит о том, что КБ и завод имели высокий кадровый и технологический уровень. Мое сообщение удовлетворило присутствующих. После этого мне сообщили задачу, стоящую перед КБ: разработать и изготовить опытные образцы ПКП полка и дивизиона.

ПКП должен был обеспечить непрерывный прием информации от вышестоящих звеньев автоматизированной системы боевого управления РВСН и ретрансляцию ее до машины подготовки и пуска ракеты.

Процесс разработки и согласования ТТТ производился одновременно с определением и уточнением аппаратурного состава ПКП. Наконец документ был согласован и утвержден. Наш министр своим приказом назначил меня Главным конструктором ПКП и установил жесткие сроки предприятиям Минпромсвязи, участвующим в этой работе. Началась пора реализации поставленной задачи. Нужно отметить, что мы хорошо представляли себе пути ее решения, так как имели опыт конструирования командно-штабных машин.

В первую очередь установили контакт с НИИ МО, который разрабатывал все вопросы идеологии построения системы управления оружием от ЦКП до пусковых установок. В результате предварительной проработки прояснилась структура ПКП полка:

- машина боевого управления (МБУ), имеющая в своем составе аппаратуру АСБУ, радиоприемные устройства различных диапазонов, спецаппаратуру, источники электропитания, средства обеспечения жизнедеятельности и аппаратуру управления всей этой «начинкой»;

- машина связи № 1 (МС-1), в состав которой входили передающие устройства, обеспечивающие радиосвязь с ПКП дивизионов и стационарной базой полка во время совершения марша и на полевой позиции, автоматизированную дизельную электростанцию, обеспечивающую питанием во время марша, средства обеспечения жизнедеятельности, аппаратуру электропитания и управления;

- машина связи № 2 (МС-2) – табельная станция тропосферной связи для обеспечения связи со стационарной базой полка с удаленных позиций. Забегая вперед, скажу, что уже прорабатывался вариант разработки специализированной станции на унифицированной транспортной базе.

Все машины, исключая МС-2, размещались в специальных кузовах (главный конструктор Паренков В.А.), смонтированных на автошасси МАЗ-543 (главный конструктор Шапошник Б.Л.).

Теперь нужно было срочно решать вопросы укомплектования образцов аппаратурой, выпускаемой предприятиями страны. Если с предприятиями нашего министерства (МПСС) особых затруднений не было, благодаря воздействию на них заместителей министра Немцова В.Е. и Кобина И.И., то с предприятиями других министерств дела обстояли сложнее. Эффективную помощь в разрешении конфликтных ситуаций оказали заместитель министра оборонной промышленности Финогеев В.П. и сотрудники МИТ Какурин Л.К. и Романовский В.Г. Десятки сотрудники КБ колесили по Союзу, согласовывая вопросы стыковки аппаратуры со схемой управления средствами ПКП, решая проблемы поставки аппаратуры и оборудования и получения необходимой документации. Много усилий приложили мои заместители Осин В.М. и Дъяков В.И., чтобы можно было приступить к натурному макетированию образцов МБУ и МС-1.

Следует отметить, что мы приняли все меры, чтобы эти машины были унифицированы для ПКП полка и ПКП дивизиона. Выгоды от этого решения были очевидны.

В связи с повышенной секретностью работ руководство завода выделило опытному цеху КБ отдельный бокс с круглосуточной охраной, в котором мы разместили натурные макеты в масштабе 1:1, автомонтажный участок и склад поступающего оборудования.

В макетах использовали уже полученную аппаратуру, а недостающую макетировали по имеющейся документации. Работы велись в 2 смены: ведь нужно было заполнить объем кузова с площадью пола 27 квадратных метров (машина МС-1 имела удлиненный кузов с площадью пола 33 квадратных метра).

Учитывая длительность боевого дежурства и высокую психоэмоциональную напряженность боевого расчета, требовалось приложить много изобретательности для оптимального размещения боевых постов, распределения функциональных обязанностей и максимально возможного комфорта.

Было разработано несколько вариантов компоновки в макетном исполнении

и в чертежах. После бурных дебатов с ВП 1332 и принятия согласованного решения, мы представили плоды своей работы макетной комиссии ГУРВО.

Состав комиссии был внушительным, человек 20. Председателем комиссии был генерал Бондаренко Б.А.

Я доложил комиссии о проделанной работе, охарактеризовал предложенные варианты. Началось изучение и обсуждение представленных материалов. Я предупредил своих сотрудников, чтобы они не ввязывались в дискуссию, пока члены комиссии не определятся сами. В конце работы не обошлось без инцидента. Б.А. Бондаренко не был удовлетворен комфортностью боевых постов. Он был знаком со стационарными КП, а подвижный видел впервые. В пылу спора он потребовал по 9 квадратных метров на члена боевого расчета. Смеяться было неуместно, и я пригласил его ознакомиться с табельной тропосферной станцией Р-133, входившей в состав ПКП полка (МС-2), смонтированной на шасси УРАЛ-375. В ней на каждого из двух членов расчета приходилось не более 0,8 квадратных метра. Инцидент был исчерпан.

Акт был подписан в нашей редакции с незначительными рекомендациями заказчика.

После утверждения акта макетной комиссии начались самые трудные времена. Отработка ракеты шла успешно, и нам приходилось спешить. Прессинг со стороны директивных органов был жесткий. На совещаниях, проводимых в «верхах», щедро пользовались и пряником и кнутом. Наконец образец был изготовлен, успешно прошел заводские испытания и был отгружен на полигон.

В процессе заводских испытаний произошло ЧП: дипломированный водитель МАЗа после настойчивой просьбы военпреда передал ему управление сорокаторным автомобилем. Военпред, умевший водить только «Жигули», завалил машину в кювет. Хорошо, что недалеко от маршрута испытаний находилась воинская часть, имевшая танки. С помощью танка и УРАЛа-375 удалось вывести машину на шоссе. При этом был разогнут буксировочный крюк МАЗа, что послужило препятствием (временным) при приемке материальной части полигоном.

До изготовления опытного образца ПКП мне приходилось бывать на полигоне почти на каждом пуске ракеты, так как я был включен в состав Государственной комиссии. Я познакомился с командованием полигона, коллективом испытателей и другими членами Госкомиссии.

Первым председателем Госкомиссии был генерал Герчик К.В., чудом выживший в катастрофе, унесшей жизнь М.И. Неделина. Через некоторое время (из-за болезни) он был заменен генералом Бровцыным А.Н.

На первых заседаниях Госкомиссии я познакомился с полковником (в последствии генералом) Ковалевым И.Д. Совместная работа в одной упряжке сблизила нас и перешла в хорошую мужскую дружбу вплоть до его кончины в 2005 году. Он представлял службу связи РВСН. Поэтому его рекомендации мы очень ценили. Игорь Дмитриевич познакомил меня с начальником связи полигона полковником Фейтельсоном Г.В., и мы уточнили отдельные моменты программы полигонных испытаний.

Образец ПКП прибыл на полигон. Наша бригада была уже на месте. Начался процесс приема-передачи материальной части представителям полигона. Первыми вошли в машины представители службы техники безопасности эксплуатации. Все шло гладко до тех пор, пока они не увидели диэлектрические коврики на полу аппаратных отсеков: «Не примем!» Оказалось, что коврики не

соответствуют размерам, оговоренным в руководящих документах. Коврики стандартных размеров превышали размеры пола между аппаратурой и мы их обрезали, подогнав размер по месту.

Делать нечего, против инструкции не попрешь. Тут же по ВЧ заказал в КБ стандартные коврики. Через несколько дней коврики были доставлены и постелены. Хотя их выступающие излишки доставляли неудобство операторам, но требования инструкции были соблюдены. Затем появились представители противопожарной службы. МБУ прошла приемку без замечаний, а вот с МС-1 возникли неприятности. В задней части кузова МС-1 был оборудован отдельный отсек, в котором были установлены две автоматизированные дизельные электростанции с соответствующим запасом топлива. Они предназначались для обеспечения электропитанием аппаратуры во время совершения марша. Весь отсек был обшит бакелизированной фанерой, стойкой к дизтопливу, а по инструкции в таких помещениях пол должен быть покрыт стальным рифленным листом. Мы этот момент упустили. Но тут, к нашему удивлению, выступил представитель службы техники безопасности: «Я против металлического пола, так как это повысит опасность поражения личного состава электрическим током». Возникла интересная ситуация. Тут я не выдержал: «Мужики, разберитесь между собой, а я пока выйду». Минут через двадцать выходят из машины сияющие: есть решение. Чтобы удовлетворить требования той и другой инструкций, решили под дизели установить металлические поддоны со сливом за пределы отсека через отверстия в полу кузова. Консенсус был соответствующим образом отмечен перед походом в столовую. С помощью представителя МИТ Романовского В.Г. заказали изготовление поддонов на ремонтном заводе, и через два дня дизели были установлены, как положено. На душе полегчало, но не надолго. Подошел ко мне командир МБУ Быстров В.А. и огорошил: «Не приму, так как агрегат не удовлетворяет требованиям буксировки». Я уже упоминал, что горе-военпред на заводских испытаниях завалил машину в кювет, а попытки поставить ее на колеса привели к тому, что был разогнут буксировочный крюк на раме автошасси. От заявления Быстрова меня чуть не хватил удар: крюк в основании имел диаметр около 10 сантиметров. Собрал я своих умельцев на совет. Были разные предложения, но тут выступил слесарь Дегтярев Анатолий: «Не ломайте головы, идите спать».

Следующим утром, первым делом, бегу к МБУ. Моему удивлению не было предела: крюк выглядел лучше нового, имел соответствующую форму и был покрашен. Тут же пригласил Быстрова и показал отрихтованный крюк. Реакция Быстрова была мгновенной: «Не приму. Нужно испытать». Я в ответ: «Испытай». В конце концов, приемка состоялась, и начались основные испытания. Г.В. Фейтельсон хорошо организовал работу службы связи по обеспечению испытаний. Мы с испытателями работали слаженно и дружно. Испытания шли успешно, но были и ЧП и курьезы. Расскажу о некоторых из них. Полевые позиции выбирались по карте района испытаний без предварительной разведки на местности, и это чуть не привело к трагедии. Очередную позицию выбрали на опушке леса недалеко от реки Онега. Тот, кто бывал на ее берегу, наблюдал, что в некоторых местах из берегового обрыва, достигающего 4-5 метров в высоту, вырываются мощные водяные протоки. В этом районе. Видимо, была сеть подземных «рек», которые местами вымывали грунт и образовывали глубокие провалы значительных размеров. Марш на позицию совершали ночью с соблюдением требований светомаскировки. Во главе колонны двигался УРАЛ-375 (МС-2). В кабине находился командир колонны полковник Зотов В.И. Колонна

уже начала втягиваться в район полевой позиции, как внезапно исчезли сигнальные огни УРАЛа. Колонна застопорила ход. Все бросились к месту исчезновения машины. Нашим глазам представилась жуткая картина: УРАЛ нырнул в промоину на поле, так как водитель в условиях недостаточной освещенности не заметил в траве промоину. От трагедии спасло то, что в промоине на глубине около трех метров был ступенчатый выступ, на который приземлилась носовая часть машины под углом около 40 градусов. Глубина остальной части промоины была еще больше. Ширина промоины позволила открыть двери кабины и эвакуировать В.И. Зотова и водителя. Вид у Зотова соответствовал обстановке. Не хотел бы я быть на его месте. С помощью МАЗа вытянули УРАЛ из промоины, осмотрели аппаратный отсек. Аппаратура не пострадала, и развертывание ПКП на позиции производилось после пешей разведки. С той поры к выбору позиций относились более осмотрительно.

Комическая история произошла на позиции вблизи села Конево. На позицию прибыли ночью, развернули и замаскировали все машины. Включили аппаратуру, установили связь со стационарной базой и начали испытания речевого канала связи с оценкой его качества. Утром переключили канал связи на обмен цифровой информацией с автоматической оценкой качества канала и поехали в баню села Конево. Недалеко от нашей позиции увидели мужичка, который косил траву. Рядом стоял мотоцикл с коляской. В.А. Быстров подошел к нему и попросил поскорее уехать: «Видишь, техника работает, а это опасно для здоровья». Мужичек в ответ: «Мне бы только козе чуть накосить». Быстров мигом нашелся: «Как знаешь, но предупреждаю, что яйца могут отвалиться». Мы уехали. Баня была изумительная, мы с удовольствием попарились, выпили брусничного морса и поехали на позицию. На месте покоса не обнаружили ни мужичка, ни мотоцикла, только скошенная трава. Объяснения Быстрова оказались доходчивым.

Первый этап испытаний завершился неудовлетворительно: не обеспечили требуемые дальности связи в УКВ диапазоне на марше и на позиции. Мы только подтвердили дальности связи табельных средств, принятых на вооружение. Это был наш просчет из-за дебюта в испытаниях такого масштаба. Необходимо было соответствующим образом подготовить средства связи стационарной базы: значительно увеличить высоту подъема антенн, обновить линии манипуляции.

Для объяснения причин провала первого этапа испытаний в Кремль были вызваны А.Н. Бровцын и я. Перед очами заместителя председателя ВПК Б.А. Комиссарова и членов ВПК я чистосердечно все объяснил и заверил ВПК, что после минимальной доработки средств связи стационарной базы будет получен положительный результат. Покаяние было принято с соответствующими напутствиями.

Благодаря оперативным действиям Г.В. Фейтельсона нашли 30-ти метровую мачту, установили на ней табельную антенну. Линии манипуляции были проверены, где требовалось – заменены.

Провели испытания по пунктам программы, получившим «неуд» на первом этапе испытаний. Испытания прошли успешно. Можно было переходить ко второму этапу, который предусматривал участие ПКП в пуске ракеты.

Перед каждым пуском собиралась Госкомиссия, заслушивала доклады главных конструкторов систем и принимала решение на производство пуска. За руководящим столом сидят Бровцын А.Н., Надирадзе А.Д., Комиссаров Б.А., Фи-

ногеев В.П., Алпаидзе Г.Е. Главные конструкторы по очереди докладывают о готовности своих систем к пуску. Подошла моя очередь: «Система связи проверена. Замечаний нет. Система готова к пуску изделия». Вернулся на свое место в зале. На сцене главный конструктор системы прицеливания: «Система прицеливания функционирует». Замолчал. После затянувшейся паузы вопрос Б.А. Комиссарова: «Серафим Платонович, работает система прицеливания или нет?» Парняков: «Вторично докладываю, что система прицеливания функционирует». Комиссаров взрывается: «Серафим Платонович, у меня один орган функционирует, но не работает!» Все легли от хохота. Пуск прошел успешно.

После каждого пуска проводился разбор результатов с демонстрацией отснятых киноматериалов, диаграмм, таблиц. Докладовал полковник Толстов А.С. Его доклады можно считать «высшим пилотажем» аналитической работы: краткие, емкие с четкими выводами. Много лет спустя я увидел его в ТВ-передаче о космодроме Плесецк и словно вернулся в те счастливые годы.

Испытания комплекса успешно завершились. Комплекс был принят. Затем, как обычно, настал этап поощрения: большая группа сотрудников КБ и завода была удостоена правительственных наград. Известие о присуждении мне Государственной премии СССР я встретил на больничной койке после удаления желчного пузыря.

Опытная эксплуатация ПКП показала, что можно создать компактный мобильный КП, удовлетворяющий требованиям боевого управления ПБРК. В то же время был выявлен ряд недостатков, основным из которых была недостаточная оперативность смены совместимых радиочастот, вызванной радиопомехами искусственного или естественного происхождения. Необходимы были новые автоматизированные радиосредства с улучшенными характеристиками. По заказу РВСН такие средства были разработаны и освоены в серийном производстве в кратчайшие сроки. Одновременно проводилась модернизация ПКП. В модернизированном ПКП все машины были на унифицированном автошасси МАЗ-543. Ответственным за изготовление натуральных макетов и предъявление их макетной комиссии был назначен генерал Дадаян А.С. Высокообразованный, с широким инженерным мышлением, он активно включился в анализ и обсуждение представленного макета. Высокий рост позволил Дадаяну сразу же выявить недостаток макета: он несколько раз приложился лбом к притолоке двери, соединяющей отсеки кузова. Высоту проема увеличить было невозможно, так как она определялась высотой кузова. Предохранительный козырек из толстого поролона решил возникшую проблему.

Свою работу макетная комиссия закончила довольно быстро, так как члены комиссии были хорошо знакомы с предыдущим ПКП. Акт подписан и направлен на утверждение заказчику.

Разработка конструкторской документации и изготовление опытного образца прошли без особых затруднений. Заводские испытания подтвердили его соответствие заданным ТТТ.

Разрабатывая ПКП, мы надеялись, что серийное производство будет поручено Красноярскому заводу телевизоров. К тому были предпосылки: завод автоприцепов в Сосновоборске мог освоить производство спецкузовов, завод телевизоров осваивал серийное производство МС-2 на автошасси МАЗ-543, подготовлена испытательная база. Но руководство МПСС решило разместить

серийное производство на другом заводе. Директором этого завода был назначен человек, знающий это направление техники, имеющий большой опыт эксплуатации ракетной техники. Это был Харченко А.Т. Он приехал к нам во время заводских испытаний, чтобы ознакомиться с образцом и с технологией производства. Он облазил весь образец, посидел на боевых постах, все прощупал своими руками. Затем ознакомился с организацией цеховых рабочих мест. Дотошно интересовался всеми нюансами изготовления, выяснял «узкие» места производства, беседовал с рабочими, инженерами, технологами. В его многочисленных вопросах чувствовалось огромное желание использовать наш опыт при организации производства новой для завода продукции.

Он много рассказывал о заводе, о выпускаемой ранее продукции. С особой теплотой он рассказывал о кадрах завода, об условиях работы и быта. Мне стало ясно, что такой директор своих людей глубоко уважает и в беде не бросит. Мои догадки подтвердились во время неоднократных приездов на его завод: люди его уважали и любили. К сожалению, мы с ним встречались только в Москве, где он проводил много времени, решая многочисленные проблемы завода.

Закончив технические вопросы, мы перешли к душевной беседе на житейские темы. Не трогая Сибирь, он расхваливал свой регион: мягкий климат, море рядом, фруктов полно. Одним словом – рай земной. Затем Харченко перешел в атаку: «Поедем ко мне. Квартира будет, условия для работы создам соответствующие...». Змий-искуситель позавидовал бы его красноречию. Я внимательно его слушал, а потом спросил: «А зима у вас бывает? Как я могу оставить Енисей, Ману, Бирюсу? Я ведь коренной сибиряк». Он рассмеялся: «Я тебя понял». Мы договорились, что он свободно ведет агитацию в КБ. Если будут желающие, я препятствий чинить не буду. В результате он уговорил моего заместителя Осина В.М. Жаль было отпускать такого специалиста, но там ему будет лучше.

При общении с Харченко я обратил внимание на то, что в его глазах иногда мелькало выражение какой-то скрытой боли. Чувствовалось, что он борется с ней, но не всегда успешно. Позднее, общаясь с его ближайшими помощниками Полеевым Е.М. и Старчаком В.И., я узнал, что Харченко серьезно болен. Потом пришло известие, что он скончался. Он не щадил свое сердце в течение всей жизни, и оно не выдержало. Это была тяжелая потеря для коллектива завода и всех, кто знал его.

После успешного завершения заводских испытаний опытный образец отгрузили на полигон. Туда выехала наша бригада для сдачи материальной части и участия в полигонных испытаниях. Учтя проблемы прошлых испытаний, мы обследовали оборудование стационарной базы, с которой должны были обмениваться информацией во время испытаний. База была подготовлена очень хорошо. Соответственно был подготовлен и коллектив испытателей под командованием полковника Думы В.П. Испытания прошли гладко и подтвердили требуемые характеристики. Перед отъездом сфотографировались у исторического места пуска первой советской ракеты.

ПКП должен был пройти специальные испытания на стойкость к поражающим факторам ядерного взрыва. В специализированной организации его обстреливали мегавольтными импульсами, имитируя воздействие ЭМИ ЯВ. Выявленные «слабые места» тут же дорабатывались и повторно испытывались.

Пройдя это «чистилище», ПКП перевезли в Казахстан на испытание устойчивости к воздействию ударной волны ЯВ. ПКП испытание выдержал и был принят на вооружение РВСН.

Последовало награждение отличившихся. Мои заместители Осин В.М. и Дьяков В.И. были удостоены Государственной премии СССР, а я – ордена Октябрьской Революции. В ноябре 1983 года я был приятно удивлен поздравлением А.Д. Надирадзе о присвоении мне ученой степени кандидата технических наук без защиты диссертации.

После передачи конструкторской документации на серийный завод я передал права главного конструктора ПКП Старчуку В.И., возглавлявшему конструкторский отдел завода.

С тех пор прошло много лет, изменилось все. Остались только воспоминания и боль за уничтожение лучшего ракетного комплекса «ПИОНЕР». Но мы гордимся тем, что наши ПКП были ПЕРВЫМИ ПКП в РВСН.

Я благодарен судьбе за то, что она позволила мне работать и быть знакомым со многими замечательными людьми: А.Д. Надирадзе, Б.Н. Лагутиным, А.К. Виноградовым, В.П. Финогеевым, В.Г. Романовским, В.М. Соболевым, В.Е. Немцовым, И.И. Кобиным, И.Д. Ковалевым, Г.Е. Алпаидзе, А.С. Дадаяном, А.Т. Харченко.

Все проходит, но память остается.

□ 3.13. МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕМИПАЛАТИНСКОМ ЯДЕРНОМ ПОЛИГОНЕ

Василенко И.Я.

*Доктор медицинских наук, профессор, академик РАЕН,
лауреат Государственной премии СССР.*

Монопольное владение США ядерным оружием и результаты его применения против Японии в конце второй мировой войны породили у политиков западного мира стремление использовать его против СССР. Стало ясно, что в условиях «холодной войны» это рано или поздно может случиться. Об этом, свидетельствовали многочисленные планы превентивных ударов по административным и промышленным центрам и узлам связи Советского Союза. Необходимы были срочные меры по созданию адекватного ядерного щита и меча. И такое оружие в разоренной войной стране усилиями ученых, инженеров и рабочих было создано в короткие сроки. Это был исторический подвиг народа, обеспечивший безопасность страны, и его трудно переоценить.

Необходимо было изучить поражающие факторы ядерного оружия, как одного из основ создания ядерного щита, разработать индивидуальные и коллективные средства защиты, выработать способы минимизации последствий масштабного применения ядерного оружия противником. Информация о поражающих факторах, которой располагали ученые СССР, была ограничена и носила отрывочный характер. Сведения, полученные американскими учеными при испытаниях первых атомных изделий в полигонных условиях и результаты бомбардировок японских городов Хиросимы и Нагасаки, были недоступны для наших специалистов.

Необходимые сведения можно было получить только в широкомасштабных полигонных исследованиях, включающих медико-биологические эксперименты на животных с переносом результатов наблюдений на человека с учетом анатомо-физиологических особенностей человека и животных.

Выбор места для ядерного полигона и его строительство были одной из важных и сложных задач. Из многих возможных площадок остановились на полупустынной слабо заселенной местности в Казахстане на стыке Семипалатинской, Павлодарской и Карагандинской областей. Выбранная площадка площадью 18,5 тыс. квадратных километров находилась в 170 километрах от г. Семипалатинска. Район строительства полигона удовлетворял необходимым требованиям. Вначале он именовался Горной сейсмической станцией АН СССР (ГСС), затем «объектом 905», учебным полигоном № 2 ВМ СССР (УП № 2) и, наконец, получал название Государственный центральный полигон № 2 (ГОСЦНИП № 2). В возведении многочисленных военных и гражданских сооружений на опытном поле, лабораторной базы, жилого городка участвовали тысячи строителей. Полигон стал уникальным научно-исследовательским учреждением, где был выполнен огромный объем научных исследований, включая медико-биологические, и получены необходимые практически важные данные при 86 воздушных (ТЭ 6 мегатонн), 30 наземных (ТЭ 0,6 мегатонны) и 340 подземных (ТЭ 11,1 мегатонны) ядерных взрывах. Всего на полигоне было осуществлено 456 ядерных взрывов разной мощности с общим энерговыделением 17,7 мегатонны.

Задолго до первого испытания ядерного изделия началась подготовка специалистов. Основными базами подготовки медиков и биологов был Главный военный госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко и Институт биофизики Минздрава. В их подготовку большой вклад внесли А.П. Егоров, Н.А. Куршаков, И.С. Глазунов, М.П. Домшлак, П.Д. Горизонтов и др. Подготовка продолжалась и непосредственно на полигоне с учетом планируемых широкомасштабных медико-биологических исследований действия поражающих факторов ядерного взрыва на животных, защитных свойств различного рода фортификационных сооружений, боевой техники (танки, бронетранспортеры, самолеты и др.), гражданских и промышленных сооружений. Для проведения занятий привлекались такие видные ученые, как О.И. Лейпунский (физика гамма-излучений), А.А. Ямпольский (физика нейтронного излучения), М.С. Зикаев (дозиметрия), Д.С. Гродзинский (радиобиология), В.Б. Фарбер (гематология).

В составе сформировавшихся научных подразделений полигона было организовано медико-биологическое направление. В его структуре четко определились направления предстоящих исследований поражающих факторов ядерного взрыва. Направление включало клинко-гематологическое (начальник В.Б. Фарбер), физиологическое (начальник Д.Е. Гродзинский), микробиологическое (начальник Н.И. Александров), патоморфологическое (начальник М.И. Белянин), фармакологическое (начальник П.П. Саксонов), рентгенологическое (начальник И.Н. Иванов), дозиметрическое (начальник К.М. Конюхов) отделения, клинику и виварий (начальник Ф.П. Булимов). Руководителем направления был утвержден профессор С.С. Жихарев (физиотерапевт), имевший опыт проведения экспериментальных исследований, а его заместителем – профессор Л.М. Богин (клиницист).

Численный состав направления достигал около 150 человек. Научный состав формировался в основном из офицеров-фронтовиков, обладавших фронто-

вым организаторским и лечебным опытом, что имело определяющее значение в решении сложных задач, особенно в начальный период. К исследованиям также постоянно привлекались ученые из других военных и гражданских научно-исследовательских институтов (Военно-медицинской академии, ИБФ Минздрава в др.), а также врачи и фельдшеры из войсковых частей. При проведении исследований большую помощь постоянно оказывало руководство полигоном и вышестоящих организаций. Особенно следует отметить заместителя министра здравоохранения СССР А.И. Бурназяна.

Медико-биологическое направление существовало на полигоне с теми или иными изменениями да распада СССР. В его структуре все время четко определялись функциональные изучения поражающих факторов ядерного оружия и защиты от него. Исследованиями последовательно руководили С.С. Жихарев, М.И. Белялин, В.Н. Правецкий, И.Я. Василенко, Ю.А. Классовский, В.М. Краснокутский, В.Н. Вялых.

Жизнь и работа научного коллектива протекала в сложных климатических условиях, со многими режимными ограничениями. Особые трудности сопровождали начальный период, когда создавалась научная и бытовая база полигона. Жить без семей приходилось в палатках и в землянках. Ввоз семей был запрещен. В сравнительно короткие сроки были созданы хорошо оборудованные лаборатории, клиника, виварий, оснащенные наиболее современным для того времени оборудованием. Кстати, виварий использовали вначале как столовую, а возведенные лабораторные корпуса временно как общежития для научных сотрудников.

Широко была развернута рационализаторская и изобретательская работа, что позволило часть необходимого оборудования, разработанного на полигоне, изготавливать в хорошо оснащенных экспериментальных мастерских. В разработку и изготовление большой вклад внесли талантливые заслуженные рационализаторы РФ Б.Н. Барсуков, А.И. Дрозд и др. Они разработали уникальную аппаратуру, позволявшую регистрировать физиологические показатели у подопытных животных на Опытном поле в момент взрыва и после взрыва до снятия животных с биоточек.

Программой медико-биологических исследований было предусмотрено решение следующих задач:

- изучить биологическое действие поражающих факторов ядерного взрыва (ПФЯВ), ионизирующих излучений (ИИ), ударной волны (УВ), светового излучения (СИ) и продуктов ядерного взрыва (ПЯВ) при поступлении их в организм при изолированном и комбинированном действии на животных;

- исследовать клиническое течение изолированных и комбинированных поражений;

- изучить патогенез изолированных и комбинированных поражений;

- изучить патологические изменения в организмах пораженных животных;

- изучить методы диагностики лучевых поражений в ранний период острой лучевой болезни (ОЛБ);

- изучить отдаленные последствия лучевых поражений;

- разработать методы оказания доврачебной, первой врачебной, квалифицированной и специализированной медицинской помощи на этапах медицинской эвакуации пострадавших;

- оценить эффективность индивидуальных и коллективных средств защиты от ПФЯВ;

- разработать методы и способы профилактики и лечения ОЛБ;
- разработать и оценить эффективность средств санитарной обработки при радиоактивном загрязнении;
- оценить действие ИИ на продукты питания (консервы, хлеб, кондитерские изделия и др.).

Каждому опыту предшествовала большая подготовительная работа, включавшая подготовку лабораторий, материально-техническое обеспечение исследований, отработку методик исследований, заготовку животных (для разведения мелких лабораторных животных – кроликов, крыс, мышей, морских свинок – были созданы мощные питомники), комплектование подопытных групп согласно программе исследований, оборудование мест размещения животных на Опытном поле, снятие фоновых данных состояния животных, проведение частных и общих репетиций, включавших транспортировку животных, размещение их на Опытном поле и снятие с биоточек.

Животных (на полигоне их называла биообъекты) размещали на разном расстоянии от центра (эпицентра) взрыва открыто на местности, в разных фортификационных сооружениях (траншеях, блиндажах и др.), различного назначения боевой техники (танках, бронетранспортерах, самолетах) в местах размещения экипажей, на огневых позициях артиллерии, гражданских сооружениях различного назначения. Размещали животных на Опытном поле за несколько часов до взрыва. Медики оставляли Опытное поле в числе последних. В местах размещения животных ставили датчики для замера физических параметров взрыва, а также биотелеметрическую аппаратуру. Медико-биологические измерения проводили в тесном сотрудничестве со специалистами инженерно-технических отделов для установления дозовой зависимости, регистрируемых повреждений от физических факторов взрыва.

При первом ядерном взрыве, поскольку отсутствовали даже ориентировочные данные о возможных дозах облучения, биоточки оборудовала через каждые 250 метров так, чтобы получать все степени поражений (гибель на месте, тяжелую, среднюю, легкую и отсутствие поражений). При первом испытании ядерного устройства на Опытном поле было выставлено 1535 животных, в том числе 129 собак, 417 кроликов, 375 морских свинок, 360 белых мышей и крыс, 170 овец и коз, 64 поросенка. Во время второго испытания (1951 год) на Опытном поле было размещено 237 животных, включая 33 крупных (коров, лошадей, верблюдов). Относительное количество животных при проведении медико-биологических исследований в 1949-1959 годах было следующим: собаки, кролики, морские свинки, крысы, лошади, крупный рогатый скот, верблюды, свиньи составляли соответственно 11, 6, 5, 35, 40, 1, 1, 0.5 %.

Первичный осмотр животных проводили на биоточках с соблюдением мер радиационной безопасности. Более детальное обследование состояния животных проводилось в полевых лабораториях после вывоза их из зон радиоактивного загрязнения. Полное комплексное обследование после санитарной обработки проводили на основе базы опытно-научной части полигона (ОНЧ). Транспортировка животных с тяжелыми повреждениями требовала особого внимания. Сроки наблюдения за животными определялись конкретными целями каждого опыта. В отдельных случаях наблюдение велось в течение всей их жизни. Часть животных направляли для наблюдения в ИБФ.

За время существования полигона медико-биологического исследования проводили в том или ином объеме при многих взрывах. Особенно они были масштабными при первых испытаниях. В опытах было использовано много тысяч разных животных. С каждым опытом повышалась глубина проводимых исследований, рос научный потенциал коллектива. По материалам исследований защищалось много кандидатских и докторских диссертаций. Следует отметить, что и к началу испытаний научная подготовка медицинского направления была наиболее высокая среди других направлений. Руководители направлений были кандидатами и докторами наук.

Поражение животных, как правило, носило комбинированный характер. Вклад каждого фактора – ИИ, УВ, СИ, ПЯВ определялся видом и мощностью взрыва, характером размещения животных на опытном поле, эффективностью мер защиты, метеорологическими условиями. При взрыве зарядов сверхмалой мощности (до 1 килотонны) преобладало действие ИИ, при взрывах малой и средней мощности (2-200 килотонн) за пределами зоны смертельных поражений действовали все факторы — поражения носили комбинированный характер. При взрывах большой мощности вне зоны смертельных поражений характерны были поражения УВ и СИ.

Для более полного изучения каждого фактора на полигоне проводили модельные исследования. Для гамма-облучения использовали мощные кобальтовые установки, позволившие облучать животных в любой дозе и мощности дозы (от смерти животного под лучом в течение минут до доз, не вызывавших клинически регистрируемых нарушений). Изолированное действие УВ изучали при тротильных взрывах разной мощности, а для изучения СИ использовали проекторные установки.

Изучению поражающего действия ИИ уделяли особое внимание, поскольку информация о лучевой патологии к началу испытаний оставалась крайне ограниченной. Известны были лишь поражения у рентгенологов и осложнения при рентгенотерапии. При тротильных взрывах таких поражений, как известно, не могло быть. Только после применения ядерного оружия США против Японии в 1945 году появилась проблема лучевой патологии. Результаты наблюдений за пострадавшими в Хиросиме и Нагасаки, как уже было отмечено, были недоступны для медиков нашей страны.

Решение проблемы начинали практически с нуля. Исследования проводили в течение многих лет при воздушных, наземных и подземных взрывах, используя животных разных видов. При подземных взрывах поток гамма-излучения выводили по специальным каналам, размещая животных на разных расстояниях в прямом пучке и в поле рассеянного излучения.

Уже при первых испытаниях решали такие задачи, как установление дозовой зависимости тяжести поражения, описание клинического течения ОЛБ, основных ее синдромов, процессов выздоровления, эффективности средств профилактики и лечения. Разумеется, исследования растянулись на многие годы, учитывал их сложность.

Для получения информации животных подвергали комплексному обследованию, включая клинические, гематологические, физиологические, иммунологические, патоморфологические показатели. С помощью специальных биотелеметрических комплексов дистанционно записывали ЭКГ, энцефалограммы и другие показатели, отбирали кровь для цитологических и биохимических ис-

следований у животных на Опытном поле (до снятия с биоточек). Состояние ЦНС оценивала методом условных рефлексов.

Животные по радиочувствительности существенно различались. Она зависела от вида, пола, возраста, физиологического состояния. Более чувствительны были молодые и старые животные. Действие других вредных агентов снижало устойчивость к облучению. По такому интегральному показателю, как СД 50/30 (гибель 50% животных в течение первых 30 суток после общего гамма-облучения), животных можно расположить в ряд: кролики (7-7 грей), крысы (5-6 грей), мыши (4-6 грей), овцы (3-5 грей), собаки (2,5-4 грей), свиньи (2,5-3,5 грей), морские свинки (2-3 грей).

Первые наблюдения показали, что эффект облучения зависит не только от величины поглощенной дозы, но и от ее мощности, вида излучения, объема облучаемых органов и тканей. Биологический эффект по таким показателям, как тяжесть поражения животных, клиническое течение болезни, скорость восстановительных процессов, формирование отдаленной патологии, во многом определялся вкладом нейтронного компонента в интегральную дозу гамма-излучения. Чем больше вклад нейтронного излучения в поглощенную дозу, тем тяжелее протекала болезнь у животных и выздоравливали животные более медленно. У погибших животных при патологоанатомических исследованиях наблюдали более глубокие повреждения кишечника.

Для оценки вклада нейтронного излучения проводили специальные опыты на мелких лабораторных животных. Животных размещали в специально сконструированных клетках со свинцовой или парафиновой защитой. Высокую биологическую эффективность нейтронного излучения связывают с линейной передачей энергии тканям (ЛПЭ). Для учета различий биологических эффектов разных видов ИИ используют коэффициент относительной биологической эффективности (ОБЭ). Эта величина не постоянна, а зависит от вида излучения, условий облучений, а также показателя, по которому проводится оценка. Для острого облучения ОБЭ нейтронов принимается равным от 1,5 до 5. При низких дозах облучения коэффициент принимает наибольшую величину. Большое значение нейтронная составляющая приобретает при взрывах ядерных боеприпасов сверхмалой и малой мощности. Особенно это касается нейтронных боеприпасов, когда доза в значительной мере формируется быстрыми нейтронами. При их взрыве ИИ становится основным поражающим фактором.

Животные, размещенные открыто на Опытном поле, подвергались относительно равномерному облучению. Неравномерность облучения создавалась лишь по глубине тела в результате ослабления ИИ органами и тканями самого животного. В фортификационных сооружениях и бронетехнике облучение, вследствие экранирующих свойств их конструкций, носило различной степени неравномерный характер. О степени неравномерности облучения судили по показателям датчиков, закрепленных на теле животного. Критическими, определяющими тяжесть поражения в зависимости от характера облучения, были разные органы. Чем неравномернее облучение, тем легче протекала болезнь у животных. Учитывая практическую значимость радиационных поражений при неравномерном облучении, их исследовали и на экспериментальных установках, позволивших облучать любую часть тела (орган, сегмент). В зависимости от области облучения развивались неврологические, легочные, желудочные и другие заболевания.

Практический интерес представляло хроническое облучение с малой мощностью дозы. Такие исследования проводили, размещая животных на загрязненных территориях и используя экспериментальные установки. В реакции животных на хроническое облучение можно выделить 4 фазы: отсутствие клинических симптомов поражения, наличие функциональных нарушений, напряжение защитно-компенсаторных механизмов, возникновение структурных повреждений с нарушением компенсаторно-восстановительных процессов, т.е. развитие хронической лучевой болезни (ХЛБ).

Одной из сложных задач радиационной патологии было изучение восстановительных процессов. По этой проблеме на полигоне проводились многолетние исследования (И.Т. Акоев, В.А. Резонтов, А.В. Попов, И.Г. Даренская и др.). Для количественной оценки пострadiационного восстановления использовали метод повторного облучения, предложенный Блэром в 1955 году и затем развитый Дэвидсоном. В качестве меры принимали СД 30/50, сравнивая ее с дозой однократного облучения. По такому интегральному показателю, как летальность 50% животных, удавалось получить наиболее полную информацию о состоянии организма в целом и количественно оценить полноту восстановления и наличие скрытых радиационных повреждений. О скорости восстановления судили по периоду восстановления – времени, в течение которого восстанавливается 50% реparable повреждений. У разных видов животных он неодинаков. У мышей, крыс и собак он равен 2-8, 6-9 и 14-18 суткам. Для человека, экстраполируя результаты исследования на животных, период оценен 28 сутками, при скорости восстановления 0,1% в час. Считают, что 90% повреждений реparable, а остальные 10% приходится на невозстанавливаемую часть, которая служит основой формирования отдаленной патологии (канцерогенные эффекты, функциональные нарушения отдельных органов, сокращение продолжительности жизни).

Материалы экспериментальных исследований, экстраполированные на человека, и клинические наблюдения за пострадавшими при радиационных авариях позволили установить дозовую зависимость тяжести лучевых поражений (табл. 1).

При костномозговой форме ОЛБ в ее генезе основное значение имеет нарушение функции кроветворения (лимфопения, лейкопения, тромбоцитопения, анемия), кровоточивость, развитие инфекционных осложнений, как следствие подавления защитных иммунных механизмов. В ее клиническом течении выделяют первичную реакцию на облучение, скрытый период относительного благополучия, разгар болезни и период восстановления. При кишечной форме ОБЛ преобладают симптомы поражения кишечника. Токсемическая форма характеризуется поражением продуктами распада органов и тканей и церебральная – симптомами поражения центральной нервной системы.

Эффективность хронического облучения ниже острого. Клинические проявления болезни зависят от мощности дозы. Восстановительные процессы при низких мощностях дозы обеспечивают клиническое здоровье. При облучении в дозе 0,05 Зв/год клинические нарушения в состоянии здоровья человека современными методами не выявляются. Хроническое облучение в дозе 0,1 зиверта в год вызывает снижение неспецифической резистентности организма, в дозе 0,5 зиверта в год развитие хронической лучевой болезни при накопленной дозе в несколько зивертов.

Радиационные поражения кожных покровов изучали на поросятах, кожа

которых по радиочувствительности близка коже человека. Радиационные поражения легкой, средней, тяжелой и крайне тяжелой степени наблюдали при дозах 8-12, 12-20, 20-25 и больше 25 зивертов соответственно.

На полигоне на протяжении всего времени его существования много внимания уделяли оценке малых доз ИИ, учитывая практическое значение проблемы. МКРЗ, НКДАР при ООН и НКРЗ РФ считают стохастические эффекты (бластомогенные и наследственные) беспороговыми. Вероятность их проявления возможна при сколь угодно малой дозе ИИ и возрастает с увеличением дозы, а тяжесть проявления их от дозы не зависит. Концепция беспорогового действия радиации остается лишь гипотезой, убедительных доказательств ее справедливости нет. Среди ученых есть сторонники порогового действия радиации. Более того, есть мнение, что радиация в малых дозах является необходимым фактором жизни на Земле. Подробное рассмотрение проблемы малых доз ИИ выходит за рамки публикации. Отметим, она остается одной из самых сложных проблем радиобиологии и радиационной медицины.

В исследование поражающего действия ИИ большой вклад внесли В.Б. Фарбер, П.А. Горизонтов, И.Я. Василенко, А.К. Акоев, Е.Н. Антипенко, В.А. Резонтов, А.В. Попов, Ю.А. Классовский, Н.Г. Даренская, И.Б. Кеирир-Маркус, В.М. Малышев, И.А. Климов, П.С. Понамарев, В.В. Шоходыров, П.А. Власов, Б.И. Лебедев и многие другие.

Изыскание средств профилактики и лечения лучевых поражений наряду с изучением поражающего действия ИИ считают одной из основных задач. На полигоне систематически проводили межведомственные исследования эффективности профилактических препаратов и лечебных схем, разработанных как на полигоне, так и в других учреждениях Министерства обороны и Минздрава. В этих исследованиях активное участие принимали П.П. Саксонов, В.А. Рогозкин, П.П. Жеребченко, И.Я. Василенко, А.С. Мозжухин, В.Г. Владимиров, Т.Д. Джаракьян, А.К. Гуськова, Н.Н. Клемпарская, Г.А. Смирнов, К.С. Чертков, А.А. Иванов, В.Н. Мальцев, С.А. Давыдова, В.А. Разаренова, М.Ф. Сбитнева и др.

Механические травмы, причиненные воздушной УВ ядерного взрыва, мало чем отличались от травм при взрывах обычных снарядов и бомб. Радиусы повреждений, разумеется, были неизмеримо большими и зависели от мощности, вида взрыва и характера защиты. Они были представлены повреждениями мягких тканей, скелета и внутренних органов. Особенно тяжелыми были черепно-мозговые травмы.

УВ наносила повреждения непосредственно и косвенно, воздействием обломков, осколков полевых фортификационных сооружений, техники и зданий. Основным параметром УВ, определяющим характер и тяжесть повреждений, являются давление скоростного напора, избыточное давление и длительность фазы сжатия. Для оценки патогенетического значения их, проводили исследования при подрыве тротильных зарядов разной мощности, когда исключалось действие других поражающих факторов ядерного взрыва (ИИ, СИ).

У животных, размещенных открыто на местности, тяжесть поражения зависела при прочих равных условиях от положения их по отношению к фронту УВ (головой, боком, задней частью тела). Для придания необходимого положения, животных соответствующим образом фиксировали. В таких условиях исключалось метательное действие УВ и тяжесть поражений была меньше.

Тяжесть поражения и характер травм у животных, размещенных в полевых фортификационных сооружениях, боевой технике (танках, самоходных артиллерийских установках, бронетранспортерах, самолетах), бытовых и промышленных зданиях определялись степенью их разрушения. Поражающее действие затекающей УВ проявлялось всесторонним обжатием тела животного и ударом о стенки сооружения, боевой техники и оборудования. Затекающий раскаленный воздух мог вызвать ожоги.

По материалам экспериментальных исследований оценена возможная тяжесть поражения УВ при открытом размещении людей. УВ ядерного взрыва за счет метательного действия и скоростного напора наносит поражения при меньших величинах давления по сравнению с УВ обычных боеприпасов. Поражения легкой, средней и тяжелой степени можно ожидать при избыточном давлении 0,2-0,4; 0,4 и 0,5 килограмма на квадратный сантиметр. При давлении свыше 1 килограмма на квадратный сантиметр травмы будут тяжелыми и смертельными. Косвенное действие УВ может изменять параметры в сторону утяжеления поражений. УВ может вызвать баротравмы различной тяжести. Материалы исследований позволили оценить защитные свойства различного рода инженерных сооружений и боевой техники. В изучение поражающего действия УВ существенный вклад внесли А.К. Козыро, П.В. Буренин, А.И. Дрозд, В.А. Баранов, В.Н. Морозов, И.Я. Василенко, Ю.А. Классовский, В.В. Шиходыров и др.

Одной из сложных задач, решаемых на полигоне, была оценка поражающего действия на животных сейсмозрывных волн ядерных взрывов при наземных и подземных взрывах. В штольнях при подземных взрывах на разных расстояниях от взрывной камеры оборудовались специальные герметичные боксы, где размещали животных. Регенерация воздуха в боксах обеспечивалась с помощью установок, используемых на подводных лодках. Исследования проводили и при размещении животных вне боксов, непосредственно в штольнях.

Повреждения в форме механических травм возникали у животных в результате перемещения поверхностей сооружений – сейсмического удара, вызвавшего деформацию и перемещения органов и тканей животного. Травмы возникали как в результате прямой передачи силы сейсмической волны, при контакте тела животного со смещающимися поверхностями, так и при соударении тела со стенками и оборудованием боксов. Тяжесть вторичных травм определялась скоростью соударения тела животного с конструкцией сооружения. Животных для оценки этих факторов размещали в боксах в различных положениях с фиксацией и без нее. У фиксированных животных травмы были менее тяжелыми и встречались реже. При расположении животных с фиксацией в креслах с амортизацией повреждения были наиболее легкими или вовсе отсутствовали.

Материалы исследований имеют важное практическое значение для оценки возможных поражений людей в особо прочных сооружениях. Вероятность поражения закрепленных в креслах людей сейсмозрывными волнами рекомендовано оценивать по максимальной скорости движения опорных поверхностей. При скорости движения 1-2 метра в секунду повреждения практически могут отсутствовать, а при скорости 10-15 метра в секунду со 100% вероятностью можно ожидать тяжелых поражений. Поражение нефиксированных людей будет зависеть от амплитуды смещение опорной поверхности и максимальной ее скорости. В исследованиях сейсмозрывных волн большой вклад внесли А.И. Дрозд, И.Я. Василенко, В.А. Баранов, А.К. Козыро, Б.Н. Барсуков, М.М. Кудрин и др.

Поражающее действие СИ изучали на разных видах животных, расположенных открыто на местности, в открытых траншеях, закрытых инженерных сооружениях и военной технике. Наиболее ценную информацию получили в опытах на поросятах, кожа которых по радиочувствительности близка к коже человека. Степень поражения определялась величиной импульса – количеством энергии СИ, падающей за время излучения на единицу поверхности тела животного, зависящей от мощности и вида взрыва, времени года, состояния погоды и степени защиты.

Ожоги, как упоминалось, наблюдали у животных также в результате затекания раскаленного воздуха в фортификационные сооружения и боевую технику, возгорания конструкций и горюче-смазочных материалов в боевой технике. Тяжесть поражения животных зависела не только от степени ожога, но и его площади.

По тяжести термические ожоги различались: первой степени (покраснение кожи), второй степени (образование пузырей), третьей степени (омертвление глубоких слоев кожи) и четвертой степени (обугливание кожи и подкожной клетчатки). В летнее время ожоги 1, 2, 3, и 4 степени в зависимости от мощности взрыва могли развиваться у человека при световом импульсе 2, 5-8, 6-10, 10-20 кал/кв.см. В зимнее время аналогичные ожоги можно ожидать при световом импульсе в несколько раз большем. Под одеждой (обмундированием) ожоги могут возникнуть при величинах импульса больших в 1,5-2 раза. Безопасной плотностью энергии светового излучения для открытых участков тела считают 1 кал/кв.см, а защищенных хлопчатобумажной тканью – 4 кал/кв.см.

Поражение глаз СИ, выразившееся во временном ослеплении, ожогах конъюнктивы, роговицы, радужной оболочки, наблюдали у разных видов животных. Наиболее ценную информацию получили в опытах на специально подготовленных кроликах, ориентированных к центру взрыва. Глаз кролика по размеру меньше человеческого, но по размеру зрачка напоминает человеческий. У животных, размещенных в инженерных сооружениях и войсковой технике, поражений органов зрения не было, если отсутствовало возгорание.

В исследованиях поражающего действия СИ ядерного взрыва значительный вклад внесли А.А. Гукасян, В.А. Жижин, С.Г. Шерашов, П.В. Преображенский и другие.

В условиях формирования радиоактивного следа и нахождения людей и животных на загрязненной радионуклидами местности, наряду с внешним гамма- и бета-облучением, возможно поступление продуктов ядерных взрывов (ПЯВ) в организм. ПЯВ представляют собой сложную смесь свыше 200 радионуклидов средней части периодической системы Д.И. Менделеева – от цинка до гадолиния. Выход каждого радионуклида в процессе деления урана и плутония зависит от делящегося материала, энергии нейтронов, вызывающих деление, и меняется от радионуклида к радионуклиду от десятитысячных до нескольких процентов. Радионуклиды характеризуются различными сроками жизни и токсичностью. В молодых ПЯВ значительную часть активности составляют короткоживущие радионуклиды. Среди них особое значение имеют радиоизотопы йода (^{131}I - ^{135}I), составляющие около 20% бета-активности таких продуктов.

В процессе распада радионуклидов изменяется радиоизотопный состав ПЯВ. В них повышается относительное содержание долгоживущих радионуклидов – стронция, цезия, церия и др. Изменение нуклидного состава продуктов приво-

дит к изменению средней энергии испускаемых ими гамма-квантов и бета-частиц, процессов метаболизма при поступлении ПЯВ в организм, характера внутреннего облучения, токсичности продуктов и клинических особенностей радиационных поражений. Носителем активности являются аэрозоли, образующиеся при конденсации радиоактивных и нерадиоактивных продуктов взрыва. Размеры радиоактивных частиц и их активность варьируются в широких пределах. Их биологическая доступность зависит от условий образования. Характер радиоактивного загрязнения природных сред: атмосферы, гидросферы, биосферы – определяется физико-химическими свойствами ПЯВ, зависящими от вида и мощности взрыва, особенностей ядерного изделия, окружающей среды, возраста продуктов и пр. В загрязнение внешней среды вносят вклад радионуклиды наведенной активности (^3H , ^{14}C , ^{24}Na , ^{32}P , ^{42}K , ^{56}Mn и др.) и неразделившаяся часть заряда (U, Pu).

На полигоне проведены обширные исследования ПЯВ, включающие миграцию продуктов во внешней среде, процессы метаболизма при поступлении их в организм животных, токсичность, патогенез и клинику поражений, процессы выздоровления, отдаленную патологию, включая бластомогенные эффекты, неотложную помощь при поступлении радионуклидов в организм.

Биологическое действие ПЯВ разного возраста исследовали в широком диапазоне доз при разных путях и ритмах поступления в организм животных, включая комбинированное действие с внешним облучением. В опытах использовали собак, мышей, крыс, морских свинок. Исследования проводили в полевых и лабораторных условиях. ПЯВ, поступая в организм животных, становятся источником длительного внутреннего гамма- и бета-облучения. Биологический эффект определяется пространственно-временным распределением поглощенных доз. Облучение носит крайне неравномерный характер. Различия в поглощенных дозах достигают нескольких порядков величин. Наиболее интенсивному облучению подвергаются органы поступления радионуклидов в организм и органы основного их депонирования. По концентрации радионуклидов при поступлении в организм молодых ПЯВ органы можно расположить в ряд: щитовидная железа – кишечник – органы дыхания – печень – почки – селезенка – скелет – мышцы.

Содержание радионуклидов в организме быстро снижается, в основном за счет распада короткоживущих радионуклидов. Разумеется, содержание радионуклидов в организме уменьшается и за счет их выведения. Вследствие крайне неравномерного депонирования радионуклидов в органах и тканях, различной тропности радионуклидов, физического их распада и разной скорости выведения, облучение носит неравномерный характер. В табл. 2 приведены дозы облучения органов и тканей у человека при поступлении ПЯВ разного возраста в количестве $3,7 \times 10^7$ беккерель (1 милликюри).

Токсичность молодых ПЯВ сравнительно небольшая. С увеличением возраста продуктов их токсичность повышается. В продуктах повышается содержание таких биологически значимых радионуклидов, как ^{90}Sr и ^{137}Cs . По материалам исследований оценено токсичность для человека ПЯВ разного возраста (табл. 3).

В зависимости от количества ПЯВ, поступившего в организм, радиационное поражение может проявляться в форме острой, полуострой и хронической болезни. Ведущими звеньями в генезе острого радиационного поражения при пероральном

поступлении продуктов животным было поражение желудочно-кишечного тракта, а при ингаляционном поступлении – органов дыхания и кишечника, обезвоживания организма, интоксикация продуктами тканевого распада и микробной флорой кишечника, снижение антитоксической функции печени. Поражение кишечника и органов дыхания в результате контактного облучения детерминировало тяжесть и исход болезни в острый период. Процессы выздоровления протекают в сложных условиях продолжающегося облучения инкорпорированными радионуклидами. При тяжелой степени поражения у выживших животных в острый период болезнь переходила в хроническую форму. В генезе острого поражения, клинике болезни, процессах выздоровления, формировании отдаленной патологии большое значение при поступлении молодых ПЯВ имеет радиационное поражение щитовидной железы радиоизотопами йода, которые, как упоминалось, составляют значительную часть их активности.

Особую опасность представляет blastomagenное действие ПЯВ. При поступлении молодых ПЯВ опухоли в основном регистрировали со стороны эндокринных желез и органов, имеющих тесную функциональную связь с эндокринной системой (молочные железы, гонады). В их генезе определяющее значение имеет нарушение эндокринного статуса организма, начальным звеном которой является радиационное поражение щитовидной железы. При поступлении в организм ПЯВ большого возраста спектр опухолей был иной — саркомы, лейкозы.

В изучение биологического действия ПЯВ большой вклад внесли И.Я. Василенко, В.Г. Ильин, В.Г. Рядов, Ю.А. Классовский, В.Л. Борисов и др.

В зонах радиоактивного загрязнения, как известно, облучение населения носит комбинированный характер – сочетание внешнего и внутреннего облучения. Радионуклиды могут поступать человеку ингаляционно в момент выпадения радионуклидов из облака взрыва и вторичного пылеобразования и перорально с загрязненными продуктами питания и водой. Сочетание внешнего и внутреннего облучения приводит к сложному развитию патологических процессов.

Изучение патофизиологических нарушений при комбинированном действии ионизирующих излучений имеет большое практическое значение не только для прогнозных оценок поражений, но и для рациональной профилактики и лечения таких поражений. На полигоне комбинированные поражения изучали в полевых условиях (при ядерных взрывах) и в лабораториях (животных облучали и вводили им продукты деления урана) в широком диапазоне доз внешнего и внутреннего облучения. В исследовании поражений тканей большой вклад внесли И.Я. Василенко, Ю.А. Классовский и др.

Комбинированные поражения представляют особую форму радиационных поражений. Для таких поражений характерно:

- сглаженность первичной реакции;
- короткий скрытый период;
- раннее развитие и длительное течение разгара болезни;
- раннее и длительное нарушение функции желудочно-кишечного тракта;
- глубокое поражение органов дыхания при ингаляционном поступлении ПЯВ;
- интенсивное проявление геморрагического синдрома;
- выраженное нарушение процессов обмена;
- медленное выздоровление и неустойчивость компенсаторных процессов.

В опытах показано, что общая направленность течения болезни определяет-

ся ведущим фактором. Если преобладает внешнее облучение, патологические процессы и болезнь развиваются по типу ОЛБ. Когда ведущим является внутреннее облучение, развитие патологических процессов и течение болезни принимает характер поражения ПЯВ.

Оценивая отягощающее действие внутреннего облучения на течение комбинированного поражения, можно полагать, что при внешнем облучении в дозах, вызывающих ОЛБ 1, 2 и 3 степени тяжести, поступление ПЯВ в организм на 1 сантигрей внешнего облучения в количестве:

- сотен беккерель – не окажет значительного влияния на течение острого радиационного поражения. Внутреннее облучение, однако, может проявиться в формировании отдаленной патологии;

- тысяч беккерель – окажет существенное отягощающее действие;

- миллионов беккерелей – ведущим в патогенезе будет внутреннее облучение.

Практический интерес представляет реакция животных после клинического выздоровления на повторное облучение. Повторное облучение на полигоне исследовали при изолированных и комбинированных поражениях в опытах на собаках. Реакция животных на второе воздействие была примерно такой же, как и на первое. Клиническое воздействие, однако, наступало более медленно по сравнению с первым облучением.

Широкомасштабные исследования проводили по радиационной гигиене, радиационному загрязнению внешней среды, биологическому действию малых доз радиации, нормированию в чрезвычайных условиях, оценке радиационной обстановки на полигоне и за его пределами. На полигоне вырос творческий коллектив с продуктивной научной школой, внесший существенный вклад в развитие отечественной науки. Материалы исследований широко использованы при подготовке нормативных документов, руководств, наставлений, учебников, а также при ликвидации последствий аварий. За работы в области радиационной медицины в 1969 году И.Г. Акоеву, А.И. Бурназяну, П.И. Буренину, И.Я. Василенко, А.А. Гукасяну, В.Г. Ильину, К.П. Кедрову, И.К. Клименко, П.В. Преображенскому, В.Г. Радову, В.В. Шиходырову, Н.М. Штукенбергу присуждена Государственная премия СССР. Многие сотрудники награждены орденами и медалями.

Материалы исследований, выполненных на полигоне, уникальны. Они нашли широкое практическое применение. Значительная их часть остается, однако, вне поля зрения специалистов.

ОПАЛЕННЫЕ В БОРЬБЕ ПРИ СОЗДАНИИ ЯДЕРНОГО ЩИТА РОДИНЫ

Таблица 1

Тяжесть поражения человека в зависимости от дозы острого облучения, Гр (без лечения).

Доза	Эффект
0,25	Заметные клинические изменения в организме не регистрируются
0,5	Регистрируются незначительные изменения показателей крови и другие, скоро проходящие изменения
0,5-1	Регистрируются более значительные изменения цитологических показателей крови (снижение числа лимфоцитов, лейкоцитов, тромбоцитов)
1	Пороговая доза, могущая вызвать ОЛБ 1 степени
1-2	ОЛБ легкой степени (костномозговая форма)
2-4	ОЛБ средней степени (костномозговая форма)
4-6	ОЛБ тяжелой степени (костномозговая форма)
6-10	ОЛБ крайне тяжелой степени (костномозговая форма)
10-20	Кишечная форма ОЛБ
20-60	Токсемическая форма ОЛБ
>60	Церебральная форма ОЛБ

Таблица 2

Величины поглощенных доз (сГр) у человека при поступлении ПЯВ разного возраста в количестве 37 МБк (1 мКи)

Возраст, сут	Поступление	Органы						
		Толстая кишка	Щитовидная железа	Печень	Почки	Красный костный мозг	Костная поверхность	Гонады
0,5	Однократно	26	30	0,2	0,4	$\frac{7 \times 10^{-3}}{9 \times 10^{-3}}$	$\frac{1,1 \times 10^{-2}}{1,4 \times 10^{-2}}$	0,1
1	Однократно	38	45	0,4	0,8	$\frac{1,5 \times 10^{-2}}{1,9 \times 10^{-2}}$	$\frac{2,6 \times 10^{-2}}{3,1 \times 10^{-2}}$	0,5
5	Однократно	48	98	1,0	2,5	$\frac{9,6 \times 10^{-2}}{1,2 \times 10^{-2}}$	$\frac{1,6 \times 10^{-2}}{2 \times 10^{-2}}$	0,4
10	Однократно	54	95	0,9	2	$\frac{1,9 \times 10^{-1}}{2,4 \times 10^{-1}}$	$\frac{3,3 \times 10^{-1}}{4 \times 10^{-1}}$	0,6
90	Однократно	57	60	0,5	0,6	$\frac{0,5}{2,3}$	$\frac{1,4}{3,8}$	0,2
180	Однократно	57	0,1	6×10^{-2}	0,2	$\frac{0,6}{2,3}$	$\frac{1,4}{3,8}$	0,2
365	Однократно	57	–	2	6,5	$\frac{1,9}{6,8}$	$\frac{3,6}{11}$	8×10^{-2}
1-365	Хроническое с нач. активн. 37 МКб	250	220	2	6,5	$\frac{1,2}{1,9}$	$\frac{1,5}{2,8}$	2,5

Числитель – доза накопленная за год, знаменатель – за 50 лет.

Таблица 3

Токсичность ПЯВ (10^{11} Бк) для человека в зависимости от возраста

Тяжесть поражения	Возраст ПЯВ				
	1 ч	5 ч	1 сут	10 сут	30 сут и более
Тяжелая степень	1,85 - 3,7	0,74 - 1,48	0,37 - 0,74	0,18 - 0,37	0,09 - 0,18
Средняя степень	1,1 - 1,85	0,44 - 0,74	0,22 - 0,37	0,11 - 0,18	0,05 - 0,09
Легкая степень	0,3 - 1,1	0,11 - 0,44	0,05 - 0,22	0,03 - 0,11	0,015 - 0,05
Лучевая реакция	Десятки МБк				

□ 3.14. НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Багаев Ю.П.

Полковник медицинской службы в отставке, Заслуженный врач РСФСР, участник ВОВ, участник войны в Афганистане, ветеран подразделений особого риска.

На Семипалатинском ядерном полигоне я прослужил 15 лет – с 1951 по 1966 год. Там родились и выросли мои дети. Сначала я служил врачом 256 транспортно-испытательной авиационной эскадрильи. В пятидесятых годах она базировалась на аэродроме г. Семипалатинска, в его пригороде – Жана-Семей, что в переводе с казахского означает Новый Семипалатинск. В то время Жана-Семей, широко раскинувшийся на левом берегу Иртыша, состоял из тысячи саманных домиков, в которых жили, кроме казахов, русские (раскулаченные в 30-х годах), чеченцы, ингуши и немцы Поволжья (репатриированные в годы Великой Отечественной войны).

Мы жили в трехэтажных кирпичных домах. Медицинский пункт с лазаретом размещался на первом этаже казармы. Наш городок находился не только в «проволочной» изоляции, но и вдали как от лечебных учреждений местного здравоохранения, так и от Семипалатинского гарнизонного военного госпиталя, который был развернут на правом берегу Иртыша, в основной части города. Все это значительно усложняло организацию медицинского обеспечения нашего военного городка. Как единственный врач части я должен был оказывать медицинскую помощь не только военнослужащим эскадрильи и многочисленных обеспечивающих и прикомандированных подразделений, но и членам их семей (только детей было более 100), рабочим и служащим части, а также приезжающим официальным лицам.

Кроме того, я выполнял функцию «скорой медицинской помощи». В любое время суток я должен был быть готовым оказать неотложную медицинскую помощь раненым и больным. И каких только несчастных случаев не было в этот период: были огнестрельные и ножевые ранения, тяжелые отравления, много-

численные дорожно-транспортные происшествия, в том числе паровозные травмы, был даже случай поражения молнией. Это была хорошая школа для начинающего врача. Но без преувеличения можно сказать, что это был самый напряженный и тяжелый период в моей 45-летней кадровой военной службе.

В 1955 году наша семья переехала на «Берег», как тогда называли нынешний город Курчатов. Я был назначен старшим врачом-терапевтом в 133 военный госпиталь. Одной из главных моих задач являлось реальное медицинское обеспечение ядерных взрывов и диспансерное обследование участников испытаний. Практически, начиная с конца 1956 года, я стал внештатным начальником медицинской группы, предназначенной для медицинского обслуживания личного состава, участвующего в испытаниях ядерного оружия. Месяцами работал на площадках «Г», «Ш», а затем «Д». Во время ядерных взрывов в экстремальных условиях оказывал неотложную медицинскую и первую врачебную помощь больным и пострадавшим. В 1956-1963 годах постоянно входил в состав оперативной группы обеспечения испытаний в качестве представителя медицинской службы. В составе группы на машинах через некоторое время после взрыва выезжал в зараженную зону на испытательную площадку Опытного поля. Лично выезжал в зону взрыва для оказания экстренной медицинской помощи пострадавшим и эвакуации их в госпиталь. Участвовал в облетах застав, где также оказывал медицинскую помощь всем нуждающимся. И здесь мне сполна пригодился приобретенный в эскадрилье опыт оказания неотложной медицинской помощи в самых невероятных условиях, в том числе и в зонах радиоактивного загрязнения. Об этом можно было бы написать целую книгу.

Но мне хотелось бы в своих воспоминаниях остановиться более подробно на трех случаях в моей врачебной практике, которые были не только очень ответственными, но и представляли для меня, если можно так сказать, исторический интерес.

Случай первый. Весна 1953 года. Шел мокрый снег. Небо заволокло низкими туманными тучами. Погода бала нелетной. Я только что приехал из Семипалатинска, куда возил летчиков на диспансерное обследование. На КП получаю приказ: срочно явиться к генерал-лейтенанту медицинской службы А.И. Бурназяну. Захватив врачебную сумку, я через полчаса прибыл в вагон, который стоял в железнодорожном тупике недалеко от наших ангаров. Я никак не предполагал, что меня пригласили к заболевшему знаменитому академику И.В. Курчатову. После предварительной беседы с генералом я осмотрел больного. У него оказалось острое респираторное заболевание с явлениями начинающего острого бронхита. Температура тела была высокой. Игорь Васильевич отвечал односложно, как-то по-доброму смотрел на меня, чуть улыбаясь в свою курчавую бороду. Я поставил банки на грудь, назначил медикаментозное лечение – норсульфазол (по тем временам новинка), отхаркивающие и жаропонижающие средства и, кроме того, предложил прекрасный кавказский мед, который мы с женой только что привезли из отпуска. «Маладэц! – сказал Аветик Игнатьевич. – «Народное средство – самое лучшее лекарство». На следующее утро температура у больного нормализовалась, самочувствие улучшилось. Небо очистилось от облаков и Игоря Васильевича эвакуировали самолетом в Москву.

Второй случай был тоже очень ответственным. Я служил уже на «Берегу» терапевтом 133 военного госпиталя. Мне поручили обеспечить врачебное сопровождение в Москву тоже известного академика Ю.Б. Харитона, у которого резко

обострилась хроническая ишемическая болезнь сердца, стали частыми приступы стенокардии. В отдельном вагоне, кроме нас, были два дюжих охранника и проводник, он же повар. Я проводил поддерживающую терапию и самочувствие Юлия Борисовича на всем протяжении неблизкого пути (ехали семь суток через Семипалатинск и Новосибирск) было весьма удовлетворительным. Он оказался обаятельным, интеллигентным человеком, интереснейшим собеседником.

Третий случай был эксклюзивного порядка. Все специалисты, среди которых были опытные кардиологи и маститые ученые, в один голос говорили, что подобного быть не могло.

Я, как терапевт госпиталя, контролировал состояние здоровья начальника полигона генерал-лейтенанта Н.Н. Виноградова и членов его семьи. Однажды осенью 1965 года Николай Николаевич обратился ко мне с жалобами на боли в языке. «А давно ли эти боли появились?» – спросил я. «Вчера вечером во время киносеанса» – ответил Николай Николаевич. Вышел на улицу, боли исчезли, но, примерно, через 100 шагов они появились вновь. Остановился – боли исчезли. С большим трудом до дома добрался». Я знал о не совсем благополучном состоянии сердечной деятельности у Николая Николаевича. Поэтому сразу же заподозрил стенокардию с атипичной радиацией сердечных болей в язык. Немедленно была сделана электрокардиограмма, которая показала, что у Николая Николаевича обширный трансмуральный инфаркт задней стенки миокарда.

Он нуждался в срочной госпитализации. Но утром следующего дня должны проводиться испытания ядерного оружия в горах Дегелена. Поэтому на мое категорическое предложение немедленно лечь в госпиталь Николай Николаевич также категорически отказался, сказав, что он головой отвечает перед партией и правительством за результаты испытаний. Ни жена Валентина Мариамовна, ни начальник госпиталя полковник медицинской службы Н.А. Щербаков, ни заместители Николая Николаевича не могли уговорить его лечь в госпиталь. На следующее утро в 5.00 я, «вооруженный до зубов», в легковой машине «ЗИС» черного цвета сопроводил Николая Николаевича на место испытания. Всего мы проехали по грунтовой дороге около 250 километров. Я не отходил от больного ни на шаг, поддерживал больного и морально, и медикаментами (особенно на обратном пути, когда состояние больного стало заметно ухудшаться). Невероятно, но все закончилось благополучно. Пролежал Н.Н. Виноградов в госпитале около двух месяцев и вновь приступил к исполнению своих нелегких обязанностей.

Этот случай помог мне вырваться из крепких объятий 12 ГУ МО СССР и поступить на 1-й факультет Военно-медицинской академии. Вот уже 33 года я работаю в лечебном отделе Главного медицинского управления Министерства Обороны СССР (затем ГМУ МО РФ). И здесь основным содержанием моей деятельности всегда было оказание помощи больным людям. Сколько их было? Сотни, тысячи, десятки тысяч. А может быть, больше?

ГЛАВА 4

ЯДЕРНЫЙ ПОЛИГОН В АРКТИКЕ

В истории Российского государства навсегда останется беззаветный труд создателей ядерного полигона на Новой Земле, мужество, мастерство и преданность Родине специалистов, военнослужащих – участников создания полигона и проведения на нем ядерных испытаний.

Справедливо утверждает академик РАН, министр РФ по атомной энергии (1992-1998) В.Н. Михайлов, что «ядерное оружие – единственное средство обеспечения национальной безопасности и сохранения суверенитета России... Решение данной задачи без полигона невыполнимо».

□ 4.1. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*Михайлов В.Н.
Академик РАН.*

В октябре 1994 года, когда на Новой Земле собрались ветераны испытаний ядерного оружия, чтобы отметить 40-летие полигона, активисты «Союза новоземельцев» совершенно справедливо сошлись во мнении, что пришло время рассказать о событиях, происходивших на архипелаге в тревожные годы создания ядерного щита нашей Родины... О прошлом, настоящем и будущем Центрального полигона Российской Федерации на архипелаге Новая Земля вспоминают и рассуждают участники и свидетели испытаний ядерного оружия.

21 сентября 1955 года в губе Черная состоялся первый в Советском Союзе подводный ядерный взрыв. На глубине 10-15 метров была взорвана боеголовка к торпедо Т-5. Так начал функционировать в Заполярье полигон, принявший на себя трудные

задачи боевого оснащения флота и проведения испытаний мощных термоядерных «изделий». За 35 лет, отсчитанных от той исторической вехи, на Новой Земле проведено 132 ядерных взрыва, из них 87 атмосферных и 42 подземных.

Круг авторов книги «Ядерный архипелаг» чрезвычайно широк: от рядовых матросов и солдат до адмиралов и генералов. Среди них – конструкторы и летчики, подводники и физики, химики и дозиметристы, радисты и врачи, журналисты. Несколько академиков, профессоров, лауреатов Ленинской и Государственной премий, Героев Социалистического Труда. Многим пришлось побывать в суровых служебных и погодных переделках или, как теперь говорят, в нештатных ситуациях.

Почти всех авторов я знаю лично. Например, с капитаном 1 ранга В.А. Вахрамеевым мы неоднократно обсуждали и спорили, чуть ли не до хрипоты, где и как лучше расположить датчики и аппаратуру съема информации. Каждый из почти 50 авторов-новоземельцев заслуживает низкого поклона и благодарности и за свой труд на полигоне, и за написанные очерки. Наиболее полными и оригинальными мне показались воспоминания, которые представили следующие мои коллеги.

Генерал-лейтенант Г.Г. Кудрявцев в 1959-1963 годах был начальником Новоземельского полигона. К сожалению, он скончался.

Генерал-лейтенант академик РАН Е.А. Негин – разработчик ядерных боеприпасов. В 1955 году собрал на Новой Земле заряд торпеды для первого подводного ядерного взрыва в губе Черная. В качестве главного конструктора Арзамаса-16 неоднократно работал в составе Госкомиссий по проведению испытаний на Новой Земле.

В.Н. Журков по призыву был направлен в команду аэродрома в поселок Рогачево. Служил на Новой Земле в 1955-1958 годах. Ныне – член Совета ветеранов подразделений особого риска по Москве и Московской области. Проживает в г. Люберцы.

П.В. Рамзаев уже давно стал крупным специалистом радиационной медицины и радиэкологии. В 1961-1963 годах участвовал в комплексных экспедициях по обследованию населения и окружающей среды в Заполярье, в частности на Новой Земле. Рамзаев П.В. – доктор медицинских наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор НИИ радиационной гигиены в г. Санкт-Петербурге, скончался 6 декабря 2002 года, а институт назван его именем.

Возможно, если бы я просто писал предисловие к книге, то на этом следовало бы поставить точку. Но я этого не делаю, поскольку Новая Земля оставила и в моем сердце слишком большой след. Из 60 прожитых лет треть связана с этим уникальным уголком нашей страны. Я побывал на разных континентах во многих государствах. И мне есть с чем сравнивать. Знаю, что Россия для кое-кого – лакомый кусочек, и Родина требует защиты. А поэтому полигон будет оставаться основой безопасности нашего Отечества. Чтобы предотвратить ядерную войну, потенциальные противники должны знать: возмездие неотвратимо. Ядерное оружие войдет в XXI век и будет определять экономическую и политическую стратегию стран, включая Россию.

Я родом из Подмосковья. Мои родители приехали из Тверской губернии на заработки под Москву. А все предки с севера. Кстати, в Тверской губернии очень много карелов, и кто-то из них был у меня в родне. Мать – крестьянка. Отец в 43-м году погиб на фронте. Трудно было. Но учился легко и даже злился на сестричек, что они плохо разбирались в физике и математике.

Врезалась в память военная теплушка, в которой мы с мамой, младшей сестрой и отчимом в октябре 1945 года по вербовке ехали в г. Никель на север Кольского полуострова. Север стал вторым моим домом. Там впервые в жизни увидел суровые сине-голубые горы и незабываемый цветной танец северного сияния. Быстро пролетели семь лет на Крайнем Севере, и после окончания никельской средней школы поехал в Москву.

Я мечтал стать физиком. Но тогда был недобор в военные училища и нас, выпускников, пригласили в райком партии, чтобы посоветовать идти в военные. Я сразу же отказался.

Приятель посоветовал поступать в Механический институт. Что меня прельстило? Прежде всего, стипендия – в этом институте она была вдвое выше, чем в других. Ведь мне никто не мог помочь – мама и отчим сами нуждались... На третьем курсе меня отобрали в теоретики – я учился на «отлично».

Дипломную работу уже делал в Арзамасе-16. Приехал в институт Я.Б. Зельдович и взял меня к себе. В Арзамас-16 поехал с удовольствием: на 3-м курсе я женился, потом родился сын, и мы втроем жили на шести квадратных метрах. На «объекте» мне сразу же предоставили комнату в двухкомнатной квартире. Она была целых 16 метров...

Диплом писал о сжатии сверхмалых масс. Проще говоря, исследовались малые массы урана, плутония с целью перевода их в критическое состояние, т.е. шел поиск принципиально новых методов создания ядерных зарядов... Это было в 57-58-м годах...

Кстати, Зельдович всегда был окружен молодежью. Он любил рассказывать и слушать. А вот А.Д. Сахаров был замкнут, с молодежью общался мало.

Тогда в двух теоретических отделениях Арзамаса-16, которые возглавляли А.Д. Сахаров и Я.Б. Зельдович, работало несколько десятков теоретиков. Коллектив был молодой и шумный, очень эмоционально реагировал на все внешние события за колющей промолкой, окружавшей Арзамас-16. Но главное – работа спорилась и царил атмосфера интеллектуального соперничества.

Мы работали на одном этаже. Разделение чувствовали только во время выдачи зарплаты – просто разные ведомости были, а фактически работали вместе. Впрочем, негласно разделение все-таки существовало: сектор Зельдовича занимался «первичным» узлом, т.е. атомным зарядом, а Андрей Дмитриевич – водородными зарядами...

Но потом и тут возник «перехлест». В частности, группа молодых теоретиков – нас было четверо – сумела создать новый тип оружия с очень высокими удельными характеристиками, т.е. мы тогда догнали американцев. До этого было около тридцати воздушных испытаний под руководством Зельдовича и Сахарова, но ничего не получалось.

Физик-теоретик был главой проекта, и как-то сам по себе складывался коллектив математиков, физиков-экспериментаторов и конструкторов на каждом этапе работ по проекту. Начальство и научное руководство «объекта» прислушивались к голосу молодых теоретиков и, надо сказать, мы не чувствовали давления авторитета Якова Борисовича и Андрея Дмитриевича, хотя все в душе восхищались ими. Это накладывало и большую ответственность на теоретика.

Занимаясь теорией малых энерговыделений от реакций деления ядер, пришлось столкнуться с проблемой несоответствия теории и результатов обширной серии экспериментов. Десятки раз я перепроверял приближенную теорию и

продельвал сотни расчетов на электронно-вычислительной машине, но результат – тот же. Засиживаясь до поздней ночи дома, когда жена и сын уже спали, на кухне я ночами ломал голову, проверяя каждое приближение в теории выгораний ядерно-активных материалов в потоке нейтронов. И труд вознаграждался. Оказалось, что небольшая неточность в теории приводила к большой погрешности в конечном результате атомного взрыва. Я бросился к классическим секретным работам Л.Д. Ландау и там тоже обнаружил эту неточность. Да, для успеха в любом деле нужны не только знания, но и колоссальный труд. Кстати, потом уточнение теории помогло сделать более совершенные конструкции для форсирования реакций деления. Это была моя первая маленькая победа.

В 1959 году я приехал в Семипалатинск как теоретик со «своим изделием». Теоретик не только должен присутствовать при сборке – а это очень деликатная операция! – но и проверить диагностические методы, которые используются. Процесс-то протекает одну миллионную или одну стомиллионную долю секунды, а потому важно правильно выбрать соответствующие пусковые устройства, которые должны открыть регистрирующие устройства – тут не может быть мелочей! К тому же необходимо определить и количество дублирующих систем – а они ограничены... В общем, у теоретика много забот на полигоне. Поэтому я и оказался на испытаниях.

...Мы находились на расстоянии десяти километров. Был ясный, солнечный день. Яркая бело-розовая вспышка, от которой стал удаляться нежно-голубой ореол с ярко выраженным свечением фронта ударной волны в воздухе – это правильной формы сплошной круг с ясно выделенной на границе окружностью. Когда фронт ореола дошел до поверхности земли, вверх стали подниматься столбы пыли. Огненное облако взрыва продолжало всплывать. Потом в лицо ударило тепло: фронт волны дошел до нас, будто мгновенно открылась дверца печурки.

А взрыв-то по мощности был небольшой!

В 66-м году, когда совместно с теоретиками Г. Гончаровым, В. Пинаевым и И. Куриловым создали современное оружие – это был, конечно, колоссальный успех! Так сказать, по удельным характеристикам мы сделали оружие на мировом уровне, как ни парадоксально это звучит. А раньше мы отставали от американцев в два-три раза. Если к тому же учитывать, что мы отставали по электронной части, то, сами понимаете, какое это имело значение для страны... Хотя для нас, теоретиков, конечно, важнее было другое – возможность проявить свои способности, знания, талант. Для каждого человека, а в особенности ученого, это очень важно. Успех и признание стимулируют более эффективную работу.

В 69-м году жена не захотела больше жить в закрытом городе и, чтобы сохранить семью, мне приходилось летать на субботу и воскресенье в Москву. Но так выдержать я смог только около года. После переезда в Москву было очень тяжело: всеми своими помыслами я оставался в Арзамасе-16. Но помогло то, что я стал заниматься очень интересной работой – диагностикой быстротекущих процессов при ядерном взрыве. Т.е. я начал работать в той области, которая у нас тогда очень отставала. Объем информации по эксперименту у нас был все-таки очень скудный, да и погрешностей много. Очень много пришлось работать на полигонах, в Москве бывал только половину времени, а остальное – в Семипалатинске и на Новой Земле.

На Новую Землю я впервые попал в 1966 году. Арктика настороженно

принимает новичков, но потом всегда манит к себе. Нет, это не царство мертвой ночи, как рисовал ее русский художник Борисов на Маточкином Шаре. Это – величие самой Природы, где чувствуешь единство пространства и времени.

Не раз мне приходилось делать ночные морские переходы из поселка Белушья в пролив Маточкин Шар. моряки – особые люди. И теперь, в московском рабочем кабинете, с тоской в сердце вспоминаю тех, кого вряд ли еще раз встречу, и особенно тех, кого уже никогда не увижу. Иногда наш быт украшали теплоходы «Татария» и «Буковина» из Архангельского пароходства, которые фрахтовал Военно-Морской флот для житья испытателей. Экипажи кораблей и судов делили вместе с испытателями все тяготы арктической жизни и находились в проливе Маточкин Шар до поздней осени, когда ледяные поля уже начинали бороздить пролив. В этой ситуации теплоходы были вынуждены возвращаться в Архангельск. Мы с грустью переселялись в ветхие бараки на берегу и долго смотрели вслед уходящим на «большую землю» кораблям.

Особенно томительными и трудными были дни ожидания циклона. Он всегда приходил с завыванием ветра, с низкими, быстроснесущимися облаками. Иногда приходилось выезжать к штольне перед ядерным взрывом на заключительные операции по подготовке диагностических систем и аппаратуры подрыва ядерных устройств в крошечной тьме и при сногшибательном ветре – одним словом, новоземельская горная бора. Штольня на Новой Земле! Вход в нее всегда напоминал о вечной мерзлоте – удивительно белые кристаллы воды и снега на слое грунта, казалось, ведут в царство вечности. Сколько же пришлось протопать по шпалам этих горизонтальных выработок в горах по берегам пролива Маточкин Шар, в конце которых устанавливались ядерные устройства, а вдоль всей штольни – диагностические приборы. Это многие сотни километров! Вы знаете, что такое абсолютно черное пространство? Я ощутил это, когда в глубине штольни вдруг отключалось освещение, тогда просто сел на рельсы и видел только огонек своей сигареты. Самые ответственные дни – установка испытательных устройств и диагностических датчиков.

Не могу не сказать о проведении забивочных работ. Здесь, как и на предыдущих этапах, идет круглосуточная, напряженная работа и особенно она тяжела ночью. Октябрь и ноябрь месяцы – самый сложный период для проведения забивочных работ. Бетонный завод, что стоит на Маточкином Шаре, на расстоянии до десяти километров от штолен, должен был работать, как часы, без перебоев. Иначе холод и зимняя дорога остановят забивочные работы, а это уже недопустимо в начиненной взрывными устройствами и диагностическими системами штольне.

Иногда выдавались дни отдыха, особенно в период ожидания погоды: экскурсия по проливу Маточкин Шар в сторону Карского моря. Голубые вечные ледники, как фата невесты, спускаются до самой глади пролива. Крутые повороты и могучие водовороты, связанные с резкими перепадами по высоте дна пролива. Только бывалому капитану по плечу пройти этот пролив.

А новоземельская тундра – это персидский ковер нежной зелени и цветов в июле-августе. И только на несколько сотен метров подымается в горы, а выше – лунный пейзаж и ледники, которые после подземного взрыва казались бирюзовыми слезами гор.

Подземный ядерный взрыв: стоя на командном пункте в нескольких кило-

метрах от горы, вы сначала видите, как сделала вдох гора, а потом – будто с берега прыгнули в лодку, где твердое дно, а вас плавно качает. Как бывалый теоретик-испытатель, а это не сразу приходит, уже по этим признакам понимал, что сегодня разум человека проник еще в одну тайну природы.

Редко, но бывало, когда гора после вдоха выдохнет вдоль штольни грозное облако смертельной радиации. И вот на этот случай правильно выбранная синоптическая ситуация должна обеспечить безопасность персонала на командном пункте и жителей островов, удаленных на сотни километров от места взрыва. В любом случае бригада по снятию диагностической информации о процессах ядерного взрыва должна вернуться к месту испытания в аппаратурные диагностические трейлеры.

Однажды после такого исхода испытания я задержался на командном пункте, где вместе с руководителями службы радиационного контроля отслеживал растекание радиационного потока по местности. Обычно движение происходит в приземном слое по водостоку с гор, вдоль рек и долин. Медленно радиация продвигалась к командному пункту. Дозиметры, установленные в тундре, четко отслеживали этот фронт движения. Мы втроем вышли из трейлера. Командный пункт был пуст, а до этого здесь находились несколько сотен человек. Вдали увидели полевой автобус, который на большой скорости мчался по дороге к причалу, где нас ожидал сторожевой корабль.

К сожалению, в такой ситуации командование полигона оказалось не на высоте. Забыв про нас, бросив все, включая личные вещи, на вертолетной площадке, в панике они бросились убежать, кто на вертолетах, кто к пирсу, где стоял сторожевой военный корабль, хотя уровень радиации на КП был еще достаточно низок для профессиональных работников. Мы подошли к своему джипу (ГАЗ-69) и тронулись тоже к причалу.

Мы вернулись на КП только спустя сутки. Швартовка сторожевого корабля была очень трудной. Был сильный ветер, временами со свистом налетал снежный заряд, сильный снегопад, когда свет от осветительной ракеты не пробивал эту снежную массу. Матрос ловко спрыгнул с высокого борта сторожевого корабля на обледенелый пирс и принял конец каната для швартовки. В снежной пурге это напоминало сказку о русском богатыре. Все обошлось без происшествий. Мы вернулись на КП и к штольне для снятия диагностических данных. Вся информация была получена благодаря применению нами специальных систем долговременного хранения данных регистрации.

О том, как происходило расползание радиоактивного облака, вышедшего из штольни А-9 после взрыва 14 октября 1969 года, по склонам гор и акватории пролива Маточкин Шар, хорошо описано в воспоминаниях капитана теплохода «Буковина» Н.Е. Точилова. В его рассказе «Срочно в море!» я узнал многих из командования полигона... Фамилий называть не буду. Пусть на их совести останутся минуты «борьбы за живучесть» и судьбы людей, метавшихся на берегу.

С самого начала подземных испытаний принимались все меры к тому, чтобы на поверхность радиоактивные продукты практически не выходили. Технология удержания радиоактивных продуктов все время совершенствовалась, и, например, во время совместного эксперимента с США в 1988 году участники опыта и корреспонденты смогли побывать над эпицентром взрыва мощностью 150 килотонн через 45 минут.

Географическое положение и геологическое строение островов Новая Земля, в отличие от района Семипалатинского полигона, таковы, что обеспечивают полную безопасность населения регионов, ближайших к территории полигона, как от радиационного, так и сейсмического воздействия подземных ядерных взрывов с мощностью до 150 килотонн. Особенности геологической формации архипелага Новая Земля, учитывая его асейсмичность и отсутствие грунтовой воды, создают условия для полной локализации продуктов ядерного взрыва в недрах архипелага.

Удаленность испытательных площадок полигона от ближайших городов – Амдерма, Нарьян-Мар, Воркута, Мурманск и Архангельск – составляет соответственно 250, 400, 500, 900 и 1000 километров.

В последние годы обстановка вокруг деятельности ядерных полигонов резко обострилась. Перестроечные процессы в нашей стране привели к оздоровлению военно-политической обстановки в мире, определили приоритет общечеловеческих ценностей. Растет антиядерное движение мировой общественности.

Однако настойчивые требования в одностороннем порядке прекратить испытания привели к непредсказуемости и нестабильности обстановки с нашими ядерными испытаниями.

Много трескотни и шума (иных выражений я не подберу) было до и после нашего подземного ядерного взрыва, проведенного 24 октября 1990 года на Новой Земле в штольне А-13Н. Это был один из самых «чистых» взрывов. Не было даже минимального выхода радиоактивных веществ в атмосферу. Зато некоторые народные депутаты всех уровней очень постарались взорвать спокойствие населения нашей страны, особенно северян, и нажить себе определенный политический капитал. Через 5 дней после взрыва сложившаяся ситуация обсуждалась на заседании Верховного Совета СССР. Предполагалось, что разъяснения депутатам будут давать руководители многих ведомств и организаций. Но все «шишки» свалились на меня, поскольку первому представили слово. В то время я был заместителем министра атомной энергетики и промышленности СССР. Я доложил тогда все без утайки, намного выйдя из рамок секретности, господствовавших в то время. Перечитав стенограмму заседания, я убедился, что все аспекты подготовки, проведения и результатов взрыва не только представлены полно, но и имеют черты, характерные для всех испытаний на Новой Земле. Поэтому мне захотелось некоторые фрагменты выступления и ответов на вопросы привести полностью по стенограмме и тем самым познакомить читателей с фактическим состоянием дел на полигоне и ходом заседания Верховного Совета СССР. Вел заседание А.И. Лукьянов.

Председательствующий. Получено письмо от группы депутатов. Его подписали товарищи Выучейский, Емельяненко и Губин. Они пишут, что 24 октября на полигоне Новая Земля произведен очередной подземный ядерный взрыв: «Доводим до Вашего сведения, что это испытание осуществлено в нарушение ранее достигнутой договоренности и данных членами правительства товарищами Белоусовым, Рябевым, Израэлем, Коноваловым, Золотухиным и др. гарантий о заблаговременном оповещении об этом народных депутатов и органов власти на принадлежащей полигону территории». Депутаты просят заслушать на заседании Верховного Совета объяснения всех должностных лиц, ответственных за принятие и исполнение подобных решений.

Кроме того, я получил письмо, подписанное еще большим числом депутатов, адресованное также и в Совет Министров, по этому вопросу. В перерыве депута-

ты Косыгин, Айпин, Емельяненко, Губин, Выучейский, Яблоков, Десятов, Казанник, Осипов, Валентинов, Нейланд и др. представили свой проект Постановления по данному вопросу. К сожалению, удалось размножить только пять экземпляров.

Может быть, мы заслушаем пояснения представителей, прежде всего, Министерства атомной энергетики и промышленности СССР, которое проводило испытание. Если будет необходимо, то объяснения дадут представители Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Нет возражений? Тогда слово предоставляется товарищу Михайлову.

Михайлов В.Н., заместитель министра атомной энергетики и промышленности СССР.

Уважаемый председатель, уважаемые депутаты! Как вам известно, 24 октября в 18 часов на полигоне в районе Новой Земли произведен ядерный взрыв. В соответствии с постановлением правительства это испытание было подготовлено еще в конце прошлого года. Но, учитывая очень сложную обстановку, которая сложилась вокруг ядерных полигонов у нас в стране, было решено в начале года не проводить это испытание, так же как и на Семипалатинском полигоне. Наши полигоны молчали целый год. Скажу откровенно, мы ждали реакцию американской стороны. Вы ее прекрасно знаете. 12 октября они провели свой седьмой, очень мощный ядерный взрыв в пределах 100 килотонн.

В этих условиях, учитывая, что штольня (а испытание проводилось в штольне – это горизонтальная выработка длиной около 2 километров, глубина заложения ядерного устройства составляла порядка 600 метров горной выработки) находилась в условиях консервации около года, у специалистов были большие беспокойства за состояние диагностической аппаратуры, расположенной внутри штольни, за состояние ядерного устройства. Срок гарантии диагностической аппаратуры и самого устройства у нас был около года, это было проверено, в чем все мы были убеждены. Поэтому до самого последнего момента, по существу, мы сомневались. Могло быть неприятное и непредвиденное развитие самого ядерного взрыва.

В соответствии с нашим обращением Государственная комиссия Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам разрешила нам проведение ядерного испытания после 10 октября, учитывая погодные условия. Государственная комиссия, работавшая на полигоне, на заключительном этапе в первую очередь рассматривает метеобстановку, которую также консультирует и контролирует в Москве Госкомгидромет СССР, привлекая к этому большое число специалистов. Они, в свою очередь, рассматривают соответствующие синоптические карты. Определенные метеоусловия нужны для того, чтобы при возможном (я подчеркиваю – при возможном) выходе радиоактивности весь радиоактивный газ остался на территории полигона.

Мы работаем сегодня именно в таких условиях, соблюдая не только Московский договор 1963 года на территории нашей страны, но и требование не выпустить никакую радиоактивность за пределы испытательного полигона, в том числе и на Новую Землю. Конечно, такую синоптическую ситуацию подобрать очень сложно. Скажем, в октябре подобная ситуация могла сложиться, исходя из многолетних наблюдений, только один раз. Ноябрь для Новой Земли практически уже исключает такую ситуацию, кроме того, там наступает полярная ночь. Вы прекрасно понимаете, что при данных условиях работать невозможно,

так как за радиационной обстановкой при каждом взрыве обязательно ведется наблюдение наземными службами, вертолеты и самолеты «бороздят» воздушное пространство вокруг полигона для определения возможных выходов. Забегая вперед, скажу, что в данном случае были два специально оборудованных самолета Ан-24 для контроля радиационной обстановки – службы спецконтроля Министерства обороны СССР и Госкомгидромета СССР.

Мы ожидали, что реальная погодная обстановка может сложиться между 23 и 26 октября. Надо сказать, что ситуация со взрывом была не совсем обычной. По своему опыту могу сказать (а я уже 20 лет участвую в проведении там испытаний, бывая на полигоне по два-три месяца каждый год), что «сработать» в идеальную и нужную ситуацию всегда очень сложно. В данном случае, учитывая настроения, существующие во всем мире, конечно, нам хотелось уложиться и иметь идеальную погодную ситуацию. Она еще не была ясна на 23 октября, когда мы дали отбой на полигон, считая, что ситуация может сложиться только к 26 октября.

Тем не менее, 24 октября, около 11 часов утра, мы снова собрались (в том числе присутствовал и я) в Госкомгидромете и стали очень внимательно следить за тем, как складывается синоптическая обстановка. И только в 14 часов 30 минут мы пришли к выводу, что обстановка на вечер этого дня складывается идеальная. И разрешение комиссии на проведение эксперимента было послано и на Новой Земле получено в 15 часов 30 минут. Ядерный взрыв разрешалось провести 24 октября с 15 до 18 часов.

Конечно, мы понимали, что времени очень мало, на заключительные операции требуется порядка шести часов, что в этих ситуациях придется работать в очень сложных условиях, чтобы обеспечить качественную подготовку этой работы. Работа была закончена в 18 часов без одной минуты. Докладываю, что выхода радиоактивных продуктов как с эпицентра взрыва, так и с приустьевой площадки не произошло. Газ полностью, включая т.н. инертные газы, был заблокирован комплексом забивочных работ, проведенным до этого. Обстановка на полигоне сразу же после взрыва была нормальной. Непосредственно в городке, который примыкает к этому месту и находится примерно в километре, радиационный фон составляет от 6 до 10 микрорентген в час. Могу вам доложить, что и сегодня обстановка абсолютно нормальная. Все принятые меры привели к тому, что выход радиоактивных продуктов в этом эксперименте не произошел.

Видимо, вас интересует вопрос о сейсмической обстановке на этом полигоне. Здесь сравнительно мягкие грунты. Это не скальные породы Казахстана. Порода напоминает «тушу» Невадского испытательного полигона. Поэтому в поселке, расположенном за 250 километров от места взрыва, где живут испытатели и те, кто готовит эти штольни, никакого сейсмического эффекта не было. Я уже не говорю обо всем прилегающем побережье. Только приборы, расположенные в районе Баренцева и Карского морей, могли зарегистрировать этот взрыв.

Мощность взрыва в сообщении ТАСС дана от 20 до 150 килотонн. Так у нас сегодня принято. Американцы также не сообщают точную цифру мощности взрыва. Подрыв зарядов произошел по заданной программе. Комплекс диагностической аппаратуры сработал нормально. Ожидаемые результаты получены полностью и сегодня обрабатываются группой специалистов Министерства атомной энергетики и промышленности и Министерства обороны непосредственно на полигоне. Это единственное испытание, которое провела наша стра-

на в этом году. И я могу сказать, что оно и останется единственным, так как в ближайшее время мы не готовим таких испытаний.

После этого посыпались вопросы. Некоторые каверзные, с подтекстом и даже угрозами. Приведу часть из них и мои ответы.

Исмаилов Т.К., генеральный директор – главный конструктор научно-производственного объединения космических исследований Главкосмоса СССР, г. Баку, член Верховного Совета СССР:

– У меня два вопроса – один к Вам и один к президиуму. Знакомы ли Вы с выступлением председателя Госкомприроды товарища Воронцова на сессии Верховного Совета РСФСР? И второе: Анатолий Иванович, а почему товарищ Воронцова и Израэля нет в зале? Ведь это очень важный вопрос.

Председательствующий: Давайте вызовем. Это я виноват, мы утром договаривались вызвать «исполнителя» и представителя генштаба. Давайте вызовем товарищев сейчас.

Исмаилов Т.К.: Почему я об этом говорю? Выступление товарища Воронцова на сессии Верховного Совета РСФСР было очень серьезным, с определенным обвинительным уклоном. Он даже говорил, что Госкомприроды СССР не был информирован и т. д. Если это ведомство союзное, то, я думаю, следовало бы послушать его представителя именно здесь.

Михайлов В.Н.: Я знаком с этим выступлением и, откровенно говоря, им возмущен: можно было узнать, как и кто дал разрешение на взрыв, а не говорить с высокой трибуны о том, что кто-то кого-то подводит. Выскажу свою точку зрения: даже если бы не было этого взрыва, то, может быть, его следовало провести для престижа страны. Американцы провели семь взрывов, французы – четыре, китайцы – два, причем один из них мощностью около 500 килотонн, а мы год молчали. В этих условиях могу сказать: простаивают коллективы, стоят научные программы, мы начинаем отставать. Вот решение первого Съезда народных депутатов (я его взял с собой), где четко сказано: оборона страны – это очень важное дело.

Я руковожу коллективом, в котором трудятся более 100 тыс. человек. Эти люди работают, думают, но сегодня, я уже говорил, этот коллектив «расшатывают». Мы чувствуем, что начинаем отставать. И очень важно, чтобы Верховный Совет ясно высказал свою точку зрения. Собственно, точка зрения уже доведена до нас в послании Верховного Совета от 12 октября – только всеобщее запрещение ядерных испытаний. И ни о каких односторонних шагах речи нет.

Арутюнян Л.А., заведующая кафедрой Ереванского государственного университета, член Верховного Совета СССР:

– Не кажется ли Вам неэтичным по отношению к Верховному Совету такая долгая «лапша» про метеоусловия? Думаю, Верховный Совет сегодня ждет от Вас этической постановки вопроса.

Второе. Количественные сопоставления, по-моему, уже никого не успокаивают, потому что такого экономического и морального состояния, в каком пребывает наша страна, нет, кажется, нигде в развитых странах мира. Америка может позволить себе и семь испытаний ядерного оружия. Но мы-то как позволяем себе пускать эти миллиарды на ветер, объясняя это только тем, что разваливаются, мол, коллективы? Это же не оправдание того, что тратится такое количество денег?

И последнее. Хочу спросить Вас как специалиста. Скажите, что значит – со-

вершенствовать ядерное оружие? Неужели недостаточно оружия, которое существует, для решения соответствующих задач?

Михайлов В.Н.: Могу Вам ответить одним словом: недостаточно. Техника совершенствуется. В том числе есть такие большие вопросы, как безопасность ядерного оружия. На каждом этапе создания ядерного оружия они ставились по-разному. Сегодня предусматриваются такие условия, чтобы при любой катастрофе с ядерным оружием – в поезде, в самолете, где-то на позиции – никакого выхода радиоактивности и загрязнения поверхности не произошло. Это сложные и трудные вопросы, они решаются именно разработкой соответствующей конструкции боезапаса. Это один из элементов. И Соединенные Штаты Америки решают те же самые вопросы, и они переоснащаются. Это просто требование времени, мы всегда держали руку на пульсе безопасности.

Теперь по поводу погоды – для меня это больное место. 20 лет каждый день с трепетом ждал этих циклонов, потому что от погоды при возможном выбросе зависит безопасность людей. Мы, испытатели, я вам скажу откровенно, может быть, в большей степени, чем вы, переживаем за безопасность. Прекрасно понимаем, на что идем сами и чему не должно подвергаться население. И сегодня мне было приятно сообщить, что нет выхода никаких радиоактивных газов – ни неблагородных, ни инертных, абсолютно никаких. Работа проведена очень аккуратно. Я бы сказал, мы вложили в нее весь свой ум и талант, хотя сделать ее было очень сложно.

По поводу коллективов. Могу сказать, что страна создавала такой принцип, а не я. Я менее двух лет заместитель министра, до этого был директором очень крупного предприятия. Кстати говоря, похвастаюсь, был избран единогласно, народом избран. Атомная отрасль – уникальная, она – национальная гордость, поэтому я болею за то, чтобы отрасль не развалилась. Пока в мире есть оружие, пока проводятся ядерные испытания, я беспокоюсь именно за то направление, которым сейчас ружоу.

Председательствующий: Должен сообщить, что товарищ Воронцов находится сейчас в командировке в Финляндии, а товарищ Израэль – в Швейцарии. Я вызвал их заместителей.

Пожалуйста, депутат Нейланд.

Нейланд Н.В., заместитель Министра иностранных дел Латвийской ССР, член Верховного Совета СССР:

– Уважаемый профессор! Ваше, прямо скажем, «страшное» выступление в защиту Вашей профессии напомнило мне Вашего коллегу в Америке – профессора Теллера. Не знаю, комплимент ли это Вам? Он тоже всю жизнь жил верой в ядерное и водородное оружие.

Но я не хочу сейчас дискутировать. У меня такой вопрос. Вы сказали, что настал срок, когда надо было проводить это испытание. Второй аргумент – американцы провели испытание 12 октября. Что же было решающим? Был ли взрыв неизбежен? Представим, что американцы не провели бы испытание 12 октября. Вы бы тоже не проводили это испытание?

Михайлов В.Н.: Нет, провели бы.

Нейланд Н.В.: Значит, ссылка на американское испытание в данном случае просто «довесок»?

Председательствующий: Товарищи, так нельзя. Давайте будем, так сказать, игру вести по правилам.

Нейланд Н.В.: Я просто спросил, было ли это аргументом, который сыграл решающую роль.

Председательствующий: Он же сказал, что они провели семь взрывов.

Рябченко С.М.: В выступлении прозвучал такой мотив, что состояние шахты и погодные условия вызвали угрозу распространения радиации. Вы ждали изменения погоды. Хочется, чтобы Вы еще раз подтвердили, что взрыв действительно проводился «на авось», что радиация могла выйти и что Вы действительно ждали погодных условий, чтобы этот выход принес минимальные потери. На какой допустимый выход радиации Вы рассчитывали, в чем видели гарантии того, что действительно «повезет»? Или в действительности все обстояло так ужасно, как Вы сказали: «Слава богу, все обошлось»? Это неприятно прозвучало.

Михайлов В.Н.: Вы не совсем точно поняли меня – прогноз существует. Состояние забивочного комплекса и горного массива не вызывало сомнений. Нас беспокоила диагностическая аппаратура, поведение самого устройства, пролежавшего год в штольне.

Однако давайте покинем зал заседаний Верховного Совета СССР и поговорим о дальнейшей судьбе ядерного оружия.

Сейчас много спорят о том, что ядерное оружие можно создавать без испытаний. Так ли это?

Какое-то примитивное устройство, конечно, можно. Но сработает оно или нет – тут шансы пятьдесят на пятьдесят... Я уж не говорю о том, что вы никогда не сделаете заряд большой мощности. И естественно, в этом случае, о какой точности поражения цели может идти речь, да и доставить его до цели практически невозможно. Плюс к этому оно «рассыпется» при любом «антивоздействии» – имеется в виду противоракетная оборона. Ну и габариты и вес будут, конечно, «ужасные»... Первые образцы ядерного оружия, созданные в Арзамасе и Челябинске, были в десять раз менее мощные и в десятки раз более тяжелые, чем современные. Это свидетельствует о развитии автоматики, электроники, о более совершенных боевых блоках.

Сам ядерный заряд представляет собой сложное, я бы сказал, уникальное техническое устройство, комплексно объединяющее современные электронные устройства и генераторы, ядерно-активные материалы и обычные взрывчатые вещества. Работа этих устройств синхронизирована до стомиллионных долей секунды по времени в автоматическом режиме по командам управления. Естественно, срок службы таких устройств ограничен по времени, как и любой другой сложнейшей электронной аппаратуры.

При конструировании ядерного оружия приходится иметь дело с их реальной трехмерной геометрией. На сегодня возможности быстродействия наших новейших суперкомпьютеров не позволяют в достаточной степени точно описать все процессы развития гидродинамических и нейтронных процессов.

При ядерном взрыве приходится иметь дело с веществом при температурах порядка сотни миллионов градусов и давлениях в сотни миллионов атмосфер, с переносом внутри вещества тепла и нейтронов в сверхбыстроменяющейся геометрии за время порядка одной миллиардной доли секунды на фоне цепной реакции деления с переменной скоростью.

Возможности перехода от расчета двухмерной модели к расчету трехмерной у нас сегодня в десятки раз меньше, чем в национальных ядерных лаборатори-

ях США. Однако и трехмерные модели в достаточной мере не описывают все чувствительные моменты кинетики детонации обычных взрывчатых веществ, цепной реакции детонации обычных взрывчатых веществ и цепной реакции деления и синтеза ядер.

Значительно меньшие финансовые возможности, а также существенное отставание нашей лабораторной и вычислительной баз – все это удавалось компенсировать изобретательностью наших ученых и конструкторов, а главное, примерно равным с американцами количеством ядерных испытаний – единственного способа получения экспериментальной информации о физических процессах, происходящих в экстремальных условиях ядерного взрыва.

Наши испытания, практически одновременные с американскими взрывами, имели исключительно важное значение для обеспечения национальной безопасности Советского Союза и глобальной стабильности в мире. Они полностью разрушили монополию американцев на обладание ядерным оружием.

Создание атомного и водородного оружия знаменовало собой новый этап в истории человечества, выдвинув ряд жизненно важных философских и мировоззренческих проблем, не стоявших перед обществом ранее, подняв уровень ответственности политиков за глобальное существование самой жизни на нашей планете.

Опубликованные документы свидетельствуют: атомные удары по СССР планировались реально. Мы, атомщики, убеждены, что сохранить полвека мир на планете помогло ядерное оружие, созданное у нас. Каждый раз, когда в США появлялся новый тип оружия, мы отвечали адекватно, что сразу же делало ядерное нападение бессмысленным – возмездие становилось неотвратимым. Ядерное оружие – это оружие сдерживания, именно так мы к нему и относились. А потому его создание, на наш взгляд, одна из героических, хотя и трагических, страниц нашей истории.

В период моей работы в Арзамасе-16 наша группа была очень «плодовита». Около десятка типов зарядов до сих пор стоят на вооружении, а некоторые идеи продолжают успешно развиваться. И многие люди выросли. К примеру, Р.И. Илькаев, который сегодня является первым заместителем научного руководителя. Он начинал рядовым инженером в моем отделе. Его аналитическая статья «Оборонные ядерные программы в современных условиях» представлена в главе 3 «Ядерного архипелага».

Сегодня для нас приоритетным направлением стало повышение безопасности, надежности и эффективности ядерного оружия. Для этого у нас есть хорошая научная и производственная база. Так как осуществляется программа сокращения ядерных вооружений, мы занимаемся и утилизацией боеприпасов.

28 января 1992 года указом Президента России образовано Министерство Российской Федерации по атомной энергии. Я был назначен его руководителем. Каковы наши задачи? Мы обязаны регулировать деятельность предприятий и организаций ядерного комплекса, активно проводить конверсионные работы. Развивать атомную Энергетику и осуществлять программу в области ядерного оружия, учитывая, конечно, сокращение ядерного арсенала России. Это большая программа работ. Не менее важно обеспечение ядерной и радиационной безопасности нашего комплекса, нейтронизация радиоактивных отходов и экологическое возрождение территорий.

У нас по-прежнему есть секреты, существуют весьма закрытые работы и даже направления, но, тем не менее, бессмысленно скрывать очень многое. Бо-

лее того, секретность мешала развитию наших производств, сдерживала их выход на рынок, внедрение достижений самой современной науки и техники. Поэтому сейчас Минатом России широко открыт для сотрудничества как со странами Содружества, так и для широкого международного.

Создание за 50 лет мощнейшей промышленной базы с огромным научным потенциалом и высочайшим профессионализмом людей сделало Министерство флагманом советской и российской индустрии и стало основой военной, энергетической и технологической безопасности России.

Меня тронули слова ветеранов Минатома, с которыми они обратились к коллегам в связи с 50-летием отрасли, отмеченным в августе 1995 года: «Сегодня мы, ветераны отрасли, со спокойной совестью говорим, что благодаря нашему труду, вдохновению и подвигу не разразилась новая страшная война, что все мы живы и радуемся миру».

Когда-то, отыскивая рецепты мира, говорили: «Si vis pacem, para bellum» – «Хочешь мира – готовься к войне». Другим древним советом человечество столетиями пренебрегало: «Si vis pacem, para concordiam» – «Хочешь мира – готовься к согласию».

Вторая половина XX века создала условия, когда актуальной стала достойная людей мысль: готовиться можно и нужно к миру.

Именно мирное статус-кво наиболее уместно и оправдано для сообщества людей, в котором среди политических бурь и цивилизационных кризисов существуют особые – ядерные – гарантии согласия, мирного настоящего и будущего.

Возможно кого-то из читателей, особенно молодых, я утомил пространным предисловием к книге «Ядерный архипелаг». Это очерки и новеллы ветеранов-новоземельцев разбередили душу. Нахлынули собственные воспоминания, а возраст, жизненный опыт, путь, пройденный по научной стезе, и кругозор, приобретенный на постах руководителя различных коллективов, позволили пофилософствовать и кое-что обобщить.

Воспоминания – это крупницы истории. Наша задача – собрать их и передать последующим поколениям. Я думаю, что у многих ученых-ядерщиков, конструкторов, моряков-североморцев, летчиков, шахтеров, военных строителей, всех, кто причастен к созданию ядерного щита нашей Родины, после прочтения книги появится желание рассказать о своих наиболее интересных и запомнившихся эпизодах, связанных с Новоземельским полигоном.

□ 4.2. ИСТОРИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ ФЛОТА

*Шитиков Е.А.
Вице-адмирал.*

Краткая аннотация очерков и воспоминаний о создании полигона и испытаниях на Новой Земле

Отдел при Главкомандующем ВМФ

Для создания отечественного ядерного флота требовалось решить многие сложные научные, технические и организационные проблемы. Очерк посвящен

организационно-техническим мероприятиям, проводившимся в Военно-Морском флоте в 1949–1954 годах по поиску путей реализации в военно-морских вооружениях и в корабельной энергетике достижений ядерной физики.

Испытание первой атомной бомбы в СССР состоялось 29 августа 1949 года. Уже через десять дней, 8 сентября, министр Вооруженных Сил маршал Советского Союза А.М. Василевский приказал флоту заняться освоением нового оружия. Для этого предписывалось сформировать специальный отдел при Главнокомандующем ВМФ. (В отдельные периоды Военно-Морской флот (ВМФ) именовался Военно-Морскими Силами (ВМС).) Отделу присвоили номер 6 и он подчинялся непосредственно Главкому, а с образованием Военно-Морского министерства – с 22 февраля 1950 года по 15 марта 1953 года – военноморскому министру. Отдел в прямом смысле был при министре, занимая 4 комнаты и кабинет одного из его заместителей. Тем самым подчеркивалась важность отдела, деятельность которого регламентировалась особым режимом секретности.

Отдел создали для обеспечения разработки атомного оружия флоту, способов его применения в боевых действиях на море, а также защиты объектов флота от атомного оружия противника. В процессе его деятельности личному составу отдела пришлось заниматься и другими вопросами. При образовании отдел имел в своем составе двадцать офицеров и четырех служащих. Начальником назначили капитана 1 ранга П.Ф. Фомина, ранее работавшего заместителем начальника Научно-технического комитета ВМФ.

Первоначально подбором кадров занимался капитан 1 ранга М.А. Моряхин, а с января 1951 года – майор А.В. Казаков. По мере расширения задач, структура и штатная численность отдела менялись. Через четыре года, к моменту реформирования отдела в управление, его численность увеличилась в три раза.

Создание полигона на Новой Земле

Требовалось провести собственные испытания кораблей на воздействие подводного атомного взрыва. Послевоенная кораблестроительная программа была принята в СССР в 1945 году и еще не учитывала возможность использования ядерного оружия в борьбе на море. Новую программу уже нельзя было принимать без учета ядерного оружия. Вопрос приобрел еще большую актуальность в связи с разработкой торпеды с ядерным зарядом. Ее тоже надо было испытывать. Действовавший Семипалатинский полигон для этих целей не годился. Стали искать место для морского полигона.

* * *

Когда доложили соображения о проведении атомного испытания в районе Кольского полуострова Главнокомандующему ВМФ Н.Г. Кузнецову, ему это предложение не понравилось. Он сказал, что одним испытанием не обойдемся и Кольскую землю надо беречь. При этом он высказал мысль, что флоту нужно иметь свой полигон для испытаний морского ядерного оружия. Вскоре представили соответствующее предложение в Совет Министров СССР. В.А. Малышев в то время был одновременно министром среднего машиностроения и заместителем председателя Совмина СССР. Он возражал против испытаний на Кольском полуострове и поддерживал проведение их на Новой Земле. Вскоре им была назначена государственная комиссия по выбору места для полигона.

Впоследствии адмирал флота Н.Д. Сергеев вспоминал: «Прибыли на Новую Землю. Чтобы досконально изучить острова, нам пришлось передвигаться то на собачьих, то на оленьих упряжках. Естественно большую помощь мы получили от председателя Новоземельского поселкового совета И.К. Тыко-Вылко. С его помощью прорабатывался и вопрос об отселении малочисленного местного населения (до десятка семей), проживавшего на берегу предлагаемых мест испытаний. После проведения гидрологических измерений комиссия установила, что губа Черная является в своем роде уникальным местом для таких испытаний, ибо водообмен между ней и Баренцевым морем был весьма небольшим, и расчетный выход радиоактивности ожидался крайне незначительным...»

Бухта Черная была закрытой, с высоким скалистым восточным берегом и менее высоким западным. Ее форма напоминала бутылку. Ширина бухты в горле около 1,5 километра, длина наибольшая порядка 20 километров, ширина 7 километров. Площадь бухты около 70 квадратных километров. Немаловажное значение с точки зрения выноса радиоактивности в море имел небольшой перепад уровней воды в губе во время приливов и отливов – до 1 метра, в то время как на материковом побережье перепад мог достигать 7 метров. Единственным недостатком являлась относительно малая глубина акватории. В среднем она составляла 35 метров, а в самом глубоком месте – 70 метров. Для подводных взрывов желательно было иметь большую глубину. Фактически взрывы произошли в районах, имевших глубину 55-60 метров.

Государственная комиссия рекомендовала базу полигона разместить в становище Белушья, аэродром – в Рогачеве, а в качестве боевого поля использовать губу Черную. Эти предложения и были представлены в правительство, которое их одобрило, и 31 июля 1954 года вышло постановление Совета Министров СССР о создании полигона на Новой Земле. Вновь организуемое строительство получило название «Спецстрой-700».

В течение года объект 700 подчинялся командующему Беломорской флотилии. Затем приказом главкома ВМФ № 00451 от 12 августа 1955 года этот объект выведен из подчинения флотилии и «во всех отношениях» подчинен Начальнику 6 Управления ВМФ.

Собственно полигон стал формироваться 17 сентября 1954 года в соответствии с директивой Главного штаба ВМФ, которой была объявлена оргштатная структура нового соединения. Эта дата и считается днем рождения полигона, ежегодным праздником части. Управление полигона в основном укомплектовали к 10 октября, менее чем за месяц. Некоторое время начальник гарнизона Е.Н. Барковский совмещал обязанности начальника спецстроя и полигона. По строительным делам его первым помощником был полковник Д.И. Френкель.

Проектная документация могла задержать строительство, поэтому пользовались типовыми проектами с доработкой их на месте с учетом назначения объекта и местных условий. Основной тип постройки – деревянная щитовая казарма и такие же домики. Но некоторые сооружения строили каменными. К таким объектам относились здание для окончательной сборки ядерного заряда (ДАФ), командный пункт и др.

Строительство сооружений в тундре, в условиях вечной мерзлоты, имеет свои особенности. Если поставить отапливаемое сооружение на обычные фундаменты, то под ним произойдет растепление грунта и сооружение «поплывет». Поэтому на Новой Земле искали выходы скалы на поверхность или на неболь-

шую глубину, чтобы строить здание на твердом основании. Застройка велась площадками, каждая из которых имела свое назначение. Такая планировка требовала постройки дорог, что в условиях тундры дело совсем непростое.

Генерал-лейтенант Е.Н. Барковский вспоминает о том горячем времени: «Сроки, поставленные нам правительством на подготовку к подводному ядерному испытанию, были крайне сжаты – год. А все приходилось начинать с нуля, учитывая к тому же, что зимой из-за суровых климатических условий строительные работы на Новой Земле практически невозможны». А все-таки работы велись. И для того чтобы выжить в зиму, и для создания полигона. Солдаты-строители просили в первую очередь построить баню и организовать по воскресеньям показ кино. На Севере баня с парной – всегда праздник. Так было даже после того, как построили плавательный бассейн.

Пик строительных работ пришелся на лето 1955 года. Лето на Новой Земле начинается поздно, в июне еще лежит снег. До сих пор приходится удивляться объему работ, выполненных в то лето.

В правительственных документах точное название полигона упоминается в постановлении «Об обеспечении проведения испытаний изделия Т-5 на Морском научно-испытательном полигоне МО», которое вышло 18 апреля 1955 года. Одновременно было принято решение по местным жителям. Министерство торговли СССР и Исполком Архангельского областного совета депутатов трудящихся обязывались «закрывать к 15 июля 1955 года на острове Новая Земля фактории Белушья, Литке, Красино и промысловые участки Абросимово, Лилье, Поморка, Вальково, Пропащая и Круглое, а население переселить в поселок Лагерное в проливе Маточкин Шар». Министерству обороны надлежало «построить в поселке Лагерное к 1 июля 1955 года здания общей площадью 3350 квадратных метров и отремонтировать существующие здания». Переселяющимся выплачивали единовременное пособие. При этом охотникам-промысловикам разрешали производить, в свободное от проведения испытаний время, охоту на промысловых участках в зоне полигона, отведенной постановлением Совета Министров СССР от 31 июля 1954 года № 1559-699.

В период своего становления полигон имел три зоны: «А» – губа Черная, «Б» – губа Белушья, «В» – Рогачево. Тогда еще не чувствовали перспективы полигона, считали, что на север он расширяться не будет. Как позже выяснилось, решение о переселении промысловиков в Лагерное оказалось недалеким.

Если фактории представляли собой один или несколько отдельно стоящих домов, то в Лагерном были улицы, стояли электростолбы с лампами, освещавшими поселок. Дома стандартные, невысокие, но широкие, приземистые. Имелась промышленная контора зверторга, школа, больница. Охотники и рыбаки без восторга переселялись в одно, хотя и более благоустроенное место – труднее промыслить.

К концу августа 1955 года были построены основные сооружения первой очереди полигона.

В зоне «А» (г. Черная) – командный пункт, штаб, столовая, поселок для испытателей, 19 береговых приборных пунктов и стендов, 2 ретрансляционных пункта автоматики управления, гидротехнические, инженерные и опытовые сооружения противодесантной обороны.

В зоне «Б» (г. Белушья) строители сдали в эксплуатацию радиохимическую, физико-техническую, медико-биологическую, кинофототехническую лабора-

тории; специальное сооружение для сборки заряда; служебные, складские, жилые, бытовые помещения.

В зоне «В» (Рогачево) введен в строй аэродром с металлической полосой для базирования полка истребительной реактивной авиации, смешанной эскадрильи специального назначения (для киносъемки, забора проб воздуха, слежения за радиоактивным облаком и т.д.) и эскадрильи транспортной авиации. Во время испытаний на аэродроме базировались также вертолеты. Для гидросамолетов был старый гидроспуск в Белушьей и новый подопытный в Черной. Если в войну гидросамолеты вели разведку, то при атомном испытании они выступали в качестве мишеней. Всей авиацией на первом испытании командовал генерал-лейтенант П.Н. Лемешко.

На подготовку объекта на Новой Земле к испытаниям было израсходовано 135 млн. рублей, из них на строительство – 72,9, на измерительную аппаратуру – 31,2, на переоборудование кораблей-мишеней – 25,7 и на переоборудование самолетов – 5,2.

Барковский руководил всеми военными служащими и вольнонаемными на Новой Земле до прибытия первого начальника полигона известного подводника-североморца капитана 1 ранга В.Г. Старикова, который прославился прорывами на подлодке-малютке М-171 в базы противника и расстрелом в упор его транспортов.

Когда прибыл на полигон руководитель испытаний адмирал С.Г. Горшков, то по вопросам безопасности испытаний он заслушал не начальника полигона, как всегда было принято на испытательных полигонах Министерства обороны, а москвичей П.Ф. Фомина и В.П. Ахапкина, начальника отдела 6-го Управления, а в последующем начальника опытно-научной части полигона. Вскоре Горшков принял решение о снятии Старикова с должности начальника полигона, оставив его временно заместителем командира этой части. На Новой Земле он не задержался. В дальнейшей его служба шла нормально, и он уволился с флота вице-адмиралом.

Окончательное постановление Совета Министров СССР о проведении первого испытания на Новой Земле было принято 25 августа 1955 года. Задача личного состава полигона состояла в регистрации параметров ядерного взрыва и фиксации поведения военно-морской техники во время взрыва. Обслуживание измерительной аппаратуры велось прикомандированными специалистами и сотрудниками полигона.

Для определения поведения опытных кораблей во время взрыва на них устанавливалась аппаратура: фотоаппараты АФА и скоростной съемки АКС-1, осциллографы ПОБ-14 и МПО-2, тензометрические станции, тензодатчики, электродинамические прогибомеры, механические царапающие измерители прогибов – для определения величины деформаций и напряжений в конструкциях корпуса; аппаратура для записи величины ускорений на механизмах.

Вопрос об испытаниях сверхмощных зарядов решался в ЦК КПСС и Совете Министров СССР. Совместным постановлением от 17 марта 1956 года № 357-228 предлагалось в том же году испытать на Новой Земле термоядерный заряд большой мощности – рекордной для того времени – 25 мегатонн. До этого 5 марта вышло постановление о формировании Северной экспедиции № 7 с задачей оборудования четырех опытных полей: трех на восточном берегу губы Черной и одного на берегу губы Митюшихи, что на северном острове.

На боевом поле в районе Митюшихи установили аппаратуру для изучения процесса ядерной реакции (30 приборов), измерения параметров ударной волны (120 приборов СД-725), оптических наблюдений (168 аппаратов и приборов), индикаторы измерения проникающей радиации (164 единицы). Кроме того, установили 180 приборов радиоавтоматики. Место испытаний стали именовать боевым полем Д-2.

Командный пункт оборудовали на полуострове Панькова Земля на расстоянии 90 километров от центра боевого поля (пункт Д-8).

Другой пример значимости Управления в работе полигона. Академик Н.Н. Семенов пожаловался министру обороны и министру среднего машиностроения на затяжку с проведением модельных опытов на Ладого, предварявшими натурные испытания на Новоземельском полигоне. По этому письму начальник Главка Минсредмаша и председатель Госкомиссии доложил заместителю председателя Совета Министров СССР и министру среднего машиностроения А.П. Завенягину: «...решение всех научно-технических вопросов по подготовке к испытаниям... фактически осуществляет 6 Управление ВМФ», хотя по постановлению правительства эта работа была возложена на Академию наук СССР.

При испытании мощного изделия планировали расставить и корабли-мишени с таким расчетом, чтобы получить разные степени их поражения. На расстоянии порядка 13 километров (радиус полного выхода из строя) – эсминец «Разъяренный» и подлодка С-19. На дистанции 15 километров (разрушение надстроек) – эсминец «Грозный» и лодка С-16. На удалении 20 километров (повреждение надстроек) – лидер «Баку» и тральщик Т-219. На дистанции 50-55 километров – два деревянных тральщика (возможное возгорание корпусов). Научным руководителем сектора испытаний кораблей-мишеней предлагался академик Ю.А. Шиманский.

Первого мощного взрыва побаивались, так как расчеты показывали ожидаемые избыточные давления: Белушья – 0,04 килограмма на сантиметр квадратный, Нарьян-Мар – 0,01 килограмма на сантиметр квадратный, Мурманск – 0,008 килограмма на сантиметр квадратный, Архангельск – 0,007 килограмма на сантиметр квадратный. Более того, в северной части Скандинавии ожидалось давление 0,0062-0,0072 килограмма на сантиметр квадратный. По ранее проведенным опытам при 0,005 – 0,008 килограмма на сантиметр квадратный возможны случаи разбития плохо закрепленных стекол. В связи с этим Академия наук и Министерство обороны рекомендовали Министерству среднего машиностроения уменьшить тротилловый эквивалент изделия почти в два раза.

На Научно-техническом совете, на котором председательствовал академик Н.Н. Семенов, доклад делал академик С.А. Христианович. В обсуждении условий проведения этих испытаний участвовали В.А. Болятко, Б.А. Олисов, М.А. Садовский, О.И. Лейпунский, Ю.С. Яковлев и другие специалисты по поражающему воздействию ядерного взрыва. Речь шла о мероприятиях по безопасности.

Сверхнапряжение полигона летом 1956 года оказалось напрасным. По просьбе Минсредмаша Президиум ЦК КПСС 31 августа 1956 года принял решение отложить проведение испытаний специзделия, не снимая вопроса целесообразности такого испытания (ориентировочно в 1957 году). Планировавшееся отселение жителей из поселка Лагерное, находящегося в 55 километров от боевого поля, было задержано.

Министры среднего машиностроения и обороны, а также главнокомандующий ВМФ доложили в августе 1957 года о том, что наметили в ближайшее время

провести испытания изделий мегатонного класса на боевом поле полуострова Сухой Нос (район губы Митюшихи). При положительном решении просили опубликовать в газетах «Известия», «Красная звезда» и «Советский Флот» сообщение о районе, опасном для плавания судов и полетов самолетов с 10 сентября по 15 октября 1957 года. Разрешение было дано. Газеты опубликовали текст 3 сентября. К этому времени жители Лагерного были уже переселены на материк.

В новой редакции опыта корабли-мишени отсутствовали, они испытывались в губе Черной.

24 сентября 1957 года состоялись испытания опытного изделия мощностью более мегатонны с воздушным ядерным взрывом на высоте 2 километра. Так начала действовать зона «Д» полигона. Боевое поле Д-2 стало единственным в стране местом проведения испытаний зарядов мегатонного класса. На Семипалатинском полигоне от них отказались. 6 октября произвели второй взрыв на поле Д-2 изделия повышенной мощности мегатонного класса. Этот отечественный рекорд мощности продержался четыре года.

1957 год отмечен еще одним важным событием – произведен наземный взрыв на башне мощностью несколько килотонн на восточном побережье губы Черной. Это единственный наземный взрыв на Новой Земле. Он «испортил» биографию полигона. И не только биографию. До сих пор в районе бывшей башни сохраняется уровень до одного миллирентгена в час. Этот район объявлен санитарно-запретной зоной.

После двух воздушных и одного наземного взрывов опытных зарядов постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 5 марта 1958 года Морскому научно-испытательному полигону присвоено новое наименование: Государственный центральный полигон № 6 МО, с соответствующим изменением штатов. В частности от Главсевморпути были приняты метеостанции в Малых Кармакулах и на мысе Столбовом.

В ноябре 1958 года министр среднего машиностроения Е.П. Славский обратился к главному ВМФ С.Г. Горшкову по поводу развития Новоземельского полигона, имея в виду, в том числе, перенести на него испытания зарядов малой мощности с Семипалатинского полигона. Кроме того, министр считал, что одного боевого поля в зоне «Д» для испытаний специзделий мощностью от 100 килотонн до 5 мегатонн мало, и просил обеспечить создание в 1959 году дополнительного боевого поля для изделий средней и большой мощности.

Военно-Морской флот рассмотрел предложения Минсредмаша. К этому времени уже было оборудовано четыре поля: в губе Митюшихе (Д-2) для испытаний изделий мощностью до 5 мегатонн, на берегу губы Черной (А-7) для воздушных испытаний изделий до 50 килотонн, в том же районе отдельное поле (А-6) для проведения наземных физических опытов до 50 килотонн и, наконец, опытная акватория губы Черной для подводных взрывов мощностью до 50 килотонн. Оснащать дополнительное боевое поле флот не стал и был дан ответ о возможностях полигона с существующими полями. В нем отмечалось, что при нормальной метеобстановке на Новой Земле можно провести порядка 85 испытаний в год, в том числе на поле Д-2 – около 35 опытов. Для зарядов очень большой мощности желательно было бы переместиться еще на север, подалее от материка. Однако рельеф местности севернее губы Крестовой резко менялся – более высокие горы с вечными ледниками. Поэтому предлагалось рассматривать только район губы Черной и дублирующее поле к северу от губы Митюши-

хи, на расстоянии 27 километров от основного поля Д-2.

После дополнительного обследования зоны «А» (район губы Черной), где уже было достаточно боевых полей, расширять ее отказались. Решение было правильным, так как уже в 1964 году вообще закрыли эту зону, а позднее в ней расформировали и подразделение ввиду бесперспективности этого района с учетом повышенных требований к радиационной безопасности испытаний.

В зоне «Д» пошли по другому пути – организовали боевое поле для ракетных стрельб, оборудовав полигон средствами засечки мест падения головных частей ракет. Новых полей для ядерных взрывов создавать не стали, и правильно сделали, так как позже перешли к подземным испытаниям.

Общеизвестен проведенный по инициативе Н.С. Хрущева 50-мегатонный взрыв 30 октября 1961 года. Положительная особенность рекордного заряда состояла в том, что на термоядерные реакции приходилось 97% его мощности, т.е. он отличался высокой «чистой» и соответственно минимумом осколков деления, дающих радиоактивное заражение. Этот взрыв являл собой демонстрацию силы и не имел никакой практической пользы для вооружения армии и флота. Полезная информация для физиков и конструкторов зарядов состояла в том, что найден способ практически неограниченного повышения мощности ядерных взрывных устройств.

Перед испытанием супербомбы Министерство среднего машиностроения и главное управление Министерства обороны пытались подыскать на северном побережье Сибири подходящее место для такого взрыва, но лучше, чем Новая Земля, не нашли.

Мы долгое время гордились самым мощным в мире взрывом, но для ГЦП-6 он был нежелателен и даже вреден, так как разрушил городок строителей и шахтеров в зоне Д-9 (Маточкин Шар), вывел из строя бронеказемат с аппаратурой на поле Д-2, разрушил поселок Лагерное и др.

На 1962 год полигону выделили 4,8 млн. рублей. Этих средств было недостаточно, в том числе и для восстановления разрушений в зоне Д-9 от сверхмощного взрыва. Главкомы ВМФ и РВСН адмирал С.Г. Горшков и маршал Советского Союза К.С. Москаленко обратились к министру обороны с просьбой увеличить ассигнования. Как писали военачальники, испытания в 1961 году на Новой Земле показали, что этот полигон является единственным местом, где можно испытывать ракетное, торпедное и авиационное вооружение с ядерными зарядами как сверхмощных, так и малых калибров. Главкомы просили выделить полигону на 1962 год 10 млн. рублей. Такая сумма запрашивалась из-за разрушений от сверхбомбы и начала работ по подготовке к подземным испытаниям, которые значительно дороже воздушных. Просьба была удовлетворена только частично.

Самыми «грязными» после наземных, были, конечно, подводные взрывы.

7 сентября 1957 году в районе г. Черной был произведен наземный атомный взрыв мощностью 32 тыс. тонн. Взрыв вызвал незначительное и кратковременное радиоактивное заражение района Карского моря в восточном направлении до полуострова Ямал... Направляется комиссия специалистов. Необходимо отметить, что восточное направление соответствовало выбранному сектору распространения возможных радиоактивных осадков в небольших количествах. С целью предотвращения радиоактивного загрязнения (за 2-3 дня до взрыва) предусматривались меры, исключаящие заход судов и кораблей в Карское море

через проливы и со стороны острова Диксон, о чем давалось принятое для кораблей оповещение. После проведения опыта специалистами (комиссионно) проводилось обследование южной части Карского моря (самолет, вертолет).

Первые изыскательские геологические работы на предмет возможности проведения подземных ядерных испытаний были проведены с 8 октября по 15 ноября 1959 года группой геологов под руководством А.В. Дернова.

В 1961 году полигон интенсивно готовился к подземным испытаниям. Одновременно успешно шла проходка пяти штолен.

Мощные взрывы грохотали в зоне «Д» в сентябре-ноябре 1961 года и в августе-декабре 1962 года. Это, конечно, сдерживало подготовку к подземным испытаниям и стало одной из причин того, что первый подземный взрыв на Новой Земле произвели только 18 сентября 1964 года, тогда как на Семипалатинском полигоне он состоялся в 1961 году, а американцы еще раньше начали испытания под землей.

Подземные испытания весьма трудоемки. Горняки должны пройти штольню, монтажники – смонтировать аппаратуру и сотни километров кабеля, строители – сделать мощные забивочные комплексы и гермостенки. Цикл этих работ длится примерно год.

Район подземных испытаний обозначили зоной Д-9 полигона, а лучше было бы ввести совершенно новое обозначение, соответствующее принципиально новому виду испытаний. Поселку дали название Северный.

Наибольший вклад в организацию подземных испытаний на Новой Земле от Минсредмаша внес начальник 5-го главка Г.А. Цырков, многократно возглавлявший комиссии по проведению испытаний. Его заместителем по измерениям часто был В.Н. Михайлов. Комиссии по испытаниям опытных зарядов также возглавляли академик Е.А. Негин, С.Н. Воронин, Е.И. Парфенов. Облучательные опыты проводились под руководством начальника 6-го Управления ВМФ.

Испытания кораблей на Новоземельском полигоне

Главнокомандующий ВМФ адмирал флота Н.Г. Кузнецов представил 31 марта 1954 года доклад о новом плане военного судостроения и добивался его скорейшего обсуждения на расширенном заседании Президиума ЦК КПСС. Первый секретарь ЦК Н.С. Хрущев неоднократно откладывал рассмотрение этого вопроса. Более того, он и министр обороны Г.К. Жуков в следующем году приняли решение об освобождении стапелей от уже строившихся крейсеров, что означало резку их корпусов на металл. Вот в такой сложной обстановке срочно готовились испытания кораблей на воздействие поражающих факторов ядерного оружия.

В июне вышла директива главного штаба ВМФ о создании бригады опытовых кораблей (241-я БОК). Бригада формировалась в Молотовске и все время пополнялась кораблями и судами Северного и Балтийского флотов. В августе новая бригада перебазировалась на Новую Землю. Командовал ею капитан 1 ранга П.А. Бердяшкин, начальником штаба был капитан 2 ранга И.Я. Овчинников.

В соответствии с «Программой испытаний кораблей-мишеней по корпусной и электромеханической частям» на кораблях размещалась необходимая измерительная аппаратура.

Первый опыт, 21 сентября 1955 года.

Испытания проводились для проверки атомного заряда к торпеде калибра 533 миллиметра и оценки воздействия на корабли. Они показали эффективность поражения кораблей при их сосредоточенном базировании и, наоборот, ограниченные возможности даже атомного оружия при рассредоточенном базировании и плавании кораблей. У участников испытаний, как ни странно, не осталось того жуткого впечатления, которое создавали фильмы о предыдущих ядерных взрывах в Тоцком учении и на Семипалатинском полигоне.

Второй опыт, 7 сентября 1957 года.

В постановлении Совета Министров СССР от 31 июля 1954 года № 1559-699 впервые было предусмотрено провести в 1956 году «взрыв специзделия в воздухе над кораблями-мишенями». Министерство судостроительной промышленности должно было оборудовать 17 кораблей-мишеней, а ВМФ обязывался провести испытания. Научная сторона эксперимента возлагалась на Академию наук СССР (И.В. Курчатова, Н.Н. Семенова). Научно-исследовательские институты ВМФ, МСП, АН СССР настаивали на проведении испытаний кораблей новых проектов. В связи с этим заместитель главкома ВМФ адмирал Н.Е. Басистый еще в июле 1955 года подписал директиву о подготовке к испытаниям крейсеров проекта 68к («Чкалов») проекта 68бис («Ушаков»), двух эсминцев проекта 56, двух подлодок проекта 613, двух сторожевых кораблей проекта 50.

Третий опыт, 10 октября 1957 года.

Особенность этого эксперимента состояла в том, что он совмещался с государственными испытаниями торпеды Т-5 и проходил на фоне оперативной обстановки – нанесение атомного удара торпедой с подводной лодки по кораблям в базе. Руководителем испытаний являлся заместитель главкома ВМФ адмирал Н.Е. Басистый. Новизна программы испытаний кораблей-мишеней заключалась в виде взрыва – подводный взрыв на глубине 35 метров. Больше заглублять заряд было нецелесообразно из-за относительного мелководья акватории (максимальная глубина 70 метров). Вторая особенность состояла в том, что по кораблям стреляли торпедой с большой дистанции, поэтому из-за возможных отклонений торпеды от точки прицеливания менялись, по сравнению с программой, расстояния от эпицентра взрыва до кораблей (в предыдущих опытах они были фиксированными). Так и произошло – отклонение фактического эпицентра взрыва от расчетного составило 130 метров.

В период проведения всех трех испытаний в губе Черной затонули три эсминца («Реут», «Грозный» и «Разъяренный») и один притоплен («Гремящий»), три подводные лодки (Б-20, С-84 и С-20), три тральщика (Т-218 и два «стотонника»). Натурных испытаний кораблей в таком масштабе на Новой Земле больше не было. В последующем проводились испытания только одиночных кораблей на воздействие поражающих факторов ядерного взрыва.

Прекращение моратория

Подготовка полигона к ядерным испытаниям в 1961 году

В первой половине июля 1961 года полигон получил распоряжение прекратить работы по подготовке подземных испытаний, убрать людей и технику из района пролива Маточкин Шар, привести полигон в готовность к воздушным и подводным испытаниям.

Взрыв супербомбы

Испытание 50-ти мегатонной бомбы в СССР вызвало мировой резонанс. Об этом взрыве много говорилось как до ее испытания, так и после него: «Советское правительство вынуждено принять меры, чтобы обезопасить нашу страну от посягательств агрессоров и человечество от опасности новой мировой войны. Мы вынуждены приостановить сокращение вооруженных сил, запланированное на 1961 год, отсрочить увольнение в запас солдат и офицеров, возобновить испытания новых, более мощных видов оружия». К этим мощным видам оружия относились и мощные ядерные бомбы 50 и 100 мегатонн. Это был политический шаг нашего правительства, а не военная необходимость создания таких бомб, а тем более их применения. Этот политический шаг имел цель достичь паритета с США, заставить западную сторону сесть за стол международных переговоров, т.е. считаться с СССР как с равноправным партнером.

На аэродроме дежурил самолет Ту-95-202 с подвешенной к фюзеляжу огромной бомбой, которая не вмещалась в бомболюк. Однако условия погоды, главным образом роза ветров до высот 60-70 километров, не позволяли провести ее испытание. Государственная комиссия по испытаниям ядерного оружия, в которую входили ученые страны, специалисты институтов, министерств и полигона, не могла принять подобное решение. В противном случае оно угрожало гарнизону полигона и самим испытателям. Хотя любой взрыв мог представлять опасность для всех, если нарушать законы, пренебрегать расчетами или просто допускать халатность. Над созданием ядерного оружия работали лучшие специалисты страны. На прогноз погоды, кроме полигона, привлекались все синоптики Гидрометцентра СССР во главе с академиком Е.К. Федоровым и специалистом высокого класса в этой области Ю.А. Израэлем. Для определения направления и силы ветра использовались специальные высотные метеорологические ракеты, все полярные станции, с их новейшими приборами и техникой. Прогнозирование погоды было в полярных условиях сложным делом, с которым синоптики полигона и страны успешно справились, точно рассчитав период необходимой погоды для испытания этой супербомбы.

Новоземельские подземные испытания

В августе 1963 года после продолжительных и трудных переговоров между США, СССР и Великобританией был подписан договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой. Это было большое событие в международной жизни, которое имело большое значение для всех жителей планеты, экологии. К настоящему времени к нему присоединились более 120 государств.

Указанным договором разрешалось проведение подземных испытаний, которые во много раз уменьшали радиоактивные последствия для окружающей среды и самого человека.

Инженерно-техническое обеспечение

В период становления полигона появились и первые инженерные подразделения, проводившие ремонтно-восстановительные работы. Эксплуатационно-технический батальон – подразделение, занимавшееся на полигоне вопросами жизнеобеспечения: тепло- и водоснабжением, ремонтом трасс и оборудования. Штатное расписание батальона, исходя из применяемой техники (угольные котлы, печи и т.д.), имело такие «экзотические»

военно-учетные специальности как стекольщики, пильщики и рубщики дров, кочегары угольных котлов и т.д.

Полигон был хорошей испытательной базой для различных видов инженерной техники. К сожалению, выявленные в ней недостатки приходилось устранять эксплуатирующему персоналу.

Рекордный советский взрыв

Испытание 30 октября 1961 года над Новой Землей 100-мегатонной термоядерной бомбы (в варианте половинной мощности) стало знаковым событием для всей многолетней программы испытаний советского ядерного оружия. В какой-то мере появление такой бомбы было спровоцировано и тем, что в начале 1960 года в иностранной печати появились публикации о возможности создания супербомбы мощностью в 1000 мегатонн.

В день испытания «мощного» я сидел в кабинете возле телефона, ожидая известий с полигона. Рано утром позвонил Павлов и сообщил, что самолет-носитель уже летит над Баренцевым морем в сторону полигона. Никто не был в состоянии работать. Теоретики слонялись по коридору, входили в мой кабинет и выходили. В 12 часов позвонил Павлов. Торжествующим голосом он прокричал: «Связи с полигоном и с самолетом нет более часа! Поздравляю с победой!» Смысл фразы о связи заключался в том, что мощный взрыв создает радиопомехи, выбрасывая вверх огромное количество ионизированных частиц. Длительность нарушения связи качественно характеризует мощность взрыва. Еще через полчаса Павлов сообщил, что высота подъема облака – 60 километров...

Первоначально предполагалось испытать заряд на малую мощность, заполнив основную массу рабочего слоя инертным веществом. Мощность в этом варианте была бы порядка 2,5 мегатонны.

Между тем испытание все больше приобретало не только технический, но и политический характер. Разработка и испытание изделия совпали по времени с берлинским кризисом и имели целью демонстрацию силы в этот беспокойный период. В то время мы все, включая и Андрея Дмитриевича, придерживались наивно-патриотической точки зрения, состоявшей в том, что у нас должны быть самые мощные, самые эффективные заряды, и это должно быть известно потенциальному противнику, а также «людям доброй воли». Т.н. «люди доброй воли» (этот термин из политического жаргона был тогда в ходу) должны были почувствовать, какую страшную угрозу представляет собой ядерное оружие, и воздействовать на свои правительства, чтобы они согласились на его запрещение. Конечно, испытание на неполную мощность не могло иметь такого политического эффекта.

Впечатляющими были и некоторые эксперименты по изделию, проводившиеся на специальных площадках, и масштабы, габариты самого изделия. Когда я однажды оказался в цехе, где оно монтировалось, и внутри бомбы сидел по грудь рабочий и что-то припаивал, у меня возникло невольное сравнение с летчиком в истребителе – так непривычно велика была бомба. Размеры ее поражали и воображение конструкторов. Однажды при разговоре с Фишманом директором опытного завода Е.Г. Шелатонь даже засомневался, хватит ли у него «горючего» материала. Д.А. Фишман ответил ему: «Поищите получше, наскребите по сусекам».

Работа над изделием потребовала большого напряжения и внимания. Не раз возникали острые моменты. Но, когда накануне успешно прошло испытание

упомянутого выше нового изделия, в котором был заложен близкий по решению принцип, накал волнений несколько остыл.

Завершался и крайне напряженный заключительный этап у конструкторов и производственников, связанный с созданием сверхбомбы.

После взрыва 30 октября и возвращения самолетов на аэродром, председатель Государственной комиссии Н.И. Павлов выстроил нас, четверых разработчиков изделия (Андрей Дмитриевич остался на объекте) и экипажи самолетов Ту-95 и Ту-16 лицом друг к другу тут же, около самолетов. Он произнес мажорную патриотическую речь в честь физиков и летчиков, во славу успехов нашей страны. Все было позади. Мы возвращались домой.

Со дня взрыва советской сверхмощной 50-мегатонной бомбы прошло 40 лет. Но если бы вдруг сейчас потребовалось создать современный вариант столь же мощного заряда, его габариты – при всех возможных ныне усовершенствованиях! – не очень сильно отличались бы от габаритов своего далекого предшественника. Скорее всего, совпали бы диаметры этих изделий и только длина могла быть короче.

Незабываемы дни, когда мы, группа разработчиков изделия, приехали в Оленью к месту окончательной подготовки бомбы к испытанию. Заключительные операции завершились ее подвеской в бомболюк самолета. Вместе с Евгением Аркадьевичем Негиным мы подъехали к тому участку взлетной полосы, где тяжелый, огромный бомбардировщик должен был оторваться от земли. Когда ревущая машина с чуть опущенными могучими крыльями пронеслась мимо нас и, взмыв в воздух, взяла курс на Новую Землю, мы направились на командный пункт. По мере того, как шло время, напряжение нарастало. Мы стояли в ожидании. Один из находившихся на командном пункте офицеров не удержался и спросил нас: «Ну, как, сердчишко-то екает?»

В этой обстановке бросались в глаза удивительное спокойствие, четкость, собранность, самообладание, полнейшая невозмутимость председателя Государственной комиссии по проведению испытания генерала Н.И.Павлова. Он колдовал за пультом и держал непрерывную связь с экипажем самолета. Казалось, звучит обычная человеческая речь, но все отдававшиеся команды были закодированы. И каждая из них передавалась определенным набором цифр.

Наконец, прошла команда на сброс бомбы. Наступили самые трудные для всех минуты ожидания.

Мысленно мы представляли себе, как бомба отделилась от самолета. Как через какое-то мгновение над ней раскрылась гигантская парашютная система, замедлив скорость ее приближения к земле. Эта система включала вытяжной парашют, за которым в работу вступали три огромных вспомогательных парашюта. И, наконец, раскрывался основной купол, площадь которого превосходила 1500 квадратных метров. Остряки шутили позднее, что наступивший затем в стране дефицит с капроновыми изделиями, быть может, был связан и с этой парашютной системой, и с расходами материала на ее предварительную отработку.

Уходили последние секунды перед взрывом... И вдруг связь с экипажем самолета и наземными полигонными службами полностью прекратилась. Это было знаком, что бомба сработала. Но никто точно не знал, что произошло на самом деле. Предстояло пережить долгие 40 минут тревоги.

□ 4.3. ПОЧЕМУ ДОЛЖНЫ МОЛЧАТЬ ЯДЕРНЫЕ ПОЛИГОНЫ СТРАНЫ?

МИХАЙЛОВ В.Н.

Академик РАН

12 октября 1990 года на Невадском испытательном полигоне США проведен очередной подземный ядерный взрыв. За прошедшие месяцы этого года США провели семь ядерных взрывов, Франция – четыре и Китай – два. Вот уже около года молчат ядерные полигоны нашей страны. Тревожная ситуация. Да и оправдан ли такой политический риск в наше время?

Основой современной стабильности в мире и, можно сказать, характера политических и экономических отношений является существующий примерный паритет ядерных арсеналов между Советским Союзом и США.

Одностороннее ядерное разоружение нашей страны – это путь к монополии США. Конечно, к этому нас могут призывать под флагом мира на нашей планете, для обеспечения жизненных интересов человечества. Но любая монополия, и особенно в таком вопросе, чревата непредсказуемыми последствиями для всего мирового сообщества, где в ядерных странах мира уже проживает население свыше 1,7 млрд. человек, т.е. каждый третий житель нашей планеты. И будем ли мы тогда уютно себя чувствовать в этом ядерном мире? В недалекой истории была уже однажды монополия США на ядерное оружие – это 1945-1949 годы. Мы все с болью в сердцах помним это время. Передовые люди всей планеты уже тогда понимали глубокую пропасть такой ситуации. И, чего таить, некоторые из них ценой своей жизни помогли нам в этой воистину титанической работе над созданием ядерного щита мира. 29 августа 1949 года на только что образованном Семипалатинском полигоне была испытана первая советская атомная бомба, разработанная под руководством И.В. Курчатова. В трудные послевоенные годы наш народ всему миру показал свой великий ум и талант. Это воистину был триумф всего нашего народа.

Со времени появления ядерного оружия Советский Союз твердо проводит борьбу за его полное запрещение, начиная с 1946 года, когда наша страна выступила в ООН с предложением о полном запрещении атомного оружия.

И вот некоторые вехи истории по ограничению ядерных испытаний.

Благодаря большим усилиям Советского Союза в 1963 году был подписан СССР, США и Великобританией в Москве Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. К настоящему времени его участниками стали 115 государств. Московский договор был решительным шагом в улучшении и оздоровлении экологической обстановки нашей планеты. Переход к подземным испытаниям ядерного оружия в сотни тысяч раз уменьшил радиоактивные последствия проводящихся ядерных испытаний. И этот шаг приветствовал весь мир.

После заключения Московского договора наша страна настойчиво продолжала борьбу за полное запрещение ядерных испытаний. Результатом явилось подписание спустя 11 лет также в Москве в 1974 году Договора между СССР и США по ограничению мощности подземных испытаний ядерного оружия. По-

рогом в 150 килотонн тротилового эквивалента ядерной энергии. Однако «пороговый» Договор 1974 года не был ратифицирован американской стороной более 16 лет из-за ее позиции по мерам контроля. Советский Союз, несмотря на то, что договор не вступил в силу, все эти годы, выполняя положения «порогового» договора по ограничению мощности проводимых ядерных взрывов, многие свои испытания проводил без «истинного» ядерного взрыва.

В июне 1990 года президентами нашей страны и США подписан новый протокол к Договору 1974 года. Этот протокол в дополнение к использованию имеющихся национальных технических средств дает право контролирующей стороне применять гидродинамический метод измерения планируемой мощности взрыва более 50 килотонн и проводить инспекцию на месте взрыва с мощностью более 35 килотонн, а также дает право на использование трех выделенных сейсмических станций на территории стороны, проводящей испытание. В дополнение к указанным правам, в целях укрепления доверия и совершенствования национальных технических средств контроля, стороны в каждом году из первых пяти лет имеют право на замеры мощности гидродинамическим методом двух испытаний другой стороны, даже если не будет испытаний с планируемой мощностью более 50 килотонн. Разработанный на двусторонних переговорах всего за три года в Женеве протокол является беспрецедентным по глубине и широте технических процедур контроля. В связи с этим следует отметить, что если первоначальный протокол «порогового» Договора включал только национальные технические средства контроля и поэтому двери его были открыты для подписания другими странами, то новый протокол с гидродинамическим методом контроля мощности на месте проведения взрыва, включение которого было условием США для подписания нового протокола, фактически обречен быть двусторонним. И это не может не беспокоить нас, учитывая непрекращающиеся ядерные испытания других стран, и в первую очередь Франции и Китая.

Тем не менее, сделан большой шаг в вопросе ограничения ядерных испытаний, и это в первую очередь благодаря усилиям СССР. Главное, что дали эти переговоры, – так это открытость профессионального обсуждения многих научных проблем и взаимное понимание научно-технических аспектов контроля по ограничению испытаний ядерного оружия.

Основой успеха женевских переговоров явился совместный эксперимент по контролю (СЭК). В ходе эксперимента, осуществленного в 1988 году, были проведены ядерные взрывы на Невадском и Семипалатинском ядерных полигонах. На полигонах впервые в истории наших стран совместно апробированы многие технические аспекты методов проверки мощности взрывов, в том числе и, что наиболее важно, антиинтрузивные меры гидродинамического метода, исключющие в процессе контроля получение информации о конструкции ядерного оружия. Совместная разработка антиинтрузивных устройств и систем управления аппаратурой контроля «порогового» договора, которая в настоящее время еще завершается, – это яркий пример вклада ученых двух стран в ограничение ядерных испытаний. Одним из главных результатов СЭК была прямая взаимная калибровка национальных сейсмических средств контроля за ядерными испытаниями. К сожалению, до сих пор результаты СЭК не стали достоянием других стран из-за позиции США по опубликованию результатов.

Советские специалисты, как в Неваде, так и в Семипалатинске, полностью получили запланированный объем информации о взрывах. На встрече с амери-

канскими специалистами после СЭЖ я сказал: «Буду надеяться, что высокий уровень диагностической аппаратуры и профессиональные знания советских специалистов в этом уникальном эксперименте показали американским ученым, что нам лучше соревноваться не в создании оружия третьего поколения, а в создании условий взаимопонимания и доверия. Сигналом надежды на пути к безъядерному миру были эти два взрыва!» Я не встречал ни одного нашего профессионала в области ядерного оружия, который бы не приветствовал этих шагов, глубоко осознавая всю разрушительную мощь этого оружия.

Мы убеждены, что в ближайшее время Договор 1974 года с новым протоколом войдет в силу. В сентябре в США эти договоры с новыми протоколами были единогласно ратифицированы сенатом. 4 октября на совместном заседании Комитета Верховного Совета СССР по международным делам и Комитета по вопросам обороны и государственной безопасности Договор 1974 года и новый протокол к нему рекомендованы Верховному Совету для ратификации. К сожалению, специалисты от Министерства атомной энергетики и промышленности СССР не были приглашены туда, а ведь решался важный вопрос, где выслушать компетентное мнение – долг депутатов перед народом. 8 октября Верховный Совет СССР единодушно ратифицировал Договор 1974 года. Дальнейший успех по ограничению ядерных испытаний полностью зависит от позиции США в этом вопросе, так как есть все предпосылки, не затягивая время, развития уже достигнутого успеха, и в первую очередь по ограничению количества проходимых ежегодно испытаний ядерного оружия. Переход к количественному ограничению испытаний – это качественно новый шаг, требующий определения понятия истинного ядерного взрыва для этого вида оружия.

Механизм контроля количества ядерных испытаний может быть осуществлен, что очень важно, на широкой международной основе, на комплексировании национальных средств контроля и инспекций на месте проведения взрыва.

Сегодня прекращение всех ядерных испытаний имеет принципиальное значение, чтобы не допустить создания ядерного оружия третьего поколения и т.н. оружия направленного действия, чтобы не выпустить этого злого джинна из стадии научных поисков в стадию полномасштабных разработок. Это оружие, с одной стороны, по глобальному радиоактивному загрязнению должно быть в тысячу раз меньше, чем существующее, а с другой – способно поражать стратегические цели противника и в космосе, и на Земле. И именно это вызывает тревогу, так как может возникнуть в некоторых слишком горячих головах соблазн его применения при любом локальном конфликте.

В этой связи настораживает то, что ядерное вооружение 2-го поколения может быть уничтожено под самым строгим международным контролем на договорных началах и, похоже, по мере того, как будут достигаться на Западе успехи в создании оружия 3-го поколения. Не осознавать такой ход развития событий – очень опасно. Не допустить создания оружия 3-го поколения – ответственная задача всего человечества.

Все больше и больше людей в мире поддерживают требование о полном запрещении ядерных испытаний, с другой стороны, существует весьма серьезная оппозиция ядерных держав Запада. Сегодня более настойчиво, чем когда-либо, продолжаются международные дискуссии по этому вопросу. Советский Союз выступал и выступает в рамках новой доктрины достаточной обороны за немед-

ленное и полное прекращение всех ядерных испытаний. И не вина Советского Союза, что ядерные испытания продолжаются. В 1985 году мы объявили односторонний мораторий на ядерные взрывы. В 1986 году лидер нашей страны М.С. Горбачев выступил с программой создания безъядерного мира к 2000 году. Однако наш призыв не был услышан в США, где за период моратория было проведено 26 подземных ядерных взрывов, в том числе в целях создания оружия третьего поколения, оружия на новых физических принципах.

В 1989 году было направлено обращение Верховного Совета СССР к конгрессу США по вопросам моратория на ядерные взрывы и прекращения ядерных испытаний. Ответа от конгресса до сих пор нет.

В различных регионах страны после 1963 года проведено 115 подземных ядерных взрывов в мирных целях на сравнительно большой глубине и малой мощности, в том числе для создания подземных емкостей, тушения пожаров на газовых фонтанах, интенсификации добычи нефти и для зондирования земной коры нашей территории в целях масштабного поиска полезных ископаемых.

За последние десять лет с 1981 по 1990 год на ядерных полигонах нашей страны проведено 112 испытаний ядерного оружия, а в США на Невадском полигоне – 157 испытаний. За этот же период у нас проведено 43 ядерных взрыва в мирных целях в различных регионах страны по заявкам Мингео СССР, Миннефтепрома СССР и Мингазпрома СССР. Результаты этих работ опубликованы в открытой печати.

Нужны ли Советскому Союзу сегодня два ядерных полигона? Учитывая положительные тенденции в мире, думаю, что нет. Верховный Совет страны должен сказать свое слово по срокам функционирования ядерных полигонов с учетом географического положения и геологического строения территории полигонов и плотности населения прилегающих районов, по основам компенсации за степень риска проживания в этих районах, за отчуждение земель под полигоны. Однако решение этого важного вопроса затягивается, а растерянность и замешательство заводят в тупик эту проблему. Считаю, что в первую очередь необходимо прекратить испытания ядерного оружия на Семипалатинском полигоне.

Решения по ежегодным ядерным программам страны, включая ядерные испытания, должны приниматься специальной комиссией Комитета по вопросам обороны и государственной безопасности Верховного Совета СССР и утверждаться Президентом СССР.

С октября 1989 года наши полигоны молчали, а полигон в штате Невада продолжал работать. Правда, интенсивность его несколько уменьшилась, но сохранилась, я бы сказал, на достаточно высоком уровне. Наши полигоны практически за последние пять лет молчат половину этого времени. За этот период – с 1986 по 1990 год – СССР на ядерных полигонах провел 43 испытания ядерного оружия, а США в Неваде – 64 испытания. Так что всегда США были впереди СССР по числу испытаний ядерного оружия. Хотя главное здесь не «соревнование», а в первую очередь интересы национальной безопасности.

Безапелляционные выступления по радио и телевидению, в печати и с трибун Верховных Советов общественных деятелей, митинги и собрания неформальных общественных организаций по прекращению ядерных испытаний у нас в стране создают общественное мнение о необходимости дальнейших односторонних шагов.

Нет сомнения в том, что большинство авторов имеет самые искренние намерения спасти человечество от ядерной катастрофы. Однако в нашей стране центр тяжести борьбы за всеобщее ядерное разоружение резко переместился в последние годы за ее фактически одностороннее ядерное разоружение. Может ли наша страна позволить себе стать заложником политических амбиций других ядерных держав? Ведь на сегодня ядерное оружие, если учесть все последствия его применения, прежде всего оружие глобальной политики. Голос профессионалов заглушает хор общественных толкователей той области, где компетентность и осторожность особенно важны. Фактически средства массовой информации не предоставляют слова специалистам-профессионалам, и зачастую откровенная клевета, вымысел и демагогические выступления остаются без ответа. Кстати, на нашей памяти хор выступлений в печати под лозунгом «Чей Вы хлеб едите, академик Сахаров?». Сегодня нам стыдно это вспоминать, и это было, мне скажут, в «застойные» времена. Нет, история повторяется. Альтернативным точкам зрения, как правило, не дают и сейчас слова. «Оккупация» средств массовой информации может принести неизмеримые беды нашей стране.

В этих условиях неподготовленность населения к объективному восприятию информации о характере и особенностях радиоактивной и сейсмической обстановок, неосведомленность о мерах по обеспечению безопасности, трудные социально-бытовые условия жизни зачастую приводят к эмоциональному накалу страстей вокруг ядерных полигонов страны. В связи с этим следует отметить, как показал СЭЖ на Семипалатинском полигоне, где были широко представлены зарубежные и советские представители прессы, советские специалисты обеспечивают безопасность проведения подземных ядерных взрывов на уровне, не уступающем США, а что касается затрат на их проведение, то они в десять раз меньше, чем в США! И реалии здесь таковы, что затраты на ядерно-оружейный комплекс министерства энергетики США из года в год растут на 8-10%, в то время как аналогичные расходы у нас падают на 15%. Вот какова действительность, в которой приходится работать нашим коллективам. Кстати, на американский взрыв СЭЖа в Неваде советские журналисты не прибыли, хотя были официально приглашены. У нас создана обстановка, при которой считаются патристическими и передовыми высказывания любой критики в адрес советских полигонов. И как всегда в таких случаях, ряд общественных деятелей использует ее для повышения своей популярности, а зачастую и выступая в роли режиссеров сценария массовых выступлений.

А в это время США и их союзники по НАТО продолжают совершенствование своего ядерного арсенала. Рассматривается долгосрочная программа модернизации объектов, связанных с разработкой и производством ядерного оружия. Создаются новые, более совершенные формы управления этим военно-промышленным комплексом. В долгосрочной программе на ближайшие 20 лет особое место отведено безопасности, надежности и эффективности ядерного оружия.

Повышение безопасности ядерного оружия в аварийных ситуациях или при несанкционированном доступе к нему рассматривается как одно из главных требований при совершенствовании ядерного оружия, учитывая наличие в нем радиоактивных материалов, таких как плутоний, уран и тритий. Подземные испытания ядерного оружия на сегодня представляют собой наиболее приори-

тетную экспериментальную программу исследовательских и инженерных работ по совершенствованию и созданию новых видов ядерного оружия.

На Западе интенсивно ведутся работы по увеличению точности попадания в цель боевых блоков с ядерным оружием разделяющихся головных частей ракет, по созданию оружия повышенной выживаемости в условиях противоракетной и противокосмической обороны и для поражения заглубленных в землю объектов. А ведь это оружие первого удара! И это в то время, когда страны НАТО не приняли обязательства в отличие от нашей страны не применять первыми ядерное оружие.

Могут ли молчать ядерные полигоны нашей страны в этих условиях? Только всеобщее запрещение испытаний ядерного оружия может остановить новый виток гонки вооружений и положить конец бесконечному совершенствованию и распространению ядерного оружия.

Мы все стремимся навести порядок в своем собственном доме, однако не все у нас пока ладно получается. Тому много примеров на каждом шагу. Наш дом не одинок на планете, все мы живем в сложном и динамичном мире. В век ядерно-космической техники пространство и время этого мира предельно сжались для каждого дома.

Много еще в мире районов с нестабильной политической обстановкой, экстремизма, агрессивных настроений, в том числе непосредственно у наших границ. Некоторые «третьи страны» интенсивно ведут работы по созданию ядерного оружия. Так что созданный в трудное для страны время ядерный потенциал и его постоянное поддержание на современном научно-техническом уровне являются гарантом стабильности мира на нашей планете, я бы сказал, гарантом успеха нового мышления в переговорах на равных условиях по взаимному ограничению и прекращению ядерных испытаний. Дело не в количестве ракет с ядерными боеголовками на борту, а в том научно-техническом потенциале страны, который может гибко реагировать на возможные достижения других стран в этой области.

Сокращая ядерное вооружение, мы можем неизмеримо больше сохранить средств для нужд народного хозяйства, чем при одностороннем запрещении ядерных испытаний – основы научно-технического и военного потенциала страны, – до тех пор, пока не добьемся всеобщего запрещения ядерных испытаний. Не допустить деградации уникальных коллективов высококвалифицированных профессионалов – это значительно труднее, чем все рушить. Гораздо проще сейчас, учитывая сложнейшее социальное и экономическое положение, требовать от нашей страны односторонних шагов. Разве нам было легче в послевоенные годы, когда мы создавали атомную промышленность? А сегодня, откровенно говоря, требуется высокое гражданское мужество, несмотря на созданную обстановку вокруг ядерных полигонов и испытаний у нас в стране, сохранить высокую ответственность и патриотизм, не поддаваться соблазну сиюминутной выгоды коллективам рабочих, инженеров и ученых по решению вопросов сохранения ядерного паритета на всех этапах разоружения.

Новое мышление, рожденное эпохой перестройки, еще только пробивает свои нежные ростки в мировую политику нашей планеты. Созданные в эпоху перестройки истинно народные структуры советской власти в силах компетентно решать эти сложные проблемы. Искусство трезвой оценки положения, взаимопонимание и компетентность должны прийти на смену риторике, митингам и собраниям во имя сохранения нашего Союза как великого общества.

Ядерно-оружейный комплекс нашей страны является общенародным, и разделить его на отдельные кусочки невозможно, ибо это будет катастрофой всех народов.

Я убежден, что наш народ поймет и преодолеет трудности нынешнего этапа. А в заключение, используя известное обращение, мне хочется сказать: «Дорогие соотечественники, будьте бдительны!»

□ 4.4. АРКТИЧЕСКИЙ ПОЛИГОН – КОЛЫБЕЛЬ МУЖЕСТВЕННЫХ ЛЮДЕЙ АТОМНОЙ ЭРЫ

*Золотухин Г.Е.
Вице-адмирал.*

Это были титаны атомной эры – безгранично преданные делу и безмерно любившие Родину!

Работы по созданию ядерного оружия ВМФ – это был опытный образец боеприпаса для торпеды – шли успешно. Встал вопрос об испытании ядерного заряда для него и о выборе места для натуральных испытаний в морских условиях.

Специалисты ВМФ с привлечением ученых и геологов обследовали морские полигоны флота. Анализ подготовленных материалов обследования показал невозможность использования существующих полигонов для экспериментов с подводными ядерными взрывами. Среди возможных мест для полигона было высказано предложение об использовании южной части островов Новая Земля. Эта идея была поддержана главнокомандующим ВМФ Н.Г. Кузнецовым. Им была высказана мысль о перспективности создаваемого полигона на Новой Земле для будущих ядерных испытаний не только оружия флота, но и других видов Вооруженных Сил.

В 1953 году для выбора места испытаний ядерного оружия ВМФ на островах была назначена комиссия, в которую вошли ведущие специалисты от различных ведомств и научных организаций страны, в том числе и от Академии наук СССР. Комиссия сделала свой выбор, предложила острова архипелага Новая Земля. Конкретно: для проведения подводных ядерных взрывов рекомендовалась губа Черная, для главной базы определена губа Белушья, для аэродрома – район поселка Рогачево.

Острова Новая Земля – уникальное место в Арктике – расположены между двух морей. С одной стороны Баренцево с теплым течением, а с другой – Карское – холодное, замерзающее или заполненное подвижными льдами. Возникающий перепад температур на берегах островов на западе и востоке создает условия для зарождения яростных ветров, что с учетом отрицательных температур приводит к суровым климатическим условиям, присущим только Ново-земельскому архипелагу. Длинные многомесячные полярные ночи и частые снежные бури делали условия для проживания человека и освоения архипелага близкими к экстремальным.

Руководителем развертываемого строительства объекта на Новой Земле был назначен полковник Е.Н. Барковский, знавший Арктику и острова не понаслышке – проходил там службу с 1942 года. В этот период он хорошо изучил ре-

гион. Его отличали глубокое знание дела и большая энергия при решении сложных задач и вопросов. Полученный в Арктике опыт позволял ему применять при работах нестандартные решения, которые способствовали ускорению строительства. Его основным помощником был главный инженер по строительству полковник Д.И. Френкель.

Забегая немного вперед, хотел бы отметить, что создаваемый полигон получил название по легенде «Объект-700», а строительные формирования полигона – «Спецстрой-700». Первым руководителем этих организаций был полковник Е.Н. Барковский – начальник строительства объекта на Новой Земле. Сразу необходимо подчеркнуть, что очень значимая роль в строительстве объектов специального и технического назначения, соцкультбыта, жилья, спортивных сооружений при создании полигона принадлежала начальникам «Спецстроя-700». Среди них хочется отметить таких, как полковник Рабинович М.Л., полковник Шумилов Л.В. (будущий генерал-полковник, первый заместитель начальника по строительству и расквартированию войск МО СССР), полковник Небольсин Н.П., полковник Повидыш В.Г.

Нельзя не упомянуть и о том, что на Северном флоте существовала мощная строительная организация «Северовоенморстрой», составной частью которой стал «Спецстрой-700», как специально организованный для выполнения строительно-монтажных работ на полигоне, поэтому руководители «Северовоенморстроя» оказывали помощь ему при формировании и строительстве объектов на Новой Земле.

Заказчиком капитального строительства объектов на Новой Земле было определено 6 Управление ВМФ. В его составе сформировали строительный отдел, обеспечивавший планирование, финансирование, заказ проектной документации, нестандартного оборудования, изготавливаемого на заводах, его поставку на объекты, большой номенклатуры кабельной продукции, материалов и решение других вопросов, связанных с капитальным строительством. В процессе работы на объектах, специалисты строительного отдела 6 Управления ВМФ оказывали постоянную помощь строителям при возникновении сложных рабочих ситуаций при строительстве в Арктике. В различные периоды деятельности начальниками отдела были полковники Зубов С.И., Бучкин И.Д., Серебренников В.Л., Кузин С.И., обладавшие высокой ответственностью, глубиной знания дела и тонким пониманием специфики строительства в условиях, требовавших принятия нестандартных технических решений. Уже будучи генерал-лейтенантом Е.Н. Барковский вспоминал: «Сроки, поставленные нам правительством на подготовку к подводному ядерному испытанию, были крайне сжатые – год. А все приходилось начинать с нуля, учитывая к тому же, что зимой из-за суровых климатических условий строительные работы на Новой Земле практически невозможны». Однако с учетом мужества и героизма личного состава, прикомандированных гражданских специалистов работы велись зимой, и это позволило успешно выполнить первый этап подготовки к испытаниям.

Первое время всеми военнотружущими и вольнонаемными на Новой Земле руководил Е.Н. Барковский. Он исполнял обязанности начальника гарнизона, а при формировании полигона в сентябре 1954 года – обязанности начальника полигона и прибывающим с назначением на полигон «отдавал их назначения местным приказом» (из воспоминаний П.Г. Астахова).

Таковыми были условия, в которых велась работа по подготовке к созданию и формированию Морского научно-испытательного полигона. Руководство ВМФ и МСМ понимало перспективность будущего ядерного полигона, предвидело его работу в течение десятков лет. Это потребовало проведения мероприятий по отселению жителей с Новой Земли.

В 1954 году население островов Новая Земля составляло 363 человека. Отселение его происходило поэтапно, до 1957 года. Часть людей уехала с островов в связи с окончанием контрактов – они имели жилье на материке. Оставшиеся жители – малочисленное местное население – были переселены по желанию в три места на «большой земле» с предоставлением жилья, а также с предоставлением работы и с компенсацией затрат на переселение.

Удаленность островов от крупных населенных пунктов, небольшое количество жителей (в основном – контрактники) и незначительное влияние на хозяйственную деятельность государства были решающими при выборе места для нового полигона.

Наработанные комиссией материалы с обоснованием выбора места ядерных испытаний на островах Новая Земля и предложения по этому вопросу были представлены в Совет Министров СССР, которым они были одобрены и назначена государственная комиссия по обследованию выбранного места для полигона. Руководителем комиссии был назначен командующий Беломорской флотилией контр-адмирал Н.Д. Сергеев, впоследствии НГШ ВМФ, адмирал флота СССР. Его заместителем стал начальник 6 Управления ВМФ контр-адмирал П.Ф. Фомин. В комиссию вошли полковник Е.Н. Барковский, специалисты 6 Управления ВМФ офицеры А.А. Пучков, К.К. Азбуки, Ю.С. Яковлев и др., ученые АН СССР: академик Н.Н. Семенов, его заместитель член-корреспондент М.А. Садовский, член-корреспондент Е.К. Федоров. Среди членов комиссии от МСМ был заместитель начальника сектора КБ-П Е.А. Негин (впоследствии академик, генерал-лейтенант, главный конструктор-директор ВНИИЭФ). Но на рекогносцировку на тральщике выходили не все ученые – члены комиссии. Однако при рассмотрении результатов рекогносцировки участие принимала вся комиссия по выработке заключения о месте будущих ядерных испытаний.

Впоследствии Н.Д. Сергеев так вспоминал свое прибытие в конце 1953 года на тральщики с комиссией: «Прибыли на Новую Землю. Здесь нам пришлось передвигаться где на собаках, где на оленьих упряжках, чтобы досконально изучить острова. Естественно, большую помощь мы получили от председателя Новоземельского поселкового Совета И.К. Тыко-Вылко. С его помощью прорабатывался и вопрос об отселении малочисленного местного населения (до десятка семей), проживающего на берегу в месте предполагаемых испытаний...»

Для решения главной задачи Государственной комиссии – выбора места для проведения подводного ядерного взрыва в 1955 году и решения технических вопросов базирования – было отведено всего две недели. Комиссия установила, что губа Черная – уникальное место для проведения испытаний, так как ее водообмен с Баренцевым морем небольшой, что обеспечивало незначительный выход радиоактивных продуктов взрыва и значительное их разбавление.

После проведения рекогносцировки на месте и рассмотрения ее результатов на комиссии был представлен доклад ЦК КПСС и Совету Министров СССР о подготовке к проведению испытаний на море, с обоснованием необходимых мероприятий. Одновременно были подготовлены по этим вопросам Постановле-

ния ЦК КПСС и Совета Министров СССР, которые были подписаны 31.07.1954 года. В этот же период издана директива начальника Главного штаба ВМФ и началось формирование полигона на Новой Земле.

Необходимо подчеркнуть, что уже в Постановлении 1954 года говорилось, что полигон будет предназначен для испытаний атомного оружия на суше, в воде и в атмосфере, а также для исследования его воздействия на все виды оружия, техники, сооружений и материалов, находящихся на оснащении в вооруженных силах.

Дату подписания директивы главного штаба ВМФ – 17 сентября 1954 года – принято считать днем рождения полигона.

По результатам работы рекогносцировочной комиссии и по Постановлениям правительства были подготовлены план мероприятий с указанием всех необходимых работ и предложения по реализации вопросов обеспечения испытаний с учетом объемов капитального строительства и финансового обеспечения. Сроки выполнения намеченных мероприятий были крайне жесткими. Как специалист комиссии, служивший в условиях Арктики, полковник Барковский Е.Н. докладывал их заместителю министра обороны по строительству и расквартированию войск генерал-полковнику А.Н. Комаровскому. Внимательно выслушав, он сказал, что в такие сроки вы сами обязаны их и выполнить. Так состоялось первое назначение начальника строительства объекта на Новой Земле. В этот же период принято решение о начале изыскательских и проектных работ, выполняемых Военморпроектом.

В состав формируемого полигона вошли: службы обеспечения, опытно-научные и инженерные части, истребительный авиационный полк, дивизион кораблей и опытовых судов, тыловое обеспечение, дивизион аварийно-спасательной службы, транспортный авиационный отряд и другие подразделения.

В навигацию 1954 года морскими транспортами доставлялись в губу Белушья необходимые материалы, техника и оборудование.

Отряд боевых кораблей СФ в составе четырех эскадренных миноносцев и двух крейсеров доставил личный состав строительных батальонов на Новую Землю. Мне посчастливилось быть участником этого перехода. Будучи курсантом 3 курса Военно-Морского инженерного училища имени Дзержинского, я проходил практику на крейсере «Железняков». Переход совершался в августе-сентябре 1954 года. Погрузка личного состава строителей на корабли и выход в море проводились ночью, цель выхода в море кораблей личному составу крейсера не объявляли. А если учесть, что отряд кораблей только вернулся из длительного похода с проведением учений и стрельб, – все это вызывало повышенный интерес. Вышли в Баренцево море. Штормило. А к середине дня шторм набрал силу и разыгрался не на шутку. Очень страдал личный состав строителей. Вахта с «мостика» принесла новость – курс на картах проложен к Новой Земле. К вечеру шторм стал стихать, а утром корабли встали на якоря в губе Белушья. День зарождался хороший, такие не редко бывают в этот период на Новой Земле.

Бухта со стоявшими в ней кораблями производила хорошее впечатление. Вот так я оказался на территории будущего полигона. И конечно, тогда у меня и мысли не возникло, что мне, инженеру-электрику корабельной службы, придется на нем служить и получать высокие воинские звания.

Но события развивались своим чередом. Курсантам была дана команда – «на баркасы и шлюпки» – для прохождения практики по гребле и управления этими плавсредствами. После тренировки на воде по команде подошли к деревянному причалу. Командам можно выйти на берег. Это позволило нам, курсантам, пройти по берегу, познакомиться с окрестностями и осмотреть Новую Землю в районе губы Белушей. При знакомстве с поселком в Белушей губе мы вышли на берег озера Шмидта, из которого в те времена летом брали воду. На берегу озера стоял небольшой помост со скамейкой, на которой стояла, прикрепленная к ней металлической цепью, большая медная кружка для набора воды. Мы все рассмеялись, а я сказал: «Чтоб не украли». За нами стоял ненец, который поправил: «Зачем украли, чтобы не утонула». Вот тогда мы поняли, что цепь на Новой Земле не от воровства, а для удобства вынимать кружку, если она случайно упадет в холодную воду озера. Позже население поселка было приглашено на крейсера для просмотра кинофильма.

На берег уже было завезено много материалов, быстрыми темпами шло строительство. Видимо, это было подготовкой к приему первых прибывающих специалистов и личного состава на полигон для проведения специальных работ. Теперь, когда минуло с той поры более пятидесяти лет, мы ясно видим, каких огромных усилий и героического труда требовала обстановка от всех прибывающих на Новую Землю. Сроки, жесточайшие сроки преследовали на всех направлениях, вплоть до элементарного обустройства персонала на полигоне – где готовить пищу и ее принимать, где отдохнуть после напряженной работы. Особенно хочется отметить людей строительных частей – минимум отдыха и 14-16 часов труда в день в условиях Арктики при минимальных бытовых удобствах. Позже самоотверженно трудились в таких же условиях монтажники и наладчики оборудования и приборов. Весь коллектив, задействованный на работах, трудился в дождь и слякоть, в холод и пургу, показывая образцы самоотверженности, инициативы, находчивости и не считаясь со временем, оставляя для отдыха едва допустимый его минимум. Надо сказать, что люди, выполняя поставленную им задачу, мужественно преодолевали все трудности сурового арктического климата.

Отмечая заслуги в освоении места базирования полигона, заместитель ГК ВМФ по кораблестроению и вооружению адмирал П.Г. Котов сказал: «Те, кто первыми пришли на Новую Землю для специальных работ, совершили настоящий подвиг. Это были люди нашего флота и авиации, это наши ученые, работники специальных отраслей промышленности, это замечательные труженики – горняки, монтажники и строители. Это они на голом месте, в трудных полярных условиях, в небывало короткие сроки, буквально за год, создали первые научно-исследовательские лаборатории, смонтировали и отладили сложнейшую аппаратуру и оборудование, обучили личный состав и обеспечили испытаниям могучей техники».

Объем работ на полигоне по созданию инфраструктуры в тех условиях был фантастическим, а временной интервал до подводных испытаний – один год, из которого три четверти – девять месяцев – суровая арктическая зима. За этот период необходимо было построить хотя бы временные сооружения для обеспечения жизни и быта строителей, складские помещения, склады топлива, простейшие грунтовые дороги, сборно-щитовые казармы, столовые, общежития для личного состава полигона, для прибывающих испытателей, сооружения для

ДЭС и котельных, лабораторный корпус для исследований, оборудовать навигационное обеспечение района плавания. Сюда же входило обустройство испытательных площадок в губе Черная и в губе Башмачная, установка плав-причалов. Большой объем работ предстоял по реконструкции взлетно-посадочной полосы аэродрома в поселке Рогачево.

В своих воспоминаниях «Самый первый на полигоне». П.Г. Астахов, прибывший в губу Белушья 24 сентября 1954 года, пишет: «...я оказался первым из получивших постоянное назначение на полигон. Припоминаю его состояние в то время. Жили в палатках. Питались из полевых кухонь под открытым небом на столах, наскоро сколоченных из досок. Близилась полярная ночь. По мере готовности сборных щитовых барачных бараков личный состав начали переселять туда».

Старшим начальником на Новой Земле был полковник Е.Н. Барковский, который вручил П.Г. Астахову ключи от сейфа, штатное расписание полигона ВМФ, книгу приказов по войсковой части 77510 для назначения прибывающих на должность и обязал заниматься регистрацией прибывающих, имеющих предписания в эту часть.

В ноябре 1954 года прибыл в Белушью, на директивно уже почти два месяца существующий ядерный полигон, его первый начальник. Командир в/ч 77510, известный подводник, североморец, Герой Советского Союза капитан 1 ранга Стариков В.Г. – ответственный за подготовку первого подводного ядерного взрыва. Это был решительный человек, звание Героя получил в апреле 1942 года. Будучи командиром подводной лодки «Малютка» М-171, он прорывался на ней в базы противника, уничтожая в упор его транспорт. После войны окончил две академии, с полигона он ушел командиром соединения кораблей (впоследствии стал вице-адмиралом).

В это же время, в соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР, на предприятиях и в институтах Министерства среднего машиностроения (МСМ) шли большие подготовительные работы к первому натурному испытанию в морских условиях. Были задействованы многие организации и предприятия Министерства судостроительной промышленности (МСП) и других организаций и ведомств. На них велись работы по созданию опытного образца изделия, аппаратуры контроля и по изготовлению различного оборудования. Совместно с ЦКБ и НИИ МСП разрабатывались проекты по оборудованию надводных кораблей, подводных лодок и береговых приборных сооружений, велись наблюдения за переоборудованием и работами на испытываемых кораблях, велась подготовка военно-морской техники для установки на опытовом поле и разработка необходимых методик ее испытаний. Нельзя не отметить, что в подготовке к испытаниям техники на Новой Земле с середины 50-х годов и до начала 60-х годов принимали участие сотни ученых инженеров, рабочих и испытателей различных ведомств, тысячи специалистов, обеспечивавших их успешное проведение.

В губе Черной в этот период безотлучно находились начальник штаба полигона капитан 1 ранга Н.И. Игнатьев и заместитель начальника 6 Управления, капитан 1 ранга А.Н. Вошинин, в последующем вице-адмирал, начальник 6 Управления ВМФ, внесший большой вклад в дальнейшее развитие ядерного полигона. Н.И. Игнатьев координировал общую деятельность на площадках испытаний, а вопросами, связанными с организацией предстоящего опыта, занимался А.Н. Вошинин.

На завершающей стадии подготовки к эксперименту на полигон прибыл руководитель испытания адмирал С.Г. Горшков, который заслушал доклады о состоянии готовности и о вопросах безопасности предстоящих работ. Все это способствовало тому, что 25 августа 1955 года было принято Постановление ЦК КПСС и правительства СССР о проведении первого испытания на новом полигоне. Приказом ГК ВМФ от 12 августа 1955 года, ядерный полигон был полностью подчинен 6 Управлению ВМФ и выведен из подчинения Беломорской флотилии. Так, благодаря героическим усилиям всех участников подготовки первого морского испытания, 1 сентября 1955 года полигон был практически готов к проведению эксперимента.

На испытательной площадке в губе Черная началась наладка измерительной аппаратуры и автоматике опытового поля с проведением репетиций. Испытуемое изделие собиралось в сооружениях (известных как ДАФ), построенных на второй площадке в заливе Рогачево, под руководством Е.А. Негина и Г.П. Ломинского. По достижении готовности изделие было доставлено на плав-причал второй площадки и погружено на тральщик, который с изделием совершил переход в губу Черная к месту испытаний, под командованием контр-адмирала Н.Д. Сергеева.

На этом корабле находился также и председатель Государственной комиссии – начальник 5 ГУ МСМ генерал-майор Н.И. Павлов. По прибытии на акваторию опытового поля, тральщик с изделием был установлен в центре размещенных кораблей-мишеней и плавучих измерительных стендов с аппаратурой.

Большое внимание уделялось прогнозу погоды, который готовила группа гидрометеорологов под руководством начальника ГУГМС академика Е.К. Федорова. Благоприятная погода прогнозировалась на 20-25 сентября.

В испытаниях приняли участие видные военачальники страны: главнокомандующий ВМФ С.Г. Горшков, начальники центральных управлений ВМФ, начальник 12 ГУ МО генерал-полковник В.А. Боляtko, заместитель министра обороны генерал-полковник А.И. Неделин и многие другие представители МО и промышленности.

Научное руководство испытаниями осуществляли академики Н.Н. Семенов, Е.К. Федоров, С.А. Христианович.

Задачи личного состава полигона состояли в регистрации параметров ядерного взрыва и контроля поведения морской техники во время взрыва (внешние эффекты). Измерительная аппаратура готовилась и обслуживалась прикомандированными специалистами от ведомственных институтов МСМ и личным составом испытательной части полигона.

В 10:00 21 сентября 1955 года с помощью системы телеуправления был выдан сигнал на подрыв изделия, опущенного на заданную глубину, и произведен первый в СССР подводный ядерный взрыв.

Испытания прошли успешно. Аппаратура опытового поля отработала нормально. Несколько тысяч приборов успешно зарегистрировали все измеряемые параметры физических полей. Полученный уникальный экспериментальный материал после экспресс-анализа был передан в НИИ для изучения и обобщения.

Своими впечатлениями об увиденном при этом взрыве поделился будущий начальник 6 Управления ВМФ Е.А. Шитиков, который во время испытаний был в составе оперативной группы при руководстве и отвечал за съемки кино-

фильма о проводимом испытании. Киносъемочная группа находилась ближе всех к центру взрыва – на расстоянии около 7 километров от эпицентра.

«Султан встал мгновенно и застыл, за исключением верхней части, где неспеша стала образовываться грибовидная шапка. Столб от внутреннего свечения был белый-пребелый. Такой белизны я никогда не видел. Казалось, что столб воды поставлен навечно, вышел джинн из бутылки и замер, не знал, что делать дальше. Потом султан начал медленно разрушаться сверху, опадал. В небе осталось облако, схожее с обычными облаками. Мы не почувствовали ударной волны, прошел какой-то ветерок. Зато очень хорошо был виден бег подводной ударной волны по поверхности воды. Как только облако взрыва отнесло от испытательной акватории, поспешили на корабли-мишени, боясь их затопления. На кораблях удалось снять на пленку все основные повреждения. Засняли мы и неповрежденные корабли. Этим наш фильм отличался от предыдущих, где всегда на первый план выдвигались самые страшные виды, а непострадавшие объекты в зрительный ряд не включались».

При взрыве образовались интенсивные поверхностные волны, явившиеся серьезным поражающим фактором для построенных на прибрежной полосе губы Черной сооружений и элементов берегового базирования флота.

Сверхчеловеческий труд многих сотен людей был вознагражден, а проявленные при этом энтузиазм, устремленность и нацеленность на решение поставленных задач в интересах Родины, были оправданы успешно проведенным испытанием ядерного оружия ВМФ и созданием Северного полигона. Государственная комиссия по итогам эксперимента записала вывод, что на новом полигоне на островах Новая Земля можно безопасно проводить не только подводные ядерные взрывы в летне-осенний период, но и испытания образцов ЯО в атмосфере практически без ограничения мощности взрывов и в течение всего года.

Этот вывод был своевременным в связи с ограничением мощности воздушных ядерных взрывов, проводимых на 2 ГЦНИП МО (Семипалатинский полигон), совпадал с постановлением 1954 года ЦК КПСС и СМ СССР, в котором была заложена мысль о перспективности развития нового полигона для испытаний атомного оружия и исследования всех его поражающих факторов.

Уже в марте 1956 года было принято решение о подготовке Северного полигона к испытаниям зарядов больших мощностей. Постановлением правительства СССР была организована Северная экспедиция № 7 для определения и оборудования опытового поля в зоне пролива Маточкин Шар на берегу губы Митюшихи Северного острова Новой Земли. Поставленная новая задача для своего решения на ядерном полигоне требовала его расширения. Что и было выполнено – такое опытовое поле для испытания ядерных зарядов мощностью до нескольких десятков мегатонн было определено, оборудовано и получило название – зона «Д».

К 15 апреля 1956 года Северная экспедиция № 7 была укомплектована специалистами в количестве 53 человек передового отряда во главе с контр-адмиралом П.Ф. Фоминим, а 23 апреля они высадились на пустынном берегу губы Митюшихи. Часть специалистов начала рекогносцировку с губы Крестовой и, оценивая местность для создания боевого поля, двигалась на юг до района Митюшихи, где работала основная группа по рекогносцировке возможности обустройства боевого поля для воздушных ядерных взрывов. На рекогносци-

ровку в составе комиссии в 1956 году выезжал представитель 12 ГУ МО полковник С.А. Зеленцов – специалист, уже участвовавший в воздушных испытаниях на Семипалатинском полигоне (впоследствии главный инженер 12 ГУ МО, генерал-лейтенант).

После обследования района будущих испытаний мощных ядерных зарядов прибыли основные силы Северной экспедиции, которые высадили на необорудованный берег губы Митюшихи строителей и монтажников с различной техникой, в том числе и тяжелой, оборудованием, имуществом. Разгрузку производили прямо на лед, в снег и без дорог. Опыт высадки в таких условиях был письменно доложен заместителю ГК ВМФ адмиралу Н.Е. Басистому. Он, начиная с 1955 года, от руководства ВМФ (по указанию ГК ВМФ) осуществлял общую координацию выполнения мероприятий на полигоне для обеспечения взаимодействия между управлениями, организациями и Северным флотом в период подготовки к испытаниям.

Все вопросы решались быстро, так как уже в III квартале 1956 года планировались испытания на боевом поле, которое стали именовать «Д-2». Установили необходимую аппаратуру – приборы радиоавтоматики, индикаторы и регистраторы измерений проникающей радиации, оснастили пункты оптических наблюдений, построили, оборудовав техническими средствами, бронеказематы. Командный пункт оборудовали на расстоянии 90 километров от центра боевого поля на полуострове Панькова Земля. В новые районы испытаний было высажено около 1500 человек. С апреля по июль 1956 года, практически круглосуточно работая, специалисты создали и оборудовали 320 объектов.

Очень ярко и верно описал порыв личного состава участников Северной экспедиции Н.Т. Мельниченко в своих воспоминаниях «Мы свято верили, что превыше всего интересы Родины» (записки монтажника 1956-1958 годов): «Наша молодость и сознание того, какое важное для Родины дело тогда мы делали, позволяла переносить неимоверные нагрузки. Совсем недавно кончилась Великая война и мы, дети войны, готовы были сделать все, чтобы война не повторилась. Это уже теперь нам сказали, что главное – права личности, мы же свято верили, что превыше всего – интересы Родины... На подготовку к эксперименту время было мало, надо было все взять с собой, забывчивость не допускалась, на помощь с Большой земли рассчитывать не приходилось. В конце апреля мы погрузились в трюмы «Енисея» и вышли в море. Вскоре вошли во льды. Арктика сурова, но очень красива. Взломанный лед оказался зелено-синий с белой шапкой снега...

Первого мая начали выгрузку на лед в нескольких километрах от высокого берега. Выгрузка ледокола – это больше недели круглосуточной работы... В поставленных строителями палатках почти не бывали. Формально рабочий день матросов был 12 часов, фактически – 16-18, офицеры отдыхают по 3-4 часа, так как матросы работают в две смены».

В заключение были проведены частные и комплексные репетиции, что позволило доложить о готовности полигона к испытаниям руководству государства в конце июля 1956 года. Однако испытания в этот год по ряду причин не проводились. Необходимо отметить большую работу по созданию на Северном полигоне экспериментальной базы для испытания ЯО не только для ВМФ, но и в интересах всех видов ВС.

Действовать зона «Д» полигона начала в сентябре 1957 года, когда на боевом

поле «Д-2» были проведены воздушные ядерные взрывы зарядов мегатонного класса 24 сентября и 6 октября, после чего на это опытовое поле и был перенесен значительный объем работ Семипалатинского полигона. Это поле стало единственным в стране местом проведения испытаний ядерных зарядов мегатонного класса. На испытаниях 1957 года представителем 12 Главного управления Министерства обороны был полковник Зеленцов С.А., который имел опыт в проведении воздушных испытаний, использования регистрирующей аппаратуры и методик измерений. Нужно отметить, что, докладывая правительству об этих испытаниях, министры МСМ и МО и ГК ВМФ просили при положительном решении на их проведение разрешить опубликовать в газетах «Красная звезда», «Северный флот» и «Известия» информацию о районе опасном для плавания судов и полетов самолетов с 10 сентября по 15 октября 1957 года. Разрешение было дано и газеты заранее опубликовали соответствующий текст.

Необходимо подчеркнуть, что вопросы создания полигона, его расширения для проведения воздушных испытаний мощных ядерных зарядов легли на плечи первого начальника шестого управления ВМФ контр-адмирала П.Ф. Фомина. Он вложил много сил в создание полигона и являлся одним из его основателей, а также практически бессменным заместителем председателя Государственной комиссии при проведении подводных и воздушных испытаний на Новой Земле.

Колоссальная работа, проделанная в арктических условиях усилиями личного состава полигона, испытателями МСМ и специалистами различных ведомств, в невероятно сложной обстановке, позволила совершить качественный скачок в создании ядерных вооружений СССР. Большое количество специалистов были награждены высокими государственными наградами. Это было знаком высочайшей оценки их напряженного труда.

При освоении северной зоны полигона и проведении на ней первых ядерных испытаний полигоном командовал контр-адмирал Н.Л. Лучкий. Начальником штаба у него был капитан 1 ранга В.К. Стешенко, начальником оперативного штаба при руководстве – капитан 1 ранга В.В. Рахманов, а в штаб руководства входили в основном офицеры 6 Управления ВМФ. Научной частью полигона руководил капитан 1 ранга В.П. Ахапкин. Успехи в освоении Новоземельского полигона позволили уже в 1958 году провести большую серию воздушных ядерных испытаний, которые проводились по схеме в два этапа: первый – февраль-март, второй – сентябрь-октябрь. Причем после первой серии из пяти ядерных испытаний СССР объявил односторонний мораторий на испытания. В марте 1958 года вышло Постановление правительства СССР, которым предусматривалось изменение статуса полигона. Морскому научно-исследовательскому полигону МВФ присваивалось наименование «Государственный центральный полигон № 6 МО СССР» (ГЦП-6) для испытаний атомных зарядов в интересах всех видов ВС СССР. П.Ф. Фомину 21 марта 1958 года присвоено очередное воинское звание вице-адмирал. В этот же период звание контр-адмирала получил А.Н. Щоцинин и генерал-майора Е.Н. Барковский.

Однако объявленный в марте мораторий не был поддержан США и Великобританией. В сентябре испытания возобновились – началось проведение второго этапа из девятнадцати воздушных ядерных взрывов. В этих испытаниях участвовал новый самолет-носитель на базе Ту-95.

Нельзя не отметить большую работу сил Северного флота по обеспечению

охраны и обороны ядерного полигона с моря, так как острова Новая Земля входят в зону его оперативной деятельности. Кроме выполнения этой плановой своей функции, Северный флот решал и поставленную задачу – усиление охраны ближней зоны проведения испытаний на полигоне. Для этой цели эскадра надводных кораблей флота выделяла эсминцы, постоянно находящиеся на боевом дежурстве в море, на период проведения работ. Особенно сложным было патрулирование кораблей в штормовые месяцы осенне-зимнего периода, что особенно характерно для испытаний 1957-1958 и 1961-1962 годов.

Позже мне пришлось служить начальником 6 Управления ВМФ, когда первым заместителем ГК ВМФ был адмирал флота И.М. Капитанец. Он так вспоминает о том времени, когда командовал эсминцем «Острый»: «20 сентября 1958 года эсминцы «Острый» и «Отменный» (командир – капитан 2 ранга Е. Никитин) были подняты по боевой тревоге контр-адмиралом Бакарджиевым. В течение 48 часов необходимо пополнить запасы, проверить все оружие и технические средства, особенно машинно-котельную установку, и быть готовыми к длительному плаванью. Конкретная задача будет поставлена по прибытии на место. Нам, командирам, сообщили, что идем на Новую Землю для обеспечения испытаний атомного оружия. Через двое суток корабли вышли в море под руководством командира 121-й брэм капитана 1 ранга Н. Егорова и взяли курс на губу Белушья. Переход был совершен без особых приключений. Прибыв на место, корабли стали на якоря, после чего мы отправились доложить командиру базы контр-адмиралу И.И. Пахомову. Начальник штаба базы капитан 1 ранга В.К. Степенко выдал нам задание: основная задача кораблей в период испытаний атомного оружия – прикрыть район с западного направления до кромки льда, не допустить вход в него любых кораблей. Западнее нашей линии патрулирования действовала разведывательная авиация Северного флота. Время нахождения на патрулировании еженедельно 4-5 дней, остальные дни – прием топлива и подготовка к плаванью.

Надо сказать, что в это время начинался осенне-зимний период – штормовая погода, сильные снежные заряды и малая видимость...

В середине ноября мы закончили обеспечение и убыли в Североморск».

В ноябре 1958 года министр среднего машиностроения Е.П. Славский обратился к ГК ВМФ С.Г. Горшкову по поводу дальнейшего развития Новоземельского полигона. Необходимо было перенести на него испытания ядерных зарядов малой мощности с 2ГЦНИП МО и увеличить количество боевых полей для испытания специзделий средней и большой мощности. Министр считал, что одного боевого поля в зоне «Д» для испытаний недостаточно и просил обеспечить создание в 1959 году дополнительных боевых полей на полигоне. ВМФ рассмотрел предложения МСМ и принял необходимые меры для решения стоящих задач по объему ядерных испытаний. Особенно это касалось зарядов очень большой мощности, испытания которых было бы желательно перенести еще дальше от материка. Однако рельеф местности севернее зоны «Д» резко менялся, там были высокие горы с мощными ледниками. Был рассмотрен район к северу от губы Митюшихи, как дублирующее поле для новых испытаний, на расстоянии порядка 27 километров от основного боевого поля «Д-2». Больше новых боевых полей для воздушных ядерных испытаний создавать не стали, а затем поступила команда готовиться к подземным ядерным испытаниям на Северном полигоне.

Большая серия ядерных испытаний, проведенная в 1958 году, позволила

объявить мораторий на их проведение, за которым последовала работа над договором о запрещении ядерных испытаний в трех средах.

Особенно напряженным и насыщенным в серии ядерных испытаний 1958 года, с минимальными интервалами между воздушными взрывами, был ее осенний этап. В этот период в испытаниях принимали участие конструкторы ядерных зарядов под руководством академика Я.Б. Зельдовича. Были эксперты и от АН СССР под руководством член-корреспондента АН М.А. Садовского, который являлся одним из основоположников физики взрыва (академиком АН СССР он стал в 1966 году). Науку интересовали размеры и границы зоны воздействия мощных ядерных взрывов и результаты этих воздействий на отдаленные районы зоны, особенно на материк. М.А. Садовский обладал обширными теоретическими знаниями, глубоким научным мышлением в сочетании с тонкой интуицией при выработке реальных практических предложений. Как научный руководитель Михаил Александрович уделял большое внимание теории физики взрыва и давал консультации по этим вопросам, которые проводились в период объявленного в 1959-1960 годах моратория при анализе проведенной накануне серии мощных воздушных взрывов. В это время Ю.С. Яковлевым и В.В. Софроновым разрабатывалась и была создана методика расчета давления отраженной от инверсионного слоя атмосферы воздушной ударной волны, которая в дальнейшем была положена в основу расчетов безопасности испытания изделий до 50 мегатонн. Методика позволяла оценить воздействие ударной волны на населенные пункты на территории материка (Кольский полуостров, Скандинавия) и на Новой Земле.

Выделялся своими знаниями специалист по поражающему воздействию атомного оружия Ю.С. Яковлев – старший офицер 6 отдела ВМФ, который, проходя службу в отделе, защитил докторскую диссертацию, проявил себя грамотным специалистом, Професионалом с большой буквы. Принимал участие в первом подводном ядерном испытании. При формировании в 1953 году специализированного научного учреждения ВМФ – ЦНИЛ-14 – был назначен заместителем руководителя лаборатории. В последующие годы ЦНИЛ-14 выросла и была преобразована в Институт № 16 ВМФ (более известный как войсковая часть 70170 в г. Ленинграде), который Ю.С. Яковлев и возглавил. Созданный им сильный научный коллектив занимался решением проблем и вопросов применения атомного оружия. Он внес большой вклад в развитие военной атомной науки, получил звание вице-адмирала.

После окончания военно-морского училища в 1957 году получил назначение на Северный полигон В.В. Софронов, который принял участие в воздушных ядерных испытаниях в 1957-1958 годах. Проявил склонность к научному анализу процессов, происходящих при взрыве, и был зачислен в группу исследования поражающих факторов ядерного взрыва. Значительный период времени проработал под руководством Ю.С. Яковлева, будучи зачислен научным сотрудником в войсковую часть 70170, где прошел школу физико-математической подготовки и проведения научных исследований. Защитил кандидатскую диссертацию. Неоднократно выезжал в командировку на полигон в период испытаний 1961-1962 годов.

О своем становлении и службе В.В. Софронов вспоминает: «В течение двадцати лет, начиная со службы на Новой Земле и в войсковой части 70170, мне довелось работать в области методов и средств контроля испытаний ядерного оружия и контроля его возможного применения.

Эти исследования привели к моему переходу по предложению Б. В. Замышляева в 1972 году в Загорск, а затем, в 1975 году по предложению командования 12 Главного управления, в Москву – начальником вновь создававшегося научно-исследовательского учреждения Министерства обороны.

Проблема обнаружения ядерных взрывов была интересна с нескольких точек зрения. С одной стороны, здесь были широчайшие проблемы комплексного исследования физических полей... С другой, привлекала проблема более высокого стратегического характера – через контроль испытаний и анализ проблем ядерного оружия к его запрещению».

Северному полигону была поставлена задача – обеспечить проведение подземных ядерных испытаний. Изыскательские геологические работы с целью определения возможности проведения таких испытаний были начаты осенью 1959 года группой геологов под руководством А.В. Дернова в районе пролива Маточкин Шар на южном острове Новой Земли. Изученные специалистами материалы обследования горного массива позволили признать этот район пригодным для проведения подземных ядерных испытаний. В начале 1960 года началось строительство специальной геофизической станции (ГФС), а горняки начали обустройство и готовились приступить к горнопроходческим работам по прокладке запроектированных штолен.

В 1961 году полигон интенсивно готовился к подземным испытаниям. По готовым проектам успешно шла проходка пяти штолен. Конечно, Арктика и здесь преподносила свои сюрпризы. Необычно быстрое таяние снега в июне привело к сходу снежных лавин и разрушению сооружений и оборудования промплощадок. Специалисты нашли решение этой проблемы и подготовили предложения по ликвидации последствий стихийного бедствия. Горнопроходческие работы были возобновлены.

Полигон продолжал подготовку к подземным ядерным испытаниям. Персоналом осваивались новые методики измерений, изучалась аппаратура и приборные комплексы. Положительной стороной подземных испытаний было уменьшение радиоактивного воздействия на окружающую среду (подземные испытания в сотни тысяч раз уменьшают это воздействие), в этом отношении они «благоприятнее» надземных. Учитывая опыт работы первого этапа, просматривались оптимальность и компактность размещения измерительной аппаратуры, улучшение условий проведения работ и повышение ответственности испытателей за результаты измерений в эксперименте. Короче говоря, в работе прибавлялось четкости и организованности.

С другой стороны, подземные испытания более трудоемки и имеют большую стоимость работ, т.е. затратные. Ведь штольня – это уникальная лаборатория для разового использования, она должна выдержать при испытании миллионные температуры и колоссальное давление. Район подземных ядерных испытаний на полигоне обозначили зоной «Д-9», а поселку дали название Северный.

В этот же период специалистами и учеными проводился анализ и подводились итоги первого этапа натуральных ядерных испытаний в трех средах. Они определили его важное военное, техническое и политическое значение.

Полученный в опытах большой экспериментальный материал изучался, исследовался, использовался в теоретических расчетах и обоснованиях для разработок новых образцов ядерного оружия, для моделирования ситуаций возможного его применения, для совершенствования методик измерений при ядерных

испытаниях, для более глубокого понимания новых явлений поведения материалов. Наряду с большой практической ценностью эти материалы вносили весомый вклад в развитие фундаментальной науки.

Большое внимание уделялось анализу и прогнозированию радиационной обстановки и ее последствиям, сравнительной оценке выдаваемых прогнозов и фактических показателей. Уже на первом этапе испытаний был обеспечен относительно низкий уровень радиационно-экологического воздействия на окружающую среду. Однако необходимо отметить необоснованность утверждений некоторых средств массовой информации о несоблюдении радиационной безопасности на Северном полигоне. У читателя и слушателя, у широкой общественности складывалось впечатление, что радиационной безопасности вообще не придавалось никакого значения, что этот вопрос упущен, даже появлялись высказывания, что испытатели стали заложниками испытаний и тому подобное. Это не имело ничего общего с действительным положением дел.

Служба радиационной безопасности на полигоне была организована одновременно с его формированием и всегда давала полноценную и достоверную информацию руководству полигона и председателю Госкомиссии для принятия решений о дальнейших действиях. При необходимости информировалось руководство МО, МСМ и государства. Контроль радиационной обстановки постоянно велся и специальной службой по линии МО, а также службой Госкомгидромета в глобальном плане на специально оборудованных для этого самолетах. В первом броске на боевое поле после взрыва высаживались радиационные разведчики – специалисты полигона. В зависимости от их информации о радиационной обстановке командный пункт принимал решение о начале движения специалистов по измерениям и аппаратурным комплексам или, как их тогда называли, – «группы съема информации».

Съем информации был ответственной операцией, так как ее экспресс-анализ позволял оценить качество проведения испытаний и их результативность. Попасть в группу съема считалось престижным. Участник первых испытаний на полигоне Новая Земля, начальник 6 Управления ВМФ, вице-адмирал Е.А. Шитиков, изучая этот вопрос при написании книги, исследовал и использовал архивные источники, среди которых обнаружил «Список дозиметрического обследования участников испытаний 21 сентября 1955 года (суммарные дозы)». По фактическим данным только несколько испытателей (в группе радиационных измерений) получили дозу, приближающуюся к предельно допустимой. Против большинства же фамилий испытателей стоит цифра 0,1 рентгена. Сравнительно небольшим оказалось значение доз у персонала групп первого броска радиационных измерений.

Были тревожные запросы и от рыбаков, когда руководство Мурманской области обратилось в ЦК КПСС по поводу обеспечения безопасности ядерных испытаний на Новой Земле. Ответ ЦК КПСС готовили министр Средмаша Е.П. Славский, зам. министра здравоохранения А.И. Бурназян и ГК ВМФ С.Г. Горшков. В записке доложили о радиационной обстановке после подводного ядерного взрыва в губе Черной. Проинформировали руководство о кратковременном загрязнении ее радиоактивными веществами. Однако напоминалось, что данный район входит в зону действия постоянного холодного течения Литке, омывающего острова Новая Земля. Это течение, с одной стороны, ограничивает распространение радиоактивных продуктов взрыва в открытое море, а с другой стороны, в силу постоянно низкой температуры (-0,6...-0,8 °С), препят-

ствует захождению в Черную губу промысловой рыбы. Проведенные в 1955-1957 годах гидробиологические исследования подтвердили факт отсутствия в указанном районе промысловой рыбы.

Учитывая важность контроля экологической обстановки на полигоне, на прилегающих к нему территориях материковой части и акваториях моря, была сформирована радиоэкологическая группа на корабле, оборудованном специальной аппаратурой. Группа осуществляла контроль состояния радиационной безопасности после ядерных испытаний, анализировала их влияние и исследовала возможное воздействие на окружающую среду. Вопрос радиоактивного воздействия всегда находился под постоянным контролем. Другое дело, что в то время эта информация была закрытой и не публиковалась в открытой печати, причем не только в нашей стране.

Анализ проведенных первых испытаний в двух средах показал высокий уровень полученных результатов, что говорило о профессионализме специалистов испытателей и ученых, участвующих в экспериментах как со стороны промышленности (МСМ), АН СССР, так и со стороны военных (МО).

Особенно хочется отметить специалистов научно-исследовательской части полигона и войсковой части 31100, которые длительное время находились на опытовых полях. Были периоды, когда испытатели, не считаясь со временем и здоровьем, в сложных условиях Арктики трудились по 18 часов в сутки и качественно выполняли задания. На их плечи ложилась и задача сохранения сооружений, аппаратуры и поддержание их в готовности в перерывах между испытаниями. Личному составу полигона и прикомандированным испытателям приходилось особенно трудно в первые годы, так как большой объем проводимых работ требовал полной отдачи физических, умственных и духовных сил. Все это усугублялось отсутствием нормальной обустроенной лабораторно-испытательной базы, неустроенностью жилья и быта, трудностями материального обеспечения, удаленностью от основных баз полигона.

Особенно сложные условия были у личного состава, который проходил службу в составе командных пунктов. Это были небольшие по численности коллективы, зимовавшие вдали от основной базы полигона, чтобы поддерживать готовность сооружений КПА и их аппаратурных комплексов. Такие дежурства и высокая готовность комплексов боевого поля позволили в 1961 году, после прекращения моратория на воздушные испытания как в США, так и в СССР, возобновить их в кратчайшие сроки.

Несмотря на поддержание полигона в постоянной готовности к испытаниям, отмена моратория в этот период (шла подготовка к подземным ядерным испытаниям) была полной неожиданностью. Перед полигоном была поставлена задача подготовки его боевых полей к воздушным ядерным испытаниям для проверки новых мощных опытных зарядов и проведения стрельб принятым на вооружение ядерным оружием. Учитывая близость зоны «Д» к району подготовки подземных испытаний, потребовалось приостановить их подготовку в зоне «Д-9» и провести временную консервацию всех сооружений Геофизической станции. В дальнейшем это сдержало начало их проведения на Северном полигоне, где они впервые были проведены только в сентябре 1964 года.

После постановки полигону задачи о готовности к 1 сентября 1961 года началась подготовка его боевых полей к воздушным испытаниям, до которых оставался один месяц.

Проведение серии испытаний, в том числе сверхмощного изделия, было предложено рассмотреть на Научном совете МСМ. Для этого потребовалось подготовить материалы расчетов поражающего действия воздушного взрыва мощностью в 50 мегатонн. Материалы, подготовленные под руководством Ю.С. Яковлева к октябрю 1961 года, показывали возможность проведения такого взрыва без опасения неблагоприятных последствий и явлений на прилегающее побережье материка. Научный совет собрался в октябре весьма представительным, руководил его работой министр Е.П. Славский. Доклад на совете о возможности проведения такого взрыва Ю.С. Яковлев делал неторопливо, четко, обоснованно, аргументировано. Ясность изложения не вызвала вопросов и возражений участников. Научный совет рекомендовал проведение такого эксперимента на полигоне Новой Земли.

Мощные взрывы грохотали в зоне «Д» с сентября по ноябрь 1961 года и с августа по декабрь 1962 года. В этот период было проведено более 40 натурных опытов в двух средах, осуществлены испытания конкретных образцов оружия в ядерном оснащении различного номинала мощности. В том числе была испытана атомная бомба с ядерным зарядом 50 мегатонн, т.н. супербомба, сброшенная с самолета ТУ-95-202.

Руководителем испытаний был генерал-майор Н.И. Павлов, начальник 5ГУ МСМ, подготовку супербомбы на аэродроме Оленья проводили специалисты КБ-11 под руководством Е.А. Негина и Е.И. Забабахина. Взрыв ее был успешно произведен 30 октября 1961 года.

Как показали испытания 1961 года, Северный полигон (6 ГЦП) является единственным местом, где можно испытывать различные виды ракетного, торпедного и авиационного оружия с ядерными зарядами сверхмощных, средних и малых калибров. На продолжение испытаний в 1962 году требовалось дополнительное финансирование, необходимое для восстановления боевых полей, которые пострадали от взрыва супербомбы, для восстановления предусмотренных предварительными расчетами разрушений в зоне «Д-9» и продолжения строительства поселка, где возобновились подготовительные работы к подземным испытаниям.

Группы испытателей, как правило, были сборными из специалистов полигона и специалистов МСМ. Условия работы испытателей на боевых полях в этот цикл испытаний были очень трудными. Частота проводимых испытаний и удаленность площадок испытаний от баз полигона требовали от всех участников высочайшей мобилизации. Сложные погодные условия в осенне-зимний период деятельности усложняли работу частыми перерывами по метеоусловиям полетов самолетов-носителей, вертолетов обеспечения испытателей, самолетов-лабораторий слежения за переносом воздушных масс.

Большое внимание испытаниям атомного оружия флота в 1962 году, как новому виду вооружения для создаваемого океанского флота, уделял ГК ВМФ. После выхода постановления правительства на разрешение таких испытаний и утверждения организационных инструкций и программных планов ГК ВМФ прибыл на полигон и лично проверял готовность личного состава, технических средств и полигона в целом к проведению испытаний. После инспекции им были даны указания Главному штабу ВМФ, направленные на улучшение обеспечения работ на Северном полигоне и повышения готовности сил Северного флота.

Председателем Государственной комиссии был утвержден командующий СФ адмирал В.А. Касатонов. Одновременно силами флота были оборудованы рейд, мишенная обстановка и приборное обеспечение боевого поля в губе Башмачной. Испытание прошло успешно, получена полная информация, были уточнены расчетные данные о поражающих факторах взрыва и о радиационной обстановке. По результатам испытаний были подготовлены отчетные материалы. В 1964 году В.А. Касатонов назначается первым заместителем ГК ВМФ, а в 1965 году ему было присвоено звание «адмирал флота»!

Важнейшей особенностью испытаний 1961-1962 годов является обеспечение низкого уровня радиационно-экологических последствий. И это несмотря на то, что мощность испытываемых изделий составляла от единиц тысяч тонн до десятков мегатонн тротилового эквивалента. Испытания не привели к существенному радиоактивному загрязнению ни территорий полигона, ни территорий и акватории моря, прилегающих к островам Новая Земля. Этому способствовала правильность расчетов специалистов при выборе высоты подрыва и синоптического прогноза погоды для проведения опытов. Подтвердили минимально возможные уровни радиации и оперативные замеры, а также оценки состояния и детальное обследование региона, проведенные в последующие годы. Сохранение нормальной радиационно-экологической обстановки на территории полигона позволило и в дальнейшем обеспечить его нормальное функционирование в режиме подземных ядерных испытаний и других экспериментов.

С завершением испытаний в 1962 году закончился первый период в развитии Новоземельского полигона – период воздушных испытаний. Наверное, было бы правильным назвать фамилии командиров войсковой части 77510, которые в этот период создавали, совершенствовали, руководили, организовывали, обеспечивали проведение испытаний и выживание Северного полигона, отвечая за все вопросы безопасности. Это были: Герой Советского Союза, капитан 1 ранга В.Г. Стариков, капитан 1 ранга Н.А. Осовский, контр-адмирал Н.Л. Луцкий, контр-адмирал И.И. Пахомов, генерал-майор артиллерии Г.Г. Кудрявцев (впоследствии генерал-лейтенант).

В 1963 году был рассмотрен вопрос о подготовке проекта договора между правительствами СССР, США и Англии о запрещении ядерных испытаний в трех средах – космосе, воздухе и под водой.

В августе этого же года в Москве эти державы подписали Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой.

В жизни полигона начался второй период его развития – период подготовки и проведения подземных ядерных испытаний без ограничения мощности взрыва в штольнях и скважинах. Этот период включает 1963-1975 годы. Начальниками ядерного полигона в этот период были: вице-адмирал Е.П. Збрицкий, контр-адмирал В.К. Стешенко, контр-адмирал Н.Г. Миненко, контр-адмирал С.П. Кострицкий, который командовал полигоном почти восемь лет, внес большой вклад в развитие инфраструктуры, обустройства и телевидения на полигоне.

В этот период возобновилась подготовка полигона к подземным ядерным испытаниям с использованием результатов изыскательских работ, проведенных в 1959 году, и проектных разработок на пять штолен.

Возобновились проходческие работы на штольнях, которые были начаты в

1960 году. Все это потребовало определенных изменений в организации управления, в разработке новых технологий и методик, в совершенствовании измерений и создании новой аппаратуры, а в дальнейшем и создания специальных автоматизированных измерительных комплексов. Возник вопрос корректировки и отработки новых методик прогнозирования и создания аппаратуры контроля радиационной обстановки в районе испытаний и за пределами полигона. Были привлечены научные работники и специалисты МСМ, МО, ВМФ и ИФЗ АН СССР. Это позволило успешно обеспечить проведение запланированных испытаний, а в дальнейшем и возрастающий объем работ на Северном полигоне, для решения задач подземных испытаний, предусмотренных постановлениями правительства.

В 1964 году 18 сентября был проведен первый подземный ядерный взрыв на Новой Земле. После этого взрыва такие испытания стали проводиться регулярно вплоть до 1990 года. Постоянно совершенствовались методики их проведения, менялся и облик измерительного комплекса. Значительный вклад в организацию подземных испытаний ядерных зарядов на Северном полигоне внесло 5 Главное управление МСМ. Начальником Главного управления в начале этого периода стал Г.А. Цырков, который многократно возглавлял Госкомиссию по проведению испытаний на полигоне. Заместителем председателя Госкомиссии по измерениям, разработчиком уникальных методик и аппаратуры для измерений при ядерных подземных испытаниях и контролю за ядерными взрывами был В.Н. Михайлов.

С 1970 года В.Н. Михайлов был заместителем директора НИИИТ по научной работе, затем главным конструктором, директором НИИИТ. Впоследствии, в 1987 году, назначен заместителем министра по ядерно-оружейному комплексу, с 1992 года – первый министр Российской Федерации по атомной энергии. В настоящее время В.Н. Михайлов – научный руководитель Российского Федерального ядерного центра ВНИИЭФ (г. Саров) и директор Института стратегической стабильности, академик российской Академии наук.

С В.Н. Михайловым я познакомился в середине семидесятых годов, а работать с ним пришлось на 6 ГЦПМО в 1982 году, когда он прибыл на очередные испытания на полигон. В это время я был на Новой Земле заместителем начальника полигона, отвечал за подготовку, организацию, готовность ГФС к испытаниям и был руководителем создаваемого временного формирования из личного состава полигона для обеспечения испытаний. В.Н. Михайлов прибыл на полигон раньше Государственной комиссии, чтобы определиться с обстановкой и изучить состояние дел, ход подготовки к экспериментам. Работая в тесном контакте, мне пришлось довольно хорошо ознакомиться с его методами и стилем работы. Нравился его подход к контролю хода работ по подготовке к ядерным испытаниям, который он считал необходимым в столь сложных и ответственных экспериментах. Импонировала его манера полной проверки всего, что устанавливается и что делается в штольне и на аппаратурной площадке измерительных комплексов, так как для него мелочей при подготовке ядерных испытаний не существовало. Это был его принцип.

Мне стало ясно – надо многому учиться, чтобы быть хорошим испытателем. У нас состоялась беседа и я понял, что В.Н. Михайлов – испытатель от бога. Попросил его провести занятия со мной, так как, вплотную столкнувшись с ядерными испытаниями, хотел бы яснее понять сущность физических процессов,

основы измерений при испытаниях, вопросы безопасности. Такие занятия были проведены. Записи эти хранятся у меня по сей день. Понравился мне и подход В.Н. Михайлова к решению вопросов, возникающих в процессе работы. Все небольшие вопросы решались на месте, оперативно. Сложные вопросы уточнялись, обдумывались, обсуждались и только после этого выносилось решение, иногда даже письменное. Удовлетворение у В.Н. Михайлова наступало, если исполнители понимали поставленную задачу или грамотно могли предложить свое решение вопросов.

Неоднократно Госкомиссии по испытаниям опытных ядерных зарядов на полигоне возглавляли Е.А. Негин, С.Н. Воронин, Е.И. Парфенов.

При освоении подземных ядерных взрывов в условиях вечной мерзлоты, короткого арктического лета личный состав испытателей проявлял незаурядные способности, инициативу, находчивость и мужество. Люди руководствовались чувством долга, ответственности и значимости для обороны государства проводимых работ, выполняемых ими в таких условиях.

Порывом энтузиазма были охвачены практически все участники испытаний, не требовалось каких-либо специальных контрольных мероприятий, понимание и профессионализм были на высоком уровне, инициатива разумной. Все это способствовало сокращению сроков подготовки к испытаниям и обработки информации, получаемой в эксперименте.

Добросовестный, самоотверженный труд людей на полигоне способствовал тому, что испытания проходили успешно, программа их проведения выполнялась и оценки Госкомиссии были положительными.

Высоко оценило труд испытателей и Правительство. Только на полигоне за период его существования было награждено орденами и медалями более 350 человек (это до 1991 года). Полигон отмечен юбилейным почетным знаком «50 лет СССР», а в последующем за большой вклад в дело укрепления обороны страны награжден «орденом Ленина». За особое усердие, проявленное личным составом при испытаниях нового вооружения и техники Вооруженных Сил, полигону был вручен вымпел министра обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть».

Так завершился третий период в развитии полигона в 1976-1990 годы, когда были ограничены мощности подземных испытаний до 150 килотонн.

В этот же период были задуманы и проведены на полигонах СССР и США испытания по согласованным программам, т.н. совместные эксперименты по контролю. Испытания по контролю мощности проводимых подземных взрывов с установленным ограничением их верхнего предела на Невадском полигоне прошли 17 августа 1988 года, а на Семипалатинском – 14 сентября 1988 года.

В конце 80-х годов в СССР объявлялись постоянные односторонние политические моратории, которые закончились проведением последнего ядерного испытания в СССР на Северном полигоне 24 октября 1990 года.

Начальниками ядерного полигона в этот период были: до 1982 года вице-адмирал С.П. Кострицкий, затем вице-адмирал В.К. Чиров и контр-адмирал Е.П. Горожин. Вице-адмирал В.А. Горев провел последний ядерный взрыв, принял ознакомительную совместную делегацию США и РФ на Новоземельском полигоне в 1993 году. Делегация ознакомилась с планируемым испытанием «Прилив» в рамках будущего СЭЖ на этом полигоне, с условиями быта, тех-

ником и качеством проходимой штольни. Делегация США была ознакомлена с проливом Маточкин Шар на вертолетах.

Однако мне хотелось бы еще рассказать о работе специалистов гидрометеорологической службы государства, которые проводили большую работу при проведении испытаний. Не вспомнить о ее деятельности нельзя, а ее руководитель – академик РАН Ю.А. Израэль – сам лично бывал на испытаниях на Новой Земле 17 раз. Для обеспечения проведения испытаний проводились, перед началом выхода на «Ч», суточные консультации метеослужбы и Государственной комиссии полигона специалистами гидрометеослужбы из Москвы.

Выбор необходимого направления ветра, расположение циклонов и антициклонов, их движение – все это принималось во внимание для обеспечения радиационной безопасности. После завершения испытания велось наблюдение за состоянием атмосферы в районе полигона и по пути следования ее потоков, за контролем распространения воздушных масс с помощью специально оборудованных самолетов-лабораторий МО и Госкомгидромета. И, как правило, подтверждалась правильность расчетных прогнозов. На самолетах находились специальная аппаратура и высококвалифицированные специалисты Г.А. Кауров, А.М. Матущенко и др. Это соблюдалось при всех видах испытаний, всегда составлялся официальный отчет.

При создании, обустройстве и подготовке к испытаниям полигона на островах Новая Земля значительный вклад внесли военные строители, а позже и горнопроходчики, осваивая строительство и проходку штолен в Арктике в условиях вечной мерзлоты.

Особенно остро встала проблема мерзлоты при постройке крупных сооружений, кирпичных жилых домов, зданий соцкультбыта. Несмотря на трудности возведения зданий в таких условиях, проблема была успешно решена – строения выдержали испытание временем, а люди жили и трудились в нормальных условиях. Строители освоили в дальнейшем возведение сооружений на сваях, что помогло избежать растепления грунта под ними и, как следствие, их разрушение. Создали причальный фронт. Особые трудности представлял причал в проливе Маточкин Шар, который потребовал особого искусства установки. Он выдерживал натиск льда и ветра, но профилактику ему приходилось делать ежегодно.

Работа военных строителей в этих условиях была трудной, тяжелой и самоотверженной, практически каждый достоин, чтобы о нем вспомнили. Вот уж воистину – «военный строитель везде был первым».

Долгие годы работа Северного полигона, в силу режимных требований, мало освещалась СМИ и была вне поля зрения общественности. О полигоне и о людях, которые трудились в условиях Арктики, создавая щит Родины в тяжелейших условиях с отдачей всех сил новому делу – испытаниям атомного оружия, не писали и не рассказывали. Когда разрешили рассказать о полигоне на островах Новая Земля, к сожалению, большая часть появившейся информации была, мягко говоря, не очень объективной, а часто носила злобный оттенок. У составителей и авторов этой информации не нашлось слов для описания подвига и величия людей атомной эры. Они ухватились за обсуждение экологических вопросов, причем без достаточных знаний в этой области науки, и не имея достоверной информации о радиологической обстановке в районе полигона. При чтении создавалось впечатление, что пишется все это специально, чтобы принизить

мужество испытателей, не заметить содеянного подвига в Арктике. Участники работ на полигоне – испытатели, ученые, специалисты, представители службы радиационного контроля – люди понимающие, пытались поправить этих «писателей», приводя примеры, факты, цифры. Ведь они и их семьи жили при проведении испытаний, у них рождались крепкие дети в родильном отделении госпиталя полигона. Ответ на все факты и цифры был один – вы ничего не понимаете, все вы были заложниками испытаний.

Сейчас обстановка стала меняться к лучшему. Появилось много научных монографий, где все вопросы, связанные с ядерными испытаниями, разложены по своим местам. Появились бесценные мемуарные воспоминания непосредственных участников ядерных испытаний (большинству из которых за семьдесят лет) – «Частица отданной жизни», «Ядерный Архипелаг», полевые исследования Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) под начальством П.В. Боярского в 1994, 1995, 1996 и 1997 годах. Труды МАКЭ изданы в виде книги «Новая Земля» – книга 1 и книга 2 (части 1, 2, 3). Большой раздел в ней посвящен истории островов Новая Земля и созданию Центрального полигона РФ, научным аспектам последствий проведенных ядерных взрывов и радиологической обстановке в Баренцевом море и его регионах, обобщены результаты социологического опроса контингента местного гарнизона.

Совсем новая монография «Новоземельский полигон» – издание 2000 – факты, свидетельства, воспоминания. И многие другие издания.

Изучая материалы о проведенных ядерных испытаниях, анализируя и сопоставляя объемы выполненных работ и их результаты, можно сказать: «Испытатели – это гордость полигона. Люди, которые занимались испытаниями ядерных зарядов, – это специалисты высокого класса, понимавшие всю ответственность, которая выпала на их долю перед сообществом землян, и доказавшие, что проведение ядерных испытаний в условиях Арктики – удел мужественных, смелых и решительных». На этом фоне особенно ярко звучат слова ветеранов Минатома России, с которыми они обратились к коллегам в связи с 50-летним юбилеем (август 1995 года) отрасли: «Сегодня мы, ветераны отрасли, со спокойной совестью говорим, что все мы живы и радуемся миру».

Характерно, что оценки наших специалистов-испытателей совпадают с заключением экспертов США, впервые посетивших Северный полигон в июне 1993 года, которое было доброжелательным и положительным. Знакомительный визит предоставил американским специалистам возможность ознакомиться с условиями работы на полигоне, проживанием, лечением и мерами обеспечения безопасности. Специалистам США была предоставлена возможность ознакомиться с некоторыми деталями подземного ядерного испытания «Прилив» в рамках СЭЖ, которое должно было проводиться назначенным персоналом США и России. Состав американской делегации – 14 человек, руководитель Роберт Кокерхам, глава гидродинамических измерений Роджер Хилл, участник СЭЖ на Невадском и Семипалатинском полигонах, члены координационной группы по испытаниям «Джанкшин» и «Прилив». Юджин Макензи – заместитель руководителя делегации, Уильям Флангс – инженер по горной безопасности, одновременно специалист в составе координационной группы по испытанию «Прилив» и др.

После ознакомления, осмотра промплощадок, техники и оборудования, ответов на все вопросы членов американской делегации, в которых были даны ис-

черпывающие пояснения, состоялся полет в поселок Северный к месту проведения будущего подземного испытания СЭЖ. Одновременно была проведена проверка системы спутниковой связи. Мобильная аппаратура спутниковой связи работала устойчиво во всех пунктах проверки и при этом была установлена связь с посольством США в Москве, с Вашингтоном и Невадским испытательным полигоном. В своих переговорах по средствам связи руководители делегации США дали положительную оценку состоянию полигона и отметили, что радиационная обстановка на полигоне нормальная.

Поинтересовались, в какой период времени в нашей практике на полигоне испытания не проводятся – мы указали период с 15 декабря по 15 марта. Но уточнили, что при ледокольном обеспечении можно работать, при необходимости, круглый год. Работа наших испытателей в условиях Арктики вызвала у них уважение к нашим специалистам, а Роджер Хилл произнес проникновенные слова в их адрес. Смысл этих слов – только преданные делу, мужественные и любящие свою Родину люди могут так трудиться в этих условиях. Одновременно он добавил, что мы будем стараться завершить наш совместный эксперимент по контролю в благоприятный период времени. Специалисты США посетили полигон, когда уже четвертый год действовал мораторий на проведение взрывов после подземного ядерного испытания 24 октября 1990 года, которое по настоящее время является последним.

Этим взрывом закончился третий период деятельности полигона – с 1976 по 1990 год – период подземных ядерных испытаний мощностью до 150 килотонн. Во время их проведения и родилась идея совместных экспериментов по контролю мощности проводимых подземных ядерных взрывов на полигонах наших стран и созданию положения о периодичности проведения контрольных проверок специалистами США и СССР, оформленному Договором.

Договор об ограничении мощности подземных испытаний, подписанный в Москве 3.06.1974 года, вступил в силу после проведения СЭЖ – 11.12.1990 года, но следует отметить, что после 31.03.1976 года стороны не проводили взрывов, противоречащих условиям подписанного Договора.

Развернувшиеся в стране в конце 80-х – начале 90-х годов события, привели к тому, что в жизни Северного полигона начался четвертый период, который определен Указом Президента Российской Федерации от 27.02.1992 года № 194. Новоземельскому полигону был придан статус «Центрального полигона Российской Федерации (ЦПРФ)».

В этот сложный и трудный период руководителями жизнедеятельности и выживания ядерного полигона были его начальники: контр-адмирал В.С. Ярыгин, первый командир Российского ядерного полигона, контр-адмирал В.В. Шевченко – генерал-майор С.Д. Астапов – с 1999 года и по настоящее время. В своей флотской службе Ярыгин В.С. был командиром авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов», который он перебазировал с Черноморского флота на Северный флот (в последствии стал вице-адмиралом).

Необходимо отметить, что с 1996 года на полигоне проводятся неядерновзрывные эксперименты в интересах обеспечения надежности, безопасности и продления срока годности ядерного арсенала России, не запрещенные в условиях действия ДВЗЯИ. Предусматривается готовность полигона к проведению ядерных испытаний в интересах национальной безопасности государства, с выходом из Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

В 1993 году США приступают к процессу консультаций с другими ядерными державами и ключевыми странами по выработке Договора по ВЗЯИ. Считалось, что Договор по ВЗЯИ может рассматриваться как шаг на пути к ядерному разоружению. 24 сентября 1996 года – в день открытия Договора для подписания – Россия, наряду с остальными ядерными державами, подписала ДВЗЯИ. После консультаций и изучения необходимого финансового обеспечения Договора в стране, Россия 27 мая 2000 года приняла закон о ратификации ДВЗЯИ за номером 27-ФЗ. Соединенными Штатами Договор о ВЗЯИ до сих пор не ратифицирован.

□ 4.5. АРКТИЧЕСКИЙ ПОЛИГОН

Думик В. П.

Капитан 1 ранга, кандидат технических наук.

Новая Земля – это обширный архипелаг в Северном Ледовитом океане, расположенный между Баренцевым и Карским морями. Архипелаг состоит из множества мелких островов и двух больших – Северного и Южного, – разделенных проливом Маточкин Шар. В целом архипелаг занимает площадь около 83 тыс. квадратных километров, что сопоставимо с территорией Австралии. Около четверти всей площади архипелага занято льдом.

31 июля 1954 года было принято постановление Совета Министров СССР о создании полигона на Новой Земле. Он получил название «Объект-700». Госкомиссия рекомендовала разместить базу полигона в становище Белушья, аэродром в Рогачево, а в качестве боевого поля использовать губу Черную.

В период становления полигон имел три зоны испытаний: «А» – губа Черная, «Б» – губа Белушья, «В» – Рогачево. К концу августа 1955 года были построены основные сооружения первой очереди полигона. Окончательное постановление о проведении первого испытания принято 15 августа того же 1955 года.

В целях обеспечения воздушных ядерных испытаний постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 марта 1956 года территория полигона была расширена, а 5 марта 1958 года он получил статус Государственного центрального полигона № 6 Минобороны.

24 сентября 1956 года состоялись испытания опытного изделия мощностью более мегатонны с воздушным ядерным взрывом на высоте 2 километров. Так начала действовать зона «Д» полигона. Она стала единственным в стране местом проведения испытаний зарядов мегатонного класса.

Общеизвестен проведенный по инициативе Н.С. Хрущева 50-мегатонный взрыв 30 октября 1961 года. Положительная особенность рекордного заряда состояла в том, что на термоядерные реакции приходилось 97% его мощности, т.е. он отличался высокой «чистотой» и соответственно минимумом осколков деления, дающих радиоактивное заражение.

В 1961 году полигон интенсивно готовился к подземным испытаниям. Успешно шла проходка пяти штолен. Однако мощные воздушные взрывы, проведенные на полигоне в сентябре-ноябре 1961 года, замедлили подготовку к подземным испытаниям. Это стало одной из причин того, что первый подземный взрыв на Новой Земле провели только 18 сентября 1964 года, тогда как на Семипалатинском полигоне он состоялся в 1961 году.

За свою историю Новоземельский полигон освоил пять видов испытаний ядерного оружия: подводные, наземные, приводные, воздушные, подземные (в штольнях и скважинах). Подводные взрывы были окончены в 1961 году, наземный был проведен только в 1957 году, последний подводный – в 1962 году, и в этом же году были закончены воздушные испытания.

Указом Президента России «О полигоне на Новой Земле» 6-й Государственный центральный полигон МО СССР в 1992 году был преобразован в Центральный полигон Российской Федерации. В 1995-м определен его статус и режим функционирования в условиях действия Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. В настоящее время на полигоне проводятся неядерно-взрывные эксперименты в целях поддержания надежности и безопасности ядерного арсенала России.

□ 4.6. ОТ ВОЗДУШНЫХ – К ПОДЗЕМНЫМ

Золотухин Г.Е.

Еще грохотали мощные воздушные взрывы, а Новоземельскому полигону была поставлена задача обеспечить проведение подземных ядерных испытаний. Страна готовилась совершенствовать оружие в условиях готовящегося Договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах – космосе, воздухе и под водой.

ТАК БЫЛО.

Изыскательские геологические работы с целью определения таких испытаний были начаты осенью 1956 года группой геологов под руководством А.В. Дернова в районе пролива Маточкин Шар на южном острове Новой Земли. Изученные специалистами материалы обследования горного массива позволили признать этот район пригодным для проведения подземных ядерных испытаний. В начале 1960 года началось строительство специальной геофизической станции, а горняки вскоре приступили к горнопроходческим работам по прокладке штолен.

Персоналом осваивались новые методики изменений, изучалась аппаратура и приборные комплексы. В этот же период специалистами и учеными проводился анализ и подводились итоги первого этапа натурных ядерных испытаний в трех средах. Полученный большой экспериментальный материал изучался, исследовался в теоретических расчетах и обоснованиях для разработок новых образцов ядерного оружия.

Отмечу, что уже на первом этапе испытаний был обеспечен относительно низкий уровень радиационно-экологического воздействия на окружающую среду.

Несмотря на поддержание полигона в постоянной готовности к испытаниям, отмена моратория в этот период (шла подготовка к подземным ядерным испытаниям) была полной неожиданностью для специалистов. Перед полигоном была поставлена задача подготовки его боевых полей к воздушным ядерным испытаниям для проверки новых мощных опытных зарядов и проведения стрельб принятым на вооружение ядерным оружием.

Проведение серии испытаний, в том числе сверхмощного изделия, было предложено рассмотреть на Научном совете Министерства среднего машиностроения (МСМ). Для этого потребовалось подготовить расчеты поражающего действия воздушного взрыва мощностью в 50 мегатонн. Материалы, наработанные под руководством Ю.С. Яковлева к октябрю 1961 года, показывали возможность проведения такого взрыва без опасения неблагоприятных последствий и явлений на прилегающее побережье материка. Научный совет, собравшийся в октябре (его работой руководил Е.П. Славский), рекомендовал проведение такого эксперимента. С сентября по ноябрь 1961 года и с августа по декабрь 1962 года проведено более 40 натуральных опытов в двух средах, осуществлены испытания конкретных образцов оружия в ядерном оснащении различного номинала мощности. В том числе, 30 октября 1961 года была успешно испытана атомная бомба с ядерным зарядом 50 мегатонн, т.н. супербомба, сброшенная с самолета Ту-95-202. Руководителем испытаний был генерал-майор Н.И. Павлов – начальник 5-го Главного управления МСМ. Подготовку супербомбы на аэродроме Оленья проводили специалисты КБ-11 под руководством Е.Н. Негина и Е.Н. Забабахина. Важнейшей особенностью тех испытаний являлось обеспечение низкого уровня радиационно-экологических последствий.

С завершением испытаний в 1962 году закончился первый период в развитии Новоземельского полигона – период подводных и воздушных испытаний. Назову командиров воинской части, которые в разное время руководили, организовывали, обеспечивали проведение испытаний и выживание Новоземельского полигона, отвечая за все вопросы безопасности. Это Герой Советского Союза капитан 1 ранга В.Г. Стариков, капитан 1 ранга Н.А. Осовский, контр-адмиралы Н.А. Луцкий, И.И. Пахомов, генерал-майор артиллерии (впоследствии генерал-лейтенант) Г.Г. Кудрявцев.

В августе 1963 года в Москве ядерные державы подписали Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. В жизни полигона начался второй период его развития – период подготовки и проведения подземных ядерных испытаний без ограничения мощности взрыва в штольнях и скважинах, который продолжался по 1975 год. Начальниками ядерного полигона в этот период были: вице-адмирал Е.П. Збирский, контр-адмиралы В.К. Стещенко, Н.Г. Миненко, вице-адмирал С.П. Кострицкий, который командовал полигоном почти восемь лет и внес большой вклад в развитие инфраструктуры, телевидения на полигоне, обустройства быта личного состава.

□ 4.7. УЧАСТИЕ СПЕЦСЕКТОРА ИХФ АН СССР В СОЗДАНИИ И ПРОВЕДЕНИИ ИСПЫТАНИЙ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В ПЕРИОД 1946-1963 ГОДОВ

*Адушкин В.В. – член-корреспондент РАН,
Гарнов В.В. – кандидат технических наук.*

О поэтапном участии Спецсектора ИХФ в создании и проведении испытаний ядерного оружия.

В августе 1999 года отмечалось 50-летие со дня испытания первой атомной бомбы в СССР. Этой дате было посвящено много публикаций в прессе и в различных сборниках с воспоминаниями участников этих событий, в том числе и

сотрудников ИХФ. В 2001 году отмечалось 70-летие создание Института химической физики (ИХФ). В связи с этими датами хотелось бы отметить некоторые этапы участия ИХФ и его Спецсектора в создании и испытаниях ядерного оружия.

На основе опубликованного фактического материала возникла возможность в хронологическом порядке проследить и отметить те события, в которых принимали непосредственное участие сотрудники не только Спецсектора, но и ИХФ в целом. Эти события не могут быть рассмотрены без связи с общей многоструктурной организацией разработки испытаний ядерного оружия, которая реализовывалась под научно-техническим руководством И.В. Курчатова.

Отметим наиболее значимые события, связанные с участием ИХФ в Атомном проекте в его самый начальный период в хронологическом порядке. В то время в ИХФ имелось несколько структурных подразделений, в том числе:

- Отдел взрывчатых веществ, руководитель – член-корр. АН СССР Ю.Б. Харитон;
- Отдел горения, руководитель – член-корреспондент АН СССР Я.Б. Зельдович;
- Лаборатория турбулентного горения, руководитель – заведующий лабораторией, доктор физико-математических наук К.И. Щелкин;
- Отдел горения, руководитель – доктор физико-математических наук А.Ф. Беляев;
- Лаборатория детонации, руководитель – кандидат химических наук А.Я. Апин.

Л.П. Франк-Коменецкий и Н.Н. Боголюбов работали в отделе Я.Б. Зельдовича.

В.А. Боболев был научным сотрудником в отделе Ю.Б. Харитона.

Сотрудники этих отделов были приглашены для работы по атомной тематике /2/. Ю.Б. Харитон еще ранее, в 1944 году был приглашен академиком И.В. Курчатовым научным консультантом в Лабораторию № 2 АН СССР для участия в разработке пушечного варианта атомного заряда /3/.

Формально начало участия ИХФ в создании и испытании ядерного оружия можно отнести к апрелю 1946 года.

8 апреля 1946 года вышло Постановление Совета Министров № 805-327 о создании группы Я.Б. Зельдовича (А.С. Компанеев, С.П. Дьяков, Н.Н. Боголюбов) с задачей теоретического обоснования атомной бомбы и разработки термоядерного устройства на принципе детонации дейтерия и об организации КБ-11 при Лаборатории № 2 АН СССР /1/. Главным конструктором КБ-11 был назначен Ю.Б. Харитон, заместителем – К.И. Щелкин, руководителем лаборатории нейтронных инициаторов – А.Я. Апин, руководителем лаборатории детонации взрывчатых веществ – А.Ф. Беляев. Отметим, что в 1946 году в КБ-11 из 15 научных сотрудников шесть было из ИХФ /4/.

В другом постановлении СМ за № 973-40 от 30 апреля 1946 года принято решение «Об организации при ИХФ АН СССР Спецсектора по изучению теории ядерных цепных реакций и взрывов». Также на Спецсектор возлагалась разработка методов и специальной аппаратуры для регистрации физических процессов, сопровождающих атомный взрыв /1/.

Этому постановлению предшествовало письмо директора института ИХФ академика Н.Н. Семенова заместителю председателя СМ Берии Л.П. о целесообразности привлечения института к работам по созданию и испытанию ядерного ору-

жия /5/. Эти постановления привели к структурной перестройке института. В нем для выполнения работ по регистрации физических процессов был создан Спецсектор. Сектор возглавил М.А. Садовский, ставший заместителем директора ИХФ. В Спецсекторе было образовано шесть отделов. Руководителями отделов стали: Г.Л. Шнирман – приборостроения, О.И. Лейпунский – высоких напряжений, С.А. Христианович – прикладной механики, А.С. Компанец – теоретической физики, И.Л. Зельманов – механики подводного взрыва, А.А. Ковальский – излучений, Б.М. Степанов – руководителем электровакуумной лаборатории.

Общее руководство работами по проблеме ядерного оружия в ИХФ осуществлял академик Н.Н. Семенов /2/. Одновременно с развитием работ по атомному проекту рассматривается вопрос о месте проведения испытаний первого ядерного заряда. В августе 1947 года выбор места поручается М.А. Садовскому и генерал-лейтенанту П.Н. Рожановичу. Был выбран район в пустынной степной местности в 120 километрах от Семипалатинска, вниз по течению Иртыша. Научным руководителем полигона был назначен М.А. Садовский, командиром – П.Н. Рожанович.

В 1948 году часть группы Я.Б. Зельдовича переезжает в Арзамас-16, другая часть продолжает работать в ИХФ. В соответствии с Постановлением СМ от 10 июля 1948 года создаются еще две группы для работы по проблеме термоядерного устройства. Одна группа в ИХФ, ее возглавляет Н.Н. Боголюбов, другая – в Физическом институте АН СССР, куда входят И.Е. Тамм, В.Л. Гинзбург, А.Д. Сахаров, Ю.Л. Романов, М.А. Лаврентьев. В дальнейшем эта группа начинает взаимодействовать с группой Я.Б. Зельдовича.

В Арзамасе-16 в это время идет напряженная работа по созданию атомной бомбы на основе плутониевого заряда.

В 1948 году в Звенигороде начинается формирование кадрового состава полигона № 2 (в.ч. 52605). Подбором и обучением специалистов руководит М.А. Садовский. Лекции читают О.И. Лейпунский, А.С. Компанец, П.А. Ямпольский, И.Л. Зельманов, Н.Н. Семенов и др. Основной базой обучения личного состава сектора физических измерений для полигона в это время становится ИХФ.

В феврале 1949 года в реакторах получены первые наработки плутония. К этому времени на полигоне в основном заканчивается строительство Опытного поля для проведения испытаний.

Сформировавшаяся в период 1947-1953 годов общая структура организации испытаний ядерных зарядов и место в ней ИХФ показаны на рис.1 /1/.

В октябре-декабре 1948 года основной состав сотрудников Спецсектора выезжает на полигон для подготовки аппаратуры к испытаниям. Аппаратура на опытном поле устанавливается в специальных железобетонных и стальных сооружениях, разработанных по техническим заданиям Спецсектора, и на нескольких башнях, построенных для регистрации физических полей ядерного взрыва: воздушной ударной волны (ВУВ), светового, теплового и гамма- излучений. Руководителем испытаний первого ядерного заряда назначается И.В. Курчатов. Со стороны МО общее руководство подготовкой полигона поручено генерал-лейтенанту В.А. Боляtko. Научным руководителем физических измерений назначается М.А. Садовский.

Перед первыми испытаниями были сформулированы требования к физическим наблюдениям, исходя из имеющихся представлений о первых американских атомных взрывах и теоретических предпосылках. Наиболее важными вопросами, на которые необходимо было ответить, являлись:

- определение тротилового эквивалента взрыва (ТЭ);
- оценка КПД срабатывания заряда плутония;
- эффективность поражающих факторов от воздушной ударной волны (ВУВ), радиационного и теплового излучения.

Заряд атомной бомбы был изготовлен к 2 августа и 25 августа поездом был доставлен на полигон. В ночь на 29 августа 1949 года бомба была полностью собрана.

Взрыв бомбы, установленной на башне, на высоте 27 метров, был проведен 29 августа в 4 часа по московскому времени. Мощность взрыва составила 22 килотонны ТЭ. Первоначальная оценка ТЭ была 10 килотонн /6/.

Основная нагрузка по организации и проведению физических наблюдений была возложена на ИХФ. Необходимо было создать и подготовить приборы для регистрации всего спектра физических параметров взрыва. В отделе Г.Л. Шнирманна была разработана система автоматики Опытного поля «АП-2», «ЩГР» и «БА» (боевой автомат) для включения всей аппаратуры и подрыва заряда, в наладке и эксплуатации которой принимали участие А.А. Разоренов, А.С. Зверев и др. Эта система использовалась в течение 12 лет. П.В. Кевлишвили с группой сотрудников (Е.Э. Голлер, Ю.А. Дрожбин, И.П. Усенко и др.) разрабатывали и устанавливали электронные измерительные системы времени «ИВ» для измерения скорости детонации.

Для определения тротилового эквивалента большое внимание было уделено оптическим измерениям:

- размера и динамики светящейся области огненного шара (ОШ);
- спектрального состава и температуры излучения;
- размера облаков, образующихся при взрыве;
- лучистой энергии, сопровождающей взрыв.

Для этих целей использовалось более ста оптических приборов и датчиков, многие из которых были изготовлены в ИХФ.

Подготовку и проведение оптических измерений в основном осуществляли сотрудники ИХФ Г.Л. Шнирман, П.В. Кевлишвили, А.С. Дубовик из ГОИ, М.А. Ельяшевич и др. На основе проведенных измерений (ОШ) было получено значение ТЭ. Диаметр ОШ достиг 400 метров к концу свечения, через 1 секунду температура была 3000°C.

Измерения гамма-излучения проводились под руководством О.И. Лейпунского. Нейтронные измерения выполняли О.И. Лейпунский, К.Н. Каганцева, П.А. Ямпольский, В.Б. Миллер, А.М. Тихомиров и др. По показателям измерений радиоактивности оценивался КПД сгорания плутония в заряде. Такие оценки проводились И.Л. Зельмановым и В.Л. Тальрозе.

Большое внимание уделялось измерению параметров воздушной ударной волны. Измерения ударной волны проводили М.А. Садовский, П.Ф. Похил, П.Л. Декабрун, Ю.В. Кондратьев и др. Известная формула М.А. Садовского зависимости ВУВ от мощности зарядов была проверена и на ядерных взрывах и оказалась справедливой для них, что позволило эту зависимость использовать для оценки ТЭ. Более 80% всех приборов, применявшихся при регистрации различных показателей при ядерном взрыве, были разработаны в ИХФ. После испытаний бомбе был присвоен индекс РДС-1.

Непредвиденным обстоятельством при испытании было наличие электромагнитных импульсных наводок (ЭМИ), которые привели к повреждению части кабельных линий.

Отчет о результатах испытаний был подписан И.В. Курчатовым, А.П. Завенягиным, Ю.Б. Харитоновым, М.Г. Мещеряковым, К.И. Щелкиным, М.А. Садовским и А.С. Александровым /7/.

В 1951 году были проведены наземное и первое воздушное испытание, осуществленное путем сброса атомной бомбы с самолета-носителя, в которых непосредственное участие принимали многие сотрудники Спецсектора. При этом проводилась доработка методов физических измерений. Избыточные методики были сокращены. Проводились сейсмические измерения в ближней зоне взрыва. Проводилась фотография начальных стадий взрыва в гамма-лучах. Для этой цели в лаборатории И.Л. Зельманова была создана уникальная камера-обскура с преобразованием гамма-изображения в видимое изображение. Результаты позволили оценить распределение осколков деления.

Проводились исследования воздействия ВУВ на самолет-носитель при воздушном бомбометании для оценки аэродинамической устойчивости самолета. Для этой цели на самолете устанавливались специальные датчики давлений, разработанные в Спецсекторе сотрудниками Г.Л. Шнирмана.

В связи с новыми разработками ядерных устройств и повышенной интенсивностью их испытаний Спецсектор периодически пополнялся выпускниками институтов. Среди них были В.В. Родионов, К.Е. Губкин, Б.Д. Христофоров, В.В. Адушкин, И.В. Немчинов, А.Н. Ромашов, В.Н. Костюченко, А.Г. Фомичев, Ю.Б. Двоглазов, Б.Д. Меловатский, В.В. Гарнов, Ю.А. Зацепин, Г.А. Овсянников и др., активно включившиеся в работу на полигоне.

В это время происходит реорганизация Спецсектора, ставится задача более целенаправленного участия в испытаниях. Для этих целей формируются и усиливаются лаборатории Г.Л. Шнирмана, П.В. Кевлишвили, В.Н. Родионова, А.И. Соколика, А.С. Дубовика и Б.М. Степанова, лаборатория которого специализируется на изучении ЭМИ.

В 1953 году при испытаниях РДС-4 особое внимание было обращено на определение ТЭ, так как принципиальные изменения, внесенные в конструкцию заряда, требовали уточнения ТЭ.

12 августа 1953 года проводится испытание первого термоядерного заряда РДС-6с. Этот заряд получил название «слойка», поскольку в нем для термоядерного усиления располагались слои трития с дейтеридом лития. Заряд был установлен на башне высотой 33 метра. Мощность взрыва составила 450 килотонн ТЭ /8/.

Аппаратура, регистрирующая процессы развития термоядерных реакций, разработанная также в ИХФ, устанавливалась в непосредственной близости от заряда в бункерах. М.А. Садовский и Г.Л. Шнирман были руководителями всех физических измерений. На опытном поле было установлено более 500 приборов и датчиков. И.В. Курчатов как председатель Госкомиссии контролировал подготовку и проведение опыта при участии М.А. Садовского, Н.Н. Семенова и др. Заряд собирался в присутствии И.В. Курчатова. Испытания показали – заряд вышел на расчетный уровень.

В дальнейшем принимается решение о прекращении работ по детонации дейтерия. Все усилия направляются на реализацию двухстадийного термоядерного устройства РДС-37, выполненного по схеме радиационной имплозии. Экспертиза РДС-37 проводилась под руководством М.В. Келдыша.

В 1955 году 22 ноября термоядерный заряд РДС-37 был сброшен с самолета ТУ-16 на парашюте и подорван на высоте 1550 метров. Мощность взрыва соста-

вила 1,6 мегатонн ТЭ. Теоретические оценки ТЭ давали разброс в 40%. Руководителем испытаний был И.В. Курчатов (последний раз на полигоне). Отчет по результатам определения ТЭ готовился В.А. Болятко, А.В. Енько, Б.А. Олисовым, Н.Н. Семеновым, М.А. Садовским, О.И. Лейпунским и др. /9/. На этом эксперименте проверялись поражающие действия воздушного взрыва на технику и биообъекты, которые устанавливались на опытном поле в большом количестве. Размер ОШ достиг 2000 метров, свечение длилось 12 секунд. Было отмечено аномальное усиление ВУВ на больших расстояниях из-за влияния метеоусловий. Выяснение причин этих явлений было поручено сотрудникам Спецсектора С.А. Христиановичу, К.Е. Губкину и П.Ф. Короткову.

Результаты испытаний РДС-6с показали, что зона разрушений от воздушной ударной волны простирается за границу полигона, что привело к повреждению некоторых строений и остекления в близлежащих поселках. Принимается решение об ограничении испытаний мощных ядерных зарядов. Подбирается полигон для проведения мегатонных взрывов и подводных взрывов. В 1953 году комиссия по выбору места обследует на тральщике побережье Новой Земли и выбирает бухту Черную на южной оконечности острова для подводного ядерного взрыва и район для мощных воздушных взрывов в 40 километров севернее пролива Маточкин Шар. В комиссию входили от АН СССР и ИХФ Н.Н. Семенов, М.А. Садовский, К.Ф. Федоров. Для расположения военно-морской базы определяется поселок Белушья. В 1954 году принимается решение о строительстве полигона ВМФ (в.ч. 77510).

В 1955 году был произведен первый подводный взрыв торпеды 3,5 килотонн ТЭ на глубине 12 метров в бухте Черной. Основные физические измерения проводились ИХФ. Руководили этими работами Н.Н. Семенов и М.А. Садовский. Участвовали в эксперименте: И.Л. Зельманов, С.А. Христианович, Е.М. Шемякин, В.Л. Тальрозе, А.М. Тихомиров, А.Ф. Луковников, Б.Д. Христоворов, В.Н. Костюченко, А.Г. Фомичев А.И. Петрухин, Ю.Е. Плешанов и др. Многие из сотрудников уже имели опыт по Семипалатинскому полигону. Тритиевый эквивалент определялся по характерному султану и ударной волне по аналогии с подводными взрывами химического ВВ. Сводный отчет по полученным материалам был составлен под руководством Н.М. Эмануэля. В процессе совместных работ сотрудники ИХФ проводили обучение специалистов ВМФ /10, 11/.

В сентябре 1957 года был произведен наземный взрыв ФО-3 (физ. опыт) в бухте Черной на восточном берегу в 100 метрах от кромки воды. Заряд устанавливался на высоте 7 метров, мощность взрыва составила 32 килотонны ТЭ.

Специалисты ИХФ помимо стандартных измерений впервые успешно проводили регистрацию процессов, происходящих непосредственно в самом заряде. Определялась скорость прохождения фронта детонации по различным границам. Регистрация велась длиннофокусными фоторегистраторами с высоким временным разрешением ФР-10 с двух направлений – через залив и вдоль берега залива. Приборы были специально разработаны и изготовлены для этих опытов в ИХФ. Эти наблюдения проводили А.С. Дубовик, П.В. Кевлишвили, В.В. Гарнов, Б.В. Меловатский, Г.П. Илюшин и др. В результате этой работы были получены ценные материалы для совершенствования ядерных зарядов /11/. Подобный опыт был проведен ранее на Семипалатинском полигоне, но из-за высокой турбулентности атмосферы, несмотря на 100-метровую башню, изображений с высоким разрешением получить не удалось.

В ноябре 1957 года в бухте Черной были проведены испытания торпед с ядерным зарядом 10 килотонн и 4,8 килотонны ТЭ. Группа сотрудников Спецсектора ИХФ принимала участие в этих испытаниях и в анализе их результатов.

При планировании испытаний зарядов большой мощности в 1957 году встал вопрос о переносе таких взрывов за границы существующих полигонов в безлюдные районы Северного Ледовитого океана. С этой целью работы велись в двух направлениях. Необходимо было выбрать район и создать самолет-лабораторию для регистрации взрывов, который должен работать совместно с самолетом-носителем. В ИХФ для самолета-лаборатории и самолета-носителя было разработано основное оборудование:

- автомат подрыва зарядов (самолетный автомат СА), синхронно работающий с самолетом-носителем;
- скоростные широкоугольные камеры СК-3м, СК-3ш, СК-Ш для определения ТЭ по методике ОШ;
- датчики давления ВУВ, которые устанавливались на самолетах носителях Ту-4, Ту-16, Ту-95, Ил-28;
- датчики теплового излучения.

Проектирование, изготовление и установка на самолет оборудования выполнялась сотрудниками Спецсектора А.А. Разореновым, Б.В. Меловатским, Н.М. Сицинской, Б.М. Горюновым и др. под руководством Г.Л. Шнирмана. В это же время комиссия из представителей МО и АН СССР облетала возможные районы проведения испытаний. Комиссия сосредоточила свое внимание на район Земли Бунге. В комиссии от АН СССР и ИХФ принимали участие Г.Л. Шнирман и Е.К. Федоров. В связи с мораторием эта работа не получила своего завершения.

В октябре 1958 года на полигоне Новая Земля проводились наиболее интенсивные воздушные испытания зарядов с ТЭ до 5 мегатонн – серия зарядов типа РДС-37, на которой отработывались узлы для 100 мегатонн заряда. Были установлены интервалы времени между взрывами в пределах 48 часов, что определялось временем, необходимым для подготовки Опытного поля к эксперименту. Состав испытателей располагался на эсминце «Осторожный», который перед взрывом выходил в море. На опытном поле была проведена оптическая регистрация 15 взрывов на высоте от 300 до 2500 метров для определения ТЭ по методике ОШ. Эти наблюдения выполняла группа сотрудников Спецсектора: В.В. Гарнов, И.П. Башилов, М.Д. Федосеев, которая устанавливала аппаратуру в ближней зоне взрыва. Фоторегистрация велась высокоскоростными камерами СК-2, разработанными в ИХФ для определения ТЭ по характеру расширения ОШ. Эта методика позволяет определять ТЭ с погрешностью 2-3%. Автоматику поля обеспечивали сотрудники полигона. После каждого опыта фотоматериал с опытной площадки отправлялся в Белушью, где группа И.Л. Зельманова обрабатывала полученный материал и определяла ТЭ. На этой серии взрывов присутствовали М.А. Садовский и Я.Б. Зельдович с разработчиками зарядов /12/. Как подвешивались опытные заряды на самолеты на авиабазе Оленьей красочно описано в рассказе «Осенний марафон – 1958 год» /13/.

При воздушных взрывах помимо полигонных измерений наши сотрудники М.А. Цикулин, В.В. Адушкин и др. принимали участие в регистрации инфразвуковых волн на больших расстояниях совместно с Лабораторией № 2. Результаты этих наблюдений и анализ проведенных взрывов были использованы в

1958 году на конференции в Женеве по контролю за ядерными взрывами. От ИХФ в ней принимали участие Н.Н. Семенов, М.А. Садовский, К.Е. Губкин, О.И. Лейпунский.

В 1961 году на авиабазе в Оленьей на самолете-носителе ТУ-16 была установлена камера СК-3ш, на которой была проведена съемка ОШ при бомбометаниях на Северном полигоне и определены ТЭ. Эту работу от Спецсектора выполняли А.А. Разоренов, Н.М. Сицинская и Л.С. Гамынина.

В ноябре 1961 года было проведено испытание самого мощного термоядерного заряда с энергией взрыва 50 мегатонн ТЭ. В разработке технического задания на организацию наблюдений приняли участие Г.Л. Шнирман и И.Л. Зельманов, который на этом опыте был членом Государственной комиссии. Перед опытом по заданию М.А. Садовского было оценено влияние ВУВ на Северную Европу от ядерного заряда с энерговыделением 100 мегатонн в ТЭ.

В 1961 году начались подземные испытания ядерных зарядов на Семипалатинском полигоне в штольнях В-1 и А-1. Большая группа сотрудников Спецсектора во главе с М.А. Садовским, В.Н. Родионовым, В.В. Адушкиным и др. принимает активное участие в этих и последующих взрывах. Исследуются закономерности распространения волн сжатия в ближней зоне и сейсмических волн в средней и дальней зонах при подземных взрывах.

В 1961 году лаборатория Б.М. Степанова выходит из Спецсектора ИХФ и преобразуется в НИИ-50, на основе которого создается НИИ импульсной техники (п/я А-3904).

В период 1955-1961 годов было проведено восемь высотных ядерных взрывов с ТЭ 12-300 килотонн на высотах 10-300 километров /14/. Спецсектор участвовал в этих испытаниях во главе с П.В. Кевлишвили. Участие принимали С.М. Когарко, А.С. Дубовик, И.В. Немчинов, М.А. Цикулин, В.В. Адушкин, Ю.П. Райзер, И.А. Усенко, Б.В. Меловатский, И.А. Королев, В.Н. Князев, И.П. Башилов, А.С. Стрелков, Е.Э. Голлер, Г.А. Овсянников и др.

И.В. Немчиновым была разработана теория гидродинамики с переносом излучения при высотных ядерных взрывах. Коллектив авторов из Спецсектора был отмечен Ленинской премией.

Последние три взрыва ядерных зарядов в атмосфере были проведены на полигоне Новая Земля 24-25 декабря 1962 года, в том числе взрыв с энерговыделением 24,2 мегатонны ТЭ 24 декабря.

В 1963 году был объявлен мораторий на ядерные испытания. На полигонах к этому времени был произведен 221 взрыв. Этот этап закончился отработкой термоядерных зарядов по схеме РДС-37.

Специалисты Спецсектора принимали непосредственное участие при отработке почти всех базовых образцов ядерных зарядов, испытания которых проводились при воздушных, подземных и подводных взрывах. Как отмечает начальник Главного управления по разработке и испытанию ядерных боеприпасов МСМ Г.А. Цыркков, «...измерения характеристик ядерных взрывов в первых ядерных испытаниях выполнялись сотрудниками ИХФ АН СССР с участием военных специалистов...» /15/. Необходимо также отметить, что испытания новых образцов ядерных зарядов являются составной частью создания ядерного оружия.

После проведения первых подземных взрывов в 1961-1962 годах и отмены моратория изучение воздействия подземных взрывов на горный массив и окружающую геофизическую среду приобрело для Спецсектора первостепенное зна-

чение. В этот период разрабатываются основополагающие представления о действии ядерных зарядов в атмосфере, воде, космосе и под землей.

В 1961 году М.А. Садовский становится директором Института Физики Земли. В 1963 году Спецсектор с коллективом сотрудников в 500 человек переходит в ИФЗ и продолжает активно участвовать в подземных испытаниях, вплоть до последних взрывов в 1990 году на Новой Земле.

В 1991 году Спецсектор преобразуется в Институт динамики геосфер. На основе приобретенного опыта по воздействию ядерных взрывов на окружающую среду здесь развиваются фундаментальные и прикладные исследования нестандартных динамических явлений в системе геосфер, возникающих при эндогенных и экзогенных природных и техногенных воздействиях, а также при взаимодействии потоков вещества и энергии между геосферами.

Литература:

1. *Создание государственной системы разработки ядерного оружия. Сб. Ядерные испытания СССР. Под ред. В.Н. Михайлова.* – М.: ИзДАТ. 1997. с. 43, 53, 58.

2. *Дубовицкий Ф.И. Институт химической физики (очерки истории).* – Черно-головка. 1992. с. 199-208.

3. *Мыркин В.И., Харитон Ю.Б., Александров В.В. и др. Отчет по исследованию синхронизации выстрелов при разных условиях заряжания. (В эксперименте 1944-1946 гг. в Лаборатории № 2.) История Атомного проекта, РНЦ, «Курчатовский институт», вып. № 6, 1996 г. с. 3-12.*

4. *Создание и испытание первой Советской атомной бомбы. Атомная энергия, том 87, вып. 6 декабря, 1999 г. с. 404.*

5. *Губарев В.С. Белый архипелаг. Литературная газета, № 46 от 14. 11. 2001.*

6. *Ядерный центр – Серов. ВНИИЭФ, гл. ред. А.И. Ильков, 2001г. с. 16.*

7. *Результаты физических измерений. Сб. Ядерные испытания СССР. Под ред. В.Н. Михайлова.* – М.: ИзДАТ, 1997. с. 210-215.

8. *Общие итоги исследований при испытании РДС-6. Сб. Ядерные испытания СССР. Под редакцией В.Н. Михайлова.* – М.: ИзДАТ. 1997. с. 244-245.

9. *Успех РДС-37 открывает дорогу к современному термоядерному оружию. Сб. Ядерные испытания СССР. Под ред. В.Н. Михайлова.* – М.: ИзДАТ. 1997 г. с. 247-249.

10. *Тихомиров А.М. Без командно-административных амбиций. Сб. История атомного проекта.* – М.: РНЦ «Курчатовский институт». Выпуск 11/97. 1997. с. 143-149.

11. *Тимофеев В.А. Объекты – памятники научно-технического обеспечения. Корабельный инженер вспоминает.* – М.: ЗАО. ЛС. 1998 г. с. 21, 60.

12. *Тимофеев В.А. Эпизоды и факты. Корабельный инженер вспоминает.* – М.: ЗАО. ЛС. 1998 г. с. 62.

13. *Веселовский В. Ядерный щит. ВНИИЭФ, Саров (Арзамас-16), 1999 г. с. 49.*

14. *Ядерные взрывы на больших высотах. Сб. Ядерные испытания СССР. Т. 2. ТОО. ФЦ. МАЭ. 1997 г. с. 53-67.*

15. *Подготовка к испытаниям. Сб. Ядерные испытания СССР. Под ред. В.Н. Михайлова.* – М.: ИзДАТ. 1997 г. с. 53.

□ 4.8. ЯДЕРНЫЙ ПОЛИГОН НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Михайлов В.Н.
Академик РАН.

Особенно врезался в душу ядерный полигон на островах Новая Земля, куда я впервые попал в 1966 году.

Арктика настороженно принимает новичков, но потом всегда манит к себе. Нет, это не царство мертвой ночи, как рисовал ее русский художник Борисов на Маточкином Шаре, это величие самой Природы, где чувствуешь единство пространства и времени. Каждый год на Новую Землю прилетают миллионы пернатых, чтобы дать жизнь новому потомству, которое обязательно возвратится на эту землю, чтобы все повторилось сначала. Так и многих из нас эта земля поставила на крыло жизни для уверенного полета в голубую даль.

Не раз мне приходилось делать ночные морские переходы из поселка Белушья Губа в пролив Маточкин Шар. Моряки – особые люди. Традиции, заложенные еще Петром Великим, северные военные моряки сохраняют и ныне. Всегда восхищался крутыми скалами и птичьими базарами береговой части островов. А Баренцево море! Впервые прошел по нему в декабре 1945 года из Мурманска в порт Петсамо при переезде в г. Никель. Тогда был восьмибальный шторм – поднимающиеся значительно выше палубы глыбы воды производили впечатление гигантского демона на фоне ночного неба, озаренного северным сиянием. Свинцово-синяя гладь Баренцева моря в тихую погоду все-таки всегда ласкала глаз и как бы говорила, что только сильным людям по плечу преодолеть ее пространство. В такие минуты вспоминаешь наших предков, архангелогородских мужиков, которые на самодельных суденышках проводили свое промысловое лето.

Теперь, в своем московском рабочем кабинете с тоской в сердце вспоминаю тех, кого вряд ли еще раз встречу, и особенно тех, кого уже никогда не увижу. Это были прекрасные товарищи. Много раз мне приходилось с ними летать из аэропорта «Астафьево», что под Москвой, на Новую Землю в тесной кабине для отдыха экипажа самолета АН-12 Военно-Морского флота. Обычно была одна посадка в городе Лахте. Мы с удовольствием прогуливались по озерам и лесам этого чудного уголка нашего Севера под Архангельском. Да и вообще с Архангельском нас многое связывало – это был последний пункт перед перелетом на острова, где уже настоящая Арктика и где каждый раз нас ожидали суровые сюрпризы природы. Впервые я ощутил запах флоры «большой земли» после трехмесячного пребывания на арктических островах, когда самолет сделал первую посадку в Лахте на пути в Москву. Осенняя Москва всегда по возвращении с Новой Земли мне представлялась кусочком рая на земле, и после «голового» архипелага мы попадали в золотом опутанный подмосковный лес.

Иногда наш быт скрашивали теплоходы «Татария» и «Буковина» из Архангельского пароходства, которые фрахтовал Военно-Морской флот для проживания испытателей. Экипажи кораблей и судов делили вместе с нами все тяготы арктической жизни и находились в проливе Маточкин Шар до поздней осени, когда уже ледяные поля начинали бороздить пролив. В этой ситуации теплоходы были вынуждены возвращаться в Архангельск. Мы с грустью переселялись в свои жилища на берегу и долго смотрели вслед уходящим на «большую землю» кораблям, каждый, с тоской думая о своем. С любовью в сердце я и сегодня вспоминаю их и уверен – это на всю жизнь.

Особенно томительными и трудными были дни ожидания циклона, не каждому было по плечу выдюжить это стрессовое состояние в течение месяца. Государственная комиссия по подготовке и проведению испытаний строго следила вместе с Гидрометеоцентром в Москве за соблюдением условий по синоптической обстановке на время взрыва.

Гигантские вихри атмосферного циклона должны подхватить маловероятный, но возможный выход радиоактивных газов после ядерного взрыва, закрутив их в своих могучих объятиях, и всей своей силой отнести в сторону Карского моря, рассеяв радиоактивность на просторах Севера. Это была последняя ступень глубоко эшелонированной защиты от воздействия радиоактивных газов на природу после ядерного подземного взрыва. В этом ожидании почти каждый день приходилось по спутниковой связи с помощью телеграфной ленты вести консультации с Москвой. Мы ждали циклона. Он всегда приходил с завыванием ветра, с низкими, быстроснесущимися облаками. И иногда приходилось выезжать к штольне перед ядерным взрывом на заключительные операции по подготовке диагностических систем и аппаратуры подрыва ядерных устройств в кромешной тьме и при ветре, сбивающем с ног.

Штольня на Новой Земле! Вход в нее всегда напоминал о вечной мерзлоте – удивительно белые кристаллы воды и снега на слое грунта, казалось, ведут в царство вечности. Сколько же пришлось протопать по шпалам этих горизонтальных выработок в горах по берегам пролива Маточкин Шар, в конце которых устанавливались ядерные устройства, а вдоль всей штольни – диагностические приборы. Это многие сотни километров! Вы знаете, что такое абсолютно черное пространство? Я ощутил это, когда в глубине штольни вдруг отключалось освещение, тогда просто садился на рельсы и видел только огонек своей сигареты.

Здесь мне довелось познакомиться с удивительно сильными и приветливыми горняками из г. Желтые Воды, что на Украине. Труд горнопроходчиков, особенно на работах по забивке штольни, после установки всех ядерных диагностических устройств, для локализации продуктов ядерного взрыва в утробе горы, – это труд, за который всегда буду снимать шляпу и кланяться до земли этим людям. А ведь это работа в условиях суровой Арктики! А в штольню я ходил всегда в шляпе – это стало для меня доброй традицией, да и хотелось просто показать, что ядерный полигон живет обычной людской жизнью. Хотя это было очень грубое нарушение техники безопасности горных работ.

Ну и, конечно, самые ответственные дни – установка испытательных устройств и диагностических датчиков. Не могу не сказать о проведении забивочных работ. Здесь, как и на предыдущих этапах, идет круглосуточная, напряженная работа, и особенно она тяжела ночью. Октябрь и ноябрь – самый сложный период для проведения забивочных работ. Подходящая погода, а вернее нужный циклон, очень редка в эту пору на арктических островах. Бетонный завод, что стоит на побережье пролива Маточки Шар примерно в десяти километрах от штолен, должен работать как часы, без перебоев. Иначе холод и зимняя дорога остановят забивочные работы, а это уже недопустимо в начиненной взрывными устройствами и диагностическими системами штольне. И следует поставить памятник за безотказность этому покосившемуся деревянному строению, напоминающему, скорее, трущобы старого Петербурга, да и слово «завод» к нему трудно применить.

Проверяя однажды в морозную зимнюю ночь ход забивочных работ, я увидел на перевале через завал от одного из подземных ядерных взрывов, когда сошла лавина в несколько миллионов кубометров мерзлого грунта, три стоящих самосвала с жидким бетоном. Срыв графика работ очень трудно наверстать, а подходящую синоптическую ситуацию в это время пропустить нельзя. Мы быстро подъехали к самосвалам. Все шестеро водителей-солдатиков, а они должны быть по двое в кабине, забились в одну из машин и рассказали нам, что дальше ехать нельзя: на капот головной машины садится рыжая девочка и танцует в отблесках звезд. Все ребята ее «видели». Эти чумазные и голодные ребяташки тряслись от страха и растерянности. Пришлось с трудом объехать их по обледенелой дороге, и тогда они поехали за нашей машиной к штольне. Ребята-водители устали от высокого ритма работы, и им нужен был отдых. Возвратясь в поселок, я поднял с постели поздно ночью их командира и попросил его сменил и накормить водителей. В эту пору проведения забивочных работ все тяжело, работа ведется, как правило, из последних возможностей человеческих сил. И велика ответственность, и велика цена возможной ошибки.

Никогда не забуду такой случай. Как обычно, мы готовили подземный ядерный взрыв. Шел 1981 год. Радиационная обстановка после взрыва была нормальной, и мы сняли все диагностические результаты регистрации процессов развития и протекания взрыва. После анализа обнаружили, что около половины данных информации нет. Вот это сюрприз! Чрезвычайное происшествие, так как обычно потери составляли мизерное количество. При анализе ситуации мой коллега-теоретик и товарищ спросил, а не мог ли кто топором разрубить кабели информационной системы, идущие из штольни к регистраторам, находящимся в трейлере на расстоянии сотни метров от входа в штольню. Я ответил, что сам лично делал последний осмотр и прошел по металлическим коробам, в которые укладываются обычно кабели от штольни к трейлерам. После этого последним покинул площадку с трейлерами. Все было в порядке.

Но до чего же прозорлив мозг теоретика! После тщательного рассмотрения результатов измерений всех групп мы вышли на «партизан». Оказывается, «подземные» моряки, так мы в шутку называли личный состав Военно-Морского флота полигона, всегда работающий вместе с нами, в этом опыте в целях отработки методики локализации продуктов взрыва самостоятельно установили сотни дымовых морских шашек-бидонов между двумя бетонными гермостенками в штольне для создания дымом от них противодействия вытекающему потоку радиоактивных продуктов взрыва. Да вот промашка вышла, поджог шашек провели по дистанционной команде раньше времени. И вытекающий горячий дымовой газ от шашек стал плавить наши кабели еще до взрыва. Потом мы проверили это на микроэксперименте только с одной шашкой, и все подтвердилось.

А ведь все мы сотни раз ходили мимо запретных деревянных дверей в штольне, где в дополнительных выработках были установлены сотни дымовых шашек. Я не обращал на эти двери никакого внимания, обычно так обустраивали горняки свои склады или бытовки с оборудованием. Как надо внимательно и осторожно относиться ко всему в штольне, здесь нет мелочей.

И каждый раз в короткие минуты отдыха, закрыв глаза, перебирал в голове все этапы и диагностические схемы, включая забивочный комплекс работ и данные геологических исследований состояния горного массива, – думал, все

ли правильно сделано, все ли проверено. И только после этого спокойно, накоротко засыпал.

Иногда выдавались дни отдыха, особенно в период ожидания погоды, и тогда – экскурсия по проливу Маточкин Шар в сторону Карского моря. Голубые вечные ледники, как фата невесты, спускаются до самой глади пролива. Крутые повороты и могучие водовороты, связанные с резкими перепадами по высоте дна пролива. Только бывалому капитану по плечу пройти этот пролив. В середине пути на высоте нескольких сотен метров виднеются остатки заброшенного прииска по добыче горного хрусталя. Старожилы рассказывали, что здесь работали заключенные и не было ни одного побега. Да и бежать-то некуда – это верная смерть. А любопытные нерпы – то тут, то там видишь с борта их крупные, красивые карие глаза, полные удивления и любопытства. Особенно впечатляет мыс Выходной, что на выходе в Карское море. Мне так представлялся выход в вечность Вселенной – сине-черное море, окутанное на горизонте туманом. Вот это сама вечность.

Однажды пытались приблизиться к плавающему далеко от берега белому медведю. Он грозно обернулся к катеру, открыл пасть и дал нам понять, что здесь он хозяин. Мы решили не нарушать его охоту.

А новоземельская тундра – это персидский ковер нежной зелени и цветов в июле-августе. И только на несколько сотен метров поднимается в горы, а выше – лунный пейзаж и ледники, которые после подземного взрыва кажутся бирюзовыми слезами гор.

Подземный ядерный взрыв: стоя на командном пункте в нескольких километрах от горы, вы сначала видите, как сделала вздох гора, а потом – будто с берега прыгнули в лодку, где твердое дно, а вас плавно качает. Как бывалый теоретик-испытатель, а это не сразу приходит, уже по этим признакам понимал, что сегодня разум человека проник еще в одну тайну природы. Были и неудачи – когда природа-мать не хотела делиться своими тайнами и не прощала ошибок человеку.

Вообще говоря, физика – наука экспериментальная. Это мостик между двумя экспериментами. И не всегда, и не каждому удавалось построить красивый мост, по которому от одного эксперимента можно было твердо пройти к другому, в глубь неиссякаемых тайн природы. Редко, но бывало, когда гора после вдоха выдохнет вдоль штольни грозное облако смертельной радиации. И вот на этот случай правильно выбранная синоптическая ситуация должна обеспечить безопасность персонала на командном пункте и жителей островов, удаленных на сотни километров от места взрыва. В любом случае бригада по снятию диагностической информации о процессах ядерного взрыва должна вернуться к месту испытания в аппаратурные диагностические трейлеры. Иногда это можно было сделать спустя сутки после взрыва, но, как правило, через несколько часов, и всегда, когда радиационная обстановка в районе установки трейлеров была нормальной.

Однажды после такого исхода испытания я задержался на командном пункте, где вместе с руководителями службы радиационного контроля отслеживал растекание радиационного потока по местности. Обычно движение происходит в приземном слое по водостоку с гор, вдоль рек и долин. Медленно радиация продвигалась к командному пункту. Дозиметры, установленные в тундре, четко отслеживали этот фронт движения. На командном пункте почувствовали за-

пах сероводорода – это под действием взрыва разлагаются кристаллы пирита, а их здесь в породе великое множество. Мы втроем вышли из трейлера. Командный пункт был пуст, а до этого здесь находились несколько сотен человек. Вдали увидели полевой автобус, который на большой скорости мчался по дороге к причалу, где нас ожидал сторожевой корабль.

К сожалению, в такой ситуации командование и персонал полигона оказались не на высоте. Забыв про нас, бросив все, включая личные вещи, на вертолетной площадке, в панике они кинулись убежать, кто к вертолетам, кто к пирсу, где стоял сторожевой военный корабль, хотя уровень радиации на КП был еще достаточно низок для профессиональных работников. Мы подошли к своему джипу (ГАЗ-69) и тронулись тоже к причалу. И здесь я увидел, как к нам бегут щенята с собакой, которые жили под домиком на КП. Мохнатые и милые малыши, а впереди них мама. На севере живут прекрасные собаки, они беззаветно любят людей и вместе с ними приходят на новое место и вместе уходят. Собаки очень чувствуют необычную ситуацию. Вообще, о новоземельских собаках, особенно с ядерного полигона, этих верных спутниках нашей кочевой жизни, можно написать много замечательных слов. Мы остановились, и вся лохматая семья моментально оказалась у меня в ногах. Их преданные глаза смотрели на меня с любовью. Вот это любовь!

Не могу не рассказать про свою любимицу – Белку, помесь сибирской лайки с дворняжкой. Ее мордашка напоминала лисью, а сама была коричнево-белого цвета. Мы с ней очень подружились, ходили вместе в тундру, и не раз она показывала мне свое искусство ловить леммингов – полярных полевых мышей, очень похожих на наших хомячков. Это забавные и непуганые животные тундры с пышной шерстью. В плохую погоду они забирались к нам в комнаты и часто проводили целые ночи, стоя на задних лапках с закрытыми глазами где-нибудь в углу комнаты. Удивительная идиллия ночного рандеву! В тундре Белка ловко закапывала запасные выходы лемминга, а главный начинала разрывать своими ярко-белыми зубами. И вот, гордая и счастливая, с леммингом в зубах она влюблено и с достоинством смотрит на меня. «Вот какая я ловкая!» – говорят ее блестящие глаза.

Однажды мы с ней поднялись на значительную высоту, к месту выброса грунта от одного из подземных ядерных взрывов в 1969 году. Диаметр воронки – метров сорок, а глубина – сотня метров. Белка, не доходя метров десять до края воронки, села на задние лапы и завyla, как голодный волк. Мне стало страшно. Я подошел ближе к краю воронки – как труба, воронка выла жутким звуком, вытягивая воздух из проходки аварийной штольни, с которой она соединялась. Да, инстинкт безопасности гораздо больше развит у животных, чем у нас. На следующий год Белка уже не встречала меня на пирсе – полярная тундра бесследно поглотила ее. Короткая там жизнь бездомных собак, как и везде.

В тот памятный случай с паникой мы вернулись на КП только спустя сутки. Швартовка сторожевого корабля была очень трудной. Дул сильный ветер, временами со свистом налетал снежный заряд, сильный снегопад, когда даже свет от осветительной ракеты не пробивал эту снежную массу. Матрос ловко спрыгнул с высокого борта сторожевого корабля на обледенелый пирс и принял конец каната для швартовки. В снежной пурге это напоминало сказку о русском богатыре. Все обошлось без происшествий. Мы возвратились на КП и к штольне для снятия диагностических данных. Вся информация была получена благодаря

применению нами специальных систем долговременного хранения данных регистрации.

Впервые «крещение» на подземном ядерном взрыве произошло в середине шестидесятых годов. Устье первой штольни выходило к проливу Маточкин Шар, а диагностические приборы регистрации данных измерений устанавливались в мощных железных сооружениях, заглубленных в гранитный массив у входа в штольню. Отвесные скалы нависали над входом на высоте пятисот-шестисот метров, а сама выработка входила в глубь горного скального массива на километр практически перпендикулярно к проливу.

Со своими коллегами-теоретиками мы каждый день ходили по каменистому берегу от поселка Северный к штольне и по шпалам внутри нее, где внимательно следили за всеми проводимыми там работами, особенно по установке ядерных зарядов. Мне нравились эти прогулки вдоль берега, где всегда можно было наблюдать новые оттенки границы воды и берега, то спокойной, как обрамленное зеркало, то бьющейся о гранитные глыбы стихией сине-зеленой волны с пеной. С таких глыб в воде можно было достать лопух морской капусты длиной один-два метра, шириной сантиметров тридцать-сорок и толщиной два-три миллиметра. Кстати, она прекрасна на вкус, даже уже солена, так что готова к употреблению.

Установка ядерных зарядов в концевом боксе всегда была очень ответственной работой, к тому же сложной и утомительной. Практически целые сутки надо находиться там, где идет установка устройства и проводятся заключительные операции по его снаряжению. Разработчик ядерного устройства постоянно ведет наблюдение за всеми операциями, особенно в части выполнения всех инструкций. Нет, это не надзор за операторами, более правильно это было бы называть авторским сопровождением, когда теоретик готов прийти на помощь своими расчетами при любой нестандартной ситуации в процессе работы.

Утомленные и прозябшие до костей мы возвращались утром в отведенный испытателям домик финской конструкции из щитовых блоков в русском исполнении. С одной стороны домика жил командир, обычно капитан третьего ранга, или начальник поселка Северный – так называли нашу базу на проливе, с другой стороны мы – трое теоретиков. Это была небольшая однокомнатная квартира без канализации и водопровода, с открытым туалетом в коридоре. Кровати с металлической сеткой, да штатная тумбочка каждому, а в центре комнаты – деревянный стол без скатерти. Пресную воду утром привозил матросик, заполнял бочку – и все в порядке.

Здесь, в поселке Северном, были баня, столовая, хранилище жидкого топлива для передвижных электростанций, казармы для матросов и военных строителей, небольшой плац, где по утрам можно было наблюдать ритуальные построения военных. А главное в поселке – это матросский клуб – длинное деревянное сооружение с лавками для посетителей. Кино было единственным развлечением по вечерам. Как вздыхали матросы – молодые, здоровые ребята, когда на экране появлялась женщина, ведь в то время ни одной женщины в поселке не было. Только потом, лет десять спустя, старшие офицеры стали приносить своих жен.

Один вечер в клубе мне особенно запомнился. Это было не в первую мою поездку на Маточкин Шар, а несколько позднее. К нам в Арзамас-16 перевелся из уральского ядерного центра научный сотрудник Саша Хлебников. Сложная у

него была личная жизнь, но, несмотря на все жизненные трагедии и перипетии, он оставался жизнерадостным и общительным с окружающими человеком, к тому же был прекрасным пианистом, конечно, в нашем понимании. Ибо ни слухом, ни художественным вкусом мы особенно не отличались. Так вот, в эту поездку Саша однажды после окончания очередного фильма вышел на сцену клуба, набитого матросами, открыл крышку рояля, который обычно стоял в углу сцены (я не помню, чтобы им когда-то кто-то пользовался), и заиграл. Живые звуки рояля остановили тех, кто бросился было к выходу, и зал замер, да так и оставался в абсолютном молчании, пока звучала музыка. Около часа он играл классическую музыку, а потом были долгие бурные овации, о которых любой столичный артист может только мечтать.

Да, не очерствела душа людей в этих суровых арктических просторах, в этих жутких условиях жизни. Прекрасные звуки музыки возвысили их на миг до мира Человека с большой буквы. Вот она душа русского народа, вот он загадочный русский мужик с его прекрасным началом, до бескрайности доброй душой, которая тянется к прекрасному и воспринимает его. Как сегодня нам не хватает этой «музыки» и доброты, которые бы разбудили всех нас. Да, именно разбудили и возвысили над окружающей нас действительностью, ложью и клеветой, жадной сиюминутной наживы и разрушения. И никому не понять, почему этот мужик во имя своих идеалов все преодолет на пути стремления к красоте и гармонии жизни.

Невдалеке от поселка находилась вертолетная площадка с деревянным домиком метеослужбы и авиадиспетчеров. Сколько глаз всегда было обращено с надеждой на эту небольшую площадку, уложенную металлическими щитами для посадки и взлета вертолетов, в ожидании вертолета из поселка Белушья Губа, что почти на триста километров южнее. Все ждут писем, газет и новых кинофильмов. Зимой эта вертолетная площадка становится клочком земли надежды и жизни поселка Северный. И какая радость охватывает всех, когда кто-то обязательно крикнет: «Летит, летит!» Как все ждут эту железную птицу счастья!

По возвращении домой после установки ядерного устройства по традиции, естественно, отметили этот важный этап подготовки эксперимента. На ужин была и прекрасная рыба – новоземельский голец. Об этой рыбе особый рассказ. Всегда, возвращаясь домой в Москву или Арзамас-16, привозил «хвостик», так ласково мы называли свежезасоленного гольца весом до двух килограммов, и все с удовольствием угощались нежными и вкусными ломтиками, срезанными острым лезвием ножа со спинки рыбы.

Новоземельская рыбалка на озерах... Да разве есть что увлекательнее ее! Особенно красиво озеро Нехватово, что на Южном острове Новой Земли. Красота этого озера просто необычная: нежно-голубого цвета вода, окруженная небольшими сопками, с выходом в Баренцево море узкой протокой меж скалистых берегов. А сопки вокруг покрыты плотным лишайником и мхом, в котором ноги утопают, как в пуху. Лежа на этом зеленом пуху, часами можно наблюдать игру собаки, которую с собой привозили на рыбалку матросики, и юркого озерного кулика, что проводит короткое лето в этих местах. Подпрыгивая на своих тонких и длинных ногах, он дразнил собаку, как бы танцуя рядом с ней на берегу. Собака бросалась к нему, а кулик стремительно отлетал на десять-пятнадцать метров, и так они двигались вдоль берега. Иногда кулик летел низко над гладью

озера и, залетая сзади собаки, садился близко от нее и громко шуршал на песке. Собака разворачивалась, и на ее мордашке было написано удивление, а глаза азартно блестели. Эту игру моно было наблюдать часами и поражаться, что в живой природе не все так просто, как мы иногда себе представляем. Главное, эти два вида обитателей Арктики прекрасно понимали друг друга и заморожено играли и радовались солнцу, чистому воздуху и кристально прозрачной воде. А чистота воздуха здесь всегда такая необычная, что отдаленные горы кажутся рядом с тобой. В долинах небольших рек и заболоченных местах между сопками встречаются кустарники карликовой ивы и березы. Высота кустарников небольшая, сантиметров десять-тридцать, но зато корневая система охватывает десятки квадратных метров, как бы олицетворяя силу живой природы даже в условия суровой Арктики. Вечная мерзлота грунта не позволяет корням уходить глубоко внутрь земли, и они, переплетаясь кружевными узорами, находят себе место буквально на поверхности, которая, естественно, летом прогревается. Прекрасным украшением любого жилья служат эти причудливые формы корней, если их вынуть и немного обработать, очистив от земли и мелких корневых отростков. Человек всегда стремится к красоте и гармонии природы.

Я любил отдохнуть часок-другой на берегу озера Нехватово, когда заядлые рыбаки уже давно ловко работали спиннингом на водной глади. Рыбалка всегда была хорошая. Самый крупный голец, которого видел, весом девять килограммов просто поразил своей длиной – около полутора метров. Однажды, учуяв запах наловленной свежей рыбы и нежно-красной крови гольца, на перевале соседней сопки показалась семья белых медведей – мама с двумя малышами. Как они красивы и прелестны, эти дети суровой снежно-ледяной Арктики. Малыши бойко вперевалку двигались к нам, мы на секунду-две опешили, а потом быстро бросились к вертолету, на котором прилетели, схватили несколько ракет и послали их, ярко светящиеся, в сторону медвежат. Они остановились, почуяв недоброе, и быстро-быстро удалились. В этот раз они больше не показывались. А мы долго еще оглядывались по сторонам, держась все вместе, кучкой, так как встреча с мамашей ничего хорошего не предвещала.

Я не заядлый рыбак и обычно мне давали закидушку – это просто леска с блесной, раскручиваешь ее вытянутой рукой над головой и бросаешь в протоку, потом, перебирая двумя руками леску, подтягиваешь блесну к себе. Редко, но удавалось иногда таким образом выловить гольца. Какое чувство соперничества возникает, когда тянешь сильного гольца к себе, а он активно сопротивляется – по принципу кто кого?

С давних времен в октябре-ноябре голец приходит в проточные пресные озера Новой Земли, чтобы дать новое потомство, которое через два-три года подрастет и уйдет летом в море, чтобы окрепнуть в океанских просторах и снова вернуться в эти озера для продления жизни своего вида. В закрытых замкнутых озерах тоже встречается голец, но сравнительно мелкий – ограниченное пространство всегда вырождает любой вид жизни. Ну а как же человечество? Вырвется ли оно когда-нибудь из объятий Солнечной системы? Если нет, то выродится, рано или поздно. Ну, это уже вне нашего сознания, что будет с нами.

Пока же, отметив установку ядерных устройств в концевой бокс, мы пошли прогуляться по поселку и впервые забрели на свалку мусора и отходов с кухни-камбуза, где увидели стаю песцов, этих небольших лис Арктики. Белые и пушистые зимой, они резко повернулись в нашу сторону, когда мы приблизились

к ним на три-четыре метра, и их острые белые зубы и оскаленные пасти как бы показывали нам, что эта свалка – их место. Кстати, красивые крупные бакланы – большие полярные чайки, постоянные спутники моря и океанских просторов, утоляли свой голод тут же, правда, уступая свое место приближающемуся песцу – строгий порядок в природе соблюдается извечно. При изобилии пищи на свалке вполне мирно уживались и земной, и морской хищники. Впоследствии я никогда не видел столько много песцов так близко, хотя летом часто можно было видеть пробегающего рыжевато-серого песца, охотившегося за мелкой птицей или леммингом. Однажды горняки-проходчики с Желтых Вод подарили мне прекрасно выделанного песца: и лапки, и хвостик, и носик, и глазки, одним словом, все было как у живого. Однако недолго бело-голубой подарок украшал нашу московскую квартиру: Людмила, жена моя, через год сшила из него шапку, чем я был очень огорчен, а сегодня и шапки уже нет, и красивой шкурки тоже.

В свое первое «крещение» на Новоземельском ядерном полигоне я впервые понял, что такое ожидание погоды – циклона, необходимого для проведения опыта. Мы просидели на проливе почти целый месяц. Пришлось еще раз провести генеральную репетицию, при которой практически проверяются все процедуры действий групп испытателей, в том числе и работа всех устройств регистрации с холостыми записями или от имитаторов ожидаемых сигналов, за исключением одной – нет подрыва ядерных устройств. Обычно генеральную репетицию проводят за день-два до проведения опыта. Но если опыт откладывается, то целесообразно проводить ее, чтобы убедиться в исправности всего очень сложного комплекса подрыва и диагностики эксперимента.

Наступил ноябрь, снег давно уже лежал на земле, заметно сократился день, да и сильные морозы и шквальный ветер зачистили с Северного Ледовитого океана. К нам пришел дизель-электроход «Байкал» для обеспечения эвакуации на время опыта всех жителей поселка Северный. Однажды засвистел жуткий ветер, лавиной спускаясь стремительно вниз с прибрежных гор и увлекая за собой крупные камни; стальные тросы, которыми пришвартовывали к пирсу корабль, как струны натянулись и мгновенно по очереди стали со звоном лопаться, и нас вынесло на середину пролива. По кораблю быстро была объявлена штормовая тревога, и командир вывел «Байкал» в открытое море, где было безопаснее. Так я впервые познакомился с новоземельской борой, когда холодная масса воздуха собирается в ложбинах между вершинами и потом, увлекая все на своем пути, стремительно сваливается с гор в долину к проливу. Арктика давала о себе знать.

Перед ноябрьским праздником нас отпустили домой на «большую землю», то есть на материк, так как подходящая для проведения взрыва погода на ближайšie две-три недели не предвиделась. Однако я успел долететь только до Москвы, откуда должен был лететь в Арзамас-16. На квартиру тещи, на такой близкой моему сердцу и душе станции Лосиноостровская, в любимой Лосинке, где я остановился на ночевку, явился посыльный, и сообщил, что взрыв произведен, но что-то там – на Севере – случилось, и надлежит срочно вернуться на ядерный полигон. Меня подвезли в аэропорт «Астафьево», а оттуда военным бортом на Новую Землю, где все стало ясно.

После взрыва с гор сошла большая лавина камней и щебня и завалила железные сооружения с диагностической аппаратурой у входа в штольню. Хотя у нас

была телеметрия основных данных на безопасное расстояние на КП, однако встал вопрос о раскопке из завала диагностических приборов. Для оценки реальной обстановки по возможности извлечению аппаратуры руководитель Государственной комиссии попросил меня и еще двух офицеров полигона по возможности обследовать завал на месте. Приблизившись на вертолете к завалу, где радиационная обстановка была почти нормальная, мы вышли втроем из вертолета, взяв с собой дозиметры, и медленно направились к лавине. На месте расположения диагностической аппаратуры нашему взору предстали громадные камни весом этак тонн десять-пятьдесят с мелкой щебенкой между ними. Взираясь на эти громады, с трудом поднялись на верх лавины около десяти метров высотой, затем стали осторожно спускаться. Мы давно уже перестали смотреть на индикаторы дозиметров, так поразила нас окружающая картина, и молча спукались с гребня лавины, однако глубокая тишина, темные глыбы камней создавали ощущение застывшей и затаенной опасности. Чувство не подвело. Мгновенно все трое разом увидели нежно-голубое свечение выходящего из расщелины прозрачного газа. Это было свечение радиации, или т.н. черенковское излучение проникающих через воздух частиц от продуктов ядерного взрыва. Не сговариваясь, мигом слетели вниз, вскочили в вертолет и – на корабль.

В эти ноябрьские дни Государственная комиссия располагалась на дизель-электроходе «Байкал». Об этом корабле, который во второй половине шестидесятых годов обеспечивал подготовку и проведение первых подземных ядерных испытаний в проливе Маточкин Шар, можно написать много хороших слов, его команда не раз нас выручала после опыта в сложной радиационной обстановке, когда уже большие ледяные поля бороздили пролив с Карского в Баренцево море. Он мог ходить при толщине льда до одного метра, красиво рассекая встречные льды. Однако печален был его конец: после очередного капитального ремонта на ходовых испытаниях при входе в Кольский залив он при приливе врезался в подводные скалы, на которых и сегодня «сидит», напоминая всем морякам о суровом характере моря.

Моряки Северного флота с уважением относились к нам и обычно на переходах с пролива до поселка Белушья Губа, или Белушки, а от нее до Североморска, что на Кольском полуострове недалеко от столицы Севера – Мурманска, всегда уступали свои лучшие каюты и кают-компанию офицеров для проведения оперативных совещаний Государственной комиссии. И в этот раз, возвратясь с завала на корабль, доложили, что нецелесообразно проводить раскопки и пытаться извлечь диагностические приборы. Так и лежат они до сих пор под завалом, напоминая об истории освоения технологии проведения подземных ядерных взрывов. После короткого обсуждения комиссия решила возвращаться на «Байкале» в Белушку. Справа по выходу в Баренцево море можно было видеть деревянные развалины становища Лагерное, основанного еще в XIX веке поморами, а слева, чуть подалее, уже на выходе к морю виднелись останки деревянного дома известного художника, певца Севера, А.А. Борисова. История жестоко обошлась с этими местами обитания первых поморов – как и всюду на Руси, здесь тесно переплелись настоящее и историческое прошлое страны.

Потом таких переходов было много, но этот первый морской переход в середине ноября запомнился мне своей красотой, величавой ночной картиной темного неба, разрезанного северным сиянием, переливающимся цветными узо-

рами до горизонта, переходящего в небо, и шарами светящихся медуз, возбужденных движением нашего корабля. Долго оставалась за кораблем эта лента светящихся шаров, и ее свет постепенно переходил от ярко-белого до нежно-голубого уже далеко-далеко за нами. Нежные волны тихо бились о борт корабля, иногда с шумом удаляясь от него, когда корабль менял свой курс. Вся эта идиллия природы Севера ничем не напоминала о недавно проведенном здесь, почти рядом, мощном подземном ядерном взрыве, и это наводило на мысль, что колоссальные силы природы – вне нашего понимания. Это – Природа!

Ночь на переходе проходит очень быстро, и я все время простоял на капитанском мостике, любясь ночным пейзажем и темными контурами скалистого берега. Отличная и слаженная швартовка у небольшого пирса – и мы уже на берегу в Белушке. Все-таки человек – земное существо, как приятно пройти по заснеженному твердому берегу при небольшом морозце. Человеку нужна твердость в ногах, да и в своих устремлениях к заветной мечте тоже. В поселке Белушья Губа, с одной центральной улицей, протянувшейся с юга на север, в двухэтажной гостинице для Государственной комиссии проживало и руководство ядерного полигона. Когда-то здесь было становище поморов с деревянными домами, а сегодня стоят кирпичные двух- и четырехэтажные жилые дома. Есть Дом офицеров, куда мамы приводят своих взрослеющих дочерей на балы с молодыми офицерами и где можно хорошо отдохнуть в уютной обстановке, прекрасная средняя школа, ну и, конечно, спортивный комплекс с большим зимним бассейном и небольшой финской баней. Вот она-то и была для нас самым любимым местом после многомесячного пребывания на проливе и проведения подземного взрыва. Здесь можно было отдыхать душой и телом долгими часами, иногда с вечера до утра.

Два-три дня в Белушке пролетали быстро, и после написания отчетов о работе и проведения Государственной комиссией заключительного совместного заседания со всеми службами полигона, где тщательно разбирались все этапы подготовки и результаты проведенного эксперимента, – домой!

И как всегда, прощание с нашими коллегами – военными моряками, геологами, проходчиками и монтажниками, остававшимися зимовать в условиях Арктики с ее суровыми тридцатиградусными морозами, ураганами и завалами снегом домов до второго этажа. А весной опять встреча с нами – испытателями. До новых встреч, дорогие и близкие друзья!

Особенно запомнилась наиболее сложная и трудная подготовка подземного ядерного испытания в чреве горы Черная. Названа она так из-за ее темно-синего цвета даже в ясную солнечную погоду. Гора находится выше по реке Шумилихе, в десяти километрах от поселка Северный. Геологи говорили, что грунт этой горы составляет мерзлый глинозем с большим количеством кристаллов пирита. Устье штольни выходило к реке Шумилихе, что несет свои воды от ледников гор в пролив Маточкин Шар. Обычно спокойная и сравнительно мелкая, так что можно пересечь ее на газике-джипе, после обильных дождей, когда идет интенсивное таяние ледников, она неузнаваемо меняет свой нрав. Бурный поток в несколько метров глубиной с ревом и брызгами все сносит на своем пути, и нет силы, способной преодолеть ее 100-200-метровую ширину. В это время Шумилиха всегда доставляла нам много хлопот: то порвет трассу кабелей, проложенных от штольни к командному пункту, то полностью заблокирует доставку бетона, срывая график забивочных работ в штольне перед опытом. Только потом,

в конце концов, были построены мосты и укреплена дорога вдоль реки, но это было уже в середине восьмидесятых годов. Пока же были одни трудности.

Однажды мы с Колей Логуновым возвращались в поселок уже после спада бурливого потока в Шумилихе и, несмотря на знание места переправы, попали в глубокую яму на дне реки, так что нам пришлось взобраться на брезентовый тент кузова газика. Бурный поток ледяной воды вымыл на дне такую яму, что из воды торчала только крыша газика, на которой мы и обосновались, с тревогой посматривая по сторонам. В такое время машины редко ездили по этому маршруту, и нас не на шутку охватило беспокойство. Поток подмывал наш газик, и он стал медленно давать крен. До пролива от нас было совсем близко и купание в ледяной воде, да еще при таком течении, ничего хорошего нам не сулило. И на этот раз судьба преподнесла нам подарок: вскоре нас заметил шофер проезжавшего недалеко КраЗа – мощного грузовика с тремя ведущими осями колес, которому и море было по колено.

Но это было не последнее испытание на этом опыте. Название свое гора оправдала и дальше. Во время подготовки эксперимента вертолет, который обычно облетал гору и, если позволял профиль вершины, там и садился – для установки датчиков регистрации начала возможного выхода радиоактивных газов на поверхность горы, при посадке на нее в этот раз рухнул метров с двадцати в ложбину на плоской вершине. Летчики потом объяснили, что на высоте вершины горы они обнаружили сильное течение воздуха вдоль ее поверхности, но для подъема было уже поздно. К счастью, все обошлось ушибами, и многие из нас наблюдали, как вертолетчики с трудом спускались с шестисотметровой высоты. Падение вертолета не было видно, и мы все были удивлены, приняв спускавшихся с отвесных скал людей за туристов. Только когда они, окровавленные, подошли к нам, мы осознали всю трагедию, разыгравшуюся там на высоте. Я отдал летчиком свой газик, и он отвез их в поселок. Долго мы стояли у устья штольни и смотрели вверх: что еще преподнесет нам Черная?

Подготовка к эксперименту проходила своим порядком. После долгих анализов мы решили установить трейлеры с регистрирующей аппаратурой на расстоянии около полутора километров от устья штольни. Это было нетрадиционное решение, обычно аппаратурные трейлеры устанавливались на расстоянии сотни метров от входа в штольню. Но уж очень отвесный был склон горы у устья этой штольни. Трейлеры переправили через долину, где весной и после дождя протекала безымянная речка-ручеек, и разместили на склоне противоположного горного массива. Пришлось удлинить кабельные трассы для передачи сигналов от датчиков, установленных в штольне, к регистрирующей аппаратуре, а это все затраты, и немалые, но безопасность результатов регистрации очень важна – уж что-то тревожное было в этой отвесной скале у устья штольни.

Кстати, на склоне той горной цепи, где были установлены трейлеры, есть чудесное место: поляна темно-зеленого, изумрудного мха с изумительно ровной поверхностью. А рядом внизу, на глубине десяти метров, пробившая себе через отвесные скалы дорогу, речка Водопадная, что берет начало с ближайшего голубого ледника и через каскады небольших водопадов со звонким переливом скатывается в долину. В центре поляны сохранились останки жилища и мастерской норвежских поселенцев конца XIX столетия. Мы любили отдыхать на этой поляне. Здесь было прекрасно, и абсолютную тишину нарушал только шум водопадов кристально чистой воды. XIX и XX столетия – что за короткий миг в

истории нашей земли! И как-то странно было ощущать, что где-то рядом за небольшим перевалом идет интенсивная работа по подготовке подземного ядерного испытания и достижение человеческой мысли вступает в противоборство с природой. Даст ли природа на этот раз познать частицу ее бескрайней тайны? Человек постиг и разбудил колоссальную энергию природы. Пройдет время, и не ядерное оружие будет определять лицо нашей планеты, а грандиозные тепловые и энергетические источники, которые позволят Человеку вырваться из объятий Солнечной системы в космическую даль для поиска себе подобных, а может, и иных форм жизни. Тогда и вспомнят уже безымянных первых испытателей, проникших в сокровенные тайны энергии материи.

А пока все было готово к проведению подземного ядерного взрыва в горе Черная. Командный пункт располагался на небольшой высоте вблизи пролива, километрах в десяти от горы Черная. С него была видна только верхняя часть горы, где были размещены ядерные заряды. Оборудован он был очень скромно: несколько деревянных одноэтажных барачков с установленными на них антеннами системы управления и контроля подрыва ядерных устройств, столовая и небольшая угольная котельная. Тут же была размеченная с помощью обычных красных флажков и взлетно-посадочная площадка для нескольких вертолетов, которые в случае любого нестандартного исхода взрыва могли бы быстро перебросить членов Государственной комиссии и всех испытателей с высоты в Белушку или другое безопасное место. Здесь же располагался и вертолет-разведчик. Поднимаясь в воздух как обычно до взрыва, он вел радиационную и визуальную разведку в районе горы Черная до и после взрыва.

До взрыва было еще двое суток, когда мы однажды заехали на высоту, где дежурные матросы показали нам тушку малыша-нерпенка, этого вечного спутника пролива, из семейства тюленей. Понурые матросы рассказали простую и трагическую историю. Один из них гулял вдоль берега залива и вдруг увидел невдалеке шаловливого нерпенка, который выполз на берег, видимо, наслаждаться прогулкой по земле-матушке. Матрос снял свою шапку и замахал ею, отгоняя нерпенка в воду, но тот схватил ее своими ярко-белыми зубками и стал тянуть на себя. Матрос опешил, что за напасть, ведь шапка-то казенная, да и старшина задаст нагоняй за утерю. Не долго думая, он кулаком левой руки стукнул нерпенка по голове: «Отдай шапку!» Удар молодца по мягкой головке животного был смертельным. Вот и вся история! Принес он его на руках на высоту, и все моряки с грустью смотрели на бездыханное тело этого невинного существа. Матросы не стали снимать с него нежно-серую шкурку для выделки, а отнесли к заливу, может, мама его приплывет проститься. Через несколько дней труп исчез. Куда? Одному Баренцеву морю известно.

А время шло к «Ч» – часу подрыва установленных в штольне ядерных зарядов. Все, кто участвовал на заключительном этапе работы, были на высоте, остальные – это около тысячи военных и гражданских специалистов – на кораблях. Рано утром, еще в сумерках, вышли в море на безопасное расстояние. Только тихий удар в корабль даст им сигнал – ядерный взрыв прошел и скоро можно будет возвращаться в поселок.

Пришел долгожданный для проведения опыта циклон. Москва, по складывающейся синоптической обстановке, дала добро на взрыв, а последняя консультация прошла за несколько часов до часа «Ч». Все замерли, только из фургона подрыва по радио громким и твердым голосом отсчитывали остающиеся до

взрыва секунды... три, две, одна, ноль. И в абсолютно мертвой тишине мы увидели, как часть горы Черная медленно опускается, правильнее сказать, ползет вниз. Земля под ногами закачалась, и только потом до нас донесся глухой, как стон земли, гул. С гордостью я ощущал эти колебания земли: и сегодня я вырвал частицу тайны, я победил, спасибо тебе, природа-матушка, ты дала мне такую возможность! Эта была гордость настоящего мужчины, познающего мир, а не прожигающего жизнь в ночных столичных клубах и кабаках.

О боже, что же мы увидели дальше! Над горой поднялись вверх на высоту нескольких километров три свечи белого радиоактивного пара, как будто злой дух вознесся в небо. А лавина из мерзлого грунта в пятьдесят миллионов кубических метров, шириной около полукилометра и высотой этак метров шестьдесят, как цунами, прошла всю долину, снесла наши трейлеры и взобралась на противоположное предгорье. Потом, когда смотрели фильм, снятый вертолетом-разведчиком, мы с затаенным дыханием несколько раз повторяли эти кадры, где передвижные электростанции, стоявшие несколько в стороне от наших трейлеров, вспыхивали как спички, когда лавина накрывала их. Трейлеры всплыли в этой невероятной смеси грунта со льдом и опрокинутые были выброшены лавиной на ее край. Их слоеные корпуса из алюминия и пенопласта были во многих местах разорваны. Когда спустя два часа после взрыва мы вернулись на место их стоянки, то увидели все это своими глазами. Я мигом пролез через рваное отверстие в один из них, и радости моей не было конца – внутренности трейлера не пострадали, и вся система регистрации сработала по заданной программе задолго до прихода лавины. Информация была получена полностью. Вот так гора Черная выпустила злого духа вверх, куда от штольни гонит ветер облака. Мы молча смотрели в небо – жаль ту голубую даль, куда плывут они в объятиях циклона и где радиоактивный выход в течение трех суток будет контролироваться самолетом Ан-24, специально оборудованным системой воздухозабора и обработки данных по радиоактивным изотопам. С грустью мы смотрели на искаженный облик долины. На следующий год перед завалом образовалось неглубокое озеро, а ручей пробил-таки себе дорогу из-под завала.

И сегодня, бывая с инспекцией на проливе, всегда прихожу к этому завалу, как будто вновь и вновь возвращаюсь в свою молодость, вспоминаю друзей и обычные будни суровой, но счастливой жизни здесь на протяжении двух десятков лет, каждое лето и осень. Я каждый год скучаю по Новой Земле. До новых встреч, труженики Арктики!

□ 4.9. ТРУД ИСПЫТАТЕЛЕЙ НИКОГДА НЕ БЫВАЕТ ЛЕГКИМ И БЕЗОПАСНЫМ

Кауров Г.А.

Капитан 1 ранга, кандидат технических наук.

30 лет назад произошла самая серьезная авария при проведении ядерных испытаний на полигоне Новая Земля.

Подготовка к ядерным испытаниям в 1969 году проходила весьма напряженно. Это было связано с тем, что возможности экспедиции горняков по проходке сразу двух штолен А-7 и А-9, в концевых помещениях которых должны быть взорваны ядерные заряды, являлись ограниченными.

Приближалась зима. Погода на Новой Земле в последние три месяца года необычайно капризная, а продолжительность светового дня, так необходимого для работы вертолетов в сложных горных условиях Заполярья, становится очень короткой. В декабре на Новую Землю приходит полярная ночь. Поэтому Государственная комиссия, которую возглавлял опытный и авторитетный специалист, начальник 5 Главного управления Минсредмаша Г. А. Цырков, мобилизовала все наличные силы горняков, военных строителей, моряков-испытателей на максимальное ускорение завершения строительства и обустройства штолен.

Штольни А-7 и А-9 были пройдены в горе Шелудивая. Ее северный склон обращен к проливу Маточкин Шар, на берегу которого приютился поселок Северный (зона «Д-9»). Западный склон – к реке Шумилиха, впадающей в пролив несколькими, в это время года неглубокими, рукавами. Геологическая структура горы Шелудивая похожа на слоеный пирог из разного вида сланцев, кварцитов, доломитов, известняков. Поэтому место размещения испытываемого заряда – т.н. концевой бокса, могло оказаться сооруженным в одной из этих пород. В 1969 году концевой бокс штольни А-7 был расположен в кварцитах, а концевой бокс штольни А-9 впервые в практике ядерных испытаний оказался в известняках.

У подножья восточного склона горы Шелудивая, между врезками штолен А-7 и А-9, были сооружены обвалованные грунтом металлические сооружения, в которых на амортизаторах крепились регистраторы измерений. Сигналы, фиксируемые сотнями датчиков, установленных в непосредственной близости от ядерных зарядов по всей длине штолен и на дневной поверхности, по кабелям транслировались в металлические сооружения, где развертки, получаемые на осциллографах, фотографировались. В то время еще не было фотопленок с сухим проявлением, и поэтому, если в металлические сооружения поступали радиоактивные вещества, фотопленки могли быть облучены («засвечены»), а драгоценная информация утеряна. Поэтому важнейшей задачей испытателей являлось быстрое (в течение 30-50 минут) извлечение материалов регистрации из металлических сооружений и доставка их в фотолабораторию для проявления. Для этого из наиболее психически уравновешенных испытателей формировалась группа «первого броска», на которую и возлагалось решение данной задачи.

Погода 14 октября 1969 года была на редкость хорошей. Бушевавший предыдущие два дня циклон переместился в южную часть акватории Карского моря, обеспечив необходимое генеральное направление перемещения воздушных масс. В поселке Северный был штиль, а по долине реки наблюдалась еле заметная местная тяга в сторону пролива. В соответствии с планом проведения испытаний за несколько часов до взрыва теплоход «Татария», использовавшийся в качестве гостиницы, покинули члены Государственной комиссии, переехав на командный пункт руководства (КПР), который при проведении испытаний в горе Шелудивая размещался на высоте-132, в 6 километров от места взрыва. «Татария»? приняв на борт испытателей, не занятых в непосредственном осуществлении взрыва, отошла от причала поселка Северный и встала в дрейф на траверсе разрушенного поселка Лагерный, в 15-20 километрах от места взрыва.

Высота-132 образует левый, противоположный горе Шелудивая, берег поймы реки Шумилиха. Она северным склоном плавно снижается к проливу Ма-

точкин Шар. От КПП до уреза пролива не более 500 метров. Берег в этом месте пологий, а глубины пролива позволяют швартовку малых десантных судов, одно из которых предназначалось для эвакуации в случае необходимости испытателей. Помимо командного пункта руководства на высоте-132 размещались командные пункты связи, авиации, тыла и других служб, были оборудованы четыре площадки для вертолетов Ми-8, а также пункты санитарной обработки (палатка с горячим душем) и дезактивации техники. Для группы «первого броска» невдалеке от КПП размещалась колонна из пяти гусеничных машин высокой проходимости (ГТТ), способных в течение 10-15 минут доставить испытателей к приборным сооружениям, преодолев камнепады и завалы горной породы в случае их образования в результате взрыва.

В момент взрыва моторы ГТТ работали, а расчеты испытателей находились рядом с машинами. Посадка испытателей в ГТТ была проведена по команде командира группы «первого броска» Николая Волошина. Движение колонны к штольням было начато по приказу Г.А. Цыркова через 3 минуты после взрыва. Во главе колонны, на расстоянии около 100 метров от головной машины испытателей, следовала машина радиационной разведки.

Мне было поручено в 1969 году командовать радиационной разведкой и обеспечивать радиационную безопасность во время работы испытателей в металлических сооружениях. Во время движения колонны наряду с непрерывными измерениями уровней радиации мы внимательно наблюдали за барражированием над горой вертолета-дозиметриста, который периодически подавал условные сигналы, свидетельствовавшие об отсутствии радиационной опасности. Через 41 минуту после взрыва все расчеты «первого броска», за исключением радиационной разведки, сняв материалы регистрации, покинули приустьевую площадку и, не подвергнувшись облучению, прибыли на высоту-132.

В это время дозиметристы во главе с прекрасным специалистом капитаном Вячеславом Прониным проводили перезарядку регистрирующей аппаратуры, прямые измерения радиационной обстановки и параметров газовой среды в различных участках штолен. Если в штольне А-7 регистрирующая аппаратура показывала отсутствие радиоактивности, то в приустьевом участке штольни А-9 мощность дозы составляла десятки тысяч рентген в час и наблюдался рост давления и температуры. Вертолет-дозиметрист подал сигнал об обнаружении радиоактивности и, резко набрав высоту, скрылся за горой. На приустьевой площадке и в районе металлических сооружений начался рост уровней радиации. Мы срочно покинули приустьевую площадку при уровнях радиации на дневной поверхности около 5 рентген в час.

Прибыв на КПП, я доложил Г.А. Цыркову, что все испытатели покинули район штолен, а также о результатах радиационной разведки. В этот момент стоявший рядом с Цырковым член Госкомиссии, ныне всемирно известный геофизик, академик РАН Ю.А. Израэль произнес: «Авария! Выброс из штольни А-9!» Посмотрев в сторону штолен, я увидел, как над склоном горы поднималось газо-аэрозольное облако мышиного цвета. Достигнув высоты 100-150 метров, оно начало медленно перемещаться по долине реки в сторону КПП и в район нахождения малого десантного судна, ожидавшего испытателей для их эвакуации на теплоход «Татария». Г.А. Цырков объявил срочную эвакуацию. К сожалению, за несколько минут до этого, строго по плану испытаний, с высоты взлетели вертолеты с небольшой группой испытателей, сопровождавших

материалы регистрации. Единственным средством эвакуации оставался стоявший у берега малый десантный корабль (МДК), в сторону которого перемещалась серое радиоактивное облако.

Получив команду о срочной эвакуации, электрики заглушили двигатели передвижных электростанций. В результате была выключена громкоговорящая трансляция, что привело к потере военными управляемости, и началось беспорядочное движение людей с высоты к МДК. Хотя картина с бегущими людьми и движущимися машинами напоминала панику, тем не менее, через 15 минут на борту МДК оказались практически все испытатели. К этому времени радиоактивное облако приблизилось к месту швартовки малого десантного корабля. Запахло сероводородом. Уровни радиации начали быстро возрастать, о чем я доложил Г.А. Цыркуву. Георгий Александрович приказал мне сойти с корабля и передать контр-адмиралу В.К. Степенко, находившемуся на берегу, его указание о необходимости немедленного отхода корабля от берега.

Когда я передал указание В.К. Степенко, адмирал показал в сторону высоты, где бегало около десятка полураздетых людей, отрезанных от берега слоем серого радиоактивного тумана. Стало понятно, что адмирал не мог принять решение об отходе корабля, оставив этих людей в опасной зоне. Я предложил ему снять этих людей, прорвавшись на высоту на ГТТ, и уйти с ними в безопасный район тундры. Адмирал дал добро. Взбежал на корабль и, доложив Цыркуву о решении адмирала, я дал своим дозиметристам команду покинуть корабль. В считанные секунды все они были уже в ГТТ. Последний взгляд на корабль запечатлел пробирающегося к мостику адмирала и стоящего на нем, рядом с командиром МДК, капитана 1 ранга Б. Замышляева, действовавшего, как подобает флотскому офицеру, смело и решительно. Ныне Б.В. Замышляев – генерал-лейтенант в отставке, член-корреспондент российской Академии наук.

В тот момент уровень радиации составлял около 50 рентген в час. Нам необходимо было пересечь полосу радиоактивного смога и, выскочив на высоту, снять людей. Теперь все зависело от водителя ГТТ Миколы Кобелева и его машины. И Коля не подвел. Полосу смога мы пересекли примерно за 10 минут. Дозиметристы матросы Володя Смирнов и Миша Гельдт постоянно докладывали уровни радиации: «100, 150, 250 рентген в час...». Далее рентгенометры зашкалило, и я приказал их выключить, чтобы не смущали... Вскоре мы выскочили из полосы смога и, к неопишуемой радости забытых и перепуганных испытателей, поднялись на высоту. Обстановка там была относительно нормальная, слегка пахло сероводородом, а уровни радиации составляли несколько миллирентген в час.

Первое, что необходимо было предпринять, – это успокоить своих новых подопечных. Как оказалось, в момент объявления эвакуации они мылись в палатке санитарной обработки и никаких сигналов и команд не слышали. Остаться на высоте-132 на ночь было опасно. Поэтому, забрав на КПП запасенные для руководителей деликатесы и термосы с кофе и чаем, а из моего сейфа канистру со спиртом, мы были готовы к длительному автономному пребыванию в тундре. На высоте-132 мы пробыли около получаса. Все это время я с тревогой наблюдал за событиями, происходящими на Маточкином Шаре.

Отойдя от берега, МДК не смог оторваться от радиоактивного облака. В течение как минимум 40 минут корабль находился в нем. Лишь на траверсе реки Черакина он вышел из облака, а затем пришвартовался к борту теплохода «Та-

тария». К сожалению, по рассказам участников, некоторые руководители, поднявшись на борт теплохода, начали стягивать с себя меховые полушубки, унты, шапки и другие вещи и бросать их в воду. Их примеру последовали другие. Дело запахло паникой, что не могло в последующем не сказаться на психическом состоянии и здоровье некоторых участников событий...

У нас на высоте-132 причин для паники не было. Неугомонный водитель Никола Кобелев сумел запустить еще один оставленный на высоте ГТТ, мы на двух машинах покинули высоту-132 и начали движение по берегу пролива в сторону мыса Столбового, находящегося на побережье Баренцева моря. С момента аварии над кораблями и по пути движения нашего ГТТ в воздухе, на высоте 150-300 метров, вселяя в нас уверенность, барражировал самолет-лаборатория Ил-14. Его работой руководил любимец новоземельцев, весельчак и балагур, прекрасный ученый профессор Александр Прессман. Пролетая над нами, Ил-14 покачал нам крыльями, а мы выпустили зеленую ракету, дав знать, что у нас все в порядке.

Примерно через 3 часа мы добрались до живописного места, где когда-то зимовал известный художник А. Борисов. Невдалеке от развалин его избы нас поджидал вертолет Ми-8. Командир вертолета сообщил, что в Белушьей Губе очень обеспокоены аварией и даже готовят госпиталь для приема большого числа облученных. Отправив снятых с высоты-132 испытателей на вертолете в Белушью и оставив ставший ненужным ГТТ у развалин дома Борисова, мы вскарабкались на мыс Столбовой. Там размещалась артиллерийская батарея, прикрывшая вход в пролив Маточкин Шар. Командир батареи передал мне полученную с находящейся на прямой видимости «Татарии» светограмму адмирала Стешенко: «Каурову. Остались ли люди на высоте?» Я доложил, что все люди с высоты-132 сняты и отправлены вертолетом в Белушью. В ответ получил короткое: «Благодарю за службу!» После этого «Татария» снялась с дрейфа и взяла курс на Белушью. А гостеприимные артиллеристы уже топили нам баню, после которой накрыли стол и по традиции первый тост провозгласили: «За новый вклад наших ученых, инженеров, рабочих и военных в обороноспособность СССР!» Мы с удовольствием прослушали передачи «Голоса Америки» и Би-Би-Си, которые сообщили об очередном ядерном взрыве на Новой Земле, и испытали чувство причастности к очень необходимому для страны делу.

Рано утром, попрощавшись с артиллеристами, мы отправились в обратный путь. Встретив по дороге двух белых медведей и удачно форсировав реку Чераккина, мы поднялись на высоту-132. Перед нами лежал поселок Северный, а по глади замерзшего пролива, словно мальчишки по накатанному льду, катались три белых медведя. Сразу понять медвежьи забавы было трудно. Лишь потом стало ясно, что медведи охотились за нерпой. Видя нерпу сквозь прозрачный лед, они мчались за ней по скользкому льду. Когда же нерпа меняла направление движения, медведи из всех сил тормозили, продолжая при этом скользить по инерции. Беда наступала, если за этот короткий промежуток времени нерпа не успевала оказаться у одной из лунок и сделать выдох и вдох. Удар медвежьей лапы выбрасывал ее на лед, и начинался пир. Медвежью рыбалку прекратил лишь звук и вид нашего ГТТ, на котором мы с Прониным выехали для оценки обстановки в районе штолен.

Она, к нашему удивлению, оказалась нормальной. Стрекотала оставленная работать на время и после взрыва передвижная электростанция, которую тут

же Кобелев дозаправил горючим. Наши приборы продолжали регистрировать уровни радиации и параметры газовой среды внутри штолен, на горе и в поселке. Мы поднялись на гору, осмотрели место прорыва радиоактивности. Им оказалась трещина шириной около двух метров и протяженностью до 10 метров. По-видимому, это был геологический разлом, залеченный глиной трения, которая давлением газов была выброшена в атмосферу. Из трещины продолжал выходить теплый газ. Уровень радиации был около одного рентгена в час. В целом обстановка в районе испытаний была нормальной, но доложить об этом в Белушью мы не могли в течение последующих 5 суток.

Да, видимо, для руководства в этом и нужды не было. Ежедневно над нами пролетал самолет Прессмана, который, несомненно, регистрировал и докладывал обстановку. А в это время прибывшие в Белушью Губу на «Татарии» испытатели были госпитализированы. Уже через сутки некоторые из них были доставлены в Москву, в знаменитую 6-ю клинику Института биофизики, где их лечением занимались выдающиеся специалисты академик Л.А. Ильин и профессор А.К. Гуськова.

Естественно, тогда всего этого мы не знали, а посему никто из моей группы не болел и болеть не собирался. Мы продолжали вести измерения и, воспользовавшись отсутствием контроля, три раза выезжали на подледную рыбалку, что оказалось более целебным делом, чем госпитализация и ненужные переживания. Позже я узнал, что в Белушьей про нас ходили всевозможные слухи, жен пугали неизбежными нашими болезнями, говорили, что мы уже облысели, а адмирал Стешенко и Цырков якобы нас просто забыли, и даже умышлено бросили в радиацию и т.п. Все это было грубой ложью.

После пяти суток нашей «вольницы» из Белушьей прибыл корабль ледокольного типа «Байкал» с группой демонтажа аппаратуры и оборудования. Вскоре я заметил, что мои матросы были явно чем-то озабочены. Оказывается, демонтажники им рассказали, что их сослуживцы, попавшие под радиоактивное облако, после выписки из госпиталя получают по 30 суток отпуска с выездом на родину. О моих же ребятах, не прошедших госпитализацию и отсутствовавших в Белушьей, просто забыли. Ради восстановления справедливости мои матросы решили «заболеть», тем более что индивидуальная доза облучения членов нашей группы составила от 60 до 70 бэр. Пришлось пообещать матросам, что после демонтажа они тоже поедут в отпуска. Обещание удалось выполнить не без труда. Сложности возникли в связи с тем, что испытания были завершены, и в дело включились военные чиновники, которые лучше других знают, что кому положено.

...Прошло 30 лет после аварии в штольне А-9. Большинство испытателей, попавших в 1969 году под радиоактивное облако, живут, работают, а их здоровье соответствует возрасту. Некоторые, к сожалению, ушли из жизни, но уверен, что это не связано с облучением. Многие участники испытаний в штольнях А-7 и А-9 еще не раз, выполняя работы, подвергались облучению, принимали участие в других ядерных испытаниях, были в рядах ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС. Как это часто бывает, больше всего небылиц о событиях 1969 года рассказывают люди, которых та беда не коснулась или коснулась только краем. Так бывает всегда.

14 октября 1999 года в здании Министерства Российской Федерации по атомной энергии на Большой Ордынке я встретил Г.А. Цыркува. В свои 78

лет он продолжает активно трудиться, делится уникальным опытом со своими последователями – более молодыми создателями российского ядерного оружия.

Вспомнили мы события 1969 года, о которых было рассказано выше, и даже позволили себе выпить по рюмке водки за здоровье живущих участников тех непростых испытаний, за труд испытателей, который никогда не бывает легким и безопасным.

Испытание, о котором рассказал Г.А. Кауров, было единственным, проведенным на полигоне в 1969 году.

□ 4.10. ВОСПОМИНАНИЕ ЛАПИНСКОГО ИГОРЯ СЕРГЕЕВИЧА

Капитан 1-го ранга, ветеран подразделений особого риска.

После окончания Каспийского Высшего Военно-Морского училища имени Кирова в декабре 1956 года я был назначен на должность командира БЧ – П–Ш большого охотника за подводными лодками БО-155. 20 бригады охраны водного района, 20 дивизии Северного флота. В период май-октябрь 1957 года БО-155 в составе бригады кораблей был направлен на Новую Землю для участия в обеспечении испытаний ядерного оружия. Весь этот период корабль принимал непосредственное участие в указанном обеспечении: охрана побережья в зонах проведения испытаний, высадка групп на ОС (опытные судна) для замера уровня радиации, высадка и снятие групп с пробами радиации с береговой местности. В указанный период в сентябре 1957 года я был откомандирован (примерно на одну неделю) для выполнения обязанностей штурмана на МПК-410 (командир корабля – капитан-лейтенант Михельсон).

Этот корабль был направлен в бухту Черная, где принял участие в обеспечении стрельбы ядерной торпедой с подводной лодки. В этот день стояла ясная, тихая погода. Около 12 часов была плюсовая температура, и защитную одежду я одевал на китель. Корабль находился за скалой у входа в бухту. Наблюдал взрыв ядерной торпеды, а через 30 минут после взрыва МПК-410 был уже в бухте, измеряя уровни радиации и высаживая группы на ОС (на рейде бухты находилось около 15 кораблей и судов разных классов) для производства замеров и осмотра повреждений. Корабль и личный состав в это время работы подвергся радиоактивному загрязнению. В районе стрельбы других военных кораблей не было.

В октябре 1957 года, будучи уже на МПК-155, мы высадили, перед очередным испытанием, группу на полуостров Ямал. В Карском море несли дозорную службу, а после испытания сняли группу с радиоактивными пробами грунта. При возвращении в базу по Карскому морю корабль попал в сильнейший шторм. Ветер достигал предельных показаний. С ходового мостика корабля кругом была видна только вода, а вертикально над головой черное море. Корабль бросало, как щепку, но, учитывая удивительные ходовые качества корабля и морские навыки командира корабля капитан-лейтенанта Кушпеля С.Л., мы не перевернулись. Умело и грамотно осуществлялись все маневры, выбирались

оптимальные курсы. На верхней палубе были повреждения, перевернуло шлюпку, которая заклинила люки во второй и третий кубрики. Волной разбило иллюминатор во втором кубрике, куда стала поступать вода. Дежурный по кораблю командир носового орудия Пантелеев, находясь в кубрике, пытался выскочить через люк кубрика, крича: «Откройте, я дежурный!» Переход продолжался всю ночь и только утром, при подходе к проливу Маточкин Шар, мы смогли уточнить свое место и с трудом войти в него. Обеспечение испытаний для нас стало будничным делом.

В 1958 году меня перевели на другой корабль, а в 1961 году назначили командиром корабля, командиром корабельной поисково-ударной группы. С 1963 года проходил службу на кораблях Балтийского флота, а с 1972 года в Главном штабе ВМФ. Уволился в запас в 1988 году.

□ 4.11. ВАЛЕТ – ВОЖАК НОВОЗЕМЕЛЬСКИХ СОБАК

*Ломовцев Е.М.
Капитан 1 ранга.*

Кроме тяжелых будней, у испытателей были и минуты отдыха. О верных друзьях человека в этот период ниже несколько добрых слов.

Новоземельские собаки – выносливые, крепкие, рослые, смелые псы. По внешнему виду они ближе к овчаркам, но бывают и вислоухими, и разноцветными. Всех их отличает приспособленность к местным условиям. Слабые не выживали. В зимнее время они кормились у столовых, у кораблей, в хозяйствах, активно защищая свою зону интересов. Многих прикармливали жители поселка. Летом собаки кормились в тундре, в основном леммингами, и к зиме нагуливали хороший жир. В повседневности они были добрыми псами, любили играть с детьми. Но в экстремальных условиях в собаках просыпались звериные инстинкты.

Среди собак выделялся их вожак, которого звали Валетом. Это был крупный, красивый, сильный и умный пес с необычной судьбой, да и родился в особых условиях.

В то лето мы вылетели на вертолете в точку «Х» для изучения местности, и с нами полетела собака по кличке Альфа. На месте мы занялись работами, а собака убежала в тундру. К нашему отлету она не вернулась. Погода портилась, и мы улетели, надеясь скоро вернуться. Но случилось так, что попали мы в эти места через три месяца, когда уже лежал снег и замерзли озера. И каково же было наше удивление, когда к вертолету подбежала с лаем Альфа и стремилась каждому облизать лицо и руки. Следом за ней прибежал щенок. Остановившись в пяти метрах, он злобно рычал. Это был ее щенок. Очевидно, мы оставили ее щенной. Я решил подойти к нему. Но он зарычал и стал убежать. Я пошел следом и вскоре увидел большой камень, под которым была нора. Вокруг лежали кости песцов, перья птиц и три замерзших щенка. Из четырех выжил один – сильнейший. Щенок, забравшись в нору, рычал. Пришлось надеть рукавицы и вытащить его. Я поднял его за загривок. Он рычал и пытался укусить руку. У него была черная пасть, полная белых зубов. Мой товарищ, Виктор, внимательно разглядев щенка (он был хорошим охотником и понимал толк в собаках),

сказал, что из него может получиться отличная охотничья и ездовая собака, и он берет его себе. Прилетев в поселок, Альфу выпустили около госпиталя, где она раньше кормилась, а щенка Виктор взял домой.

У него была отличная собака по кличке Дозор. Но собачья жизнь коротка, и он стал стареть. Виктор стал готовить ему замену. Щенка он назвал Валетом и пустил его под крыльцо дома, где жил Дозор. Щенок зарычал и бросился на него. Дозор, не обращая на него внимания, отошел в сторону. Виктор не вмешивался в отношения собак, считая, что они сами разберутся. И действительно, через неделю они лежали, прижавшись друг к другу. Валет был очень похож на Дозора и с большой вероятностью мог быть его сыном.

Через месяц Валет привык к людям, и Виктор брал его домой, угощая чем-нибудь вкусеньким. Он быстро подружился с детьми. Щенок рос крепким и здоровым. С шести месяцев Виктор стал брать его во все походы, ставя в упряжку наравне с взрослыми собаками. Валет рос задиристым псом и дрался бескомпромиссно, на поражение. Однажды на него напали пять поселковых собак, сбили с ног, но и лежа он продолжал драться, прокусив двум собакам лапы. Во время подоспевший Дозор быстро раскидал нападавших.

Дозор научил Валета охотиться на оленей, держать их до прихода охотника или гнать на скрадок. Но Валет был динамичнее Дозора, и, когда он видел, что охотник далеко или олени пытаются обойти скрадок, он заваливал их и брал за горло.

Виктор рассказывал, как в один из походов произошла встреча с белым медведем. Валет не струсил и вместе с Дозором вынудил его к бегству.

Прошло два года. Дозор погиб при неизвестных обстоятельствах. Валет замахтерел и стал самым крупным, красивым и сильным псом в поселке. Все собаки беспрекословно подчинялись ему.

В тот год в конце сентября был организован выход на рыбалку на катере в район озера Нехватова. Виктор взял с собой Валета. Около домика, где причалил катер, рыба ловилась плохо. По утверждению рыбаков, находившихся в домике, голец уже прошел в озера. Посоветовавшись с Виктором, мы пошли к известной нам лагуне, которая была мористее, примерно в четырех километрах от домика. Эта лагуна соединялась с морем скальной протокой и имела глубину до пяти метров. Перед уходом рыбаки нас предупредили, что в том месте видели белого медведя. Но у нас были ружья, и мы не испугались.

Первые забросы спиннингов показали, что рыба в лагуне есть. В течение одного часа мы поймали двадцать голецов весом по два-три килограмма. День был коротким, быстро темнело. С целью экономии времени мы решили ночевать на берегу лагуны под скалой, имеющей сверху нависающий карниз. Принесли бревна, выброшенные штормом на берег, и под срезом карниза разожгли костер из трех бревен (два внизу и третье сверху). Лес, побывавший в морской воде, горел хорошо. Под скалой было тепло. Поужинав и накормив собаку, мы легли отдыхать. Ночью несколько раз вставали, подправляли костер и грелись.

Наступил рассвет. Мы пили чай, когда Валет зарычал и с лаем бросился вдоль берега. На фоне снега медведь был почти не виден. Валет с рычанием и лаем крутился перед ним. Медведь продолжал двигаться вперед. В двадцати метрах под скалой лежала пойманная нами рыба. Медведь, потянув воздух носом, направился к ней. Когда он опустил голову к рыбе, я выстрелил в скалу над

ним, образовав камнепад. Медведь отпрянул назад. Валет, почувствовав поддержку, вцепился медведю в ляжку, и началась драка. Валет кружил вокруг медведя, успевая кусать его за задние части, и зверь сел. К этому моменту мы подошли к дерущимся метров на десять. Валет кидал взгляды в нашу сторону, как бы давая понять, что он сделал свое дело, посадив медведя, и спрашивая, почему мы не стреляем. Наконец он подбежал с лаем к Виктору, который успел схватить его за ошейник. Медведь понял все и бросился бежать. Пес рванулся, но Виктор упал на него, прижав своим телом к земле. Когда медведь скрылся, Виктор поднялся. Валет был весь в ранах и в крови. Виктор положил его на брезент и обработал раны зеленкой. Опасных ран не было. Оставив собаку, мы пошли рыбачить. К обеду с хорошим уловом возвратились к домику. Валет с трудом пришел за нами.

После рыбалки я улетел в Москву. Зимой мне передали от Виктора письмо, в котором он писал, что Валет полностью поправился и они успешно провели охоту на оленей. Был случай, когда в тундре ночью их застала пурга, были потеряны все ориентиры. Они доверились Валету, который возглавлял упряжку собак, и он вывел их к поселку.

Следующая встреча с Валетом у меня произошла через два года в поселке Северном, на берегу пролива Маточкин Шар. Валет узнал меня. Это был матерый пес. Голова и тело были в многочисленных шрамах. Валет привел меня к домику, что стоял на краю поселка, где я и встретил Виктора. После приветствий он повел меня в сени, где стояла небольшая собачья будка, и позвал: «Дозор, ко мне». Из нее вылез щенок, который был копией Валета. Заметив мое удивление, Виктор рассказал, что в поселок он прилетел весной. Вертолет встретила стая собак. Предводительствовала у них крупная сука. Она бросилась на выпущенного из вертолета Валета и за ней вся стая. Валет сбил суку и показал клыки другим собакам – и они отступили. Постояв над сукой, он отпустил ее. Она поднялась и стала облизывать Валета, признав его силу. Вместе побежали в поселок. Летом у Найды (так звали суку) появились щенята. Виктор взял одного и назвал Дозором в честь его деда.

Валет погиб через неделю после нашей встречи, спасая хозяина. В тот день катер уходил на Карскую сторону для доставки продуктов геологам. По рассказам, у них хорошо ловился голец. Виктор попросил командира катера взять его с собой. Он рассчитывал высадиться в первом пункте и порыбачить часа три до возвращения катера со второго пункта. С Виктором был Валет. На Карской стороне катер вошел в лагуну, на высоком берегу которой стоял домик геологов. Разгрузившись, катер ушел ко второму пункту. Виктор остался кидать спиннинг на берегу лагуны. Валет поднялся к домику, обследуя новое место. Рыба не ловилась. Но вот спиннинг согнулся дугой под тяжестью клюнувшей рыбы. Началась борьба. Гонец схватил далеко от берега и пытался освободиться от блесны, кидаясь из стороны в сторону и делая свечки. Виктор медленно подтягивал его к берегу. И, наконец, рыба запрыгала на берегу. Гонец был весом до шести килограммов. Потом последовали еще поклевки, были и сходы.

Виктор поймал шесть крупных экземпляров, когда заметил, что по берегу идет белый медведь. Рыбу, оставшуюся на берегу, он не трогал. Он шел на человека. У Виктора был охотничий нож, но против медведя это слабое оружие, и он устремился вверх к домику, зовя на помощь Валета. Домик был

уже рядом, когда медведь догнал его и сбил на землю. Встал над ним, рыча и поднимая лапу для последнего удара. Валет налетел на медведя, как пушенный снаряд, и вцепился намертво в его горло. Медведь не устоял и упал. Виктор выбрался из-под него. Медведь лапами пытался освободиться от собаки. Виктор вытащил нож и прыгнул на спину медведю, нанося ему удары в область сердца. Медведь ослаб и стал дергать ногами. Виктор бросился к Валету, но он не мог разжать собаке зубы. Собака тихо стонала. Осмотрев собаку, Виктор содрогнулся – все внутренности выпали из распоротого живота. Он понял, что это конец. Он положил руку на голову собаки. Валет вздохнул последний раз и затих.

Виктор разжал зубы собаки, положил внутренности на место и зашил живот толстой ниткой. Отнес Валета к берегу, и обмыл его. Тут Виктор почувствовал боль в спине. Медведь успел когтями распороть спецпошив, нанеся ему раны на спине. В это время вернулся катер. Виктор не мог говорить. Поднявшись к домику и увидев медведя в луже крови, все поняли. Оказали первую помощь Виктору, собрали рыбу. Оставив медведя геологам и взяв Валета на борт, катер пошел в поселок. Командир катера и его команда помогли Виктору похоронить Валета, засыпав его камнями выше поселка на склоне горы. Затем проводили Виктора в санчасть, где ему почистили раны, наложили повязки. От госпитализации он отказался.

На третью ночь он услышал собачий вой со стороны могилки Валета. Мурашки пошли по его телу. Он взял ружье и пошел к месту захоронения. Около могилки сидела подруга Валета Найда с двумя подростками щенками и выла.

□ 4.12. ШТУРМАН-АЭРОФОТОСЪЕМЩИК

Петрухин А.А.

Немного о работе на ядерном полигоне. Наша задача – после взрыва (подземного атомного взрыва на полигоне Новая Земля) мы должны были сопровождать радиационное облако. Взрыв старались делать с таким расчетом, чтобы облако пошло на нашу территорию. В аэропортах, в которых мы производили посадки, хорошо знали цель наших полетов. Поэтому не выпускали маленьких детей на улицу, а на нас смотрели с нескрываемой неприязнью.

Более подробно остановлюсь на пребывании в районе.

Первый раз я оказался в районе Чернобыльской АЭС в 1985 году. Полеты выполнялись из а/п Жуляны (Киев). Заказчиком являлась Киевская геофизическая экспедиция. Цель полетов – «Поиск полезных ископаемых» – так нам трактовали цель полетов заказчики. Сама АЭС являлась запретной зоной. Но мы смогли хорошо ознакомиться с прилегающими Иванковским и Полесским районами Киевской области. Эти районы вплотную подходили к Чернобыльской АЭС.

В 1986 году случилась авария на Чернобыльской АЭС. В этом же году я перевожусь с Украины в аэропорт Мячково (Москва), который всем известен в союзе как базовое предприятие для выполнения специальных авиационных работ: аэрофотосъемка для картографических целей, обслуживание Антарктических полетов и для решения других народнохозяйственных задач.

В 1986 году работу по созданию радиационной карты местности выполнял тот же самый Институт прикладной геофизики, что и выполнял работы на ядерных полигонах.

Выполняя полеты над Чернобыльской АЭС и в тридцатикилометровой зоне на малых высотах (100 метров), я смог своими глазами увидеть картину последствий аварии. Выжженный лес, т.е. сухой оранжево-красный цвет деревьев в районе Чернобыльской АЭС, контрастировал с зеленым фоном окружающих лесов, пустые деревенские дома, отсутствие животных, людей, транспортных средств.

Всем ликвидаторам аварии на Чернобыльской АЭС после выполнения работы разрешалось принять граммов 100, а то и 200 вина или покрепче. Понять пользу этого я смог воочию: после приема алкоголя часа через 1,5, сходя по малой нужде, бытовой дозиметр «строчил» как пулемет «Максим».

ГЛАВА 5

АТОМНЫЙ ПОДВОДНЫЙ ФЛОТ СТРАНЫ

□ 5.1. У ИСТОКОВ СОЗДАНИЯ АТОМНОГО ПОДВОДНОГО ФЛОТА

Дьяченко А.А.

*доктор исторических наук, член Союза писателей,
действительный член АВН, полковник в отставке.*

В создании атомного подводного флота принимали участие сотни тысяч специалистов, тружеников нашей Великой Родины – СССР. Перечислить всех и отметить вклад каждого невозможно. Но бесспорен вклад выдающихся представителей нашей страны, с чьих деяний был заложен наш атомный подводный флот. К ним правомерно можно отнести А.П. Александрова и Н.А. Доллежала. Возглавив после ухода из жизни И.В. Курчатова в 1960 году Институт атомной энергии, А.П. Александров на протяжении почти трех десятилетий оставался научным руководителем важнейших научно-технических программ по разработке и сооружению ядерных реакторов различного назначения. Это и крупнейшие энергетические реакторы, которые сегодня работают на всех действующих АЭС бывшего СССР, и небольшие исследовательские реакторы, построенные во многих научных центрах России, бывших союзных республик, ряда зарубежных стран. Это и промышленные реакторы для наработки стратегических ядерных материалов, и реакторы для работы в космосе. Но, пожалуй, ближе всего А.П. Александрову всегда были ядерные энергетические установки для морского флота, как для боевых кораблей, так и для атомных ледоколов и лихтеровозов, имеющих сугубо мирное назначение. Атомные ледоколы позволили существенно расширить сроки навигации в полярном бассейне, приблизить ее к круглогодичной. Десятки атомных подводных лодок и надводных боевых кораблей, оснащенных мощным ракетно-ядерным оружием, стали одной из важней-

ших составляющих того стратегического паритета, который сложился между двумя сверхдержавами в годы «холодной войны». Трудно переоценить вклад А.П. Александрова в становление атомного подводного флота СССР.

В статье Н.А. Доллежала «Рождение мирной ядерной энергетики» /5.1/ так представлено создание первого корабельного реактора: «На исходе 1950 года, после представления рабочих чертежей Первой АЭС, у И.В. Курчатова возникла мысль взяться за транспортный реактор. Транспортный в переводе на более предметный язык, значило «корабельный реактор»... Курчатов созвонился со знакомыми адмиралами из технического управления ВМФ и попросил назвать предельные вес и размеры энергетической установки, пригодной для корабельных условий. Листок с появившимися на нем цифрами он передал мне, предложил: «Подумайте, какой тип реактора можно выбрать»... После недолгих раздумий мы внесли наши предложения министерству. В августе 1952 года было принято правительственное решение о создании боевых подводных кораблей с атомной силовой установкой. Научным руководителем этой программы назначили А.П. Александрова, а главным конструктором силовой установки – меня... В ходе разработки реактора было принято решение о разработке водо-водяного реактора корпусного типа (водо-водяной означает, что замедлителем и теплоносителем является вода). Среди трудностей, с которыми пришлось столкнуться, не последнее место занимала наша неосведомленность в кораблестроении. Справиться с этим помогало каждодневное сотрудничество с конструкторами-кораблестроителями В.Н. Перегудовым и Г.А. Гасановым. Перегудов, главный конструктор корабля, разрабатывал общую компоновку подводного атомохода. Гасанов – парогенераторную часть...

Краткий обзор вклада отмеченных выше руководителей, участвовавших в создании первой АПЛ, будет неполным без упоминания других выдающихся специалистов, внесших достойный вклад в решение этой крупнейшей проблемы.

Для работы над проектом были собраны лучшие конструкторские и научные силы страны: специалист по турбинам Г.А. Воронич, корпусник В.П. Горячев, разработчик реакторного отсека П.Д. Дехтярев. С Перегудовым работали В.П. Фуников, В.Я. Степанов, Ю.К. Баев, создатель электрооборудования А.Н. Убанов, а также много других талантливых конструкторов, инженеров и организаторов производства атомного подводного флота.

НИКИЭТ, создававший сердце атомохода, был награжден орденом Ленина. Такую же награду получил и я, его директор. А главный конструктор корабля В.Н. Перегудов стал Героем Социалистического Труда».

В сентябре 1952 года началась новая эпоха в советском кораблестроении – создание атомной подводной лодки. Работы над ней велись в условиях строгой секретности, финансирование осуществлялось через МСМ, более года специалисты флота в работах на первой атомной подводной лодке не участвовали. Специалисты флота – офицеры 6 отдела ВМФ – были подключены к проектированию АПЛ постановлением Совета Министров СССР от 28 июля 1953 года. Общее руководство возложили на П.Ф. Фомина. Главкомандующий ВМФ адмирал флота Н.Г. Кузнецов 15 января 1954 года распорядился «организацию и руководство всеми работами по объекту 627 возложить на 6 отдел ВМФ».

Комплектование строящейся АПЛ личным составом было поручено

П.Ф. Фомину. Специалистами кораблестроительного направления 6 отдела ВМФ на флотах были подобраны соответствующие офицеры. Так, первым инженером-механиком на опытную подводную лодку К-3 с атомным реактором был назначен Б.П. Акулов. Были подобраны и другие специалисты, среди которых – будущий помощник командира лодки Герой Советского Союза Л.М. Жильцов.

9 августа 1957 года подводная лодка проекта 627 была спущена на воду, 17 января 1959 года принята флотом в опытную эксплуатацию. Командиром АПЛ был назначен капитан 1 ранга Осипенко Л.Г.

□ 5.2. СОЗДАНИЕ АТОМНОГО ПОДВОДНОГО ФЛОТА

Букин Д.В.

ветеран подразделений особого риска.

В сентябре 1952 года по распоряжению И.В. Сталина начинается строительство первой советской АПЛ К-3. В ее создании только на первом этапе участвовали 20 КБ, 36 НИИ, 10 заводов. Научным руководителем новой программы был назначен А.П. Александров. Строительство было начато в г. Северодвинске. АПЛ была введена в строй в декабре 1958 года.

25 мая 1954 года постановлением СМ СССР формируются два экипажа, а в г. Обнинске Калужской области создается учебный центр подготовки экипажей.

За свою службу АПЛ К-3 выполнила 14 дальних походов и боевых служб. А 17 июля 1962 года всплыла вблизи Северного полюса. Моряки вышли на лед, водрузили Государственный флаг СССР, сыграли в футбол и дважды подо льдом прошли точку Северного полюса.

Точно на Северном полюсе 24 июля 1963 года всплыла АПЛ К-181 («Атомная отрасль России» – от редакции).

100 лет подводному флоту России.

Проблему создания подводных лодок страны, способных по энергозапасу для подводного хода оставаться в подводном положении в течение всей автономности, удалось решить путем оснащения подводных лодок ядерной энергетикой. При решении этой проблемы учитывались физиологические возможности экипажа (с учетом современных средств обеспечения обитаемости – до 90-120 суток), а также способность развивать подводную скорость, превышающую наибольшую скорость водоизмещающих надводных кораблей основных классов, и двигаться с этой скоростью практически любое тактически необходимое время. Первая советская атомная торпедная подводная лодка проекта 627 (главный конструктор В.Н. Перегудов) имела подводную скорость 30 узлов, а атомная торпедная подводная лодка проекта 661 (главный конструктор академик Н.И. Исанин) достигла рекорда, сохраняющегося и по настоящее время, подводной скорости около 44,7 узла.

В сентябре 1952 года постановлением Совета Министров СССР были определе-

ны порядок и сроки создания отечественной атомной подводной лодки. Были утверждены научным руководителем работ академик А.П. Александров, заместителем руководителя по ядерным расчетам и исследованиям член-корреспондент АН СССР Д.И. Блохинцев, главным конструктором комплексной энергетической установки академик Н.А. Доллежал, главным конструктором подводной лодки В.Н. Перегудов.

Одновременно с проектированием подводной лодки были развернуты работы по созданию атомной энергетической установки и связанного с ним оборудования. В целом в создании первенца атомного подводного флота участвовало более 130 научных, проектных и промышленных предприятий и организаций.

В результате выполненных исследований и проработок окончательно было принято решение создать два типа АЭУ (корабельных атомных установок) для подводных лодок: с водо-водяным реактором под давлением (установок ВМ-А, наземный прототип стенд 27/ВМ) и реактором, для которого в качестве теплоносителя использовался жидкий металл Pb-Bi (установка 645 ВТ, наземный стенд 27/ВТ).

Торжественная церемония закладки первой отечественной атомной подводной лодки проекта 627, получившей номер К-3, состоялась 24 сентября 1955 года на Северном машиностроительном предприятии в г. Северодвинске Архангельской области (ныне это Государственный российский центр атомного судостроения). Экипаж во главе с командиром К-3 капитаном 2 ранга Л.Г. Осипенко прибыл на корабль в декабре 1956 года и принимал участие во всех строительных работах.

9 августа 1957 года К-3 была спущена на воду, а с 19 мая по 5 июня 1958 года были успешно проведены швартовые межведомственные испытания атомной энергетической установки корабля.

1 июля 1958 года на К-3 был поднят военно-морской флаг. С 3 июля по 1 декабря 1958 года правительственной комиссией под председательством вице-адмирала В.Н. Иванова и при научном руководстве академика А.П. Александрова были проведены совместные ходовые испытания атомной подводной лодки К-3, которые прошли на Белом море.

4 июля 1958 года в 10 часов 03 минуты впервые в истории отечественного флота кораблю был дан ход от атомной энергетической установки. Начался исторический отчет миль, пройденных отечественным атомным флотом.

17 января 1959 года постановлением правительства был утвержден приемный акт, и первая отечественная атомная подводная лодка К-3 была передана ВМФ в опытную эксплуатацию.

За освоение первой атомной подводной лодки ее командиру капитану 1 ранга Л.Г. Осипенко было присвоено звание Героя Советского Союза.

За создание первой отечественной атомной подводной лодки 20 представителей науки и производства во главе с академиком А.П. Александровым стали лауреатами Ленинской премии, а ее главному конструктору В.Н. Перегудову присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1960 году была заложена атомная подводная лодка проекта 645 (главный конструктор А.К. Назаров) с атомной энергетической установкой, в которой теплоносителем являлся жидкий металл. Судьба второго варианта АЭУ с ЖМТ оказалась более трудной. Реализация установки с ЖМТ свинец-висмут по целому ряду ее особенностей оказалась значительно более сложной в отработке.

Атомная подводная лодка К-27 проекта 645, которой командовал капитан 1 ранга И.И. Гуляев, в 1966 году ему было присвоено звание Героя Советского Союза, находилась с 1963 года в опытной эксплуатации. В 1964 году она совершила поход в Центральную Атлантику, пробыв под водой 51 сутки. Практически была испытана надежность работы АЭУ с ЖМТ и всех систем и механизмов корабля при плавании при довольно высокой температуре забортной воды.

Начавшаяся удачно опытная эксплуатация атомной подводной лодки, к сожалению, была прервана в 1965 году в ходе выполнения боевой службы в Средиземном море из-за аварии одного из реакторов вследствие нарушения теплоотвода в активной зоне ввиду неотработанной на этот период «технологии тяжелого теплоносителя». Образовавшиеся «шлаки» и их несвоевременное удаление привели к нарушению циркуляции сплава в отдельных участках зоны.

Тем не менее, созданная установка явилась значительным шагом в деле развития корабельной атомной энергетики. Она показала принципиальную возможность реализации преимуществ АПЛ с ЖМТ и определила круг проблем, которые необходимо было решать в будущем при создании установок подобного типа.

Научное руководство созданием АЭУ с ЖМТ осуществлял академик АН УССР А.И. Лейпунский, ему помогали такие известные ученые ФЭИ, как академик В.И. Субботин, Б.Ф. Громов и многие другие, главным конструктором этой установки был Б.М. Шолкович, он руководил большим высококвалифицированным коллективом конструкторов ОКБ «Гидропресс».

Наряду с практическим освоением атомных торпедных лодок с конца 50-х проходила интенсивная разработка новых проектов атомных подводных лодок, способных нести на своем борту ракетно-ядерное оружие и использовать его по противнику в удаленных от своего побережья районах Мирового океана.

В 1958 году в ЦКБ-16 начаты работы по проектированию опытной атомной подводной лодки проекта 661 (главный конструктор академик Н.Н. Исанин). Особенностью проекта было то, что на новой лодке не разрешалось применять ранее освоенные материалы, технические средства, оборудование, приборную технику, системы автоматики. Все это требовалось создать заново на базе последних достижений науки, техники и производства.

В частности, в те годы в СССР началось освоение титановых сплавов, их производства и обработки. Материалом корпуса подводной лодки был выбран титан из-за его высокой прочности при малом удельном весе, высокой коррозионной стойкости и немагнитности.

Создание новых образцов в ряде случаев потребовало, кроме проверок на испытательных стендах, отработки испытаний в реальных морских и океанских условиях будущего использования. С этой целью ВМФ выделил три дизельных подводных лодки, которые прошли переоборудование по проектам ЦКБ-16.

С учетом вышеназванных особенностей проектирования и строительства, только в конце 1969 года атомная подводная лодка проекта 661 тактический номер К-162 (командир капитан 1 ранга Ю.Ф. Голубков) была сдана в опытную эксплуатацию.

На заключительном этапе опытной эксплуатации в конце 1971 года К-162 выполнила 70-суточный поход с несением боевой службы в тропических широтах Атлантического океана.

В ЦКБ «Рубин» под руководством главного конструктора академика С.Н. Ко-

валева спроектированы атомные подводные ракетноносцы (проекты 658, 658М, 667А, 667Б, 667БД, 667БДР, 667БДРМ и 941), вооруженные баллистическими ракетами. Всего по этим проектам кроме 658М, построено 83 лодки. Всего было построено 77 стратегических ракетноносцев проекта 667А.

В 1961-1963 годы параллельно со строительством атомных подводных лодок второго поколения проекта 671 был разработан проект 705 атомной противолодочной подводной лодки.

В результате была создана атомная подводная лодка с нормальным водоизмещением 2300 тонн, способная развивать подводную скорость до 41 узла. Одной из уникальных особенностей подводной лодки проекта 705 являлось достижение высокого уровня автоматизации в период, когда по существу еще не было цифровой вычислительной техники. Разработка проекта 705 велась под научным руководством академика А.П. Александрова с участием академиков А.И. Лейпунского, В.А. и А.Г. Трапезниковых и А.Г. Иосифьяна.

В 1983 году в нашей стране по проекту ЦКБ МТ «Рубин» была создана атомная глубоководная подводная лодка проекта 685 («Комсомолец») с корпусом из титанового сплава и с рекордной глубиной погружения. Подводная лодка проекта 685 имела нормальное водоизмещение около 5700 тонн, скорость полного подводного хода 30 узлов и была вооружена шестью торпедными аппаратами с 18 торпедами. На этой лодке в период ее опытной эксплуатации была проверена не только сама возможность погружения на заданную спецификацией глубину – 900метров, но и осуществлена стрельба торпедой на рабочей глубине погружения, а также проверена в действии новая система аварийного продувания цистерн главного балласта с фактическим всплытием подводной лодки с рабочей глубины.

К сожалению, подводная лодка «Комсомолец» трагически погибла в Баренцевом море 7 апреля 1989 года в результате пожара, возникшего при нахождении лодки в подводном положении на глубине 386 метров (гибель наступила после всплытия подводной лодки на поверхность).

В начале семидесятых годов началось проектирование подводных лодок 3-го поколения. Одной из них была подводная лодка 945 проекта, созданная на «Красном Сормово» (генеральный конструктор Н.И. Кваша). Основным назначением этих подводных лодок должно было стать слежение за ракетными подводными лодками и авианосными ударными группами противника, а также гарантированное уничтожение этих целей с началом боевых действий. Торпедо-ракетный комплекс этих лодок должен обладать вдвое увеличенным боезапасом и увеличенной дальностью стрельбы. Такими комплексами должны были стать противолодочные комплексы «Водопад» и «Ветер», создаваемые в ОКБ «Новатор».

Ядерные реакторы подводных лодок 2-го и 3-го поколений (базовые проекты 671, 667А, 670, 941, 949, 971, 945) созданы под руководством И.И. Африкантова и академика Ф.М. Митенкова (ОКБМ, г. Нижний Новгород). Ядерные реакторы на жидкометаллическом теплоносителе (сплав свинец-висмут) для подводных лодок проектов 645 и 705 спроектированы под руководством академика А.И. Лейпунского (научный руководитель) и главных конструкторов Б.М. Шолковича, В.В. Стрельникова (ОКБ «Гидропресс», г. Подольск), И.И. Африкантова и Ф.М. Митенкова (ОКБМ).

В 60-80-е годы XX века приоритет в развитии подводных сил позволил в

кратчайшие сроки резко увеличить ударные возможности отечественного Военно-Морского флота. Это обеспечило мощный противовес основным группировкам флотов, создававшим угрозу нашей стране на океанских театрах, с оптимальной затратой сил и средств, приумножило рост морского могущества нашей страны, лишив потенциального агрессора преимуществ, которыми он мог располагать в случае развязывания войны.

Качественно новая техническая основа позволила покончить с многолетней привязанностью нашего флота к прибрежным районам и закрытым театрам, расширить сферу его действия в океанах и выполнять задачи оперативно-стратегического характера в противоборстве с флотом вероятного противника в избранных нами районах океана. Наш флот стал способен решать задачу на стратегическом уровне.

□ 5.3. ПЕРВОЕ ВСПЛЫТИЕ АПЛ НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ

*Дьяченко А.А.,
Карелов А.В. – капитан 1 ранга*

Среди выдающихся достижений ВМФ СССР – подводный поход к Северному полюсу многоцелевой подводной лодки К-181 (командир – капитан 2 ранга Ю.А. Сысоев)

Адмирал (от арабского «амир аль бахр» – «владыка на море») – воинское звание высшего офицерского состава в ВМФ (ВМС) СССР, Болгарии, Кубы, Великобритании, США и др. В странах Европы введено в XII веке, в России – в 1706 году /1/ (от ред.).

Юрий Александрович Сысоев родился 3 мая 1927 года в Ленинграде, в семье железнодорожника. После средней школы осуществил свою давнюю мечту – поступил в Ленинградское военно-морское подготовительное училище. Успешно закончил его и был зачислен курсантом в Ленинградское военно-морское училище имени М.В. Фрунзе (1945-1949), из стен которого вышли выдающиеся победители Корфу, Чесмы и Синопа, великие первооткрыватели Антарктиды и авторы художественных произведений мирового значения. Как будто равняясь на своих знаменитых предшественников, молодой лейтенант своей любознательностью, упорством и прилежанием в учебе, подобрал в себя все лучшее, что так необходимо морскому офицеру. В отличие от своих одноклассников, стремившихся при белых перчатках к машинному телеграфу красавцев крейсеров и эсминцев, он избирает трудную опасную и не комфортную службу подводника.

Окончив училище с отличием, он получает назначение в бригаду подводных кораблей на Балтике, которой командовал, в тот период, знаменитый советский подводник Герой Советского Союза Н. Лунин. Старательно, с большим желанием постигал первичные навыки подводника. Накапливал нелегкий опыт предшественников. Вся его дальнейшая служба была связана с подводными лодками.

Достижения и успехи по службе позволили командованию в 1955 году направить Юрия Александровича на Высшие офицерские курсы повышения квалификации (Классы подготовки командиров подводных лодок).

Как отмечает адмирал флота В. Н. Чернавин в монографии «Атомный подводный...»: Юрию Александровичу везло на старших начальников, которые подмечали перспективного офицера и не препятствовали не только службе, но и в учебе. Учился Юрий Александрович на курсах хорошо, с большим старанием, с жадностью впитывал в себя интересную и на высоком уровне преподаваемую известными в то время преподавателями программу. Отличался он от нас, может быть, тем, что выглядел как-то солидно, был чуть более серьезным и менее бесшабашным, чем мы. Уже тогда проявлялись такие его качества, как организованность, усидчивость и способность к учебе. Видимо, эти качества сыграли свою роль в дальнейшей его службе».

В 1958 году капитан 3 ранга Сысоев Ю.Д. стал слушателем Военно-морской академии и закончил ее с отличием. В это время уже принимались на вооружение подводные атомоходы (АПЛ). При выпуске была удовлетворена его просьба – направить для прохождения дальнейшей службы на АПЛ Северного флота. По счастливой случайности в экипаж Юрия Александровича командиром БЧ-5 был назначен его сослуживец по Балтике капитан 3 ранга В.И. Борисов, дружеские взаимоотношения между ними сложились на долгие годы.

Сформированный экипаж был направлен на теоретическую подготовку в учебный центр (руководитель – первый командир первого атомохода Л.Г. Осипенко).

Практику на плавающей подводной лодке экипаж Ю.Д. Сысоева проходил на АПЛ, командиром которой в то время был В.Н. Чернавин, будущий главком ВМФ СССР и первый главком ВМФ России. Вспоминая тот период /2/, В.Н. Чернавин подтверждает целеустремленность и недюжинные способности командира АПЛ: «Новая встреча с Юрием Александровичем в совсем новых условиях и в совсем новом качественном состоянии обрадовала меня. Теперь в течение длительного периода на берегу и в море я мог наблюдать своего бывшего соученика и быть ему полезным. И вновь та же обстоятельность, та же организованность, дотошность во всех делах боевой учебы – качества, которые еще более развились в Юрии Александровиче за прошедшее время».

Завершив стажировку на АПЛ В.Н. Чернавина, экипаж был направлен на судостроительное предприятие для участия в строительстве, заводских и государственных испытаниях нового атомохода К-181 (серия «Ленинский комсомол», был заложен 15.11.1961 года, а уже 27.12.1962 года – вступил в строй).

В это время морской флот СССР успешно осваивал Арктику. Если в 1962 году был осуществлен первый подледный поход к северным широтам АПЛ «Ленинский комсомол», то уже в 1963 году почти одновременно четыре АПЛ выполняли сложнейшие первопроходческие задачи /2/: «АПЛ Ю.Сысоева – на Северный полюс, А.П. Михайловского, И.Дубяги – подо льдами на Тихоокеанский флот и Г.Слюсарева – в экваториальной зоне Атлантики».

Значителен вклад Юрия Александровича в развитие морского флота. Особенно выдающимся является подводный поход к Северному полюсу /3/. (Северный полюс – точка пересечения воображаемой оси вращения Земли с ее поверхностью в северном полушарии.) Это событие наиболее обстоятельно описывается Ю.А. Сысоевым в его архивных документах. Более 40 лет тому назад 29 сентя-

бря 1963 года в 6 часов 51 минут (время московское) многоцелевая атомная подводная лодка Северного флота К-181 впервые в истории мореплавания всплыла в надводное положение в географической точке – Северный полюс (СП).

В апреле 1963 года состоялось решение о походе АПЛ Ю.А. Сысоева в Арктику. Началась энергичная подготовка экипажа и оборудования (установлено новое навигационное оборудование). Возглавил поход к Северному полюсу Командующий Северным флотом адмирал В.А. Касатонов. В состав походного штаба вошли: главный штурман ВМФ контр-адмирал А. Мотрохов, заместитель командующего флотилией, заместитель командующего по электромеханической части инженер-капитан 1 ранга М.П. Будаев, заместитель командира дивизии подводных лодок капитан 1 ранга В.П. Рыков. Участвовали в походе и заводские специалисты, в том числе главный конструктор навигационного комплекса В.М. Маслевский, обеспечивавший уверенное движение корабля в высоких широтах. В состав экипажа был также прикомандирован кок высшей квалификации.

Вот как вспоминал Юрий Александрович, в те годы капитан 2 ранга, командир К-181, период перед походом: «Поход готовился в тайне. В замысел командования никто из экипажа не посвящался. Но направленность к многодневному плаванию подо льдами была очевидна. Особый спрос был со штурмана и механика».

К арктическому походу, запланированному на осень 1963 года, экипаж К-181 готовился тщательно. Была обеспечена не только модернизация навигационного комплекса, но и досконально освоено его применение. Командир АПЛ Ю.А. Сысоев и штурмана тренировались в решении навигационных задач по обеспечению плавания в Арктике в квазигеографической системе координат. Если и возникали у штурманов В. Храмцова и А. Политаева вопросы, то они выходили на главного конструктора талантливого инженера В. Маслевского. Не меньше ответственных работ и практической отработки шло и в других боевых частях и службах корабля. Особенно в электромеханической, которой командовал великолепный специалист уважаемый всем экипажем – В.И. Борисов.

Высокий профессионализм и тщательная подготовка к выполнению поставленной боевой задачи позволил обеспечить всплытие АПЛ не в районе Северного полюса, а в географической точке СП.

Для Ю.А. Сысоева как командира эти минуты были особыми в жизни и в службе, и поэтому – незабываемыми. Сердце было наполнено чувством гордости за нашу великую Родину, за ее могущество, силу и величие, воплощенные в создании такого корабля, за наш мощный океанский военно-морской флот, за высокое профессиональное мастерство и патриотизм наших военных моряков – матросов, старшин, мичманов и офицеров. Подтверждением этому может служить то, что только в том же 1963 году АПЛ Северного флота был совершены трансарктические переходы на Тихоокеанский флот экипажами А. Михайловского и И. Дубяги, а экипажем Г. Слюсарева поход в экваториальных широтах.

Проведя необходимые замеры и передав донесение на берег, АПЛ К-181 приступила к выполнению новых задач в околополюсных районах Западного и Восточного полушарий. Работа шла по плану, только приборы напоминали о том, что над АПЛ тяжелые арктические льды, толщина которых местами достигала 25 метров.

Результаты похода АПЛ К-181 были высоко оценены руководством государства и ВМФ. Весь личный состав корабля был награжден правительственными наградами. А руководитель похода, командующий Северным флотом адмирал флота В.А. Касатонов и командир корабля были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Впоследствии, 22 февраля 1968 года, АПЛ К-181 в связи с 50-летием Советской Армии и ВМФ была награждена орденом Красного Знамени. Она стала первым в ВМФ краснознаменным кораблем в мирное время за большой вклад в дело укрепления оборонной мощи советского государства, за успехи в боевой и политической подготовке, за освоение новой сложной боевой техники.

А начался поход сентябрьским утром 1963 года из скалистых берегов Западной Лицы – базы подводных лодок Северного флота в то время. Лодку проводили по-рабочему, как говорят на флоте «без фанфар». Приехал командующий, выслушал доклад командира, обошел строй экипажа и сказал короткое слово – «добро». То единственное и емкое слово, в которое моряки вкладывают значительный смысл: и согласие с докладом, и удовлетворение проделанной работой, и само разрешение на выход корабля в море.

От причала отшвартовалось и бесшумно вышло огромное тело АПЛ К-181.

На стенке осталось несколько провожающих и «Волга» командующего Северным флотом. Внешне ничего особенного. Обычный выход в полигон боевой подготовки. Однако, погрузившись в морскую неизвестность, атомоходу надлежало всплыть на Северном полюсе.

И плавание началось. Любой длительный поход, как правило, примечателен какими-то интересными событиями. «Первый, но очень приятный сюрприз приготовил комфлота, – вспоминал Юрий Александрович. – В Мотовском заливе на подходе к точке погружения он достает из кармана какой-то сложенный лист и с самым серьезным видом спрашивает: «Командир коньяк будет?» Отвечаю утвердительно, так как его у меня, действительно, был припасен целый ящик. Он протягивает мне развернутый лист бумаги: «Это номер приказа о присвоении Вашему штурману очередного воинского звания – капитан-лейтенант». Тут же объявили об этом по корабельной трансляции и, конечно, отметили это событие в кают-компании, но позже и, по понятным причинам, весьма скромно. Новоиспеченному капитан-лейтенанту были вручены погоны с четырьмя звездочками и, получив к положенным 100 граммам сухого вина еще пару глотков, он отправился на отдых после вахты».

Не успели моряки разделить радость штурмана, как их ожидал второй сюрприз. Оказалось, что «зайцы» бывают не только на транспорте, но и на подводных лодках. Матрос Шиматюк из команды берегового обеспечения, страстно желал пойти в море, спрятался в одном из отсеков и был обнаружен только после выхода лодки из базы. Нарушение всех уставов и наставлений было явное, но поскольку настроение у экипажа и командования было хорошее, то случившееся встретили даже весело, с оттенком юмора. Правда, пришлось срочно радовать на берег, чтобы матроса там не искали.

Атомоход, последний раз блеснув на солнце покатым бортом, уходит под воду. Глубина 120 метров, скорость 16 узлов. И только в это время по трансляции было объявлена истинная цель похода – достичь Северного полюса. Одновременно ставились и другие важные задачи, такие как испытания навигаци-

онного комплекса и механизмов корабля, отработка длительного подледного плавания и др. Тем временем, комфлота, уподобив лодку железнодорожному экспрессу, выдает командиру новую вводную: « На полюсе быть 29 сентября в 6.00 по московскому времени». Штурман сразу принялся за прокладку маршрута. Корабль направляется в желоб Анны между островом Виктории и Землей Франца Иосифа и по меридиану 42°30 начал подниматься к северу. Указатель курса показывает 0. До полюса более тысячи миль. Скорость увеличивается до 20 узлов (37 километров в час). «Почему такая большая?» – интересуется Владимир Афанасьевич. «Так легче считать, товарищ Командующий», – полушутя, полусерьезно отвечает ему командир.

Корабль преодолевал гигантское сопротивление воды, шел плавно, и только легкая дрожь корпуса выдавала его движение. Лаг отсчитывал пройденные мили. Потекли привычные для подводников походные будни. Четкий распорядок дня, вахта сменяет вахту, проигрывается целая вереница учений и тренировок на боевых постах. За завтраком следуют обед и ужин, потом вечерний чай. Перед «собакой» (вахта с 00.00 часов до 4-х утра) дополнительный завтрак.

На флоте кормили всегда хорошо. Но сейчас интенданты особенно постарались. На столе у моряков были свежие овощи и фрукты, различные соки, шоколад, печенье и конфеты, колбаса ветчина, балык, икра и мясные консервы, а свежее мясо и рыба вообще никогда не переводились. На корабле делались пельмени, пеклись хлеб, пироги и даже торты. Любимое блюдо – макароны по-флотски – готовилось чуть ли не каждый день. И, конечно, обязательные «Алиготе», «Хванчкара», «Каберне» или «Алазанская долина».

Поднявшись до широты 80 у кромки полярных льдов, лодка встретила с ледоколом «Добрыня Никитич», обеспечивающим поход. Все шло штатно. Переговоры с «Никитичем», контрольная радиограмма на берег, навигационное определение и над атомоходом сомкнулся ледяной панцирь.

Опасаясь встечи с айсбергами, увеличили глубину погружения до 150 метров, гидроакустическая станция была переведена на активный режим, заработали эхоледомер и эхолот. Сначала лед над головой не превышал 30-40 сантиметров, но по мере продвижения корабля на север, становился все толще и толще – до 5 метров, а местами до 18 метров. Такой корпусом не продавишь. Поначалу ребятам было как-то жутковато, но потом уверенность в надежности корабля взяла свое, и экипаж сумел преодолеть психологический барьер ощущения ледяной ловушки. Трудно хоть на мгновение представить себе положение людей при возникновении необходимости подлодке всплыть. По ходу фиксировались глубины, брались пробы забортной воды, измерялась ее температура.

Штурман, как маркшейдер, вел корабль вслепую, по счислению, ориентируясь на приборы и изредка уточняя свое местоположение по рельефу дна. Вот здесь подводники с благодарностью вспомнили полярников, чуть ли не по году проживавших на дрейфующих станциях «Северный полюс» и, находясь в неизмеримо тяжелых условиях, «рисовавших» дно Ледовитого океана. Ведь им, кроме массы других исследований, надо было с определенной дискретностью производить замер глубины, одновременно определяя географические координаты этой точки. А сколько таких точек нанесено на карту и какую помощь оказала сейчас подводникам эта рутинная работа. Наши полярники воистину настоящие герои.

А пока атомоход прокладывал себе дорогу в толще воды, продвигаясь к по-

люсу, представим тех, кто вел корабль к намеченной цели. Это, прежде всего, экипаж в целом. Из чего же слагалась победа покорения Северного полюса под водой? Из выполнения массы функциональных обязанностей каждым подводником, из их умения и глубоких знаний, из внимательности их пристально следящих за стрелками приборов глаз, из улавливания и оценки ими звуковой гаммы океана и работающих механизмов, из линий штурманского карандаша, из пунктуальности, требовательности и дисциплины, из уверенности в своих силах и в надежность техники. Вот основные слагаемые их успеха, вот фундамент их высочайшего достижения!

Достижение Северного полюса и получение достоверных сведений о природных физико-географических условиях этого района с давних пор было заветной мечтой Человечества. Но природные трудности, стоявшие на пути к достижению этой цели, в течение многих веков оставались непреодолимыми, и до начала XX века район Северного полюса был «белым пятном» на всех географических картах. Десятки экспедиций, предпринятых к Северному полюсу бесстрашными смельчаками и энтузиастами науки, неизменно кончались неудачно или даже гибелью участников экспедиций. Наконец, полярному исследователю Р. Пири, затратившим 23 года на то, чтобы достигнуть этой заветной точки, удалось добиться цели 6 апреля 1909 года и представить доказательства об открытии Северного полюса. Однако некоторые полярники, историки и журналисты даже в самих США высказывали сомнения в том, побывал ли Пири действительно на полюсе, принадлежит ли ему честь первооткрывателя. И видимо, не случайно. Ведь даже специальная комиссия американского конгресса разбирала вопрос о присвоении Пири звания контр-адмирала (хотя он ни одного дня не служил в ВМС), отметила не приоритет его в открытии Северного полюса, а лишь большие заслуги в исследовании Арктики.

Интенсивность исследования Арктики, в том числе и околополюсного района приарктическими государствами, с каждым годом нарастала. Так, весной 1937 года была проведена воздушная экспедиция (руководитель О.Ю. Шмидт) по организации дрейфующей станции СП-1 (возглавлял станцию в 1937-1938 годах И. Д. Папанин). После второй мировой войны СССР и США используют дрейфующие ледовые станции, ледоколы, полярную авиацию, а затем и космические средства.

Дизельные подводные лодки также использовались в исследованиях Арктики, но только на незначительных удалениях от кромки паковых льдов, в пропагандистских целях и морской выучки флотской молодежи.

Неограниченные возможности исследования Арктики возникли с созданием атомного подводного флота. Атомная подводная лодка превратилась из ныряющего корабля в подводный. Так как это произошло в период «холодной войны», то сразу же, наряду с научными задачами, встали и военные: освоение театра военных действий, возможность завоевания господства в Арктическом регионе. Приобрела новое значение т. н. «арктическая стратегия».

Атомные подводные лодки нашего ВМФ выполняли в ходе боевой подготовки тренировочные плавания под паковыми льдами, накапливали опыт. В 1962 году АПЛ Северного флота «Ленинский комсомол» в ходе практического плавания достигла Северного полюса, произвела всплытие в околополюсном районе.

Первой в ВМС США в 1958 году достигает Северного полюса АПЛ «Наути-

лус» – после четырех попыток, едва не приведших к ее гибели. В том же году два похода в Арктику совершает АПЛ «Скейт». Главной ее задачей была работа всплытия во льдах. В 1960 году арктическое плавание совершили АПЛ «Сарго» и «Сидроген», а в 1962 году эти же лодки встречаются под паковыми льдами и проводят противолодочное учение в районе Северного полюса.

К 5.00 28 сентября субмарина достигает широту 82°30'. Здесь традиционные навигационные приборы уже не обеспечивают точность прокладки курса. На полюсе стрелка магнитного компаса начинает вертеться, а гирокомпас перестает быть курсоуказателем и показывает только на юг, но в какую именно сторону, к Гренландии или к Берингову проливу? Неизвестно. Заблудиться в такой обстановке очень просто. Штурман лодки, В.М. Храмцов, первым в Военно-Морском флоте освоивший систему, позволявшую плавать в высоких широтах и на полюсе, переходит на новый способ прокладки счислимого пути. Это квази-координаты («квази» – это «мнимый», «виртуальный»). Система необычная и сложная. Если лодка идет курсом 0, то ее курс квази равен 317.

На календаре 29 сентября стрелки приближаются к 6 утра, до полюса остается одна миля. Ход уменьшается до 6 узлов и лодка всплывает на глубину 50 метров. Волнующие минуты. Все в томительном ожидании. Штурман «колдует» над картой и, наконец, ровно в 6.00 его радостный крик: «Полюс! Проходим полюс!» Корабль прибывает в заветную точку с точностью «Красной стрелы» на Московский вокзал.

Оповещение по трансляции вызывает ликование личного состава. Радостное «Ура, полюс!» было слышно сквозь задраенные переборки даже в центральном посту. Вспоминал Юрий Александрович:

«В центральном посту тоже радостное возбуждение. Все поздравляют друг друга, улыбаются, смеются, но при этом четко выполняют свои обязанности по вахте, не отвлекаясь. Командующий сидит в кресле командира, видно, что очень доволен произошедшим событием, и не скрывает этого. Ему тоже не просто удалось побывать на Северном полюсе. При проходе географической точки полюса, эхоледомер обнаружил полынью. В это время комфлота, наблюдавший за восторгом, царящим на корабле, вдруг преподносит еще один сюрприз: «Командир, приказываю всплыть в полынью». Это не было предусмотрено, но приказ есть приказ. Командую: «По местам стоять, к всплытию!» и разворачиваю корабль на обратный курс. Начинаю поиск полыни. Для страховки ледомера направляю старпома наблюдать в опущенный по-походному зенитный перископ за появлением просветления во льдах. Это можно было сделать только лежа на палубе трюма. Сам встаю за корабельный телеграф управления машинами. Осторожно продвигаю лодку вперед. Штурман, чтобы не потерять привязку к точке полюса и ведения маневрирования, перед всплытием перешел работать с карты на планшет».

По расчетам мы должны быть уже под полыньей, а ледомер ее не фиксирует, да и старпом в трюме молчит. Холодок пробегает по спине – неужели просчитались? Но вдруг со всех сторон: «Корабль под полыньей!» Корабль, находясь под полыньей, сдерживает инерцию и на мгновение замирает в точке полюса. Командир мастерски, с ювелирной точностью, выполняет маневр всплытия без хода на прямом киле. «Приледнение» проходит неощутимо, лишь в центральном посту слышен легкий шелест льда, продавливаемого могучим корпусом атомохода.

Командир в соответствии со своими обязанностями и привилегией первым поднимается к верхнему рубочному люку. Отдраивает его, но открыть, сразу не удастся. Мешает битый лед. Крепкого сложения командиру приходится несколько раз надавить на него плечом. Наконец люк открывается, и Юрий Александрович ступил на мостик первым в истории человечества подводником, вышедшим из прочного корпуса лодки строго в точке Северного полюса. Следом на мостик поднимаются комфлота и другие. Их встречает мертвая тишина. Безветрие. Картина впечатляющая. Кругом бесконечное ледяное поле, вокруг лодки ровное, покрытое снегом, а за краями полыньи торосистое. Небо затянуто низкой облачностью, довольно светлые сумерки.

Всплытие было произведено среди тяжелых паковых льдов в небольшой полынье, размером порядка 400 на 200 метров, с продавливанием затянувшего ее льда толщиной 30 сантиметров. Наличие в тот момент на Северном полюсе такой полыньи – это из области боевого счастья экипажа корабля. Выполнение же маневра и действия по обеспечению всплытия в той, конкретно сложившейся обстановке – результат высокого мастерства командира как члена экипажа, отработки совместных действий всех подводников, совершенство механизмов и приборов, корабля в целом.

Как вспоминал Ю.А. Сысоев, описать величественную картину простирающихся кругом до горизонта многолетних торосистых льдов словами невозможно. Эту красоту и могучую силу природы может передать только вдохновение и кисть художника. Прозаично это было отмечено в вахтенном журнале так: облачность – 10 баллов, видимость полная, ветер южный (на СП он всегда южный), 8 метров в секунду, температура воздуха: – 16 градусов температура воды: – 1,5 градусов, давление 750 миллиметров, под килем 4285 метров.

Свободным от вахты хотелось размяться на полюсе, но сходить на лед было запрещено. Опасались подвижки льда. Однако, как водится по торжественным случаям, был организован праздничный завтрак, потом обед. Комфлота, видимо, ослабился и разрешил экскурсию на «берег». Быстро установили корабельный трап и моряки партиями выходили на лед. Тут же, у торосистого края полыньи, на высоких древках были установлены государственный и военно-морской флаги с закрепленным на них пеналом, куда заложили памятную записку о посещении Северного полюса подводной лодкой СССР. Состоялся импровизированный митинг. В это время произошел новый, и отчасти, забавный случай. Штурман нечаянно поскользнулся и упал в воду. Конечно, сыграли тревогу «Человек за бортом», ему помогли выбраться, согреться. Вымок он до нитки. Но зато стал первым и единственным в мире, искупавшемся на Северном полюсе. И когда над Виктором Михайловичем подшучивали – не специально ли он поскользнулся? – штурман в том же тоне отвечал: «Если существовала земная ось, я бы специально прыгнул за борт, чтобы потереться об нее, как в песне о белых медведях, и этим подтвердить наше всплытие точно на Северном полюсе».

После торжеств АПЛ в 11.20 погрузилась под лед и еще долго маневрировала в районе Северного полюса, трижды проходя его географическую точку. Этого требовали испытания нового навигационного комплекса. 4 октября лодка благополучно вернулась в базу. Поход закончился успешно, его программа была выполнена полностью. Атомоход за 219 часов прошел 3464 мили, в том числе 1800 подо льдом. Тщательная проверка навигационной прокладки «обратным ходом» подтвердила акт всплытия нашей лодки в точке полюса.

Таким образом, в 1963 году экипаж подводной лодки под командованием капитана 2 ранга Юрия Александровича внес свой вклад в славную историю ВМФ в арктическом подледном походе, всплыв точно в географической точке Северного полюса. Родина высоко оценила заслуги экипажа, а командиру было присвоено звание Героя Советского Союза.

После окончания в 1968 году Академии Генерального штаба (с отличием и золотой медалью), Ю.А. Сысоев командовал соединениями и объединениями подводных лодок до 1976 года на Тихоокеанском и Северном флотах. На подводных лодках он прошел службу от лейтенанта до вице-адмирала.

В 1976 году Ю.А. Сысоев был назначен начальником военно-морского управления Генерального штаба. Опираясь на глубокие знания и свой богатый опыт, он до ухода в запас в 1990 году внес значительный вклад в укрепление обороноспособности нашей Родины. За заслуги перед Родиной он награжден шестью орденами и многими медалями.

На всех постах Сысоев Ю.А. относился к порученному делу с чувством высокой ответственности. Весь свой богатый жизненный и служебный опыт, знания и организаторские способности он отдавал укреплению Вооруженных Сил, повышению их боевой готовности. Он был требовательным и заботливым, глубоко вникавшим во все стороны обучения и воспитания личного состава ВМФ.

В шестидесятые годы наши подводники окончательно освоили Мировой океан и обычными стали не только арктические, но и кругосветные плавания АПЛ.

Но первые – всегда первые! Раскрывая неизведанное, порой в сложнейших условиях, они обеспечивают дальнейшее развитие наших скудных познаний о Земле и Вселенной в целом. Хвала, честь и вечная память Вам, Первооткрыватели!

Литература к разделу 5.3.:

1. *Военный энциклопедический словарь*. – Воениздат. – Изд. второе. с. 21. 1986.
2. *В.Н. Чернавин. Атомный флот подводный, 1994.*
3. *Советский энциклопедический словарь*. – Советская энциклопедия. – Изд. четвертое. с. 1184. 1987.

□ 5.4. АВАРИИ И КАТАСТРОФЫ В АТОМНОМ ПОДВОДНОМ ФЛОТЕ СССР

Мормуль Н.Г.

Контр-адмирал, кандидат технических наук, ветеран подразделений особого риска.

(Фрагменты из книги «Атомная подводная эпопея»).

Содержание этого раздела подготовлено в соответствии с обстоятельными материалами профессиональных военных моряков Л.Г. Осипенко, Д.М. Жильцова, Н.Г. Мормуля, издавших к 300-летию Российского флота (1996 год) монографию «Атомная подводная эпопея». Причем, по независимым от авторов причинам, книга была издана во Франции (1992), а в 1993 году – в Испании, и только в 1994 году – на Родине (от редакции).

По данным справочника США «Джейн», за 30 лет со времени создания в СССР подводного флота было построено 235 АПЛ. Причем, в ВМФ одна погибшая лодка приходилась на 89 находящихся в строю /5.1 – Мормуль/.

Анализируя многочисленные статистические данные, можно утверждать, что основными причинами аварий и катастроф в подводном флоте, как и на других сложных промышленных объектах, являются как конструктивные недостатки подводных лодок, возникшие в ходе их разработки или создания, так и эксплуатационные упущения. Это подтверждается историей развития техники, в том числе и атомной энергетики. За примерами далеко ходить не надо. Достаточно напомнить о чернобыльской планетарной катастрофе, произошедшей, как утверждали в первый период и ученые, и политики, по вине сотрудников АЭС. Время расставило точки в причинах этой глобальной трагедии...

Статистика показывает, что аварии на подводных лодках бывают чаще, чем на надводных кораблях. Особенно опасны пожары. Так, за 1982-1989 годы на подводных лодках США произошло 125 пожаров, 85 взрывов, 56 столкновений, 48 затоплений внутренних помещений и 12 посадок на мель /Морской сборник, 1992, т.10, стр. 33/.

Можно утверждать, что потенциальные причины аварийных ситуаций и катастроф на подводных лодках кроются в несовершенстве их конструкции и условиях, в которых они используются.

В данном исследовании не рассматривается весь «жизненный» цикл подводных лодок от разработки их первых чертежей, технологического процесса создания до приемки, эксплуатации, утилизации после истечения гарантийных сроков ее боевого применения.

Задача сводится не только к краткому анализу причин основных аварий и катастроф подводных лодок СССР, но и к тому, чтобы на примере одной подводной лодки более детально раскрыть весь трагизм и тяжесть гибели подводной лодки. К-8 – советский атомоход, вступил в состав ВМФ в 1959 году. Первая авария ядерной установки на АПЛ произошла в октябре 1960 года в море при возвращении в базу. Благодаря умелым действиям экипажа (была смонтирована нештатная система проливки реактора) авария была ликвидирована. Но экипаж был значительно облучен, особо пострадавшие были отправлены в госпиталь.

К-19 – АПЛ Северного флота. Одна из невезучих. Как утверждают суверенные моряки, корабли бывают везучие и невезучие. К последним они относят и К-19. Так, при спуске ее со стапелей традиционная бутылка шампанского не разбилась о форштевень после первого броска, а еще при строительстве в трюме произошел пожар. Следующая авария оказалась серьезной. Во время швартовых испытаний при первом пуске реактора из-за низкой организации работ были допущены ошибки. Был выведен из строя один реактор.

Через восемь месяцев на К-19 произошла авария атомной установки, аналогичная авария на К-8 (более подробно авария будет рассмотрена ниже).

В феврале 1972 года на АПЛ произошел пожар. Время для тушения пожара было упущено. Авария на К-19 стоила жизни тридцати морякам. Как водится, отечественная пресса о случившемся молчала.

Об этой операции походным штабом был написан подробный отчет. Однако, как показала авария лодки «Комсомолец» в 1989 году, этот опыт оказался не востребованным.

К-11. В феврале 1965 года на судовой верфи при перезарядке реакторов произошел пожар. Радиационная обстановка в реакторном отсеке резко ухудшилась. Весь личный состав из этого помещения был удален. Подводная лодка была поставлена на ремонт. Она восстанавливалась несколько лет. Ремонт обошелся более 10 млн. рублей.

К-140. Неконтролируемый пуск реактора. Несколько лет длилось восстановление этой АПЛ. За ремонт было заплачено более 19 млн. рублей.

К-320. В 1970 году на строящейся АПЛ реактор вышел на неконтролируемый уровень мощности. Реактор и активную зону пришлось заменить.

К-3. Первенец атомного флота СССР. В сентябре 1967 года произошел пожар. Лодка спасена, но 39 моряков погибло.

К-27. Несчастье произошло 24 мая 1968 года. Перед выходом в море командир БЧ-5 записал в журнале: «БЧ-5 к выходу в море не готова из-за не проведенной температурной регенерации жидкометаллического теплоносителя». Все 124 члена экипажа были переоблучены.

К-8. В апреле 1970 года при возвращении с боевого дежурства произошел пожар. АПЛ всплыла. Потеряла ход, но не смогла удержаться на плаву и затонула. Погибло 52 человека.

К-171. Тихоокеанский флот. Декабрь 1978 года. При возвращении на базу из-за неправильных действий экипажа произошла авария. Три члена экипажа погибли.

К-429. Тихоокеанский флот. Авария из-за неправильных действий экипажа. 16 человек погибли.

К-219. Октябрь 1986 года. Пожар в одном из отсеков. АПЛ затонула на большую глубину (в районе Бермудских островов).

К-278. Апрель 1989 года. Пожар в седьмом отсеке. Лодка всплыла. Из 69 членов экипажа 42 погибли.

В заключение представим типовой сценарий катастроф на ряде АПЛ.

Катастрофы АПЛ ВМФ СССР – К-8, К-278, К-219 происходили фактически по одному сценарию:

- пожар на глубине при нахождении лодки на боевой службе, причем это происходило в конце патрулирования или во время движения к базе;
- всплытие лодки, борьба за живучесть, заканчивающаяся тем, что лодка остается без хода и связи;
- обстановка в отсеках центрального поста ясна не полностью;
- поступление воды внутрь прочного корпуса;
- потеря плавучести и устойчивости;
- затопление.

5.5. МОЛИТВА КОМАНДИРА

Черкашин Николай

Капитан 1 ранга, ветеран подразделений особого риска.

Капитан 1 ранга Н.В. Затеев вошел в историю отечественного Военно-Морского флота, как командир первого атомного подводного ракетоносца К-19.

Всякий раз, когда я оказываюсь в безвыходном тупике, я беру себе в пример ситуацию Затеева: на подводной лодке ядерная авария, реактор превратился в атомную бомбу замедленного действия – рванет, не рванет? – по отсекам гуляет незримая смерть – радиация, которая набирает силу час от часу. И никаких надежд на спасение: по закону подлости вышла из строя антенна главного передатчика. До родных берегов тысячи миль, пока дойдешь или дождешься помощи, К-19, плавучая «Хиросима», превратится в корабль-призрак, в атомный «Летучий Голландец». Все вымрут от жестких лучей расщепленного урана.

Но даже если их и спасут, лично его, Затеева, ничего хорошего дома не ждет: лучевая болезнь, следствие особого отдела и, конечно же, трибунал. Командир отвечает за все, командир всегда прав перед подчиненными и всегда виноват перед начальством... В общем, куда ни кинь, везде клин. Полный мрак.

Проходит день, проходит ночь... Растет доза накопленных в организме рентгенов-бэров, на корабле вызревает заговор. Кто поручится за хмельных людей (экипажу роздан спирт для снижения облучения), осознавших свою обреченность?

– Когда истек срок всех надежд встретить хоть какой-нибудь корабль, – рассказывал в задушевной беседе Затеев, – я спустился в свою каюту, достал пистолет... Как просто решить все проблемы, пулю в висок – и ничего нет... И тут я взмолился – Господи, помоги! Это я-то, командир атомохода с партбилетом в кармане! И что же?! Четверти часа не прошло, как сигнальщик докладывает с мостика: вижу цель! Бегом наверх! Без бинокля вижу-характерный черный столбик в волнах. Рубка подводной лодки. Наша! Идет прямо к нам. Услышали наш маломощный аварийный передатчик.

Судьба Затеева хранила... Те искусительные минуты, проведенные в каюте наедине с пистолетом, были переломным пиком в его бедах. Вдруг, как по волшебству, все пошло на лад. Экипаж пересадили на другие корабли, аварийную К-19 отбуксировали в Полярный и отремонтировали. (Она и сейчас еще на плаву, пережив своего командира.) Лучевая болезнь отступила, позволив прожить еще 37 лет, под суд не отдали, а наградили орденом (хотя был достоин быть дважды Героем – за первый вывод уникального стратегического корабля в забитую айсбергами Атлантику и за спасение людей и подводного крейсера после небывалой на флоте аварии). И жена его дождалась, и карьера не рухнула, напротив, пошла в гору. Службу Затеев завершил в Главном штабе ВМФ.

Может, и в самом деле, услышал Господь испугленную молитву командира, вознесенную с борта охваченной невидимым пламенем атомарины. Ничем иным я не могу объяснить внезапное преображение его черной судьбины. Воистину, кто в море не ходил, тот Богу не молился. Вот и перед кончиной командир пер-

вого в стране атомного подводного ракетноносца позвал в палату священника, соборовавшего его и причастившего к Святым Тайнам.

Конечно же, не так уж безмятежна была вторая половина затеевской жизни. Но из всех невзгод выходил он победителем.

И после смерти ему повезло. Схоронили не где-нибудь, а положили в только что отстроенный благотворителями из Мосэнерго некрополь для экипажа на Кузьминском кладбище. Он лег к своим морякам, которых послал на верную гибель в роковой час. Такова уж командирская участь – тасовать жизни своих бойцов.

Мемориал погибшим от радиации подводникам выполнен в виде корпуса субмарины, собранный из медных листов почти в натуральную величину. Могилы Затеева пришлась как раз на второй отсек, где находилась его командирская каюта. В этом есть что-то мистическое: командир прибыл на борт своего загробного корабля.

Он уходил из жизни в адских муках, какие может причинить лишь рак печени. Почти два месяца тело его не принимало никакой пищи. Пил воду со льдом, пытаюсь охладить бушующий внутри огонь, точь-в-точь, как охлаждала когда-то аварийная партия перегретый реактор на «Хиросиме». Но и на смертном одре, на госпитальной койке, он вел себя так же, как на мостике корабля. Зная, сколько суток ему отмерено, он отдавал последние распоряжения спокойно и деловито. Его бывшие матросы и офицеры, входя в палату, по-прежнему называли его «товарищ командир».

Электрик 4-го отсека старший матрос Виктор Стрелец, а ныне доктор сельскохозяйственных наук, специалист по лекарственным растениям, принес ему самолично выращенные целебные травы. Увы, болезнь Затеева уже ничем не врачевалась.

Мы все сфотографировались с ним на прощанье, как будто провожали его в бессрочную «автономку».

Его не стало на Успение... Говорят, когда человек отдает душу в светлый праздник, значит, небеса благоволят ему.

Господи, прими душу новопреставленного раба Твоего Николая, и прости ему все вольные и невольные прегрешения, и сопричти с праведниками Твоими, и даруй ему вечную память!

Когда жизнь загоняет меня в угол, я вспоминаю ситуацию Затеева на К-19: взбесившийся реактор, безмолвие эфира, пустыня океана и смертный приговор, вынесенный самому себе с отсрочкой в четверть часа. И явленное ему чудо после молитвы безбожника.

Американцы, потрясенные судьбой российского «атомного капитана», снимают о Затееве и его «Хиросиме» художественный фильм. Мы же только открываем для себя еще одного героя нашего времени – второй половины уходящего века.

В то утро – 4 июля 1961 года – люди всех континентов, начиная новый день, не подозревали, что их судьба решается не в ООН, не в Белом доме США и не в Центральном комитете КПСС в Москве. Она решалась в центральном посту советского атомного подводного ракетноносца К-19, который терпел ядерную аварию в Северной Атлантике близ американской базы на острове Ян-Майен. Спасение было не в казуистике международного права, а в решении замысловатой

технической задачи: как не допустить расплавления урановых стержней в действующем реакторе, оставшемся вдруг без охлаждающей воды?

Об этой аварии, повлекшей человеческие жертвы, написаны книги и сняты фильмы, но до сих пор ходит немало толков и пересудов. И вот за перо взялся главный участник тех экстраординарных событий – командир первого советского подводного ракетносца-атомохода капитан 1 ранга в отставке Н.В. Зате-ев. Он передал автору этих строк свой походный дневник и свои последние записи. Вот они...

1 июня 1961 года меня вызвали в Североморск, в штаб флота. Вошел в кабинет командующего Северным флотом – адмирала Чабаненко. Он ввел меня в курс дела: намечались большие учения по отработке наших противолодочных сил, и моя К-19 должна была изображать вероятного противника, который должен был как можно ближе подойти к территории СССР и нанести из-под воды ракетно-ядерный удар. Для этого лодке предстояло выполнить сложный маневр. Надо было выйти в Северную Атлантику скрытно от противолодочных сил НАТО, занять там район ожидания и по сигналу из Москвы форсировать Датский пролив подо льдами по нулевому меридиану, обогнуть с севера архипелаг Шпицберген, проникнуть незамеченным в Баренцево море и нанести удар практической ракетой по боевому полю в Мешенской губе. На все это давался месяц. На связь выходить только в исключительных случаях, соблюдая полное радиомолчание и прочую скрытность. Боезапас на борту иметь боевой, кроме одной практической ракеты.

О готовности к выходу я должен был доложить лично комфлоту.

Для меня почти все было впервые: новый экипаж, новая, государственной важности, задача – показать, на что способен первый советский подводный атомный крейсер-ракетносец. Космических кораблей было больше, чем таких, как К-19!

По данным метеоразведки Датский пролив был забит паковыми льдами, которые мешали. Осторожно обходим их вокруг за полторы мили. Конечно же, вспомнили злополучный «Титаник». Вот на такую же глыбу напоролся злополучный лайнер...

На следующий день – 30 июня – мне стукнуло 35 лет. Старший кок принес в кают-компанию горячие, только что из духовки, пирожные. Я разрешил выдать экипажу двойную суточную норму вина – по 100 граммов. Принимаю поздравления и... радиограмму. Медленно смещаемся на юг, полностью перекрывая проход между Гренландией и Исландией. Но самое неприятное было то, что с Гренландских ледников в то лето начался интенсивный сход айсбергов, толщина которых доходила до километра. Наши же подводные «глаза» – гидроакустическая станция «Арктика» – дальше 10 кабельтовых (около двух километров) ничего не различали.

Помимо навигационных опасностей нас подстерегали многочисленные корабли и самолеты НАТО на всех рубежах, перекрывавших выходы из Баренцева моря на просторы Атлантического океана.

Мы вышли в этот непростой поход в точно назначенное время: в 16.00 18 июня 1961 года. На борту 139 человек. В их числе и два стажера, которые были перед самым отходом: капитан 2 ранга Владимир Першин и его старпом капитан 3 ранга Георгий Кузнецов. Они шли в качестве дублеров командира.

Через четыре часа надводного хода я в последний раз оглядел голубое небо с

незаходящим солнцем, задрал верхний рубочный люк и велел погружаться на глубину 160 метров. Так очень буднично начался этот роковой выход в море.

Без особых приключений, преодолев несколько противолодочных рубежей НАТО, вышли в западное полушарие планеты. Заняли район ожидания в восточной части северной Атлантики. На запад лучше не ходить – там, по данным метеослужбы, плотное скопление больших айсбергов. К югу от нашего района – оживленная судоходная трасса Европа – Америка. На очередном сеансе связи всплыл под перископ и осторожно оглядел океан. Погода мрачная, сплошные низкие тучи, но видимость хорошая. Видно даже, как на горизонте маячат плавающие ледяные горы... Решил идти на перископной глубине, благо станция обнаружения работающих радаров молчит, ни кораблей, ни самолетов поблизости нет. Пока есть возможность, хоть одним глазом на мир посмотреть. Подходим поближе к одному из айсбергов. Такую ледяную махину вижу впервые в жизни! Даю посмотреть на это чудо природы всем, кто приказом должен покинуть район ожидания и следовать по плану.

По курсу – айсберги, айсберги... Даже на двухсотметровой глубине нет никакой гарантии, что не столкнемся с ледяной горой. Учю вахтенных офицеров, как уклоняться от подводных препятствий. И так двое суток...

Ранним утром 4 июля подвсплыли на сеанс связи. Море почти спокойное, зыбь. Горизонт чист. Штурман определил место – невязка минимальная, полторы мили. Погрузились на сто метров. На вахту заступила надежная опытная смена. Все хорошо. На душе спокойно. Перебрался во второй отсек в свою каюту – послушать, как у нас говорят, шумы моря через подушку.

В 4.15 над головой у меня взвыла «Нерпа» – динамик межотсечной трансляции: «Товарищ командир, в правом реакторе давление «ноль»! Уровень в компенсаторах объема – «ноль»! Просьба прибыть в центральный пост!» С этих слов и началась наша трагедия...

Первая мысль – это разрыв первого контура! Самое страшное, что могло случиться – случилось! В мгновение ока я влетел в центральный пост. Вахтенный механик командир электротехнического дивизиона Владимир Погорелов быстро перечисляет, что успели сделать:

– Пущены подпиточные насосы, отключены рессиверные баллоны от компенсаторов объема. Остановлены главные насосы первого контура правого борта... Видимо, разрыв первого контура.

Я вызвал инженера-механика и командира дивизиона движения. Диагноз тот же.

Приказываю объявить радиоактивную опасность, а шестой – реакторный отсек – аварийным. Сам же отправляюсь на пульт управления реактором, чтоб своими глазами убедиться в неотвратимом. Выяснилось – разрыв первого контура произошел в неотключаемой части трубопровода на напорном участке, но где именно – пока неизвестно. Приборы показывали нарастание радиоактивности в шестом отсеке. Но самое страшное – в рабочих каналах реактора резко повышалась температура. При перегреве инструкция обещала нам неминуемый тепловой взрыв. Кто мог гарантировать, что он не окажется инициатором цепной реакции и последующего ядерного апокалипсиса?

Необходимо всплывать. Я доложил экипажу обстановку. Затем ввел в аварийный сигнал наши координаты и приказал радиотелеграфистам передать его в Москву.

Еще один удар! Наше радио не проходит. Залит соленой морской водой изолятор главной антенны «Ива». Мы без связи с берегом. Никто не узнает, что у нас стряслось, никто не поможет... Надежда только на свои силы. Прямо на пульте управления реактором собираю «совет в Филях». С трудом набиваемся в тесную гермовыгородку – отсек в отсеке. Нас девять человек, девять инженеров, девять голов... Должны же что-нибудь придумать... Оптимальный вариант нашел лейтенант-инженер Юрий Филин. Кстати, это его первый офицерский выход в море. Филин предложил подсоединить напорный трубопровод подпиточного насоса к трубопроводу системы воздухоудаления из реактора. Это позволяло подавать охлаждающую воду прямо в активную зону. Блестящая идея! Но для ее осуществления необходима сварка вблизи пышащего всевозможными жесткими «гаммами», «бетами» и «альфами» реактора. Нужны Александры Матросовы, которые закروют своими телами амбразуры с бьющими из них лучами смерти.

Ко мне подошел командир первого отсека лейтенант Борис Корчилов:

– Разрешите, я пойду!

– Боря, ты знаешь, на что идешь?

– Знаю, товарищ командир...

Знал и я, что этого статного голубоглазого парня ждала в Североморске красавица-невеста. Но... Но температура в реакторе угрожающе росла. На карту были брошены не только наши жизни.

Лейтенант Корчилов ушел в шестой аварийный отсек вместе с обреченными на верную и мучительную смерть главстаршиной Борей Рыжиковым, старшиной 1 статьи Юрой Ордопкиным, старшиной 2 статьи Женей Кашенковым, матросами Семеном Пеньковым, Колей Савкиным, Валерой Харитоновым и Геней Старковым. Посылая этих ребят, этих мальчишек в подводничьих робах в атомное пекло, я не мог не придти к ним, не подбодрить их. Меня вежливо попросили покинуть отсек – радиационная обстановка в нем не допускала пребывания в нем лишней минуты. Рентгенометры зашкаливали. Когда аварийная группа спустилась в реакторную выгородку, там плясали фиолетовые огоньки ионизированного водорода.

В конце сварочных работ из шестого отсека доложили, что возник пожар с фиолетово-голубым пламенем над крышкой реактора. По команде из центрального поста отсек загерметизировали, пожар потушили. Но пламя вспыхивало еще дважды. Наконец, трубопровод сварили. Я спустился вниз и подошел к переборке шестого отсека. Распахнулась стальная дверь, и из нее с трудом выбрался Борис Корчилов. Он сорвал противогазную маску, и его тут же стошнило бело-желтой пеной. Его отвели в первый отсек, где быстро развернули медицинский пост. Туда же отправили и всех остальных, кто работал возле реактора. Никто не знал, сколько предельных доз хватанули ребята за это время. Но ясно было одно – все они обречены. Уровень радиации повышался во всех отсеках от часа к часу. Как спасти экипаж и корабль? За всю историю мореплавания ни перед кем еще не вставала подобная задача, ничей горький опыт не мог мне помочь. Каждый час пребывания в радиационном поле приближал нас к той роковой черте, которую уже перешагнули Корчилов со своей группой. По здравому разумению надо было покидать корабль как можно скорее. Но куда ты денешься с подводной лодки в открытом океане? Впрочем, советчики скоро объявились. Ко мне на мостик поднялись дублер-стажер капитан 2 ранга Першин и

мой замполит Шипов. Они потребовали, чтобы я повел корабль к острову Ян-Майен и высадил экипаж на берег. Я ушам своим не поверил. Это походило на сцену из дурного пиратского фильма. Мне обещали бунт, арест... Я не сомневался в своих матросах, никто бы из них не поддержал заговорщиков. Но... По моему приказанию всему личному составу было выдано по сто граммов спирта. Алкоголь снижал жесткое воздействие радиации на организм. Расчет заговорщиков строился на том, что матросы под спиртными парами могут выйти из повиновения и принудить меня идти к чужому берегу. Я еще не знал такого термина, как «радиофобия» (он появится в обиходе после Чернобыля), но прекрасно понимал, что страх перед радиацией, досужие пересуды о том, что она убивает в мужчинах их мужские способности, могут толкнуть слабодушных на крайние шаги. Поэтому, отправив «советчиков» вниз, я вызвал командира БЧ-РО (ракетного оружия) капитан-лейтенанта Юрия Мухина и в присутствии старпома Енина приказал выбросить за борт все автоматы и пистолеты, кроме пяти «макаровых». Один взял себе, другими вооружились старпом, Мухин и представители штаба флота, посредники на учениях капитаны 2 ранга Василий Архипов и Николай Андреев.

Шла «холодная война», и высадку на остров, где находилась военно-морская база вероятного противника, я расценивал как сдачу в плен, как прямую измену Родине, которая вручила нам свой единственный ракетный подводный крейсер.

Я принял решение идти на одном реакторе в тот район, где по плану учений должны были находиться наши дизельные подводные лодки. Полной уверенности в том, что мы их там встретим, у меня не было. Ведь завесу могли сместить на другие позиции. Я молил Бога, чтобы наш резервный маломощный передатчик хоть кто-нибудь услышал. И нас услышали... К борту подошла советская дизельная подводная лодка С-270 под командованием капитана 3 ранга Жана Свербилова.

Первое, о чем я его прошу – связь! Связь с Москвой. Дали через антенны С-270 шифровку о нашей аварии. Штаб молчал...

Пересаживаем на «эску» самых пострадавших моряков. Передавать носилки с бездвижными телами на них в качку, на волне, с одного руля глубины на другой – смертельный номер. Но все обошлось...

Вскоре подоспела еще одна наша подводная лодка – С-159 под командованием капитана 3 ранга Григория Вассера.

...А берег молчал. Время от времени приходили рекомендации кормить переоблученных моряков свежими овощами, фруктами и поить соками. Ни того, ни другого, ни третьего на борту, разумеется, не было.

В 23.00 через рацию Вассера передаю в штаб шифровку с полной информацией о радиационной обстановке на корабле и о своем намерении эвакуировать экипаж на подошедшие подводные лодки. Понимаю, что на языке штабистов это может звучать как «отказ от борьбы за живучесть», как «паническое покидание корабля» и даже «бегство». Поэтому они упорно молчат, видимо, подбирая подходящую формулировку.

3 часа ночи 5 июля. Штаб молчит. На свой страх и риск приказываю своим морякам оставить корабль и перейти на борт С-159. Матросы перепрыгивают на качающуюся рядом лодку по отваленным горизонтальным рулям, выждав, когда «плавники» обеих субмарин на секунду поравняются на волне.

В последний раз обхожу родной корабль. В отсеках остались только шесть человек, которые обеспечивают аварийное освещение и расхолаживание реакторов. Меня сопровождает командир электротехнического дивизиона капитан-лейтенант Погорелов. Мы герметизируем отсеки, проверяем подключение насосов, расхолаживающих реакторов, к аккумуляторной батарее.

Проходит еще один томительный час. Ответа на мой запрос нет. Мы с Погореловым останавливаем дизель-генератор и последними покидаем борт К-19. Черная туша подводного крейсера покачивается в волнах как пустая железная бочка. Странно и страшно видеть это со стороны.

Передаю последнюю шифровку в штаб: «Экипаж подводной лодки К-19 оставил корабль. Нахожусь на борту подводной лодки С-159». Затем беру вахтенный журнал и делаю запись, от которой меня самого охватывает нервная дрожь: «Командиру ПЛ С-159. Прошу циркулировать в районе дрейфа К-19. Два торпедных аппарата приготовить к выстрелу боевыми торпедами. В случае подхода к К-19 военно-морских сил НАТО и попытки их проникновения на корабль, буду торпедировать ее сам. Командир АПЛ К-19 капитан 2 ранга Затеев. Время 5.00 5 июля 1961 года».

Притулился где-то во втором отсеке, и стал себя мысленно перепроверять – все ли по уму и по закону? Народ спасен. А корабль? Может, затопить его сразу, не дожидаясь никаких инцидентов? Вспомнил, как погибал линкор «Новороссийск». Там боролись за живучесть корабля до конца, забыв про людей. И линкор не спасли, и экипаж большей частью погиб. И как-то еще оценят мои действия на берегу? Так легко обозвать нас трусами и отдать под суд. Скажут – не пожар и не пробоина, а корабль бросили... Ох, легко же им будет судить нас из теплых кабинетов!

Горестные мои размышления прерывает возглас радиотелеграфиста:

– Товарищ командир, нам радио!

«Нам» – это не мне, это Вассеру.

«Командиру ПЛ С-159. К месту аварии следует подводная лодка С-268 под командованием капитан-лейтенанта Г. Нефедова. Сдать ему под охрану К-19. Самому максимальным ходом следовать в базу».

Возвращение

«Эска» Вассера легла на курс возвращения и врубил все дизеля на самый полный. На траверзе мыса Нордкин нас встретил эскадренный миноносец «Бывалый». Им командовал мой одноклассник по морской спецшколе капитан 2 ранга Володя Сахаров. Распроцавшись с командиром С-159, перебираемся на эсминец и сразу же попадаем в руки дозиметристов и химиков.

Нас всех хорошо дезактивировали. Некоторым пришлось смывать «рентгены» и по второму, и по третьему заходу. Старшина, который занимался мной, покровительственно похлопал меня по голому плечу:

– Ну, что, кореш, теперь ДМБ?

– Наверное, ДМБ. – Улыбнулся я. В бане не разберешь где офицер, а где матрос. Переодели нас в белые матросские рубы. Наши «фонящие» кители и фланелевки полетели за борт. «Ну вот, – мелькнула невеселая мысль, – сегодня матрос, а завтра – зэк». Как командир, я выделялся среди остальных своих моряков только пистолетом на поясе.

Много лет назад – еще в 1943 году – когда я уезжал из родного Горького (Нижегород) поступать в военно-морское училище, мама положила мне в чемодан на счастье иконку Николая Морского. Я хранил ее как талисман, в память о матери, и всегда брал иконку с собой в море. Была она со мной и на К-19, тщательно спрятанная от стороннего глаза. Когда мы перешли на борт С-159, я положил иконку в верхний карман рубы и обронил во втором отсеке. Спихнулся лишь на эсминце «Бывалый» перед дезактивацией. Увы, не нашел. Николая Морского обнаружил политработник с «эски». Что было! Начался массированный поиск владельца запретного талисмана и на С-159, и среди членов экипажа К-19. Сколько неумной энергии было на это затрачено! Знали бы сверхбдительные «политрабочие», кому принадлежала эта иконка!

Штурм давно стих, лишь плавная зыбь покачивала эсминец, когда мы входили в Кольский залив. Вот и гранитные утесы Екатерининской гавани. «Бывалый» медленно подходит к причальной стенке Полярного. Сжалось сердце: весь причал оцеплен автоматчиками в черных морпеховских беретах. За их спинами сгрудилось все население города. Лица испуганные, притихшие. Так встречали здесь в войну корабли, возвращавшиеся из боя. Санитарные машины подогнали прямо к трапу.

Нас встречали командующий Северным флотом адмирал Чабаненко и начальник медслужбы СФ генерал-майор Цыпичев. Комфлота ни о чем меня не спрашивал, понимая весь трагизм нашего положения. Я же все же решился спросить у него:

– Что теперь со мной будет?

– Вон стоит начальник особого отдела, спроси у него. – Ответил Чабаненко.

Я повторил свой вопрос капитану 2 ранга Нарушенко. Мы хорошо друг друга знали, наши каюты на плавбазе «Магомет Гаджиев» разделяла одна переборка. Тот усмехнулся:

– Все сделали нормально. Ничего не будет...

Вспомнился анекдот про «ничего не будет» – ни академии не будет, ни квартиры, ничего...

Нас быстро погрузили в санитарные машины, отвезли в морской госпиталь, распределили по палатам. Я обошел своих, и первым делом навестил группу лейтенанта Корчилова. То, что я увидел, повергло меня в тихое уныние. Жить ребятам оставалось считанные дни, если не часы. Боже мой, что сделала с ними радиация! Лица побавровели, губы распухли так, что лопались, из-под волос сочилась сукровица, глаза заплыли. Я нагнулся к Корчилову и сказал ему, что их сегодня всех отправят в Москву, в Институт биофизики, где их непременно поднимут на ноги. Услышав мой голос, Борис, еле ворочая распухшим языком, попросил:

– Товарищ командир, откройте мне глаз...

Я приподнял опухшее веко. До гробовой доски не забуду этот пронзительный прощальный взгляд голубого зрачка.

– Пить...

Я взял чайник с соком и приставил носик к губам Корчилова. Тот с трудом сделал несколько глотков. Едва удержавшись, чтобы не расплакаться, я сказал ему: «Прощай, брат!»

Остальные были не лучше.

На стадионе, что рядом с госпиталем, приземлились два вертолета. В них на

носилках перенесли переоблученных моряков. Первый взлетел нормально, а второй зацепил лопастями провода и рухнул на самую кромку причала. К счастью, машина не набрала еще большой высоты и ударилась не сильно. Вскоре прилетел еще один вертолет, и всех перегрузили в него. Больше живыми мы их не видели.

К нам же в госпиталь прибыл представитель политического управления ВМФ контр-адмирал Бабушкин. Вместе с главным врачом он собрал подводников в клубе госпиталя, и оба стали уверять нас, что мы все отделались легким испугом, что никаких опасений наше крепкое здоровье не вызывает, всех до одного вылечат и т.п.

Этот же Бабушкин стал планомерно собирать на меня компромат. Каждый день вызывал на «собеседование» матросов и допытывался у них, как вел себя командир, что говорил, где находился в момент аварии. Очень ему хотелось доказать, что я приказал покинуть корабль без особой на то нужды. Бабушкин допек матросов так, что они заявили: если ретивого политуправленца не уберут, то они набьют ему морду. Я доложил об этом командующему флотом (адмирал Чабаненко каждый день навещал нас в госпитале), и Бабушкин отбыл в одиночестве в столицу. Однако теперь за дело взялись более серьезные товарищи – особисты. Я посылал их всех в «одно место».

На другой день после фанфаронского заявления врачей и политработников о пустяковости наших болезней из Москвы пришло сообщение, что 10 июля скончались в один день лейтенант Корчилов, старшина 1 статьи Орdochкин и старшина 2 статьи Кашенков. Кто следующий? Следующим умер матрос Савкин – всего через два дня. Тринадцатого не стало матроса Харитонов. Пятнадцатого отмучался матрос Пеньков. Тогда мы поняли, что обречены все, кто схватил дозу. Дело только во времени – неделей позже, неделей раньше...

С того самого всплытия в Датском проливе – с 4 июля – я ни разу не смог уснуть. Что только не делал, чтобы отключиться, но бессонница стала постоянным моим спутником. А по ночам – солнечным бесконечным полярным ночам – чего только не придет в голову, о чем не передумаешь. Как-то на перекуре спросил старшего лейтенанта Мишу Красичкова:

– Ну что, Михаил, не придется ли нам больничную робу сменить на тюремную?

А что он мог мне ответить?

Не знаю прав я или нет, но о ходоках на мостик – Паршине и Шипове – об их предательском поведении докладывать никому не стал. И так на нас всех собак повесили.

Между тем полярнинские врачи решили отправить нас в Ленинград в Военно-медицинскую академию. Перед отправкой ко мне в палату заглянул буквально на несколько секунд начальник политического управления ВМФ адмирал В. Гришанов. От имени партии, правительства и командования ВМФ он поблагодарил меня за стойкость и мужество во время аварии, пожелал скорейшего выздоровления и... исчез. Ошеломленный его визитом я не сразу понял, что расследование закончилось, и отношение ко мне и моему экипажу изменилось на 180 градусов.

Позже я узнал, что столь благотворным поворотом судьбы я обязан академику А.П. Александрову. Именно он убедил Н.С. Хрущева в том, что наши действия по созданию системы аварийного охлаждения реактора были правильными и самоотверженными, что аварийный корабль мы не бросили, а оставили,

грамотно переведя реакторы в нерабочее состояние и подготовив лодку к буксировке. Закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1961 года все непосредственные участники ремонтных работ в реакторном отсеке были награждены орденами с формулировкой «За мужество и героизм». Я тоже получил орден Красного Знамени. Но все это было потом. А пока с диагнозом «острая лучевая болезнь» мы ожидали своей участи в палатах ленинградской Военно-медицинской академии.

Как из нас сделали «психов»

В общем-то, на нас советская медицина отрабатывала тактику лечения лучевой болезни, хотя в Японии был накоплен немалый опыт в этом плане после американской ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Но ввиду заскоченности нашей аварии к японцам, как я понял, не обращались. Лечили нас по двум методикам, которые принципиально различались в вопросе с чего начинать противолучевую терапию: с пересадки костного мозга, а потом делать полное переливание крови или же наоборот – сначала переливание, а потом пересадка. Первая методика, предложенная начальником кафедры военно-морской терапии профессором З. Волынским, вернула к жизни на многие годы переоблученных мичмана Ивана Кулакова, старшего лейтенанта Михаила Красичкова и капитана 3 ранга Владимира Енина. Вторая – погубила Юрия Повстьева и Бориса Рыжикова. Казалось бы, положительный опыт военно-морских медиков необходимо было взять на вооружение всей советской медицины. Но чернобыльская трагедия никак не подтвердила это очевиднейшее мнение. Я не могу понять, почему было так много смертельных исходов в практике врачей, спасавших ликвидаторов последствий ядерной катастрофы. Некоторую ясность внес американский профессор Роберт Гейл. Он заявил, что мы лечили своих страдальцев неправильно, и предложил методику профессора Волынского! Ту самую, которую блестяще отработали на морях К-19. И это при всем притом, что у нас с момента аварии до начала оказания квалифицированной медицинской помощи прошло более трех суток. Тогда как чернобыльцев госпитализировали сразу же после облучения. Неужели ведомственная разобщенность наших медиков послужила причиной совершенно нелепых жертв?

Так волею судьбы подводники с К-19 оказались между Хиросимой и Чернобылем.

В Военно-медицинской академии к нам отнеслись необыкновенно тепло и заботливо. Впрочем, и пациентами мы были тоже необыкновенными. Правда, сначала нас посадили на скромный солдатский паек на 52 копейки в сутки, но после вмешательства командующего Северным флотом адмирала Чабаненко нас стали кормить по нормам подводников-атомщиков в три рубля 50 копеек.

Все-таки мы все были очень молоды и могли дурачиться, даже несмотря на весь трагизм нашего положения. Врачи постоянно брали у нас на анализы практически все, что может выделять человеческий организм. Иногда мы дружно помогали товарищу наполнять по утрам его посудину. Так медсестра, унося ночной горшок Першина, всегда изумлялась: откуда столько?!

– Да он же ест сколько! Смотрите, какой рот широкий, да и ростом Бог не обидел.

Проявления весьма своеобразного юмора вкупе с молодостью наших тел весьма способствовало выздоровлению.

В конце сентября мы предстали перед военно-врачебной комиссией. В медицинские книжки нам всем записали весьма странный диагноз – «астенно-вегетативный синдром». Сказали, что это для маскировки «засекреченной» лучевой болезни. Ну, записали и записали. Лишь потом я узнал, что этот синдром связан с нервно-психическими расстройствами. Психов из нас сделали! Дослужались.

Микротрещина

В октябре 1961 года я ненароком угодил на совещание по атомному кораблестроению, которое проводил в Москве первый заместитель главкома адмирал В.А. Касатонов. В старом здании штаба в Большом Козловском собрались весьма представительные лица из главкомата и военно-промышленного комплекса. Присутствовали и научные светила – академики А. Александров и Н. Доллежалъ. Я чувствовал себя не очень уютно. Многие выступавшие пытались переложить на мой экипаж большую часть вины за аварию с реактором. И снова честь подводников спас академик А. Александров. Он был единственный, кто выступил в защиту нашего экипажа, и после его весомых слов все выпады в наш адрес сразу же прекратились. И еще он отметил, что атомная энергетика входит в жизнь и осваивается людьми с гораздо меньшим числом жертв, чем другие отрасли техники.

Ничего не сказал – промолчал – сидевший в конференц-зале главный конструктор нашего реактора академик Н.А. Доллежалъ. Свое мнение он высказал позже – в книге «Атомная энергия»: «Следует отметить, что эксплуатацию реакторов первого поколения, особенно в первые годы, осуществлял личный состав, который отличался своей самоотверженностью, однако не обладавший (возможно, не по своей вине) тем, что в современных документах называется «культурой эксплуатации». Не трудно продолжить мысль академика – «и именно поэтому произошел разрыв импульсной трубки первого контура и все печальные последствия аварии».

Слово «культура» означает «возделывание». Но ведь именно мы, подводники-атомщики первого поколения помогали вам, Николай Антонович, возделывать никем еще не паханое поле – корабельную атомную энергетiku. Причем знали мы ее не хуже ваших инженеров, так как принимали участие в ее монтаже и испытаниях. У нас хватило «эксплуатационный культуры» даже на то, чтобы в нечеловеческих условиях найти способ создать ту самую систему аварийного охлаждения активной зоны, которую генеральный конструктор Доллежалъ забыл предусмотреть и которую после нашего печального опыта стали ставить на всех последующих реакторах. И за эту вашу недоработку восемь человек из «бескультурного» в эксплуатационном плане экипажа заплатили своими жизнями.

Вы недоумеваете, говоря о чернобыльской катастрофе: «Зачем понадобилось отключать аварийное охлаждение реактора, что категорически запрещено правилами эксплуатации?!» Но вы не хотите вспоминать, что у нас на К-19 вообще не было системы аварийного охлаждения, которая была создана и смонтирована аварийной партией лейтенанта Корчилова.

И, наконец, самое главное, Николай Антонович, надеюсь, вы не забыли, как во время большого перерыва на совещании в Главном штабе ВМФ академик Александров подозвал вас, адмирала Чабаненко и меня к окну, что по правой

стороне коридора, ведущего к конференц-залу, и показал фотографии места разрыва злополучной импульсной трубки. Он же дал нам прочитать заключение Государственной комиссии по расследованию аварии на К-19. Там было черным по белому написано, что разрыв трубки произошел вследствие нарушения технологии сварочных работ при монтаже трубопроводов первого контура. Технология требовала, чтобы ни одна искра или капля расплавленного электрода не попадали на полированную поверхность трубопроводов, для чего они должны были накрываться асбестовыми ковриками. Однако из-за тесноты рабочих мест этим правилом пренебрегали. Там же, куда падали капли расплавленных спецэлектродов, возникало напряжение поверхностного слоя металла, которое вызывало микротрещины. В них проникали агрессивные хлориды – с парами соленой морской воды, которая всегда скапливается в трюмах. Под большим внутренним давлением (в двести атмосфер) и воздействия высокой температуры микротрещины постепенно превращались в обычные трещины – на всю толщину стенок трубки. Ну, а дальше – дело времени, как в mine замедленного действия. «Мина» взорвалась, точнее, разорвалась в роковую ночь на 5 июля 1961 года.

А что касается «культуры эксплуатации», то ей должна предшествовать культура производства. Это, во-первых. А во-вторых, все наши действия по эксплуатации вашего реактора были отражены в пультовом журнале. Но он таинственным образом исчез из материалов следственной комиссии. Надо полагать, кому-то было очень выгодно, чтобы он исчез. Кому?

Отвечу на этот вопрос реальным случаем из флотской жизни. Подчеркиваю – это не байка и не анекдот, а фактическое происшествие, подтвердить которое могут начальник Управления береговых ракетно-артиллерийских войск ВМФ вице-адмирал В.А. Сычев, капитан 2 ранга М.Г. Путинцев и другие офицеры Тихоокеанского флота, которые находились на мостике большого противолодочного корабля во время показательной ракетной стрельбы. Она была приурочена к визиту главы партии и правительства Н. С. Хрущева на Дальний Восток.

Крылатая ракета сошла с направляющих и тут же ухнула в воду – не сработал маршевый двигатель. Конфуз?

Не тут-то было! Главнокомандующий ВМФ СССР адмирал С.Г. Горшков авторитетно заверил Никиту Сергеевича, что дальше ракета пойдет под водой. И глава государства, он же Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами страны, потирая довольно руки, обратился к свите, где было немало генералов от ВПК, с радостным возгласом: «Хорошее оружие создаем, товарищи!» Никто из товарищей не посмел разуверить генсека в его благостном заблуждении. Такова печальная быль.

Наследственная некомпетентность наших правителей в военных делах давно вошла во флотский фольклор: «Главное, что должен уметь делать адмирал, – самостоятельно найти место в документе, где ему надо расписаться. Министр обороны должен уметь самостоятельно расписаться там, где ему покажут. Президент-Главверх обязан раз в четыре года интересоваться – армия какого государства находится в настоящий момент на территории его государства?»

И это не смешно.

□ 5.6. ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОГО ЭКИПАЖА АПЛ К-19

Богацкий Г.С.

*Капитан 1 ранга, член 1-го экипажа К-19,
ветеран подразделений особого риска*

Атомная подводная лодка К-19 была в нашей стране первой (головной). На ней впервые в мировой практике эксплуатации ядерных энергетических установок, за 25 лет до Чернобыльской трагедии, произошла радиационная авария атомного реактора.

События, воспоминания о которых Вам предлагаются, произошли 4 июля 1961 года при нахождении АПЛ в Северной Атлантике.

Беспримерный подвиг членов экипажа по предотвращению радиационной катастрофы в Мировом океане и ликвидация ее последствий во имя выполнения своего долга, спасения «друзья своя и своего корабля» – новая героическая страница подвигов моряков России во славу ее флагов – Андреевского и бело-голубого флага ВМФ СССР.

Благодаря мужеству, чести, доблести и высокому профессионализму командира АПЛ капитана 1 ранга Н.В. Затеева и членов экипажа, люди и корабль были спасены, трагедия в Мировом океане была предотвращена.

В июле-декабре 1961 года силами экипажа АПЛ К-19 и приписанного лично экипажа с других АПЛ соединения последствия аварии в основном были ликвидированы, корабль сохранен, а не затоплен, как предполагалось. Началась модернизация корабля – его второе рождение.

В 1963 году АПЛ К-19 завершила государственные испытания, вошла в состав боевых сил ВМФ и прослужила около 30-ти лет.

Система проливки атомного реактора, смонтированная аварийной группой Бориса Корчилова 4 июля 1961 года в радиационном пекле аварийного реакторного отсека, впоследствии была конструктивно реализована на всех атомных реакторах надводных и подводных кораблей, а также на атомных электростанциях.

Мы, члены экипажа АПЛ К-19, ветераны-подводники и ветераны подразделений особого риска РФ, искренне благодарны правлению акционерного общества энергетики и электрофикации «Мосэнерго» и его генеральному директору Н.И. Серебрянникову за принятие решения о шефстве над могилами моряков на Кузьминском кладбище столицы и сооружение памятника, достойного подвигу погибших подводников.

Енин В.Н.

*Капитан 1 ранга, старший помощник командира К-19, ветеран
подразделений особого риска.*

Экипаж К-19 начал формироваться в декабре 1957 года. Я в то время служил на большой дизельной лодке Северного флота помощником командира. Были представлены документы на старшего помощника. Судьба распорядилась по иному. Был вызван в штаб СФ, где мне объяснили, что есть необходимость в том, чтобы я продолжил службу в качестве помощника командира и принял участие в испытании первого в Союзе атомного подводного ракетносца.

В главном штабе в Москве мне сообщили о месте формирования и подготовки экипажа и что во флотском экипаже находятся первые офицеры, назначенные на лодку. С ними прибыл к месту подготовки. Вот они первые, члены экипажа ПЛА К-19: лейтенанты Михаил Красичков, Михаил Джанзаков, Анатолий Кузьмин, Валентин Назаров и Анатолий Феоктистов.

Позже начал прибывать остальной офицерский состав: Станислав Афанасьев, Владимир Плющ, Виктор Антонов, Владимир Герсов, Александр Ковалев, Виталий Ковальков, Георгий Ерастов, Анатолий Литвинов, Николай Волков, Николай Михайловский, Владимир Жуковский и Александр Васильев. Все эти офицеры имели малый опыт службы в ВМФ (а кое-кто прибыл с курсантской скамьи), но большое желание учиться. С надводных кораблей прибыли назначенные на должность командира дивизиона движения – старший лейтенант Юрий Повстьев, и на должность командира электротехнического дивизиона капитан-лейтенант Владимир Погорелов, не имевшие опыта плавания на лодках, но, в отличие от нас, подводников, имевшие опыт обслуживания паротурбинной установки. Командиром дивизиона живучести был назначен Юрий Казаков, ранее служивший на дизельной подводной лодке. В канун Нового года прибыл командир электромеханической боевой части (БЧ-5) капитан-лейтенант Володар Панов, имевший опыт плавания на дизельных подводных лодках (мне приходилось с ним встречаться ранее в неслужебной обстановке, но был наслышан о нем как об опытном механике).

С Дальневосточного флота прибыл старший помощник командира Владимир Ваганов, который на Востоке командовал малой подводной лодкой. В марте 1958 года прибыл командир корабля – капитан 3 ранга Николай Затеев, ранее командовавший средней дизельной лодкой на Черноморском флоте, имевший хороший послужной список, досрочно получивший очередное звание.

Видно было, что штаб ВМФ стремится укомплектовать командование корабля и командиров боевых частей из офицеров, имеющих приличный опыт подводного плавания. Вновь назначенный заместитель командира по политической части Зиновьев выпадал из этой обоймы. Назначен он был из частей центрального подчинения. И чувствовалось, что он пришел за званием. Так оно и получилось. Получив очередное звание, он снова ушел служить в части центрального подчинения.

К моменту прибытия командира полностью была укомплектована БЧ-5. В то время специальную подготовку по обслуживанию и использованию главной энергетической установки и пароэнергетической установки проходили командование корабля и личный состав БЧ-5, причем весь офицерский состав обучался по единой программе.

В программе было много нового для нас: ядерная физика, элементы квантовой механики, дозиметрия, система управления и защиты реактора, контрольно-измерительные приборы и автоматика, устройство реактора и его систем, турбины и прочее.

Успешно выполнив программу обучения, прибыли на завод. Здесь были сформированы остальные боевые части. Командиром штурманской боевой части (БЧ-1) был назначен Валентин Шабанов, ранее служивший помощником командира малой лодки на Балтике.

На должность командира электронавигационной группы назначен Вадим Сергеев.

Командиром ракетной боевой части (БЧ-2) назначен Юрий Мухин, имевший опыт командования ракетной боевой частью на большой дизельной лодке. Надо добавить, что он имел счастливую возможность работать и общаться с академиком Королевым, который руководил установкой и испытанием ракетного комплекса на их дизельной лодке.

Командиром группы БЧ-2 был назначен Глеб Богацкий – эталон здоровья, высокий, краснощекий, богатырского сложения. На должность начальника связи и радиотехнической службы (БЧ-4 и РТС) назначен лейтенант Роберт Лермонтов. Первоначально должности командира минно-торпедной боевой части и начальника дозиметрической службы на лодке не планировались, и эти должности совмещал я, т.е. помощник командира, но потом было принято решение о введении должности начальника дозиметрической службы («Д») и командира минно-торпедной боевой части.

Начальником службы «Д» назначен был лейтенант Улищенко, должность же командира минно-торпедной боевой части была введена много позже, уже без нас. Корабельным врачом был назначен Иван Вадюнин. Был назначен и начальник интендантской службы капитан Иванов. Раньше на дизельных лодках интендантские обязанности поочередно выполняли офицеры всех боевых частей. Бытовала шутка – «На атомном флоте произошли две революции: загнали пар под воду и назначили интенданта».

К моменту прибытия на завод в экипаже был уже новый замполит Рудольф Морошкин. Участник Великой Отечественной войны. В то время он неоднократно высаживался в качестве радиста разведгруппы морской пехоты на побережье, занятое противником. Он imponировал всему экипажу тем, что не декларировал прописные истины, плакатные призывы, шаблонную политграмоту. Он понимал, что на корабле люди с высшим и средним техническим образованием, не «нажимал» на боевые листки на уровне церковно-приходской школы, как это было принято в то время. На беседах с матросами о стычках с противником, докладывал так, как было, не ретушируя негативные стороны. Но при необходимости он находил нужные слова по обстановке. Был открыт и искренен с командой, и команда платила ему тем же. К сожалению, он быстро ушел от нас с повышением. Но он заслуживал его. На его место прибыл с дизельной лодки Александр Шипов. Сформировался дружный коллектив старшин и матросов. Не все из первого формирования разделили судьбу корабля.

Экипаж принимал активное участие в отладке и настройке устройств и механизмов, учился у заводчан и учил заводчан.

Это общий принцип на флоте при приеме корабля. Экипаж воспринимает все новое для себя у строителей и щедро делится со строителями своим опытом.

Командир корабля и командир ракетной части Юрий Мухин на полигоне, досконально изучив ракетный комплекс, участвовали в пусках ракет.

Начались ходовые испытания. Последний экзаменатор качества строительства – море. Все шло нормально. На каждом выходе в море фиксировались небольшие неполадки, устранялись у заводской стенки и снова в море.

Испытания закончены, сняты все ходовые параметры, проверено оружие и вооружение. Наступал последний этап программы строительства – ревизия турбин, окончательная проверка забортных клапанов, захлопок, заслонок и устранение массы недоделок, которые были терпимы при испытаниях, но обязатель-

ны к устранению перед вступлением лодки в состав флота. Это был канун нового 1961 года.

Здесь столкнулись интересы флота и промышленности. Флот был заинтересован, чтобы в его состав вступил полностью проверенный боевой корабль. По объему работ было ясно, что в текущем году не уложиться. Сдаточная заводская команда и рабочие тоже были за это. Поучаствовав в выходах в море на испытание лодки, они стали патриотами корабля. И, по большому счету, им было чем гордиться. Несколько другое отношение складывалось на более высоком уровне. Существовала в то время система парадных рапортов. Кому-то выгодно было отрапортовать в ЦК КПСС и правительство, что задание выполнено и именно в 1960 году в состав флота вступил первый советский подводный ракетно-носец. За этим должен был следовать щедрый дождь орденов и других поощрений, не в адрес флотских специалистов, разумеется. Хотя работ-то было, от силы, на месяц.

В кабинете директора завода, в присутствии командиров боевых частей (а все они входили в состав приемных комиссий по своим направлениям), командир лодки твердо заявил, что с таким перечнем невыполненных работ офицеры корабля и он лично акт о приеме корабля подписывать не будут. Директор разразился тирадой в наш адрес, что мы не понимаем политики партии и правительств и т.д.

Командир твердо стоял на своих позициях, тогда директор по правительственному телефону связался с главкомом ВМФ, долго убеждал его. Была даже такая фраза: «Я вынужден доложить в ЦК партии, что флот срывает задачи, поставленные партией и правительством».

В конечном счете, кончилось все это совместным решением на высшем уровне, что лодка идет к месту своего базирования и туда же направляется бригада рабочих для завершения работ. Лодка вышла в море курсом к месту базирования. Но совместным решением пробоину не заделаешь. Был приличный морозец, но вахтенные офицеры и сигнальщики особенно не расстраивались. Переход-то будет в подводном положении. Погрузились. Примерно через полчаса после погружения из дизельного отсека поступил доклад старшины команды мотористов Игоря Орлова о том, что в отсек интенсивно поступает забортная вода. Немедленно всплыли в надводное положение.

Мотористы действовали четко, загерметизировали отсек, дали воздух высокого давления, противодействуя поступлению забортной воды, но несколько тонн забортной водички все-таки приняли. Под давлением забортной воды нарушилась герметичность захлопки шахты подачи воздуха к дизелю, и забортная вода хлынула в отсек.

Прибыли в базу. Начались напряженные флотские будни. В нормативные сроки корабль должен был войти в первую линию. Экипаж должен был отработать все курсовые задачи, выполнить все стрельбы в различных тактических условиях и достигнуть такой степени готовности, чтобы в любой момент выполнить любую боевую задачу, свойственную кораблю такого класса.

Пока отработывали организацию службы – задачу номер один, заводская бригада, под наблюдением экипажа устраняла недоделки.

Задача номер один – это отработка всеми членами экипажа своих действий по всем корабельным расписаниям. А их очень много – это действия по приго-

товлению корабля к бою и походу, по борьбе с пожаром и поступлением забортной воды, по боевому использованию оружия и т. д. И если кто-то считает, что кок на лодке только готовит борщ по-флотски, то глубоко ошибается. У кока, как и у каждого подводника, есть дополнительные обязанности по всем корабельным расписаниям. Только у замполита по всем корабельным расписаниям одна обязанность – поддерживать боевой дух и, по возможности, не мешать занятым делом людям. Ну а воспитанием занимаются командиры всех степеней. Это им определено корабельным уставом.

И в этом им помогает море и повышенный риск подводного плавания. Специфика службы на подводной лодке породила своеобразное отношение подводников друг к другу. Скажем, обращение: тов. командир, тов. старпом, тов. старшина. И это не панибратство. Попробуйте в экстремальной обстановке, когда отсчет идет на секунды, обращаться по званию, а флотские звания длинные. Пока все звание произнесешь, необходимость доклада отпадет. А когда вспоминают сослуживцев, с теплотой их называют, не по имени и отчеству, а так: Сережа и далее фамилия, Витя и далее фамилия, хотя, к примеру, Сережа – полный адмирал, а Вите седьмой десяток идет.

Корабль успешно сдал все задачи, выполнил с положительными оценками все стрельбы и вошел в первую линию. При отработке задач боевой подготовки была интересная встреча в море с первой атомной подводной лодкой США «Наутилусом» но я не описываю ее, так как в это время был в отпуске, а здесь я описываю события, свидетелем, которых я был.

После моего возвращения из отпуска был предоставлен отпуск старшему помощнику командира Владимиру Ваганову. Исполнение его обязанностей приказом по кораблю было возложено на меня. Лег в госпиталь на операцию Глеб Богацкий, управленцам Анатолию Кузьмину, Владимиру Плющу, начальнику службы «Д» Улиценко, предоставлены отпуска некоторым старшинам и матросам. Наступила небольшая пауза в напряженной работе, если это можно назвать паузой. Продолжалась боевая подготовка. Хотя реакторы были на минимально контролируемом уровне, БЧ-5 посменно несла вахту, кто-то из командования должен был круглосуточно находиться на корабле, поэтому командир и старпом сменяли друг друга через сутки. Да и в «свой» день они практически освобождались от корабельных забот поздно вечером. Моряки отдыхали на плавбазе, а это тоже корабль со своим планом боевой подготовки, с ночными учебными тревогами. Ну а климат и природа в Заполярье известны. Хотя мне лично северная природа нравится больше южной парикмахерской красоты. Прекрасные озера в сопках. Все окрашено в мягкие тона. Рокуэлл Кент неплохо оттенил в своих картинах краски севера. Зимой – полярные ночи со снежными зарядами. Зато в ясную погоду во все небо шикарные колеблющиеся портьеры с полным спектром красок полярного сияния.

Пауза в напряженной работе длилась недолго. Получен приказ – подводную лодку подготовить к длительному походу. В течение считанных суток на лодку принят необходимый запас топлива, продуктов, пресной воды, проверено оружие, вооружение, энергетическая установка, механизмы и устройства.

Подводная лодка вступила в часовую готовность. Было ясно, что отпускиников отозвать из отпуска времени уже нет. Поэтому с других кораблей на время похода на их замену приписаны офицеры, старшины и матросы. Они прекрасно вели себя в тяжелой обстановке и мы до сих пор считаем их членами нашего экипажа.

Обязанности старшего помощника, как я уже говорил, ранее приказом по кораблю были возложены на меня. Цель похода, оперативную обстановку в районе действия подводной лодки знает пока только командир лодки. И, как принято, он уже в море поставил задачи боевым частям и объявил задачу, поставленную кораблю. Настал час «Х». Объявлена боевая тревога. В считанные минуты экипаж занял свои места. Традиционная команда: «По местам стоять, подводную лодку к бою и походу приготовить». Подводная лодка готова к походу. Отданы швартовы и лодка держит курс к обусловленной точке в наших территориальных водах, где она должна погрузиться.

Прошли Баренцево море, приближаемся к Фарерам (Фарерские острова). Здесь, как правило, курсируют корабли и барражирует морская авиация «друзей», стараясь предьявить выходящим в Атлантику лодкам свои визитные карточки в виде радиоакустических буев (авиация), а надводным кораблям желательно получить уверенный акустический контакт с лодкой для дальнейшего слежения. Задача лодки – вежливо и уверенно уклониться от этих контактов. Объявлена боевая тревога. Вскоре акустики доложили, что по курсу корабля обнаружены точечные объекты. Вот и визитные карточки. Командир маневром оставил далеко в стороне радиоакустические буи и через определенное время мы идем вниз (на юг) по Атлантике. Экипаж уже полностью адаптировался. В подводном положении нет смены суток. Круглые сутки электрическое освещение, но биочасы в начале похода подсказывают, когда день, когда ночь, поэтому поначалу труднее даются ночные вахты, потом экипаж втягивается в единый ритм, и служба идет с безукоризненной четкостью.

На курсах, в учебных кабинетах, на занятиях подводник получает определенный и достаточный уровень знаний и определенные навыки по обслуживанию своего заведования, т.е. умение. Умение закрепляется в учебных походах, пока корабль отрабатывает курсовые задачи. Но высшее мастерство оттачивается в дальних походах. В походе наблюдается некоторая монотонность, которая взрывается учебными и боевыми тревогами. И задача командиров всех степеней – так спланировать боевую подготовку, чтобы моряки каждый день получали что-то новое, интересное, совершенствуя свои профессиональные знания и умения.

И к чести командиров, надо сказать, что они справились с этой задачей. К концу похода в подавляющем своем большинстве, члены экипажа были единым коллективом, «прикипели» к кораблю и корабль для них стал как бы равноправным членом экипажа.

Подводная лодка выполнила свои задачи в Атлантике и держала курс в Арктику, где на заключительном этапе похода должна была пройти подо льдами и при выходе из-под арктических льдов произвести пуск ракет. В Арктику должны пройти через Датский пролив. В том году ледовая обстановка была сложной. Наблюдался большой сход айсбергов с Гренландского побережья. Пролив был полностью покрыт льдом. Подводная часть айсбергов достигает большой глубины. Шли на большой глубине, встречи с монстрами не избежали. Хорошо работали акустики. Информацию давали своевременную и полную, и командир, маневрируя ходами и курсами, разошелся с айсбергами с хорошим запасом в дистанции до них.

Миновали Датский пролив. Все механизмы работали нормально. Над нами кончилось ледовое поле. 4 июля 1961 года 4 часа 15 минут. Доклад управленца

Юрия Ерастова: «Центральный, сработала аварийная защита левого борта. Давление в первом контуре резко падает». И еще через некоторое время: «Давление в первом контуре упало до нуля». В результате падения давления заклинило главный и вспомогательный циркуляционные насосы, а следовательно, прекратилась циркуляция теплоносителя. В реакторе начала расти температура.

Знали и понимали, что ядерного взрыва не могло произойти, так как управляемая реакция с выделением энергии (тепла) происходит на тепловых нейтронах, несущих намного меньше энергии, чем быстрые нейтроны, но с прекращением теплосъема, в активной зоне реактора начала расти температура, что могло привести к расплавлению ТВЭЛов (тепловыделяющих элементов). При возрастании температуры до критических значений и при отсутствии давления могло произойти мгновенное парообразование, разрушение реактора и катастрофическое распространение радиации. Нечто подобное произошло в Чернобыле спустя 25 лет.

Из теории знали, что необходимо, в таких случаях снимать тепло, выделяемое ТВЭЛами, путем проливки активной зоны водой, но конструкция первых реакторов не имела системы, с помощью которой можно было это осуществить.

Подспудно мы ожидали «каверз» от некоторых технологических узлов энергетической установки. У лодок первого поколения, на выходах в море были неприятности с ГЦН, ВЦН, парогенераторами. С учетом этого, еще будучи на заводе, Анатолий Козырев и Юрий Повстьев организовали подготовку трюмных специалистов реакторного отсека по сварке спецстали. Их предусмотрительность сыграла неоценимую роль в развернувшемся событии. Анатолий Козырев, Юрий Повстьев и Михаил Красичков (опытный управленец, в этом походе он дублировал командира дивизиона живучести) сориентировались по месту и предложили схему системы проливки с использованием насосов вакуумирования. Эта схема была обсуждена на коротком совещании с привлечением других механиков корабля и утверждена командиром. Позже эта система была установлена промышленностью на всех кораблях. Предстояли работы по сварке системы в отсеке и непосредственно в выгородке реактора, по сути, на крышке аварийного реактора. Последствия для участников непредсказуемые. Не было приказаний. Командир только спросил: «Вы знаете, на что идете?» За всех ответил Борис Корчилов (командир реакторного отсека): «Знаем, командир».

Установку смонтировали, температура в активной зоне начала снижаться, но участники работы получили недопустимо высокие дозы облучения, и радиация начала отсчет последних дней их жизни.

Вот их имена: Борис Корчилов, Юрий Ордочкин, Евгений Кашенков, Николай Савкин, Семен Пеньков, Валерий Харитонов.

Очень большие дозы облучения получили Юрий Повстьев, Борис Рыжиков (старшина команды трюмных реакторного отсека), Анатолий Козырев, Михаил Красичков. Дважды в реакторном отсеке возникали локальные пожары, но оба раза были быстро ликвидированы.

Основная опасность – тепловой взрыв и разрушение реактора – была блокирована, но на корабле начала неотвратимо увеличиваться радиация. Особенно быстро в отсеках движения (кормовых).

Постепенно уже во всех отсеках засветились рубиновые огни на дозиметрических приборах: «Опасно радиация». Чтобы уменьшить степень поражения личного состава, командир принял решение – весь личный состав лодки, не за-

нятый ходовой вахтой и борьбой за живучесть корабля, вывести на носовую надстройку лодки (с началом аварии всплыли в надводное положение). А ходовую вахту менять через один час (обычная вахта – 4 часа), Прежде, чем выйти на носовую надстройку, экипаж проверил надежность закрытия забортных отверстий, привел оружие, вооружение, устройства и механизмы в состояние длительного хранения без участия людей.

Командир на мостике обеспечивал внешнюю безопасность корабля, в центральном посту со мной остался вахтенный механик Владимир Погорелов. Разумеется, душевного комфорта ни у кого не было. Обычные живые люди. Впрочем, не совсем обычные.

Это были дети военного времени, которые испытали на себе все лихолетье войны – голод, холод, разруху, гибель отцов и старших братьев, – и в тяжелую минуту они вели себя как их отцы и братья. Примерно через шесть часов после монтажа системы проливки поступил доклад о том, что снижение температуры в аварийном отсеке прекратилось. Что-то случилось с системой.

Обратился к группе моряков, объяснил необходимость выявления и устранения неисправности. Предупредил о тяжелых последствиях, да они и сами видели, в каком состоянии находятся наши пораженные товарищи.

Вся группа изъявила желание добровольно идти в аварийный отсек. В этом необходимости не было, и со мной в отсек пошли Иван Кулаков и Леонид Березов.

В отсеке быстро обнаружили трещину на крутом изгибе трубопровода, через которую вода, не доходя до реактора, выливалась на полы отсека.

Своеобразное ощущение. Ни цвета, ни запаха, ни других внешних признаков радиация не имеет и только сознание фиксирует, что отсек пронизывается нейтронным потоком, гамма-излучением, на поверхности механизмов альфа- и бета-частицы. Тем же насыщена аэрозольная среда отсека. Коварный враг.

Наложили резиновые бандажки, предварительно сгладив изгиб трубопровода. Разумеется, этой операцией нельзя было полностью устранить течь, но визуально наблюдали только слабые подтеки воды. Из дистанционного пульта управления реактора получили сообщение, что температура в аварийном реакторе снова начала снижаться. Еще раз осмотрели крепление бандажей и покинули отсек, загерметизировав его с внешней стороны.

Через некоторое время почувствовали симптомы рентгеновской радиации, проще говоря, рвота, слабость, холодный пот. Эта дополнительная нагрузка на организм была явно ни к чему. Держаться в рабочем состоянии помогал корабельный врач Алексей Косач. Подручных средств у него было не много, но, по крайней мере, нашатырный спирт взбадривал не плохо. В этом ему помогал, ныне покойный начальник службы «Д» Николай Вахромеев. Составив дозиметрическую карту корабля, он выявлял наиболее пораженных радиацией. Самая большая психологическая нагрузка, разумеется, лежала на командире. У командира корабля самые большие права, но и самая большая ответственность. Беда не приходит одна. Помимо аварии реактора мы остались без дальней связи. Датский пролив мы проходили на больших глубинах, и изолятор антенны дальней связи не выдержал длительного большого забортного давления. Мы не могли связаться и доложить обстановку на командные пункты ВМФ и Северного флота.

Радиация нарастала. Перед командиром стояла дилемма. Первое. Идти в

базу на правом реакторе мы могли в надводном положении со скоростью около 10 узлов (18,5 километров в час). Море штормило, а до базы более 1000 миль (миля – 1,85 километров). В этом варианте на базу вернулся бы новый «Летучий голландец», поскольку большая часть экипажа была бы обречена на смерть от лучевой болезни. Командир принял иное решение. Еще перед походом, когда командование знакомило его с оперативной обстановкой предстоящего флотского учения, командир отметил район развертывания дизельных подводных лодок. И теперь этот район был относительно недалеко от нас.

Решение заключалось в следующем. Подойти к этому району и во время сеанса радиосвязи связаться с лодками с помощью передатчика ближней связи и через их радиостанции доложить командованию сложившуюся ситуацию.

Легли на курс сближения с районом предполагаемого развертывания дизельных подводных лодок.

О том, что пережил командир после принятия этого решения, можно только догадываться.

Пока мы бороздили глубины Атлантики, мог поменяться и план учений, и лодок в этом районе могло и не быть, в процессе учения лодки могли переместить на другие позиции, и, наконец, к моменту выхода нашей лодки в Гренландское море Арктики лодки могли оставить этот район учения. Был, правда, и третий вариант, который родился в голове замполита Шипова.

К северу от нашего места находился остров Ян-Майен, на котором, по нашим сведениям, находились радарные установки США. Его вариант – идти к Ян-Майену, выброститься на берег и сойти с корабля. Сам он постеснялся обратиться с этим предложением к командиру корабля, а хотел, чтобы этот вариант предложили командиру другие члены экипажа. По этому вопросу он обращался к старшинам, офицерам и, в частности, ко мне. Этот вариант был отвергнут. Надо понимать психологию моряка. Как бы ни тяжела служба на корабле, моряки относятся к кораблю, как к полноправному члену экипажа и в аварийных ситуациях борются до конца за его жизнь, как за жизнь своих товарищей и друзей. На этом всегда стоял Российский Флот.

Пришли в расчетную точку и в момент сеанса радиосвязи дали шифровку на волне ближней радиосвязи. Получили квитанцию (короткий радиосигнал, подтверждающий, что радио принято), а через некоторое время на горизонте появились две точки. В бинокль опознали советские дизельные лодки.

В это время я был на мостике рядом с командиром, посмотрел на него – ни радости, ни оживления. Только на миг проступило на лице выражение дикой усталости. К борту подошли дизельные лодки под командованием Льва Вассера и Жана Свербилова. Через радиостанцию лодки Льва Вассера начались радиообмены с КП ВМФ и Северного флота.

Жан Свербилов пытался взять на буксир нашу лодку, используя в качестве буксирного конца швартовные. Дизельная лодка дает ход, от напряжения приседает на корму, старается, но куда там. Швартов лопнул. Жан дает команду о подаче другого швартовного конца. Я с носовой надстройки, руководя заводкой буксира, крикнул ему, чтобы поберег швартовные концы, иначе в базе нечем будет швартоваться! На свой мостик доложил командиру о бессмысленности попытки буксировать лодку, да он и сам все наблюдал с мостика. В штормовую погоду эта буксировка была бы равносильной, скажем буксировке «Запорожцем» первого образца грузовой «Колхиды» по грунтовой дороге во время распутицы.

Радиация в отсеках перешла все допустимые пределы. Командир дал запрос на разрешение эвакуировать экипаж на дизельные лодки. Ответ на эту радиограмму идет вот уже тридцатый год. Командир дал команду на эвакуацию экипажа. К этому времени был заглушен аварийный реактор, произведено расхолаживание реактора правого борта. Было решено, что часть команды, в том числе и люди с тяжелым поражением, эвакуируются на лодку Жана Свербилова с немедленным отбытием в базу, вторая часть – на лодку Льва Вассера.

Началась эвакуация. Вот здесь по-настоящему страх охватил меня. Страх за людей. Эвакуация производилась через носовые горизонтальные рули. Штурмит. Рули одной лодки вместе с лодкой взлетают вверх, рули соседней лодки проваливаются в это же время вниз и наоборот.

Надо было ловить момент, когда рули встречались на одном уровне и в этот момент прыгать. С той и другой стороны, естественно, страховали.

Ну а как передавали самых тяжелых, которых принайомили к корабельным койкам – не описать. Эвакуировались в «костюме Адама», чтобы не тащить на одежде радиационную грязь. Подошла и моя очередь. Цирковой трюк проходит благополучно. Спускаюсь по трапу в первый отсек лодки и вдруг чувствую, что кто-то кипятком мне на спину льет. Обернулся – моряк с чайником стоит. «Что ты делаешь?» – взвыл я. «Дезактивирую, – ответил моряк- врач приказал». Все-таки были и веселые минуты. Ну, а если серьезно, низкий поклон морякам дизельных лодок за то, что поддержали флотскую традицию идти немедленно на помощь терпящим бедствие, за то, что встретили по-братски, поделились одеждой, уступили свои койки, хотя сами-то в походе спали вполглаза. Запомнилась одна радиограмма. Прошло много десятков лет и воспроизвести ее точно не смогу, но смысл такой: «Сообщите, кто по состоянию здоровья сможет дать показания?» «Что будем отвечать, Володя?» – спросил Жан, показав радиограмму. Очень обидно за всех моряков стало и боюсь, что тирада моя по поводу радиограммы была не для печати. Берег ответ на эту радиограмму не получил. Я своим тоже ничего о радиограмме не сказал. Где-то на траверзе мыса Нордкин (северная оконечность Норвегии) нас принял на борт эсминец, высланный нам навстречу командующим Северным флотом. Здесь уже была настоящая дезактивация. Хорошие душевые и «море» пресной воды.

Вторая часть экипажа перешла на лодку Льва Вассера. Командир записал в вахтенный журнал дизельной лодки приказание о приготовлении двух торпедных аппаратов к выстрелу. В случае самых крайних обстоятельств аварийный корабль не должен был попасть в чужие руки. (Вахтенный журнал – юридический документ и командир подтвердил свою ответственность за принятое решение.) Позже вторая часть экипажа так же была принята на борт эсминца, а аварийная лодка была отбуксирована в сопровождении боевых кораблей спасателем «Алдан» к месту дезактивации.

Мы боролись за живучесть корабля, но за дальнейшую жизнь корабля пришлось бороться нашим преемникам. В то время муссировалось много мнений о дальнейшей судьбе корабля. Самое активное участие в борьбе за дальнейшую жизнь корабля приняли наши отпускники: Владимир Ваганов, Глеб Богацкий, Анатолий Кузьмин, Владимир Макаров, Владимир Кондратов.

Своим энтузиазмом и личным примером они увлекли вновь сформированный экипаж на дезактивацию и восстановление корабля. Это было не простым и опасным делом. О насыщенности радиацией отсеков корабля говорит тот факт,

что когда для вентилирования открыли люки корабля, то замеры показали над рубочным и кормовым люком 50 рентген. Над носовым люком – 25 рентген, что было в отсеках – можно домыслить. Конечно, они получили свою порцию доз, но своей самоотверженной работой внесли весомый вклад для формирования решения о восстановлении корабля. Подводная лодка вновь вошла в боевой строй флота. Не мало было еще походов. Более четырех лет командиром этой лодки был Владимир Ваганов.

Но вернемся к первому экипажу. В госпитале в Полярном, куда мы были доставлены, весь экипаж по степени поражения разделили на три группы. Первая аварийная партия, которую я поименно назвал, была отправлена в Москву в Институт Биофизики. Всем было ясно, что дни их сочтены. На лице, на руках у них были большие отеки, разговаривать они не могли. Моряков с тяжелым поражением доставили в военно-медицинскую академию в клинику военно-полевой терапии, с меньшей степенью поражения – в военно-морской госпиталь Ленинграда.

Перед отправкой в Полярном нас посетил представитель политического управления контр-адмирал Бабушкин, который говорил, что мы рано оставили корабль. В конце он заявил: «По вопросу оценки преждевременного схода с корабля мы за собой оставляем дверь открытой».

Офицерам было ясно, что он еще не уловил, в какую сторону подует ветер сверху, своего же мнения он давно не имел. Но зачем же так перед рядовыми моряками выступать?

Командиру пришлось пройти систему опросов и допросов. Много мнений было по оценке наших действий. Поневоле приходит на ум из Шота Руставели: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Наконец компетентная комиссия оценила действия экипажа правильными. Это же было отмечено позже на крупном совещании по вопросу дальнейшего строительства атомного флота. Кстати, на этом совещании выступил командир и высказал мысль, что корабли в целом прекрасные, но прежде, чем запускать в серию, необходимо довести до ума некоторые узлы на первых кораблях. Это вызвало неудовольствие у некоторых лиц. И это «неудовольствие», как поделился со мной командир, он ощущал до конца своей службы.

В медицинской академии нас окружили большим вниманием и теплотой. Описывать, как протекала лучевая болезнь, самому не хочется, да и веселого мало. Вкратце: круглосуточные уколы, прямое переливание крови, неоднократная пересадка костного мозга и отбор крови на анализ и днем и ночью. Через месяц скончался Юрий Повстьев, а через несколько дней после него Борис Рыжиков. Они умирали на моих глазах и могу сказать, не кривя душой, – из жизни они уходили также достойно, как достойно и служили.

Медицинский персонал клиники самоотверженно боролся за нашу жизнь. Создавалось впечатление, что они круглосуточно находились рядом с нами. Врач-ординатор Б.В. Новодворская буквально ни на шаг не отходила от своих пациентов и, по-моему, она больше нас переживала, когда кого-нибудь перекладывали на каталку, чтобы везти в операционную на пересадку костного мозга. В таком же режиме работали Алексеев Г.И., Власов В.П. Зинаида Ивановна Добровольская со своими сотрудниками день и ночь держали под контролем нашу кровь, один из основных показателей состояния больного лучевой болезнью. В критические моменты, не колеблясь, дали свой костный мозг А.В. Михайлова и ныне покойный начальник клиники Е.Б.

Закоржевский, а эта процедура весьма неприятна и для реципиента, и для донора.

Не берусь давать профессиональную оценку методам лечения, но отношение медицинских работников к исполнению своего долга было выше всякой похвалы.

На памяти награждения номенклатурных работников в день их именин, но никому не пришло в голову поощрить медицинских работников за их доблестный труд. Хотя бы одноименной медалью. Я, разумеется, даю оценку за те полгода, которые мы находились в клинике. Хорошая память осталась у подводников о тех людях, которые дали нам свой костный мозг. Среди военнослужащих были проведены летучие митинги, и несколько десятков человек дали нам свой костный мозг, и не только моряки.

Были и веселые минуты. Однажды в дверях палаты появился заместитель главкома, уважаемый на флоте человек. Врачи пытались представить нас, но он их прервал: «Това-а-арищи, я же их знаю», но тут на его лице появилась секундная растерянность. Узнать нас было трудно. В процессе болезни у нас начали выпадать волосы и нас остригли наголо. Значительно потеряли в весе. Одеты все в одинаковые полосатые пижамы. Рассматривая любительскую фотографию тех времен, Николай Затеев каждый раз хмыкает и говорит, что я похож на зека, а фотография групповая. Но моряки никогда не теряются. Подойдя к койке Анатолия Козырева, заместитель главкома сказал: «Здравствуйте, товарищ Красичков». Анатолий ответил. К Михаилу Красичкову: «Здравствуйте, товарищ Енин», ну а я уже был готов к тому, что я – товарищ Козырев. Врачи вежливо и почтительно рассматривали потолок палаты.

Заместитель главкома поздравил нас с правительственными наградами. Поинтересовались, как награждены Иван Кулаков и Леонид Березов (они лежали в другой палате). Леонида Березова наградили орденом Красной звезды. Ивана Кулакова в списках награжденных не оказалось. Поблагодарили за награду и вежливо заявили, что Иван Кулаков заслуживает награды не меньше нас, поэтому награды принять не можем. Заместитель главкома заверил, что это – ошибка, и она будет обязательно исправлена. Позже Ивана наградили фотоаппаратом ФЭД. Многие моряки остались без наград, но доложить в верха о досадных промахах соответствующие органы не рискнули.

К декабрю весь экипаж выписался и из клиники, и из госпиталя. Демобилизованные моряки срочной службы перед отъездом домой заходили попрощаться с нами. Часто навещал нас командир, делился флотскими новостями. Во второй половине декабря настала и наша очередь.

Военно-врачебная комиссия определила вторую группу инвалидности. Ивану Кулакову и Леониду Березову подошел срок демобилизации. Козырев, Красичков и я отказались от инвалидности. Надеялись вернуться на корабль, да и неприлично в нашем возрасте считать себя инвалидом. Иван Кулаков вскоре снова вернулся на службу. Призывался он из сельской местности и, когда вернулся, ему по инвалидности назначили пенсию – 32 рубля. По просьбе Владимира Ваганова ВВК клиники признала Ивана «здоровым» (думаю, за давностью лет никто не предьявит претензий к врачам за это милосердие), его пригласили на сверхсрочную службу, где он обучал молодых матросов на тренажере, которым заведовал. На память об аварии остались у него рубцы на руках от радиационных ожогов. Березов Леонид поступил в институт.

Прощаясь с нами, профессор Загоржевский пошутил: «Считайте, что вас за пятки из могилы вытащили», но, видимо, не крепко держали. Через 3 года скончался Анатолий Козырев и много позже, но рано для своих лет, – Леонид Березов. Лучевая болезнь для многих не прошла бесследно. Инфаркты, инсульты, облептирующие атеросклерозы.

Недавно познакомился с постановлением правительства по участникам ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. В нем, в частности, говорится о выявлении лиц, находившихся в 30-киллометровой зоне и подвергшихся воздействию радиации. И далее идет перечисление медицинских и социальных льгот для указанных лиц. Правильное и хорошее постановление. Вызывает удивление равнодушие к тем, кто находились в метрах и десятках метров от аварийного реактора. Известна и их степень поражения, но для узкого круга людей.

Не вина, а беда командования корабля, что оно раньше не могло позаботиться о своих моряках. Все материалы, касающиеся аварии, и не только нашего корабля, были закрыты.

И только в 1990 году прошла информация о подводной лодке К-19 в газете «Правда». Командир обращался с письмом в министерство обороны, туда же обращались и моряки с коллективным письмом. Вероятно, эти письма до министра не дошли. Командиру не ответили, а моряки из министерского аппарата получили невразумительный ответ. Но мы не плакали в манишку ближнего. Пережили аварию, переживем и это бессердечие аппаратного механизма. Все поколения экипажей ПЛА К-19 благодарны последнему командиру лодки Олегу Адамову и его экипажу, которые провели большую работу и обеспечили нашу встречу, а вернее прощание подводников со своим кораблем. В августе 1990 года все подводники присутствовали на символическом последнем спуске флага. Корабль отправлялся на вечный покой. Подводная лодка К-19 была в строю, без малого, 30 лет.

□ 5.7. «ХИРОСИМ» МОГЛО БЫТЬ СОТНИ

Богацкий Г.С.

Капитан 1 ранга, ветеран подразделений особого риска.

Об истории подводной лодки К-19 сегодня некоторые слышали. Многие узнали, благодаря американскому фильму с участием Харисона Форда, но мало кто знает, что в действительности произошло 46 лет тому назад в Атлантике, неподалеку от острова Ян-Майен. Специалисты считают: была сохранена от атомной катастрофы вся северная часть планеты. Политики анализируют: от ядерной войны спасли мир. Сами же оставшиеся в живых члены экипажа подлодки говорят о тех событиях просто: они выполнили долг.

Каждый год ветераны К-19 собираются вместе почтить память погибших товарищей на Кузьминском кладбище, где при участии муниципалитета Выхино-Жулебино был установлен мемориал героям. Многие десятилетия страна хранит молчание об их подвиге. И только недавно с этих событий был снят гриф секретности. Вспоминает член первого экипажа ПЛАРВ К-19, ветеран подразделений особого риска, капитан первого ранга Глеб Богацкий.

«К-19 представляла собой двухкорпусную конструкцию из 10 отсеков дли-

ной 114 метров и высотой (от киля до верхнего среза ограждения рубки) 18,5 метра (с шестиэтажный дом). На ее борту находилось 2 атомных реактора и 3 баллистические ракеты с ядерным зарядом мощностью 1,4 мегатонны (это в 200 раз мощнее бомб, сброшенных США на Хиросиму и Нагасаки). Строилась лодка быстрыми темпами в самый разгар гонки вооружений периода «холодной войны». 11.10.1959 лодка К-19 была спущена на воду.

В учении по плану боевой подготовки Северного флота «Полярный круг» К-19 отводилась роль «синих» – роль противника. Надлежало не обнаруженными пройти противолодочный рубеж НАТО (остров Медвежий – мыс Норд-Кап), выйти в Атлантику, занять район ожидания южнее острова Фарвель (Гренландия) и по сигналу главного командного пункта ВМФ Датским проливом подо льдами, маневрируя среди гигантских айсбергов, его форсировать и уйти подо льды Северной Атлантики, а оттуда вокруг Шпицбергена – в Баренцево море. 18.06.1961 К-19 вышла в море.

Рубежи противолодочной обороны НАТО прошли необнаруженными и, выполнив все задачи, находились в точке на расстоянии около 100 миль севернее острова Ян-Майен. Вдруг последовал доклад Ю.В. Ерастова: «В правом реакторе давление ноль...» Из теории знали, что при отсутствии давления и росте температуры не исключается тепловой взрыв, что через 25 лет и произошло на Чернобыльской АЭС. Надлежало любыми способами добиваться снижения температуры. Но никаких конкретных технических и организационных рекомендаций не давалось. Как выяснилось впоследствии на судоремонтном заводе, причиной аварии явилось нарушение рабочими технологии сварочных работ. Трубопровод не был защищен предохранительным асбестовым матом. И при сварке капля металла попала на импульсную трубку. За время годичной работы реактора на больших мощностях в этом месте возникли микротрещины и в итоге произошел разрыв.

Схему ликвидации аварии предложил лейтенант Юрий Филин, командир группы дистанционного управления реактором. Это был его первый выход в море. Предложение было утверждено командиром Н.В. Затеевым.

Итак, последовал приказ: А.С. Козыреву подобрать трубку необходимого сечения, В.Е. Погорелову подготовить все для работы в режиме электросварки, В.Н. Енину организовать пожарную безопасность, Ю.Н. Повстьеву и М.В. Красичкову готовить личный состав аварийной партии. Предстояли работы в выгородке атомного реактора, на его верхней крышке, где выпущен радиоактивный пар. И люди должны были им дышать. Приказывать идти на такие работы Затееву было крайне сложно. Он спросил, есть ли добровольцы. И добровольцы нашлись.

– Знаете на что идете? – спросил Затеев.

– Знаем, товарищ командир, – за всех ответил Борис Корчилов

Имена героев: капитан-лейтенант Юрий Повстьев, капитан-лейтенант Михаил Красичков, лейтенант Борис Корчилов, главный старшина Борис Рыжиков, старшина 1-й статьи Юрий Ордочкин, старшина 2-й статьи Евгений Кашенков, матрос Семен пеньков, матрос Николай Савкин, матрос Геннадий Старков, матрос Валерий Харитонов, капитан-лейтенант Владимир Погорелов, старший лейтенант Александр Васильев, старшина 1-й статьи Виктор Стрелец, старшина 1-й статьи Анатолий Колужный, старшина 2-й статьи Федор Токарь, старшина 2-й статьи Сергей Гусев, главный старшина Сергей Орлов.

В 6 часов 05 минут К-19 всплыла в надводное положение. В отсек хлынул свежий воздух. В реакторном отсеке вскрыли герметичную выгородку реактора. По замеру дозиметра на его крышке радиационная активность составляла около 250 рентген в час. Срезали трубку воздушника, в лица ударил радиоактивный пар. На крышке реактора радиоактивность повысилась. Дозиметры показывали 500 рентген в час. Возросла температура. Лица моряков, проводивших ремонтные работы, были защищены обыкновенными резиновыми противогАЗами. Стекла запотевали. Работать становилось невозможно. Маски снимали и продолжали электросварку по 2-3 человека в группе. Смену производили через 8-10 минут. Лейтенант Борис Корчилов, руководитель одной из аварийных партий, отказался покидать пост после очередной смены и остался руководить работами, чтобы не тратить время на объяснения ситуации сменщику».

История Бориса Корчилова продолжалась и после его гибели, – вспоминает Глеб Сергеевич. – Через месяц мы получили письмо, адресованное Борису: «Как быстро ты обо всем забыл... Я не ожидала... Считаю себя свободным... Верни мои письма...» Подпись: Неля.

Дело в том, что перед этим на Бориса Корчилова было наложено взыскание. Дело дошло до вопроса «или-или»: лейтенант не вернулся вовремя на судно, а проще говоря, прогулял в самоволке. Причина личная. Борис перед этим сделал предложение своей невесте, свадьба на носу, свидания, хлопоты мечты...

В обстановке строгой секретности мы не могли сообщить никому, что произошло на судне. Получили разрешение, открыли опечатанную тумбочку Бориса и отправили Неле ее письма, – Глеб Богацкий тяжело вздохнул. – Спустя три года я встретился с Нелей. Она работала врачом в военном госпитале, я проходил там курс лечения. 23 февраля за одним столом собрались врачи и моряки. Вдруг слово для тоста предоставили Неле Белоусовой. Я сразу вспомнил это имя. Она подняла бокал за всех, кто несет службу в море, сказала об их доблести и заслугах. Но в конце добавила: «Хотя есть и среди вас люди, не умеющие держать слово». Мне стало ясно, о чем она говорит. Обратился к присутствующему здесь командиру дивизии атомных стратегических подводных лодок контр-адмиралу В.С. Шаповалову: «Разрешите рассказать правду». И только спустя три месяца невеста узнала, что ее жених не изменял клятвам любви, не бросал ее, а погиб героем. Неля закрыла лицо, убежала, больше я ее не встречал.

– «Очередная беда – корабль остался без связи с берегом, в выгородке реактора во время сварочных работ неоднократно возникали очаги пожара. Не прекращая сварку, их гасили. Прошел доклад: «В районе ионизирующих камер наблюдаем голубое пламя». Но это был не огонь и не пожар – так излучался водород, вырывавшийся через биологическую защиту из-под крышки реактора. Аналогичное явление видели и на Чернобыльской АЭС перед тепловым взрывом реактора. На К-19 взрыва не допустили. Температура начала снижаться, приборы показали 250 градусов.

Членов аварийной партии выносили на руках в первый отсек, превращенный в госпиталь. Их вид был ужасен: из-под волос сочилась сукровица, глаза оплывшие, губы выворочены, щитовидные железы распухли – шеи не видно, из рта шла бело-желтая пена. Люди постоянно просили пить.

Через некоторое время температура в реакторе вновь начала расти. В месте соединения трубопровода и насоса появилась течь. Спасательная пресная вода вытекла на палубу.

Видя, в каком состоянии выносили моряков аварийной партии, В.Н. Енин (ему было поручено организовать и обеспечить техническими средствами пожарную безопасность) не стал искать добровольцев среди офицерского состава, руководителем группы пошел сам. С ним добровольно пошли И.П.Кулаков и Л.А.Березов».

О героях-подводниках первого экипажа подводной лодки К-19 сегодня говорят, что они своим подвигом спасли мир. Взрыв атомного реактора подводной лодки привел бы к экологической катастрофе северной части морей и суши Европы. Кроме того, 1961-1962 годы были пиком «холодной войны». Вооруженные силы сторон находились в боевой готовности. Учитывая, что на борту К-19 находился ядерный боезапас баллистических ракет и торпед, можно представить, какой силы атомный взрыв произошел бы у острова Ян-Майен (база НАТО) и какой незамедлительный ответ получила бы страна со стороны США и блока НАТО.

Об этом в прошлые годы говорили в высших правительственных и военных кругах. Вот только подвиг героев-подводников держался в тайне вплоть до нынешних времен. Когда Хрущев узнал о представлении к наградам членов экипажа К-19, ценой жизни предотвративших катастрофу, решение было однозначным: «За аварии не награждают!» Больные, потерявшие трудоспособность люди были уволены и лишены военной пенсии.

Сегодня уже разрешено рассказывать о событиях тех дней. Но справедливость не торопится восторжествовать. После мирового проката голливудского фильма о К-19 Всемирная организация здравоохранения поставила вопрос о присуждении экипажу подлодки Нобелевской премии мира. Однако соответствующие инстанции России и в начале XXI века остаются безучастными к судьбам моряков...

Продолжает вспоминать Глеб Богацкий: «От места аварии до базы было 1500 миль. Со скоростью хода 10 узлов идти пришлось бы долго, и корабль превратился бы в «Летучего голландца» со светящимися трупами на борту. Командир К-19 Н.В. Затеев принял решение изменить курс и идти на юг, надеясь на встречу со своими кораблями. Каждые 10 минут маломощный резервный радиопередатчик подавал сигнал бедствия. Наконец ожидания оправдались: сигнал принял командир дизельной подлодки С-270, капитан 3-го ранга Жан Свербилов. Без согласования с вышестоящим командованием он полным ходом двинулся на помощь К-19.

Первыми на борт приняли тяжелобольных. Начался шторм. Верхняя радиоактивная одежда снималась и выбрасывалась в море. От людей исходила радиация около 10 рентген в час. На С-270 было эвакуировано 79 человек.

По команде с командного пункта на помощь терпящим бедствие вышла еще одна подлодка – С-159. На ее борт с аварийного судна доставили оставшихся 60 человек. Потом эскадренный миноносец «Бывалый» встретил подлодки и доставил весь экипаж К-19 в город Полярный.

Решением командования тяжелобольных отправили в Москву в НИИ Биологии АН СССР. Но чем-либо помочь им наука и врачи были бессильны. В течение пяти дней в мир иной ушли Корчилов, Орdochкин, Кашенков, Савкин, Харитонов, Пеньков. В цинковых гробах на глубине 6 метров они были похоронены на Кузьминском кладбище. Позже умерли от болезней, связанных с радиационным облучением, 60 человек.

Когда в сопровождении двух кораблей в Западную Лицу была доставлена К-19, замеры только 1-го отсека показали превышение предельно допустимой концентрации радиационной активности в 17000 раз. Командованием ВМФ СССР было принято решение К-19 частично дезактивировать и затопить в районе острова Новая Земля. Но проводимые под руководством В.А. Ваганова и Г.С. Богацкого работы показали: возможность сохранения корабля.

В декабре 1963 года восстановленная и модернизированная, прошедшая в полном объеме все виды испытаний, К-19 была передана ВМФ и введена в 1-ю линию боевых сил Северного флота. В августе 1964 года участвовала в учениях и произвела для адмиралитета, генералитета и руководителей оборонных отраслей промышленности (силами ракетной боевой части под командованием Глеба Богацкого) показательный подводный пуск баллистической ракеты. Прослужила К-19 в составе боевых сил страны до 1990 года».

□ 5.8. «ХИРОСИМА» СЕВЕРНОГО ФЛОТА

Черкашин Н.

Капитан 1 ранга, ветеран подразделений особого риска.

О, море, древний душегубец!

А. Пушкин

Пущен корабль на воду – сдан Богу на руки.

Русская пословица

Когда ее спустили на воду, у нее был только тактический номер – к-19. Свое зловещее имя – «Хиросима» – она получила в океане

Впрочем, это не имя, а прозвище. «Хиросимой» ее зовут меж собой подводники атомного флота. Горький юмор...

Почему «Хиросима»? Не потому ли, что в своих ракетных боеголовках она несла десятки Хиросим – десятки условных городов, обреченных на ядерное испепеление?

Не потому ли, что сама однажды едва не превратилась в ядерный гриб, когда из аварийного реактора чуть не потек расплавленный уран?

Не потому ли, что в девятом отсеке забушевала вдруг гигантская «паяльная лампа», в бешеном пламени которой сгорели и задохнулись десятки моряков?

Она была *первой* советской ракетоносной атомной подводной лодкой. У ее колыбели стояли маститые академики – Александров и Королев, Ковалев и Спаский.

Ее величали первенцем советского стратегического атомного флота, потому что именно она несла в своем чреве три межконтинентальные баллистические ракеты.

Первенец уже в колыбели потребовал человеческих жертв: в феврале 1959 года ночью при оклейке десятого отсека пробковой крошкой произошел взрывообразный пожар, в пламени которого погибли двое рабочих.

Подобно тому, как в древней Ассирии путь кораблю к воде поливали жертвенной кровью рабов, слипковые дорожки К-19 также были обогреты человеческой кровью. Вслед за первыми двумя жертвами атомный молох пожрал жизни шести женщин: они оклеивали резиной цистерны атомарины и задохнулись в ядовитых парах. В декабре 1960-го крышкой ракетной шахты задавило электрика. Затем разбился молодой инженер, свалившись в прорезь между смежными отсеками... Но главные жертвоприношения были впереди. Те, кто выжил, заостенелые советские атеисты, не верящие ни в Бога, ни в черта, сегодня вполголоса говорят о чьем-то заклятии, висевшем над кораблем, и вспоминают, что неспроста не разбилась при спуске традиционная бутылка шампанского. Пущенная вопреки ритуалу не женской рукой, а рукой инженер-механика Панова, она скользнула по бронзовым лопастям гребного винта. И целехонькой отскочила от обрешиненного борта. Дурная примета!

Каких богов – земных, морских, небесных – разгневали они? Первая кара обрушилась на них 4 июля 1961 года. К-19 шла Датским проливом. У них была странная задача: уйти под ледяной панцирь и там, развернув ракеты в сторону СССР, изображать вражеский атомоход. Завеса дизельных подводных лодок должна была сорвать ракетно-ядерный удар, условный, разумеется, по территории страны. Сейчас это напоминает атаку конников против танка, настолько огромной была разница в тактико-технических возможностях «зверя» и «охотников». Но запомним, дизельные «эски» – среднетоннажные субмарины – намеревались поразить ядерного левиафана своими торпедами...

Капитан-лейтенант В. Погорелов, бывший командир электротехнического дивизиона, вместе с командиром последним покинул борт объятых чудовищной радиацией корабля:

«Я слушал «Лунную сонату» в рубке гидроакустиков. Играла моя жена. Магнитофонную пленку с записью своей игры она прислала из Киева перед походом. Вы улыбнетесь, но сейчас мне все чаще и чаще приходит в голову такая мысль: Киев, «Лунная соната», авария реактора, что-то вроде генеральной репетиции той ядерной катастрофы в Чернобыле, которая продолжается и поныне... Может, все дело в «Лунной сонате»? Для меня все это сплелось в какой-то дьявольский узел...

Но представьте себе: на стометровой глубине, над трехкилометровой бездной несетя в кромешной ночи подводный ракетодром. Огибаем айсберги. Конец затянувшегося похода. Нервы на пределе. И тут – нежные бетховенские звуки, да еще из-под пальцев любимой женщины...

Я стою свою «механическую» вахту с четырех утра. Самое противное время: клонит в сон-хоть умри. И командир разрешал нам маленькие вольности: зарядиться музыкой у радистов. Те подлавливали на сеансах связи блюзы и танго из американских ночных дансингов. Благо они были неподалеку.

Всего лишь семь минут слушал я «Лунную сонату». В четыре ноль семь – тревожный доклад с пульта управления атомными реакторами. Юра Ерастов, вахтенный, сообщает: «Падает давление в первом контуре кормового реактора... Подхвачена компенсирующая решетка... Запущен водяной циркуляционный насос».

С этого и начался наш подводный атомный ад...»

Что же все-таки произошло?

Н.В. Затеев:

«В том, что произошло, вины экипажа не было... Помните, как в старой притче про гвоздь: его не вбили в подкову лошади полководца, и та оступилась в решающий момент. «Враг вступает в город, пленных не щадя, оттого что в кузнице не было гвоздя...»

Вот так и у нас... Только вместо гвоздя был термический коврик, которым некий рабочий не накрыл при сварке проходящий ниже трубопровод. На него капал расплавленный металл, из-за термического перенапряжения возникли микротрещинки. Все остальное было уже делом времени...

Короче, из первого контура кормового реактора ушла охлаждающая вода, как уходит она из дырки в электрочайнике. Что станет с электрочайником? Расплавится, потечет, сгорит. Примерно то же ожидало и нас, с той лишь разницей, что плавиться должны были не оболочки электроспирали, а урановые ТВЭЛы – тепловыделяющие элементы. Расплавленный уран скапливается в сферическом поддоне, и, как только масса его достигает килограмма, по всем законам ядерной физики – атомный взрыв. И где – рядом с американской военно-морской базой на острове Ян-Майен. А в мире и без того растет напряжение – Карибский кризис вызревает. Тут только начни – и пойдет полыхать...

Что делать?

Собрал в кают-компании командиров боевых частей и инженеров. Эдакий совет в Филях под Ян-Майеном».

В. Погорелов:

«Стояло раннее утро. И люди всех континентов, начиная новый день, конечно, не подозревали, что их судьба, как и судьба планеты, решается сейчас не в ООН, не в Вашингтоне и не в Москве, – во втором отсеке подводного ракетносца. Да, да, точь-в-точь как в мрачном полубредовом боевике. Спасение было не в казуистике международного права, а в решении замысловатой технической задачи: как не допустить расплавления урановых стержней, как охладить взбесившийся реактор? Инструкция предлагала отвести тепло, выделяемое ТВЭЛами, путем проливки или, понятнее будет сказать, – прокачкой активной зоны реактора водой. Но как?! Конструкция реактора не имела для этой цели специальной системы. А ведь механики К-19 во время приемки корабля убеждали строителей, что магистраль аварийного расхолаживания реактора совершенно необходима. Но завод спешил с победным рапортом: «Есть первый советский атомный ракетносец!» И в ожидании потока звезд и наград не посчитали нужным «усложнять конструкцию и без того сложного агрегата». Эх, до чего ж мы сильны задним умом! И вот теперь эту систему надо было создавать из подручных средств и, самое страшное, монтировать ее в отсеке с тройной смертельной нормой радиации! Без защитных костюмов (их не было у нас), голыми руками, в армейских противогазах, которые защищают от излучения с той же эффективностью, что и пресловутые белые простыни.

Но кому-то надо идти умирать... Никто не произносил высоких слов, но в

подтексте, в подкорке это все давно было – за нами даже не Москва, за нами шар Земной.

Мир до сих пор не знает имен этих парней. Лейтенант Борис Корчилов, было ему едва за двадцать.

Остальным и того меньше – восемнадцать, девятнадцать:
главстаршина Рыжиков;
старшина 1-й статьи Ордочкин;
старшина 2-й статьи Кашенков;
матрос Пеньков;
матрос Савкин;
матрос Харитонов.

Потом эти имена в таком же порядке лягут на могильные плиты. А пока у них еще есть час, шестьдесят минут отсрочки – пока мы не всплывем, не откроем люк, пока электрики не приготовят сварочный аппарат, а дизелисты – дизель-генератор. У каждого свое дело. Вам выпал жребий согласно корабельному аварийному расписанию. Вы – кормовая аварийная группа. Ваш долг. Ваша присяга. Покурите пока. Всего лишь час. Курите, где хотите, вам сейчас все можно. Это последняя радость жизни, отпущенная вам судьбой. Пусть будет сладок ваш «беломор».

Команды... Затеев и сейчас, спустя тридцать лет, готов повторить их одну за другой...

– По местам стоять, к всплытию!

– Акустик, прослушать горизонт!

– Приготовить шестой (реакторный – Н.Ч.) отсек к проведению аварийных работ по плану механика!

– Противопожарный контроль возлагаю на помощника командира капитана третьего ранга Енина!

Шесть часов пять минут. Всплыли. Закачались. Но не сильно. Кажется, с погодой повезло. Хоть на этом спасибо.

По отсекам – голос Затеева:

- Отдраить верхний рубочный люк! Сигнальщика на мостик!

Все как всегда. Привычный ритуал воссоединения с атмосферой матушки-земли. На сердце легкая надежда: может, обойдется? Не пожар все-таки, гарью не тянет... Может, и радиация эта – только рассказы? У страха глаза велики.

Ах, какой сладкий воздух льется из шахты рубочных люков!

Бросьте папиросы, ребята! Лучше подышите. Вам осталось полчаса. А может, и нам всем.

Море почти штилевое. Правда, океанская зыбь еще не улеглась, «коломба» наша переваливается с борта на борт. Хоть и утро, а солнце почти в зените – Арктика, вечный день. Вечный ли?

Пара чаек пролетела над самой рубкой. Значит, земля неподалеку. По карте до острова Ян-Майен не больше ста миль... Вокруг – насколько хватает оптической силы бинокля – пустая ширь океана. И близка земля – да не наша. А под килем три километра.

Одна беда не приходит. Радисты не могут связаться с Москвой. Подо льдами раскололи изоляторы и залили антенну. Если рванет, даже Главный штаб не узнает, чей ядерный гриб встал над Арктикой.

Работают оба дизеля, выдувая выхлопными газами океанскую воду из балластных цистерн. Частично вентилировали отсеки.

Связи нет как нет... Правый дизель-генератор готовят к работе в сварочном режиме. Электрики Стрелец, Калюжный и Токарь тянут от него в реакторный отсек сварочные кабели...

Что это? Воздвигают эшафот для аварийной группы?! Или рабочие сцены сооружают подмостки для финального акта трагедии? Или ассистенты хирурга готовят операционный стол?

Связи нет.

Температура в реакторе растет, уровень радиации в отсеках повышается. Час назад на пульте центрального поста (мозг корабля) дозиметры показали пять рентген в час, в турбинном отсеке — двадцать, в шестом, реакторном, — пятьдесят.

По кораблю нарастает аэрозольная активность... Это сменились вахты и по отсекам потащили радиоактивную «грязь» на подошвах. Даже если ничего больше не случится, для нас всех это уже «доза на всю жизнь». Но это было час назад, когда температура в каналах реактора еще поддавалась приборному измерению — шестьсот градусов Цельсия. Теперь температурные датчики зашкалили. При тысяче двухстах градусах уран потечет в поддон. Сколько там натикало сейчас — восемьсот, пятьсот, тысяча? Командир:

— Доложить об уровне радиации в отсеках!

От доклада стынет кровь в жилах:

— В реакторном — до ста рентген в час, в седьмом — пятьдесят. На пульте — двадцать пять-тридцать. Счет их жизней шел на рентгены, часы и градусы. Связи нет и теперь уже не будет. Антенна залита соленой морской водой».

Н.В. Затеев:

«Я поздравил к себе лейтенанта Корчилова. Красивое, еще юношеское, лицо, голубые глаза. Скольким девушкам кружили голову его пышные кудри?

Боже, что с ним теперь станется?!

— Борис, ты знаешь, на что идешь?

— Да, товарищ командир.

Я вздохнул:

— Ну, так с Богом!»

...Потом, много лет спустя, когда портреты Затеева и Корчилова будут, наконец, опубликованы в «Правде», кто-то из читателей бросит убийственное: «Смотрю на фото: лейтенант погиб, а капитан жив». Спустя тридцать лет отставной капитан 1 ранга Затеев придет в православный храм русских моряков — питерский Никольский морской собор — и зажжет на панихиде поминальную свечу командиру реакторного отсека лейтенанту Корчилову и всей кормовой аварийной группе.

С Богом — в ад!

Город Полярный. Вот она, «Хиросима», доживает свой век у заводского причала. Ее последний командир капитан 1 ранга Олег Адамов покажет мне потом тесную выгородку в реакторном отсеке. Именно сюда спустилась в шесть часов пятьдесят минут аварийная группа Бориса Корчилова.

Н.В. Затеев: «Когда они вошли в отсек — увидели голубое сияние, исходившее от трубопроводов аварийного реактора. Они подумали, что начался пожар. Но это светился от дьявольской радиации ионизированный водород».

С. Погорелов: «Активность на крышке реактора, где им предстояло работать, уже достигала двухсот пятидесяти рентген в час. Ребята работали по два-три человека в группе, закутавшись в химкомплекты, натянув маски изолирующих противогазов. Но Борис Корчилов, как хозяин отсека, присутствовал все время. Он не вымерял, достанется ему больше, чем остальным, или меньше. Тогда об этом просто никто не думал. Молили Бога об одном — лишь бы не равнуло...

Им надо было отвернуть заглушку «воздушника» на компенсирующей решетке и приварить медный трубопровод, который применяют для зарядки торпед воздухом высокого давления. Едва открыли заглушку воздушного спуска, как оттуда вырвалось облако радиоактивного пара. Пар заполнил выгородку и стал разлагаться на водород, который тут же начал возгораться то тут, то там голубыми вспышками. Мы предвидели подобную ситуацию. Шланги и огнетушители были на «товсь». Пожар потушили в считанные минуты. Однако температура в выгородке подскочила до шестидесяти градусов. Пар заволакивал очки масок, матросы их стаскивали. Чем они дышали? Эту дьявольскую смесь уже и воздухом не назовешь — сверхрадиоактивная аэрозоль. Ведь интенсивность радиации на крышке реактора из-за выброса пара повысилась до пятисот рентген!»

Кроме группы Корчилова в этой смертельной парилке — еще два офицера, которые руководят монтажом самодельной системы, — инженер-механик Анатолий Козырев и командир дивизиона движения Юрий Повстьев.

Примерно через полтора часа все было закончено. Охлаждение заработало. Все бросились к прибору АСИГ, показывавшему температуру в каналах активной зоны реактора.

Что он покажет?! Надо ждать...

Н.В. Затеев: «Когда Борис Корчилов вылез из реакторного и стащил маску ИПА (изолирующего противогаса — Н.Ч.), на губах его пузырилась желтоватая пена. Его тут же вырвало. Там, на крышке реактора, все они нахватались жестких «гамм» без всякой меры. Мы все понимали — ребята конченые.

Их смерть — вопрос нескольких дней. Чем облегчить их последние часы в этом самом лучшем из миров?

Я отправляю всю девятку в наш лодочный «рай» — первый (торпедный) отсек. Там самый низкий уровень радиации, да и попрохладнее, посвежее, чем в других отсеках.

Прошу лодочного врача майора медслужбы Косача:

— Доктор, сделай все возможное...

И в глазах его читаю безнадежный ответ: «Медицина бессильна...»

В девять двадцать принимаю доклад вахтенного КГДУ:

— Товарищ командир, показания температуры в каналах аварийного реактора вышли на уровень, контролируемый приборами пульта управления.

Слава Богу!

Чуть отлегло от сердца.

Но только чуть. В центральном посту на пульте управления уровень радиации достиг ста рентген. Чтобы хоть как-то уменьшить нарастание активности, приказываю перевести второй реактор на минимальный режим и двигаться на гребных электродвигателях под дизель-генераторами.

Иду в первый отсек. Там на матрасах ничком лежат Корчилов, Орdochкин,

Кашенков, Пеньков, Харитонов, Савкин. Часам к десяти утра самочувствие их резко ухудшилось. Лица распухли, губы вывернуты, глаза налились кровью. Несколько лучше чувствуют себя Повстьев, Козырев и Рыжиков.

Доктор Косач со своим санитаром трудятся не покладая рук пытаются хоть чем-то облегчить страдания обреченных. Хотя прекрасно понимают, что, ухаживая за пострадавшими, облучаются и сами. Позже станет известно: Корчилов получил пять тысяч четыреста бэр, и потому сам стал интенсивнейшим источником облучения.

– Сгущенки бы, – скорее разбираю по шевелению вздутых губ, чем слышу Корчилова. Санитар бросается открывать банку сгущенного молока... Командир реакторного отсека был сладкоежкой... Ловлю себя на этом заупокойном «был». Гоню прочь мрачные мысли... Может, обойдется?!

Почему должны погибнуть эти молодые, красивые, самоотверженные парни? Кто приговорил их к смерти?

К концу суток и в лазаретном отсеке уровень радиации повысился с двух рентген в час до десяти.

Чтобы снять нервное напряжение, а также, чтобы увеличить сопротивляемость организма облучению, разрешил личному составу выпить по сто граммов спирта. Один из молодых матросов хватил лишку и вырубился. Пришлось уложить его в лазарет.

В десять тридцать температура в активной зоне аварийного реактора упала до двухсот – двухсот пятидесяти градусов и более-менее стабилизировалась на этом уровне. Но радиация нарастала по всему кораблю.

О том, как воздействуют сильные дозы облучения на организм, все мы имели довольно общее понятие. И, конечно же, больше всего нас угнетала мысль не о возможных раковых опухолях, а о потере мужских способностей. Ведь средний возраст офицеров на лодке был двадцать шесть лет; да и я в свои тридцать пять, хоть и считался почти стариком, тоже рефлекс-провал на сей счет. Но пока что мысль о том, что нет связи и о своей беде мы не можем никому сообщить, заслоняла все остальные тревоги.

Я развернул атомоход курсом строго на юг – к берегам Норвегии – в надежде, что так мы быстрее выйдем на оживленные морские трассы, а там, глядишь, подвернется кто-нибудь из Мурманска. Я готов был высадить своих страдальцев хоть на рыбацкий сейнер, лишь бы тот шел под красным флагом.

Велел врубить аварийный передатчик, и тот посылал сигналы SOS на международной частоте. Но никто не откликнулся. Малоомощный – четыреста ватт – аппарат работал в радиусе всего около ста миль.

Идти же напрямиком в базу – это более трех суток. Надо ли говорить, что за этот срок К-19 превратилась бы в «Летучего голландца» со светящимися трупами в отсеках. Разумеется, сознавал это не только я. Едва подлодка повернула на юг, как на мостик ко мне поднялись двое. Не буду называть их фамилии. Но это были мой замполит и мой дублер (командир резервного экипажа). Они настойчиво стали склонять меня к мысли, что идти надо на север – к Ян-Майену, высадить людей на остров, а корабль затопить. Я турнул их с мостика, и теперь к старым тревогам прибавилась новая: что если там, в отсеках, они подобьют разогретых спиртом матросов, мягко говоря, к насильственным действиям? Я не исключил и такого варианта, хотя верил в своих людей и в итоге ни в ком из них, кроме замполита, не ошибся.

Но тогда, на мостике, когда оглядывал океанскую пустыню, хоть бы точка где возникла! – и перебирал в уме невеселые наши варианты: тепловой взрыв, бунт, переоблучение, чего греха таить, возникла однажды мысль спуститься в каюту, достать пистолет и покончить со всеми проблемами разом.

Не буду говорить, что я испытал, когда сигнальщик доложил, что видит цель и цель эта – наша дизельная подводная лодка, одна из тех, что обозначала «красную» сторону в несостоявшейся игре. Вскоре подошла и вторая. Обе услышали наш SOS и покинули завесу на Фареро-Исландском рубеже без приказа. Командиры этих «эсок» Гриша Вассер и Жан Свербилов пришли сюда на свой страх и риск.

Первым делом попытались передать на «дизелюхи» пострадавших моряков. Бились два часа. Погода ясная, но крупная океанская зыбь рвала швартовы.

К четырнадцати часам на одну из лодок нам удалось пересадить всех переоблученных, а также тех, чье присутствие на борту К-19 не было необходимым для обеспечения живучести корабля и его хода. Но самое важное – через лодочные передатчики удалось связаться с Москвой. Первый вопрос: как спасти погибающих? Лица у них стали красными и раздутыми, точно их запекли в духовке.

Томительно жду ответа из главного штаба. Бегут часы... Наконец, долгожданное радио. Расшифровываю:

«Давайте им побольше свежих фруктов и натуральных соков».

Матюгнулся: где я посреди Арктики возьму свежи фрукты?!

Думаю, что московские специалисты дали подобную рекомендацию, явно находясь в шоковом состоянии.

В пятнадцать часов еще один удар по нервам: наша самодельная система охлаждения дала течь. Выйдет весь бидистиллят (дистиллированная вода двойной перегонки) и температура активной зоны снова начнет повышаться – значит, снова угроза взрыва... Кого посылать в реакторный на сей раз?

Вызвались идти командир электротехнического дивизиона капитан-лейтенант Погорелов, старшина команды трюмных Иван Кулаков и старшина ракетчик Леонид Березов. Довольно быстро они заварили место протечки.

К вечеру на дизельные лодки мы пересадили еще двадцать человек. На К-19 остались шестеро: я, заместитель по политчасти, шифровальщик, сигнальщик, два электрика.

Подводную лодку с пострадавшими отправляю в базу. Под утро перебираемся все на «эску» Жана Свербилова. Жду указаний из Москвы. А пока первый советский атомный ракетноносец беспомощно покачивается на зыби. Черный остров невидимой смерти. Мы не имеем права покидать его, бросать на произвол судьбы. Тем более рядом с американской военно-морской базой. Был 1961 год – разгар «холодной войны».

Беру у Жана Свербилова вахтенный журнал и делаю в нем запись: «Командиру ПЛ «С №...». Прошу циркулировать в районе дрейфа К-19. Торпедный аппарат № 4 (заряженный боевой торпедой) прошу подготовить к залпу. В случае подхода к АПЛ К-19 военно-морских сил вероятного противника торпедировать АПЛ К-19 буду сам. Командир АПЛ – капитан 2 ранга Затеев. (Астрономическое время. Дата.)».

К счастью, торпедировать родной корабль не пришлось. В район дрейфа прибыли наш крейсер и вспомогательное судно.

Что было дальше? Был тяжелый, штормовой переход домой. Пересадка на подошедший эсминец... Процедура дезактивации. А потом госпиталь на берегу. Отправка тяжелобольных в Институт биофизики. И нелепое падение одного из вертолетов с больными подводниками на борту. На глазах у всего госпиталя, всех провожающих. Порывом штормового шквала машину швырнуло на стадион. Правда, обошлось без жертв. Судьба уготовила подводникам иное испытание: больные погибли от радиоактивного облучения.

А еще было многосуточное расследование действий командира и других должностных лиц. С протоколами, показаниями, объяснениями, вызовами по ночам...

Я уже приготовился надеть «полосатую пижаму» эдак лет на пятнадцать. Все к тому шло.

Однажды на завтрак появились апельсины, яйца, фруктовые соки. Потом прибыл кадровик из Москвы. Намекнул: мол, дырки для орденов колите...

Спас нас академик Александров. Когда он прибыл в Полярный, где стояла К-19, и с борта эсминца замерил радиоактивное поле, он поразился тому, что мы жили и действовали в нем несколько суток... Доложил Хрущеву, мол, так и так: экипаж совершил подвиг – спас стратегический ядерный подводный крейсер.

Тут-то для нас все изменилось как по волшебству...»

* * *

Но смерть, поселившаяся в отсеках К-19, искала новые жертвы. Искала и находила. Все имущество с атомарины, «грязное» в лучевом отношении, перегрузили на специальную баржу, которую потом поставили на прикол в одну из необитаемых бухт Кольского полуострова. Неподдалеку работали военные строители. Солдатский паек в стройбате не самый сытный, а тут прознали, что старая баржа доверху нагружена всевозможными деликатесами: копченая колбаса, сыр, шоколад, консервы, галеты, вобла, печенье... Ну и устроили бойцы «праздник живота». Ведь никаких табличек, предупреждающих о радиоактивной опасности продуктов, да и самой баржи, вывешено не было. Соблюдали «режим секретности». Точь-в-точь как берегли эту пресловутую секретность в Киеве после черномыльского взрыва, когда ничего не подозревающих горожан зазвали на первомайскую демонстрацию.

Кто знает, что стало с теми стройбатовцами, отведавшими радиоактивных яств с проклятой баржи?..

В далеком полярном гарнизоне одна из улиц носит имя Бориса Корчилова. Между прочим, командир представлял лейтенанта к званию Героя Советского Союза. Начальство в Москве распорядилось иначе: «Аварийный случай... Обойдется орденом».

Да ему-то что... Он давно уже обошелся... Не ради звезды, не ради ордена полез в радиационное пекло.

В дождливый летний день приехали мы с Н.В. Затеевым на окраину Москвы – в Кузьминки, вошли в кладбищенские ворота. По дороге Затеев рассказывал:

– наших переоблученных моряков Институт биофизики схоронил в свинцовых гробах, тайно, не сказав о месте захоронения даже родственникам. Обнаружил «совсекретное» захоронение один из членов нашего экипажа. Случайно. Привез хоронить мужа сестры и вдруг увидел вот эти могилки.

Затеев показал на грубо сваренные железные пирамидки. Знакомые имена тех, кто в реакторном и смежном с ним отсеках, жертвуя собой, не дрогнул и выполнил свой долг до конца:

старшина 1-й статьи Юрий Ордочкин;
старшина 2-й статьи Евгений Кашенков;
матрос Семен Пеньков;
матрос Николай Савкин;
матрос Валерий Харитонов.

Молодые матросские лица на керамических овалах. А рядом – роскошный мраморный монумент их ровеснику – цыганскому парню, погибшему в пьяной драке. Цыгане умеют чтить память своих удалцов. Поучиться бы у них политработникам в генеральских погонах...

– А где Корчилов? Повстьев?..

– Бориса и Юру Повстьева перезахоронили в Питере – на Красненском кладбище. Главстаршина Рыжиков лежит на Зеленоградском кладбище под Питером...

Из Кузьминок мы отправились на станцию Сходня, что находится близ Москвы, по дороге в Питер. Сколько раз проезжал на электричке мимо этого домика с палисадником и подумать не мог, что именно здесь собираются на свои поминальные «атомные вечера» подводники с К-19. Собираются каждый год в день аварии под хлебосольным кровом бывшего старшины 1-й статьи, а ныне доктора сельскохозяйственных наук, специалиста по лекарственным травам Виктора Стрельца... Много лет назад уволенный в запас старшина бросил клич сослуживцам: «Помогите, ребята, дом построить!» С тех пор и собираются по раз и навсегда отлаженному обычаю: сначала Кузьминки и поклон погибшим товарищам, потом Сходня... К возвращению с кладбища жена Стрельца натопит баньку, после баньки – стол с домашней снедью и своим же вином. А за столом тем, как в баньке, все равны – и бывшие матросы, и офицеры... Только Затеев для них навсегда – «товарищ командир».

– Товарищ командир, передайте огурчики!..

Я смотрю на этих людей, куда как пожилых, живалых и бывалых, и думаю: а ведь по великому чуду собираются они здесь вместе. Вот уж тридцать лет, как их могло не быть на этом свете – разметанных ядерным взрывом по молекулам. Чудо, которое спасло их, зовется подвигом души и сердца, когда человек кладет свою жизнь за други своя.

Специальной правительственной комиссией действия экипажа по ликвидации аварийной ситуации на корабле были признаны правильными. Несколько позже, в октябре 1961 года, на ответственном совещании, где решался вопрос о продолжении строительства атомного подводного флота, еще раз были отмечены умелые действия моряков, было сказано, что жертвы, принесенные экипажем, не напрасны.

Урок пошел отчасти впрок. На всех действующих и проектируемых реакторах подобного типа были установлены штатные системы аварийной водяной проливки.

Многие матросы, старшины и офицеры за мужество и героизм были награждены орденами и медалями, экипаж отмечен ценными именными подарками министра обороны. При вручении орденов и медалей бывший в то время командиром Ленинградской военно-морской базы адмирал И. Байков «успокоил» еще

не отошедших от потрясения моряков: «Ну что вы там героями себя считаете? С трамваем у нас в Ленинграде тоже аварии случаются». Кстати сказать, некоторым подводникам вообще никакой награды не вышло.

Может, нынче стоит вернуться и к этому вопросу, о наградах. Понимаю, он не главный. Но воздать людям должное никогда не поздно. Они ведь первыми вошли в схватку с атомом и победили его.

Тогда, на заре ядерной энергетики, никто из них еще не знал до конца, к каким последствиям для всего живого, для всей нашей матери-земли может привести взрыв реактора. Об этом люди узнали после Чернобыля. А до него оставалось двадцать пять лет.

После аварии на атомоходе на всех реакторах, в том числе и на чернобыльских, были смонтированы необходимые устройства для охлаждения активной зоны в случае экстремальных ситуаций. Почему это устройство оказалось выключенным на реакторе ЧАЭС – загадка. Когда там случилась авария, один из смены бросился включать систему, но было уже поздно.

Так что уроки уроками, а люди людьми...

«Уважаемая редакция! Я тот самый Кулаков Иван, главный старшина, которого вы назвали в числе получивших дозу облучения. После аварии лечился в Военно-медицинской академии в Ленинграде. Был признан комиссией негодным к военной службе со снятием с воинского учета. Определили вторую группу инвалидности. Назначили пенсию в размере 28 рублей плюс 4 рубля за старшинское звание. Итого 32 рубля. На работу устроиться было невозможно и по состоянию здоровья, и по диагнозу. Слова «лучевая болезнь» нигде, правда, не писали, они были «секретными».

Некоторое время жил на иждивении брата. Потом написал письмо на флот, в политотдел своей части. Там посоветовались с медициной и решили: если я изъявлю желание, меня переосвидетельствуют и призовут на сверхсрочную службу. Я дал согласие.

Прослужил за Полярным кругом до августа 1980 года, уволился в запас по выслуге. Теперь на пенсии, размер ее сто пятьдесят рублей. Живу в Минске».

А в конце приписка для командира: «Дорогой Николай Владимирович! Огромное вам спасибо и низкий поклон за ваши умные и решительные действия в экстремальных условиях, спасшие жизнь не одному десятку вверенного вам личного состава».

«Я служил на той лодке в звании старшины 1-й статьи, до увольнения в запас мне оставалось только три месяца, ... Мы постарели теперь, изменились и, наверное, не узнаем сразу друг друга. Но меня, думаю, помнят товарищи. Мне единственному командир разрешил носить усы». Это из письма инженера А. Молотка из г. Шахты Ростовской области.

Бывший электрик-оператор старший матрос Л. Гаврилов написал из Нижнего Новгорода. Машинист-турбинист П. Котлов – из Чебоксар. На лодке он исполнял и обязанности киномеханика, так что, считал, его «должны помнить...». Помнят. Конечно, помнят. Они помнят всех, кто выходил с ними в тот роковой поход. Вот и деньги собрали на мемориальную бронзу. Отлили доску с именами всех погибших на К-19. Сей памятный знак украсили и освятили в верхнем храме Никольского собора, что в Питере, на берегу Крюкова канала. И блестяли капельки святой воды в рельефных лите-

рах матросских имен. И капал воск поминальных свечей на носки офицерских ботинок. И суетились репортеры, снимая непривычное тогда еще зрелище: военных моряков в толпе прихожан. Да, многие из них впервые стояли в церкви, постигая древнюю моряцкую истину: «Кто в море не ходил, тот Богу не молился». Они ходили в море. И в какое море! Они молились Богу. И как молились...

□ 5.9. ОБРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА МОСЭНЕРГО КОПСОВА А.Я.

На Кузьминском кладбище Москвы можно увидеть памятник, который выделяется на фоне остальных надгробий. Величественная композиция – силуэт подводной лодки и два мраморных барельефа моряков, укрощающих атом.

Этот памятник увековечивает подвиг подводников первого советского атомного ракетного крейсера К-19, которые 4 июля 1961 года ценой своих жизней предотвратили крупнейшую экологическую, а возможно, и геополитическую катастрофу.

Мемориал, который воспринимается как архитектурный реквием всем не вернувшимся из походов морякам, был создан по инициативе дорогого нам человека – выдающегося российского энергетика, бессменного руководителя Мосэнерго в 1983-2000 годах Н.И. Серебренникова.

Нестор Иванович узнал о героизме экипажа К-19 в 1996 году из публикации в «Российской газете». История этого подвига потрясла Н.И. Серебренникова, причем не только в общечеловеческом, но и в профессиональном аспекте. Он видел много общего в работе моряков, обслуживающих энергетическую установку атомного подводного крейсера, и ответственной, самоотверженным труде энергетиков. Несмотря на колоссальную занятость, генеральный директор Мосэнерго нашел время посетить могилы подводников и лично почтить их память.

В том же году правление Мосэнерго приняло решение установить шефство над могилами героев и разработать за счет компании проект мемориального комплекса. Нестор Иванович сам возглавил рабочую группу проекта, составленную из руководителей филиалов Мосэнерго. За полтора года обсуждений было найдено художественное решение, которое в полной мере отражает величественность подвига К-19. Мемориальный комплекс был торжественно открыт в годовщину трагедии в Баренцевом море – 4 июля 1998 года.

С тех пор между Мосэнерго и ветеранами подводного флота России сохраняются теплые, дружеские отношения. К сожалению, в 2007 году не стало Н.И. Серебренникова. Но в Мосэнерго помнят о его замечательной инициативе, идущей от самого сердца. Каждый год 4 июля на Кузьминском кладбище появляются венки и цветы от московских энергетиков, которые так же, как и Нестор Иванович, восхищены мужеством советских моряков.

С уважением,

Генеральный директор ОАО «Мосэнерго» А.Я. Копсов.

□ 5.10. АВАРИЯ НА АПЛ В БУХТЕ ЧАЖМА

Ситников А.Н.

Подполковник, ветеран подразделений особого риска.

После окончания в 1984 году Костромского Высшего Командного училища химической защиты я был направлен для прохождения службы на Краснознаменный Тихоокеанский флот в дивизию морской пехоты, командиром взвода РХБ (радиационной и химической разведки) отдельной роты химической защиты.

В конце августа 1985 года нашу отдельную роту РХЗ дивизии морской пехоты Тихоокеанского флота подняли по тревоге. Командира роты капитана Печникова Вячеслава вызвали в штаб дивизии к начальнику службы РХЗ подполковнику Коняхину для получения задачи.

Когда рота собралась в условном районе в ожидании дальнейших указаний, прибыл командир роты и объявил построение для получения боевой задачи.

Из приказа мы выяснили, что на судоремонтном заводе в поселке Шкотово-17, который находился в бухте Чажма, при перезагрузке в атомной подводной лодке К-431 произошел взрыв реактора.

Получив все необходимое для выполнения работ со складов дивизии, рота в полном составе, усиленная взводами РХБ защиты танкового и пехотных полков, выдвинулась в район аварии. К вечеру колонна прибыла на завод, где уже работал штатный заводской отряд по ликвидации последствий аварии.

Так же к нашей группе придали взвод ТМС-65 (тепловая машина специальной обработки) от 5-й Дальневосточной Армии и роту специальной обработки отдельного полка РХБЗ КТОФ. Из имеющихся подразделений был создан сводный отряд ликвидации последствий аварии на АПЛ под командованием начальника ГО ТОФ контр-адмирала Курика.

Как командиру взвода РХР (радиационной и химической разведки) мне была поставлена задача замера уровня радиации и обозначение на местности зон заражения. Территория завода и прилегающие к нему окрестности были оцеплены милицией и специальными патрулями. Выехав на территорию завода на БРДМ-2 рх (бронированная разведывательная дозорная машина) взвод приступил к проведению радиационной разведки. Каждое отделение получило свой маршрут разведки. О результатах разведки доклады от отделений поступали мне, а я в свою очередь передавал в штаб ликвидации последствий. Когда БРДМ, на котором я находился, подъехал к пирсу, у которого стояла аварийная лодка, передо мной предстала жуткая картина. Реакторный отсек лодки был разворочен сильнейшим взрывом, и из него вырывался столб ярко-оранжевого пламени. На пирсе стояло несколько пожарных машин, которые пытались затушить пламя. Попытка затушить горящий реактор продолжалась несколько дней, но все безрезультатно. И тогда штабом было принято решение притопить реакторный отсек. После затопления отсека пожар продолжался даже под водой еще какое-то время. В течение нескольких дней после ликвидации пожара мой взвод совместно с заводской службой дозиметрического контроля выявил и обозначил в основном все места радиационного загрязнения.

Так как в это время погода стояла очень жаркая и сухая, то работа ТМС-65 оказалась не только бессмысленной, но и даже вредной. Ведь в основе действия ТМС-65 была работа реактивного двигателя, струей которого разгонялись бы радиоактивные осадки на еще более обширную территорию. От ТМС-65 пришлось отказаться.

Штаб решил производить сборку радиоактивных отходов вручную (сборка зараженного грунта и асфальта). А дезактивацию производить специальными растворами с помощью АРС-14 (авторазливочная станция).

В течение нескольких месяцев работы, рискуя собственным здоровьем, а то и жизнью (многие получили повышенные дозы облучения и впоследствии умерли), сводный отряд ликвидации последствий смог нормализовать обстановку на территории завода и тем самым не допустил распространение радиоактивных осадков в сторону жилого поселка.

□ 5.11. ПО СЛЕДАМ АВАРИЙ И КАТАСТРОФ НА ПОДВОДНЫХ ЛОДКАХ ПРОЕКТА А-615

Букин Д.В.,

Ветеран подразделений особого риска.

«Память священна, и надо популярно рассказывать людям сегодняшнего поколения о парнях, которые служили на проекте А-615».

Автор настоящей публикации Букин Д.В., будучи призван в 1955 году на действительную военную службу, был определен в Военно-Морской флот. Окончил учебный отряд подводного плавания в г. Севастополе. Получил специальность торпедного электрика и был назначен на подводные лодки вначале на Черноморском флоте, затем переведен на Балтику. Длительное время служил на подводной лодке М-265, базировавшейся в Палдиске, Либаве, Клайпеде и др. городах Балтики.

Лодка относилась к классу малых подводных лодок, и была сложна по своему устройству. Плавание на этих подводных лодках имело много специфических особенностей, так как их машинная установка работала по принципу «единого двигателя».

В 1986-1992 годах участвовал в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

У автора вышли в свет три книги, посвященные энергетике Саха (Якутии):

«В долине Олонгоро», «Пироп спутник алмазов», «Линия жизни», а также книга «Озимый свет».

В данной статье, вспоминаются забытые страницы освоения подводных кислородных лодок с «единым двигателем». Замысел этой книги родился во время встречи с ныне покойным контр-адмиралом Бутузовым Е.В. – легендарным подводником, служба которого с 1954 по 1969 год проходила на Балтике и была связана с подводными лодками со спецэнергоустановками (от редакции).

Мы с кислородных

Прежде чем рассказать о кислородной подводной лодки проекта А-615 немало истории создания подводных лодок в Советской России.

В отечественном подводном кораблестроении, до создания атомных подводных лодок, была еще одна, к настоящему времени забытая, страница истории создания подводных лодок с «единым тепловым двигателем».

Первые успехи индустриализации Советской России позволили Правительству к 1927 году принять первую кораблестроительную программу, в соответствии с которой предполагалось построить, в том числе, шесть подводных лодок.

К этому времени старые кадры проектировщиков не сохранились.

На основании общих требований, сформулированных Научно-техническим комитетом управления морских сил НТКМ, определения тактико-технических элементов и формулирования исходных данных, группа подводников-специалистов Балтийского завода, в вечернее время, еще в 1926 году приступила к разработке нескольких вариантов лодки водоизмещением около 900 тонн. Руководил группой инженер Б.М. Малинин. Впоследствии – главный конструктор подводных лодок многих проектов, доктор технических наук, профессор.

5 марта 1927 года на Балтийском заводе состоялась закладка первых трех из шести подводных лодок – «Декабрист», «Народоволец», «Красногвардеец». Позже, 25 марта в г. Николаеве были заложены остальные три ПЛ. – «Революционер», «Спартаковец» и «Якобинец». Все они вступили в строй в 1930-1931 годах. Четыре единицы из них принимали участие в Великой Отечественной войне, воевали успешно. «Красногвардеец» в 1942 году заслужил два высоких звания – «гвардейской» и «Краснознаменной» подводной лодки. Судьба каждой лодки окутана героикой. Сохранилась и продолжала службу в послевоенное время лишь одна ПЛ – «Народоволец». Сейчас эта подводная лодка как мемориальный корабль установлена на Васильевском острове в Санкт-Петербурге и является филиалом Центрального военного-морского музея. При этом «Народоволец» полностью восстановлен.

Время неумолимо движется вперед, оно вызывает к жизни новые открытия, идеи, совершенствуется наука, рождаются совершенные проекты.

Особенно наглядно это проявляется в оборонной технике. Не исключением является и подводное кораблестроение.

По тем временам строительства, первые советские подводные лодки первых серий, с учетом достижений в технологии кораблестроения, были совершенными кораблями. Но Военно-Морской флот ждал корабли, обладающие более высокими технико-тактическими характеристиками: подводной скоростью и продолжительностью плавания.

Эти элементы подводной лодки значительно влияли на успешность боевых действий, а иногда являлись решающими в достижении победы. Для сближения с надводными кораблями или судном противника на дистанцию торпедной стрельбы или уклонения от противолодочных сил необходимы были, прежде всего, скорость лодки в подводном положении, дальность плавания под водой и глубина погружения.

Применявшиеся по тем временам энергетические установки – дизель для надводного хода и электродвигатели, питающиеся от аккумуляторной батареи,

для подводного хода, не могли обеспечить требующейся продолжительности и большого подводного хода.

Поэтому конструкторы искали возможность, построить такую ПЛ, которая отвечала бы этим требованиям. Для решения этих вопросов усилия проектировщиков начиная с 1935 года были прежде всего направлены на изыскание новых энергетических установок.

В результате поисков рядом конструкторских и научно-исследовательских коллективов, было разработано несколько принципиальных схем энергетических установок для резкого увеличения скорости хода ПЛ под водой.

Наиболее реальными считались следующие варианты:

• первый – схема РЕДО (регенеративный единый двигатель особого назначения). По этой схеме, имеющийся на ПЛ двигатель внутреннего сгорания, обеспечивает требующийся ход как в надводном положении, так и в подводном, т.е. двигатель «единый». При этом над водой двигатель работает на атмосферном воздухе, а под водой – на смеси кислорода и углекислого газа. Избыток отработанного газа отсасывается, сжижается, нагнетается в баллоны и периодически удаляется за борт. Разрабатывал эту схему главный конструктор Базилевский С.А. В чем смысл схемы? На борту ПЛ был запас жидкого кислорода, который после испарения в нужном количестве подавался к дизелю. Подача производилась в систему трубопроводов, по которой двигались выхлопные газы.

• Второй – схема ЕД-ХПИ (единый двигатель с применением химического поглотителя)

Главным конструктором этой машинной установки был Дмитриевский В.С., а главным конструктором всего проекта Касацьер А.С.

Отличие этой схемы от предыдущей заключалось в применении твердого химического поглотителя известкового ХПИ для поглощения двуокиси углерода из выхлопных газов.

Смысл схемы в следующем: выхлопные газы из дизеля поступали в газоохладитель, где они охлаждались, освобождались от водяных паров и частиц механических примесей. Затем газ по трубопроводам направлялся в газофильтры, в которых происходило поглощение углекислоты, с неизбежным подогревом газа в результате химической реакции. После второго охлаждения газа и освобождения от избытка влаги в специальных конденсаторах, газ поступал к дизелю, а перед этим он обезвоживался газифицированным кислородом.

• Третий – схема ЕД-ВВЛ (выхлоп в воду дизельный). Она мало чем отличалась от первого варианта РЕДО. В этой схеме излишний газ компрессором выбрасывался в попутную струю винта, чтобы избежать процесса сжижения газа.

Одновременно было признано целесообразным повторить опыт немцев по применению парогазовой турбинной установки – ПГТУ, работающей на маловодной перекиси водорода. Что было воплощено на подводной лодке С-99 проекта 617 в период 1946-1956 годов. Ее энергетическая установка была очень близка к устройству парогазовой торпеды. С той лишь разницей, что вместо поршневой машины ПЛ имела турбину мощностью 7500 л.с. и могла ходить под водой со скоростью 20 узлов в течение 6 часов. Источником кислорода для горения керосина в подогревательном аппарате являлась маловодная перекись водорода.

Подводная лодка С-99 была первым подводным кораблем, способным развивать в подводном положении скорость 20 узлов. Для практической отработки схемы РЕДО по разрешению маршала К.Е. Ворошилова была использована малая подводная лодка 12 серии М-92. При этом она получила тактический номер С-92.

Подводная лодка С-92 была спущена на воду в августе 1938 года. Ходовые испытания начались уже в конце ноября 1938 года.

Проект переоборудования ее разработан ЦКБ-18 под руководством Базилевского С.А., он же руководил строительными работами на заводе.

ПЛ имела водоизмещение 208 тонн, компоновка и состав оборудования были аналогичны оборудованию серийной подводной лодки. Изменения коснулись энергетической установки и связанных с ней систем. Коренным образом была переделана конструкция дизеля. Дизель изолировался от обитаемой части отсека специальной выгородкой. Газоплотность дизеля и всех его систем достигалась изменением их конструкции.

На лодке не было гребного электродвигателя. Питание электрических механизмов в надводном и подводном положении осуществлялось электромотором, работающим от гребного вала, с ременным приводом. Он же использовался для зарядки аккумуляторной батареи.

Запас жидкого кислорода размещался в двух цистернах по 4 тонны. Каждая во 2 и 4 отсеках. Была на борту и кислородная станция производительностью 40 килограммов в час. Для пополнения запаса кислорода этого количества оказалось не достаточно. Сложными вопросами стали: дозировка газообразного кислорода, удаление углекислоты, газовая плотность двигателя. Последнее создавало в отсеке значительную задымленность и делало невозможным длительное пребывание личного состава в отсеке в подводном положении. Как при всяких испытаниях возникали и иные трудности.

Испытания и отработка РЕДО продолжались с перерывами вплоть до начала Великой Отечественной войны. Хотя испытания и не были закончены, ПЛ была законсервирована, а с окончанием войны к испытаниям не возвращались, так как появились новые схемы «единого» двигателя, степень готовности которых была больше, а в вопросах эксплуатации они представлялись более перспективными и надежными.

Испытания основных систем «единого» двигателя ПЛ С-92, безусловно, дали большой толчок в отработке конструкций и аппаратуры, оказали значительную помощь в разработке других схем «единого» двигателя для подводных лодок.

Схема ЕД-ХПИ испытывалась на подводной лодке проекта 95 М-401.

Лодка имела 4 отсека, десять человек команды, водоизмещение 101 тонна. На ней были установлены два дизеля М-50. Дизели, из-за малых габаритов отсеков, стояли эшелонировано в 3 и 4 отсеках.

Технический проект экспериментальной ПЛ был разработан в 1938 году в КБ НКВД. ПЛ была спущена на воду в июне 1941 года. В этом же месяце начались швартовые испытания. Закончить их помешала война. Фронт подходил к Ленинграду, и было принято решение перевести ПЛ сначала в Сормово, а затем на Каспий в Баку. При переходе морем, а ПЛ буксировалась, лопнул трос. Оставшийся путь лодка проделала своим ходом.

В октябре 1944 года на ней были закончены швартовые испытания, в конце

1945 года лодка прошла государственные испытания, а в начале 1946 года была принята Государственной комиссией.

Главной особенностью проекта являлась его энергетическая установка, работавшая по схеме «единого» двигателя замкнутого цикла и то, что после прохождения выхлопных газов через систему специальных трубопроводов и устройств очистки, в них происходила дозировка газообразного кислорода. В результате возвращалась в отсек к дизелю смесь, близкая по составу воздуху. Дизелем эта смесь засасывалась из отсека через всасывающий коллектор. Машинные отсеки были герметичны.

Для экономического хода использовался вспомогательный двигатель, размещенный в третьем отсеке. Через муфту он соединялся с правой линией вала. Вспомогательный генератор находился в четвертом отсеке, был спарен с компрессором и получал вращение от левой линии вала при работе главного дизеля.

ПЛ могла развивать ход до 23 узлов в надводном положении при экономической скорости хода 14 узлов. Дальность плавания составляла 900 миль.

В подводном положении наибольшая скорость была 14,5 узла, а экономическая 4 узла при дальности плавания до 350 миль.

Конструкторы ПЛ проекта 95 М-401 были удостоены Государственной премии второй степени, шесть офицеров, участвовавших в испытаниях, награждены орденами Советского Союза. В июле 1946 года в соответствии с постановлением Совета Министров СССР о дальнейшем развитии работ по созданию подводных лодок с «единым» двигателем, ЦКБ-18 начало работы над проектом 615 опытной малой ПЛ с машинной установкой, работающей по принципу, осуществленному на проекте 95. Создавалась ПЛ номер один М-254 проекта 615.

Перед закладкой лодки создан и испытан на прочность опытный отсек центрального поста, создан деревянный макет всей ПЛ, который был принят в апреле 1949 года специальной комиссией.

В марте 1950 года лодка была заложена в Ленинграде на заводе, а в августе того же года спущена на воду. В июле 1951 года ПЛ приступила к заводским испытаниям, а в апреле 1952 года к Государственным испытаниям. 30 мая 1953 года подписан акт Государственной комиссии.

ПЛ М-254 хоть и относилась к классу малых ПЛ, но имела водоизмещение 492 тонны. Три линии вала, 4 торпедных аппарата. Наибольшая подводная скорость 17,2 узла, а экономической 9,1 узла, могла пройти 1700 миль. Подводная скорость была 15,4 узла дальность плавания 46,7 мили, а экономическая скорость 3,5 узла – 350 миль.

Энергетические запасы подводной лодки были увеличены, специальные системы и аппаратура получили новую конструкцию и исполнение, возросла надежность и безопасность для экипажа при плавании в подводном положении.

По длительности плавания на полной подводной скорости, по дальности плавания экономической подводной скоростью ПЛ проекта А-615 значительно превосходила в то время не только средние, но и большие дизель-электрические подводные лодки.

ПЛ М-254 интенсивно эксплуатировалась на флоте, а в 1951-1955 годах прошла над водой 15000 миль и под водой 1481 милю, при этом средний двигатель отработал 2950 часов, а бортовые по 380 часов каждый.

Одновременно с утверждением приемного акта, Совет Министров СССР в

июле 1953 года утвердил тактико-технические элементы серийных ПЛ проекта А-615, и началось новое строительство 29 лодок.

Тактико-технические элементы ПЛ проекта А-615

Водоизмещение – 405-499,1 т
Длина наибольшая – 56,76 м
Ширина наибольшая – 4,46 м
Осадка средняя – 3,59 м
Глубина погружения рабочая – 100 м
Наибольшая скорость надводная – 16,1 узла
Дальность плавания со скоростью 8,3 узла при одном среднем двигателе – 3150 миль
Наибольшая подводная скорость под тремя дизелями – 15,0 узла
Дальность плавания – 56 миль
Дальность плавания подводная под средним двигателем скоростью 3,5 узла – 410 миль
Дальность плавания под ГЭД, при скорости 2,1 узла – 44 мили
Вооружение НТА для торпед 533 мм – 4
Запасные торпеды – нет
ПУТС (приборы управления торпедной стрельбой) ПУТСЛ-4-0
Энергетическая установка – трехвальная
Средний дизель 32Д мощностью 900 л.с. – 1
Бортовые дизеля М-50 мощностью 700 л.с. – 2
ГЭД (главный электродвигатель) – ПГ-106 мощностью 100 л.с. на средней линии вала
Аккумуляторная батарея 23 МУ 60 эл. 1 груп. – 1
Устройство для работы под водой РДП (работа дизеля под водой)
Запас:
- Топлива 23 т
- Жидкого кислорода 8,5 т
- Химического поглотителя 14,9 т.

Катастрофы на море

Это был 1957 год. Произошла еще одна трагедия. В море, в районе Палдиски, наш эсминец протаранил свою же подводную лодку. Все произошло при ясной погоде. Об этой трагедии, как всегда, говорили шепотом и в курилках. «Матросское радио» сообщило о трагедии. Сообщалось, что курсы эсминца и ПЛ шли на пересечение друг с другом и ПЛ должна была или уменьшить скорость, или отклониться от курса, переждать. Этого не произошло и смертельное сближение продолжалось. Ни командир эсминца, ни подводной лодки не свернули с курса и тяжелый форштевень эсминца, оснащенный противолодочным тараном, перерезал ПЛ пополам. Нос и корма мгновенно затонули. Находившихся на мостике людей, в том числе командира лодки выбросило в море. Спаслось несколько человек. Глубина в этом месте не более 30 метров. В первом и последних отсеках находились еще живые люди.

Спасение было организовано из рук вон плохо. Пришедший подъемный кран

был не той грузоподъемности, когда начали подъем носовой части лодки, трос не выдержал и носовая часть ПЛ упала на грунт. А перед этим спасатели, заведя шланги для подачи воздуха в лодку, перепутав шланги, начали отсос воздуха из отсека. Из-за поспешности и неразберихи люди еще живые в носовом отсеке погибли. Командира лодки и командира эсминца судили, но матросы, которые были внутри прочного корпуса лодки, погибли. В живых остались только те, кто в этот момент находился на мостике, всего пять человек. Хоронили экипаж погибшей лодки в Палдиски. Стоял плач по погибшим. Мне было поручено оповестить семью мичмана Пронина, нашего семейного знакомого. Мичман, окончил Ленинградское училище подводного плавания, находился на практике. Он был женат. Семья – мать, жена и ребенок проживали в Риге. Я в составе делегации прибыл к ним, чтобы сообщить скорбную весть. Сопровождал их в Палдиски и присутствовал на похоронах. Страшно хоронить молодых ребят, еще страшнее смотреть на отцов и матерей, потерявших в мирное время детей...

Заметки на память

Колесников С.С.

Помощник командира АПЛ М-35.

Заложенная на Адмиралтейском заводе в Ленинграде ПЛ была головной в серии этого проекта. Это был 1954 год Экипаж для нее формировался в г. Риге из состава 17 ДПЛ (дивизии подводных лодок) Балтийского флота.

Первым командиром был назначен капитан-лейтенант Белозеров Р.А., после передачи им лодки М-292 15 серии на Тихоокеанском флоте. На лодке М-254 я прослужил с ним два года. Был я командиром БЧ-1-4. Помощником командира был назначен капитан-лейтенант Скуратов В.В. Командиром БЧ-5 был старший лейтенант Мигачев Виктор Георгиевич. Старшинский и рядовой состав был подобран из экипажей подводных лодок 17 ДПЛ. Боцманом был главный старшина Новоселов Виктор, старшиной радистов – старшина 1 статьи Лазко. После формирования команды два месяца занимались подготовкой команды в Риге, а затем на поезде отправились в Ленинград. Нас разместили в казармах 2 флотского экипажа на улице Римского-Корсакова. Лодка вошла в состав дивизиона строящихся лодок под командованием капитана 1 ранга Косенко. Дивизион подчинялся Кронштадской бригаде ПЛ. С этого времени мы ходили на Адмиралтейский завод, где строилась ПЛ, изучали материальную часть и, в какой-то степени, помогали в приемке лодки представителям военной приемки завода.

Одновременно с нами на заводе строились еще две лодки нашего проекта М-352 и М-353. Экипажи всех лодок дружно изучали устройства, обменивались мнением о механизмах и помогали друг другу. Жили все в одних казармах.

Во время посещения завода мы познакомились со строителями, мастерами, рабочими и военпредами. Старшим строителем нашей лодки был О.С. Покровский. Человек общительный, требовательный и честный. С ним у меня, да и не только у меня, установились хорошие взаимоотношения и понимание. Я посоветовал ему, как лучше расположить штурманское оборудование, в частности штурманский столик, и он с согласия разработчиков-конструкторов и военных

представителей, выполнил мое предложение. При разбирательстве текущих вопросов появлялись и представители ЦКБ проекта. С ними тоже завязались деловые отношения. Бывал на лодке и главный конструктор проекта – Касацьер. Беседовали с ним, высказывали свои предложения и замечания. Он также, по возможности, учитывал наши замечания.

По мере готовности лодка из цеха была спущена в устье Большой Невы и установлена для достройки в малый «ковш» завода. В это время изменялся и пополнялся личный состав экипажа. Так, по болезни ушел из экипажа боцман – мичман Новоселов. Были назначены на лодку командир БЧ-3 лейтенант Быков А.В. (выпускник 2 БВВМУ в Калининграде), помощник командира БЧ-5 инженер-лейтенант Самсонюк Юрий (выпускник Севастопольского инженерного училища).

Для получения практических навыков и сплочения коллектива в начале 1955 года мы проходили стажировку на М-254, являвшейся головной лодкой нашего проекта (постройки завода «Судомех»), принятой в состав ВМФ и находившейся в то время в г. Ливава. Там мы отрабатывали задачу № 1 курса подготовки ПЛ. Принимал задачу штаб бригады во главе с капитаном 1 ранга Латышевым И.И.

В конце 1955 года ПЛ была готова для проведения заводских и приемных испытаний. Первое свое плавание ПЛ провела с приключением. Лодку, для установки твердого балласта, надо было перевести из малого «ковша» завода в большой «ковш», где глубина позволяла провести дифферентовку. Лодку взяли на буксир за нос и корму два буксира. После выхода в Неву оборвался буксирный трос носового буксира и лодку начало заносить. В это время оборвался и второй буксирный трос на корме. Личный состав носовой швартовой команды попытался остановить движение отдачей якоря, но как оказалось, жвако-гак якорной цепи не был заложен, а стопора не работали. И якорь со всей цепью ушел на грунт Невы. В это время были заведены с буксиров новые троса и лодку завели в большой «ковш», но она получила пробойну легкого корпуса в районе кормы по левому борту при навале на ограждения винтов достраивающегося крейсера. Пробойну заварили, якорь с цепью водолазы достали со дна Невы и он был водружен на свое место. После чего лодка была удифферентована, как и полагается, твердым балластом. Так начались наши испытания.

В конце ноября 1956 года для продолжения испытаний лодка была направлена в Таллинн, так как Нева и Невская губа должны были замерзнуть. Лед уже появился на заливе, а погода часто была штормовая. При переходе в Кронштадт от завода обнаружили неисправность гирокомпаса, идя по каналу Кронштадским створом. Очевидно, повредили гиросферу при испытаниях отсеков на повышенное давление еще на заводе. Гиросферу заменили из ЗИП, который впоследствии был пополнен, и продолжали движение в Таллинн. При переходе на лодке оставались из вахтенных офицеров только командир и я – тогда штурман. Помощник командира В.В. Скуратов получил перед этим назначение командиром одной из лодок Тихоокеанского флота и, распрощавшись с нами, уехал к месту службы. А минер лейтенант Быков А.В. был отправлен командованием с имуществом лодок, перевозившемся на машине по берегу. Всего в переходе участвовали три ПЛ. Мы шли вторыми в кильватерном строю. При остановке на ночь на Красногорском рейде встали на якорь в битом льду. Часа в 4 утра обнаружили, что лодка вместе со льдом дрейфует на берег. Попытались сняться с

якоря, но оказалось, что якорная цепь лопнула и лодка опять осталась без якоря. Экстренно приготовили двигатели, дали ход и вышли на свободную воду. Море в заливе штормило. С такими приключениями, в конце концов, в составе трех ПЛ мы прибыли в Таллинн. Где и отшвартовались в Копли-Лахти в Беккеровской гавани. Лодка была включена в состав 340 дивизиона строящихся ПЛ. Под командованием капитана 1 ранга Губанова И.И. В Таллинне продолжались заводские испытания. В один из выходов в залив в декабре ПЛ находилась на перископной глубине. И при запуске бортовых двигателей по замкнутому циклу произошел взрыв в 5 отсеке.

Разорвало выгородку правого двигателя, но прочный корпус остался цел, и из личного состава никого не задело. Загазованной оказалась вся кормовая часть, а личный состав там был отравлен выхлопными газами. Сыграли аварийную тревогу и всплыли в надводное положение. Переходной люк из центрального отсека в корму при взрыве заклинило и вывести с кормы людей не было возможности.

На наше счастье, погода в заливе позволила открыть аварийный люк, из 7 отсека вывести весь личный состав кормовых отсеков. Личный состав вышел на палубу и далее перешел в носовые отсеки лодки. Затем, все же, был открыт переходной люк из центрального отсека в корму и появилась возможность осмотреть кормовые отсеки. Все было нормально, за исключением листов выгородки правого двигателя в 5 отсеке. Но одновременно по системе вентиляции был загазован и центральный отсек. Мною по указанию командира был дан по ТУС (таблица условных сигналов) аварийный сигнал. Лодка лежала в дрейфе. Оказывали помощь отравленным газом – отпаивали сгущенным молоком из НЗ (неприкосновенный запас), разведенным водой. Их рвало, валяло с ног, но все же они старались держаться достойно по мере сил. Старшины и матросы выполняли указания без каких-либо колебаний. Через 30 минут после подачи сигнала к лодке подошел финский буксир-спасатель и предложил оказать необходимую помощь. Мы ответили, что в его помощи не нуждаемся и предложили покинуть закрытый полигон. Что он и сделал.

Через 2-3 часа после всплытия подошел буксир-спасатель, взял лодку на буксир и отбуксировал в гавань. Весь личный состав, за исключением командира, меня и боцмана, был отправлен в госпиталь. На лодке остались сдаточные рабочие завода, устранявшие последствия взрыва. Я же, придя в свою каюту, проспал не менее 24 часов. Ну а потом продолжил выполнение своих обязанностей штурмана и помощника командира.

Причину взрыва тогда так и не установили. Особых комиссий не было, так как лодка была еще заводской. Предполагали повышенный процент кислорода, но приборы контроля показывали норму и даже заниженный «кислород». Сделали вывод о недостаточной подготовке мотористов, но как показал опыт дальнейших событий, это было недоработкой системы контроля, заложенной в проекте, что и подтвердили взрывы на М-259 (командир лодки Бутузов Е.В.) и аварии на других лодках нашего проекта, повлекшие человеческие жертвы. После этого случая в штате проекта появился фельдшер. Через две недели возвратился в полный состав весь экипаж. А еще через неделю появился у нас фельдшер, старший лейтенант медицинской службы Родин Александр, переведенный с броненосца береговой обороны «Выборг», стоявшего тогда в Таллинне. После устранения последствий взрыва лодка продолжала испытания, и к

концу лета 1956 года была готова к передаче в ВМФ. Пришли на завод в г. Ленинграде для контрольного осмотра, подкраски и подписания государственного акта передачи ее в ВМФ. Акт был подписан. Флаг ВМФ был поднят, день рождения корабля был отпразднован. Я был назначен помощником командира. Командир уехал в очередной отпуск, а я остался за него. Лодка предназначалась для Кронштадтской бригады. Мы готовили казармы для размещения личного состава и решали хозяйственные задачи.

И вдруг, в конце августа, командира дивизиона капитана 1 ранга Косенко и меня срочно вызвали в штаб Ленинградской военно-морской базы. Придя туда, я получил указание в десятидневный срок рассчитаться с Ленинградской морской базой и подготовить лодку к переходу в плавучем доке на Черное море. Приказ был выполнен. И в начале сентября я перевел лодку по Неве от завода в Уткину заводь, где и поставили ее в плавучий док.

Вернулся вызванный из отпуска командир, и в десятых числах сентября док с лодкой под буксирами начал движение по Неве, Ладоге, Свири, Онежскому озеру, старой Мариинской системе каналов со шлюзами на Волгу. По Волге до Сталинграда и далее по Волго-Донскому каналу и Дону до Ростова и Жданова на Азовском море. В Жданове вышли из дока и своим ходом через Азовское море, Керченский пролив и Черное море вдоль Крымского побережья дошли до постоянного места базирования в Балаклаве. Весь переход занял 44 суток.

Мы вошли в состав 27 отдельной бригады подводных сил Черноморского флота. В бригаду входили и еще три лодки проекта А-615, построенные в Ленинграде на заводе «Судомех» и перешедшие на Черное море тем же путем раньше нас. Командовал ими капитан 3 ранга Ильченко. После нас через трое суток тем же путем пришла М-353, командир капитан 3 ранга Леонтьев. Таким образом, 27ОБПЛ (объединенная бригада подводных лодок) к октябрю 1956 года была сформирована. Командира бригады капитана 1 ранга не помню. А вот начальника штаба капитана 1 ранга Урмагова и заместителя командира бригады капитана 2 ранга Кабанова помню хорошо. Это были отличные офицеры – требовательные, внимательные к нуждам личного состава, старавшиеся передать свои знания, опыт и навыки подчиненным.

В течение декабря 1956 года и марта 1957 года лодка сдавала задачи курса боевой подготовки. Жили на плавбазе. В марте 1957 года перешли в Севастополь на завод им. Жданова для очередной модернизации. Там установили систему радиолокационного обнаружения и громкоговорящую связь между отсеками. При этом была переделана конструкция верхней захлопки шахты подачи воздуха к дизелям. Как выяснилось впоследствии, не совсем удачно.

В июле вернулись в Балаклаву и продолжили боевую подготовку. К этому времени изменился старшинский и рядовой состав, ушли в запас почти все старшины групп и специалисты, участвовавшие в испытаниях и переходе лодки. Их место заняли молодые матросы. А срок службы сокращен до 4 лет, что осложнило плавание и подготовку личного состава. Правда, на лодке появился новый офицер лейтенант Магер Володя, назначенный командиром БЧ-1-4, обязанности которого я вынужден был исполнять по совместительству с обязанностями помощника командира. Я сдал ему дела командира БЧ-1-4 и сосредоточился на выполнении обязанностей помощника командира. Шла обычная боевая подготовка. Выходили на несколько суток в море, отрабатывали задачи курса боевой подготовки и возвращались на базу.

Так было и 22 августа 1957 года Лодка вышла из Балаклавы, на отработку очередной задачи в полигон, расположенный в 10-12 милях.

Был ясный солнечный день. Настроение у экипажа было нормальным. После обеда, дав сигнал о погружении, командир принял решение обрабатывать «срочное погружение». По команде после закрытия рубочного люка начали заполнять цистерны главного балласта и быстрого погружения. Сигнализация показала закрытие верхней захлопки шахты подачи воздуха к дизелям. Однако через 10-20 секунд из 6 отсека доложили о поступлении воды в отсек, хотя нижняя захлопка шахты была вручную закрыта до отказа. Лодка быстро стала оседать на корму. Сыграли «аварийную тревогу» и попытались продуть балластные цистерны. Но лодка продолжала оседать на корму, и дифферент дошел до 20-30 градусов. Лодка погружалась. Воздух из балластных цистерн через кингстоны выходил наружу, не продувая сами цистерны. Израсходовали 60% запаса воздуха и прекратили продувание. В 4 отсеке определили, что не закрылась верхняя захлопка подачи воздуха к дизелям. Перевели управление на ручное. С большими усилиями 4 человека закрыли захлопку. К этому времени 6 отсек был почти затоплен, а лодка упала на грунт с дифферентом в 61 градус на корму. Глубина места была 83 метра. Вода из 6 отсека продавила переборку в 7 отсек и почти его затопила. При этом в 7 отсеке начался пожар распределительного щита и станции управления электродвигателя. Из центрального отсека отключили подачу энергии в корму, а личный состав 7 отсека (4 человека во главе со старшиной команды электриков первой статьи Шутом) погасил пожар. Но помпа 7 отсека перестала работать и воду откачивала за борт только помпа центрального поста. Это продолжалось до момента, пока не дали разрешение личному составу кормовых отсеков перейти в центральный. При этом сравнялось давление кормовых отсеков (надутых воздухом в соответствии с положением по борьбе за живучесть при поступлении воды) и центрального отсека. Помпа перестала забирать воду, так как высота всасывания превысила 10 метров. Из 7 отсека люди вышли, как смогли. Двое, включившись в аппарат ИДА, а двое – поднырнув в коридор 6 отсека, выскочили через слой воды и мазута в пятый отсек черные, как негры.

Для отведения дифферента были попытки перемещения тяжестей и личного состава в нос. Но ничего не помогало. Как выяснилось впоследствии, корма лодки ушла в илистый грунт на 7 метров. С той же целью решили осушать затопленные отсеки (6 и 7). Для чего вручную начали по цепочке передавать банки, ведра и другие посудины с водой из кормы в нос и выливать воду в трюм 1 отсека, а затем по мере его заполнения помпой центрального отсека осушать его за борт. Так работали с перерывами в течение суток. По стечению обстоятельств 50% патронов регенерации воздуха находились в затопленных отсеках, и дышать становилось все тяжелее. Тем более не зная, когда придет помощь. Патроны регенерации жестко сэкономили. Люди в перерывах отдыхали, кто как мог, но никто не паниковал и не ныл. Приказы выполнялись немедленно. Поиски лодки начались после 17 часов 22 августа, когда не был получен сигнал о всплытии после учений. По флоту была объявлена готовность и поисковые группы катеров вышли в район полигона. Около 20 часов был установлен акустический контакт и определено место лодки, а через 2-3 часа спущен водолаз (мичман Каргаев), наш водолазный инструктор, только что вернувшийся в Балаклаву из очередного отпуска, который в легководолазном снаряжении спустился на кор-

пус лодки, перестучался с командиром, а потом со мной. Одновременно он освободил аварийный буй, который был «отдан» из лодки, но не всплыл, заклиненный в гнезде при большом дифференте (в дальнейшем буй стали выполнять конусообразными, а не цилиндрическими). После всплытия буя командир по телефону переговорил со спасателями, сообщил о состоянии лодки и необходимой помощи. К несчастью, через сутки штормом, разыгравшемся в море, буй был оборван и телефонная связь прекратилась. Дальше связь поддерживалась через акустическую станцию в режиме морзянки.

В дальнейшем на лодку были заведены воздушные шланги для подачи воздуха высокого давления, трос для буксировки (чтобы выдернуть из ила ПЛ), поданы продукты аварийного питания для личного состава и патроны регенерации воздуха. На четвертые сутки (26 августа в 4 часа утра) буксиры выдернули лодку из грунта и дифферент отошел до 5 градусов на корму. Это позволило нам, используя подаваемый спасателями воздух высокого давления, продуть главный балласт и всплыть в надводное положение без хода.

После всплытия, приветствий и радостных объятий лодку взяли на буксир и отбуксировали в Балаклаву к родному причалу. Там нас встречало «море» золотых погон адмиралов и генералов во главе с главкомом ВМФ Горшковым. После доклада командира о возвращении главком пожал всему экипажу руки, поблагодарил за стойкость. Нас повезли в баню, где переодели во все новое, а затем в столовую штаба подводных сил Черноморского флота на торжественный обед. Так закончился этот непредвиденный эпизод в жизни лодки М-351. Более подробно о спасательных работах написано в газетах и журналах.

После аварии весь личный состав под присмотром нашего доктора Саши Родина был отправлен в дом отдыха под Одессу, а офицеры были отправлены в санатории.

После возвращения из санатория мне, как я писал выше, предложили службу на берегу или демобилизоваться. Я выбрал последнее. Передал дела командиру БЧ-3, тогда уже старшему лейтенанту Быкову Аркадию, дождался оформления документов и в декабре 1957 года уехал домой в г. Ленинград. О дальнейшей судьбе лодки знаю очень немного. Ее пытались отремонтировать в Севастополе на заводе ВМФ. Закончили ремонт или нет – не знаю.

Чрезвычайные происшествия на подводной лодке проекта А-615

Авария на М-259

Бутузов Е.В.

Контр-адмирал, бывший командир ПЛ М-259.

12 августа 1956 года, воскресный день. Обычно в субботу и воскресенье выход в море запрещен. Но обстановка потребовала. Нужно было отрабатывать экипажи вновь строящихся подводных лодок проекта А-615. Я командир подводной лодки М-259. Лодка приписана к Либавской базе. В Кронштадте две ПЛ-255 и 256, но они по состоянию механизмов находятся в ремонте, а промышленность требовала готовые экипажи. Решением вышестоящего начальства ПЛ М-259 вновь вернули в Кронштадт. Почему выбор пал на меня? Может быть по тому, что я хорошо знал Кронштадтский район, а может быть, по другим при-

чинам, я не уточнял. Как только я прибыл в Кронштадт, мне была поставлена задача по отработке экипажей. Было сказано, что на ПЛ будет доставлен экипаж и его нужно будет отрабатывать.

Командиром резервного экипажа был капитан 2 ранга Борис Мозгунов впоследствии – он уйдет на Черное море в Балаклавскую бригаду.

Вышли в море. Лодка вообще по обитаемости очень тяжелая, а здесь два экипажа. Ответственность за обслуживание лежит на основном экипаже. На лодке семьдесят человек. Это – не впервые. По сменам отрабатывать нельзя, так как существуют разные штатные ситуации, одни выполняют операции по готовности «один», другие – по готовности «два», когда отрабатывается весь экипаж.

Погода была благоприятная. Воскресный день. Погрузились. Удифферентовались в полигоне К-17Б. Это между Гогландом, Большой Тютерой и Ловенсаари. Полигон Ленинградской военно-морской базы, с благоприятными глубинами, более 30 метров. Подводная лодка идет в подводном положении. Работает средний двигатель, отрабатывается задача по обслуживанию механизмов. Я нахожусь в боевой рубке. У подводников развито шестое чувство, все звуки понятны. Хлопнет ли дверь – это запросили разрешение перейти из отсека в отсек. Вот завибрировала антенна «ВАН» – это значит, увеличили скорость. Все звуки мне понятны и объяснимы, воспринимаются на слух. И в этот момент я почувствовал неустойчивую работу среднего двигателя, он работает с перебоями, словно аритмия у сердца. Так и здесь обороты то увеличиваются, то уменьшаются. Случилось так, что мой инженер механик Быковский К.Л. находился в отпуске, помощник командира капитан-лейтенант Шеховцев В.П. находился в командировке. На лодке в этот момент ни помощника, ни механика. За помощника командира минер Усов, за механика его заместитель Николай Первухин, штурман Борис Букин, фельдшер Новиков, на обслуживаемой лодке полный комплект. Они пришли на практическую учебу. На центральном посту исполняющий обязанности механика Первухин. Я задаю ему вопрос: «В чем дело? Что со средним двигателем?» Он мне отвечает: «Товарищ командир, не исключена возможность, что забыли перевести дизель во второе положение распределительных шайб». Что это значит? Это значит, что дизель идет в надводном положении и выхлоп осуществляется за борт, т.е. в атмосферу, а перекрытие клапанов регламентируется положением распределительных шайб. При погружении командир отделения дизелистов должен перейти во второе положение распределительных шайб, т.е. дизель производит выхлоп в специальную выгородку. Если этот перевод не осуществить в момент погружения подводной лодки, то дизеля будут работать значительно тяжелее. В инструкции предусмотрен этот перевод во 2 положение. Первухин запросил разрешение пройти в пятый отсек и выяснить, что случилось. Ему разрешили, и он ушел. Мы идем на перископной глубине. Первухин докладывает: «Товарищ командир, так и есть – забыли перейти из 1 во 2 положение». На этот перевод требуются доли секунд. Даю разрешение! Я слышу, как двигатель снижает обороты, вот перевели во 2 положение, вот слышу, как двигатель запускают и при первых оборотах вторичного запуска двигателя во 2 положении распределительных шайб, произошел взрыв! Мы на полигоне боевой подготовки, наверху никого нет, т.е. ни кораблей, ни рыбаков. Я немедленно даю команду в центральный пост «всплыть в надводное положение», команду продуть среднюю, дан воздух в среднюю. Всплываем. Всплыли. Двигатель замолчал. Лодка всплыла в позиционное положение после продувания средней цистерны. И в этот момент в боевой рубке появилось несколько человек мотористов, выбежавших из

четвертого и пятого отсеков и ищущих возможность сделать свободный вздох. Все они были закопченные, черные и в крови. Я срочно открыл рубочный люк и выпустил их наверх. Из рубки в небо повалил столб черного дыма, аналогичный дыму паровой трубы. В чем дело? Нужно срочно убедиться в прочности и целостности корпуса. Что с людьми? А главное, что с прочным корпусом, цел ли он, не поступает ли вода в лодку? Это первое. От этого зависит остойчивость лодки. От остойчивости ПЛ зависит жизнь людей и в целом жизнь экипажа. В корме сплошная темнота, часть людей выведена, часть из них травмирована. Кого нет? Нет инженера-механика Первухина. Нет командира отделения мотористов из четвертого отсека. Надо срочно пройти по отсекам и увидеть, что делается. Нужно было провентилировать лодку, но вентиляторы находились в пятом отсеке. Нужно было выяснить, что в пятом отсеке, и пройти туда самому. Даю команду продуть корму воздухом. Продулись. Я выскочил на мостик. Лодка на ровном киле, а это значит, что вода в лодку не поступает. Дифференциметр показывает то же самое.

Передали сигнал аварии – «Авария К-17 Буки», для того чтобы не расшифровать себя. Командованию стало ясно, что авария. Где? Полигон 17 по плану «БУКИ», т.е. лодка М-259 терпит бедствие.

В ожидании помощи вместе со старшиной 2 статьи Кузнецовым старшина команды трюмных, взяв фонари, пошли выяснять обстановку в центральный отсек, и в этот момент словно куда-то провалились. Как потом поняли – в артиллерийский погреб. Почему в артиллерийский погреб? Он был непосредственно под люком. К тому времени пушки сняли и в нем хранились аппараты ИДА. Их разобрал личный состав, чтобы сделать вздох чистым кислородом, и поэтому люк оказался открытым. Осмотревшись, увидел человека, он не подавал признаков жизни. Наверное, он замешкался с выходом наверх, потерял сознание и упал в артпогреб. Оттуда мы его вытащили, передали Кузнецову для подъема наверх. Его подняли, а мы двинулись дальше. В 4 отсеке мы увидели Первухина – командира БЧ-5. Он дошел после взрыва из пятого в четвертый отсек и там, теряя сознание, упал в кресло машиниста по левому борту. В этот момент нам стало плохо и чтобы вздохнуть, мы выскочили в ЦП. Глотнув воздуха, мы вновь вернулись к Первухину, но мне показалось, что он не подает признаков жизни. Передали его наверх. Врач подтвердил наши предположения. Вернувшись вновь в отсек, мы нашли командира отделения мотористов с разбитой головой. Моторист-химик обычно сидит спиной к корме, и в момент взрыва взрывной волной открыло переборочный люк, и он головой ударился о цистерну. Ему раскроило череп и он мгновенно умер.

В коридоре шестого отсека было все повреждено, продольная переборка была разорвана и обжата по прочному корпусу. Там было еще два погибших человека. По расписанию они вручную обслуживали систему. При остановке дизеля идет команда: «Пробку на работу». Там, в трюме, находилось двое – мой моторист и дублер. Они мгновенно погибли. Раздавлены переборкой 6 отсека. А в это время наверху был развернут госпиталь. Командовал фельдшер и старшина 1 статьи Омельченко.

Шифровальщик тоже великолепно выполняли свои функции по оказанию первой помощи. Они разложили матрасы и расстелили чистые простыни. Положили на них людей и занимались медицинской работой. Я мучительно думал о причине аварии.

Что произошло? Почему так много с ожогами? И понял, что во время работы

двигателя в отсеке было очень жарко, и люди в нарушение инструкции, сняли комбинезоны и оголились по пояс. Во время взрыва, в результате нарушения продольной переборки, выгородка оказалась разгерметизированной, и все продукты взрыва пошли в отсек. В таких условиях быстро надеть противогаз просто невозможно и люди побежали туда, где можно вздохнуть, ибо современные системы противогаза не позволили быстро включить их в работу, ибо требовалось несколько минут, пока разработается патрон противогаза.

После передачи сигнала, время бежало быстро. Прибежало звено торпедных катеров. Раненых и погибших взяли на борт и увезли в Кронштадт в госпиталь. С острова Мощный пришли МПК-122 (малые охотники). Они взяли лодку на буксир. На лодке остался я и боцман. Лодка была отбуксирована на остров Мощный, а затем в Кронштадт. На пирсе нас встречала целая делегация. Комиссия Главного штаба ВМФ, комиссия «особистов» для проведения бесед и др.

В общей сложности погибло четыре человека. Николая Первухина погрузили на торпедолов и увезли в Ленинград, остальных троих похоронили в Кронштадте. Погибших хоронил весь Кронштадт.

Комиссия разобралась. Установила «причину» – как всегда в таких случаях недостатки организации службы. Мне «присвоили» очередное звание капитан-лейтенанта, но оставили в должности.

И только через год, когда ПЛ М-257 превратили в научно-исследовательский центр, были выяснены причины аварии. На всех комиссиях я неоднократно доказывал, что в 4 отсеке был прибор, который назывался «обходчиком», он автоматически и периодически делал замеры в разных точках отсека на предмет содержания кислорода, так как не исключалась фильтрация и проникновение кислорода из цистерн в отсек. Поэтому в отсеках были точки, где замерялось содержание кислорода, но для этого нужно было переключить кран из одного положения в другое. Командир отделения мотористов, отвечающий за этот прибор, смотрит и видит, что «обходчик» показывает повышенное содержание кислорода в выгородке дизеля, а на приборе есть устройство коррекции содержания кислорода. Для этого нужно было кран переключить из одного положения в другое на приборе РМГ. Он вручную делает коррекцию, убавляя содержание кислорода в выгородке. Он убавляет кислород, а он не убавляется. Оказалось, что кто-то из личного состава задел рычажок, а как я говорил, экипажа было два комплекта. Переключил на приборе точки забора из выгородок дизелей в отсек, обитаемую часть, и прибор показывал содержание кислорода не в машине, а в машинной выгородке, этого командир отделения мотористов не знал. И действуя, с его точки зрения, правильно, он дизель «задушил». Поэтому дизель работал неустойчиво, а моторист все уменьшал и уменьшал подачу кислорода, что привело к созданию взрывоопасной самовоспламеняющейся смеси водорода, предельных углеводородов, углекислого газа. Смесь самопроизвольно взорвалась. Вот основная часть нарушения организации службы.

Лодка была отремонтирована. Я был восстановлен в звании капитана 3 ранга и назначен начальником штаба, а вскоре мне было присвоено звание капитана 2 ранга.

Должен сказать, что, когда я отдал команду отдраить люк седьмого отсека, там было семь человек. Их вывели оттуда, нужно отметить, как великолепно командовал старшина 1 статьи Омелькин, оставшись за старшего. Действовал грамотно и самостоятельно, находился там, пока я не прошел в корму и не дал команду на вывод всего личного состава.

И еще одно обстоятельство. При работе по замкнутому циклу через холодильники ВЦН протягивается забортная вода для охлаждения дизелей. Во время взрыва эти системы были помяты и искорежены. Но они были выполнены из мягкой, но очень прочной меди. Если бы трубопроводы лопнули, то тогда бы в корму пошла вода. ВЦН к этому времени уже не работали, и это было нашим счастьем, что медные трубы не лопнули и выдержали. Это было победой конструкторов. Пойди вода в главный корпус, осушить ее было бы нечем. Если бы напряжение с ВЦН было снято, это было бы трагедией, так как корма заполнилась водой, что позже и произошло с М-258. В случае с нашей ПЛ этого не произошло. Все это я выяснил в ожидании прихода помощи.

В это же время я дал команду стравить кислород из кислородной системы за борт, чтобы уменьшить степень риска взрыва.

После серии аварий на этих подводных лодках было решено из подводной лодки М-257 в Ломоносове сделать испытательный полигон. Стали искать ответ на мой взрыв. В машинных выгородках вырезали большие окна, зашили их тонкой фольгой, посты управления вывели в надстройку и создали стенд. И стали искать ответ, на взрыв на М-259. Умышленно создавалось то высокое, то низкое содержание кислорода, в условиях регенерации и без нее. Соответствующими насосами эта среда засасывалась в «бомбочки» и в них подавали запал. Если произойдет взрыв, то на ПЛ М-259 была такая же среда во время взрыва. И вот через три месяца испытаний произошел взрыв, которому все обрадовались. Выяснилось, что взрыв произошел при содержании кислорода 6-7%. При этом содержании образуется детонирующая смесь, состоящая из углекислого газа, окиси углерода и, главное, окислов азота и водорода. Образуется опасная гремучая взрывоопасная смесь. Эта СМЕСЬ И ВЗОРВАЛАСЬ. Решили проверить, так ли это. Подводную лодку привели в Ленинград на завод. На лодке остались баллоны, в которые по замкнутому циклу закачивалась эта смесь, что бы она не распространялась по отсекам. Вот когда сделали анализы, а комиссия считала, что там как минимум 40% кислорода, когда взяли анализ из баллонов, то результат оказался ошеломляющий всего 6-7% кислорода. Никто не верил – ни председатель московской комиссии, ни даже конструктор. Все спрашивали, откуда этот газ? И только когда вновь и вновь произвели взрывы, все поняли, что все мои предположения подтвердились опытами. А когда аналитические цифры сблизилась с анализом, взятым из баллона, все сомнения окончательно развеялись. Да, именно при низком содержании кислорода может произойти взрыв. Таким образом, я был реабилитирован. И в дальнейшем все лодки прошли реконструкцию и подобного рода ЧП не повторялись.

О трагедии, произошедшей на ПЛ М-256

Кочетков В.Н.

Контр-адмирал,

ветеран подразделений особого риска.

В марте 1957 года после длительной стажировки мы были выпущены из Рижского ВВМУ подводного плавания. Вместе с таким же молодым лейтенантом Розановым В.И. прибыли на подводную лодку. Я был направлен командиром БЧ-1-4.

27 сентября 1957 года подводная лодка М-256 вышла в море по плану. На подводную мерную милю в полигон «Ф-18», который располагался вдоль северо-

восточного берега полуострова Вимси Таллиннской военно-морской базы. На борту подводной лодки находился штатный экипаж, частично пополненный молодым специалистами, представители штаба дивизиона подводных лодок во главе с капитаном первого ранга Федотовым Е.Г. Погода была штормовая (ветер 7 баллов и волнение моря 5-6 баллов). Помнится по этой причине, нам долго не давали добро на выход в море. В конце концов, лодка вышла в море.

Итак, мы вышли в море, прибыли на указанный полигон. На борту находился еще и специалист гидрографии старший лейтенант Александр Смирнов с прибором «Окунь», позволяющим фиксировать прохождение в подводном положении створы секущих кабелей морской мили и тем самым, с учетом времени, определять скорость подводной лодки в подводном положении на том или ином режиме. С тех пор прошло более 40 лет, я не могу помнить точного времени всех событий, а посему буду говорить о приблизительном времени.

Штурманская должность всегда хлопотная. Особенно много забот возникает при проведении замера скорости на подводной миле.

Лодка находилась в подводном положении. На малом ходу работал дизель 32Д по замкнутому циклу. Помнится, было время обеда. Личный состав уже пообедал, когда меня пригласили во второй отсек. Мы обедали вдвоем со старшим инженером-лейтенантом Дергачевым В.И. После обеда, где-то в районе 13 часов, я вернулся в 3 отсек и, приступив к своим обязанностям, наклонившись над картой, делал замеры. Вдруг услышал команду: «Аварийная тревога, продуть главный балласт. Аварийно!» В этот момент я увидел, как из переговорной трубы в центральный пост под давлением поступает серый дым. Мне показалось, что в этой ситуации несколько замешкался с продуванием балласта старшина 2 статьи Дебривный – старшина команды трюмных. Через несколько секунд лодка всплыла и стала на якорь. Отсеки были загазованы. Где-то около 15 часов мне была дана команда передать сигнал об аварии подводной лодке «Бурун-184». Сигнал был немедленно передан командиром отделения радиотелеграфистов старшиной 2 статьи Фишером В.С. в моем присутствии. В ответ мы получили квитанцию – наш сигнал принят. После всплытия подводной лодки была предпринята попытка отдрать переборку между 3 и 4 отсеками. Однако сделать это не удалось. Как оказалось позже, после подъема подводной лодки под кремальерой со стороны 4 отсека, находились тела мотористов, мгновенно погибших от отравления газами. Мне кажется, что главстаршина Нестеров В.Н. не дал отдрать кремальеру в 3 отсек, опасаясь распространения пожара по ПЛ. За температурой переборки между 3 и 4 отсеками был установлен контроль, ибо она была очень горячей. После всплытия, ввиду загазованности отсеков и, видимо, по причине отравления личного состава, была дана команда «покинуть отсеки». Кроме того, опасались взрыва кислородной цистерны, в которой было 8,5 тонн жидкого кислорода. Личный состав выходил из лодки и размещался в ограждении рубки. Аппараты ИДА и ИП-46 снимались и укладывались в ограждении рубки между выдвижными устройствами. И никто в этот момент не думал, что ситуация может ухудшиться и подводная лодка погрузиться. Дул пронзительный холодный ветер. На море продолжался шторм, люди, выведенные из отсеков в легкой одежде, стали мерзнуть. Командир лодки Вавакин приказал раздать личному составу теплое белье, чтобы как-то согреть личный состав. Для выяснения обстановки командир ПЛ с командиром БЧ-5 Ивановым Юрием, через люк 7 отсека проник в ПЛ, вывел из отсека личный состав во гла-

ве со старшиной 1 статьи Моисеенко (который впоследствии окончил ВВМУ подводного плавания и был со мной на Средиземном море на боевой службе). Убедившись, что в 6 отсеке бушует пожар, вышел в надстройку. Командир лодки совместно с командиром БЧ-5 и помощником командира сделал доклад командиру дивизиона о практической невозможности в этих условиях вести борьбу с пожаром в кормовых отсеках. В то время еще не было действенных средств борьбы с пожарами. Предлагали, учитывая северо-восточное направление ветра и волн, отдать жвака-галс и дрейфовать к побережью Вимси, но, видимо, комдив и командир с этим предложением не согласились.

Где-то часа через 2-3 к нам подошло АСС «Чугуш» (аварийно-спасательное судно) и пыталось подать нам буксирный конец. Но по причине сильного волнения моря все попытки были неудачными, а последняя закончилась тем, что на один из винтов АСС «Чугуш» был намотан стальной трос, после чего его активность резко снизилась и он больше не пытался завести конец на ПЛ.

Весь период аварии в условиях шторма до самого погружения подводной лодки руководил швартовой командой лейтенант Вячеслав Розанов. Так и ушел мой друг вместе со швартовой командой ПЛ, будучи пристегнут карабином к лееру. Вслед за АСС показался эсминец «Спокойный», на который был передан семафор «Прошу снять людей. Ожидаю взрыва». Но эсминец отошел от нас на 20-30 кабельтовых и встал на якорь. На горизонте появилась подводная лодка С-364. В это время пропало электропитание, отсеки погрузились в темноту. Все это я наблюдал, сидя на шахте РДП, куда был вытеснен, вышедшим в ограждение рубки из отсеков ПЛ личным составом и поэтому в разговоре между комдивом и командиром лодки не участвовал. Когда к нам подошла С-384, прозвучал доклад сигнальщика: «Корма погружается!» Я оглянулся на корму, и почти мгновенно вода была уже на уровне рубки. Уже находясь в воде, я сбросил с себя сапоги. Бросаемые с эсминца, подводной лодки и АСС «Чугуш» спасательные средства уносились штормом и не достигали людей. А через тех, кто мог схватиться за них, перекачивались тяжелые морские волны и они, не выдержав переохлаждения и шторма, гибли один за другим на глазах спасателей. Меня, почти в бессознательном состоянии, когда я терял последние силы, поднял тральщик, туда же был поднят наш боцман мичман Стукалов В.А. и остальные пять человек, которых удалось подобрать в этих условиях. Деталей сейчас не помню. Поздно вечером нас доставили в Таллиннский военный госпиталь, где мы пробыли две-три недели. Когда мы прибыли из госпиталя, уже работала комиссия Генерального штаба ВМФ СССР, на которую пригласили оставшихся в живых. Я приглашался на беседы, писал какие-то объяснительные записки. Но каждый, памятуя о погибших товарищах и пережитые тяжелые часы во время катастрофы лодки, высказывался на комиссии довольно резко о конструктивных недостатках подводной лодки. Сравнивал ее по бытовым условиям с железным коллективным гробом, а по принципу действия двигателей по замкнутому циклу «зажигалкой». Ведь не секрет, что до катастрофы нашей М-256 погибли люди на ПЛ М-259, что говорило о том, что лодка «сырая», а работа двигателей по замкнутому циклу не надежна и опасна для личного состава. Это подтвердилось в дальнейшем. Подобная авария произошла на ПЛ М-258 в 1965 году (командир лодки капитан 3 ранга Порошин Н.Е.), там погибло три человека. После катастрофы, как штурману, кадровики предлагали мне место на берегу в гидрографическом отделе, я не дал согласия и продолжил службу на подводных лод-

ках 613 проекта, служил и командовал ПЛ проекта-641. Неоднократно бывал на боевой службе в Средиземном море. В 1971 году окончил академию Генерального штаба. После чего служба проходила на соединениях подводных лодок, в штабах Северного и Балтийского флотов. В 1987 году переведен на должность заместителя начальника военно-морской академии – начальником специального факультета. Приехав в Кронштадт, посетил могилу личного состава М-256 и обнаружил, что памятник разграблен и изуродован. Поставил перед собой задачу: реставрировать памятник, увековечить память погибших на ПЛ М-256 и содействовать их посмертному награждению.

К сорокалетию печального юбилея 26 сентября 1957 года, в присутствии родных и близких погибших, памятник был открыт и освящен. Восстановить памятник заново помог личный состав 25 бригады подводных лодок БФ.

7 апреля 1998 года в Николо-Богоявленском соборе священником отцом Богданом освещены четыре мраморных доски с именами 396 подводников, погибших в море во времена «холодной войны», в том числе 35 человек с ПЛ М-256. (От редколлегии: – Однозначно в этом огромная заслуга контр-адмирала Кочеткова В.Н. Все, что касается увековечивания памяти погибших подводников, делалось при руководстве и непосредственном участии Вячеслава Николаевича. Это признают все подводники России. Все мы низко кланяемся ему за его вклад в это святое дело, за его неутомимость, настойчивость и энергию.)

Вопрос о посмертном награждении личного состава ПЛ М-256 был решен Вячеславом Николаевичем во всех высших инстанциях вплоть до президента, но как всегда уперся в «родных» чиновников Балтфлота. Но борьба продолжается, Родина не должна забывать своих героев. Хотя я и не долго прослужил, говорит Вячеслав Николаевич, на «кислородной» лодке – с момента прибытия и до ее гибели всего четыре месяца, но однозначно должен сказать, что на подводной лодке был прекрасный состав, крепкий офицерский коллектив, который очень тепло принял нас, молодых офицеров. Все старались нам помочь быстрее сдать на самостоятельное управление. Личный состав хотя и был чуть моложе нас по возрасту, но отношения на службе подчеркнута уважительные, как подчиненных к начальству. Охотно отзывались по вопросам освоения совершенно неведомого проекта А-615.

Душой коллектива был, несомненно, наш боцман сверхсрочник старшина команды рулевых сигнальщиков В.А. Стукалов. Его уважал весь экипаж за знание дела, за заботу обо всей команде, эдакий юмор по рангу, силу и строгость. Помню, когда мы выходили в море в тот раз, он выдал мне сапоги на два номера больше, я ему и говорю: «Что Вы мне, своему командиру, сапоги не по ноге на два номера больше, даете?» Он отвечает: «Товарищ командир (была такая привычка у служивых людей называть офицеров командирами), как только вернемся, подберу то, что вам надо!» Быть может, этот лишний размер (в том числе) жизнь мне спас. Взаимоотношения между личным составом срочной службы были нормальными: молодые с уважением относились к старослужащим, и старшие учили младших службе, но это никогда не переходило границ, не было взаимного оскорбления, издевательств и т.п. Уже позже, с 1969 по 1997 год, служу на других ПЛ 613 проекта, не припомню рецидивов среди личного состава – т.н. «дедовщины» и «годовщины».

В 1983-1992 годах служил в Управлении боевой подготовки в должности заместителя начальника управления по подготовке подводников.

**Офицеры, старшины и матросы,
погибшие 26 сентября 1957 года на подводной лодке М-256.**

Капитан 1 ранга Федотов Евгений Георгиевич
Капитан 3 ранга Мигулин Юрий Степанович
Капитан 3 ранга Вавакин Юрий Степанович
Старший лейтенант Бриллиантов Олег Владимирович
Старший лейтенант Иванов Юрий Георгиевич
Старший лейтенант Сидоренко Иван Сергеевич
Лейтенант розанов Вячеслав Иванович
Главный старшина Нестеров Василий Иванович
Старшина 2 статьи Арнаутов Виктор Васильевич
Старшина 2 статьи Кривошлык Леонид Алексеевич
Старшина 2 статьи Корзиков Олег Павлович
Старшина 1 статьи Дибривный Владимир Петрович
Старшина 2 статьи Малый Василий Акопович
Старшина 2 статьи Головенкин Альберт Максимович
Старшина 2 статьи Иванов Михаил Васильевич
Старшина 2 статьи Иванов Николай Иванович
Старшина 2 статьи Алексеев Владимир Савельевич
Старшина 2 статьи Фишер Владимир Семенович
Старший матрос Жаналин Ермухамед
Старший матрос Мовчан Григорий Николаевич
Матрос Измайлов Рауф Измайлович
Матрос Корсаков Евгений Федорович
Матрос Андреев Валентин Сергеевич
Матрос Гирич Станислав Васильевич
Матрос Князев Александр Кириллович
Матрос Сергиенко Василий Алексеевич
Матрос Крахмальный Николай Тимофеевич
Матрос Наместников Валерий Николаевич
Матрос Ивонинский Перт Алексеевич
Матрос Гаращенко Николай Степанович
Матрос Никишин Алексей Степанович
Матрос Белоглазов Алексей Сергеевич
Матрос Зайцев Борис Григорьевич
Матрос Виклов Петр Семенович

Вечная память боевым друзьям – подводникам!
Мы не должны забывать эти имена!

Вместо заключения

В апреле 2007 года на северодвинском заводе «Севмаш» выведен из дока новый ракетный подводный крейсер «Юрий Долгорукий», закладка которого была произведена 11 лет назад. Но из-за отсутствия финансовых возможностей в стране, АПЛ превратилась в долгострой. На торжествах по этому случаю присутствовала солидная делегация во главе с первым вице-премьером Сергеем Ивановым, который отметил высокие современные военные и технические характеристики крейсера, его превосходство над иностранными субмаринами аналогичного класса. В том числе крейсер имеет самый бесшумный гребной винт. Он может находиться более трех месяцев в автономном плавании. На вооружении АПЛ – 12 межконтинентальных баллистических ядерных ракет «Булава-М» с дальностью стрельбы более 8 тыс. километров. На строительство крейсера уже потрачено 23 млрд. рублей (готовность АПЛ пока достигла 82%).

Будем надеяться, что при окончании строительства подводного крейсера будут устранены все «узкие» места и недостатки, имевшиеся в ранее созданных субмаринах.

ГЛАВА 6

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВЕТЕРАНОВ АТОМНОЙ ОТРАСЛИ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОСОБОГО РИСКА

□ 6.1. НАС ОБЪЕДИНИЛА НОВАЯ ЗЕМЛЯ

*Михайлов В.Н.
Академик РАН.*

В столице России появилась новая региональная общественная организация – Московский Союз новоземцев. Ее целью является объединение наших соотечественников, участвовавших в испытаниях ядерного оружия на Новоземельском полигоне, проживавших и проживающих на Новой Земле, участвовавших в научно-исследовательских экспедициях в районе полигона, а также тех, кто желает лично оказывать всестороннюю помощь развитию Новой Земли, ветеранам-ядерщикам.

О целях создания и задачах новой организации рассказывает один из ее учредителей – министр атомной промышленности РФ в 1992-1998 годах, научный руководитель Российского Федерального ядерного центра – Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (ВНИИЭФ), директор Института стратегической стабильности, академик РАН В.Н. Михайлов.

– Я поддержал создание такого Союза, – говорит Виктор Никитович, – чтобы в наше трудное время совместными усилиями решать проблемы новоземцев, тех, кто не один год жизни отдал испытаниям ядерного оружия. Деятельность Союза направлена на всемерное содействие укреплению мощи нашего государства, повышению правовой и социальной защиты новоземцев, на оказание всесторонней помощи ветеранам-новоземцам и членам их семей, на реше-

ние проблем безопасности и защиты людей в чрезвычайных ситуациях, на сохранение и развитие материальных и природных ценностей, исторических памятников и культурных традиций Новой Земли.

– Ну а каков портрет новоземельца?

– На Новой Земле работали прекрасные специалисты, которые не понаслышке знают, что такое воздушный и подземный ядерные взрывы. Я сам «прошел» через ядерные взрывы. Сорок лет назад, в 1966 году, молодым кандидатом физико-математических наук впервые вступил на Новую Землю. Там как раз испытывали сконструированный нашей группой новый ядерный боеприпас, который лег в основу создания нового поколения отечественного ядерного оружия. Новая Земля многих людей, образно говоря, поставила на крыло, в том числе и меня – я стал академиком, министром.

На каждый взрыв привлекалось до тысячи человек – ученых, моряков, тех, кто осуществляет охрану объекта и прилегающей к нему территории, обеспечивает тепло в различных строениях, горняков-проходчиков, монтажников...

Штольня на Новой Земле! Вход в нее всегда напоминал о вечной мерзлоте – удивительно белые кристаллы воды и снега на слое грунта, казалось, ведут в царство вечности. Сколько же пришлось протопать с начала проходки по шпалам для электровозов! Это многие сотни километров этих горизонтальных выработках в горах по берегам пролива Маточкин Шар, в конце которых устанавливались ядерные устройства, а вдоль всей штольни – диагностические приборы!

Здесь мне довелось познакомиться с удивительно сильными и приветливыми горняками из города Желтые Воды, что на Украине. Круглый год они вели работы по проходке штольни. Мы же приезжали на период с июня по ноябрь. Для горняков всегда был радостью наш приезд. Труд горнопроходчиков, особенно на работах по забивке штольни после установки всех ядерных и диагностических устройств для локализации продуктов ядерного взрыва в утробе горы, – это труд, за который всегда буду снимать шляпу и кланяться до земли этим людям. И ведь это работа в условиях суровой Арктики! А в штольню я ходил всегда в шляпе – это просто показать, что ядерный полигон живет обычной людской жизнью.

– Словом, новоземельцы – люди закаленные.

– Полигонная плеяда людей – это сталь высшей пробы. Испытатели на Новой Земле сродни фронтовому поколению. Они, можно сказать, творили и работали в окопах, а жили в первое время, как в годы Великой Отечественной – в блиндажах, землянках.

Мы все прошли суровые условия быта, питались по-солдатски: борщ, каша, компот... Ученые, как и моряки. Другие специалисты находились на полигоне по 2-3 месяца в организационных и научно-технических работ по подготовке аппаратуры, штолен и скважин к испытаниям хватало на всех. А природные сложности...

Вы знаете, что такое новоземельская бора? Это когда непогода несет по острову с огромной скоростью булыжники каждый весом в тысячи килограммов, бросает их с высоты на многие сотни метров. Закалиться было где. Мы шутили: в союзниках у нас только белые медведи, которые посещали нас, да дикие олени. И потом Новоземельский полигон – это промерзший грунт со льдом, мерз-

ляк, который приносил много неприятностей, причем не только после взрыва, но и в ходе проходки и забивки. А некоторые штольни, куда мы закладывали боеприпас, были длиной в несколько километров.

– Конечно же, были и минуты отдыха, были и деликатесы. Рыбалка на гольца, например, забываема.

– Союз объединяет только ветеранов?

– Не только. В него войдут и действующие специалисты. А потом сегодня ты действующий специалист. А завтра... Словом, Союз существует, он всегда может помочь в моральном, социальном и финансовом отношении. Тем, кто в этом нуждается. Будем помогать людям и в устройстве на работу. И потом это будет настоящий клуб: люди должны общаться между собой. Сегодня Россия не проводит ядерных испытаний. А время бежит быстро. Так вот вскоре молодые специалисты-ядерщики только в Союзе могут услышать тех, кто сам проводил ядерные взрывы.

Что касается ветеранов-новоземельцев, то это люди, прошедшие суровую арктическую жизнь, почти все работают. Большинство из них сохранили здоровье, хотя у нас каждый год был маленький Чернобыль – на границах полигона после ядерного взрыва допускали учетверенный радиационный фон. Мы берегли людей, не бросали их в пламя, на амбразуру, что называется, стремились не допускать, чтобы они получали выше допустимых доз по проникающему излучению, старались обеспечить всех техническими средствами защиты. Если требовалось, то помогали им поправить здоровье.

А молодая смена ядерщиков и ныне трудится на Новоземельском полигоне. Он действует. Условия работы там, если говорить честно, не улучшились. Раньше связь с полигоном, к примеру, была лучше. Достаточно стабильно работали авиалинии: Москва – Новая Земля, Архагельск – Новая Земля. В Белушье, это столица Новой Земли, были прекрасная школа, столовая, больница. Правда, мы туда попадали редко, так как она в 300 километрах от места, где мы работали.

– Союз предусматривает и ведение патриотической работы?

– Мы будем воспитывать у молодежи мужество, верность долгу на примерах многих поколений полярных исследователей, испытателей, ядерного оружия и воинов Заполярья. Это важно для нас, для ребят, которые идут в специальные учреждения, училища, МИФИ, являющиеся базовым учебным заведением по подготовке специалистов-ядерщиков.

Арктика... Там есть и привлекательная сторона, это кусочек планеты, который настороженно принимает новичков, но потом всегда манит к себе. Арктика – это величие самой Природы, где чувствуешь единство пространства и времени. Значит, туда будут идти специалисты, настоящие мужчины, чтобы работать во благо Отечества.

– Новая Земля – важная составляющая нашего ядерного щита?

– После закрытия Семипалатинского полигона у нас остался один действующий полигон – Новоземельский. Россия объявила мораторий на проведение ядерных взрывов, мы ратифицировали Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и проводим там только специальные опыты, неядерно-взрывные, для проверки поведения сложных материалов с целью определения надежности и безопасности ядерного оружия. Проводим опыты в специальных штольнях с глухой защитой от радиоактивных материалов. У американцев они называются критические эксперименты с натуральными ядерными материалами.

– Не сказывается ли мораторий на проведение ядерных испытаний на нашей обороноспособности?

– Пока не сказывается. Мы провели около 1000 воздушных и подземных ядерных взрывов, в том числе и уникальные. В ходе проведения экспериментов наработали достаточно обширный научный материал. Этот материал и ЭВМ с высокой производительностью позволяют нам продвигаться вперед без проведения ядерных взрывов. Но пройдет еще с десяток лет, и двигаться вперед будет трудно. К слову, американцы это понимают. Поэтому они и не ратифицировали Договор. А свой ядерный полигон содержат в 18-месячной готовности к проведению взрывов. Если последует команда от политического руководства, то они через полтора года начнут новую серию ядерных испытаний. Мы тоже стремимся к этому сроку готовности. Поэтому у нас на полигонах постоянно работают люди, идут тренировки с тем, чтобы в случае необходимости провести испытания. Молодежь охотно едет на Новую Землю и занимается работой во имя безопасности страны, продолжается деятельность и в наших ядерных центрах.

– То есть испытания можно возобновить только через 18 месяцев?

– Да, подготовка нужна солидная. Это же не пистолет – взял и выстрелил.

– Виктор Никитович, вы действующий ученый, руководитель...

– На посту научного руководителя Российского Федерального ядерного центра – Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (ВНИИЭФ) я заменил знаменитого Юлия Харитона по его просьбе. Это было в далеком уже 1992-м. Наиболее сложные годы для меня. Тогда я возглавлял атомную промышленность. Министерская работа в течение шести лет была изматывающей, мне пришлось руководить Минатомом в переломное время. Когда требовалось спасти отрасль, добывать деньги, чтобы платить людям зарплату... А научной работой занимаюсь до сих пор.

– Вы также возглавляете Институт стратегической стабильности?

– Он создан в 1999-м. Ныне важно уметь заглянуть в будущее, определить, куда идти дальше. Мы занимаемся выработкой ядерной стратегии. Кстати, американцы тут ориентируются на нас, они также создали подобный институт – Национальное управление по ядерной безопасности. Китайцы организовали Центр стратегической стабильности, который возглавляет бывший руководитель Китайской академии инженерной физики. Мы проводим анализ с тем, чтобы объединить деятельность наших ядерных центров – Всероссийского НИИ экспериментальной физики (ВНИИЭФ), что в Сарове, и Всероссийского НИИ технической физики (ВНИИТФ), который располагается в Снеженске, и других структурных подразделений атомной промышленности общей идеей.

– А по карману ли России содержать два ядерных центра?

– В нынешней обстановке они необходимы России. Я отстаивал эту точку зрения перед руководством страны, лично докладывал Б.Н. Ельцину об этом. Придерживаюсь такого мнения и сегодня. Центры нужны хотя бы для того, чтобы у нас была возможность провести профессиональную независимую экспертизу новых разработок. Это тем более важно сегодня, когда экспериментальную специальную технику мы испытываем без проведения ядерных взрывов. И конкуренция, конечно, – важный элемент движения вперед.

□ 6.2. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОЮЗА «ЧЕРНОБЫЛЬ» МОСКВЫ ГРУШЕНКОВА А.А.

(на Отчетной Конференции Союза «Чернобыль» Москвы)

За год, прошедший с момента учреждения Союза «Чернобыль» Москвы (21.09.2006), проделана большая работа:

- более чем в 100 муниципальных образованиях города проведена организационная работа по объединению всех граждан, подвергшихся воздействию радиации (далее – ГПВР), проживающих на территории данных районов;

- сформированы Окружные Советы, координирующие работу местных организаций, а также их взаимодействие с территориальными органами власти;

- созданы и функционируют профильные Комитеты Союза по направлениям деятельности, ведется работа с ГПВР и консультации с органами исполнительной власти и местного самоуправления;

- утверждены Программа и План работы Союза, проведено 10 заседаний Правления;

- ведется работа с депутатами всех уровней: иницируются предложения для законодательных инициатив;

- в офисе Союза ведется ежедневный прием и консультации граждан, в том числе и по телефону. Всего за отчетный период обратилось в офис Союза более 1800 человек;

- заключен договор на обслуживание ГПВР с юридической фирмой, по четвергам в офисе ведет прием консультант. С мая с.г. обратились за правовой поддержкой 132 человека, подготовлено 36 ответов на запросы, 24 инвалидам ГПВР оказаны юридические услуги в судах;

- местными (районными) общественными организациями ведется работа по формированию персонифицированной базы данных ГПВР в районах города Москвы, в том числе с детализацией по 16 категориям;

- зарегистрирован и издается периодический печатный орган Союза – газета «Чернобыльский вестник»;

- деятельность Союза широко отражается в Интернете;

- 20 ноября 2006года в пресс-центре Правительства Москвы Союз провел пресс-конференцию по случаю 20-й годовщины завершения строительства объекта «Укрытие» и презентацию новой даты: «Чернобыльского Дня Победы» – 30 ноября;

- Союзом впервые инициировано и при поддержке Комитета общественных связей и благословения Патриарха Алексия II проведено городское мероприятие: «Чернобыльский День Победы» – 30 ноября дата завершения строительства объекта «Укрытие» (саркофага ЧАЭС), в большом зале Правительства Москвы состоялось торжественное заседание и праздничный концерт в честь ликвидаторов аварии на ЧАЭС;

- при поддержке Комитета общественных связей издана книга о Герое России генерале В.М. Максимчуке и проведена презентация книги;

- 18 апреля и 29 ноября с.г. в Московском Доме общественных организаций проведены городские «круглые столы» по вопросу: «О взаимодействии органов государственной власти города Москвы и Союза «Чернобыль» Москвы по обеспечению законных прав и интересов лиц, подвергшихся воздействию радиа-

ции» с участием всех Департаментов комплекса социальной сферы (аналогичные мероприятия на окружном уровне были проведены в Юго-Восточном, Юго-Западном, Западном и Северо-Западном административных округах Москвы);

- проведены городские мероприятия к международному Дню Памяти жертв радиационных аварий и катастроф, в том числе накануне 26 апреля с.г. проведены «Уроки Мужества» в школах, а также различные акции и мероприятия в округах и районах города;

- на окружных кабельных ТВ-каналах показаны документальные фильмы, интервью и передачи с участием героев Чернобыля и представителей Союза;

- центральная и местная пресса в 2006-2007 годах публиковала информацию о мероприятиях Союза и тематические материалы к истории чернобыльских событий;

- в рамках мемориальной работы Союз принял участие в открытии памятной доски и музея героя России В.М. Максимчука (Рыбников переулоч, 5) и мемориального камня памяти жертв радиационных аварий и катастроф (улица Юных ленинцев), проводится работа по формированию реестра захоронений «чернобыльцев», готовится к изданию художественно-публицистический альманах и сборники воспоминаний ликвидаторов;

- подписано и реализуется Соглашение с поликлиникой ОАО «Мерамед» «О прикреплении 100 инвалидов ГПВР на медицинское обслуживание сроком на 1 год»;

- подписано Соглашение о сотрудничестве с Российским государственным социальным университетом, при поддержке которого проводится персонализированный опрос (анкетирование) ГПВР в целях выявления параметров социальных проблем, мониторинга правовой обеспеченности и реализации льгот и гарантий данной группы населения города в целом и по каждой из 16 категорий в отдельности;

- при поддержке Департамента по делам семьи и молодежи, Департамента социальной защиты, Департамента здравоохранения, Комитета общественных связей, Центра детского отдыха и Фонда «Москва-Крым» организовано бесплатное лечение и оздоровительный отдых для 300 детей «чернобыльцев» из малообеспеченных и неполных семей, в том числе семей вдов и инвалидов;

- в результате взаимодействия с Департаментом здравоохранения:

а) Бюро медицинской статистики дано указание произвести совместно с Союзом «Чернобыль» Москвы сверку списков ГПВР по численности и категориям;

б) достигнута договоренность об оперативном взаимодействии и сотрудничестве со службами Департамента по оказанию адресной помощи ГПВР;

в) достигнута договоренность о прикреплении ГПВР к поликлинике № 220;

г) достигнута договоренность о прикреплении ГПВР к госпиталям ветеранов войн;

- в результате взаимодействия с Департаментом социальной защиты:

а) районным УСЗН дано указание со сроком исполнения 15 сентября с.г. проиндексировать ГПВР суммы выплат в возмещение вреда, т.е. сделан первый шаг к снижению социальной напряженности (с 1998года до настоящего времени возмещение вреда инвалидам ЧАЭС индексировалось МУСЗН только по решению суда);

б) создана рабочая группа из представителей департаментов Правительства

Москвы по подготовке проекта дополнительного раздела «Социальная поддержка ГПВР» для включения в Комплексную Программу мер социальной защиты жителей города Москвы на 2008год;

в) заключен контракт на оказание реабилитационных услуг по адресной социально-психологической поддержке инвалидов-чернобыльцев и членов их семей в рамках реализации Комплексной целевой программы «Социальная интеграция инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности города Москвы» на 2007-2009 годы;

- подписано Соглашение о сотрудничестве с ГУ МЧС по городу Москве: утвержден и реализуется совместный план патриотической и мемориальной работы, оказывается шефская помощь местными организациями ГПВР в округе и районах;

- **при поддержке Комитета общественных связей** подготовлен и направлен на согласование в департаменты Правительства Москвы проект Соглашения «О взаимодействии Союза «Чернобыль» Москвы с Правительством Москвы» с учетом поправок и замечаний соответствующих департаментов к первому варианту Соглашения от 09.11.2006года.

Подводя итоги работы Союза за год, мы констатируем, что по всем вопросам, которые обсуждались на встрече с мэром Москвы, Ю.М. Лужковым, достигнуты реальные результаты и, в том числе, благодаря взаимодействию нашей общественной структуры с органами исполнительной власти города, что отражено в соответствующих документах и предварительных договоренностях.

Официальное обращение мэра к Учредительной конференции в поддержку создания московской организации, было воспринято нами и структурами исполнительной власти города как знак внимания Правительства Москвы к проблемам нашего движения и имело решающее значение для импульса нашего взаимодействия.

Сотрудничество в течение прошедшего года нашей общественной структуры с органами исполнительной власти города доказало свою эффективность и значительно способствовало конструктивному диалогу в совершенствовании форм социальной работы, повышению уровня жизни и социальной защищенности ветеранов ликвидации Чернобыльской катастрофы и других радиационных событий, их вдов и детей, родившихся после катастрофы.

Мы надеемся, что эта позитивная тенденция сохранится и в будущем, так как на мероприятии по случаю награждения государственными наградами в Мэрии Москвы 03.10.2007года мэр Москвы, Ю.М. Лужков, публично выказал поддержку «чернобыльцам» Москвы и дал поручение оказать помощь нашему Союзу в решении поставленных вопросов.

Сегодня можно говорить о реальных результатах совместной работы Союза «Чернобыль» Москвы и Департаментов Правительства города Москвы, проведенной после первого «круглого стола», который состоялся, 18 апреля с.г.

Прошло всего полгода с момента, заявленной нами на том «круглом столе» позиции, а 15 ноября с.г. уже состоялось первое заседание рабочей группы представителей департаментов Правительства Москвы по обсуждению предложений Союза «Чернобыль» Москвы по включению дополнительного раздела о ветеранах ликвидации Чернобыльской катастрофы, других радиационных событий, их вдов и детей, родившихся после катастрофы, в Комплексную программу социальной поддержки москвичей на 2008 год.

Предложения Союза «Чернобыль» Москвы охватывают весь спектр социальной поддержки ГПВР: от обеспечения праздничными наборами до оказания комплекса ритуальных услуг и обустройства мест захоронения, что показывает наше желание подойти к решению проблем ГПВР объемно. Не упустить из внимания ни одного направления.

И в этой связи считаю необходимым пояснить нашу позицию по одному из самых сложных направлений – взаимодействие с Департаментом жилищной политики.

Необходимо отметить, что обеспечение жилой площадью участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС вплоть до 2004 года выделялось в городских жилищных программах.

Включение данного вида городских расходов в жилищные программы давало определенный результат даже при недостаточных объемах доходов городского бюджета. В частности, это позволило Москве обеспечить квартирами 49 семей ГПВР в 2002 году и 98 – в 2003 году. В 2004 году право на внеочередное получение жилья было отменено, впрочем, как и многие другие социальные гарантии государства для ГПВР.

В городских же жилищных программах на 2005-2007 и на предстоящие годы для наших очередников отсутствует целевое городское финансирование жилья, а заложены лишь объемы строительства за счет средств федерального бюджета.

Фактически, очередники инвалиды-чернобыльцы, а их по состоянию на 01.12.2007 года 591 человек, а вместе с членами семьи 2150 человек, переведены в общую очередь нуждающихся в улучшении жилищных условий и не имеют никаких иных преференций, помимо права на получение государственного жилищного сертификата.

Неэффективность и несправедливость нового порядка предоставления льгот в жилищной сфере, низкие объемы финансирования из средств федерального бюджета, побудили нас инициировать предложение по решению этой проблемы в рамках Соглашения с Правительством Москвы.

По оценке экспертов, решение вопроса о предоставлении жилья очередникам ГПВР до 25-й годовщины катастрофы на ЧАЭС реально, так как потребует незначительных, по сравнению с существующими жилищными программами Москвы, финансовых ресурсов.

К сожалению, в настоящее время позиция Департамента жилищной политики далека от конструктивной и нам, в этом смысле, предстоят сложные переговоры.

Впрочем, переговоры с другими департаментами тоже не простая задача и то, что мы с вами сегодня достигли по другим направлениям, тоже результат непростых переговоров, а иногда и споров, по каждой согласованной позиции, так что, оценивая реестр наших задач на будущее, все сложности еще впереди.

Это так сказать внешние трудности.

Но стоит рассказать и о том, что несколько человек, конечно же, «из лучших побуждений», пытаются противодействовать тому позитивному процессу, который уже состоялся!

Они пишут письма во все инстанции и цинично изощряясь, обливают нас грязью, пытаются сорвать наши переговоры с Правительством и расстроить подписание Соглашения.

Практически еще на стадии создания оргкомитета Союза мы столкнулись с активным противодействием нескольких «известных» в чернобыльской среде людей, которые при формировании органов управления не вошли ни в одну структуру Союза по причине скандального прошлого и отсутствия авторитета. Позже в этот хор влилось несколько самопровозглашенных руководителей виртуальных организаций, за которыми нет людей, но есть «чернобыльский бренд» и необоснованные амбиции, да несколько бывших попутчиков, оказавшихся профессионально и, к сожалению, нравственно несостоятельными.

Все вы делегаты районных и окружных организаций, вы то знаете реальную обстановку на местах, вы то знаете, что за все время существования в Москве чернобыльских организаций, впервые за 15 лет нет раскола в чернобыльском движении. Впервые произошло реальное объединение не одной, а всех категорий ГПВР и мы поименно знаем всех недовольных, их 20 человек, а нас 20 тысяч!!!

Не скрою, такие нападки с учетом объема проделанной работы, о которой я ранее рассказал, крайне неприятны, так как рассчитаны на реакцию не информированного чиновника: «огня без дыма не бывает».

Мы не раз обсуждали эту проблему на Правлении и Городском координационном Совете и всегда принимали решение, что надо доказывать свою правоту делами, а не словами, тем более что мы хорошо понимали безнравственность позиции небольшой группы людей.

Мы надеемся, что подписанное с Правительством Москвы Соглашение станет правовым щитом и эффективным механизмом защиты всей нашей социальной группы.

Между тем, руководство Союза всегда открыто для любой продуктивной критики и не отстаивает чьи-либо конъюнктурные интересы.

Так, в адрес руководства выдвигались отдельные претензии в части структуры СЧМ и излишней монополизации Союзом управленческих функций.

Все же позволю себе коротко остановиться на проблематике организационно-правовой структуры Союза, но начну с истории вопроса.

Как известно, с 1998 года ОО «Союз «Чернобыль» России» преобразовалось в инвалидную организацию, сузив свое общественное поле с шестнадцати категорий до одной, что составляет около 10% от общей численности нашей социальной группы.

В тоже время по данным регистрационной палаты в Москве было зарегистрировано более 100 юридических лиц – общественных организаций, имеющих в наименовании слово «Чернобыль».

Из них 10 входили в МРО СЧР и представляли инвалидов ЧАЭС Москвы по территориальному признаку и около 15 входили в МСООИЧ по ведомственному признаку, представляя, по сути, не общественные организации, а профсоюзы, специально созданные на предприятиях для поддержки своих ветеранов-чернобыльцев, а также несколько региональных организаций с неизвестным членством, но очень эффектно звучащими названиями.

Как стало известно, позднее обе структуры использовали практически один список инвалидов Чернобыля и один источник финансирования: бюджет города, но нужно признать, что обе организации действительно вели работу в интересах инвалидов Чернобыля.

Множество других организаций не были известны широкой общественности и оживали только в статистике.

В 2004 году, накануне принятия ФЗ-122, искусственно ликвидировали Московскую городскую организацию «Союз «Чернобыль» России» (МРОСЧР), а вместе с ней приостановили свою деятельность семь из десяти ее окружных организаций.

В августе 2005 года началась процедура банкротства, т. е. ликвидации ОО «Союз «Чернобыль» России», которая завершилась в 2006 году. Такой вот подарок «чернобыльцам» к 20-летию катастрофы на ЧАЭС.

На этом фоне и город и страна проигнорировали трагическую дату и не провели вообще никаких значимых мероприятий.

«Коммерсантъ» опубликовал «утечку» информации о совещании Зурабова, Грефа, Батанова об очередном масштабном сокращении льгот ГПВР, якобы планировавшейся после 20-й годовщины.

Начала сбиться судебная система. Чувствовалось ухудшение по всем направлениям.

В то время нам казалось, что МСООИЧ, имевший историю взаимоотношений с Правительством Москвы и Московской Городской Думой, мог стать связующим звеном во взаимоотношениях нашей социальной группы с властями города.

С МСООИЧ была достигнута договоренность, что завершением объединительного процесса должно стать Городское Учредительное Собрание с представительством от всех районов города.

Однако, нарушив взятые на себя обязательства, руководство МСООИЧ, почитало, что в сложившейся ситуации они де-факто уже являются центром чернобыльского движения Москвы и объявили на своем собрании, которое прошло 08.12.2005 года о завершении процесса объединения и поздравили друг друга с трибуны с «победой», что и поставило точку в истории МСООИЧ.

Вот с этого рубежа мы начали восхождение к нашему Союзу.

16 декабря 2005 года прошло первое заседание Оргкомитета по подготовке Учредительной конференции Союз «Чернобыль» Москвы.

Основными целями образования СЧМ являлось консолидация чернобыльского движения Москвы, создание координирующего органа для взаимодействия с органами исполнительной и законодательной власти города по организации максимально возможной защиты граждан, пострадавших от воздействия радиации.

При выборе направлений объединения общественных движений нами рассматривалось две стратегии.

Первая предусматривала проведение работы по упорядочению структуры уже существующих районных организаций, наделение их статусом юридических лиц, с последующим образованием Союза как добровольного объединения указанных организаций, призванного координировать их интересы.

Данный подход натолкнулся на проблемы, которые уже указывались – это, прежде всего, отсутствие постоянно действующих исполнительных органов местных организаций и отсутствие стабильного источника финансирования.

В существовавшей ситуации рассчитывать на завершение формирования 125-местных организаций для последующего «полнобного» объединения в СЧМ можно с таким же успехом, как ждать, что в солнечный день закипит вода в кастрюле на подоконнике. Не закипит!

Поэтому мы выбрали второй подход, который предусматривает первичное

создание СЧМ на принципах свободного членства юридических лиц. В рамках данного направления основные усилия направлены в первую очередь на максимальное усиление роли именно сформированных окружных координационных советов. Данные советы в свою очередь призваны координировать деятельность местных районных организаций (отделений) путем тесного сотрудничества с Правлениями местных организаций. На сам аппарат Союза и Комитеты СЧМ по направлениям деятельности в данных условиях возлагаются не управленческие, а исключительно координационные функции.

Реализация такого подхода позволила значительно ускорить объединение всех местных организаций, действовавших в целях защиты общих прав и интересов, и достигнуть тех результатов, о которых я рассказывал выше.

Граждане, подвергшиеся воздействию радиации, и члены их семей, став членами районной организации, через своего выборного руководителя приобретают представительство в Окружном координационном Совете СЧМ, который в свою очередь делегирует своего представителя в Городской координационный Совет.

Полагаю, что новая структура является максимально демократичной, на практике доказавшей свою жизнеспособность и эффективность. Вместе с тем, призываю всех вносить свои предложения по усовершенствованию деятельности Союза.

Мы с Вами пришли в сегодняшний день, из вчерашнего и уже планируем будущее.

Надо стремиться извлекать уроки из прошлого: не забывать хорошего и не повторять плохого – иначе жизнь не наладится.

Я на днях услышал мнение: «Повезло!!!» Это о всем том, что я вам здесь рассказываю. Не скрою: было обидно. Обидно за несколько сотен наших активистов: членов Правления Местных организаций, членов Комитетов СЧМ и Окружных Советов. Я уже не говорю о членах Правления и сотрудниках Аппарата СЧМ, принявших на себя миссию общественной приемной, куда ежедневно обращается более 50 человек.

Потому, что все чего мы достигли – результат и заслуга всех нас вместе и каждого в отдельности, сделавшего на своем месте свой шаг в нашем общем деле. И вообще, теперь мы с вами точно знаем – везет только тем, кто сам везет!

Нам с вами, без денег, без административного ресурса, удалось де-факто выстроить огромную управляемую общественную структуру, формализовавшую черныбыльское движение в структурированный союз.

И если Окружные Координационные Советы СЧМ – основной элемент вертикали управления, можно сказать, позвоночник системы, то Комитеты СЧМ по направлениям деятельности – активаторы общественного потенциала, привлекающие ГПВР к участию в профильных направлениях работы на всех уровнях общественной структуры.

Мы ведем работу в интересах всех категорий ГПВР, что соответствует нашей заявленной позиции: мы не делим ГПВР на своих и чужих, вступивших и не вступивших.

Мы работаем в интересах всех ГПВР, пытаюсь выстроить систему взаимоотношений власти и ветеранов ГПВР через местные общественные организации, Окружные координационные Советы и Комитеты Союза «Чернобыль» Москвы.

Основное достоинство нашей структуры в сочетании плановой и оперативной работы с органами исполнительной власти города, с одной стороны, и в создании и развитии эффективного механизма обратной связи с ГПВР, для оказания им адресной помощи, а также осуществления мониторинга за их состоянием и выявление системных проблем ГПВР.

Для решения «чернобыльских» вопросов необходима поддержка всех звеньев исполнительной и законодательной власти, так как решение ряда вопросов «чернобыльской» тематики (например, выплаты за неиспользованную путевку, удостоверения детям ГПВР) выходят за пределы полномочий города и требуют изменения федеральных законов, но и по этим вопросам у нас есть взаимопонимание, а значит, есть и перспективы.

Будем работать – будут результаты, а если будем хорошо работать – будут хорошие результаты.

Завершая, свое выступление, я хочу поблагодарить Вас!

Это Вы – подвижники и энтузиасты большого и благородного дела – это к Вам приходят за помощью и советом люди, это Вы находите для них слова поддержки и утешения, это Вы ходите «по чиновникам», хлопоча за «нашего брата чернобыльца», это Ваша человеческая порядочность и ответственность выборного руководителя за свой участок работы, за людей, которых Вы представляете, и являются главным достоянием нашего Союза.

От имени Правления Союза и от себя лично благодарю Вас за работу.

□ 6.3. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА СЧМ ГРИШИНА В.Л.

(на парламентских слушаниях 3 июля 2007 года в Госдуме)

О правоприменительной практике и совершенствовании законодательства, о социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф

Гришин Вячеслав Леонидович – родился 13 августа 1951 года в г. Ульяновске. Закончил в 1973 году Ульяновский политехнический институт. Служба в Вооруженных Силах СССР с 1973 по 1991 год. В 1978 году принимал участие в боевых действиях между Эфиопией и Сомали. В 1980 году закончил высшие офицерские курсы «Выстрел», в 1989 – Военно-политическую академию имени В.И. Ленина. Принимал непосредственное участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1987, 1990). Полковник запаса.

В настоящее время президент Союза «Чернобыль» России – общероссийского союза общественных объединений, вице-президент Международной организации «Союз «Чернобыль», заместитель председателя всероссийских дней защиты от экологической опасности, помощник депутата Госдумы РФ Исаева А.К. на общественных началах, академик Российской академии безопасности, обороны и правопорядка.

Награжден орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах», «За личное мужество», «За заслуги» (Украина), десятью медалями.

Уважаемые участники парламентских слушаний!

Более 21 года прошло со дня катастрофы на Чернобыльской АЭС. 29 сентября этого года исполнится 50 лет со дня радиационной аварии на ПО «Маяк».

В Российской Федерации насчитывается около двух миллионов человек, пострадавших вследствие радиационных аварий и ядерных испытаний. Федеральными законами установлены соответствующие льготы, денежные выплаты и компенсации в возмещение вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан.

После вступления в силу Федерального закона от 22.08.2004 года № 122-ФЗ отмечается ухудшение медицинской помощи, лекарственного и санаторно-курортного обеспечения участников ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС и других категорий граждан, подвергшихся воздействию радиации.

Согласно приказу Минздрава России от 26.05.2003 года № 216 «О диспансеризации граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» пострадавшие проходят осмотры терапевта, хирурга, проводятся общие анализы крови, мочи, ЭКГ, в редких случаях флюорография, УЗИ.

Дополнительные инструментальные исследования (рентгеноскопия, томография, ядерно-магнитный резонанс) проводятся, как правило, только платно. Не многие могут затратить от 3-х до 10 тыс. рублей на указанные исследования. Вследствие чего, по данным межведомственных экспертных советов, отмечается увеличение числа граждан, пострадавших от воздействия радиации с неоперабельными формами злокачественных новообразований, которые были выявлены поздно в III-IV стадии.

Госпитализация осуществляется, как правило, по скорой медицинской помощи. Прекратилась плановая госпитализация пострадавших от воздействия радиации. Например, в Химкинском районе Московской области МСЧ № 119 принимала чернобыльцев на стационарное лечение до 2007 года. Коммерциализация этого лечебного учреждения и неразбериха с оплатой за госпитализацию лишает ликвидаторов возможности получения необходимой медицинской помощи. Районные стационары не имеют нужного оборудования и квалифицированных специалистов.

Вместе с тем, Федеральной целевой программой «Преодоление последствий радиационных аварий на период до 2010 года» в федеральных округах создаются 6 специализированных медицинских центров для оказания адресной специализированной медицинской помощи.

Вследствие чего необходимо разработать и утвердить Положение о таком центре и порядок направления в него пострадавших граждан.

К сожалению, в число специализированных центров не включены Детский научно-практический центр противорадиационной защиты ФГУ «Московский НИИ педиатрии и детской хирургии Росмедтехнологий» и центр для граждан, проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке.

Несмотря на высокие показатели заболеваемости, инвалидности и смертности в трудоспособном возрасте среди участников ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, высокотехнологичная медицинская помощь в федеральных специализированных медицинских учреждениях оказалась для них недоступной. Очень многие участники ликвидации последствий аварии на ЧАЭС не ин-

формированы о возможности получения бесплатного высокотехнологичного лечения в специализированном учреждении.

Немало случаев, когда даже при наличии направления в федеральную клинику, пришлось заплатить за свое лечение.

Например, участник ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС К.Н. Мохнаткин, инвалид 2 группы (проживает в г. Обнинске Калужской области, ул. Гоголя, д. 4, кв. 17) обратился в Союз «Чернобыль» России с просьбой помочь вернуть 134800 рублей за оперативное лечение в НИИ трансплантологии.

У больного имелось направление Министерства здравоохранения и социального развития Калужской области в НИИ трансплантологии и искусственных органов Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию на госпитализацию для дообследования и оперативного лечения в счет квоты, но реализовать его больной своевременно не смог.

Наибольшую озабоченность вызывает организация санаторно-курортного лечения и лекарственного обеспечения участников ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС.

Резко уменьшилось число путевок в федеральные санаторно-курортные учреждения. Предлагаемое оздоровление в санаториях субъектов Российской Федерации не соответствует предъявляемым требованиям.

По данным общественных организаций, условия содержания, лечения, питания участников ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в этих учреждениях осуществляется не должным образом и не в полном объеме. Нередко ликвидаторы отказываются от путевок в подобные учреждения.

Количество путевок в федеральные санаторно-курортные учреждения Северного Кавказа, выделяемых ликвидаторам, недостаточно.

Так, из 5 тыс. «чернобыльцев» Ростовской области – получателей набора социальных услуг, многие из которых имеют показания на санаторно-курортное лечение, смогли в 2006 году оздоровиться за счет средств всех бюджетов лишь 769 участников ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС и 74 их ребенка.

Вопрос лекарственного обеспечения оказался наиболее болезненным. Поступает множество жалоб и нареканий со стороны граждан, пострадавших от радиации о неудовлетворительной организации получения бесплатных медикаментов. В перечне лекарственных средств, отпускаемых бесплатно, отсутствует значительное количество препаратов необходимых для лечения ликвидаторов аварии на ЧАЭС и других категорий граждан. Встречаются случаи отказа в выписке лекарств, имеющих в перечне. В отдельных субъектах РФ существуют ограничения по стоимости лекарств.

Почти все участники ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, в том числе инвалиды, отмечают, что тратят значительную сумму из своей пенсии на покупку лекарственных препаратов.

На сегодняшний день в аптеках г. Химки для федеральных льготников нет лекарств. Фирма «Ригла» не поставляет лекарства с начала года из-за долгов заказчика. У чернобыльцев рецепты, сданные на обеспечение, вовремя не отовариваются и снова идут по кругу. 40% из них отказались от набора социальных услуг, приобретают необходимые им препараты за свои деньги.

По информации председателя Союза «Чернобыль» Хакасской республиканской организации И.Н. Шостка: «В республике многие отказываются от социа-

кета по той причине, что значительно уменьшается перечень лекарств, предоставляемых бесплатно по соцпакету, в основном выписывают только недорогие таблетки. Больные, проходящие лечение в стационарах, имея полис медстрахования и соцпакет, также все лекарства приобретают за свои деньги. Бесплатно предоставляются только физраствор и капельницы».

В Кировской области граждан, пострадавших от воздействия радиации, госпитализируют для лечения и обследования в клинику Кировской медакадемии, где они вынуждены полностью покупать медикаменты, приносить с собой постельное белье. В данной клинике на лечебное питание больных выделяется только 20 рублей в день.

Особую обеспокоенность вызывает отсутствие специализированных мероприятий по медицинскому обслуживанию детей, родившихся от одного из облученных родителей. Это не могло не сказаться на росте заболеваемости и инвалидности среди этой категории граждан.

Вопросы социальной защиты детей, родившихся от одного из облученных родителей, наиболее остро ставятся гражданами, проживающими в зонах отселения и с правом на отселение. Содержание статьи 25 чернобыльского закона не соответствует необходимым государственным мерам по охране и профилактике здоровья, возмещения вреда, причиненного последствиями катастрофы детской части населения. К числу проблем, с которыми сталкиваются семьи, имеющие детей относятся:

- отсутствие Специального документа (удостоверение) о праве на меры социальной поддержки и льготы;
- не производится оплата проезда детей в сопровождении родителей к месту лечения или обследования по направлению врача туда и обратно;
- наличие ограничения 60 днями в году получения пособия по временной нетрудоспособности за время болезни ребенка;
- не производятся ежемесячные денежные компенсации на питание школьников и дошкольников, не посещающих школу и дошкольные учреждения по медицинским показаниям;
- не регламентировано право ребенка, имеющего связь заболевания или инвалидности с радиацией, на получение им ежемесячных выплат по возмещению вреда, причиненного здоровью. В то же время такое право реализуется в отношении граждан старше 18 лет.

Все эти данные свидетельствуют о необходимости совершенствования системы медицинского и социального обеспечения граждан, пострадавших от радиационного воздействия. Причем в совершенствовании нуждаются все этапы оказания медицинской помощи. Началом может быть возрождение практики ежегодной целевой диспансеризации с последующим стационарным лечением.

Без целевой диспансеризации невозможно установить причинную связь заболеваний, инвалидности и смерти с последствиями радиационного воздействия. В соответствии со ст. 24 Закона «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» на межведомственные экспертные советы возложено установление причинной связи развившихся заболеваний, инвалидности и смерти с последствиями чернобыльской катастрофы.

Одним из важнейших этапов в реадaptации участников ликвидации катастрофы является своевременное и правильное решение вопроса о связи заболе-

ваний, имеющихся у данного пациента, с факторами аварии. Только установленная связь дает ликвидатору аварии соответствующий социальный и правовой статус, позволяющий реализовать права и льготы, обеспечивающие адекватную медицинскую и социальную поддержку. Решение этого вопроса тем более важно, что значительная часть ликвидаторов фактически утратила частично или полностью работо- и трудоспособность и получение компенсаций позволяет ей поддерживать привычный уровень жизни. Благополучие личности ликвидатора также в значительной степени зависит от того, как общество оценивает, с одной стороны, его заслуги, а с другой – причину утраты им здоровья и работоспособности.

Сегодня остается не решенным вопрос об условиях проведения повторной экспертизы по установлению причинной связи заболеваний, инвалидности и смерти с воздействием радиационных факторов (какой экспертный совет проводит повторную экспертизу, кто дает направление, при каких изменениях в состоянии здоровья необходимо повторное освидетельствование). В приказе Минздравсоцразвития России № 475 от 28.07.2005 года. «О создании и организации деятельности межведомственных экспертных советов по установлению причинной связи заболеваний, инвалидности и смерти граждан, подвергшихся воздействию радиационных факторов» данное мероприятие не предусмотрено.

Отказ в установлении причинной связи заболеваний, инвалидности и смерти лицам, подвергшимся воздействию радиации, нередко связан с плохим оформлением медицинских документов или неполными сведениями о состоянии здоровья пострадавших в течение последних лет перед наступлением заболеваний, инвалидности и смерти. Однако МЭС не информируют региональные органы здравоохранения о причинах отказа. Что допускает при повторном направлении в МЭС повторение ошибок и неточностей в оформлении документов.

Медицинские документы УЛПА на ЧАЭС 1986 года Григорьева А.П. 50 лет, страдавшего тяжелым онкологическим заболеванием, жителя г. Нижневартовск Ханты-Мансийского автономного округа, рассматривались в Российском межведомственном экспертном совете 9 месяцев (вместо 2-х по Приказу). Когда пришло заключение о связи его заболевания с радиационным фактором, больной уже умер. Семья (вдова и дети) не получила причитающиеся по Закону компенсации и льготы.

Право на установление инвалидности гражданам соответствующих категорий дает перечень заболеваний и, если в нем отсутствует заболевание, связанное с выполнением работ по ликвидации последствий чернобыльской катастрофы, то экспертный совет не сможет связать ни заболевание, ни инвалидность с указанной причиной. Существующий в настоящее время перечень далек от совершенства и требует пересмотра и дополнения с учетом структуры заболеваемости, сформировавшейся к настоящему времени.

Федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы в некоторых субъектах Российской Федерации, под видом проведения индивидуальной программы реабилитации, осуществляется практика уменьшения или снятия группы инвалидности участникам ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, не достигшим пенсионного возраста, при наличии целого ряда декомпенсированных хронических заболеваний.

В основном это происходит с инвалидами, у которых ведущей патологией является дисциркуляторная энцефалопатия (ДЭП).

По данным научного центра социальной и судебной психиатрии имени В.И. Сербского, дисциркуляторная энцефалопатия развивается у ликвидаторов раньше, чем у пациентов, не подвергшихся облучению. У ликвидаторов формируются нарушения психической деятельности на ранних этапах болезни.

Регулярное лечение позволяет достичь стабилизации болезненного процесса, но, как правило, не приводит к значительному улучшению.

В связи с этим у больных отсутствует устойчивость к стрессам, особенно связанным с прошлым аварийным опытом. Поэтому необоснованное изменение их социального статуса может привести к усилению депрессивных переживаний, а слабость контроля – к реализации суицидальных тенденций.

Выявление перечисленных расстройств врачами общей практики затруднено, поскольку требуется тщательное психологическое и психиатрическое обследование, которое не везде возможно. Кроме того, последние годы полностью ликвидирована система повышения квалификации в области радиационной медицины, что не дает возможности специалистам быть в курсе современных данных о заболеваемости ликвидаторов.

В настоящий момент большинство из них находятся в том возрастном диапазоне, когда присоединяются общие риски развития самой различной патологии, особенно сосудистой. В связи с чем, ожидание обратного развития болезни у ликвидаторов необоснованно. Несмотря на это, повсеместно снимается группа инвалидности именно у больных с данным заболеванием со ссылкой на эффективное проведение мероприятий индивидуальной программы реабилитации.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем внести в рекомендации парламентских слушаний:

Федеральному Собранию Российской Федерации:

- обеспечить своевременное принятие изменений и дополнений в законодательство о социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие Чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф, в части обеспечения Конституционных прав граждан на возмещение ущерба, причиненного здоровью.

Правительству Российской Федерации:

- в соответствие со статьей 24 Закона РФ от 15 мая 1991 года №1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» определить порядок и объем оказания медицинской и лекарственной помощи гражданам, пострадавшим вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС и порядок осуществления контроля за ее качеством;

- выделить санаторно-курортное лечение указанных лиц в федеральное программное мероприятие с отдельным финансированием;

- определить необходимый объем квот на санаторно-курортное лечение ликвидаторов в федеральных санаторно-курортных учреждениях «Кавказские минеральные воды»;

- выделить лекарственное обеспечение инвалидов и участников ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в федеральное программное мероприятие с отдельным финансированием, расширив перечень лекарственных препаратов.

Минздравсоцразвитию России:

- пересмотреть перечень заболеваний, возникновение или обострение кото-

рых обусловлено воздействием радиации с учетом структуры заболеваемости, сформировавшейся к настоящему времени;

- исключить повторное освидетельствование в службах МСЭ с целью снижения или лишения группы инвалидности;

- разработать и утвердить приказ о ежегодной специализированной диспансеризации граждан, пострадавших вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС;

- определить необходимый объем квот с учетом потребностей ликвидаторов, на высокотехнологичную медицинскую помощь;

- разработать типовое Положение о федеральном специализированном центре по оказанию адресной специализированной медицинской помощи гражданам, подвергшимся воздействию радиации и включить в перечень центров:

- Детский научно-практический центр противорадиационной защиты ФГУ «Московский НИИ педиатрии и детской хирургии Росмедтехнологий»;

- Федеральный специализированный центр для лиц, пострадавших от радиационных аварий и катастроф, проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке.

Субъектам Российской Федерации:

- рекомендовать принятие дополнительных мер по медицинскому, лекарственному и санаторно-курортному обеспечению пострадавших граждан, в том числе по оздоровлению детей Чернобыля.

Уважаемые участники парламентских слушаний! По-прежнему остро стоит проблема исполнения судебных решений, вынесенных в пользу граждан, пострадавших от воздействия радиации.

Одной из основных причин большого числа судебных исков (более 30 тыс.) в т.ч. по выплате в возмещение вреда, причиненного радиацией, является постоянное недофинансирование из федерального бюджета необходимых объемов средств на эти цели.

Так, Минфин России, являющейся до 2002 года главным распорядителем средств федерального бюджета, предусматривал их в объеме 50-60% от потребности. В 2002-2007 годах Минфин России продолжил эту практику, определяя Минтруду России, а затем и Роструду, заниженные в 1,8-2 раза объемы расходов.

Это не позволяло органам социальной защиты населения назначать суммы возмещения труда в полном объеме, что являлось причиной обращений инвалидов-чернобыльцев в суды, начиная с 1997 года.

Другой причиной массовых обращений в суды стало отсутствие индексации сумм возмещения вреда и других выплат инвалидам-чернобыльцам в 1997-2004 годах, а также принятие Конституционным судом и Верховным судом Российской Федерации в 1998-2005 годах нескольких решений о пересмотре всех сумм возмещения вреда в судебном порядке.

В результате чего к 2007 году образовалась задолженность по судебным решениям, вступившим в законную силу, в объеме 3 млрд. рублей, из которых 2 млрд. 500 млн. рублей – решения по суммам возмещения вреда инвалидам – «чернобыльцам». Причем в эту сумму не входят объемы средств ежемесячных выплат, установленных судебными решениями. Они учитываются и уплачиваются в текущем режиме. В связи с этим ежемесячные объемы текущих платежей постоянно возрастают.

Длительная задержка выплат по судебным решениям, отсутствие каких-

либо гарантий по погашению задолженности вынуждает инвалидов обращаться в Европейский Суд по правам человека, а также вызывает среди них рост социально-психологического напряжения.

Анализ причин и динамики исполнения судебных решений позволяет оценить основные проблемы законодательства и его правоприменения.

Значительное количество решений судебных органов несвоевременно исполняется из-за сложности законодательства, регулирующего отношения по возмещению вреда. Судебные разбирательства по искам инвалидов, как правило, проходят много этапов. Нередко окончательные положительные решения указывают срок их исполнения с даты решения судов первой инстанции, принятых 2-3 года назад.

Одна из причин несвоевременного исполнения судебных решений связана с определением надлежащего ответчика по судебным делам. Суды определяют ответчиками те органы, которые денежных средств на исполнение этих решений не имеют. Например, ответчик – орган социальной защиты населения субъекта Российской Федерации.

Другой причиной несвоевременного исполнения судебных решений является отставание практики работы по планированию и исполнению бюджета от требований законодательства об исполнительном производстве. Вследствие чего при формировании федерального бюджета не выделяются средства на исполнение тех судебных решений, которые принимаются судами после его утверждения. В нем, к сожалению, не резервируются средства для исполнения судебных решений, вновь принимаемых в течение бюджетного года. Сложным и долгим является сам процесс корректировки федерального бюджета в течение года.

В целях своевременного исполнения судебных решений и погашения судебной задолженности Союз «Чернобыль» России неоднократно обращался с предложениями к Президенту, Правительству и Федеральному Собранию Российской Федерации для принятия необходимых мер. Одной из последних инициатив Союза были предложения по более оперативной корректировке федерального бюджета 2007 года и подготовке основных параметров федерального бюджета на 2008-2010 годы, учитывающих объемы средств, необходимые для исполнения судебных решений, которые могут быть приняты в эти годы.

К радикальным же мерам своевременного и полного обеспечения судебных решений, по мнению специалистов, относится разработка и утверждение нового механизма исполнения судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства федерального бюджета. В нем предусматривается выдача взыскателю векселя (судебного долгового обязательства), равного сумме, подлежащей взысканию по судебному акту, с начислением процентов на номинальную сумму в размере ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации.

Судебное долговое обязательство должно подлежать свободному обращению на территории Российской Федерации и являться объектом гражданско-правовых сделок. Судебные долговые обязательства подлежат погашению органами Федерального казначейства на условиях и в сроки, определенные Бюджетным кодексом Российской Федерации.

Ведение учета судебных долговых обязательств в разрезе главных распорядителей средств федерального бюджета, исходя из ведомственной принадлежности должников, позволит безошибочно планировать в федеральном бюджете

необходимые финансовые средства и в полном объеме доводить их до взыскателя. В связи с этим предлагается внести соответствующие изменения и дополнения в главу 24.1 Бюджетного кодекса «Исполнение судебных актов по ограничению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации». Принятие такого механизма будет иметь общее значение и решит проблему обязательств казны Российской Федерации не только для «чернобыльцев», но и других граждан, имеющих на руках судебные решения, вступившие в законную силу.

В ряде регионов Российской Федерации суды, рассматривая иски о возмещении вреда и иных выплат за прошлые годы, принимают подчас решения, не учитывающие наиболее благоприятных для граждан критериев индексации, вынуждая истцов неоднократно обжаловать их в вышестоящих судебных инстанциях. Наибольшего конфликта сторон достигла неоднозначность судебной практики в Краснодарском крае, Кабардино-Балкарской республике, вызывая у инвалидов рост социально-психологического напряжения.

В последнем решении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, к сожалению, не разъяснено о единообразии применения коэффициентов индексации выплат за прошлые периоды. Это обстоятельство позволяет судам подчас «вольно» истолковывать порядок расчетов денежных компенсаций. В связи с этим, предлагаем обратиться в Верховный Суд Российской Федерации с просьбой отрегулировать вопрос применения судами наиболее благоприятных для граждан критериев индексации за период с 19 июня 2002 года по 29 мая 2004 года согласно Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 4 октября 2005 года № 364-О.

Болеет того, учитывая общеобязательную правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, выраженную в его Постановлении от 19.06.2006 года № 11-П и Определении от 04.10.2005 года № 364-О, представляется целесообразным закрепить на законодательном уровне нормы, предусматривающей проведение индексации размеров компенсаций за период с 19 июня 2002 года по 29 мая 2004 года исходя из изменений величины прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации.

В настоящее время это реально действует, но не по воле федерального законодателя, а в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, что вряд ли должно иметь место в правовом государстве.

Для исправления этой ситуации необходимо внести соответствующие изменения в Федеральный закон от 26.04.2004 года № 31-ФЗ, а также необходимо определить государственный орган, уполномоченный на проведение подобной индексации и перерасчет размеров компенсаций. В настоящее время эти функции осуществляют судебные органы, которые, очевидно, это делать не должны.

В то же время, Правительство Российской Федерации вправе на этих же основаниях и в целях прекращения массовых обращений пострадавших граждан в суды принять нормативный правовой акт, в котором были бы решены вопросы об индексации денежных компенсаций в период с 19.06.2002 года по 29.05.2004 года по наиболее благоприятным для этих граждан критериям индексации.

Среди других важных вопросов, которые беспокоят Союз «Чернобыль» России, является проблема реализации прав пострадавших граждан по улучшению жилищных условий и по льготной оплате жилищно-коммунальных услуг.

Несмотря на увеличение в 2007 году средств, выделяемых федеральным бюджетом на приобретение жилья гражданам – участникам ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф, пострадавшим в результате этих аварий, и приравненных к ним лицам (3848 млн. рублей) по федеральной целевой программе «Жилище», сохраняется ряд нормативно-правовых положений, существенно затрудняющих такое приобретение жилья. А именно, размер субсидий не соответствует реальной стоимости приобретаемого жилья. Особенно это характерно для улучшения жилищных условий в крупных городах. Далеко не каждый участник Программы способен самостоятельно доплатить средства до необходимых размеров.

Значительным обременением для получателя жилищного сертификата сохраняется обязательство о сдаче занимаемого им жилья до момента приобретения новой жилой площади. В результате этого увеличивается число очередников, отказавшихся от получения сертификатов. Имеются примеры, когда инвалид-чернобылец, сдав старое жилье, не смог без соответствующей доплаты улучшить жилищные условия. Грубым нарушением чернобыльского законодательства является исключение из числа участников Программы «Жилище» членов семей, потерявших кормильца вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Вышеназванные обстоятельства доказывают необходимость внесения соответствующих изменений и дополнений в жилищное законодательство Российской Федерации и изменений в Постановление Правительства РФ от 21. 03. 2006 года № 153.

Также возможно принятие в субъектах России специальных региональных программ, позволяющих выделять недостающие денежные средства на покрытие разницы между рыночной стоимостью квадратного метра жилья и стоимостью, предусмотренной по федеральному жилищному сертификату. Подобный опыт имеется в некоторых регионах (г. Томск). Было бы правильным рекомендовать парламентским слушаниям выйти с подобными предложениями в законодательные и исполнительные органы власти субъектов Российской Федерации.

Льготная оплата жилищно-коммунальных услуг членам семей инвалидов, участников ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС и приравненных к ним других категорий граждан претерпела изменения с вступлением в силу федерального закона № 122-ФЗ. Попытки через суды различных инстанций восстановить законные права часто не приносят положительных результатов.

Законодательные инициативы представительных органов Новгородской и Московской областей – о внесении изменений в пункт 3 статьи 14 Чернобыльского закона – не нашли поддержки в Правительстве и Государственной Думе Российской Федерации.

Нам известны несколько примеров, когда расходы по льготной оплате жилищно-коммунальных услуг членам семей инвалидов отнесены к обязательствам региональных бюджетов (г. Москва, Астраханская область).

Впредь предстоит более внимательно готовить правовое и финансовое обоснование предложений по корректировке этой нормы законодательства, обе-

спечивать их поддержку депутатами Госдумы и руководителями субъектов России.

Уважаемые участники парламентских слушаний!

«Гражданам РФ гарантируются установленные настоящим Законом возмещение вреда причиненного их здоровью и имуществу вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, возмещение вреда за риск вследствие проживания и работы на территории, подвергшейся радиоактивному загрязнению, превышающему допустимые уровни в результате Чернобыльской катастрофы, а также предоставление мер социальной поддержки» – констатируется в статье 3 Чернобыльского закона.

Общее количество лиц, проживающих в зонах: отселения (80,9 тыс.); проживания с правом на отселение (190,3 тыс.); льготным социально-экономическим статусом (1524,1 тыс.) составляет 1795,3 тыс. человек.

Катастрофа на Чернобыльской АЭС и меры по ее ликвидации привели к заметным изменениям в экономике и социальной жизни наиболее загрязненных территорий. Негативные социально-экономические последствия сильнее выражены в аграрном секторе, составляющем основу местной экономики. Социально-психологические последствия катастрофы являются одной из причин ухудшения состояния здоровья у жителей этих территорий.

В целом, проблеме жизнедеятельности населения и территорий, пострадавших вследствие катастрофы на ЧАЭС, следует посвятить отдельные парламентские слушания.

Уважаемые участники парламентских слушаний!

Рассматривая ход выполнения законных прав граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие Чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф, мы остановились на основных проблемах.

От эффективности их решения зависит состояние жизни и здоровья сотен тысяч пострадавших граждан, участников ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф, выполнивших свой профессиональный и патриотический долг. Поэтому забота государства и общества об этих людях носит не только правовой и социальный характер, но и нравственный. Сегодня можно сказать, что работа органов государственной власти всех уровней по социальной защите чернобыльцев оценивается Союзом «Чернобыль» России как неудовлетворительная. Одной из основных причин этого является отсутствие четкого и налаженного управления по реализации законных прав граждан в сфере социального, медицинского и жилищного обеспечения. Другой причиной, по мнению Союза, является недооценка специфики и сложности применения отдельных положений чернобыльского законодательства. В результате чего издаются противоречивые нормативные и правовые акты. Значительная часть граждан вынуждена отстаивать свои права в судах различных инстанций.

Несвоевременное исполнение судебных решений, вступивших в законную силу, стало еще одной причиной неудовлетворительной оценки работы федеральных органов исполнительной власти.

В этих условиях возрастает необходимость более целенаправленного сотрудничества органов власти и Союза «Чернобыль» России. Отдельные элементы совместной работы по решению проблем граждан, подвергшихся воздействию радиации, проявляются во взаимодействии с Рострудом и некоторыми департаментами Минздравсоцразвития России. Хотелось бы дальше развивать партнерские отношения.

Предлагается вернуть проверенную жизнью практику участия Союза «Чернобыль» России в подготовке или согласовании проектов нормативных правовых документов, направленных на обеспечение законных прав граждан. Следует эффективнее использовать совещательные и консультативные органы, созданные в Федеральном Собрании и Минздравсоцразвитии России, с целью координации социального и медицинского обеспечения граждан, подвергшихся воздействию радиации.

Союз «Чернобыль» России выражает надежду, что настоящие парламентские слушания примут необходимые рекомендации, с помощью которых все органы государственной власти смогут обеспечить им конституционные гарантии на полное возмещение ущерба, причиненного здоровью, имуществу и окружающей среде.

□ 6.4. О ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ СОЮЗА «ЧЕРНОБЫЛЬ» РОССИИ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ И ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*(Выступление президента Союза «Чернобыль» России
Гришина В.Л. на заседании Центрального Совета СЧР
30 октября 2007 года).*

Уважаемые члены Центрального Совета!

Более полугода прошло с тех пор, когда Союз «Чернобыль» России обратился к Президенту Российской Федерации В.В. Путину с просьбой о помощи в решении проблем медицинского, лекарственного, санаторно-курортного и жилищного обеспечения лиц, пострадавших вследствие радиации.

Апрельские требования Союза «Чернобыль» России к Правительству и Федеральному Собранию Российской Федерации послужили основой для начала конструктивного диалога с властью по решению проблем. В результате ряда совещаний в Минздравсоцразвитии России 4 мая выходит Поручение временного исполняющего обязанности министра В.И. Стародубова. В нем поручается структурным подразделениям и подведомственным учреждениям Министерства разработать предложения по улучшению медицинского, лекарственного, и санаторно-курортного обслуживания граждан, подвергшихся воздействию радиации.

На внеочередном заседании Центрального правления СЧР 18 сентября этого года была заслушана информация специалистов Минздравсоцразвития России о ходе работы по исполнению Поручения министра. Сведения об этом рассылались членам Центрального Совета и размещались на сайте организации.

С участием Союза «Чернобыль» России в Государственной Думе Российской Федерации 3 июля прошли парламентские слушания. Рекомендации, выработанные после слушаний, позволили активизировать работу федеральных органов государственной власти по решению проблем граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф и ядерных испытаний.

Результаты этих слушаний показали необходимость корректировки норма-

тивных правовых актов Правительства и ряда Министерств Российской Федерации. Нуждаются в совершенствовании и отдельные положения действующего законодательства в отношении этих граждан.

Центральное правление поручило председателям комитетов: по законодательной и судебной деятельности – А.Я. Великину; по медицинскому, лекарственному и санитарно-курортному обеспечению – Н.А. Мешкову организовать работу по сбору и подготовке предложений от Союза «Чернобыль» России для согласования и внесения их на рассмотрение в законодательные и исполнительные органы власти.

В настоящее время в Минздравсоцразвитии России ведется согласование предложений СЧР по диспансеризации, перечню заболеваний, улучшению работы межведомственных экспертных советов, обеспечению лекарственными препаратами и санаторно-курортным лечением. Не менее активно центральным аппаратом Союза ведется работа по решению проблем, возникающих в ходе переосвидетельствования у инвалидов степени утраты трудоспособности в бюро МСЭК.

В летний период 2007 года в ряде регионов состоялись встречи, совещания, «круглые столы» по рассмотрению и реализации требований Союза «Чернобыль» России с участием представителей органов власти. В ходе этих мероприятий достигнуты договоренности о принятии дополнительных мер по медицинскому, лекарственному, санаторно-курортному обеспечению граждан, подвергшихся воздействию радиации. В настоящее время в этих субъектах Российской Федерации чернобыльские организации продолжают осуществлять конструктивное взаимодействие с органами социальной защиты, медицины и совместно добиваются решения проблем. К сожалению, опыт такой работы пока не получил широкого применения в деятельности некоторых членов Союза «Чернобыль» России.

Проблеме погашения задолженности по судебным решениям, вступившим в законную силу, уделялось внимание и на парламентских слушаниях в Госдуме. Выработаны рекомендации по устранению причин, приводящих к длительным задержкам выплат. Фракция «Единая Россия» в Государственной Думе Российской Федерации поддержала инициативу Союза «Чернобыль» России о принятии Обращения Государственной Думы Российской Федерации «К Председателю Правительства Российской Федерации В.А. Зубкову «О необходимости своевременного исполнения судебных решений, принятых в отношении граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на ЧАЭС». Такое обращение было принято 18 октября 2007 года. По имеющийся в СЧР информации, вскоре будут внесены соответствующие изменения в федеральный закон «О федеральном бюджете на 2007 год». Надеемся, что в ноябре-декабре этого года все долги будут доведены до получателей.

По сведениям из Минрегиона России, готовятся изменения и дополнения в ряд Постановлений Правительства Российской Федерации. Их цель – обеспечение благоустроенной жилой площадью участников ликвидации последствий Чернобыльской и других аварий и катастроф, а также восстановление права на жилье всех категорий граждан в соответствии с нормами Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» и уточнение условий предоставления им жилищных сертификатов.

В связи с изменениями структуры и состава Правительства Российской Федерации, Союз «Чернобыль» России обратился с предложением о создании ме-

дицинского специализированного структурного подразделения в Минздравсоцразвитии России. По инициативе нашей организации в администрации Президента Российской Федерации рассматривается возможность проведения межведомственного совещания по проблеме финансового обеспечения исполнения судебных решений, вступивших в законную силу, по индексации денежных компенсаций граждан, пострадавших вследствие чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф.

Центральное правление Союза «Чернобыль» России трижды (4 мая, 4 июля, 18 сентября) рассматривало вопросы реализации требований к Правительству и Федеральному Собранию Российской Федерации. Каждый раз, основываясь на сведениях, полученных от федеральных органов власти, участвуя в подготовке и согласовании предложений по решению проблем граждан, пострадавших вследствие радиации, Центральное правление приостанавливало работу Оргкомитета по подготовке и проведению Всероссийской акции протеста. Дата проведения акции переносилась.

В Решении Центрального правления от 18 сентября 2007 года было отмечено, что заседание проходило в условиях формирования нового состава Правительства РФ и изменения его структуры. Кроме того, 2 декабря 2007 года состоятся выборы нового состава депутатов Госдумы России.

В целях достижения эффективных результатов по выполнению требований Союза «Чернобыль» России к Правительству и Федеральному Собранию РФ, учитывая желание органов государственной власти продолжать работу по решению проблем граждан, подвергшихся воздействию радиации, Центральное правление считает проведение Всероссийской акции протеста несвоевременной. Оргкомитет приостановил подготовку к Всероссийской акции протеста до принятия решения на заседании Центрального Совета 30 октября 2007 года.

За время, прошедшее после такого решения, наметилась тенденция к позитивным изменениям в решении ряда проблем. Об этом я говорил ранее. Однако значительная часть из них будет решена только путем внесения соответствующих изменений и дополнений в нормативные правовые и законодательные акты. На это требуется не только время. Необходимы конкретные наши предложения, подготовленные в соответствии с требованиями органов государственной власти, принимающих законы, постановления, распоряжения и иные документы, направленные на улучшение медицинского, лекарственного, санаторно-курортного и жилищного обеспечения пострадавших граждан.

В современных условиях административной и социальной реформы разграничения полномочий между федеральными, региональными и муниципальными органами власти и управления необходимо и нашей организации скорректировать свою работу.

Опыт взаимодействия центрального аппарата с федеральными органами власти показывает, что предложения Союза «Чернобыль» России тогда становятся реальной основой усиления мер социальной поддержки, улучшения медицинского обеспечения, когда они сопровождаются научным, правовым и финансовым обоснованием. Отсутствие подобной информации не только затрудняет решение проблем граждан, но и не позволяет начинать обсуждение с властью содержание этих предложений.

В связи с этим перед Союзом «Чернобыль» России стоит задача организовать

не только сбор предложений, но и подготовить для их согласования и реализации необходимые обоснования.

Такого рода деятельность потребует качественно новых и эффективных форм и методов взаимоотношений внутри Союза «Чернобыль» России между центральными органами и региональными организациями Союза «Чернобыль» России, а также нужны новые подходы в работе с федеральными, региональными и муниципальными органами государственной власти.

Об этом более подробно мы поговорим, рассматривая «Программу уставной деятельности Союза «Чернобыль» России на 2008 год».

В нынешних условиях развития российского общества, с учетом опыта других общественных организаций, Союз «Чернобыль» России считает, что главным принципом достижения эффективности в работе является конструктивное (деловое) сотрудничество и взаимодействие с властью.

Поэтому для достижения поставленных Союзом «Чернобыль» России целей необходима кропотливая, профессиональная работа всех его структурных подразделений. Такой новый стиль в работе не приемлет прежних, неэффективных форм и методов, таких как уличные акции протеста. На их смену уже пришли и получили широкое развитие и эффективность другие способы борьбы за свои права, например, судебные процессы. Нашей организации еще предстоит самым серьезным образом заняться анализом и обобщением судебной практики, сделать ее доступной для тех, кто самостоятельно или по физической немощи, не способен защитить себя.

В связи с вышеизложенным, предлагаю отказаться не менее чем на полгода в работе Союза «Чернобыль» России от проведения уличных акций протеста. Например, до 1 июля 2008 года. Оргкомитет по подготовке и проведению Всероссийской акции протеста, образованный Центральным Советом в марте этого года – распустить.

Уважаемые члены Центрального Совета!

Скоро 23 года со дня катастрофы на Чернобыльской АЭС. 1 декабря исполнится 17 лет нашей организации. За эти годы мы потеряли немало своих друзей и товарищей по общественной работе. Чернобыльский закон, в силу различных его изменений и неоднозначности толкования применения, сегодня разделит граждан, пострадавших от радиации, прежде всего по материальному признаку. Например, среди инвалидов-чернобыльцев II группы со связью инвалидности с работами на ЧАЭС, существует огромная разница по выплатам ВВЗ от 4508 рублей – для одних, до 60-100 тыс. рублей в месяц – для других. Отличается в разы и средняя выплата ВВЗ инвалидам по регионам. Например, в Карачаево-Черкессии и Тульской области она составляет более 19 тыс. рублей. В то же время в Москве, Владимирской, Костромской, Архангельской, Новгородской, Астраханской, Оренбургской, Омской, Томской, Курганской, Новосибирской областях, в Республиках Адыгея, Северная Осетия, Ингушетия, Чеченская, Башкортостан, Марий Эл, Мордовия и др., всего в 34 субъектах РФ, средняя ежемесячная выплата ВВЗ на инвалида составляет менее 6 тыс. рублей. В связи с этим большая часть из них разочаровывается в справедливости отдельных норм закона. Кроме того, другие категории граждан, пострадавших вследствие радиации, такие как вдовы, ликвидаторы, инвалиды без связи заболеваний, проживающие на загрязненных территориях разочаровываются в деятельности чернобыльских общественных организаций, так как не находят не-

обходимой поддержки и защиты. Все это обязывает нас скорректировать деятельность Союза «Чернобыль» России, направив ее на решение острых проблем тех граждан, которые находятся в тяжелом состоянии здоровья и (или) оказались в трудном материальном положении.

Заключение

XXI век оставил Человечеству много нерешенных проблем. Среди них, установление в мире справедливости и взаимного уважения стран с различными системами государственного устройства.

Поиск эффективного решения этих проблем должен базироваться на основе соблюдения безопасности развития общества в целом. А это означает, в первую очередь, исключение из мировой практики войн, тем более с применением ядерного оружия. И, во-вторых – предупреждение крупных техногенных аварий и катастроф.

Известно, что Человечеству потребовалось всего около 50 лет, чтобы, «спотыкаясь и падая», применить атом как в мирных, так и в военных целях.

Решались ли вопросы безопасности в полной мере при создании ядерного оружия, строительстве атомной промышленности? Конечно, нет! Достаточно напомнить только о Кыштымской и Чернобыльской катастрофах! А сколько было катастроф на других ядерных объектах, опасных для жизнедеятельности населения. Разработан ли в полной мере комплекс мероприятий по предупреждению подобных трагедий и эффективных путей их решения? Конечно нет!

В качестве подтверждения в данной монографии представлена только незначительная часть нерешенных проблем!

Человечеству еще предстоит объединить усилия основных развитых государств в создании комплекса мероприятий по предупреждению крупнейших аварий и катастроф, включая и межпланетные катаклизмы. А вся история существования нашей планеты показывает, что ранее такие трагедии не обходили стороной нашу многострадальную Землю.

В этих условиях, научному потенциалу государств необходимо, во-первых, более тщательно исследовать известные крупные катастрофы прошлого, а во-вторых, предусмотреть эффективный комплекс борьбы с подобными катаклизмами, начиная с мониторинга подобных явлений. И пора перейти от международно-национальной и межконфессиональной «грызни» к качественному развитию мирового сообщества.

Дерзайте, творите, но не губите друг друга из-за кажущихся Вам очень важными причин. Да поможет Вам в этом Ваш светлый разум!

Но помните, что в этой работе должно участвовать все общество, сплоченное единой целью – построение светлого будущего Человечества – без бедных!

И такое время настанет при одном условии – каждый гражданин мира должен внести в это прекрасное свой эффективный вклад!

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ДЕФИНИЦИЯ ТЕРМИНОВ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХ В МОНОГРАФИИ

Авария – происшествие, в результате которого повреждена или разрушена техника (без гибели людей).

Авария радиационная – авария, сопровождаемая выбросом радиоактивных веществ за пределы ядерного объекта, в результате чего может создаваться повышенная радиационная опасность, представляющая собой угрозу для жизни и здоровья людей. Выделяют локальные аварии – радиационные последствия ограничиваются одним зданием (сооружением) с возможным облучением персонала, местные – радиационные последствия ограничиваются территорией АЭС, общие – радиационные последствия распространяются за границу территории АЭС.

Адаптогены – препараты, повышающие общую сопротивляемость организма к различным неблагоприятным факторам, в том числе и к радиации. К ним относятся элеутерококк, женьшень, китайский лимонник, дибазол.

Адсорбенты – вещества, способные захватывать на свою поверхность радиоактивные и другие вредные вещества, и вместе с ними они выводятся из организма. В качестве адсорбентов могут применяться активированный уголь, адсорбар, вакоцин и др.

Активность – число распадов радиоактивных ядер в единицу времени.

Единицы активности – в системе СИ – беккерель (Бк), соответствует одному распаду радиоактивного изотопа в секунду.

Ампер (А) – единица силы электрического тока.

Бар – единица измерения давления: 1 Бар = 10⁵ Па, 1 Па (Паскаль) = 0,102 кгс/кв. м.

Биосфера – совокупность всех живых организмов на нашей планете и области их обитания и влияния (приземные атмосферные слои, вся толща океанов, поверхностные слои суши и водоемы).

Биоценоз – совокупность живых организмов, обитающих и определенном районе и тесно взаимосвязанных между собой.

Биогеоценоз – совокупность живых организмов и неорганических природных факторов, участвующих в их жизнедеятельности, и обитающих в определенном районе.

Бэр – биологический эквивалент рентгена, внесистемная единица. 1 бэр дозы рентгеновского излучения по своему биологическому действию эквивалентен 1 рентгену (Р).

Ватт – единица мощности: 1 кВт киловатт = 1000 Вт, 1 МВт мегаватт = 1 млн. Вт, 1ГВт гигаватт = 1 млрд. Вт.

Внешнее облучение – облучение тела от находящегося вне его источников ионизирующего излучения.

Внутреннее облучение – облучение за счет вдыхаемой радиоактивной пыли, а также за счет радиоактивных веществ, попадающих внутрь с водой и пищей.

Гамма-излучение – коротковолновое электромагнитное излучение, а также электромагнитное излучение радионуклидов (независимо от энергии), возникающее при распаде радиоактивных ядер.

Ген – единица наследственного материала, ответственная за формирование элементарного признака организма (от греч. – «рождающий»).

Генетическое действие ионизирующей радиации – повреждение наследственного механизма клетки, передающееся ее потомству.

Грей (Гр) – единица поглощенной дозы ионизирующей радиации.

Доза – мера действия ионизирующего излучения в определенной среде. Выражается в величине эффекта ионизации (т. н. экспозиционная доза, характеризующая источник радиации) или количестве поглощенной тканями, организмом энергии излучения (поглощенная доза).

Деактивация – удаление радиоактивных загрязнений с поверхностями различных объектов. Способы деактивации: струей воды, дезактивирующими растворами, электрическим полем, ультразвуком, стиркой, использованием сорбентов, струей газа (воздуха), пылеотсасыванием, снятием загрязненного слоя, изоляцией загрязненной поверхности, фильтрацией, протиранием ветошью, щетками, паром, при помощи затвердевающих пленок.

Диагностика радиационных поражений – установление радиационного повреждения организма. Показатели индивидуальной дозиметрии позволяют получить представление о поглощенных дозах. Исследование с помощью счетчика ионизации (СИЧ) дает возможность изучить спектр и количество инкорпорированных радионуклидов. Наиболее информативной является биологическая дозиметрия, основывающаяся на учете клинических проявлений лучевой травмы в каждом периоде заболевания.

Единицы измерения доз радиации: экспозиционной – рентген (Р) – вызывает образование в 1 куб. см воздуха при нормальных условиях 2,8 млн. пар ионов; поглощенной – грей (Гр) – соответствует поглощению энергии в 1 Дж вещества в 1 кг, 1 сГр = 1 Рад.

Естественный фон излучения – излучение, создаваемое рассеянными в природе многочисленными естественными радионуклидами, содержащимися в земной коре, приземном воздухе, почве, воде, растениях, в продуктах питания, в организме животных и человека, а также излучение, приходящее из космоса. Естественный фон излучения колеблется в широких пределах в различных регионах Земли. На территории СССР уровень естественного фона излучения составляет 5-50 мкр/ч. Поглощенная эффективная эквивалентная доза в организме человека в год в среднем составляет 2 мЗв или 0,2 бэр или 200 мбэр. При этом на долю облучения от радионуклидов приходится 84% всей дозы и 16% – на долю от космического излучения.

Зиверт – см. эффективная эквивалентная доза

Зонирование – загрязненных территории основывается на величине вероятной годовой эффективной дозы, получаемой жителями в отсутствие мер радиационной защиты. Зонирование на ранней стадии радиационной аварии:

зона радиационного контроля – от 1 до 5 мЗв;

зона ограниченного проживания – от 5 до 20 мЗв;

зона добровольного отселения – от 20 до 50 мЗв;

зона отселения – более 50 мЗв.

Зонирование на восстановительной стадии радиационной аварии:

зона радиационного контроля – от 1 до 5 мЗв;

зона ограниченного проживания населения – от 5 до 20 мЗв;

зона отселения – от 20 до 50 мЗв, въезд на указанную территорию для посто-

янного проживания не разрешается;

зона отчуждения – более 50 мЗв. Постоянное проживание не допускается.

Ионизирующая радиация – излучение высоких энергий (электромагнитное и корпускулярное), вызывающее ионизацию атомов и молекул вещества.

Канцерогенез – процесс злокачественного перерождения клеток, их превращения в раковые клетки.

Катастрофа (техн.) – происшествие с техникой, повлекшее за собой гибель людей; событие, влекущее за собой трагические последствия.

Коллективная доза – суммарная доза, полученная группой облученных людей, единица измерения коллективной дозы – человек/зиверт (чел/Зв).

Кюри (Ки) – внесистемная единица активности радионуклидов, соответствующая активности 1 г радия 1 Ки = 37 млрд. Бк.

Коллапс – тяжелое проявление острой сосудистой недостаточности с резким снижением артериального давления и расстройством периферического кровообращения.

Коматозное состояние – критическое состояние больного, характеризующееся потерей сознания, нарушением функций вгг-анализаторов центральной нервной системы и расстройством жизненно важных функций.

Комплексоны – препараты, ускоряющие выведение радиоактивных веществ из организма (ЭДТА, гетацин-кальций, унитол).

Латентный (скрытый) период лучевой болезни – характеризуется относительно благополучным исчезновением большинства симптомов начального периода. Вместе с тем могут сохраняться общая слабость, понижение аппетита, диспепсические расстройства, нарушение сна. Длительность латентного периода составляет промежуток времени от момента облучения до начала разгара болезни.

Лучевая болезнь – возникает при воздействии на организм ионизирующего излучения в дозах, равных или больших чем 1 Зв (100 бэр). У человека лучевая болезнь проявляется главным образом поражением органов кроветворения, а при очень больших дозах – более 10 Зв (1000 бэр) – поражением желудочно-кишечного тракта и нервной системы.

Мощность дозы – доза ионизирующей радиации, излученная или поглощенная веществом в единицу времени (секунду, минуту, час, сутки, год).

Мутаген – вещество или воздействие, вызывающее мутацию.

Мутация – внезапное и стойкое изменение генетической информации.

Ноосфера (от греч. «ноос» – «разум») – новое эволюционное состояние биосферы, при котором разумная деятельность человека становится решающим фактором ее развития. Понятие «ноосфера» введено французскими учеными Э. Леруа и Э. Тейяром де Шарденом (1927 г.), трактовавшими его идеалистически. В.И. Вернадский развил материалистическое представление о ноосфере как качественно новой форме организованности, возникающей при взаимодействии природы и общества в соответствии с законами мышления и социально-экономическими законами.

Обморок – острая сосудистая недостаточность с кратковременным нарушением кровообращения головного мозга.

Очистка – обезвреживание от радиоактивных веществ жидких и газообразных сред.

Ожоги лучевые – в зависимости от поглощенной дозы на ростковый слой

кожи степень лучевого ожога и клинические проявления варьируются от незначительных до тяжелых. Выделяют период первичной эритемы, скрытый, разгара и восстановления. Длительность первичной эритемы и отека в тяжелых случаях гамма-облучения – от нескольких часов до нескольких суток.

Период полураспада – время, в течение которого количество радиоактивных атомов изотопа уменьшается вдвое.

Поглощенная доза – см. доза.

Популяция – совокупность особей одного биологического вида способных к свободному скрещиванию и обладающих общим генофондом. Термин применяется и по отношению к однородным клеткам определенной ткани.

Поражения радиационные – поражения, возникающие при воздействии на организм проникающей радиации в результате аварии на реакторах АЭС производственных предприятиях, от источников ионизирующей радиации, при нарушении техники безопасности или повреждении систем защиты. Подразделяются на соматические, связанные с облучением данного человека, и генетические у потомства, обусловленные облучением зародышевых клеток.

Протектор (радиопротектор) – профилактические лекарственные средства, снижающие степень лучевого поражения, введенные в облучаемую живую систему до воздействия радиации. У некоторых радиопротекторов степень эффективности (фактор уменьшения дозы) равна 1,2-2.

Профилактика йодная – предупреждение накопления радиоактивного йода в щитовидной железе приемом внутрь лекарственных препаратов стабильного йода (йодистый калий, 5% йодная настойка). Наибольший защитный эффект достигается тогда, когда эти средства применяются заблаговременно или одновременно с ингаляционным поступлением радиоактивного йода в организм.

Радиоактивность – самопроизвольное превращение нестабильных ядер атомов в ядра других элементов, сопровождающееся испусканием ядерных излучений (альфа-, бета- и гамма-).

Известно пять типов радиоактивности: альфа- и бета-распад, спонтанное деление атомных ядер, протонная и двупротонная радиоактивность.

Радионуклиды – атомы, в которых ядра самопроизвольно распадаются с выделением энергии в виде гамма-квантов, электрически заряженных бета-частиц, альфа-частиц или нейтронов.

Радиорезистентность – устойчивость к действию ионизирующей радиации.

Радиофобия – собирательное понятие психопатологических состояний и психосоматических заболеваний, вызванных страхом перед радиацией.

Радиочувствительность – чувствительность к действию радиации, понятие, обратное радиорезистентности.

Соматический – телесный, термин применяется ко всем клеткам тела, кроме половых.

Соматические эффекты радиации – повреждения, появляющиеся в период жизни организма, но не передающиеся его потомкам, возникающие при прохождении заряженной частицы через некоторые вещества.

Техногенный фон излучения – фон излучения, возникающий в результате деятельности человека, связанный с переработкой и перемещением земных и горных пород, сжиганием угля и других материалов при производстве энергии, испытаниях ядерного оружия.

Цезий-137 – основной дозообразующий радиоактивный изотоп после аварии на

ЧАЭС. Его гамма-кванты формируют дозы внешнего и внутреннего облучения, период его полураспада до 30 лет, а почти полного распада (на 90%) – 100 лет.

Эффективная эквивалентная доза излучения – термин, характеризующий поглощенную в организме энергию ионизирующего излучения с учетом неодинаковой чувствительности разных органов и тканей. Эффективную эквивалентную дозу нельзя измерить, ее можно только рассчитать, предварительно измерив поглощенные дозы в различных органах и зная чувствительность этих органов. Единицей измерения дозы является Грей, а применительно к организму и с учетом свойств вида излучения – Зиверт (Зв). Один Зиверт равен 100 бэр. Производная величина миллизиверт (мЗв), равный 0,001 Зв.

Экзотермическая реакция – реакция с выделением тепла.

Эндотермическая реакция – реакция с поглощением тепла.

Чрезвычайная ситуация – обстановка на определенной территории или акватории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, а также в результате применения современных средств поражения, которые могут привести к нарушению нормальных условий жизни и деятельности людей, к ущербу их здоровья и человеческим жертвам, ущербу имуществу населения, народному хозяйству и окружающей природной среде.

Техногенная чрезвычайная ситуация – состояние, при котором в результате возникновения источника техногенной чрезвычайной ситуации на объекте, определенной территории или акватории нарушаются нормальные условия жизни и деятельности людей, возникает угроза их жизни и здоровью, наносится ущерб имуществу населения, народному хозяйству и окружающей природной среде (ГОСТ Р 22 0,05-94).

Приложение 2

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А – активность радионуклидов

АБ – атомная бомба

АБК – административно бытовой корпус

АЗ – аварийная защита

АПЛ – атомная подводная лодка

АС – атомная станция

АСТ – атомная станция теплоснабжения

АТС – автоматизированная телефонная станция

АТЭЦ – атомная теплоэлектроцентраль

АЭС – атомная электростанция

БВО – Белорусский военный округ

БрХЗ – бригада химической защиты

БЩУ – блочный щит управления энергоблоком

ВВ – внутренние войска

ВВЭР – водо-водяной энергетический реактор

ВГТР – высокотемпературный газо-охлаждаемый реактор

ВМФ – Военно-Морской флот

ВНИИАЭС – Всесоюзный научно-исследовательский институт по эксплуатации атомных электростанций

ВНП – валовой национальный продукт
ВОВ – Великая Отечественная война
ВРР – Воздушная радиационная разведка
ВУРС – восточно-уральский радиоактивный след
ВЧ – высокочастотная связь (правительственная)
ВВАУЛ – Высшее военное авиационное училище летного состава
ГКО – Государственный комитет обороны
ГО – гражданская оборона
ГОУ – Главное оперативное управление
ГСЗ – Государственная система защиты населения
ГУ – Главное управление
ГУЖВ – Главное управление железнодорожных войск
ГУПВ – Главное управление пограничных войск
ГУПО – Главное управление пожарной охраны
ГЦН – Главный циркуляционный насос
ГШ ВС – Генеральный штаб Вооруженных сил
ЦК – Центральный комитет
ЦОИ – Центр общественной информации по атомной энергии
ЖВ – железнодорожные войска
ЗО – защитная оболочка
ИАЭ – Институт атомной энергии
ИБ – Институт биофизики
ИВ – инженерные войска
ИМР – инженерная машина разграждения
КВО – Киевский военный округ
КГБ – Комитет государственной безопасности
КНИР – комплексная научно-исследовательская работа
КПП – контрольно-пропускной пункт
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КПУ – Коммунистическая партия Украины
ЛБ – лучевая болезнь
ЛПК – ликвидация последствий катастрофы
ЛПЧС – ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций
ЛЭП – линия электропередачи
МВД – Министерство внутренних дел
МГА – максимальная гипотетическая авария
МЗ – Министерство здравоохранения
Минатом – Министерство РФ по атомной энергии
МИРЭК – мировая энергетическая конференция
МКК – Международный консультативный комитет
МО – Министерство обороны
МПА – максимальная проектная авария
МПВО – местная противовоздушная оборона
МРЦ – медицинский радиологический центр
МСД – мотострелковая дивизия
МСМ – Министерство среднего машиностроения
МСЧ – медицинская санитарная часть
МТС – Межведомственный технический совет

МЧС – Министерство по чрезвычайным ситуациям
НИИ – научно-исследовательский институт
НИКИЭ – Научно-исследовательский и конструкторский институт
энергетики
НИКИЭТ – научно-исследовательский конструкторский институт
энерготехники
НИР – научно-исследовательская работа
НКДАР – Научный комитет по действию атомной радиации при ООН
НПО – научно-производственное объединение
НРБ – нормы радиационной безопасности
НТЦ БАЭ – Научно-технический центр по безопасности атомной
энергетики России
ОГ – оперативная группа
ОГР – оперативная группировка
ОД – оперативный дежурный
ОКБМ – опытно-конструкторское бюро машиностроения
ОЛБ – острая лучевая болезнь
ОМП – отдельный механизированный полк
СОП – санитарно-обмывочный пункт
ОРЗ – оперативный запас реактивности
ОТ – отдел труда
ОШ – оперативный штаб
ЦОСИ – Центр оперативно-стратегических исследований
ПБ – Политбюро
ПГ – парогенератор
ПГТ – поселок городского типа
ПДД – предельно допустимая доза
ПК – Правительственная комиссия
ПО – производственное объединение
ПрикВО – Прикарпатский военный округ
ПУ – пункт управления
ПУСО – пункт специальной обработки
РАН – Российская академия наук
РБ – радиационная безопасность
РБМК – реактор большой мощности канальный
РВК – районный военный комиссариат
РДМН – Российская академия медицинских наук
РСЧС – Единая государственная система предупреждения и ликвидации
чрезвычайных ситуаций
РТК – робототехнические комплексы
САОР – система аварийного охлаждения реактора
СЗ – специальная защита
СИЗ – средства индивидуальной защиты
СМИ – средства массовой информации
СНЛК – сеть наблюдения и лабораторного контроля
СОБ – система обеспечения безопасности
СОО – станция обеззараживания одежды
СРК – система радиационного контроля

СТУ – специальное техническое управление
СУЗ – система управления и защиты реактора
 $T_{1/2}$ – период полураспада радионуклида
ТВС – тепловыделяющая сборка
ТВЭЛ – тепловыделяющий элемент
ТГ – турбогенератор
ТБ – техника безопасности
ТСМ – топливосодержащие массы
УКГБ – управление КГБ
УТС – управляемый термоядерный синтез
ХВ – химические войска
ЦЗ – центральный зал
ЦКП – центральный командный пункт
ЧАЭС – Чернобыльская атомная электростанция
ЧП – Чрезвычайное происшествие
ШВИ – Шиханский военный институт
ЭБ – энергоблок
ЯТЦ – ядерный топливный цикл
ЯЭУ – ядерная энергетическая установка

Приложение 3

ДИРЕКТИВА Совета национальной безопасности США

18 августа 1948 года Совет национальной безопасности США принял директиву 20/1 «Цели США в войне против России». Эта дата обычно считается началом информационной войны США против СССР. Директива 20/1 была впервые опубликована в США в 1978 году в сборнике «Сдерживание. Документы об американской политике и стратегии 1945-1950 гг.» Ввиду важности этого основополагающего документа, он воспроизводится ниже: «Правительство вынуждено в интересах развернувшейся ныне политической войны наметить более определенные и воинственные цели в отношении России уже теперь, в мирное время, чем было необходимо в отношении Германии и Японии еще до начала военных действий с ними... При государственном планировании ныне, до возникновения войны, следует определить наши цели, достижимые как во время мира, так и во время войны, сократив до минимума разрыв между ними.

Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум:

а) Свести до минимума мощь и влияние Москвы;

б) Провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России.

Наши усилия, чтобы Москва приняла **НАШИ КОНЦЕПЦИИ**, равносильны заявлению: наша цель – свержение Советской власти. Отправляясь от этой точки зрения, можно сказать, что эти цели недостижимы без войны, и, следовательно, мы тем самым признаем: наша конечная цель в отношении Советского Союза – война и свержение силой Советской власти.

Было бы ошибочно придерживаться такой линии рассуждений. Во-первых, мы не связаны определенным сроком для строгого чередования периодов войны и мира, что побуждало бы нас заявить: мы должны достичь наших целей в мирное время к такой-то дате или «прибегнем к другим средствам... «Во-вторых,

мы обоснованно не должны испытывать решительно никакого чувства вины, добиваясь уничтожения концепций, несовместимых с международным миром и стабильностью, и замены их концепциями терпимости и международного сотрудничества. Не наше дело раздумывать над внутренними последствиями, к каким может привести принятие такого рода концепций в другой стране, равным образом мы не должны думать, что несем хоть какую-нибудь ответственность за эти события... Если советские лидеры сочтут, что растущее значение более просвещенных концепций международных отношений несовместимо с сохранением их власти в России, то это их, а не наше дело. Наше дело работать и добиться того, чтобы там свершились внутренние события... Как правительству мы не несем ответственности и за внутренние условия в России...

Нашей целью во время мира появляется свержение Советского правительства. Разумеется, мы стремимся к созданию таких обстоятельств и обстановки, с которыми нынешние советские лидеры не смогут смириться и которые им не придутся по вкусу. Возможно, что, оказавшись в такой обстановке, они не смогут сохранить свою власть в России. Однако, следует со всей силой подчеркнуть – то их, а не наше дело... Если действительно возникнет обстановка, к созданию которой мы направляем наши усилия в мирное время, и она окажется невыносимой для сохранения внутренней системы правления в СССР, что заставит Советское правительство исчезнуть со сцены, мы не должны сожалеть по поводу случившегося, однако мы не возьмем на себя ответственность за то, что добивались или осуществили это.

Речь идет, прежде всего, о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом военном и психологическом отношении по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля. Мы должны, прежде всего, исходить из того, что для нас не будет выгодным или практически осуществимым полностью оккупировать всю территорию Советского Союза, установив на ней нашу военную администрацию. Это невозможно как ввиду обширности территории, так и численности населения... Иными словами, не следует надеяться достичь полного осуществления нашей воли на русской территории, как мы пытались сделать это в Германии и Японии. Мы должны понять, что конечное урегулирование должно быть политическим.

Если взять худший случай, то есть сохранение Советской власти над всей или почти всей территорией, то мы должны потребовать:

- а) выполнения чисто военных условий (сдача вооружения, эвакуация ключевых районов и т.д.), с тем чтобы надолго обеспечить военную беспомощность;
- б) выполнения условий с целью обеспечить значительную экономическую зависимость от внешнего мира.

Все условия должны быть жесткими и явно унижительными для этого коммунистического режима. Они могут примерно напоминать Брест-Литовский мир 1918 г., который заслуживает самого внимательного изучения в этой связи. Мы должны принять в качестве безусловной предпосылки, что не заключим мирного договора и не возобновим обычных дипломатических отношений с любым режимом в России, в котором будет доминировать кто-нибудь из нынешних советских лидеров или лица, разделяющие их образ мышления. Мы слишком натерпелись в минувшие 15 лет (т.е. годы правления И.В. Сталина 1933-1948 гг. – **от редакции**), действуя, как будто нормальные отношения с таким режимом были возможны...

Так какие цели мы должны искать в отношении любой некоммунистической власти, которая может возникнуть на части или всей русской территории в результате событий войны? Следует со всей силой подчеркнуть, что независимо от идеологической основы любого такого некоммунистического режима и независимо от того, в какой мере он будет готов на словах воздавать хвалу демократии и либерализму, мы должны добиться осуществления наших целей, вытекающих из уже упомянутых требований. Другими словами, мы должны создавать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим:

- а) не имел большой военной мощи;
- б) в экономическом отношении сильно зависел от внешнего мира;
- в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами;
- г) не установил ничего похожего на железный занавес.

В случае если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унижительным образом. Но мы обязаны не мытьем, так каньем навязать их для защиты наших интересов...

Мы должны ожидать, что различные группы предпримут энергичные усилия, с тем чтобы побудить нас пойти на такие меры во внутренних делах России, которые свяжут нас и явятся поводом для политических групп в России продолжать выпрашивать нашу помощь. Следовательно, нам нужно принять решительные меры, дабы избежать ответственности за решение, кто именно будет править Россией после распада советского режима. Наилучший выход для нас – разрешить всем эмигрантским элементам вернуться в Россию максимально быстро и позаботиться о том, в какой мере это зависит от нас, чтобы они получили примерно равные возможности в заявках на власть... Вероятно, между различными группами вспыхнет вооруженная борьба. Даже в этом случае мы не должны вмешиваться, если только эта борьба не затронет наши военные интересы. Как быть с силой Коммунистической партии Советского Союза – это в высшей степени сложный вопрос, на который нет простого ответа. На любой территории, освобожденной от правления Советов, перед нами встанет проблема человеческих остатков советского аппарата власти. В случае упорядоченного отхода советских войск с нынешней советской территории местный аппарат Коммунистической партии, вероятно, уйдет в подполье, как случилось в областях, занятых немцами в недавнюю войну. Затем он вновь заявит о себе в форме партизанских банд.

В этом отношении проблема, как справиться с ним, относительно проста: нам окажется достаточным раздать оружие и оказать военную поддержку любой некоммунистической власти, контролирующей данный район, и разрешить расправиться с коммунистическими бандами до конца традиционными методами русской гражданской войны. Куда более трудную проблему создадут рядовые члены Коммунистической партии или работники (советского аппарата), которых обнаружат или арестуют или которые отдадутся на милость наших войск или любой русской власти. И в этом случае мы не должны брать а себя ответственность за расправу с этими людьми или отдавать прямые приказы местным властям, как поступить с ними. Это дело любой русской власти, которая придет на смену коммунистическому режиму. Мы можем быть уверены, что такая власть сможет много лучше судить об опасности бывших коммунистов для без-

опасности нового режима и расправиться с ними так, чтобы они в будущем не наносили вреда... Мы должны неизменно помнить: репрессии руками иностранцев неизбежно создают местных мучеников... Итак, мы не должны ставить своей целью проведение нашими войсками на территории, освобожденной от коммунизма, широкой программы декоммунизации и в целом должны оставить это на долю любых местных властей, которые придут на смену Советской власти».

Приведенная директива 20/1 СНБ США от 18 августа 1948 года была по существу объявлением войны СССР, в результате которой через пять десятилетий он был разрушен и расчленен и подведен к тотальному уничтожению. Но тогда это была война нового типа, требовавшая соответствующей научной проработки. В 1948-1949 годах в ЦРУ приходит значительное число специалистов высокой квалификации из различных областей науки, в том числе профессура, имеющая большой опыт теоретической и практической работы. Создано управление национальных оценок, теоретические разработки которого направлены на предсказание будущих действий СССР, понимание тенденций его развития, возможностей влияния на процессы, анализ слабых мест и выработку рекомендаций. Таким образом, информационно-психологическая война ставится в США на научную основу. К этому времени относится и план войны под кодовым названием «Дропшот». В отличие от предыдущих, чисто военных решений, он включал в себя широкомасштабную психологическую войну:

«Широкая психологическая война – одна из важнейших задач Соединенных штатов. Основная ее цель – уничтожение поддержки народами СССР и его сателлитов их нынешней системы правления и распространения среди народов СССР осознания, что свержение Политбюро в пределах реальности... Эффективного сопротивления или восстаний можно ожидать только тогда, когда западные союзники смогут предоставить материальную помощь и руководство и заверить диссидентов, что освобождение близко...»

Это – одна из главных сторон психологических ударов: капля за каплей, постепенно и незаметно подвести противника к тотальному поражению. В России 90-х годов широко цитируются и повторяются в печатных органах оппозиции высказывания начала психологической войны Аллена Даллеса:

«Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, – все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей... Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания... Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением... исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс.

Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства... Мы будем всячески поддерживать и подымать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, – словом, всякой безнравственности... В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству

чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель.

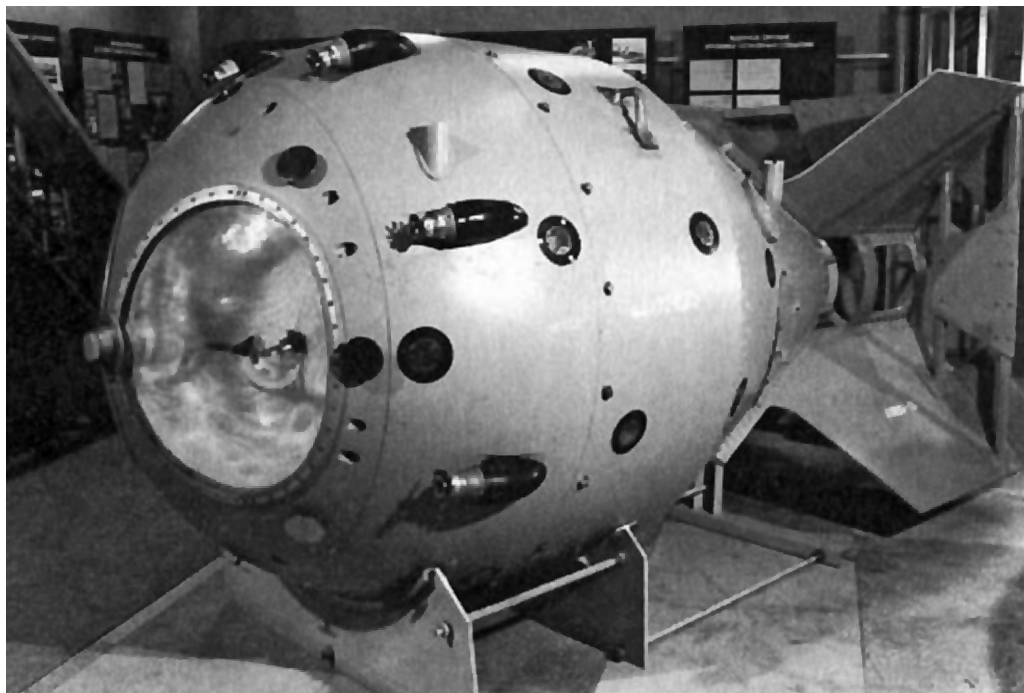
Честность и порядочность будут осмеиваться, станут ненужными никому и превратятся в пережиток прошлого. Останутся хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательство...

Национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом... И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или далее понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем расшатывать, таким образом, поколение за поколением. Будем братья за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов».

Приведенная цитата впечатляет тем, что А. Даллес видел ситуацию сегодняшнего дня России через десятилетия...

Директива СНБ 20/1 «Цели США в войне против России» от 18 августа 1948 г. Н.Н. Яковлев «ЦРУ против СССР» с. 31-34. М.: Молодая гвардия, 1979 г. Высказывания Аллена Даллеса.

В.А. Лисичкин, Л.А. Шелепин «Третья мировая информационно-психологическая война» с. 64. М.: - .Институт социально-политических исследований АСН, 1999, с. 164.

Первая советская атомная бомба. 1949 год.

Анатолий Александрович Дьяченко
доктор исторических наук

ОПАЛЕННЫЕ
В БОРЬБЕ
ПРИ СОЗДАНИИ
ЯДЕРНОГО ЩИТА
РОДИНЫ

*Научно-публицистическая
монография*

Под общей редакцией академика РАН Михайлова В.Н.

Подписано в печать 31.10.2008. Формат 70х100/16.
Бумага мелованая. Печать офсетная. Объем 43,58 п.л.
Отпечатано в ГУП «ИПК «Чувашия».
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.
Тираж 2500 экз. Заказ № .
